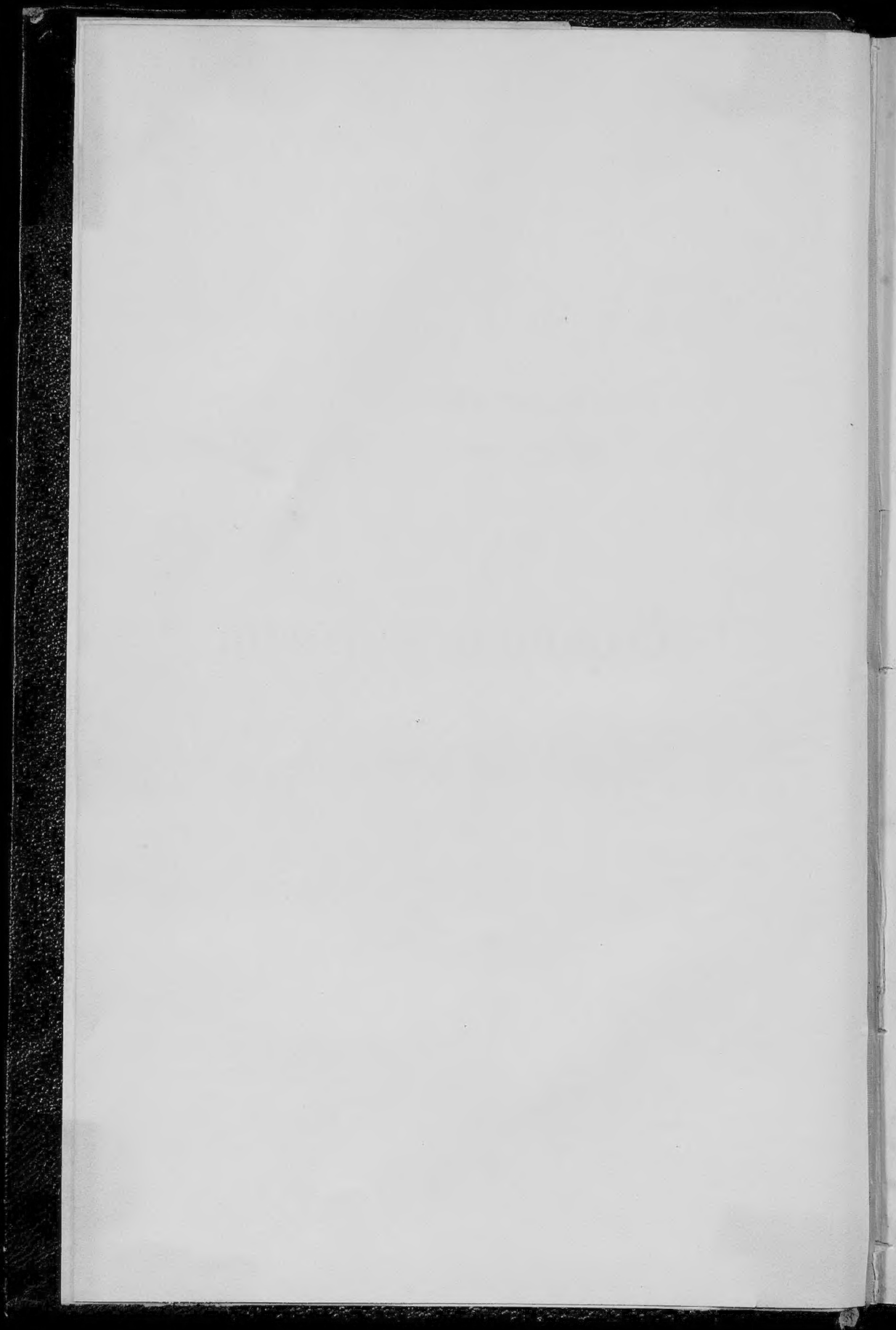

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ XXXIV М.

Полка В 4

№ 26 5

КУРСЪ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДОКТОРА ГЕОРГА ВЕБЕРА

ПРОФЕССОРА НА ГИСТОРІИ

КУРСЪ

ПЕРВОГО СЪ МІРА

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

ТОМЪ IV.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ МОСКВѢ УНИВЕРСИТЕТЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГА

МОСКВА.

ВЪ МОСКВѢ УНИВЕРСИТЕТЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГА

1905

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ МОСКВѢ УНИВЕРСИТЕТЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГА

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВНЕШНЕГО ВЕЩАНИЯ

КАБЕЛЬ

КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

ДОКТОРА ГЕОРГА ВЕБЕРА,

ПРОФЕССОРА ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Е. и В. Корша.

ТОМЪ IV.

ВЫПУСКЪ ОСЬМОЙ:

ОТЪ КОНЦА СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ ДО ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
ИМПЕРІИ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1861.

БИБЛИОТЕКА

О-ва для достав. средствъ

В. Ж. КУРСАМЪ.

211/97

КАРБ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДОКТОРА ТЕОРИИ ВЕЩА

ВЕРНОСТЬ КЪ ПРАВДЕ

ПЕРВОЕ СЪВЕЩАНИЕ

В. И. Карб

ТОМЪ IV

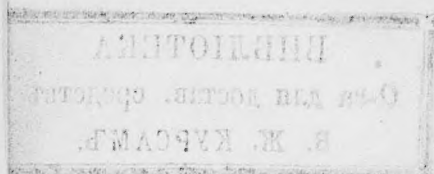
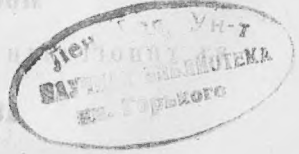
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
законное число экземпляровъ. Москва, Декабря 24-го дня 1860 года.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

11339

11339

ЭПОХА РЕВОЛЮЦІИ.

CHOCY PEROTIOMTH

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИИ.

А. ПРЕДВѢСТІЯ РЕВОЛЮЦИИ.

И. Литература вольномысленнаго просвѣщенія (Aufklärung).

1) АНГЛІЙСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ (ДЕНСТЫ).

§ 670. Удары, нанесенные въ теченіе 18-го вѣка религіи и церкви, существующему государственному порядку и перешедшимъ отъ среднихъ вѣковъ условіямъ гражданскаго быта, произвели полный переворотъ во взглядахъ и образѣ мыслей высшихъ сословій. Суевѣріе и церковная исключительность исчезли; но при этомъ потерпѣли религія и благочестіе. Старая форма правленія и патріархальный порядокъ были поколеблены; но противодѣйствіе излишествамъ и злоупотребленіямъ вытѣснило изъ сердца народовъ и самое благоговѣніе къ государямъ и властямъ; сословныя права считались незаконно пріобрѣтенными и сохраненными по предразсудку благами, которыя, какъ добытыя насиліемъ, могутъ быть и отняты силою. Религіи христіанскаго откровенія противопоставили основанную на чувственномъ познаніи вѣру разума; мѣсто божественнаго права государей заступило народовластіе, и сословныя права дворянства и духовенства были подорваны ученіемъ о правахъ человѣка и природномъ равенствѣ всѣхъ людей. То была громадная борьба противъ вѣковаго рабства и закоренѣлыхъ злоупотребленій; но, къ сожалѣнію, при этомъ не умѣли соблюсти мѣру.

Борьба противъ церковнаго вѣроученія началась въ Англіи. Локкъ (1632—1704), воспитатель и другъ талантливаго графа Шафтс-

бери, — съ которымъ дѣлилъ онъ политическую судьбу, съ которымъ убѣждалъ въ Голландію (§ 622), — подвергнувъ оцѣнкѣ своего остраго, критическаго ума религію и науку. Въ своемъ «Опытѣ о разумѣ ній человѣческомъ», онъ представилъ систему, которая, опираясь на одинъ чувственный опытъ, отрицала всякое познаніе сверхчувственныхъ предметовъ, по скольку они не созданія нашей собственной духовной дѣятельности, и старался цѣлымъ рядомъ сочиненій внести въ область церкви мыслительность (раціонализмъ) и религіозную терпимость, впрочемъ не выступая враждебно противъ самой церкви. Его ученіе проникло во Францію чрезъ посредство Кондильяка. Возбужденный Локкомъ, даровитый и остроумный Шафтебери († 1713), внукъ вышеназваннаго, предался системѣ сомнѣнія (скептицизму), выработанной Бейлемъ (§ 630) и другими Французами въ Нидерландахъ, и направилъ свою тонкую проію, свое остроуміе и насмѣшку противъ церковнаго ученія, противъ всякой, основанной на откровеніи, религіи. Его сочиненія, вышедшія подъ заглавіемъ «Характеристики людей, нравовъ, мѣстъ и временъ», гдѣ онъ выставяетъ религію разума и нравственный законъ вѣрнѣйшими руководителями въ жизни, произвели своимъ легкимъ слогомъ, своимъ остроумнымъ и яснымъ изложеніемъ величайшее впечатлѣніе въ образованныхъ кругахъ и навели Вольтера и энциклопедистовъ на ту же дорогу. Въ Моралистѣ и въ разсужденіи «О заслугѣ и добродѣтели» онъ доказывалъ, вопреки богословамъ, что міръ, каковъ онъ есть, совершенъ (оптимизмъ), и какъ ни плѣнило многихъ его воодушевленное оправданіе (еодицея) Творца, однако болѣе проницательные люди видѣли въ его вѣрѣ въ Бога нѣчто похожее на фатализмъ. — Не по склонности къ насмѣлкѣ и сатирѣ, какъ Шафтебери, и не изъ тщеславія, какъ многіе Французы, въ послѣдствіи вторившіе этому направленію, вывелъ такіе же результаты ученый другъ Локка, Коллинсъ († 1729), изложившій ихъ не языкомъ и манерою утонченно-образованнаго общества, а въ серьезной формѣ основательно-ученаго изслѣдованія. Вмѣшавшись въ школьный споръ двухъ церковныхъ ригористовъ, онъ пришелъ къ системѣ сомнѣнія. Между многими дѣльными его сочиненіями, изъ которыхъ впоследствии черпали Французы, наиболѣе извѣстны «Рѣчь о свободѣ мысли» и «Изслѣдованіе библейскихъ пророчествъ». Смѣлѣе, но отчасти съ меньшимъ остроуміемъ нападалъ на существующее церковное вѣроученіе рядъ писателей, извѣстныхъ подъ именемъ деп-

стовъ: они оспаривали христіанское ученіе о тріединствѣ Божіемъ и допускали поклоненіе только одному высшему духовному существу, какъ Богу (Deus). Они защищали доводами обыкновеннаго человѣческаго разсудка, а нѣкоторые и съ помощію ученыхъ пособій ту мысль, будто естественное богопознаніе и совѣсть даютъ вполне удовлетворительную религію, и потому одни изъ нихъ уважали христіанство лишь по столько, по сколько признавали въ немъ зародышъ этой естественной религіи, другіе же отвергали его, почитая вымысломъ духовенства, и все одинаково отказывали ему въ историческомъ значеніи и историческихъ основахъ. Однимъ изъ самыхъ яростныхъ противниковъ христіанства и всего того, что съ нимъ связано, былъ пошлый, тупоумный Толандъ († 1722), который въ своемъ «Разоблаченномъ христіанствѣ» и другихъ сочиненіяхъ оспаривалъ подлинность новозавѣтныхъ священныхъ книгъ, приписывалъ іудейскій характеръ христіанству, и такъ упорно ратовалъ противъ всякой положительной вѣры, что сочиненія его были запрещены, а самъ онъ подвергся преслѣдованію. Для него существуетъ только пантеизмъ; а вѣра въ личнаго Бога, въ безсмертіе души и т. п. представляется ему суевѣріемъ. — Имѣя болѣе въ виду существующій въ Англіи церковный порядокъ, легкомысленный насмѣшникъ Тиндаль († 1733) началъ, въ своей книгѣ «о лжецерквахъ», на всякое, связанное съ государственнымъ бытомъ и требующее мірскихъ благъ церковное устройство, а въ своемъ «Столь же древнемъ, какъ и міръ, христіанствѣ» училъ, будто христіанство не что иное, какъ первобытная религія разума, очищенная отъ сдѣланныхъ Евреями прибавокъ и переработокъ. Скромнѣе и умѣреннѣе старался честный Волластонъ († 1724) въ своемъ «Изображеніи естественной религіи» утвердить начала вѣры чистаго разума (которая, по его мнѣнію, состоитъ въ стремленіи къ счастію посредствомъ ревностнаго исканія истины и развитія разума; и не нуждается будто ни въ откровеніи, ни въ отпущеніи грѣховъ). Его основательныя и весьма распространенныя сочиненія, подобно сочиненіямъ Коллинса, были переведены и еще болѣе распространены Французами, которые воспользовались ими и для своихъ собственныхъ трудовъ. Вульстонъ († 1733) объяснялъ чудеса Спасителя аллегорически, и за это умеръ въ темницѣ. Морганъ († 1743) считалъ все историческое въ христіанствѣ за вымыселъ и хотѣлъ замѣнить религію моралью; а безнравственный Мандевилль († 1733) въ своей Баснѣ о пчелѣ и въ коментаріи

къ ней представилъ даже страсти и пороки необходимыми для процвѣтанія государства: — это была «сатира на нравственность и на идеалы церкви». — Ученый богословъ Чоббъ († 1747), въ своемъ «истинномъ Евангеліи», утверждалъ, будто христіанство не понято и будто въ сущности оно есть не болѣе какъ откровеніе естественно-нравственного закона, нарушеніе котораго искупается покаяніемъ и будетъ наказано грядущимъ судомъ.

Важнѣе этихъ писателей-действовъ, какъ государственный человекъ и политическій партизанъ, — извѣстный другъ Вольтера Болинброкъ († 1751). Это былъ остроумнѣйшій изъ всѣхъ Британцевъ, мастеръ владѣть языкомъ, знатокъ высшаго свѣта и тона ему свойственнаго, но человекъ безъ всякихъ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій. Наболѣе извѣстны его «Письма объ изученіи исторіи», гдѣ, противъ сторонниковъ церковнаго воззрѣнія, онъ доказывалъ, что тотъ же міровой разумъ, который нынѣ направляетъ исторію, и всегда управлялъ ею; противъ школьныхъ ученыхъ — что свѣтлый взглядъ свѣтскаго человека глубже проникаетъ въ жизнь народовъ, чѣмъ ученость, а противъ тѣхъ, которые считаютъ высшимъ благомъ спокойствіе, — что борьба и волненіе нераздѣльны съ свободой. Но онъ въ тоже время поколебалъ и вѣру въ добродѣтель и безкорыстную любовь къ отечеству, ибо съ свѣтскою холодною выставилъ своекорыстіе и самолюбіе главными пружинами всѣхъ поступковъ. На плечахъ его стоятъ величайшіе историки Англіи: Гиббонъ (даровитый творецъ «Исторіи упадка и паденія Римской имперіи», — сочиненія, написаннаго съ искусствомъ и ловкостію, но и съ риторическими прикрасами, † 1794) и Юмъ († 1776), остроумный авторъ «Исторіи Англіи», и въ тоже время скептикъ въ житейской философіи. Оба были люди французскаго образованія и стояли въ тѣснѣйшей связи съ Вольтеромъ и умными парижскими кружками; обоимъ было недоступно глубокое пониманіе всей высоты историческаго христіанства. — Напротивъ, шотландскій пасторъ Робертсонъ († 1793), стоящій на ряду съ Гиббономъ и Юмомъ, какъ историкъ, хотя и уступающій имъ обимъ въ умѣ, талантѣ и смѣлости, не раздѣлялъ съ ними ни французскаго образованія, ни враждебнаго церкви направленія. Свободномыслящій и склонный къ терпимости богословъ благороднаго образа мыслей и гуманныхъ стремленій, онъ имѣлъ большое вліяніе на церковныя и политическія воззрѣнія своихъ современниковъ въ Шотландіи. Его весьма распространенныя сочиненія («Исторія Шотландіи при

Маріи Стюартъ», «Исторія императора Карла V», «Исторія открытія Америки») — добросовѣстные и заслуживающіе довѣрія, но сухіе, написанные безъ воодушевленія труды. — Напротивъ поэтъ Попъ († 1744), передавшій Англичанамъ Гомера (§ 560), разумѣется съ ущербомъ величавости и возвышенности античнаго пѣвца, поклонялся французскому лоску и Болинброковой мудрости, по которой люди, руководимые эгоизмомъ въ жизни, должны въ религіи слѣдовать только собственному разуму; наконецъ, въ сатирахъ Свифта († 1745) церковность и церковное вѣроученіе осмѣиваются точно такъ же, какъ и нечѣстности общества и слабыя стороны государства ¹.

2) Противоцерковная литература во Франціи.

§ 671. Вольтеръ. Монтескьё. Руссо. Литературная дѣятельность этихъ трехъ писателей, которыхъ остроумныя сочиненія, украшенныя всѣми чарами языка и изложенія, читались всею образованною Европой, наиболѣе способствовала къ пересозданію господствовавшихъ дотолѣ понятій въ церкви, государствѣ и судебной части, а также къ искорененію предразсудковъ и устарѣлыхъ порядковъ и обычаевъ въ общественномъ быту. Хотя пути ихъ были весьма различны, однакожъ они сходились между собою въ окончательныхъ выводахъ. Вольтеръ (1694—1778) поражалъ оружіемъ насмѣшки и здраваго смысла всѣ господствующія понятія, не заботясь о томъ, что послѣ замѣнить ихъ; Монтескьё (1689—1755), полный содержанія и болѣе серьезный писатель, доказывалъ ошибочность и безобразіе существующаго порядка съ цѣлью улучшить его и преобразовать заблаговременно, а Жанъ-Жакъ Руссо (1712—78) громилъ настоящее привлекательнымъ изображеніемъ противоположнаго быта, стараясь противопоставить господствующему церковному порядку религію сердца, поколебать абсолютную монархію ученіемъ о договорѣ между народомъ и правителемъ ², а равенство сословныхъ правъ и имуществъ — ученіемъ о первоначаль-

¹ А между тѣмъ Свифтъ преспокойно пользовался доходами отъ своихъ церковныхъ должностей, и только благочестивое сомнѣніе королевы Анны помѣшало ему сдѣлаться епископомъ.

² Это несостоятельное ученіе было также напередъ развито Локкомъ, а во Франціи прежде всего употреблено въ дѣло побочнымъ потомствомъ Людовика XIV, такъ-называемыми «узаконенными принцами», при подачѣ ими регенту защитительной записки въ пользу своихъ правъ, которыхъ они были лишены по смерти Людовика XIV (1717).

номъ равенствѣ всѣхъ людей, подрывая въ то же время неестественность нравовъ и запутанныхъ, условныхъ общественныхъ отношеній описаніемъ восбуждаемыхъ прелестей простаго, естественнаго состоянія. Жесточайшими врагами настоящаго были Гольбаховъ клубъ и энциклопедисты, которые принимали за истину только познанія, приобретаемыя посредствомъ пяти плотскихъ чувствъ, выставляли себялюбіе высшимъ началомъ всякой дѣятельности, и полагали цѣль жизни только въ наслажденіи и счастіи.

Вольтеръ (срв. § 628). Изъ всѣхъ писателей, дававшихъ направление своему времени, никто не оказалъ такого сильнаго вліянія какъ Вольтеръ. Возросши въ высшихъ кругахъ общества, у которыхъ легкая и острая насмѣшка принадлежала къ модному тону, этотъ даровитый человѣкъ при своемъ первомъ появленіи на литературномъ поприщѣ избралъ именно тотъ родъ литературы, который наиболѣе соотвѣтствовалъ его насмѣшливой природѣ и обѣщалъ ему наиболѣе успѣха, — избралъ сатирическую поэзію, но смѣлою насмѣшкой надъ правительствомъ навлекъ себѣ заключеніе и преслѣдованіе; это побудило его удалиться на нѣкоторое время въ Англію, когда литературная извѣстность его уже основалась. При существовавшемъ тогда сходствѣ образованія и литературы, нравовъ и религіозныхъ началъ между Англіею и Франціей, остроумный Вольтеръ нашелъ себѣ тамъ восторженный приѣмъ, которымъ онъ отлично умѣлъ воспользоваться въ своихъ видахъ при новомъ изданіи «Генріады» (§ 629). Опытность, приобретенная имъ здѣсь въ высшихъ, проникнутыхъ французскимъ образованіемъ кругахъ, и знакомство съ писателями-деистами укрѣпили его воззрѣнія и дали ему новыя средства къ борьбѣ съ господствовавшими учрежденіями и понятіями. По возвращеніи во Францію, онъ такъ смѣло, но при этомъ и такъ талантливо и остроумно познакомилъ своихъ соотечественниковъ въ Англійскихъ письмахъ съ литературными и религіозными вопросами и особенно съ скептической религіозною философіею Англичанъ, что навлекъ себѣ новыя преслѣдованія со стороны правительства, но за то приобрѣлъ и удивленіе высшихъ классовъ, государей и царедворцевъ всей Европы. Онъ поселился теперь въ помѣстьи своей пріятельницы, маркизы де Шателе, въ Лотарингіи, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, занимаясь литературными трудами, даже математическими и физическими науками. Когда слава его достигла высшей степени; онъ по приглашенію Фридриха II (1750) поѣхалъ въ Берлинъ (§ 654), но вскорѣ разошелся съ нимъ и возвратился во Францію. Тутъ онъ

купилъ себѣ на швейцарской границѣ, близь Женевскаго озера, прелестное имѣніе Ферей, гдѣ жилъ въ завидной независимости большимъ состояніемъ, добытымъ своею авторскою дѣятельностью.—Вольтеръ проводилъ свои воззрѣнія въ разнообразѣйшихъ литературныхъ трудахъ: въ стихотвореніяхъ, сатирахъ и романахъ, въ историческихъ и философскихъ сочиненіяхъ. Онъ былъ въ перепискѣ съ знаменитѣйшими государями Европы, съ государственными людьми, полководцами и учеными, и мнѣніе его вездѣ имѣло вѣсъ. Острое перо его было направлено противъ всего, чему міръ поклонялся прежде какъ святынѣ, что уважалъ какъ освященное столѣтіями и чему повиновался, какъ закону. Религія и церковь, духовенство и народная вѣра подверглись самымъ рѣзкимъ нападеніямъ. Отъ «Генріады», гдѣ онъ славилъ терпимость къ иномыслящимъ, онъ дошелъ мало-по-малу до вольнодумной поэмы въ эпической формѣ—«Дѣвы Орлеанской», гдѣ соединилъ все, что только можетъ придумать самое дерзкое остроуміе и злѣйшая насмѣшка противъ религіи и нравственности, противъ лицъ и дѣлъ, къ которымъ прежде относились не иначе какъ съ уваженіемъ. Все, что не вдругъ дается простому здравому смыслу, было объявлено поповскимъ обманомъ, суевѣріемъ и предразсудкомъ и побивалось всѣми средствами остроумія и сатиры, и хотя неоспоримо, что Вольтеръ поставилъ преграду фанатизму, дѣйствительно уничтожилъ нѣкоторые предразсудки, устранилъ не одно суевѣріе, отнялъ нѣсколько жертвъ у религіозной ярости и нетерпимости (семейство Калà въ Тулузѣ)*; но съ другой стороны несомнѣнно и то, что онъ искоренилъ въ иномъ сердцахъ и самое религіозное чувство, посѣялъ сомнѣніе и невѣріе во многихъ умахъ и выставилъ холодную, житейскую мудрость, а съ нею себялюбіе, своекорыстіе и эгоизмъ, высшими двигателями человѣческихъ

* Жанъ Калà, протестантскій купецъ въ Тулузѣ, былъ обвиненъ въ умерщвленіи своего сына,—который самъ повѣсился въ отцовскомъ домѣ, въ припадкѣ помѣшательства,—при чемъ поводомъ къ убійству выставилось намѣреніе сына перейти въ католическую церковь. Фанатическіе священники и монахи возбудили народную смуту и этимъ такъ напугали тулузскій парламентъ, что онъ, не смотря на явные доказательства ложности этого слуха, приговорилъ несчастнаго Калà къ колесованію и конфисковалъ его имущество (1762). Калà перенесъ казнь съ большою твердостью, заявляя свою невиновность до послѣдней минуты. Вдова его удалилась въ Швейцарію, гдѣ умѣла заинтересовать Вольтера въ своемъ дѣлѣ, и онъ написалъ сочиненіе *sur la Tolérance* (о терпимости, 1765), слѣдствіемъ котораго было то, что процессъ былъ пересмотрѣнъ, несправедливый приговоръ отмѣненъ, и семейству Калà возвращены честное имя и имущество.

поступковъ. Какъ религія и церковь, ихъ защитники и установленія подвергались его насмѣшливымъ нападкамъ, такъ равно подвергались имъ и всѣ другія, освященныя давностію и обычаемъ учрежденія, государственное устройство, королевская власть, судопроизводство, права сословій, система народнаго просвѣщенія и т. д. Онъ устранилъ нѣкоторыя злоупотребленія и рутинные порядки, но вмѣстѣ съ тѣмъ подрывалъ чувство благочестиваго уваженія и самую добродѣтель. Суетность и безмѣрное самолюбіе были главными пружинами дѣйствій этого человѣка. Какъ въ знаменитой надписи на фернейской церкви: «*Voltaire egexit Deo*»¹, такъ и вездѣ, дерзаетъ онъ ставить себя наряду съ высшимъ существомъ. Онъ низвергаетъ всѣ кумиры только съ тѣмъ, чтобы самому занять ихъ мѣсто. — Всего важнѣе историческія сочиненія Вольтера, гдѣ въ обширномъ размѣрѣ и въ цѣломъ отважился онъ примѣнить манеру Боллинброка. Его Исторія Карла XII Шведскаго, Петра I Русскаго, хваленый Вѣкъ Людовика XIV и написанный въ придворномъ тонѣ Вѣкъ Людовика XV, хотя и не были результатомъ основательныхъ изслѣдованій и не отличались ни безпристрастіемъ, ни достовѣрностію, но все-таки составили собою эпоху, потому что легкость и занимательность изложенія, примѣненіе прошедшаго къ вопросамъ жизни и смѣлая критика вытѣснили педантскую и сухую историографію школьных ученыхъ и сдѣлали доступными образованному кругу поучительныя историческія занятія. Всего замѣчательнѣе его очеркъ всемірной исторіи, подъ заглавіемъ: «Опыты о нравахъ и духѣ народовъ», какъ противоположность творенію Боссюэта (§ 630). Ибо какъ послѣдній основывалъ все на вѣрѣ, такъ Вольтеръ начинаетъ напротивъ сомнѣніемъ, и какъ Боссюэтъ обращаетъ все во славу христіанской религіи, такъ Вольтеръ старается указать въ христіанствѣ и въ порокахъ духовенства все зло среднихъ вѣковъ.

Монтескьё. Въ «Персидскихъ Письмахъ» Монтескьё съ такою же легкою насмѣшкой, какъ и Вольтеръ, возстаетъ противъ церковнаго вѣроученія, противъ всей учебной и правительственной системы, противъ формы правленія во Франціи, и такъ же остроумно и иронически осмѣливаетъ нравы и общественныя отношенія своихъ современниковъ. Непонятныя ученія схоластическаго богословія, іерархія, монашество и церковныя учрежденія унижены у него сравненіемъ со сходными могоммеданскими и восточными явленіями и выставлены

¹ Вольтеръ воздвигнулъ Богу.

какъ суевѣріе и глупость. Обличивъ такимъ образомъ недостатки существующаго порядка, онъ старался въ остроумныхъ Соображеніяхъ о причинахъ величія и упадка Римлянъ и ихъ державы показать, что любовь къ отечеству и довѣріе къ собственнымъ силамъ сообщаютъ величіе государству, а деспотизмъ ведетъ его къ гибели. Третье сочиненіе: О духѣ законовъ, написанное позже, когда Монтескьё уже ознакомился съ Англією и другими европейскими странами, отличается болѣе умѣреннымъ и серьезнымъ тономъ. Но тѣмъ большее дѣйствіе оказывало спокойно и ясно изложенное ученіе его о разумной свободѣ. При описаніи различныхъ государственныхъ формъ, республиканская поставлена вышшимъ идеаломъ, но она возможна только подъ условіемъ высокой гражданской доблести. За нею слѣдуетъ конституціонное устройство Англіи, съ рѣзкимъ разграниченіемъ трехъ властей: законодательной, исполнительной и судебной, и съ признаніемъ сословныхъ и корпоративныхъ правъ, а въ заключеніе—абсолютная форма, которая, по словамъ Монтескьё, легко переходитъ въ деспотію, выставлена имъ какъ причина всякаго упадка и всякой порчи нравовъ. При этомъ сильно порицались судопроизводство, податная система и другія господствовавшія во Франціи дурныя установленія, и указывались недостатки образа правленія во всѣхъ государствахъ европейскаго материка; но религія и церковь щадились уже болѣе чѣмъ въ «Персидскихъ Письмахъ». Монтескьё составляетъ противоположность маркизу д'Аржансону, который, хотя тоже хотѣлъ обновить и подкрѣпить монархію демократическими учрежденіями, и распространить подати на дворянство и духовенство, однакожъ, подавая голосъ противъ общихъ собраній земскихъ чиновъ и за ограниченіе или отмѣну всѣхъ корпоративныхъ привилегій, въ тоже время старался вновь утвердить независимость королевской власти.

Руссо. Величайшее вліяніе на переворотъ въ воззрѣніяхъ и мнѣніяхъ той эпохи оказалъ Жанъ-Жакъ Руссо. Онъ родился въ Женевѣ и назначался къ ремеслу своего отца, часоваго мастера; но бѣжалъ отъ строгости своего хозяина, и съ тѣхъ поръ велъ жизнь, полную тревогъ и испытаній, то въ Савойѣ и Верхней Италіи, то въ Парижѣ или въ сельской тиши Монморанси, то преслѣдуемымъ изгнанникомъ на островѣ св. Петра на Бильскомъ озерѣ, въ Нѣшательскомъ кантонѣ, подъ защитой Фридриха II, или въ Англіи у историка Юма, пока подавленный тоскою и пресытившись жизнію, внезапно умеръ

въ имѣніи одного изъ своихъ почитателей, близъ Парижа. Онъ самъ повѣдалъ міру съ рѣдкою искренностью и правдивостью все подробно-сти своей внутренней и вѣшной жизни въ своихъ «Признаніяхъ»—автобіографіи, которая тѣмъ важнѣе, что вполне уясняетъ направле-ніе его ума. Рано лишаась матери, онъ получилъ недостаточное вос-питаніе. Онъ читалъ съ отцомъ множество романовъ безъ всякаго выбора, что не въ мѣру раздражало его чувства, наполнило его во-ображеніе ложными и идеальными картинами, между тѣмъ какъ умъ его оставался безъ надлежащихъ познаній и настоящаго образованія. По происхожденію и воспитанію, онъ привыкъ къ простотѣ и быту средняго класса, и потому былъ врагомъ роскоши и неравенства иму-ществъ всю свою жизнь. Въ своихъ странствіяхъ онъ насмотрѣлся на гнетущую бѣдность, на дурное обращеніе богатыхъ и знатныхъ съ прислугою и рабочимъ классомъ, и душа его была возмущена этою не-справедливостью. Гражданскія отношенія съ ихъ сословнымъ различіемъ и великимъ неравенствомъ званій и имуществъ представлялись ему из-вращенными и неестественными; онъ находилъ причину этихъ золъ въ успѣхахъ цивилизаціи, и потому въ двухъ первыхъ своихъ сочиненіяхъ указалъ на искусства и науки какъ на гибельнѣйшія блага чело-вѣчества. Вымышленное естественное состояніе превозносилъ онъ какъ пріютъ невинности и свободы, и ожидалъ спасенія міру только отъ возвращенія къ этому состоянію и отъ готовности сбросить съ себя все путы, наложенныя образованіемъ, воспитаніемъ и привыч-кой. Въ другой книгѣ, начала которой имѣли величайшее вліяніе на ходъ французской революціи, въ «Общественномъ договорѣ» (*Contrat Social*), онъ выставляетъ равенство всехъ людей необходимымъ усло-віемъ каждаго государства, и не въ конституціонномъ устройствѣ, какъ опровергаемый имъ Монтескьё, но въ полной демократіи съ за-конодательными народными собраніями, видитъ онъ достой-нѣйшую государственную форму, а въ вещественномъ благосостояніи народа—вышую цѣль общества. Какъ въ этомъ сочиненіи Руссо поко-лебалъ существующія формы правленія, такъ въ знаменитѣйшихъ своихъ твореніяхъ: «Новой Элоизѣ» и «Эмилѣ» поколебалъ онъ нравы, при-вычки, образъ жизни и воспитаніе того времени. Въ первомъ онъ описы-ваетъ поэтическимъ языкомъ, и въ формѣ эпистолярнаго романа, пре-имущества сентиментальной естественной жизни предъ уродливыми усло-віями дѣйствительности, а послѣднимъ онъ старался положить начало основанному на природѣ и родительской любви, разумному воспитанію.

Его слова — выраженіе глубокаго внутренняго чувства и проникають въ самое сердце, потому что исходятъ изъ его глубины: оттого-то дѣйствіе его сочиненій, особенно на женщинъ, было можно сказать безгранично. Ихъ вліянію обязана Франція тѣмъ, что въ ней опять явились матери, что любовь и домашняя жизнь снова возвратились въ семейства, и что въ среднихъ классахъ естественная простота и нравственность выступили противъ безобразія, безнравственности и пресыщенія высшихъ круговъ. Этимъ Руссо искупилъ свой грѣхъ относительно собственныхъ дѣтей, которыхъ предоставилъ попеченію воспитательнаго дома. Даже въ музыкѣ, о которой высказаны имъ очень остроумныя мысли, стремился онъ возвратиться къ природѣ и простой естественности. Онъ оспаривалъ мнѣніе, что гармонія — единственная основа музыкальнаго искусства, и указывалъ на первоначальное мелодическое искусство, «которое нераздѣльно съ природою и, какъ другой языкъ, черпаетъ свое выраженіе въ естественныхъ переливахъ души, а отнюдь не изъ правилъ генералбаса». Какъ мало Руссо уважалъ церковность и ея догматы, видно уже изъ того, что онъ два раза перемѣнялъ вѣру. Однако онъ не относился къ вѣрѣ съ легкомысленною насмѣшкой Вольтера, но училъ религію сердца и чувствъ. Онъ старался устранить отъ христіанства все несущественное, чтобы спасти самую сущность, и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, стремился возвратиться къ простотѣ, природѣ и разуму. Но какъ ни доказывалось уваженіе Руссо къ религіи вѣроисповѣданіемъ савойскаго викарія въ «Эмилѣ», однако свободное отношеніе его къ господствующей церкви навлекло ему преслѣдованія со стороны строгихъ католиковъ и протестантовъ. Книга была сожжена рукою палача по судебному приговору, а самъ онъ принужденъ бѣжать изъ Франціи.

Гольбаховъ клубъ и энциклопедисты. Нѣсколько даровитыхъ писателей, часто собиравшихся у нѣмецкаго барона Гольбаха въ Парижѣ, дальше всѣхъ простерли свое разрушительное рвеніе, соединивъ отрицательныя стороны ученій Кондильяка и Локка и отбросивъ положительное ихъ содержаніе. Многія сочиненія, какъ напр. Система природы, авторомъ которой почитался самъ Гольбахъ, и книга главнаго откупщика Гельвеція «О духѣ», доказывали вѣчность матеріи (матеріализмъ) и выставляли самолюбіе и эгоизмъ единственными двигателями человѣческой дѣятельности. Въ соединеніи этихъ двигателей съ общественною пользою видѣли они мѣру нравственности и истины. Идеи о Богѣ, безсмертіи и свободѣ не имѣли

у нихъ никакого значенія; вѣчная, вѣчно подвижная природа была для нихъ первоначальною причиною всѣхъ вещей. Подобныя ученія, грозившія сокрушить все высшее, объявлявшія добродѣтель и мораль глупостью, убивавшія духъ и фантазію и восхвалявшія удовлетвореніе чувственности какъ высшую мудрость, возбудили неудовольствіе всѣхъ благомыслящихъ людей. Однако высшее общество, не только во Франціи, но и во всей Европѣ, удивлялось таланту и легкому остроумію этихъ писателей, съ восторгомъ читало ихъ сочиненія и болѣе или менѣе раздѣляло ихъ правила. Такое же разрушительное направленіе имѣли такъ-называемые энциклопедисты, то.есть, составители изданнаго даровитымъ, легкомысленнымъ Дидро и остроумнымъ математикомъ и философомъ д'Аламберомъ, Энциклопедическаго Словаря, — творенія, которое, какъ очеркъ всего человѣческаго знанія, было ясно, грандіозно и свободно, но, какъ враждебное всякому высшему стремленію, представлялось выраженіемъ чувственныхъ (сенсуалистическихъ) ученій. Энциклопедисты привели испорченные нравы высшаго французскаго общества въ систему эпикурейской философіи, въ которой результаты ученія о зависимости духа отъ чувствъ были поставлены на первомъ планѣ во всей наготѣ своей, случай — представлялся творцомъ міра, фатализмъ — его руководителемъ, а человѣкъ — чистою машиной.

3. Вліяніе литературы.

§ 672. Вліяніе этихъ людей на образъ мыслей всей Европы было тѣмъ значительнѣе, что тогда Парижъ задавалъ тонъ во всемъ, что въ высшихъ кругахъ говорили только на французскомъ языкѣ и читали однѣ только французскія книги, а эти сочиненія возбудили всеобщій интересъ своею привлекательною формою и талантливымъ изложеніемъ. Правители, какъ Фридрихъ II, Густавъ III шведскій, Карль III испанскій, Екатерина II російская; государственные люди, какъ Помбаль, Шуазель, Аранда и другія значительнѣйшія лица всѣхъ сословій и націй состояли въ личныхъ или письменныхъ сношеніяхъ съ большинствомъ этихъ писателей, и удивлялись ихъ произведеніямъ. Отъ этого въ большей части государствъ была введена вѣротерпимость, стали заботиться объ искорененіи суевѣрія и предрасудковъ, и многіе государи и министры предприняли смѣлыя преобразованія въ существующемъ порядкѣ вещей; но дальнѣйшимъ послѣдствіемъ было то, что французскій народъ утратилъ благоговѣніе къ святынямъ и уваженіе ко

всему завѣщанному предками, къ закону и государственному устройству, и потому при отмѣнѣ вѣковых злоупотребленій не остался въ границахъ права и гражданского порядка. — Торжество просвѣтительныхъ идей повело къ упраздненію іезуитскаго ордена. Духовное общество, исключительно стремившееся препятствовать народному просвѣщенію, держать народъ въ опеку и противиться всякимъ преобразованіямъ и нововведеніямъ, должно было подвергнуться сильнымъ нападка́мъ въ такое время, когда весь образованный міръ стремился въ противоположную сторону. Поэтому, когда Помбалъ въ Португаліи (1759) и Аранда въ Испаніи закрыли іезуитскія коллегіи и отправили членовъ этого ордена въ Церковную Область (§§ 679, 680), и когда примѣръ ихъ вызвалъ подражаніе во Франціи, при другихъ бурбонскихъ дворахъ и на островѣ Мальтѣ, то папа Климентъ XIV, благоразумный и умѣренный государь, нашелся вынужденнымъ, «по внушенію и при помощи Святаго Духа», упразднить іезуитское общество (1773) и закрыть іезуитскія коллегіи даже въ Церковной Области. Это побудило согласиться на его уничтоженіе и Марію Терезію, которая долго старалась сохранить орденъ, но при этомъ уменьшитель его вліяніе; папское повелѣніе было исполнено также въ Баваріи и въ другихъ нѣмецко-католическихъ земляхъ. Только Фридрихъ II горделиво терпѣлъ нѣкоторое время этотъ орденъ въ Силезіи, а Россія благопріятствовала ему въ польскихъ провинціяхъ, подчинивъ его власти особаго генераль-викарія. Іезуиты, какъ нѣкогда тамплиеры, подверглись горькой участи не безъ вины, но подобно тамплиерамъ они были осуждены мимо правильнаго суда и закона, и многіе заслуженные люди награждены за свои полезныя дѣла безпомощною старостью. Съ упраздненіемъ ордена не прекратилась однако дѣятельность его отдѣльныхъ членовъ. Экзъ-іезуиты съ неуклонною настойчивостью преслѣдовали цѣль своего общества и противодѣйствовали духу времени (хотя въ началѣ и малоуспѣшно) до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ измѣнился и повсемѣстное возвращеніе къ старому дало возможность воскресить самый орденъ. — Для противодѣйствія стремленію и вліянію экзъ-іезуитовъ, Адамъ Вейсгауптъ (1777), профессоръ каноническаго права въ Ингольштадтѣ, вмѣстѣ съ Книгге, фонъ-Цвакомъ и др., основалъ по образцу масонскаго ордена тайное общество такъ-называемыхъ иллюминатовъ, которые поставили себѣ цѣлью просвѣщеніе народа и совершенствованіе человѣка вообще, помимо всѣхъ церковныхъ разногласій. Они старались сколько можно противодѣйствовать прои-

скамъ экзъ-іезуитовъ и дѣятельности монаховъ и духовныхъ лицъ; но вскорѣ подверглись преслѣдованіямъ со стороны баварскаго и другихъ правительствъ.—И въ средѣ католическаго духовенства поднялись тогда сильные голоса противъ папскихъ захватовъ въ ущербъ правамъ земскихъ церквей, голоса за своевременныя преобразованія въ церковной системѣ и за отпаденіе отъ Рима чрезъ основаніе нѣмецкой національной церкви. Объ этихъ стремленіяхъ всего лучше свидѣтельствуется латинская книга трирскаго викарнаго епископа Гонтгейма, который подъ именемъ Юстина Фебронія, въ изданномъ 1763 года сочиненіи «о состояніи церкви и законной власти папы», изложилъ систему церковнаго права, противоположную папско іезуитской. Вынужденное у умиравшаго старика отреченіе не могло ослабить дѣйствія его указаній о происхожденіи папской власти. Слѣдствіемъ этой книги можно считать Эмскій съѣздъ (25 августа 1785), на которомъ четыре архіепископа (майнцскій, трирскій, кѣльнскій и зальцбургскій), недовольные усиленіемъ власти папскихъ пословъ, именно новоучрежденной нунціатуры въ Баваріи, въ ущербъ правамъ нѣмецкой церкви, согласились между собою въ такъ-называемой эмской пунктаціи * о началахъ свободной національной церкви и объ устраненіи чужеземнаго духовнаго суда въ нѣмецкой землѣ. Стремленіе вѣка къ освобожденію земской верховной власти отъ всѣхъ стѣснительныхъ ограниченій, способствовало этой преобразовательной дѣятельности. Архіепископы противодѣйствовали римскому вліянію, потому что желали освободить отъ папы свою верховную власть въ дѣлахъ духовныхъ, точно такъ же, какъ свѣтская ихъ власть освободилась отъ императора. Но другіе прелаты, предпочитавшіе дальній римскій судъ близкому суду архіепископовъ, отказались приступить къ эмскимъ заключеніямъ, и отчасти этотъ отказъ, отчасти приверженность баварской династіи къ папскому престолу, изъ благосклонности котораго она всегда умѣла извлекать для себя преимущества надъ землею церковью, отчасти несогласіе между императоромъ и имперскими чинами, и наконецъ грозныя волненія во Франціи, лишили предпріятіе всякаго успѣха. Тоже самое случилось и съ опредѣленіями Пистойскаго синода (1786), на которомъ нѣсколько тосканскихъ прелатовъ, въ

* Пунктаціей называется письменное изложеніе предварительныхъ условій соглашенія или договора, не имѣющее юридической силы до тѣхъ поръ пока не подписано договаривающимися.

достохвальное правленіе эрцгерцога Леопольда, требовали ограниченія папскаго церковнаго права, отмены сѣвѣрныхъ церемоній, распространенія священнаго писанія и введенія народнаго языка въ богослуженіи. Въ этихъ стремленіяхъ еще разъ проявился духъ Костницкаго и Базельскаго соборовъ; тутъ снова ожило старое соперничество епископской іерархіи съ папскою, такъ сильно волновавшее 15-й вѣкъ. Пруссія, опасаясь, что архіепископское движеніе поведетъ къ тѣснѣйшему союзу духовныхъ государей съ Австріей, старалась уладить раздоръ съ Римомъ и за свои старанія добилась назначенія просвѣщеннаго Карла Теодора фонъ Дальберга майнцскимъ коадъюторомъ*.

III. Борьба Съвероамериканцевъ за независимость.

§ 673. Введеніе. Съ тѣхъ поръ какъ въ Виргиніи, при дѣвственной королевѣ Елисаветѣ, основано было Вальтеромъ Ралеемъ первое поселеніе Англичанъ (1585), и до того времени, когда квакеръ Вильямъ Пеннъ сталъ искать защиты въ Пенсильваніи отъ религіознаго гоненія старой Англіи (1682), расцвѣли въ Сѣверной Америкѣ многія поселенія, такъ что въ первой половинѣ 18 вѣка англійскія колоніи заключали въ себѣ слѣдующія 13 штатовъ: 1) Массачузетсъ (съ главнымъ городомъ Бостономъ); 2) Коннектикѣтъ; 3) Родейландъ; 4) Нью-Гампширъ (съ Конкордомъ): всѣ четыре назывались Новою Англіей; 5) Нью-Джерсей; 6) Марпландъ; 7) Нью-Йоркъ (съ Альбаंनी); 8) Пенсильванія (съ Филадельфіей); 9) Делаваръ; 10) Виргинія (гдѣ нынѣ союзный городъ Вашингтонъ); 11) и 12) Сѣверная и Южная Королины; 13) Георгія. Каждый изъ этихъ Штатовъ былъ подчиненъ назначенному англійскимъ правительствомъ губернатору, какъ намѣстнику короля; за тѣмъ, они управлялись въ собственныхъ, болѣе или менѣе демократическихъ формахъ, и не были соединены между собою узами общаго уложенія или представительства. Войны европейскіхъ народовъ обыкновенно влекли за собой соотвѣтственныя борьбы въ колоніяхъ, пробуждавшія самосознаніе послѣднихъ, выяснявшія имъ ихъ собственныя силы и потребности. Такъ были онѣ вовлечены въ войну за испанское наслѣдство, вслѣдствіе которой Французы, по Утрехтскому миру (§ 636), уступили англійскимъ колоніямъ

* Товарищемъ архіепископа.

Акадію (Новую Шотландію и Новый Брауншвейгъ). Но какъ, по незнанію мѣстности, границы не были опредѣлены точно, то отсюда произошли споры, и когда наконецъ Французы тоже предъявили свои притязанія на область Миссисипи (Луизиану) и построили укрѣпленія на виргинской границѣ, то между Англіей и Франціей дошло до войны, въ которой потомъ приняла участіе и Испанія (1761), состоявшая въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей со времени фамильнаго договора. Это происходило въ то самое время, когда Европа была потрясена Семилѣтнею войною, и потому превратности послѣдней отозвались также въ Восточной и Западной Индіи и въ Америкѣ. Этой войнѣ положилъ конецъ Парижскій миръ (1763), заключенный одновременно съ Губертсбургскимъ и еще усилившій могущество Англичанъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ какъ они пріобрѣли Канаду отъ Французовъ и Флориду отъ Испаніи (§ 669).

§ 674. Поводъ къ войнѣ. Расширенія своихъ колоніальныхъ владѣній по Парижскому миру (1763), Англія достигла только большимъ напряженіемъ силъ и увеличеніемъ бремени своего государственнаго долга. Оттого правительство почло себя въ правѣ разложить часть своихъ издержекъ на тѣ колоніи, которыя наиболѣе выиграли отъ изгнанія Французовъ. Вскорѣ по заключеніи мира оно обложило многія статьи торговли ввозными пошлинами и затруднило контрабанду съ испанскою Вост. Индіей. Но самосознаніе колоній развилось подъ вліяніемъ войны. Американцы стали понимать, что Англія обязана своимъ торжествомъ преимущественно ихъ энергіи и усиліямъ, и когда учрежденіе штемпельнаго сбора 22 марта 1765 усилило неудовольствіе, еще прежде громко высказанное по поводу таможенныхъ пошлинъ, то скорѣ возникло опасное волненіе. Американцы объявили, что парламентъ, въ которомъ они не имѣютъ своихъ представителей, не можетъ предписывать имъ налоги; что ихъ собственныя подати, при бѣдности ихъ, и безъ того довольно высоки, что представляемый парламентомъ англійскій народъ не имѣетъ никакого права поступать съ Американцами, какъ съ безправными подданными и обременять ихъ произвольными поборами. Жалобы ихъ нашли отголосокъ въ значительной части англійскаго народа, и сильная оппозиція, съ великимъ ораторомъ и государственнымъ человекомъ Вильямомъ Питтомъ (лордомъ Чатамомъ) во главѣ, боролась въ Верхней и Нижней Палатѣ противъ мѣръ правительства относительно колоній. Отчасти эти нападенія, но еще болѣе одновременныя, энергическія дѣйствія Аме-

11339.
риканцевъ, которые не подчинились штемпельному сбору, запретили привозъ обложенныхъ пошлиной издѣлій и въ превосходномъ адресѣ къ королю и парламенту самымъ яснымъ образомъ изложили право колоній, — вотъ что вызвало увольненіе министерства и отмѣну штемпельнаго сбора (1766). Но какъ дополнительнымъ биллемъ (1767) за парламентомъ было оставлено право облагать колоніи податями, и въ слѣдующемъ же году наложена небольшая пошлина на чай, стекло, бумагу и краски, предназначавшаяся впрочемъ на жалованье американскимъ же чиновникамъ, то духъ оппозиціи сохранился попрежнему и демонстраціи противъ всякаго рода налоговъ повторялись все чаще и чаще. Бостонскіе купцы положили не впускать ни одной изъ подлежащихъ пошлинѣ статей привоза; примѣру ихъ вскорѣ послѣдовали другія провинціи, и это такъ чувствительно повредило англійской торговлѣ, что общественное мнѣніе въ Англіи настояло на отмѣнѣ билля о правѣ налагать подати (1770), послѣ того какъ открытое сопротивленіе таможеннымъ чиновникамъ въ Бостонѣ побудило правительство поставить войско въ этомъ городѣ. Основанный пуританами штатъ Массачузетсъ, повидимому всѣхъ больше остался вѣренъ настойчивому духу предковъ. Англійское правительство упорствовало между-тѣмъ въ своемъ правѣ налагать пошлины, стараясь однако сдѣлать его какъ можно болѣе легкимъ для Американцевъ. Но озлобленіе противъ податной системы уже возрасло до того, что въ Бостонѣ нѣсколько молодыхъ людей, переодѣтыхъ въ дикарей, выбросили въ море три груза чая (18 декабря 1773). Это вызвало парламентскіе акты, которые вскорѣ раздули волненіе въ открытый мятежъ. Однимъ изъ этихъ актовъ запертъ Бостонскій портъ, другимъ—значительно ограничено свободное устройство Массачузетса, третьимъ—расширены предѣлы Канады на счетъ штатовъ и тѣмъ распространено господствовавшее тамъ неограниченное правленіе и на новоприсоединенную къ ней часть. —Между тѣмъ журналы, рѣчи и парламентскія пренія поддерживали не меньшее волненіе въ англійскомъ народѣ, и какъ само общество раздѣлилось въ мнѣніи насчетъ мѣръ правительства и справедливости распри, то возникла такая сильная вражда партій, что эти годы носили на себѣ характеръ страстно взволнованной революціонной эпохи. Усиленію этого волненія больше всего способствовали знаменитыя Юніевы Письма (1769—72), памфлетъ, замѣчательный силою языка, изяществомъ стиля и изложенія и энергіей полемики, и котораго

авторъ не извѣстенъ достоверно до сихъ поръ. Англійскій демократъ Томасъ Пэнъ тоже писалъ въ интересъ Американцевъ.

§ 675. Военныя событія. Билль о Бостонскомъ портѣ и остальные два парламентскія рѣшенія, обнародованныя въ американскихъ газетахъ съ черными траурными коймами, произвели общее негодованіе и вызвали систематическое сопротивление. Въ Филадельфіи собрался (14 сентября 1774) конгрессъ выборныхъ отъ всѣхъ колоній (только штатъ Георгія позднѣе примкнулъ къ другимъ) и положилъ не допускать болѣе никакихъ товаровъ и произведеній изъ Англіи и британской Вестъ-Индіи и, по прошествіи опредѣленнаго срока, прервать всѣ сношенія Америки съ метрополіей. Сверхъ того конгрессъ составилъ нѣсколько мастерскихъ, спокойныхъ и умѣренныхъ посланій къ королю, къ англійскому народу, къ жителямъ Канады и др., въ которыхъ убѣдительно было доказано, что Американцы стараются только защитить свои естественныя, въ потѣ лица добытыя права отъ произвола и распоряженій англійскаго правительства и парламента. Эти посланія произвели сильнѣйшее впечатлѣніе и обратили вниманіе всей Европы на страну, гдѣ простые и спокойные люди съ величайшимъ благоразуміемъ и рѣшимостію защищали свободу и права человека отъ насилія. — Англичане объявили Массачузетсъ мятежнымъ, запретили всякія сношенія съ американскими областями, а также привозъ туда оружія и военныхъ принадлежностей. Американцы, съ своей стороны, усилили милицію, захватили англійское оружіе и боевые снаряды и учредили въ городѣ Конкордъ складъ военныхъ запасовъ. Чтобы разрушить его, начальникъ бостонскаго гарнизона выступилъ съ своимъ войскомъ, но на пути туда и обратно былъ атакованъ при Лексингтонѣ (19 апрѣля 1775), гдѣ пролилась первая кровь въ междоусобной войнѣ. За этою схваткой вскорѣ послѣдовалъ бой при Бѣнкерсгиллѣ (16 іюня 1775), гдѣ хотя и было отражено троекратное нападеніе Американцевъ, однакожь Англичане потеряли такъ много людей, что должны были очистить Бостонъ (17 марта 1776). Этимъ успѣхомъ Американцы были обязаны своему благородному, равно замѣчательному государственными и во-

енными дарованіями согражданину Вашингтону, посвятившему и всю свою энергію и свое состояніе высокой цѣли освобожденія отечества. Какъ онъ дѣйствовалъ мечомъ въ полѣ на пользу своихъ согражданъ, такъ изобрѣтатель громоотвода, извѣстный авторъ и распространитель полезныхъ народныхъ сочиненій и первый учредитель публичной библіотеки въ Америкѣ, бывший типографщикъ Бенджаминъ Франклинъ, дѣйствовалъ словесно и письменно, какъ умный агентъ своего отечества при дворахъ лондонскомъ и парижскомъ. Появленіе простаго умнаго человѣка, въ незатѣйливой квакерской одеждѣ, произвело во впечатлительной столицѣ Франціи такой восторгъ къ свободѣ и демократіи, что молодой, богатый маркизь Лафайеттъ и другіе единомыслящіе дворяне въ благородномъ увлеченіи переправились за море, чтобы жертвовать достояніемъ и кровью въ американской борьбѣ за свободу, видя въ ней осуществленіе идеаловъ Руссо. Въ надеждѣ на такое господствующее настроеніе во Франціи, выборные тринадцати Соединенныхъ Штатовъ провозгласили независимость американскихъ колоній отъ Англіи (4 іюля 1776).

Это объявленіе независимости, обработанное умнымъ американскимъ государственнымъ человѣкомъ Джефферсономъ, выставило право Американцевъ въ такомъ яркомъ свѣтѣ, что борьба ихъ нашла себѣ общее сочувствіе въ Европѣ, что къ ихъ дѣлу примкнули либеральные люди разныхъ странъ (Кальбъ, Штѣйбенъ, Косцюшко, Ларошфукъ, братья Ламеть, Рошамбо и мн. др.), и что всѣ впечатлительныя къ свободѣ сердца ожидали съ надеждой и трепетнымъ сочувствіемъ исхода этой войны, которая считалась борьбою разума и человѣческихъ правъ противъ устарѣлыхъ своевольныхъ притязаній.

Но не смотря на это сочувствіе, которое раздѣляли вожди англійской оппозиціи—Питтъ, Фоксъ и др., не смотря на усилія благородныхъ вождей юнаго государства, дѣло Американцевъ, повидимому, стало принимать дурной оборотъ, когда англійское правительство заключило договоры со многими нѣмецкими князьями, и большое войско Гессенцевъ, Ганноверцевъ, Вальдекцевъ и другихъ, позорнымъ образомъ набранныхъ вербовщиками и за деньги проданныхъ

Англии Нѣмцевъ, было отправлено за море, чтобы тамъ испытать дѣйствіе европейскаго военнаго искусства на свободныхъ сынахъ Новаго Свѣта. Английскому полководцу Гоу (Howe), отлично снабженному людьми и военными запасами, удалось теперь овладѣть Нью-Йоркомъ и вытѣснить непріятеля изъ пограничныхъ областей, между тѣмъ какъ другіе вожди въ Канадѣ съ успѣхомъ боролись противъ Американцевъ, которые думали склонить и этотъ край къ отпаденію и потому двинули туда часть военной силы. Но, благодаря безопасности Гоу, который въ теченіе зимы предался своимъ привычнымъ удовольствіямъ, бдительный Вашингтонъ успѣлъ къ Рождеству (1776) незамѣтно перейти черезъ замерзшій Делаваръ, полонить (при Трентонѣ) отрядъ гессенскихъ войскъ и разбить Англичанъ подъ Принстауномъ. Хотя достигнутыя этимъ выгоды снова были утрачены, потому что Вашингтонъ былъ разбитъ храбрымъ английскимъ генераломъ Корнуэльсомъ при рѣкѣ Брандивайнѣ (осенью 1777), и потомъ взята Филадельфія; но послѣдовавшая скорѣ капитуляція Саратоги (15 октября 1777), по которой 7,000 чел. англійскаго войска, до сихъ поръ совершавшаго весьма трудный походъ въ Канадѣ, подъ начальствомъ Бургойна, попались въ руки американскаго генерала Гетса со всѣми военными запасами, — эта капитуляція до того измѣнила положеніе дѣлъ въ пользу юной республики, что Французы, издавна смотрѣвшіе съ завистью и досадой на возрастающее процвѣтаніе англійскихъ колоній, уже не колебались болѣе заключить съ Американцами союзъ, который далъ совсѣмъ новый оборотъ дѣлу.

§ 676. Расширеніе войны. Послѣ капитуляціи Саратоги, съ восторгомъ принятой во Франціи, французское правительство, руководясь болѣе общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ благомъ собственнаго государства, признало независимость Сѣверной Америки (6 февраля 1778) и въ своемъ союзномъ договорѣ съ конгрессомъ обѣщало всѣми средствами поддерживать Соединенные Штаты до тѣхъ поръ, пока твердо упрочится ихъ независимость. При этомъ Франція великодушно отказалась отъ всякихъ собственныхъ выгодъ въ этомъ дѣлѣ, сколько ни угрожала новая война тяжкому и безъ того состоянію ея финансовъ.

Попытка англійскаго министерства разстроить союзъ открытіемъ прямыхъ переговоровъ съ Америкой, не удалась благодаря вѣрному такту конгресса, который очень хорошо понималъ, что при воодушевленіи французскаго юношества къ идеѣ свободы и идеальнаго естественнаго состоянія, продолженіе войны доставитъ ему гораздо больше выгодъ, чѣмъ сколько уступили бы ему Англичане въ настоящій періодъ борьбы. Франклинъ возбуждалъ въ Парижѣ такой восторгъ, что вездѣ можно было встрѣтить портретъ его, и появленіе его въ простомъ платьѣ съ бѣлыми отъ одной старости волосами посреди напудренныхъ, разодѣтыхъ и звѣздоносныхъ вельможъ, повсюду возбуждало пламенное сочувствіе.

Сначала Французы помогали своимъ союзникамъ только деньгами и кораблями; пока Лафайеттъ не отправился во Францію и не настоялъ на посылкѣ арміи (іюль 1780), при которой находились волонтерами многія лица, замѣчательныя происхожденіемъ, богатствомъ и дарованіями. Теперь Англичане перешли обратно изъ Пенсильваніи въ Нью-Йоркъ, и положили перенести войну въ южныя области Каролину и Георгію, гдѣ было еще много приверженцевъ англійской королевской власти (роялистовъ, лоялистовъ). Они взяли Саванну и Чарльстаунъ и, подъ начальствомъ храбраго Корнуэльса, выиграли два сраженія. Всѣ эти неудачи, вмѣстѣ съ нуждою въ деньгахъ, которую только на короткое время могла устранить щедрость нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, съ бунтами въ непривычномъ войскѣ и съ измѣною американскаго генерала Арнольда (2 октября), при чемъ игравшій роль парламентаря англійскій майоръ Андрѣ претерпѣлъ позорную смерть отъ руки палача, поставили юную республику въ самое бѣдственное положеніе.¹ Но оно внезапно измѣнилось, когда французско-американское войско подъ начальствомъ Вашингтона и Лафайетта заперло въ Йорктаунѣ генерала Корнуэльса, намѣревавагося изъ Виргиніи соединиться съ англійскимъ полководцемъ Клинтонъ въ Нью-Йоркъ, и принудило его къ сдачѣ (19 октября 1781), вслѣдствіе которой семитысячный отрядъ его со всею артиллеріей и военными запасами достался побѣдителямъ. Это несчаствіе храбраго Корнуэльса

¹ Арнольдъ хотѣлъ выдать англійскому генералу Клинтону важную крѣпость Вестъ-Пойнтъ, ключъ стратегической линіи Американцевъ,

имѣло рѣшительное вліяніе на исходъ войны. Англичане, принужденные обратить оружіе противъ своихъ европейскихъ враговъ, съ тѣхъ поръ уже не такъ энергически вели войну за моремъ; къ тому же новое министерство, составленное изъ прежнихъ членовъ оппозиціи: Шеридана, Борка и Фокса, было больше расположено къ миролюбивому соглашенію съ Америкой, чѣмъ прежде, имѣвшее лорда Норта во главѣ.

Питтъ умеръ еще въ маѣ 1778 года. Сильная рѣчь противъ правительственныхъ мѣръ, произнесенная имъ по полученіи вѣсти о союзѣ Америки съ Франціей, до того потрясла его ослабѣвшее здоровье, что ему сдѣлалось дурно въ парламентѣ, и онъ вскорѣ умеръ въ своемъ помѣстьи, куда перевезли его. Передъ его гробомъ несли изображеніе скорбящей Британніи.

§ 677. Вооруженный нейтралитетъ. Голландія. Заключенный между Франціей и Америкой союзъ, къ которому вскорѣ приступила и Испанія (26 іюня 1779), имѣлъ слѣдствіемъ ожесточенную морскую войну съ Англіей. Пока одни только эти державы воевали съ моревластнымъ островомъ, британское могущество не ослабѣвало. Но когда планъ Россійской императрицы Екатерины II — соединить неучаствующія въ войнѣ морскія государства для поддержанія вооруженнаго нейтралитета, увѣнчался быстрымъ успѣхомъ, тогда морскому владычеству Англіи повидимому угрожала большая опасность, чѣмъ когда либо прежде.

Чтобы ограничить преобладаніе Британцевъ, которые нарушали свободу морской торговли, своими каперами властвовали на всѣхъ моряхъ и отягощали суда всѣхъ націй притѣснительнымъ осмотромъ, нѣтъ ли на нихъ запрещенныхъ товаровъ (контрабанды), императрица Екатерина II заключила со многими морскими націями договоръ, по которому вошло въ силу правило: «на нейтральномъ кораблѣ нейтраленъ и грузъ», и положено было допустить торговлю нейтральныхъ народовъ на берегахъ и въ гаваняхъ воюющихъ державъ (за единственнымъ исключеніемъ оружія и военныхъ запасовъ).

Къ этому нейтральному союзу приступили поочередно: Россія, Данія, Швеція, Пруссія, императоръ, Неаполь и даже Португалія; но Голландія, присоединеніе которой было бы особенно важно по ея положенію и могуществу на морѣ и одно могло бы доставить надлежащій вѣсъ союзу въ Атлан-

тическомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, медлила до тѣхъ поръ, пока Англія узнала объ этомъ намѣреніи и поспѣшила объявить войну Голландіи, прежде чѣмъ послѣдняя успѣла сообщить въ Петербургъ о своемъ присоединеніи, на которое она подъ наконецъ рѣшилась (ноябрь 1780). Черезъ это Голландія выбыла изъ числа нейтральныхъ державъ и слѣдовательно уже не могла приступить къ союзу.

Поводами къ объявленію войны Англія выставила то, что Голландцы отказывали ей въ помощи, выговоренной по прежнимъ трактатамъ, и что городъ Амстердамъ сносился съ Америкой для заключенія дружественнаго и торговаго договора, что доказывали бумаги, попавшіяся въ руки Англичанъ.

Для Генеральныхъ Штатовъ война пришла очень некстати, такъ какъ при постоянномъ соперничествѣ аристократовъ-республиканцевъ (патріотовъ) съ Оранскимъ домомъ и его приверженцами, войско и флотъ находились въ самомъ печальномъ состояніи. Герцогъ Эрнстъ Брауншвейгскій, управлявшій дѣлами нидерландскихъ штатовъ сначала какъ опекунъ малолѣтняго статгаудера Вильгельма V (1751—95, † 1806), а потомъ, когда тотъ достигъ совершеннолѣтія, продолжавшій завѣдывать ими по незаконно заключенному съ нимъ уговору (консультационному акту, съ 1759), былъ совершенно преданъ англійскимъ интересамъ, тогда какъ аристократы, имѣвшіе въ виду однѣ только торговыя выгоды, слѣдовали политикѣ, враждебной Британскимъ островамъ. Этотъ разладъ привелъ къ упадку государство, особенно же его военную силу, отъ чего Голландія и вынесла изъ борьбы однѣ только невыгоды. Ибо при раздорѣ между правительствомъ и патріотами, продолжавшемся и во время войны, силы республики были до того парализованы, что не смотря на нерѣшительную морскую битву на Доггерсбанкѣ у береговъ Англіи (5 августа 1781), прежняя слава Голландцевъ потерпѣла значительный ущербъ. Но всего прискорбнѣе для народа, думавшаго только о торговлѣ и наживѣ, былъ великій уронъ, который причинилъ имъ англійскій адмиралъ Родней завоеваніемъ острова Св. Евстахія и конфискаціей всего, находившагося тамъ, частнаго имущества; и хотя Французы черезъ нѣсколько времени помогли имъ возвратитъ этотъ

островъ, однако весь ходъ войны въ Восточной и Западной Индіи былъ до того невыгоденъ для Голландцевъ, что они утратили на морѣ весь свой вѣсъ, ихъ остъ-индскія и вестъ-индскія компаніи потерпѣли невознаградимые убытки, и всей торговлѣ ихъ нанесенъ былъ такой тяжкій ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла оправиться. Уступка остъ-индскаго города Негапатнама англійскому правительству по Версальскому миру (1783) была еще самою меньшею утратой, вынесенною Голландцами изъ этой бѣдственной войны. Зато Голландія вступила съ тѣхъ поръ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Франціей, что и доставило ей потомъ возможность энергически противустать воинственнымъ движеніямъ, посредствомъ которыхъ императоръ Іосифъ II надѣялся вынудить себѣ свободное плаваніе по Шельдѣ (1784), такъ что онъ отказался отъ своего требованія и удовольствовался денежнымъ вознагражденіемъ и отмѣною стѣснительнаго договора (§ 636), по которому въ бельгійскихъ пограничныхъ городахъ должны были стоять голландскіе гарнизоны.

Эти событія до того усилили народную ненависть къ наслѣдственному статгаудеру и его незаконному руководителю, что послѣдній счелъ нужнымъ сложить съ себя всѣ свои званія и покинуть страну (1784). Но этимъ не удовлетворился народъ, къ которому тоже проникли новыя идеи демократической свободы и правъ человека, а напротивъ излилъ свой гнѣвъ и на самого статгаудера. Вильгельмъ V. принужденъ былъ сначала выѣхать изъ Гааги; потомъ возсталъ вся область Голландія подъ управленіемъ патріотовъ, отняла у статгаудера главное начальство надъ войскомъ и приступила къ измѣненію государственнаго устройства (1785). Области Утрехтская и Зеландская послѣдовали ея примѣру, и вскорѣ враждебно стали другъ противъ друга штаты, поддерживавшіе статгаудера, и другіе, въ которыхъ имѣла перевѣсъ партія патріотовъ и гражданская милиція. Даже въ сѣверныхъ провинціяхъ, считавшихся преданными Оранскому дому, обнаружился революціонныя волненія. Простой народъ во многихъ мѣстахъ уже позволилъ себѣ грабежи и насилія, между гражданами и солдатами уже доходило до кровавыхъ схватокъ, когда супруга статгаудера, женщина энергическая и рѣшительная, отправилась изъ Гелдерна, гдѣ находился тогда дворъ, въ столицу Гаагу (іюнь 1787), но была остановлена на границѣ и принуждена гражданской милиціей воротиться

назадъ. Этотъ случай, представленный принцессою и англійскимъ посланникомъ какъ тяжкое оскорбленіе законной власти, повидимому налагалъ на брата ея, Прусскаго короля Фридриха Вильгельма II, царственную и рыцарскую обязанность защитить оскорбленную сестру. Онъ двинулъ въ Голландію значительную армію подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго (сентябрь 1787), чтобы возстановить принца въ правахъ его сана. Патріоты, застигнутые врасплохъ и не имѣя возможности противиться Пруссакамъ съ своимъ неопытнымъ гражданскимъ ополченіемъ, тщетно обратились къ Франціи; возрастающее безденежье не позволяло теперь этой державѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла; Утрехтъ и Амстердамъ были заняты безъ большаго затрудненія, и прежнее государственное устройство возстановлено. Король великодушно отказался отъ вознагражденія завоенныхъ издержекъ; однако тѣсный союзъ Пруссіи съ Англіею и Голландіею былъ уже самъ по себѣ достаточнымъ вознагражденіемъ. Быстрая и легкая побѣда наполнила прусскую армію и особенно высокоблагородныхъ ея офицеровъ излишнею самоувѣренностью, наглымъ высокомеріемъ и величайшимъ презрѣніемъ къ сословію простыхъ гражданъ.

§ 678. Гибралтаръ. Мирныя трактаты. Успѣшнѣе шла борьба Испаніи и Франціи съ Англіею. Французско-испанскій флотъ завоевалъ остр. Минорку (авг. 1781), который подобно Гибралтару находился 80 лѣтъ во власти Англичанъ и въ началѣ Семилѣтней войны мимоходомъ попалъ въ руки Французовъ (§ 669). Этотъ счастливый успѣхъ подалъ союзникамъ надежду овладѣть точно такъ же Ямайкою и Гибралтаромъ. Для достиженія перваго, французскій адмиралъ де Грассъ хотѣлъ соединиться съ испанскимъ флотомъ, но Родней напалъ на него внезапно близъ остр. Доминики (12 апр. 1782), прорвалъ его линію, и Грассъ попалъ въ руки непріятеля вмѣстѣ съ адмиральскимъ кораблемъ. Съ болѣею увѣренностію надѣялись взять Гибралтаръ, блокируемый съ сухопутной стороны уже почти три года; теперь направили противъ него и съ моря усиленную осаду посредствомъ такъ-называемыхъ пловучихъ баттарей (ноябрь 1782). Это изобрѣтеніе французскаго инженера д'Арсона состояло въ томъ, что извѣстное число кораблей, по снятіи съ нихъ мачтъ, покрывали откоснымъ упругимъ щитомъ изъ мокрыхъ кожъ, отъ котораго, какъ надѣялись, должны отпрядывать непріа-

тельскія ядра, такъ что можно будетъ безопасно приблизиться къ крѣпости. Однакожь это предпріятіе, стоившее огромныхъ издержекъ, вскорѣ оказалось ничтожнымъ. Пловучія баттарен съ ихъ щитами загорѣлись отъ каленыхъ ядеръ и были истреблены. Нападеніе не удалось, и безуспѣшность осады, на которую были обращены взоры всей Европы, покрыла вѣчною славою англійскаго комманданта Эллиота и его, большею частію, ганноверскія войска.

Вскорѣ послѣ неудавшагося нападенія на Гибралтаръ, Американскіе Штаты, видя, что Испанія и Франція затягиваютъ переговоры о мирѣ въ долгій ящикъ, заключили съ англійскимъ министерствомъ предварительное условіе (provisional article), по которому юная республика говорила себѣ не только признаніе своей независимости, но сверхъ того выгоднѣйшія границы и участіе въ Ньюфаундлендскомъ рыболовствѣ. Последнее предоставлено было и Франціи въ силу заключенныхъ въ Версалѣ (20 янв. 1783) предварительныхъ статей; Франція сверхъ того приобрѣла еще остр. Табаго и получила обратно свои утраченныя владѣнія въ Остѣ-Индіи и въ Африкѣ. Испанія отказалась отъ притязаній своихъ на Гибралтаръ за возвращеніе ей Флориды и Минорки. Въ Англіи заключеніе этихъ прелиминарій возбудило въ народѣ и въ парламентѣ такое неудовольствіе, что министры вынуждены были подать въ отставку (2 апр. 1782 — 20 дек. 1783) и мѣсто ихъ заступило такъ-называемое коалиціонное министерство, составленное изъ вождей противоборствующихъ партій. Норта и Фокса. Однакожь и этотъ кабинетъ счелъ необходимымъ утвердить первоначальныя условія мира, такъ какъ бремя англійскаго долга возрасло въ теченіе войны до непомерной степени.

Такимъ образомъ Америка завоевала себѣ свободу; Вашингтонъ могъ возвратитъ конгрессу данное ему главное военачальство (дек. 1783) и удалиться, вторымъ Цинциннатомъ; въ помѣстье свое Моунтъ Вернонъ въ Виргиніи. Но Америкѣ предстояло еще выдержать много бурь прежде чѣмъ достигъ того государственнаго устройства, какимъ она теперь пользуется. Только въ 1788 г. все штаты согласились между собою насчетъ того, чтобъ верховное правительство союза предоставить конгрессу и отвѣтственному президенту, избираемому вновь каждое четырехлѣтіе. Конгрессъ распадается на сенатъ, куда каждый изъ штатовъ посылаетъ по два депутата и гдѣ председательствуетъ вице-президентъ союза, и на палату представите-

лей, избираемыхъ каждые два года вновь всеми гражданами союзной республики въ такомъ размѣрѣ, что на каждыхъ 70,000 жителей приходится по одному депутату. Право выбора не обусловлено ни какимъ ценсомъ¹ и печать пользуется совершенною свободою. Высшая инстанція судебной власти находится въ рукахъ верховнаго союзнаго суда, который состоитъ изъ главнаго судьи и осьми товарищей (засѣдательей), постановляетъ рѣшенія по политическимъ процессамъ и спорнымъ союзнымъ дѣламъ и въ то же время служить судомъ апелляціоннымъ. Ниже его стоятъ 35 окружныхъ (постоянныхъ) судовъ, въ каждомъ штатѣ по одному или по нѣскольку, которые судятъ съ помощію присяжныхъ, и сверхъ того есть еще такъ-называемые объѣзжіе суды, дѣйствующие также съ участіемъ присяжныхъ. Судебная власть отдѣлена отъ административной, и вездѣ узаконена полная религіозная свобода безъ господствующей церкви. У каждаго штата есть свое самостоятельное правительство для завѣдыванія его внутренними дѣлами и свой частный выборный сеймъ. Конгрессу принадлежитъ право издавать законы, налагать подати, устанавливать общія таможенные и торговые мѣры, объявлять войну и проч.; президентъ, получающій 25,000 долларовъ въ годъ жалованья, есть главноначальствующій сухопутною и морекою силой; онъ назначаетъ всѣхъ служащихъ, исполняетъ рѣшенія сената и палаты представителей, отправляетъ и принимаетъ пословъ; заключаетъ договоры и т. под. Восемь лѣтъ (до 1797) занималъ это почетное званіе достойный Вашингтонъ, призванный къ тому общеоу признательностью своихъ согражданъ. Франклинъ умеръ въ 1790 г. къ общему сожалѣнію 84 лѣтнимъ старцемъ. Это былъ практически-умный человѣкъ безъ идеаловъ, у котораго во всѣхъ его поступкахъ, равно какъ и въ литературной дѣятельности, всегда оставалось много мелочнаго и матеріальнаго отъ первоначальнаго его ремесла. Въ своемъ «Календарѣ бѣднаго Ричарда» является онъ одною изъ тѣхъ натуръ, которыя убѣждены, что человѣкъ «бываетъ живъ о хлѣбѣ единомъ». Не смотря на многія его преимущества и хорошія свойства, онъ отнюдь не можетъ служить представителемъ того, что нужно для человѣческой природы въ широкомъ ея значеніи, и тѣхъ высокихъ цѣлей, которыхъ осуществленія она въ правѣ отъ себя надѣяться и ожидать.

¹ Но право быть избраннымъ подчинено многимъ ограниченіямъ, которыя въ различныхъ штатахъ опредѣлены весьма разнообразно,

III. Преобразовательныя попытки государей и министровъ.

1. Западъ и югъ.

§ 679. а) Португалія при Помбалѣ. Подъ державою короля Петра II (§ 606) и слабыхъ его преемниковъ Португалія быстро приближалась къ своему совершенному упадку. Колоніи перешли въ чужія руки, торговля и мореплаваніе остановились, внутренняя промышленность изнемогла, именно съ тѣхъ поръ какъ вслѣдствіе такъ-называемаго Метьюновскаго договора (1603, § 606 примѣч. 2), доставившаго англійскимъ шерстянымъ издѣліямъ свободный доступъ въ Португалію, утвердилось въ этой странѣ торговое господство Британцевъ, и съ тѣхъ поръ какъ нѣкогда столь дѣятельный португальскій народъ пришелъ въ совершенную зависимость отъ Англіи. Король Іоаннъ V (1706—50), слѣпо преданный духовенству, употреблялъ государственныя доходы на стройку церквей и монастырей (соединенный съ королевскимъ дворцомъ францисканскій монастырь Мафра стоилъ одинъ около 25 милліоновъ рублей!) и предоставлялъ все управленіе духовнымъ лицамъ. За это папа даровалъ ему титулъ вѣрнѣйшаго, но бѣдная страна стонала подъ владычествомъ монаховъ. Такому бѣдственному положенію старался существенно пособить деспотически-властительный Помбалъ, всемогущій министръ изнѣженнаго, малодушнаго, боязливаго короля Іосифа I Эмануила (1750—77). Главными виновниками зла считалъ онъ іезуитовъ, которыхъ сопротивленіе подвергало опасности всякую реформу, а потому на это богатое и могущественное братство и направилъ онъ прежде всего свои нападенія. Споръ за земли въ южной Америкѣ, гдѣ орденъ учредилъ въ Парагваѣ свое собственное патріархальное государство, недоступное для чужестранцевъ, подалъ желанный поводъ къ первымъ враждебнымъ дѣйствіямъ. Но на изгнаніе іезуитовъ Помбалъ рѣшился только тогда, когда они возбудили противъ себя общее негодованіе тайнымъ посягательствомъ на жизнь короля, которое было совершенно преданною имъ дворянскою фамиліей Тавора и, разумѣется, приписано внушеніямъ мстительнаго ордена (1758). Безъ всякой пощады посадили престарѣлыхъ членовъ его силою на корабли и отправили въ Церковную область (1759). Патеръ Малагрида, котораго чтили какъ святаго, погибъ на кострѣ, осужденный за еретичество тою самою инквизи-

зиціей, которую Помбаль сначала употреблялъ во зло, а потомъ самъ же и ослабилъ. Изданіемъ книгъ для общаго просвѣщенія, улучшеніемъ народныхъ школъ и высшаго преподаванія, вызовомъ иностранныхъ учителей и типографщиковъ, учрежденіемъ академіи и т. д. надѣялись навсегда положить преграду возвращенію духовнаго преобладанія. Всѣ имущества, розданныя церкви королемъ Іоанномъ, были опять отобраны въ казну. Сокращеніе числа праздниковъ и ограниченіе папской власти должны были основать новую эру въ Португаліи.

Изгнаніе іезуитовъ подготавливалось дѣлые два года. Сначала многими изданіями старались обличить передъ свѣтомъ, до какой степени выродился и измѣрился іезуитскій орденъ, занимавшійся барышничествомъ, невольничьимъ торгомъ и обширными коммерческими предпріятіями въ Восточной и Западной Индіи—что совпадало съ тогдашними стремленіями французской просвѣтительной литературы, которой воззрѣнія раздѣлялъ и Помбаль. Потомъ удалили іезуитовъ отъ двора, гдѣ долѣ они были единственными духовниками, и запретили имъ всякую исповѣдь и проповѣдь подъ тѣмъ предлогомъ, что они возстановляютъ противъ министровъ простой народъ. Въ теченіе начатаго противъ нихъ слѣдствія по дѣлу о покушеніи на жизнь короля, съ обвиняемыми поступали крайне жестоко, отняли у нихъ всѣ имущества и доходы, заперли всѣ ихъ учебныя заведенія.

Также настойчиво старался Помбаль и объ устраненіи недостатковъ государственнаго управленія, сельскаго хозяйства, военнаго дѣла и судебной части. Когда страшное землетрясеніе разрушило въ Лиссабонѣ 30,000 домовъ (ноябрь 1755), когда отчаяніе и злодѣйства грозили расторгнуть общественныя узы, онъ неутомимо заботился объ исцѣленіи всѣхъ этихъ ранъ. Строгимъ правосудіемъ остановилъ онъ воровъ и злодѣевъ, пособилъ общей нуждѣ открытіемъ королевскихъ запасныхъ магазиновъ и подвозомъ хлѣба изъ-за границы, а возстановленіемъ водопроводовъ удовлетворилъ ближайшей, засушной потребности жителей. При отстройкѣ города онъ настоялъ на проложеніи широкихъ улицъ, на возведеніи приличныхъ, удобныхъ жилыхъ домовъ, чтобы пріучить народъ къ опрятности, и украсилъ Лиссабонъ великолѣпными общепольными зданіями, каковы биржа, гостинный дворъ, арсеналь. Когда, въ Семилѣтнюю войну, союзной съ Англіей Португаліи угрожали Испанцы и при этомъ оказалось жалкое положеніе арміи, Помбаль вызвалъ извѣстнаго полководца, графа Вильгельма фонъ Липпе-Шаумбурга, и съ его помощью вскорѣ поставилъ пор-

тугальское войско на такую ногу, что оно ни въ чемъ не уступало другимъ арміямъ. При этомъ государственная казна всегда была полна, потому что онъ удалялъ много придворныхъ дармоѣдовъ. Помбаль несли также о земледѣліи и промышленности, чтобы возродить благосостояніе, трудолюбіе и самостоятельность народа; но рядомъ съ высокою отвагой смѣлаго преобразователя, обнаруживалъ онъ жестокосердіе и произволъ деспота. Всѣ тюрьмы были наполнены духовными и дворянами, и противъ него раздались страшные голоса, когда, по смерти Іосефа (1777), въ царствованіе слабой и суевѣрной дочери его Маріи († 1816), люди эти стали цѣлыми сотнями выходить изъ темницъ, бывшихъ дотолѣ ихъ могилами, и всѣ завопили о мести. Помбаль удался отъ дѣлъ и издалъ въ защиту своего управленія энергическую апологію; но этимъ онъ до того раздражилъ своихъ враговъ, что не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ былъ призванъ къ суду и удаленъ отъ королевской резиденціи. Въ короткое время всѣ его нововведенія исчезли; при дворѣ господствовали опять монахи и попы; суевѣріе, непопулярность и невѣжество попрежнему водворились у народа, и онъ впалъ въ то же печальное положеніе, изъ котораго хотѣла вырвать его сильная рука Помбаля. Марія подъ конецъ сошла съ ума, такъ что сынъ ея Іоаннъ VI долженъ былъ возложить на себя регентство (1792). Только по кончинѣ ея (1816) принялъ онъ титулъ короля.

§ 680. б) Испанія и Неаполь подъ управленіемъ Карла III и его министровъ. Карль III (1759—88), просвѣщенный, преданный французской философій государь, старался сперва, какъ король Неаполитанскій (съ 1735), черезъ искуснаго и либеральнаго государственнаго мужа Тануччи, а потомъ, какъ король Испанскій, черезъ подобныхъ же министровъ — Аранду, Гримальди, Скилачи и друг., преобразовать и церковный и государственный порядокъ въ смыслѣ благопріятномъ для народнаго просвѣщенія и для благосостоянія края. Но какъ орденъ іезуитовъ препятствовалъ всѣмъ ихъ стремленіямъ, то бурбонскіе дворы послѣдовали примѣру Помбаля. Во Франціи скандальзанный процессъ по торговымъ дѣламъ, вчиненный противъ іезуитовъ парижскимъ парламентомъ, снова обличилъ шаткую нравственность и пагубныя правила ордена и до того усилилъ общее нерасположеніе къ его членамъ, что когда орденскій генераль отказалъ во всякомъ измѣненіи его уставовъ знаменитымъ изреченіемъ *sint ut sunt aut non sint* (пусть будутъ, каковы есть, а не то такъ пусть вовсе не будутъ), то министръ Шуазель склонилъ короля объ-

явить существованіе ордена несовмѣстнымъ съ государственнымъ благомъ и предписать закрытіе іезуитскихъ collegій (1764). Это ободрило испанскаго министра Аранду къ смѣлой расправѣ съ іезуитами. Послѣ происшедшаго въ Мадридѣ и будто бы іезуитами поднятаго мятежа противъ финансовыхъ распоряженій правительства, онъ приказалъ захватить въ одну ночь (31 марта 1767) до 5000 членовъ ордена во всѣхъ провинціяхъ королевства, посадить ихъ, не разбирая лѣтъ и званій, на суда и отослать какъ преступниковъ въ Церковную область (ноябрь 1767). Имущество ихъ было конфисковано, заведенія закрыты. Подобныя же насильственные мѣры были приняты въ испанскихъ и португальскихъ колоніяхъ Америки, далѣе — въ Неаполѣ, гдѣ при малолѣтнемъ сынѣ Карла III, Фердинандѣ VI (1759 — 1825), управлялъ Тануччи почти неограниченно, и въ Пармѣ, гдѣ папа думалъ энергическою буллою удержать Бурбона-герцога и его французскаго министра отъ всякихъ церковныхъ нововведеній.

Церковныя преобразованія Тануччи были очень благотворны для Неаполя. Въ этомъ королевствѣ, съ которымъ папы обращались какъ съ своимъ леномъ, церковь и духовенство взяли наконецъ такой перевѣсъ, что совершенно обезсилили свѣтское правительство. 112,000 клириковъ были освобождены отъ власти закона не только сами за себя и за свои имущества, но и за всѣхъ тѣхъ, кто искалъ убѣжища въ чертѣ ихъ владѣній; папа смотрѣлъ на духовныя мѣста какъ на свою собственность и получалъ съ нихъ доходы, пока они оставались праздными. Тануччи отиѣнилъ это право папѣ, придалъ трону и свѣтскому правительству гораздо болѣе власти, сократилъ преимущества и число духовныхъ лицъ и упразднилъ множество излишнихъ монастырей въ пользу государственныхъ доходовъ. — Въ Америкѣ изгнаніе іезуитовъ было въ отношеніи къ Индѣйцамъ величайшимъ зломъ. По Мараньону, въ восточныхъ равнинахъ нынѣшняго Эквадора, расцвѣтавшія прежде іезуитскія миссія зачали и захирѣли, въ Калифорніи исчезли онѣ совсѣмъ; на Парагваѣ, за удаленіемъ ихъ, наступила безрядица и одичалость; туземцы лишились обычныхъ наставниковъ, а съ ними и поощренія своей дѣятельности, узды благочинія и нравовъ; ихъ училища упали даже и въ городахъ. Но сколько вредно было удаленіе іезуитовъ собственно для Индѣйцевъ, еще не способныхъ ни къ какому другому порядку общежитія, столько же благотѣльнымъ явилось оно для развитія и прогресса бѣлыхъ, которые только теперь стали заниматься ученіемъ и принимать участіе въ умственной жизни Европы.

Преобразовательная дѣятельность Аранды простерлась на все учрежденія церкви и государства. Онъ ограничилъ права ужасной инквизиціи и ея судовъ надъ еретиками; умалилъ власть папской куріи, сдѣлалъ преподаваніе независимымъ отъ духовенства; онъ пекся объ общепользныхъ учрежденіяхъ и благоустройствѣ администраціи; онъ поручилъ своему другу Олавиде су заселеніе пустынной, невоздѣланной Сіэрры Морены¹. Но когда духовенство снова приобрѣло власть надъ старѣющимъ Карломъ III, то Аранда былъ удаленъ отъ дѣлъ (1773). Онъ уѣхалъ въ Парижъ, а друга его Олавидеса усилившаяся опять инквизиція вытребовала къ себѣ на судъ за то, что въ новой колоніи (Ла Каролинѣ) онъ водворилъ протестантовъ изъ Германіи и Швейцаріи, и ему пришлось просидѣть много лѣтъ въ тюрьмѣ, пока онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ въ Генуу; здѣсь онъ отложилъ мало-помалу свои либеральныя убѣжденія и тѣмъ добился разрѣшенія воротиться на родину. — Такую же перемѣну въ образѣ мыслей обнаружилъ другой испанскій министръ, Флорида-Бланка, прославленный какъ Меценатъ въ царствованіе Карла IV (1788 — 1808), потому что онъ благосклонствовалъ наукѣ и ученымъ, ободрялъ искусство и украсилъ Мадридъ.

2. СѢВЕРЪ ЕВРОПЫ.

§ 681. а) Данія. Штруэнзе. Благодаря государственному перевороту 1660 года (§ 569) королевская власть въ Даніи стала неограниченна, и положеніе края обуславливалось съ тѣхъ поръ одними личными качествами правителя. Фридрихъ VI (1700 — 1730, § 640) подражалъ пышности французскаго двора, но при этомъ былъ однако хорошимъ хозяиномъ, такъ что оставилъ по себѣ край въ довольствѣ и казну въ изобиліи. Преемникъ его Христіанъ VI (1730—46) былъ государь въ высшей степени благочестивый, строго державшійся богослужебныхъ обрядовъ и церковнаго благочинія; но при заботливости внушить своимъ подданнымъ такой же образъ мыслей, онъ до того пренебрегалъ государственною экономіей, что королевство впало при немъ въ долги. Конечно, этому способствовало и то, что онъ выстроилъ одинъ великолѣпный замокъ въ Копенгагенѣ, а другой за городомъ. Однакожь не мало сдѣлано было имъ на пользу промышленности, торговли и зем-

¹ Сіэрра Морена (собственно «черная пила») — горный хребетъ между покатыми Тага и Гвадалквивра, съ серебряными, свинцовыми, мѣдными и ртутными рудниками.

ледѣлія, а равно и для улучшенія учебной части. Золотымъ вѣкомъ науки и искусства въ Даніи славится правленіе Фридриха V (1746—66). При немъ возникли великолѣпныя зданія, учреждены академія, устроенъ ботаническій садъ; театръ и опера, запрещенныя въ предшествовавшемъ царствованіи, снова услаждаютъ дворянство и жителей столицы; нѣмецкому поэту Клопштоку назначена пенсія для окончанія его «Мессіады», и употреблены большія суммы на путешествіе по Востоку, предпринятое извѣстными учеными (въ томъ числѣ Нибуромъ Старшимъ); за то для улучшенія быта простонародія, ремесленниковъ и крестьянъ, правительствомъ сдѣлано было мало. Только старшій графъ Бернсторфъ († 1772), во всѣхъ отношеніяхъ образцовый вельможа, котораго дѣятельность была столько же обращена на пользу торговли, промышленности и наукъ, сколько и на пользу земледѣлія, освободилъ крѣпостныхъ людей въ своихъ имѣніяхъ съ предоставленіемъ имъ достаточнаго земельного надѣла и этимъ далъ такой примѣръ, которому вскорѣ вынуждены были послѣдовать и казна, и все остальное дворянство. — Христіанъ VII (1766—1807) былъ слабодушный государь, сбитый съ толку превратнымъ воспитаніемъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ онъ предпринялъ такое безразсудное, многостоящее и обременительное для бѣдной страны путешествіе, что на покрытіе издержекъ понадобилось обложить поголовной податью даже домашнюю прислугу. Изъ этого путешествія сластолюбивый король возвратился разслабленный тѣломъ и духомъ. Поэтому сопровождавшему его нѣмецкому врачу Штруэнзѣ, который былъ теперь назначенъ лейбмедикомъ, легко было сдѣлаться у него совершенно необходимымъ лицомъ и, съ помощью королевы Каролины Матильды, сестры Георга III Англійскаго, возвыситься постепенно до званія имперскаго графа и всемогущаго министра, управлять по своему произволу государствомъ и государемъ и получить такую неслыханную власть, что всѣ повелѣнія за его подписью и съ приложеніемъ королевской печати исполнялись точно такъ же, какъ и подписанныя самимъ королемъ. — Штруэнзѣ удалилъ бывшихъ министровъ и собесѣдниковъ монарха, доставилъ гораздо болѣе вліянія веледушной королевѣ, чувствовавшей къ чужеземцу необыкновенное расположеніе, и окружилъ государя, котораго слабоуміе становилось все очевиднѣе, благонадежными людьми; въ числѣ ихъ особенно замѣчательны своимъ вліяніемъ и потомъ своимъ трагическимъ концомъ былъ одинъ изъ прежнихъ товарищей короля, Брандъ, подобно Штруэнзѣ возведенный въ графы. Штруэнзѣ,

который изъ воспитаннаго въ строгомъ правовѣріи и благочестіи пасторскаго сына сдѣлался вольнодумцемъ въ смыслѣ Вольтера и энциклопедистовъ (§ 671), произвелъ теперь въ Даніи цѣлый рядъ важныхъ нововведеній. До сихъ поръ большую часть должностныхъ мѣстъ дворянство раздавало, — высшія своей братьѣ, низшія своимъ прислужникамъ, — первыя съ огромнымъ содержаніемъ, послѣднія — съ ничтожнымъ окладомъ. Этому коренному злу Штруэнзе положилъ рѣшительный конецъ и распорядился такъ благоразумно, что управленіе улучшилось, а расходы уменьшились. Такъ же точно упростилъ и удешевилъ онъ судопроизводство, отмѣнилъ множество титуловъ и почетныхъ отличій и уничтожилъ монополіи, гильдіи и цехи. Этими и подобными тому мѣрами (благодаря которымъ должны были усиливаться правительственная власть, утвердиться гражданское равенство и сократиться государственные расходы) Штруэнзе сильно раздражилъ могущественное дворянство; въ то же самое время употребленіемъ нѣмецкаго языка въ своихъ указахъ, въ администраціи и въ судебныхъ дѣлахъ онъ оскорблялъ національное чувство Датчанъ, и безъ того уже всегда ревнивыхъ къ нѣмечинѣ, а отмѣною трехдневныхъ праздниковъ и смягченіемъ строгой церковной дисциплины возстановилъ противъ себя изувѣренныхъ лютеранъ. При такихъ обстоятельствахъ упраздненіе цензуры было дѣломъ очень рискованнымъ, потому что освобожденная печать направила свои нападенія преимущественно на самихъ министровъ. Надъ головою Штруэнзе и неразрывно связанной съ нимъ королевы собралась страшная гроза и разразилась тѣмъ скорѣе, что онъ самъ содѣйствовалъ къ тому недостаткомъ мужества и рѣшимости. Смятеніе, произведенное какими нибудь 300 матросовъ, перепугало его до того, что онъ убѣждалъ вмѣстѣ съ дворомъ и согласился на все требованія буйной ватаги. Конная гвардія, которую онъ хотѣлъ размѣстить по другимъ полкамъ, взбунтовалась и настояла на своемъ увольненіи съ выдачею денежныхъ наградъ. Малодушіе и нерѣшительность, оказанныя Штруэнзе при этихъ и другихъ случаяхъ, возбудили во властолюбивой мачихѣ короля, Юліанѣ, и въ повѣренныхъ ея, Гульдбергъ и Ранцау-Амебергъ, мысль низвергнуть перваго министра. Приступивъ къ королю ночью врасплохъ и живо изобразивъ ему предстоящую опасность, они заставили его подписать заготовленные уже повелѣнія о взятіи подъ стражу Штруэнзе, Бранда и еще двѣнадцати вліятельныхъ и близкихъ министру лицъ, а королеву, собственноручнымъ рескриптомъ, сослать въ крѣпость Кроненбургъ. Потомъ Штруэнзе и Бранда заковали въ

цѣпи и бросили въ смрадную тюрьму; послѣ пятинедѣльнаго заточенія среди всѣхъ возможныхъ ужасовъ и лишеній призвали ихъ въ чрезвычайный судъ, составленный болѣею частію изъ ихъ противниковъ, и, какъ виновныхъ въ государственной измѣнѣ, казнили отсѣченіемъ головы и правой руки. Королева Каролина Матильда, выданная слабостію Штруэнзе, была разведена съ своимъ супругомъ (28 апр. 1772). Съ тѣхъ поръ она жила въ Целле, расточая полную любви помощь бѣднымъ и злополучнымъ, однако умерла спустя три года жертвою печали и тоски (1775). По сверженіи Штруэнзе, правленіемъ завладѣла Юліана и черезъ Гульдберга отмѣнила всѣ ненавистныя нововведенія. Только спустя двѣнадцать лѣтъ оба они были удалены насильнымъ принцемъ Фридрихомъ, который потомъ управлялъ государственными дѣлами отъ имени своего отца, а главное завѣдываніе министерствомъ и администраціей поручилъ младшему Бернсторфу († 1797), племяннику выше упомянутаго. Этотъ отличный государственный мужъ до самой смерти несъ энергически и умно обязанности своего высокаго сана и ревностно заботился объ успѣхахъ земледѣлія, промышленности, торговли и науки. Онъ доказалъ, что свобода печати возможна и въ абсолютной монархіи, если администрація находится въ способныхъ рукахъ и правительство добросовѣстно имѣетъ въ виду народное благо.

Договоръ съ Россіей, по которому великій князь Павелъ Петровичъ, въ качествѣ герцога Голштинскаго, уступилъ Даніи свои права на этотъ край и всѣ притязанія на Шлезвигъ и получилъ за то возведенныя вскорѣ потомъ въ герцогство графства Ольденбургъ и Дельменгоретъ, былъ конечно выгоденъ для Даніи, но упрочилъ тамъ вліяніе русскаго двора. Не долго спустя великій князь передалъ новое герцогство Ольденбургъ князю-епископу Фридриху Августу Любекскому младшей линіи Голштинскаго дома.

§ 682. 6) Швеція подъ державой Густава III. Вельможевластіе, введенное въ Швецію по убіеніи Карла XII, съ сохраненіемъ королевскаго правительства только для вида (§ 649), было эпохою позора и стыда. Господствующая аристократія или олигархія состояла изъ людей безъ чести и патріотизма, которые продавались иноземнымъ державамъ и служили тѣмъ дворамъ, отъ которыхъ больше получали денегъ; слава и благоденствіе страны уже не принимались въ соображеніе. По заключеніи упомянутыхъ прежде постыдныхъ договоровъ (§ 649), одинъ, съ графомъ Гюлленборгомъ во главѣ, прода-

лись Франціи, другіе, подъ водительство́мъ графа Горна, — Россіи. Первыхъ прозвали шляпами, а послѣднихъ колпаками¹. Обѣ партіи ненавидѣли и преслѣдовали другъ друга на смерть и дѣлали сеймъ пзорищемъ своихъ враждебныхъ схватокъ. Когда началась война за австрійское наслѣдство, французскому правительству нужно было занять чѣмъ-нибудь Россію, чтобъ удержать ее отъ союза съ Маріей Терезіей, и партія его въ Швеціи настояла, чтобъ государственныя чины объявили войну Россіи, къ чему удобнымъ поводомъ послужило то, что незадолго до этого одинъ шведскій агентъ былъ убитъ русскою командой². Но какъ господствующая знать подѣлила между собой отпущенныя Франціей вспомоgetельныя деньги, то армія находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Поэтому Шведы разбиты были на голову въ Финляндіи подъ Вильманстрандомъ, а при Гельсингфорсѣ такъ тѣсно окружены (1742), что въ своемъ отчаянномъ положеніи они уступили бы Россіи всю Финляндію, еслибъ при заключеніи мира въ Або (1743) императрица Елисавета не смягчила своихъ требованій съ тѣмъ, чтобы возстановлены были нарушенныя права родственной императорскому дому Голштейнъ-Готторпской линіи. Шведы назначили наслѣдникомъ престола ближайшаго родню русскаго великаго князя, герцога Голштейнъ-Готторпскаго Адольфа Фридриха, и отдали Русскимъ часть Финляндіи до р. Кюмене. Подъ державою слабаго Адольфа Фридриха (1757 — 71), женатаго на сестрѣ короля Прусскаго Фридриха II, шведскому дворянству удалось еще болѣе ограничить королевскую власть и совершенно отнять у короны всякій вѣсъ и значеніе. Государственный совѣтъ вмѣшивался во внутреннія дѣла королевской фамиліи и въ воспитаніе принцевъ; онъ присвоилъ себѣ право замѣщать важнѣйшія государственныя должности и собственноручно снабжать королевскимъ утвержденіемъ тѣ заключенія совѣта, которыя король дважды задерживалъ своимъ отказомъ. Попытка «колпаковъ» измѣнить въ пользу короля конституцію не удалась и доставила полнѣйшую побѣду «шляпамъ». Слѣдствіемъ было то, что вопреки желанію родственнаго съ Пруссіею короля Швеціи, какъ союзница Французовъ, вовлечена была въ Семилѣтнюю войну, отчего скудный и безъ того край пришелъ въ самое печальное положеніе. Хотя это и привело

¹ Шляпы стояли за войну, колпаки хотѣли мира. Франція назначила 300,000 талеровъ ежегоднаго пособія на военныя издержки.

² Маіоръ Малькольмъ Сниклеръ, ѣздившій съ тайнымъ порученіемъ пзъ Стокгольма въ Константинополь и захваченный на Саксонской землѣ (1739).

къ низверженію французской партіи, но новая олигархія такъ-называемой русской партіи властвовала надъ королемъ и народомъ столь же своевольно, какъ и ея предшественница, такъ что Адольфъ Фридрихъ грозилъ наконецъ сложить съ себя корону и тѣмъ принудилъ своихъ верховниковъ созвать чрезвычайный сеймъ (1769). Государственные чины удалили большую часть членовъ совѣта, противившихся королю, и тѣмъ возвратили трону нѣкоторое значеніе; но, благодаря миролюбію и строгому уваженію къ законамъ Фридриха Адольфа, полное преобразование существующаго порядка, какого желалъ смѣлый и умный наслѣдный принцъ, все-таки не состоялось.

Когда Фридрихъ Адольфъ скончался, сынъ его Густавъ III (1771—92) былъ въ Парижѣ. Онъ вскорѣ составилъ планъ низвергнуть конституцію и получилъ отъ французскаго двора совѣты и средства для исполненія этого замысла, но не смотря на то присягнулъ въ вѣрности существующему порядку. Густавъ былъ человекъ, предубѣжденный въ пользу французскихъ правъ и образованія, краснорѣчивый, умный, рѣшительный и отважный и, какъ природный (т. е. рожденный въ Швеціи) государь, пользовался особенною любовью шведскаго народа. Раздоры высокомерной знати, ненависть безправнаго большинства къ самовластной олигархіи, и печальное положеніе страны утвердили юнаго, но уже опытнаго въ притворствѣ монарха, по возвращеніи его на родину, въ намѣреніи снова усвоить коронѣ прежнюю ея власть. Вскорѣ послѣ многостопившей, пышной его коронаціи, одинъ капитанъ съ своей ротой въ Христианстадтѣ объявилъ, по тайному уговору съ королемъ, что не будетъ повиноваться собранію земскихъ чиновъ безъ королевскаго повелѣнія, и когда тѣ принимали мѣры наказать его за такую дерзость, рыцарственному королю удалось убѣдительною рѣчью привлечь къ себѣ бывшую въ столицѣ гвардію и склонить ее на такую присягу, которая поставляла гвардейцевъ въ зависимость отъ одного его. Легко перетянулъ онъ къ себѣ и народъ, столько же преданный привѣтливому королю, сколько нерасположенный къ кичливой аристократіи, тогда какъ его братья успѣли между тѣмъ овладѣть умами остальныхъ войскъ въ провинціяхъ. При такихъ обстоятельствахъ собравшемуся 20 августа государственному сейму не осталось болѣе ничего какъ принять предложенную королемъ конституцію, тѣмъ болѣе что зала засѣданій окружена была солдатами и артиллеріей. Этою безкровною революціей, при которой Густавъ велъ себя очень умѣренно и осторожно, шведскому престолу были

возвращены его власть и всё. — Состоящий изъ 17 вельможъ государственный совѣтъ былъ введенъ въ болѣе скромные предѣлы совѣщательной думы и за нимъ оставлено только право предлагать кандидатовъ на упраздняющіяся въ немъ мѣста. Чины могли собираться только по королевскому призыву и заниматься только тѣмъ, что предлагалъ на ихъ разсмотрѣніе король; за то онъ обязывался не начинать ни какой войны безъ ихъ согласія. Вся исполнительная власть, распоряженіе сухопутною и морскою силой, назначеніе всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ и право заключать договоры съ иностранными державами, вполнѣ принадлежали монарху. Самое даже обложеніе податями почти совершенно предоставлено было на его волю; для этого ему достаточно было посоветоваться только съ зависящимъ отъ него комитетомъ земскихъ чиновъ. Надо сознаться, что при такомъ роскошномъ и расточительномъ государѣ какъ Густавъ III, мѣра эта представлялась очень опасною.

§ 683. Конецъ Густава III. Изъ числа распоряженій, сдѣланныхъ Густавомъ III по перемѣнѣ конституціи, нѣкоторыя очевидно клонились къ народному благу; таковы были улучшенія судебнаго вѣдомства (причемъ отмѣнена пытка), учрежденіе больницъ, сиротскихъ домовъ и т. д.; но по болѣе части распоряженія его истекали изъ любви къ роскоши, изъ подражательности французскимъ правамъ и изъ преданности къ исчезнувшимъ рыцарскимъ временамъ. Основаніе академіи по французскому образцу, учрежденіе драматическихъ и оперныхъ театровъ, возстановленіе турнировъ и каруселей не принесли ни малѣйшей пользы странѣ и стоили гораздо больше того, что было сбережено устраненіемъ прежнихъ злоупотребленій. Отсталыя героическія грезы короля, его затѣя воскресить давно умершее рыцарство, попытка ввести общую національную одежду и т. п. отвлекали дѣятельность и мысли Густава на сущія мелочи и обманули тѣ великія надежды, которыя свѣтъ возлагалъ на его способности. Его, часто необдуманная, нововведенія возстановляли противъ него болѣе и болѣе раздраженное дворянство, а законъ объявившій выкуриваніе водки королевскою привилегіей и обязавшій всѣхъ Шведовъ покупать втридорога изъ казенныхъ винокурень напитки, къ которому привыкли всѣ и который приготовлялся въ каждомъ семействѣ, — этотъ законъ породилъ сильное неудовольствіе даже и въ низшихъ классахъ. — Враждебное настроеніе обнаружилось впервые тогда, когда Густавъ, не спрашивая совѣта земской думы, предпринялъ войну противъ Россіи

(1788) для возвращенія себѣ прежнихъ шведскихъ областей. Финское войско, подбираемое русскими агентами, послѣ нѣсколькихъ ошибокъ, воспротивилось этой неконституціонной войнѣ. Встревоженный Густавъ покинулъ армию и обратился съ своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ къ народу, особенно къ энергическимъ Далекарламъ въ сѣверныхъ горахъ, скоро доставившимъ ему средства отмстить своимъ противникамъ. Въ силу такъ-называемаго акта соединенія и государственной безопасности, который онъ вынудилъ у сейма, ослабленнаго взятіемъ подъ стражу 30 главныхъ недруговъ короля, онъ присвоилъ себѣ право вести войну безъ спроса земской думы, упразднилъ государственный совѣтъ и вообще всѣ ограниченія, уцѣлѣвшія еще при перемѣнѣ конституціи и предоставилъ среднему сословию доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ и право приобретать рыцарскія (дворянскія) помѣстья. Добывъ необходимыя суммы новымъ тяжкимъ налогомъ, Густавъ продолжалъ теперь войну противъ Россіи на сушѣ и на морѣ съ усиленной настойчивостью; но сколько ни явилъ онъ доказательствъ личной храбрости, сколь ни блистательно обновилась при этомъ военная слава Шведовъ, однакожъ Верельскій миръ (14 авг. 1790) оставилъ прежнія границы нетронутыми и много стоившая война не принесла ровно ни какой пользы. Еще не зажились раны, нанесенныя этою борьбой, и тяжкое бремя долга давило Швецію, какъ Густавъ, теперь уже въ союзѣ съ Россіей, сталъ помышлять о новой войнѣ противъ Франціи, чтобъ положить преграды разливу революціонныхъ идей и доказать свой рыцарскій образъ мыслей спасеніемъ несчастнаго Людовика XVI. Густавъ предпринялъ уже путешествіе въ Германію, чтобы подобрать союзниковъ для этой войны, далеко превосходившей силы его собственнаго народа, когда такой замыселъ встрѣтилъ себѣ первую преграду въ упорномъ сопротивленіи чиновъ дѣль потребныя на то денежныя средства; а для отвращенія какого-либо новаго насилія съ его стороны, нѣсколько разобиженныхъ имъ дворянъ составили тайный заговоръ, вслѣдствіе котораго Густавъ III былъ раненъ изъ пистолета отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ Анкарстрёмомъ на маскарадномъ балѣ 17 марта 1792 г. и умеръ отъ раны двѣнадцать дней спустя. Сынъ его, Густавъ IV (1792—1809), состоявшій до совершеннолѣтія подъ опекою своего дяди, Карла Зюдерманландскаго, наследовалъ рыцарскія затѣи отца, но довелъ ихъ къ своему несчастію до такой степени, что слѣдствіемъ ихъ было низверженіе его съ престола (§ 753).

3. ГЕРМАНИЯ ВО ВРЕМЯ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО И ИОСИФА II.

§ 684. а) Нѣмецкая имперія (сравни § 656. б). Уже давно Нѣмецкая имперія утратила, какъ политическое тѣло, всякое значеніе; и верховный глава ея и члены, всѣ преслѣдовали свои частныя выгоды, ни сколько не заботясь объ общемъ благѣ. Постоянный сеймъ въ Регенсбургѣ (§ 585. 655), состоявшій изъ уполномоченныхъ отъ государей и имперскихъ городовъ, не имѣлъ ни какого вѣса, потому что изъ-за многословія и безконечныхъ переговоровъ онъ рѣдко приходилъ къ какому нибудь заключенію, да если когда и приходилъ, то не умѣлъ сообщить ему надлежащей силы. Старыя имперскія коллегіи лишены были всякой живой связи между собою, вовсе не были уже дѣйствительными представителями имперіи, и совершенно запутались въ лабиринтъ тяжелыхъ формальностей и педантическихъ церемоній. Обыкновенно многіе голоса находились въ одной и той же рукѣ въ силу передачи, и послы значительнѣйшихъ державъ заступали въ то же время и права мелкихъ, въ избѣжаніе лишнихъ денежныхъ тратъ. Съ мелочною ревностью отстаивали устарѣлыя права, заботливо наблюдали за титулами, почетомъ мѣстъ и правомъ на подачу голоса и посвящали все время и всю дѣятельность бесполезнымъ спорамъ о внѣшнихъ формальностяхъ или сомнительныхъ правахъ и преимуществахъ того или другаго изъ католическихъ или евангелическихъ чиновъ, тогда какъ чужестранные или чуждые имперіи туземные государи дѣлали Германію позорищемъ своихъ войнъ, презрительно и надменно обходясь съ этою разъединенной и разшатавшеюся политическою машиной. Послѣ долголѣтнихъ совѣщаній рѣшено было выставить имперскую армію, но она находилась въ такомъ жалкомъ состояніи, что вскорѣ стала общимъ посмѣшищемъ. Опала, наложенная на Фридриха II въ Семилѣтнюю войну, была встрѣчена презрительнымъ смѣхомъ, и приступленіе имперіи къ союзу противъ Пруссіи имѣло такое ничтожное вліяніе на ходъ борьбы, что при переговорахъ о Губертебургскомъ мирѣ даже вовсе не было представителей имперіи и миръ состоялся безъ ея спросу. Сеймъ во всемъ этомъ ограничился только благодарностію императору за то, что онъ съ отеческою заботливостію пекался о сохраненіи уставовъ, достоинства и независимости имперіи, хотя опустошенныя поля и выжженные или разграбленныя мѣстности еще долго свидѣтельствовали о тяжкихъ ранахъ, нанесенныхъ Германіи этою войною.

Какъ безсильное представительство Нѣмецкой имперіи лишило ее всякаго значенія и вѣса въ европейскихъ политическихъ дѣлахъ, такъ печальное состояніе судебной части отнимало у слабаго всякую защиту и дозволяло наглому, ловкому или сильному всевозможныя несправедливости и притѣсненія. Верховный имперскій судъ въ Вецларѣ, «этотъ клейнодъ германской конституціи», на рѣшеніе котораго поступали жалобы имперскихъ чиновъ другъ на друга или споры ихъ съ своими подданными, терялъ болѣе и болѣе значенія, частію потому, что могущественнѣйшіе члены имперіи съумѣли уклониться отъ его вліянія, частію потому, что онъ велъ дѣла уже слишкомъ осмотрительно и медленно, такъ что процессы тянулись по многу лѣтъ прежде чѣмъ доходило до какого-нибудь рѣшенія, тяжущіеся между тѣмъ умирали или разорялись, а масса судебныхъ актовъ нарождалась до чрезвычайности. При этомъ, такъ какъ различныя государства вносили опредѣленные на содержаніе имперскихъ учрежденій деньги весьма неправильно, то судьямъ, вмѣсто жалованья, приходилось большею частію разсчитывать на одни поборы, что, разумѣется, открывало широкій путь взяточничеству и подкупу. Отсюда безпрестанныя жалобы на пристрастіе, на несправедливость, на выдачу канцелярской тайны. Что касается до низшаго судопроизводства, то при великомъ разнообразіи частныхъ законодательствъ, при дробности мелкихъ областей и при неограниченномъ господствѣ судей и чиновниковъ маленькому человѣку было очень трудно добиться какого-нибудь правосудія. Это былъ золотой вѣкъ юристовъ и адвокатовъ. — Въ самомъ худшемъ состояніи находилась исполнительная власть. Могущество императора обратилось въ пустой призракъ, доходъ его упалъ до нѣсколькихъ тысячъ гульденовъ. Чтобы онъ не могъ сдѣлать зла, у него отняли всякую возможность дѣлать что бы то ни было. Около трехъ сотъ пятидесяти наследственныхъ или выборныхъ державцевъ и республиканскихъ общинъ съ разнообразнѣйшею властью и съ самымъ неравнымъ объемомъ земель, не говоря уже о многочисленныхъ подручникахъ имперіи, рыцаряхъ Франконіи, Швабіи и Пререйнѣ, господствовали съ полными верховными правами въ Германіи, предоставляя общему главѣ одно только утвержденіе взаимныхъ договоровъ, жалованіе въ высшій санъ и объявленіе кого-нибудь изъ членовъ имперіи возрастнымъ по достиженіи имъ положенныхъ лѣтъ, или законнымъ, когда того требовали обстоятельства. Все великое въ политической жизни нѣмецкаго народа было задавлено разединеніемъ и исчезло безъ слѣда; никто не чувствовалъ себя членомъ

великаго цѣлаго, для котораго каждый долженъ жить, за которое каждый долженъ положить душу¹.

Князья, графы, рыцари и имперскіе города, непосредственно подручныя имперіи (*reichsunmittelbar*). Печальнѣйшую картину представлялъ общественный бытъ многочисленныхъ графствъ и княжествъ, имѣвшихъ титулъ непосредственныхъ подручниковъ имперіи. Даже и въ этихъ мелкихъ владѣніяхъ, гдѣ едва было довольно мѣста для патриархально-простаго управленія, владыки пытались царствовать, заводили свой дворъ, своихъ министровъ, раздѣляли порознь судебную часть, церковное и училищное вѣдомство, финансы и военныя дѣла, какъ будто каждая вѣтъ составляла сама по себѣ обширный департаментъ; и чѣмъ болѣе скудость средствъ могла возбудить сомнѣнія въ княжескомъ величій, тѣмъ ревнивѣе держались за верховное право своего державства. Въ такихъ рукахъ державная власть была страшною игрушкою, острымъ мечемъ въ рукѣ слабаго ребенка, — этого было слишкомъ мало для настоящей дѣятельности и слишкомъ много для потѣхи. — Многочисленное имперское рыцарство также пользовалось въ своихъ владѣніяхъ не только правомъ законодательства и наложенія податей, но и правомъ бить монету, учреждать таможи, требовать почетнаго конвоя, присвоивать себѣ регалію почты, охоты, суда и полиціи, — словомъ, пользовалось цѣлымъ рядомъ такихъ верховныхъ правъ, которыя были вообще недоступны сельскому дворянству. Рыцарство обыкновенно держало сторону императора [и за это онъ надѣлялъ его всякаго рода привилегіями. Союзами между собой рыцари защищались отъ нападеній державцевъ посильнѣе и такимъ образомъ препятствовали поглощенію своихъ территорій болѣе значительными (*Incorporation*). Они распредѣлялись на кантоны съ особыми мѣстными «старшинами» (*Ortsvorstände*), которые обязаны были отстаивать передъ императоромъ и на сеймѣ права и льготы рыцарства. Ограниченное въ достаткѣ и доходахъ своей расточительностью и дурнымъ хозяйствомъ и навлекая себѣ много справедливыхъ укоровъ своимъ поведеніемъ, рыцарство не имѣло ни нравственнаго вѣса, ни энергіи, и

¹ Мудрено ли, что изъ такой разобщенной среды вышло ученіе объ относительной маловажности государственнаго союза, особенно, когда сообразимъ, что въ этой же средѣ, и именно благодаря ей, самая жалкая и педантическая государственность развивалась на каждомъ шагѣ въ карикатурно-мелочныхъ размѣрахъ? Обращаемъ вниманіе нашихъ молодыхъ читателей на слѣдующую за симъ картину мелкихъ державъ и республикъ Германіи, — одну изъ самыхъ поучительныхъ въ исторіи всего міра.

только съ трудомъ сопротивлялось посягательствамъ сосѣднихъ державцевъ. Жалкое состояніе государственности въ рыцарскихъ владѣніяхъ много мѣшало развитію значительнѣйшихъ государствъ, которымъ рыцари были сосѣдями или въ которыя они совершенно входили своими землями. Раздавались громкія жалобы, что они препятствуютъ свободному сообщенію, нарушаютъ общественную безопасность и дѣлаютъ невозможнымъ строгое соблюденіе правосудія и необходимыхъ полицейскихъ установленій. Въ рыцарскихъ владѣніяхъ, по тогдашнимъ отзывамъ, не могъ утвердиться ни торговый, ни таможенный порядокъ, не было тамъ и хорошихъ школъ, существовавшихъ вездѣ по сосѣдству; тамъ хозяйничали бродяги, цыгане, нищіе, жида, да знахари. Гнетъ налоговъ и барщина разоряли бѣдныхъ подданныхъ въ конецъ. — Изъ числа нѣкогда цвѣтущихъ и гордыхъ имперскихъ городовъ только уже немногіе сохранили свое благосостояніе. Въ 18 вѣкѣ, правда, существовалъ еще 51 городъ, непосредственно подвластный имперіи, и депутаты ихъ, раздѣленные на двѣ лавы (скамьи), составляли на сеймѣ особую коллегію; но какъ низко упали они противъ прежняго своего значенія по милости опустошительныхъ войнъ 17 вѣка! Прошло то время, когда мирныя занятія, промышленный трудъ, наука и искусство могли процвѣтать въ ненарушимомъ привольѣ почти только за стѣнами имперскихъ городовъ; теперь обширнѣйшія владѣнія государей стали тѣмъ поприщемъ, на которомъ живо и благотворно развивалась политическая и гражданственная жизнь. Имперскіе города умалились въ объемъ своихъ территорій и въ экономическомъ отношеніи, торговля ихъ пришла въ упадокъ, въ администраціи и правосудіи они далеко отстали отъ большихъ и даже средней величины державъ. Магистраты часто были въ раздорѣ съ гражданами; подкупность, пристрастіе и nepотизмъ постоянно возбуждали жалобы противъ городскихъ управленій, и часто надо было прибѣгать къ вмѣшательству имперской юстиціи. Прежде столь цвѣтущая промышленность горожанъ исчезла почти безслѣдно; занимавшаяся ею часть населенія или сама собою впала въ глубокое бездѣйствіе, или въ нелѣпныхъ цеховыхъ уставахъ встрѣчала преграду къ развитію свободной и самобытной дѣятельности. А вмѣстѣ съ вещественною силой утратились и прежняя самоувѣренность и смѣлая гордость полною свободой. Городовые участки (контингенты) имперской арміи стали истиннымъ посмѣшищемъ въ глазахъ стороннихъ людей. Такое положеніе, разумѣется, не могло выдержать никакого сколько-нибудь сильнаго потрясенія. Разобщенные съ умственнымъ

движеніемъ цѣлаго народа, лишенные тѣхъ выгодъ, какія доставляетъ болѣе обширная государственная жизнь, глубоко упавъ въ матеріальномъ благосостояніи и съ тѣмъ вмѣстѣ вдавшившись въ дремоту, чуть не въ окостенѣніе, не чувствуя въ себѣ никакого живаго побужденія выбиться изъ своего жалкаго быта и пробавляясь только тѣнью прежняго величія и славы, — имперскіе города могли еще прозябать кое-какъ въ совѣршенно мирныя времена, но уже отнюдь не противустоятъ тѣмъ бурямъ, которыя принесла съ собою новая эпоха исторіи. Ихъ постигла одна участь съ духовными державами и съ владѣніями мелкихъ имперскихъ господъ; они всего болѣе наполнились гнилью броженія, всего болѣе испытали на себѣ дѣйствіе революціонной заразы. Поэтому, наравнѣ съ ними, и подверглись они всѣхъ скорѣе первому разрушительному дѣйствию новаго времени.

§ 685. Планы Іосифа II. Печальное состояніе Нѣмецкой имперіи внушало отвращеніе энергическому императору Іосифу II и естественно возбуждало въ немъ желаніе временными реформами устранить закоренѣлое зло. Поэтому едва кончина отца сдѣлала его обладателемъ нѣмецко-императорскаго престола (1765), какъ онъ уже обратилъ свое вниманіе на имперскій надворный совѣтъ въ Вѣнѣ, который противустоялъ съ одинаковыми правами верховному имперскому суду въ Вецларѣ, но пользовался еще худшею славою какъ относительно неподкупности и правоты судей состоявшихъ изъ дворянъ и ученыхъ, такъ и относительно порядковъ дѣлопроизводства; новый государь строго запретилъ надворному совѣту принимать какія-либо подарки или «благодарности» и требовалъ отъ него ускореннаго и болѣе правильнаго судопроизводства. Вслѣдъ за тѣмъ настоялъ онъ у сейма, чтобы надъ верховнымъ судомъ въ Вецларѣ назначена была слѣдственная коммиссія (1767); по сколько ни убѣжденъ былъ каждый въ необходимости улучшенія судебной части, имперскіе чины всего болѣе опасались нововводительствъ и потому начатое слѣдствіе вскорѣ опять перестало двигаться съ мѣста и изъ всей этой передраги важнаго не вышло ничего. Послѣ девятилѣтнихъ трудовъ коммиссія разошлась при взаимномъ раздраженіи членовъ другъ на друга (май 1776). Если уже эта попытка исправить очевиднѣйшее зло въ прогнившей храминѣ имперіи внушила князьямъ опасенія и заботы, то еще

болѣе озадачило ихъ намѣреніе императора воспользоваться перемѣной царствованія въ Баваріи, чтобы пріобрѣсти себѣ нѣкоторыя сподручныя для округленія участки. Съ Максимилианомъ Іосифомъ пресѣклась баварская линія дома Виттельсбаховъ (20 дек. 1777) и курфюршество досталось ближайшему наслѣднику Карлу Теодору Пфальцскому. Этотъ, не имѣя законныхъ потомковъ и не питая ни какой любви къ унаслѣдованному имъ краю, легко согласился, въ силу особой конвенціи, признать законность притязаній Іосифа на Нижнюю Баварію, Верхній Палатинатъ и маентность Миндельгеймъ, чтобы уступкою этихъ областей обезпечить нѣкоторыя выгоды своимъ побочнымъ дѣтямъ. Фридрихъ II, встревоженный расширеніемъ Австріи и жаждою новыхъ пріобрѣтеній со стороны императора, старался помѣшать этому замыслу и побудилъ ближайшаго наслѣдника Баваріи, герцога Карла Цвейбрюкенскаго протестовать на сеймѣ противъ конвенціи, а когда это ни къ чему не повело, онъ двинулъ войско въ Богемію, чтобы воспрепятствовать перемѣнѣ существующаго порядка вооруженною рукою. Изъ этого вышла война за баварское наслѣдство (1778 — 79), въ которой мало боролись въ полѣ, за то тѣмъ болѣе дѣйствовали перомъ, такъ какъ обѣ стороны старались доказать свое право учеными юридическими диссертациями. Но всѣ державы опасались тогда общеевропейской войны, и потому Россіи и Франціи удалось своимъ посредничествомъ склонить императрицу Марію Терезію, недовольную нововводительскими своего сына, заключить Тешенскій миръ (13 мая 1779), которымъ палатинскому дому была обезпечена Баварія, австрійскому—такъ-называемая Иниская четверть (т. е. округъ) вмѣстѣ съ Браунау, а прусскому—право наслѣдія въ маркграфствахъ Ансбахъ и Байрейтъ. Этотъ миръ проложилъ русской политикѣ первый путь ко вмѣшательству въ дѣла Нѣмецкой имперіи. По смерти Маріи Терезіи, раздраженный неудачею своихъ плановъ, императоръ, вторично попытался присвоить себѣ Баварію, предлагая въ обмѣнъ за нее австрійскіе Нидерланды (Бельгію) съ титуломъ Бургундскаго королевства. Карлъ Теодоръ шелъ и на это, а съ другой стороны русскіе агенты ходатайствовали заманчивыми обѣщаніями о согласіи гер-

цога Цвейбрюкенскаго. Но Фридрихъ II, чтобы снова обезпечить палатинскому дому престолонаслѣдіе въ Баваріи, старался помѣшать и этому плану учрежденіемъ союза имперскихъ князей (1785), въ который постепенно вошли Ганноверъ, курфюршества Саксонія и Майнцъ, Гессенъ-Кассель, Брауншвейгъ, Баденъ, Ангальтъ, Мекленбургъ и др., и котораго цѣлью было поддержаніе княжеской независимости и сохраненіе имперіи въ тогдашнемъ ея составѣ. Союзъ князей на столько же поднялъ могущество и значеніе короля Прусскаго, на сколько онъ повредилъ императору, подорвавъ вѣсь его въ конецъ. Въ предѣлахъ союза право было обезпечено и всѣмъ уважалось, тогда какъ императоръ, стремясь усилить могущество своей династіи, перѣдко позволялъ себѣ нарушенія существующаго порядка. — Этому перевороту въ постоянной политикѣ обоихъ государствъ Фридрихъ обязанъ былъ тѣмъ, что ему удалось наконецъ уладить «Прусскую унію»; о которой онъ много разъ тщетно хлопоталъ въ прежніе годы. Чрезъ это Прусскій король сдѣлался верховнымъ блюстителемъ государственнаго устройства имперіи. Не смотря однакожъ на этотъ все-таки ненадежный союзъ, узы связывавшія имперію болѣе и болѣе ослабѣвали. Каждый державецъ стремился къ самобытной, неограниченной власти; у каждаго былъ свой маленькій дворъ, который, въ роскоши и расточительности, въ нравахъ и модахъ, въ языкѣ, литературѣ и художествахъ, подражалъ Версальскому двору. Даже и княжескій союзъ, который нѣкоторые патріотическіе члены, наприм. герцогъ Карлъ Августъ Саксенъ-Веймарскій, желали бы распространить далѣе и которымъ они хотѣли воспользоваться какъ основою національнаго единенія и преобразованія имперской конституціи, — этотъ союзъ, по смерти Фридриха II, когда повидимому уже нечего было опасаться честолюбивыхъ замысловъ Австріи, былъ оставленъ въ пренебреженіи и наконецъ исчезъ самъ собою безъ всякихъ послѣдствій.

§ 686. 6) Австрія. Въ Австріи, гдѣ императорская власть не ограничивалась ни какими чинами, императоръ Іосифъ II могъ успѣшнѣе выполнять свои преобразованія, чѣмъ въ Германіи. Марія Терезія, въ теченіе своего сорокалѣтняго царствованія (1740—80), при помощи умнаго и просвѣщеннаго министра, Кауница, устранила уже

многія злоупотребленія и спокойно, бережно и осмотнительно ввела много перемѣнъ, которыхъ требовало время. Армія и вся военная часть подверглись полному преобразованію, судебное вѣдомство было устроено совѣтъ на новый ладъ, а супругъ императрицы, превосходно знавшій торговыя и экономическія дѣла и обладавшій болѣе талантами купца, чѣмъ дипломата или воина, водворилъ порядокъ и бережливость въ финансахъ, не отступая однакожь отъ обычнаго блеска и великолѣпія двора. Военными академіями и другими учебными зеведеніями пыталась она привить хотя нѣкоторое образованіе невѣжественному дворянству; старалась водворить порядокъ и однообразіе въ общинныхъ учрежденіяхъ, ремеслахъ и цехахъ, съ подчиненіемъ ихъ надзору правительства, и коснулась своею преобразовательною рукою даже нѣкоторыхъ церковныхъ злоупотребленій, впрочемъ ни мало не одобряя враждебныхъ церкви мѣръ, принимаемыхъ другими державами. Строжайше соблюдалось право верховной власти не допускать никакихъ церковныхъ распоряженій безъ предварительнаго одобренія правительства (такъ-называемое *Placet*), учебная часть устранялась болѣе и болѣе изъ-подъ вліянія духовенства и соотвѣтственно духу времени измѣнены многіе монастырскіе порядки. Путаница первобытныхъ землевладѣльческихъ отношеній въ Венгріи подверглась также благотворному преобразованію въ силу обширнаго урбаріальнаго (поземельнаго) устава. Этимъ уставомъ опредѣлены права каждаго владѣльца въ числящейся за нимъ землѣ, а равно и барщинская повинность приписанныхъ къ ней крѣпостныхъ, которая прежде требовалась по усмотрѣнію помѣщика, была теперь ограничена извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней въ недѣлю. Но при всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Марія Терезія щадила права подвластныхъ ей племенъ, вѣру народа и взаимныя отношенія сословій, а потому и устранила своего даровитаго, но слишкомъ торопливаго въ преобразованіяхъ сына отъ управленія родовыми областями, предоставляя ему столь же мало вліянія на государственныя дѣла, какъ и своему мужу Францу I. Но едва, съ кончиною матери (20 ноября 1780), молодой императоръ сталъ неограниченнымъ обладателемъ Австрійской монархіи, какъ и началъ цѣлый рядъ преобразованій, которыя отчасти раздражили духовенство и его друзей, отчасти нарушили привилегіи дворянства, отчасти оскорбили національное чувство народовъ, подвластныхъ его державѣ. Конечно, во всѣхъ принимаемыхъ имъ мѣрахъ Іосифъ II имѣлъ цѣли самыя возвышенныя, и потомство, которое можетъ лучше оцѣнить его стремленія и замыслы,

всегда будет поминать имя его съ уваженіемъ; но онъ дѣйствовалъ слишкомъ поспѣшно, слишкомъ мало обращалъ вниманія на существующія отношенія, обычаи и предразсудки, и не давалъ своему поству вырѣвовать. Его планы осчастливить народы вообще и челоѣка въ частности были заподозрѣны и не принялись потому, что ими нарушались преимущества и привычки, укоренившіяся вѣками; его стремленіе устранить церковныя злоупотребленія и привить народу образованіе и просвѣщеніе, навлекло себѣ укоръ въ безвѣріе и вольподумствѣ, его старанія водворить государственное единство съ однообразнымъ судопроизводствомъ и упрощенною администраціей прослыли за тираннію и за выходки деспотической души. Его высокій энтузіазмъ къ общему благоденствію народовъ былъ оцѣненъ только немногими, а за неутомимую и напряженную дѣятельность, съ какою онъ самъ входилъ во все, допускалъ къ себѣ свободно каждаго, кто бы онъ ни былъ, устранялъ произволъ чиновниковъ и охранялъ подданныхъ отъ всякаго насилія, всѣми силами поощрялъ благотворительныя учрежденія, — за это онъ не нашелъ себѣ ни какой признательности у современниковъ, которыхъ его нововводительства растревожили въ ихъ обычномъ покоѣ. И церковь, и государство, и судебная часть, и взаимныя отношенія сословій, — все почувствовало на себѣ его преобразовательную руку.

§ 687. Преобразованія Іосифа. Нововведенія этого государя раземотримъ мы съ слѣдующихъ сторонъ: 1) Церковныя реформы. Онъ ввелъ вѣротерпимость, даровавъ послѣдователямъ обоихъ протестантскихъ исповѣданій, равно какъ и сынамъ греко-восточной церкви, полную свободу вѣры и одинаковыя политическія права съ католиками; потомъ онъ убавилъ на третью часть число монастырей, упразднивъ около 700 мужскихъ и женскихъ обителей, принадлежавшихъ преимущественно нищенскимъ орденамъ, съ слишкомъ 30,000 монашествующихъ. Эта секуляризація ¹, равно какъ и уменьшеніе епископскихъ доходовъ, доставили ему средства улучшить учебную часть, учредить новые приходы и училища и основать разныя общепользныя заведенія, каковы больницы, институтъ глухонѣмыхъ и т. д. Остальные монастыри, числомъ до 1324, съ 27,000 монаховъ и монахинь, подчинилъ онъ болѣе строгому надзору и воспретилъ имъ всякое сообщеніе съ Римомъ и съ иноземными начальствами. — Далѣе ограничилъ онъ чрезмѣрное ханжество, число духовныхъ процессій, число мѣстъ, куда

¹ То-есть возвать міру, свѣтскому вѣдомству.

ходили на богомолье и т. д., велѣлъ перевести Библію на отечественный языкъ и ввелъ въ богослуженіе нѣмецкіе церковные гимны; сократилъ разрѣшительныя права папы, затруднилъ связи своего духовенства съ Римомъ, ограничилъ духовно-судебную власть нунціевъ; предоставилъ болѣе правъ туземнымъ епископамъ, запретилъ посѣщать нѣмецкую коллегію въ Римѣ и далъ духовенству особыя правила воспитанія въ австрійскихъ предѣлахъ. Напрасно папа Пій VI старался навести императора на другой путь неслыханнымъ дотолѣ способомъ, личнымъ пріѣздомъ въ Вѣну (1782). Іосифъ принялъ его самымъ почетнымъ образомъ, императоръ и его дворъ оказывали св. Отцу всевозможныя знаки благоговѣйнаго уваженія; но о дѣлахъ, для которыхъ именно пріѣзжалъ папа, не было ни какихъ переговоровъ, и Пій VI долженъ былъ удовольствоваться лишь тою честью, съ какою встрѣтили его въ предѣлахъ южной Германіи, и особенно въ Баваріи.

2) Преобразования въ гражданскомъ быту. Къ числу благотѣлнѣйшихъ учрежденій Іосифа II принадлежатъ водвореніе личной свободы чрезъ отмену крѣпостнаго состоянія, равномерное разложеніе податей на всехъ гражданъ безъ различія званій, соответственно новой съемкѣ поземельной собственности (кадастру), и уравниеніе ихъ передъ закономъ не смотря на лица и сословія. Правда и то, что его быстрота и безпощадность при исполненіи этихъ мѣръ оскорбили многихъ нарушеніемъ существующихъ правъ и укоренившихся обычаевъ. Съ другой стороны онъ старался поднять благоденствіе своихъ областей поощреніемъ земледѣлія, скотоводства и промышленности; онъ запретилъ ввозъ иностранныхъ винъ и щегольскихъ товаровъ, наказывалъ за контрабанду съ неумолимою строгостью и, договорами съ Турціей, открылъ австрійской торговлѣ путь въ Черное море. Попытка настоять на свободномъ провозѣ товаровъ по Шельдѣ, чтобы поднять этимъ торговлю Антверпена, вовлекла его въ войну съ Голландцами, въ которой онъ хотя и добился нѣкоторыхъ уступокъ, однакожъ долженъ былъ отказаться отъ главнаго своего намѣренія (§ 677).

§ 688. Ссора Іосифа съ Нидерландцами и Венграми.

3) Введеніе однообразнаго государственнаго и судебнаго устройства. Планъ Іосифа управлять по одной формѣ разными подвластными Австріи народами, которые имѣли каждый свои особыя права и уставы, его стремленіе превратить ихъ въ одну великую націю, въ одно политическое цѣлое,—все это потерпѣло въ Бельгіи и въ Венгріи

совершенную неудачу. Бельгія состояла изъ нѣсколькихъ областей съ стародавними правами, льготами и учрежденіями, въ числѣ которыхъ особенно славилась учрежденіе Брабанта, обезпечиваемая такъ-называемымъ «радостнымъ вшествіемъ» (*joyeuse entrée*, § 397, примѣчаніе). Намѣстникъ и министръ представляли здѣсь особу государя и стояли въ главѣ управленія; но по всѣмъ важнымъ вопросамъ, особенно вразсужденіи податей, они должны были спосылаться съ чинами каждой области, и вся мѣстная администрація находилась въ рукахъ туземныхъ чиновниковъ. Бѣольшая часть областей имѣла свои особые независимые верховные суды, въ числѣ которыхъ особеннымъ уваженіемъ пользовался большой совѣтъ брабантскій. Вѣлнчайшее значеніе имѣло богатое и сильное духовенство, въ чьихъ рукахъ находилась вся учебная часть и чье вліяніе на народъ было безпредѣльно. Эти вѣками утвердившіяся отношенія Іосифъ также отважился преобразовать. Онъ раздѣлилъ весь край на девять округовъ, назначивъ по интенданту въ каждомъ, учредилъ одинъ верховный правительственный совѣтъ и соединилъ всѣ областные суды въ одномъ верховномъ судилищѣ въ Брюсселѣ. Затѣмъ онъ коснулся церковныхъ учреждений, водворивъ здѣсь вѣротерпимость точно такъ же, какъ и въ Австріи, закрывъ многіе монастыри, положивъ явному ханжеству нѣкоторыя законныя преграды и предпринявъ коренное преобразование училищъ, особенно Лувенскаго университета. Это прежде всего повело къ возстанію между студентами, бывшимъ совершенно въ рукахъ духовенства. Едва успѣли подавить эту вспышку, какъ неудовольствіе противъ новаго управленія и судопроизводства обнаружилось мятежемъ, которымъ руководили духовные и дворяне и который сопровождался разными буйствами черни (1787). Брабантскіе чины наотрѣзъ отказали въ податяхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ отменены нововведенія; города учредили гражданское ополченіе, чтобы силою настоять на возстановленіи прежняго порядка. Императоръ былъ занятъ тогда войною съ Турками въ союзѣ съ Россіей, а потому мѣстное правительство, не зная что начать, обѣщало это возстановленіе, лишь бы только умирить мятежь. Но Іосифъ не согласился на это. Онъ правда посулилъ исполнить общее желаніе относительно администраціи и суда, но требовалъ, чтобы церковныя нововведенія, преобразование университета и учебной части остались неприкосновенны. Тогда буря разразилась опять съ новою силою. Напрасно австрійскія войска хотѣли вооруженною рукою пода-

вить возстаніе; возмущенный народъ прогналъ ихъ слабые отряды; Нидерландскія области объявили себя независимыми (іюнь 1790) и учредили въ Брюсселѣ конгрессъ. Въ этихъ событіяхъ нельзя было не признать вліянія Франціи, сколь ни различны были цѣли, къ которымъ стремились въ томъ и другомъ краѣ: въ Бельгіи ратовали за прежній порядокъ, тогда какъ во Франціи хотѣли его устранить. Столь же горькія испытанія постигли императора въ Венгріи сокрушили раздражительное его сердце.—При самомъ восшествіи своемъ на престолъ Іосифъ возстановилъ противъ себя Венгровъ, ревниво соблюдавшихъ свои стародавніе уставы и порядки, отступленіемъ отъ прежняго обычая, по которому король всегда короновался въ Пресбургѣ: онъ велѣлъ привезти священную венгерскую корону въ Вѣну и обошелъ тѣмъ присягу въ вѣрности венгерской конституціи, значительно связывавшей его власть; потомъ, чтобы свободнѣе дѣйствовать въ своихъ реформахъ, онъ не созывалъ сейма на совѣщаніе; наконецъ онъ водворялъ нѣмецкихъ колонистовъ на венгерской землѣ и вмѣсто употребительнаго дотошъ латинскаго объявилъ officialнымъ языкомъ нѣмецкій, принуждая всѣхъ Венгровъ учиться нѣмецкой грамотѣ. Слѣдовавшія за тѣмъ мѣры императора еще усилили общее неудовольствіе, сколь ни благотворны онѣ были для этой страны, управляемой до тѣхъ поръ въ строго-аристократическомъ духѣ. Отмѣна крѣпостнаго правящихъ стѣсненій, уравниеніе податей, упрощеніе администраціи и судопроизводства и т. д., все это сильно раздражило могущественное дворянство; а католическое духовенство негодовало, въ свою очередь, на сокращеніе числа монастырей и на водвореніе вѣротерпимости: оба сословія воспользовались своей властью и вліяніемъ надъ невѣждой мѣщаниномъ и мужикомъ, чтобы, представляя имъ опасности отъ нововводительствъ и нарушеній права, привести ихъ въ волненіе. Такимъ образомъ и здѣсь произошли грозныя движенія, которыя вынудили императора, занятаго турецкою войной, отмѣнить большую часть своихъ распоряженій.

Неудача плановъ имѣвшихъ цѣлю благо подвластныхъ ему людей, превратное толкованіе благороднѣйшихъ его намѣреній подтачивали жизненныя силы императора и ускорили его смерть (20 февр. 1790), которой зародыщъ захватилъ онъ въ нездоровыхъ придунайскихъ краяхъ во время войны съ Турками. Последнія слова его, «что онъ имѣлъ несчастіе видѣть неудачу всѣхъ своихъ плановъ», доказываютъ ясно, какимъ тяжкимъ бременемъ лежало у него на душѣ сознаніе безплодно-

дѣятельной жизни. Осьмнадцатый вѣкъ съ его филантропіей и гуманностью и, вмѣстѣ, съ его жестокосердіемъ и насильственностью въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось провести любимыя теоріи, — это время, полное удивительныхъ противорѣчій, то пламенѣвшее къ свободѣ, то деспотическое до звѣрства, то одушевляясь высшимъ сознаніемъ права, то попирая всѣ возможныя права, блиставшее терпимостью и однако неспособное выносить чуждыхъ мнѣній, — это чудное время едва ли выразилось такъ рѣзко въ какой-нибудь личности, какъ именно въ Іосифѣ II. Его братъ и преемникъ Леопольдъ II (1790 — 92) былъ кротче и податливѣе Іосифа и не такъ раздражителенъ отъ природы; онъ снова ввелъ въ Бельгіи и Венгріи прежніе уставы и обычныя учрежденія, задобривъ дворянъ и духовенство выгодными посулами, и умною, уклончивою политикой возстановилъ нарушенное согласіе съ Пруссіей. Благодаря этому въ имперіи мало-по-малу водворилось спокойствіе. Но распустить брюссельскій конгрессъ успѣлъ онъ только тогда, когда силою принудилъ къ покорности нидерландскихъ республиканцевъ, между которыми, по обыкновенію, возникли раздоры.

Леопольдъ II и Францъ II. Леопольдъ, бывшій въ качествѣ великаго герцога Тосканскаго такимъ же ревностнымъ преобразователемъ, какъ и его братъ, только болѣе осторожнымъ, вступивъ на императорскій престолъ, сталъ держаться противоположныхъ правилъ: онъ не только отмѣнилъ большую часть братниныхъ нововведеній въ церкви и государствѣ, но изъ опасенія къ французскимъ революціоннымъ идеямъ стѣснилъ свободу слова и печати и заключилъ съ Пруссіею противъ Франціи наступательный и оборонительный союзъ. Скорая смерть избавила его отъ роковой войны, къ которой побуждалъ его Фридрихъ Вильгельмъ II и которая досталась въ наслѣдство сыну его Францу, государю, соединявшему въ своемъ характерѣ самыя противоположныя черты. Ревниво соблюдая неограниченность своей власти, преслѣдовалъ онъ безпощадно все, что противилось его безусловному самовластію и казалось ему посягательствомъ на святыню его лица; жестокосердіе и безчувственность, какія обнаруживалъ онъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда оскорблялось его самолюбіе или раздражалась недовѣрчивость, не рѣдко затемняли тѣ черты добродушія и популярности, тотъ остатокъ великаго сокровища народнаго блага, вѣрности и любви, которые онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца вмѣстѣ съ трономъ. Естественный врагъ всѣхъ Іосифовыхъ нововведеній, онъ предоставилъ

внутреннія дѣла пагубному вліянію мрачнаго Тугута, чловѣка византійской школы, который отъ умѣренныхъ (хотя и неосторожно ведо-
мыхъ) начинаній Іосифа II круто повернулъ къ старинной системѣ Фердинандовъ и замѣнилъ живую энергію Іосифовской дѣятельности мертвымъ механизмомъ централизаціи, официальныхъ формъ и полицейскаго надзора. Императоръ Францъ II видѣлъ въ наукѣ не чистый, свободный и здоровый цвѣтъ чловѣческаго духа, а только служитель-
ницу внѣшнихъ цѣлей; онъ требовалъ отъ нея не ученыхъ, а добрыхъ гражданъ¹: оттого и давала она только скудные плоды и не могла про-
никнуть въ жизнь, не могла ее облагородить. Въ воспитаніи, въ учеб-
ной части, въ администраціи, вездѣ господствовали заветно-привычныя
формы; механическая рутина замѣняла и вытѣсняла живое движеніе
умовъ, направляющее въ разумныхъ предѣлахъ къ одной общей цѣли
самостоятельныхъ членовъ государственнаго союза; обученіе было дрес-
сировкой, администрація—выполненіемъ извѣстныхъ предписаній. Съ
особеннымъ пристрастіемъ развивалъ императоръ наслѣдіе своего отца,
итальянскую тайную полицію; изъ предусмотрительности она раздѣлена
была на разныя отрасли, каждая изъ нихъ состояла подъ кон-
тролемъ всѣхъ другихъ, у каждой былъ свой личный составъ и свой
родъ дѣлъ, но все въ совокупности сходялось къ особѣ государя и раз-
множало въ высшей степени язву подслушиванья и тайныхъ доносовъ.
Ни одна бумага не была безопасна ни въ чьемъ домѣ. Естественнымъ
слѣдствіемъ этой близорукой политики, боявшейся всякой умственной
и нравственной высоты и отнимавшей у стремленій націи самыя благо-
родныя ихъ цѣли, было всеобщее направленіе къ одному чувственному
наслажденію и развитіе страшной нравственной порчи, которая вѣрнѣе
всякихъ политическихъ движеній подрываетъ и губитъ общественный
порядокъ въ самыхъ основаніяхъ. Отличавшійся чистотою нравовъ
императоръ терпѣлъ въ числѣ своихъ приближенныхъ самыхъ ослав-
ленныхъ людей и, цѣня въ нихъ всего больше полную зависимость,
предпочиталъ ихъ благороднѣйшимъ натурамъ. Разврату высшихъ

¹ То-есть: онъ допускалъ лишь ту возможно-меньшую долю науки, какая казалась не-
обходимою для образованія такъ-называемыхъ добрыхъ гражданъ, и этимъ произвольнымъ
ограниченіемъ стѣсняя, парализировалъ благотворное вліяніе науки вообще. Наука не
даетъ отпускать себя безнаказанно въ пріемахъ, опредѣляемыхъ однимъ внѣшнимъ произ-
воломъ.

сословіи данъ былъ такимъ образомъ полный просторъ, и въ самой Вѣнѣ онъ сбрасывалъ съ себя все покровы вѣшняго приличія.

§ 689. в) Пруссія. Сорокъ шесть лѣтъ правилъ Фридрихъ II (1740—86) неограниченно Прусскою державой и присоединилъ къ ней Силезію, часть Польши и княжество Остфризландъ, такъ что при его кончинѣ доставшееся ему отъ отца государство возрасло на 1325 квадратныхъ миль и слишкомъ на три милліона жителей, сдѣлалось великою европейскою державой и приобрѣло въ Германіи рѣшительный, неодолимый вѣсъ. Какъ самодержецъ, безъ руководящихъ министровъ, безъ любимцевъ и вліятельныхъ фаворитовъ, управлялъ онъ государствомъ по одному собственному произволенію и ввелъ многія реформы, положившія начало или служившія подготовкой совершенно новому порядку вещей. Но при этомъ онъ дѣйствовалъ крайне осторожно, не торопился чрезмѣру ни какимъ дѣломъ и никогда не начиналъ съ того, чѣмъ слѣдовало оканчивать. Исходя отъ того начала, что король первый слуга государства и что общее благо должно составлять для него первую и высшую цѣль, Фридрихъ всегда имѣлъ въ виду благополучіе своего народа; по его мнѣнію правитель для общества то же самое, что голова для тѣла; но положенію этому онъ можетъ удовлетворять только при неизмѣнно вѣрномъ исполненіи своихъ обязанностей и при самой напряженной дѣятельности. Главною заботой его было улучшеніе матеріальнаго быта его страны и приумноженіе своихъ доходовъ. Для этого развязалъ онъ руки торговлѣ и промышленности, велѣлъ прорыть каналы, облегчить судоходство по рѣкамъ и очистить приморскія гавани, учреждалъ фабрики (берлинскую фарфоровую и другія), и вызывалъ изъ-за границы мастеровъ и художниковъ. Онъ поощрялъ также земледѣліе, лѣсоводство и горное дѣло и введеніемъ колоній старался о воздѣлкѣ необработанныхъ еще мѣстностей своей страны. Но ревность къ улучшеніямъ приводила его иногда и къ такимъ мѣрамъ, которыя вовсе не соответствовали ея природѣ: таковы напримѣръ шелководство въ Помераніи и Бранденбургѣ и винодѣліе вокругъ Потсдама. Онъ старался по возможности залѣчить раны, нанесенныя Семилѣтнею войной, помогая разореннымъ помѣщикамъ и фабрикантамъ въ Силезіи и Маркѣ значительными суммами, освобождая ихъ на многіе годы отъ податей и облегчая судьбу земледѣльческаго класса. — Съ благоденствіемъ подданныхъ возрастали и доходы государя, на увеличеніе которыхъ онъ обращалъ необыкновенное вниманіе. Экономіею въ государственномъ хозяйствѣ,

сбавкою жалованья высшимъ сановникамъ, водвореніемъ простоты въ придворномъ быту, сберегалъ онъ большія суммы, а развитіе промышленности, торговли и земледѣлія дали ему возможность возвысить полати безъ отягощенія подданныхъ. Самъ онъ подавалъ достойнѣйшій подражанія примѣръ бережливости, съ неутомимой бдительностью наблюдалъ за тѣмъ, чтобъ никто изъ его подданныхъ не терпѣлъ отъ злоупотребленій или отъ крайней нужды, чтобы каждый пользовался одинакимъ правомъ и одинакою защитою закона, и все средства, стекавшіяся въ его руки, онъ опять таки употреблялъ ко благу и величію вѣрен-ной ему страны: вотъ отчего казались легче самыя тягости, цѣною которыхъ покупалось такое величіе и такая благотворная власть. Только въ позднѣйшее время сталъ онъ прибѣгать къ дѣйствительно тяжкимъ и гнетущимъ мѣрамъ. Сюда особенно принадлежитъ пошлинная и акцизная администрація (регія, акцизное коммисіонерство), введенная Фридрихомъ вѣроятно по совѣту французскаго главнаго откупщика Гельвеція, для взиманія косвенныхъ сборовъ, наложенныхъ на кофей, табакъ, соль и другіе предметы, и состоявшая изъ четырехъ главныхъ надсмотрщиковъ, съ огромнымъ жалованьемъ, и тысячи низшихъ смотрителей; все они были Французы. Эти смотрители старались отворать всякой тайный торгъ обложеннымъ пошлиною товаромъ (контрабанду) и своей наглостью и высокомеріемъ навлекли величайшую ненависть этому учрежденію, и безъ того крайне притѣснительному для средняго класса и крестьянъ. — Однакожь, благодаря своей пошлинной администраціи и столь же опаснымъ для народнаго благосостоянія лотереямъ, король умѣлъ вести дѣла свои такъ, что не смотря на большіе расходы по военной части и дорогимъ, великолѣпнымъ сооруженіямъ (берлинскій оперный театръ, соборная церковь, университетъ, новый дворецъ, потѣшный замокъ Сансуей въ Потсдамѣ и мног. друг.), казна его всегда была полна, и, умирая, онъ оставилъ своему племяннику Фридриху Вильгельму II 72 милліона талеровъ наличною монетою и превосходно вооруженное войско въ 200,000 человекъ. — Главная забота Фридриха была обращена на военную часть, какъ на первую основу прусскаго могущества; поэтому при учрежденіи берлинской военной академіи и разныхъ кадетскихъ корпусовъ всего болѣе имѣлъ онъ въ виду образованіе изъ молодаго дворянства офицеровъ. Такое предпочтеніе, оказываемое своему и иноземному дворянству по военной службѣ, въ ущербъ среднему сословію, много способствовало упадку этой части, обнаружившемуся вскорѣ по смерти Фрид-

риха. — Король всего менѣе обращалъ вниманія на церковныя и учебныя дѣла. Учительскія должности въ небольшихъ мѣстечкахъ часто замѣщались онѣ отставными унтеръ-офицерами, чтобы только пристроить послѣднихъ, а высшія учебныя заведенія поручались въ завѣдываніе Французамъ. Чтожъ касается религіи и церкви, которыя преуспѣваютъ обыкновенно лучше при менѣе, нежели при излишнемъ попечительствѣ со стороны властей, для нихъ послужило въ большую пользу то, что Фридрихъ первый открыто заявилъ начало христіанской вѣро-терпимости и держался его на самомъ дѣлѣ. Благодаря своему образованію и вольномысленному направленію ума, онъ естественно стоялъ выше богословскихъ перебранокъ и мелочныхъ препирательствъ въ сферѣ церковности, и хотя нельзя признать отпаднымъ явленіемъ ту французскую философію, которой убѣжденія онъ раздѣлялъ, однакожъ нельзя не отдать ей справедливости въ томъ смыслѣ, что она возвратила разуму утраченные имъ права, ослабила религіозную ненависть и содѣйствовала къ водворенію болѣе свободнаго, гуманнаго образованія. — Гораздо болѣе пекся Фридрихъ о судебной части, гдѣ онъ устранилъ бездну золь. Пытка и жестокія, позорныя казни среднихъ вѣковъ были уничтожены; судопроизводство упрощено и ускорено; законы подвергались благовременнымъ преобразованіямъ; введенное при его преемникѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ II, «общее земское уложеніе» (*allgemeines Landrecht*), изготовлено въ царствованіе Фридриха. Въ этомъ новомъ уложеніи высказана была та мысль, что «Пруссія — государство правомѣрное (*ein Rechtsstaat*), что самая власть короля подчиняется существующимъ законамъ, что королевскія распоряженія не законъ, что «естественная свобода» гражданина никогда не можетъ подлежать инымъ стѣсненіямъ, кромѣ тѣхъ, какихъ требуетъ цѣль общаго блага». Фридрихъ хотѣлъ водворить этимъ уложеніемъ такое право, которое основано только на разумѣ и на коренныхъ уставахъ края. Но важнѣе всѣхъ возможныхъ указовъ и учрежденій было то, что Фридрихъ II самъ входилъ во всѣ подробности управленія, тщательно освѣдомлялся при своихъ путешествіяхъ о ходѣ судопроизводства и администраціи, побуждалъ нерадивыхъ, наказывалъ недобросовѣстныхъ. Неустойчиво дѣятельный съ ранняго утра до поздней ночи, успѣвалъ онъ знакомиться съ положеніемъ своего государства во всей подробности, и его диктаторскій обычай, не пренебрегавшій, при случаѣ, даже и палкою, наводилъ невольный страхъ на лѣнтяевъ и безсовѣстныхъ. Фридрихъ II былъ такая личность, которой вы-

сота снова подняла всю націю безъ различія племенъ, мѣтній, религіозныхъ исповѣданій. Неутомимый, дѣятельный, бдительный король, въ своей безпритязательной простотѣ, съ своимъ зоркимъ глазомъ, своимъ непоколебимымъ здравомысліемъ, своимъ презрѣніемъ ко всему выказному, ко всякой лжи, лести, съ своей любовью къ правдѣ и правосудію, — этотъ необыкновенный государь, безконечнымъ числомъ воспоминаній, разсказовъ и анекдотовъ, вошелъ во всѣ сферы народной жизни и сдѣлался живымъ достояніемъ всего германскаго народа, какъ ни какая другая личность его исторіи. Это единственный человѣкъ, которому среди общаго распаденія великой націи удалось пустить глубокіе корни въ цѣломъ обширномъ ея кругу. — Одно только свойство великаго короля часто и справедливо подвергалось укориженію — его пристрастіе къ чужеземному, его непризнательность и пренебреженіе къ отечественному. Причинъ тому относительно языка и литературы искать не далеко. Когда онъ вступилъ на престолъ, надъ нѣмецкою поэзіей и литературой вполнѣ властвовалъ Готшедъ съ своею школою, и ихъ бездарныя подражанія, ихъ жалкіе переводы французскихъ стихотвореній, разумѣется, не могли удовлетворить высокихъ требованій Фридриха. Онъ естественно обратился къ ясному и полированному, но пустому и лишенному фантазіи стихотворству Французовъ, удивлялся Вольтеру какъ поэту и философу даже и тогда, когда они разстались врагами и наговорили другъ другу самыхъ оскорбительныхъ вещей, и велъ съ литературными извѣстностями Франціи непрерывную переписку по-французски. Въ позднѣйшіе года у него не было ни охоты, ни досуга измѣнять возрѣнія своей лучшей поры; онъ не хотѣлъ знать совершеннаго преобразованія нѣмецкой литературы Клопштокомъ и Лессингомъ¹. — Но Фридрихъ былъ читателемъ

¹ Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что теперь, мысленно озираясь на ту эпоху, мы ясно видимъ, какъ сильно вліяли побѣды Фридриха въ Семилѣтнюю войну на пробужденіе общаго національнаго самосознанія въ Германіи. Конечно, такому крайне трезвому и разсудочному человѣку какъ Фридрихъ, восторженная, задушевная поэзія Клопштока не могла вообще быть по душѣ: религіозныя стихотворенія напоминали вольномысленному королю только дни его юности, когда его сажали твердить духовные гимны за наказаніе. Но онъ не обращалъ вниманія даже и на вызванныя его побѣдами патріотическія пѣсни какого-нибудь Кречмана, Денкса и друг. Пруссійскій монархъ въ то время все не имѣлъ въ виду Германіи: онъ трудился для одной Пруссіи — и только. Критическій умъ Лессинга, такъ безпощадно разоблачавшій дорожную Фридриху французскую поэзію, также не могъ прійти ему по вкусу, а между тѣмъ проходила для него та пора, когда еще сравнительно легко перемѣнять свои прежде выработанные взгляды. Его умъ

французскаго вкуса не въ одной литературѣ: все приемы, вся дѣятельность этой націи возбуждали его удивленіе и по возможности служили ему образцомъ. Французскіе прошлецы цѣлыми сотнями находили себѣ почетъ и кусокъ хлѣба въ Пруссіи, а какъ это пристрастіе къ чужеземному было въ модѣ и при другихъ дворахъ, то вся Германія кишѣла подбитыми вѣтеркомъ Французами. Парижскіе парикмахеры, языкоучители и танцмейстеры, при замѣщеніи высшихъ придворныхъ и административныхъ должностей, часто предпочитались самымъ заслуженнымъ туземцамъ; ихъ легкомысліе, ихъ страсть наслаждаться модными удовольствіями, сильно вредили старо-нѣмецкой простотѣ, чинности, чистотѣ нравовъ, отравляли публичную жизнь и портили общественный тонъ въ значительнѣйшихъ городахъ.

§ 690. Фридрихъ Вильгельмъ II (1786 — 97). Преемникъ Фридриха II, Фридрихъ Вильгельмъ II, во многомъ не держался правилъ своего дяди. Стѣснительное акцізное управленіе вмѣстѣ съ табачною и кофейною монополіей было совершенно отмѣнено, французскіе чиновники были уволены, военное и податное устройство преобразованы такъ, что они менѣе тяготили простонародіе; на нѣмецкое образованіе обращалось гораздо болѣе вниманія, равно какъ на учебную и воспитательную часть, для завѣдыванія которою учреждено «главное правленіе училищъ» (Oberschulencollegium); сельское хозяйство, промышленность и торговля также находили поощреніе, и сообщенія облегчались устройствомъ искусственныхъ дорогъ. Но благодаря превратной внѣшней политикѣ, безнравственной придворной жизни и стѣсненію умственной свободы внутри, Прусская держава утратила то достоинство и ту свободу въ дѣйствіяхъ, какія придалъ имъ Фридрихъ II. Сторонникъ системы политическаго равновѣсія, министръ Герцбергъ, склонилъ короля къ безцѣльному союзу съ Портою (1789), чтобъ удержать Австрію и Россію отъ расширенія своихъ предѣловъ на счетъ Турціи или чтобъ достигъ новаго раздѣла земель, по которому Данцигъ и Торнъ

былъ преимущественно занятъ уже совѣтъмъ другимъ; его поглощали многотрудныя государственныя дѣла, важныя, не терпѣвшія отлагательства практическія задачи. А между тѣмъ отвращеніе Фридриха къ нѣмецкой литературѣ быть-можетъ послужило ей болѣе въ пользу, чѣмъ послужило бы самое ревностное покровительство съ его стороны. Новое поколѣніе писателей и безъ того стремилось прославить нѣмецкое имя на поприщѣ науки и литературы, какъ Фридрихъ прославилъ его на поприщѣ побѣдъ, но при этомъ сохранило полную независимость своихъ стремленій; тогда какъ покровительство умнаго и энергическаго монарха, каковымъ былъ Фридрихъ, по всей вѣроятности наложило бы на всю литературную дѣятельность свою рѣзкую и во всякомъ случаѣ одностороннюю печать.

вошли бы въ прусскія владѣнія. Эта политика, которая повидимому сдѣлала на время Пруссію рѣшительницею европейскихъ дѣлъ, при шаткомъ, ненадежномъ образѣ дѣйствій Фридриха Вильгельма приняла для него наконецъ оборотъ неблагоприятный; содержаніе значительнаго войска на военномъ положеніи причиняло большіе расходы, на которые безъ пользы потрачена важная часть сбереженій, оставленныхъ Фридрихомъ. Но еще хуже этого было нравственное униженіе Прусской державы. Перехитренная Австріей на Рейхенбахскомъ конгрессѣ (іюль 1790), Пруссія покинула свое властительное положеніе, не достигнувъ ни чаяннаго расширенія своихъ предѣловъ, ниже какой иной выгоды, даже не доставивъ ни какого облегченія Оттоманской Портѣ, и такимъ образомъ сошла съ пути прежней рѣшительной, смѣлой и дѣятельной политики. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было полное торжество Австріи въ Нидерландахъ и въ Люттихѣ. Здѣсь подданные мѣстнаго князя епископа принудили его къ устраненію нѣкоторыхъ злоупотребленій и къ преобразованію политическаго устройства. Недовольный перемѣнами, епископъ убѣждалъ, вѣроломно отмѣнилъ всѣ свои уступки, сталъ искать помощи и нашелъ ее у верховно имперскаго суда. Къ Люттиху были двинуты экзекуціонныя войска, но отбиты. Пруссія напрасно старалась покончить дѣло своимъ посредничествомъ. Вліяніе Трира и Кёльна пересилило въ Вецларѣ и повело къ тому, что австрійскія войска вступили изъ Брабанта въ Люттихъ и насильно возстановили прежній порядокъ (1794). Вслѣдствіе того эта пограничная земля вскорѣ потомъ отпала къ Франціи. Еще менѣе заслужило себѣ похвалы внутреннее управленіе Фридриха Вильгельма II. Чтобы противустать антицерковнымъ стремленіямъ, закрывшимся въ Пруссію подъ защитой Фридриха II и выродившимся до самой пошлой плоскости, а вмѣстѣ и подавить разсудочно-религіозное (раціоналистическое) направленіе, распространенное на почвѣ нѣмецкой литературѣ трудами Николаи и его единомышленниковъ¹, король по совѣту піетистическаго оберфинанцра-

¹ Эта раціоналистическая партія, которой средоточіемъ былъ Берлинъ и въ главѣ которой стоялъ Николаи (1733 — 1811) съ своею «Всеобщею нѣмецкою бібліотекою», шла по стопамъ англійскихъ деистовъ, старалась выставить общепользную и общепонятную сторону христіанскаго ученія и ратовала противъ партіи строгихъ ревнителей, предводимой главнымъ пасторомъ въ Гамбургѣ, Мельхіоромъ Геце. Николаи, своимъ сатирическимъ романомъ: «Жизнь и мнѣнія магистра Зебальда Нотанкера» и Лессингъ (1729 — 84) своимъ «Антигеце» совершенно сбили его съ поля сраженія. Но рядомъ съ ригористами, хотя и вовсе не церковнымъ путемъ, выступили на защиту безусловной вѣры мистики: католичка княгиня Голицына, извѣстный подъ именемъ «Сѣвернаго волхва»

та Вёльнера издалъ знаменитый религіозный эдиктъ, который запрещалъ духовнымъ лицамъ, подъ страхомъ лишенія должности, отступать въ чемъ бы то ни было отъ церковнаго вѣроученія (установленнаго символическими книгами), поставилъ опредѣленіе пасторовъ и учителей въ зависимость отъ предварительнаго испытанія ихъ въ правовѣріи, подвергъ и тѣхъ и другихъ строжайшему надзору и предоставлялъ частнымъ лицамъ свободу совѣсти только съ тѣмъ условіемъ, «чтобы каждый мирно исполнялъ свои обязанности какъ добрый гражданинъ, храня про себя всякое особенное мнѣніе и отнюдь не распространяя его въ обществѣ». Это ограниченіе свободы вѣры и преподаванія возбудило сильное противорѣчіе, которое болѣе строгій цензурный уставъ, разумѣется, ни чуть не успокоилъ. Вліяніе г-жи Рицъ, дочери придворнаго музыканта Энке, пожалованной въ графини Лихтенгау, равно какъ и вліяніе всей піетистической камарилы (Вёльнера, Бишофсвердера и друг.) на чувственнаго и мистическаго короля было такъ же пагубно для чести и достоинства Прусской державы, какъ и непатріотическая политика какого-нибудь Гаугвица, Луккезини и Ломбарда. Привѣтствуемый сначала ликованіемъ и лестью, прозванный «многолюбимымъ», Фридрихъ Вильгельмъ II подвергся потомъ чрезвычайному позору и порицанію. Приобрѣтеніемъ франконскихъ княжествъ Байрѣйта и Анспаха (съ которыми перешелъ къ Пруссіи и орденъ Краснаго Орла) и участіемъ въ раздѣлѣ Польши, Прусское государство при Фридрихѣ Вильгельмѣ II возросло и объемомъ и народонаселеніемъ. Быстрое возвышеніе Пруссіи и значительное расширеніе ея предѣловъ наполнили дворъ, дворянство и армію слишкомъ высокимъ мнѣніемъ о самихъ себѣ; это самомнѣніе, еще возросшее отъ военной удачи въ Голландіи (§ 677), въ послѣдствіи оказалось крайне пагубно для государства. Приписывали собственной заслугѣ то, что преимущественно было благословеннымъ трудомъ геніальнаго властителя, и не замѣчали недостатковъ, скрывавшихся подъ личной вышней блеска.

Фридрихъ Вильгельмъ II, его министры и любимцы. Фридрихъ Вильгельмъ II (род. 1744) соединялъ съ твердою, обогащенною историческимъ изученіемъ памятью, здравость сужденія, благород-

Гаманъ, Фр. Г. Якоби, графъ Фр. Леоп. Штальбергъ и наконецъ, замѣчательнѣйшіе изъ всѣхъ Юнгъ Штталлингъ (1740—1817) и цюрихскій пасторъ Лафатеръ (1741—1804). Съ послѣднимъ боролись орудіемъ остроумной насмѣшки особенно Виландъ и Лихтенбергъ. Исходя съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, рационализмъ и догматизмъ никогда не могутъ сойтись между собою.

ный, доброжелательный характер и живое чувство собственнаго достоинства; эти хорошія свойства затмѣвались однакожь сластолюбіемъ, поставлявшимъ его въ зависимость отъ фаворитокъ, склонностью къ чудесному, доходившею до духовидѣнія, вслѣдствіе чего самые посредственные, но хитрые люди овладѣвали имъ совершенно, и наконецъ — недостаткомъ выдержки и настойчивости. Но большую часть грѣховъ его царствованія должно приписать самому народу, который сначала безъ всякаго удержу и стыда пресмыкался передъ его фаворитами Бишофсвердеромъ и Вѣльнеромъ и передъ его любовницами, а потомъ мѣшалъ исполненію его лучшихъ политическихъ плановъ и недостойно злоупотреблялъ его щедростью при раздачѣ польскихъ маентностей. Гансъ Рудольфъ фонъ Бишофсвердеръ, рожденный около 1741 въ тюрингенской Саксоніи, потомъ состоявшій въ военной и придворной службѣ разныхъ государей, со времени войны за баварское наслѣдство протѣснился ближе къ принцу Прусскому и сдѣлался съ тѣхъ поръ неразлучнымъ его спутникомъ и совѣтодавцемъ. Обладая тонкимъ, коварнымъ умомъ, удивительною сдержанностью, надѣленный истиннымъ талантомъ царедворца казаться незначительнымъ, и въ то же время мастерски импонировать другимъ таинственною, мистико-торжественною наружностью, полный властолюбія, но никогда не выказывавшій его въявь, онъ умѣлъ совершенно опутать безподозрительную, открытую натуру Фридриха Вильгельма, и развѣ только вліяніе одной г-жи Рядъ способно было по временамъ перевѣшивать его силу. — Іоаннъ Христофоръ фонъ-Вѣльнеръ, рожденный 1738 въ Дёберницѣ близъ Шпандау, началъ съ того, что занимался богословіемъ и съ 1755 былъ пасторомъ въ Беницѣ, но въ 1759 покинулъ это званіе и сдѣлался собесѣдникомъ одного дворянина изъ Мархіи, молодаго Иценпица, бывшаго своего питомца, сталъ товарищемъ его по арендѣ Беницкихъ имѣній, а наконецъ и его зятемъ. Прежде онъ выступалъ на поприще литературы только съ печатными проповѣдями, а теперь вполне отдался сельскому и государственному хозяйству; литературные опыты сдѣлали его даже сотрудникомъ «Всеобщей нѣмецкой бібліотеки» Николаи. Съ 1782 г. онъ преподавалъ по тѣмъ же частямъ наслѣднику прусскаго престола, потомъ былъ однимъ изъ тѣхъ на кого посыпались дворянскіе титулы при вступленіи принца на престолъ (1786) и вмѣстѣ съ званіемъ тайнаго оберфинанцрата получилъ главный надзоръ за королевскими постройками, а равно и наблюденіе за такъ-называемою диспозиціонною (расходною) кассой. Пестрая эта жизнь

обличала въ немъ такое же умѣнье пользоваться обстоятельствами и людьми, какъ и у Бишофвердера; только у Вельнера къ натурѣ интриганта примѣшивалось еще ханжество и поповское властолюбіе. Оба они были давними пріятелями; Вельнеръ своимъ возвышеніемъ отчасти обязанъ былъ поддержкѣ Бишофвердера; оба были въ связяхъ съ мистическими обществами, которыхъ тайныя козни, духовидчество и разныя другія затѣи составляли такую чудную противоположность съ тогдашнею страстью къ просвѣщенію. Всегда будетъ трудно опредѣлить, до какой степени эти люди и ихъ единомышленники злоупотребляли своею властью надъ слабою душой и пылкою фантазіей короля для разныхъ розенкрейцеровскихъ фокусовъ; но между современниками сохранилось богатое разсказами преданіе о тѣхъ преступныхъ обманахъ этого рода, благодаря которымъ они будто бы обезпечили свою власть надъ душой Фридриха Вильгельма. — Гаугвицъ, маленькій человѣкъ, съ радужнымъ лицомъ и обязательною манерой, но съ выраженіемъ чего-то поверхностнаго и ненадежнаго, обладалъ ловкимъ, гибкимъ, хитрымъ умомъ, но не имѣлъ ни чистоты, ни стойкости, ни правдивости въ нравѣ. Въ теченіе своей жизни облекался онъ въ разнообразныя формы, которыя противорѣчили одна другой: то являлся сладкимъ студентомъ, то — подражателемъ такъ-называемыхъ гениевъ, нѣмецкихъ умниковъ съ стремленіемъ къ непобѣдимому чудачеству, то — сельскимъ хозяиномъ, оеософомъ, духовидцемъ, ханжей, приверженцемъ геригутеровъ, въ чьихъ рукахъ онъ воспитывался и въ чьемъ духѣ сочинилъ молитвенную книгу. Подъ-конецъ увидѣли его распутнымъ и сластолюбивымъ до истощенія послѣднихъ силъ, человѣкомъ поверхностнаго бельетристическаго и свѣтскаго образованія, которое онъ пріобрѣлъ изъ книгъ и путешествій, но безъ всякихъ основательныхъ свѣдѣній, безъ всякой опытности въ дѣлахъ, притомъ лѣнивымъ, истомленнымъ и разсѣяннымъ. Съ такими свойствами, онъ не вселялъ къ себѣ ни уваженія, ни довѣрія, да не былъ и способенъ взяться за какую бы ни было великую мысль и осуществить ее на дѣлѣ въ борьбѣ съ великими препятствіями. Онъ находился въ зависимости отъ приближенныхъ короля, особенно отъ кабинета совѣтника Ломбарда, съ которымъ онъ состоялъ въ короткости, доходившей до пошлаго цинизма, а связь его съ меньшимъ братомъ Ломбарда, Петромъ, была даже самаго отвратительнаго свойства. — Луккези ни былъ человѣкъ съ большимъ умомъ, развитымъ и учеными свѣдѣніями и свѣтскою опытностью, чрезвычайно тонкій и хитрый, мастерски разчетливый эгоистъ, всегда готовый отступиться отъ своего мнѣнія

въ избѣжаніе столкновѣній, — человѣкъ, который пользовался высшей степенью довѣрія при прусскомъ дворѣ и все-таки покончилъ тѣмъ, что принялъ мѣсто камергера при Элизѣ Багчюкки ¹.

§ 690. 6. Духовныя владѣнія. Преобразовательныя стремленія Фридриха и Иосифа нашли себѣ подражаніе и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, особенно въ духовныхъ княжествахъ. Еще въ первой половинѣ 18 вѣка духовныя области отставали отъ другихъ странъ въ образованіи и довольствѣ; епископы-правители, безъ любви и интереса къ своему народу, проводили въ снотворной праздности краткое по большей части время своего правленія, устраняли всякую новизну и вмѣсто того, чтобы пробуждать въ народѣ честолюбіе труда и поощрять торговлю, земледѣліе и промышленность, они до такой степени поддерживали лѣность и бездѣтельную жизнь, что изъ 1000 человѣкъ, жившихъ на каждой квадратной милѣ духовныхъ владѣній, насчитывалось 50 клириковъ и 260 нищихъ. Напротивъ, во второй половинѣ того же вѣка, и въ духовныхъ курфюршествахъ прпрейскихъ и въ епископско-княжескихъ областяхъ Вестфалии, по берегамъ Майна и въ другихъ мѣстахъ, обнаружилось ревностное стремленіе вырвать народъ изъ отупѣнія и бездѣтельности, проложить пути образованію и промышленному производству, пробудить въ душахъ спасительныя начала вѣротерпимости и озарить вертены невѣжества и нравственной тьмы лучами духовнаго просвѣщенія. Въ Кельнѣ, гдѣ въ теченіе 37 лѣтъ (1724—61) управлялъ съ царственнымъ блескомъ Климентъ Августъ Баварскій, сооружая дворцы и великолѣпныя зданія, награждая и угощая щедрою рукой свою приближенную аристократію, — преемники его Максъ Фридрихъ (1761 — 84) и Максимиліанъ Францъ (братъ императора Иосифа) оба обращали свои заботы на улучшеніе училищной части и судопроизводства и старались поднять благосостояніе страны сокращеніемъ числа праздниковъ и поощреніемъ промышленной дѣятельности. — Въ Мюнстерѣ, котораго епископъ былъ курфюрстъ Кельнскій, крайне благотворно дѣйствовалъ, въ смыслъ Фридриха II, каноникъ фонъ-Фюрстенбергъ, бывшій тамъ главнымъ министромъ со времени Семилѣтней войны. Сильно пострадавшій отъ этой войны край, снова поправился и ожилъ, бремя долговъ его было облегчено, земледѣліе и промыслы поощрялись бдительной заботливостью, во всѣхъ

¹ Онъ оставилъ прусскую службу въ 1807 г., потому что король не утвердилъ конвенціи, заключенной Луккезини съ Французами послѣ несчастной Іенской битвы.

сферахъ маленькаго государства пробудились жизнь и движеніе, обращено было вниманіе на улучшеніе школъ и образованіе духовенства, а администрація, судебная и полицейская часть доведены до такого состоянія, какого не видано прежде ни въ одной изъ этихъ церковныхъ областей. — Въ Трирскомъ курфюршестве, гдѣ за простымъ, старообычнымъ Францемъ Георгомъ фонъ-Шенборномъ, и любившимъ роскошь, расточительнымъ Іоанномъ Филиппомъ (фонъ-Вальдернорфомъ), на архіепископскую кафедру вступилъ саксонскій принцъ Климентъ Венцеславъ (1768), старое и новое направленіе еще боролись между собою. Будучи старовѣромъ въ душѣ, и преданный аристократическимъ и художественнымъ наклонностямъ своего дома, самъ онъ былъ конечно чуждъ новымъ идеямъ, но не могъ не уступить имъ въ томъ смыслѣ, что вводилъ разныя улучшенія, чтобъ поднять промышленность и трудъ, предпринималъ преобразованія по учебной части и изданіемъ въ 1783 году эдикта о вѣротерпимости облегчилъ водвореніе протестантскихъ купцовъ и фабрикантовъ въ своихъ владѣніяхъ. — Въ Майнцскомъ курфюршестве съ 1763 г. одиннадцать лѣтъ управлялъ Эммерихъ Іосифъ, благородный, умный человекъ, украшенный свойствами чистѣйшаго благожелательства и безграничной доброты, щедрый безъ расточительности, благочестивый епископъ и вмѣстѣ досужій и бдительный правитель. Онъ велѣлъ проложить новыя дороги и облегчилъ узы, связывавшія торговлю въ томъ краю, и не раздѣляя въ предметахъ вѣры мнѣнія вольномысленныхъ просвѣтителей, но совершенно подчиняясь гуманнѣйшимъ и кроткимъ воззрѣніямъ своей эпохи, онъ наложилъ преобразовательную руку на церковный и монастырскій порядокъ, улучшилъ училищную часть и оказывалъ благородную терпимость къ иномыслящимъ. Но въ государствѣ, гдѣ на 320,000 жителей считалось 2928 лицъ духовнаго званія и 2200 чиновниковъ на жалованьи, было много такихъ золъ, которыхъ не могъ пещьлитъ и самый благонамѣренный, самый благородный правитель. Преемникъ его Фридрихъ Карлъ, прелать съ французскимъ образованіемъ и французскими нравами, почитатель Вольтеровыхъ началъ, щеголавшій терпимостью до того, что окружилъ себя многими литературными знаменитостями изъ протестантовъ, каковы Мюллеръ, Форстеръ, Гейнзе, былъ въ сущности совершенно безсильнымъ государемъ, которымъ владѣли женщины и придворные и который былъ дѣйствительно расположенъ только къ древнему дворянству, изъ котораго выбирались каноники, къ священникамъ и монахамъ. Потребности и роскошь многочисленнаго дворян-

ства и не менѣе многочисленнаго духовенства поддерживали въ Майнцѣ огромное число занятыхъ бездѣльниковъ, пособниковъ или орудій сластолюбивыхъ затѣй знати, и примѣръ праздности, невѣжества и чувственныхъ услажденій, даваемый свыше, воспитывалъ въ самомъ народѣ ту же изнѣженность, то же легкомысліе, ту же пустоту, какими отличалось по преимуществу духовное населеніе. — Во франконскихъ архіепископствахъ Бамбергѣ и Вюрцбургѣ съ 1779 по 1795 благотѣлительно управлялъ по примѣру Фридриха II Францъ Лудвигъ фонъ-Эрталъ. Подобно Фридриху, онъ также считалъ себя первымъ гражданиномъ и слугою государства и настойчиво вооружался противъ всякихъ злоупотребленій. Администрація и судъ были обставлены наилучшимъ образомъ, финансы приведены въ разумный порядокъ, благотворительныя заведенія управлялись отлично, школы улучшились, университетъ поощрялся въ духѣ свободы и вѣротерпимости. Въ духовныхъ кружкахъ Вюрцбурга господствовали веселая общительность, образованный, непринужденный тонъ и живой интересъ къ наукѣ. Рѣзкую противоположность этимъ духовнымъ державамъ съ кроткимъ патріархальнымъ управленіемъ представляли южногерманскія церковныя княжества, гдѣ вмѣстѣ съ умственнымъ просвѣщеніемъ устранялось всякое матеріальное и нравственное улучшеніе. Но здѣсь, точно такъ же какъ и на сѣверѣ, въ народѣ обнаруживалось неопредѣленное стремленіе къ новому порядку вещей; мысль, что духовнымъ владѣніямъ долѣе не удержаться, нашла себѣ путь во все сословія. Преобразования обнаружили существующее зло въ настоящемъ его свѣтѣ и пробудили неодолимую страсть къ нововведеніямъ даже и тамъ, гдѣ ихъ совершенно чуждались. Лѣньность духовнаго чина, сладострастіе дворянства, подкупность администраціи и суда стали предметомъ общаго негодованія особенно съ тѣхъ поръ какъ увидѣли собственными глазами лучшіе порядки въ другихъ духовныхъ государствахъ.

4. Россія при Екатеринѣ II (1762—1796) и раздѣлъ Польши.

§ 691. а) Внутреннія дѣла. Утвержденіе Екатерины II на престолѣ обошлось не безъ попытокъ къ возстанію. Первое изъ нихъ было подавлено въ самомъ зародышѣ и стоило жизни несчастному Іоанну Антоновичу (1764), во имя котораго этотъ мятежъ былъ начатъ. Виновику его, подпоручикъ Мировичъ, былъ казненъ отсѣченіемъ головы. Другое возстаніе, лѣтъ десять позже, приняло гораздо обширѣйшій

объемъ и грозило великою опасностью имперіи, занятой тогда турецкою войной и польскими дѣлами и еще не успѣвшей успокоиться отъ волненія, порожденнаго страшнымъ распространеніемъ чумы даже въ московскіе предѣлы (1771). Это второе возмущеніе произвелъ донской козакъ Пугачевъ, выдававшій себя за императора Петра III (1773 — 74). Опираясь на многихъ клириковъ и на старовѣровъ, по прежнему возмущенныхъ мнимыми церковными нововведеніями, собралъ онъ многочисленныя шайки козаковъ и крѣпостныхъ людей, которымъ обѣщаль освобожденіе отъ помѣщиковъ, и обходилъ съ ними приволжскіе края, грабя, опустошая и убивая на смерть. Пугачевъ овладѣлъ между прочимъ Казанью, велѣлъ чеканить монету съ изображеніемъ Петра III и уже готовъ былъ направиться къ Москвѣ, гдѣ могъ ожидать себя значительнаго числа сторонниковъ, когда дѣйствовавшимъ противъ него генераламъ удалось окружить его въ степи со всѣхъ сторонъ, и онъ наконецъ былъ выданъ своими же сообщниками, привезенъ въ Москву и преданъ жестокой казни (явл. 1775). — Екатерина обладала великими властительскими способностями и самымъ воспримчивымъ умомъ, такъ что могла бы быть достойною преемницею Петра Великаго. Это была женщина высокаго образованія, преданная началамъ новѣйшей философіи той эпохи; она состояла въ перепискѣ съ Вольтеромъ и людьми такого же образа мыслей и побудила Дидро пріѣхать на короткое время въ Петербургъ. Въ духѣ возникшихъ тогда гуманистическихъ теорій, она, подобно другимъ государямъ своего времени, также предначертала разныя преобразованія, которыя однакожь, по большей части, оказались неосуществимыми при скудномъ просвѣщеніи русскаго народа, а потому и были оставлены почти въ самомъ ихъ началѣ. Къ числу такихъ замысловъ принадлежитъ планъ ввести для всей необъятной имперіи общее уложеніе, основанное на началахъ Монтескьё: въ неисполнимости этого плана императрица убѣдилась при первыхъ же совѣщаніяхъ депутатовъ, созванныхъ для этой цѣли изъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ Россіи. Зато произведены были дѣйствительныя улучшенія въ судебной части, управленіе губерніями организовано въ видахъ правильнѣйшаго распредѣленія и успѣшнѣйшаго хода дѣлъ (1775), надзоръ за училищами и благотворительными заведеніями ввѣренъ особому вѣдомству. Императрица старалась о приращеніи свободнаго средняго сословія учрежденіемъ и поощреніемъ городскихъ обществъ, старалась также объ успѣхахъ сельскаго хозяйства, для чего въ 1765 г. основано было въ Петербургѣ Вольное Экономическое общество.

ческое Общество» и вызваны десятки тысячъ иностранныхъ колонистовъ; но благія намѣренія, высказанныя ею относительно смягченія участи крестьянъ въ «Наказѣ къ сочиненію новаго уложенія», — эти намѣренія остались безъ всякихъ послѣдствій. Заботливость свою о распространеніи народнаго образованія Екатерина заявила учрежденіемъ разныхъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ, въ чемъ и сама принимала личное участіе какъ писательница. Памятниками стремленій ея по этому благому пути остались громадныя Воспитательныя Дома въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Смольный (бывшій Воскресенскій) монастырь для воспитанія дѣвицъ высшаго и средняго сословія, кадетскіе корпуса, инженерный и артиллерійскій. Къ сожалѣнію истощеніе денежныхъ средствъ помѣшало императрицѣ осуществить обширныя ея планы учрежденія народныхъ училищъ по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, для обученія наукъ математическимъ, естественнымъ и словеснымъ, не говоря уже объ университетахъ, которые предполагалось открыть въ Пензѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и Псковѣ, и которыхъ не было открыто ни одного. Но, говоря вообще, науки и искусства находили въ ней щедрую покровительницу, а начала разумной вѣротерпимости одну изъ просвѣщеннѣйшихъ поборницъ. Старообрядцамъ, не чуждавшимся совершенно православной церкви и готовымъ принимать отъ нея священниковъ, дозволено было имѣть свои храмы; особенная раскольникъ контора была упразднена и раскольниковъ велѣно вѣдать наравнѣ со всѣми другими подданными имперіи; въ 1782 г. они были освобождены отъ двойнаго подушнаго оклада, который платили со временъ Петра Великаго. — Къ числу важнѣйшихъ мѣръ внутренняго управленія принадлежатъ: отобраніе въ казну обширныхъ церковныхъ имуществъ, задуманное еще Петромъ I, и совершенное уничтоженіе гетманства въ Малороссіи. Начавшееся заселеніе новороссійскихъ степей и введеніе тамъ невиданнаго прежде губернскаго управленія подавало поводъ къ неизбежнымъ столкновеніямъ съ Запорожцами, почувствовавшими отъ того стѣсненіе въ своихъ первобытныхъ промыслахъ — скотоводствѣ и звѣроловствѣ. Стремленіе отстоять за собой прежнія, вольности, то-есть собственно просторъ и приволье полудикаго быта, увлекли ихъ къ безпокойнымъ волненіямъ, и въ 1775 г., по повелѣнію императрицы, Потемкинъ занялъ Запорожскую Сѣчь; часть козаковъ ушла оттуда въ турецкія владѣнія, а остальная: обращена черезъ нѣсколько лѣтъ въ особое ополченіе, подъ именемъ Черноморскихъ козаковъ, и ей отве-

дены земли между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ морями. — Изъ числа близкихъ къ императрицѣ людей первостепенную роль играли братья Орловы, графы Григорій и Алексѣй Григорьевичи, которые своею отважною рѣшимостью много содѣйствовали къ возведенію ея на престолъ; потомъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, главный совѣтникъ Екатерины по дѣламъ виѣшней, отчасти и внутренней политики, и наконецъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, учредитель и организаторъ Новороссійскаго края, гдѣ положилъ онъ начало всему, что процвѣтаетъ тамъ и до сихъ поръ. Когда Екатерина впервые посѣтила этотъ край въ 1787 г., въ сопровожденіи императора Іосифа, много было подготовлено для нихъ только на показъ въ видѣ великолѣпной театральной обстановки, но съ другой стороны уже много было сдѣлано и такихъ затратъ, которыя вовсе не поражали съ перваго взгляда, а между тѣмъ принесли въ будущемъ обильные плоды.

б) Первый раздѣлъ Польши и первая Турецкая война.

§ 692. Немошь Польши (срав. § 643). Подъ безсильнымъ правленіемъ Августа III (§ 652) анархическое состояніе Польши дошло до такой степени, что дальнѣйшее существованіе государства съ прежнимъ устройствомъ казалось уже невозможнымъ. Корона была лишена всякой власти, благодаря крайне стѣснительнымъ рядамъ при избраніи королей (*роста conventa*); коронныя имуществы были въ рукахъ дворянства (старостъ), которое вносило въ государственную казну лишь малую часть получаемого съ нихъ чистаго дохода и изъ корыстныхъ видовъ управляло ими небрежнымъ образомъ; магнаты, присвоившіе себѣ завѣдываніе военными дѣлами, правосудіемъ, казною и полиціей, не принимали повелѣній отъ короля и не давали ему ни въ чемъ отчета, и смотрѣли на должности и судейскія мѣста какъ на средство къ умноженію своихъ доходовъ; странное право *liberum veto*, которое земскіе депутаты (представители дворянства) удерживали за собой, какъ основаніе всеобщаго равенства, и право вооруженнаго конфедератства дѣлали невозможными всякія своевременныя преобразованія мирнымъ путемъ, и вызывали ту страстную борьбу партій, благодаря которой польскій сеймъ вошелъ въ пословицу; избирательное правленіе уже давно сдѣлало націю доступной подкупу и раскрыло сосѣднимъ государствамъ всѣ ея недостатки и слабыя стороны. Крестьянныя то-

мился подъ гнетомъ рабства въ животненномъ отупѣніи и въ невѣжествѣ, которое искоренило въ немъ почти всякій слѣдъ мыслительной способности и сдѣлало его безчувственнымъ ко всѣмъ высшимъ благамъ, ко всѣмъ невзгодамъ отечества. Польское государство было гнилымъ зданіемъ, которое держалось только раздорами и соперничествомъ сосѣднихъ державъ, а отнюдь уже не собственной силой. Въ своемъ близорукомъ ослѣпленіи, своекорыстное дворянство, члены котораго были весьма неравны между собою по имуществу, но пользовались совершенно равными правами и лично свободой, пропустило въ Семилѣтнюю войну благоприятный случай защититься отъ грознаго преобладанія Россіи союзомъ съ Пруссіей; рѣчь посполитая, которой военныя силы были въ совершенномъ упадкѣ, сохраняла въ ту пору опасный для нея нейтралитетъ, да не умѣла отстоять и нейтралитета, потому что русскія войска безъ всякихъ затрудненій проходили черезъ польскія владѣнія, а Фридрихъ разрушалъ русскіе магазины на польской территоріи.

Вскорѣ по заключеніи Губертсбургскаго мира, смерть Августа III (1763) предала польское государство прежнимъ избирательнымъ бурямъ. Образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна (съ фамиліей Потоцкихъ, короннымъ маршаломъ Браницкимъ и младшимъ княземъ Радзивиломъ во главѣ) хотѣла сохранить старый порядокъ вещей, но съ устраненіемъ всякаго иноземнаго вліянія на выборъ государя; напротивъ, другая (Чарторыскіе, Понятовскіе и пр.) стремилась къ преобразованію государственнаго устройства, хотя бы и съ иноземною помощью. Россія и Пруссія, желая и надѣясь увеличить свои владѣнія на счетъ междоусобнаго сосѣдняго государства, заключили между собой оборонительный и наступательный союзъ (апрѣль 1764) для сохраненія польскаго избирательнаго правленія, для защиты безправныхъ диссидентовъ и для возведенія на безспільный польскій престолъ лишеннаго всякой энергіи и характера Станислава Понятовскаго. Послѣ бурной, кровавой избирательной борьбы, Понятовскій, при громѣ русскихъ сабель былъ избранъ въ короли на равнинѣ Волѣ (4 сѣнтября 1764), а враги его принуждены къ бѣгству; но предполагаемое преобразование государственнаго устройства не состоялось вслѣдствіе протеста русскаго посланника Репнина, который игралъ роль диктатора въ Варшавѣ и именемъ своей императрицы держалъ родъ про-

тектората надъ Польшею. Попятовскій, столь же слабый и ничтожный какъ король, сколько пріятный, какъ частный чело-
вѣкъ, какъ тонкій знатокъ и покровитель искусствъ и литературы, долженъ былъ теперь же согласиться, для округленія русской границы, уступить извѣстный участокъ польской земли.

§ 693. Дѣло диссидентовъ. Въ это же время диссиденты, къ которымъ причислялись не только протестанты и соцініане, но и исповѣдники греческой церкви¹, стали просить для себя возвращенія обезпеченной имъ Оливскимъ миромъ (§ 587), но давно похищенной подъ вліяніемъ іезуитовъ, религіозной свободы и равноправности съ католиками. Прошеніе ихъ, поддержанное не только Россіею и Пруссіей, но также Швеціею, Даніей и Англіей, и одобренное королемъ, было отвергнуто на сеймѣ католическимъ дворянствомъ, по проискамъ духовенства. Тогда диссиденты, въ союзѣ съ «недовольными», составили радомскую генеральную конфедерацію (23 іюля 1767), чтобы подъ защитой русскаго уполномоченнаго, князя Репнина, и призваннаго имъ русскаго войска настоять силою на своихъ требованіяхъ. Сеймъ, встревоженный заключеніемъ фанатическаго краковскаго епископа (Солтыка) и насильственнымъ уводомъ ревностнѣйшихъ противниковъ терпимости, предоставилъ диссидентамъ свободу вѣроисповѣданія, доступъ ко всѣмъ должностямъ, право голоса въ національномъ собраніи и въ церкви, которыми они владѣли въ 1717 году. Окруженные русскими войсками, земскіе депутаты предъ портретомъ Императрицы подписали принятый съ восторгомъ во всей Европѣ, актъ терпимости, символъ изнеможенія Польши²; а для того, чтобы эта слабость и не прекращалась, тотъ же сеймъ долженъ былъ удержать *liberum veto* и всѣ недостатки прежняго государственнаго устройства, какъ ни старались король, его дяди (Чарторыскіе) и другіе патріоты-дворяне объ отмѣ-

¹ Последніе составляли притомъ значительное большинство.

² Но совсѣмъ иными глазами смотрѣли на это нѣкоторые дворы, и особенно версальскій, который, подъ руководствомъ Шуазеля, принялъ самыя дѣятельныя мѣры противъ возрастающаго могущества Россіи.

нѣ прежняго анархическаго состоянія. Впредь ни одно рѣшеніе Сейма не должно было считаться дѣйствительнымъ безъ согласія Россіи, обеспечивавшей сохранность польской конституціи. Эти событія оскорбляли національное чувство и пробудили релігіозную ненависть ревностныхъ католиковъ. Подольская оппозиціонная конфедерація въ городѣ Барѣ (подъ вліяніемъ Красинскаго, Пулавскаго, Потоцкаго и др.) образовалась (28 февраля 1768) съ цѣлью свергнуть русское преобладаніе и уничтожить предоставленныя диссидентамъ права. Репниинъ побудилъ сенатъ обратиться къ императрицѣ съ просьбою, чтобы она не выводила своихъ войскъ изъ Польши. Поднялась жестокая борьба между конфедератами, которымъ Франція доставляла деньги и офицеровъ, и Русскими съ ихъ приверженцами въ Польшѣ. Всѣ ужасы опустошительной войны легли на несчастную страну. Конфедераты вскорѣ были доведены до отчаяннаго положенія, такъ что по взятіи ихъ крѣпостей Бара и Кракова (1768), они должны были бѣжать на турецкую почву. Русскіе преслѣдовали ихъ, и даже на чужой землѣ не воздержались отъ враждебныхъ столкновеній; полковникъ Вейсманъ нагналъ конфедератовъ въ турецкомъ мѣстечкѣ Балтъ, перебилъ ихъ значительное число, не смотря на вмѣшательство татарскаго гарнизона, и сожегъ при этомъ одну магометанскую мечеть. Французскій посланникъ въ Константинополь умѣлъ такъ тревожно распространить вѣсть объ этомъ, что народное возстаніе (октябрь 1768) принудило Порту удалить (подозрѣваемаго въ подкупѣ) великаго визиря и объявить войну Россіи. Польскіе конфедераты восторженно привѣтствовали это объявленіе войны и воспользовались первымъ смущеніемъ своихъ противниковъ для кровавой отмести диссидентамъ.

§ 994. Первая турецкая война. Убійственная война, разразившаяся теперь между Россією и Турціей, была ведена одновременно во многихъ мѣстахъ съ страшнымъ ожесточеніемъ и сопровождалась свирѣпыми ужасами. Между тѣмъ какъ храбрый Румянцевъ, послѣ двухъ кровопролитныхъ битвъ при Ларгѣ (между Прутомъ и Днѣстромъ) и Кагулѣ, или Карталѣ (7 и 21 іюля ст. ст.), завоевалъ Молдавію и

Валахію, а ужасный штурмъ Бендеръ (15 сентября 1770) изумилъ всю Европу, — Морея, гдѣ Греки, въ чаяніи русской помощи, возстали на гнетущее турецкое иго, была жестоко опустошена огнемъ и мечемъ Турковъ, такъ что цѣлыя области покрылись развалинами и трупами. Въ то же время свирѣпствовала страшная война на морѣ. Въ портъ Чесме (5 іюля 1770), противъ острова Хіоса, былъ сожженъ весь турецкій флотъ, отъ чего въ Смирнѣ потряслась земля, и море взволновалось какъ отъ бури. Слава русскихъ военныхъ подвиговъ прогремѣла во всей Европѣ. Императрицу называли великою; египетскій бей отказалъ въ повиновеніи султану и вступилъ въ союзъ съ Россіей (1771); но завоеванныя земли, къ которымъ вскорѣ присоединился полуостровъ Крымъ, были опустошены и обезлюдены; напоенныя кровью степи, выжженные селенія и стоны народовъ обозначали путь враждебныхъ войскъ. Страшный Алексѣй Орловъ, начальствовавшій флотомъ, былъ осыпанъ почестями и богатствомъ такъ же какъ и братъ его Григорій, но бѣдствія народа, который, кромѣ войны, испыталъ еще опустошительную чуму, похищавшую въ одной Москвѣ по 1,000 человѣкъ въ сутки (іюнь и августъ 1771), не могли быть оставлены безъ вниманія, и Екатерина, среди побѣдныхъ торжествъ, изъявила готовность принять посредничество Пруссіи и Австріи для заключенія мира.

§ 695. Первый раздѣлъ Польши. Между тѣмъ Польшу наводнили ватаги междоусобныхъ конфедератовъ, помышлявшихъ только о грабежѣ и мщеніи; къ нимъ примкнули Дюмурье и другіе французскіе офицеры. Они провозгласили низложеніе короля (1771) и даже пытались увести его изъ Варшавы; только какимъ-то чудомъ ускользнулъ Понятовскій отъ заговорщиковъ. Ужасы въ отношеніи къ диссидентамъ побуждали Русскихъ къ такому же ожесточенію; крестьяне Украйны и Днѣпровскихъ болотъ кровавымъ образомъ отомстили католикамъ-Полякамъ за старыя злодѣйства, совершенныя надъ исповѣдниками греческой церкви; далеко волновался край, и тысячи были повѣшены, убиты, зарыты въ землю. Польское государство терзалось внутреннимъ междоусобіемъ, его явное без-

силіе вызывало состѣдей на захватъ. Чтобы не дать Россіи одной воспользоваться добычею, Пруссія и Австрія положили участвовать въ этомъ захватѣ. Послѣ изустнаго объясненія между Фридрихомъ II и Іосифомъ II (такъ какъ Марія Терезія не благопріятствовала раздѣлу) и послѣ поѣздки прусскаго принца Генриха въ Петербургъ, состоялся между Россіей, Пруссіей и Австріей договоръ о раздѣлѣ (5 августа 1772), вслѣдствіе котораго каждое изъ этихъ государствъ присоединило къ своимъ владѣніямъ сопредѣльныя имъ польскія области.

Манифестъ, въ которомъ три державы поставляли цѣлью своего совокупнаго дѣйствія—возстановленіе и поддержаніе спокойствія и порядка въ Польшѣ, а также старинной конституціи и народной вольности, доказывалъ ссылкою на давнія права и притязанія, что край между Днѣпромъ, Западною Двиной и Дручемъ (Бѣлоруссія), на пространствѣ 2,000 квадратныхъ миль, съ $1\frac{1}{2}$ милл. жителей, по праву принадлежитъ Русскимъ, что польская Пруссія вмѣстѣ съ Нетцскимъ округомъ и плодородными землями по Вислѣ (Эльбингомъ, Мариенбургомъ, Кульмомъ и т. д.), на пространствѣ 630 квадратныхъ миль при 400,000 слишкомъ населенія принадлежитъ Пруссіи, а восточная Галиція и Лодомірія, на пространствѣ 4,300 квадратныхъ миль, съ $2\frac{1}{2}$ милл. жителей и неоцѣнными Величкинскими соляными копами, составляютъ долю Австріи. Въ заключеніе манифестъ призывалъ всѣхъ Поляковъ отложить въ сторону всякіе раздоры и заблужденія, и содѣйствовать достиженію указанной цѣли. Со слезами на глазахъ приняла Марія Терезія доставшійся ей участокъ ¹.

Король и сеймъ воспротивились раздѣлу; послѣдній доказывалъ, что приведенныя въ манифестѣ права давно отмѣнены договорами и отреченіями, и торжественно протестовалъ передъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ противъ совершившаго ея раздѣла. Ни угрозы, ни обѣщанія не могли сломить сопротивленіе сейма; даже наказаніе непокорныхъ русскими военными постами не подѣйствовало на членовъ его, которые выказали при этомъ благородный патріотизмъ. Только угроза, что при дальнѣй-

¹ Между тѣмъ извѣстно, что Марія Терезія и Іосифъ подали первый примѣръ захвата, занявъ еще въ самомъ началѣ 1771 г. старостства Спизъ и Зандекъ подѣломъ, что они нѣкогда принадлежали Венгріи.

шемъ сопротивленіи будетъ раздѣлена и вся остальная Польша, вынудила окруженный русскими войсками сеймъ согласиться на поземельную уступку, тѣмъ болѣе что со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (21 іюля 1774), который Порты принуждена была заключить съ Россіей послѣ тяжкихъ потерь подъ Шумлой, исчезла и послѣдняя надежда на помощь со стороны Турціи. Остальная часть польскаго государства сохранила свое пагубное избирательное правленіе, свое *liberum veto* и всѣ грѣхи стараго порядка; а учрежденіе избраннаго дворянствомъ помимо короля и дѣйствующаго по указаніямъ русскаго посланника, постояннаго совѣта (*Rada nieustajanca*), который долженъ былъ заботиться объ исполненіи законовъ и замѣщеніи всѣхъ государственныхъ и церковныхъ должностей, отняло у короля послѣдній остатокъ верховной власти.

Этимъ было подточено въ самомъ корнѣ существованіе польскаго государства. Дворянство, обремененное долгами, продажное, безнравственное и не воодушевленное никакою высшей идеей, погибало отъ собственнаго разврата, а оступившій народъ, влача животное существованіе подъ безчеловѣчнымъ гнетомъ варварскихъ помѣщиковъ, съ вялымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на гибель отечества. Могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, сражаться за отечество и національность такой народъ, жизнь котораго одинъ новѣйшій историкъ (Зибель) изображаетъ слѣдующими чертами? Польскіе крестьяне, говоритъ онъ, «гнѣздились въ деревянныхъ, крытыхъ глиною лачугахъ; внутренность ихъ всегда составляла одну только комнату, въ которой жили вмѣстѣ мужчины и женщины, люди и скотина; тутъ не было никакой домашней утвари, кромѣ большой печи, которая въ тоже время служила спальнею для цѣлой семьи, и дымъ которой некалъ себѣ выхода въ дверяхъ и щеляхъ строенія. Состоянію жилищъ соответствовала пища и одежда; объ уметвенномъ образованіи не было и помину, и даже свойственная Славянамъ механическая сноровка не развилась при жалкомъ однообразіи быта этихъ людей. Никто не старался пріобрѣтать что-нибудь, потому что ни кто не могъ пріобрѣтать для себя и своего потомства; плеть господина понуждала крестьянъ къ работѣ, а за глазами его они тотчасъ же опять впадали въ вялое бездѣйствіе. Единственною отрадой для мужчинъ и женщинъ былъ кабакъ, содержавшійся каждымъ помѣщикомъ, гдѣ по воскресеньямъ они забывали подъ звуки скрипки, въ чаду хмѣля, свое бѣдственное положеніе.

Такимъ образомъ они упали такъ низко, что утратили всякую воспримчивость къ лучшему, всякое стремленіе къ человѣческому образу жизни. Уже сто лѣтъ почти не слышно было, чтобы между крестьянами доходило до сопротивленія; ни въ одномъ изъ многочисленныхъ раздоровъ, которыми дворянство терзало посполитую рѣчь, не обнаружилось въ народѣ политическаго броженія. За то, такое же оупѣніе господствовало и теперь, когда дѣло шло о самомъ существованіи государства. Откуда было имъ взять сознаніе общаго дѣла и любовь къ отечеству? Они ничего не знали о государствѣ, и не спрашивали, кто властвуетъ надъ ними, потому что всякая власть приносила имъ только барщину, жестокое обращеніе да кабакъ. Тѣмъ равнодушіе были они къ тому, кому повинуются господа ихъ: рѣчи ли посполитой, русской ли царицѣ, или нѣмецкому государю. — Помирувъ Кучукъ-Кайнарджи, Татары и Крымъ были объявлены независимыми отъ Порты, Молдавія и Валахія поставлены подъ покровительство Россіи, и русскимъ судамъ предоставлено свободное плаваніе чрезъ Дарданеллы и по всѣмъ турецкимъ морямъ.

§ 696. Приобрѣтеніе Крыма. Императрица не долго довольствовалась условіями Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Деньгами, обѣщаніями и проеками всемогущій временщикъ Потемкинъ склонилъ хана Крымскаго сложить съ себя санъ и добровольно покориться скипетру императрицы. Русскія войска подкрѣпили эту перемину. Силою оружія и безпощадною строгостью сломилъ Потемкинъ сопротивленіе народа, и татары покорились неотразимой судьбѣ. Ханъ, не получившій обѣщаннаго Потемкинымъ содержанія, попался въ руки къ Туркамъ и заплатилъ за свой поступокъ насильственной смертью; немощная Порта, будучи не въ состояніи остановить оружіе русскаго завоевателя, вынуждена была признать (1783) владычество Россіи надъ Крымомъ, Кубанью и Таманью, и заключить стѣснительный для себя торговый договоръ. Древнее названіе Тавриды было возстановлено, въ безлюдныя степи были вызваны колонисты изъ Германіи, возникли торговые города Одесса и Херсонъ, и внѣшній лоскъ образованности ослѣпилъ глаза удивленнаго міра ¹.

¹ Не нужно много распространяться о всемірно-историческомъ значеніи, какое имѣетъ закрѣпленіе сѣверныхъ береговъ Чернаго моря за Россією, т. е. за Европой. Степи, которыя такъ долго служили привольемъ для кочевыхъ ордъ, чрезъ которыя прохо-

в) Второй раздѣлъ Польши.

§ 697. Вторая турецкая война. Усиленіе и преобладаніе Россіи, а также внушенія Англичанъ, озлобленныхъ противъ Екатерины II за учрежденіе вооруженнаго нейтралитета (§ 677), и виды на помощь ревниваго къ могуществу этой государыни, Прусскаго короля, побудили Порту снова объявить войну Россіи (1787). Іосифъ II по необходимости принялъ сторону послѣдней, чтобы не остаться съ пустыми руками въ случаѣ завоеваній на Дунаѣ. Но и на этотъ разъ побѣда сопровождала всюду русскія войска и страшнаго вождя ихъ. Отъ Триеста до устьевъ Дуная свирѣпствовала ужасная сухопутная и морская война. Среди зимы Потемкинъ взялъ приступомъ укрѣпленный Очаковъ (6-го декабря 1788), наполнивъ траншеи кровью и трупами, а въ слѣдующемъ году Бендеры (7 ноября 1789); подчиненный ему, храбрый и даровитый генералъ Суворовъ, съ помощью Автрійцевъ подъ начальствомъ Кобурга и другихъ полководцевъ, разбилъ Турковъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ (при Фокшанахъ въ іюль, и при Мартинешти на рѣкѣ Рымникъ, въ сентябрѣ 1789), и съ такими же ужасами, какіе были совершены въ Очаковѣ, взялъ приступомъ крѣпость Измаилъ (22 декабря 1790), между тѣмъ какъ Лаудонъ овладѣлъ Бѣлградомъ. Русскимъ открывалась дорога въ Константинополь, и имя втораго внука Екатерины, великаго князя Константина, было дано вслѣдствіе тайнаго ея намѣренія поставить христіанскаго государя въ византійской столицѣ; Потемкинъ, на верху своего могущества и осыпанный отъ своей признательной государыни всѣми земными почестями и богатствами, уже считалъ себя владѣтельнымъ княземъ Молдавіи и Валахіи. Но отчасти смерть союзника императрицы, Іосифа II (преемникъ котораго Леопольдъ купилъ у Порты миръ возвра-

дили почти всѣ народы, опустошавшіе европейско-христіанской міръ, всѣ эти бичи Божіи, степи эти вошли теперь въ границы европейско-христіанскаго государства, подчинились цивилизаціи, стали житницею Европы, убѣжищемъ для ея колонистовъ». (Соловьевъ. Уч. книга русской исторіи, стр. 483).

щеніемъ Бѣлграда и другихъ завоеваній), отчасти угрожающее положеніе Англіи и воинственные замыслы Поляковъ, отчасти же истощеніе русской казны, побудили Екатерину II заключить съ Портою Ясскій миръ (9 января 1792), по которому Крымъ и Очаковъ остались за Россіею, и Днѣстръ былъ назначенъ пограничною рѣкой обоихъ государствъ.

§ 698. Польская конституція. Когда русскія арміи были заняты въ турецкой войнѣ и одновременно въ войнѣ съ Швеціей (§ 683), а Англія и Пруссія стали во враждебное положеніе къ усилившейся русской державѣ, тогда въ Польшѣ возникли попытки освободиться отъ преобладанія Россіи и снова достигнуть политической самостоятельности. Для этого признавали нужнымъ преобразовать существовавшее доселѣ государственное устройство, сохраненіе котораго было обезпечено Россіею, и такъ какъ Пруссія, которой министръ Герцбергъ носился съ мыслью противопоставить Русскимъ и Австрійцамъ, для равновѣсія, второстепенныя державы Швецію, Польшу и Турцію, и одобрялъ устраненіе русской гарантіи и утвержденіе политической самостоятельности Польши, то между противниками Россіи въ этомъ краѣ пробудилось восторженное рвеніе къ преобразованію. Не смотря на противоѣдѣствіе многихъ дворянъ, съ Пруссіей, надѣявшейся пріобрѣсти за свою помощь области Торнскую и Данцигскую, былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ (1790); постоянный совѣтъ упраздненъ, и потомъ въ одномъ бурномъ засѣданіи сейма принята новая конституція (3 мая 1791). Даже преданный Россіи король былъ увлеченъ поборниками преобразованія. По этой конституціи, вредное избирательное правленіе должно было прекратиться, Польша — сдѣлаться наследственнымъ королевствомъ, и корона, по смерти бездѣтнаго Понятовскаго, — перейти къ Саксонскому курфюршескому дому; исполнительная власть должна была принадлежать королю вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ, законодательная — раздѣленному на двѣ палаты сейму (сенатъ и палату депутатовъ), а судебная — быть независимою. Пагубное *liberum veto* было объявлено отмѣненнымъ, гражданству и крестьянству даны нѣкоторыя существенныя права (го-

рода получили право представительства на сеймахъ), а диссидентамъ — свобода вѣроисповѣданія, при чемъ дворянству, разумѣется, были сохранены всѣ его преимущества.

§ 699. Косцюшко и Тарговицкая конфедерация. Вся Европа съ сочувствіемъ привѣтствовала это своевременное измѣненіе конституціи; Фридрихъ Вильгельмъ II велѣлъ поздравить Польшу, даже Екатерина II не выразила своего неудовольствія. Но могла ли нація, руководимая своекорыстною аристократіей и привыкшая къ анархіи въ теченіе вѣковъ, — нація, до сихъ поръ слѣдовавшая не внушеніямъ разсудка и здоровой политики, а единственно побужденію страстей и буйной ярости партій, могла ли она вдругъ возымѣть единодушіе, энергію и патріотическую доблесть, необходимыя для упроченія новаго порядка вещей? Многіе вельможи были недовольны совершившеюся перемѣной; составила партія для поддержанія польской свободы, какъ называли они старое государственное устройство, и призвала на помощь императрицу. Екатерина II отправила на польскую границу войска, освободившіяся вслѣдствіе только-что заключеннаго мира съ Портою. Въ надеждѣ на эту помощь, русская партія (съ Браницкимъ, Феликсомъ Потоцкимъ, Малаховскимъ и др. во главѣ) составила Тарговицкую конфедерацию (14 мая 1792) для возстановленія древняго избирательнаго правленія. Скоро въ самомъ сердцѣ Польши явилась большая русская армія, чтобы подкрѣпить требованіе тарговицкихъ союзниковъ. Надежды поборниковъ конституціи на прусскую защиту оказались тщетными. Отъ Герцберговой системы равновѣсія отказались въ Берлинѣ со времени Рейхенбахскаго конгресса (§ 690), и самъ министръ скоро впалъ въ немилость и былъ уволенъ; въ виду событій во Франціи, дворы приздумались содѣйствовать такому государственному устройству, которое вышло изъ среды народа и, повидному, имѣло сходство съ новыми французскими идеями и образомъ правленія; къ тому же, Пруссія скорѣе могла надѣяться пріобрѣсти Данцигъ и Торнъ (Торунь) отъ Русскихъ, чѣмъ отъ Поляковъ. Поэтому Фридрихъ Вильгельмъ II, которому представлялось теперь важнѣйшимъ для всѣхъ европейскихъ

государей дѣломъ — противодѣйствіе революціоннымъ идеямъ и восстановление законнаго престола во Франціи, отказалъ Полякамъ во всякой помощи, и курфюрстъ саксонскій послѣдовалъ его примѣру¹. Несмотря на это Поляки продолжали воображать что будутъ имѣть успѣхъ. Сеймъ правда держалъ себя съ достоинствомъ; король выказывалъ притворный энтузіазмъ и еще разъ присягнулъ конституціи, а граждане предложили свои услуги для защиты отечества. Храбрый воинъ Косцюшко, сражавшійся за свободу въ Америкѣ подъ начальствомъ Вашингтона, сталъ во главѣ войска и со славою и успѣхомъ сопротивлялся превосходству русскихъ силъ при Дубенкѣ (17 іюля 1792). Но партіи, раздоры, измѣна, отсутствіе общаго плана, а главное сильный недостатокъ въ деньгахъ и равнодушіе коснѣвшаго въ жестокомъ рабствѣ народа къ туземному правительству, скоро привели къ концу всѣ попытки къ возражденію Польши. Король скоро впалъ въ свою прежнюю нерѣшительность, и былъ до того потрясенъ однимъ грознымъ письмомъ императрицы, что для спасенія своего жалкаго трона самъ приступилъ къ Тарговицкому союзу (22 іюля), отвергъ рѣшенія сейма и отказался отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ императрицы, какъ «возстановительницы польской независимости». Возстановленіемъ стараго порядка со всѣми его злоупотребленіями и несообразностями ознаменовалась побѣда тарговицкихъ конфедератовъ.

§ 700. Новый раздѣлъ. Въ апрѣлѣ 1793 г. Пруссія и Россія, связанные между собою договоромъ, объявили, что онѣ вынуждены еще болѣе сократить предѣлы Польши, чтобы подавить вольнодумство, проникшее туда изъ Франціи, и предохранить сосѣднія съ Польшей государства отъ зараженія демократическимъ якобинствомъ. Въ тоже время (въ маѣ) Пруссакки заняли западныя области Польши и кровавымъ приступомъ принудили Данцигъ сдаться. Собравшійся въ Гроднѣ

¹ Король Пруссій не только отказалъ польскимъ патріотамъ въ помощи, но уже съ января 1793 г. занялъ своими войсками, подъ начальствомъ Мёллendorфа, часть Великой Польши.

сеймъ противился было новому договору о раздѣлѣ. Но русскія войска обложили самый домъ его засѣданій и, угрожая войною (22 іюля), выпудили уступку требуемыхъ Россіею областей (Литвы, Малой Польши, остатка Волыни, Подоліи и Украйны, всего 4,000 кв. м. съ тремя слишкомъ милліонами жителей). Упорнѣе противились депутаты прусскому требованію, тѣмъ болѣе, что Россія нѣкоторое время не поддерживала его надлежащимъ образомъ; но когда настроеніе въ Петербургѣ стало благопріятнѣе, и наиболѣе противившіеся ораторы сейма были арестованы и отвезены въ Россію (25 сентября), договоръ былъ исполненъ.

Такимъ образомъ Пруссія получила, кромѣ Данцига и Торна, воеводства Познаньское, Гнезенское, Калишское и другія области Великой Польши, всего 4,000 кв. м. при одномъ слишкомъ милліонѣ жителей, и соединила ихъ своими остальными владѣніями подъ названіемъ «южной Пруссіи»; Россія приобрѣла Подолію и Украйну, вмѣстѣ съ половиною Литвы и Волыни, всего 4,553 кв. м. и три милліона населенія. За Польшею едва осталась третья часть ея прежнихъ владѣній. Прусскій посланникъ объявилъ, что король его заключилъ союзъ съ рѣчью посполитой, и что превращеніе ея въ конституціонную наследственную монархію освобождаетъ его отъ всѣхъ прежнихъ обязательствъ.

Чтобы отнять послѣдній остатокъ самостоятельности у польскаго государства, былъ восстановленъ постоянный совѣтъ, и заключенъ новый союзный договоръ съ Россіей, по которому Поляки безъ согласія императрицы не должны были предпринимать никакихъ перемѣнъ въ конституціи и заключать союзовъ съ иностранными державами, а русскія войска получили право во всякое время вступать въ королевство.

§ 701. Конецъ Польши. Опираясь на разные отряды русской и прусской арміи, которые по заключеніи договора не выступали изъ страны, русскій посланникъ Игельстрёмъ повластно распоряжался въ Варшавѣ. Составился между тѣмъ тайный заговоръ, развѣтвившійся по всему краю. Выселившіеся — было противники Россіи, особенно Косцюшко, возвратились и стали во главѣ движенія. Игельстрёмъ приказалъ было распустить польскую армію, но за этимъ послѣдовало возстаніе, средоточіемъ

котораго былъ Краковъ. Косцюшко, назначенный главнокомандующимъ національныхъ силъ съ неограниченною властью, издалъ въ Краковѣ воззваніе къ народу, гдѣ поставилъ цѣлью борьбы возстановленіе свободы и независимости отечества, завоеваніе отнятыхъ областей и введеніе уничтоженной конституціи. Послѣ побѣды инсургентовъ надъ однимъ русскимъ отрядомъ жители столицы произвели возстаніе. Въ великій четвергъ (1794) Поляки внезапно напали на русскій гарнизонъ въ Варшавѣ и частію истребили, частію захватили его въ плѣнъ. Дворецъ Игельстрёма былъ сожженъ; четверо знатнѣйшихъ приверженцевъ Россіи умерли на висѣлицѣ. Въ Вильнѣ и Литвѣ послѣдовало тоже; всѣ воеводства приступили къ краковской конфедераціи; даже король объявилъ себя за возстаніе края. Пруссакъ, по взятіи Кракова, осадили укрѣпленную и хорошо защищенную столицу Варшаву; но угрожаемые мятежемъ въ тылу, въ новопріобрѣтенной «южной Пруссіи» (іюль), и ослабленные болѣзнями и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, принуждены были храбрыми генералами Косцюшко, Домбровскимъ и Іосифомъ Понятовскимъ (племянникомъ короля) къ поспѣшному отступленію, сопряженному съ большимъ урономъ. Однакожъ военныя удачи Поляковъ вызвали усиленные мѣры со стороны ихъ противниковъ.¹ Въ согласіи съ Австріей и Пруссіей, императрица Екатерина прислала въ Польшу своего страшнаго полководца Суворова съ значительною вооруженною силой. Косцюшко, соединявшій полководческій талантъ съ героизмомъ, долженъ былъ уступить превосходнымъ силамъ смѣлаго противника, котораго солдаты столько же любили, сколько и боялись. Послѣ неудачнаго дѣла съ русскимъ корпусомъ Ферзена при мѣстечкѣ Мацѣвицахъ (30 сентября 1794), онъ раненый упалъ съ коня, воскликнувъ: *Finis Poloniae!* «Конецъ Польши!» и былъ захваченъ въ плѣнъ. 24-го октября предмѣстье Прага взято приступомъ Суворовымъ съ величайшею отвагой, и при этомъ совершенно страшное мщеніе: 12,000 безоружныхъ были частію убиты, частію потоплены въ Вислѣ. Предсмертные крики погибающихъ устрешили жителей столицы и побудили ихъ къ

¹ 6 августа 1795 г. польскія войска проникли даже въ Либаву.

добровольной сдачѣ. 27-го октября Суворовъ, какъ побѣдитель, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Варшаву. Понятовскій получилъ повелѣніе сложить съ себя корону. Онъ жилъ до смерти своей (1798) въ Петербургѣ, получая годовое содержаніе отъ русскаго правительства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ три союзныя державы объявили (13 или 24 января 1795), что изъ любви къ миру и для блага своихъ подданныхъ онѣ положили раздѣлить между собою всю остальную Польшу.

Австрія, хотя и не сдѣлала ничего противъ возстанія, получила по благосклонности императрицы Екатерины 800 кв. м. на югъ съ Краковомъ; Пруссія—земли по лѣвую сторону Вислы съ столицею Варшавой и область, присоединенную къ монархіи подъ именемъ «нововосточной Пруссіи», до Нѣмана, всего около 900 кв. м. съ однимъ миллиономъ жителей; все остальное, то-есть болѣе 2,000 кв. м., прибрѣла Россія въ то самое время, когда къ ней присоединилось и герцогство Курляндское состоявшее два вѣка (со времени грессмейстера Готгарда Кетлера, 1561) подъ лѣннымъ владѣтельствомъ Польши (7 марта 1795). Русская политика побудила курляндскій сеймъ просить о соединеніи герцогства съ Россіей, вслѣдствіе чего герцогъ¹ добровольно отрекся отъ своихъ правъ за ежегодное вознагражденіе. Такъ выступила нѣкогда славная и могущественная Польша изъ ряда самостоятельныхъ государствъ, жертвою собственной вины и слабости, и иноземной силы. Раздоры партій, беззаконіе и угнетеніе народа высокомернымъ дворянствомъ были источниками ея золь. Отсутствіе общаго народнаго чувства, полное разложеніе всего того, чѣмъ обыкновенно держится государство и общество, измѣна и грубая продажность рѣдко выступали такъ рѣзко и безстыдно, какъ въ эти послѣдніе часы существованія Польши. Эта страна какъ будто была избрана вѣчнымъ Промысломъ въ поучительный примѣръ того, къ чему ведетъ необузданное господство дворянства и духовенства.—Косцюшко, которому императоръ Павелъ I возвратилъ свободу, умеръ частнымъ человѣкомъ въ Швейцаріи (въ октябрѣ 1817). Тѣло его было перевезено въ Краковъ.

¹ Петръ Биронъ, преемникъ знаменитаго временщика, которому Екатерина возвратила Курляндію немедленно по вступленіи своемъ на престолъ.

Б. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

И. Послѣдній періодъ неограниченной монархіи.

§ 702. Конецъ Людовика XV. а) Придворная жизнь. Сначала Людовикъ XV былъ такъ любимъ своимъ народомъ, что былъ даже прозванъ многолюбимымъ (*le bien aimé*), и когда однажды онъ опасно заболѣлъ въ Мецѣ, весь край погрузился въ глубокую печаль, и выздоровленіе короля праздновалось потомъ съ величайшимъ ликованиемъ. Но любовь эта мало-по-малу превратилась въ ненависть и презрѣніе, когда король сталъ предаваться самому безстыдному разврату, когда сообщникамъ своихъ распутствъ, слугамъ своего сластолюбія и чувственности предоставилъ онъ управленіе страной, начальство надъ войсками, рѣшеніе по вопросамъ политики и права, и когда дворъ и государство были отданы во власть безстыднымъ развратницамъ (*метрессамъ*). Изъ послѣднихъ ни одна не имѣла такого обширнаго и прочнаго вліянія, какъ маркиза де Помпадуръ († 1764), которая двадцать лѣтъ сряду правила судьбами Франціи, замѣщала важнѣйшія должности своими любимцами, доставила первое мѣсто въ министерствѣ своему другу Шуазёлю, рѣшала войну или миръ и распоряжалась государственною казною какъ своей собственною шкатулкой, такъ что проведя жизнь въ роскоши и наслажденіи, она еще оставила по себѣ многіе милліоны. Она и разныя ея креатуры нарочно дѣлали сластолюбіе Людовика, чтобы онъ все глубже погрязалъ въ пучину порока и тѣмъ охотнѣе предоставлялъ имъ завѣдываніе государственными дѣлами. — Впрочемъ маркиза Помпадуръ пользовалась своимъ положеніемъ и вліяніемъ еще съ нѣкоторымъ достоинствомъ, тактомъ и осмотрительностью; когда же мѣсто ея заняла графиня Дюбарри, женщина изъ низшихъ классовъ общества, тогда французскій дворъ потерялъ уже всякій вѣсъ и всякое уваженіе. Шуазель былъ удаленъ и замѣщенъ

льстецомъ новой фаворитки; прежняя военная слава Франціи исчезла безъ слѣда, а ея политическое значеніе упало чрезвычайно низко. Это было управленіе однихъ чувственныхъ похотей, причемъ государственные доходы расточались самымъ позорнымъ образомъ, между тѣмъ какъ народъ томился подъ страшнымъ гнетомъ и былъ лишенъ всякаго участія въ жизни политической. За отсутствіемъ сословнаго представительства, французскій народъ не имѣлъ законнаго органа для того, чтобы въ-время предложить необходимыя улучшенія и доставить образованному среднему сословію удобный случай занять принадлежащее ему мѣсто въ государствѣ. Безчинное и безнравственное дворянство опять захватило въ свои руки всѣ почетныя званія и должности, и въ тоже время навлекло себѣ общее презрѣніе и ненависть своей порочностью и гордыней. — Могли ли при такихъ обстоятельствахъ сохраниться въ сердцахъ подданныхъ благоговѣніе и преданность къ престолу? Правительство тщетно карало смѣлыхъ и легкомысленныхъ писателей заточеніемъ и ссылкой: что высказывалось ими, то думалъ и чувствовалъ весь народъ; блескъ короны и величіе властителя погибли невозвратно.

§ 703. 6) Податная система. Расточительность двора, огромныя пенсіи и денежныя награды, бесполезныя и разорительныя войны истощили государственную казну и увеличили бремя долга. Налоги и займы были единственными средствами для покрытія ежегодно возрастающей передержки (дефицита); и тѣ и другіе ложились тяжкимъ гнетомъ на страну. Правительство, не пользуясь довѣріемъ и кредитомъ, могло занимать только за высокіе проценты, постоянно усиливавшіе финансовыя затрудненія; чтожь касается до податей и сборовъ, то хотя выручаемыя на нихъ суммы были и незначительны въ сравненіи съ нынѣшними, но съ одной стороны взиманіе ихъ чрезъ посредство главныхъ откупщиковъ и ихъ кровосійцевъ-помощниковъ, а съ другой — ихъ раскладка только на среднее и сельское сословія, тогда какъ богатое дворянство и духовенство пользовались свободой отъ податей, дѣлали эти сборы крайне притѣснительными для низшихъ классовъ, обремененныхъ и безъ того десятинами, барщинами и другими повинностями въ пользу помѣщиковъ. Поземельный и имущественный налогъ (*la taille*), поголовная и домовая подать (пятипроцентная), таможенные и соляные сборы, и мног. друг., отнимали у рабочаго человѣка всѣ плоды его пріобрѣтеній и препятствовали возникновенію зажиточнаго средняго класса, тогда какъ главные откуп-

щики, которымъ правительство предоставляло сборъ всѣхъ податей за опредѣленные суммы, наживали такой барышъ, что въ короткое время становились мпліонерами.

§ 704. в) Ссора съ парламентами. Извѣстенъ существовавшій обычай, что всѣ указы о податяхъ и всѣ вообще новые законы должны были заноситься въ протоколъ верховнаго суда въ Парижѣ (такъ-называемаго парламента, § 609). Изъ этого суда вывелъ то заключеніе, что за отсутствіемъ земскихъ чиновъ (генеральныхъ штатовъ) королевства, которыхъ не созывали уже съ 1614 г., законность налагаемыхъ податей и постановляемыхъ вновь распоряженій зависить отъ утвержденія ихъ парламентомъ, и что поэтому онъ имѣетъ право сопротивляться введенію новыхъ податей и законовъ, отказываясь занести ихъ въ свой протоколъ. Такимъ образомъ каждый новый налогъ подавалъ поводъ къ сильному спору между парламентомъ и правительствомъ, — спору, который обыкновенно оканчивался тѣмъ, что король въ такъ-называемомъ тронномъ или ѳдренномъ засѣданіи (*lit de justice*) лично настаивалъ на занесеніи въ протоколъ спорнаго эдикта и тѣмъ сокрушалъ всякое сопротивленіе. Людовикъ XV отнюдь не хотѣлъ допустить умаленія тому полновластію, которое создали и которымъ пользовались его предмѣстники, не хотѣлъ, чтобы между нимъ и націей возникъ независимый контролирующій органъ власти. — Кромѣ указовъ о податяхъ, предметомъ раздора между правительствомъ и парламентомъ были еще такъ-называемыя тайныя повелѣнія, или закрытые листы (*lettres de cachet*¹), даваемые въ ущербъ правамъ парламента. Эти страшныя повелѣнія, которыя легко выпрашивали себѣ не только министры, но и второстепенные чиновники, епископы, отцы значительныхъ семействъ и вообще всѣ, имѣвшіе при дворѣ какія-нибудь связи, были деспотическимъ нарушеніемъ правъ личной свободы, потому что на основаніи ихъ каждый могъ быть арестованъ безъ всякаго допроса и суда. Десять лѣтъ сряду боролись парижскій

¹ Въ противоположность открытымъ листамъ (*lettres patentes*) или граматамъ, къ которымъ прикладывалась большая печать и которыя скрѣплялись государственнымъ секретаремъ, закрытые листы (*lettres closes*) разсылались за частною королевскою печатью и выражали личную волю монарха помимо обычнаго законнаго пути. — Первоначальнымъ поводомъ къ тайнымъ повелѣніямъ такого рода служило желаніе короля избавить знатныя фамиліи отъ непріятной огласки по провинностямъ ихъ членовъ.

парламентъ и соединенные съ нимъ областные суды противъ двора и правительства, но боролся впрочемъ только за свои корпоративныя привилегіи и льготы. Служебная аристократія парламентовъ, кичась своими покупными должностями и сильная цѣлой арміей адвокатовъ и писцовъ, противоборствовала всякимъ неправленіямъ несравненно болѣе министровъ. Члены парламента, правда, ненавидѣли іезуитовъ, потому что были приверженцами столь же узкихъ яansenистскихъ воззрѣній (§ 617), но они же осудили Эмиля (сочиненіе Руссо) на сожженіе чрезъ палача и преслѣдовали тяжкими гоненіями всѣхъ смѣлыхъ противоборцевъ согнившей старины, ея учрежденій и предразсудковъ. Сторонниками новыхъ взглядовъ являлись они только въ такихъ случаяхъ, когда ихъ собственныя выгоды совпадали съ требованіями народа. Поэтому когда король, соскучаясь ихъ упорнымъ сопротивленіемъ, велѣлъ солдатамъ схватить неугомонныхъ членовъ (1771) и потомъ далъ главному парижскому суду новое устройство, сломившее его оппозицію, то парламенты нашли такъ мало сочувствія въ народѣ, что сочли за лучшее смиренно покориться ограниченію своихъ правъ и допустить такую для себя организацію, которая давала имъ менѣе власти, причиняла двору менѣе заботъ, а народу доставляла болѣе скорое правосудіе.—Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, Людовикъ XVI, уступая совѣтамъ своего ограниченного и, къ сожалѣнію, многолѣтняго перваго министра Морепа, возвратилъ парламентамъ ихъ прежнее устройство и обычную власть; это снова вызвало ихъ на борьбу съ правительствомъ и было первою важною ошибкой молодого государя.

§ 705. Людовикъ XVI (1774—93). а) Дворъ. Когда вслѣдствіе своихъ безпутствъ Людовикъ XV умеръ среди грѣха жертвою ужасной болѣзни, государственная казна была истощена, на ней лежалъ долгъ въ 4,000 милліоновъ ливровъ, кредитъ совершенно исчезъ, и народъ былъ обремененъ тяжкими налогами. Среди столь затруднительныхъ обстоятельствъ на неограничѣннѣйшій изъ троновъ вступилъ государь съ превосходнымъ сердцемъ, но съ самою слабою головой, на столько благодушный, что искренно желалъ устранить зло и облегчить положеніе своего народа, но не имѣвшій ни достаточной силы характера, чтобы противустать расточительности и легкомыслію своихъ братьевъ, графа Прованскаго (въ послѣдствіи Людовика XVIII) и графа д'Артуа (Карла X), ни той самостоятельности, какая была необходима, чтобы оградить его отъ вліянія супруги его Маріи Анту-

анетты, высоко-образованной дочери Маріи Терезіи, — женщины, которая по природѣ и воспитанію крѣпко держалась за аристократическія притязанія и за царственный блескъ стараго двора. Своимъ высокомѣріемъ, своей заносчивостью королева рѣшительно возстановила противъ себя французскій народъ¹, который вслѣдствіе того былъ слишкомъ склоненъ перетолковывать въ дурную сторону разныя вольности, которыя позволяла себѣ Марія Антуанетта въ частной жизни, какъ бы ни были онѣ невинны сами по себѣ, тѣмъ болѣе что при дворѣ съ давнихъ поръ привыкли видѣть вездѣ одну безнравственность. Своей склонностью вступаться во все дѣятельнымъ образомъ, королева павлекала себѣ упрекъ во всѣхъ непопулярныхъ мѣрахъ того времени, и имя ея примѣшивалось ко всякимъ дразгамъ, что видно между прочимъ и изъ знаменитой исторіи съ ожерельемъ (см. ниже). Роковымъ предзнаменованіемъ для молодой четы было печальное событіе, которымъ сопровождался праздникъ по случаю бракосочетанія Людовика съ Марією Антуанеттой: на площади Людовика XV (Площадь Революціи, Площадь Согласія) пускали фейерверкъ, и при этомъ народъ стѣснился до того, что многія сотни людей были задавлены и растоптаны испуганной толпою.

Дѣло объ ожерельѣ. Драгоценное ожерелье предложено было королевѣ на продажу и отвергнуто ею за чрезмѣрной дороговизною. Этимъ случаемъ воспользовалась коварная графиня де Ламоттъ, чтобы сплести на немъ цѣлую сеть интриги и обмана. Поддѣльными записками отъ имени Маріи Антуанетты увѣрила она безнравственнаго, расточительнаго кардинала де Роана, епископа Страсбургскаго, который по нерасположенію къ нему королевы не могъ получить желаннаго доступа въ кабинетъ, что покупкою ожерелья онъ снова пріобрѣтетъ утраченную при дворѣ милость. Итальянскій пройдоха, развѣзжавшій когда повсей Европѣ подъ именемъ графа Каліостро и вездѣ обманывавшій легковѣрную знать разными чарами, вызовами духовъ и мнимыми тайноученіями, подтвердилъ своимъ предсказаніемъ замыслы графини, которая наконецъ вполне убѣдила кардинала, доставивъ ему тайное свиданіе съ одной прелестницей, переодѣтой въ Марію Антуанетту. Ожерелье было куплено на вексель и вручено графинѣ, которая распродала камни поодиночкѣ въ Англіи. Но когда не послѣдовало ни обѣщанной именемъ королевы уплаты по векселю, ни министерскаго

¹ А Французъ ни чѣмъ такъ не дорожить, какъ отношеніями человѣческаго равенства при всемъ различіи общественныхъ положеній.

назначенія, а кардиналъ не могъ выкупить у ювелировъ данный вексель, то обманъ, разумѣется, вышелъ наружу, и начался самый неблагоприятный процессъ. Роанъ послѣ продолжительнаго ареста былъ оправданъ, графиня лишена чести и присуждена къ пожизненному заключенію, но успѣла спастись бѣгствомъ (1785). Народъ охотно вѣрилъ соучастію нелюбимой королевы и утверждался въ этомъ мнѣніи разными памфлетами неблагонамѣренныхъ людей, и особенно глубоко оскорбленныхъ де Роановъ.

§ 706. б) Преобразовательные планы Мальзерба и Тюрго. Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ Людовикъ XVI призвалъ въ министерство двухъ мужей, желавшихъ и способныхъ коренными реформами привести въ порядокъ разстроенное въ конецъ государственное хозяйство и снова утвердить колеблющійся тронъ: это были Тюрго и Мальзербъ (1776). Они настаивали на совершенномъ преобразованіи государственнаго управленія, на допущеніи лицъ средняго класса къ высшимъ административнымъ и судебнымъ должностямъ, на устраненіи тайной полиціи и чиновничьяго произвола, на измѣненіи податной системы, на бережливости въ государственномъ хозяйствѣ и на уничтоженіи всѣхъ преградъ, стѣнявшихъ земледѣліе, торговлю и промышленность, особенно на смягченіи строгихъ цеховыхъ уставовъ, мѣшавшихъ свободному развитію личной дѣятельности и частнаго производства. Точно такъ же военный министръ Сентъ-Жерменъ старался искоренить злоупотребленія, господствовавшія въ арміи.

По плану Мальзерба и Тюрго, всѣ существующіе налоги предполагалось мало по-малу замѣнить новою системой податей, простиравшеюся на дворянство и духовенство и основанною на общемъ обмежеваніи земель (кадастръ); чтобы поднять среднее и крестьянское сословіе хотѣли они отмѣнить барщины и выкупить всѣ феодальныя повинности, уничтожить цехи и всѣ внутреннія заставы и ввести однообразные мѣры и вѣсы; вѣротерпимость къ протестантамъ, ограниченіе числа монастырей, улучшеніе училищной части и предоставленіе свободы печати должны были положить начало соотвѣтственному времени народному образованію и вытѣснить собой распространеніе ложнаго, вольномысленнаго просвѣщенія той эпохи; отмѣна или по крайней мѣрѣ ограниченіе числа тайныхъ повелѣній, которыхъ выдавалось до тысячи ежегодно, должны были стѣснить произволъ чиновниковъ и возбудить довѣріе къ правительству; ограниченіемъ злоупотребленій по раздачѣ пенсій, сокращеніемъ процентовъ государственнаго долга и строгой бережливостью въ расхо-

дахъ намѣревались водворить порядокъ въ разстроенныхъ финансахъ. Завершеніемъ всему этому должно было служить общее уложеніе для всѣхъ областей края. Военный министръ Сень-Жерменъ, старикъ, испытанный превратностями жизни, хотѣлъ отмѣнить продажность офицерскихъ мѣстъ и преимущества королевской гвардіи передъ всѣми остальными частями войска.

Предложенія эти встрѣтили столь ожесточенныхъ противниковъ въ аристократіи и при дворѣ, кромѣ впрочемъ самого короля Людовика XVI, а потомъ въ парламентахъ, и особенно въ духовенствѣ, что министры были вынуждены сложить съ себя свое званіе. Духовенство старалось отвратить грозившую бѣду—обложеніе его податями по кадастру,—вызвавшись на ежегодный добровольный взносъ (*don gratuit*) въ королевскую казну.

§ 707. в) Трудное финансовое положеніе. Не лучше удалось повестъ дѣло и женеvesкому банкиру Некеру, когда онъ взялся за управленіе финансами послѣ Тюрго (1777—84). Положеніе его было затруднительно уже и потому, что онъ былъ человѣкъ средняго сословія, да къ тому еще протестантъ, а средства, къ которымъ онъ прибѣгнулъ для возстановленія разстроеннаго хозяйства — бережливость и созывъ областныхъ чиновъ,—возбудили противъ него ненависть двора и аристократіи; когда же по поводу одного займа онъ обнародовалъ отчетъ о состояніи финансовъ (*compte rendu*), то эта уступка общественному мнѣнію встрѣчена была такимъ взрывомъ негодованія (со стороны заинтересованныхъ тайнымъ хозяйничаньемъ высшихъ классовъ), что министръ долженъ былъ просить объ увольненіи (май 1791). Отставка его освободила дворъ отъ докучной, стѣснительной бережливости, но вмѣстѣ и увеличила безпорядокъ въ государственномъ хозяйствѣ. Издержки ежегодно на многіе милліоны превышали доходъ; займы, при шаткомъ кредитѣ и при безъ-того уже огромномъ государственномъ долгѣ, могли заключаться только на невыгодныхъ условіяхъ и доставляли одно кратковременное облегченіе, ни мало не отвращая кореннаго зла. Американская война поглотила государственный доходъ за три года и, кромѣ новаго финансоваго затрудненія, создала правительству сильныхъ, невѣдомыхъ еще враговъ, возбудивъ и въ высшихъ и въ низшихъ гражданскую гордость, республиканскій духъ и живое чувство свободы. Въ эту роковую пору трудное управленіе финансами принялъ на себя (по настоянію королевы) легкомысленный, расточительный Калоннъ (1783). Онъ отступилъ отъ Некеровой системы бережливости, охотно угождалъ

желаніямъ королевы и требованіямъ принцевъ и придворныхъ, и обманивалъ нѣсколько времени весь свѣтъ общаніями финансовыхъ преобразованій, которые должны положить конецъ всѣмъ бѣдамъ: Въ Версаль давались самые блистательные праздники и громко превозносились необыкновенныя дарованія Колонна. Но вскорѣ недостало средствъ и у него, такъ что рѣшились прибѣгнуть къ собранію такъ-называемыхъ именитыхъ людей (*assemblée des notables*, 22 февр. 1787), которыхъ совѣтомъ пользовался иногда въ трудныхъ обстоятельствахъ со времени утвержденія неограниченной королевской власти: ихъ составляли изъ дворянъ, духовенства, высокихъ государственныхъ сановниковъ, членовъ парламента и нѣсколькихъ городскихъ депутатовъ. Но вмѣсто ожидаемой помощи Колоннъ нашелъ себѣ въ нихъ отъявленныхъ враговъ. Онъ предложилъ всеобщую систему податей, простирающуюся на дворянъ и духовенство, но это предложеніе было упорно отвергнуто привилегированными совѣтниками, а обнаруженный при этомъ случаѣ дефицитъ возбудилъ такую страшную бурю, что Колоннъ отказался отъ своей должности и уѣхалъ въ Лондонъ, дабы избѣжать грозившаго ему формальнаго обвиненія. Преемникомъ ему сталъ ревностнѣйшій противникъ его въ собраніи именитыхъ людей, Ломени де Бріеннъ, архіепископъ Тулузскій.

§ 708. г) Раздоръ съ парламентомъ. Положеніе Бріенна было тяжело. Когда онъ хотѣлъ занести въ парламентскіе протоколы два новые указа о податяхъ, то встрѣтилъ тамъ такое упорное сопротивленіе, что король сначала прибѣгнулъ къ обычному принудительному средству — тронному засѣданію (*lit de justice*), а потомъ, когда не могло и это (августъ 1787), сослалъ самыхъ смѣлыхъ членовъ парламента въ Труа (Troyes). Въ этихъ ссорахъ принималъ живѣйшее участіе французскій народъ, котораго собраніе именитыхъ людей ознакомилъ съ положеніемъ государственнаго казначейства и который былъ увлеченъ мыслями о свободѣ и человѣческихъ правахъ. Онъ шумно окружилъ мѣсто засѣданій, встрѣчалъ радостными кликами ораторовъ оппозиціи и бранью — сторонниковъ правительства; уже и тогда не было возможности поддержать правосудіе въ законной силѣ. Въ парламентѣ и на улицахъ всѣ громко требовали созыва государственныхъ чиновъ. Напрасно министръ условился съ старшими, осторожными членами сосланнаго въ Труа парламента насчетъ отмены указовъ о податяхъ (ноябрь 1787), съ тѣмъ чтобы ему разрѣшили новый заемъ въ 440 милліоновъ; едва предложено было объ

утвержденіи этого займа въ королевскомъ засѣданіи, какъ многіе члены (въ особенности герцогъ Орлеанскій) протестовали противъ этой мѣры и, по удаленіи короля, дозволили себѣ высказаться такъ энергически, что дворъ рѣшился приступить къ новымъ арестамъ, но тѣмъ еще болѣе усилилъ раздраженіе и оппозицію. Въ объявленіи, написанномъ парламентскимъ членомъ Дюваль-Депремениемъ и принятомъ всѣми его товарищами (май 1788), было потрясено господствовавшее со временъ Ришльё убѣжденіе, что одному монарху принадлежитъ законодательная и исполнительная власть, и такъ сильно доказывали, съ одной стороны, право чиновъ утверждать подати, съ другой — противозаконность тайныхъ повелѣній и ненарушимость правъ и привилегій магистратуры и отдѣльных областей, что король и министры, раздраженные такою дерзостью и встревоженные новымъ духомъ, повидимому заразившимъ всѣ парламенты, рѣшились подвергнуть ихъ такому же преобразованію, какое испытали они при Людовикѣ XV. Для этого захвачены были самые смѣлые изъ членовъ; остальныхъ же, окруженныхъ войскомъ, принудили въ тронномъ засѣданіи къ принятію новой организаціи (въ видѣ *conseils généraux*¹⁾). Мѣсто парижскаго парламента должно было заступить чрезвычайное собраніе высшаго дворянства и нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ, созываемое для занесенія въ свой протоколъ новыхъ указовъ о податяхъ и другихъ постановленій; областные парламенты были ограничены въ своей судебной сферѣ; у нихъ отняты почти всѣ тяжёбныя и уголовныя дѣла, въ которыхъ не были замѣшаны ни духовные, ни дворяне, и предоставлены вѣдомству особыхъ среднихъ судовъ (приказовъ). Но, съ одной стороны, смѣлый протестъ членовъ парламента противъ вынужденнаго у нихъ согласія, съ другой общее неудовольствіе народа, доходившее въ Провансѣ, Лангедокѣ, Дофинѣ и особенно въ Бретани до возстаній и разныхъ буйствъ, при чемъ сожигали между прочимъ изображеніе министра, — все это должно бы было убѣдить всякое болѣе зоркое правительство въ томъ, что прошло уже невозвратно время самовласти.

§ 709. д) Созывъ государственныхъ чиновъ. Все возрастающая буря противъ министра вынудила наконецъ дворъ (августъ

¹ Такъ назывались торжественныя собранія васалловъ въ присутствіи короля, начиная съ 11 до 15 вѣка. Собранія эти обыкновенно сопровождались пирами, турнирами и т. д.

1788) согласиться на увольнение Бриэнна въ такое время, когда безденежье дошло до того, что надо было приостановить все платежи наличными, и когда несостоятельность государственного банка казалась неизбежна. Тутъ министерство финансовъ передано было популярному Некеру (1788—89), изъ чего все заключили, что король рѣшился наконецъ на созывъ государственныхъ чиновъ, столь часто обѣщанный и неотступно требуемый отовсюду. Поэтому лишь только Некеръ успокоилъ общее волненіе и возстановилъ довѣріе къ правительству освобожденіемъ арестованныхъ парламентскихъ членовъ и отмѣною постановленій противъ парламентовъ, какъ уже и сдѣлалъ необходимыя распоряженія къ осуществленію этой важной и обильной послѣдствіями мѣры. Тогда-то вскорѣ обнаружилось, что парламенты сочувствовали переменамъ лишь на столько, на сколько это не было въ ущербъ интересамъ ихъ сословія; ибо какъ они, такъ и вторично спрошенные Некеромъ именитые люди (notables) были того мнѣнія, что новое собраніе вразсужденіи числа депутатовъ и самаго хода дѣлъ должно держаться образца государственныхъ чиновъ 1614 года, тогда какъ Некеръ обѣщалъ среднему сословію двойное число депутатовъ, и хотѣлъ чтобы голоса подавались не по сословіямъ, а поголовно: къ его взгляду присоединились даровитѣйшіе поборники народа въ безконечномъ числѣ памфлетовъ. Изъ послѣднихъ всехъ болѣе впечатлительные произвела брошюра бббата Сіеса «Что такое среднее сословіе?» (декабрь 1788). Урожденный графъ и вмѣстѣ духовное лицо, говорилъ онъ равно и противъ дворянъ и противъ духовенства и выставилъ то главное положеніе революціи, что средній классъ есть сама нація,—народъ во всей полнотѣ его власти. Мнѣніе Некера одержало верхъ. Королевскимъ указомъ число членовъ отъ духовенства и дворянъ опредѣлено было по 300 отъ каждаго сословія, а депутатамъ средняго чина указано быть въ числѣ 600; срокомъ открытія государственныхъ чиновъ назначено 1 мая слѣдующаго года. Слишкомъ поздно раскаялся въ своемъ сопротивленіи постигнутый негодованіемъ народа парламентъ и старался уступчивостью возвратитъ себѣ свое прежнее положеніе: популярность его была утрачена навсегда, а блескъ, въ какомъ явилось вскорѣ новое собраніе, до того помрачилъ собою парламентъ, что позднѣйшее упраздненіе его прошло почти незамѣченнымъ. Некеръ былъ героемъ текущаго дня, но не сталъ вождемъ государственнаго кормила, онъ только «шелъ по вѣтру», куда несло корабль. Безъ всякаго плана и подготовки выступилъ этотъ близорукій представитель правительства передъ

представителей народа, полныхъ самыми смѣлыми и разнообразными взглядами на общественныя дѣла.

Благодаря недостаточной и различной по областямъ системѣ выборовъ, представительство недвижимой собственности оказалось слишкомъ слабо, а благодаря перенятому у прежнихъ государственныхъ чиновъ обычаю, чтобъ избирательныя корпораціи снабдили своихъ депутатовъ письменными наказами (*sahiers*) относительно своихъ желаній, въ палату поступило множество торопливыхъ, необдуманныхъ предложеній о реформахъ. На первомъ планѣ стояли требованія объ уничтоженіи безусловной королевской власти, отмѣнѣ феодальныхъ отношеній, ограниченіи власти и богатствъ духовной іерархіи. Вся Франція одушевлялась одною мыслью, что отнынѣ наступаетъ для народа и государства совсѣмъ новая пора, и что переворотъ долженъ непременно совершиться, кто бы ни сталъ ему поперекъ дороги.

II. Учредительное собраніе (съ 5 мая 1789 по 30 сентября 1791).

§ 710. Національное Собраніе. Въ началѣ мая депутаты трехъ сословій, въ томъ числѣ даровитѣйшіе и образованнѣйшіе люди Франціи, собрались въ Версалѣ. Уже по одному наряду (дворянство явилось въ бархатныхъ епанчахъ, обшитыхъ золотомъ и кружевами, въ шляпахъ съ перьями; гражданство — въ простыхъ черныхъ епанчахъ, въ шляпахъ безъ кокардъ и перьевъ), а еще болѣе на аудіенціи у короля, третье сословіе почувствовало себя униженнымъ и оскорбленнымъ. Тѣмъ большій вѣсъ приобрѣло оно себѣ тотчасъ послѣ торжественнаго открытія собранія (5 мая 1789). Съ первыхъ же засѣданій вступило оно въ борьбу съ обоими высшими сословіями и правительствомъ по поводу повѣрки полномочій, потому что они требовали отдѣльной повѣрки по сословіямъ, а гражданство, напротивъ, отстаивало общую повѣрку огуломъ. Такъ какъ слѣдствіемъ такой мѣры были бы общія совѣщанія и поголовная подача голосовъ, при чемъ дворянство и духовенство, между которыми многіе раздѣляли воззрѣнія третьяго сословія, а иныхъ не было на лицо, составляли бы

меньшинство ¹, то этотъ споръ настойчиво продолжался нѣсколько педѣль, пока одинъ смѣлый и удачный шагъ не рѣшилъ его въ пользу гражданства. Последнее, избравшее президентомъ проникнутаго энтузіазмомъ и духомъ свободы, царскаго депутата — астронома Байльн, по руководимое высшими талантами такихъ людей какъ Сіесъ и Мирабо, объявило себя національнымъ собраніемъ, и пригласило другія сословія присоединиться къ нему; этому вызову послѣдовала часть низшаго духовенства, ближайшаго къ среднему сословію, тогда какъ другіе упорствовали въ своемъ сопротивленіи. Рѣшенія, принятые національнымъ собраніемъ послѣ этого важнаго шага, именно: не расходиться до тѣхъ поръ, пока націи не будутъ возвращены ея древнія права, а между тѣмъ заботиться о правильномъ взносѣ податей, какъ бы ни были онѣ противозаконны, и обѣ уплатѣ процентовъ государственнаго долга, пока чины не будутъ распущены по какой бы то ни было причинѣ, — эти рѣшенія были очень умно разсчитаны для того, чтобы устроить дворъ и заинтересовать націю, особенно государственныхъ заимодавцевъ, въ прочномъ существованіи національнаго собранія.

§ 711. Королевское засѣданіе (23 іюня). Эти происшествія встревожили дворъ и внушили ему мысль — отъ себя дать народу конституцію и, такимъ образомъ, обойтись безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ. Съ этою цѣлью на 23-е іюня назначено было королевское засѣданіе, а между тѣмъ, для приготовленій къ нему, была заперта зала собранія. И когда Байльн, увѣдомленный объ этомъ очень поздно, явился со всѣми депутатами, ихъ не впустили въ залу, вслѣдствіе чего они отправились, въ сопровожденіи огромной толпы народа, въ пустую залу зданія, назначеннаго для игры въ шаръ (20 іюня), и тамъ, поднявъ руки, торжественно поклялись не расходиться до тѣхъ поръ, пока сами не дадутъ новой конституціи государству. Въ слѣдующемъ засѣданіи, происходившемъ въ церкви св. Людо-

¹ Всѣхъ наличныхъ членовъ было 1139; въ томъ числѣ 270 депутатовъ дворянства, 291 депутатъ духовенства, и 578 депутатовъ третьяго сословія.

вика, къ гражданству примкнула большая половина духовенства, со многими архіепископами во главѣ. 23 іюня было королевское засѣданіе. Декларациа короля, наполненная изъясленіями неудовольствія, упреками и угрозами, подѣйствовала тѣмъ непріятнѣе, что отсутствіе Некера, которому принадлежалъ первоначальный проектъ, повидимому доказывало, что онъ не одобряетъ сдѣланныхъ въ его планѣ измѣненій, а потому и предполагаемое государственное преобразование было принято очень холодно. Особенно не понравилось то, что собственность каждого была признана неприкосновенною, тогда какъ привилегированныя сословія присвоивали себѣ въ видѣ собственности именно всѣ тѣ права, отъѣны которыхъ желало третье сословіе. По окончаніи засѣданія, король приказалъ собранію разойтись. Дворянство и духовенство повиновались; но гражданство осталось неподвижно на своихъ мѣстахъ, и когда церемоніймейстеръ потребовалъ повиновенія, то Мирабо, напоминая собранію данную имъ клятву и ободривъ его къ сопротивленію, воскликнулъ: «Скажите вашему повелителю, что мы собрались здѣсь волею народной власти, и что насъ можно прогнать отсюда только силою штыковъ». Добродушный король не отважился употребить силу противъ этого рѣшительнаго сопротивленія. Собраніе объявило себя неприкосновеннымъ, и вскорѣ (27 іюня 1789) къ гражданству присоединилась часть высшаго духовенства (между прочими Таллейранъ-Перигоръ, епископъ отѣнскій, и Анри Грегуаръ впоследствии епископъ въ Блуа) и дворянство (съ порочнымъ, богатымъ и честолюбивымъ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ), такъ что теперь и самъ Людовикъ подался на полное соединеніе чиновъ въ одно собраніе.

§ 712. Взятіе Бастиліи (14 іюля). Эта побѣда третьяго сословія, а еще больше тревожныя волненія столицы, напугали аристократическую партію двора и навели ее на мысль—силою избавиться отъ угрожающей опасности. Не довѣряя увлеченнымъ въ движеніе и сочувствовавшимъ гражданству гвардейцамъ, убѣдили короля призвать въ Версаль нѣсколько нѣмецкихъ и швейцарскихъ полковъ. Напрасно пыталось національное собраніе своими представленіями отклонить эту мѣру, не предвѣщавшую ему ничего добраго; дворъ настаивалъ.

Безпокойство чиновъ быстро сообщилось парижскому гражданству.

Въ Парижѣ, по выборѣ депутатовъ, избиратели составили общество, для посредничества между городской общиной и національнымъ собраніемъ, — примѣръ, который вскорѣ нашелъ себѣ подражаніе въ провинціяхъ. Разные заيجи, а также журналы и памфлеты, появлявшіеся во множествѣ, рѣчи въ кофейняхъ и харчевняхъ поддерживали постоянное волненіе и ненависть къ высшимъ классамъ въ этомъ демократическомъ обществѣ избирателей, которое старалось передавать свой образъ мыслей низшимъ классамъ. Поэтому оживленный, многолюдный городъ находился въ постоянной тревогѣ и броженіи, и въ Пале-Роялѣ (жилищѣ герцога Орлеанскаго), въ публичныхъ мѣстахъ, въ гостиницахъ, толпы праздныхъ и дерзкихъ людей жадно внимали возбуждательнымъ рѣчамъ молодаго, даровитаго и жаждавшаго свободы адвоката Камилль Демулена и другихъ демагоговъ, говорившихъ о народной вольности, правахъ человѣка и равенствѣ всѣхъ сословій. Въ эту пору волненія было положено основаніе вооруженной силѣ гражданъ, которая подъ именемъ національной гвардіи принимала столь существенное участіе въ послѣдующихъ бурныхъ событіяхъ. Зерномъ ея сталъ одинъ отнавший полкъ гвардейцевъ. Черезъ это столица совсѣмъ подчинилась вліянію общества избирателей, которое, по взятіи Бастиліи (при чемъ былъ убитъ городской голова, *prévôt des marchands*, Флессель — старшина средневѣковой городской общины), назначило новый демократическій муниципалитетъ (общинный совѣтъ и городскія начальства), сдѣлало Байльи меромъ Парижа, и черезъ посредство начальниковъ 60-ти городскихъ частей (*sections*), могло постоянно дѣйствовать на простой народъ и на страшную чернь предместьевъ.

Вѣсть о сосредоточеніи войскъ, которое тайные агенты Мирабо и герцога Орлеанскаго выставляли явнымъ доказательствомъ преднамѣреаемаго отпора, уже сама по себѣ страшно взволновала народъ, какъ въ Парижѣ пришло извѣстіе (12 іюля), что Некеръ внезапно отставленъ и изгнанъ изъ государства, и что на его мѣсто назначенъ любимецъ королевы и ненавистнаго графа д'Артуа, Фулонъ. Это было принято за первый шагъ къ военнымъ мѣрамъ и послужило сигналомъ ко всеобщему возстанію. Толпы грубой черни шумно расхаживали по улицамъ, украшенные новозобрѣтенною національною кокардой; въ городѣ ударили въ набатъ, ма-

стерскія оружейнаго завода были ограблены; смятеніе и безпорядокъ царствовали повсюду. 14-го іюля, когда народъ похитилъ изъ Дома Инвалидовъ 30,000 ружей и нѣсколько пушекъ, послѣдовало взятіе Бастиліи. Разрушеніе этой крѣпости, лежавшей при входѣ въ Антуанское предмѣстье, должно было не только обезопасить городъ отъ возможнаго нападенія, но и ознаменовать собою конецъ деспотизма, произвольныхъ арестацій, и торжество новаго порядка вещей надъ средневѣковымъ, феодальнымъ. Начальникъ Делонѣ и семь человекъ гарнизона пали жертвою народной ярости; головы ихъ носили на шестахъ по улицамъ города съ шумными и радостными кликами, и избіеніе народомъ многихъ, слывшихъ тогда аристократами, показало ясно, что законъ и начальство безсильны и что власть уже въ рукахъ толпы. Изгнанный Некеръ былъ призванъ обратно; въѣздъ его въ города и селенія Франціи походилъ на триумфъ увѣнчаннаго побѣдой героя; этотъ тщеславный человекъ принялъ за дань своимъ заслугамъ и стремленіямъ то, что было только изліяніемъ новаго чувства свободы и ненависти ко двору и аристократіи. Испуганные этими проявленіями враждебной народной воли, и досадуя на то, что король не соглашается подавить движеніе въ крови и междоусобной войнѣ, д'Артуа, Конде, Полиньяки и другіе ненавидимые за аристократизмъ дворяне, оставили свое отечество и положили начало обильной послѣдствіями эмиграціи (выселенію), пересадившей старую Францію, со всею ея порчей, расточительностью и безденежьемъ, во «Францію внѣшнюю», за границу. Назначеніе Лафайетта вождемъ организованныхъ силъ гражданства — національной гвардіи, возведеніе Байльи въ должность мера столицы и поѣздка короля въ Парижъ, гдѣ онъ съ кокардой на шляпѣ показался собравшемуся народу на балконѣ ратуши, и тѣмъ заявилъ свое одобреніе случившагося, завершили собой этотъ рядъ событій, который можно назвать послѣднею борьбой абсолютной королевской власти и народоженіемъ новаго порядка. — Съ тѣхъ поръ умолкли законъ и порядокъ; анархія господствовала и въ столицѣ, и въ провинціи. Фулонъ и зять его Бертъе де-Совиньи пали жертвами изступленной черни. Поселяне жгли замки своихъ

помѣщиковъ и уже не исполняли никакихъ повинностей въ отношеніи къ дворянству и церкви. Какъ и въ Парижѣ, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ полиція и всѣ правительственныя дѣла были въ рукахъ общиннаго совѣта и національной гвардіи; жизнь людей, нелюбимыхъ народомъ, была въ опасности; умерщвленіе ихъ оставалось безнаказаннымъ.

Трехцвѣтное знамя. Объясняя въ Пале-Рояль собравшейся толпѣ опасность, какую угрожаетъ народу сосредоточеніе иноземныхъ войскъ, Камилль Демуленъ сорвалъ съ дерева листь, прикрѣпилъ его къ своей шляпѣ и пригласилъ толпу сдѣлать тоже самое, дабы патріоты имѣли свой отличительный знакъ. Скоро всѣ деревья въ саду были опщипаны. Но какъ зеленый цвѣтъ былъ цвѣтомъ ненавистнаго д'Артуа, то приняли цвѣта города Парижа, синій и красный, а потомъ, по предложенію Лафайетта, присоединили къ нимъ бѣлый, цвѣтъ Бурбоновъ, въ знакъ союза націи съ короной. Такъ произошло многозначительное трехцвѣтное знамя.

§ 713. Дѣйствія національнаго собранія (4-е авг.). Не сдѣлавъ національному собранію никакихъ предложеній насчетъ новой конституціи, и относясь къ будущему безъ всякаго плана и мысли, правительство не было въ состояніи управлять преніями и дать надлежащій ходъ дѣламъ. Слѣдствіемъ было то, что депутаты поддались напору времени и, по примѣру американскихъ штатовъ, начали торжественнымъ заявленіемъ правъ человека. Этими общими положеніями, внушенными обманчивымъ увлеченіемъ къ народной свободѣ, желали навѣки порѣшить съ абсолютизмомъ королевской власти и преимуществами привилегированныхъ сословій, а вмѣсто того вызвали тираннію массы. Какъ прежде упоминались однѣ только обязанности подданныхъ и опускались ихъ права, такъ теперь внали въ противоположную крайность. Не покончили еще съ этимъ, какъ опустошительные пожогъ поселянъ привлекли общее вниманіе къ правамъ дворянства. 4 августа (1789) Виконтъ де Ноайль, зять Лафайетта, объявилъ, что привилегированныя сословія должны на дѣлѣ доказать народу свое желаніе облегчить его, и для этого по собственному побужденію отказаться отъ всѣхъ средневѣковыхъ феодальныхъ правъ. Это предложеніе вызвало бурю восторга и самоотверженности.

Никто не хотѣлъ отстать отъ другихъ. Сословія, города, провинціи соперничали между собою за честь принести наибольшія жертвы общему благу. Предложенія слѣдовали одно за другимъ съ лихорадочной поспѣшностью и живостью, такъ что одно, продленное до ночи, засѣданіе уничтожило все многосложное зданіе болѣе чѣмъ тысячелѣтнихъ учреждений и совершенно преобразовало прежнее состояніе Франціи.

Дворянство отказалось безъ всякаго вознагражденія отъ всѣхъ барщинныхъ и другихъ феодалныхъ повинностей, которыхъ помѣщикъ могъ требовать съ крестьянъ, отъ права охоты и соединеннаго съ нимъ варварскаго наказанія нарушителей, и отъ вотчиннаго суда; духовенство пожертвовало своими десятинами, простиравшимися отъ 60 до 80 милліоновъ ежегодно; городскіе депутаты согласились на отмѣну продажи должностей, на уничтоженіе цеховъ и гильдій, а также всѣхъ провинціальныхъ и городскихъ преимуществъ. При этомъ было принято за правило—равномѣрное распределеніе налоговъ и допущеніе всѣхъ гражданъ къ государственнымъ и военнымъ должностямъ.

Права короля Французовъ были чрезмѣрно ограничены новою конституціей. Положено было имѣть одну палату, поставленную не ниже, а подлѣ короля, исключительно обладающую законодательной властью и вооруженную правомъ починна (иниціативы). Въмѣсто предложеннаго вначалѣ и поддержаннаго депутатомъ Мирабо, безусловнаго veto, королю едва дано было veto отсрочивающее, которое могло только задержать на четыре года принятый палатою законъ. Но самая конституція объявлена дѣйствительною и безъ королевскаго утвержденія.

§ 174. Перемѣщеніе короля и Національнаго Собранія въ Парижъ (5 октября). Такъ какъ король колебался обнародовать статьи конституціи, то распространили слухъ о памѣтненіи правительства ниспровергнуть ее силою. Этотъ слухъ усилился, когда фландрскій полкъ былъ призванъ въ Версаль, и на праздникъ, данномъ лейбгвардіей новоприбывшимъ офицерамъ, король имѣлъ неосторожность явиться съ королевою и дофинотъ въ столовую во время обѣда, и тѣмъ подать поводъ разгоряченному виномъ собранію къ необлагоразумнымъ выходкамъ, тостамъ и пѣснямъ. Дѣятельные языки быстро

разнесли по Парижу вѣсть объ этомъ происшествіи, которое еще усилило волненіе народа, и безъ того раздраженного недостаткомъ хлѣба, что приписывали отсутствію двора. Поэтому 5 октября несчетныя толпы черни, большею частію женщины, подъ предводительствомъ героя Бастиліи Майльера и одного мясника-рабочаго (Журдана), прозваннаго «головорѣзомъ», двинулись въ Версаль, чтобы потребовать отъ короля дешевой хлѣба и перенесенія резиденціи въ Парижъ. Опозоривъ національное собраніе участіемъ въ его засѣданіи и вмѣшательствомъ въ пренія, толпы отправили депутацію къ королю, который старался успокоить ихъ ласковымъ отвѣтомъ. Но въ ночи чернь напала на одно крыло замка, изрубивъ часовыхъ лейбгвардейцевъ; съ трепетомъ укрылась королева съ своими придворными дамами въ комнаты супруга, и только запоздалое прибытіе Лафайетта съ національною гвардіей отвратило дальнѣйшую бѣду. На слѣдующій день король долженъ былъ согласиться переѣхать съ своимъ семействомъ въ Парижъ, въ сопровожденіи этихъ страшныхъ полчищъ, и поселиться въ необитаемомъ уже много лѣтъ Тюильрійскомъ дворцѣ. Вскорѣ послѣдовало за нимъ и Національное Собраніе, для котораго былъ передѣланъ находившійся близъ дворца манежъ.

Герцогъ Орлеанскій, обвиняемый въ возбужденіи версальскихъ смуть съ цѣлью стать во главѣ государства въ случаѣ избіенія королевской фамиліи, отправился на нѣкоторое время въ Лондонъ. Генераль Лафайеттъ, который негодовалъ на короля за его отказъ признать и обнародовать «права человѣка», повидимому съ умысломъ оказалъ мало усердія при подавленіи народнаго мятежа. Миробо, предувѣдомленный, благодаря своимъ связямъ, о предстоящей бурѣ, напрасно совѣтовалъ президенту Національнаго Собранія закрыть засѣданіе. Основанное на этомъ подозрѣніе, будто онъ самъ участвовалъ въ возбужденіи смуты, было несправедливо.

§ 715. Учрежденіе новаго порядка вещей. Какъ 4-е августа сломало силу дворянства, а 5-е октября повергло въ прахъ весь блескъ королевской власти, такъ въ ноябрѣ и слѣдующихъ мѣсяцахъ были уничтожены независимое положеніе духовенства и судебная власть парламентовъ, и отмѣною всѣхъ ограниченій, созданныхъ историческимъ правомъ и церковнымъ законодательствомъ, проложенъ путь къ «свободѣ и равенству» всѣхъ французскихъ «гражданъ».

По предложенію Таллейрана, церковное имущество было объявлено собственностью государства и подлежащим отчужденію, а производство жалованья духовенству и забота о духовныхъ и благотворительныхъ дѣлахъ возложена на правительство. Вскорѣ послѣдовало также упраздненіе монастырей и духовныхъ орденовъ, а въ слѣдующемъ году — новое устройство епископствъ (назначили 10 архіепископовъ и въ каждомъ департаментѣ по 1 епископу), при чемъ постановлено, что духовныя лица будутъ избираемы народомъ, и что должна господствовать полная свобода въ роисповѣданіи. Законъ, по которому всѣ клирики должны были присягнуть новому порядку (названному «гражданскимъ устройствомъ духовенства», *constitution civile du clergé*), скорѣ раздѣлилъ духовенство на два большіе лагера. Большинство отказывалось дать отвергнутую папой гражданскую присягу, и предпочло лишиться своихъ мѣстъ; только треть духовенства подчинилась присягѣ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Анри Грегуаръ, епископъ блаускій, доказавшій своею общественною дѣятельностью въ учредительномъ собраніи и въ конвентѣ, «что въ дѣлѣ революціи онъ видѣлъ только дѣло человеколюбія». Съ тѣхъ поръ множество духовныхъ мѣстъ оставались незанятыми во Франціи, и священники различались на присяжныхъ и неприсяжныхъ; послѣдніе по праву не могли долѣе считаться священниками, но тѣмъ болѣе казались такими вѣрующимъ. Этотъ законъ уничтожилъ во Франціи государственную религію, а съ нею и вліяніе римской куріи на управленіе государствомъ. Такъ какъ нельзя было тотчасъ продать церковное имущество, то выдавались обезпеченные ими письменные векселя или знаки (ассигнаціи), въ видѣ бумажныхъ денегъ. Эта мѣра, вначалѣ принятая съ хорошою цѣлью, въ послѣдствіи сдѣлалась тираническою и повлекла за собой разореніе многихъ тысячъ людей. Постоянно возрастающее безденежье заставляло правительство выпускать безмѣрное количество этихъ денежныхъ знаковъ, такъ что народъ, и безъ того мало вѣрившій въ прочность существующаго порядка, утратилъ всякое довѣріе къ нимъ и отказывался принимать ихъ. Тщетно конвентъ, въ дни террора, назначилъ имъ принудительный курсъ; цѣнность ихъ со дня на день упала въ обращеніи, пока наконецъ послѣдовало государственное банкротство.

Смертельный ударъ аристократическому, судейскому и чиновничьему сословію парламентовъ, былъ заготовленъ во время осеннихъ судебныхъ вакацій, которыя были продлены до тѣхъ поръ, пока

завершили новое раздѣленіе всего края и устроили связанный съ нимъ судебный распорядокъ.

По этому новому закону (февраль 1790), Франція получила новое географическое дѣленіе на 83 участка (департаменты), которымъ даны были названія отъ рѣкъ, горъ и другихъ естественныхъ особенностей, при чемъ исчезло старое дѣленіе на провинціи съ его внутренними таможами и особыми учреждениями. Единообразіе мѣры, вѣса, монетной пробы и т. п., и единообразное устройство судебной власти завершили государственное единство Франціи. Какъ департаменты дѣлились на округа (*arrondissements*), а округа на кантоны, такъ суды дѣлились на уголовные съ присяжными (ассизы, главные суды), на окружные (*tribunaux*) и на мировые суды (кантональные). Во всѣхъ должны были господствовать устность и гласность, а пытка и жестокіе средневѣковые способы наказанія были всѣ отмѣнены. Цензура также была уничтожена, и введена свобода печати.

Когда были устранены всѣ сословныя отличія, Національное Собраніе сдѣлало послѣдній шагъ (19 іюня 1790), провозгласивъ равенство всѣхъ гражданъ, и упразднивъ наследственное дворянство и всѣ обозначенія сословныхъ различій, каковы титулы, гербы, ливреи и т. п., а также источникъ имущественнаго отличія—право первородства (майоратъ).

Произведенное этими законами распредѣленіе поземельной собственности, принадлежавшей какъ церкви, такъ и дворянству, было однимъ изъ благотѣльныхъ послѣдствій революціи, такъ какъ благодаря ему среднее и крестьянское сословія приобрѣли поземельную собственность, и исчезла положенная неравенствомъ имуществъ бездна между высшими и низшими классами. — Воспитанный во Франціи, нѣмецкій баронъ Анахарсисъ Клотсъ, съумасбродный, мечтательный приверженецъ республиканскаго равенства, во главѣ депутаціи изъ представителей разныхъ народовъ и племенъ, благодарилъ Національное Собраніе за эти рѣшенія отъ имени всего человѣчества. Увлеченіе свободою дошло до степени настоящаго недуга, и въ началѣ прекрасныя и благородныя идеи человѣколюбія и космополитизма теперь служили только съумасбродамъ и обманщикамъ для потѣшныхъ сценъ и фантастическихъ разглагольствій. Рядомъ съ Клотсомъ обратила на себя общее вниманіе и просла-

вилась крайними и безразсудными выходками амазонка замѣчательной красоты, Теруанъ-де-Мерикуръ изъ Люттиха.

Пока Національное Собрание было занято этими учредительными трудами, вся власть постепенно перешла къ народной массѣ. Какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, народъ, постоянно возбуждаемый рьяными ораторами (демагогами) и журналами, захватилъ въ свои руки полицейское управленіе и судъ, и сталъ въ одно и тоже время и судьей и палачомъ. Изъ журналовъ ни одинъ не имѣлъ такого вреднаго вліянія, какъ возбуждавшій и подстрекавшій страсти и нечистыя влеченія черни «Другъ Народа», изданіе безобразнаго, кровожаднаго и низкаго врача Марата, изъ Нёшателя. — Парижскія секціи (городскія части), раздѣленныя на многія коммисіи подъ начальствомъ избранныхъ ими самими предсѣдателей и чиновниковъ, презирали законы и всякую власть. Ими руководили демократическіе клубы, получившіе отъ монастырей, гдѣ они собирались, названія якобинцевъ и кордельеровъ ¹ (францисканцевъ).

Послѣдніе, во главѣ которыхъ стояли страшный Дантонъ, своимъ громовымъ голосомъ подвигавшій массы, и даровитый, замѣчательный народный ораторъ, адвокатъ Камилль Демуленъ, имѣли величайшее вліяніе на чернь и дѣйствовали въ интересъ порочнаго герцога Орлеанскаго. Якобинскій клубъ, первоначально основанный депутатами Бретани, былъ самый многочисленный и заключалъ въ себѣ людей различнаго образованія и характера, но воодушевленныхъ одинакимъ стремленіемъ — осуществить равенство и свободу, и для этого совершенно разрушить старыя учрежденія. Парижскіе якобинцы состояли въ сношеніяхъ съ своими единомышленниками въ провинціяхъ, гдѣ образовалось болѣе 150 подобныхъ клубовъ. — Рядомъ съ этими двумя обществами явился клубъ фѣльяцовъ ², стремившійся основать конституціонную монархію съ свободными основными законами и противодѣйствовавшій усиленію черни; къ этому клубу принадлежалъ Лафайеттъ, но онъ имѣлъ мало значенія и вскорѣ совѣмъ закрылся.

§ 716. Праздникъ братства. Бѣгство короля. Въ годовщину штурма Бастиліи (14 іюля 1790) былъ устроенъ ве-

¹ Кордельеръ, Cordelier, собственно — веревочникъ, отъ веревки, какою обыкновенно опоясывались Францисканцы.

² Собиравшійся въ монастырѣ монаховъ этого ордена, который держался устава св. Бернарда.

личественный праздникъ братства (федерациі). Зрѣлище было поразительно, когда на парижскомъ Марсовомъ полѣ, гдѣ добровольнымъ соревнованіемъ рабочихъ былъ сооруженъ амфитеатръ, епископъ отѣнскій (Таллейранъ), во главѣ 300 священниковъ въ бѣлой одеждѣ, опоясанныхъ трехцвѣтными шарфами, приступилъ къ освященію 83 департаментскихъ знаменъ предъ возвышавшимся среди площади алтаремъ, когда Лафайеттъ именемъ національной гвардіи, президентъ—именемъ Національнаго Собранія, и наконецъ самъ король присягали конституціи, когда всѣ полмилліона присутствовавшего тутъ народа торжественно подняли руки и повторяли гражданскую присягу, и даже королева, увлеченная общимъ одушевленіемъ, приподняла дофина и объявила, что раздѣляетъ всенародную радость. То были лучшіе дни революціи (сентябрь 1790), которые радостно привѣтствовала вся Европа. Нѣмецкіе поэты и филантропы думали, что вотъ пришло время, когда должны осуществиться лучшія мечты ихъ.— Но воодушевленіе миновало, и положеніе короля становилось все затруднительнѣе. Некеръ, неспособный направлять движеніе, покинулъ Францію и удалился въ Швейцарію. Склонившійся въ пользу двора Мираббъ, который подъ конецъ со всею своей энергіей противился дальнѣйшимъ ограниченіямъ королевской власти и старался упрочить конституціонно-монархическій порядокъ съ строгимъ разграниченіемъ трехъ властей—законодательной, исполнительной и судебной,—Мираббъ умеръ на 42 году своей жизни (2 апрѣля 1791) отъ болѣзни, вызванной или по крайней мѣрѣ усиленной безпорядочною жизнію въ соединеніи съ чрезмѣрнымъ трудомъ.

Въ лицѣ Мираббъ пала послѣдняя крѣпкая опора престола. Всеобщее участіе, выказавшееся послѣ его смерти и при погребеніи, было данью общественнаго уваженія къ великому уму, независимо отъ взгляда партій.—Слабый, безхарактерный король потерялъ въ немъ умнѣйшаго и разсудительнѣйшаго совѣтника, и потому отнынѣ судьба его быстро приближалась къ развязкѣ.

Колебаніе Людовика утвердить отвергнутое папою гражданское положеніе духовенства, и его отказъ имѣть при себѣ присяжныхъ священниковъ и объявить измѣнниками эмигрантовъ, которые изъ Турина, Кобленца и Вормса

старались склонить европейскіе дворы къ походу противъ Франціи, дали врагамъ монархическаго порядка и друзьямъ буйнаго мятежа новый поводъ волновать народныя массы. Тогда король принялъ отчаянное рѣшеніе—тайно бѣжать на сѣверную границу королевства. Задуманная, но остановленная парижскимъ населеніемъ поѣздка въ Сень-Клу о Святой, доказала ему, что его личная свобода въ опасности; грозное настроеніе столицы предвѣщало новыя возстанія; на мирную развязку было мало надежды. Много плановъ было составлено и отвергнуто; Буйльё, рѣшительный, преданный королю генералъ въ Лотарингін, былъ посвященъ въ тайну и общалъ своими войсками подкрѣпить бѣгство, исполненію котораго лично содѣйствовалъ шведскій графъ Ферзенъ. Оставивъ письмо, въ которомъ излагались претерпѣнныя имъ безчисленныя оскорбленія и протестъ противъ всѣхъ постановленій, навязанныхъ ему съ октября 1789 года, король благополучно выѣхалъ изъ Парижа съ своимъ семействомъ въ большой каретѣ (въ ночь на 21 іюня 1791). Но это неискусно. веденное дѣло слишкомъ скоро обратилось въ ничто. Людовикъ былъ узнавъ почтмейстеромъ Друэ въ Сень-Менеу, задержанъ гражданскою стражей въ Вареннѣ и привезенъ назадъ по приказу Национальнаго Собранія, которое, узнавъ о тайномъ отъѣздѣ короля, тотчасъ отрѣшило его на время и присвоило себѣ исполнительную власть вмѣстѣ съ государственною печатью. Три депутата (Пессіонъ, Барнавъ, Латуръ-Мобуръ) приняли высокихъ плѣнниковъ на свои руки и сопровождали ихъ на обратномъ пути, полнымъ опасностей и замедлившемся отъ стеченія безчисленнаго народа. Это несчастное бѣгство и отреченіе отъ утвержденныхъ статей конституціи отняли у короля послѣдній остатокъ вѣса и уваженія. Многочисленная партія требовала, чтобы Людовикъ былъ обвиненъ и преданъ суду: враги монархіи возбудили народное возстаніе, чтобы вынудить низложеніе короля съ престола; но этому успѣшно помѣшали усилія конституціонной партіи и побѣда Лафайетта надъ народными массами, такъ что начало королевской неприкосновенности было еще поддержано; но временное отрѣшеніе отъ власти продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ концѣ сентября король не присягнулъ завер-

шенной теперь конституции и не обнаруживалъся во всеобщее свѣдѣніе. Тогда только корона получила опять нѣкоторый отблескъ верховной власти.

III. Законодательное Собрание. (съ 1 октября 1791 по 20 сентября 1792 г.).

§ 717. Распространеніе республиканства. По окончаніи конституции, учредительное собраніе разошлось (30 сентября) и уступило мѣсто другому собранію, которое должно было дополнить государственное устройство составленіемъ новаго законодательства и потому приняло названіе законодательнаго (*assemblée nationale législative*). Такъ какъ члены учредительнаго собранія, актомъ благородной, но неблагоприятной самоотверженности, сами лишили себя права на вступленіе въ новую палату, то разбитые по департаментамъ и руководимые якобинцами выборы большею частію пали на народныхъ вождей, смѣлыхъ демократовъ и республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ.

Всѣхъ новыхъ депутатовъ было 745; то были большею частью молодые, скорые на руку люди, на половину адвокаты, въ томъ числѣ лица съ высокимъ ораторскимъ дарованіемъ. Правая сторона собранія, состоявшая изъ приверженцевъ конституціонной монархіи (Фельяны, Вобланъ, Бёньё, Дюма и др.) день ото дня становилась слабѣе, между тѣмъ какъ лѣвая, избранная республиканцами, постоянно усиливалась. Эта послѣдняя распалась на два лагеря: на гору (*la Montagne*), гдѣ заседали разные демократы и радикалы (Шабб, Базильяр, Жанъ де-Бри, Мерленъ де-Тювилль, Кутонъ, Тюріо, Камбонъ, Дюэмъ и др.), и равнину, или центръ, гдѣ обыкновенно помѣщались умеренные республиканцы съ аристократическимъ оттѣнкомъ. Къ послѣднимъ принадлежали люди знатные, образованные и высоко даровитые, особенно многіе депутаты Бордъ и департамента Жиронды (отсюда жирондисты). Они желали республики въ духѣ древности, или же союза (федерации) какъ въ Сѣверной Америкѣ. Одаренные пламеннымъ и блестящимъ краснорѣчіемъ, проникнутые всею впечатлительностью и страстностію юга, честолюбивые, и не безъ замѣтной склонности къ проделкамъ, они должны были своимъ доктринерскимъ

демократизмомъ, вытекшимъ изъ школьныхъ воспоминаній древности и отчасти изъ мифній осьмнадцатаго вѣка, быстро занять преобладающее положеніе въ такомъ собраніи, откуда актомъ неслыханной наивности были исключены все истинно-даровитые и опытные люди перваго собранія.

Парижское гражданство, сдѣлавшее своимъ мѣромъ республиканца Песіона на мѣсто Байли, и выбравшее въ члены общиннаго совѣта кровожадныхъ Робеспьера и Дантона, имѣло страшную власть въ своихъ рукахъ. Якобинскій клубъ пріобрѣталъ болѣе и болѣе могущества и значенія и увеличивалъ число своихъ приверженцевъ въ провинціяхъ. Робеспьеръ, Марать (который въ своемъ «Другъ Народъ» день ото дня страшнѣе грозилъ гибелью всемъ тѣмъ, которые стояли выше черни по происхожденію или по достатку), бывшій актеръ Колло д'Эрбуа, журналистъ Тальенъ, исключенный за безнравственность изъ монастыря, Бильд-Варренъ и др., играли тамъ главную роль. Дантонъ и Камилль Демуленъ, вожди кордельеровъ, тоже участвовали въ засѣданіяхъ якобинцевъ, и жирондисты только послѣ паденія короля отдѣлились отъ демократическаго союза. Но въ законодательномъ собраніи имѣли перевѣсъ жирондисты, отличавшіеся любовью къ отечеству и нравственными качествами, образованіемъ и даромъ слова. Они сначала сгруппировались около Ролана (Roland) и его умной и благородной жены; но въ послѣдствіи наибольшимъ вѣсомъ пользовался у нихъ Бриссэ (отсюда бриссотисты), поклонникъ американской конституціи. Значительнѣйшими изъ нихъ были еще: Гюадэ, Верный, Жансоннэ, философъ Кондорсэ, Бюзэ, Инаръ, Ланжюиннэ, Барбару (любовникъ Шарлотты Кордэ) и мн. др. Къ нимъ же принадлежалъ генералъ Дюмурьё. Хотя эти люди и не были способны создать что нибудь прочное, однако они обладали истинно революціоннымъ даромъ возбуждать страсти своимъ ораторскимъ увлеченіемъ, силою слова бросать въ лихорадочный жаръ слушателей, такъ легко воспламеняющихся какъ Французы, и, не имѣя въ себѣ ни одной черты грубой, рѣзкой демагогіи, тѣмъ не менѣе успѣшно способствовать цѣлямъ самой дикой демократической анархіи. — Красная якобинская шапка, появившаяся въ это время, была отличительнымъ знакомъ всехъ республиканцевъ; марсельеза (пѣснь марсельскихъ демократовъ); сочиненіе Руже де л'Иля, сообщала воодушевленіе и воинственность; водруженіе деревъ свободы давало поводъ къ шумнымъ собраніямъ и возбуждательнымъ рѣчамъ; Смѣ-

лые народные ораторы и дерзкіе журналисты возбуждали и подстрекали страсти черни и увлекали массы къ уничтоженію всего существующаго и къ кровавому преслѣдованію тѣхъ гражданъ, которые выдѣлялись изъ низшихъ классовъ званіемъ, образованіемъ и имуществомъ, и которыхъ поэтому предавали, какъ аристократовъ, ненависти народа. (Между прочимъ въ пѣснѣ: Ah, ça ira!)

§ 718. Бури противъ королевской власти. Новое собраніе направило свои удары на неприсяжныхъ священниковъ, которые старались возбудить въ народѣ неудовольствіе и недовѣріе къ его представителямъ, и на эмигрантовъ, которые сдѣлали Кобленцъ, Вормсъ и другія мѣста «гнѣздомъ противодѣйствія революціи», не только протестуя противъ принятаго королемъ государственнаго устава и заявляя своимъ воинственнымъ положеніемъ намѣреніе силою возстановить старый порядокъ вещей, но и стараясь побудить европейскія державы къ походу на мятежную Францію. Поэтому въ ноябрѣ появился декретъ, которымъ предписывалось «составить списки присягнувшимъ и неприсягнувшимъ священникамъ; послѣдніе должны были лишиться своихъ пенсій, а въ случаѣ открытаго неповиновенія закону или обнаруженія дурнаго образа мыслей, подвергнуться двухлѣтнему тюремному заключенію.» На это рѣшеніе, противное религіозной свободѣ, король наложилъ свое veto (свой запретъ), равно какъ и на сдѣланное въ это же время предложеніе, чтобы всѣ эмигранты, которые не возвратятся во Францію къ январю 1792 года, были приговорены къ смертной казни, какъ измѣнники отечеству, а имущество и доходы ихъ переданы націи.

Наложеніе королевскаго veto на наказанія, опредѣленные отъявленными врагамъ новаго порядка, произвело весьма непріязненное впечатлѣніе въ собраніи. Сопротивленіе короля приписывали тайнымъ надеждамъ двора на помощь иностранныхъ державъ и на побѣды эмигрантовъ. Извѣстно было, что королева имѣла постоянныя сношенія съ своимъ братомъ, императоромъ Австрійскимъ, и считала своею опорой и своимъ спасеніемъ выселившееся дворянство.

Противъ эмигрантовъ была направлена вся ярость народныхъ представителей. Когда нѣмецкіе дворы оставили безъ послѣдствій жалобы министерства, состоявшаго изъ жирондистовъ Ролана, Дюмурье, Клавьера и Сервана,

на вооруженія эмигрантовъ, а Пруссія и Австрія стали въ угрожающее положеніе, имъ обѣимъ была объявлена война, и король, хоть и со слезами на глазахъ, долженъ былъ дать на это свое согласіе (20 апрѣля 1792).—Чтобы предохранить столицу и Національное Собраніе отъ всякаго нападенія, рѣшено было, подъ предлогомъ возобновленія праздника въ честь штурма Бастиліи, призвать изъ южныхъ областей 20,000 національныхъ гвардейцевъ (федератовъ) и ввѣрить имъ охраненіе безопасности и защиту Парижа. Но какъ этому рѣшенію, такъ и одному новому декрету, подвергавшему неприсяжныхъ священниковъ изгнанію и ссылкѣ, король стойко отказалъ въ своемъ утвержденіи. Тогда жирондистскіе министры подали въ отставку, послѣ того какъ письмо, написанное благородною, мечтавшею о свободѣ и счастіи народа г-жею Роланъ (18 іюня), высказало королю рѣзкіе упреки за его непреклонность и жестокое поученіе о его обязанностяхъ. Это письмо, вскорѣ разошедшееся по рукамъ, произвело такое волненіе въ народѣ, что республиканцамъ, раздраженнымъ за отверженіе декретовъ и удаленіе жирондистскихъ министровъ, не трудно было возбудить возстаніе. 20 іюня, въ годовщину знаменитой клятвы въ зданіи для игры въ шаръ, страшная, вооруженная пиками чернь предмѣстьевъ двинулась подъ предводительствомъ пивовара Санterra, мясника Лежапдра и подмастерья-мѣдника Росиньоля, сначала въ Національное Собраніе, потомъ въ королевскій дворецъ, чтобы принудить монарха утвердить декреты о неприсяжныхъ священникахъ и призваніи федератовъ. Но и тутъ Людовикъ остался непреклоненъ. Съ мужествомъ мученика противился онъ нѣсколько часовъ сряду всѣмъ опасностямъ и угрозамъ и переносилъ насмѣшки черни, которая даже надѣла на него красную якобинскую шапку и подавала ему пить прямо изъ бутылки. Нѣсколько запоздалое прибытіе Песіона съ гражданскою гвардіей освободило его наконецъ изъ такого ужаснаго положенія. Это происшествіе исполнило негодованіемъ всѣхъ, кто еще сохранялъ нѣкоторое уваженіе къ законности и порядку, и побудило Лафайетта, находившагося при сѣверной арміи съ тѣхъ поръ какъ закрылось учредительное Собраніе, самовольно пріѣхать въ Парижъ (3 іюля), чтобы защищать посрамленную конститу-

цію, подвергнуть наказанію зачинщиковъ смуты и спасти короля. Но отчасти нерасположеніе королевы къ «генералу-гражданину», отчасти его собственная перѣшительность, помѣшали исполненію этого плана. Онъ возвратился въ сѣверную армію, преслѣдуемый ненавистью и недовѣріемъ якобинцевъ.

§ 719. Паденіе королевской власти 10 августа. Если крайности черни въ Тюльри доставили королю уваженіе лучшихъ людей Франціи, то ошибки эмигрантовъ и надменность nepřіятельскихъ вождей содѣйствовали напротивъ видамъ республиканцевъ. Война открылась наконецъ * къ великой радости прусскихъ офицеровъ, сулившихъ себѣ мало труда и много выгодъ отъ этой «военной прогулки», какъ называли они французскій походъ. Подъ предводительствомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, государя щедро надѣленнаго умственными и нравственными качествами, который образовался въ школѣ Фридриха Великаго и, также ослѣпленный блескомъ побѣдъ Семилѣтней войны, пользовался высокимъ уваженіемъ современниковъ, вступила въ Лотарингію прусская армія, подкрѣпленная Гессенскимъ отрядомъ. Австрійское войско, подъ начальствомъ Клерфета, было подчинено горцогу, и 12,000 эмигрантовъ, примкнувшихъ къ этой арміи, пылали нетерпѣніемъ низвергнуть «правленіе адвокатовъ» и отомстить своимъ врагамъ. При своемъ вторженіи, герцогъ издалъ сочиненный однимъ эмигрантомъ, въ высшей степени неловкій военный манифестъ (25 іюля), полный обидныхъ угрозъ Національному Собранію, городу Парижу, національной гвардіи и всѣмъ сторонникамъ нововведеній, если король будетъ долѣе подвергаться принужденію и насилию; если же Парижане окажутъ покорность и раскаются въ своей вишѣ, манифестъ обѣщалъ, что по вступленіи войскъ въ столицу, ихъ императорское и королевскія величества будутъ ходатайствовать предъ королемъ Людовикомъ, о прощеніи Парижанамъ. Эта надменная рѣчь произвела невыразимое впечатлѣніе на народъ, посторженно стоявшій за новый порядокъ вещей и душою вреданный свободѣ и независимости. Онъ узналъ въ ней высокомерный духъ дворянской эмиграціи, желавшей снова пріобрѣсти свои привилегіи, собственность и власть, и исполнился величайшаго

ожесточенія противъ эмигрантовъ, которые своею безправственностью позорили французское имя за границею,—противъ ихъ защитниковъ и противъ двора, который помогалъ ихъ стремленіямъ. Якобинцы воспользовались этимъ настроеніемъ, чтобы окончательно свергнуть короля. Партія движенія уже достигла того, что обвиненіе, направленное противъ главныхъ членовъ городского совѣта, Песіона и Манюэля, за неистовства черни въ Тюильри, осталось безъ послѣдствій; она воспользовалась рѣшеніемъ Національнаго Собранія, объявившимъ «отечество въ опасности», чтобы ко второму празднованію штурма Бастиліи призвать въ Парижъ изъ Марсели, Бреста и другихъ приморскихъ городовъ толпы порочнѣйшей черни, даже галерныхъ невольниковъ (13 іюля 1792), и учредить новую военную силу во всѣхъ городахъ и селахъ; теперь якобинцы устроили комитетъ возстанія и готовили суровыхъ и дюжихъ жителей предмѣстievъ къ великой бурѣ противъ королевской власти. 10 августа, около полуночи, раздался набатъ. Отрѣбье приморскихъ городовъ, съ Дантономъ, Камилль Демуленомъ и Каррой во главѣ, и парижская чернь, предводимая Вестерманномъ и Сантерромъ, сначала двинулись противъ ратуши, чтобы поставить тамъ новое муниципальное управленіе изъ ужаснѣйшихъ демократовъ, какъ наприм. Шометтъ, Эберъ, Бильо-Вареннъ и друг., прежде чѣмъ предпринять нападеніе на Тюильрійскій дворецъ, защищаемый 900 Швейцарцевъ, парижскою національною гвардіей подъ начальствомъ Мандà и отрядомъ дворянъ и роялистовъ, вооруженныхъ саблями, шпагами и пистолетами. Новый муниципалитетъ велѣлъ призвать и потомъ убить честнаго Мандà, рѣшившагося съ національною гвардіей отражать силою все грознѣе и грознѣе надвигавшую массу, послѣ чего національные гвардейцы, не зная что дѣлать и смущенные присутствіемъ многихъ дворянъ во дворцѣ, большею частью разошлись. А между тѣмъ толпа угрожала все болѣе и болѣе; на дворецъ наведены были пушки; вновь прибывшіе баталіоны національной гвардіи, вооруженные пиками, проникли во всѣ входы дворца; народъ громко требовалъ низверженія короля Людовика. Тогда король сдался на совѣтъ синдика Рёдерера — искать съ своимъ семействомъ

защиты въ залѣ засѣданій Національнаго Собранія. Шестнадцать часовъ провели они здѣсь въ тѣсной боковой ложѣ, въ то время какъ на глазахъ короля корона Франціи была разбита представителями націи, а внѣ собранія народъ умерщвлялъ послѣднихъ защитниковъ престола. Какъ только король покинулъ дворецъ, волнующаяся чернь принялась наступать еще сильнѣе; швейцарская гвардія оказала храброе сопротивление и охраняла входы. Когда громъ пушекъ былъ услышанъ въ находившемся по близости собраніи, негодующіе депутаты принудили напуганнаго короля запретить гвардіи стрѣлять. Это обрекло гибели вѣрныхъ защитниковъ монарха. Замѣтивъ, что непріятельскія орудія умолкли, разъяренная смертью нѣсколькихъ коноводовъ своихъ чернь пошла приступомъ на дворецъ, перебила находившихся тамъ людей и переломала всю домашнюю утварь. Около 5,000 человекъ, въ томъ числѣ 700 швейцарцевъ, пали въ бою или погибли потомъ жертвой народной ярости. Между тѣмъ Національное Собрание, по предложенію Верньо, опредѣлило: временно упразднить королевскую власть, поставить короля съ его семействомъ подъ надзоръ, дать воспитателя наслѣдному принцу и созвать національный конвентъ, который долженъ рѣшить вопросъ о будущемъ государственномъ устройствѣ Франціи ¹. Тамплъ, построенный тампліерами

¹ Считаю нелишнимъ дополнить изложеніе автора слѣдующими замѣчаніями. Минье о переворотѣ 10-го августа: «23-е сентября было назначено для открытія чрезвычайнаго собранія, которое должно было рѣшить судьбу короны. Но на дѣлѣ королевская власть пала 10-го августа, въ тотъ день, который былъ возстаніемъ массы противъ средняго сословія и конституціоннаго трона, какъ 14-е іюля было возстаніемъ средняго сословія противъ привилегированныхъ классовъ и неограниченной королевской власти. 10-го августа началась диктаторская и произвольная пора революціи. Такъ какъ обстоятельства становились все болѣе и болѣе трудными, то возникла обширная война, требовавшая усиленной энергіи; и эта энергія, неправильная, потому что она исходила изъ народныхъ массъ, сдѣлала владычество низшаго класса безпокойнымъ, притѣснительнымъ и жестокимъ. Тогда свойство вопроса совершенно измѣнилось: дѣло шло уже не о свободѣ, но объ общественной безопасности; и періодъ конвента, отъ паденія конституціи 1791 года до того времени, когда конституція 11-го года учредила Директорію, былъ лишь продолжительною борьбой революціи противъ партій и противъ Европы. Иначе и быть не могло. Какъ скоро революціонное движеніе

укрѣпленный замокъ, вскорѣ принялъ въ свои стѣны королевское семейство въ качествѣ плѣнниковъ. Осыпаемое оскорбленіями и бранью своихъ стражей, лишенное всѣхъ вѣнскихъ удобствъ жизни, строжайшимъ образомъ отрѣзанное отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ міромъ, проводило оно здѣсь горькіе, скорбные дни, пока смерть не освободила его отъ нестерпимыхъ мученій.

* Причины войны. Главною причиною войны былъ страхъ государей и правительствъ къ распространенію революціонныхъ идей, такъ какъ парижскіе якобинцы все больше и больше старались перенести мятежъ за предѣлы Франціи и сдѣлать всеобщимъ лозунгомъ «войну противъ троновъ и миръ хижинамъ». Внѣшніе поводы къ войнѣ были слѣдующіе: 1) Въ 13 и 14 столѣтіяхъ двѣ провансальскія области, графство Венессенъ и Авиньонскій округъ достались папскому престолу. Это чужеземное владычество на французской почвѣ было ненавистно стремившимся къ національному единству обновителямъ, и они довели дѣло до того, что папскіе подданные этихъ областей возмутились противъ своего установленнаго начальства и при помощи сосѣднихъ національных гвардейцевъ осуществили свое присоединеніе къ Франціи. Но это совершилось не безъ насилій, кровавыхъ злодѣйствъ и дикихъ жестокостей, жертвою которыхъ были сторонники прежняго порядка вещей. — 2) Вслѣдствіе быстраго округленія французскихъ границъ, пало множество духовныхъ и свѣтскихъ верховныхъ правъ и выгодныхъ преимуществъ, которыя прежде съ незапамятныхъ временъ изъ сосѣдней германской земли глубоко пустили свои безплодные корни во Францію. И сколько было французскихъ подданныхъ, состоявшихъ подъ верховною властью какого нибудь нѣмецкаго епископа! Сколько разныхъ нѣмецкихъ владѣтелей процвѣтали на французской почвѣ, пользуясь свободою отъ податей, десятинами, барщиной, вотчинными судами и крѣпостными людьми, обезпеченные государственными договорами, и обо всемъ этомъ отнынѣ не слѣдовало быть и помину! Изъ имперскихъ чиновъ наиболѣе ущерба понесли три духовные курфюрста, рейнскіе епископы, дома гессенъ-дармштатскій, баденскій, нассаускій, вюртембергскій, цвейбрюкенскій и часть имперскаго дворянства. Съ нѣмецкой стороны оцѣнивали подлежавшіе вознагра-

«взяло верхъ», говоритъ де-Местръ (*Considérations sur la France*).

ражденію-убытки по меньшей мѣрѣ во 100 милліоновъ ливровъ, да притомъ большинство не хотѣло и слышать о вознагражденіи.—3) Угрозы эмигрантовъ, которые получали оружіе изъ курфюршескихъ арсеналовъ, во многихъ мѣстахъ по Рейну учредили вербовки и составляли отряды войскъ, и объявленіе Леопольда II Австрійскаго и Фридриха Вельгельма II Прусскаго послѣ Пильницскихъ переговоровъ (на которыхъ присутствовали также д'Артуа и Калоннѣ) и послѣ австрійско-прусскаго договора 7-го февраля 1792, — объявленіе, что «они намѣрены дѣйствовать соединенными силами, съ цѣлью доставить французскому королю средства снова утвердить на полной волѣ основы монархическаго правленія». Французское правительство жаловалось на это, но получило въ отвѣтъ, что вооруженія прекратятся только тогда, когда государственное уложеніе будетъ возстановлено въ томъ видѣ, въ какомъ начерталъ его самъ король въ іюнѣ 1789, когда напѣ будутъ возвращены отнятыя у него земли, а нѣмецкимъ князьямъ и дворянамъ — ихъ имѣнія, права и доходы въ Лотарингіи и Эльзасѣ. Слѣдствіемъ этого было объявленіе войны Франціею (20 апрѣля 1792). Поступки эмигрантовъ, продолжавшихъ за границей свою обычную развратную жизнь, скорѣе могли выказать міру французскую аристократію во всей ея безнравственности и порчѣ, чѣмъ напугать Національное Собраніе, какъ ни старалось оно показать, что сильно озабочено этими «анти-революціонными полчищами». Въ пирахъ и распутныхъ увеселеніяхъ, въ театрахъ, азартныхъ играхъ и любовныхъ похожденияхъ, проводило свои дни юное дворянство, и роялистское одушевленіе его ограничивалось только безплодными жалобами или шумными демонстраціями въ пользу страждущей короны. Эти воинственные и враждебныя демонстраціи господъ дворянъ способствовали видамъ жирондистовъ, видѣвшихъ во вѣтшней войнѣ лучшее средство къ осуществленію своихъ политическихъ и социальныхъ замысловъ. Когда была объявлена война, во Франціи господствовала величайшая сумятица; край былъ истерзанъ, казна пуста, вожди неспособны и ненадежны, недовѣріе повсемѣстно; только медлительность германскихъ великихъ державъ въ вооруженіи и нападеніи, оцпенѣлость Нѣмецкой имперіи, своекорыстіе большинства князей и отсутствіе всякаго единодушія — избавили въ то время Французовъ отъ пораженій и рѣшительныхъ несчастій.

§ 720. Сентябрьскіе дни. По временномъ отрѣшеніи короля, назначено было новое министерство національнымъ

собраниемъ. Прежніе министры изъ партіи жирондистовъ (Роланъ, Серванъ, Клавьеръ) и математикъ Мопжъ участвовали въ новомъ кабинетѣ; но душою его былъ страшный Дантонъ, въ должности министра юстиціи и хранителя государственной печати. Онъ и новый парижскій общинный совѣтъ, водворившійся самъ собою и подкрѣпившійся, послѣ своихъ дѣйствій 10-го августа, надежными, неотступающими ни передъ какимъ злодѣйствомъ членами, отняли дѣлили власть между собою. Муниципальный совѣтъ, предъ которымъ должно было склоняться само національное собрание, предоставилъ завѣдываніе городскою полиціею пиконосцамъ, и вскорѣ всѣ тюрьмы наполнились подозрительными людьми и аристократами. Опираясь на силу городского управленія, которому газетчикомъ служилъ гнусный Марать, министръ юстиціи Дантонъ приступилъ теперь къ исполненію мѣръ острастки и ужаса, ставящихъ его имя наряду съ именемъ Маріа и Суллы. Первый ударъ поразилъ неприсягнувшихъ священниковъ, которые отчасти были изгнаны или сосланы, отчасти цѣлыми сотнями умерщвлены въ монастыряхъ и тюрьмахъ рукою наемныхъ убійцъ. Когда получены были извѣстія объ успѣхахъ союзниковъ, тотчасъ предписали набрать армію въ 30,000 человекъ съ парижскаго департамента и воспользовались настроеніемъ народа, чтобы истребить всѣхъ противниковъ новаго порядка. Общинный совѣтъ учредилъ блюстительный комитетъ и временное судилище, велѣлъ оцѣпить столицу и произвести домашніе обыски; всѣ подозрѣваемые въ приверженности къ старому порядку, въ аристократизмъ и роялизмъ, должны были переселиться въ тюрьмы. Когда послѣднія наполнились, созрѣло кровавое рѣшеніе—избавиться отъ заключенныхъ всеобщимъ душегубнымъ судомъ, чтобы устрашеніемъ сломить всякое противодѣйствіе новому порядку. Такъ возникли ужасные сентябрьскіе дни. Со 2 по 7 сентября, шайки наемныхъ убійцъ и злодѣевъ обходили тюрьмы. Изъ нихъ двѣнадцать человекъ, съ страшнымъ Мальяромъ во главѣ, исполняли должность присяжныхъ и судей, а остальные — являлись палачами. Заключенные были потомъ убиваемы этими шайками, какъ бы съ

соблюденіемъ формъ судопроизводства; уцѣлѣли немногіе, которыхъ имена были отмѣчены въ спискахъ. Около 3,000 человекъ, въ томъ числѣ самые почтенные и заслуженные люди Франціи, были умерщвлены отчасти въ одиночку, отчасти сразу, этими смертоносными шайками, получавшими отъ общиннаго совѣта поденную плату за «свой трудъ».

Между погибшими находилась, отличавшаяся благородствомъ происхожденія и образа мыслей, княгиня Ламбалль, задушевная подруга королевы; толпа пикетосцевъ поднесла ей голову на длинномъ шестѣ къ Тамплю и держала передъ окнами Маріи Антуанеты.

Подписанный Маратомъ и другими циркуляръ призывалъ жителей департаментовъ къ подражанію, дабы въ то время, когда патріоты сражаются съ вѣншимъ врагомъ, не таились измѣнники въ тылу войска. Во многихъ городахъ отозвались на это воззваніе (въ Версали 9 сентября). Учрежденіе чрезвычайнаго судилища вмѣстѣ съ городскимъ блюстительнымъ комитетомъ (*comité des surveillans*), гдѣ рядомъ съ людьми террора Тальеномъ, Меге-де-ла-Тушъ, Сержаномъ и др., былъ дѣятельнымъ членомъ грязный, отвратительный во всѣхъ отношеніяхъ Маратъ, передача главнаго начальства надъ національною гвардіей Сантерру, и дикое истребленіе всѣхъ статуй, гербовъ, надписей и другихъ знаковъ стараго времени, завершили собою августовскіе и сентябрьскіе дни, составлявшіе переходъ отъ монархической Франціи къ республиканской. День осенняго равенства (21 сентября) считался началомъ господства свободы и равенства подъ властью республиканскаго національнаго конвента. Революція стремилась доставить человеку «свободу торговли и труда, признаніе его человѣческаго достоинства, сближеніе съ равными ему согражданами, свободу вѣры и мысли»; но на мѣсто экономической свободы она поставила хищеніе собственности, на мѣсто всеобщей полноправности — преслѣдованіе высшихъ классовъ, а на мѣсто освобожденной религіозной совѣсти — гоненіе противъ духовенства и духовныхъ властей.

Лафайеттъ былъ свидѣтелемъ этой перемѣны уже внѣ предѣловъ своего отечества. Его добросовѣтность и приверженность къ конституціонной монархіи отклонили его отъ участія въ переворотѣ. Онъ арестовалъ посланныхъ національнаго собранія, хотѣвшихъ присягой связать войско съ новымъ порядкомъ; но вскорѣ убѣдился, что армія сочувствуетъ республиканцамъ. Объявленный государствен-

нымъ измѣнникомъ по приговору національнаго собранія и призванный къ отвѣту, онъ не имѣлъ другаго выхода, кромѣ бѣгства. Онъ намѣревался отправиться черезъ Голландію въ Сѣверную Америку, вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, раздѣлявшими его образъ мыслей (Алекс. Ламетомъ, Латуръ-Мобуромъ); но попалъ въ руки союзниковъ, которые безчестно задержали его какъ военнопленнаго и цѣлыя пять лѣтъ проморили въ тюрьмахъ Магдебурга и Ольмюца. Таллейранъ получилъ отъ Дантона паспортъ въ Англію и потомъ выжидалъ въ Америкѣ болѣе спокойныхъ дней.

IV. Республиканская Франція подъ властью національнаго конвента (сент. 1792 по окт. 1795).

§ 721. Казнь короля. Новое собраніе, куда были допущены члены обоихъ прежнихъ и въ которое каждый двадцатипятилѣтній Французъ, не состоящій въ услуженіи у другаго, имѣлъ право избирать и избираться безъ всякаго отношенія къ имуществу, — это собраніе подъ вліяніемъ яacobинской партіи составилось изъ самыхъ рьяныхъ республиканцевъ и демагоговъ. Вначалѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ жирондистовъ, но скорѣе преодолѣли кровопійцы Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ, Кутонъ, Фуше, герцогъ Орлеанскій, носившій теперь прозвище Эгалитѣ (т. е. равенство), бывшій маркизъ Сень-Жюстъ, пронирыльные комедіанты Колло д'Эрбуа и Фабръ д'Эглантинъ и мног. друг. Барреръ, этотъ «Анакреонъ гильотины»¹, всегда бралъ сторону побѣдителей. Яcobинцы и кордельеры господствовали въ городскомъ совѣтѣ, а совѣтъ, въ лицѣ національной гвардіи и черни разныхъ частей города, извѣстной подъ именемъ «санкюлотовъ» (безпорочныхъ), всегда имѣлъ наготовѣ страшную военную силу, съ которою могъ принудить конвентъ ко всему. Изобрѣтенная депутатомъ Гильотеномъ и прозванная по немъ головорѣзная машина оказалась отличнымъ средствомъ быстро сбывать съ рукъ ослушниковъ.

Процессъ короля «Людовика Капета» былъ однимъ изъ первыхъ дѣлъ національнаго конвента. Въ стѣнѣ Тюильрій-

¹ Такъ прозвали Баррера за цвѣтистость слога, съ какою выражался онъ даже о принятіи самыхъ жестокихъ мѣръ.

скаго дворца нашли желѣзный шкафъ съ тайными письмами и документами, изъ которыхъ было ясно, что французскій дворъ не только сносился съ Австріей и съ эмигрантами и затѣвалъ съ ними планы къ ниспроверженію конституціи, которую Людовикъ утвердилъ своей присягой, но что онъ старался склонить къ тому же нѣкоторыхъ членовъ національнаго собранія (Мирабб) съ помощію пенсій, подкуповъ и другихъ средствъ. На этомъ республиканцы, которымъ очень желалось избавиться отъ короля, основали представленное національному конвенту обвиненіе въ измѣнѣ и злоумышленіи Людовика противъ народа и государства. Два раза являлся онъ передъ конвентомъ (11 и 26 декабря) съ двумя данными ему въ помощь адвокатами, къ которымъ добровольно присоединился еще благородный Мальзербъ. Но, не смотря на то, что онъ держалъ себя и защищался съ достоинствомъ, и не смотря на усилія жирондистской партіи, которая, желая ниспроверженія королевской власти, не хотѣла однакожь смерти короля и потому старалась, чтобъ окончательный приговоръ представленъ былъ народу въ первичныхъ его собраніяхъ, Людовикъ, въ бурномъ засѣданіи, продлившемся до поздней ночи, былъ осужденъ на смерть малымъ большинствомъ голосовъ (17 янв. 1793).—Якобинцы употребили всѣ средства, чтобы добиться этого результата устрашеніемъ; но они все-таки не достигли бы своей цѣли, еслибъ не настояли напередъ на измѣненіи существующаго закона въ томъ смыслѣ, что для произнесенія смертнаго приговора, вмѣсто голоса двухъ третей присяжныхъ, положено было требовать только простаго большинства. Такимъ образомъ преднамѣренное убійство было облечено формою суда. Напрасно старались подъ-конецъ жирондисты и умѣренные добиться по крайней мѣрѣ отсрочки казни, — сопротивленіе ихъ только ускорило ихъ собственное паденіе. Уже 21 января несчастный король вступилъ на кровавый помостъ, устроенный на Революціонной площади. Барабанный бой національной гвардіи заглушилъ его послѣднія слова, и «бабѣ Робеспьера» привѣтствовало окровавленную голову кликомъ: «да здравствуетъ республика!»

Въ день казни Людовикъ былъ единственный человекъ въ Парижѣ, обладавшій спокойствіемъ души. Всѣ не такъ рылые сторонники рево-

люди терзались угрызеніями совѣсти, Жиронда ясно предвидѣла собственное низложеніе, якобинцы скрежетали зубами, чувствуя одиночество своего побѣднаго торжества. Весь день лавки въ Парижѣ оставались заперты, надъ цѣлымъ городомъ простерлась тишь тупаго изумленія, вечеромъ въ открытыхъ по приказу театрахъ явилось очень немногое зрители. Женщины, по словамъ одного якобинскаго журнала, были печальны въ этотъ день, и это не мало содѣйствовало мрачному виду всего города. Мы сожгли за собой корабли, сказалъ Маратъ. Это было кратчайшимъ выраженіемъ истины совершившагося дѣла. Въ этотъ день краугольный камень республики былъ погруженъ рукою убійцы въ потокъ крови, — кровь и убійство остались неизмѣнными спутниками сооружаемаго зданія во всѣхъ его частяхъ. Побѣдителямъ не оставалось съ тѣхъ поръ иного выбора, кромѣ того, чтобъ гибнуть самимъ или губить всѣхъ своихъ противниковъ. Но великая и образованная нація не можетъ надолго пробавляться однимъ злодѣйствомъ и управлаться кровопролитіемъ.

Осужденіе и смерть короля. «Такъ, говоритъ Зибель, господствовалъ ужасъ въ Конвентѣ, такъ вынудилъ онъ Конвентъ 16 января совершить дрожащими руками цареубійство. Съ разсвѣта того дня ватаги Фурнье и Мальяра, бандиты 6 октября и поденщики 2 сентября наполнили всѣ дворы и входы зданія. Время текло въ предуготовительныхъ разсужденіяхъ, только къ десяти часамъ вечера началась поппенная переключка. Зала была слабо освѣщена, депутаты расхаживали въ безмолвномъ волненіи или въ тихой бестѣ; на мрачныхъ галлереяхъ, поппвая и затягиваясь табаккомъ, тѣснились вооруженныя ватаги, съ примѣсью фанатическихъ женщинъ, и каждаго, кто свободно подавалъ свой голосъ, забрасывали онѣ изъ своихъ потемокъ ругательствомъ. Никто не сомнѣвался, что послѣдуетъ, если за смертный приговоръ не окажется большинства: немногіе, чувствуя всю тягость принужденія, съ негодованіемъ возстали противъ тиранства, — большая часть членовъ уступила боязни или за собственную жизнь, или за будущность Франціи. Вернью еще наканунѣ говорилъ съ защитниками короля и выражалъ свое отвращеніе противъ смертнаго приговора. Онъ изъ первыхъ подавалъ голосъ, но видя передъ собой грозныя скрежещущія зубами массы народа, объявился за смерть. Болѣе двадцати единомышленныхъ съ нимъ людей послѣдовали его примѣру: нельзя же было, увѣрили они въ послѣдствіи, зажигать изъ-за одного человѣка междоусобную войну. Тутъ не забывалось еще общее благо, но не было недостатка и въ беззакрытномъ себялю-

би. Боже мой, говаривалъ потомъ графъ Кошонъ еще въ блистательные дни Имперіи, конечно, я считалъ Людовика совершенно невиннымъ, но развѣ я долженъ былъ подвергать себя народной расправѣ, какъ измѣнникъ? Поименный вызовъ членовъ продолжался всю ночь и весь слѣдующій день. Въ полдень, за нѣсколько шаговъ отъ залы собранія, пролетаріи городскихъ частей (*des sections*) праздновали свое братство съ федератами на Карусельной площади; въ то же время городской совѣтъ постановилъ предложить подать съ богатыхъ, съ тѣмъ, чтобы на собранныя деньги выдавать хлѣбъ бѣднякамъ. Въ восемь часовъ вечера окончилась перекличка въ Конвентѣ: въ эту минуту пришла депеша, которую Испанскій король просилъ отсрочки процесса на столько времени, чтобы своимъ посредничествомъ попытаться примирить Францію съ Германіей. Въ этомъ послѣднемъ кризисѣ трагедіи какъ нарочно совместились всѣ моменты тогдашняго положенія, — господство черни, коммунистическія стремленія и революціонная война, и отовсюду рѣшеніе было одно и то же. Робеспьеръ, такъ часто говорившій противъ войны, и въ послѣдствіи, между прочимъ изъ-за объявленія войны, отправившій жирондистовъ на плаху, — самъ Робеспьеръ отвергъ въ ту минуту миръ, который принудилъ бы его пощадить Людовика. Тираны уязвимы только въ голову, сказалъ Дантонъ, съ тиранами Европы можемъ мы переговариваться только битвами, — я подаю голосъ за смерть тирана. Изъ 721 человѣка присутствовавшихъ членовъ, 361, то-есть именно только безусловное большинство, объявились въ пользу казни. Къ нимъ присоединились еще 26, но при этомъ требовали обсужденія, не слѣдуетъ ли отложить исполненіе приговора по политическимъ соображеніямъ, 13 человѣкъ ставили отсрочку необходимымъ условіемъ приговора. 324 желали заключенія въ тюрьму или другихъ наказаній. Якобинцы имѣли всѣ поводы быть довольными; очевидно, страхъ передъ ихъ угрозами овладѣлъ Конвентомъ. Тѣмъ настойчивѣе требовали они устраненія послѣдняго препятствія, — предложенной отсрочки. — Людовикъ уже нѣсколько недѣль ни мало не сомнѣвался объ исходѣ своего процесса и приготовился къ послѣднему мгновенію. Первую вѣсть о приговорѣ принесъ ему одинъ изъ его защитниковъ, достопочтенный Мальзербъ, обливаясь слезами. Король обнялъ его совершенно спокойно и сказалъ: «Смерть не страшитъ меня, я надѣюсь на милосердіе Божіе». Въ такомъ настроеніи оставался онъ цѣлые дни неизмѣненъ, не обнаруживая ни скорби, ни гнѣва, можно-сказать почти веселый; въ отношеніи къ себѣ лично, онъ покинулъ далеко за собой всѣ желанія, всѣ

надежды сего міра. Не боюсь смерти, говорилъ онъ своему камердинеру Клеру, но содрагаюсь при мысли о королевѣ, о моихъ несчастныхъ дѣтяхъ. Онъ преодолѣлъ и это, и даже нашелъ въ себѣ силы для глубокаго сочувствія къ націи, которая предала его въ руки тирановъ: вижу длинную вереницу ужасовъ, безконечный рядъ междоусобій, терзающихъ Францію, говорилъ онъ. Такъ прошелъ Людовикъ и путь послѣдней, самой горькой скорби, — прощаніе съ своими, которыхъ покидалъ онъ безъ защиты и безъ друзей въ рукахъ варваровъ: это былъ двухчасовой непрестанный взрывъ долго копившихся печалей, одно нескончаемое, наполненное рыданіями объятіе. Теперь и это кончено, сказалъ онъ потомъ: зачѣмъ суждено намъ любить и быть любимымъ среди такихъ горестей! Подумаемъ теперь исключительно о томъ, что необходимо, — подумаемъ о вѣчномъ спасеніи. Послѣ спокойнаго сна проснулся онъ утромъ 21 съ чувствомъ физической слабости, борясь черезъ силу съ утреннею стужей, но потомъ вскорѣ укрѣпился воспоминаніемъ о правосудіи Божіемъ и, не тревожась грубою бранью своихъ сторожей, бросилъ послѣдній взглядъ на окна своего семейства и сѣлъ въ телѣжку, которая отвезла его на эшафотъ».

§ 722. Военныя событія. Медленно и методически подвигалось австро-прусское войско подъ начальствомъ Брауншвейга черезъ Лотарингію къ Шампани. Напрасно Фридрихъ Вильгельмъ II, который съ обоими сыновьями находился при арміи и увлекался «роялистскою романтикой» горѣлъ желаніемъ вступить въ рыцарскую борьбу съ революціей, отмстить за оскорбленіе Величества и возстановить ниспровергнутый престолъ, — напрасно старался онъ побудить герцога къ быстрому походу на столицу: Брауншвейгъ, привыкшій къ осторожной, обстоятельной тактикѣ Семилѣтней войны, тратилъ время на взятіе неважныхъ укрѣпленій (Донви и Вердена) и вступилъ въ Шампань въ самое неблагоприятное время года, — дороги стали непроходимы отъ дождей и употребленіе нездоровой пищи и незрѣлыхъ плодовъ ослабило и извело войско. Поэтому, когда легкомысленный, но очень самонадѣянный Дюмурьё занялъ Аргонскую рощу, а Келлерманъ «канонадою при Вальми» (20 сент. 1792), неподалеку отъ Каталаунскихъ полей, гдѣ нѣкогда произошла страшная сѣча съ Гуннами, отбилъ съ нѣкоторымъ успѣ-

хомъ нападеніе враговъ, тогда въ прусской арміи покинули планъ дальнѣйшаго наступленія. Послѣ безполезныхъ шестидневныхъ переговоровъ, которыми Дюмуре воспользовался для того, чтобъ продержать непріятеля въ бездѣйствіи и посѣять недовѣріе и разладъ между Пруссіей и Австріей, обезотваженные и удрученные ненастьемъ и дурнымъ содержаніемъ, голодомъ и поносомъ, Нѣмцы начали отступать на Вердёнъ, непреслѣдуемые Французами, а потомъ ослабленные еще отозваніемъ разныхъ корпусовъ, совершенно покинули французскіе предѣлы. Такъ кончилось столкновеніе подъ Вальми, которое, при тогдашнемъ плохомъ устройствѣ французской арміи, должно бы доставить Нѣмцамъ вѣрную побѣду, еслибъ только быстро произведено было мужественное нападеніе, какъ желалъ того Пруссійскій король; но чрезмѣрная осторожность главнаго вожда склонила вѣсы въ пользу Французовъ и дала такой оборотъ дѣламъ, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Европы. При всемъ томъ оборона «Термопильской тѣснины», какъ Французы хвастливо прозвали Аргонскій лѣсокъ, — эта оборона была вовсе не геройскою битвой. По отступленіи прусскихъ войскъ, Дюмуре обратился на австрійскія силы въ Бельгін, выигралъ битву при Жемаппѣ (6 ноября) и не только завоевалъ австрійскіе Нидерланды съ Лютихомъ (гдѣ народъ, давно недовольный княземъ-епископомъ, § 690, охотно примкнулъ къ поборникамъ свободы и равенства), но овладѣлъ еще крѣпостями на рубежѣ Голландіи и угрожалъ подобною же участью и этому краю. Столь же быстры и блистательны были успѣхи французскаго войска противъ Сардиніи, приставшей къ врагамъ Французовъ. Савойя и Ницца были легко покорены и, подобно Бельгін и лѣвому берегу Рейна, присоединены въ видѣ новыхъ департаментовъ къ Французской республикѣ.

Эти самоуправныя мѣры Конвента, равно какъ и распространеніе революціонныхъ идей чрезъ введеніе республиканскихъ конституцій, учрежденіе якобинскихъ клубовъ и водруженіе деревъ свободы ¹ въ

¹ Деревья эти, въ знакъ возрастающей свободы, водружались обыкновенно на публичныхъ площадяхъ; сначала выбрали для этого тополь (*peuplier*), а затѣмъ, когда названіе *peuplier* подадо поводъ къ насмѣшкамъ, да и зелень дерева слишкомъ скоро

завоеванныхъ краяхъ, а также чрезъ воззванія къ подданнымъ различныхъ монарховъ, чтобы и тамъ ввести новый порядокъ свободы и равенства, и наконецъ ужасъ, возбужденный во всѣхъ европейскихъ государствахъ погубленіемъ Людовика XVI, все это привело къ сильной коалиціи противъ французскихъ республиканцевъ подъ рукою Англіи. Аристократическая Великобританія, Нидерланды, Пруссія, Австрія, Германская имперія, Італія и Испанія ополчились всѣ, чтобы подавить во Франціи новыя идеи, равно опасныя какъ для трона и алтаря, такъ и для преимуществъ привилегированныхъ сословій. Народы съ ликоваіемъ привѣтствовали вначалѣ французскихъ воиновъ, возвѣщавшихъ освобожденіе всѣхъ людей отъ тысячелѣтняго гнета и водвореніе общаго равенства, но вскорѣ восторгъ ихъ къ хваленой свободѣ значительно охладѣлъ, когда чужеземныя войска стали жить на ихъ счетъ, а члены конвента — обогащаться ихъ имуществомъ.

Дюмуреѣ, раздѣлявшій мнѣніе жирондистовъ, былъ недоволенъ буйными поступками Конвента и вскорѣ навлекъ себѣ этимъ ненависть и подозрѣніе господствовавшей демократической партіи. Какъ союзникъ герцога Орлеанскаго, котораго сынъ Людовикъ Филиппъ (въ послѣдствіи король Французовъ) состоялъ при арміи, Дюмуреѣ сначала пользовался расположеніемъ Дантона, который защищалъ его противъ Робеспьера, Марата и другихъ якобинцевъ; но когда борьба между Жирондою и Горою въ народномъ собраніи приняла болѣе ожесточенный характеръ, тогда задруднилось и положеніе Дюмуреѣ. Депутаты Конвента наблюдали за генераломъ, упили въсѣ его въ глазахъ войска и самовластно распоряжались въ покоренныхъ имъ земляхъ. Это было въ то самое время, когда новая австрійская армія подъ начальствомъ принца Кобурга, которому въ помощь приданы были Клерфетъ и молодой, даровитый эрцгерцогъ Карлъ, явилась въ Нидерландахъ, оттѣснила Французовъ на Маасъ и одолѣла самого Дюмуреѣ при Нервинденѣ (18 марта 1793). Неудачу эту французскій генералъ приписалъ преимущественно якобинцамъ, мутившимъ армію соблазнами, изъ своекорыстія дурно обезпечившимъ военную поставку и придавшимъ ему неспособ-

увядала, то прибѣгнули къ болѣе прочной ели, которой вершину обыкновенно вѣнчали красною якобинскою шапкой.

наго товарища. Въ-сердцахъ онъ намекалъ довольно ясно, что помышляетъ какъ бы низложить Конвентъ и возстановить монархическій порядокъ, съ герцогомъ Орлеанскимъ или его сыномъ во главѣ. — Конвентъ, увѣдомленный обо всемъ, изъ себя выходилъ отъ ярости; онъ отдалъ генерала подъ судъ и потребовалъ его въ Парижъ къ отвѣту. Но Дюмурье уже вступилъ въ переговоры съ Клерфетомъ черезъ генерала Мака. Поэтому онъ велѣлъ схватить депутатовъ Конвента, которые должны были препроводить его въ Парижъ (Бёрнонвиля, Камюса, Ламарка и друг.), и выдать ихъ непріятелю, а потомъ и самъ съ Людовикомъ Филиппомъ и полутора тысячею своихъ войскъ отправился въ непріятельскій лагерь. Такимъ образомъ Бельгія опять перешла въ руки союзниковъ, но какъ Англичане и Голландцы, между тѣмъ также принявшіе участіе въ войнѣ, намекали довольно ясно, что надѣются получить вознагражденіе за свои издержки на счетъ вновь прибрѣтенной страны, то они возбудили недовѣріе въ Австрійцахъ, а это имѣло очень вредное вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣйствій. — Дюмурье, котораго Конвентъ объявилъ измѣнникомъ отечеству, жилъ съ тѣхъ поръ то въ датскихъ, то въ англійскихъ предѣлахъ и умеръ въ 1823 г. на чужбинѣ, всѣми забытый и презираемый.

Осенью (1792) гусарскій генералъ Кюстинъ вторгнулся съ небольшимъ отрядомъ въ прирейнскіе края Германіи, при господствовавшемъ между мелкими князьями разногласіи безъ труда овладѣлъ городами Шпейеромъ, Вормсомъ и Майнцемъ, занялъ даже Франкфуртъ на Майнѣ и взялъ съ него контрибуцію. Подданные смежныхъ нѣмецкихъ областей, тѣснимые несправедливыми налогами, злоупотребленіями права охоты и феодальными повинностями, и не имѣя ни безпристрастнаго суда, ни иной дѣйствительной защиты, приняли чужеземцевъ, возвыщавшихъ имъ господство человѣческихъ правъ, свободу и равенство, съ чувствомъ явнаго или тайнаго довольства *. Живые, легкомысленные

* «Кто же станетъ отрицать, что высоко вздымалось его сердце, что свѣжимъ біеніемъ затрепетала его облегченная грудь, когда появился первый блескъ новаго солнца, когда слышали о правѣ человѣка, общемъ всѣмъ людямъ, объ одушевляющей всѣхъ свободѣ, о желанномъ для всѣхъ равенствѣ! Тогда каж-

и сластолюбивые граждане Майнца, покинутые курфюрстомъ, канониками и дворянствомъ, и стремясь освободиться отъ тли духовнаго правительства, легко увлеклись на присоединеніе къ Франціи, учредили республиканское устройство и основали якобинскій клубъ, когда безпомощный и плохо укрѣпленный городъ былъ сданъ на уговоръ Французамъ робкимъ комендантомъ Гимпихомъ и подполковникомъ Эйкемейеромъ, даровитымъ человекомъ изъ средняго класса и приверженцемъ новыхъ идей (21 окт. 1792). Въ числѣ «майнцскихъ клубистовъ» находился Георгъ Форстеръ, совершившій съ Кукомъ кругосвѣтное путешествіе, человекъ высокаго ума, одушевленный идеею свободы, но, подобно многимъ другимъ нѣмецкимъ профессорамъ и ученымъ, зараженный вреднымъ для государственной независимости космополитизмомъ¹. — Изъ Майнца Кюстинъ производилъ набѣги за Рейнъ и бралъ контрибуціи съ разныхъ мѣстностей въ Веттерау и по берегамъ Лана, пока, благодаря храбрости гессенскихъ войскъ, не потерпѣлъ пораженія передъ воротами Франкфурта (2 дек.), что и побудило его ограничиться Майнцемъ и Касселемъ. Побѣда эта была впрочемъ единственнымъ энергическимъ дѣломъ во весь тогдашній походъ.

Майнцъ. Къ кружку недовольныхъ тогдашнимъ бытомъ ученыхъ и писателей, которыхъ курфюрстъ собралъ къ себѣ въ Майнцъ, примкнули недовольные и обойденные также и изъ-за предѣловъ Майнца, — люди, подобные Эйкемейеру, или духовныя лица съ яллюминатскими убѣжденіями, каковы были Блау и Доршъ. Духъ партій того времени несправедливо обвинялъ большую часть ихъ въ томъ, будто они навели Французовъ на Майнцъ посредствомъ общаго заговора, тогда какъ весь ходъ октябрьскихъ дѣлъ не допускаетъ ни малѣйшей мысли о намѣренномъ предательствѣ; напротивъ, главная вина падаетъ здѣсь на ту невольную вѣзину, какая обыкновенно является у робкихъ и боязливыхъ людей; вліяніе соумышленничества, если оно и было, ограничивалось именно только тѣмъ,

дый надѣялся, что вотъ поживетъ онъ наконецъ и для себя; казалось, вотъ разрѣшатся путы, которыми многія земли были связаны накрѣпко, — путы, которые праздность и своекорыстіе долго держали въ рукѣ, не выпуская.» (Гёте. Германъ и Доротея).

¹ Стремленіемъ быть гражданиномъ всего свѣта, принося въ жертву этому стремленію всѣ связи съ родимой стороною.

что непріятелю было извѣстно жалкое положеніе города, въ чемъ впрочемъ каждый могъ убѣдиться до послѣдней минуты, заглянувъ лишь въ отворенныя настежь ворота крѣпости. — Въ Майнцѣ, гдѣ самый замокъ курфюрста служилъ пріютомъ для очень смѣшаннаго круга «друзей свободы и равенства», французско-республиканское направленіе, подѣ влияніемъ «клубистовъ», нашло себѣ, какъ и въ другихъ городахъ по лѣвому берегу Рейна, многочисленныхъ приверженцевъ, сколь ни мало новые властители соблюдали начало свободы и народодержавства, скорѣе обращаясь со страной, какъ съ завоеванною областью. Однакожъ сторонниковъ республики было больше въ рядахъ образованныхъ, нежели въ простонародѣ. Въ мартѣ 1793 г. собраніе, подѣ председательствомъ Гофмана и Форстера, постановило: «преобразовать въ республику весь край отъ Ландау до Бингена, отрѣшиться отъ всѣхъ связей съ Нѣмецкою имперіей и объявить упраздненными навсегда верховныя права духовныхъ князей Майнца, Вормса и Шпейера, князей Нассау, Бадена, Сальма, Лейнингена, а также графовъ, рыцарей и имперскихъ городовъ, которыхъ владѣнія заключаются въ той мѣстности.» Эта «рейнская республика» естественно не могла держаться сама собою; поэтому 21 марта состоялось опредѣленіе: «что свободный нѣмецко-рейнскій народъ желаетъ присоединенія къ франкской республикѣ и что для заявленія этого желанія слѣдуетъ послать депутацію во франкскій національный конвентъ». Въ главѣ этой депутаціи стояли Георгъ Форстеръ и Адамъ Луксъ. Оба они не увидали болѣе отечества. Послѣдній еще въ томъ же году погибъ на гильотинѣ за то, что всенародно заявилъ свое удивленіе къ Шарлоттѣ Кордѣ, а Георгъ Форстеръ въ январѣ слѣдующаго года (1794) умеръ съ горя въ столицѣ Франціи, обманувшись въ лучшихъ своихъ надеждахъ и полный негодованія на ужасы, которые совершались передъ его глазами. Предпріимчивый и неутомимый, онъ еще незадолго до смерти былъ занятъ мыслию отправиться въ Индію, такъ какъ жизнь во Франціи ему опостылѣла, а воротиться въ Германію онъ уже не могъ, потому что объявленъ былъ изгнанникомъ и голову его оцѣнили. — Между тѣмъ прусскія и нѣмецкія войска со всѣхъ сторонъ обложили Майнцъ. Осажденные возстановили обвалившіяся укрѣпленія и, разжигаемые къ отпору двумя членами конвента, находившимися въ ихъ средѣ; защищались съ величайшимъ мужествомъ, но наконецъ, терпя страшный голодъ, принуждены были сдать городъ Пруссакамъ на капитуляцію (22 іюля 1793). Имъ дозволено было удалиться и взять оружіе и знамена съ тѣмъ условіемъ,

чтобъ цѣлый годъ не служить противъ союзниковъ; но этотъ уговоръ потерялъ свое значеніе отъ того, что гарнизонъ подъ начальствомъ своего генерала Клебера перешелъ въ Ваудею для подавленія тамшняго возстанія (§ 725). Сдача Майнца стоила жизни генералу Богарнѣ, который запоздалъ на выручку ¹. Кюстинъ также сложилъ голову подъ гильотинной, за то что допустилъ непріятеля овладѣть городами Кондѣ и Валансьеномъ на бельгійской границѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣдоваль за нимъ и его сынъ ². Нѣмецкіе приверженцы свободы въ Майнцѣ, которымъ Французы не успѣли исходатайствовать помилованья, бѣльшею частію поплатились за свою республиканскую мечту долготѣнимъ заключеніемъ и потерей имущества. Сколько безразсудны и пусты были дѣйствія майнцскихъ демократовъ, столько же суровы и необузданны явились начинанія возстановленной законопной власти. Оскорбленія и конфискаціи, заключенія въ тюрьму и грубыя насилія даже противъ тѣхъ, кого бы должны были защитить полъ и возрастъ,—все это считалось ни почемъ. Высокое каноническое дворянство, такъ позорно выдавшее свои владѣнія, тѣшилось теперь съ низкимъ злорадствомъ надъ жертвами торжествующей реакціи. Пустыя комедіи демократическаго клуба, его процессіи, деревья свободы и торжественныя братчины, пародировались теперь такими же приторными выходками со стороны противниковъ; такъ напримѣръ повелѣніемъ 31 іюля было постановлено: сжечь остатки дерева свободы, но такъ чтобы при этомъ были употреблены рабочіе съ живодерень, чтобы изготовленъ былъ возвышенный помостъ и на верху положена красная шапка, чтобы хоръ музыкантовъ привлечь какъ можно больше зрителей и чтобы главные изъ арестованныхъ клубистовъ, подъ прикрытіемъ прусскихъ солдатъ, также приведены были на площадь.—Страшный оборотъ, какой приняла французская революція, и впечатлѣніе майнцскаго эпизода, отзывались во всей Германіи болѣе строгимъ надзоромъ за журнальной и книжной печатью и болѣе строгими полицейскими мѣрами противъ всякихъ проявленій свободы вообще.

§ 723. Паденіе Жиронды. По смерти короля, Конвентъ присвоилъ себѣ исполнительную и законодательную власть и рас-

¹ Генералъ Александръ де-Богарнѣ оставался съ своимъ отрядомъ двѣ недѣли въ бездѣйствіи, а между тѣмъ союзники взяли Майнцъ. По приговору революціоннаго судьяща онъ лишился головы за эту неопытную оплошность. Богарне умеръ 34 лѣтъ, заслуживъ общее уваженіе въ войну за американскую независимость и въ первую эпоху революціи.

² Кюстинъ младшій пострадалъ за свои связи съ Кондорсѣ и жирондистами.

предѣлплъ свои занятія по разнымъ комитетамъ, которыхъ полномочія постепенно расширялись, а число сокращалось болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ пока комитетъ общественной безопасности захватилъ въ свои руки всю правительственную власть, а состоящій изъ девяти членовъ комитетъ общаго блага начерталъ законы ужаса (террора), утвержденные потомъ Конвентомъ. Эти комитеты, особенно послѣдній, господствовали надъ Франціей съ неслыханнымъ самовластіемъ. Главнымъ орудіемъ ихъ тиранства было состоящее изъ двѣнадцати присяжныхъ и пяти судей революціонное судилище (*tribunal révolutionnaire*), при которомъ страшный кровопійца Фукье Тенвиль отправлялъ должность публичнаго обвинителя. Этотъ судъ, которому по закону 8 апрѣля 1793 г. подлежали и члены Конвента, произносилъ одни смертные приговоры, на которые не было апелляцій, которые никогда не смягчались помилованьемъ. Маратъ, имѣвшій послѣ Робеспьера величайшее значеніе въ якобинскомъ клубѣ, все рѣшительнѣе вызывалъ бѣдныхъ на борьбу съ богатыми и возбуждалъ простой народъ къ истребленію образованныхъ классовъ. Онъ возвысился вмѣстѣ съ могуществомъ черни, потому что въ своемъ безграничномъ самомнѣніи обладалъ способностью отстаивать открыто и напрямикъ, какъ неотъемлемое право народа, все то, что обыкновенно считалось безумствомъ и злодѣяніемъ, — убійство политическихъ противниковъ, похищеніе чужой собственности, возмущеніе солдатъ противъ ихъ начальства. Однакожь Маратъ вскорѣ увидѣлъ, что и его опережаетъ Эбёръ (*Hébert*), который въ народномъ листкѣ «Отецъ Дюшенъ» доходилъ до крайней степени цинизма; въ своемъ журналѣ, уснащенномъ сквернословіемъ, самыми площадными ругательствами и поговорками, Эбёръ старался пострекать отребіе народа, котораго языкомъ онъ говорилъ къ смертоубійству и возстаніямъ. Тѣми же правилами руководился и муниципальный совѣтъ Парижа, въ главѣ котораго, по сверженіи уклончиваго лицемѣра Песіона, сталъ въ званіи мера якобинецъ Пашъ, а въ званіи сиддика отвратительный Шометтъ. Готовыя ко всякой расправѣ руки нашли они отчасти въ національной гвардіи, которая подъ начальствомъ Анріо превратилась въ ватагу санкюлотовъ, отчасти въ двухъ набранныхъ въ маѣ революціонныхъ арміяхъ, изъ которыхъ одна должна была держать въ уздѣ аристократовъ, а другая двинуться противъ Вандейцевъ. Чтобы дѣло не стало за народными волненіями, объ этомъ заботились революціонные комитеты разныхъ частей города (*comités des sections*), къ которымъ обращался Ма-

ратъ, Дантонъ, Камилль Демуленъ и друг., когда имъ надо было вынудить у Конвента какую-нибудь мѣру. Эти почастные комитеты, состоявшіе изъ 12 членовъ каждый, завѣдывали полиціею въ своихъ округахъ, раздавали охранные листы (*cartes de sûreté*) и совѣщались въ ночныхъ сборищахъ о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры. По милости этого учрежденія, распространеннаго якобинцами по всему краю, власть перешла совершенно въ руки массъ и господствовали рѣшительно только низшіе классы престопаго. Всѣ зажиточные люди находились въ постоянной опасности быть обобранными и, для содержанія безхлѣбной толпы, должны были нести тяжкіе принудительные займы и прогрессивные налоги. Булочки и мелочныя лавочки часто подвергались разграбленію со стороны наглаго «бабья» изъ предмѣстій и со стороны такъ-называемыхъ «крѣпкихъ кулаковъ» бѣднѣйшаго населенія (пролетаріевъ), что побудило наконецъ комитетъ общаго блага опредѣлить высшій размѣръ цѣны (максимумъ) на хлѣбъ, зерновой и печеный, равно какъ и на другія жизненныя припасы, и такимъ образомъ совершенно забрать въ руки распоряженіе всѣмъ достояніемъ собственниковъ. Мечты и грезы о свободѣ всѣхъ людей и народовъ исчезли теперь безъ слѣда. Какъ далеко ушло то время, когда низшій классъ рукоплескалъ гражданской равноправности при уничтоженіи привилегій! Попадъ однажды на путь насилія, онъ уже не хотѣлъ признавать ни какихъ другихъ отношеній, кромѣ господства пролетаріевъ надъ высшими ижегда сословіями. Вожди парижской черни, охмѣленные кровью короля, прибѣгли къ декретамъ безвольнаго Конвента, чтобы призвать къ себѣ на службу французскихъ поселянъ и наложить на всю Европу иго своихъ прихотей и пожеланій. — Это владычество парижской городской общины навело Бриссотистовъ на мысль, въ устраненіе золь централизаціи обратить всю Францію въ федеральное государство, состоящее изъ многихъ мелкихъ республикъ. Отсюда между федералистами (Бриссотистами, Жирондой) и якобинцами завязалась борьба на жизнь и смерть.

Едва бѣгство и измѣна Дюмурье разстроили партію герцога Орлеанскаго и самъ герцогъ былъ арестованъ, какъ демократы Горы направили свои нападенія на Жиронду, чтобы низверженіемъ всѣхъ умѣренныхъ и слабосердыхъ внести въ Конвентъ болѣе единства и энергіи и оградить Францію отъ угрожающаго ей раздробленія. Ораторъ ихъ Робеспьеръ выступилъ поэтому съ предложеніемъ: вызвать къ револю-

ціонному судилищу главъ жирондисткой партіи, какъ соучастниковъ Дюмурьё. Когда предложеніе его не удалось, благодаря убѣдительному краснорѣчію обвиняемыхъ, тогда Маратъ возбудилъ народъ, у котораго было отнято пособіе, выдаваемое дотолъ изъ государственной казны, къ возстанію противъ враговъ республики и къ самоуправству съ виновниками дороговизны, что подало жирондистамъ поводъ войти съ жалобой на этого изверга въ революціонное судилище. Это произвело сильное движеніе въ городскихъ частяхъ. Съ угрозами требовалъ опять народъ арестаціи жирондистовъ, и когда Маратъ былъ оправданъ судомъ, состоявшимъ изъ якобинцевъ (24 апр. 1793), толпы черни заявили настроеніе свое тѣмъ, что съ торжествомъ принесли въ Конвентъ своего кумира. Съ этого времени одно возстаніе слѣдовало за другимъ, и не только всѣ умѣренные члены Конвента, но и всѣ честные и здравомыслящіе граждане, которые были недовольны дикимъ буйствомъ народа, должны были постоянно опасаться за свою жизнь. Тогда жирондисты и ихъ единомышленники въ Конвентѣ настояли на изданіи декрета, чтобы учреждена была изъ двѣнадцати членовъ особая коммиссія для изслѣдованія ежедневныхъ народныхъ смутъ и открытія ихъ первоначальниковъ. Эта коммиссія велѣла арестовать журналиста Эбёра, любимца уличной демократіи, и нѣкоторыхъ другихъ говорунцовъ народной массы, какъ виновниковъ общихъ безпокойствъ и убійственныхъ замысловъ. Но въ слѣдующій же день буйныя толпы черни вынудили ихъ освобожденіе, послѣ чего Эбёръ и его товарищи подготовили изъ мести возстаніе 31 мая, сдѣлавъ напередъ вождемъ національной гвардіи опозореннаго Анріо, который прежде былъ лакеемъ, потомъ контрабандистомъ и наконецъ полицейскимъ шпиономъ. Въ этотъ и въ два слѣдующіе дня огромная масса народа окружала Тюильри, гдѣ происходили теперь засѣданія Конвента, и громко требовала уничтоженія коммисіи двѣнадцати («децемвировъ») и исключенія жирондистовъ и умѣренныхъ. Тщетно и тѣ и другіе употребляли всю силу своего краснорѣчія, чтобы изображеніемъ страшныхъ слѣдствій такой слабости и податливости удержать собраніе отъ уступокъ; народъ, ободряемый партіей Горы, втѣснился въ залу и на галлерей и съ

буйнымъ шумомъ и криками настойчиво требовалъ своихъ жертвъ. Напрасно большинство собранія, съ президентомъ Эроде Сешелемъ во главѣ, пыталось выйти изъ залы засѣданій, гдѣ не могло уже совѣщаться на свободѣ; вогнанное назадъ начальникомъ національной гвардіи Анріо, оно поневолѣ должно было согласиться на требованія народа и Горы и признать надъ собой господство черни. Тридцать четыре жирондиста были немедленно исключены и арестованы; изъ нихъ двадцать (въ томъ числѣ Песіонъ, Гюадѣ, Барбару) успѣли убѣжать и призвали жителей Бретани, Нормандіи и приморскихъ городовъ юга къ оружію противъ якобинцевъ. Но возстаніе шло неудачно и ускорило гибель его виновниковъ, особенно когда убійство Марата (13 іюля 1793) воспламененною рѣчами Барбару Шарлоттою Кордѣ подало членамъ Горы благопріятный случай поддерживать народъ въ тревожномъ волненіи картинами замысловъ противъ жизни патриотовъ и противъ господства началъ свободы и равенства. Шарлотта Кордѣ умерла на плахѣ, а тѣло Марата помѣщено было въ Пантеонъ, по совершеніи надъ нимъ разныхъ театральныхъ церемоній.

31 октября всѣхъ находившихся въ Парижѣ жирондистовъ повлекли на гильотину; да и тѣ, которые успѣли бѣжать и спастись умерли почти всѣ насильственною смертью; бѣльшая часть, какъ наприм. Роланъ, Песіонъ, Бюзѣ, Кондорсѣ, Ребеккѣ, кончили самоубійствомъ. Госпожа Роланъ также погибла на эшафотѣ. Семьдесятъ три члена Конвента, протестовавшіе противъ исключенія жирондистовъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ были также исключены, такъ что Конвентъ превратился теперь въ простое орудіе «комитета общаго благоденствія».

§ 724. Ужасы на югѣ Франціи. Кровавое владычество якобинцевъ, съ ихъ принудительными займами, народными ополченіями и рекрутскими наборами, вызвало внутри государства такія возстанія, которыя были подавлены только самою безчеловѣчною жестокостію. Безуспѣшная попытка жителей Нормандіи и Бретани возстановить исключенныхъ жирондистовъ въ ихъ правахъ, подала «комитету общаго благоденствія» случай распространить, чрезъ страшнаго Каррьѣ, убійство и кровопролитіе по всему краю отъ Сены до Луары и вплоть до морскаго берега. Этотъ

извергъ, поселясь въ Нантъ, цѣлыми сотнями растрѣливалъ своихъ жертвъ или топилъ ихъ въ Луарѣ посредствомъ барокъ съ опускаемыми днищами («нантскія нояды»), такъ что четырехмѣсячная дѣятельность его по меньшей мѣрѣ стоила жизни 15,000 человекъ. Еще ужаснѣе были злодѣяства якобинцевъ въ южныхъ городахъ, — Ліонѣ, Марсели и Тулонѣ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ предсѣдатель якобинскаго клуба, бывшій священникъ Шальё, вывѣсилъ на стѣнахъ позорные вызовы, въ которыхъ подстрекалъ народъ грабить и убивать богатыхъ и значительныхъ гражданъ, какъ враговъ новаго порядка, и этимъ возбудилъ у всѣхъ честныхъ и достаточныхъ жителей такое негодованіе, что опасаясь за свою жизнь и собственность, они возстали на якобинцевъ, побѣдили ихъ въ жаркомъ уличномъ бою и подвергли самого Шальё смертной казни (16 іюля 1793). Этотъ поступокъ наполнилъ парижскихъ террористовъ страшной яростью. Республиканская армія двинулась къ стѣнамъ города; послѣ упорной битвы онъ былъ взятъ и страшно наказанъ убійствомъ и разореніемъ (9 окт.). Колло д'Эрбуа, Ронсенъ, Фүшѣ, Кутонъ и друг. растрѣливали жителей цѣлыми толпами, потому что гильотина работала слишкомъ медленно; не только цѣлые дома, — цѣлыя улицы были снесены или подорваны порохомъ; народъ подѣлилъ между собою собственность зажиточныхъ гражданъ; Ліонъ рѣшено было истребить, обратить его въ урочище безъ имени. Такъ же точно свирѣпствовали республиканцы въ Марсели и Тулонѣ. Тулонскіе роялисты призвали на помощь Англичанъ и сдали имъ портъ и городъ. Въ то же время впустили они къ себѣ 12,000 испанскаго и итальянскаго войска. Въ надеждѣ на эту поддержку и на силу крѣпостныхъ работъ граждане Тулона возстали на своихъ республиканскихъ противниковъ. Но армія «санкюлотовъ», при которой молодой Корсиканецъ Наполеонъ Бонапартъ явилъ первые опыты своего полководческаго таланта, одолѣла всѣ преграды. Тулонъ взятъ былъ приступомъ. Англичане, будучи не въ силахъ отстоять городъ, зажгли французскій флотъ и предоставили несчастныхъ жителей жестокому мщенію Конвента. Здѣсь ужасный Фреронъ разстрѣлялъ всѣхъ достаточныхъ гражданъ цѣлой массою и подѣлилъ ихъ собственность сан-

кюлотамъ. Всѣ лучшіе жители бѣжали изъ города, котораго населеніе съ 28,000 упало тогда на 7,000, и предоставили его на произволъ сволочи и галерныхъ каторжниковъ. Началось тѣмъ, что 800 плѣнныхъ гражданъ пали подъ пулями ватаги савойскихъ душегубцевъ; потомъ учрежденъ былъ революціонный судъ, который въ три мѣсяца, безъ уликъ и слѣдствія, отправилъ на смерть болѣе 1800 человекъ. По случаю одного республиканскаго праздника послали на эшафотъ одиннадцать молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ. — Не многимъ лучше поступалъ въ Бордо Талліэнъ, извергъ и вмѣстѣ гуляка, а въ сѣверной Франціи развѣзжалъ съ гильотиною Лебонъ и вездѣ, гдѣ останавливался, совершалъ неслыханныя злодѣйства. Для якобинцевъ очевидно не было никакого спасенія, еслибъ они выпустили изъ рукъ неограниченное господство, а удержать его не было другихъ средствъ кромѣ того, чтобъ все вокругъ себя превращать въ пустыню. Они были отчаянно-смѣлы и кровожадны только оттого, что сами опасались гибели.

15 августа 1769 г. родился въ Аяччіо Наполеонъ Бонапартъ (Buonaparte), сынъ одного корсиканскаго дворянина, который, будучи другомъ Паоли, отличился въ войнахъ, предшествовавшихъ занятію острова Французами (§ 638 б. 3). Десятилѣтнимъ мальчикомъ Наполеонъ поступилъ въ военную школу въ Бріеннѣ, гдѣ пробылъ 5 лѣтъ (1779—85) и потомъ перешелъ въ Парижскую военную школу. И тамъ и здѣсь посвящалъ онъ себя преимущественно математическимъ и историческимъ занятіямъ, къ которымъ и въ послѣдствіи всегда чувствовалъ особенную склонность. Вступивъ во французскую армію, онъ въ чинѣ поручика артиллеріи скоро отличился мужествомъ и военнымъ искусствомъ въ южной Франціи и Корсикѣ, такъ что уже въ февралѣ 1792 произведенъ былъ въ капитаны. Усердно преданный революціоннымъ идеямъ и демократическимъ стремленіямъ, явился онъ желаннымъ помощникомъ для новыхъ властителей Франціи. — Лионскіе ужасы послѣдней историкъ революціи Зибель описываетъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Въ самомъ городѣ ремесла и промышленность совершенно упали, въ селахъ остановилось земледѣліе, и крестьянъ принуждали къ обработкѣ полей только угрозою, что ихъ тотчасъ же разстрѣляютъ. Линейныя войска смотрѣли на неистовства парижскихъ ватагъ съ возрастающимъ негодованіемъ; наконецъ дошло

до того, что въ теченіе нѣсколькихъ дней между ними происходили формальныя схватки и въ Парижъ посылались о томъ полныя страха донесенія. Но Колло не смущался этимъ и продолжалъ съ усиленною ревностью свои арестаціи, грабежи и убійства. Самъ онъ являлся окруженный восточной роскошью и грубо-величавою обстановкой. Получить у него аудіенцію можно было только послѣ троекратной просьбы и прежде чѣмъ попасть въ пріемную надо было пройти длинный рядъ переднихъ залъ; тамъ каждый проситель долженъ былъ стоять отъ него въ пятнадцати шагахъ; по сторонамъ у него было два гренадера съ ружьями на перевѣсѣ и не сводя глазъ съ посѣтителя. Отвѣты его были коротки и холодны; если кто просилъ милости, то къ нимъ примѣшивался насмѣшливый цинизмъ, а если испрашивали у него разрѣшенія его же клеветы, то часто онъ нарочно отвѣчалъ двусмысленно. Каждый обѣдъ проводилъ онъ въ кутежѣ съ шайкою потѣшниковъ и развратныхъ дѣвокъ, среди пира подписывалъ новые смертные приговоры и шлъ за благоденствіе республики въ то самое время какъ громъ выстрѣловъ глухо отдавался съ мѣстъ казни.»

§ 725. Кровавыя сцены въ Вандеѣ. Всего ужаснѣе былъ жребій Вандеи, этого своеобразнаго края западной Франціи, покрытаго перелѣсками, изгородами и кустарникомъ и пересѣченного рвами и оврагами. Здѣсь въ сельской затиши и стародавней простотѣ обиталъ народъ, довольный своей судьбою. Крестьяне и мызники были привязаны къ своимъ господамъ, отъ которыхъ не видали притѣсненій; они любили короля, на котораго также не могли пожаловаться, и были благоговѣйно преданы духовенству и церковнымъ обрядамъ, которые привыкли любить и чтить какъ святыню съ малыхъ лѣтъ. Когда національное собраніе рѣшило изгнать и истребить ихъ неприсягнувшихъ республикѣ священниковъ, когда самъ король погибъ на гильотинѣ, когда всеобщее ополченіе на защиту отечества (24 февр. 1793) призвало къ оружію всю сельскую молодежь, тогда всѣ порывы негодованія и мести сосредоточились въ душахъ вандейскихъ крестьянъ и увлекли ихъ къ рѣшительному сопротивленію и къ открытой междоусобной брани. Подъ начальствомъ искусныхъ, смѣлыхъ, войною образованныхъ вождей изъ низшаго сословія, каковы Шареттъ, Стофлѣ и Кателино, къ которымъ присоединились иные изъ дворянства, наприм. Ларошжкленъ,

д'Эльбе и друг., вначалѣ отразили они республиканскія войска, предводимыя Сантерромъ и другими якобинцами, завоевали Сомюръ и угрожали Нанту. Тогда Конвентъ отправилъ въ Вандею революціонную армію, составленную изъ отребія народа, подъ командой Вестермана и пенстовыхъ якобинцевъ Ронсена и Россиньюля. Какъ ярые волки напали они на несчастныхъ жителей, выжигали города и села, мызы и лѣса, и старались наводимымъ ими ужасомъ сломить сопротивление «роялистовъ». Но мужество вандейскихъ поселенъ оставалось непоколебимо. Ни страхъ всѣхъ возможныхъ смертей, ни опустошеніе мызъ и пахотей не въ силахъ были измѣнить ихъ задушевной мысли, ни ослабить ихъ энергической руки. Однакожъ, когда храбрые воины, возвратившіеся по сдачѣ Майнца (§ 722) подъ начальствомъ такихъ способныхъ, опытныхъ вождей, какъ Клеберъ, посланы были противъ мятежниковъ въ Вандею, тогда злополучный народъ постепенно изнемогъ подъ ударами противниковъ, послѣ того какъ весь край былъ опустошенъ и тысячи его жителей упитали почву своею кровью. Но успокоилась Вандея только тогда, когда по низверженіи Робеспьера столько же храбрый, сколько и человѣколюбивый Гошъ перешелъ прямо изъ тюрьмы во главу войска, и утомленнымъ борьбою самъ предложилъ миръ, а другихъ, которые еще противились, привелъ въ покорность силою меча и превосходствомъ своего военного искусства. Стофлѣ и Шареттѣ попались въ плѣнъ и были разстрѣляны. Между тѣмъ въ цѣлой Франціи прекратилось господство ужаса и водворился болѣе кроткій образъ мыслей.

Попытка нѣсколькихъ дружинъ роялистскихъ выходцевъ произвести въ юлѣ 1795 г., съ помощію Англичанъ, высадку на островѣ Киберонѣ и тѣмъ подстрекнуть утомленныхъ Вандейцевъ и Шуановъ ¹ къ

¹ Шуанами называлась тамъ особая контр-революціонная партія, извѣстная еще подъ именемъ маловандейской (Petite Vendée); будучи также роялистскою и католическою, она отличалась тѣмъ, что была не такъ аристократична, какъ вся остальная Вандея. Прозвище шуанъ (choüan отъ chat-huant, сова) носили первоначально контрабандисты солью, четверо братьевъ Коттеро, потому что совинымъ крикомъ давали знать о приближеніи соляныхъ надсмотрщиковъ. Когда же въ 1792 они, по внушенію дворянской фамиліи Тюфенъ де ла Руэри, организовали вольные отряды для борьбы съ еспубликой, то имя шуановъ распространилось мало-по-малу на всѣхъ сторонниковъ

возобновленію борьбы, кончилась постыдно и гибельно для нападающихъ. Послѣ кратковременной схватки весь высадившійся отрядъ, съ большимъ запасомъ оружія, военныхъ принадлежностей и денегъ, достался въ руки республиканцамъ, которые безпощадно перебили 800 плѣнныхъ роялистовъ. Питтъ утѣшалъ себя тѣмъ, что при этомъ не было пролито ни капли англійской крови, но получилъ отъ оратора Шеридена заслуженное возраженіе, что зато англійская честь текла изъ всѣхъ скважинъ тѣла обильными ручьями.

§ 726. Первая коалиціонная война (1793—96). Англійское правительство долго колебалось начать борьбу съ революціей. Оно терпѣло эмигрантовъ (выходцевъ) въ своихъ предѣлахъ, но въ то же время приняло посла отъ существовавшего во Франціи правительства и допускало какъ враговъ, такъ и друзей новаго порядка свободно заявлять свои мнѣнія словомъ и печатью.

Среди англійскаго народа, привыкшаго къ публичной политической жизни, вскорѣ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна, съ Эдмондомъ Боркомъ и торіями во главѣ, смотрѣла на вводимыя во Францію новизны и ихъ виновниковъ съ ненавистью и омерзеніемъ и осыпала ихъ безпощадною бранью, тогда какъ другая сочувствовала началамъ революціи, хотя и не одобряя ея кровавыхъ наростовъ: предводителемъ ея былъ гениальный политикъ и ораторъ Фоксъ, схожій съ графомъ Мирабо по величію ума и беспорядочному образу жизни, а ревностнымъ адвокатомъ — поборникъ демократическаго устройства сѣверной Америки, Томасъ Пэнъ (Paine). Боркъ, образованный, богатый знаніями политикъ и пылкій ораторъ, отчасти слишкомъ вдававшійся въ напыщенность и риторическія прикрасы, былъ во время войны за американскую независимость жаркимъ защитникомъ народныхъ правъ и вмѣстѣ съ Фоксомъ — душою оппозиціи правительству. Тутъ онъ вдругъ перемѣнилъ образъ мыслей; въ книгѣ, пріобрѣтшей множество читателей, изобразилъ французскую революцію самымъ бѣдственнымъ и достойнымъ проклятій событіемъ, противъ котораго обязаны ополчиться всѣ европейскіе государи, и въ своей ревности къ охраненію стараго порядка дошелъ до того, что въ одномъ засѣданіи парламента публично

этого дѣла. Начавъ малою войной, они въ послѣдствіи дѣйствовали и большими массами, но потерпѣвъ нѣсколько сильныхъ поражений, подъ-конецъ опять возвратились къ мелкимъ партизанскимъ дѣйствіямъ, которыя прекращены только въ исходѣ 1796 г.

отрекся отъ дружбы съ давнимъ единомышленникомъ своимъ Фоксомъ и отвернулся отъ него полный ненависти. Тогда въ главѣ министерства стоялъ младшій Питтъ, сынъ великаго лорда Чатама. Онъ, равно какъ и единомышленники его, торіи, равно какъ благоволившій къ нимъ король Георгъ III и принцъ Валлійскій, его сынъ (управлявшій государствомъ въ званіи принца-регента во время долголѣтняго помѣшательства своего отца и только по смерти его въ 1820 г. принявшій королевскій титулъ), были очень нерасположены къ республиканскимъ идеямъ, и потому они хвалили и награждали рвеніе Борка; но явно враждебнымъ образомъ выступило англійское правительство противъ Франціи только тогда, какъ пала голова Людовика, когда завоевана была Бельгія, а дружественная Голландія застрашена войной, когда дерзновенный Конвентъ обѣщалъ помощь Франціи всѣмъ народамъ, которые встанутъ противъ тиранніи правительствъ и преобладанія привилегированныхъ сословій и свергнуть съ себя иго феодальныхъ повинностей, когда наконецъ онъ принялъ посольство отъ общества англійскихъ республиканцевъ, а потомъ поощрялъ и ободрялъ тайными посулами и обнадеживаніемъ въ помощи подготовительныя мѣры къ насильственному возстанію на островѣ. Тутъ только начала Англія обильную послѣдствіями войну на суши и на морѣ, которую прекратила лишь тогда, когда революція и порожденное ею военное владычество Наполеона были низвержены и одолѣны. Съ тѣхъ поръ противъ Франціи ратовали не только англійскія суда и англійскія войска, противъ нея дѣйствовали и англійскія денежныя пособія, которые подстрекали медленныхъ государей и колеблющихся правительства къ ополченію на общаго врага. Англія тѣмъ болѣе вмѣняла себѣ въ обязанность ратовать противъ революціи, что послѣдняя нашла себѣ дѣятельныхъ приверженцевъ въ недовольныхъ и впечатлительныхъ Ирландцахъ, такъ что Питтъ, въ виду заговоровъ и возстаній, неоднократно долженъ былъ прибѣгать къ отмѣнѣ акта Habeas Corpus (§ 622), къ объявленію края на военномъ положеніи, къ политическимъ процессамъ (противъ Горъ-Тука и друг.) и къ разнымъ исключительнымъ постановленіямъ.

§ 727. Лѣтомъ 1793 г. почти вся Европа угрожала французскимъ предѣламъ. Между тѣмъ какъ англійскіе флоты старались истребить морскую силу Франціи и отнять у ней колоніи, а Питтъ твердо рѣшился поддержать войну обильными денежными пособіями, Голландцы, Австрійцы и Англичане

двинулись изъ Нидерландовъ во Фландрію; въ то же время нѣмецкія, прусскія и австрійскія войска перешли за Рейнъ; Сардинія и Тоскана угрожали съ юго-востока, у Пиреней стояли испанскія и португальскія силы; Неаполь и Португалія слѣдовали указаніямъ Англіи. Но неумѣнье и необдуманность вождей, дурныя продовольственныя мѣры, нелады союзниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ виду свои собственныя выгоды, и наконецъ надменность офицеровъ, — все это помѣшало блистательному успѣху даже тогда, когда Франція не создала еще своей новой военной системы, благодаря которой въ послѣдствіи она смѣло могла идти противъ всей Европы. Австрійцы, руководясь враждебной Пруссіи политикой Тугута, желали по взятіи Кондѣ и Валансьена (§ 722, іюль 1793) утвердиться во французской Фландріи и съ недовѣрчивой завистью смотрѣли на тогдашнія расширенія Пруссіи на счетъ Польши (§ 700); Англичане устремили взоръ на Дюнкирхенъ, которымъ они нѣкогда обладали и которымъ чаяли овладѣть опять. При такихъ обстоятельствахъ военныя предпріятія союзниковъ не могли имѣть надежнаго успѣха, хотя вначалѣ лучшая выправка прусскихъ и австрійскихъ войскъ и храбрость ихъ конницы не разъ доставляла имъ перевѣсъ надъ врагами; въ Нидерландахъ англо-голландское войско не нашло себѣ надлежащей поддержки со стороны недовѣрчивыхъ Австрійцевъ, вслѣдствіе чего республиканскому генералу Ушару (Houchard) удалось одержать немаловажную побѣду надъ Голландцами и Генноверцами при Гондсхотенѣ (8 сент.). Еще вреднѣе было дѣйствіе этого разногласія и недовѣрія въ рейнской арміи. Въ то время какъ по взятіи Майнца прусскія войска подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго заняли полосу отъ Квейха и Лаутера до Заары и съ прежнимъ мужествомъ отразили Французовъ подъ Пирмазенцемъ (24 сент.) и въ кровопролитномъ бою подъ Кайзерслаутерномъ (28—30 ноября), австрійскій генералъ Вурмзеръ въ Альзациі вѣлъ войну совершенно особнякомъ и старался заодно съ роялистами и аристократами въ Страсбургѣ и другихъ мѣстахъ произвести контръ-революцію. Но этотъ замыселъ, помѣшавшій герцогу во-время воспользоваться своими побѣдами, оказался

совершенно безуспѣшнымъ и только навлекъ на недовольныхъ и подозрительныхъ въ Альзаци кровавую месть республиканцевъ. Конвентъ считая каждую неудачу своихъ войскъ слѣдствіемъ какой-нибудь измѣны со стороны аристократіи, обнаружилъ страшную энергію для преодоленія своихъ противниковъ и враговъ мѣрами безпощаднаго терроризма. Ушаръ, побѣдитель при Гондсхотенѣ, истекъ кровью на гильотинѣ, какъ прежде Кюстинъ и Богарнѣ (§ 722), потому что въ послѣдствіи долженъ былъ уступить превосходству непріятельскихъ силъ при Куртрѣ, а молодой, доровитый генералъ Гошъ, вознаграждавшій недостатокъ военной опытности и ученыхъ знаній, здравымъ человѣческимъ смысломъ, зоркостью взгляда и бойкостью природнаго ума, подвергся заключенію за неудачу свою подъ Кайзерслаутерномъ и испыталъ бы отъ врага своего, Сентъ-Жюста, еще горшую участь, не освободи его Робеспьерово паденіе. — Если и при подобныхъ условіяхъ нѣмецкія и англійскія войска безсильны были одолѣть республиканскую Францію, терзаемую внутри и окруженную внѣшними опасностями, то тѣмъ менѣе могли они достигнуть своей цѣли въ то время, когда въ комитетъ общественнаго благоденствія поступилъ дѣятельный Карнѣ и организовалъ военную часть по новой, смѣлой системѣ съ ужащающимъ единствомъ и энергіей. Все тогда, и достоиніе, и самая жизнь, должны были служить одной цѣли, самозащитѣ республики. Благодаря этому, ходъ войны вскорѣ принялъ иное направленіе. Вездѣ ковалось оружіе и отливались пушки; вызовомъ къ поголовному ополченію (*levée en masse*) вся нація приняла участіе въ войнѣ; фанатическія полчища противопоставлялись теперь врагу уже не въ малыхъ отрядахъ, а цѣлыми массами; изъ рядовъ простыхъ солдатъ вышли величайшіе полководцы своей эпохи; противъ такихъ сомкнутыхъ единствомъ силъ не могли держаться старые генералы съ ихъ методическою тактикой и съ солдатами, которые дрались изъ жалованья, а не изъ любви къ отечеству и свободѣ, тѣмъ болѣе, что военныя предпріятія союзниковъ часто разстроивались изъ-за политическихъ соображеній и случайностей и встрѣчали себѣ неожиданную помѣху въ дипломатическихъ уловкахъ. — При Ватиньи (*Wattignies*, 15

и 16 окт. 1793) новыя французскія войска помѣрялись съ Австрійцами въ цѣломъ рядѣ схватокъ, и хотя, говоря вообще, перевѣсъ остался еще за военной выправкой стараго, опытнаго войска, однакожь Французы справедливо приписали себѣ побѣду, когда непріятель съ наступленіемъ зимы долженъ былъ покинуть осаду Мобѣжа и удалился въ свои прежнія линіи. Еще рѣшительнѣе были успѣхи французскихъ войскъ на Рейнѣ, гдѣ несогласіе между герцогомъ Брауншвейгскимъ и графомъ Вурмзеромъ возрастало съ каждымъ днемъ, съ тѣхъ поръ какъ Фридрихъ Вильгельмъ II покинулъ тамошнюю армію (29 сент.), чтобы содѣйствовать прусскимъ интересамъ присутствіемъ своимъ на берегахъ Вислы. Вурмзеръ, послѣ потерь подъ Гагенау, долженъ былъ оставить долго защищаемыя Вейсенбургскія линіи и отступить за Рейнъ, а Пруссакі не смогли взять Ландау. Разстроенный и нравственно больной, герцогъ потребовалъ себѣ отставки. Мѣсто его заступилъ фельдмаршалъ Мёллендорфъ. Этими обстоятельствами воспользовались Манштейнъ, Калькрейтъ, Луккезини и другіе прусскіе государственные люди для того, чтобы расположить короля къ мысли о мирѣ съ Франціей. Событія въ Польшѣ, гдѣ подъ начальствомъ Косцюшки вспыхнула тогда народная война (§ 701), и истощенное состояніе прусскаго королевства, придали особенную силу ихъ стараніямъ. Въ Берлинѣ было уже рѣшено отозвать всѣ войска, за исключеніемъ условленнаго договорами имперскаго участка (контингента), какъ вдругъ морскимъ державамъ — Англіи и Голландіи — удалось заключеніемъ договора въ Гагѣ о выдачѣ денежныхъ пособій (19 апр. 1794) еще далѣе удержать короля при коалиціи. Вслѣдствіе этого Мёллендорфъ и гусарскій полковникъ Блюхеръ снова храбро противустали непріятелю у Вогезовъ и Гаардтскихъ горъ, гдѣ такъ часто скрещалось оружіе Французовъ и Германцевъ, и вторично помѣрялись силами на упитанныхъ кровью высотахъ Кайзерслаутерна (23 мая); однакожь отказъ фельдмаршала двинуться по призыву морскихъ державъ въ Нидерланды, чтобы и тамъ удержать отъ дальнѣйшаго напора Французовъ, выигравшихъ въ то самое время при Тюркуэнѣ (18 мая) блистательную битву съ австро-англійскими силами, разстроилъ Гагское соглашеніе, глубоко

уязвившее достоинство Пруссіи, и снова предалъ Фландрію въ руки враговъ. Тактика французскаго полководца состояла въ томъ, чтобы сбить съ толку и утомить противника множествомъ отдѣльныхъ ударовъ, пресѣчь его сообщенія, а потомъ выждать благопріятной минуты и однимъ сильнымъ натискомъ сокрушить его въ конецъ. — Въ іюнѣ Пишегрю овладѣлъ Иперномъ, тогда какъ Журданъ, четыре раза отѣсненный за Самбру, наконецъ-таки разбилъ непріятеля подъ Флёрюсомъ (26 іюня) и принудилъ его очистить бельгійскіе предѣлы. Подъ начальствомъ Журдана служили лучшіе полководцы послѣдующихъ годовъ, — Марсѡ, Клебѣръ, Лефевръ, Шампіонѣ, Бернадотъ, Марескѡ и друг. Австрійскій министръ Тугутъ былъ повидимому не прочь принести въ жертву Нидерланды и поискать болѣе сподручныхъ вознагражденій на востокъ — въ Баваріи или Польшѣ. Недовольный этою парализующей политикой, принцъ Кобургскій также подалъ просьбу объ увольненіи и покинулъ войско. Преемникъ его Клерфетъ отвелъ тогда истомленную армію за Рейнъ (октябрь). Съ началомъ осени въ рукахъ Французовъ были опять не только австрійскіе Нидерланды, но также Триръ и пограничныя голландскія крѣпости.

Благодаря этому генераль Пишегрю, у котораго въ арміи находились Морѡ, Суамъ (Souham), Макдональдъ, Вандамъ и друг., могъ предпринять въ декабрѣ и январѣ по замерзшимъ водамъ смѣлый походъ противъ Генеральныхъ Штатовъ, и съ войскомъ, терпѣвшимъ недостатокъ въ одеждѣ и всякомъ продовольствіи, овладѣть цѣлымъ краемъ, принудивъ англійскія силы подъ начальствомъ герцога Йоркскаго къ самому трудному и опасному отступленію. Наслѣдственный статгаудеръ Вильгельмъ V, нелюбой народу съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ возстановленъ прусскими арміями (§ 677) и верховныя права его расширены благодаря имъ, отрекся отъ своего сана и отправился въ дружественную ему Англію; сочувствовавшіе французскимъ республиканцамъ бѣгле патріоты тотчасъ же возвратились на родину и заодно съ оставшимися въ Голландіи единомышленниками помогали усиліямъ побѣдоносныхъ Французовъ учредить въ Генеральныхъ Штатахъ Батавскую республику на демократическихъ осно-

ваніяхъ и тѣмъ самымъ тѣснѣ связать съ республиканскою Франціею эту богатую страну со всѣми ея сокровищами, кораблями, портами и колоніями. Водружены были деревья свободы, провозглашены человѣческія права, учреждены республиканскія общества, и правительство передано французской партіи. Но слишкомъ скоро почувствовали Голландцы невыгоды этого львиного союза. Заморенныя голодомъ и оборванные войска надо было кормить и одѣвать, надо было давать имъ жалованье; договоръ съ Франціею, заключенный 16 мая 1795 г., не только обезпечивалъ этой державѣ свободное плаваніе по водамъ Голландіи и невозбранное пользование ея морскими портами, но еще назначилъ ей 100 милліоновъ франк. вознагражденія за военныя издержки и предоставлялъ въ ея владѣніе голландскую Фландрію и Маастрихтъ вмѣстѣ съ правомъ держать гарнизоны въ важнѣйшихъ крѣпостяхъ; и въ то время какъ новое республиканское правленіе и его иноземные защитники, жившіе плотью и кровью того края, истощили государственную казну и совершенно разстроили финансы, Англичане не только овладѣли купеческими судами Голландцевъ, стѣснили или совсѣмъ уничтожили ихъ рыбныя ловли, но и присвоили себѣ большую часть ихъ отдаленныхъ колоній.

Съ 1795 по 1797 перешли во власть Британцевъ голландскія владѣнія въ Индостанѣ и на Мысѣ Доброй Надежды; сверхъ того Малакка, Цейлонъ, Амбоина, Тернате и другіе острова; изъ числа западныхъ колоній Англичане получили Демерари и Эссекибо; въ янв. 1799 — Суринамъ, въ 1800 Курасо, а въ 1801 остр. св. Евстахія и Сабу.

Батавская республика вообще раздѣляла съ тѣхъ поръ жребій Французовъ: до 1798 г. во главѣ ея стоялъ демократическій конвентъ; потомъ упразднено самодержавіе отдѣльныхъ провинцій, весь край раздѣленъ на восемь департаментовъ съ новыми названіями и учреждена единая и нераздѣльная Батавская республика съ пятичленною директоріею (статсъ-бевиндомъ) въ видѣ исполнительной власти, и двумя законодательными палатами. Наполеонъ опять возстановилъ прежнее дѣленіе на области и измѣнилъ правительственную и законодательную власть (1801), но тяжело легъ на страну новый договоръ, по которому Голландія обязалась содержать французскій 18,000-й гарнизонъ, выставить собственную армію въ 16,000, да сверхъ того снарядить пять линей-

ныхъ кораблей и пять фрегатовъ. Торговля сильно упала, колоніи утратились, страна вошла въ значительные долги. Въ январѣ 1805 главою исполнительной власти сдѣланъ былъ Схиммельпеннинкъ въ званіи пенсіонарія (или синдика верховнаго совѣта), а законодательная часть предоставлена земскому представительству. Но въ слѣдующемъ же году (1806) королемъ Голландіи назначенъ былъ братъ Наполеона, Людовикъ Бонапартъ, и число представителей приумножено до 38 членовъ. Влссингенъ и нѣкоторые другія мѣста отошли къ Франціи, а зато Остфризландія и магнетность Іеверъ присоединены къ Голландіи (1807). Немного лѣтъ спустя Людовикъ не поладилъ съ братомъ и отрекся отъ престола, вслѣдствіе чего Голландія соединена была съ Франціей (1810). Новое уложеніе законовъ, всеобщая конскрипція (обязанность нести военную службу поголовно), введеніе тайной полиціи и пониженіе процентовъ государственнаго долга на цѣлую треть, — вотъ чѣмъ подарилъ этотъ край новый властитель.

§ 728. Равно благоуспѣшно было французское оружіе на Рейнѣ. Прусскія войска, выдержавъ въ третій разъ достославный бой при Кайзерслаутернѣ подъ начальствомъ Гогенлоэ (18—20 сент. 1794), отступили въ октябрѣ за германскую рѣку и предоставили другой ея берегъ непріятелю. Вскорѣ потомъ прусское правительство, озабоченное событіями въ Польшѣ (§ 701), вступило черезъ Гарденберга въ переговоры съ Франціей, которые привели къ заключенію Базельскаго мира (5 апр. и 17 мая 1795). Въ силу этого договора непріятелю не только предоставленъ былъ лѣвый берегъ Рейна вмѣстѣ съ Голландіей, и Рейнъ признанъ «естественною границей» Франціи, но сверхъ-того учрежденіемъ вооруженной демаркаціонной линіи сѣверная Германія, объявленная нейтральною, формально отдѣлена отъ южной, гдѣ продолжалась еще война. Испанія и нѣмецко-имперскія земли — Ганноверъ, Гессенъ, Брауншвейгъ и др., прибѣгнувшія къ помощи и посредничеству Пруссіи, также приступили къ миру. Тоскана еще прежде уладила свои отношенія съ республикой. Такимъ образомъ коалиція распалась, и начало круговой порѣвки интересовъ всѣхъ монархическихъ державъ передъ республикой рѣшительно было устранено. Союзъ государей, возвѣстившій крестовый походъ въ защиту трона и алтаря, скоро обратился въ своекорыстную борьбу изъ-за частныхъ интересовъ, и ни

одинъ изъ членовъ союза не могъ похвалиться передъ другимъ, что оказалъ болѣе вѣрности и самопожертвованія въ отношеніи къ тому началу, изъ-за котораго предпринята была война. — Надежда Пруссіи, что Базельскій миръ послужитъ основаніемъ всеобщему примиренію, оказалась тщетною. Не только Англія крѣпко держалась за войну, но и Австрійцы, купленные англійскими субсидіями, продолжали ее съ великимъ напряженіемъ на югъ Германіи, раздѣленной такимъ образомъ на два стана. Подъ начальствомъ храбраго полководца Клерфета и Вурмзера, успѣшно сопротивлялись они напору французскихъ войскъ, которыя, въ надеждѣ на разномысліе германскихъ государей, на трусость и вѣроломство многихъ сановниковъ и генераловъ, перешли за Рейнъ, овладѣли пфальцскимъ городомъ Дюссельдорфомъ и старались совершить завоеванія на Майнъ и Некаръ. Духовные и свѣтскіе дворы прирейнскихъ областей бѣжали въ испугѣ, какъ три года назадъ, во внутренніе края имперіи; всѣ дороги были запружены переселенцами и бѣгущими. Но вскорѣ австрійское оружіе произвело благопріятный оборотъ. Послѣ побѣды Клерфета подъ Хандшухсгеймомъ надъ Пишегрию (24 сент.) и послѣ удачныхъ для Австрійцевъ схватокъ съ Журданомъ на Ниддѣ, Французы отступили за Рейнъ, оставляя по себѣ страшный слѣдъ хищничества, разоренія и гнуснаго распутства. Славная побѣда подъ Майнцемъ (29 окт.) доставила австрійскому военачальнику обладаніе зарейнскою землею и дала ему возможность снова отнять у Французовъ Гейдельбергъ (22 ноября) и послѣ многодневной ужасной бомбардировки покорить укрѣпленную столицу Маннгеймъ, которую со всѣми ея богатыми военными запасами пфальцграфскій генераль Оберндорфъ, по первому требованію, постыдно сдалъ передъ тѣмъ врагу. Часть города лежала въ развалинахъ, когда Нѣмцы вступили въ него обратно. Голодъ и военныя бѣдствія давали тяжелымъ гнетомъ благословенные прирейнскіе края; какъ вдругъ побѣдоносный полководецъ, возмущенный коварнымъ управленіемъ Тугута и выговорами военнаго совѣта, къ общему изумленію, потребовалъ отставки и получилъ ее. Преемникомъ его былъ братъ императора, эрцгерцогъ Карлъ, вскорѣ явившій блистательныя доказательства отличнаго полководческаго

таланта. Онъ удачно сопротивлялся обѣимъ арміямъ, двинувшимся одна, подъ начальствомъ Журдана, къ рѣкѣ Лану, другая, подъ начальствомъ Морё черезъ Шварцвальдъ—въ Швабію; перваго разбилъ онъ сначала при Вецларѣ (15 іюня 1796), а нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ жаркой схваткѣ подъ Вюрцбургомъ (3 сент.), и принудилъ его поспѣшно отступить на Рейнъ. Жители Франконіи, Шпессарта и Оденвальда, раздраженные притѣсненіями и контрибуціями, грабежами и обидами чужеземцевъ, возстали противъ уходящаго непріятеля и побивали его въ одиночку. Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и рыцарственныхъ французскихъ вождей, Марсё, палъ при отступленіи въ Вестервальдъ, настигнутый австрійскою пулей (19 сент.). Лучше посчастливилось Морё, который хотя и былъ вытѣсненъ изъ Баваріи и Швабіи, но благодаря мастерскому отступленію по долинамъ Шварцвальда (съ 19 сент. по 24 окт.), достигъ Рейна безъ большихъ потерь. Германскія правительства отнюдь не ободряли народныхъ возстаній противъ общаго непріятеля; они болѣею частію старались по примѣру Пруссіи избавиться отъ бремени войны частными договорами съ Французскою республикой, ища при этомъ расширенія своихъ предѣловъ и блюдя каждый свои выгоды. Уже въ августѣ Вюртембергъ и Баденъ заключили миръ съ Франціей и за уступку зарейнскихъ своихъ владѣній, выговорили себѣ вознагражденія изъ духовныхъ имуществъ. Въ сентябрѣ, баварское правительство, въ отсутствіе курфюрста, купило себѣ Фабенгофенскимъ трактатомъ, за деньги и поставку припасовъ натурою, защиту и миръ у Морё, въ то самое время какъ онъ уже готовился отступать передъ Австрійцами.

§ 729. Владычество ужаса (терроризмъ). Въ теченіе дѣлаго года (съ іюля 1793 по іюль 1794) Франція склонялась подъ игомъ страшной тиранніи комитета общаго благоденствія. Въ главѣ девяти членовъ, составлявшихъ этотъ комитетъ, стояло три человека, которыхъ имена долго были страшилищемъ всего края, — завистливый, коварный и честолюбивый Робеспьеръ, кровожадный Кутонъ и фанатикъ республиканской свободы и ревнства Сенъ-Жюстъ. Эти политическіе изувѣры управляли съ неслыханнымъ самовластіемъ и готовили смерть и гибель каждому, кто не покорялся ихъ волѣ. Передъ ними одинъ только честный Карно сохранялъ независимое по-

ложеніе; но чтобы онъ не мѣшалъ кровавымъ мѣрамъ своихъ товарищей, — мѣрамъ, которыя бы никогда не списали его одобренія, они отстранили его отъ внутреннихъ дѣлъ и поручили ему главное завѣдываніе военною частью. Остальные члены комитета были болѣею частію Ребеспьеровы созданія (Бареръ, Биліо-Вареннъ, Колло д'Эрбуа, Приёръ, Лендѣ, Жанъ Бонъ де Сентъ-Андрѣ). Крайне-демократическая конституція, набросанная въ торопяхъ и, по одобреніи ея народомъ, провозглашенная съ великою торжественностью 10 августа (при чемъ главнымъ распорядителемъ празднествъ было извѣстный живописецъ и восторженный республиканецъ Давидъ), была навремя устранена и, подъ надзоромъ комитета общаго благоденствія учреждено революціонное правительство. Какимъ образомъ это правительство употребляло свою власть для уничтоженія приверженцевъ стараго порядка, показываетъ уже одно то обстоятельство, что въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1794 г. умерло на гильотинѣ не менѣе 1285 человекъ. Дѣйствительнѣйшимъ средствомъ губить всѣхъ тѣхъ, кто мѣшалъ господствующей партіи, былъ страшный законъ противъ подозрительныхъ (17 сент. 1793), угрожавшій смертю всѣмъ «врагамъ отечества», всѣмъ кто обнаруживалъ наклонность къ прежнему порядку, или къ (безприязненнымъ) священникамъ и дворянству. Вслѣдствіе этого закона и подобныхъ ему мѣръ всѣ тюрьмы наполнились тысячами такъ-называемыхъ аристократовъ и на плаху отправлялось среднимъ числомъ по 29 человекъ въ день. Всѣ порядочные люди, отличавшіеся своимъ общественнымъ положеніемъ, достаткомъ, образованіемъ и благородствомъ мыслей отъ господствующихъ демократовъ, постоянно должны были трепетать за свою жизнь. Злостная клевета какого-нибудь врага, доносъ какого-нибудь шпиона, ненависть любого санкюлота были достаточны для того, чтобы свергнуть невиннаго въ темницу, а изъ темницы возвести на эшафотъ. Переходъ былъ такъ быстръ, что смерть потеряла свои ужасы, и тюрьмы стали сборными мѣстами веселаго, утонченнаго общества и остроумныхъ бесѣдъ. Въ числѣ кровавыхъ жертвъ пали благороднѣйшіе люди Франціи, прежній министръ Мальзербъ, члены учредительнаго собранія Бальи, Барнавъ, Ленгѣ и друг., многіе изъ умѣренныхъ республиканскихъ депутатовъ, ученые и писатели, каковы химикъ Лавуазье, поэтъ Андрей Шенье, Русѣ и мног. друг. Флоріанъ написалъ своего «Вильгельма Телля» незадолго до смерти въ стѣнахъ тюрьмы; всѣ связанные съ прежней королевской властью и не успѣвшіе спастись бѣгствомъ умерли на плахѣ. Въ числѣ

ихъ находилась и тяжко пострадавшая королева Марія Антуанетта (16 окт. 1793); при допросѣ и при насильственной смерти она выказала всю твердость, достойную ея рожденія и образованья, такъ что возбудила нѣкоторое вниманіе даже и среди вѣчнаго однообразія ежедневныхъ душегубствъ. Сынъ ея умеръ подъ жестокимъ надзоромъ якобинца, сапожника Симона; ея дочь (герцогиня Ангулемская) сохранила съ тѣхъ поръ на всю жизнь мрачность ума и глубокую горечь въ сердцѣ. Послѣ королевы погибла на плахѣ кроткая сестра Людовика XVI Елисавета (10 мая 1794), а нѣсколько недѣль послѣ казни жирондистовъ пала голова безсовѣстнаго герцога Орлеанскаго (6 ноября 1793), котораго и самое расположеніе Дантона не спасло отъ Робеспьеровой ненависти. — Въ каждомъ городѣ было по одному или по нѣскольку террористовъ, которые подражали Робеспьеру и прочимъ «злодѣямъ большой руки», разъѣзжали съ мѣста на мѣсто съ гильйотиною и при помощи своихъ вооруженныхъ ватагъ произвольно распоряжались собственностью и жизнью всѣхъ гражданъ. Таковы были бѣглый нѣмецкій ученый Евлогій Шнейдеръ въ Страсбургѣ, Менъе (Maignet) въ Оранжѣ и многіе другіе. Коммиссары конвента обходили всѣ провинціи съ «революціонными войсками», брали подъ стражу или убивали всѣхъ «аристократовъ», «эгоистовъ» и «фанатиковъ», и отсылали конвенту въ Парижъ всѣ похищенные имущества и сокровища, — золото, серебряную посуду, церковную утварь, одежду и тому подобное: добыча цѣнилась милліонами. Такъ поступали Дюмонъ въ Пикардіи, Изорѣ во Фландріи, Руль въ Шампани, Лакостъ въ Лотарингіи, Бассаль и Ламаркъ на югѣ и т. д. Въ департаментахъ Ньевра и Аллье, Фушѣ потребовалъ выдачи ему всей монеты и вообще всѣхъ драгоценностей; цѣлыми толпами бралъ подъ стражу священниковъ и «аристократовъ» и лишалъ церкви ихъ украшенія.

Страданія и смерть королевы. До конца іюля 1793 г. Марія Антуанетта содержалась съ обоими дѣтьми своими въ Тамплѣ. Тогда комитетъ общаго благоденствія постановилъ разлучить мать съ сыномъ. «Городовой совѣтъ исполнилъ это постановленіе съ жестокимъ злорадствомъ, рассказываетъ Зибель. Чиновники его явились среди ночи, объявить рѣшеніе матери, только что пробудившейся отъ сна. Тутъ послѣдовала ужасающая сцена. Болѣе часа злополучная мать отчаянно сопротивлялась стражникамъ, бросилась на постель ребенка и укрывала его своимъ тѣломъ отъ нападавшихъ. Не помогали ни увѣщанія, ни угрозы, она не уступала ни на шагъ, — какъ вдругъ одинъ

изъ этихъ людей схватилъ ея дочь и сказалъ, что немедленно заколетъ дѣвочку, если мать не выдастъ сына. Тогда несчастная совершенно изнемогла и дала вырвать у себя одно дитя, чтобы только спасти другое. Послѣ этой потрясающей ночи хуже не видала она ничего; при всѣхъ дальнѣйшихъ мученіяхъ она оказывала только тихую покорность и полное увѣренности ожиданіе конца.» Гонители не долго заставили ее ждать смерти: 1 августа комитетъ общаго благоденствія настоялъ у конвента, чтобы королеву отвели въ Консьержери и предоставили революціонному судилищу; 14 октября, послѣ осминедедлѣнаго заключенія въ Консьержери, сопровождавшагося всѣми возможными оскорбленіями, ее привели на судъ. «Она явилась въ изорванномъ платьѣ съ посѣдѣвшими волосами, но съ такимъ спокойнымъ достоинствомъ, съ такою свѣтлою покорностью судьбѣ, что даже публика этого суда почувствовала благоговѣніе и соболѣзнованье. Настроеніе это достигло высшей степени, когда въ числѣ свидѣтелей противъ подсудимой выступилъ Эберъ. Онъ измучилъ осмилѣтнаго сына и двѣнадцатилѣтнюю дочь королевы допросами о томъ, не состояла ли мать въ порочныхъ связяхъ съ своимъ малюткой; у мальчика, котораго смотритель его, сапожникъ Симонъ, то истязалъ побоями, то спаивалъ водкой, удалось Эберу выманить подпись протокола, составленнаго въ этомъ гнусномъ смыслѣ; впрочемъ вся партія приняла на себя клеймо такого мерзостнаго обвиненія, потому что городской совѣтъ одобрялъ старанія Эбера, а якобинскій клубъ рукоплескалъ его разсказу о подробностяхъ. Теперь явился онъ передъ судомъ, чтобы наканунѣ смертной казни опозорить королеву обвиненіемъ въ противуестественномъ сладострастіи. Но она сначала молчала, а потомъ, когда у ней настоятельно потребовали отвѣта, разомъ уничтожила обвинителя полужадаемыми горемъ словами: «мать ничего не можетъ возразить на такую клевету, — сошлюсь на каждую изъ матерей, которыя здѣсь присутствуютъ.» По всей залѣ прошелъ глухой ропотъ, и судьи не рѣшились продолжать допросъ.— Окончательный приговоръ разумѣлся самъ собою; 16 октября голова королевы скатилась на помостъ.»

§ 730. Паденіе Дантонистовъ. Эта неистовая жестокость возмутила наконецъ вождей кордельеровъ, Дантона и Камилль-Демулена, которые своимъ владычествомъ надъ массами народа вели революцію до сихъ поръ и учредили самую республику. Дантонъ, болѣе сластолюбивый, нежели страстный, и притомъ доступный сердечнымъ движеніямъ, утомился ду-

шегубствомъ и отправился на нѣсколько мѣсяцевъ въ провинцію, чтобы насладиться съ молодою супругой счастьемъ и богатствомъ, какое доставила ему революція, а Камилль-Демулень, въ своемъ остроумномъ и многочитаемомъ листкѣ: Старый Кордельеръ, вздумалъ примѣнить къ своему времени тѣ мѣста изъ римскаго историка Тацита, въ которыхъ тотъ изображаетъ самыми яркими красками Тиберіеву тиранію и жестокость; примѣненіе было такъ мѣтко, что нельзя было не видать въ немъ явныхъ намековъ на троихъ старшинъ комитета общаго благоденствія и на ихъ законы противъ подозрительныхъ людей. Это привело въ ярость якобинцевъ, и какъ въ то же время многіе друзья и приверженцы Дантона (бывшій капуцинъ Шабб, низкая тварь Фабръ д'Эглантинъ, орудіе его во всемъ, что боялось свѣту Божьяго, и друг.) попались въ разныхъ обманахъ и подкупахъ по случаю закрытія ость-индской компаніи, а другіе возбудили противъ себя неудовольствіе святотатственными поступками и безбожными процессіями, то комитетъ общаго благоденствія воспользовался этимъ для того, чтобы погубить всю партію Дантона. Дѣло въ томъ, что съ тѣхъ поръ какъ конвентъ переимѣнилъ календарь и названія мѣсяцевъ *), перенесъ начало года и новой эры на 22 сентября 1792 г., устранилъ воскресные и праздничные дни, а на мѣсто ихъ ввелъ декады (десятые дни) и санкюлотскіе праздники, — съ тѣхъ поръ многіе Дантониисты, какъ напр. Эберъ, Шометтъ, Момордъ, Клоотсъ и друг., доходили въ своей ярости противъ христіанской вѣры и священства до непستовствъ. Они оскверняли и грабили церкви, потѣшались надъ облаченіями и церковною утварью, совершая съ ними кошунскія процессіи по улицамъ, свирѣпствовали какъ Вандалы противъ христіанства, опозорили королевскія гробницы въ Сенъ Денъ и наконецъ провели въ конвентѣ постановленіе (19 ноября 1793), чтобъ вмѣсто католическаго богослуженія введено было поклоненіе Разуму. Торжественное празднество, при которомъ прекрасная жена Момордъ представляла въ храмѣ Парижской Богоматери (Notre Dame) богиню Разума, ознаменовала собою начало этого изчадія дерзкой и необузданной свободы духа. Церкви были заперты, парижскій епископъ (Гобель) и другіе

отреклись отъ христіанства; хотѣли даже уничтожить христіанскія имена. Все это возбудило негодованіе Робеспьера, гордившагося славой добродѣтельнаго, потому что онъ не раздѣлялъ ни безпутства, ни алчности Дантона и его товарищей. Онъ рѣшился погубить эту партію и вовлечь въ ея паденіе Камилль-Демулена и Дантона, передъ котораго вышею душой казалась такъ черства и суха его собственная, полная зависти, честолюбія и жажды власти. Поэтому лишь только Дантонъ успѣлъ снова занять свое мѣсто въ Конвентѣ (февр. 1794), какъ Сенъ-Жюсть (мартъ 1794) началъ страшную борьбу замѣчательнымъ донесеніемъ, въ которомъ онъ раздѣлялъ враговъ республики на три разряда,—развратныхъ, крайнихъ революціонеровъ, и умѣренныхъ, и требовалъ всѣмъ имъ кары. Слѣдствіемъ этого доклада было то, что уже 24 марта девятнадцать крайнихъ революціонеровъ, въ томъ числѣ Клоотсъ, Эберъ, Момордъ, Ронсенъ (санкюлотскій герой въ Ліонѣ) и многіе члены городского совѣта, были отправлены на гильотину. 31 марта къ революціонному судилищу вызваны развратные; участниками ихъ злоумышленно обозначены Дантонъ, Камилль-Демуленъ, Эрде Сешель (Herault de Sechelles) и друг., и прямо запутаны въ ихъ процессъ. Но Дантонъ и Демуленъ, которымъ при всей ихъ порочности не были чужды благородныя движенія души, среди буйнаго шума народной массы, болѣе преданной обвиняемымъ теперь смѣлымъ беззаконникамъ, нежели холоднымъ, низкимъ якобинцамъ, изъ которыхъ состояли ихъ судьи, потребовали съ грозной настойчивостью, чтобы обвинители были поставлены съ ними лицомъ къ лицу. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней стенторскій голосъ Дантона и шумъ народной толпы мѣшали постановить окончательное рѣшеніе. Впервые кровопійцы революціоннаго судилища сами пришли въ смятеніе. Тогда Конвентъ особеннымъ закономъ далъ суду полномочіе приговорить безъ дальнѣйшаго допроса обвиненныхъ, замышляющихъ низпровергнуть существующій порядокъ мятежемъ; вслѣдъ за тѣмъ кровавые герои 10 августа и сентябрьскихъ дней, доказавшіе при своемъ допросѣ, что и въ злодѣйской душѣ можетъ еще уцѣлѣть нравственное величіе, были отведены на гильотину и обезглавлены вмѣстѣ

съ толпою низкихъ Эбертистовъ (5 апр. 1794). Они умерли съ мужествомъ и рѣшимостью.

*) Республиканскія имена мѣсяцевъ были слѣдующія: 1) весеннихъ: жерминаль (сѣянъ), флоріаль (цвѣтень), преріаль (травень); 2) лѣтнихъ: мессидоръ (жатвень), термидоръ (теплень), фрюктидоръ (плодень); 3) осеннихъ: вандемьеръ (вѣносорный), брюмеръ (туманный), фримеръ (студеный); 4) зимнихъ: нивозъ (снѣжень), плювиозъ (дождень), вентозъ (вѣтрень).

§ 731. Паденіе Робеспьера (9 термидора, или 27 іюля 1794 г.). Низверженіе Дантона была послѣднимъ Робеспьеровымъ торжествомъ; диктаторъ захлебнулся кровью своего противника. Хотя трое старшинъ комитета общаго благоденствія управляли еще нѣсколько мѣсяцевъ совершенно полно-властно и, учащенными казнями и арестаціями, довели систему ужаса до высшей ея ступени; однакожь они утратили свою власть въ общинномъ совѣтѣ и въ частяхъ города, они лишились довѣрія Конвента и носили въ самихъ себѣ сознаніе, что стали предметомъ ненависти и омерзенія для всего народа, почему Робеспьеръ никогда уже не покидалъ оружія и никогда не выходилъ на улицу безъ прикрытія изъ благонадежныхъ людей. Съ этихъ поръ друзья Дантона были противъ нихъ на сторожѣ, чтобы высмотрѣть минуту, благоприятную для нападенія. Число враговъ ихъ приумножилось, когда, чтобы положить конецъ кошунскимъ выходкамъ приверженцевъ поклоненія Разуму, Робеспьеръ настоялъ въ маѣ мѣсяцѣ на опредѣленіи Конвента, что «бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души есть истина», и въ то же время сдѣлалъ себя ненавистнымъ и смѣшнымъ, затѣявъ играть роль верховнаго жреца при новыхъ празднествахъ въ честь Высшаго Существа, устроенныхъ въ саду Тюйлрійскаго замка (8 іюня). Къ числу его противниковъ принадлежалъ Талліэнъ, прежде свирѣпствовавшій въ Бордо, но обращенный къ инымъ правиламъ очаровательною Фонтенё-Кабаррюсъ. Съ нимъ соединились Фреронъ и Фушѣ, кровопійцы Ліона и Тулона, Вадьѣ, Колло д'Эрбуа, Бильіо-Вареннъ и наконецъ сладкорѣчивый риторъ, Барѣръ. 9 термидора (27 іюля) началась въ Конвентѣ борьба на жизнь и смерть. Робеспьеру и его приверженцамъ не дали высказаться; противники

перекричали ихъ, и въ бурномъ, страшными вспышками прерываемомъ засѣданіи, настояли на томъ, чтобъ трое вождей комитета общаго благоденствія, а съ ними и Анріо, были преданы суду и отведены подъ стражу въ Люксамбургскій замокъ. На пути ихъ освободилъ народъ, послѣ чего пьяный Анріо сталъ грозить Конвенту національною гвардіей, тогда какъ Робеспьеръ, Кутонъ, Сень-Жюсть и друг. помышляли о мести въ городской ратушѣ. Однакожь народное собраніе упредило ихъ быстрою рѣшительностью. Громко провозглашенная опала внезапно разсыла армію Анріо, а между тѣмъ враждебные якобинцамъ граждане собрались на оборону Конвента. Обвиненные были снова взяты подъ стражу въ городской ратушѣ. Анріо заползъ въ помойный каналъ, откуда его вытащили крючьями. Робеспьеръ пытался застрѣлиться изъ пистолета, но только раздробилъ себѣ челюсть и, страшно обезображенный, сперва, среди ругательствъ и проклятій народа, отведенъ былъ въ революціонный судъ, а потомъ съ 21 изъ своихъ приверженцевъ — на гильотину (28 іюля 1794). Въ два слѣдующіе дня еще 72 якобинца подверглись той же участи.

§ 732. Послѣднія времена Конвента. Хотя низверженіе Робеспьера и его друзей термидоріанцами и было дѣломъ одной личной мести, однакожь оно все-таки положило начало возврату къ порядку и умѣренности.

Могущество комитетовъ общаго благоденствія и общественной безопасности сокрушили наконецъ тѣмъ, что придали имъ со стороны нѣсколько другихъ комитетовъ и равномѣріе распредѣлили власть и правительственную работу; народныя собранія по частямъ города (секціонныя сходки) были ограничены, у черни отнята выдаваемая ей за присутствованіе на сборищахъ поденная плата (по 2 франка), вслѣдствіе чего люди достаточные скоро пріобрѣли большинство, и воспользовались за тѣмъ первымъ возстаніями, чтобы отобрать оружіе у сволочи. Господство парижскаго общиннаго совѣта было уничтожено новымъ раздѣленіемъ города на 12 округовъ съ особыми мерами и муниципальными совѣтниками въ каждомъ; Фреронъ, обратившійся изъ республиканскаго неистовца въ аристократа, собралъ вокругъ себя знатную молодежь, которую по ея одеждѣ прозвали «золотистою» (*jeunesse dorée*). Эти юноши нападали на якобинцевъ при каждомъ случаѣ на улицахъ и въ ихъ собственномъ клубѣ съ тяжелыми палками, которыя они обычно

венно носили при себѣ, и извѣстной марсельской пѣснѣ (*Marseillaise*) противопоставили другую: пробужденіе народа (*le réveil du peuple*). Такимъ образомъ могущество якобинцевъ постепенно обезсильилось до того, что Конвентъ, состоявшій во власти термидоріанцевъ, могъ уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ отважиться на закрытіе клуба, а въ слѣдующемъ году приказалъ даже разорить и якобинскій монастырь. Конвентъ подкрѣпилъ себя призывомъ изгнанныхъ своихъ членовъ и тѣхъ изъ жирондистовъ, которые оставались еще въ живыхъ, и заявилъ свое отвращеніе къ системѣ ужаса отрицаніемъ самыхъ вопіющихъ ея законовъ и казнью самыхъ кровавыхъ ея дѣльцовъ, — Каррѣ съ его товарищами, страшнаго публичнаго обвинителя Фукуръ Тенвиля и одиннадцати засѣдателей революціоннаго суда. Но когда четверо изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комитета общаго благоденствія (Бареръ, Вадѣ, Колло д'Эрбуа и Бильіо-Вареннъ) также подверглись обвиненію, то якобинцы собрали послѣднія свои силы и возбудили къ страшному возстанію народъ, доведенный до отчаянія дороговизной съѣстныхъ припасовъ и огромной массою ничего нестоющихъ ассигнацій. Толпы отвратительнѣйшей сволочи обступили домъ народнаго собранія и съ грозными кликами требовали освобожденія патріотовъ, а себѣ хлѣба и конституціи 1793 г. (11 и 12 жерминаля, или 31 марта и 1 апр. 1795). Подкрѣпленные остаткомъ горской партіи, террористы вѣроятно бы одержали побѣду, еслибъ на помощь стѣсненному Конвенту не подоспѣлъ съ солдатами и гражданами случившійся тогда въ Парижѣ генералъ Пишегрю. Такимъ образомъ мятежъ былъ подавленъ, и четверо обвиненныхъ отправлены въ ссылку.

Изъ нихъ Колло умеръ въ Гвіанѣ, Бильіо-Вареннъ служилъ журналистомъ негрланскому королю Христуфу на Санъ-Доминго, а Бареръ и Вадѣ успѣли убѣжать.

Еще опаснѣйшее возстаніе 1 преріаля (20 мая 1795), когда народъ съ 7 часовъ утра до 2-хъ ночи держалъ Конвентъ въ осадѣ снаружи и внутри, требуя восстановленія террора, и когда одинъ членъ Конвента (Ферд) былъ убитъ въ собраніи, также осталось безуспѣшно благодаря отчасти мужеству неустрашимаго президента Буасси д'Англа, отчасти своевременной помощи со стороны добрыхъ гражданъ и войска. Съ тѣхъ поръ власть террористовъ совершенно уничтожилась. Нѣкоторые изъ якобинцевъ съ отчаянія сами наложили на себя руки (Роммъ, Гужонъ и друг.), другіе умерли на гильотинѣ, большая часть казнилась въ темницахъ или въ отдаленныхъ колоніяхъ. — Но гораздо сильнѣйшаго врага встрѣтили термидоріанцы Конвента въ

роялистахъ, которые все смѣлѣе и смѣлѣе подымали голову. Чтобы не дать имъ вытѣснить себя изъ правительства при введеніи новой (третьей) конституціи, оконченной въ августъ (5 фрюктидора) и утвержденной всѣмъ народомъ, термидоріанцы старались обезпечить за собой новые выборы однимъ дополнительнымъ условіемъ крайне произвольнаго свойства. Въ силу этой конституціи исполнительная власть должна была принадлежать директоріи изъ пяти членовъ, а законодательная—250-тичленному совѣту старшинъ и другому—пятисотенному совѣту. Но Конвентъ ограничилъ свободу выбора постановивъ, что двѣ трети обоихъ законодательныхъ совѣтовъ должны состоять непременно изъ его членовъ, и что если два или болѣе избирательныхъ округа выберутъ одного и того же депутата, то замѣщеніе празднаго мѣста принадлежитъ не народу (при новомъ выборѣ), а самому Конвенту. Противъ этихъ запоздалыхъ оговорокъ и хитростей возстало парижское гражданство, обработанное роялистами и враждебное членамъ Конвента, и когда возраженія его остались безъ послѣдствій, то городскія части (секціонныя собранія), гдѣ преобладали теперь умѣренные и роялисты, подняли противъ Конвента оружіе. Тогда онъ прибѣгнулъ къ помощи военной силы и, по предложенію Барраса, поручилъ усмиреніе городскихъ частей генералу Наполеону Бонапарту (§ 724), который по паденіи Робеспьера былъ лишенъ директоромъ военнаго комитета Обри своего начальническаго мѣста въ артиллеріи и теперь находился въ Парижѣ ни при чемъ. Кровавая побѣда, одержанная въ парижскихъ улицахъ 13 вандемьера (5 окт. 1795), доставила республиканцамъ перевѣсъ, а 26-тилѣтнему Наполеону—главное начальство надъ италійской арміей. Не задолго до этого молодой генералъ женился на вдовѣ казеннаго генерала Богарнѣ, Жозефинѣ (рожденной Ташѣ де ла Пажерѣ).

***V. Франція подѣ властью директоріи,
съ 26 окт. 1795 по 9 ноября (18 брю-
мера) 1799 г.***

§ 733. Италійскіе походы Наполеона до мира въ Кампо-Форміо. Викторъ Амедей III, король Сардинскій и Піэмонсткій, завелъ у себя парадное войско и роздалъ офицерскія мѣста многочисленному туземному дворянству, (§ 638 б); но когда войска Французской республики вступили въ Савойю и Ниццу, армія его потерпѣла

пораженіе отъ этихъ воодушевленныхъ ополченій. При всемъ томъ смѣна правительства въ Парижѣ и обманы подрядчиковъ вскорѣ повергли французскую армію въ Италіи въ страшно-бѣдственное положеніе. Солдаты терпѣли недостатокъ во всемъ; они голодали, одежда ихъ была въ самомъ жалкомъ состояніи; съ тѣхъ поръ какъ терроръ болѣе не двигалъ ихъ впередъ, ихъ энергія, повидимому, ослабѣла; — но въ это время явился Наполеонъ Бонапартъ въ качествѣ главнокомандующаго. Надѣленный отъ природы отличнымъ военнымъ талантомъ, онъ вскорѣ сѣумѣлъ до того воодушевить и привязать къ себѣ упавшія духомъ войска, при которыхъ были даровитые второстепенные генералы и офицеры, что они подъ его водительство не отступали ни передъ какою опасностью и слѣдовали за нимъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Уже первое воззваніе, которымъ онъ привѣтствовалъ свою армію, давало предчувствовать все искусство этого человѣка; въ немногихъ словахъ, дышавшихъ античною энергіей и простотой, онъ разомъ сѣумѣлъ польстить самолюбію солдата, пробудить въ немъ увѣренность въ побѣдѣ и указать ему на цвѣтущія равнины Италіи, какъ на такое побѣдное поле, гдѣ вмѣсто лишеній и нужды ожидаютъ его довольство и слава.

11 и 12 апрѣля (1796) при Миллезимо, а 12 и 14 при Монтенотте, Наполеонъ разбилъ почти 80-лѣтняго австрійскаго полководца Болье, отрѣзалъ этими побѣдами Австрійцевъ отъ Сардинцевъ и до того напугалъ короля Виктора Амадея быстрымъ движеніемъ на Туринъ (послѣ успѣшнаго дѣла при Мондови, 22 апрѣля), что тотъ согласился на позорный и невыгодный миръ, по которому уступилъ республикѣ Савойю и Ниццу, сдалъ французскому полководцу шесть крѣпостей, выплатилъ большія суммы денегъ и принялъ на себя тягостное обязательство — во всякое время пропускать французское войско черезъ свои предѣлы, доставлять ему во время прохода потребные жизненные припасы и не участвовать ни въ какомъ союзѣ противъ Франціи.

Вслѣдствіе этого мира, Французы стали повелителями Піэмонта. Спустя пять мѣсяцевъ король Викторъ Амедей умеръ и оставилъ престолъ своему кроткому, но слабому сыну Карлу Эммануилу V (1796—1802); шурину несчастнаго Людовика XVI. Побѣдители отняли у него туринскую цитадель, когда Австрія и Неаполь стали опять угрожать войною (1798); и унижали его до тѣхъ поръ, пока онъ отказался отъ управленія Піэмонтомъ и удалился съ своимъ семей-

ствомъ на островъ Сардинію. Тщетно протестовалъ онъ торжественно противъ наложеннаго на него гнета; французское правительство вступило во владѣніе его страной, которая потомъ была присоединена Наполеономъ къ Франціи и раздѣлена на шесть департаментовъ (1802), а Карлъ Эммануиль передалъ свои права сыну своему Виктору Эммануилу и отправился на житье въ Римъ.

По заключеніи мира съ Піэмонтомъ, Наполеонъ быстро продолжалъ свое побѣдное шествіе. Онъ силою прорвался черезъ мостъ при Лоди (10 мая 1796), съ царственнымъ блескомъ и среди ликованій легкомысленнаго народа, вступилъ въ принадлежавшій Австріи Миланъ и до того напугалъ мелкихъ государей Италіи своимъ военнымъ счастьемъ и заносчивымъ образомъ дѣйствій, что они старались во что бы то ни стало склонить къ миру смѣлаго и умнаго побѣдителя.

Наполеонъ взялъ съ ломбардскихъ городовъ, съ государей пармскаго, моденскаго, тосканскаго и др. огромныя суммы денегъ, драгоценнѣйшія картины, сокровища искусства, рукописи. Онъ поступалъ точь въ точь какъ нѣкогда римскіе полководцы, съ которыми познакомился изъ Плутарховыхъ жизнеописаній. Онъ обогатилъ французскую столицу гениальными произведеніями, чтобы потѣшить падкій на зрѣлища и притомъ тщеславный парижскій народъ.

Мѣсто престарѣлаго Болѣ занялъ теперь Вурмзеръ. Но и онъ былъ разбитъ при Кастильонѣ (5 августа), послѣ чего Французы обложили сильно укрѣпленную Мантуу. Тщетно старался Вурмзеръ освободить городъ; побѣжденный въ двухъ битвахъ, онъ кончилъ тѣмъ, что самъ былъ осажденъ въ Мантуѣ съ остаткомъ своей арміи. Высланное къ нему на выручку войско подъ начальствомъ Альвинци потерпѣло три кровавыя пораженія (при Арколе, 17 ноября 1796, Риволи, 14 января 1797, и Ла Фаворитѣ), въ которыхъ вся австрійская армія была отчасти истреблена, отчасти взята въ плѣнъ. Это принудило стойкаго Вурмзера сдать Мантуу славному побѣдителю, имя котораго было теперь на всѣхъ устахъ. Бонапартъ, изъ уваженія къ храбрости непріятеля, дозволилъ свободное отступление престарѣлому полководцу съ его главнымъ штабомъ и съ частью храбраго гарнизона (2 февр. 1797). Устрашенный столь быстрыми успѣхами, папа Пій VI поспѣшилъ удержать побѣдоносное войско отъ вступленія въ Церковную

область невыгоднымъ для себя Толентинскимъ миромъ (по которому онъ отказался отъ Авиньона и Венессена, уступилъ Болонью, Феррару и другіе города, заплатилъ 30 милл. ливровъ и выдалъ нѣсколько драгоцѣнныхъ картинъ, 19 февр.). Вскорѣ эрцгерцогъ Карлъ, въ званіи «генералиссимуса», принялъ главное начальство надъ австрійскою арміею въ Италіи, но также безъ большаго успѣха. И онъ долженъ былъ, послѣ тяжкихъ потерь, отступитъ съ своими упавшими духомъ войсками; Бонапартъ преслѣдовалъ его до Клагенфурта, въ намѣреніи пройти до Вѣны. Императоръ Францъ, озабоченный судьбою своей столицы, далъ женскому вліянію и коварной, безчестной политикѣ Тугута склонить себя на заключеніе невыгоднаго предварительнаго мира въ Леобенѣ (18 апрѣля) въ то самое время, когда положеніе французской арміи становилось опаснымъ отъ неполученія ожидаемыхъ вспомогательныхъ войскъ, отъ тревожныхъ волненій между суровыми Тирольцами, Штирійцами и Каринтійцами, и отъ пробудившагося въ самой Австріи воинскаго духа. Основныя условія мира, установленныя въ Леобенѣ, обезпечили Французамъ владѣніе Бельгіей и Ломбардіей и подали имъ надежду на исполненіе ихъ любимой мысли о «естественной границѣ на Рейнѣ», хотя для вида въ договорѣ и упоминалось о ненарушимой «цѣлости имперіи». Перемиріемъ, наступившимъ теперь до окончательнаго заключенія мира, отлично воспользовался Наполеонъ для того, чтобы покорить нѣкогда столь гордую и могущественную Венецію.

Эта выродившаяся республика, олигархическое устройство которой уже не отвѣчало требованіямъ времени, до сихъ поръ соблюдала въ отношеніи къ воюющимъ державамъ нейтралитетъ, впрочемъ мало уваженный обѣими сторонами, такъ какъ онъ былъ лишь слѣдствіемъ безсилія. Французы очень соблазнялись на богатый торговый городъ съ его флотами и запасными магазинами, и уже завели связи и интриги со многими изъ его демократовъ, стремившимися къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка, когда безразсудство сената подало удобный поводъ къ постепенному уничтоженію республики. Происшедшее въ тылу французской арміи народное движеніе исполнило венеціанское правительство надеждою на то, что непріятель погибнетъ подъ ударами населенія; оно поддержало волненіе, господствовавшее между жи-

телями венеціанскихъ областей на материкѣ, и тѣмъ возбудило грозное возстаніе. 17 апрѣля, ожесточенное населеніе Вероны и ея окрестностей напало на оставшихся тамъ Французовъ, умертвило ихъ и даже не пощадило больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ. Трусливый сенатъ, въ безразсудномъ предположеніи, что настала минута мести, и въ надеждѣ на Австрію, принялъ воинственное положеніе и одобрилъ случившееся. Но вдругъ пришла вѣсть о заключеніи Леобенскаго мира, и повергла малодушный сенатъ въ величайшее смущеніе.

Вмѣсто того, чтобы мужественно противостать грозящему войной непріятелю и по крайней мѣрѣ пасть съ честью, венеціанскіе правители смиренно просили пощады у гордаго побѣдителя и согласились, лишь бы удержать за собой свои пенсіи, распустить храбрыхъ войскъ (Славонцевъ, Словинцовъ) и сдать государственную власть новизбранному народомъ демократическому совѣту. Это было предверіемъ къ совершенному паденію республики, ибо Наполеонъ имѣлъ въ виду ограбить Венецію и потомъ предоставить опустошенный городъ Австріи въ видѣ вознагражденія. Для этой цѣли Французы вступили въ маѣ въ городъ лагунъ, забрали всѣ корабли и запасы изъ арсенала, похитили изъ церквей, галлерей и библіотекъ лучшія ихъ украшенія и драгоцѣннѣйшія сокровища, и до тѣхъ поръ занимали городъ, пока переговоры, продленные коварною политикой Тугута и надеждой союзныхъ державъ на ожидаемый въ Парижѣ переворотъ въ роялистскомъ смыслѣ, привели къ заключенію мира въ Кампо-Форміо (17 окт. 1797), по которому верхняя Италия, подъ именемъ Цизальпинской республики, подпала владычеству Франціи, и послѣдняя пріобрѣла еще Бельгію и лѣвый берегъ Рейна.

Миръ въ Кампо-Форміо и Раштаттскій конгрессъ. По этому миру, въ которомъ смѣлая политика Наполеона одержала политическую побѣду надъ старой дипломатіей и придворной формалистикой графа Кобенцеля, Венеціанская область вмѣстѣ съ Истріей и Далмаціей была предоставлена Австріи, которая за это признала Цизальпинскую республику, составленную изъ австрійской Ломбардіи, Мантуи, Модены, Феррары, Болоньи и другихъ завоеванныхъ областей и округовъ и управляемую, по примѣру французской республики, директоріей и двумя законодательными совѣтами (30 дек. 1797); согласилась на уступку Бельгіи Французамъ и обѣщала

вознаградить низложеннаго герцога Моденскаго владѣніемъ Брейсгау. Кромѣ того, императоръ Францъ обязался вывести свои войска изъ Майнца, Мангейма, Эренбрейтштейна, Ульма и другихъ крѣпостей, чѣмъ вполнѣ предавалъ Нѣмецкую имперію нападеніямъ Французовъ. Надо было немедленно очистить Майнцъ и такимъ образомъ предоставить Франціи весь лѣвый берегъ Рейна, за исключеніемъ прусскихъ владѣній Клеве, Мёрса и Гельдерна. Судходство по Рейну было объявлено свободнымъ и Маасскія пошлины отмѣнены. Духовные курфюрсты и другіе, потерпѣвшіе ущербъ, князья, прелаты и дворяне должны были получить вознагражденіе на правомъ берегу Рейна; этотъ пунктъ, какъ и другіе, касавшіеся Германіи, положено было рѣшить на Раштаттскомъ конгрессѣ. Последній былъ открытъ самимъ Наполеономъ (9 дек.); но медленное и сложное дѣло мира не могло приковать къ себѣ надолго его бурно-дѣятельный умъ. Онъ передалъ дѣло нѣсколькимъ дипломатамъ и въ декабрѣ отправился въ Парижъ, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ, а директорія, которой онъ былъ представленъ Таллейраномъ, приняла съ почестями и отличіемъ. — Съ мира въ Кампо-Форміо началась новая эпоха въ европейской исторіи. Старыя международныя отношенія распались, побѣды революціонной пропаганды въ Голландіи, на Рейнѣ, въ Италіи были признаны, и сняты плотины, мѣшавшія дальнѣйшимъ успѣхамъ того же начала, быстро послѣдовавшимъ въ Церковной Области и въ Швейцаріи. Политика Тугута до того отдалась этому новому началу, что не только допустила ограбленіе имперіи и вознагражденіе потерпѣвшихъ ущербъ на чужой счетъ, но и сама съ жадностью участвовала въ раздѣлѣ великой добычи. Австрія завистливо взяла обѣщаніе съ враговъ имперіи—отнюдь не расширять прусскихъ владѣній. Такимъ образомъ внутренний разладъ, соперничество обѣихъ великихъ державъ Германіи и слабость малыхъ государствъ облегчили побѣду Французамъ. Австрія имѣла виды на Баварію и вполнѣ надѣялась — пріобрѣсти наконецъ, при помощи Франціи, эту давно желанную добычу; Пруссія столько же жаждала округленій во Франконіи и Вестфаліи и не менѣе усердно старалась захватить теперь эту добычу, также съ помощію Франціи. Правда, менѣе значительные имперскіе чины явились въ Раштатт съ патристическимъ видомъ, будто намѣрены отстаивать цѣлость имперіи, но и изъ нихъ многіе уже находились въ тайномъ соглашеніи съ Франціей, признали съ своей стороны уступку лѣваго берега Рейна и принимали предоставленныя имъ духовныя имущества. Всѣ обманывали другъ

друга, начиная съ императора до мельчайшихъ имперскихъ чиновъ южной Германіи!—Раштаттскій конгрессъ былъ тризной по священной римско-германской имперіи; казалось, весь разладъ, все педанство вся чопорность ея еще разъ должны были обнаружиться вполне. Не знаешь, чему больше удивляться: вѣтрености ли и легкомыслію дипломатовъ, или низости и безхарактерности, съ какою посланники малыхъ дворовъ заискивали покровительства Франціи низкопоклонствомъ и подкупомъ у всѣхъ принадлежавшихъ къ французскому посольству, не исключая даже лакеевъ и кучеровъ, или наконецъ дерзости и якобинской суровости республиканскихъ агентовъ, которые держали въ своихъ рукахъ разрозненныхъ большихъ владѣтелей, возбуждая между ними зависть, попеременно то ласкали, то страшили среднихъ и малыхъ, и такимъ образомъ сумѣли отлично воспользоваться безпомощнымъ состояніемъ имперіи. «Еслибы въ такой темной исторіи», говоритъ Гейсеръ, «могло служить утѣшеніемъ то, что всѣ державы и чины, составлявшіе старую имперію, одинаково содѣйствовали ея разложенію, то это утѣшеніе въ полной мѣрѣ выпало намъ на долю. Австрія и Пруссія, Баварія, Баденъ, равно какъ и Пфальцвейбрюкенъ, какъ свѣтскіе такъ и духовные князья, всѣ равно повинны въ этомъ дѣлѣ, и ни одинъ не въ правѣ укорить другаго передъ потомствомъ бѣльшимъ отсутствіемъ патріотизма.»

§ 734. Правительство французской директоріи во внутреннихъ дѣлахъ. Члены обоихъ, составленныхъ въ силу двойного выбора законодательныхъ собраній,—совѣта старшинъ и пятичленного, были большею частью умѣренные республиканцы; напротивъ, выбранные совѣтами изъ среды ихъ пять директоровъ были ревностные республиканцы, отчасти въ смыслѣ жирондистовъ, какъ Ла Ревейльеръ-Лепдъ, отчасти въ духѣ якобинцевъ, какъ Карно, Баррасъ, Рѣбель.

Ла Ревейльеръ-Лепдъ былъ очень почтенный человѣкъ, но фанатическій врагъ церкви и духовенства; онъ желалъ замѣнить христіанство естественною религіей и съ этой цѣлью основалъ общество ееофилантроповъ (бого-человѣколюбцевъ). Остальные директоры, исключая безнравственнаго гуляки Барраса, тоже были патріоты, исполнявшіе свою трудную обязанность съ величайшимъ усердіемъ и самоотверженіемъ, и жившіе въ нуждѣ, не смотря на сплету хищничества, введенную ими повсемѣстно; при всемъ томъ, кромѣ одного Карно, это были вообще незначительные люди. Ревность, съ какою они старались

доставить себѣ уваженіе и всѣмъ посредствомъ пестрой форменной одежды изъ алаго сукна и бархата, сдѣлала ихъ даже истинно-смѣшными.

Происки партій. Впрочемъ, правительство директоріи было ненавистно какъ крайнимъ республиканцамъ (террористамъ), такъ и роялистамъ, и должно было терпѣть нападки со стороны тѣхъ и другихъ. Первую попытку къ перевороту сдѣлали республиканцы подъ водительствомъ Гракха-Бабёфа (май 1796), стремившагося, подобно римскому трибуну, котораго онъ принималъ и самое имя, къ уравниенію собственности и новому раздѣлу имуществъ. Къ нему примкнули нѣкоторые изъ прежнихъ якобинцевъ, именно Друэ и Россиньоль. Предпріятію ихъ помѣшала бдительность правительства; послѣ надѣлавшаго шуму процесса, Бабёфъ поразилъ себя ножомъ въ грудь; другіе были отчасти казнены, отчасти сосланы. Память Бабёфа осталась въ почетѣ у его единомышленниковъ, и на началахъ его до сихъ поръ основаны стремленія коммунистовъ и социалистовъ. — Важнѣе была опасность, грозившая безсильному правительству директоріи со стороны роялистовъ, которые основали клубъ Клиши и имѣли сторонниковъ въ законодательныхъ совѣтахъ и въ самой директоріи. Когда, согласно конституціи, по прошествіи перваго года выбыла треть членовъ исовѣтъ былъ пополненъ новыми выборами, роялистамъ удалось провести въ законодательное собраніе почти однихъ только своихъ приверженцевъ. Между ними находился Пишегрю, который еще прежде, будучи главнокомандующимъ Рейнской арміи, состоялъ въ сношеніяхъ съ эмигрантами и теперь, какъ предсѣдатель пятисотеннаго совѣта, стремился къ возстановленію королевской власти. Это встревожило республиканцевъ въ директоріи и въ законодательныхъ палатахъ. Они старались сначала подавить роялистское движеніе при помощи героя Гоша (іюль 1797), а когда горячность этого генерала и собственная ихъ нерѣшительность помѣшали исполненію задуманнаго плана, они обратились къ Бонапарту. Последній отправилъ въ Парижъ отрядъ своего войска подъ начальствомъ умнаго Бернадота и рубаки Ожеро, будто бы для передачи знаменъ, но въ сущности для того, чтобы служить директоріи противъ роялистовъ. 18 го фрюктидора (4 сентября 1797) Ожеро окружилъ своими солдатами Тюильри и захватилъ роялистскихъ депутатовъ послѣ чего 11 членовъ совѣта старшинъ, 42 члена пятисотеннаго совѣта (въ томъ числѣ Пишегрю и Вильіо) и двое директоровъ (Бартелеми и разладившій съ своими товарищами, убѣжденный въ

необходимости переворота республиканец Карно были приговорены къ ссылкѣ въ знойновлажную Гвіану (Кайенну), въ Южной Америкѣ.

Тогда, декретомъ новаго директора Мерлена, роялистскіе выборы объявлены были недѣйствительными, возвратившіеся эмигранты и тѣ, которые, еще проживавшіе во Франціи родственники королевскаго дома изгнаны, множество журналовъ въ роялистскомъ духѣ запрещены, и ихъ издатели, редакторы и сотрудники приговорены къ ссылкѣ. Новая присяга въ вѣрности существующему государственному и религіозному порядку должна была обезпечить якобинское правительство противъ подобныхъ нападеній. Съ тѣхъ поръ судьба правительствъ во Франціи очевидно зависѣла отъ штыка. Морё, котораго считали соучастникомъ плановъ Пишегрю, былъ уволенъ изъ службы, не смотря на безчестное письмо, въ которомъ онъ открылъ всю вину своего пріятеля. Гомъ отправился къ Рейнской арміи, гдѣ вскорѣ нашелъ преждевременную, но славную могилу (20 сентября 1797). Карно избѣгнувъ предназначенной ему ссылки бѣгствомъ въ Германію, и возвратился на родину уже послѣ 18 брюмера.

Директорія считала себя до того сильною подъ защитой Бонапарта, что вскорѣ собственною властью отмѣнила нѣсколько роялистскихъ, или, какъ выражались тогда, анархическихъ выборовъ. безпощадно преслѣдовала роялистовъ и друзей ихъ военнымъ судомъ и старалась суровыми законами застрашать возвратившихся дворянъ и эмигрантовъ. Въ то же время, однако, были приняты насильственные мѣры и противъ якобинцевъ, которые смѣлѣе подняли голову. И при всемъ томъ, директорія не имѣла ни силы и вѣса за границей, ни уваженія и довѣрія внутри. Торговля, промышленность и земледѣліе были въ застоѣ, тяжкіе налоги бременили народъ, и совершенный упадокъ цѣнностей ассигнацій, которыхъ выпущено было невѣроятное количество, произвели величайшее разстройство какъ въ государственной казнѣ, такъ и въ частномъ достояніи. Тщетно придумали новый родъ бумажныхъ денегъ, подъ залогъ имущества эмигрантовъ и національнаго, — какъ-называемые мандаты, которыми рассчитывали выкупить часть ассигнацій, чтобы потомъ объявить остальные недѣйствительными; новыя деньги вскорѣ такъ же упали, какъ и прежнія. Тщетно старались удовлетворить государственныхъ кредиторовъ процентными облигаціями (inscriptions) и склонить ихъ къ новымъ ссудамъ — явная несостоятельность казны лишила правительство всякаго довѣрія; потери капиталистовъ были неисчислимы, достояніе перешло отъ

богатыхъ и избранныхъ къ низшимъ классамъ. Для покрытія военныхъ и другихъ издержекъ, правительство директоріи ввело въ завоеванныхъ земляхъ истинно-хищническую систему. Нидерланды, Швейцарія и особенно государи и города Италіи были безсовѣстѣйшимъ образомъ ограблены директорами, ихъ дипломатами, полководцами и комиссарами. Насиліе, коварство и угрозы, все было употреблено въ дѣло; весь міръ жаждалъ освобожденія отъ этого стѣснительнаго и ничтожнаго правительства; но единственный человѣкъ, отъ котораго можно было ожидать спасенія, по окончаніи своего италійскаго похода пустился въ дальнюю страну чудесъ, чтобы тамъ увѣнчаться новыми лаврами. Въмѣсто того, чтобы предпринять высадку въ Англію, какъ заключали все судя по военнымъ приготовленіямъ въ морскихъ портахъ, Наполеонъ Бонапартъ отплылъ (19 мая 1798) съ частью своей италійской арміи, съ лучшими полководцами и знаменитѣйшими художниками, учеными, математиками (Монжъ), натуралистами (Бертоллѣ, Контъ), астрономами, врачами и т. под., въ Египетъ, черезъ Мальту, отнятую измѣной у Іоаннитскаго ордена. Великіе планы руководили его при этомъ отважномъ и полномъ опасностей предпріятіи. Изъ Египта можно было господствовать надъ Средиземнымъ моремъ, гдѣ со времени мира въ Кампо-Форміо Франціи уже принадлежало покровительство надъ Іонійскими островами; изъ Египта можно было поколебать шаткое владычество Турковъ въ Малой Азіи и Греціи; изъ Египта Франція могла дѣйствовать на Остъ-Индію и сокрушить могущество Англіи въ ея колоніяхъ. Оттого британскій народъ поднялся на новую могучую борьбу и принесъ неслыханныя денежныя жертвы, чтобы побудить и другія державы къ такому же противоудѣству.

§ 735. Вишнія дѣла. Правительство директоріи было столь же высокоумѣрно, алчно и деспотично въ отношеніи къ другимъ странамъ, сколько слабо и ничтожно въ дѣлахъ внутреннихъ. Только теперь, когда революція пережила дикіе перевороты партій и стояла во всеоружіи, только теперь наступила та опасность, которой страшилась старая Европа еще въ 1791 и 1792 годахъ: завоевательная сила революціи, подкрѣпленная политическою пропагандой, обратилась на другія земли и стала потрясать самыя основы феодальныхъ и монархическихъ порядковъ сначала въ сопредѣльныхъ Франціи странахъ. Зимой 1797 г. произошли въ Римѣ и въ другихъ частяхъ Церковной Области республиканскія движе-

нія, отчасти по неудовольствію на гнетъ папскаго правительства, отчасти вслѣдствіе французскихъ внушеній. При подавленіи ихъ лишился жизни генераль Дюфѳ. Это дало французскому правительству поводъ двинуть въ Римъ Бертье съ арміей. На римскомъ форумѣ водружено было дерево свободы (10 февр. 1798); свѣтская власть была отнята у папѣ и передана республиканскому правительству, составленному по образцу французскаго изъ консуловъ, сенаторовъ и трибуновъ (15 февр.). Потомъ новые освободители (въ особенности суровый Массена) обложили городъ тяжкими военными податями, обирали церкви и дворцы, содержали и одѣвали армію на счетъ жителей и увезли въ Парижъ принадлежавшія казнѣ произведенія искусства, въ качествѣ трофеевъ. Когда же народъ задумалъ избавиться отъ навязанной ему свободы, престарѣлый папа былъ отправленъ во Францію, а кардиналы подверглись тяжкому преслѣдованію.

За кровавыми и ужасными сценами убійства и грабежа, послѣдовала республиканская комедія. Кардиналовъ принудили сложить свое достоинство и выѣхать изъ края; потомъ, 20 марта, съ обычной торженностью, со всевозможными пышными рѣчами записныхъ говоруновъ, среди самохвальства, пѣнія, игръ и пляски, провозглашена была съ Капитолія новая республика и театально возвѣщенъ ея союзъ съ Франціей. Даллеманъ (Dallemanne) развернулъ при этомъ знамя свободы своими, еще обогранными римской кровью, руками, и въ честь Бертье была выбита медаль, увѣковѣчивающая его въ нашихъ нумизматическихъ собраніяхъ какъ возстановителя древняго Рима (*Restitutor Urbis*), а Французовъ — какъ избавителей рода человѣческаго (*Gallia Salus generis humani*).—Пій VI сложилъ въ могилу свою согбенную отъ старости голову въ Валапсѣ (29 авг. 1799), но черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, республиканское правительство въ Римѣ было низвергнуто, и преемникъ его Пій VII могъ возвратиться въ свой Ватиканскій дворецъ.

Генуа тоже получила демократическое устройство и, въ качествѣ Лигурійской республики, находилась подъ вліяніемъ Франціи, а наконецъ (1805) была и совершенно присоединена къ ней; Лукка утратила, вмѣстѣ съ аристократическимъ правленіемъ, и свою богатую казну, и когда Сардинскій король подписалъ актъ отреченія отъ Піемонта (декабрь

1798), а Неаполь палъ предъ побѣдоноснымъ оружіемъ французской арміи, и подъ именемъ Пареннопейской республики повиновался указаніямъ директоріи, Франція была близка къ тому, чтобы подчинить своему владычеству весь прекрасный полуостровъ—цѣль подвиговъ столь многихъ Французскихъ королей и могилу не одного храбраго воина.

Въ Неаполѣ, слабый король Фердинандъ IV (§ 638. 6.) занимался только охотой и рыболовствомъ, и жилъ среди ладзароновъ своей столицы, между тѣмъ какъ гордая, страстная супруга его Каролина, дочь Маріи Терезіи, управляла государственными дѣлами и совершенно подпала вліянію британскаго посланника и его жены, знаменитой кокетки леди Гамильтонъ. Проникнутая непримиримой ненавистью къ Франціи и цареубійцамъ-республиканцамъ, она съ величайшею радостью узнала о новомъ большомъ союзѣ противъ этого государства и о роковой судьбѣ французскаго флота, который былъ отчасти уничтоженъ, отчасти полоненъ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ при Абукирѣ, у береговъ Египта. Въ чаду радости, Каролина не выждала объявленія войны Франціи союзными державами, но склонила своего супруга сдѣлать всеобщее воззваніе и вступить въ Церковную Область съ большимъ войскомъ изъ неопытныхъ солдатъ, которыми начальствовалъ неспособный австрійскій генералъ Макъ. Римъ былъ занятъ (23 ноября 1798) и точно такъ же пострадалъ теперь отъ неаполитанскихъ полчищъ, какъ прежде отъ французскихъ. Но черезъ нѣсколько дней оттѣсненные республиканскія войска снова двинулись впередъ подъ начальствомъ Шампіоннѣ, обратили Неаполитанцевъ въ бѣгство, овладѣли Римомъ и сами проникли въ непріятельскія владѣнія. Испуганный и растерявшійся неаполитанскій дворъ бѣжалъ въ Сицилію (21 декабря), велѣлъ сжечь свой собственный военный флотъ и предалъ столицу и всю страну въ руки побѣдителя. Макъ и королевскій намѣстникъ растерялись не менѣе своихъ владыкъ. Они поспѣшно заключили договоръ, въ которомъ обѣщали сдать крѣпости Французамъ и доставить имъ десять милліоновъ посредствомъ военныхъ налоговъ. Это возмутило руководимый духовенствомъ народъ въ городѣ и въ цѣломъ краѣ. Шайки оборванной сволочи (ладзароны), вмѣстѣ съ поселянами и каторжными, овладѣли Неаполемъ и навели на всѣхъ такой ужасъ, что королевскій намѣстникъ бѣжалъ въ Сицилію, а Макъ искалъ защиты у Французовъ и, въ качествѣ военнопленнаго, отправился въ Парижъ. По крови и трупамъ проложилъ себѣ потомъ дорогу Шампіоннѣ въ упорно защищаемую столицу (21 — 23 января

1799); по завоеваніи ея онъ учредилъ, въ согласіи съ туземными, принадлежавшими къ образованнымъ классамъ демократами, Пареннопейскую республику (25 января) съ устройствомъ, похожимъ на французское директоріальное правленіе. Всѣ знатные, образованные и проникнутые патріотизмомъ Неаполитанцы, радуясь избавленію отъ многолѣтняго гнета королевскаго и церковнаго деспотизма, примкнули къ чужеземцамъ. Короткій срокъ, въ теченіе котораго они могли предаваться своей обольстительной мечтѣ, не далъ благороднымъ мечтателямъ сознать свое заблужденіе. — Шампюніе оскорбилъ свое правительство, желая защитить новую республику отъ алчности его пословъ; поэтому онъ долженъ былъ уступить главное начальство Макдональду, а самъ былъ отозванъ и заключенъ въ тюрьму.

Швейцарія. Около того же времени было измѣнено и государственное устройство Швейцаріи. — Въ различныхъ кантонахъ этой страны власть уже давно была въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій, которыя устранили отъ всякаго участія въ управленіи не только своихъ менѣе знатныхъ согражданъ въ главныхъ городахъ, но и сельскихъ жителей, поступая съ ними, какъ съ своими подданными. Особенно тяжело было это положеніе дѣлъ въ Бернѣ. Здѣсь властвовали нѣсколько членовъ совѣта, выбираемые изъ извѣстныхъ фамилій, и управляли не только всѣмъ этимъ кантономъ, но и покореннымъ съ 1536 года, Ваатландскимъ, родственнымъ Французамъ по языку и духу, распоряжаясь также и въ Ааргау. Ваатландцы, стремившіеся къ независимости и самоуправленію, старались при помощи Французовъ избавиться отъ чужеземнаго владычества. Въ народѣ произошли демократическія движенія, которыя, подъ вліяніемъ Франціи, наконецъ перешли въ открытое возстаніе противъ бернскихъ аристократовъ. То была демократическая реакція народа противъ выродившейся аристократіи, возстаніе подвластнаго края—противъ главныхъ городовъ, національнаго духа—противъ шаткаго союзнаго устройства. Угрожаемые Бернцами, Ваатландцы искали защиты у французскаго правительства. Последнее воспользовалось случаемъ къ вмѣшательству (февраль 1798), надѣясь добыть себѣ денежныя суммы, необходимыя для египетскаго похода. Съ содѣйствіемъ французскихъ войскъ, Ваатландцы послѣ нѣсколькихъ стычекъ освободились отъ бернскаго владычества. Но какъ тутъ были убиты нѣкоторые Французы, то это и подало генералу Брюну желанный поводъ занять Бернъ, овладѣть богатою казною и арсеналомъ, и вынудить у страны, которую и безъ того были недовольны за ея терпимость къ эмигрантамъ, большія

суммы военными налогами и грабежами. Раздоръ и вражда партій произвели также народныя движенія въ Базелѣ и въ другихъ кантонахъ, и ускорили исполненіе плана директоріи—вести въ Швейцаріи сходное съ французскимъ государственное устройство.

Швейцарская союзная республика была объявлена упраздненною, и уступила мѣсто единой и нераздѣльной Гельветической республикѣ (29 марта) съ пятью директорами (въ томъ числѣ виновники переворота — Оксъ изъ Базеля и Лагарпъ изъ Ваатланда) и двумя законодательными совѣтами, прямо избираемыми всѣмъ народомъ. Женева включена была во французскія владѣнія, а Цюрихъ, Люцернъ и др. м. подверглись тяжкому грабежу и вымогательству. Напрасно католическіе кантоны при Четырехъ-Кантонскомъ озерѣ, возстали противъ этого переворота (апрѣль 1798) по внушеніямъ своихъ священниковъ и взяли за оружіе; послѣ сильнаго сопротивленія и многихъ кровавыхъ схватокъ, они были побѣждены и вынуждены приступить къ рѣшенію остальныхъ кантоновъ.

§ 739. Новая коалиціонная война (1798—1799). Счастье французскаго оружія, вмѣстѣ съ высокоуміемъ республиканцевъ, угрожавшихъ разрушить все старое и учредить вездѣ новые порядки, привело большинство европейскихъ державъ къ новому великому союзу.

Австрія, озабоченная дѣлами Италіи, уже давно была въ разладѣ съ директоріей, которая негодовала на то, что при одномъ народномъ праздникѣ въ Вѣнѣ было произведено нападеніе на домъ французскаго посла Бернадота (13 апрѣля 1798) и трехцвѣтное знамя, какъ бы нарочно вывѣшенное имъ на показъ, было сорвано и сожжено, а австрійское правительство не дало требуемаго удовлетворенія. Англія ожидала отъ египетскаго предпріятія опасности для своихъ внѣшнихъ владѣній и потому сыпала деньги полными руками, чтобы приготовить Франціи новыхъ враговъ. Она имѣла сверхъ того основательныя причины къ неудовольствію, такъ какъ директорія въ Парижѣ обѣщаніемъ вооруженной помощи превратила уже давно господствовавшее въ Ирландіи броженіе въ явный и открытый мятежъ. Въ надеждѣ на эту помощь, Ирландцы, доведенные до отчаянія жестокимъ управленіемъ и строгимъ судопроизводствомъ Англичанъ, взяли за оружіе (май 1798); но, не смотря на содѣйствіе храбраго генерала Омбера (Humbert), не могли усто-

ять противъ превосходныхъ силъ Англіи и военнаго искусства полководца Корнуэльса. Послѣ кровавой междоусобной войны, возстаніе было подавлено; Омберъ, имѣвшій при себѣ лишь немногочисленный отрядъ, вынужденъ былъ сдаться (августъ), и за тѣмъ вся страна подчинена строгому военному закону. Вольфъ Тоунъ, даровитый политическій писатель и главный виновникъ французскаго союза, казненъ по приговору военнаго суда. Напперъ Танди, его единомышленникъ, бѣжалъ въ Гамбургъ, но впоследствии былъ выданъ тамошнимъ сенатомъ. Соединеніе Ирландіи съ Англіей въ правительственномъ и законодательномъ смыслѣ (іюль 1800) было послѣднею мѣрой, принятой для совершеннаго подчиненія безпокойной страны. — Въ Россіи съ 1796 года царствовалъ единственный сынъ императрицы Екатерины II, Павелъ I, защищавшій право самодержавія противъ опасныхъ началъ революціи. Уважая Мальтійскій орденъ, котораго онъ сталъ гротмейстеромъ, хотя этотъ орденъ принадлежалъ къ другой церкви, императоръ Павелъ призналъ взятіе Мальты Наполеономъ за основательный поводъ къ войнѣ. Въ истинно-рыцарскомъ духѣ началъ онъ борьбу за поправную законность и за востановленіе прежнихъ порядковъ и возрѣній. Даже Султанъ примкнулъ къ коалиціи, когда смѣлые республиканцы стали угрожать Турецкой имперіи изъ Египта и Сиріи. Одна только Пруссія сохранила свой нейтралитетъ, какъ ни старались Россія и Англія склонить ее къ участию въ союзѣ. Здѣсь 16 ноября 1797 года вступилъ на престолъ украшенный всѣми семейными добродѣтелями и истиннымъ благочестіемъ Фридрихъ Вильгельмъ III, жившій запросто и душа въ душу съ своею прекрасною и доблестною супругою Луизой.

Пруссія при воцареніи Фридриха Вильгельма III. Недостаточное воспитаніе въ юности не сообщило полной силы здравому отъ природы уму короля и развило въ немъ врожденную робость и шаткость характера, а окружающая среда, состоявшая изъ ничтожныхъ, мелочныхъ рутинѣровъ, какъ напр. генераль фонъ-Кёкерицъ и кабинетный совѣтникъ Бейме, удерживала его отъ всякой энергической дѣятельности. Завѣдываніе общественными дѣлами было предоставлено по-прежнему людямъ безъ любви къ отечеству, безъ чувства чести и силы характера, безиравственному Гаугвицу и вѣтряному, падкому къ удовольствіямъ Ломбарду. Генераль фонъ-Цастровъ управлялъ военными дѣлами по старой колѣѣ. Уволили въ немилости только главнаго виновника религіознаго эдикта, Вѣльнера, старавша-

гося распространить по всему краю придворный ригоризмъ строгимъ надзоромъ, стѣсненіемъ совѣсти и тяжкою духовною ценсурой. Но дѣйствія лицемерства и лелѣемой въ тоже время нравственной вѣлости уже обнаруживались въ народѣ. Трезвое, привыкшее къ труду и лишеніямъ, энергическое поколѣніе стараго времени сошло теперь со сцены; легкомысліе и жажда удовольствій распространились въ городахъ и тѣмъ больше разслабляли духъ старой Пруссіи, чѣмъ меньше жило этого духа въ самихъ правительственныхъ лицахъ. Высокомѣрное и себялюбивое дворянство не столько старалось служить общему благу доблестью и патриотизмомъ, сколько извлекать выгоды изъ своихъ привилегій, льготъ и преимуществъ, и, не довольствуясь старыми, еще приумножать ихъ.

Отнятіе Эренбрейтштейна, котораго храбрый гарнизонъ былъ вынужденъ голодомъ сдаться Французамъ (24 янв. 1799) среди мира, зажгло новую кровавую войну, которая вскорѣ приняла неблагопріятный оборотъ для республики. Въ Германіи, Журданъ былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ при Остерахъ и Штокахъ (21 и 25 марта) и принужденъ отступить за Рейнь. Это побудило французскихъ посланниковъ (Робержо, Боннье и Жана Дебри), которые до сихъ поръ руководили въ Раштаттѣ переговорами о мирѣ и возбудили противъ себя общую ненависть своею настойчивостью и высокомеріемъ, потребовать себѣ паспортовъ для отъѣзда. Но едва успѣли они, по наступленіи ночи (28 апрѣля), выѣхать изъ города, какъ на нихъ напали, въ противность всякому международному праву, подсланные для умерщвленія ихъ гусары изъ Секлеровъ; бумаги ихъ были ограблены и сами они до того избиты, что двое тотчасъ же умерли, а тяжело раненный Жанъ Дебри спасся только тѣмъ, что уползъ въ какой-то ровъ. Это кровавое злодѣйство, тайныя цити котораго сходились въ вѣнскомъ кабинетѣ и котораго общеизвѣстные вѣновники въ Австріи остались при своихъ званіяхъ и должностяхъ, вездѣ произвело ужасъ, а директорія воспользовалась этимъ впечатлѣніемъ, чтобы воспламенить французскій народъ къ мести. Еще хуже было въ Италіи. Между тѣмъ какъ величайшій полководецъ стоялъ съ 40,000 человекъ самаго опытнаго, отборнаго войска на жгучихъ пескахъ Египта, его италійскія учрежденія пали подъ ударами закаленныхъ въ бою русскихъ войскъ, предводимыхъ вѣнчанымъ славой

Суворовымъ. Почти семидесятилѣтній ветеранъ, но еще съ пыломъ и энергіей юноши, по формѣ гибкій какъ русскій царедворецъ, но по природѣ тугой, крутой и упрямый какъ никто, свѣдущій полководецъ, но при этомъ дикій, геніальный приверженецъ первобытной простоты, смѣлый до дерзости въ своихъ планахъ, но безпримѣрно стойкій и хладнокровный въ ихъ выполненіи, Суворовъ имѣлъ такую власть надъ своими солдатами, какая дапа была немногимъ полководцамъ. Подобно своему государю, сильный ненавистникъ революціи и полный нетерпѣливаго стремленія къ строгому возстановленію стараго порядка, онъ былъ мастеръ возбуждать чисто по-русски религіозный и національный фанатизмъ подчиненныхъ ему массъ и направлять его къ своимъ военнымъ цѣлямъ. Онъ могъ требовать необычайнаго отъ солдата, потому что каждый рядовой былъ убѣжденъ въ томъ, что побѣда неразлучна съ знаменемъ Суворова. Русскіе и предводимые Краемъ Австрійцы въ нѣсколько недѣль завоевали Цизальпинскую республику, побѣдивъ военнаго министра Шерера, при Маньяно, на югъ отъ Вероны (5 апрѣля 1799), вновѣ поступившаго на службу Моро при Кассано (27 апрѣля), и призваннаго изъ неаполитанскихъ областей Макдональда (17—19 іюня) при рѣкѣ Треббій, прославленной побѣдою Аннибала. Кровавое пораженіе Французовъ въ битвѣ при Нови (15 августа), гдѣ избранный недовѣрчивою директоріей въ соперники и противники Наполеону, молодой генералъ Жуберъ, погибъ геройскою смертію, довершило потерю Италіи. Цизальпинская республика распалась въ конецъ; всѣ, кто только былъ связанъ съ новымъ порядкомъ, бѣжали; все государство походило «на пловучіе обломки тронувшагося весною льда». Франція была въ дурномъ положеніи; но разладъ между союзниками предохранилъ ее отъ крайнихъ бѣдствій.

Реакція въ Неаполѣ. Пареннопейская республика быстро распалась; когда, по выступленіи Французовъ, гнуемый кардиналъ Руффо взялъ городъ съ шайками калабрійскихъ поселянъ и неистовыхъ ладзароновъ (13 іюня); обозначивъ свой путь трупами и пожарищами. Благородные республиканцы долго сопротивлялись какъ вѣстые герои и наконецъ при иностранномъ посредничествѣ заключили

договоръ; предоставлявшій имъ безопасность и свободный выѣздъ. Но едва только королевская фамилія возвратилась изъ Сициліи при помощи Нельсона, какъ въслѣдствіе правила, по которому никто не обязанъ держать данное мятежнику слово, начались кровавыя гоненія не только на виновниковъ республики, но и на всѣхъ образованныхъ и достаточныхъ людей. Абукирскій побѣдитель, опутанный прелестями старѣющей леди Гамильтонъ, запятналъ свое славное имя содѣйствіемъ мстительной королевѣ и ея приближеннымъ. Дѣла, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ ужасы французскаго террора, совершались теперь королевскимъ правительствомъ и разъяреннымъ духовенствомъ. Когда миновались грабежи и убійства ладзаронъ, началось дѣло уголовныхъ судовъ, палачей и тюремщиковъ. Всѣ участники, приверженцы и двигатели республиканскихъ учреждений подпали кровавой мести. Болѣе 4,000 просвѣщеннѣйшихъ и достойнѣйшихъ лицъ обоего пола (Пагано, Чирилло, Элеонора Караффа, Фонсека и друг.) погибли или на плахѣ или въ ужаснѣйшей тюрьмѣ. Любовь къ отечеству, чувство свободы, восторженное уваженіе къ человѣческому достоинству, стремленіе вывести народъ изъ нравственнаго упадка и оупущенія, считались достойными казни злодѣйствами; счастливъ былъ тотъ, кому удалось обратиться бѣглымъ нищимъ за границу! Престарѣлый князь Караччиоло, прежній повѣренный Фердинанда и другъ Нельсона, былъ привязанъ къ рею и потомъ, обремененный тяжестью, брошенъ въ море. Даже страшный урокъ, данный безчувственному королю самимъ Провидѣніемъ, поднявшимъ снова изъ глубины брошенный въ море трупъ, не подействовалъ на окаменѣлую душу Фердинанда. Когда онъ возвращался изъ Палермо и стоялъ на самомъ борту корабля, по водѣ несло мертвое тѣло; вотъ подплываетъ оно ближе, волна приподняла верхъ туловища, и король видитъ лице своего стараго друга съ мокрыми сѣдыми кудрями по вискамъ. Онъ громко вскричалъ: Караччиоло! и не могъ тутъ не высказать того же, что говоритъ леди Макбетъ у Шекспира. Но впечатлѣніе было непродолжительно; король остался такимъ же, какимъ былъ съ самыхъ пеленъ. — За паденіемъ Пареннойскаго республики тотчасъ послѣдовало и паденіе Римской.

Швейцарія. Счастливы были Французы въ Швейцаріи. Уже въ мартѣ удалось ихъ быстротѣ и энергіи завоевать рядъ блестящихъ успѣховъ, открыть себѣ доступъ въ западный Тироль и пріобрѣсть богатую добычу плѣнными и трофеями. Массена, храбрый, но суровый и алчный полково-

децъ, счастливо сражался противъ императорскаго фельдмаршала Гоца, природнаго Швейцарца, отличившагося въ русской и австрійской службѣ, и вытѣснилъ его изъ граубюнденской долины Рейна въ Тиролю, между тѣмъ какъ Лекурбъ перешелъ черезъ снѣжный хребетъ Бернардинъ и завоевалъ Энгадинъ, а Дессоль вступилъ въ австрійскія владѣнія черезъ Вормсскую тѣснину. Когда Австрійцы соединили свои боевыя силы подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, и въ маѣ и въ юнѣ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, обыкновенно называемыхъ первымъ сраженіемъ при Цюрихѣ, напали на войско Массены и принудили его къ отступленію, Французы и тогда удержались при Четырехъ-Кантонскомъ озерѣ и въ долинѣ Рейсы до самаго Сень-Готтардскаго прохода. Опаснѣе стало положеніе Массены, когда Суворовъ получилъ приказаніе прервать свой побѣдоносный походъ въ Италіи и соединиться съ Австрійцами и съ другою русскою арміею подъ начальствомъ Корсакова, въ Швейцаріи. Съ изумительной отвагой перешелъ Суворовъ чрезъ непроходимыя ледяныя громады Альпійскихъ горъ, чтобы вытѣснить Французовъ изъ позиціи ихъ при Цюрихѣ. Въ этомъ пути русскія войска боролись съ затрудненіями и опасностями, превосходившими даже страданія французской арміи въ Сиріи и Египтѣ. На Сень-Готтардѣ, у Чертова моста, была выдержана ими такая борьба противъ природы и непріятеля, которая принадлежитъ къ отважнѣйшимъ военнымъ подвигамъ въ исторіи всего міра. На горныхъ проходахъ, до тѣхъ поръ доступныхъ только одиночному страннику, на высотахъ, по которымъ еще никогда не шагала армія, располагались теперь войска и давались битвы. Закаленные, привыкшіе къ труду и войнѣ русскіе солдаты съ нѣмой покорностью слѣдовали за своимъ энергическимъ, настойчивымъ вождемъ по ледникамъ и снѣжнымъ пространствамъ. Но, не смотря на всѣ свои невѣроятныя усилія, они все-таки не могли вытѣснить Французовъ изъ Швейцаріи. Еще до соединенія съ этимъ дружественнымъ войскомъ, раздорившіе между собою Австрійцы и Русскіе потерпѣли пораженіе отъ Французовъ во второй битвѣ при Цюрихѣ (26, 27 сентября 1799), а храбрый Гоцъ палъ въ одной перестрѣлкѣ. При взятіи города Цюриха, знаменитый проповѣд-

никъ Лафатеръ былъ смертельно раненъ однимъ французскимъ рядовымъ. Суворовъ, находившійся въ полномъ разладѣ съ цесарскимъ полководцемъ и вѣнскимъ кабинетомъ, послѣ втораго перехода черезъ снѣжныя высоты Граубюндтенскихъ Альповъ, въ декабрѣ привелъ остатокъ своей арміи обратно въ отечество, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя скончался, навлекши себѣ немилость императора Павла. (18 мая 1800).

Альпійскій походъ Суворова. «На русскія войска», рассказываетъ новѣйшій историкъ этихъ замѣчательныхъ событій (Гейсеръ), «вдругъ перешедшія изъ благословенныхъ областей Италіи въ узкія тѣнины Альповъ, по пути къ снѣжной и ледяной мѣстности Сенъ-Готарда, этотъ быстрый переходъ отъ привлекательнѣйшаго плодородія къ дикой, мрачной природѣ громаднѣхъ размѣровъ, не могъ не произвести того впечатлѣнія, какое невольно пробуждается въ человѣкѣ всѣмъ ужасающимъ и необычайнымъ. Они почувствовали себя подавленными, встревожились духомъ и впервые поколебались въ своемъ довѣріи къ побѣдоносному вождю. Дошло до взрывовъ непокорности, для подавленія которыхъ нужно было все присутствіе духа Суворова и его искусство обращаться съ солдатами. Есть преданіе, что онъ велѣлъ вырыть себѣ могилу на глазахъ солдатъ, не желая, какъ онъ говорилъ, пережить позоръ мятежнаго войска; за то ему и удалось возвратить своимъ полкамъ прежнее довѣріе. — Утромъ 25-го сентября, Суворовъ достигъ Урнерскаго ущелья; его воины рвались впередъ, сотни человѣкъ погибли въ открытой пропасти Чертова моста; казалось невозможнымъ отстоять переходъ даже противъ слабѣйшаго числа Французовъ, какъ вдругъ Русскіе отважились на самый смѣлый шагъ: подъ непріятельскимъ огнемъ, въ одиночку, спустились они по отвѣсному крутояру Рейсы, перешли въ бродъ эту дикую, бурную рѣку и, съ тяжкими усиліями взобравшись на другой берегъ, успѣли обойти Французовъ. Такимъ образомъ мостъ былъ завоеванъ и переходъ черезъ взорванную арку возстановленъ посредствомъ кое-какихъ досокъ и пней. 26-го сентября Суворовъ прибылъ въ Альторфъ, гдѣ Сенъ-Готардская дорога упирается въ волны озера Четырехъ Кантоновъ и гдѣ не было не одного готоваго судна, для переѣзда на другой берегъ. Передъ нимъ высился громадный горный кряжъ и, какъ колоссальный указатель судьбы, простиралъ свою обнаженную, каменную руку въ мрачный Шехенталь. Только по пастушьимъ и охотни-

чьимъ тропинкамъ этой узкой тѣнины и крутыхъ горныхъ переваловъ можно было достигнуть болѣе гостепріимныхъ мѣстностей; но даже и то было сомнительно, послѣ того какъ исходъ битвы, гремѣвшей въ то самое время при Цюрихскомъ озерѣ, предалъ въ руки непріятеля эти Альпійскіе пути. И въ какомъ состояніи находилось войско! Шесть дней сряду оно то взбиралось на горы, то спускалось съ кручи, должно было брать съ боя тропинки и мосты, переходить въ бродъ черезъ Рейсу, карабкаться на отвѣсные обрывы, постоянно довольствуясь самою скудною пищею, между тѣмъ какъ проливные дожди еще больше затрудняли каждый его шагъ. Путь арміи отъ Айроло до Альторфа обозначался непрерывною чередой вьючныхъ животныхъ и отсталыхъ людей, не могшихъ за нею слѣдовать.

Не давая войскамъ покоя и отдыха, непреклонный полководецъ 27 сентября проложилъ себѣ дорогу въ дикій Шехенталь, чтобы оттуда пробраться въ Муттенскую долину, черезъ отвѣсныя Кинцигкульмскія высоты. Въ тотъ же вечеръ передовые козацкіе отряды вступили въ Муттенъ и захватили въ плѣнъ двѣ французскія роты, которыя были высланы туда изъ Швица, отстоявшаго только на три часа пути; движеніе цѣлой арміи переползавшей какъ рой гусеницъ по пустыннымъ массамъ утесовъ, длился цѣлыхъ шестьдесятъ часовъ. 29 сентября, все войско, послѣ невыразимыхъ усилій, прибыло въ Муттенъ; всѣ страданія, какія только могутъ постигнуть истомленныхъ солдатъ, выпали ему на долю, многіе погибли отъ усталости или нашли себѣ могилу въ страшныхъ безднахъ. Узнавъ объ участи союзныхъ войскъ и увидѣвъ невозможность соединиться съ ними, Суворовъ рѣшился, хотя и не безъ внутренней борьбы, предпринять не менѣе трудное отступленіе черезъ Граубюндтенскія Альпы съ измученными уже солдатами, не имѣвшими ни обуви, ни сѣтвыхъ припасовъ. — Только что выпавшій на два фута рыхлый снѣгъ, — рассказываетъ эрцгерцогъ Карлъ въ своихъ Запискахъ, — покрылъ тогда узкія тропинки, по которымъ надо было въ одиночку и съ величайшими усиліями карабкаться на каменистыя массы горнаго хребта. Съ высоты, на сколько простиралось зрѣніе, Граубюндтенъ и Тироль представлялись громадною снѣжной пустыней: не видно было слѣдовъ ни человѣка, ни лошади; ни одинъ кустъ не сулилъ возможности развести хотя маленькій огонекъ; ни одна вершина утеса не выдавалась впередъ, чтобы служить путнику указателемъ или опорой. На противоположномъ склонѣ снѣгъ такъ ровно замерзъ и оледенѣлъ отъ холоднаго вѣтра, что только паденіе идущихъ впереди людей и лошадей могло предостеречь

заднихъ, чтобы они мѣняли одну опасную тропинку на другую, столь же опасную. Такой переходъ, естественно, стоилъ большихъ жертвъ; больные и раненые и безъ того должны были оставаться назади. Между 8 и 10 октября, армія таки достигла долины верхняго Рейна, гдѣ обрѣла наконецъ столь желанный отдыхъ и покой.

Такъ заключился этотъ дивный Альпійскій походъ, который по отваж- нымъ подвигамъ и непоколебимости войскъ оставляетъ за собою все, что только могутъ представить знаменитѣйшіе горные походы древней и новой эпохи. Хотя убыль людей и матеріала въ эти три недѣли рав- нялась проигранному сраженію, однако нравственное впечатлѣніе по- двига скорѣе походило на побѣду. «Если Суворовъ и его войско — го- ворить Клаузевицъ — озирали однимъ взглядомъ это шествіе по столь чудному для нихъ краю, о которомъ они даже послѣ могли имѣть лишь смутныя представленія и баснословныя воспоминанья, то походъ дол- женъ былъ казаться имъ стремительнымъ потокомъ, прорвавшимъ всѣ плотины, противопоставленныя ему непріятельскими силами при Сентъ- Готардѣ, Кришпальтѣ, Амштегѣ, Альторфѣ, а каждое изъ этихъ пре- одолѣній — настоящею побѣдой надъ врагомъ. Они поднялись на эти чудныя горы по такимъ тропинкамъ, на которыя никогда не ступало и, вѣроятно, никогда не ступитъ ни одно войско; и когда, послѣ крайнихъ напряженій, какъ преслѣдуемая охотникомъ добыча, они изнеможенные бросились на землю въ Муттенской долинѣ, а непрі- ятельскій полководецъ самъ поспѣшилъ къ нимъ съ тѣмъ, чтобы безо- пасно и безъ мужества одолѣть ихъ, они, какъ медвѣдь въ своей бер- лого, съ остервенѣніемъ ринулись на незваного гостя и опять прогнали его въ ужасѣ и смятеніи.»

Какъ Австріицы въ Италіи и Швейцаріи помѣшали успѣ- хамъ русскаго оружія превратными мѣрами, завистью и алчно- стью, такъ и Англичане, когда неспособный герцогъ Йорк- скій хотѣлъ заодно въ Русскими выгнать Французовъ (подъ начальствомъ Брюна) изъ Голландіи и возстановить тамъ наслѣдственнаго статгаудера, ясно доказали, что ими управляютъ только эгоизмъ и низкая корысть. Предавъ Русскихъ непріятелю, неспособный полководецъ позорною капитуляціей купилъ отступленіе себѣ и своимъ (18 окт. 1799). Этотъ неблагородный поступокъ дотога раздражилъ озабоченнаго гибелью столькихъ храбрыхъ, императора Павла противъ союзниковъ, что онъ отступился отъ нихъ въ неудовольствіи

черезъ нѣсколько времени сблизился съ Бонапартомъ, котораго твердое военное правленіе, соединенное съ порядкомъ и повиновеніемъ внутри, вскорѣ возбудило къ себѣ его удивленіе.

§ 737. Бонапартъ въ Египтѣ и Сиріи. Между тѣмъ Наполеонъ велъ свое храброе войско изъ Александріи по египетской пустынѣ на Каиръ. Лишенія войска, подъ палящимъ солнцемъ, безъ воды и достаточнаго продовольствія, были ужасны. Въ битвѣ при пирамидахъ (21 іюля 1798), «съ высоты которыхъ сорокъ вѣковъ смотрѣли на французскихъ воиновъ», Мамелюки, повелѣвавшіе въ Египтѣ подъ верховнымъ владычествомъ Порты, были побѣждены; послѣ этого Наполеонъ вступилъ въ Каиръ и (по взятіи французскаго флота при Абукирѣ Нельсономъ, 1 и 2 августа 1798, лишась надежды скорого возврата) учредилъ тамъ новое управленіе, полицію и податную систему по европейскому образцу, между тѣмъ какъ художники и ученые, находившіеся при его войскѣ, превосходно изслѣдовали и описали достопримѣчательности природы и искусства чудеснаго края. Но какъ ни щадили Бонапартъ и его солдаты религіозные обычаи могаммеданъ, какой ни оказывали наружный почетъ ихъ священнослужителямъ, мечетямъ и обрядамъ, фанатизмъ все-таки разгорѣлся въ груди мослемовъ и внушилъ имъ величайшую ненависть къ господству христіанъ. Теперь, когда вслѣдствіе вновь введенной европейской финансовой системы, на Египтянъ были наложены подати и военные поборы, и Порты, не поддаваясь увѣреніямъ Наполеона въ дружбѣ и преданности, вызвала египетскихъ и сирійскихъ мусульманъ на борьбу съ невѣрными, въ Каирѣ произошелъ страшный мятежъ (21 окт.), который только съ трудомъ былъ подавленъ превосходствомъ европейскаго военнаго искусства, при чемъ избито до 6,000 могаммеданъ. Наполеонъ воспользовался побѣдой для новыхъ вымогательствъ и потомъ двинулся въ Сирію (1799), чтобы удержать высланныя Портой войска отъ вторженія въ Египетъ. Послѣ побѣды надъ Мамелюками при Эль-Аришѣ, Бонапартъ завоевалъ (20 февр.) Яффу (гдѣ онъ велѣлъ разстрѣлять, какъ клятвопреступниковъ, до 2,000 Арнаутовъ,

которые прежде были взяты въ плѣнъ и отпущены съ условіемъ не служить врагамъ Франціи, а теперь опять попались въ руки Французовъ) и приступилъ потомъ къ осадѣ Сень-Жанъ д'Акра (Аккона, 20 марта). Здѣсь счастье Наполеона испытало первый ударъ. Турки, вдоволь снабженные осадною артиллеріей, благодаря англійскому командору Сидни Смиту, успѣшно отбили всѣ приступы Французовъ, оказавшихъ при этомъ чудеса храбрости, и положили на мѣстѣ многихъ доблестныхъ воиновъ. Въ то же время турецкая армія угрожала Европейцамъ внутри края. Хотя она была побѣждена и разбѣяна при Назаретѣ генераломъ Жюно, а при Фаворѣ Клеберомъ, Бонапартъ тѣмъ не менѣе былъ вынужденъ снять осаду съ Сень-Жанъ д'Акра и предпринять отступление. Тогда въ войскѣ его начала свирѣпствовать чума. Всѣ лошади были навьючены больными; солдаты терпѣли крайнюю нужду; опасности и военные страданія были ужасны; Наполеонъ раздѣлялъ всѣ невзгоды съ послѣднимъ солдатомъ своей арміи; говорятъ, онъ даже посѣтилъ госпиталь, наполненный чумными. Въ іюнѣ онъ возвратился въ Каиръ, а въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (25 іюля) разбилъ при Абукирѣ втрое сильнѣйшее турецкое войско, и этою побѣдой, принадлежащей къ числу славнѣйшихъ военныхъ дѣлъ его, снова поднялъ упавшій духъ солдатъ. Вскорѣ онъ узналъ изъ нѣкоторыхъ журналовъ, доставленныхъ ему изъ злорадства Сидни Смитомъ, о несчастіяхъ Французовъ въ Италіи, и это такъ сильно подѣйствовало на него, что онъ тотчасъ же рѣшился возвратиться во Францію. Втайнѣ готовился онъ съ величайшею поспѣшностью къ отъѣзду. Сдавъ главное начальство надъ египетской арміей Клеберу (которому были подчинены: всѣми уважаемый Дезе, снискавшій себѣ даже у туземцевъ въ качествѣ командующаго въ Верхнемъ Египтѣ, прозваніе справедливаго султана, странный, обратившійся къ исламу Мену и мн. др.), Наполеонъ отправился изъ Александрійской гавани съ 500 спутниковъ (въ томъ числѣ съ Мюратомъ, Мармономъ, Дюрокомъ, Бертье, Ланномъ, своимъ секретаремъ Буріэнномъ, учеными Монжемъ, Бертолѣ и др.) на двухъ фрегатахъ и нѣсколькихъ мелкихъ судахъ (24 авг. 1799) и, руководясь своей счастливою звѣ-

здою, неузнанный Англичанами достигъ французскихъ береговъ, гдѣ высадился во Фрежюсъ (9 окт.) при восторженныхъ кликахъ обрадованнаго народа.

§ 738. Осьмнадцатое брюмера. Правительство директоріи утратило всякое уваженіе и состоятельность. Исполнительные директоры, между которыми Сіёсъ замѣнилъ республиканца Рѣбеля, были въ разладѣ съ пятисотеннымъ законодательнымъ совѣтомъ (іюнь). Военныя неудачи, законы о налогахъ, ограниченіе свободной печати запрещеніемъ журналовъ и пр., давали поводъ оппозиціи, во главѣ которой стоялъ Наполеоновъ братъ Люціанъ Бонапартъ, къ нападкамъ на правительство. Совершенное переворотомъ 30 преріаля (18 іюня) насильственное исключеніе дѣятельнаго Ларевейльера Лепд и двоихъ его товарищей, и замѣна ихъ тремя вполнѣ ничтожными людьми, усилили всеобщее неудовольствіе. Въ провинціяхъ волновались роялисты; въ Парижѣ якобинцы собирались въ Манежѣ и возобновили подъ другими формами свой старый клубъ. Къ нимъ примкнули генералы Ожеро, Бернадотъ и Журданъ (последній, будучи членомъ пятисотеннаго собранія, оказалъ французскому военному дѣлу большую услугу введеніемъ закона о конскрипціи, который впоследствии перешелъ въ Германію и другія государства). Неудачи въ Италіи приписывали отсутствію Бонапарта, котораго директорія будто бы «сослала» изъ зависти. Существующее правительство нигдѣ не имѣло друзей, и всѣ были убѣждены въ необходимости государственнаго переустройства, когда вѣсть о прибытіи Наполеона поглотила общее вниманіе. Опасное дѣло, предпринятое и исполненное съ какимъ-то языческимъ фатализмомъ и съ древне-римскою самоувѣренностью, еще возвысило удивленіе народа къ новому Цезарю. — Вскорѣ по прибытіи въ Парижъ, Бонапартъ вознамѣрился вмѣстѣ съ Сіёсомъ и своимъ братомъ Люціаномъ, выбраннымъ въ предсѣдатели пятисотеннаго совѣта, низвергнуть правительство директоріи. Для этой цѣли онъ расположилъ въ свою пользу находившихся въ Парижѣ солдатъ и офицеровъ, и потомъ при посредствѣ Люціана перевелъ засѣданія пятисотеннаго совѣта въ Сень-Клу, дабы члены его были въ рукахъ войска. Тамъ онъ сначала пытался убѣжденіемъ склонить депутатовъ въ пользу своихъ плановъ; когда же это не удалось ему, и пятисотенное собраніе осыпало его упреками и угрозами, онъ далъ своимъ гренадерамъ приказъ — штыками очистить залу засѣданій. Республиканцы, храбро противопоставившіе опасности, подъ-конецъ должны были уступить силѣ и спастись

кто въ двери, кто въ окна; упорнѣйшіе были вынесены гренадерами на рукахъ. Исключеніе 64 члена изъ пятисотеннаго совѣта, учрежденіе консульскаго правительства, составленнаго изъ Сіёса, Рожё-Дюкò и Бонапарта, и назначеніе коммисіи изъ 50 человѣкъ, которые должны были во время закрытія собраній совѣта заниматься законодательствомъ и изготovitъ проектъ новой конституціи и уложенія законовъ (кодекса), — завершили смѣлый, насильственный переворотъ 18 и 19 брюмера (9 и 10 ноября). Изданный черезъ два дня декретъ, по которому 37 самыхъ рѣзкихъ якобинцевъ должны были подвергнуться дальней ссылке, а 22—ссылкѣ на западные берега, вскорѣ потомъ былъ отмѣненъ.

В. ВЛАСТИТЕЛЬСТВО НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА.

И. Консульство (1800—1804).

§ 739. Консульская конституція. Новая, задуманная преимущественно Сіёсомъ, но измѣненная Бонапартомъ (четвертая) конституція, которая была принята всею націей посредствомъ поголовной подачи голосовъ, удержала только видъ республики, а въ сущности создала военную монархію, облекши перваго консула такою властью, что онъ на дѣлѣ ни чѣмъ не отличался отъ государя. Главныя постановленія новой конституціи, вступившей въ дѣйствіе съ начала новаго столѣтія, были слѣдующія: I. состоящему изъ 80 членовъ (блюстительному) сенату предоставлено было избирать членовъ законодательной власти, высшихъ чиновниковъ и судей, по присланнымъ изъ департаментовъ именнымъ спискамъ. (Въ число щедро-вознагражденныхъ и мало занятыхъ дѣломъ сенаторовъ включены были Сіёсъ и Рожё-Дюкò). II. Лишенная права починна, законодательная власть распалась а) на трибунатъ, состоявшій изъ 100 членовъ, которому было присвоено разсмотрѣніе и обсужденіе предложеній правительства, и б) на законодательный корпусъ (corps législatif) изъ 300 членовъ, которые

могли только безусловно принимать или отвергать эти предложенія; пятая часть членовъ обоихъ собраній ежегодно должна была смѣняться новыми. III. Правительство составлено было изъ трехъ, выбранныхъ на 10 лѣтъ консуловъ, изъ коихъ первый, Бонапартъ, имѣлъ право непосредственно или черезъ Сенатъ замѣщать всѣ должности, одинъ рѣшать вопросъ о мирѣ и войнѣ, и учредить при себѣ государственный совѣтъ, между тѣмъ какъ два другіе консула (Камбасересъ и Лебрёнъ) были его ближайшими совѣтниками. Въ члены государственнаго совѣта и министерства Бонапартъ избралъ даровитѣйшихъ и опытнѣйшихъ людей, соединявшихъ съ образованностью стараго времени дѣятельность и дѣловую ловкость временъ революціи. Умный дипломатъ Таллейранъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; Годенъ (впоследствии герцогъ Гаэтскій) — министромъ финансовъ; лукавый Фуше завѣдывалъ полиціей; Карно былъ въ некоторое время военнымъ министромъ, когда Бертье, въ званіи начальника генеральнаго штаба, принялъ главную команду надъ италійскою арміею, такъ какъ по новой конституціи самъ Бонапартъ не могъ выѣзжать за предѣлы Франціи. Трудолюбивый Марё (герцогъ Бассано) былъ назначенъ генеральнымъ секретаремъ. Французское уложеніе (Code Napoléon), въ составленіи котораго участвовали замѣчательный какъ юристъ, но презрѣнный, за тщеславіе и распутство, какъ человѣкъ, второй консулъ Камбасересъ, а также Мерленъ, Лебрёнъ, Редереръ и др., доказываетъ всю прозорливость тогдашняго государственнаго совѣта. Назначеніе префектовъ въ департаментахъ, и подпрефектовъ въ округахъ, поставило цѣлый край въ полную зависимость отъ правительства, и положило основаніе, столь роковой для французскаго государства, централизаціи¹.

А) Внѣшнія дѣла.

§ 740. Битвы при Маренго и Гогенлинденъ. По учрежденіи новаго государственнаго устройства, Бонапартъ собственноручно написалъ къ королю Англійскому полное громкихъ фразъ письмо, въ которомъ предлагалъ ему заклю-

¹ Эпитетъ роковой вѣрнѣе было бы замѣнить словомъ характеристической, потому что централизація выработана тысячелѣтною исторіею Франціи и не можетъ не имѣть своихъ положительныхъ основаній въ характерѣ народа и въ цѣломъ ходѣ его развитія.

ченіе мира; онъ написалъ также и къ Нѣмецк. императору. Но этотъ необыкновенный шагъ встрѣтилъ себѣ мало сочувствія; холодный дипломатическій отвѣтъ гласилъ о возстановленіи Бурбоновъ и возвращеніи къ прежнимъ границамъ (что, разумѣется, было невозможно). Контрастъ между видимою теплотой, искренностью и великодушіемъ Наполеона, и отталкивающею холодною кабинетовъ лондонскаго и вѣнскаго породило у пылкихъ Французовъ цѣлую бурю воодушевленія и воинственности. Со всѣхъ сторонъ стекались къ консулу храбрые воины, изъ которыхъ онъ образовалъ готовое въ дѣло войско, собранное имъ близъ Женевского озера (1800), между тѣмъ какъ расположенная въ Дижонѣ, такъ-называемая резервная армія подъ начальствомъ Бертье, отводила глаза всему свѣту и возбуждала насмѣшки Англичанъ. Счастливецъ былъ Наполеонъ въ своей попыткѣ склонить на свою сторону Русскаго императора. Умно пользуясь его любовью къ солдатамъ и неудовольствіемъ на себялюбивыхъ союзниковъ, которые не хотѣли вымѣнять плѣнныхъ Русскихъ (§ 736), Наполеонъ отпустилъ, безъ выкупа, нѣсколько тысячъ этихъ плѣнныхъ, заново одѣвъ и вооруживъ ихъ, подъ начальствомъ ихъ собственныхъ офицеровъ. черезъ Францію и Германію въ Россію, и тѣмъ до того расположилъ къ себѣ императора, что Павелъ I вступилъ въ письменныя сношенія съ нимъ и сталъ благопріятствовать его замысламъ противъ Австріи и Англіи. По окончаніи вооруженій, Бонапартъ поспѣшилъ въ Женеву (гдѣ имѣлъ совѣщаніе съ Некеромъ, въ маѣ 1800), и потомъ съ главною арміею предпринялъ отважный и грандіозный переходъ черезъ снѣга и льды Большаго Сенъ-Бернарда (16—20 мая), между тѣмъ какъ остальные части арміи шли въ Италію черезъ Симплонъ, Сенъ-Готардъ и другіе пути. Это смѣлое предпріятіе со всѣми его трудностями и опасностями напоминало собою героическія времена Ганнибала. Войско спустилось, мимо Пріюта, лежащаго среди снѣжныхъ и ледяныхъ горъ, въ долину рѣки Дора Бальтеа, гдѣ занятый Австрійцами фортъ Бардъ, повидимому, готовилъ ему непреодолимые трудности. Но гений Наполеона нашелся и здѣсь. По пастушьей тропинкѣ перешли войска черезъ ближнюю вершину, между тѣмъ какъ артиллерія втайнѣ была провезена ночью,

ловко и осторожно, подъ батареями крѣпости. Такимъ образомъ Французы явились совершенно неожиданно въ верхней Италіи въ ту самую минуту, когда послѣднее владѣніе ихъ Генуа, послѣ ужаснѣйшаго голода, стубившаго болѣе 15,000. человѣкъ, была наконецъ сдана Австрійцамъ храбрыми, но бездушными полководцами Массеною и Сультомъ (4 іюня), и когда, поэтому, Австрійцы снова овладѣли всею тою страной. Но положеніе дѣлъ скорѣ измѣнилось. Черезъ пять дней послѣ паденія Генуи Австрійцы потерпѣли пораженіе (9 іюня) при Монтебелло (благодаря отвагѣ Ланна), а вслѣдъ за тѣмъ произошло рѣшительная битва при Маренго (14 іюня). Австрійцы, подъ начальствомъ Меласа, дважды удерживали за собою поле битвы и принуждали Французовъ къ отступленію; фельдмаршалъ былъ до того увѣренъ въ побѣдѣ, что уже отправилъ гонцовъ въ Вѣну съ радостнымъ извѣстіемъ; но когда престарѣлый и болѣзненный полководецъ предался, по обычаю, кратковременному отдыху для подкрѣпленія своихъ слабыхъ силъ, Наполеонъ, притянувъ къ себѣ генерала Дезе, за нѣсколько дней передъ тѣмъ возвратившагося изъ Египта, съ помощью его войска въ третій разъ возобновилъ сраженіе и наконецъ побѣдилъ, благодаря преимущественно ловкому вмѣшательству молодого Келлермана, который по собственному побужденію повелъ кавалерійскую атаку во флангъ непріятеля и полонилъ генерала Цаха. Паническій страхъ овладѣлъ Австрійцами и они обратились въ бѣгство. Пораженіе было полное. Вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ спасти остатокъ своего войска Алессандрійскимъ перемиріемъ (15 іюня), вторично пожертвовавъ всею Ломбардіей. Счастіе было на сторонѣ смѣлаго и рѣшительнаго. Дезе, одинъ изъ благороднѣйшихъ и величайшихъ людей революціонной эпохи, умеръ геройскою смертію подъ Маренго; ему и начальнику конницы Келлерманну собственно принадлежала честь этого дня. Въ то же время другая армія, подъ предводительствомъ Морё, Лекурба и др., вторглась въ Швабію и Баварію, отразила Австрійцевъ при Штокахъ (3 мая), Мёскирхъ и на знаменитомъ боевомъ полѣ (§ 632) Гёхштедта и Блендгейма (19 іюня), и принудила ихъ къ заключенію Парсдорфскаго перемирія (15 іюля), которое

точно такъ же предало Французамъ южную Германію, какъ Алессандрійскій договоръ — Италію. (Въ этомъ походѣ палъ храбрый Латуръ д'Овернь, «первый гренадеръ Франціи», въ кровавой стычкѣ съ однимъ австрійскимъ отрядомъ.) Но какъ вѣнскій кабинетъ еще колебался заключить миръ помимо Англіи, то война вскорѣ возобновилась. Славный переходъ Макдональда и Монсея чрезъ покрытые вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ Граубюндтенскія Альпы и блестящая побѣда Морё въ кровавой битвѣ при Гогенлинденѣ (3 декабря), открывшей Французамъ путь на Вѣну, заставила Австрійцевъ заключить миръ въ Люневилѣ (9 февраля 1801) на состоявшихся въ Кампо-Форміо условіяхъ и признать рѣки Эчъ и Рейнъ границами французскаго государства. Образованіе Италійской республики подъ президентствомъ Бонапарта и условіе, что потерпѣвшіе ущербъ нѣмецкіе князья и имперскіе чины должны быть вознаграждены на правой сторонѣ Рейна секуляризованными церковными имуществами и упраздненными имперскими городами были важнѣйшія статьи Люневильскаго мира. Ближайшее исполненіе отдѣльных постановленій касательно Германіи совершилось посредствомъ такъ-называемаго общаго опредѣленія имперской депутаціи¹, составляющаго дополнительный актъ Люневильскаго мира.

Люневильскій миръ. Цизальпинская республика была обращена въ Италійскую, представители которой, призванные въ Ліонъ и хитро-руководимые Таллейраномъ, выбрали Бонапарта президентомъ и совершенно предоставили ему правительственную власть. Власть законодательная была присвоена избранному изъ разныхъ сословій совѣту и его коммиссіямъ (государственной консултѣ). Содержаніе большаго войска къ услугамъ Франціи было тяжкимъ бременемъ для новой державы, за которое, впрочемъ, отчасти вознаграждали умѣренная свобода книгопечатанья и участіе въ публичной государственной жизни. Итальянцы, мечтавшіе одревне рим-

¹ Такъ называлась избиравшаяся императоромъ и имперскими чинами коммиссія, которой поручали исполненіе какого-нибудь особеннаго дѣла. Имперская депутація 1803 года была послѣднею въ Германіи; составленный ею актъ называется: Reichsdeputationshauptschluss.

ской свободѣ и республикѣ, вскорѣ стали пресмыкаться въ прахѣ передъ новымъ властелиномъ, который въ Миланѣ въ первый разъ снова побывалъ у обѣдни: то было преддверіемъ къ заключенію конкордата. — Герцогъ Моденскій, родственникъ австрійско-императорскому дому, получилъ въ придачу къ своимъ владѣніямъ въ Брейсгау, еще Ортену и епископства Бриксенъ и Триентъ со всеми ихъ маестностями, доходами, правами и преимуществами. — Тоскана была преобразована въ Этрурское королевство и передана одному изъ испанскихъ Бурбоновъ, Пармскому герцогу Людовику I, которому черезъ два года наследовалъ малолѣтній сынъ Карлъ Людовикъ подъ опекой своей матери Маріи Луизы Испанской; это печальное, полное несчастій правленіе продолжалось до 3 ноября 1807 г. — Австрійскій великій герцогъ Тосканы получилъ архіепископство Зальцбургъ и пробство Берхтесгаденъ, часть Пассаускаго соборнаго капитула и Эйхштедскаго епископства, съ курфюршерскимъ званіемъ, — вознагражденія, которыя отнюдь не могли сравниться съ тѣмъ, что предоставлено было германскимъ князьямъ. 27-го марта 1799 выѣхалъ Фердинандъ III изъ своей прекрасной столицы. Хотя французскій гарнизонъ и былъ сначала временно вытѣсненъ австрійскимъ, однако теперь снова вступили Французы. При такихъ превратностяхъ, цѣлый край былъ открытъ всемъ безпорядкамъ буйныхъ гарнизоновъ, всемъ грабительствамъ, всемъ ужасамъ вражды партій.

Опредѣленіе имперской депутаціи. Нѣмецкіе имперскіе чины, лишившіеся земель и правъ, вслѣдствіе уступки лѣваго берега Рейна Франціи, или свискавшіе себѣ благосклонность Наполеона своевременнымъ присоединеніемъ къ могучему сосѣду, получили въ силу «рѣшенія имперской депутаціи» (28 февр. 1803) богатое вознагражденіе на правомъ берегу Рейна въ видѣ секуляризованныхъ епископствъ и капитуловъ, а также въ упраздненныхъ имперскихъ городахъ. То было вознагражденіе необыкновеннаго рода, возможное только при тогдашнихъ обстоятельствахъ Германіи. Династіи были вознаграждены, а имперія оставалась въ убыткѣ; князья получили столько же или еще больше, чѣмъ утратили, а нація въ своей совокупности понесла такой ущербъ, который угрожалъ ей политической независимости. При этомъ способъ разверстки и секуляризаціи, Германія лишилась 1150 кв. миль пространства и почти трехъ съ половиною милліоновъ жителей. А сколько подлости, низкопоклонства и подкуповъ обнаружилось при этомъ! Въ Парижѣ открылась торговля нѣмецкими епископствами, аббатствами,

вольными имперскими городами, причемъ свѣтлѣйшіе искатели являлись съ золотомъ передъ первымъ консуломъ, его посланниками и повѣренными въ дѣлахъ; и непрерывно пресмыкались передъ любовницей Таллейрана, секретаремъ его Матьё и посланникомъ Лафорё въ Регенсбургъ. Кто больше дарилъ или умѣлъ искусствомъ другихъ льстить и просиживать, тотъ и получалъ больше. По поводу этихъ дѣлъ Бонапартъ впервые короче узналъ Германію; степень его уваженія къ націи возникла изъ того впечатлѣнія, какое произвели на него тогда ея правители. Искусно умѣлъ французскій властелинъ разнить государей и государства и склонять ихъ поочередно къ отдѣльнымъ договорамъ съ Франціей. Слѣдствіемъ было то, что Пруссія и Баварія вступили во владѣніе обезпеченными имъ Франціей и одобренными Россіей земельными вознагражденіями, даже прежде чѣмъ имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ изъяснилъ на нихъ свое согласіе и утвердилъ состоявшіяся перемѣны «опредѣленіемъ имперской депутаціи».

Пруссія получила епископства Гильдесгеймъ и Падерборнъ, большую часть имуществъ Мюнстерскаго соборнаго капитула вмѣстѣ съ этимъ городомъ, многія аббатства и имперскіе города (Мюльгаузенъ, Нордгаузенъ, Госларъ), майнцкія владѣнія въ Тюрингенѣ (Эрфуртъ) и Эйхсфельдъ. Баварія, — гдѣ новый курфюрстъ Максимиліанъ Іосифъ Пфальцъ-Цвейбрюккенскій (съ февраля 1799), частью изъ разсчитливой политики, частью подкупленный англійскими субсидіями, сначала принималъ дѣятельное участіе въ союзъ противъ Франціи и тѣмъ защитилъ независимость своей угрожаемой земли отъ австрійскихъ завоевательныхъ покушеній. — Баварія получила въ награду за союзъ, заключенный съ Франціей 27-го августа 1804, и въ вознагражденіе за большія потери по обѣ стороны Рейна, духовныя княжества Вюрцбургъ, Бамбергъ, Аугсбургъ, епископство Фрейзингъ и часть имущества Пассаускаго соборнаго капитула, нѣсколько аббатствъ и имперскихъ городовъ (Швейнфуртъ, Кемптенъ, Меммингенъ, Кауфбёйернъ, Нёрдлингенъ, Ротенбургъ, Виндсгеймъ и пр.). Возведенный въ курфюрсты маркграфъ Фридрихъ Баденскій получилъ упразднившіеся за смертью курфюрста Карла Теодора († 1799) пфальцскіе округа Бретенъ, Гейдельбергъ и Ладенбургъ съ городомъ Маннгеймомъ; далѣе — лежація по сѣ стороны Рейна владѣнія секуляризованныхъ епископствъ: Констанцскаго, Базельскаго, Страсбургскаго и Шпейерскаго, маентность Ларъ, многіе имперскіе города (Фуллендорфъ, Уберлингенъ, Оффенбургъ, Целль, Генгенбахъ

и др.) и многіе монастыри и капитулы (Салемъ, Лихтенталь, Аллерхейлигенъ, Эттенгейммонстеръ и др.). Баденъ былъ вознагражденъ всѣхъ богаче, не столько, какъ увѣрялъ Бонапартъ, «за правительственныя доблести маркграфа Карла Фридриха, уже давно снискавшія ему уваженіе Европы», сколько потому, что тутъ совпадали желанія императора Александра I въ пользу родственнаго ему дома съ собственнымъ интересомъ Франціи—имѣть дружественнаго сосѣда. Самовластный, но умный герцогъ Фридрихъ Вюртембергскій получилъ за свои утраты во Франціи (Мемпельгардъ и пр.) бездну секуляризованныхъ аббатствъ и монастырей, и многіе значительныя имперскіе города (Рейтлингенъ, Галль, Гмюндъ, Роттвейль, Гейльброннъ, Эслингенъ, Гингенъ и др.). Такимъ же образомъ были вознаграждены и расширены: Гессенъ-Кассель (Фрицларомъ, Амёнебургомъ, Гельнгаузеномъ и др.), Гессенъ-Дармштадтъ (майнцскими округами Гернсгеймомъ, Бенсгеймомъ, Лоршемъ, Геппенгеймомъ и др., съ остаткомъ вормскаго епископства, нѣкоторыми пфальцскими округами—Линденфельсомъ и др., — многими духовными учрежденіями — Гиршгорномъ, Зеллигенштадтомъ и др.—и имперскимъ городомъ Фридбергомъ); Нассау (многими майнцскими и пфальцскими участками въ Рейнгау—напр. Гёхстомъ, Рюдесгеймомъ, Оберланштейномъ, Гохгеймомъ на Майнѣ, Бадъ-Соденомъ, многими капитулами и аббатствами, напр. Лимбургомъ и пр. По пресѣченіи Нассау-Узингенской линіи въ 1816 году, эти пріобрѣтенія перешли къ нынѣ царствующей Вейльбургской линіи); Ганноверъ (епископствомъ Оснабрюкскимъ); нѣкоторые, впоследствии медиатизованные князья, какъ напр. князь Лейнингенъ (аббатствамъ Аморбахъ и Герлахсгеймъ, и нѣкоторыми майнцскими и вюрцбургскими округами, напр. Мильтенбергомъ, Бухеномъ, Боксбергомъ, Таубербишофсгайномъ и др.). Бреценгеймъ (получившіе Линдау); Изенбургъ, Гогенлоэ, Лёвенштейнъ и многіе имперскіе графы. Вильгельмъ Оранскій, сынъ бѣжавшаго наследственнаго статгаудера Голландіи (§ 727) получилъ Фульдъ и Корвей. Нѣмецкіе рыцари и Іоаннитскій орденъ тоже получили вознагражденія, послѣдній преимущественно во Шварцвальдѣ и въ Брейсгау. Напротивъ, оба духовныя курфюршества, Кёльнское и Трирское, и множество епископствъ были окончательно упразднены, архіепископство Майнцское ограничено немногими участками (Ашаффенбургомъ, Вецларомъ), а большое число имперскихъ городовъ сокращено до шести (Гамбургъ, Бременъ,

Любекъ, Франкфуртъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ). Высшій духовный санъ получилъ князь Карлъ Дальбергъ, какъ курфюрстъ-архиканцлеръ и князь-примасъ имперіи. Кромѣ остатка майнцаго курфюршества, онъ владѣлъ еще епископствомъ регенсбургскимъ. Баденъ, Вюртембергъ и Гессенъ-Кассель возведены были на степень курфюршествъ. Съ этими перемѣнами необходимо связывалось переустройство совѣта имперскихъ князей и новое распредѣленіе голосовъ на сеймѣ. Такимъ образомъ Люневильскій миръ подскѣкъ въ самомъ корнѣ Нѣмецкую имперію и положилъ основаніе новому государственному порядку, получившему въ слѣдующіе года свое дальнѣйшее необходимое развитіе. «Новая система будущихъ правительствъ Рейнскаго союза», говоритъ Гейсеръ, «уничтожила вмѣстѣ съ старою неурядицей и нѣкоторые зародыши добра; она вездѣ хотѣла уравнивать, единообразить, и потому такъ же враждебно относилась ко всему напоминавшему личную, общинную или корпоративную свободу, какъ и къ негоднымъ плеведамъ феодальной анархіи; но всѣ эти темныя стороны отошли на задній планъ предъ тѣми благами правильного и живаго порядка, которыя дотолѣ были вовсе неизвѣстны во многихъ областяхъ Германіи. На мѣсто прежней неурядицы явилась нѣкотораго рода правомѣрность и равенство передъ закономъ; введено лучшее отправление юстиціи, отмѣнены наслѣдственность и покупка должностей, данъ новый толчекъ промышленности и торговлѣ, пришедшимъ въ совершенный упадокъ, во многомъ облегчено положеніе крестьянъ, устраненъ вредный избытокъ монашеской и духовной праздности, и общественное благо двинуто впередъ дѣятельнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда либо помышляли о томъ въ совѣтѣ прогнившихъ мелкихъ владѣнницахъ стараго покроя. И здѣсь, какъ при всѣхъ вообще революціяхъ, поступали во многихъ случаяхъ насильственно и грубо; искусственное уравниваніе, пошлое рвеніе къ одной внѣшней пользѣ, страсть рѣшать все за письменнымъ столомъ, непріязнь ко всему историческому и основанному на преданіи, даже вандализмъ въ отношеніи къ художественнымъ символамъ и памятникамъ старины, — все это довольно ярко обнаружилось теперь, какъ потомъ въ эпоху Рейнскаго союза. Однако же распаденіе стараго было неизбѣжно и даже этотъ насильственный переходный періодъ сокрушилъ множество тяжкихъ путъ и сталъ пробуждать обильные жизненные зародыши, дотолѣ сдавленные жалкой мелочностью миниатюрныхъ державъ и слишкомъ тѣснаго городского быта.»

Между тѣмъ въ Россіи произошло важное событіе. Отношенія импера-

тора Павла къ Австріи и Англіи сдѣлались на столько же непріязненны, на сколько стала дружественнѣе и тѣснѣе связь его съ Бонапартомъ (§ 740). Онъ возвратился къ плану своей матери (§ 677) — посредствомъ вооруженнаго нейтралитета, въ союзѣ съ Даніей, Швеціей и Пруссіей, сломить британское господство на моряхъ и старался заодно съ первымъ консуломъ Франціи устроить итальянскія дѣла противно выгодамъ и цѣлямъ Австрійскаго кабинета. Но императоръ Павелъ внезапно кончилъ жизнь 11 марта 1801 года, и на престолъ вступилъ сынъ его Александръ I. Примиреніе съ Англіей и распаденіе вооруженнаго нейтралитета было ближайшимъ слѣдствіемъ этой перемѣны царствованія во внѣшней политикѣ; однако добрыя отношенія съ Франціей были сохранены и даже скрѣплены формальнымъ мирнымъ трактатомъ (8 окт. 1801). Съ тѣхъ поръ и нѣмецкія дѣла рѣшались отчасти подъ русскимъ вліаніемъ.

§ 741. Аміэнскій миръ. Послѣ того какъ Испанія и Португалія также заключили миръ съ Франціей, изъ всѣхъ членовъ большой коалиціи, одна Англія продолжала еще войну. Этотъ энергическій, обороняемый моремъ край съ своимъ свободнымъ государственнымъ устройствомъ и неисчерпаемыми богатствами столько же увеличилъ войною свое могущество на морѣ и въ колоніяхъ, сколько Франція разрослась въ то же время на материкѣ. Но и въ Англіи народъ желалъ успокоенія и отдыха, особенно съ тѣхъ поръ какъ императоръ Павелъ, въ неудовольствіи на себялюбивыхъ и высокомерныхъ островитянъ, возобновилъ союзъ вооруженнаго нейтралитета съ Пруссіей, Швеціей и Даніей (§ 740, 16 дек. 1800), чѣмъ вовлекъ Англію въ войну съ Датчанами и принудилъ ее содержать военный флотъ въ Зундѣ, а вооруженіе многочисленныхъ французскихъ кораблей заставляло опасаться вторичной высадки непріятеля на берегъ угнетенной Ирландіи. Завязались переговоры, которые однако долго оставались безъ всякихъ послѣдствій, потому что обѣ стороны не могли согласиться между собой на счетъ Египта; и только тогда, когда Англичане убѣдились, что ни британская, на вербованная изъ разныхъ племенъ армія, ни безпомощныя турецкія войска, не въ состояніи одолѣть опытныхъ въ войнѣ Французовъ въ припильскомъ краѣ, только тогда рѣшился англійскій кабинетъ на сдѣлку относительно Египта, и потомъ, послѣ смѣны ми-

нистерства, на заключеніе невыгоднаго Амiэнскаго мира (27 марта 1802), въ которомъ было выговорено возвращеніе прежнимъ владѣльцамъ большей части вѣннскихъ завоеваній.

Египетъ. По отбытіи Бонапарта, недовольный Клеберъ заключилъ съ англійскимъ коммодоромъ Сидни Смитомъ и Турками договоръ, о свободномъ выходѣ изъ того края. Но когда англійское правительство не утвердило этого договора, а настаивало на томъ, чтобы французскія войска сдались военнопленными, тогда Клеберъ съ негодованіемъ прервалъ всѣ переговоры, побѣдилъ Турковъ въ сраженіи при Геліополѣ (20 марта 1800), имѣя въ шестеро меньше войска, и опять завоевалъ отнятую у него между тѣмъ Мамелюками столицу Каиръ, среди кровавыхъ битвъ и жестокаго разоренія. Но въ день битвы при Маренго (14 іюня) онъ погибъ въ саду своего дворца подъ ножомъ одного фанатическаго могоммединна. При отсутствіи подвозовъ и помощи изъ Франціи, преемникъ Клебера, неспособный Мену, могъ лишь съ величайшимъ трудомъ устоять противъ англійскихъ войскъ подъ начальствомъ храбраго генерала Аберкромби, какъ ни мужественно бились французскіе солдаты и ихъ опытные вожди (особенно Ренье и Бельяръ). И только тогда, когда побѣдоносный Аберкромби умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ дѣлѣ при Канопѣ (21 марта 1801), состоялся наконецъ договоръ, по которому французскія войска (24,000 человекъ), съ оружіемъ, военными запасами и со всѣми сокровищами науки и искусства, были отведены на англійскихъ корабляхъ во Францію. По Амiэнскому миру Англичане обѣщали возвратить Іоаннитскому ордену отнятый у Французовъ островъ Мальту, и согласились на то, чтобы Египетъ, какъ и республика Іонійскихъ островъ, оставались подъ верховною властью Порты.

§ 742. Новый разладъ. Амiэнскій миръ былъ заключенъ Англiей съ большою поспѣшностью, вслѣдствіе чего тамошняя журналистка громко заговорила противъ него враждебнымъ къ Бонапарту тономъ. Протекторство, присвоенное французскимъ правительствомъ не только надъ Италіей (§ 740), но также надъ Голландіей (§ 727) и Швейцаріей, было выставлено какъ нестерпимое тиранство.

Въ Швейцаріи Бонапартъ воспользовался раздоромъ между приверженцами стараго кантоннаго устройства и друзьями вновь введенныхъ единства и нераздѣльности, съ цѣлью преобразовать такъ-называемымъ посредническимъ (медіаціоннымъ) актомъ государствъ

венное устройство того края по примѣру французскаго. Въ этомъ актѣ Бонапартъ, какъ протекторъ Швейцаріи, возстановилъ прежнюю независимость кантоновъ, но такъ однакоже, что вся страна, какъ совокупное государство, была представляема земскимъ головою (ландамманомъ) и общимъ сеймомъ. Посредническій актъ, одно изъ благотворнѣйшихъ политическихъ дѣяній Наполеона, возстановилъ кантоны и въ тоже время скрѣпилъ Швейцарію союзно-государственной связью, которая держала разумную средину между единствомъ и особенностью.

Нападки свободной печати, которыхъ англійское правительство не могло остановить безъ нарушенія конституціи, возбудили сильное недовольствіе Бонапарта, не умѣвшаго переносить ни порицаній, ни противорѣчій. Французская офиціальная газета, «Мониторъ», въ которую Бонапартъ самъ присылалъ статьи, отвѣчала такимъ тономъ, который становился все болѣе ѣдкимъ и презрительнымъ, когда обнаружилось, что Англія нарочно медлитъ очищеніемъ Мальты. Большая дѣятельность на французскихъ корабельныхъ верфяхъ и путешествіе Себастьяни на Востокъ, казалось, свидѣтельствовали о предстоящемъ враждебномъ замыслѣ противъ Англіи. Даже приверженцы мира въ Великобританіи скоро убѣдились въ необходимости дальнѣйшей борьбы съ Бонапартомъ. Война, поэтому, была снова объявлена Франціи, и возвращеніе Пিতта въ министерство, главой котораго онъ оставался до своей смерти (1806), могло служить доказательствомъ, что англійское правительство рѣшилось такъ же энергически бороться противъ новаго военнаго владыки и присвоеннаго имъ протекторства надъ сосѣдними краями, какъ прежде боролась противъ революціи.

Санъ-Доминго. Новая война помѣшала французскому правительству завоевать обратно Санъ-Доминго. Вслѣдствіе провозглашенія правъ человека и освобожденія невольниковъ, въ этой французской колоніи произошли страшныя смуты: мулаты и негры возстали на бѣлыхъ плантаторовъ, потребовали равныхъ съ ними правъ и наконецъ учредили негритянскую республику подъ водительство хитраго и предпримчиваго Туссенъ-Лувертюра. Послѣдній, игравшій такую же роль на Санъ-Доминго, какую Бонапартъ во Франціи, былъ вѣроломно захваченъ зятемъ Наполеона, Леклеркомъ, и отвезенъ во Францію, гдѣ вскорѣ умеръ (8 іюня 1802); но храбрость негровъ и вредный климатъ острова въ два года истребили около 40,000 сухопутныхъ и морскихъ солдатъ, и между прочимъ самого предводителя. Когда, по возоб-

новленіи войны, французское правительство должно было обратить свои морскія силы противъ Англіи, цвѣтнокожіе и черныя поднялись снова, учредили республику Гаити, и поставили во главѣ ея кровожаднаго тиранна, негра Дессалина (окт. 1805). По убіеніи его возникли внутреннія распри, кончившіяся распаденіемъ острова (1808) на (негритянскую) монархію, съ негритянскимъ королемъ Христофомъ, и на (мулатскую) республику, подъ начальствомъ мулата Александра Песіона; но послѣ самоубійства короля Христофа, президентъ Буойѣ въ 1820 году опять совокупилъ весь островъ въ одну республику. Французскіе владѣльцы плантацій были впослѣдствіи вознаграждены по договору съ французскимъ правительствомъ; но такъ какъ высокая сумма вознагражденія потребовала наложенія тяжкихъ податей на негровъ и мулатовъ, которые только одни и пользуются правами гражданства, то въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ произошли тамъ новыя волненія, слѣдствіемъ которыхъ были бѣгство и низверженіе (1843) Буойѣ. Съ тѣхъ поръ междоусобіе и анархія господствуютъ на этомъ несчастномъ островѣ, который только обезьянски перенялъ внѣшнія формы образованныхъ державъ, небудучи способенъ усвоить себѣ ихъ государственный и общественный порядокъ. Земледѣліе въ упадкѣ, разведеніе кофе въ дикомъ состояніи, воздѣлка сахарнаго тростника исчезла совсѣмъ. Только банану и полудикимъ свиньямъ обязанъ «свободный негръ» тѣмъ, что живя на этой поистинѣ райской землѣ, до сихъ поръ еще не погибъ съ голоду отъ лѣни.

Б) ДѢЛА ВНУТРЕННІЯ.

§ 743. Новый дворъ и конкордатъ. Первоначальное стремленіе Бонапарта, примирить старое съ новымъ и связать плоды революціи съ монархическими учрежденіями, было благоразумно и похвально; но онъ слишкомъ скоро допустилъ пристрастію своихъ близкихъ къ формамъ королевской эпохи увлечь его на безусловное возстановленіе стараго порядка, нравовъ и обычаевъ. При дворѣ перваго консула появились снова прежніе наряды и моды, формы стараго этикета, щегольство и пышность королевской эпохи. Аристократическіе нравы, благовоспитанность и тонкіе приемы вѣкоръ стали опять считаться преимуществами. Суетная и страстная къ нарядамъ, но при этомъ истинно-любезная супруга Бонапарта, Жозефина, и ея дѣти (Евгеній и Гортензія Богарнѣ), сестры перваго консула, особенно Полина, и зять его Мю-

ра́тъ блистали красотой и юностью и своими свѣткими талантами способствовали стремленію властителя, облегчали ему путь *). Сокращеніе списка эмигрантовъ возвратило многихъ роялистовъ въ предѣлы отечества, а оказанная имъ благосклонность сдѣлала ихъ уступчивѣе и податливѣе на службу при новомъ дворѣ. Г-жа де-Сталь (дочь Некера) по-прежнему собирала въ своемъ салонѣ кружокъ образованныхъ и замѣчательныхъ людей (въ томъ числѣ былъ Бенжаменъ Констанъ). Тщеславіе Французовъ особенно способствовало возврату къ отличіямъ, орденамъ и титуламъ; якобинецъ Камбасересъ выступалъ въ Палѣ-Рояль настоящимъ «павлиномъ», весь въ лентахъ и орденахъ; а когда Наполеонъ учредилъ орденъ Почетнаго Легіона, республиканцы и роялисты жадно погнались за этою новою игрушкой человѣческой слабости и тщеславія. — Одной изъ первыхъ заботъ консула было возстановленіе христіанскаго

*) Родословная фамиліи Бонапартъ изъ Аяччіо на островѣ Корсикѣ.

Карло Буонапарте—Летиція, урожд. Рамолини
(† 1836 въ Римѣ).

1. Иосифъ Бонапартъ, 2. Наполеонъ Б. (I), 3. Люціанъ Б., 4. Элиза—Бавіянки,
графъ Сюрвилле, князь Канино, † 1820.
† 1844 † 1840.

Наполеонъ (II),

герцогъ Рейхштадтскій, † 1832.

3. Людовикъ Б., 6. Поллина—Боргезе, 7. Каролина—Мюрать, 8. Иеронимъ Б.,
герцогъ Сентъ-Лѣ, † 1825. графиня Липона, род. 1784,
† 1846. (Наполи), герцогъ Монфорт-
скій

(губернаторъ Дома
Инвалидовъ въ Па-
рижѣ, † 1860).

Наполеонъ Бонапартъ—Жозефина Богарнѣ (урожд. Таше де ла
Пажерр).

Евгеній,
герцогъ Лейхтенбергскій,
† 1824.

Гортензія—Людовикъ Бонап.,
герцогъ Сентъ-Лѣ,
умерла 1837.

Людовикъ Наполеонъ (III)

(съ 1848 по 1852 президентъ французской
республики, со 2 дек. 1852 императоръ
Французовъ).

богослуженія во французскихъ церквахъ. Отмѣнивъ республиканскіе праздники (10 августа и 21 января) и указавъ праздновать воскресенье, онъ открылъ переговоры съ римскимъ дворомъ, которые привели къ заключенію конкордата (15 іюль 1801). Чтобы сдѣлать церковь и ея служителей столь же гибкими и покорными, какъ государство и чиновниковъ, Наполеонъ не хотѣлъ ни возстановленія старой галликанской церкви съ ея соборами и упрямую самостоятельность, ни давшаго гражданскую присягу, демократическаго духовенства революціонной эпохи. Онъ предпочелъ согласиться съ римскою куріей въ установленіи такого порядка, по которому французская церковь подчинялась бы вмѣстѣ и папѣ и свѣтскому государю. Новое церковное раздѣленіе края должно было изгладить старыя воспоминанія, а производство жалованья высшему и низшему духовенству отъ казны и утвержденіе епископовъ римскою куріей — уничтожить прежнюю ихъ независимость. Но союзъ свѣтскаго и духовнаго властелиновъ не былъ ни спасителенъ, ни проченъ. Каждый изъ нихъ стремился къ исключительному преобладанію, и римскій прозелитизмъ вскорѣ сталъ досадовать на то постановленіе конституціи, по которому не только всѣ христіанскія исповѣданія, но даже и Евреи должны были пользоваться гражданскою и церковною равноправностію и наслаждаться полною терпимостію вѣры.

Конкордатъ, заключеніе котораго было отпраздновано публично въ первый день Пасхи (18 апрѣля 1802), содержалъ въ себѣ слѣдующія существенныя постановленія: 10 архіепископовъ и 50 епископовъ назначаются правительствомъ, отъ него же получаютъ и жалованье, но утверждаются папой. Всѣ духовныя лица, какъ не присягнувшія, такъ и присягнувшія и женатыя, равно отказываются отъ своихъ мѣстъ, но могутъ опять получить ихъ. Отлученные снова принимаются въ лоно церкви и до смерти своей получаютъ содержаніе отъ казны. Отобранное церковное имущество остается въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ; число праздниковъ ограничивается.

Большую силу и вліяніе получила монархическая власть передачей народнаго обученія въ вѣдѣніе свѣтскаго правительства. Тѣмъ, что всѣ преподаватели и учебныя заведенія стали зависть отъ государства, последнее пріобрѣло себѣ такое же вліяніе на умственное направленіе народа, какимъ прежде обладала церковь.

Заботливость перваго консула главнымъ образомъ была обращена на высшія учебныя заведенія (въ особенности на учрежденную Мон-

жемъ Политехническую школу въ Парижѣ). Эти заведенія были снабжены богатыми средствами изъ государственной казны, между тѣмъ какъ среднія и низшія школы были предоставлены общинамъ, но съ подчиненіемъ ихъ надзору государственной власти. Въ эпоху императорства, во главѣ ихъ былъ поставленъ зависящій отъ правительства императорскій университетъ, съ обязанностью устроить всѣ учебныя заведенія и наблюдать за ними, подвергать преподавателей испытанію и руководить всею учебною частью — великолѣпная вѣра, которая отнимала надзоръ за преподаваніемъ у духовенства и передавала его правительству. Учрежденный директоріей, на мѣсто упраздненныхъ академій, Національный Институтъ для обработки и развитія искусствъ и наукъ, былъ вновь устроенъ и расширенъ Наполеономъ, но при этомъ сталъ параднымъ ученымъ учрежденіемъ, въ которомъ воскурялся олимпіамъ консулу, а потомъ императору.

§ 744. Заговоры. Наполеонъ, какъ почти всѣ люди, привыкшіе къ военной дисциплинѣ, имѣлъ крутой, деспотическій нравъ. Поэтому онъ болѣе и болѣе ограничивалъ свободу и политическія права гражданъ, преслѣдовалъ якобинцевъ и теоретиковъ-республиканцевъ («идеологовъ») и возложилъ все свое довѣріе на свою гвардію и строгую тройную полицію, состоявшую подъ управленіемъ лукаваго, способнаго на всѣ происки и хитрости, Фушѣ и др. Эти преслѣдованія усилились, когда смѣлый корсиканецъ Арена и даровитый ваятель Черакки съ нѣкоторыми товарищами посягнули на жизнь перваго консула, но, открытые Фуше (2 дек. 1800), заплатились за то собственной жизнью. Съ тѣхъ поръ всѣми заговорами и покушеніями на убійство пользовались на пагубу республиканцамъ, даже когда они вовсе не участвовали въ заговорѣ, какъ напр. по поводу дерзкаго замысла — посредствомъ такъ-называемой адекой машины, то-есть искусно начиненной пороховомъ, ядрами и горючими веществами бочки, взорвать Бонапарта на воздухъ при проѣздѣ его въ оперный театръ (24 дек. 1800). Только проворство его кучера спасло Наполеона отъ смерти, но машиной разрушено много домовъ и много людей перебито. Вслѣдствіе этого злодѣйства, 130 якобинцевъ, признанныхъ за террористовъ и сентябрьскихъ убійцъ или по крайней мѣрѣ за подозрительныхъ, были приговорены къ ссылкѣ и не помилованы даже и тогда, когда оказалось, что покушеніе сдѣлано роялистами изъ круга графа д'Артуа (Кадудалемъ, Гидъ-де-Нёвиллемъ и др.). Опаснѣе и обширнѣе стали заговоры противъ Бонапарта, когда подача голосовъ всѣмъ міромъ доставила ему пожизненное кон-

сульство (2 авг. 1802) и право назначить себя преемника. Этимъ была отрѣзана у Бурбоновъ послѣдняя надежда, вслѣдствіе чего эмигранты, которымъ англійское министерство, его посланники и дипломаты въ Германіи помогали деньгами и другими средствами, всячески старались погубить Наполеона. Орудіями явились опять дерзкій Жоржъ Кадудаль и генераль Пишегрю, одаренный чрезвычайно силой; послѣдній еще прежде былъ въ сношеніяхъ съ Кондѣ и послѣ своего бѣгства изъ Южной Америки (§ 734) проживалъ въ Англіи. Они тайно отправились во Францію, имѣли свиданіе съ Морѳ, ненавидѣвшимъ господство Наполеона, но были открыты и вмѣстѣ съ 40 соумышленниками заключены въ тюрьму. Еще прежде чѣмъ рѣшилась ихъ участь, Наполеонъ, которому представили, будто герцога Ангіенскій, благородный внукъ принца Кондѣ, есть душа всѣхъ роялистскихъ заговоровъ, далъ увлечь себя къ возмутительному поступку. По его приказанію, молодой, даровитый принцъ былъ схваченъ ночью (15 марта 1804) въ баденскомъ городкѣ Эттенгеймѣ шайкою вооруженныхъ людей, съ величайшей поспѣшностью отвезенъ черезъ Страсбургъ въ столицу Франціи, быстро приговоренъ военнымъ судомъ къ смерти и, не смотря на свое благородное защищеніе, въ которомъ онъ рѣшительно отвергалъ всякое участіе по заговору, тотчасъ же разстрѣлянъ въ Венсенскомъ рвѣ (21 марта). Это дѣло, поставившее Бонапарта на ряду съ неистовыми террористами 1793 года, возмутило всю Европу и заставило молчать его поклонниковъ. Романтическій поэтъ Шатобріанъ, авторъ знаменитаго сочиненія: «Духъ Христіанства», проложившаго путь къ возстановленію христіанскаго богослуженія и къ заключенію конкордата, отказался тогда отъ своей государственной должности, доставленной ему сестрою Бонапарта Элизой, и удалился въ Швейцарію. Россія, Швеція (за Померанію) и Англія (за Ганноверъ) старались въ Регенсбургѣ выхлопотать декларацію, какой повидимому требовали достоинство и независимость имперіи при такомъ нарушеніи ея территоріальныхъ правъ; но уполномоченные нѣмецкихъ правительствъ до тѣхъ поръ медлили подачей своихъ голосовъ, пока ваканція сейма дала имъ возможность поспѣшно выѣхать изъ Регенсбурга. Такъ великъ былъ страхъ передъ могущественнымъ сосѣдомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, англійскій повѣренный въ дѣлахъ Рѣмбольдъ по такой же причинѣ былъ насильственно схваченъ (24 окт.) на Гамбургской территоріи, но потомъ отпущенъ по ходатайству Пруссіи. Вскорѣ послѣ того рѣшилась участь заговорщиковъ. Пише-

грю уже умеръ въ тюрьмѣ насильственною смертію (25 іюня), неизвѣстно отъ своей ли руки, или отъ чужой; Жоржъ Кадудаль погнѣбъ съ одиннадцатью соучастниками на гильотинѣ, а слабый, руководимый своею женою и тещею Мордъ согласился на добровольное изгнаніе въ Америку, послѣ того какъ былъ приговоренъ крайне произвольнымъ судомъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію и уплатѣ судебныхъ расходовъ. Остальные были частію наказаны тюрьмой, частію отданы подъ надзоръ полиціи. Страхъ къ скрытому могуществу легитимизма былъ причиной, что Наполеонъ постоянно смотрѣлъ съ безпокойствомъ и опасеніемъ на выселившуюся королевскую фамилію, а когда жившій въ Варшавѣ Людовикъ XVIII, обманувшись въ своихъ надеждахъ, разоблачилъ попытки Наполеона, въ началѣ его консульства, вступить съ нимъ въ тайные переговоры, то это еще болѣе раздражило влестителя Франціи противъ бурбонской династіи. Убіиство герцога Ангіенскаго и въпослѣдствіи низверженіе Бурбоновъ въ Неаполѣ и Испаніи вытекли прямо изъ этого чувства гнѣва и мести.

II. Французская имперія (1804—1814).

§ 745. Императорство. Направленными противъ него заговорами Бонапартъ воспользовался для осуществленія своего давно замышленного плана учредить наследственную монархію. Пронски слѣпыхъ приверженцевъ его помогли ему достигнуть того, что трибунатъ предложилъ предоставить первому консулу наследственный императорскій санъ съ правомъ произвести по своему усмотрѣнію соответственную перемѣну въ государственномъ устройствѣ, что предложеніе это было утверждено сенатомъ и потомъ (18 мая) одобрено всею націею, заявившею свою волю именною подписью. Умы были еще объаты боязненною тревогой, возбужденной такъ недавно кровавыми казнями, когда Наполеонъ I провозглашенъ былъ императоромъ и къ концу года торжественно помазанъ папою въ храмъ Парижской Богоматери (Notre Dame). Но корону возложилъ онъ самъ на себя и потомъ на преклонившую предъ нимъ колѣна супругу свою Жозефину. Блистательное празднество коронаціи казалось заключеніемъ всѣхъ революціонныхъ бурь; теперь стало постепенно возвращаться все прежнее, для уничтоженія чего не пощадили многихъ тысячъ человѣческихъ жизней. Новый императоръ окружилъ свой тронъ блестящимъ придворнымъ штатомъ, среди котораго ожили прежніе титулы, ордена и чины, только въ другой формѣ. Самъ онъ оставался, правда, при своей воинской простотѣ, но члены его дома были возведены въ принцы и принцесы съ богатыми надѣлами (дотаціями); его генералы, вышедшіе почти всѣ изъ средняго класса и изъ рядовыхъ солдатъ, сдѣлались маршалами; преданные слуги и дѣятельные соучастники его плановъ были привязаны къ новому императорскому трону въ качествѣ высокихъ коронныхъ сановниковъ или сенаторовъ съ большими окладами. Учрежденіе новаго помѣстнаго дворянства съ старыми титулами князей, герцо-

говъ, графовъ, бароновъ завершило собою новое великолѣпное зданіе блестящаго императорскаго двора. Возвратившіеся роялисты и республиканцы тѣснились на перебой, къ этому двору, который вскорѣ превзошелъ пышностью не только прежній версальскій, но и всѣ дворы современныхъ государей. Царедворцы, льстецы и наушники, щедро надѣляемые жалованьемъ, явились въ избыткѣ, и народъ среди торжествъ и роскошной обстановки вскорѣ опять забылъ объ уtratѣ свободы. Только Карно и Лафайеттъ не преклонились передъ новымъ владычествомъ; зато не получили они ни титуловъ, ни чиновъ. Республиканскія учрежденія мало-по-малу упали. Снова введенъ былъ старый календарь. Новому дворянству разрѣшены майораты (1806), бѣлое и черное духовенство опять начали вступаться въ воспитаніе, за книжной печатью учрежденъ былъ строгій надзоръ, личная свобода подверглась нарушеніямъ, политическая дѣятельность народа и выборное право гражданъ стѣснялись все болѣе и болѣе. Всякое противорѣчіе казалось невыносимо властителю; ему необходимо было единоличное господство, и онъ разумѣется не могъ желать, чтобы представительныя палаты распоряжались средствами власти. Поэтому уже въ 1802 г. онъ убавилъ число трибуновъ до 50, потомъ запретилъ всеобщія совѣщанія и наконецъ совершенно упразднилъ трибунатъ (1807). Съ тѣхъ поръ рѣчь могла быть только о повиновеніи, и Франція очутилась подъ такимъ деспотизмомъ, какого не видала и при прежнихъ короляхъ. Но деспотъ былъ великій человекъ, сохранившій многое изъ пріобрѣтеній революціи; поэтому и склонялись передъ нимъ охотнѣй. Возросшій въ идеяхъ и событіяхъ французскаго переворота, чистый отъ всѣхъ его злодѣйствъ, одаренный достаточной силою ума, чтобы сознать и то, что въ немъ было истиннаго, и то, въ чемъ онъ заблуждался, Наполеонъ сталъ спасителемъ Франціи во времена внутренняго и внѣшняго разстройства и былъ повидимому призванъ къ тому, чтобы собрать великую жатву цѣлаго столѣтія, сдѣлаться благодѣтелемъ Европы и основателемъ новаго порядка въ будущемъ. Равенство всѣхъ передъ закономъ, одинаковое участіе въ несеніи податей и право собственности крестьянъ на землю дѣлали гнетъ новой власти сносите для Франціи. Конечно, законъ о конскрипціи (общей обязанности нести военную службу) обходился дорого при кровопролитныхъ войнахъ, а прямые и косвенные налоги (*droits réunis*) падали тяжелымъ бременемъ, но не смотря на то, народонаселеніе возрастало въ числѣ и преуспѣвало въ благосостояніи, потому что у простолюдина

была собственность и чувство личной свободы поощряло его къ дѣ-
ятельному труду. Притѣснительная континентальная система,
которую Наполеонъ старался запретить весь европейскій материкъ для
англійской торговли, чтобы разорить ее окончательно, была безспорно
великимъ зломъ для свободныхъ сношеній и вызвала, въ видѣ необхо-
димаго противоядія, безнравственную контрабанду въ обширѣйшихъ
размѣрахъ, — однакожь внутри могущественной имперіи торговля про-
цвѣтала безпрепятственно и деньги постоянно были въ изобиліи. Ману-
фактурная промышленность (при помощи успѣховъ точныхъ наукъ)
двигалась впередъ исполненными шагами, мирныя искусства развились
неслыханнымъ образомъ, техническія училища готовили ремеслен-
никовъ, которые при общемъ благостояніи жили хорошо и обогащались.
Практическія науки находили себѣ покровительство и поощреніе и
достигли замѣчательной высоты; поэзія и драматическое искусство
были, въ свою очередь, также ободряемы. Величественныя дороги,
какова напримѣръ проложенная черезъ Альпы, каналы, мосты и раз-
наго рода заведенія служить и до сихъ поръ краснорѣчивыми памят-
никами неутомимой дѣятельности этого замѣчательнаго чело-вѣка. Па-
рижъ украсился пышными чертогами, величественными мостами и
безподобными улицами; въ Луврѣ соединено было все, что искусство
когда-либо создало великаго и изящнаго; столица Франціи блистала
никогда не виданнымъ великолѣпіемъ. Всякое иго облегчалось для
французскаго народа тою славою, какую изливала на него импера-
торъ; этотъ народъ готовъ былъ забыть, что среди шума побѣдъ и
звука военныхъ трубъ, совершенно замеръ голосъ свободы, что высо-
копарный тонъ бюллетеней (официальныхъ вѣстей изъ арміи) и торже-
ственные рѣчи въ сенатѣ и законодательномъ корпусѣ были совершен-
нымъ искаженіемъ правды и прямоты. Питомцы и наследники демо-
кратіи старались перещеголять другъ друга въ изліяніи лести и воску-
реніи оспіямовъ; не довольно имъ было «великаго» Наполеона, при-
думали еще Наполеона «святаго» и въ чествованіи его соединили мысль
о возстановленіи религіи и днѣ рожденія императора.

I. Третья коалиціонная война.

§ 746. Новая коалиція. Между тѣмъ какъ Англичане
воспользовались возобновленіемъ войны съ Франціей, чтобы
нечаянно захватить голландскія и французскія суда, Бонапартъ

двинулъ свои войска под начальствомъ Мортъё къ Везеру (май 1803), чтобы занять принадлежавшее Англійскому королю курфюршество Ганноверъ. И народъ, и вооруженная сила готовы были положить жизнь и добро на защиту отечества, но себялюбивое дворянство верховной коллегіи (Geheimerathscollegium) съ одной стороны, а трусливое чиновничество съ другой предпочли честному бою, который, положимъ, обошелся бы и не безъ потерь, постыдную капитуляцію, предоставившую Французамъ весь край вплоть до Эльбы. Въ силу позорнаго Зуллингенскаго договора (3 іюня 1803), храбрая армія под начальствомъ Вальмодена вынуждена была нехотя сперва отступить за Эльбу въ Лауэнбургскіе предѣлы, а потомъ подвергнуться распушенію, предписанному слабодушнымъ правительствомъ (5 іюля). Оружіе, военные запасы и отличныя лошади достались въ руки Французамъ, которые заняли теперь край своими войсками, обременили его тяжкимъ постоемъ и истощали военными контрибуціями и разными требованіями въ натурѣ. Къ половинѣ іюня ганноверской арміи уже не существовало, и бѣдный народъ былъ беззащитно преданъ на волю чужеземнаго деспотизма и полицейскаго владычества. Многіе мужественные, благородные и любившіе отчизну люди убѣжали въ Англію, вступили тамъ въ ряды «нѣмецкаго легиона» и доказали свойственную имъ храбрость въ разныхъ битвахъ далеко отъ родины. Такимъ образомъ эти стойкія войска успѣли въ борьбѣ съ самовластіемъ Наполеона стереть съ своей чести пятно, наложенное на нее не ими самими, а неспособнымъ правительствомъ.

Разсчитано, что 26-тимѣсячное французское занятіе обошлось краю въ 26 милліон. талеровъ, тогда какъ ежегодные доходы Ганновера отнюдь не превышали тогда 5 милліоновъ. Положеніе его было такое жалкое, что сосѣди, Ганзейскіе города, и даже курфюрстъ Гессенскій, собрали подъ видомъ ссуды около 2 милліоновъ талеровъ ему въ помощь; но эта сумма покрыла только малую часть потребности. Трудно сказать, какого еще больше гнета должно было ожидать отъ Французовъ, даже еслибъ воспротивиться имъ силою и подвергнуться въ качествѣ побѣжденнаго всей строгости военныхъ законовъ.

Грозное положеніе, принятое Наполеономъ въ Ганноверѣ относительно всего сѣвера, вмѣстѣ съ произвольными распоряженіями его

въ Италіи, содѣйствовали къ совершенному расторженію союза между Французскимъ и Россійскимъ императоромъ, охладѣвшаго уже со времени убійства герцога Ангіэнскаго. Съ другой стороны англійскій министръ Питтъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что ни Англіи, ни Европѣ никогда не видать покоя, пока во Франціи господствуютъ революціонныя идеи, подрывающія всякое историческое право и всякій политическій порядокъ и поддерживаются самовластнымъ, воинственнымъ и всегда готовымъ къ бою государемъ: поэтому, когда Питтъ вторично отвергнулъ миръ, предложенный Наполеономъ по учрежденіи имперіи, и завязалъ съ Россіей переговоры насчетъ новой коалиціи, онъ уже нашелъ себѣ благосклонный пріемъ. Императоръ Александръ озабочивался возрастающимъ могуществомъ Наполеона въ Италіи (созванная въ Парижъ консульта провозгласила его Италійскимъ королемъ, и въ Миланѣ онъ торжественно вѣнчался желѣзною короной Ломбардовъ, 17 марта 1805), въ Германіи (гдѣ на переговоры о вознагражденіяхъ не были допущены русскіе дипломаты, а изъясненія покорности и льстивыя слова, которыми осыпали Наполеона владѣтельные князья и народъ при торжественномъ проѣздѣ его, по учрежденіи имперіи, чрезъ рейнскіе города, въ Ахенѣ, Кѣльнѣ и Майнцѣ, ясно обнаружили возрастающій вѣсъ новаго властителя и его преобладающее положеніе въ томъ краѣ), въ Испаніи (которая обязалась новымъ договоромъ доставлять Франціи военныя суда и давать ей ежегодно денежное вспоможеніе) и наконецъ въ Голландіи (гдѣ благородный Схиммельпенинкъ невольно долженъ былъ содѣйствовать установленію монархическаго устройства § 747. 2); къ тому же Александра раздражали и непріятности, которыя Наполеонъ, сторяча, дѣлалъ иногда русскому послу въ Парижѣ; все это побудило его заключить съ Англіей союзъ для огражденія Европы отъ властолюбія и алчности Наполеона и для отгѣсненія Франціи въ черту ея прежнихъ границъ. Вскорѣ къ союзу приступила Австрія, а спустя нѣсколько недѣль и Швеція; на сторону его склонился также Неаполь, побужденный къ тому появленіемъ англо-русскаго флота у кампанскихъ береговъ (апр. 1805). Англія субсидіями расплачивалась за тѣ выгоды, которыхъ надѣялась отъ новаго союза. Пруссія напротивъ осталась нейтральною, не смотря на усилія той воинственной партіи, во главѣ которой стояли, украшенная всѣми царственными и гражданскими доблестями, королева Луиза и храбрый, веселонравный принцъ Лудвигъ-Фердинандъ; старанія ихъ расшевелили общій патріотизмъ и побу-

дить миролюбиваго, нерѣшительнаго короля къ участию въ коалиціи, не увѣнчались успѣхомъ. При этомъ, однакожь, Пруссія приняла двусмысленное, угрожающее положеніе, которое оскорбило французскаго владыку, не причинивъ ему ни мало вреда. Между королемъ и министерствомъ стоялъ кабинетъ, въ которомъ господствовали преданные Французамъ и не знавшіе любви къ отечеству совѣтники Гаугвицъ, Ломбардъ, да еще надутый и ограниченный Бейме; эти люди пользовались довѣріемъ короля и имѣли самое пагубное вліяніе. Записка Барона Штейна, тогдашняго министра таможенныхъ, торговыхъ и банковыхъ дѣлъ, въ которой онъ изложилъ все недостатки организаціи кабинета и представилъ необходимость общей министерской конференціи, въ надеждѣ побудить короля къ увольненію его совѣтниковъ и перемѣнѣ его политической системы, осталась покамѣсть безъ всякаго послѣдствія.

Принцъ Лудвигъ. «Принцъ Лудвигъ Фердинандъ, двоюродный братъ короля, говоритъ Гейсеръ, былъ отъ самой природы надѣленъ тѣми дарами, которыя дѣлали его рыцарственнымъ героемъ и передовымъ бойцомъ этого суроваго, желѣзнаго времени. Талантливый, полный мужества, отваги и вмѣстѣ бодрой веселости, мастеръ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, геніальный, остроумный, краснорѣчивый, щедро осыпанный и способностями художника и преимуществами свѣтскаго чловѣка, притомъ свободно глядя на современное политическое положеніе и нисколько не стѣсняясь слѣпымъ суевѣріемъ въ превосходство старины, этотъ принцъ, находившійся въ полномъ цвѣтѣ юношескихъ силъ, казался болѣе всякаго другаго предназначеннымъ совмѣстить въ своей личности геройскій духъ старыхъ Пруссакъ съ геніальными свойствами эпохи великаго Фридриха. Къ сожалѣнію ему недоставало только старопрусской строгости и дисциплины. Не то, чтобъ такая богатая натура могла легко погибнуть въ вихрь наслажденій, среди которыхъ онъ искалъ забыться, — въ игрѣ, необузданномъ весельѣ, любовныхъ приключеніяхъ и легкомысленномъ обществѣ: его врожденное благородство никогда не измѣняло себя въ рѣшительныя минуты; но все же тутъ дробилась и расточалась по мелочи такая сила, которая несла въ себѣ самое высокое призваніе.»

Италія. Здѣсь не только Италійская республика обращена была въ королевство и въ качествѣ императорскаго намѣстника назначенъ вещекоролемъ пасынокъ Наполеона Евгений Богарнѣ, но и самыя предѣлы новаго владѣнія расширены присоединеніемъ Пармы (которую другія державы хотѣли отдать Сардинскому королю въ вознаг-

раженіе за потерю Піэмонта). Республику Лукку, которой республиканизмъ сошелъ подъ ковецъ на самый тѣсный кругъ аристократіи, Наполеонъ отдалъ, въ видѣ наследственнаго княжества, вмѣстѣ съ Піомбино и нѣкоторыми смежными мѣстами, своей сестрѣ Элизѣ, прославленной покровительницѣ ученыхъ и поэтовъ-романтиковъ, бывшей въ замужествѣ за Корсиканцемъ Баччіокки (1805); впоследствии, когда къ Франціи присоединена была и Этрурія (Тоскана), оба супруга получили въ управленіе этотъ край (1800). Элиза и ея мужъ оставили по себѣ добрую память въ Луккѣ: они были дѣятельны и желали истинно добра своимъ подвластнымъ. Тамъ былъ введенъ Наполеоновъ кодексъ; благотворительныя учрежденія и тюрьмы, воспитательныя заведенія для высшихъ сословій, равно какъ и первоначальныя школы для народа, а также сельскія общины, земледѣліе и промыслы пользовались одинаково попеченіемъ правительства и подвергались, въ случаѣ нужды, разумнымъ преобразованіямъ. Особое вниманіе обращено было на устройство сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній; тогда состоялась и очаровательная отдѣлка Лимской долины при Луккескихъ минеральныхъ водахъ; самый городъ обязанъ этому времени и правительству бездною улучшеній. Элиза мужественно отстаивала интересы того края передъ притязаніями французскихъ властей и деспотическими мѣрами своего царственного брата. — Римскій князь Боргезе, второй супругъ прекрасной, легкомысленной Паулины Бонапартѣ (вдовы Леклерка), также получилъ во владѣніе значительныя участки земли; а Генуя была вынуждена просить о присоединеніи къ Франціи Лигурійской республики. Піэмонтъ остался за имперіей, не смотря на настоянія императора Россійскаго, чтобы этотъ край былъ возвращенъ прежнему его владѣльцу.

§ 747. Аустерлицъ. Вниманіе всей Европы было обращено на западный берегъ Франціи, гдѣ Наполеонъ съ сугубой дѣятельностью снаряжалъ суда разныхъ величинъ и собиралъ въ Булонн громадный лагерь, чтобы, какъ полагали, предпринять высадку на англійскій берегъ; а онъ въ совершенной тайнѣ готовился между тѣмъ къ достопамятному походу 1805 г. Никогда полководческій талантъ и военный гений Наполеона не выступали съ такимъ блескомъ, какъ именно въ планѣ этого похода, начертанномъ съ дивною зоркостью ума и вѣрностью взгляда и выполненномъ равно быстро и успѣшно. Обезпечивъ себѣ помощь со стороны бѣльшей ча-

части южно-германскихъ государей, Наполеонъ съ семью корпусами, составленными изъ закаленныхъ въ бою войскъ и подъ начальствомъ самыхъ опытныхъ генераловъ, Нея, Ланна, Мармона, Сульта, Мюрата и друг., перешелъ за Рейнъ, чтобы противустать здѣсь Австрійцамъ, вступившимъ въ Баварію и занявшимъ Мюнхенъ. Бернадотъ, для соединенія съ Баварцами, двинулся, не уваживъ прусскаго нейтралитета, чрезъ бранденбургское маркграфство Ансбахъ къ Дунаю и тѣмъ самымъ дотого оскорбилъ колебавшагося до сихъ поръ Фридриха Вильгельма III, который сближался то съ Французами то съ личнымъ своимъ другомъ, императоромъ Россійскимъ, что вынудилъ его примкнуть совсѣмъ не въ-время къ коалиціи. Наполеонъ между тѣмъ вступилъ въ Швабію. Курфюрсты Баденскій, Вюртембергскій и Баварскій приумножили своими войсками силы и безъ того уже могущественнаго врага, столько же надѣясь отъ его благосклонности, сколько и опасаясь его гнѣва. То же сдѣлали герцоги Гессенскій, Нассаускій и друг. Уже въ октябрѣ Французы овладѣли обоими берегами Дуная, перейдя эту рѣку у Донаувёрта (6—11 окт. 1805) и побѣдивъ Австрійцевъ при Вертингенѣ, Гюнцбургѣ и Альбекѣ. Они заняли Аугсбургъ и Мюнхенъ, между тѣмъ какъ австрійскій главнокомандующій Макъ по какому-то изумительному ослѣпленію оставался съ своей арміей въ крѣпости Ульмѣ, допуская непріятели распространяться вокругъ. Оттого и дошло до невѣроятныхъ послѣдствій. Послѣ удачнаго боя, выдержаннаго Неемъ подъ Эльхингеномъ (14 окт.), Макъ былъ совершенно запертъ въ Ульмѣ и отрѣзанъ отъ главной арміи. Растерявшись и отчаявшись въ спасеніи, неспособный полководецъ, окруженный малодушнымъ дворянствомъ (толпою маменькиныхъ сынковъ), вступилъ съ побѣдителемъ въ переговоры, окончившіеся постыдною Ульмскою капитуляціей (20 окт.). Въ силу этого безчестнаго договора 23,000 Австрійцевъ, въ томъ числѣ 18 генераловъ, сдались военнопленными. Храбрые прежде воины со стыдомъ должны были дефилировать передъ Наполеономъ, сложить предъ побѣдителемъ оружіе и 40 знаменъ и выдать ему 60 пушекъ со всѣмъ приборомъ. Слишкомъ поздно убѣдились въ Вѣнѣ, что Маку не по силамъ высокое его положеніе; его отдали подъ

военный судъ и лишили всѣхъ званій, чиновъ и преимуществъ по службѣ. При подобныхъ, конечно довольно рѣдкихъ, слупаяхъ оказываются пагубныя послѣдствія того, когда правительство въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній сряду поощряетъ одну механическую дѣятельность, одну практику, зубреніе наизусть и прозаизмъ эгоистическаго разсчета, преслѣдуя, напротивъ, всякую поэзію всякую силу характера, всякую особенность и геніальность. Въ Вѣнѣ давно уже привыкли устранять всѣ самостоятельныя личности и благоволили къ одиѣ только посредственностямъ, съ которыми можно дѣлать что хочешь.

Наполеонова радость по поводу неслыханной военной удачи была однакожъ умалена одержанною въ это время Англичанами морскою побѣдою при Трафальгарѣ (21 окт. 1805); слѣдствіемъ ея была утрата всего французскаго флота, котораго снаряженіе стоило громадныхъ суммъ. Лѣтъ тридцать послѣ этого вовсе не существовало у Французовъ морскихъ силъ; тотъ самый флотъ, который предназначался для завоеванія Англіи, плавалъ теперь въ развалинахъ у андалузскихъ береговъ, и господство Британцевъ на морѣ не имѣло себѣ соперника въ старомъ свѣтѣ. Не безъ примѣси горя было однакожъ и торжество Англичанъ: въ битвѣ палъ увѣнчанный славою морскаго героя адмиралъ Нельсонъ. Величайшее дѣйствіе произвелъ послѣдній его приказъ: «Англія ждетъ отъ насъ, что каждый исполнитъ свою обязанность». Ульмская катастрофа рѣшила и судьбу итальянской кампаніи. Не смотря на храбрость, съ какою эргерцогъ Карлъ возстановилъ честь австрійскаго оружія противъ Массены при Кальдіэро (30 окт.), цесарскія войска должны были отступить за Изонцо и предоставить верхнюю Италію врагу.

Король Пруссій Фридрихъ Вильгельмъ III, огорченный безпощаднымъ нарушеніемъ его нейтралитета и подстрекаемый патріотическою военною партіей, дозволилъ Русскимъ и Шведамъ переходъ чрезъ свои владѣнія въ Ганноверъ, возобновилъ союзъ вѣчной дружбы съ императоромъ Александромъ, клятвою въ ночной часъ надъ гробомъ Фридриха Великаго въ Потсдамской гарнизонной церкви (3 ноября), и потомъ отправилъ Гаугвица къ Наполеону съ грознымъ требованіемъ принять за основанія мира прежніе договоры въ Германіи, Италиі, Голландіи и Швейцаріи. Французы между тѣмъ, среди

кровавыхъ битвъ съ Австрійцами и храбрыми русскими войсками подъ начальствомъ Кутузова и Багратиона, приближались вдоль Дуная къ сердцу австрійскихъ владѣній. Корпусъ австрійскаго генерала Мерфельдта былъ разсѣянъ и самъ онъ съ небольшимъ отрядомъ вынужденъ поспѣшно отступить въ Венгрію (8 ноября); зато Мортѣе сильно потерпѣлъ отъ Кутузова при Дюрренштейнѣ. Кровавый бой при Дюрренштейнѣ и Штейнѣ (11 ноября) доказалъ Французамъ, что они имѣютъ въ лицѣ Русскихъ храбрыхъ, воинственныхъ и осторожныхъ противниковъ; съ другой стороны величайшею самоувѣренностью наполнили ихъ легкость, съ какою Мюратъ овладѣлъ Вѣной (13 ноября), подслужничество малодушныхъ австрійскихъ чиновниковъ, которые старались по возможности угодить путь хищному врагу, и совершенное безголовье князя Ауэрсберга, который поддался дерзкой хитрости французскихъ предводителей, поддѣвшихъ его на слухи о мирныхъ переговорахъ, и ничего не видя предоставилъ имъ безъ обороны и во всей цѣлости укрѣпленный мостъ черезъ Дунай. Нерѣшимость и вялость императора Франца и разногласіе Австрійцевъ съ Русскими облегчили побѣду Французамъ, которые, забравъ несметную добычу, среди постоянныхъ схватокъ преслѣдовали русско-австрійскія силы въ Моравію. Здѣсь, въ годовщину коронаціи Наполеона (2 дек. 1805), дошло до убійственнаго сраженія трехъ императоровъ подъ Аустерлицемъ¹; и восходящее зимнее солнце озарило одну изъ блистательнѣйшихъ побѣдъ французскаго властителя.

Русскіе, потерявъ большую часть артиллеріи и людей, всего около 30,000 человекъ, быстро отступили за рѣку Мархъ, чтобы подкрѣпиться новыми силами. Въмѣсто того, чтобъ выждать этихъ подкрѣпленій и по соединеніи съ ними и съ готовымъ наконецъ къ бою. Пруссаками снова напасть на врага, императоръ Францъ, уступая совѣтамъ князя Іоанна Лихтенштейна, рѣшился уничиженно посѣтить Наполеона во французскомъ лагерѣ и согласился на перемиріе (4 дек.), обязавшее Русскихъ возвратиться въ свои предѣлы и отдававшее Австрію

¹ Всѣ три императора принимали въ этомъ сраженіи личное участіе.

на произволь побѣдителя. Этого оскорбительнаго для него дня Австрійскій монархъ никогда не могъ простить Наполеону.

Затѣмъ, чтобы скорѣе сбыть съ рукъ непріятельскія войска, тяжело обременявшія страну контрибуціями, поборами и всякимъ гнетомъ, австрійское правительство поспѣшило заключить Пресбургскій миръ (26 дек.), не смотря на то, что онъ отрывалъ отъ имперіи всю верхнюю Австрію, Тироль, Венеціанскую область, предоставлялъ короны Неаполя и Голландіи членамъ Бонапартова дома, а Нѣмецкую имперію велъ къ совершенному разложенію и ставилъ подъ безусловное вліяніе французскаго властителя, съ которымъ дворы Баденскій, Вюртембергскій и Баварскій соединились притомъ родственными связями.

Гаугвицъ, отправленный въ главную квартиру Наполеона съ весьма спѣшными предложеніями о посредничествѣ и, послѣ долго замедленнаго и слишкомъ неторопливаго путешествія, давшій Французскому императору еще задержать себя хитро-разсчитанными вѣжливостями до тѣхъ поръ, пока былъ нанесенъ рѣшительный ударъ подъ Аустерлицемъ, не отважился послѣ того изъяснить свои предложенія, которыя еще болѣе раздражили бы гнѣвъ и безъ того уже негодовавшаго на Пруссію побѣдителя; этого мало: отчасти напуганный угрозами, отчасти увлеченный любезностью Наполеона, Гаугвицъ, безъ согласія своего двора, склонился на подписъ невыгоднаго Шёнбрунскаго договора (15 дек.), по которому Пруссія вступала съ Франціей въ оборонительный и наступательный союзъ, предоставляла ей часть герцогства Клеве на правомъ берегу Рейна вмѣстѣ съ крѣпостью Везелемъ и княжествомъ Нёшательскимъ, а Баваріи—маркграфство Ансбахъ во Франконіи, сама же получала за это Ганноверъ съ обязательствомъ не допускать Англичанъ въ порты Нѣмецкаго моря. Король тщетно противился обмѣну, который грозилъ разсорить его съ Англіей; отдѣленный отъ Австріи скорымъ заключеніемъ Пресбургскаго мира, онъ невольно долженъ былъ покориться рѣшенію побѣдителя. Два года передъ тѣмъ король Англіискій напрасно вызывалъ Пруссакъ занять Ганноверъ прежде чѣмъ овладѣли имъ направленныя туда французскія войска; вѣрные своей нейтральной политикѣ, они не пошли на это въ то время, теперь же должны были исполнить приказаніе Наполеона, и исполнили не въ добрый часъ. Впрочемъ и тутъ старались они удержаться на нейтральной почвѣ и искали себѣ выхода въ полумѣрахъ.

При овладѣніи Ганноверомъ графъ Шуленбургъ-Кенертъ объявилъ, что Пруссія принимаетъ этотъ край въ свою охрану и управленіе только до заключенія всеобщаго мира. Такой образъ дѣйствій снова раздражилъ Наполеона, видѣвшаго въ этомъ стремленіе получить Ганноверъ въ видѣ награды отъ коалиціи, а не отъ него, да не задобрить и Англіи съ Ганноверомъ, которые рѣшительно протестовали противъ этого занятія и вскорѣ потомъ нанесли смертельную рану прусской торговлѣ захватомъ на морѣ прусскихъ судовъ.

4. Германія. По Пресбургскому миру Баварія и Вюртембергъ приобрѣли королевскій титулъ и верховныя права, не переставая принадлежать къ Германскому союзу (*Confédération*); новый Баварскій король Максъ Іосифъ, добродушный, расположенный къ народу, хотя въ то же время сластолюбивый и наклонный къ пышности государь, за преданность свою Франціи награжденъ былъ австрійскимъ Тиролемъ съ Бриксеномъ, Тридентомъ и друг. мѣст., Прусскимъ Анспахомъ и имперскимъ городомъ Аугсбургомъ; зато герцогство Бергъ уступлено было Французамъ. Блестательное брачное торжество между Евгениемъ Богарнѣ, усыновленнымъ пасынкомъ Наполеона, и дочерью короля Баварскаго завершило тѣсный союзъ обоихъ дворовъ. Чтобы пособить финансовой нуждѣ, король и его французски-настроенный министръ Монжелъ, умный, просвѣщенный человекъ, родомъ изъ Савойи, упразднили множество монастырей. Расширеніе государства новыми приобретеньями дало и поводъ и средства устроить прежніе земскіе чины, отмѣнить по уравнительной французской системѣ дворянскія преимущества, разныя изъятія отъ податей и влобще все то, что лежало тяжкимъ бременемъ на подвластномъ помѣщику селянинѣ, и слѣдуя централистическому примѣру Наполеона однимъ почеркомъ пера порѣшить съ пестрымъ разнообразіемъ старыхъ порядковъ. Совсѣмъ новая организація правительства, сліяніе различныхъ герцогствъ въ одно цѣлое, поправленіе финансовъ, возстановленіе кредита, введеніе новой податной и таможенной системы, преобразование военной части, улучшеніе народнаго образованія, правосудія и полиціи, ограниченіе помѣщичьей власти, облегченіе участи крестьянъ, смягченіе цензурныхъ постановленій, стѣсненіе вліяній духовенства, введеніе вѣротерпимости, — все это было совершенно въ возможно кратчайшее время: и тогда, какъ при Іосифѣ II, новыя устройства и учрежденія тѣснились другъ за другомъ пестрой чередою. Слѣшна была выдумка, которою сначала льстили народному тщеславію, утверждая будто пожалованный

Наполеономъ королевскій титулъ не что иное какъ «возстановленіе исконнаго древне-баварскаго королевства». Новый король Вюртембергскій, Фридрихъ I, получившій австрійскія владѣнія въ Швабіи съ пятью дунайскими городами и другими участками, воспользовался своимъ верховнымъ правомъ для упраздненія обладавшихъ большими преимуществами старинныхъ земскихъ чиновъ, для установленія высшаго и низшаго дворянства и служебной аристократіи, которымъ онъ всячески давалъ чувствовать свое самовластіе, и вообще для деспотическаго угнетенія своихъ подданныхъ. Нѣсколько времени спустя благородная принцесса Вюртембергская, Катерина, была выдана за легкомысленнаго брата Наполеонова, Иеронима, который по приказанію императора напередъ развелся съ своею простаго званія женой. Впрочемъ надобно сказать, что король Вюртембергскій, какъ умный и рѣшительный человекъ, одинъ изъ всѣхъ государей германскихъ умѣлъ поддерживать свое достоинство передъ Наполеономъ и его маршалами. Онъ былъ однакожъ въ явной враждѣ съ своимъ сыномъ, кронпринцемъ Вильгельмомъ, душою преданнымъ нѣмецкимъ интересамъ. — Баденъ, возведенный вскорѣ потомъ въ великое герцогство, расширился еще присоединеніемъ къ нему австрійскаго Брейсгау, города Констанца и другихъ участковъ. Подъ скипетромъ стараго, достойнаго Карла Фридриха, великое герцогство необыкновенно расцвѣло. Гейдельбергскому университету возвращенъ былъ прежній блескъ, утраченный имъ въ теченіе 18 вѣка; французскій кодексъ вытѣснилъ собою разнообразныя территоріальныя права; ремесла, фабричная промышленность и земледѣліе были дѣятельно поощряемы. Внуку его Карлъ соединился бракомъ съ дочеріею Наполеономъ Стефаніей Богарнѣ, племянницею императрицы Жозефины. Оттянутыя у Пруссіи Клевскія земли съ Везелемъ, вмѣстѣ съ уступленнымъ отъ Баваріи герцогствомъ Бергомъ, были обращены въ великое герцогство и отданы зятю Наполеона Іоакиму Мюрату, а по возведеніи его на Неаполитанскій престолъ, частію отошли къ Франціи, частію предоставлены малолѣтнему сыну Людовика Бонапарта. 25 марта 1806 г. пышный вожь императорской конницы, Мюратъ, совершилъ блестятельный вѣздъ въ Дюссельдорфъ. Въ то же время и другой родственникъ французскаго владыки получилъ всѣми неправдами долю въ имперіи: имперскій архиканцлеръ Дальбергъ назначилъ себя коадьюторомъ и преемникомъ дядю Наполеонова, кардинала Феша, — поступокъ, на который съ негодованіемъ отзывался даже имперскій

сеймъ въ Регенсбургѣ. Швейцарскій Нѣшатель (съ Валанженомъ), котораго граждане еще въ 1707 г. избрали себѣ въ князя короля Прусскаго, какъ наследника Оранскаго дома (и этотъ выборъ утвержденъ былъ Утрехтскимъ миромъ, § 636), — Нѣшатель пожалованъ маршалу Бертье. За отошедшее къ Австріи Зальцбургское архіепископство, братъ Австрійскаго императора, бывший великій герцогъ Тосканскій, получилъ княжество Вюрцбургъ.

2. Голландія. Голландія, до тѣхъ поръ отлично управляемая своимъ пенсіонаріемъ Схиммельпеннинкомъ, проеками и угрозами Наполеона доведена была до того, что испросила себѣ въ короли Наполеонида. Французскій императоръ назначилъ для этого брата своего Людовика Бонапарте, въ супружествѣ съ Гортензіей Богарнѣ. Схиммельпенникъ, тщетно старавшійся помѣшать превращенію Голландіи въ наследственную конституціонную монархію, вышелъ въ отставку. Здѣсь вообще плохо соблюдалось узаконеніе, чтобы государственныя должности поручать только природнымъ Голландцамъ. Въ іюнь 1806 Людовикъ вступилъ въ свое новое королевство.

3. Италія. Здѣсь всего яснѣе обнаружилось стремленіе Наполеона основать, подобно Карлу Великому, міровую державу и поставить все европейскія государства въ зависимость отъ Франціи, раздать короны въ видѣ наследственныхъ леновъ своимъ роднымъ и подчинить устроенное на французскій манеръ государственное управленіе и судопроизводство завѣдыванію Французовъ или единомысленныхъ имъ туземцевъ. Не только отнятая у Австріи Венеціанская область присоединена была къ королевству Италійскому и отдана въ руки вице-короля Евгенія и его совѣтниковъ Французовъ, но владѣнія сестеръ Наполеона Элизы и Паулины были увеличены (первая получила Массу и Каррару). Вскорѣ потомъ возведенная въ Этрурское королевство Тоскана присоединена къ Французской имперіи и раздѣлена на три департамента. Марія Луиза Испанская, опекуныша сына своего, Карла Людовика, теперь опять лишилась Тосканы (ноябрь 1807), отданной ей прежде въ вознагражденіе за отнятую Парму (§ 740). Въмѣсто полуобѣщаннаго ей новаго королевства въ Португаліи (§ 754), ее заточили въ монастырь. Спустя два года сестра Наполеона, Элиза Баччіокки, дотолѣ герцогиня Луккская, назначена правительницею въ Тоскану, а дѣйствительно была тамъ только намѣстницею императора. — Неаполитанское королевство пожаловано было Іосифу Бонапарте подъ верховною властью императора. Ко-

ролева Королина, будучи не въ силахъ подавить свое негодованіе на Французовъ и ихъ властителя, при возобновленіи войны вызвала, въ противность заключенному съ Наполеономъ договору, высадку со стороны русско-англійскаго флота и радостно приняла высаженныхъ войскъ. Тогда, на другой день по заключеніи Пресбургскаго мира (27 дек. 1805), Наполеонъ подписалъ въ Шёнбрунѣ декретъ, заключавшій въ себѣ пресловутую фразу: «Династія Бурбоновъ въ Неаполѣ перестала царствовать». Напрасно королева старалась отвратить утрату своей короны сперва уничиженнымъ посольствомъ къ Наполеону, потомъ, когда посольство не было принято, — возбужденіемъ къ бунту ладзаронъ и Калабрійцевъ. Съ приближеніемъ Французовъ подъ начальствомъ Іосифа Массены, дворъ бѣжалъ со всеми своими сокровищами и друзьями въ Сицилію (15 февр. 1806). Среди кровавыхъ схватокъ съ мятежными толпами черни, которыя снова угрожали жизни и собственности достаточныхъ людей, Іосифъ овладѣлъ неаполитанскою короной, но черезъ два года долженъ былъ уступить ее своему зятю Мюрату, когда верховнымъ произволеніемъ императора былъ призванъ на еспанскій престолъ. Новые законы, новыя административныя формы, упраздненіе множества монастырей, разныя перенятія у Французовъ учрежденія и способы податнаго сбора, наступали вездѣ, гдѣ водворялось господство членовъ Бонапартовской фамиліи; не кроткимъ правленіемъ, писалъ Наполеонъ своему брату, можетъ онъ снискать любовь своихъ итальянскихъ подданныхъ, а взять только тѣмъ, если наведетъ на нихъ «благотворный страхъ». Въ то же время начался разладъ и съ папою Піемъ VII, который не хотѣлъ ни запереть англійскимъ судамъ своихъ гаваней, ни отречься отъ лэнно-верховныхъ правъ на Неаполѣ; этотъ разладъ черезъ два года кончился взятіемъ папы въ плѣнъ и препровожденіемъ его во Францію. Вначалѣ Наполеонъ удовольствовался захватомъ нѣсколькихъ крѣпостей Церковной Области и пожалованіемъ спорныхъ между Римомъ и Неаполемъ владѣній, Беневента и Понтекорво, Таллейрану и Бернадоту, въ видѣ имперскихъ лэновъ съ герцогскимъ титуломъ.

4. Учрежденіе новой лэнной знати. Французскіе маршалы. Въ уступленномъ Австрію участкѣ Венеціанскихъ владѣній учреждено было извѣстное число лэновъ Французской имперіи съ значительными доходами и роздано съ герцогскимъ титуломъ маршаламъ и сановникамъ этой державы, которые всѣ вышли изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества. Такъ герцогство Далмація пожаловано было

Сульту, Тревизо — Мортъё, Ровиго — Саварй, Кадоре — Шампанй, Истрія — Бессьёру, Фріуль — Дюроку, Беллуно — Виктору, Конельяно — Монсею, Фельтре — Кларку, Бассано — Марё, Виценца — Коленкуру, Падуа — Арриги; къ числу этихъ великихъ леновъ нѣсколько позже присоединились еще другія, какъ наприм. Риволи (пожалованное Массенъ, впоследствии герцогу Эслингенскому), Монтебелло (Ланну), Рагуза (Мармону), Реджіо (Удинъ), Тарентъ (Макдональду), Кастильонъ (Ожеръ), Вальми (Келлерману), Парма (Камбасересу), Піаченца (Plaisance, Лебрёну), Отранто (Фушъ); Ней сначала возведенъ въ герцоги Эхлингенскіе, потомъ въ князья Московскіе (de la Moscova), Даву — въ герцоги Ауэрштедскіе, Лефевръ — въ Данцигскіе, Мутонъ — въ князья Лобаускіе и т. д. — Отмѣненное постановленіемъ конвента отъ 21 февр. 1793 г. маршальское достоинство было возстановлено Наполеономъ въ силу сенатскаго постановленія отъ 28 флореаля XII года республики (въ іюнь 1804) и произведено 14 маршаловъ: 1. Бертъё, князь Нёшательскій и Ваграмскій, сынъ сторожа военного министерства, инженер-географъ въ 1766, военный министръ въ 1799, начальникъ главнаго штаба (major-général) и вице-коннетабль, умеръ въ Бамбергѣ 1 іюня 1815, 62 лѣтъ. 2. Мюратъ, великій герцогъ Клевскій и Бергскій, сынъ харчевника въ Ла Бастидъ, близъ Кагора, солдатъ 1787, король Неаполитанскій 1808, намѣстникъ императора 1812 (по отъѣздѣ Наполеона изъ Россіи), разстрѣлянъ въ Пидзо, въ Калабріи, 13 окт. 1815. 3. Монсей, герцогъ Конельяно, волонтеръ 1768, первый генерал-инспекторъ жандармеріи, губернаторъ Дома Инвалидовъ, ум. въ Парижѣ 20 апр. 1842. 4. Графъ Журданъ, сынъ лиможскаго типографика, солдатъ 1778, губернаторъ Дома Инвалидовъ, ум. 23 ноября 1833, 71 года. 5. Массена, герцогъ Риволи, князь Эслингенъ, сынъ ниццскаго виноторговца, солдатъ 1775 съ прозвищемъ баловень Побѣды (l'enfant chéri de la Victoire), ум. въ Парижѣ 4 апр. 1817, 59 лѣтъ. 6. Ожеро, герцогъ Кастильоне, сынъ парижскаго зеленщика, солдатъ 1774, ум. въ Ла Гуссё 12 іюня 1816, 59 лѣтъ. 7. Бернадотъ, князь Понте-Корво, сынъ адвоката въ Пд, солдатъ 1780, король Шведскій 1818, ум. въ Стокгольмѣ въ янв. 1844. 8. Сультъ, герцогъ Далматскій, род. 1769, сынъ крестьянина изъ Сентъ-Аманда, близъ Кастра, солдатъ 1785, главнокомандующій Булонскимъ лагеремъ 1804, генералъ — маршалъ 26 дек. 1847, ум. въ іюль 1851, 82 лѣтъ. 9. Графъ Брюнъ, типографщикъ вначалѣ революціи, вступилъ

въ армію 1792, бригадный генералъ въ Италіи 1797, убитъ въ Авиньонѣ 2 авг. 1815, 52 лѣтъ. 10. Ланвѣ, герцогъ Монтебелло, прозванный Роландомъ французской арміи, le Roland de l'armée, сынъ красильщика изъ Лектура, подпоручикъ 1792, смертельно раненъ подъ Эслингеномъ 22 мая 1809, ум. (31 мая) 40 лѣтъ. 11. Мортъе, герцогъ Тревизо, изъ простаго званія, началъ военное поприще національнымъ гвардейцемъ, капитанъ 1791, убитъ въ Парижѣ 28 іюля 1835 (адекою машиною Фіэски). 12. Ней, герцогъ Эльхингенъ, князь Московскій, прозванный изъ храбрыхъ храбрымъ, le brave des braves, сынъ бочара въ Сарлуп, солдатъ 1788, генералъ 1796, разстрѣлянъ въ Парижѣ 7 дек. 1815, 46 лѣтъ. 13. Даву, герцогъ Ауэрштедтскій, князь Экмюльскій, питомецъ военной школы 1785, ум. въ Парижѣ 1 іюня 1823, 53 лѣтъ. 14. Бесьеръ, герцогъ Истрійскій, солдатъ 1792, главнокомандующій императорской гвардіей, палъ въ Люценской битвѣ 1 мая 1813. Въ силу того же декрета удостоены маршальскаго званія четыре сенатора, имѣвшіе главное военачальство. 1. Келлерманъ, герцогъ Вальми, сынъ страсбургскаго гражданина, кадетъ 1752, ум. въ Парижѣ 23 сент. 1820, 85 лѣтъ. 2. Лефевръ, герцогъ Данцигскій, солдатъ французской гвардіи 1773, ум. въ Парижѣ 14 сент. 1820, 65 лѣтъ. 3. Маркизъ де-Периньонъ, подпоручикъ 1782, ум. въ Парижѣ 25 дек. 1818, 54 лѣтъ. 4. Серрюрье, поручикъ 1755, ум. 19 дек. 1819, 77 лѣтъ.—Вотъ остальные маршалства временъ имперіи: 1. Викторъ Перренъ, герцогъ Беллуно, сначала сидѣлецъ въ Труа, солдатъ 1781, маршалъ послѣ битвы подъ Фридландомъ 13 іюля 1807, ум. въ Парижѣ 1 марта 1841. 2. Удино, герцогъ Реджіо, прозванный новымъ Баярдомъ, купеческій сынъ изъ Баръ-ле-Дюка, солдатъ 1782, губернаторъ Дома Инвалидовъ, ум. 13 сент. 1847. 3. Мармонъ, герцогъ Рагузскій, артиллеріи подпоручикъ 1790, ум. въ Гамбургѣ 12 марта 1852, 72 лѣтъ. 4. Макдональдъ, герцогъ Тарентскій, солдатъ 1784, ум. въ Курселлѣ, близъ Жіэна, 25 сент. 1840. Послѣдніе трое пожалованы въ маршалы 12 іюля 1809 послѣ Ваграмскаго сраженія. 5. Сюшѣ, герцогъ Альбуферскій, солдатъ 1792, маршалъ 8 іюля 1811, ум. 3 янв. 1826 въ Сень-Жозефъ, близъ Марсели, 54 лѣтъ. 6. Маркизъ де-Гувіонъ Сень-Сиръ, парижскій волонтеръ 1792, маршалъ 27 авг. 1812 (послѣ битвы подъ Полоцкомъ), ум. 17 марта 1830 въ Іерѣ, 66 лѣтъ. 7. Князь Понятовскій, волонтеръ 1792, маршалъ 16 окт. 1813, ум. 19 окт., 51 года.—Во время реставраціи

произведено 9 маршаловъ, въ томъ числѣ четверо декретомъ Людовика XVIII отъ 3 іюля 1816: 1. Герцогъ де-Куанъи, мушкетеръ 1752, ум. въ званіи губернатора Инвалидовъ 18 мая 1821, 84 лѣтъ. 2. Маркизь де-Бёрноувиль, волонтеръ 1774, ум. 23 апр. 1821, 69 лѣтъ. 3. Кларкъ, герцогъ Фельтрскій, кадетъ 1781, военный министръ съ 1807 по 1814, ум. 28 окт. 1818, 53 лѣтъ. 4. Графъ Виомениль, поручикъ 1747, ум. 5 марта 1827, 93 лѣтъ. 5. Маркизь Лористонъ, воспитанникъ артиллерійской школы 1784, маршалъ 6 іюня 1823, ум. 11 іюня 1828, 60 лѣтъ. 6. Графъ Молиторъ, капитанъ 1791, маршалъ 9 окт. 1823, ум. 28 іюля 1849. 7. Князь Гогенлоэ—Бартенштейнъ, маршалъ 8 марта 1827 (за взятіе Санъ-Себастіана въ 1823), ум. 31 мая 1828, 64 лѣтъ. 8. Маркизь де-Мезонъ, капитанъ федератовъ 1792, главнокомандующій въ Моретъ, ум. 12 февр. 1840. 9. Графъ де-Бурмонъ, главнокомандующій противъ Алжира, прапорщикъ французской гвардіи 1788, маршалъ 14 іюля 1830, ум. въ замкѣ Бурмонъ, въ Анжу, въ окт. 1846.—Іюльская династія произвела 10 маршаловъ: 1. Графъ Жераръ, волонтеръ 1791, маршалъ 17 авг. 1830, ум. 18 апр. 1852, 78 лѣтъ. 2. Графъ Клозель, подпоручикъ 1791, маршалъ 30 іюля 1831, ум. 1842, 69 лѣтъ. 3. Мутонъ, графъ Лобау, солдатъ 1792, маршалъ 1831, ум. 27 ноября 1838. 4. Маркизь де-Грушъ, питомецъ артиллерійской школы 1780, маршалъ 19 ноября 1831 (собственно произведенъ уже 7 апр. 1815), ум. въ Сентъ-Этьенъ 29 мая 1847. 5. Графъ Валё, маршалъ 11 ноября 1837 (за взятіе Константины), ум. 15 авг. 1846. 6. Графъ Себастіани-Порта, маршалъ 21 окт. 1840, ум. 22 іюля 1851, 76 лѣтъ. 7. Графъ Друэ д'Эрлонъ, волонтеръ 1791, маршалъ 9 авг. 1843, ум. 25 янв. 1844. 8. Бюжё, маркизь де-ла-Пиконнеръ, герцогъ Ислійскій, рядовой велитовъ-гренадеръ императорской гвардіи 1804, маршалъ 31 іюля 1843, ум. 10 іюня 1849. 9. Графъ Рейль, гренадеръ 1791, маршалъ 17 сент. 1847, ум. 1851. — Маршалы республиканскаго правленія: 1. Иеронимъ Бонапартъ, мичманъ 9 ноября 1799, дивизионный генералъ 14 марта 1807, маршалъ 1 янв. 1850, ум. 1860, 76 лѣтъ. 2. Эксельмансъ, волонтеръ 1791, дивизионный генералъ 1812, великій канцлеръ почетнаго Легіона 1849, маршалъ 1851, ум. 23 іюля 1852, 77 лѣтъ.

§ 748. Рейнскій союзъ. Возведеніемъ курфюрстовъ Баварскаго и Вюртембергскаго въ верховное королевское достоинство политическій составъ Нѣмецкой имперіи былъ уже растор-

гнуть. Это привело Наполеона къ мысли, учрежденіемъ Рейнскаго союза, совершенно устранить югъ и западъ Германіи изъ-подъ австрійскаго вліянія окончательно приковать ихъ къ себѣ. При своекорыстии большей части нѣмецкихъ государей и при господствовавшемъ страхѣ передъ мощнымъ повелителемъ, имѣвшимъ военное счастье всегда на своей сторонѣ, хитрому Таллейрану и курфюрсту-архиканцлеру Карлу Теодору фонъ-Дальбергу было нетрудно, видами на поземельное расширеніе и на приращеніе силъ, побудить нѣсколькихъ князей и имперскихъ чиновъ къ разрыву съ Нѣмецкою имперіей и къ соединенію съ Франціей. 12 іюля 1806 г. подписанъ въ Парижѣ основной договоръ, по которому Наполеонъ, какъ покровитель Рейнскаго союза, призналъ за каждымъ изъ его членовъ (Баваріей, Вюртембергомъ, Баденомъ, Дармштадомъ, Клеве-Бергомъ, Нассау, Гогенцоллерномъ, Лихтенштейномъ и мног. друг.) полныя державныя права вразсужденіи податей, конскрипціи, законодательства и верховнаго суда надъ ихъ поданными, обязавъ ихъ только держать наготовѣ для него извѣстное число войска (до 63,000 человекъ). Возведенный въ санъ князя-примаса и надѣленный городомъ Франкфуртомъ курфюрстъ-архиканцлеръ Дальбергъ былъ избранъ въ наместники Наполеона по Рейнскому союзу. Это былъ просвѣщенный покровитель искусствъ и наукъ, но человекъ, преданный космополитскимъ идеямъ той эпохи и покорный велѣніямъ Французскаго императора до безхарактерности и совершеннаго забвенія чувствъ патріотизма. Сила членовъ союза значительно приумножилась расширеніемъ ихъ владѣній и сверхъ того еще тѣмъ, что многіе изъ мелкихъ имперскихъ чиновъ, доселѣ непосредственно зависѣвшіе отъ имперіи, были теперь подчинены верховной власти тѣхъ крупнѣйшихъ державцевъ (медіатизированы), чьи земли обнимали собой маленькія области первыхъ. Императоръ Францъ II, еще прежде заявившій свое недовѣріе къ прочности имперіи перенесеніемъ императорскаго достоинства на наслѣдственныхъ свои земли (14 авг. 1804), отрекся теперь отъ сана Нѣмецкаго императора, назвался Францемъ I, императоромъ Австрійскимъ, и исключилъ всѣ свои области изъ состава Нѣмецкой

имперіи (6 авг. 1806). Такимъ образомъ окончательно разложилась священо-римская имперія германской націи; при внутреннемъ разладѣ и немощномъ многовластіи она давно уже превратилась въ одну тѣнь. Теперь сильнѣйшіе ея члены стали васаллами чужеземнаго деспота. Имперскіе законы были отмѣнены вмѣстѣ съ сеймомъ и имперскими судилищами; подданные Рейнскаго союза, до изготовленія новыхъ законовъ, вступили въ переходный періодъ полного безправія. Чувство стыда извлекало стонъ не изъ одной нѣмецкой груди: такъ Э. М. Арндтъ далъ волю этому чувству въ своемъ «Духѣ времени»¹; но лишь немногіе дерзали высказывать его съ тѣхъ поръ, какъ благородный шпюрнбергскій книгопродавецъ Пальмъ сталъ по волѣ деспота жертвою позорнаго юридическаго убійства въ Браунау, единственно за то, что не хотѣлъ выдать автора напечатанной имъ книжки: «Германія въ глубочайшемъ своемъ униженіи».

Въ Рейнскій союзъ вошли еще владѣнія нѣкоторыхъ имперскихъ членовъ, медиатизированныхъ впоследствии: таковы Сальмъ, Изенбургъ, Арембергъ и владѣнія Дальбергова племянника, князя Фонъ-деръ Лейенъ. Едва прослышали о «медиатизаціи», какъ все бросилось въ Парижъ такъ же усердно, какъ въ 1802 и 1803 гг. по случаю «секуляризаціи», все пицало, подкупало и интриговало изъ всѣхъ силъ. Германскія земли и племена опять продавались съ аукціона; кто платилъ наличными, тотъ пока и былъ обезпеченъ въ своемъ существованіи, а высокіе сановники Французской имперіи нажили себѣ при этомъ милліоны. Взятками и дипломатическими подарками играли, по выраженію одного Француза, какъ на биржѣ. Такимъ образомъ однимъ актомъ революціонной силы чуждаго завоевателя и извѣстнаго числа равныхъ другимъ имперскихъ чиновъ сократился цѣлый рядъ державныхъ фамилій, которымъ не удалось послужить годными орудіями Бонапартовой политикѣ, или спасти свое существованіе деньгами, сильнымъ покровительствомъ, семейными связями.—Къ числу медиатизированныхъ князей принадлежали: Фюрстенбергъ, Шварценбергъ, Туринъ и Таксисъ, Лёвенштейнъ, Эттингенъ,

¹ Этимъ либеральнымъ сочиненіемъ горячій патриотъ навлекъ себѣ такую немилость Наполеона, что долженъ былъ два года (1807—1809) провести въ Стокгольмѣ, да и послѣ только украдкою жилъ въ Германіи, скрываясь подъ псевдонимомъ Альманна.

Гогенлоэ, Лейнингенъ, Нассау-Оранскій, Видъ-Рункель, Меттернихъ, Фуггеръ, Бентгеймъ, Сольмсъ, Сайнъ-Витгенштейнъ и друг.; далѣе графы: Кастель, Эрбахъ, Штольбергъ, Изенбургъ, Штернбергъ, Плеттенбергъ, Вартенбергъ, Вальдботъ-Бассенгеймъ и друг. Медіатизированные господа сохранили за собой свое отчинное и частное владѣніе, право низшаго и средняго суда, право охоты, рыбной ловли и патроната, право десятинной подати, лѣнныхъ сборовъ и т. д.

2. Прусская война (1806).

§ 749. а) Поводы. Если шаткое поведеніе Пруссіи во время Австрійской войны и нерѣшительность миролюбиваго, но сбываемаго съ толку короля наполнили глубокимъ негодованіемъ Французскаго императора, зато уничиженная податливость, съ какою безсовѣстный, чуждый патріотизма Гаугвицъ и другіе министры подчинялись всемъ произвольнымъ распоряженіямъ Наполеона, терпѣливо переносили все обиды и въ угоду сильному жертвовали честью своей страны, естественно породила въ немъ мысль, что съ Пруссіей можно откинуть въ сторону всякую вѣжливость и пощаду, что король ея ненадеженъ какъ другъ и безвреденъ какъ непріятель. Въ этомъ предположеніи Наполеонъ трактовалъ прусскихъ государственныхъ людей насмѣшливо и надменно и выказывалъ имъ при всякомъ случаѣ свой гнѣвъ и неуваженіе. Онъ какъ бы нарочно велъ къ тому, чтобы стѣсненной державѣ Фридриха Великаго не осталось пнаго выбора, — или молча испить до дна чашу униженія, или вступить въ отчаянную, безнадежную борьбу. Многочисленныя обиды, умышленно наносимыя Наполеономъ прусскому правительству, особливо послѣ того, какъ своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ при занятіи Ганновера, оно не выдержало на его глаза «послѣдняго испытанія», которому онъ подвергъ его въ Шёнбрунскомъ трактатѣ, убѣдили наконецъ Пруссію, что онъ непремѣнно хочетъ войны и что невозможно долѣе поддерживать миръ безъ явнаго нарушенія своей чести. Не уволили ль въ Берлинъ на безсрочное время канцлера Гарденберга (15 февр. 1806), за то что онъ повидимому былъ не безусловно преданъ французскому союзу, навязанному Парижскимъ договоромъ, и какъ Ганноверецъ, болѣе склонялся къ Англіи? не поставили ль на его мѣсто Гаугвица? не вступили ль въ открытую вражду съ Англіей и Швеціей? а между тѣмъ все-таки не приобрѣли

ни довѣрія, ни благосклонности французскаго владыки. Двѣ причины еще болѣе усилили существовавшій уже разладъ и довели негодованіе Пруссіи до формальнаго разрыва. Во-первыхъ, еще до заключенія Рейнскаго союза, Пруссія намѣревалась вступить въ «тѣснѣйшую связь» съ Саксоніей и Гессенъ-Касселемъ для огражденія своего собственнаго существованія и независимости. Наполеонъ какъ будто бы самъ пошелъ навстрѣчу этому замыслу, возбудивъ въ Берлинѣ планъ сѣверно-германскаго союза, или, какъ выражались еще заманчивѣе Французы, планъ «сѣверно-германской имперіи»; но это онъ сдѣлалъ только для того, чтобы заранѣе устранить всякое противорѣчіе Рейнскому союзу. Въ сѣверный союзъ, кромѣ Саксоніи съ Гессенъ-Касселемъ, должны были войти всѣ неучаствующіе еще въ Рейнскомъ союзѣ имперскіе чины сѣвера, какъ то: Мекленбургъ, Ольденбургъ, Ганзейскіе города, Голштинія и друг. Но лишь только составилъ Рейнскій союзъ, какъ французская дипломатія принялась всячески мѣшать союзнымъ стремленіямъ Пруссіи, которыя и безъ того уже встрѣчали себѣ неодолимые преграды въ своекорыстіи и разногласіи отдѣльных державъ. Такое двуязычіе должно было тѣмъ болѣе оскорбить Пруссію, что при образованіи Рейнскаго союза ей ни о чемъ не сообщали, притомъ медиатизировали родственныи ей домъ Турнъ и Таксисъ и наконецъ прикрѣпили къ Франціи дружественную и сосѣднюю Пруссіи Голландію. Во-вторыхъ, берлинскій кабинетъ узналъ, что при возобновленіи мирныхъ переговоровъ съ англійскимъ министерствомъ Наполеонъ сулилъ ему возвращеніе уступленнаго Пруссіи Ганновера, не снесшись объ этомъ съ Прусскимъ правительствомъ. (— Уничтоженіе французскаго флота при Трафальгарѣ, § 747, снова убѣдило императора, что не смотря на всѣ сухопутныя побѣды ему не одолѣть моревластительной Англіи, и смерть Питта (23 янв. 1806), открывшая путь въ министерство либеральному Фоксу, этому другу революціонныхъ идей, пробудила въ Бонапартѣ надежду на заключеніе мира. Но прежде чѣмъ переговоры достигли своей цѣли, скончался Фоксъ (13 сент.), и перевѣсъ взяла опять воинственная партія.—) Опыты такого рода, въ соединеніи съ многократными нарушеніями границъ (такъ великій герцогъ Бергскій завладѣлъ Везелемъ и аббатствами Эльтентъ, Эссенъ и Верденъ) и явнымъ стремленіемъ болѣе и болѣе разобщить Пруссію съ другими державами, привели наконецъ правительство ея къ убѣжденію, что ей должно опасаться отъ Франціи всего. Она заявила диплома-

тическимъ путемъ свое неудовольствіе, поставила армію на военную ногу и прервала всѣ сношенія съ Франціей, когда послѣдняя президентально и съ неприличными выходками отвергла такъ называемый ультиматумъ (окончательный запросъ), въ которомъ Пруссія требовала очень сухо немедленнаго очищенія южной Германіи Французами; безпрепятственнаго допуска сѣверно-германскаго союза и порѣшенія всѣхъ прочихъ спорныхъ вопросовъ. Тревожное недовольство, обнаружившееся въ большей части Германіи по поводу возрастающаго преобладанія чужеземцевъ, пожалуй, укрѣпляло Пруссію въ надеждѣ, что ей предназначено быть спасительницей отечества, но не настала еще пора, когда можно было обратиться къ самому народу; тогда еще считывали на одну надменную солдатчину, которая совершила великіе подвиги въ Семилѣтнюю войну, но которой немошь и плохое устройство при измѣнившихся теперь отношеніяхъ давно уже были ясны для всѣхъ мыслящихъ людей; тогда все еще обнадеживались хвастовствомъ отжившаго самоувѣреннаго дворянства, которое упорно жмурило глаза, чтобы не видѣть новаго духа времени. Разочарованіе короля и веледушной его супруги было поистинѣ ужасно. Но бѣдственныя испытанія не остались безплодными. Они стали зародышемъ лучшей эпохи, который среди хаотическаго разложенія старья, началъ возникать въ душахъ всѣхъ лучшихъ современниковъ.

§ 750. 6) Іена. Между тѣмъ какъ въ Берлинѣ ожидали еще послѣдняго отвѣта изъ Франціи и, въ обманчивой надеждѣ на мирныя вѣсти, медлительно готовились къ войнѣ, французскія силы подъ начальствомъ Наполеона и его опытныхъ въ бою маршаловъ стояли уже въ сердцѣ Тюрингена и Саксоніи, которой курфюрстъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, рѣшился примкнуть къ Пруссакамъ. Безтактный манифестъ Гаугвица, представлявшій длинный реестръ грѣховъ французскаго народа и изображавшій переполненную мѣру собственныхъ униженій, чтобы оправдать предпринятую войну, крайне раздражилъ мстительность Наполеона, какъ видно было изъ языка его прокламацій и бюллетеней, уснащенныхъ враждебными и неблагородными выходками противъ королевы и сторонниковъ войны. Первая же схватка при Зальфельдѣ (10 окт. 1806), въ которой погибъ храбрый, геніальный принцъ Лудвигъ Фердинандъ, выпала не въ пользу Пруссаковъ; но страшное и роковое пораженіе претерпѣло ихъ войско подъ началь-

ствомъ стараго герцога Брауншвейгскаго въ великой двойственной битвѣ подъ Иеною и Ауэрштедтомъ (14 окт.). Она рѣшила участь всѣхъ странъ между Рейномъ и Эльбою. — Тогда прежняя самопадѣянность вдругъ перешла въ малодушіе, и умами разногласныхъ вождей овладѣло полное отсутствіе какого-нибудь плана и совершенное незнаніе, что дѣлать и что начать. Обозы, орудія, пѣхотинцы и конники, все двигалось куда глаза глядятъ въ страшной суматохѣ, многіе разсыпались въ одиночку по селамъ и домамъ для утоленія жажды и голода, толпы задерживали другъ друга и перекрещивались на дорогахъ, непроходимые пути и наступавшая темень увеличивали безпорядокъ до крайности. Такъ какъ для отступленія не было принято ровно ни какихъ предварительныхъ мѣръ, то войско разбилось на многіе отряды, которые поодиночкѣ становились добычей быстро настигавшаго врага. 17 октября герцогъ Евгений Вюртембергскій потерпѣлъ при Галле такое пораженіе, которое совершенно разсѣяло бывшую подъ его начальствомъ резервную армію; старый князь Гогенлоэ, послѣ храбраго боя отступившій съ главною силой окольными путями на Магдебургъ, не могъ при господствующемъ смятеніи держаться въ этомъ городѣ и продолжалъ идти къ Штеттину, но обманутый ложными выдумками враговъ и сбитый съ толку малодушными совѣтами Массенбаха, былъ вынужденъ съ 12,000 человекъ положить подъ Пренцловомъ оружіе (28 окт.) и отдать свои утомленные и голодающія войска въ плѣнъ. Крѣпости, которыя всѣ почти находились подъ начальствомъ тѣлесно и духовно хилыхъ стариковъ, сдавались такъ поспѣшно, что многіхъ камендатовъ подозрѣвали въ измѣнѣ; иначе не лзя было понять этого совершеннаго отсутствія мужества и самоувѣренности. Съ ужасающей неожиданностью внезапно открылись послѣдствія такого управленія, которое хотя и сильно двинуло впередъ свободу мысли и благоустроенное государственное хозяйство, но въ стремленіи развить производительность и обезпечить торговыя выгоды дало слишкомъ много пищи своекорыстію и взлелѣяло страсть къ наживѣ. Народное богатство и большой государственный доходъ стали въ глазахъ правителей на первомъ планѣ; поэтому и люди всѣхъ сосло-

вій заботились только о томъ, чтобъ наживать, копить и наслаждаться, забывая, что всѣ вещественныя блага должны безусловно подчиняться чувствамъ народной чести и независимости, если народъ хочетъ отстоять свое существованіе. Почти ни одно вѣдомство, почти ни одинъ подданный даже и не подумали о сопротивленіи ¹. Единственными свѣтлыми точками въ этой туманной картинѣ являются Горковъ, переходъ за Эльбу, мужественное поведеніе принца Августа и особенно Блюхеровъ походъ чрезъ Мекленбургъ и его отчаянная борьба въ Любекѣ. Черезъ тринадцать дней послѣ битвы подъ Іеной Наполеонъ вступилъ въ Берлинъ (27 окт. 1806) и овладѣлъ большими запасами пороха и оружія, которыхъ вывозу помѣшалъ комендантъ князь Гацфельдъ, увѣщевая всѣхъ къ «спокойствію, какъ первой обязанности гражданина и единственному истинно-высокому интересу». Подобно тому какъ одинъ великій доблестный подвигъ, дѣйствуя далѣе и далѣе, пораждаетъ еще величайшія дѣла и превращаетъ людей въ настоящихъ героевъ, такъ и съ совершеніемъ одного постыднаго шага неразрывно связаны его послѣдствія: онъ обреченъ постоянно порождать только низкое и слабое; онъ дѣйствуетъ пагубно, какъ тонкій ядъ, отъ котораго и мужчины превращаются въ слабыхъ женщинъ.

Уже два дня послѣ Іенскаго сраженія въ руки непріятеля достался Эрфуртъ съ гарнизономъ изъ 10,000 человекъ и множествомъ припасовъ; сдачею поспѣшили старый фельдмаршалъ Мёллендорфъ и родственникъ королевскому дому принцъ Оранскій; 24 и 25 октября сданы безъ всякой обороны Шпандау и Потсдамъ. Немного двѣи спустя, при первомъ появленіи горсти французскихъ конниковъ, сдались на уговоръ крѣпости Штеттинъ и Кюстринъ, отлично снабженные гарнизономъ и военными припасами, а 10 ноября Клейстъ и Вартенслебенъ, во главѣ 19 генераловъ, сдали крѣпость Магдебургъ, оплотъ всего королевства, съ гарнизономъ въ 24,000 человекъ, съ 7,000

¹ Здѣсь невольно приходитъ на умъ та совсѣмъ противоположная, истинно высокая картина, какую представляло наше отечество, Россія, въ достопамятномъ 1812 году. Не смотря на нашу французскую полубразованность, Французы нашли у насъ только одно сопротивленіе: ни гдѣ ни какой податливости, ни малѣйшей сдѣлки, и патріотическую ревность нашего народа приходилось чаще сдерживать, чѣмъ возбуждать.

лошадей, 600 орудіями и обильнымъ запасомъ военныхъ снарядовъ и продовольствія. Не лучше шло дѣло и въ Ганноверѣ, гдѣ Французовъ встрѣтили какъ «избавителей», въ надеждѣ, что при заключеніи мира этотъ край будетъ возвращенъ Англіи и такимъ образомъ сохранитъ свою прежнюю «самобытность». Въ Гамельнѣ десяти тысячный гарнизонъ сдался осадному отряду въ 6,000; 26 ноября хорошо вооруженная крѣпость Ніенбургъ занята была по договору Французами. Одинъ Блюхеръ спасъ прусскую честь въ кровавыхъ схваткахъ въ Любекѣ и окрестностяхъ, но не могъ ни помѣшать взятію приступомъ этого дурно укрѣпленнаго города, ни остановить вызванныхъ тѣмъ ужасовъ со стороны упоеннаго побѣдой войска; въ заключеніе, не имѣя болѣе ни хлѣба, ни военныхъ снарядовъ, онъ вынужденъ былъ сдаться у Травемюнде со всѣмъ своимъ отрядомъ, убывшимъ до 8,000 человекъ. «Всѣ тѣ, говоритъ Гейсеръ, кто еще не отчаялся въ будущемъ, утѣшались и возвышались духомъ, глядя на подвиги такого вожда, который каждому неблагопріятному положенію противопоставлялъ съ юношескимъ мужествомъ новыя средства обороны, который упорно боролся съ злосчастною судьбой и сложилъ оружіе только при послѣдней, крайней необходимости, да и то съ негодованіемъ и не въ ущербъ своей чести». — Такъ же благородно выдержала свою роль померанская крѣпость Кольбергъ, гдѣ храбрый и рѣшительный комендантъ майоръ Гнейзенау, человекъ истинно гениальнаго ума, творческой дѣятельности и высокаго образованія, съ помощью отважнаго, предпріимчиваго и рыцарственнаго драгунскаго поручика Фердинанда фонъ-Шилля и добраго гражданина Іоахима Неттельбека, энергическаго моряка, съ душою патріота и непоколебимымъ характеромъ, умѣлъ отстранить всякое малодушіе и до тѣхъ поръ защищалъ городъ отъ превосховаго числомъ непріятельскаго войска, пока перемиріе не положило конца атакамъ и не избавило городъ отъ необходимости или сдаться, или вытерпѣть всѣ бѣдствія приступа. Нигдѣ мужество и самопожертвованіе гражданъ не обнаружилось съ такимъ блескомъ, какъ въ Кольбергѣ. Благодаря рѣшительности стараго коменданта Курбьера крѣпость Грауденцъ также не сдалась вплоть до заключенія мира. — Французскіе писатели превозносятъ до небесъ великодушіе Наполеона къ княгинѣ Гацфельдъ, супругѣ берлинскаго губернатора, которая на колѣняхъ просила императора помиловать ея супруга, арестованнаго за одно предательское письмо; но все это болѣе похоже на комедію, потому что пре-

ступное письмо, которое Наполеонъ тутъ же и вручилъ княгинѣ; не заключало въ себѣ ровно ничего, что могло бы навлечь смертный приговоръ передъ военнымъ судилищемъ.

Изъ Берлина отдалъ Наполеонъ такія повелѣнія, которыя должны были поставить сѣверъ Германіи еще въ большую зависимость, нежели югъ. Союзный дотолъ съ Пруссіей курфюрстъ Гессенскій при самомъ открытіи войны отнялъ у нея свое храброе и готовое къ бою войско и соблюдалъ нейтралитетъ, равно пагубный для него и для его союзниковъ; теперь онъ вынужденъ былъ предоставить врагу и свою армію и свою землю, а самъ искать безопасности за границей (въ Прагѣ), между тѣмъ какъ его позорно нажитыя сокровища были спрятаны во Франкфуртъ, въ Ротшильдovýchъ подвалахъ. Тяжело раненый и лишившійся глазъ герцогъ Брауншвейгскій велѣлъ отвезти себя въ датскія владѣнія, когда Наполеонъ съ неблагогородной строгостью выгналъ злополучнаго предводителя прусской арміи изъ его столицы, куда тотъ былъ принесенъ на носилкахъ съ іенскаго побоища, и принудилъ старика искать мирной могилы на чужбинѣ. Мекленбургъ и Ольденбургъ были заняты, Іеверъ и Остфризландъ присоединены къ Голландіи, Ганзейскіе города, а также и Лейпцигъ, сильно потерпѣли отъ выема всѣхъ англійскихъ товаровъ и отъ тяжкихъ военныхъ контрибуцій; наконецъ отовсюду вывезены были сокровища искусства и науки, равно какъ и трофеи прежнихъ побѣдъ. Побѣдитель обошелся милостиво только съ курфюрстомъ Саксонскимъ, хотя его войска бились вмѣстѣ съ Пруссакими подъ Іеною. Онъ освободилъ военнопленныхъ Саксонцевъ и даровалъ курфюрсту благопріятный миръ; вслѣдъ за тѣмъ этотъ государь, украшенный королевскимъ титуломъ, приступилъ, подобно остальнымъ Саксонскимъ герцогамъ, къ Рейнскому союзу (11, 15 дек. 1806). Съ тѣхъ поръ, на бѣду себѣ и своему народу, Фридрихъ Августъ чувствовалъ себя привязаннымъ къ Наполеону узами благодарности. Карлъ Августъ Саксенъ-Веймарскій, въ званіи прусскаго генерала, дрался мужественно и стойко подъ Іеною и при отступленіи оттуда, и этимъ навлекъ себѣ неудовольствіе Наполеона; но достоинство и твердость, съ какими герцогиня противустала побѣдителю, про-

извели на него впечатлѣніе, и вслѣдствіе того онъ объявилъ, что если герцогъ покинетъ прусскую армію и отзоветъ свои войска, ему дано будетъ прощеніе и верховныя права за нимъ сохранятся. — Король Прусскій бѣжалъ сначала въ Грауденцъ, а потомъ въ Кѣнигсбергъ, откуда самыми лестными предложеніями и даже изъявленіемъ готовности приступить къ Рейнскому союзу старался вымолить у побѣдителя прекращеніе военныхъ дѣйствій и миръ; но требованія Наполеона росли вмѣстѣ съ его удачей; Фридрихъ Вильгельмъ поневолѣ принужденъ былъ продолжать войну съ раздраженнымъ противникомъ, котораго презорство и строптивость не щадил даже и королевы, этой новой «Елены» для Пруссіи.

§ 751. в) Эйлау. Фридландъ. Тильзитъ. Въ своемъ стѣсненномъ положеніи Прусскій король прибѣгнулъ къ другу своему, императору Александру, который, негодуя за то, что Наполеонъ, въ качествѣ союзника Порты, старался мѣшать видамъ Россіи на Молдавію и Валахію, тотчасъ двинулъ въ Восточную Пруссію двѣ русскія арміи, подъ начальствомъ Беннигсена, Буксгевдена и друг., чтобы удержать Французовъ отъ перехода за Вислу. Тогда Наполеонъ издалъ, подписанное Домбровскимъ и друг., воззваніе къ Полякамъ, въ которомъ приглашалъ этотъ народъ выступить на бой за свободу и независимость. Для внушенія большаго довѣрія, подложно употребили при этомъ имя благороднаго Косцюшки.

Одушевленные мыслью снова воскресить древнюю польскую державу, многіе Поляки примкнули къ Французскому императору, который обѣщалъ имъ освобожденіе и месть противникамъ. Охотно приносили они величайшія жертвы и подкрѣпляли ряды французскихъ войскъ храбрыми дружинами. Они забыли, что проливаютъ кровь за влстителя, у котораго не было сочувствія къ чуждымъ народностямъ и который то деспотически разрывалъ, то своенравно соединялъ края и племена Италіи, Германіи и Нидерландовъ. 2 янв. 1807 г. Наполеонъ вступилъ въ Варшаву среди народнаго ликованія; но слишкомъ скоро догадались Поляки, что имъ слѣдуетъ посбавить своихъ надеждъ, что чуждый побѣдитель, котораго солдаты кормились и одѣвались на ихъ счетъ и для котораго выходили на бой лучшіе ихъ воины, болѣе думалъ объ удовлетвореніи своего честолюбія и жажды власти, чѣмъ о восстановленіи

ихъ независимости. Ихъ имѣніями обогащалъ онъ свою воинственную звать, а между тѣмъ и самое имя Польши не было возстановлено.

На берегахъ Вислы дошло до убійственныхъ сраженій (дек. 1806 и янв. 1807); подъ Пултускомъ и Морунгеномъ пролиты рѣки крови. Но главный ударъ разразился въ битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау (8 февр.), гдѣ воинское мужество Французовъ и Русскихъ и стойкая храбрость Пруссаковъ подъ начальствомъ отважнаго Лестока породили такую страшную борьбу, которая по числу убитыхъ равняется съ кровопролитѣйшими событіями всемірной исторіи. Около 60,000 мертвыхъ и раненыхъ покрывали обширное поле битвы; обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, съ обѣихъ сторонъ напряженіе и истощеніе силъ были таковы, что война прервалась сама собою на четыре мѣсяца. Въ теченіе этого времени начаты были новые переговоры, но сколько ни желалъ Прусскій король, жившій съ своимъ семействомъ въ Мемелѣ, окончанія войны, чтобы избавить свой народъ отъ страшнаго французскаго гнета и отъ тягостнаго пребыванія русскихъ войскъ, но онъ былъ вѣренъ и честенъ до того, что не могъ отдѣлиться отъ Россіи и Англіи (съ которою въ началѣ этого года онъ заключилъ мирный трактатъ, отказавшись отъ Ганновера). Съ другой стороны онъ питалъ надежду, при удачномъ оборотѣ войны добиться болѣе благопріятныхъ условій отъ Французскаго императора, которому, не смотря на всѣ его вымогательства, очень трудно было содержать вдали такую многочисленную армію, особенно когда при господствовавшемъ теперь и въ Австріи воинственномъ духѣ, состоявшійся между Пруссіей и Россіей и одобренный Англіей и Швеціей, Бартенштейнскій договоръ (26 апр. 1807) открывалъ виды на общеевропейскую коалицію противъ строптивости Французовъ, и когда, не смотря на присвоиваемую ими себѣ рѣшительную побѣду, и въ столицѣ ихъ и въ арміи обнаруживалось совсѣмъ не радостное настроеніе. Но потомъ, когда и въ Силезіи, при всемъ мужествѣ и патріотической преданности населенія, ненаходчивость губернатора и трусость камендантовъ предала въ руки непріятели крѣпости по Одеру, Глогау, Бригъ, Швейдницъ и Бреславль, когда и сильно тѣснимый Данцигъ, лишенный всякой помощи извнѣ, не могъ

быть отстоянъ храбрымъ комендантомъ Калькрёйтомъ и сданы наконецъ (24 мая) маршалу Лефевру (пожалованному за это въ «Данцигскіе герцоги»), когда императоръ Россійскій, уступая совѣтамъ мирной партіи, сталъ повидимому желать сближенія съ Наполеономъ, тогда и король потерялъ всякую надежду на благополучный исходъ. Въ то время еще такъ мало освоились съ мыслью о народной войнѣ, что сами прусскіе чиновники подавляли гибельныя для Французовъ движенія силезскаго простолюду. Теперь, когда возобновилась война, и Французы послѣ кроваваго, но нерѣшительнаго боя при Гейльсбергѣ, (10 іюня) въ годовщину Маренгской битвы одержали подѣ Фридрихсландомъ (14 іюня) блистательную побѣду надъ Русскими, предводимыми Беннигсеномъ, заняли Кёнигсбергъ и стали угрожать самой русской границѣ, тогда союзные монархи признали необходимымъ, послѣ личнаго свиданія съ Наполеономъ въ пловучемъ павильонѣ на рѣкѣ Неманѣ, согласиться на условія Тильзитскаго мира, сколько ни были они для нихъ тягостны (7—9 іюля). Императоръ Александръ, склоняемый къ миру совѣтами брата своего Константина, главнокомандующаго Беннигсена и мног. друг., и уступая лестнымъ внушеніямъ, на которыя не поскупился Наполеонъ въ одной задушевной съ нимъ бесѣдѣ съ глазу на глазъ, пожертвовалъ этимъ видамъ невыгодною для себя связью съ Пруссіей и даже согласился присоединить къ своимъ владѣніямъ отдѣленный отъ прусской Польши пограничный округъ Бѣлостокъ. По условіямъ Тильзитскаго мира, при заключеніи котораго прусскій агентъ Калькрёйтъ дѣйствовалъ съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ и необдуманностью, Фридрихъ Вильгельмъ утратилъ большую половину своихъ владѣній: онъ долженъ былъ согласиться на уступку всѣхъ земель между Рейномъ и Эльбою, на учрежденіе герцогства Варшавскаго, подѣ верховной властью Саксонскаго короля, на возведеніе Данцига съ округомъ въ республику и на уплату неслыханной суммы полутора ста милліоновъ въ вознагражденіе за военные издержки. Даже личныя мольбы королевы Луизы, также вызванной тогда въ Тильзитъ, не могли смягчить требованій безпощаднаго побѣдителя. Уступленные Пруссіей области, вмѣстѣ съ Гессенскимъ курфюршествомъ, Брауншвейгомъ и южнымъ

Ганноверомъ, Наполеонъ соединилъ въ новое Вестфальское королевство, съ столицею Касселемъ, и посадилъ тамъ своего меньшаго брата Геронима (Жерома) съ обязанностию содержать въ Магдебургѣ двѣнадцатитысячный гарнизонъ, отдавать императору половину дохода съ государственныхъ имуществъ и, въ качествѣ члена Рейнскаго союза, поставлять вооруженный контингентъ для всѣхъ будущихъ его войнъ.

Годы испытаній для Германіи. Чужевластіе тяжко угнетало вѣрныхъ Нѣмцевъ; но этимъ игомъ подготовлено новое время, имъ пробужденъ былъ новый духъ. Выгоды, оставшіяся за Французами отъ ихъ кровопролитнаго переворота, перешли и на Вестфалію, — равенство въ уплатѣ податей, отмена личныхъ привилегій, устраненіе поземельныхъ тягостей, представительное правленіе, свобода промышленности и равноправность всѣхъ гражданъ. Эти преимущества пробудили чувство самоуваженія въ среднемъ классѣ и привели его къ сознанію, что въ судьбахъ новой эпохи предназначена ему главная роль. Новый духъ распространился и на всѣ другія области Рейнскаго союза (къ которому приступили между тѣмъ еще курфюрстъ Вюрцбургскій, князья Шварцбургъ, Ангальтъ, Вальдекъ, и герцоги Мекленбургскій и Ольденбургскій); нѣмецкіе воины, дѣятельно участвуя въ дальнихъ побѣдахъ императора, снова приобрѣли свое прежнее мужество и увѣренность въ своей силѣ. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ добромъ, пришло на Нѣмцевъ и много худа, особенно на королевство Вестфалію. Расточительные придворные расходы вѣтрянаго и сластолюбиваго, хотя впрочемъ и добродушнаго, короля Геронима, тяжело обременяли этотъ край налогами и государственными долгами; его легкомысленная свита, составленная изъ проходимцевъ и искателей счастья всѣхъ націй, вредно дѣйствовала на общественныя нравы и вытѣснила изъ столицы семейную добродѣтель и степенную жизнь; чуждые министры и чиновники, за исключеніемъ дѣятельнаго Симеона — люди большею частію безъ таланта, познаній и заслугъ, правили государствомъ въ видахъ своей собственной выгоды и пользы своего повелителя, сорили государственными доходами и мѣшали вліанію нѣмецкихъ министровъ, Бюлова (племянника Гарденберга), Мальхуса и Іоанна Мюллера. — Жестокъ былъ бичъ, которымъ раздраженный побѣдитель каралъ Пруссію, но бѣдствіе, навлеченное ей злополучною войною и не менѣе злополучнымъ

миромъ, стало особенно для Пруссіи источникомъ многихъ, благотворныхъ учреждений. Французскіе, на счетъ края содержимые гарнизоны оставались въ прусскихъ крѣпостяхъ до полного взноса суммы, опредѣленной въ вознагражденіе, уплаты всѣхъ контрибуцій и разныхъ сборовъ и взысканій, которые по officialнымъ расчетамъ превышали 245 милліоновъ талеровъ или 906 милліоновъ франковъ и собиравлись безчеловѣчнымъ оберъ-интендантомъ Дарю; по Тильзитскому миру королю предоставленъ былъ «изъ милости» падежь въ 2877 квадр. миль съ невступно 5 милліонами жителей, тогда какъ прежнія его владѣнія составляли 5570 квадр. миль съ 9,743,000 жителей, да и этотъ скудный остатокъ стѣнялся еще военными дорогами и разными насильственными толкованіями условій договора. Но подъ лозою оскорбленій строптиваго побѣдителя, и здѣсь пробудился новый духъ, новое чувство самоувѣренности. Бейме и склонные къ Франціи министры, которыхъ совѣты внушали нерѣшительному отъ природы королю его шаткую политику, были наконецъ удалены, и во главѣ правительства поставлены люди съ твердымъ характеромъ и патріотическимъ образомъ мыслей. Цастровъ, державшій военную часть въ прежнемъ состояніи, такъ какъ она была въ Семилѣтнюю войну, утратилъ довѣріе короля и свое пагубное вліяніе. Ганноверецъ Шарнгорстъ (1756—1813), который, среди гнета обстоятельствъ и всякихъ лишеній, возвысился изъ крестьянскихъ дѣтей своимъ талантомъ, мужествомъ и умомъ, и съ высшими доблестями война, отвагой, осторожностью и рѣшимостью, соединялъ дѣтскую простоту радушнаго, доброжелательнаго, чуждаго всякой нечистой страсти человѣка, — Шарнгорстъ, заодно съ Гнейзенау, Грольманомъ, Бойеномъ и Клаузевицемъ, совершенно пересоздалъ прусское воеустройство; мѣсто вербовки наемниковъ заступила поголовная воинская повинность и тайная сила ландвера (земскаго ополченія); чувство чести въ простомъ солдатѣ было пробуждено открытіемъ ему доступа къ офицерскимъ мѣстамъ и устраненіемъ позорныхъ наказаній. Ратное образованіе цѣлаго народа и облагороженіе военной службы возведеніемъ ея въ общую обязанность безъ замѣны одного лица другимъ, быстрое и дѣльное обученіе массы нижнихъ чиновъ, нравственное и научное возвышеніе офицеровъ, равенство правъ и обязанностей для всѣхъ, какова бы кто ни былъ происхожденія, свободный путь заслугъ восходить отъ солдатакаго званія до высшихъ начальническихъ мѣстъ, въ мирное время — по мѣрѣ знаній и образованія, въ военное — по мѣрѣ храбрости и смѣлки, утвержденіе дисциплины

на чувствѣ чести и любви къ отечеству, съ устраненіемъ постыдныхъ наказаній палками и гонкою сквозь строй, прѣстота и легкость упражненій и движеній какъ въ одиночку, такъ и массами, и возможное ограниченіе духомертвящей и подавляющей мелочности въ службѣ, — все это подъ руководствомъ энергическихъ, умныхъ, непоколебимыхъ начальниковъ, — вотъ основныя мысли образованія новаго прусскаго войска, какъ оно вышло изъ головы Шарнгорста подобно новой Палладѣ, вооруженной вмѣстѣ и ратными доспѣхами и мудростью. Веледушный патріотъ баронъ фонъ-Штейнъ (1757—1831), съ помощью Шёна и другихъ людей такого же характера, велъ народъ и среднее сословіе къ сознанію его правъ и льготъ, настоявъ на томъ, чтобъ пріобрѣтеніе земельной собственности было освобождено отъ всякихъ стѣсненій, чтобы крѣпостное право и феодальныя различія сословій были устранены, чтобъ была допущена раздѣльность лѣнныхъ имѣній и введено городовое положеніе, онованное на свободѣ и общинномъ духѣ, вмѣстѣ съ правомъ представительства по областямъ (9 окт. 1807). Это былъ первый рѣшительный шагъ къ тому, чтобы создать свободное крестьянство и на мѣсто кастообразнаго раздѣленія сословій поставить равныхъ передъ закономъ гражданъ, каковы бы впрочемъ ни были ихъ занятія. Дѣятельность Штейна была великимъ благодѣяніемъ для всей прусской земли: ею не только смягчены тяжкія бѣдствія настоящаго, но и улучшено будущее положеніе народа. Среднему сословію и поселянамъ разрѣшено было владѣть землей, дворянамъ — заниматься промыслами и торговлею, ни мало себя не роняя; тягости, лежавшія исключительно на низшихъ классахъ, были отмѣнены, какъ громко ни роптали всѣ тѣ, кто извлекалъ выгоду изъ стараго порядка. Прекратилась обязанность поселянъ давать, за ничтожную плату, лошадей всѣмъ лицамъ, ѣдущимъ по королевскимъ дѣламъ; монопольныя права мельницъ, винокурень и пивоварень были упразднены или сильно ограничены и притомъ опредѣлены лучше прежняго. Отношенія владѣльцевъ дворянскихъ (рыцарскихъ) имѣній къ крестьянамъ приведены въ законный порядокъ и послѣднимъ дана возможность выкупать многія тяжкія повинности и поборы. Цехи и гильдіи были упразднены и промышленности предоставлена свобода; должность общинныхъ совѣтниковъ и самый ихъ выборъ устроены на новый ладъ, и наконецъ отобранны въ казну (*säcularisirt*) многія монастырскія имущества, прѣбства и капитулы, которыхъ доходы не были нужны для содержанія школъ и церквей. Новымъ городовымъ положеніемъ (*Communalordnung*) города по числу жителей раздѣлены были на

большіе, средніе и малые. Въ главѣ каждого города стоялъ магистратъ и рядомъ съ нимъ избранная отъ гражданъ дума городскихъ депутатовъ. Съ тѣхъ поръ водворилось единое для всѣхъ прусскихъ горожанъ право, въ которомъ не лзя было отказать никому, кто водворялся въ городѣ на жительство и не запятналъ себя ни какимъ проступкомъ (доказаннымъ по суду). Большая часть городскихъ общественныхъ должностей были почетными и безъ жалованья; каждый гражданинъ имѣлъ не только право, но и обязанность занимать ихъ. Главный бургомистръ (городской голова) назначался изъ трехъ предложенныхъ городомъ кандидатовъ отъ правительства. — Подати распределены были равномерно, тягости войны облегчены бережливостью, убавкою жалованья, пенсій и вообще хорошимъ государственнымъ хозяйствомъ, и обращено вниманіе на введеніе народного представительства, съ приглашеніемъ, въ случаѣ нужды, совѣщательныхъ и научно-техническихъ депутацій, для передачи королю желаній и потребностей прусскаго народа, «такъ какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было помышлять объ учрежденіи новыхъ земскихъ чиновъ». Эти новые чины или, точнѣе соотвѣтственное духу времени представительное устройство съ либеральнымъ и справедливымъ закономъ о выборахъ и съ предоставленнымъ чинамъ правомъ дѣятельно участвовать въ законодательствѣ и установленіи податей, наблюдать за хозяйственнымъ управленіемъ государства и входить въ случаѣ нужды съ жалобами и прошеніями, — это должно было завершить собою великое дѣло организациі, предпринятое Штейномъ. Но послѣдняя часть плана и позже не была приведена въ исполненіе: сначала препятствовали тому обстоятельства и вынужденное бѣгство Штейна, потомъ — реакціонныя вліянія. Да и изъ остальныхъ его предположеній нѣкоторыя не осуществились вовсе, другія были ослаблены и искажены. Но не смотря на то эти учрежденія стали зерномъ, изъ котораго развилось все, чѣмъ съ тѣхъ поръ внутреннее управленіе Пруссіи во многомъ отличалось отъ другихъ правительствъ. — Своими преобразованіями Штейнъ нажилъ себѣ въ кругу старой прусской аристократіи много враговъ¹; заодно съ французской партіей, они старались проеками и всегдашнимъ заподозрѣваніемъ его дѣйствій добиться удаленія этого министра. На пагубу ему воспользовались перехваченнымъ письмомъ Штейна къ князю Витгенштейну, гдѣ между прочимъ говорилось о

¹ Хотя по своему рожденію, привычкамъ и воспитанію онъ и самъ не былъ чуждъ даже нѣкоторыхъ предразсудковъ аристократизма.

томъ, что должно поддерживать духъ недовольства въ Вестфальскомъ королевствѣ и побуждать Пруссію на союзъ съ Австріей. Штейна представили королю средоточіемъ великаго заговора и такимъ образомъ добились его увольненія. Едва оно состоялось (январь 1809), какъ Наполеонъ объявилъ Штейна (le nommé Stein) внѣ законовъ и велѣлъ конфисковать его имѣнія, находившіяся въ предѣлахъ Рейнскаго союза. Къ прискорбію всѣхъ истинныхъ патріотовъ, баронъ поспѣшно выѣхалъ изъ Пруссіи и бѣжалъ сначала въ Богемію, а потомъ въ Россію, заявивъ напередъ свои либеральныя политическія правила въ Запискѣ, которую въ послѣдствіи прозвали «Штейновымъ завѣщаніемъ». Между тѣмъ преемникъ его, государственный канцлеръ Гарденбергъ, дѣйствовалъ по мѣрѣ силъ въ духѣ Штейна и старался объ умаленіи средневѣковыхъ сословныхъ правъ и неудобствъ ограниченія прусской территоріи. Подъ покровительствомъ ловкаго, умнаго канцлера основанъ въ 1809 г. Гумбольдтомъ, Алтенштейномъ, Нибуромъ, Шлейермахеромъ и друг. берлинскій университетъ, много содѣйствовавшій пробужденію свободнаго, патріотическаго образа мыслей. Къ той же цѣли и къ оживленію чувства народной чести въ Германіи стремились, съ одной стороны, философъ Фихте въ своихъ «Рѣчахъ къ германской націи», гдѣ онъ между прочимъ взывалъ къ воспитанію въ своенародномъ духѣ и видѣлъ въ собственной силѣ каждаго единственное спасеніе отъ скорбныхъ обстоятельствъ той эпохи, — съ другой стороны — такъ-называемый союзъ доблести (Tugendbund), основанный Барделебенемъ, фонъ-Мѣсковой, Леманомъ и друг. и соединившій въ себѣ или по крайней мѣрѣ расположившій въ свою пользу многихъ благородныхъ людей края и нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ, которые въ послѣдствіи снискали себѣ почетное имя въ Германіи, хотя впрочемъ непосредственное вліяніе этого союза на ближайшій ходъ дѣлъ вовсе не было такъ значительно, какъ долго полагали. Недовѣріе французской полиціи, а также преувеличенія и неосторожности самого союза, повели еще въ концѣ 1809 г. къ офиціальному его закрытію. Такимъ образомъ начала истиннаго порядка, свободы и національности береглись въ глубокой тайнѣ до тѣхъ поръ, пока настала зоря освобожденія.

Турція. По Тильзитскому миру дружественной съ Наполеономъ и враждовавшей съ Англичанами и Русскими Портъ были возвращены Дунайскія земли (Молдавія и Валахія). Султанъ Селимъ III (1789—1807), руководимый французскимъ посломъ Себастіанн, старался

сблизить Турцію съ христіанскимъ просвѣщеніемъ и предпринялъ многія реформы, ненавистныя реввителямъ ислама. Введеніемъ европейскаго воеустройства старался онъ ослабить и вытѣснить буйныхъ янычаръ; но попытка эта скоро обратилась ему въ пагубу. Опираясь на муфти и улемовъ, янычары произвели возстаніе и принудили султана пожертвовать ихъ мести своими совѣтниками. Трепеща отъ страха, бездѣтный султанъ уступилъ власть своему племяннику Мустафѣ (IV), который отмѣною всѣхъ нововведеній немедленно усмиривъ мятежъ (1807). Но и господство Мустафы было непродолжительно. Противъ него возмутился рушукскій паша Байрактаръ, сторонникъ Селима и его преобразованій; онъ проникнулъ въ столицу и взялъ приступомъ сераль (іюль 1808). Но его намѣреніе возвратить власть прежнему султану повело къ убіенію послѣдняго Мустафой. Байрактаръ отмстилъ за это злодѣйство умерщвленіемъ всѣхъ совѣтниковъ Мустафы и низложеніемъ султана. Повелителемъ правовѣрныхъ сталъ братъ его, Махмудъ II (1808—1839), и Байрактаръ, въ санѣ великаго визиря, возстановилъ опять всѣ учрежденія Селима, но тѣмъ вызвалъ новое возстаніе янычаръ, которое погубило его и его войско, несмотря на отчаянное ихъ сопротивленіе.—По умерщвленіи прежняго султана Мустафы (ноябрь) Махмудъ согласился на возвращеніе къ старотурецкому порядку, и тѣмъ единственно спасъ свой тронъ. Тѣсная связь Наполеона съ императоромъ Александромъ послѣ Эрфуртскаго свиданія побудила Порту вступить въ союзъ съ Англіей. Вскорѣ потомъ началась кровопролитная трехлѣтняя война между Россією и Турціей за обладаніе Дунайскими землями, которая, при посредничествѣ Англіи, окончилась миромъ въ Бухарестѣ только уже тогда, когда Наполеонъ вооружилъ противъ Россіи всю Европу (май 1812). По этому миру Прутъ признанъ былъ между обѣими державами пограничною рѣкой.

§ 752. г) Франція. Россія. Англія. Со времени Тильзитскаго мира свобода и независимость Европы могли подвергнуться опасности съ трехъ сторонъ, со стороны Франціи, Россіи и Англіи. Къ счастью Англія не дала себя опутать сѣтями Наполеона; Россія же пошла съ нимъ теперь заодно и старалась раздвинуть свои предѣлы къ югу на счетъ Турціи, а къ сѣверо-западу на счетъ Шведовъ, въ то время какъ Наполеонъ расширялся на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ другихъ частяхъ материка. Англія такъ же деспотически повелевала на морѣ, какъ Наполеонъ на сушѣ; и она уважала только

тѣ права, которыя поддерживались силой самозащиты. Послѣ свиданія Наполеона съ императоромъ Александромъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ (27 сент. 1808), гдѣ развернулся весь блескъ европейскаго великолѣпія и куда явилось четыре короля и 34 владѣтельныхъ князя Германіи, чтобы преклониться передъ сильнымъ и приумножить собой его кортежъ, Европа находилась въ опасности подпасть господству того или другаго императора. Тайный договоръ (18 окт. 1808) соединилъ обоихъ государей ко взаимной помощи и къ общему признанію власти другъ друга въ тогдашнихъ предѣлахъ, со включеніемъ и начатыхъ уже завоеваній.—Опираясь на дружбу Россіи, Наполеонъ устремилъ всю свою ярость противъ неодолимаго острова. Знаменитый декретъ о блокадѣ отъ 21 ноября 1806 года, воспрещавшій всякое сношеніе съ Англіей и повелѣвавшій отбирать всѣ англійскіе товары, былъ началомъ той тяжелой и притѣснительной континентальной системы¹, которой британское министерство, руководимое Портлендомъ, Каннингомъ, Кастельрѣ и друг., противопоставило приказъ захватывать каждый нейтральный корабль, который выйдетъ изъ портовъ Франціи или ея союзниковъ.

§ 753. Скандинавскія событія. Король Густавъ IV, до тѣхъ поръ воевавшій противъ Французовъ въ союзѣ съ Пруссіею и Россіею, не захотѣлъ приступить къ Тильзитскому миру, но продолжалъ борьбу одинъ при помощи англійскихъ субсидій. Сначала видѣли въ этомъ твердость характера и величіе души, но скорѣ безпредѣльное своеправіе короля и совершенное непониманіе имъ своего положенія показали ясно разстройство его умственныхъ способностей. Онъ отказывалъ въ императорскомъ титулѣ «генералу Бонапарту», достигшему власти во Франціи, а силой одного меча; увлекаясь восторженными религіозными мечтами, онъ считалъ себя призваннымъ возстановить на тронъ Бурбоновъ и низвергнуть апокалипсическаго звѣря — Наполеона. Не-

¹ Глеть этой произвольной мѣры былъ однакожъ не бесполезенъ въ томъ отношеніи, что вызвалъ къ самостоятельности промышленныя силы Европейскаго материка. Сравни § 794.

ненависть свою къ послѣднему онъ простеръ такъ далеко, что глубоко оскорбилъ Пруссію и Россію, возвративъ имъ ихъ ордена и удаливъ ихъ посланниковъ, за то что онъ заключили миръ съ «хищникомъ престола». Такимъ безразсуднымъ поведеніемъ навлекъ онъ великое несчастіе своему народу, да и самъ утратилъ свой престолъ. Французы завоевали Штральзундъ и островъ Рюгенъ и отняли у Шведовъ послѣднія владѣнія ихъ въ Германіи (февр. 1807), между тѣмъ какъ русскія войска вступили въ Финляндію (ноябрь) и безъ труда овладѣли этою выгодно лежащею страной. — Опасаясь, чтобъ Французы не стали твердою ногой у Балтійскаго моря и не преградили имъ всякаго сообщенія съ тамошнимъ побережьемъ, заперевъ Зундскій проходъ, Англичане предложили Даніи соединиться съ ними и отдать имъ на сохраненіе свой довольно значительный флотъ. Король съ негодованіемъ отвергъ такую неслыханную опеку. Тогда явилась въ Зундъ сильная англійская эскадра, (2—5 сент. 1807) бомбардировала Копенгагенъ, превратила городъ въ развалины и увела съ собой въ видъ добычи всю морскую силу Датчанъ (18 линейныхъ кораблей, 15 фрегатовъ и множество мелкихъ судовъ). Это нарушеніе международнаго права возмутило Датскаго короля до глубины души; онъ тѣсно соединился съ Франціей, объявилъ войну Англичанамъ и союзнику ихъ, королю Шведскому, и, на бѣду себѣ и своему народу, не отказался отъ ненависти къ своевольнымъ островитянамъ даже и тогда, когда благоразумная политика требовала бы отступить отъ Франціи и примкнуть къ союзникамъ, выставившимъ противъ нея всѣ свои силы. Впрочемъ и другія державы были дотого оскорблены противнымъ народному праву поступкомъ Англичанъ съ Даніей, что весь материкъ заперъ ихъ судамъ доступъ въ свои порты. Британцы вознаградили себя за это отнятіемъ у Датчанъ всѣхъ колоній. — Теперь одинъ только Густавъ Шведскій держался еще Англій, но при этомъ поступалъ такъ странно и двусмысленно, что и сама Англія предоставила его на волю судьбы. Русскіе уже приближались къ его столицѣ, Датчане и присланный имъ отъ Наполеона въ помощь испанскій корпусъ подъ начальствомъ ла-Романы угрожали предѣламъ Швеціи; ратное устрой-

ство края, благодаря небрежности и неумѣнью Густава, было въ самомъ жалкомъ состояніи; тяжкихъ податей, налагаемыхъ безъ согласія земскихъ чиновъ, собрать было невозможно, а король между тѣмъ все-таки упорно отвергалъ всякой миръ. Тогда въ столицѣ и въ арміи составилъ заговоръ, вслѣдствіе котораго Густавъ IV былъ насильственно схваченъ въ своемъ замкѣ (13 марта 1809) и по подписаніи имъ отреченія отъ престола препровожденъ въ одинъ старый замокъ, лежавшій на острову. Поспѣшно собранный сеймъ, опираясь на свое прежнее избирательное право, объявилъ Густава IV и все его потомство лишеннымъ престола, провозгласилъ королемъ дядю его Карла (XIII), герцога Зюдерманландскаго, и ограничилъ монархическую конституцію, усиливъ власть чиновъ и государственнаго совѣта. За этимъ переворотомъ тотчасъ же послѣдовалъ миръ съ Россіей, Даніей и Франціей.

Русскимъ Швеція уступила Финляндію до рѣки Торнео и Аландскіе острова, а отъ Франціи получила обратно Померанскія владѣнія съ условіемъ отказаться отъ союза съ Англіей и приступить къ континентальной системѣ. Необходимый при бездѣтной старости короля выборъ наслѣдника сначала палъ на одного изъ принцевъ Голштинскихъ; а когда тотъ внезапно умеръ, на маршала Бернадота (князя Понте-Корво), который пріобрѣлъ себѣ многихъ друзей между шведскими офицерами своимъ человѣколюбивымъ и привѣтливымъ обращеніемъ съ Шведами въ прусскую войну при отступленіи ихъ изъ Лауэнбурга. Бернадотъ, съ не совсѣмъ охотнаго согласія Наполеона, объявленъ былъ наслѣднымъ принцемъ въ Швеціи (21 авг. 1810) и, по принятіи имъ господствующаго лютеранскаго исповѣданія, усыновленъ Карломъ XIII.

Надежда Шведовъ сблизиться этимъ выборомъ съ Наполеономъ оказалась тщетною. Требованіе властителя Европы прервать сношенія съ Англіей, на что не соглашался кронпринцъ Карлъ Іоаннъ, вскорѣ повело къ неудовольствію и непріязни. Наполеонъ снова занялъ Померанію, но этимъ дотогу раздражилъ своего бывшего соратника, Бернадота, что тотъ при самомъ началѣ русской войны заключилъ съ императоромъ Александромъ союзъ въ Або и еще болѣе сблизился съ Англичанами. Поддержкою съ ихъ стороны этотъ умный якобинецъ, изъ Гаскони, утвердилъ на головѣ своей корону Швеціи и сверхъ того обез-

печилъ себѣ обладаніе Норвегіей. Сверженіе Наполеона не коснулось Шведскаго королевства. По смерти Карла XIII (1818) Бернадотъ безпрепятственно наслѣдовалъ ему подъ именемъ Карла XIII Іоанна, и когда онъ сложилъ на покой свою утомленную голову, на тронъ вступилъ благородный сынъ его Оскаръ (1844), который чувствовалъ власть свою дотогу упроченной, что не побоялся отмѣнить постановленіе, запрещающее семейству Вазъ пребываніе въ шведскихъ предѣлахъ. — По окончаніи новой конституціи, низложенному королю Густаву IV разрѣшено было отправиться въ Германію съ обезпеченіемъ ему значительнаго дохода. Съ тѣхъ поръ онъ велъ непостоянную жизнь подъ именемъ полковника Густавсона и умеръ только въ 1837 г. въ Санктъ-Галленѣ, разставшись по неудовольствіямъ съ своей семьей и добровольно терпя нужду; это былъ твердый царственный характеръ, которому недоставало только ясности въ мысли и благоразумія. Сынъ его, принцъ Ваза, состоитъ на службѣ въ австрійской арміи. Скоропостижную смерть избраннаго прежде въ наслѣдники престола, Голштинскаго принца Христіана Августа († 18 мая 1810), приписали отравленію, въ которомъ винили графа Ферзена (вѣкогда участвовашаго въ неудачномъ бѣгствѣ Людовика XVI) и сестру его графиню Пиперъ. Поэтому при погребеніи произошелъ народный мятежъ, въ которомъ Ферзенъ былъ безчеловѣчно убитъ, а дворецъ сестры его разоренъ до основанія.

3. Событія на Пиренейскомъ полуостровѣ.

§. 754. Португалія. Послѣ того, какъ упраздненіемъ трибуната и стѣсненіемъ печатной гласности Наполеонъ утвердилъ въ своемъ государствѣ безусловную монархію, онъ приступилъ къ исполненію давно задуманнаго плана соединить южныя и западныя края Европы въ одну всемірную державу подъ рукою Франціи. Для этого старался онъ присвоить себѣ Пиренейскій полуостровъ и покорить своей власти независимыя еще италійскія владѣнія. Онъ началъ тѣмъ, что заявилъ португальскому правительству требованіе отречься отъ союза съ Англіей и запереть британскимъ судамъ свои порты. Отказъ тамошняго двора повиноваться этому повелѣнію, подалъ Французскому императору желанный поводъ, въ согласіи со всемогущимъ испанскимъ министромъ Годои,

быстро двинуть черезъ испанскіе предѣлы въ Португалію отрядъ подъ предводительствомъ Жюно. Робкій лиссабонскій дворъ не выждалъ прибытія Французовъ, а бѣжалъ на англійскихъ корабляхъ со всѣми своими сокровищами въ Бразилію (27 ноября 1807), послѣ чего Жюно, возведенный въ герцоги д'Абрантесъ, съ небольшою арміею изъ новобранцевъ, овладѣлъ столицею (30 ноября) и цѣлою страной, обложилъ ее тяжкими военными поборами и наконецъ, именемъ своего государя, объявилъ, что «Браганскій домъ пересталъ царствовать» (1 февр. 1808).

Въ силу раздѣльнаго договора, заключеннаго княземъ Мира въ Фонтенеблѣ (27 окт. 1807), испанскому временщику предоставлялась въ видѣ независимаго княжества южная часть края (Альгарвія), малолѣтній король Карлъ-Людовикъ Этрурскій долженъ былъ получить съверхъ въ вознагражденіе за уступаемую имъ Французскому императору область свою въ Италіи (§ 747. 3.), а средняя часть Португаліи—находиться до времени въ распоряженіи Наполеона.

§ 755. Козни въ Байонѣ. Фонтенеблоскимъ договоромъ недостойный Годон совершенно предалъ свое отечество въ руки Наполеона. Этотъ временщикъ, безъ всякихъ доблестей, заслугъ и дарованій, однимъ расположеніемъ къ нему порочной королевы, при безпредѣльной слабости короля Карла IV, достигъ неограниченной власти въ гражданскомъ и военномъ управленіи и сталъ настоящимъ регентомъ Испаніи. Въ то время какъ испанскія войска шли подъ знаменемъ французскаго владыки и проливали за его завоевательные планы кровь свою въ Португаліи и въ Даніи, сто тысячъ Французовъ заняли мало-по-малу востокъ и западъ испанской державы. Князь Мира, озобоченный воинскими приготвленіями, которыхъ онъ не ожидалъ въ такомъ размѣрѣ, и трепеща передъ ненавистію взволнованнаго народа, на сторонѣ котораго былъ враждебный фавориту наслѣдный принцъ Фердинандъ, рѣшился убѣжать съ дворомъ въ Севилью, а оттуда въ Америку. Но прежде чѣмъ осуществился этотъ планъ, въ Арангуэсѣ и Мадридѣ возникли бурныя народныя движенія (18 марта 1808), при чемъ дворецъ ненавистнаго князя Мира былъ разграбленъ и разоренъ, да и ему лично нанесли многія оскорбленія и угрожали смертію. Напуганный опасностію, какой подвергалась дорогая жизнь его любимца, слабый Карлъ IV старался укротить народную ярость тѣмъ, что отрекся отъ

престола въ пользу старшаго сына своего, Фердинанда, который, будучи врагомъ Годои, былъ столько же любимъ націей, какъ смертельно ненавистенъ своимъ родителямъ. Съ восторгомъ привѣтствовалъ народъ новаго властителя; но совершившееся въ то же время занятіе Мадрида французскимъ главнокомандующимъ въ Испаніи Мюратомъ, наполнило радостныя сердца тревожнымъ ожиданіемъ. Тщетны были надежды Фердинанда заинтересовать въ свою пользу Наполеона просьбами одобрить вступленіе его на престолъ и осчастливить его рукою одной изъ своихъ родственницъ; Наполеонъ уже рѣшился обратить Испанію въ лѣнную державу своего дома и потому гораздо болѣе былъ бы радъ отъѣзду двора въ Америку, нежели этой любовью народу переменѣ правителя. Карлъ IV и Годои въ своей стороны обращались къ нему съ жалобами на Фердинанда и такимъ образомъ ставили его судьбою между сыномъ и отцомъ; Наполеонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы поймать всю королевскую семью въ сѣти своей двуличной и коварной политики. Не высказывая своихъ видовъ и намѣреній, онъ пригласилъ для личныхъ переговоровъ въ Байонну и старую королевскую чету съ княземъ Мира, и Фердинанда. Напрасно друзья послѣдняго предостерегали его отъ этой поѣздки; напрасно и самъ народъ, чуя грядущую бѣду, старался помѣшать принцу въ его путешествіи и выпрягъ лошадей изъ его кареты, — слабодушный Фердинандъ не дерзнулъ противиться могучему властителю. Онъ поѣхалъ въ Байонну, гдѣ уже засталъ своихъ родителей и князя Мира. Здѣсь, обольщенный посулами Наполеона, Годои уговорилъ слабоумнаго Карла IVъ взять обратно свое отреченіе, но только для того, чтобы снова отказаться отъ пріобрѣтенной короны за себя и свое потомство въ пользу Наполеона и его фамиліи, а своего ненавистнаго сына лишить наслѣдства. Безхарактерный Фердинандъ, неспособный ни къ какой энергической рѣшимости, угрозами и просяками Наполеона былъ доведенъ до признанія этого дипломатическаго насильства. Пользуясь ежегодной пенсіей, жилъ онъ съ тѣхъ поръ во Франціи и не заботился о великой борьбѣ, которую народъ его велъ за свободу и національность. Наполеонъ принялъ мѣры, чтобъ собраніе испанскихъ именитыхъ людей (конституціонная хунта) признала брата его Іосифа королемъ Испаніи (6 іюня), окружилъ его умно-избраннымъ министерствомъ и старался примирить націю съ новымъ порядкомъ либеральною конституціей, примыкавшею къ уставамъ древнихъ кортесовъ, и отличнымъ судоустройствомъ; но еще до окончанія дипломатической продѣлки байонской, въ Мадридѣ вспыхнуло страшное

возстаніе (2 мая), причемъ около 1200 французскихъ солдатъ изъ Мюратовой арміи пали жертвою народной мести: оно ясно доказывало, что народъ поддается чужевластію совѣтъ не такъ легко, какъ слабодушная династія. Карль IV умеръ безславный и всеми забытый въ Римѣ, куда онъ удалился съ княземъ Мира и съ своей семьей.

§ 756. Испанская война. Еще прежде чѣмъ Іосифъ Бонапартъ, уступивъ королевство Неаполь шурина своему Мюрату, торжественно вступилъ съ французскою арміею въ Мадридъ, испанскій народъ, предводимый частію дворянъ и многочисленнаго духовенства, произвелъ повсемѣстное возстаніе; учрежденныя въ важнѣйшихъ городахъ хунты и кровавыя мятежи противъ Французовъ ознаменовали его ненависть къ новому порядку. Съ изумленіемъ смотрѣла Европа на необычайное явленіе народной войны, распространившейся изъ Испаніи въ Португалію и неодолимой даже для храбрыхъ полчищъ Наполеона.

Во всехъ концахъ края образовались подъ начальствомъ смѣлыхъ предводителей вооруженныя дружины суровыхъ поселанъ, которыя пользуясь дебрями и горными высотами своей родины сильно нападали на французскіе отряды; города запирали имъ свои ворота, и геройство, съ какимъ Саратога подъ начальствомъ Палафоха, Гирона подъ начальствомъ Альвареса, Гостальричь, Мурвѣдро (древній Сагунтъ), Валенсія и многія другія мѣста отражали приступы Французовъ, напоминало собой Нуманцію и Сагунтъ. Англичане, обрадовавшись, что французскій повелитель нажилъ себѣ новаго могущественнаго врага, оказывали Испанцамъ и Португальцамъ энергическую помощь и начали потомъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, опираясь на туземцевъ, первую на сушѣ успѣшную войну противъ своего непріятеля. Между тѣмъ какъ образованная часть народа была болѣе предана новому порядку, надѣлявшему ее свободною государственною жизнью и политическими правами, нежели абсолютизму прежняго времени, и тѣмъ самымъ навлекла себѣ гоненіе и прозвище «Іосифовцевъ» (Josephinos), большая масса народа оставалась недоступною плодамъ революціи, и изуверное духовенство, съ ужасомъ смотрѣвшее на святотатцевъ-сосѣдей, поддерживало въ ней непримиримую ненависть ко всему французскому. Поэтому между Испанцами, возставшими за свою вѣру, народность и независимость, и ихъ закаленными въ бояхъ врагами, разгорѣлась страшная, исполненная ужасовъ борьба, которая была тѣмъ

пагубите для Французовъ, что противники рѣдко выступали передъ ними въ открытомъ полѣ, а постоянно вели малую партизанскую войну (герилья) и нападали на отдѣльные отряды въ неудобныхъ для нихъ мѣстностяхъ. Сколько ни старался Іосифъ благоразумнымъ, умѣреннымъ и либеральнымъ управленіемъ привлечь Испанцевъ на сторону новаго государственнаго устройства, хунты, имѣвшія свое средоточіе въ севильской центральной хунтѣ, пріобрѣли, не смотря на свои раздоры, болѣе власти и уваженія въ народѣ, особенно, когда Французскій императоръ, пренебрегая королевскимъ достоинствомъ и честью своего брата, началъ произвольно распоряжаться въ Испаніи и такимъ образомъ хотѣлъ поставить этотъ край въ полную зависимость отъ Франціи. Хотя Наполеоновы войска и поддерживали королевское правительство въ Мадридѣ, однако революціонное правительство хунтъ, дѣйствовавшее именемъ Фердинанда, почерпало свою силу въ народномъ духѣ и въ сочувствіи другихъ странъ, которыя и словомъ и дѣломъ ободряли ихъ свергнуть нго французскаго деспотизма. Не смотря на то, при внутреннемъ разногласіи и наслѣдственной ненависти различныхъ областей и хунтъ между собою, Наполеонъ конечно все-таки одержалъ бы верхъ, еслибъ ненасытное властолюбіе не вовлекло его въ то же время въ другія войны и еслибъ англійскія арміи не пришли на помощь инсургентамъ. Впрочемъ безначаліе, водворившееся во время борьбы на всемъ полуостровѣ, было скорѣе выгодно чѣмъ вредно для Испанцевъ, ибо при отсутствіи всякой централизаціи, повелѣвающей всѣмъ столицы и объединяющаго страну правительства, надобно было завоевывать порознь каждый городъ, каждый уголокъ, что длило войну до безконечности. Сопротивленіе росло вмѣстѣ съ пораженіями.

Большія ополченія разомъ противустали Французамъ во всѣхъ областяхъ, послѣ того какъ захватъ французскаго флота въ Кадиксѣ послужилъ сигналомъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Бессьеръ одержалъ при Мединѣ дель-Ріо-Секко блистательную побѣду надъ непривычными ополченцами (14 іюля 1808); казалось, что и возстаніе испанскаго народа поведетъ только къ новымъ побѣдамъ воинственнаго императора, — какъ вдругъ раздалась вѣсть о капитуляціи генерала Дюпона подъ Байленомъ (въ Андалузіи, 22 іюля), въ силу которой 20,000 Французовъ сдались въ плѣнъ и болѣею частію погибли самымъ бѣдственнымъ образомъ. Этотъ ударъ наполнилъ весь испанскій народъ энтузіазмомъ и неслыханнымъ

рвеніемъ; даже многіе министры покинули короля и примкнули къ инсургентамъ; въ Мадридѣ обнаружилась признаки угрожающаго возстанія и принудили Іосифа бѣжать на сѣверъ своего королевства; французскія войска отошли за Эбро, и дѣло Французовъ на Пиренейскотъ полуостровѣ казалось потеряннымъ, когда вслѣдъ за этимъ пришла вѣсть, что и въ Португаліи они должны были уступить соединеннымъ силамъ хунтъ и Англичанъ, высадившихся подъ начальствомъ Веллеса (Веллингтона), Мура, Непира и другихъ полководцевъ, и потерпѣли бы вѣроятно такую же участь какъ и армія Дюпона, еслибъ слишкомъ поспѣшною капитуляціею въ Синтрѣ (30 авг.) Англичане не предоставили войскамъ Жюно свободнаго перевоза моремъ во Францію.

§ 757. Конституція 1812 года. Но могъ ли Наполеонъ съ его боевыми арміями, свергавшими царей и покорявшими народы, отступить передъ дружинами простыхъ ополченцевъ и предоставить Пиренейскій полуостровъ на волю ненавистныхъ ему Англичанъ? Эта мысль была невыносима для его гордости. Подкрѣпивъ свои войска новыми наборами, двинулся онъ за Пиренеи самъ во главѣ сильныхъ, отлично вооруженныхъ армій, предводимыхъ превосходными полководцами, каковы Сультъ и друг. Безпорядочныя, необученныя и невыправленныя дружины Испанцевъ, противуставъ безъ всякаго военнаго плана величайшему изъ побѣдителей, легко были одолѣны (подъ Бургосомъ, Эспинозой, Туделой, Сомосіэрой), такъ что уже черезъ четыре недѣли императоръ могъ торжественно вступить въ Мадридъ (4 дек.) и возвратить престолъ своему брату. Между тѣмъ какъ Наполеонъ принималъ новыя правительственныя мѣры въ столицѣ, кротостью и угрозами старался побудить Испанцевъ къ признанію ихъ новаго короля и подвергалъ строгому уголовному суду наиболѣе виновныхъ, полководцы его выдерживали кровавыя битвы противъ предводителей дружинъ и англійскихъ отрядовъ. Сарагоса («дѣва Сарагоса») была взята послѣ самаго отчаяннаго сопротивленія (21 дек. 1808—20 февр. 1809) и Палаfoxъ отведенъ военнопленнымъ во Францію; англійскія войска ограничили защитою Португаліи, послѣ того какъ геройская борьба и геройская смерть Мура подъ Коруньей, 16 янв. и по-

бѣда Веллеслея (Веллингтона) при Талаверѣ, 28 іюля 1809 г., доказали однакожь, что сухопутные войны Британцевъ не уступаютъ въ храбрости ихъ морякамъ, Севилья и вся Андалузія и Гренада также достались въ руки Французамъ. Не смотря на то Испанія все еще держалась на ногахъ. — Чѣмъ побѣдоноснѣе враги были въ открытомъ полѣ, тѣмъ обдуманнѣе велась малая война, особенно съ тѣхъ поръ какъ маркизу ла-Романъ, нарочно отправленному Наполеономъ съ 18,000 отборныхъ Испанцевъ въ далекую Данію, удалось воротиться оттуда на англійскихъ корабляхъ при первой вѣсти о возстаніи отечества. Снова ожилъ тогда воинственный духъ древнихъ Испанцевъ, и между тѣмъ какъ національное правительство (верховное регентство) въ Кадиксѣ (который одинъ сопротивлялся приступамъ враговъ и оттого по паденіи Севильи былъ признанъ политическою столицею всего края) громило своими декретами Іосифа и его приверженцевъ, и созывомъ народнаго представительства привело къ столь важной для будущности Испанцевъ кортесской конституціи—смѣлые вожди отдѣльныхъ дружинъ поддерживали въ народѣ воинское мужество, фанатизмъ и самоувѣренность.

Замѣчательно, что въ то самое время какъ народъ съ яростію и остервененіемъ бился съ Французами и боролся противъ вновь заводимыхъ порядковъ, представители націи, призванные выборомъ того же народа и принадлежащіе по большей части къ образованному и ученому сословію, собрались въ Кадиксѣ подъ прежнимъ именемъ кортесовъ и начертали государственный уставъ, во многомъ близкій къ французской конституціи 1789 г. Конституція двѣнадцатаго года, при обсужденіи которой преданные новому порядку либералы взяли верхъ надъ сторонниками древне-испанскаго устройства (которыхъ прозвали раболѣпцами), поставила народъ выше королевской власти, ограниченной правильно собирающимися кортесами, католическую вѣру признала государственною религіею, но оградила государство отъ пробыданія духовныхъ упраздненіемъ инквизиціи и сокращеніемъ числа монастырей, наконецъ — бѣлому населенію въ колоніяхъ предоставила одинакія политическія права съ гражданами метрополіи. При этомъ постановлено ею разьединеніе трехъ властей (законодательной, исполнительной, и судебной), новое дѣленіе края на

округи и новое общинное устройство, уничтоженіе сословныхъ преимуществъ и средневѣковыхъ тягостей, обременявшихъ земледѣліе и скотоводство, и наконецъ узаконена свобода печати. Однакожь, благодаря вліянію духовныхъ лицъ, новая эта конституція осталась чужда и ненавистна для большей части народа.

§ 758. Исходъ войны на Пиренейскомъ полуостровѣ. Когда въ 1809 году новая война съ Австріей вызвала императора изъ Испаніи, онъ оставилъ тамъ многочисленную армію, состоявшую преимущественно изъ Нѣмцевъ. Эта армія, по окончаніи помянутой войны, была усилена почти до 300,000 человекъ; подъ начальствомъ самыхъ опытныхъ вождей (Сультъ, Массены, Сюшѣ, Нея, Сень-Сира, Мармона, Макдональда и друг.) обходила она различныя области полуострова и пожинала французскому оружію новые лавры. Но побѣды только усиливали ненависть къ Французамъ; малая война развигалась все кровопролитіе подъ руководствомъ искусныхъ и смѣлыхъ начальниковъ (Баллестероса, Эмпесинады, Морилью, Одоннеля, Мины, Морено) и ни какая храбрость не служила защитой отъ вѣроломныхъ убійствъ, къ которымъ ярость и фанатизмъ влекли уже отъ природы мстительныхъ Испанцевъ. Мирнаго обладанія не могли доставить Французамъ даже и величайшіе подвиги испытанныхъ Наполеоновыхъ солдатъ, совершаемые то подъ знойнымъ солнцемъ Испаніи на открытомъ боевомъ полѣ, то при многотрудныхъ переходахъ горами и дебрями (таковъ смѣлый походъ Массены черезъ Сіерру де-Бусако), то при осадахъ и приступахъ (Валенсія, Гироны, Сіудадъ-Родриго и друг.). Походъ на Россію вынудилъ императора уменьшить испанскую армію, между тѣмъ какъ англійскія войска были приумножены, и отлично снабженныя оружіемъ и провіантомъ, вторглись подъ главнымъ начальствомъ Веллингтона въ Испанію. Подкрѣпляемые летучими отрядами испанскихъ дружинъ (герильи), британскія арміи вскорѣ взяли верхъ надъ противниками, которые во всемъ терпѣли недостатокъ. Послѣ пораженія Мармона Веллингтономъ подъ Саламанкой (при Арапилахъ, 22 іюля 1812) Англичане заняли Мадридъ и выгнали короля Іосифа. Сюшѣ (пожалованный въ герцоги д'Альбуфера) и Сультъ, оба равно храбрые, оба равно черствые и хищные, удержали еще побѣду за зна-

менемъ Франціи и еще разъ проложили Іосифу путь къ его шаткому престолу въ Мадридъ; но страшная катастрофа, къ которой привелъ русскій походъ, побудила Французовъ къ отступленію и на западномъ полуостровѣ, а короля Іосифа вынудила покинуть испанскую почву. Послѣ славной побѣды при Витторіи (21 іюня 1813) и покоренія упорно защищаемыхъ и за то жестоко пострадавшихъ крѣпостей Санъ-Себастіана и Памплоны, Веллингтонъ двинулся за отступающими чрезъ Пиренеи Французами, оттѣснилъ Сульта при Ортезѣ и занялъ Бордо (февр. 1814). Испытанный въ бояхъ маршалъ геройски сопротивлялся подходившему къ Тулузѣ непріятелю еще 10 апрѣля, въ то время какъ союзники стояли уже лагеремъ на Элизейскихъ поляхъ въ Парижѣ, однако долженъ былъ уступить превосходной силѣ врага. — Сверженіе Наполеона возвратило испанскій престолъ лицемѣрному Фердинанду VII, котораго императоръ Французовъ освободилъ еще прежде своего отреченія, съ тѣмъ чтобы снова возжечь междоусобную войну на полуостровѣ; но народъ, отстаившій свободу края потоками своей крови, получилъ за то плохое вознагражденіе.

§ 759. Плѣненіе папы. Ненависть къ Французамъ и фанатическая ярость Испанцевъ преимущественно были дѣломъ духовенства; Наполеону слѣдовало бы научиться изъ этого, какъ сильно непризнаваемое имъ могущество религій и стародавнихъ ея учрежденій на умы и души вѣрующихъ людей; но, увлекаемый гордостью, онъ не хотѣлъ допустить никакого предѣла своей власти. Отказъ папы запретить гавани Церковной Области англійскимъ судамъ и заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей, дотога оскорбилъ Наполеона, что онъ не удовольствовался угрозою, отнять у св. отца всѣ земли, нѣкогда пожалованныя римскому епископу «августѣйшимъ предмѣстникомъ императора» Карломъ Великимъ, но и потребовалъ отъ него такихъ уступокъ, которыя бы значительно ограничили духовную власть церковнаго государя *). Когда же никакія угрозы не принудили Пія VII служить орудіемъ французскому повелителю и одобрить всѣ произвольныя его мѣры, Наполеонъ сначала отрѣзалъ отъ Церковной Области Анкону, Ур-

бино и другіе участки и присоединилъ ихъ къ королевству Италійскому. Однакожь и это ни мало не смирilo стойкаго первосвященника; напротивъ, заодно съ Англіей и Австріей онъ принялъ свои мѣры противъ французскаго преобладанія. Тогда декретомъ, изданнымъ въ Шёнбрунѣ 16 мая 1809, Наполеонъ объявилъ о прекращеніи свѣтской власти папы, велѣлъ силою увезти его изъ Рима и черезъ Гренобль препроводить въ Савону, кардиналовъ разослалъ по разнымъ городамъ и, раздѣливъ Церковную Область на два департамента, присоединилъ ее къ Французской державѣ. Римъ былъ объявленъ вольнымъ императорскимъ городомъ. Этимъ насиліемъ императоръ навлекъ себѣ отлученіе отъ церкви (10 іюня), которое для многихъ не значило уже ровно ничего, но въ Испаніи таки произвело свое дѣйствіе.

Противупоставляя просьбамъ и угрозамъ императора непоколебимую преданность своему долгу, папа, лишенный свободы и установленнаго закономъ совѣта кардиналовъ, рѣшительно отказывалъ въ утвержденіи всѣхъ назначаемыхъ Наполеономъ епископовъ. Тогда послѣдній, заодно съ парижскимъ архіепископомъ, старался возстановить свободныя учрежденія Галликанской церкви и началъ своевольно распоряжаться епископствами. Послѣ похода въ Россію императору удалось склонить Пія VII, перевезеннаго въ Фонтенеблѣ, къ заключенію конкордата (25 янв. 1813), которымъ назначеніе епископовъ было ограждено отъ папскаго произвола. Но только лишь низверженіе могучаго властителя возвратило свободу церковному государю и повело къ возстановленію Церковной Области (янв. и мартъ 1814). Пій VII былъ сосредоточенная въ себѣ и крайне совѣтливая натура; и на папскомъ престолѣ и плѣнникомъ въ Савонѣ онъ равно отличался простотой во внѣшней обстановкѣ, простотой во нравахъ и даже въ образованіи, не смотря на свою богословскую ученость; онъ былъ далекъ отъ выказнаго блеска своего предшественника Пія VI, далекъ и отъ его nepотизма, не смотря на то, что родственники его жили по большей части въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

*) Наполеонъ требовалъ: 1) особаго патріарха для Франціи; 2) введенія французскаго уложенія (свѣдательно и гражданскаго брака) въ Церковной Области; 3) свободнаго отправления всякой вѣры въ ея предѣлахъ; 4) преобразованій въ епископствѣ; 5) уничтоженія монашескихъ орденовъ и 6) отмены безбрачія духовныхъ лицъ.

4. Вторая война Наполеона противъ Австріи (1809).

§ 760. Аспернъ. Ваграмъ. Со времени Пресбургскаго мира податливая, безхарактерная политика Тугута и Кобенцеля отступила со стыдомъ на задній планъ; виѣшними дѣлами Австріи руководилъ энергическій графъ Стадіонъ, ревнуя чести и пользамъ отечества, и старался своевременными преобразованіями укрѣпить и возвысить государство. Въ это время возстаніе испанскаго народа, противъ котораго императоръ Французовъ долженъ былъ обратить значительныя арміи, наполнило Вѣнскій кабинетъ надеждой приобрѣсть новымъ вооруженіемъ утраченное могущество.

Самовластные мѣры Наполеона въ Италіи и возрастающее вліяніе его въ Германіи пробудили въ Австріи зависть и опасенія; неудовольствіе, вызванное стѣснительною континентальною системою и военными тягостями, и сильное волненіе умовъ въ сѣверной Германіи подавали надежду, что германскій народъ приметъ участіе въ войнѣ противъ чужеземнаго ига. Но вѣра въ необходимость Французовъ и страхъ передъ завоевателемъ были еще такъ велики, что государи Рейнскаго союза не отважились противустать могучему властителю, отъ котораго исполнѣ зависѣло ихъ возвыситься или наоборотъ низвергнуть въ прахъ. Обаяніе императорскаго имени было еще слишкомъ неодолимо; южногерманскіе солдаты сами были увлечены военною славой, одушевлявшей Французовъ. Въ Австріи старались вызвать участіе народа къ новой войнѣ учрежденіемъ земскаго ополченія и пробудить одушевленіе и патріотизмъ высокопарными воззваніями, полными заманчивыхъ обѣщаній, а въ то же самое время посредствомъ новаго займа на покрытие военныхъ издержекъ требовался весь наличный металлъ, какъ «празднующія запасы звонкой монеты», такъ и «всякая золотая и серебряная утварь, безъ которой можно было обойтись». Въ войскѣ старались умственными и нравственными средствами оживить и поднять чувство чести, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести надлежащіе перемѣны по части его устройства и вооруженія. Весь край уподобился огромному военному стану; никогда еще Австрійская монархія не проникалась такой живою струей патріотическаго и воинственнаго одушевленія. Вооруженія производились съ необычайною ревностью, публичными подписками старались оказать помощь семействамъ ополченцевъ, приносились обильныя

патріотическія пожертвованія «на удовлетвореніе потребностей и на украшеніе защитниковъ роднаго края»; освященіе знаменъ вѣнскихъ охотниковъ (волонтеровъ) превратилось въ военно-народное празднество. Даровитѣйшій полководецъ Австріи, эрцгерцогъ Карлъ, былъ поставленъ во главѣ многочисленнѣйшей арміи. Въ его главной квартирѣ Генцъ и Фридрихъ Шлегель, въ то время императорскій придворный секретарь, сочиняли тѣ знаменитыя прокламаціи, которыя возбуждали вниманіе всей Европы и въ которыхъ чаяли видѣть предвѣстіе славныхъ дѣлъ.

Прежде всего явилась 27 марта декларація, за подписью императора Франца, исчислявшая всѣ поводы къ жалобамъ, поданнымъ Австріи Наполеономъ съ 26 дек. 1805 года: «несовершенное исполненіе Пресбургскаго мира, отказъ очистить Браунау, заключеніе Рейнскаго союза, непрерывное занятіе Германіи прежде и послѣ прусской войны, навязанный Австріи разрывъ съ Англіей, угрожающій раздѣлъ Турецкой державы, и поступки въ Испаніи, ясно показывающіе Австріи, какая ожидаетъ ее участь, если она не найдетъ въ самой себѣ обезпеченія своему политическому существованію отъ всѣхъ опасностей, грозящихъ извнѣ». Уже въ 1808 г. — говорилось въ деклараціи — Наполеонъ старался застрашать Австрію и возстановить противъ нея новыхъ враговъ, уже и тогда тѣснилъ онъ Вѣнскій дворъ своими требованіями, чтобы Австрія признала оборотъ испанскихъ событій. Затѣмъ последовали вооруженія, призывъ контингентовъ Рейнскаго союза и та оскорбительная война, какую должны были вести противъ Австріи французскіе и отчасти нѣмецкіе журналы. Австріи не нужно ничего кромѣ мира, но мира настоящаго, который вмѣсто того, чтобы ежедневно нарушаться угрозами, враждебными приготовленіями и странными, несообразными требованіями, дозволилъ народамъ австрійскаго государя спокойно пользоваться благодѣяніями отеческаго правленія, а ему лично — наслаждаться счастьемъ своихъ народовъ.

Замѣчательнѣе этихъ государственныхъ актовъ были прокламаціи, возвѣщавшія близкій взрывъ борьбы. Въ приказѣ по арміи отъ 6 апрѣля впервые обратился къ своему войску эрцгерцогъ Карлъ, чтобы призвать его къ борьбѣ за родину и независимость. «На васъ, говорилъ онъ, дорогіе мои товарищи, обращены взоры свѣта и всѣхъ тѣхъ, въ комъ осталось еще чувство народной чести и народной собственности; вы не должны подобно другимъ быть позорнымъ орудіемъ порабоженія; вы не должны вести въ отдаленныхъ странахъ безконечныя войны изъ-за чьего бы то ни

было разрушительнато честолюбія; вы не станете проливать кровь за чужія выгоды, за чужую алчность; васъ не постигнетъ злая судьба уничтожать ни въ чемъ неповинные народы, для того чтобъ по трупамъ избитыхъ защитниковъ отечества пролагать чужеземцу путь къ похищенному престолу. Васъ ожидаетъ лучшая судьба, свобода Европы пріютилась къ вамъ подъ знамѣна. Побѣды ваши расторгнутъ узы порабощенія и ваши братья Германцы, стоящіе теперь въ непріятельскихъ рядахъ, только и ждутъ себѣ желаннаго освобожденія». Съ подобнымъ же воззваніемъ обратился австрійскій полководецъ къ «германской націи». «Мы сражаемся, говорилось въ немъ, за самобытность Австрійской монархіи, зато чтобъ снова доставить Германіи ту независимость и національную честь, которыя ей подобаютъ. Тѣ же притязанія, какія угрожаютъ намъ теперь, уже сокрушили Германію. Сопротивленіе наше—ея единственный якорь спасенія, дѣло наше—дѣло всей Германіи. Въ связи съ Австріей Германія была независима и благополучна; только съ помощію Австріи можетъ она сдѣлаться и тѣмъ и другимъ. Германцы! поймите свое положеніе! примите предлагаемую вамъ помощь! дѣйствуйте для своего спасенія!» — Еще смѣлѣе были нѣкоторые акты, распространяемые безъ всякой подписи по мѣрѣ движенія впередъ австрійскихъ войскъ. Уничженіе Германіи съ 1805 и 1806 года изображалось тамъ огненными словами: хищничество и порабощеніе, позоръ Вестфальскаго королевства, вторженіе чуждыхъ властей и учреждений, уводъ германской молодежи на поля истребительной испанской войны. «Не обычныя арміи — сказано въ одномъ изъ этихъ воззваній — спѣшатъ на помощь къ вамъ теперь. Нѣтъ! это арміи, воспламененныя любовью къ родному краю, отвращеніемъ къ чужеземному игу и самовластію. Онѣ сражаются за себя, за свободу и собственность, за народную самобытность, за отечество и право, за обожаемаго и справедливаго государя! Масса самого народа поднялась въ справедливомъ негодованіи и вся вооружилась! . . . Настоящая минута не воротится цѣлые вѣка! Схватитесь за нее, чтобъ она не выскользнула у васъ неозвратно! Подражайте великому примѣру Испаніи!»

Въ апрѣлѣ Австрія начала войну противъ Французовъ тѣмъ, что силы ея разомъ двинулись въ Баварію, въ Италію и въ Варшавское герцогство (гдѣ Русскіе, въ союзѣ съ Наполеономъ, и Поляки, подъ начальствомъ Понятовскаго, угрожали Галиціи). Уже позднимъ открытіемъ военныхъ дѣйствій Австрійцы упустили лучшую пору застать врасплохъ невоо-

руженнаго еще непріятеля и быстрымъ занятіемъ союзно-германскихъ земель удержать ихъ отъ присоединенія къ Французамъ; другою важною ошибкой было то, что эрцгерцогъ Карлъ слишкомъ разъединилъ, разсѣялъ и раздробилъ свои собственныя силы, а своему искусному противнику далъ время сосредоточить на берегахъ Дуная различныя корпуса своихъ маршаловъ и нѣмецкія союзныя войска, увлеченныя ловкими воззваніями, и потомъ своимъ дивнымъ полководческимъ гениемъ привести всю кампанію къ быстрому и рѣшительному исходу. Сильно подкрѣпленный со стороны Вюртемберга, Баваріи и другихъ державъ Рейнскаго союза, Наполеонъ съ значительною силою двинулся внизъ по Дунаю, мастерскимъ пятидневнымъ походомъ и цѣлымъ рядомъ удачныхъ схватокъ и битвъ (19—24 апр., при Гаузенѣ, или Таннѣ, при Абенсбергѣ, Ландсгутѣ, Экмюль, Регенсбургѣ) отбѣснилъ непріятеля за Иннъ и снова двинулся въ самое сердце австрійскихъ владѣній. Но не смотря на эти пораженія, нельзя было не признать, что императорскія войска оживотворялись совѣмъ новымъ духомъ; вездѣ боролись они истинно-геройски, и утраты по большей части были съ обѣихъ сторонъ одинаковы; при отступленіи изъ Ландсгута одинъ австрійскій гренадеръ, жертвуя собственною жизнью, зажегъ пороховой ящикъ и тѣмъ выручилъ своихъ товарищей изъ угрожавшей имъ бѣды. Подъ Эбельсбергомъ на Траунѣ (3 мая 1809) дрались Австрійцы съ изумительною храбростью, пока не вынуждены были наконецъ уступить превосходной силѣ непріятеля и городъ и замокъ. 10 мая Наполеонъ стоялъ подъ стѣнами столицы и черезъ три дня вступилъ въ нее побѣдителемъ. Воззваніе къ Венграмъ, чтобы они избрали себѣ новаго короля и пріобрѣли свою древнюю независимость, можно было почесть вѣрнымъ предвѣстіемъ конечнаго разложенія Австрійской монархіи. Но ниже Вѣны, на старомъ Мархскомъ полѣ, гдѣ нѣкогда предокъ Габсбурговъ завоевалъ своему дому владычество надъ этою страной, эрцгерцогъ Карлъ оборонялъ сѣверный берегъ рѣки Дуная, черезъ которую вели многіе мосты. Когда французскія силы хотѣли перейти рѣку съ острова Лобау, онѣ встрѣтили въ двухдневной битвѣ подъ Асперномъ и Эсдингенемъ (21 и

22 мая) такое страшное сопротивленіе, что должны были отказаться отъ своего намѣренія и пріостановить на нѣсколько недѣль преслѣдованіе Австрійцевъ. Эта кровопролитная, хотя и нерѣшительная битва, въ которой пало болѣе 15,000 французскихъ воиновъ и между прочимъ храбрый маршалъ Ланнъ, генералы д'Эспанъ и Сентъ-Илеръ, впервые поколебала мнѣніе о личной непобѣдимости Наполеона и ободрила угнетенные имъ народы. Ужасны были страданія утомленной арміи на островѣ Лобау. Для утоленія голода убивали лошадей; жгучая жажда заставляла многихъ пить густую глинистую воду прибывшаго Дуная, по которому плыли тысячи мертвыхъ, окровавленныхъ тѣлъ. Французская армія успѣла переправиться черезъ Дунай и послѣ страшной битвы при Ваграмѣ (5 и 6 іюля) вынудить эрцгерцога Карла къ отступленію только уже тогда, когда Наполеонъ получилъ новыя подкрѣпленія и къ главной арміи примкнулъ Евгений Богарнѣ, который, сломивъ геройское сопротивленіе Австрійцевъ при Мальборгетто и Предилѣ, спѣшилъ черезъ Карнійскія и Юлійскія Альпы изъ Италіи, проникъ въ нижнюю Венгрію и въ день годовщины Маренго и Фридланда (14 іюня) разбилъ на берегу Рааба эрцгерцога Іоанна (былъ прежде самъ разбитъ имъ при Сачиле, 16 апр.). Ваграмскія потери были, какъ и при Аспернѣ, почти одинаковы съ обѣихъ сторонъ, и тогда стало очевидно, что французскія войска не имѣютъ уже прежняго перевѣса въ открытомъ боѣ, утративъ въ непрерывной борьбѣ своихъ опытнѣйшихъ солдатъ и способнѣйшихъ офицеровъ, между тѣмъ какъ противники ихъ успѣли обучиться новой военной тактикѣ. Побѣда оставалась вѣрна знамени Наполеона только благодаря его превосходному полководческому таланту, который снова обнаружился этимъ походомъ въ полномъ блескѣ, благодаря его неутомимой дѣятельности, его дивному умѣнью пользоваться каждою слабостью непріятеля и быстро наверстывать всякій претерпѣнный уронъ. Запоздалое прибытіе эрцгерцога Іоанна на поле битвы также содѣйствовало отчасти Ваграмскому пораженію, но не было, какъ утверждали многіе, главною причиною потери этого дня. Нѣсколько дней спустя эрцгерцогъ Карлъ заключилъ, при посредствѣ храбраго князя Іоанна Лихтенштейна, Цнаймское перемиріе (12 іюля), и надо сказать

правду, этотъ слишкомъ поспѣшный шагъ освободилъ Наполеона изъ очень затруднительнаго положенія, потому что волненія въ сѣверной Германіи и возстаніе въ Тиролѣ угрожали ему въ то время народною войной, совершенно въ родѣ испанской. Вѣнскій или Шёнбрунскій миръ (14 окт.) опять урѣзалъ Австрійскую монархію болѣе чѣмъ на 2,000 квадр. миль пространства съ тремя милліонами жителей и вынудилъ правительство приступить къ континентальной системѣ и признать новый политическій составъ Италіи.

По Вѣнскому миру Австрія отказалась отъ Зальцбурга, Берхтесгадена, Иннской четверти и друг. земель, которыя отошли къ Баваріи; отъ западной и нѣкоторой доли восточной Галиціи съ городомъ Краковомъ, которыя частію были присоединены къ Варшавскому герцогству, частію достались Россіи; отъ Виллахскаго округа въ Каринтіи, также отъ Крайна, Триэста, Фріуля, Кроаціи и другихъ земель, которыя, вмѣстѣ съ Далмаціей, Истріей и Рагузой, составили подъ верховной властію Наполеона особую державу Иллирійскихъ провинцій, отдѣленную отъ королевства Италіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ окончательному упраздненію Нѣмецкаго ордена, постановленному еще въ маѣ, и имуществу его переданы тѣмъ государямъ, въ чьихъ владѣніяхъ они состояли на лицо; такимъ образомъ Мергентгеймъ достался Вюртембергу. — Въ слѣдующемъ году намѣстникъ Наполеона въ Рейнскомъ союзѣ князь примасъ Дальбергъ, пересталъ быть духовнымъ владѣтелемъ. Ему даны города и округа Франкфуртъ, Ганау, Фульда, Вецларъ и Ашафенбургъ, возведенные въ великое герцогство Франкфуртское. Въ преемники ему назначался Евгеній Богарнѣ. Регенсбургъ, какъ прежде Нюрнбергъ, достался Баваріи. — Со времени Ваграмской битвы Наполеонъ тѣсно сблизился съ Макдональдомъ, который пришелъ къ нему изъ Италіи подъ начальствомъ вице-короля Евгенія Богарнѣ; напротивъ, немилость императора навлекъ себѣ Бернадотъ, который, предводя Саксонцами, приписалъ имъ въ одномъ изъ своихъ донесеній значительное участіе въ побѣдѣ и хвастливо утверждалъ, что они стояли какъ «бронза»; тогда какъ они были отброшены изъ пылающаго Ваграма и поспѣшно отступили къ Адерклаа. Бернадотъ лишился за это команды и вслѣдъ за тѣмъ покинулъ военное поприще.

§ 761 Народная война въ Тиролѣ. Горная страна

Тироль, которой простое, честное население хранило чувство заветной вѣрности и преданности къ Австріи, по Пресбургскому миру отошла къ Баварцамъ. Новое названіе (Южная Баварія), новое раздѣленіе на округа, перемѣна въ устройствѣ администраціи, суда, богоугодныхъ учреждений, захваты церковнаго имущества и вмѣшательство въ замѣщеніе духовныхъ должностей, высылка трехъ послушныхъ епископовъ изъ Хура, Триента и Бриксена, возвышеніе податей (гербовый сборъ), отмена прежнихъ уставовъ, новые таможенные порядки и—главное—ненавистная конскрипція возбудили тѣмъ болѣе неудовольствія, что въ силу мирнаго договора краю обезпечена была неизмѣнность его старыхъ учреждений. Грубые чиновники своей безпощадностью и суровымъ обхожденіемъ усилили общее недовольство и непріязнь до того, что Австрійцамъ, при возобновленіи войны, было очень нетрудно лестными посулами побудить Тироль къ возстанію противъ Баварцевъ и Французовъ, въ особенности потому, что духовенство, раздраженное религіозными нововведеніями и насильственными мѣрами Баваріи, употребляло въ пользу единоплеменниковъ—сосѣдей все свое вліяніе на крайне набожный и легковѣрный народъ, состоящій изъ поселянъ и охотниковъ, представляя ему въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ всякое измѣненіе стародавнихъ порядковъ, хотя бы оно служило и въ явную пользу для страны. Черезъ надежныхъ людей поддерживались тайныя сношенія съ любимцемъ горнаго края, эрцгерцогомъ Іоанномъ. Увѣренные въ австрійской помощи, Тирольцы взяли за свои охотничьи ружья и, подобно Испанцамъ, направляли ихъ мѣткіе стволы изъ-за горныхъ дебрей и вершинъ противъ враговъ, жертвуя кровью и добромъ за древнія свои учреждения, за права и обычаи предковъ. Австрійскій полководецъ Шастелеръ двинулся чрезъ Пустерскую долину на помощь къ нимъ съ своимъ корпусомъ, за что Наполеонъ объявилъ его виѣ закона какъ зачинщика возстанія, и въ случаѣ, если онъ будетъ захваченъ, опредѣлил ему немедленную смерть. Въ главѣ инсургентовъ стоялъ Андрей Гоферъ, «бородатый», хозяинъ затѣзжатаго двора въ Пассейрской долинѣ, въ той мрачно-величавой альпійской сторонѣ, гдѣ на южномъ склонѣ дико растутъ по каменнымъ скаламъ дикій виноградъ и фиги, а на крайней сѣверной оконечности,

на рубежѣ снѣговъ и льдовъ, исчезаетъ даже и горная ель. Этотъ человѣкъ былъ въ великомъ уваженіи у земляковъ, какъ по своей тѣлесной силѣ и храбрости, такъ и по усердію къ вѣрѣ, патріотическому одушевленію, неизмѣнному благородству характера, прямизнѣ и честности души. Люди болѣе обширнаго и глубокаго ума, какъ наприм. Гормайръ, историкъ этой войны и своего отечества, пользовались вліяніемъ Гофера на Тиролецевъ, для того чтобы распространить народное движеніе по всему краю и даже въ сосѣдній Форарльбергъ. Онъ и эрцгерцогъ Іоаннъ пускали въ ходъ краснорѣчивыя воззванія, въ которыхъ для чести и спасенія отечества требовали: «оружія, старотироляскаго сердца и на столько мужественной отваги, чтобы предпочесть немного опасностей и трудовъ прежнему рабству и еще горшему будущему». Рядомъ съ Гоферомъ душою возстанія явились смѣлый, энергическій и хитрый Шпекбахеръ, родомъ изъ Ринна, Мартинъ Теймеръ, изъ Шландерса, и Іосифъ Штраубъ. Среди могучей, но скудной природы, гдѣ человѣкъ съ трудомъ добываетъ у неподатливой почвы или своенравнаго неба самое необходимое, народъ болѣе чѣмъ гдѣ либо склоненъ ставить опасность жизни ни во что и охотно рисковать всѣмъ изъ-за тѣхъ немногихъ благъ, которыя даютъ цѣну и прелесть его скромному существованію. Въ торжественныхъ процессіяхъ, съ кликами радости и колокольнымъ звономъ приняли они австрійскія войска какъ своихъ избавителей, и быстрѣе молніи разлился мятежъ по всему краю. Огни, разведенные по высамъ горъ, возвѣщали часъ возстанія. Предпріятія, начатыя одновременно въ разныхъ мѣстахъ съ удивительною скрытностью и согласіемъ, увѣнчались счастливѣйшимъ успѣхомъ. Баварскія и французскія войска, послѣ неудачнаго боя при Штерцингѣ (11 апр. 1809) въ Пустерской долині, отступали среди непрестанныхъ битвъ и величайшихъ затрудненій черезъ крутыя горы Шелленбергъ и Бреннеръ къ Иннсбруку, отмщая за свое пораженіе опустошеніемъ и жестокостями, а между тѣмъ баварскій гарнизонъ столицы Тироля, послѣ мужественной обороны, вынужденъ былъ къ сдачѣ у горы Изеля (12 апр.), энергическій полковникъ Дитфуртъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ, и самый Иннсбрукъ занятъ

инсургентами. Въ такихъ обстоятельствахъ французскому генералу Биссону, прибывшему къ горѣ Изель, не оставалось болѣе ничего, какъ постыдною капитуляціей съ поселянами сдать, весь свой четырехтысячный отрядъ, военнопленнымъ. Въ то же самое время ненавистное иго было свергнуто въ Финчгау и въ долину Адиджа; города Триэнтъ и Ровередо были отняты у Французовъ. Вся Европа съ удивленіемъ смотрѣла на подвиги этихъ мужиковъ, которые въ какіе-нибудь пятеро сутокъ освободили край отъ его притѣснителей, забрали до 6000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ двухъ генераловъ, съ пушками и знаками, и, не запятнавъ своей побѣды ни одною жестокостію, возстановили опять старый порядокъ и порванные связи съ Австріей, — связи, которыя по увѣренію императора отнынѣ не должны уже были расторгаться. Но побѣдное торжество скоро омрачилось извѣстіемъ о неудачахъ австрійской дунайской арміи и о приближеніи свѣжихъ войскъ подъ начальствомъ Вреде и Лефевра. Шастелеръ, которому военная гордость и безъ того внушала отвращеніе отъ связи съ мятежнымъ крестьянствомъ, не могъ помѣряться съ врагомъ ни числомъ войска, ни боевой опытностію. Когда Баварцы взяли приступомъ 'храбро-защищаемый Штубскій проходъ (11 мая), отѣснили австрійскаго генерала подъ Вёрцлемъ (13 мая) и превратили въ пепель цвѣтущее мѣстечко Швацъ (16 мая), тогда Шастелеръ, потерявшій всякую энергію послѣ объявленія его Наполеономъ внѣ закона, удалился къ Бреннеру и предоставилъ столицу вмѣстѣ съ сѣвернымъ Тиролемъ во власть баварскаго и французскаго вождей, которые 19 мая и вступили въ Иннсбрукъ. Страшно свирѣпствовали раздраженные солдаты противъ побѣжденныхъ ими поселянъ. Каждое движеніе ихъ впередъ знаменовалось убійствомъ, святотатствомъ, грабежемъ и пожарами, насиліями противъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Солдаты Рейнскаго союза обнаруживали на каждомъ шагѣ, что кромѣ храбрости не было въ нихъ ничего рыцарскаго, что ими управляютъ одни низкія страсти: да и могло ли быть иначе въ такой борьбѣ, которая велась безъ всякаго высшаго побужденія? Эти позорныя дѣла, о которыхъ сами Вреде и Лефевръ отзывались съ негодованіемъ, снова призвали къ

оружію храбрыхъ Тиролецевъ. Андрей Гоферъ съ 6000 человекъ, большею частію стрѣлковъ изъ Пассейра, Мерана и Финчгау, занявъ хребетъ Изель и преградилъ дальнѣйшій путь врагу. Напрасно баварскій генералъ Деруа, заступившій мѣсто Вреде, предпринялъ усиленное нападеніе (29 мая); поселане и охотники, предъ которыми шелъ съ распятіемъ неустрашимый капуцинъ Іоachimъ Гаспингеръ, дали, вмѣстѣ съ небольшимъ австрійскимъ отрядомъ, такой храбрый отпоръ, что Баварцы вынуждены были отступить съ великимъ урономъ, и въ слѣдующую же ночь вторично очистили Иннсбрукъ. Въ то самое время, какъ Тирольтцы послѣ побѣды у горы Изеля вступили опять въ главный городъ, поселане и охотники Форарльберга также отбѣснили французско-вюртембергскія войска и заняли Брегенцъ. Форарльбергское населеніе нашло себѣ неустрашимаго и зоркаго вождя въ адвокатѣ Антонѣ Шнейдерѣ. Удачные поиски къ Констанцу, Линдау и за баварскую границу возвысили мужество и самоувѣренность Тиролецевъ и пробудили сочувствіе во всѣхъ австрійскихъ и германскихъ земляхъ. Благодаря этимъ успѣхамъ, забыли близкое къ бѣгству отступление растерявшагося и обезотваженнаго Шастелера изъ жуткой для него страны мятежа и радовались повторенному обѣщанію императора, что «никогда не согласится онъ на миръ, который бы оторвалъ вѣрный Тироль отъ Австрійской имперіи». Но этой увѣренности суждено было страшно обмануться. Какъ молнія съ яснаго неба разразилась надъ Тиролемъ вѣсть о перемиріи въ Цнаймѣ и породила между инсургентами уныніе и недоумѣніе, потому что ей то вѣрили, то нѣтъ, и многіе ее рѣшительно опровергали. Австрійцы удалились и предоставили край Французамъ и Баварцамъ, которыхъ дышавшія мстью прокламаціи вскорѣ подтвердились мѣрами ужаса и дикой жестокости. Въ отчаяніи, обманутый народъ схватился въ третій разъ за оружіе. Подъ начальствомъ Гофера, Шпекбахера, Майра и Гаспингера, Тирольтцы заняли высоту подъ Бриксеномъ и уничтожили наступавшихъ отъ Иннсбрука глубокою долиною враговъ, низвергая на нихъ деревья и каменные глыбы и побивая ихъ мѣткими пулями изъ охотничьихъ ружей (4 авг. 1809). Скорбные вопли изувѣченныхъ и умирающихъ, и отчаянные крики тѣхъ,

кого сталкивали въ бурный потокъ Эйзака, подбйствовали такъ оглушительно на остальныхъ, что все они, ббльшею частію Саксонцы Рейнскаго союза, подожили оружіе. И теперь еще эта дебрь слыветъ у народа «Саксонскою западнею» (Sachsenklemme). То же случилось съ однимъ баварскимъ отрядомъ у Понтлацкаго моста въ горной тѣсинѣ рѣки Инна (9 авг.), гдѣ женщины помогали стрѣлкамъ обрушивать на враговъ деревья и камни; то же было и въ другихъ мѣстахъ. Завернувшись въ солдатскій плащъ, воротился Лефевръ съ своимъ разбѣяннымъ войскомъ въ Иннсбрукъ, его гордыя надежды на побѣду значительно понизились, и вслѣдъ за тѣмъ онъ съ ужасомъ покинулъ «проклятый край» (14 авг.) Въ день именинъ Наполеона (15 авг.) Пассейрскій харчевникъ въ третій разъ вступилъ въ Иннсбрукъ, и поселившись во дворцѣ, въ званіи императорскаго «главнокомандующаго въ Тироли», управлялъ этимъ краемъ по старому, ни мало не измѣняя простотѣ своихъ нравовъ и своей обычной прямыни. Самъ императоръ Францъ подарилъ ему золотую цѣпь и тѣмъ какъ будто подтвердилъ его въ новомъ санѣ. Но греза о независимости была непродолжительна. Когда, по заключеніи Вѣнскаго мира, враги съ усиленнымъ числомъ войскъ вторгнулись съ трехъ сторонъ въ несчастную землю, отмщая за смерть своихъ товарищей и союзниковъ пожарами, убійствомъ и всеми ужасами войны, тогда наконецъ сокрушилось противленіе храбраго, принесеннаго въ жертву народа. Трижды завоеванный и трижды освобожденный Иннсбрукъ снова подпалъ власти Баварцевъ (окт. 1809); Шпекбахеръ и другіе начальники искали спасенія въ бѣгствѣ, но Гоферъ, который, вслѣдствіе обѣщанной амнистіи, сначала положилъ оружіе, а потомъ, соблазнившись ложными совѣтами и внушеніями горячихъ головъ, снова затѣялъ войну, былъ выданъ однимъ крестьяниномъ Пассейрской долины за обѣщанную награду, захваченъ въ пастушьемъ шалашѣ, гдѣ онъ два мѣсяца скрывался съ своимъ семействомъ, и разстрѣлянъ въ Мантуѣ по приказанію Евгенія Богарне (20 февр. 1810). «Прости, презрѣнный свѣтъ, писалъ онъ за нѣсколько часовъ до смерти: такъ легко мнѣ кажется умирать, что на глазахъ не навертывается и слезинки». Онъ умеръ съ мужествомъ героя и мученика,

глубоко уважаемый своимъ народомъ. Тироль раздѣленъ былъ на три части, изъ которыхъ одна отошла къ королевству Италійскому, другая къ Иллиріи, а третья осталась за Баваріей. Такъ принесенъ былъ въ жертву храбрый горскій народъ, и выданъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, трижды одолѣнному противнику.

§ 762. Предвѣстія сѣверно-германской народной войны. Какъ ни безразсудно смѣлы, какъ ни необдуманны были попытки, предпринятыя въ то время въ разныхъ концахъ сѣверной Германіи для сверженія чужеземнаго ига, — онѣ все-таки имѣли свое значеніе, доказывая господствовавшее вездѣ глубокое недовольство и обличая жажду избавленія. Настроеніе это поддерживалъ особенно дѣятельный въ ту пору союзъ доблести (Tugendbund, § 751); многія лица въ Пруссіи, исполненные патріотизма и стремившіяся къ освобожденію отъ чужеземнаго ига, отчасти принадлежали къ нему (таковы Грольманъ, Бойенъ, К. Фр. Эйхгорнъ, Шазъ, Кругъ и др.), отчасти были преданы его цѣлямъ и стремленіямъ и споспѣшествовали имъ (какъ напр. Блюхеръ, Шарнгорстъ, Клаузевицъ, Шлейермахеръ, Гнейзенау, Шёнъ, Арндтъ и др.). Тайная вѣсть о союзѣ доблести проникла за Эльбу къ народамъ, жившимъ въ вестфальскомъ и французскомъ плѣну; вѣрные люди скрывали священный огонь отъ взора притѣснителей и бросали во мракъ невыразимыхъ страданій лучъ надежды на избавленіе; Нижне-саксонцы, Вестфальцы и Гессенцы зашевелили своими цѣпами, и подозрительность чужеземцевъ вообразила себя окруженною скрытыми опасностями; они ощутили вѣяніе духа, которому предстояло разрушить ихъ темныя дѣла. — Заговоръ, распространенный по всему Вестфальскому королевству, какъ между народомъ, такъ между чиновниками и офицерами, и пустившій вѣтви даже въ Пруссію, долженъ былъ одновременными возстаніями содѣйствовать предпріятіямъ Австрійцевъ. Между тѣмъ какъ прусскій офицеръ фонъ-Каттъ приготовлялся внезапно овладѣть крѣпостью Магдебургомъ, полковникъ фонъ-Дёрнбергъ (1768—1850), состоявшій прежде въ прусской службѣ, а потомъ назначенный Іеронимомъ въ командиры гвардейскихъ егерей, долженъ былъ захватить ко-

роля Вестфальскаго и, по изгнаніи чужеземныхъ войскъ и начальствъ, снова возвратить въ Кассель находившагося въ Прагѣ курфюрста, которому былъ заранѣе извѣстенъ весь ихъ планъ. Ни одно изъ этихъ предпріятій не имѣло успѣха (3 и 22 апр. 1809). Нестройная ватага гессенскихъ поселянъ, которая шла изъ Гомберга на Кассель, была легко обращена въ бѣгство нѣсколькими пушечными выстрѣлами; Каттъ и Дёрнбергъ удалились въ Австрію и потомъ вступили въ иностранную службу, одинъ въ испанскую, гдѣ онъ и погибъ, другой—въ русскую, откуда онъ послѣ воротился. Благодаря кроткимъ, примирительнымъ распоряженіямъ Іеронима, заговоръ вскорѣ исчезъ, не причинивъ большаго вреда. Новая попытка къ возстанію, предпринятая два мѣсяца спустя изъ Марбурга, кончилась тѣмъ, что зачинщикъ ея, профессоръ Штернбергъ, былъ разстрѣлянъ. Безуспѣшность гессенскаго возстанія не удержала молодого, храбраго Шилля, который былъ посвященъ въ планы Катта и Дёрнберга, отважиться на нѣчто подобное. Послѣ опытовъ геройскаго мужества, оказанныхъ въ Кольбергѣ, онъ былъ произведенъ въ майоры, а потомъ назначенъ командиромъ новаго гусарскаго полка и переведенъ въ Берлинъ, гдѣ восторженное уваженіе и удивленіе къ его подвигамъ вскружили ему голову. Въ надеждѣ на свою популярность, онъ счелъ себя призваннымъ стать во главѣ народнаго возстанія и свергнуть иго чужеземцевъ. Обманутый ложными слухами объ австрійскихъ побѣдахъ, двинулся онъ съ преданною ему конною дружиной изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ чрезъ Потсдамъ и Виттенбергъ на Дессау и Галле, обезоружилъ тамъ небольшой вестфальскій гарнизонъ (28 апр.) и, подкрѣпясь новыми силами, выдержалъ при Додендорфѣ, близъ Магдебурга, удачный бой съ однимъ французскимъ полковникомъ (5 мая). Но вѣсть о пораженіяхъ Австрійцевъ, страхъ народовъ передъ могучимъ императоромъ и неудовольствіе Прусскаго короля, который въ приказѣ по арміи запретилъ своимъ солдатамъ участвовать «въ несбыточномъ дѣлѣ»,—все это вредно подѣйствовало на его предпріятіе. Послѣ удачнаго боя при Дамгартенѣ на Рекницѣ (24 мая), гдѣ онъ забралъ въ плѣнъ 600 Мекленбургцевъ, Шилль бросился съ своею вѣрною дружиной въ укрѣпленный Штральзундъ, рѣшась сдѣлать

изъ этого города вторую Сарагосу, или держаться въ немъ противъ врага до тѣхъ поръ, пока успѣетъ отплыть въ Англію. Но, обложенный осаднымъ корпусомъ генерала Гра-сіена, онъ, послѣ самой упорной борьбы, палъ со многими изъ вѣрныхъ своихъ соратниковъ, при штурмѣ города, подъ саблями голландскихъ, ольденбургскихъ и датскихъ кавалеристовъ. Изъ товарищей его, взятыхъ въ плѣнъ, офицеры, всѣ мо-ложе 30 лѣтъ, приговорены были къ смерти военными судами въ Везелѣ и Брауншвейгѣ, и разстрѣляны, а рядовые от-правлены на французскія галеры. Только небольшая дружина изъ 180 конниковъ успѣла съ отчаяннымъ мужествомъ про-ложить себѣ дорогу въ Пруссію. Геройски перенесли одиннад-цать офицеровъ трагическую судьбу свою въ Везелѣ. Скован-ные попарно, ожидали они непріятельскихъ пуль, стоя, и безъ повязки на глазахъ; въ послѣдній разъ прокричали они виватъ! своему государю, и потомъ скомандовали: пли! Въ тотъ же мигъ десятеро изъ нихъ пали мертвые, одиннадцатый былъ только раненъ въ руку; онъ разорвалъ свой жилетъ и за-кричалъ, указывая на сердце: «гренадеры, прямо сюда!» Черезъ минуту его уже не стало.

Новѣйшій историкъ этой эпохи Гейсеръ описываетъ маіора Шилля въ слѣдующихъ чертахъ: «Этотъ красивый, полный жизни 36-лѣтній человѣкъ, въ своемъ живописномъ гусарскомъ нарядѣ являлся не только воинственною, но вмѣстѣ и самою любезною личностью. Его огневые черные глаза, его привѣтливость и доброжелательство производили сильное впечатлѣніе и вмѣстѣ привлекали. Бережливый и умѣренный въ своихъ собственныхъ потребностяхъ, великодушный къ нуждающим-ся, щедрый къ своимъ соратникамъ, храбрый какъ никто въ мірѣ, полный жизни и огня, надѣленный притомъ естественнымъ даромъ популярнаго краснорѣчія,—онъ весь созданъ былъ для того, чтобы сдѣлаться любимцемъ народа. Многимъ бросались въ глаза судорожное безпокойство его характера, его перескакиваніе отъ одного предмета къ другому и, рядомъ съ наклонностью къ смѣлымъ гусарскимъ выход-камъ, какое-то непоколебимое упорство, которое противопоставлялъ онъ всякому благоразумному совѣту: такіа черты конечно напоминали объ его венгерскомъ происхожденіи. Эти тѣневя стороны его харак-тера въ глазахъ льстиваго удивленія современниковъ, разумѣется, также пересозданы были въ преимущества, и вотъ какимъ образомъ отважный

Шилль сбился съ толку относительно своей собственной личности и относительно мѣры своихъ силъ». — «Ошибки и грѣхи Шиллева похода исчезли передъ блескомъ мужественнаго, доблестнаго самоотверженія, котораго высокій образецъ показали побѣжденные. Ихъ геройская отвага такъ же живо сохранилась въ душахъ современниковъ, какъ и полная негодованья память о кровавой мести побѣдителя».

Счастливецъ былъ герцогъ Фридрихъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, геройски-мужественный сынъ фельдмаршала, раненаго при Ауэрштедтѣ. Страстная, раздражительная натура, характеръ гордый и строптивый, онъ не захотѣлъ выжидать лежа на боку, чтобы чужая кровь завоевала ему утраченное наслѣдіе, онъ лучше желалъ погибнуть въ отважной борьбѣ, нежели «упражнять себя въ долготерпѣніи». Жребій его дома, потрясающій конецъ отца и смерть его собственной супруги придали ему что-то мрачное и горькое. Онъ возненавидѣлъ въ Наполеонѣ виновника общественнаго бѣдствія и своихъ домашнихъ скорбей; поднятая имъ борьба велась столько же изъ-за дѣла всей Германіи, сколько и изъ-за личной мести. Въ союзъ съ Австріей, какъ «нѣмецко-имперскій князь», набралъ онъ въ своемъ маленькомъ силезскомъ наслѣдіи, Эльсъ (Oels), да еще въ Богеміи, вольную дружину конниковъ, прозванную «чернымъ легіономъ мести», потому что она была одѣта вся въ черномъ и носила на темной каскѣ бѣлое изображеніе мертвой головы. Подкрѣпленный австрійскими войсками подъ начальствомъ генерала Амъ-Энде и корпусомъ, который вооружилъ скупой курфюрстъ гессенскій на свой счетъ, герцогъ вторгнулся въ Саксонію, съ тѣмъ чтобы поднять тамошній народъ и побудить его на присоединеніе къ Австріи, оттѣснилъ предводимое генераломъ Тилеманомъ маленькое саксонское войско и овладѣлъ не безъ примѣси разныхъ насилій городами Дрезденомъ, Мейсеномъ и Лейпцигомъ (іюль 1809). Но вскорѣ онъ вынужденъ былъ отступить, когда король Іеронимъ подоспѣлъ съ превосходными силами и, вмѣстѣ съ генераломъ Тилеманомъ, занялъ саксонскіе города, въ качествѣ «освободителя». Герцогъ, соединясь съ австрійскимъ летучимъ отрядомъ во Франконіи, храбро и успѣшно отбивался отъ непріятеля, наступавшаго подъ начальствомъ Жюно, когда наконецъ Цнаймское перемиріе лишило его опоры австрійскаго

корпуса и остановило его дѣятельность. Участвуя въ войнѣ въ качествѣ «имперскаго князя» и союзника императора, а не австрійскаго генерала, онъ пренебрегъ заключеннымъ перемиріемъ и рѣшился съ своею вѣрною дружиною, числомъ до 2000 человекъ, изъ Тюрингена проложить себѣ путь къ Нѣмецкому морю и искать помощи у Англіи. Съ невѣроятною смѣлостью прошелъ «черный легіонъ» черезъ Лейпцигъ и Галле въ Вестфальское королевство, взявъ приступомъ крѣпость Гальберштадтъ, храбро обороняемую графомъ Веллингероде (Мейроне, 29 іюля), и послѣ страшной уличной схватки полонилъ весь гарнизонъ. Отдохнувъ немного въ Брауншвейгѣ, гдѣ вѣрный народъ принималъ герцога съ ликованіемъ и восторгомъ, двинулся онъ, въ постоянной борьбѣ съ двумя непріятельскими отрядами, старавшимися отрѣзать ему дорогу, черезъ Ганноверъ къ Везеру; не потерявъ мужества даже и тогда, когда отложились отъ него 16 офицеровъ, отчаявшіеся въ благополучномъ исходѣ и совѣтовавшіе сдаться на капитуляцію, герцогъ совершилъ при Эльсфлетѣ и Бракъ переправу на остр. Гельголандъ (7 авг.), а оттуда «черная дружина» доставлена была на британскихъ корабляхъ въ Англію, гдѣ и ожидала потомъ благопріятнѣйшей поры для мести. «Вотъ это храбрый воинъ!» воскликнулъ, говорятъ, Наполеонъ въ Шёнбрунѣ, узнавъ о смѣломъ подвигѣ «непобѣдимаго Вельфа». — Не только на сѣверѣ, даже и въ южныхъ областяхъ Рейнскаго союза въ теченіе этой войны обнаружилось сильное волненіе умовъ; всѣхъ томила жажда освободиться отъ ненавистнаго ига чужевластителя и его клеветовъ. Въ Нюрнбергѣ, Бамбергѣ, и особенно въ прусской Франконіи, гдѣ не забыли еще старины, по случаю прохода австрійскаго летучаго отряда выказались такіа настроенія, которыя не имѣли ничего схожаго съ баварскимъ; и когда по упраздненіи Нѣмецкаго ордена Мергентгеймъ достался строгому королю Вюртембергскому, тамошніе поселяне пытались воспротивиться этому открытому мятежемъ (25 іюня), но навлекли себѣ кровавую кару отъ раздраженнаго властителя, который старался упредить подобныя дерзости, вселяя, какъ онъ говорилъ, «благотворный страхъ». — Признакомъ господствовавшего во всей Германіи броженія умовъ было также покушеніе на жизнь Наполеона, предпринятое наумбур-

гскимъ юношей Фридрихомъ Штапсомъ въ Шёнбрунѣ. Схваченный генераломъ Раппомъ, онъ сознался въ своемъ умыслѣ и былъ отведенъ на казнь (12 окт.). Эти явленія, рядомъ съ глубокимъ волненіемъ въ Пруссіи, гдѣ патриотическая партія побуждала правительство примкнуть къ Австрійцамъ и гдѣ баронъ фонъ-Штейнъ старался расшевелить мысль о всенародномъ возстаніи, въ сущности были таковы, что вполнѣ оправдывали изреченіе Наполеона: «Скорѣе покончимъ съ этою войною, иначе будемъ окружены тысячею Ван-деями».

Англичане на Вальхеренѣ. Если въ этихъ, хотя и безплодныхъ движеніяхъ, нельзя было не признать возрожденія духа народной силы; зато въ предпріятіи Англичанъ противъ Нидерландовъ обнаружился самый узкосердый эгоизмъ и самое жалкое малодушіе. Съ 40,000 человекъ и 144 тяжелыми орудіями высадились они на островъ Вальхеренъ (9 іюля 1809), чтобы овладѣть Антверпеномъ и устьями Шельды, но такъ дурно повели свои дѣла, что разрушеніе Влиссингенскихъ укрѣпленій было единственнымъ плодомъ этого многостоявшаго предпріятія; климатъ и неумѣнье начальниковъ положили при этомъ болѣе людей, чѣмъ губить обыкновенно величайшее пораженіе. Такая значительная сила, еслибъ высадила ее во-время при устьяхъ Везера и Эльбы, могла бы имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ цѣлой войны, она послужила бы опорой для сѣверно-германскаго движенія, могла бы исторгнуть Пруссію изъ ея колебаній и привести къ благополучному исходу гигантскую борьбу Австріи. Но таковъ былъ жребій войны, что все, что ни предпринимала тогда политика Наполеоновыхъ противниковъ въ большомъ размѣрѣ, выходило безуспѣшнымъ по недостаткамъ плана или исполненія. Англійскіе министры Касльрѣ (Castlereagh) и Каннингъ такъ сильно рассорились за неудачу экспедиціи, что у нихъ послѣдовала дуэль на пистолетахъ. Фушѣ, вызвавшій французскую національную гвардію къ защитѣ Нидерландовъ и при этомъ въ своей прокламаціи оскорбившій Наполеона, впалъ въ немилость и лишился министерской должности, точно такъ же, какъ передъ этимъ Таллейранъ, за то что дерзнулъ не одобрять дѣйствій императора въ Испаніи.

5. ФРАНЦУЗСКАЯ ИМПЕРІЯ НА ВЕРШИНѢ СВОЕЙ СИЛЫ.

§ 763. Послѣ Вѣнскаго мира Наполеонъ достигъ высшей ступени могущества и величія. Его мучила одна только мысль, что у него нѣтъ кровнаго наслѣдника; по этому, основавшись на одной формальной ошибкѣ, сдѣланной при вѣнчаніи его съ Жозефиной, онъ развелся съ любимою Французами императрицею (15 декабря) и, послѣ неудачнаго сватовства къ одной изъ русскихъ великихъ княженъ, вступилъ въ бракъ съ Маріею Луизою, дочерью императора Австрійскаго. 1 апрѣля 1810 г. торжественно вѣнчался онъ съ «дочерью кесарей», при чѣмъ пять королевъ несли за нею шлейфъ и вообще выказана была неслыханная роскошь. Но этотъ брачный союзъ былъ равно ненавистенъ и австрійскому и французскому народу; первый видѣлъ въ немъ оскверненіе достославной прошлогодней борьбы, послѣдній считалъ его новымъ разрывомъ съ воспоминаніями революціи. По этому пожаръ на балѣ, данномъ въ честь новобрачныхъ австрійскимъ посломъ княземъ Шварценбергомъ, при чѣмъ погибла въ огнѣ его невѣстка (спасая свою дочь, въ послѣдствіи княгиню Виндишъ-Грецъ), былъ принятъ за столь же дурное предзнаменованіе, какъ и несчастіе, случившееся при брачномъ торжествѣ Людовика XVI съ Маріею Антуанеттой въ 1770. Когда въ слѣдующемъ году у императора родился сынъ (20 марта 1811), украшенный пышнымъ титуломъ короля Римскаго, счастье Наполеона повидимому достигло своей вершины и будущность Франціи казалась рѣшенною навсегда. Вступленіе Бонапарта въ ряды законныхъ династій и рожденіе ему наслѣдника должны были положить конецъ всѣмъ надеждамъ Бурбоновъ. Но гордость и властолюбіе влекли ненасытнаго отъ предпріятія къ предпріятію, и одно имя его внушало трепетъ государямъ и народамъ. Страшная государственная полиція, руководимая рабомъ деспотизма Савари (герцогомъ Ровиго), подавила внутри Франціи послѣдній остатокъ свободы и, какъ нѣкогда «закрытые листы» (*lettres de cachet*), грозила каждому подозрительному члѣовѣку произвольнымъ заключеніемъ въ одной изъ многочисленныхъ государственныхъ тюремъ; во

виѣ не было конца насильственнымъ соединеніямъ, передѣламъ и обмѣнамъ разныхъ земель и участковъ; что нынѣ создавалось могучимъ властителемъ, то завтра имъ разрушалось; кого онъ прежде возвышалъ, того въ слѣдъ за тѣмъ подвергалъ крайнему уничиженію. Все лежало передъ нимъ въ тяжкихъ узахъ, трепеща отъ страха, а онъ какъ нѣкое высшее существо расточалъ по произволу кому гнѣвъ, кому милость. Дамокловъ мечъ постоянно висѣлъ надъ головами государей и народовъ, никто не видалъ передъ собой прочной будущности; не было нигдѣ ни плана, ни системы; прихоть, внушеніе страсти, произволъ деспота заступили мѣсто народнаго права¹; континентальная система, тяжкіе налоги, рекрутскіе наборы были бичами даже и для дружественныхъ Франціи земель, а враждебные ей народы несли на себѣ всю тяжесть военныхъ бѣдствій, вымогательствъ и постоевъ. При этомъ печатная гласность была страшно стѣснена, книги и журналы равно подлежали самому строгому надзору. Но сколько полицейскій и цензурный гнетъ ни старались упредить всякое прекословіе, — вѣяніе духовной жизни, котораго не чувствуетъ обыкновенно ограниченность, проникало сквозь всѣ противоположаемыя ему механическія преграды.

Противъ Англіи, которая одна стояла неодолимую и не принимала ни какихъ предложеній, направился теперь весь гнѣвъ властителя Франціи, и такъ какъ онъ чаялъ побѣдить ее уничтоженіемъ ея торговли съ материкомъ, то, къ совершенному отчаянію торговаго и промышленнаго сословія, континентальная система становилась все строже и строже. Всѣ материковыя державы были постепенно приведены къ тому, что покорились запретительнымъ уставамъ французскаго императора, и цѣлая армія таможенной стражи охраняла пограничныя и приморскія мѣста, не будучи однакожъ въ силахъ пресѣчь громадную контрабанду, производившуюся особенно сильно съ острововъ Гельгоlanda, Сипеліи и Мальты. Только по особымъ дозволительнымъ свидѣтельствамъ (лиценціямъ), которыя выдавались за деньги, можно было привозить моремъ во Францію иностранныя произведенія, необходимыя для туземной промышленности, какъ-то: индиго, кошениль, сырыя кожи и проч. Эта мѣра страшно поощряла контрабанду, въ конецъ разоряя

¹ И вообще какихъ бы то ни было высшихъ началъ.

честнаго купца, тогда какъ безчестный легко могъ добиться подкупомъ особыхъ дозволеній въ ущербъ правиламъ континентальной системы. Тарифъ, утвержденный въ Трианонѣ (5 авг. 1810), обложилъ: все колоніальныя товары привозною пошлиною въ 50 процентовъ, а декретъ, данный въ Фонтенебло (19 окт.); предписывалъ, чтобы на всемъ пространствѣ Европы, занятомъ французскими войсками, все издѣлія англійскихъ фабрикъ были захватываемы и сожигаемы. Утайка англійскихъ фабрикатовъ наказывалась варварски.

Эти мѣры грозили совершеннымъ разореніемъ королевству Голландскому, чье благосостояніе ужь и безъ того такъ пострадало отъ чуждой власти и чьи финансы разстроились въ конецъ. Король Людовикъ, принимавшій къ сердцу страданія своего народа, обратился къ Наполеону съ представленіями и старался склонить его къ смягченію запретительныхъ торговыхъ мѣръ, но получилъ отъ него замѣчательный отвѣтъ, что онъ прежде всего долженъ имѣть въ виду интересы императора, потомъ выгоды Франціи, а за тѣмъ уже можетъ заняться и обязанностями къ своему народу. Когда же, не смотря на это, Людовикъ наказывалъ весьма кротко и снисходительно за нарушенія континентальной системы, то братъ его приказалъ цѣлымъ ватагамъ своихъ таможенныхъ и вооруженной морской силѣ охранять голландскіе берега и присоединилъ Зеландію, Сѣверный Брабантъ и южный берегъ Вааля къ Французской имперіи. Такой оскорбительный поступокъ съ народомъ, дотолѣ жертвовавшимъ мощному сосѣду и кровью и добромъ, сильно возмущилъ благомыслящаго Людовика. Въ неудовольствіи отрекся онъ въ пользу своего сына отъ престола, котораго не могъ долѣе занимать съ достоинствомъ, но тѣмъ самымъ только подалъ императору поводъ, безъ всякаго вниманія къ братниной волѣ, присоединить Голландское королевство къ Франціи (2 іюля 1810).

Это привело къ тому, что Голландцы лишились и остальныхъ своихъ колоній въ Восточной и Западной Индіи. Король Голландскій, при которомъ государственные расходы дошли до 90 милліоновъ въ годъ, сдѣлался частнымъ человекомъ и жилъ съ тѣхъ поръ подъ именемъ графа Сень-Лѣ то въ Австріи, то въ Италіи († 1846).—Притязанія на Голландію подкрѣплены были тѣмъ доводомъ, что все она въ сущности не что иное какъ только намывъ французскихъ же рѣкъ, Рейна, Мааса и Шельды, и вельдствіе того по праву принадлежитъ Франціи. Этотъ край, равно какъ и присоединенныя къ нему съ 1807 г. княжество Остфризландія и маентность Іеверъ, были раздѣлены на семь департамен-

товъ. Амстердамъ объявленъ третьимъ городомъ имперіи, но и народонаселеніе его и благосостояніе тогда значительно упали.

По присоединеніи Голландіи, Наполеонъ включилъ еще во французскіе предѣлы Ганзейскіе города, Гамбургъ (дек. 1810), Бременъ и Любекъ, принадлежащее къ Рейнскому союзу, герцогство Ольденбургское, и другія земли между Эльбою и Рейномъ (особенно, уступленный передъ тѣмъ королевству Вестфальскому, Ганноверъ), такъ что Франція господствовала теперь на берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и заключала въ себѣ 130 департаментовъ. Гамбургъ сдѣланъ былъ главнымъ городомъ новаго правительственнаго округа (губерніи), и жестокий, несправедливый Даву, сторожъ и мучитель сѣверной Германіи, поставленъ былъ въ званіи главнокомандующаго исполнителемъ императорскихъ декретовъ, съ придачею ему въ помощь французскихъ административныхъ чиновниковъ. Нигдѣ бичъ иноземнаго деспотизма съ его растлѣвающимъ вліяніемъ не чувствовался такъ ужасно, какъ въ этомъ городѣ. Къ новой міровой державѣ присоединенъ былъ также швейцарскій кантонъ Валлисъ, вмѣстѣ съ горною дорогою черезъ Симплонъ, — присоединенъ для того, чтобы «положить конецъ тамошней анархіи» (12 ноября). Глубокое недовольство тяготѣвшимъ надъ всѣмъ безправнымъ произволомъ и самовластіемъ, особенно обнаруживавшееся въ Германіи, не было тайною и для самихъ Французовъ, какъ видно изъ замѣчательнаго письма Іеронима Бонапарта въ декабрѣ 1811 г., не задолго до открытія похода въ Россію. «Броженіе, пишетъ онъ къ императору, своему брату, достигло высшей степени; поддерживаются и принимаются съ увлеченіемъ самыя безразсудныя надежды; ставятъ себѣ въ образецъ Испанію, и, повѣрьте, когда начнетъ война, страны между Рейномъ и Одеромъ будутъ поприщемъ огромнаго возстанія. Сильнымъ побужденіемъ къ этому мятежу служить не одна ненависть къ Французамъ и не одно нетерпѣніе нести долѣе чужеземное иго; тутъ еще болѣе дѣйствуютъ бѣдственныя обстоятельства нынѣшняго времени, разореніе всѣхъ классовъ народа, чрезмѣрная тягость податей, военныхъ поборовъ, содержанія армій, частые проходы войскъ и всякія передраги и непріятности, слѣдующія другъ за другомъ непрерывно. Должно опасаться крайняго отчаянія народовъ, которымъ уже нѣчего болѣе терять».

6. Война противъ Россіи (1812 г.).

§ 764. Поводы къ войнѣ. Расширеніе французской державы до береговъ Балтики, причѣмъ близкій родственникъ російско-императорскаго дома, герцогъ Ольденбургскій, лишился своихъ областей, нанесло сильный ударъ пріязни императора Александра къ Наполеону — пріязни, замѣтно охладѣвшей уже съ тѣхъ поръ, какъ герцогство Варшавское было увеличено въ силу Вѣнскаго мира. Взаимный разладъ обоихъ дворовъ скоро обнаружился въ запальчивыхъ выраженіяхъ ихъ дипломатовъ, въ разныхъ недружелюбно-оскорбительныхъ распоряженіяхъ, наконецъ — въ полузакрытыхъ и явныхъ нападкахъ журналистики. На требованіе Наполеона, чтобъ Россія запретила даже и ввозъ сахару и кофе, единственныхъ заморскихъ товаровъ, которые были еще дозволены подъ нейтральнымъ флагомъ, императоръ Александръ отвѣчалъ тарифомъ, облегчившимъ привозъ англійскихъ издѣлій въ ущербъ французскимъ. Это прогнѣвило гордаго властителя Франціи и, при крутости его нрава, уже тогда надо было предвидѣть новую войну. Императоръ Александръ, не опасаясь столкновенія, подалъ первый знакъ къ борьбѣ, поставивъ рѣшительное требованіе, чтобы французскіе гарнизоны очистили Померанію и Пруссію. Объ этомъ шли еще переговоры, какъ вдругъ Наполеонъ обнаружилъ свои воинственные замыслы заключеніемъ союза съ Пруссіей и Австріей, которымъ эти державы обязались выставить значительныя силы въ его распоряженіе. Въ то время, какъ его громадныя арміи двинулись въ глубь Германіи, для обороны французскихъ предѣловъ учреждено было ополченіе изъ трехъ когортъ различнаго возраста. На бѣду Наполеону Русскіе успѣли принудить Турковъ къ заключенію Бухарестскаго мира (§ 751) и пріобрѣсть себѣ въ союзники обѣщаннаго Наполеономъ Бернадота Шведскаго, котораго притомъ манили виды на французскій престолъ. Союзъ доблести (Tugendbund), хотя и закрытый королевскимъ повелѣніемъ отъ 31 дек. 1809 г., дѣйствовалъ еще въ тайнѣ для достиженія своей высокой цѣли, и нѣсколько нѣмецкихъ патріотовъ старались въ Петербургѣ въ пользу освобожденія отечества, между тѣмъ какъ Пруссійскій король и его правительство невольно покорялись велѣніямъ самовластца и прусскія силы становились подъ его знаменѣ.

765. Походъ Наполеона на Москву. Въ маѣ 1812 г. Наполеонъ прибылъ, вмѣстѣ съ своею супругой, въ Дрезденъ, куда съѣхались всѣ государи Рейнскаго союза, равно какъ

императоръ Австрійскій и король Прусскій, на поклоненіе могучему властителю, собравшему теперь противъ Россіи половину Европы. По десятидневномъ пребываніи въ блистательномъ сонмѣ государей, Наполеонъ поспѣшилъ къ своей полумилліонной, разноплеменной арміи, которая, имѣя при себѣ болѣе 1000 орудій и 20,000 повозокъ, расположена была въ разбросъ на пространствѣ между Вислою и Нѣманомъ. Лѣвое крыло, состоявшее преимущественно изъ Пруссакъ подъ начальствомъ Макдональда и предназначенное покорить Курляндію и Лифляндію, шло берегомъ Балтійскаго моря; правое, образуемое австрійскимъ вспомогательнымъ войскомъ подъ командой Шварценберга и французско-саксонскимъ корпусомъ подъ начальствомъ Реньё, противушло на нижнемъ Бугѣ русской южной арміи; главная армія, предводимая самимъ Наполеономъ и опытнѣйшими вождями его школы, въ іюнѣ перешла Нѣманъ и 28 того же мѣсяца (16 ст. ст.) вступила въ Вильну, нѣкогда столицу Литвы. Появленіе Французовъ пробудило въ Полякахъ чувство народной независимости и надежду на возстановленіе ихъ державы въ прежнихъ размѣрахъ. Самъ Наполеонъ въ одномъ воззваніи къ солдатамъ назвалъ этотъ походъ на Россію «второю польскою войною». Поэтому, въ день вступленія его въ Вильну, варшавскій сеймъ провозгласилъ возстановленіе Польскаго королевства и положилъ устроить генеральную конфедерацію (общее ополченіе). Съ восторгомъ и ликованіемъ принимали увлеченные Поляки Наполеона какъ помощника и избавителя, и ему легко было бы воспламенить воинственный духъ народа къ національной борьбѣ противъ Русскихъ. Но народныя движенія были не по душѣ французскому властителю; онъ воспретилъ поголовное ополченіе и сильно охладилъ энтузіазмъ Поляковъ, объявивъ ихъ депутаціи, что изъ уваженія къ Австріи не можетъ согласиться на возстановленіе древней республики въ ея прежнемъ объемѣ. Не смотря на то, польскія войска подъ начальствомъ Понятовскаго и другихъ вождей бились съ обычной храбростью въ арміяхъ Наполеона противъ Русскихъ, и польскій народъ всеми силами помогалъ чуждымъ воинамъ, которые двинулись теперь среди проливныхъ дождей изъ Вильны къ Витебску (15—27

іюля н. ст.). Москва, «сердце Россіи», была цѣлю Наполеона, но скоро онъ увидалъ, какого страшнаго союзника имѣли Русскіе въ самой природѣ своего края. Дороги были непроходимы, подвоза не было совсѣмъ или было недостаточно; скудная, плохо воздѣланная страна давала мало продовольствія; мясо палаго скота и вода изъ лужъ часто служили единственною отрадой; болѣзни, порожденныя климатомъ и употребленіемъ недозрѣлой ржи, опустошали ряды воиновъ и переполняли лазареты. — Русскіе полководцы Барклай де-Толли и Багратіонъ вели войну «по-парсѣянски»: избѣгая общей битвы, они увлекали все далѣе въ глубь края императора, который съ своей стороны жаждалъ рѣшительнаго боя. Уже подъ Витебскомъ, Русскіе, выдержавъ смѣлое нападеніе Мюрата на ихъ крѣпкую позицію, отступили въ совершенномъ порядкѣ, что заставило Наполеона призадуматься и чуть не внушило ему мысль перезимовать въ Польшѣ. Однакожъ честолюбіе и военная страсть увлекли его къ дальнѣйшему походу. Подъ Смоленскомъ (17 авг.) дошло впервые до кроваваго сраженія; но послѣ рѣшительной битвы, длившейся цѣлый день, Русскіе покинули ночью объятый пламенемъ городъ и продолжали свое отступленіе къ Москвѣ. На утро побѣдитель нашелъ одно пожарище, улитое кровью и устланное трупами. Въ Смоленскѣ былъ собранъ военный совѣтъ, но сколько голосовъ ни возвышалось противъ продолженія зловѣщаго похода, Наполеонъ настоялъ на завоеваніи Москвы, гдѣ онъ надѣялся зимовать и принудить императора Александра къ миру. Французы перешли за Днѣпръ. Русскіе сильно роптали на военныя дѣйствія Барклая, какъ нѣкогда Римляне на медлительность Фабія; поэтому императоръ Александръ (уступая голосу общественнаго мнѣнія) назначилъ главнокомандующимъ Кутузова, товарища Суворову по оружію, — который, какъ природный Русскій, внушалъ болѣе довѣрія народу и былъ любъ простолюдину уже и тѣмъ, что строго соблюдалъ религіозные обряды и обычаи русской старшины. Война сдѣлалась теперь народною. Вездѣ жители бѣжали при наступленіи непріятеля, зажегши напередъ свои села и деревни и опустошивъ все вокругъ. Страшно убывали полки великой арміи, погибая отъ голода, болѣзней и напа-

деній непріятеля. Кутузовъ не могъ безъ битвы отдать врагу святыню Москвы, не рискуя своей популярностью. Поэтому онъ остановился и принялъ убійственное сраженіе подъ Бородинымъ (26 авг. стар. или 7 сент. нов. ст.), въ которомъ Французы хотя и удержали за собой поле битвы, однакожь поневолѣ дали Русскимъ отступить въ порядкѣ, безъ преслѣдованія. Больше 70,000 тѣлъ осталось на мѣстѣ; Ней (пожалованный въ «князья Московскіе») явился героемъ этого дня. Убитыхъ генераловъ было множество; съ русской стороны смертельно раненъ храбрый Багратионъ; раненые всѣ почти стали жертвою холода, голода или истеченія крови. 14 сентября (2 сент. стар. ст.) Французы вступили въ древнюю столицу Москву, поразившую ихъ издали своими безчисленными колокольнями и золочеными главами; но дворянство и всѣ зажиточные граждане выѣхали заранѣе и оставили городъ въ рукахъ черни. Уже при самомъ вступленіи солдатамъ показалось жутко въ пустынныхъ улицахъ, на которыхъ только изрѣдка появлялась какая-нибудь сволочь; но какъ описать ихъ ужасъ, когда четырехдневный пожаръ (съ 15 или 3 сент.), разлившійся, за вывозомъ всѣхъ гасительныхъ снарядовъ, огненнымъ моремъ по цѣлому городу, испепелилъ девять десятыхъ его, большею частію деревянныхъ строеній, выгнавъ самого Наполеона изъ кремлевскаго дворца, гдѣ онъ было расположился, и однимъ ударомъ разрушилъ всѣ надежды на будущее? Московскій генералъ-губернаторъ Ростопчинъ, настоящій Русскій стараго закала, скрывавшій подъ оболочкой западныхъ формъ необузданную страстность полудикаря, распорядился этимъ страшнымъ дѣломъ безъ повелѣнія своего государя, съ тѣмъ чтобы лишить великую армію зимнихъ квартиръ и принудить ее къ гибельному отступленію. — Забывъ всякую дисциплину и порядокъ, ожесточенные солдаты бросались въ объятые пламенемъ дома и спѣшили удовлетворить своему хищничеству и побужденіямъ животной страсти.

§ 766. Отступленіе великой арміи. По всему было видно, что Русскіе ведутъ войну на жизнь и смерть, и не смотря на то, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи, Наполеонъ поддался хитро-поддерживаемой въ немъ надеждѣ на неиз-

бѣжно-скорый миръ и пробылъ въ Москвѣ болѣе мѣсяца, не замѣчая, какъ Кутузовъ старается задержать его до начала зимы, чтобы стужа уничтожила на возвратномъ пути его плохо одѣтыя и крайне во всемъ нуждавшіяся войска. Русскій полководецъ достигъ своей цѣли. Въ концѣ октября (нов. ст.) началось роковое отступленіе, не имѣющее себѣ ничего подобнаго въ лѣтописяхъ военныхъ невзгодъ. Первоначальный планъ двинуться на Калугу былъ оставленъ послѣ ужасной битвы подъ Малоярославцемъ (12 или 24 окт.), и Французамъ пришлось возвращаться по прежней дорогѣ на Смоленскъ, усыянной трупами и залитой кровью. Въ ноябрѣ морозъ дошелъ до 18 градусовъ, а потомъ и до 27. Страшно вспомнить о страданіяхъ, битвахъ и трудностяхъ, которыя постепенно загубили великую армію среди жестокой, беспощадной зимы. Голодъ, стужа и изнуреніе причиняли въ ней еще больше опустошеній, чѣмъ русскія ядра или пики козаковъ. Не лъзя было видѣть безъ содроганія тысячи оголодавшихъ или замерзшихъ солдатъ, разбросанныхъ по большой дорогѣ и по пустыннымъ, заметенымъ снѣгами или покрытымъ гололедницей полямъ, рядомъ съ падшими лошадьми, брошеннымъ оружіемъ, рядомъ со всякимъ хламомъ,—и тутъ же остатки богатѣйшей добычи, которая стала наконецъ тяжкимъ бременемъ, и ее надо было бросить.—Кутузовъ, приписавшій пожаръ Москвы Французамъ, чтобы еще болѣе разжечь противъ нихъ народную ненависть, не отступалъ съ своими тепло-одѣтыми войсками ни на шагъ отъ врага и принуждалъ его къ непрерывной оборонѣ. Когда въ половинѣ ноября (нов. ст.) Французы достигли Смоленска, у нихъ было всего около 40,000 человекъ подъ ружьемъ; болѣе 30,000 безоружныхъ-отсталыхъ тянулись за ними безъ дисциплины, порядка и начальниковъ, въ самомъ жалкомъ видѣ. Но ужаснѣйшее бѣдствіе началось именно теперь, потому что вслѣдствіе дурныхъ распоряженій въ Смоленскѣ не было доставлено ожидаемыхъ запасовъ оружія, одежды и продовольствія, а между тѣмъ Русскіе, подкрѣплясь прибытіемъ новыхъ войскъ, вездѣ преграждали непріятелю дорогу. Самые геройскіе подвиги, совершенные передъ глазами Наполеона Евгениемъ Богарне, Даву, Мюратомъ, Удинѣ, Викторомъ и друг., повели только къ тому, что отстрочили

на нѣсколько дней конечную гибель арміи. Героемъ отступленія былъ начальникъ арріергарда Ней, «храбрѣйшій изъ храбрыхъ». Его ночной переходъ черезъ Дитпръ, котораго ледъ разошелся вдоль берега и который бдительно охранялся русскими войсками, принадлежитъ къ числу самыхъ смѣлыхъ ратныхъ дѣлъ на памяти исторіи. Правда, что изъ 6,000 человекъ онъ привелъ всего только 2,000 къ главной арміи, которая между тѣмъ отразила непріятельское нападеніе подъ Краснымъ и проложила себѣ путь къ Березинѣ. Этой вѣчно-памятной рѣки достигла она 25 ноября (нов. ст.). Въ виду разбросанныхъ по берегу легкихъ русскихъ отрядовъ наведено было два моста, и слабый остатокъ французскаго войска, державшійся еще подъ ружьемъ, перешелъ на ту сторону среди безчисленныхъ опасностей; но около 18,000 полузамерзшихъ отсталыхъ, которые не могли или не успѣли воспользоваться кратковременною переправой, попали въ руки непріятеля, захватившаго при этомъ громадную добычу. Сколько жертвъ погибло въ холодныхъ волнахъ рѣки между льдинами, сколько было задавлено при страшной тѣсотѣ и сумятицѣ на летучихъ узкихъ мостахъ, — этого, разумѣется, никто не могъ исчислить. Березинскія бѣдствія стали обычнымъ выраженіемъ для величайшихъ невзгодъ, какими война постигаетъ человечество. По переходѣ чрезъ Березину (26—29 ноября н. ст.) у Наполеона оставалось всего 8,000 подъ ружьемъ, да и тѣ уже носили въ себѣ зародышъ смерти; ихъ блѣдныя лица выражали отупѣлость и отчаяніе. Ней оставался всегда послѣднимъ въ арріергардѣ. По официальнымъ свѣдѣніямъ въ Россіи зарыто было до 243,000 непріятельскихъ тѣлъ. Мѣстами обширныя снѣжныя поля были въ буквальномъ смыслѣ устланы падшими воннами. Половинѣ Европы пришлось оплакивать своихъ покойниковъ. 3 декабря (нов. ст.) издалъ Наполеонъ свой знаменитый 29-й бюллетень, принесшій, давно остававшимся безъ извѣстій народамъ увѣдомленіе о томъ, что императоръ живъ и здоровъ, но что великая армія почти не существуетъ. Два дня спустя передалъ онъ главное начальство Мюрату, а самъ поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы распорядиться новыми вооруженіями и своимъ личнымъ присутствіемъ сдержать всякое угрожающее движеніе: къ крайнему

своему прискорбію, онъ незадолго передъ тѣмъ узналъ, что одинъ пустой слухъ объ его смерти вызвалъ безразсудную попытку возстанія, которая едва было не стоила ему трона.

Извѣстія, сообщаемыя очевидцами этого достопамятнаго отступленія, наводятъ невольный ужасъ. Дисциплина и порядокъ исчезли безъ слѣда, всѣ общественныя связи въ войскахъ ослабли, и рядомъ съ подвигами великодушія и самоотверженія появлялись признаки немощнаго разврата. Крайность бѣдствія притупила всѣ человѣческія чувства, одинъ только голодъ удерживалъ свои права, и удерживалъ въ такой страшной степени, что человѣкъ не чуждался даже человѣческаго мяса, и лишь одно козацкое ура! могло, наводя неодолимый ужасъ, пробуждать эти мертвыя для всего другаго существа.

Д. ПАДЕНИЕ ИМПЕРІИ И УСТАНОВЛЕНІЕ НОВАГО ПОРЯДКА.

И. Сверженіе Наполеона.

§ 767. Возстаніе Германіи (1813). Приписываемое Таллейрану, изреченіе, что походъ въ Россію есть начало конца, вскорѣ совершенно оправдалось. Хотя тяжкая конскрипція вмѣстѣ съ призывомъ національныхъ и почетныхъ гвардейцевъ вскорѣ восполнила пробѣлы во французскомъ войскѣ, а неутомимая дѣятельность, выказанная геніальнымъ полководцемъ, снова изумила свѣтъ, однакожь обаяніе мнимой непобѣдимости Наполеона исчезло между народами, и свѣжія арміи, большею частью составленныя изъ молодыхъ, неопытныхъ людей, выступили теперь противъ врага, воодушевленнаго къ великимъ дѣламъ, отчасти одержанною побѣдой, отчасти вновь пробудившимся чувствомъ любви къ отечеству. 30 декабря прусскій генералъ Горкъ, стоявшій подъ начальствомъ Макдональда на берегу Балтійскаго моря, строгій, рѣшительный человѣкъ, серьезнаго, мрачнаго нрава, «терпкій, какъ рубленое желѣзо», уже заключилъ съ русскимъ генераломъ Дибичемъ Таурогенскую конвенцію и отступился съ своими войсками отъ дальнѣйшей борьбы; и хотя этотъ

поступокъ вызвалъ официальное неодобреніе короля, такъ что Гюркъ былъ уволенъ отъ должности, однако поѣздка его изъ Берлина въ Бреславль, гдѣ онъ былъ ближе къ Русскимъ, служила предвѣстіемъ того, что засимъ послѣдовало. Вызванное по внушенію барона Штейна нѣкоторыми патріотами собраніе прусскихъ чиновъ въ Кёнигсбергъ (5 — 9 февраля 1813) и постановленное ими общее народное ополченіе, состоящее изъ ландвера и ландштурма, рѣшили дѣло. Несмотря на то, что важнѣйшія прусскія крѣпости были въ рукахъ Наполеона и обезпечены за нимъ его гарнизонами, между Пруссіей и Россіей въ февралѣ (25 числа) уже былъ заключенъ Калишскій союзъ для освобожденія Европы совокупною борьбою противъ Франціи. Безмѣрное униженіе Пруссіи породило въ народѣ такое озлобленіе противъ чужеземнаго ига, что королевское «воззваніе къ народу» (3 февраля), призывавшее его къ добровольному вооруженію, пробудило невѣроятную воинственность. Въ короткое время уже стояло подъ ружьемъ не только сильное, составленное большею частью изъ охотниковъ войско, но и готовъ былъ подняться устроенный во всѣхъ городахъ и селеніяхъ и вооруженный на собственные деньги ландверъ, еслибы нужда отечества вызвала его въ поле.—Воодушевленіе овладѣло всѣми сословіями и возрастами, молодежь и зрѣлые люди покидали свои обычныя занятія и близкихъ сердцу, чтобы посвятить свои силы освобожденію отечества. Студенты и наставники покидали аудиторіи, чиновники — свои мѣста, молодые дворяне — кровь родительскій; они брали ружье и ранецъ, и съ благороднымъ самоотверженіемъ становились простыми ратниками рядомъ съ ремесленникомъ, вышедшимъ изъ мастерской, и съ крестьяниномъ, обмѣнявшимъ плугъ на саблю. Кто не могъ идти въ походъ, тотъ жертвовалъ частію своего имущества; даже самый бѣдный и мелкій народъ съ радостію приносилъ свои дары въ пользу отечества. То были дни общаго пробужденія, заставлявшіе забыть позоръ и бѣдствія многихъ лѣтъ. Всего сильнѣе выразился этотъ патріотическій и воинственный духъ въ составленномъ большею частью изъ студентовъ Лютцовскомъ вольномъ отрядѣ, которому Теодоръ Кёрнеръ далъ высшее освя-

щеніе своими пѣснями и своею смертію ¹. Уже въ мартѣ Французы вышли изъ Берлина, куда тотчасъ же вступили русскій генералъ Витгенштейнъ и восстановленный въ своемъ званіи и военномъ почетѣ графъ Горкѣ. Орденъ желѣзнаго креста, основанный въ день рожденія королевы Луизы (род. 10 марта 1776, ум. 19 іюля 1810), служилъ поощреніемъ для храбрыхъ, и калишское воззваніе (25 марта), обѣщавшее, кромѣ уничтоженія Рейнскаго союза и освобожденія Европы, еще и «возстановленіе Германіи въ новой жизненной силѣ и единствѣ, безъ чужеземнаго вліянія, единственно нѣмецкими государами и народами и въ коренномъ народно-германскомъ духѣ»,—это воззваніе подняло надежды патріотовъ и усилило воодушевленіе и воинственный пылъ. Вмѣстѣ съ патріотическимъ пробужденіемъ овладѣла умами и религіозность; прямо съ проповѣди и отъ причастія отправлялись волонтеры на священную войну. И какимъ отчаяннымъ мужествомъ были одушевлены новыя войска,—это доказали побѣдоносныя дѣла при Мёкернѣ (5 апрѣля 1813), гдѣ Пруссакъ приняли со славой первое «кровавое крещеніе».

За нѣсколько недѣль до своей смерти († 28 апр.) Кутузовъ издалъ въ Калишѣ, отъ лица обоихъ союзныхъ государей, воззваніе къ членамъ Рейнскаго союза, приглашая ихъ свергнуть Наполеоново протекторство и примкнуть къ великой борьбѣ. «Отнынѣ народы будутъ взаимно уважать свою независимость; отнынѣ уже не будутъ воздвигать никакого политическаго зданія на развалинахъ государствъ, прежде независимыхъ; цѣль войны и мира — оградить права, свободу и независимость всѣхъ народовъ»—такъ гласилъ смыслъ этого и всѣхъ подобныхъ воззваній. Но страхъ къ сильному еще сдерживалъ большинство, тѣмъ болѣе, что медлительность союзниковъ дала энергическому противнику время — изгладить впечатлѣніе бѣдственнаго похода на Россію и укрѣпить колеблющихся въ союзѣ. Только побѣды могли внушить рѣшительность послѣднимъ, особенно послѣ того какъ Гамбургъ, за свой слишкомъ поспѣшный переходъ во власть смѣлаго вожда русской легкой конницы, полковника Фонъ-Теттенборна и

¹ Его народно-лирическія стихотворенія, подъ заглавіемъ «Лири и мечъ», остались дорогимъ для нѣмцевъ памятникомъ той эпохи. Кёрнеръ убитъ въ 1813 г. на дорогѣ изъ Шверина въ Гадебунъ, неподалеку отъ Розенберга.

козачьих иолковъ подѣ начальствомъ Чернышева (18 марта), былъ страшно наказанъ въ примѣръ другимъ, когда имъ снова овладѣли Даву и Вандамъ (31 мая), «соединявшій упрямство Бонапартова воина съ дикостью якобинскаго террориста», а Датчане, вмѣсто того чтобы пристать къ союзникамъ и прикрыть собой городъ, возобновили союзъ съ Французами и проложили имъ туда дорогу. Больше всего желали оба союзные государя, чтобы къ ихъ дѣлу примкнулъ король Саксонскій. Но Фридрихъ Августъ, котораго Наполеонъ умѣлъ привязать къ себѣ дружественнымъ обращеніемъ и нѣкоторыми знаками благосклонности и довѣрія, которому онъ далъ Варшавское герцогство, въ «униженіе Пруссіи и въ угрозу Россіи», — противился ихъ вызову, какъ ни сильно раздѣляли общее патріотическое воодушевленіе и народъ, и войско въ Саксоніи. Весь въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, бѣжалъ онъ съ своимъ семействомъ и со всѣмъ дворомъ, сначала въ Фогтландскій округъ *), а потомъ въ Богемію, намѣреваясь заключить нейтральный союзъ съ Баваріей и Австріей. Когда же вѣнскій кабинетъ, начинавшій призадумываться надъ народнымъ возстаніемъ въ сѣверной Германіи, еще медлил своимъ рѣшеніемъ, а Наполеонъ потребовалъ возвращенія короля въ Дрезденъ, угрожая его низвергнуть, тогда онъ повиновался судьбѣ и предоставилъ свою страну, свои крѣпости и войскъ въ распоряженіе императора, «своего великаго союзника».

§ 768. Война за свободу Германіи. Хотя въ первыхъ сраженіяхъ при Гроссѣ-Гёршенѣ (близъ Люцена 2 мая) и Бауценѣ (20 мая 1813) Французы удержали за собою поле битвы и отбѣснили своихъ враговъ до самаго Одера, однакожь геройство юныхъ нѣмецкихъ ратниковъ, отвага съ какою подставляли они пулямъ грудь свою, согрѣтую чувствомъ чести и любви къ отечеству, доказали врагу, что надъ Пруссіей витаетъ уже совсѣмъ не тотъ духъ, съ которымъ Французы сошлись подъ Іеной. Патріотическій порывъ, увлекшій въ станъ благороднѣйшихъ людей націи, выдержалъ самое тяжкое испытанье. «Даже мертвые лежали съ просвѣтленными лицами; они отошли изъ міра въ увѣренности, что отместили за свое отечество и за самихъ себя».

*) Въ горной Саксоніи.

При Гросс-Гёршенъ, Шарнгорстъ получилъ смертельную рану. Онъ воспользовался своими послѣдними силами для поѣздки въ Австрію, чтобы склонить имперію на союзъ. Смерть настгла его, истомленного и больного, въ Прагѣ, 28 іюня 1813 г. Наибольшая потеря людей была со стороны непріятеля; между тысячами, покрывавшими поле битвы, находились Бесьеръ (при Лютценѣ) и Дюрёкъ (при Бауценѣ). Смерть послѣдняго, котораго Наполеонъ любилъ и цѣнилъ больше всѣхъ за его любезность, вѣрность и преданность, глубоко опечалила Французскаго императора.

Въ первый разъ, повидимому, закралась въ грудь Наполеона мрачная дума о превратностяхъ земнаго существованія. Но гордость и высокомеріе все еще увлекали его впередъ. «Ни одна деревня не должна быть отторгнута отъ Французской имперіи со всѣми включенными въ нее областями!» объявилъ онъ наотрѣзъ, чтобы застрашать другихъ такою самоувѣренностью. Онъ счелъ однако умѣстнымъ предложить перемиріе для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ, и союзники, которымъ отсрочка пришлась очень кстати для восполненія убыли въ войскахъ и для новыхъ вооруженій, охотно согласились на это, какъ ни сильно требовалъ народный голосъ непрерывнаго продолженія войны. Во время этого Плесвицскаго (или Пойшвицскаго) перемирія (съ 4 іюня по 10 августа 1813), Австрія сошлась съ Россією и Пруссіей посредствомъ Рейхенбахскаго договора, къ которому приступила и Англія (14 — 15 іюня), и потомъ на Пражскомъ конгрессѣ (12 іюля—10 августа) старалась черезъ князя Меттерниха уладить своимъ посредничествомъ общій миръ. Но Наполеонъ не далъ склонить себя на требуемыя уступки. «Ваши государи, — сказалъ онъ между прочимъ въ знаменитомъ девятичасовомъ разговорѣ съ Меттернихомъ (28 іюня), въ Дрезденѣ, — ваши государи, рожденные на престолѣ, не могутъ постигнуть тѣхъ ощущеній, какія волнуютъ мою грудь; они возвращаются побѣжденные въ свои столицы, и остаются тѣмъ же, чѣмъ были прежде. Но я солдатъ, мнѣ нужны честь и слава, я не могу ослабленный показаться среди моего народа, я обязанъ оставаться великимъ, славнымъ и достойнымъ удивленія». Вслѣдствіе отказа принять мирныя предложенія, было объявлено о пре-

кращеніи перемирія и, два дня спустя (12 августа), Австрія объявила Франціи войну. Хотя Наполеонъ въ сраженіи при Дрезденѣ (26—27 августа) еще разъ приковалъ военное счастье къ своимъ орламъ и дождался торжества видѣть своего противника Моро, котораго императоръ Александръ вызвалъ черезъ Бернадота изъ Америки, смертельно раненнымъ и унесеннымъ съ поля на носилкахъ; однако плоды дрезденской побѣды, побудившей союзное войско отступить въ Богемію и исполнившей Французскаго императора надеждой снова склонить Австрію на свою сторону, были уничтожены: 1) одновременною славною битвой Блюхера на Кацбахѣ (при Вальштаттѣ) въ Силезіи (26 августа) противъ Макдональда (битвою, которая доставила «маршалу впередъ», этому народно-героическому образу, полному воинскаго пыла, суровой энергіи и прямодушной честности, титулъ князя Вальштаттскаго и предала въ его руки 18,000 плѣнныхъ и множество артиллеріи); «Силезія освобождена отъ непріятеля», провозгласилъ тогда Блюхеръ въ дневномъ приказѣ къ своимъ солдатамъ: «ваши штыки низвергли его съ крутояровъ бурной Нейссы и Кацбаха. Съ тѣхъ поръ вы не разъ переходили въ бродъ рѣки и поднимавшіеся отъ дождей ручьи, не обращая вниманія на холодъ и сырость, на недостатки и лишенія. »2) Окруженіемъ и взятіемъ въ плѣнъ энергическаго генерала Вандама съ 10,000 Французовъ въ жаркой битвѣ при Кульмѣ (29—30 августа), въ Богеміи. Наполеонъ по неизвѣстнымъ причинамъ оставилъ предположенное первоначально преслѣдованіе непріятеля всѣми своими силами, и тѣмъ подвергнувъ опасности проникшихъ въ Тѣплицкую долину генераловъ. Оттого когда, послѣ перваго кроваваго боя, гдѣ лишь стойкимъ мужествомъ русскихъ гвардейцевъ подъ начальствомъ Евгенія Вюртембергскаго и Остерманна, противъ гораздо сильнѣйшаго непріятеля, была отвращена опасность страшнаго пораженія, прусскій генераль Фопъ-Клейстъ смѣлымъ переходомъ черезъ горныя «Ноллендорфскія высоты», ударилъ въ тылъ непріятелю, а на слѣдующее же утро напали на него Русскіе и Австрійцы съ новыми силами, тогда гибель французскаго войска стала неизбѣжна. Однако лишь послѣ отчаяннаго боя

положили оружіе отрѣзанныя части арміи и сдались военно-плѣнными вмѣстѣ съ главнокомандующимъ. Поле битвы представляло страшное зрѣлище; среди пылающаго Кульма множество тяжело раненныхъ погибло въ огнѣ; вездѣ видны были слѣды пожара и опустошенія; все доступное глазу пространство покрыто было мертвыми и умирающими, обломками повозокъ и всякаго оружія; тысячи изувѣченныхъ воиновъ, брошенные на произволъ судьбы и томимые палящимъ зноемъ, жаждали смерти, какъ желаннаго, конечнаго избавленія. Имя Вандама было такъ ненавистно, что когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ, оказалось невозможнымъ защитить его отъ личныхъ оскорбленій. 3) Блистательными подвигами прусско-шведской арміи въ битвахъ при Гросъ-Беренъ (23 авг.) и Денневицѣ (6 сент.), подъ начальствомъ Бернадота, Бюлова, Тауэнцина и друг., что помѣшало взятію Берлина маршалами Удинъ и Неемъ. Последнія два дѣла были тѣмъ славнѣе для прусской арміи и особенно для презираемаго Наполеономъ земскаго ополченія (ландвера), что Бернадотъ уже принялъ тогда колеблющееся и двусмысленное положеніе въ войнѣ противъ своихъ земляковъ, старался обмануть союзниковъ размахистыми маневрами, и въ этихъ битвахъ, рѣшенныхъ одною только храбростію Бюлова, болѣе вредилъ, нежели приносилъ пользу, хотя въ послѣдствіи вся честь побѣды приписана была почти исключительно ему. Но здравый смыслъ прусскаго народа распозналъ истину, не смотря на хвастливое искаженіе ея въ Бернадотовскомъ бюллетенѣ, и жители Берлина отпраздновали спасшую ихъ побѣду дѣлами трогательной благотворительности. Нѣсколько недѣль спустя, Силезская армія соединилась съ Сѣверною, послѣ того какъ графъ Гюркъ, съ помощью храбраго генерала Горна, проложилъ себѣ въ виду непріятеля переходъ чрезъ Эльбу (3 окт. 1813) и одержалъ славную побѣду подъ Вартецбургомъ (по которой онъ съ тѣхъ поръ и прозывался).

Осенью исходъ великой борьбы почти уже не подлежалъ сомнѣнію; нѣмецкія войска частями покидали знамя Наполеона; — одни примыкали къ союзникамъ, другія расходились по домамъ; прежніе противники, Бернадотъ и Блюхеръ, подали другъ другу руку на братскій военный союзъ; одного появленія легкаго русскаго отряда подъ начальствомъ

Чернышева передъ Касселемъ (въ концѣ сент.) было достаточно, чтобъ принудить короля Іеронима къ бѣгству изъ его столицы; куда, по удаленіи непріятеля, онъ воротился лишь на нѣсколько недѣль; Баварія примкнула къ союзникамъ, заключивъ съ Австріей Ридскій договоръ (8 окт.), по которому ей обезпечены были полныя державныя права и обладаніе всѣми подвластными землями, а въ случаѣ какихъ либо уступокъ (напр. Тироля) обѣщаны соразмѣрные вознагражденія. Даже комендантъ крѣпости Торгау, саксонскій генералъ Тилеманъ, перешелъ на службу Пруссіи. Въ октябрѣ, пока Наполеонъ оставался нѣсколько дней бездѣйственно и беззаботно въ Дюбенѣ, арміи стянулись со всѣхъ сторонъ въ обширную Лейпцигскую равнину. Австрійцы подъ начальствомъ Шварценберга, которому предоставлено было главное распоряженіе всѣми войсками, Русскіе подъ командой Барклая, Витгенштейна, Беннигсена и друг., Пруссаки подъ начальствомъ Блюхера, Іорка, Бюлова, а Шведы—Бернадота. Военная сила союзниковъ (300,000 человекъ) въ послѣдній день битвы превосходила на сто тысячъ французскую армію, предводимую самимъ Наполеономъ; но превосходство это вполне уравнивалось тѣмъ, что Французы были подъ начальствомъ одного, вѣнчаннаго славою полководца, тогда какъ союзныя войска повиновались многимъ, не всегда согласнымъ между собой вождямъ, изъ которыхъ одинъ Блюхеръ (подъ нимъ командовалъ Іоркъ) шелъ въ дѣло съ твердою рѣшимостью, тогда какъ Бернадотъ и Шварценбергъ обнаруживали явное колебаніе. Кровавый бой при Либертвольквицѣ (14 окт.), гдѣ авангардъ союзниковъ сильно схватился съ конницей Мюрата, былъ достойною прелюдіей великой, рѣшительной битвы.

Вѣнчанный побѣдитель, которому такъ часто помогали въ трудныя минуты богъ войны, напрасно развернулъ на Лейпцигской равнинѣ всю силу своего таланта; напрасно отличнѣйшіе вожди его школы, Ней, Мюратъ, Ожеро, Макдональдъ, Полякъ Понятовскій и мног. друг., напрягали свои силы и свою боевую опытность; трехдневная битва народовъ подъ Лейпцигомъ (16, 17 и 18 окт.) и въ сосѣднихъ деревняхъ Вахау, Простгейдъ, Конневицъ, Либертвольквицъ, Мёкернъ, Линденау и друг. стала гробомъ для Французской имперіи.

Событія перваго дня сраженія распались на три группы: на страшныя схватки, которыя Богемская армія, подъ начальствомъ Шварцен-

берга, Клейста, Евгенія Вюртембергскаго и друг., выдержала къ югу отъ Лейпцига, около деревни Вахау, и которыя, благодаря геройскому мужеству предводителей и непоколебимой стойкости войскъ, кончились не неблагопріятно для союзниковъ, хотя и нимало не рѣшили дѣла; на атаки, предпринятія австрійскимъ генераломъ Гьюлаемъ къ западу у Линденау, и на жаркій бой къ сѣверу отъ города, при Мёкерицѣ, гдѣ явила дивную храбрость побѣдоносная Силезская армія. Второй день битвы—воскресенье—весь прошелъ въ притягиваніи новыхъ силъ и въ множествѣ мелкихъ стычекъ; на третій день бой свирѣпствовалъ на обширнѣйшемъ протяженіи, котораго средоточіемъ были деревни Штёттерицъ и Пробстгейда, гдѣ самъ Наполеонъ руководилъ ходомъ дѣла съ одной близлежащей высоты. Когда побѣда еще колебалась, Вюртембергцы и бѣльшая часть саксонскихъ войскъ перешли къ союзникамъ. Вюртембергцами командовалъ тотъ самый генералъ Норманъ, который еще недавно, во время перемирія, при внезапномъ нападеніи подъ Киценомъ (17 іюня), согласился быть орудіемъ уничтоженія вольнаго Люцовскаго отряда. Послѣ непомѣрной потери въ людяхъ, утромъ 19 октября Наполеонъ покинулъ городъ, который вслѣдъ за тѣмъ союзники взяли приступомъ. Слишкомъ поспѣшное снятіе моста на рѣчкѣ Эльстеръ предало имъ въ руки 12,000 человекъ подъ ружьемъ и 23,000 больныхъ и раненыхъ, Цѣлыя тысячи погибли въ струяхъ Эльстера и Плейсы, въ томъ числѣ и храбрый Понятовскій, пожалованный въ маршалы на самомъ полѣ Лейпцигской битвы; Макдональдъ спасся только вплавь. Потеря союзниковъ простиралась до 40,000 человекъ. Счастливы были тѣ, кто принялъ горько-сладкую смерть за родину въ минуту благороднѣйшаго, высшаго исполненія своего долга, всѣ тѣ, кто въ полномъ чувствѣ нравственныхъ и тѣлесныхъ силъ, уснулъ вѣчнымъ сномъ на только что освобожденной почвѣ роднаго края; но достоинъ слезъ былъ жребій многихъ тысячъ людей, которые еще живыми лежали на обширномъ побоищѣ, точа кровь изъ тяжелыхъ ранъ, перемѣшанные съ мертвыми, умирающими; друзьями и недругами, вопія о помощи и спасеніи и не находя вокругъ себя сочувственной руки. Тысячи погибли въ мукахъ отъ ранъ, отъ голода и жажды среди дня, отъ мороза въ холодныя октябрьскія ночи, прежде чѣмъ удалось кое-какъ призрѣть раненныхъ въ наскороустроенныхъ госпиталяхъ. Да и здѣсь не нашли они себѣ спасенія; ихъ сберегли только для новыхъ, неизобразимыхъ страданій. Среди обширнаго поля труповъ торчали пожарища двадцати

съ лишкомъ деревень, которыхъ безпомощные, голодающіе жители искали себѣ крова Христа ради. Преданіе гласить, что три союзные монарха, при вѣстп о рѣшительной побѣдѣ, пали ницъ на томъ самомъ холмѣ, откуда наблюдали сраженіе, и вознесли благодарственныя молитвы къ Небу. То было настоящее, искреннее побѣдное торжество въ этой «священной войнѣ», подъятой для освобожденія погранныхъ народовъ. И кто болѣе имѣлъ поводовъ къ благодаренію, какъ не монархи, которыхъ одержанная теперь побѣда возстановляла отъ стыда Аустерлицкаго и Іенскаго поражений? Могучаго властителя, который до сихъ поръ все еще торжествовалъ надъ ними, само Небо поразило слѣпой самонадѣянностью — и вотъ гигантская его сила легла передъ ними въ прахъ. Само Небо возвратило народамъ надлежащій гнѣвъ и добрую увѣренность въ ихъ собственной силѣ, — возвратило для того, чтобы своимъ геройскимъ самоотверженіемъ они искупили общіе грѣхи, въ которыхъ особенно провинились государи и ихъ совѣтники.

Преслѣдуемые непріателемъ, Французы быстрыми переходами двинулись черезъ Эрфуртъ къ Рейну. Первые дни отступленія представляли самое печальное зрѣлище. Войска были истощены и сильно голодали; настроеніе ихъ было мрачно и отчасти уже переходило въ ропотъ противъ виновника всѣхъ этихъ бѣдъ; между Рейнскими союзниками насчитывалось съ каждымъ днемъ больше дезертировъ. Самъ Наполеонъ, котораго гордое спокойствіе оставалось до сихъ поръ неизмѣнно, былъ теперь очевидно потрясенъ; въ лицѣ у него замѣтно было глубокое уныніе. Безмолвный и задумчивый прошелъ онъ пѣшкомъ все Люценское поле, на которомъ началась въ этомъ году достопамятная война и гдѣ улыбнулась ему еще разъ богиня побѣды. Онъ однажды высказалъ мнѣніе, что большое несчастіе въ войнѣ всегда указываетъ на какого-нибудь великаго виновника. Этимъ онъ самъ себѣ произнесъ приговоръ. Крайнее напряженіе силъ довело наконецъ до того, что одна опора подламывалась за другой, пружина ослабѣвала за пружиною. Подъ Ганау генераль Вреде съ свѣжею баваро-австрійскою арміею преградилъ отступающимъ дорогу, но этимъ доставилъ «умирающему льву» новый случай показать свой дивный военный талантъ. Побѣда, одержанная, конечно не безъ тяжкихъ потерь, въ битвѣ при

Гапау падъ раненымъ Вреде (30 и 31 окт.), проложила семидесяти-тысячному остатку французской арміи дорогу черезъ Франкфуртъ къ Рейну. Но несчастные всѣ уже несли въ измученной груди зародышъ смертельной болѣзни (тифа), и еще до конца года половина ихъ умерла въ переполненныхъ больными госпиталяхъ.

Въ Германіи битва подъ Лейпцигомъ произвела огромную перемѣну: разложеніе Вестфальскаго королевства, возвращеніе курфюрста Гессенскаго и герцоговъ Брауншвейгскаго и Ольденбургскаго въ ихъ владѣнія, возстановленіе дворянско-чиновническаго управленія въ Ганноверѣ, взятіе подъ стражу короля Саксонскаго, съ которымъ Наполеонъ распрощался въ Лейпцигѣ, — таковы были первыя дѣйствія достопамятной катастрофы. Быстро рушились послѣднія связи Рейнскаго союза: Дальбергъ отступился отъ своего великаго герцогства Франкфуртскаго; Вюртембергъ (котораго король еще незадолго до этого уволилъ отъ службы генерала Нормана, передавшагося подъ Лейпцигомъ союзникамъ, а Наполеону письменно заявлялъ надежду «возвратиться въ скоромъ времени подъ его счастливыя знамена»), Баденъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау заключили, по нѣкоторомъ колебаніи, договоры съ Австріей и отдали свои войска въ распоряженіе союзниковъ. Имъ, равно какъ и остальнымъ членамъ Рейнскаго союза, обезпечили, вопреки совѣту Штейна, всѣ ихъ владѣнія и верховныя права, обязавъ ихъ только подчиниться будущему политическому устройству Германіи. Главный административный совѣтъ, подъ руководствомъ барона Штейна, сильно содѣйствовавшаго поднятію Германіи при самомъ началѣ войны, завѣдывалъ до водворенія новаго порядка областями, отнятыми у Французовъ и еще вѣрныхъ имъ союзниковъ. Задачею его было: «доставлять продовольствіе союзнымъ войскамъ, натуральными и денежными сборами съ управляемыхъ областей содѣйствовать покрытію военныхъ издержекъ, развивать по возможности всѣ военныя средства этихъ странъ и наблюдать за внутреннею ихъ администраціей, оставленною въ рукахъ туземнаго начальства.» Дѣятельность его особенно простиралась на Саксонію и на безгосударныя земли западной Германіи. Подъ его же вѣдѣніемъ должны были состоять лазареты. — Одинъ Гамбургъ, отлично укрѣпленный генераломъ Гаксѣ, сопротивлялся подъ начальствомъ жестокаго Даву до мая 1814 г. Нигдѣ Французы не позволяли себѣ такихъ

притѣсненій и вымогательствъ, какъ именно здѣсь; Даву былъ настоящимъ бичемъ для Гамбургцевъ. Данія, вѣрнѣйшій союзникъ Наполеона съ 1807 года, не могла устоять противъ совокупныхъ нападеній сосѣднихъ враговъ. По Кильскому договору (14 янв. 1814) она отказалась отъ союза съ Франціей и согласилась уступить Норвегію Шведамъ, а остр. Гельголандъ Англичанамъ. Плохимъ вознагражденіемъ за эти утраты было для нея герцогство Лауэнбургъ, вымѣненное у Пруссіи за остальную часть шведской Помераніи съ остр. Рюгеномъ. Энергическіе Норвежцы не хотѣли сначала признать шведскаго владычества; они не хотѣли, по ихъ выраженію, «чтобы ими распоряжались какъ стадомъ». Самовольно собравшійся сеймъ (стортингъ) выбралъ въ короли датскаго принца Фридриха Христіана (царствовавшего потомъ въ Даніи) и далъ краю свободную конституцію. Они признали Кильскій договоръ только тогда, когда союзники стали угрожать имъ войною, а король Шведскій даровалъ имъ независимое управленіе и утвердилъ ихъ почти-республиканскій государственный уставъ. — Наполеоновы сооруженія въ Италіи теперь также не устояли. Вице-король Евгений, послѣ храброй обороны, уступилъ поле битвы превосходству австрійскихъ силъ и удалился къ своему тестю въ Баварію, между тѣмъ какъ прекрасныя и плодоносныя поля Ломбардіи достались въ руки Австрійцамъ. Желаніе народа образовать независимое королевство подъ державой Евгения не было уважено. Въ Тоскану возвратился великій герцогъ Фердинандъ, и Церковная Область снова приняла въ свои предѣлы многоиспытаннаго папу Пія VII. Возвращеніе этого старца изъ французскаго плѣненія походило на триумфъ. Но одушевленіе народовъ Германіи и Италіи скоро было подавлено безразсудными поступками возвратившихся эмигрантовъ и приверженцевъ реакціи.

§ 769. Последняя борьба Наполеона (1814). Во Франкфуртѣ союзные монархи совѣщались съ своими министрами и полководцами о томъ, переходить ли за порубежную рѣку Германіи. Напрасно такіе патріоты, какъ Блюхеръ и Гнейзенау, настаивали на немедленномъ продолженіи войны; голосъ Австріи восторжествовалъ, и союзники еще разъ вступили на путь переговоровъ. Проектъ мира, доставленный Французскому императору Сентъ-Эньяномъ (Saint-Aignan), обезпечивалъ ему обладаніе Франціей въ ея естественныхъ предѣлахъ, между Рейномъ, Альпами и Пиренеями, если онъ

согласится на полную независимость Германіи, Голландіи и Италіи и на возстановленіе прежней династіи въ Испаніи. Но когда на это послѣдоваль уклончивый отвѣтъ, а огромныя вооруженія, предпріятыя Наполеономъ съ помощью самой тяжкой конскрипціи, удостовѣрили союзниковъ, что гордыня врага еще не сокрушена, что, напротивъ, онъ намѣренъ опять испытать счастья въ битвахъ, тогда рѣшили перейти за Рейнъ, особенно благодаря стараніямъ барона Штейна, пользовавшагося большимъ вліяніемъ у Россійскаго императора.

Въ ночь на Новый годъ (1 янв. 1814) Блюхеръ съ своею Силезскою арміею переправился черезъ германскую рѣку въ разныхъ мѣстахъ между Мангеймомъ и Кобленцемъ, тогда какъ Шварценбергъ повелъ главную армію къ юговосточной Франціи черезъ Швейцарію, которой не было предоставлено требуемаго ею пейтралитета, а вторая прусская армія, подъ начальствомъ Гросъ-Беренскаго героя, Бюлова, освобождала Голландію и настояла на возвратѣ наслѣдственнаго статгаудера въ его владѣнія. Англичане перешли Пиренеи, Италійскому королевству угрожали Австрія и разладившій съ Наполеономъ Мюратъ. Бернадотъ, которому хотѣлось быть посредникомъ между Франціей и Европой, старался расположить къ себѣ земляковъ мягкостію своихъ дѣйствій, имѣя, быть-можетъ, въ виду, тѣми же средствами, какія доставили ему шведскую корону, проложить себѣ дорогу и къ французской, но этимъ двусмысленнымъ поведеніемъ онъ только возбуждалъ подозрительность союзниковъ. Въ нѣмецкой арміи уже со дня Гросъ-Беренской битвы не питали къ бывшему французскому маршалу никакого довѣрія.

Въ Шампани сошлись вмѣстѣ войска Блюхера и Шварценберга, и побѣда при Ла-Ротьеръ (1 февр.), слѣдовавшая за кровавой, но безплодной битвой подъ Бріэнномъ (29 янв.), обѣщала союзникамъ быстрый и благополучный исходъ. Французская армія, отчаявшись въ дальнѣйшемъ успѣхѣ императора, потеряла прежнюю отвагу. Страшно потерпѣвъ въ бою, почти изнемогая отъ трудныхъ передвиженій и голода, безмолвно и мрачно шла она къ Труа, причемъ большая часть молодыхъ солдатъ покинула знамя и разбѣжалась по домамъ. Но медленность побѣдителей дала Наполеону время подняться на ноги и собрать новыя силы; а какъ трудность продоволь-

ствія среди зимы въ непріятельскомъ краѣ вынудила обѣ союзныя арміи снова разойтись, такъ что Шварценбергъ потянулся къ Парижу вдоль Сены, а Блюхеръ вдоль Марны, то Наполеону, котораго полководческій талантъ явился здѣсь опять въ полномъ блескѣ, удалось снова поднять мужество Французовъ великими подвигами въ родѣ прежнихъ. Съ «неслыханной смѣлостью» оставляетъ онъ только малое число войска, чтобъ занять Шварценбергову армію, а со всѣми прочими быстро кидается на привычную къ побѣдамъ Силезскую армію Блюхера, застаётъ ее врасплохъ, разбиваетъ въ теченіе пяти дней отдѣльные корпуса ея въ пяти удачныхъ сраженіяхъ (при Шампоберѣ, Монмиралѣ, Шато-Тьерри Вошампѣ, 10—15 февр. 1814) и принуждаетъ къ отступленію. Потомъ съ быстротою молніи обращается на главную армію и побѣдами при Нанжисѣ и Монтерѣ (17 и 18 февр.) также заставляетъ ее возвратиться въ Труа. Событія эти произвели такое впечатлѣніе на союзниковъ, что при новыхъ переговорахъ о мирѣ, открытыхъ въ Шатильонѣ (11—14 февр.), Наполеону было бы легко удержаться на престолѣ Франціи, еслибъ онъ отказался отъ другихъ земель, къ ней присоединенныхъ, или предоставленныхъ имъ своей родиѣ. Общее опасеніе всенароднаго возстанія во Франціи, нерасположеніе императора Александра къ Бурбонамъ, которыхъ онъ пѣкогда выславъ изъ Курляндіи, уваженіе Австрійцевъ къ зятю ихъ императора, все это вмѣстѣ давало значительный перевѣсъ партіи мира. Но возраставшія съ каждою удачей требованія Наполеона, ограниченныя полномочія его дипломата Коленкура и его собственные двусмысленные и неопредѣленные отзывы замедлили окончаніемъ дѣла до того, что непримиримѣйшій врагъ Наполеона, Блюхеръ, успѣлъ оправиться отъ своихъ неудачъ, подкрѣпилъ себя силами Сѣверной арміи подъ начальствомъ Бюлова и Винцингероде и успѣшно сразился съ ослабѣвшимъ французскимъ войскомъ при Краонѣ и Ланѣ (7 и 9 марта). Одержанію полной побѣды помѣшала только болѣзнь Блюхера и происшедшая отъ того неопредѣленность въ главномъ начальствѣ. Тогда прерваны были всѣ переговоры; императоръ Австрійскій, принимавшій дотолѣ по родственнымъ связямъ посредническое положеніе, наконецъ пожертвовалъ своимъ

зятѣмъ и внукомъ европейскому миру; принцъ-регентъ Англіійскій, усерднѣйшій сторонникъ Бурбоновъ, успѣлъ провести свой планъ возстановленія законной королевской фамиліи, и такимъ образомъ сдѣлался для Бурбоновъ тѣмъ, чѣмъ Людовикъ XIV былъ для Стюартовъ. Рѣшено было идти на Парижъ и низложить Наполеона. Побѣдоносная битва при Реймсѣ (13 марта), гдѣ палъ съ половиною своихъ солдатъ, командовавшій прусско-русскимъ корпусомъ, французскій эмигрантъ Сентъ-При (Saint-Priest), была послѣднимъ свѣтлымъ лучемъ славы Наполеона, но лучемъ, только еще ярче озарившимъ бездну, къ которой привела императора неотразимая судьба. Бой при Арсенсъ-сюръ-Объ (20, 21 марта) вскорѣ убѣдилъ его вполне, что съ его умаленнымъ, истощеннымъ войскомъ ничего не сдѣлаешь противъ желѣзныхъ массъ непріятеля, и это убѣжденіе поразило его нерѣшимостью. Тогда какъ союзныя арміи двигались прямо на Парижъ, и присутствіе его въ столицѣ было крайне необходимо, онъ тратилъ время въ смѣлыхъ, но безплодныхъ передвиженіяхъ. У него оставалось еще одно средство спасенія — національная война и воззваніе къ народу. Обратись онъ откровенно и прямодушно къ націи, обезпечъ ей возстановленіе гражданской свободы, воспользуясь живымъ патріотизмомъ Французовъ для всеобщаго возстанія противъ враговъ, онъ могъ бы еще затруднить или даже преградить союзникамъ дальнѣйшее движеніе внутрь края; но Наполеонъ всегда полагался на одинъ штыкъ и слишкомъ долго пригнеталъ гражданскую свободу блескомъ своего военнаго деспотизма: могъ ли же онъ теперь довѣриться народу, или народъ довѣриться ему? Поэтому онъ и тутъ презрѣлъ его помощь, а между тѣмъ геройскіе подвиги нѣсколькихъ тысячъ національных гвардейцевъ подъ Ла-Феръ-Шампенуазомъ (25 марта) ясно показали, какая сила лежитъ еще въ народной толпѣ. — Когда всѣмъ уважаемый Карно, избѣгавшій прежде милости могучаго властелина, предложилъ теперь свою помощь покинутому счастьемъ императору, Наполеонъ не поручилъ ему столицы, гдѣ бы онъ могъ дѣйствовать всего успѣшнѣе, но возложилъ на него оборону антверпенской цитадели, между тѣмъ тѣмъ какъ вовсе не надежный братъ императора, Іосифъ, получилъ главное началь-

ство надъ національною гвардіей, императрица была поставлена во главу регентства, и людямъ, не отличавшимся ни способностями, ни вѣрностію, довѣрены были важнѣйшія мѣста. Едва непріятельскія арміи успѣли взять приступомъ Монмартръ послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ схватокъ подъ столицею (30 марта), какъ Іосифъ передалъ свое полномочіе Мортье и Мармону и тотчасъ же покинулъ стѣсненный отовсюду Парижъ. Послѣ самаго мужественнаго сопротивленія оба маршала должны были уступить превосходной силѣ и сдали городъ на капитуляцію. Вслѣдъ за тѣмъ совершилось вступленіе въ Парижъ союзныхъ армій (31 марта).

2. Учрежденіе новаго порядка.

§ 770. Торжество легитимизма. Императрица съ своимъ четырехлѣтнимъ сыномъ и нѣсколькими министрами еще прежде удалась въ Блуа и тѣмъ самымъ существенно облегчила хитрому Таллейрану, державшему всѣ нити интригъ въ своихъ рукахъ, исполненіе его замысловъ въ пользу изгнанной королевской фамиліи. Онъ обладалъ тою критическою ясностію ума, тою соблазнительною остротою слова, тою пріятною мягкіестью вѣнскихъ формъ, которыя одиѣ могли нравиться великимъ міра и привести ихъ къ соглашенію; но это была продажная душа, человѣкъ, котораго жизнь была достойна презрѣнія, который своимъ полнымъ эгоизмомъ участіемъ въ революціи обезчестилъ и свое дворянство и свое священное достоинство. Регентство въ Блуа скоро лишилось всей силы и вѣса, когда императоръ Александръ поселился въ Таллейрановомъ дворцѣ и удостоилъ внимать совѣтамъ этого умнаго и ловкаго дипломата. Возвратившіеся во время имперіи эмигранты, которыхъ Наполеонъ тщетно искалъ привязать къ своей фамиліи и своему дѣлу всѣми возможными угожденіями, и неприсягнувшіе въ революцію священники, которые въ силу конкордата получили снова и мѣста и вліяніе, ревностно старались пробудить сочувствіе народа къ древнему королевскому дому и къ завѣтному порядку старины. Эти совокупныя усилія вмѣстѣ съ естественнымъ стремленіемъ усталого и изнуреннаго народа къ миру окончательно рѣшили вопросъ. Уже 4 апрѣля, находившіеся въ Парижѣ сенаторы произнесли, по внушеніямъ Таллейрана, низложеніе императора, да еще и съ пору-

ганіемъ тому, передъ кѣмъ они такъ недавно ползали и пресмыкались въ прахѣ. Самъ Таллейранъ едва выговорилъ предложеніе задыхающимся голосомъ, при чемъ онъ по крайней мѣрѣ разъ въ жизни почувствовалъ смущеніе. Временное правительство, состоявшее подъ предѣтельствомъ Таллейрана изъ многихъ Наполеоновыхъ противниковъ (Эммериха Іосифа фонъ-Дальберга, племянника князю-примасу, Жокура, Бёрновилля) и роялистскаго аббата Монтекиу, завѣдывало всѣми дѣлами Франціи впредъ до водворенія новаго порядка. Союзные монархи еще не высказались официально, кому именно предназначается французская корона, и императоръ Александръ объявлялъ не одинъ разъ, что этотъ вопросъ должно рѣшить желаніе французской націи, почему агенты Бурбоновъ, какъ нарим. Семаллѣ, Моренъ, Мобрѣль, ревностно старались, при вступленіи союзниковъ въ Парижъ, вызвать тамъ роялистскія демонстраціи. Но изложеніе Наполеона признано было необходимымъ для спокойствія Европы, и какъ народное настроеніе, особенно на югѣ (въ Бордо) и западѣ Франціи, казалось благоприятнымъ для Бурбоновъ, то возстановленіе (реставрація) законнаго королевскаго дома сдѣлалось вскорѣ лозунгомъ текущаго дня, и взоры легкомысленнаго и шаткаго народа тотчасъ обратились на эмигрировавшую династію. Лица измѣнялись въ то время еще быстрѣе событій; Наполеонъ извѣдалъ тогда вполне, какъ коротка и пагубна любовь народа, а графъ д' Артуа невольно выразилъ г-ну Семаллѣ свое глубокое удивленіе насчетъ этого неожиданнаго, «волшебнаго превращенія всего чернаго въ бѣлое».

Домъ Бурбоновъ.

Внуки Людовика XV:

Людовикъ XVI въ супр. съ Мар. † 1793.	Людовикъ XVIII. Ант. (графъ Прованскій) † 1824.	Карлъ X. (Артуа) † 1836.
Людовикъ (XVII) дофинъ, † 1795.	М. Тереза за герцог. Ангул. † 1851.	Герцогъ Ангулемскій, † 1844.
		Герцогъ Беррійскій, убитъ въ 1820.
		Генрихъ (V), герцогъ Бордосскій (графъ Шамборъ).

§ 771. Отреченіе Наполеона. Между тѣмъ Наполеонъ оставался въ Фонтенеблѣ съ своею гвардіей и преданными людьми, которыхъ число ежедневно убывало. Не зная что начать,

переходилъ онъ отъ одного замысла къ другому, пока вѣсть объ отложеніи Мармона не привела его наконецъ къ рѣшенію отречься отъ престола въ пользу сына (4 апр. 1814). Но этого условнаго отреченія не приняли союзныя державы; продолжать борьбу онъ не могъ; его покинули ближайшіе друзья его, Бертье, Ней, Удинѳ и друг., всѣ обратились къ восходящему солнцу. Тогда Наполеонъ подписалъ начертанное союзниками безусловное отреченіе (7 апр.). Онъ получилъ въ собственность остр. Эльбу съ ежегоднымъ доходомъ въ два милліона франковъ и съ разрѣшеніемъ удержатъ при себѣ 4,000 своей вѣрной гвардіи; императрицѣ предоставлено было герцогство Парма съ правомъ передать его по наслѣдству сыну (герцогу Рейхштатскому, умерш. въ 1832 г.); Жозефина, скончавшаяся нѣсколько недѣль спустя, и другіе члены Бонапартовской фамиліи получили богатые надѣлы и княжескіе титулы. Евгенію, возведенному въ герцоги Лейхтенбергскіе, отданъ былъ Эйхштедтъ въ Баваріи. — 20 апрѣля Наполеонъ велѣлъ выстроить гренадеровъ своей гвардіи во дворѣ замка Фонтенеблѳ и, сокрушаясь сердцемъ, трогательно распростился съ ними среди общаго рыданія старыхъ героевъ. Потомъ отправился онъ къ южному берегу, преслѣдуемый бранью и проклятіями того самаго народа, который въ слѣдующемъ же году опять принялъ его съ восторгомъ и ликованіемъ. 4 мая присталъ онъ на англійскомъ кораблѣ къ остр. Эльбѣ. Въ числѣ генераловъ, оставшихся вѣрными императору въ несчастіи, особенно должно упомянуть Бертрана и Макдональда. Послѣдній, котораго слишкомъ поздно оцѣнилъ Наполеонъ, принадлежалъ къ благороднѣйшимъ характерамъ этой многотревожной эпохи, когда много и много нашлось такихъ, которые думали загладить старые грѣхи тѣмъ, что въ свою очередь лягали «умирающаго льва» вслѣдъ за другими.

Вскорѣ потомъ, къ общей радости утомленныхъ войною народовъ, заключенъ былъ первый Парижскій миръ (30 мая), по которому Франція получила въ королѣ Людовика XVIII, а вмѣстѣ съ тѣмъ новую конституцію, границы 1792 года и большую часть колоній, которыя прежде отошли къ Англіи, Португаліи и Швеціи. Чужеземныя вой-

скѣ покинули французскіе предѣлы, въ то время какъ императоръ Россійскій и король Пруссійскій отправились посѣтить своего союзника въ Лондонъ; Вѣнскій конгрессъ долженъ былъ установить новый порядокъ въ Европѣ. Но жребій Наполеона еще не совершился.

§ 772. Вѣнскій конгрессъ. На этотъ конгрессъ, которому суждено было преобразовать политическій составъ Европы, собрались императоры и короли, князья и магнаты вмѣстѣ съ даровитѣйшими государственными людьми всѣхъ народовъ. Великолѣпіе и образованность цѣлой части свѣта раскрылись здѣсь въ полномъ блескѣ¹. Всею скорѣе сошлись въ двухъ основныхъ началахъ дальнѣйшаго обсуждения: въ возвращеніи законныхъ династій на утраченные ими троны и въ устраненіи по возможности республиканскихъ учреждений. Труднѣе было рѣшеніе вопроса, что дѣлать съ землями, отнятыми у Французовъ и ихъ союзниковъ и поставленными подъ временное управленіе, и какъ распределить вознагражденіе между державами, дѣятельно участвовавшими въ войнѣ? Себялюбіе и корысть затрудняли

¹ Важнѣйшими посланцами и министрами на Вѣнскомъ конгрессѣ были папскій — кардиналъ Консалви, австрійскій — Меттернихъ (при немъ главнымъ протоколистомъ — Генцъ); русскій — Разумовскій, Штакельбергъ, Каподистрія и Нессельродъ; великобританскіе — Каслъръ и Веллингтонъ; прусскіе — князь Гарденбергъ и Вильгельмъ фонъ-Гумбольтъ; французскіе — Таллейранъ и Дальбергъ; нассаускій — фонъ-Гагернъ; ганноверскій — графъ Мюнстеръ; саксонскій — графъ фонъ-деръ Шуленбургъ; баварскіе — князь Вреде и Рехбергъ; вюртембергскій — Винцингероде и мног. др. Значительное вліяніе на всѣ, особенно же на германскія, дѣла имѣлъ баронъ фонъ-Штейнъ, сильный, кромѣ своихъ личныхъ качествъ, милостью и довѣріемъ императора Александра, хотя онъ и не былъ представителемъ собственно ни какой державы. Старый принцъ де-Линъ забавлялъ высокихъ гостей своими остротами и выходками, а всѣмъ возможнымъ праздникамъ, баламъ, пирамъ и увеселеніямъ не было конца. Шумной, непрерывной чередой смѣнялись частныя басы съ придворными собраніями, маскарады и живыя картины, фейерверки и карусели, охоты, гулянья въ экипажахъ и верхомъ, военные смотры и маневры: нынче утромъ не совсѣмъ сподручная панихида по Людовикѣ XVI, вечеромъ — балъ, а на другой день самое великолѣпное катанье на санкахъ. Фигуры этой громадной картины отличались неповторимымъ разнообразіемъ. Тѣснясь въ необширныхъ предѣлахъ Вѣны, кишѣло здѣсь столько владѣтельныхъ особъ съ своими свитами, столько литературныхъ, военныхъ и политическихъ знаменитостей; тутъ была и роскошная знать австрійская, венгерская и богемская съ своими чужезанными гостями, тутъ были и вертлявые остряки салоновъ, разныя чудакки, прикидывавшіеся кто истымъ германцемъ, кто космополитомъ, безпутные моты и проходимцы, фокусники и игроки, танцовщики и пѣвцы въ величайшемъ изобиліи; самыя утонченныя страсти запада встрѣчались и перекрещивались здѣсь съ болѣе грубыми прихотями полувосточныхъ вельможъ.

мирное соглашеніе по этому предмету; вскорѣ пять великихъ державъ противустали другъ другу враждебнымъ образомъ: Англія, Франція и Австрія отнюдь не хотѣли уступить желанію берлинскаго двора, чтобъ Саксонія была присоединена къ Пруссіи, а также и видамъ Россіи на царство Польское, съ тѣмъ чтобы дать ему особое политическое устройство. Меттернихъ лукаво сѣялъ сѣмена раздора, чтобъ помѣшать Пруссіи пріобрѣсти Саксонію, а Таллейранъ искусно пользовался общимъ разладомъ къ выгодѣ Франціи и родственныхъ ей бурбонскихъ дворовъ. Разладъ дошелъ уже до того, что угрожалъ новою войною, и даже арміи оставлены были на военной ногѣ, какъ вдругъ неожиданная вѣсть о высадкѣ Наполеона при Каннѣ (1 марта 1815) разомъ побудила государей къ примиренію и болѣе единодушному образу дѣйствій. На предложенія и мирныя увѣренія врага отвѣчали они тѣмъ, что немедленно объявили его внѣ закона и приступили къ сбору огромныхъ военныхъ силъ для поддержанія условій Парижскаго мира.

§ 773. Созданія Вѣнскаго конгресса. Въ силу признаннаго конгрессомъ начала законности и предпочтенія монархическихъ формъ республиканскимъ или избирательнымъ, постановлено было слѣдующее: 1) Австрія получаетъ обратно: (отъ Россіи) Восточную Галицію, (отъ Баваріи) Тироля и Зальцбургъ и, въ вознагражденіе за Бельгію и передовую часть Австрійской области (Vorderoesterreich), Ломбардо-Венеціанское королевство, Далмацію и ближайшее выморочное право на Парму; эти земли въ совокупности съ прочими составными частями Австрійской монархіи и съ возвращенными отъ Франціи Иллирійскими областями, которыя названы королевствомъ Иллиріей, образуютъ географически замкнутое цѣлое. Пріобрѣтенія Вельтелины съ Кіавенною и Борміо (по нѣм. Вормсъ) осплошнито связь ея итальянскихъ владѣній съ германскими. Такимъ образомъ Австрія еще разъ доказала свое старое искусство воскресать изъ-подъ поражений съ обновленной живучестью. 2) Чтобы установить сплѣтную сѣверную границу противъ Франціи рѣшено было совокупить все нидерландскія провинціи въ одно Нидерландское королевство, и державнымъ королемъ посаженъ здѣсь Вильгельмъ Оранскій; ему же предоставлено принадлежащее къ Германскому союзу герцогство Луксембургъ. Но лучшія колоніи Голландцевъ въ Гвіанѣ, факторіи ихъ въ Индіи, островъ Цейлонъ и Мысъ Доброй Надежды остались во власти Англичанъ. 3) Италіянскія династіи, лишенныя Наполеономъ своихъ владѣній, получили все ихъ обратно, и еще съ лихвою: а)

Королевство Сардинія, возвращенное королю Виктору Эмануилу, расширилось присоединеніемъ къ нему Генуэзской республики, а по второму Парижскому миру отдана ему и оставленная сначала за Франціей часть Савойи, чтобы противопоставить Франціи сильную державу (на стражъ Альповъ). Генуя, за утрату обезпеченныхъ ей сначала Англіей республиканскихъ учрежденій, получила кое-какія преимущества, которыя однакожъ вовсе не вознаградили ее за потерю свободы и независимости. Трогательнымъ манифестомъ въ январѣ 1815 г. объявило о распушеніи своемъ временное правительство республики, пѣкогда учрежденное лордомъ Бентинкомъ. б) Герцогство Модена и великое герцогство Тоскана отданы были членамъ Австрійскаго дома, который пріобрѣлъ такимъ образомъ рѣшительный перевѣсъ въ Италіи. Модена досталась другу абсолютизма, герцогу Францу IV, сыну дочери изгнаннаго Геркулеса д'Эсте, а Тоскана — брату императора Франца, великому герцогу Фердинанду. в) Лукка предоставлена испанско-бурбонскому принцу за уступку имъ герцогства Пармы Наполеоновои супругѣ Маріи Луизѣ, а позднѣйшимъ договоромъ обезпечено ему притомъ выморочное право на Парму. г) Церковная Область, куда воротился изъ плѣна папа Пій VII, возстановлена въ прежнемъ ея объемѣ. «Легатіи; говоритъ Перцъ въ «Жизни Штейна», охотно бы удержала за собою Австрія; да и Мюратъ вторично овладѣлъ ими; но вліяніе Англіи снова возвратило ихъ папѣ. Рабъ рабовъ Божіихъ, которому католическіе сыновья его, императоръ Францъ и Мюратъ, хотѣли было облегчить бремя правленія, у котораго «христіаннѣйшій король» насильно отнялъ и зажилъ Авиньонъ и Венесенъ, нашель себѣ теперь безкорыстную поддержку только въ иновѣрныхъ Англіи, Пруссіи и Россіи; тогда не предписываль онъ осемидневныхъ молитвъ, да будутъ и онѣ той же вѣры, какъ дѣти его, католики.» д) Неаполь послѣ трагической смерти Мюрата (§ 776) соединенъ былъ съ остр. Сициліей въ одно королевство обѣихъ Сицилій и возвращенъ прежнему королю Фердинанду. Королева Каролина, удаленная за свою крайнюю неугомонность Англичанами изъ Сициліи, незадолго передъ тѣмъ умерла съ досады и горя въ австрійскихъ предѣлахъ. По удаленіи ея, англійскій губернаторъ лордъ Бентинкъ даровалъ острову Сициліи въ 1812 г., составленную по образцу англійской и обсужденную земскими чинами превосходную конституцію, которая, однакожъ по возстановленіи королевской власти ни мало не соблюдалась, а потому оскорбленный, притѣняемый, лишенный всехъ правъ и всякой политической жизни островъ только съ отвраще-

ніемъ и противъ воли покорился Неаполитанскому королю, заявляя свое негодованіе многократными, но безуспѣшными попытками, силою свергнуть съ себя тяжкое иго. е) Республика семи Іонійскихъ острововъ, снабженная либеральною, повидимому, конституціей, отдана была подъ покровительство Англіи, которая, обладая притомъ Мальтою и Гибралтаромъ, достигла этимъ полнаго господства въ Средиземномъ морѣ. 4) Испанія была возвращена королю Фердинанду VII, отпущенному изъ плѣна еще Наполеономъ, а въ Португаліи снова приобрѣлъ древнія права свой Браганскій королевскій домъ. Но король Іоаннъ VI прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ Бразиліи, возведенной въ имперію, а Португалію отдалъ въ управленіе англійскому маршалу Бересфорду. 5) Скандинавскія державы Швеція и Данія остались въ опредѣленномъ еще до конгресса положеніи (§ 753, 768). 6) Россія вышла изъ великой борьбы усиленная и расширенная въ своихъ предѣлахъ (Финляндіей, Бессарабіей, частию Молдавіи и проч.); соединенное съ ней подъ именемъ царства Польскаго герцогство Варшавское получило отъ императора Александра свободное конституціонное устройство, въ силу котораго сенатъ и палата депутатовъ раздѣляли съ монархомъ законодательную власть, потомъ—особое управленіе, руководимое наместникомъ и отвѣтственнымъ министерствомъ, независимый судъ, свободу печати съ законными ограниченіями противъ злоупотребленій, городской общинный порядокъ съ выборными муниципальными чиновниками и разныя другія полезныя учрежденія. Крѣпостное право, которому при самомъ учрежденіи герцогства Варшавскаго былъ положенъ конецъ введеніемъ тамъ Наполеонова кодекса, осталось отмѣненнымъ на вѣки. Но чувство неизбѣжной зависимости и стремленіе воскресить національную самобытность все еще мѣшали полному примиренію Поляковъ съ могучимъ единоплеменнымъ сосѣдомъ. Познанъ досталась Пруссіи; Краковъ былъ сдѣланъ республикой подъ покровительствомъ Австріи. Россіи и Пруссіи, пока часто повторявшіеся мятежи не вызвали присоединенія его къ австрійскимъ владѣніямъ. 7) Швейцарія расширена присоединеніемъ отнятыхъ у ней Наполеономъ кантоновъ Валлиса, Женеви и Нѣмателя (послѣдняго—подъ верховной властью Пруссіи) и признаніемъ всегдашняго ея нейтралитета и союзно-республиканскаго устройства; преобразование послѣдняго, по отмѣнѣ акта о посредничествѣ, предоставлено союзному сейму, состоящему изъ представителей 22-хъ Швейцарскихъ кантоновъ. Ваадтъ и Ааргау сохранили свою самостоятельность. Форортъ (мѣсто союзнаго правительства) долженъ былъ пере-

ходить поочереді изъ Цюриха въ Бернъ, изъ Берна въ Люцернъ. Сеймъ, подобно германскому, не имѣлъ ни вѣса, ни власти предпринять что-либо въ видахъ общихъ пользъ. Швейцарія перещеголяла Германію только тѣмъ, что имѣла одну общую армію и представляла одно сомкнутое цѣлое въ отношеніи къ иноземнымъ державамъ. 8) Большія затрудненія причинило переустройство Германіи. Споры за земельный надѣлъ порѣшили тѣмъ, чтобъ Пруссія за свои жертвы, усилія и потери не только получила въ возвратъ уступленныя ею по Тильзитскому миру нѣмецкія области, но кромѣ того пріобрѣла еще часть Польши (Познань, Данцигъ и др. м.), половину королевства Саксонскаго, бывшее великое герцогство Клеве-Бергъ и прекрасныя, промышленныя, покрытыя цвѣтущими городами побережья средняго и нижняго Рейна (принадлежавшія прежде духовнымъ курфюрстамъ); чтобъ Баварія, за уступленныя Австріи участки, вознаграждена была Рейнскимъ Палатинатомъ, а Ганноверъ былъ возведенъ въ королевство и расширенъ придачею къ нему бывшей прусской Остфризландіи; наконецъ, чтобы всѣ остальные государи были удовлетворены соразмѣрно своимъ потерямъ или заслугамъ. Затѣмъ приступлено къ внутреннему распорядку въ Германіи. Такъ какъ ни Пруссія, ни государи Рейнскаго союза, не хотѣли отступиться отъ своихъ верховныхъ правъ, то не лзя было возстановить Нѣмецкой имперіи съ ея выборнымъ главою; вмѣсто того всѣ державы, какъ состоящія вполнѣ изъ германскихъ земель, такъ и владѣющія принадлежащими къ Германіи землями, были соединены, ради этихъ владѣній, въ неразрывный Германскій союзъ для поддержанія внутренней и внѣшней безопасности Германіи, и для обезпеченія неприкосновенности каждаго изъ членовъ союза. Число вошедшихъ въ союзъ независимыхъ державъ простиралось до 38-ми: одна имперія (Австрія); пять королевствъ (Пруссія, Баварія, Ганноверъ, Саксонія, Вюртембергъ); одно курфиршество (Гессенъ-Кассель); семь великихъ герцогствъ (Баденъ, Дармштадтъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Саксенъ-Веймаръ, Луксембургъ, Ольденбургъ); девять герцогствъ (три саксонскія: Мейнингенъ, Кобургъ-Гота, Альтенбургъ; три ангальтскія: Дессау, Кетенъ, Бернбургъ; Нассауское, Брауншвейгское, Голштинское); десять княжествъ (два Гогенцоллернскія, два Шварцбургскія, два Рейсскія, два Липпскія, Вальдекъ, Лихтенштейнъ); одно ландграфство Гессенъ-Гомбургское и четыре вольные города (Франкфуртъ,

Гамбургъ, Бременъ, Любекъ). Общія дѣла союза обсуждаются и вѣршались собраніемъ пословъ на союзномъ сеймѣ подѣ председательствомъ Австріи; сеймъ засѣдаетъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Германскій союзъ, въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ, представляетъ соединенное государство съ трехсотъ-тысячною союзною арміею, образуемою контингентами отъ каждаго изъ германскихъ владѣній и съ тремя союзными крѣпостями, Майнцемъ, Луксембургомъ и Ландау (къ которымъ прибавлены потомъ Раштаттъ и Ульмъ); споры между членами союза должны рѣшаться мирно при помощи третейскихъ (аустрегалъныхъ) судовъ; чтожь касается споровъ между правительствами и подданными, то для рѣшенія ихъ не установлено никакого безпристрастнаго вѣдомства. — Вредныя послѣдствія дробности Германской земли обнаружались очень скоро, и справедливо подверглись многимъ порицаніямъ; однакожь эта дробность имѣла и свои хорошія стороны: она сохранила націю ея народность, ея индивидуальное развитіе по племенамъ, и способствовала естественному и вмѣстѣ многостороннему образованію. Германіи не доставало единого тѣла, единства видимаго, зато въ ней окрѣпъ единый духъ, который одинъ только и способенъ создать для себя общую, прочную и надежную, форму. Теперь чувствовались одни недостатки, чувствовалось раздробленіе цѣлаго и отсутствіе самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, и благодаря этому, всѣ умы и сердца невольно сблизились между собою въ своихъ общихъ потребностяхъ. Для государственнаго единства народъ, въ цѣлой массѣ, тогда еще не созрѣлъ. А народамъ дается въ собственность только то, что они выработали въ потѣ лица своими трудами. — О вліяніи и послѣдствіяхъ этихъ мѣръ, принятыхъ безъ всякаго уваженія къ историческимъ и національнымъ условіямъ, Перцъ въ своей «Жизни барона Штейна» выражается относительно Пруссіи и Австріи слѣдующимъ образомъ: «Въ Берлинѣ утѣшали себя на этотъ счетъ и считали патріотическія жалобы неосновательными, потому что въѣдъ приобрѣли же въ подданство арифметически-потребное число душъ. Не обращали вниманія лишь на то, какія это души и каковы ихъ наклонности. Арифметическому расчету ни сколько не вредило, что часть Польши была отдана Пруссакамъ безъ всякаго соображенія съ внутреннею связью ея провинцій, что Саксонія была разорвана во всю свою длину. Только не надо забывать и того, что 10,000 нищихъ, сидѣвшихъ тогда въ Кѣльнѣ у церковныхъ дверей и дававшихъ въ видѣ приданаго за дочерьми наслѣженныя мѣста свои имъ въ наслѣдство, составляли ровно столькоже

душъ, сколько и 10,000 тѣхъ дюжихъ Франконцевъ, изъ маркграфствъ, или тѣхъ смѣлыхъ Остеризландцевъ, которые на своихъ судахъ посѣщали чуть не все моря Европы. А то что выше всякой матеріальной прибыли, — именно та вѣрность, съ какою благородный народъ неизмѣнно стоитъ за своихъ благородныхъ государей и въ добрую и въ худую пору, та вѣрность, которая давала въ хижинахъ народа надежное убѣжище герцогу Фридриху, прозванному «Пустой карманъ», или Густаву Вазъ, или Карлу Стурту, точно также какъ потоками крови, но съ побѣдою въ рукѣ, провела она короля Фридриха Вильгельма III отъ Одера до Сены, — эта вѣрность не находить себѣ въ статистическихъ таблицахъ ни мѣста, ни цѣны. — Но и тогда уже, при самомъ началѣ этихъ новыхъ отношеній, было очевидно для всехъ, что, благодаря имъ, положеніе Пруссіи въ Германіи существенно измѣнилось. Отдѣленная отъ Рейна разными сѣверно-германскими участками, уже съ XVII вѣка, при великомъ курфюрстѣ и короляхъ Фридрихѣ I, Фридрихѣ-Вильгельмѣ I и II, посылала она свои войска на защиту Рейна, а теперь, будучи прикрѣплена къ сѣверозападу обширными владѣніями, Пруссія должна была самостоятельно принять на себя оборону всей сѣверной Германіи, какъ противъ запада, такъ и противъ востока. Этимъ самымъ была она поставлена въ необходимость совершенно сродниться съ Германіей: она уже не могла и помышлять (какъ бывало прежде) объ отдѣленіи своей судьбы отъ судьбы общаго отечества, котораго равномерное оживленіе и укрѣпленіе стало условіемъ ея собственнаго величія. Въ этомъ отношеніи прусская политика существенно отличалась отъ австрійской: Австрія, въ своемъ новомъ составѣ довольная сама собою, смотрѣла на остальную Германію, какъ на чужбину, и вскорѣ признала дѣломъ вышей мудрости сколько можно отдѣлится отъ обще-германской жизни, тогда какъ ея низшія сословія предавались болѣе и болѣе чувственному наслажденію, а высшія подчинялись вліянію французской литературы, французскихъ правовъ и помысловъ. Пруссія можетъ находить свою слабость или свою силу въ этомъ положеніи на обоихъ рубежахъ германской земли, въ какое неволью поставили ее близорукія козни ея противниковъ, но она все же обязана выполнять свой долгъ; она не можетъ отступиться отъ него, не отступаясь отъ всей Германіи, которой жизнь и величіе съ тѣхъ поръ неразрывны съ жизнью и величіемъ Пруссіи. Мысль раздробить Пруссію, чтобы изъ частей ея, смѣшанныхъ съ остальною Германіей, создать новую, сильнѣйшую Германію, — этотъ планъ, порожденный безуміемъ 1848 года, похожъ на безуміе дочерей Пеліада,

которыя искрошили члены своего отца, въ надеждѣ, что переварившись въ волшебномъ котлѣ, они выйдутъ изъ него къ обновленной жизни.»

§ 774. Первая пора Реставраціи. Временное правительство начертало, на скорую руку конституцію, въ которой Бурбонамъ предложена королевская власть, сенаторамъ, наслѣдственность и безсмѣнность въ ихъ санѣ, войску обѣщано сохраніе всѣхъ чиновъ и пенсіонныхъ окладовъ, а народу неприкосновенность государственнаго долга и проданныхъ въ частныя руки государственныхъ имуществъ; обезпеченіе личности, свобода вѣры и печати. Однакожь, когда явился въ Парижъ графъ д'Артуа (12 апр. 1814) и принявъ на время санъ королевскаго намѣстника (*lieutenant général du roi*), то онъ вскорѣ далъ понять, что въ глазахъ Бурбоновъ не имѣетъ никакого значенія то революціонное начало, по которому королевскій санъ считается переданнымъ отъ народа въ силу договора, а не даруемымъ избранныку свыше, одною только Божескою милостію. По этому тотчасъ по прибытіи своемъ Людовикъ XVIII отвергъ конституцію временнаго правительства, уже утвержденную сенатомъ; но удостоверяясь въ томъ, что управлять безъ содѣйствія народа — дѣло противное духу времени, и уступая убѣжденіямъ императора Александра, Таллейрана, Поццо-ди-Борго и другихъ благомыслящихъ совѣтниковъ, онъ по собственному побужденію даровалъ французскому народу коренной государственный уставъ (хартію, 4 іюня 1814), который, сдѣлаясь онъ «истиной», приобрѣлъ бы себѣ общее сочувствіе, хотя во многихъ существенныхъ вопросахъ и отступалъ отъ конституціи, составленной сенатомъ.

Въ силу этой учредительной хартіи, которую «Божіею милостію король» «жалуетъ, предоставляетъ и даруетъ», и которой должны были присягать однѣ палаты, а не народъ, конституціонный король былъ облеченъ всею мѣрою исполнительной власти и признанъ источникомъ законодательства; законодательную часть вѣдаютъ вмѣстѣ съ нимъ, но только по предложеніямъ правительства, двѣ палаты: одна изъ нихъ, назначаемая королемъ, состоитъ изъ наслѣдственныхъ, надѣленныхъ правомъ маіората перовъ (но ряды ихъ напередъ очищены отъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ извѣстенъ какъ бонапартистъ или республиканецъ); другая палата образуется изъ депутатовъ по выборамъ; послѣдней принадлежитъ право утверждать сборъ податей и наблюдать за тѣмъ, какъ употребляются государственные доходы. Ценъ депутата составлялъ 100 франковъ прямыхъ нало-

говъ, ценъ избирателя — 300. франковъ; главныя прочія статьи были слѣдующія: отвѣтственность министровъ; независимость судовъ съ присяжными; свобода вѣры и печати; признаіе продажи національныхъ имуществъ, государственнаго долга, а также стараго и новаго дворянства; равное право всѣхъ гражданъ занимать гражданскія и военныя должности и проч.; притомъ положительно узаконялось, что никто не долженъ быть преслѣдуемъ и тревожимъ за прежнія свои мнѣнія и голоса. Но всѣмъ либеральнымъ постановленіямъ кореннаго закона сообщена была шаткость и ненадежность разными противорѣчащими или двусмысленными дополненіями и наконецъ вся хартія парализована въ своей силѣ и дѣйствительности тою статьей, по которой королю предоставлялась власть «издавать всѣ указы, нужные для исполненія законовъ и для государственной безопасности».

Слишкомъ скоро обнаружилось на дѣлѣ, «что Бурбоны ни чему не научились и ничего не сумѣли позабыть». Всѣ воспомнанія революціи и императорской эпохи старались они уничтожать по мѣрѣ силъ; греховѣтная національная кокарда замѣнена была бѣлою; старые аристократы обращались съ новыми выскочками презрительно и нагло и тѣмъ совершенно оттѣснили ихъ отъ двора, гдѣ главный тонъ задавали надменный и коварный графъ д'Артуа и мрачная, полная ненависти ко всѣмъ участникамъ революціи, чуждая всякаго примирительнаго чувства, герцогиня Ангулемская (дочь Людовика XVI). Гвардія была распущена и замѣнена Швейцарцами на большомъ жалованьи; офицеры «великой арміи» были уволены съ половиннымъ окладомъ и притомъ оскорблены обидными отзывами; орденъ Почетнаго Легіона былъ униженъ и опозоренъ роздачею безчисленнаго множества крестовъ лицамъ недостойнымъ; даже въ отношеніи къ самому изгнанному императору и его семейству не былъ соблюденъ Фонтенеблоскій договоръ. Дворъ плавалъ въ изобиліи, тогда какъ народъ страдалъ подъ тяжкимъ бременемъ несбавленныхъ податей и не могъ оправиться отъ военнаго погрома; духовные и эмигранты, пользовавшіеся особенною милостью во дворцѣ, помышляли о возвращеніи себѣ утраченныхъ имуществъ, десятины и феодальныхъ правъ, не смотря на то, что эти имущества большею частію были уже куплены въ другія руки; поговаривали даже о томъ, чтобъ объявить недѣйствительнымъ все совершившееся за послѣднее двадцатипятилѣтіе. При этомъ надобно сказать, что Людовикъ XVIII былъ человѣкъ неключимый тѣломъ, не имѣвшій ни достоинства, ни личнаго вѣса, хотя не лѣзя отказать ему въ умѣ и доб-

ротъ,—человѣкъ, лишенный всякой глубины и серьёзности; и къ тому высокомерный, упрямый, полный предубѣжденій противъ всѣхъ новыхъ, современныхъ идей, а любимецъ его, Блакъ, руководившій всѣми государственными дѣлами, былъ просто ограниченная голова. Эпоху, порядки, идеи, которыя представлялись одной сторонѣ вершиною отечественнаго величія, другая сторона хотѣла заклеить печатью заблужденія, позора и злодѣйства, или, на сколько можно, искоренить ихъ изъ общаго воспоминанія. Духовенство по большей части стремилось возвратиться къ мраку среднихъ вѣковъ, дворянство къ феодальному быту, дворъ къ своему прежнему полновластію. Страшное недовольство овладѣло народомъ; опять пробудилось желаніе новой перемѣны, особенно когда, частію изъ плѣна, частію изъ иностранныхъ крѣпостей, пришло на родину около ста тысячъ Наполеоновыхъ солдатъ и распространило въ цѣломъ краѣ бонапартистскій образъ мыслей.

3. Стодневное владычество Бонапарта.

§ 775. Возвращеніе Наполеона. Увидѣвъ всѣ ошибки Бурбоновъ, узнавъ, что эмигрантамъ хотятъ возвратить бывшія ихъ имущества, «за то что они неизмѣнно шли прямымъ путемъ», получивъ отъ Фушѣ, Даву, Карно, Марѣ, герцогини де Сень-Лѣ и другихъ своихъ приверженцевъ, съ которыми онъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ, вѣрныя свѣдѣнія о всеобщемъ настроеніи народа, Наполеонъ рѣшился снова попытать счастья. Съ девятьюстами преданныхъ ему гвардейцевъ высадился онъ на южномъ берегу Франціи (близъ Канна, 1 марта 1815 г.) и скоро привлекъ къ себѣ всѣ сердца многими умно-разсчитанными и быстро распространенными прокламаціями, въ которыхъ обѣщаль народу сохраненіе его собственности и всѣхъ приобрѣтенныхъ революціею правъ, солдатамъ возвращеніе ихъ военной славы и трехцвѣтнаго знамени, образованному среднему классу—соотвѣтственную времени конституцію и такое же либеральное правленіе. Велерѣчиво возвѣщаль онъ всѣмъ, «что орелъ его пролетитъ отъ башни къ башнѣ до собора Парижской Богѣматери», и это дерзкое пророчество онъ осуществилъ въ триумфальномъ шествіи, при чемъ войско и простой народъ, какъ бы упоенные чувствомъ предстоящаго избавленія, стекались къ нему со всѣхъ сторонъ и гурьбами шли за

нимъ слѣдомъ. Вездѣ красовалась опять трехцвѣтная кокарда; высылаемыя противъ него войска переходили къ нему толпа за толпой; граждане Гренобля сами выломали ворота при его приближеніи (7 марта), и полковникъ Лабедуoyerъ привелъ къ нему весь гарнизонъ. Его смѣлый подвигъ, своимъ обаяніемъ, примирилъ съ нимъ даже многихъ отъявленныхъ враговъ, увлекъ самыя грубыя натуры и исполнилъ каждого порознь и цѣлыя массы тѣмъ пыломъ одушевленія, которое обыкновенно овладѣваетъ людьми, когда отъ тоскливой истомы позорнымъ положеніемъ ихъ вдругъ пробуждаетъ какое-нибудь блистательное дѣло. Напрасно д'Артуа поспѣшилъ въ Ліонъ и старался привлечь солдатъ короткостью обращенія. Навстрѣчу ему летѣли клики: «да здравствуетъ императоръ!» а когда и Ней, взявшись привести хищника закованнымъ въ Парижъ, перешелъ къ прежнему товарищу по оружію, когда Сультъ, Массена и друг. также объявились за него, когда между всѣми сословіями пробудилось новое одушевленіе, какъ въ прекраснѣйшіе дни былыхъ побѣдъ и ликованій, тогда и для Бурбоновъ стало ясно, что тронъ ихъ стоитъ на золѣ огнедышащаго жерла, и смущенные, не зная чѣмъ начать, вторично покинули они родную землю.—Людовикъ XVIII съ немногими преданными ему людьми поселился въ Гентѣ, а Наполеонъ 20 марта вступилъ въ Тюильери и составилъ министерство изъ людей, принадлежавшихъ большею частію революціонной эпохѣ, каковы наприм. Карно, Марѣ (Бассано), Фушѣ, Даву, Коленкуръ, Камбасересъ и друг.

Такъ началось, подъ счастливѣйшими предзнаменованіями для Наполеона, такъ-называемое стодневное владычество, и казалось, что новая, иная революція угрожаетъ Европѣ. Уже опять въ Парижѣ образовались клубы и предлагали императору силу своихъ рукъ. Уже опять раздавались пѣсни революціонной эпохи, парижскіе работники требовали оружія, по-прежнему возникли патріотическіе союзы. Но Наполеонъ еще не разстался съ своимъ отвращеніемъ ко всѣмъ народнымъ движеніямъ; онъ тоже ни чему не научился и ничего не сумѣлъ забыть. Все это время онъ былъ какъ-то сумраченъ и разсѣянъ, онъ очевидно потерялъ самоувѣренность и чувство неизмѣнной удачи. Уличная свобода была ему ненавистна и

страшна. Если вначалѣ онъ и принудилъ себя уступить духу времени, даровавъ свободу печати, положивъ основаніе самостоятельной жизни общинъ, введши конституціонный образъ правленія и т. д., то все же было очевидно, что это не задушевная его мысль, что онъ не чистосердечно допускаетъ парламентскія формы и самоуправленіе народа. Снова долженъ былъ возникнуть императорскій тронъ со всѣмъ его блескомъ и съ имперскою знатію вокругъ него. Но этому противились образованные средніе классы народа, въ чьихъ глазахъ подавленіе демократическихъ и конституціонныхъ начинаній далеко не вознаграждалось ни обнародованнымъ 22 апрѣля дополнительнымъ актомъ къ имперской конституціи, ни пышнымъ торжествомъ майскаго поля (1 іюня 1815), гдѣ присягали на вѣрность ея уставамъ. Такимъ образомъ безусловно преданными императору остались только войско, да часть простаго народа.

§ 776. Конецъ Мюрата. Наполеоново триумфальное шествіе и бѣгство Бурбоновъ грозили потрясти принятое на Вѣнскомъ конгрессѣ начало законности. Слѣдовало ли Европѣ еще разъ собирать свои силы съ тою цѣлію, чтобъ завоевать, для отриннутой народомъ королевской фамиліи, тотъ самый престолъ, котораго она не сумѣла удержать за собою? Австрія и Россія, казалось, были не прочь отъ того, чтобъ опять вступить въ переговоры съ Наполеономъ, который обѣщалъ держаться постановленій Парижскаго трактата и болѣе не нарушать спокойствія Европы; онѣ, повидимому, готовы были предоставить занятый имъ съ боя тронъ или ему самому, или по крайней мѣрѣ его сыну, — какъ вдругъ необдуманный шагъ Мюрата, грозившій испровергнуть только что сооруженную систему европейскихъ государствъ, а съ другой стороны Таллейранова дипломатическая дѣятельность, вторично доставили побѣду началу законности. Похититель престола признанъ былъ «врагомъ и рушителемъ всеобщаго мира», подлежащимъ «мести всѣхъ и каждаго»; онъ былъ лишенъ покровительства законовъ; противъ него и всего его рода поднялась новая военная гроза. — Надобно сказать, что Мюратъ, еще до отреченія Наполеона, отдѣлился отъ своего шурина, съ которымъ сильно разладилъ послѣ злополучнаго похода въ Россію¹; онъ заключилъ съ Австріей трактатъ, въ силу котораго

¹ Наполеонъ, сдавъ ему начальство при отъѣздѣ изъ Вильны, былъ крайне недоволенъ вѣдостью его послѣдующихъ распоряженій, смѣнилъ его и назначилъ главнокомандующимъ Евгенія Богарнѣ.

удерживалъ королевство Неаполитанское и за то обязывался вести войну въ Италіи противъ вице-короля. Но Мюратъ вскорѣ почувствовалъ всю неестественность такого образа дѣйствій; война шла у него вяло, онъ былъ въ распаденіи самъ съ собой; спокойствіе души его исчезло, а между тѣмъ онъ возбудилъ подозрительность своихъ недруговъ. Его прямой, военный характеръ никакъ не ладилъ съ такой измѣною общему семейному дѣлу. Высадка и побѣдное шествіе Наполеона были для него сигналомъ для новаго вооруженія. Тщетно императоръ предостерегалъ его отъ излишней поспѣшности; какъ нѣкогда королева Каролина, и онъ не сумѣлъ выждать, какой новый оборотъ примутъ дѣла. Онъ объявилъ войну Австріи и призвалъ къ оружію италійскіе народы для утвержденія единства и независимости прекрасной апеннинской страны. Сраженіе при Толентино (2 и 3 мая 1815) рѣшилось не въ его пользу; армія его разстроилась, и въ то время, какъ онъ бѣглецомъ спѣшилъ въ южную Францію, Австрійцы заняли его столицу и отдали упразднившійся тронъ прежнему владыкѣ, Фердинанду. Жена и дѣти Мюрата нашли себѣ защиту у императора Австрійскаго. Послѣ битвы подъ Ватерло, Мюратъ скитался нѣкоторое время по южному берегу Франціи, едва укрываясь отъ преслѣдованій Бурбоновъ. Наконецъ ушелъ онъ въ Корсику и предпринялъ оттуда съ нѣсколькими приверженцами высадку въ Калабріи, чтобы поднять народъ противъ Фердинанда. Но онъ былъ легко побѣжденъ съ малочисленною партіей своихъ спутниковъ и заплатилъ смертью за отвагу. 15 октября 1815 г. Іоакимъ Мюратъ, который, благодаря своей храбрости и счастію, изъ сыновей харчевника возшелъ на степень короля благодатнѣйшаго края, былъ разстрѣлянъ въ мѣстечкѣ Пиццо. Онъ умеръ, какъ истый воинъ, стойко и мужественно.

§ 777. Ватерло. Болѣе полумилліона войскъ двинули европейскія державы противъ опальнаго хищника. Еще прежде чѣмъ успѣли они все собраться, Наполеонъ, открывъ палаты въ Парижѣ (7 іюня), вступилъ съ солдатами, стекшимися къ нему со всехъ сторонъ, въ нидерландскіе предѣлы, чтобы противустать собраннымъ тамъ силамъ Блюхера и Веллингтона. Начало кампаніи было благопріятно для Французовъ. Подъ Линъи (16 іюня) Пруссакіи послѣ самой храброй обороны должны были отступить, между тѣмъ какъ Ней при Катрбрѣ успѣшно сопротивлялся арміи Веллингтона, составленной изъ Англичанъ, Голландцевъ, Ганно-

верцевъ и друг. Въ первомъ дѣлѣ раненъ былъ Блюхеръ, во второмъ палъ смертію храбрыхъ герцогъ Вильгельмъ Брауншвейгскій (§ 762). И въ послѣдній, рѣшительный день побѣда еще долго колебалась. Но когда, не смотря ни на какіе труды и опасности, Пруссакъ подошли въ настоящій разъ на помощь стѣсненному войску Веллингтона, которое до тѣхъ поръ геройски выдерживало страшныя нападенія враговъ, а между тѣмъ маршалъ Грушій, отряженный Наполеономъ для преслѣдованія Блюхера, вовсе не явился на поле битвы, — тогда Французъ, при всей изумительной храбрости опытныхъ бойцовъ, были совершенно побѣждены въ сраженіи при Ватерло или Бель-Аллиансъ (18 іюня). Ужасенъ былъ бой на высотахъ Монъ-Сепъ-Жана, именемъ которыхъ Французъ и прозвали это сраженіе, и слова, приписанныя послѣ генералу Камброну: «Гвардія умираетъ, но не сдастся никогда!» остались въ почетной памяти у народа, какъ послѣдній отголосокъ прежняго высшаго поколѣнія и иной эпохи, между тѣмъ какъ никакими оправданіями нельзя было смыть тотъ позоръ, какой навлекли себѣ Бурмонъ своею явною измѣной и Грушій своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ. — Блѣдный и совсѣмъ потерянный, Наполеонъ, котораго вмѣстѣ съ счастіемъ бросили повидимому и прежняя энергія и быстрая находчивость, далъ вывести себя Сульту изъ сраженія и, застигнутый врасплохъ непріятельскимъ отрядомъ, кинулся безъ шляпы и шпаги на лошадь и поспѣшилъ въ Парижъ. Бѣгство вскорѣ сдѣлалось всеобщимъ; непріятелю досталась вся артиллерія; спастись успѣла только четвертая часть храбраго войска. Славную побѣду эту должно приписать единому дѣйствию англійскаго и прусскаго полководцевъ и довѣрію мужественныхъ солдатъ къ своимъ начальникамъ и своимъ собственнымъ силамъ. Три страшныя атаки Французовъ выдержала Веллингтонова армія. Появленіе Пруссакъ рѣшило дѣло. Семидесятилѣтній Блюхеръ, который 16 іюня лежалъ подъ лошадей, окруженный непріятельскими кавалеристами, — 18-го самъ преслѣдовалъ врага до глубокой ночи. Подъ Ватерло главное сдѣлалъ Веллингтонъ, но наибольше отваги показалъ Блюхеръ; послѣдній заслуживаетъ можетъ-быть болѣе похвалы, потому что для блага цѣлаго онъ не задумался рискнуть своимъ частнымъ благомъ.

§ 778. Конецъ Наполеона. Фушѣ затѣялъ теперь въ Парижѣ самую безсовѣстную игру обмановъ и интригъ. Онъ дѣйствовалъ въ пользу Бурбоновъ, съ которыми давно уже завелъ тайныя сношенія, также какъ съ Веллингтономъ и Меттернихомъ, но отнюдь не обнаруживалъ этого передъ палатами, гдѣ заседали такіе люди, какъ Карно, Ланжюинѣ, Лафайетъ, Бареръ и друг. Онъ дружилъ всѣмъ, чтобы ни съ кѣмъ себѣ не повредить, готовый впрочемъ пойти на всякаго, и всякаго загубить, къ кому бы счастье ни обернулось спиною. Народные представители были столько же недовольны императорскимъ деспотизмомъ Наполеона, какъ и Бурбонами. Они стремились къ гражданской свободѣ, основанной на народовластіи, будь то въ монархической или въ республиканской формѣ, все равно. Гражданскій элементъ, который впервые высказался опять въ этой палатѣ, Наполеонъ оттолкнулъ отъ себя прочь, какъ преграду къ общему примиренію, котораго народъ естественно жаждалъ теперь всего больше. Опиравшаяся на Лафайета конституціонная партія, надѣялась по удаленіи императора получить власть.

Палаты представили 'возвратившемуся Наполеону формальное требованіе, чтобы онъ отрекся отъ престола. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, сокрушенный властитель согласился; онъ сложилъ съ себя правленіе въ пользу сына своего, Наполеона II (22 іюня 1815), и потомъ, когда побѣдоносные враги вторично явились подъ стѣнами Парижа, онъ бѣжалъ въ Рошфоръ, чтобы удалиться въ Америку. Портъ этотъ занимали тогда Англичане, и потому, въ надеждѣ на великодушіе британскаго народа, Наполеонъ укрылся на одномъ изъ ихъ военныхъ судовъ (Беллерофонъ). Но государственные люди, управлявшіе въ то время Англіей, не способны были сочувствовать падшему величію. Не уваживъ ни чести собственнаго края, ни общаго голоса народовъ, послѣдовали они только внушеніямъ холодной расчетливости и возложили на гордое островское государство позорную роль (вѣроломца и) тюремщика. Достигнувъ берега Англіи, Наполеонъ получилъ страшную для себя вѣсть, что ему должно провести всю жизнь государственнымъ узникомъ на островъ Св. Елены.

Тщетны были всѣ его протестаціи; 18 октября высадился онъ на мѣстѣ своей ссылки, среди Атлантическаго океана. Здѣсь жилъ онъ, закованный Промеей, въ разлукѣ съ своими, въ нездоровомъ кли-

матѣ и подѣ суровымъ наблюденіемъ черстваго, педантическаго губернатора сэръ-Гудсона Лова, чловѣка отъ природы мелочнаго и не имѣваго ни смысла, ни чувства къ царственному величію, низпровергнутому судьбой ¹. Немногіе друзья, въ томъ числѣ Бертранъ съ своимъ семействомъ, Монтолонъ, Ласъ-Казъ, раздѣляли его ссылку. Скорбь о злополучной своей судьбѣ, недостатокъ привычной дѣятельности и постоянное раздраженіе, въ какое приводили его недостойные поступки тюремщиковъ, все это преждевременно разстроило здоровое его тѣло и сокрушило его сильный, горделивый духъ. Послѣ шести мучительныхъ годовъ, нашелъ онъ въ гробѣ то успокоеніе, котораго не зналъ при жизни. Онъ умеръ 5 мая 1821 г. Прахъ его въ послѣдствіи (1842) былъ перевезенъ въ Парижъ и схороненъ въ Домѣ Инвалидовъ. Судьба ожесточилась къ нему болѣе нежели онъ могъ предчувствовать въ самыхъ мрачныхъ своихъ думахъ. «Не оставляя моего сына, писалъ онъ однажды къ брату своему Іосифу, и помни, что я бы лучше желалъ ему лежать на днѣ Сены, чѣмъ быть въ рукахъ моихъ враговъ; жребій Астіанакса ² всегда казался мнѣ самымъ злополучнымъ въ исторіи.» И этого сына, которому онъ нѣкогда положилъ въ колыбель корону міра, ожидалъ жребій менѣе суровый, но ни чѣмъ не лучшій того, какой выпадалъ несчастному троянскому царевичу. А принцесса, которую Наполеонъ возвысилъ до себя, не постигала ни умомъ, ни сердцемъ, что значитъ быть женою Гектора.

4. Реставрація.

779. По отреченіи Наполеона учреждено было временное правительство подѣ руководствомъ Фушѣ. Оно заключило съ Веллингтономъ и Блюхеромъ условіе, что никто не подвергнется ни преслѣдованію, ни наказанію, за свои прежнія мнѣнія и

¹ Изданныя недавно Записки сэръ-Гудсона Лова показываютъ ясно, что онъ не могъ поступать иначе, связанный мелочными и придирчивыми предписаніями англійскаго министерства, но все-таки не оправдываютъ его въ томъ, что, при столь оскорбительныхъ для личнаго чувства условіяхъ, онъ могъ оставаться тюремникомъ Наполеона.

² Астіанаксъ, сынъ Гектора и Андромахи, долженъ былъ, по предвѣщанію оракула, явиться мстителемъ за Троя, если только онъ останется живъ. Мать спрятала его въ Гекторову гробницу, но Улиссъ отыскалъ ребенка и сбросилъ его со стѣнъ города. По другому преданію, онъ былъ спасенъ и послѣдовалъ за матерью въ плѣнъ къ царю Парру (Неоптолеу), сыну Ахиллеса.

поступки, и потомъ сдало имъ городъ. Если палаты питали до сихъ поръ ту мысль, что по удаленіи Наполеона имъ будетъ предоставленъ выборъ новаго правительства, то надежда эта вскорѣ оказалась горькимъ самообольщеніемъ, плодомъ одной заносчивости Французовъ. Послѣ разговора съ Людовикомъ XVIII въ Сень-Дени, Фушѣ, который былъ представленъ королю Таллейраномъ, тотчасъ закрылъ временное правительство, а ночью велѣлъ запереть мѣсто засѣданія палатъ, которыя было объявили себя въ постоянномъ сборѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ сдачи Парижа, Бурбоны опять вступили въ Тюльери, окруженные штыками союзниковъ. Народъ былъ спокоенъ и безучастенъ; арміи были распущены, палаты также, и издавъ цѣлый рядъ проскрипцій (опальныхъ грамотъ), которыми извѣстное число лицъ, руководившихъ дотолѣ судьбами и войсками Франціи, были отчасти изгнаны, отчасти лишены мѣстъ, отчасти приговорены къ смерти. И составителемъ опальныхъ списковъ былъ опять-таки Фушѣ!

Въ числѣ обреченныхъ смерти находились Ней и Лабедуoyerъ. Осужденіе прославленнаго маршала легло постыднымъ пятномъ на верховное судилище перовъ, и то, что онъ былъ дѣйствительно разстрѣлянъ (7 дек. 1815)—при этомъ, какъ истый воинъ, онъ самъ командовалъ цѣлѣвшимъ въ него стрѣлкамъ, — было принято за нарушение заключеннаго съ Веллингтономъ договора. Эта казнь по дѣйствовала еще тяжелѣе оттого, что рядомъ съ нею оставался на свободѣ и даже въ чести такой человекъ какъ напримѣръ Даву; его въ слѣдъ за тѣмъ возвели даже въ перы, единственно потому, что онъ успѣлъ во-время измѣнить своему прежнему властителю. Лавалетта, который въ званіи почтъ-директора содѣйствовалъ возстановленію Наполеона, также осудили на смерть какъ государственнаго измѣнника, но онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы своею вѣрною женой, Эмилией Луизой Богарнѣ, племянницей императрицы Жозефины, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль истинно-чуждаго укрывательства, вывезенъ съ помощью благородныхъ англійскихъ офицеровъ изъ Парижа. Въ числѣ изгнанныхъ находились всѣ члены Наполеоновской фамилии, всѣ-такъ-называемые цареубійцы, то-есть члены конвента, подавшіе голосъ за казнь Людовика XVI; между ними былъ и Фушѣ, которому вслѣдствіе того пришлось сложить съ себя званіе министра полиціи, сначала оставленное за нимъ Бур-

бонами, и отправиться за границу; то же сдѣлали Карно, Сіесъ, Бареръ, Камбасересъ, даѣе всѣ полководцы и государственные люди, примкнувшіе къ Наполеону во время стодневнаго владычества, какъ наприм. Сульть, Марѣ, Тибодѣ, Арригъ, Мутонъ и друг. Большая ихъ часть поселилась въ Бельгіи, Фушѣ напротивъ отправился сначала посланникомъ въ Дрезденъ, а потомъ заключилъ свою тревожную жизнь въ Австріи. Онъ умеръ 25 дек. 1820 г. въ Триестѣ. Францію покинулъ онъ переодѣтый, чтобъ не быть узнану.

Между тѣмъ болѣе полумилліона союзныхъ войскъ вступили въ различныя области Французскаго королевства и вымещали на жителяхъ тѣ военныя бѣдствія, которыми Французы такъ долго и такъ тяжело тѣснили другіе народы. Союзные монархи снова съѣхались въ Парижъ и помогали Бурбонамъ и дѣломъ и совѣтомъ при установленіи новаго порядка. Наконецъ, когда реставрація казалась уже обеспеченною и политическое устройство Франціи уладилось по желанію императора Александра, тогда состоялся второй Парижскій миръ (20 ноября 1815), по которому Франція была ограничена предѣлами 1790 года, принуждена возвратить прежнимъ владѣльцамъ всѣ похищенные ею сокровища искусствъ и наукъ, выплатить 700 милліоновъ франковъ вознагражденія за военные расходы и содержать пять лѣтъ въ 17 пограничныхъ крѣпостяхъ полтораста тысячъ человѣкъ союзнаго войска. Пруссія, къ которой пристали Нидерланды и Вюртембергъ, предлагала воссоединить съ Германіею принадлежавшія къ ней прежде области Лотарингію и Эльзасъ съ Страсбургомъ, но предложеніе это, хотя и поддержанное важнѣйшими доводами со стороны нѣмецкихъ государственныхъ людей и полководцевъ (Гнейзенау, Штейна, Гарденберга, Гумбольдта, Мюнстера и друг.), сокрушилось о прекословіе Россіи и Англіи, находившихъ, что могущественная Франція необходима для прочности мира и спокойствія въ Европѣ. Планъ, освободить христіанскій Востокъ отъ ига Турковъ, который тогда уже занималъ Александра и для выполненія котораго ему нужна была сильная Франція, — этотъ планъ вмѣстѣ съ опасеніемъ, чтобъ слишкомъ возвеличенная Германія не обратила своихъ свободныхъ силъ противъ Россіи, побудилъ этого государя не допустить дальнѣйшаго стѣсненія французскихъ предѣловъ.

Хотя по второму Парижскому миру Франція должна была уступить Пруссіи Сарлуи и Сарбрюкенъ, Баваріи — лѣвый берегъ Лаутера съ городомъ Ландау, Нидерландамъ — Буйльонское герцогство, а Сардиніи — часть Савойи, однакожь она все-таки была обширѣе, чѣмъ до революціи, потому что занею оставлены вошедшіе въ нее внутреннія участки Авиньонъ, Монбельяръ и друг., а сверхъ того и всѣ территоріальныя выгоды, которыя извлекла она изъ отняты невосстановленныхъ теперь феодальныхъ правъ въ Лотарингіи и Эльзасѣ. «Для Германіи (говорить Перцъ въ «Жизни Штейна») изъ всей этой борьбы и сопровождавшихъ ее переговоровъ вышелъ тотъ дорого купленный урокъ, что ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ не желаетъ чистосердечно ея блага, безопасности и силы: что каждая изъ нихъ при всякихъ данныхъ обстоятельствахъ готова вести свои войны нѣмецкой кровью и нѣмецкимъ оружіемъ, что германскія державы, и большія и малыя, видятъ себѣ въ часъ нужды отовсюду заискиванія и всякія ласки, слышать самыя приманивыя поощренія къ самоотверженному образу дѣйствій, но что какъ скоро германскія войска побѣдятъ и одолѣютъ общаго непріятеля, ни одна германская держава, ни большая, ни малая, не должна разсчитывать на справедливое вознагражденіе и на необходимыя условія своей полной независимости, но обязана терпѣливо выжидать, пока другія державы условятся между собой насчетъ утратъ, понесенныхъ Германіей. Германіи не слѣдуетъ надѣяться ни на Англію, ни на Россію, ни на Францію, да и ни кому не слѣдуетъ надѣяться на другихъ, вмѣсто того, чтобъ разсчитывать только на себя; только тогда, когда ни одинъ Германецъ не захочетъ унижаться до роли оруженосца чужихъ государей, когда передъ національнымъ чувствомъ замолкнутъ всѣ мелкія страсти, всѣ второстепенныя соображенія, когда благодаря общему единодушію одна энергическая воля будетъ править судьбами Германіи, — только тогда Германія станетъ сильною, гордою и уважаемою среди Европы, — такою, какъ была въ давно минувшія времена.»

Д. ЕВРОПЕЙСКІЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА, СЪ УЧРЕЖДЕНІЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА ДО ІЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

§ 780. Благодаря революціи и военному господству Наполеона, жестокіе удары судьбы постигли самыя вышіе слои общества, которые при обыкновенномъ порядкѣ вещей всего менѣе подвержены превратно-

стямъ жизни. Болѣе глубокой взглядъ на ходъ всего революціоннаго движенія, начиная съ его источника до видимаго наконецъ успокоенія, открывалъ маніе какой-то высшей силы, сокрушающей всякій преступный замыселъ, всякій порывъ чрезмѣрной самонадѣянности челоука. Религіозность возвратилась въ сердца маловѣрныхъ, и вскорѣ христіанское благочестіе стало такимъ же господствующимъ чувствомъ въ высшихъ кругахъ, какъ прежде господствовали въ нихъ скептицизмъ, безвѣріе и вольномысліе. Этимъ чувствомъ проникнуты были и союзные монархи; императоръ Александръ, чья мягкая какъ воскъ душа находилась въ то время подъ вліяніемъ религіозной восторженности г-жи фонъ-Крюденеръ, благочестивый король Фридрихъ Вильгельмъ Прусскій и Францъ императоръ Австрійскій, еще до отбытія своего изъ Парижа (26 сент. 1815), заключили Священный союзъ, къ которому приступили тогда всѣ европейскія державы, кромѣ одной практически-разсчитливой Англіи, да еще папы, укрывшагося за исключительность своего положенія, въ качествѣ непогрѣшающаго главы церкви. (Франція принята въ союзъ послѣ Ахенскаго конгресса, въ октябрѣ 1818, когда она достигла очищенія своихъ крѣпостей отъ всѣхъ иноземныхъ гарнизоновъ). Въ этомъ священномъ союзѣ, состоявшемся помимо всѣхъ церковныхъ разнорѣчій, три помянутые монарха торжественно обѣщали, «по слову священнаго писанія, заповѣдаваго намъ любовь, оставаться въ связяхъ истиннаго и неразрывнаго братства и всегда оказывать другъ другу взаимную помощь; подданными своими управлять, какъ правятъ отцы семействами, поддерживать религію, миръ и справедливость.» Они заявляли, что считаютъ себя за членовъ единого христіанскаго общества, избранныхъ Богомъ царствовать надъ отраслями одной и той же семьи; по этому они вызываютъ всѣ другія державы, признающія истину такихъ правилъ, съ своей стороны приступить къ священному союзу. — Этимъ союзомъ, превращавшимъ систему европейскихъ державъ въ одну великую семью, ставившимъ христіанское братолюбіе между государями и подданными превыше всѣхъ законовъ и хотѣвшимъ подчинить всѣ политическія дѣйствія заповѣдямъ религіи и нравственности, конечно намѣревались дать государственной жизни христіанско-религіозное основаніе, но незамѣтно наложили на самое христіанство чуждыя ему узы опредѣленныхъ политическихъ формъ, тогда какъ евангельская вѣра, по всеобщности своего нравственнаго характера, совмѣстна со всѣми формами политическаго быта. Односторонность

этого направленія неизбежно повела къ тому, что имъ не столько поощрялась нравственная сторона христіанства, сколько одна внутренняя религіозность и внѣшняя набожность. Если въ открытой всему высокому и благому душѣ императора Александра и въ добросердечномъ, кроткомъ королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ, говорили за этотъ союзъ религіозныя побужденія и истинно-благородные помыслы, то совѣтъ не тѣмъ обуславливалось приступленіе къ нему прозаически-черстватаго императора Франца и содѣйствіе его совѣтника, ловкаго дипломата Меттерниха, которые еще во время борьбы съ Наполеономъ тревожно смотрѣли на воодушевленіе поднявшихся народовъ и не одобряли либеральныхъ мѣръ своихъ союзниковъ. Участіе въ мистическо-патріархальномъ союзѣ такихъ лицъ, какъ Францъ и Меттернихъ, вскорѣ сообщило ему то реакціонное, враждебное всякому либерализму направленіе, которое заставило смотрѣть на него, какъ на хитро-придуманное орудіе лицемерства и всеобщаго порабощенія. Европа оставалась подъ вліяніемъ священнаго союза болѣе десяти лѣтъ; для постоянной поддержки его въ живой памяти народовъ собирались по временамъ конгрессы или сѣзды государей (въ Ахенѣ 1818, въ Троппау окт. 1820, въ Лайбахѣ 1821, въ Веронѣ 1822) и совѣщались о томъ, какими средствами достигнуть въ разныхъ странахъ той или другой цѣли, опредѣляемой преимущественно Меттерниховымъ вліяніемъ. Кончина императора Александра (19 ноября 1825) лишила священный союзъ главной, уважаемой опоры и предуготовила его полное распаденіе, начавшееся обильною послѣдствіями іюльской революціей. Этотъ переворотъ возвелъ на тронъ Франціи «короля гражданина», водворилъ тамъ начало народнаго самодержавія и потрясъ все зданіе, сооруженное Вѣнскимъ конгрессомъ, оторвавъ Бельгію отъ Нидерландовъ и возбудивъ Польшу къ мятежу.

Церковныя дѣла. Римская курія не дала увлечь себя идеею христіанской вѣротерпимости. Въ то время какъ три монарха подали другъ другу руку на братскій союзъ помимо всѣхъ церковныхъ разногласій, папа съ своей стороны объявилъ протестантскія библейскія общества за сухую язву и, изданною имъ буллою, снова вызвалъ къ жизни орденъ іезуитовъ (7 авг. 1814). Явно или втайнѣ отцы-іезуиты вскорѣ водворились опять во всѣхъ почти католическихъ странахъ Европы (въ Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Ирландіи, Австріи, Франціи и друг.), снова овладѣли обученіемъ юношества и попрежнему

начали съять сѣмена религіозной непріязни. Какъ противудіе демократическому духу народовъ, жаждавшему просвѣщенія, іезуиты и всѣ сторонники и ревнители стремленій, которыхъ цѣлю было подавленіе современныхъ требованій, встрѣчали себѣ благосклонство и помощь со стороны высшихъ сословій, государей, правительствъ и дворянъ. Свободныя движенія и требованія необходимыхъ преобразованій, обнаруживавшіяся сильнѣе и сильнѣе въ обоихъ вѣроисповѣданіяхъ, находили теперь мало доступа у предержавшихъ властей. — Римскій дворъ, недовольный тѣмъ, что Вѣнскій конгрессъ не все возстановилъ по старому, упорствовалъ въ безсильной протестаціи противъ его постановленій и старался сохранить за собой характеръ неизмѣнности возвращеніемъ къ отжившимъ формамъ и учрежденіямъ, которыя естественно не могли имѣть ни какого вліянія на новое направленіе современности. Сюда принадлежало между прочимъ возстановленіе ордена Іоаннитовъ, на которое попытались потомъ и въ Пруссіи, но которое конечно не дало новой жизни этому братству, давно превратившемуся въ трупъ. Церковныя отношенія въ большей части государствъ перестроились при помощи отдѣльныхъ конкордатовъ, такъ какъ старанія либеральнаго патріота, епископа Вессенберга, о заключеніи съ папою обще-германскаго конкордата, остались безуспѣшны. — Протестантская церковь въ Германіи получила отчасти новое устройство благодаря тому, что желавшій церковнаго возрожденія благочестивый король Пруссій, по случаю юбилея реформаціи, обратился къ давно разрозненнымъ исповѣданіямъ, лютеранскому и реформатскому, съ званіемъ, да соединятся они въ одну общую церковь (1817). Приверженцы обоихъ исповѣданій радостно взяли за эту мысль, соотвѣтственную духу времени, и соединились въ большей части государствъ въ одну протестантско-евангелическую церковь, «которая хранитъ смыслъ обоихъ исповѣданій въ подобающемъ уваженіи, а за основу вѣры и догмата признаетъ одно священное писаніе».

§ 781. Конституціи и партіи. Слишкомъ поздно созналъ Наполеонъ, что духъ времени требуетъ соучастія народовъ въ управленіи государственною жизнью, и политическаго устройства, основаннаго на непоколебимыхъ законахъ. При высадкѣ въ Каннѣ далъ онъ обѣтъ усердно содѣйствовать исполненію этого требованія въ будущемъ, но повѣрить его словъ на опытѣ не дозволило время. Между тѣмъ въ теченіе борьбы съ его военнымъ деспотизмомъ народы западной Европы

въ такой степени заявили свою зрѣлость, что далѣе сопротивляться этимъ требованіямъ было бы несправедливостью; способною потрясти внутренній миръ, котораго возстановленіе стояло такихъ трудовъ и усилій. Поэтому союзныя державы признали то начало, что возросшая на англійской почвѣ конституціонная монархія или «смѣшанная форма правленія», основанная на мудромъ соглашеніи правъ государей и народовъ, есть именно та политическая форма, которая наиболѣе соответствуетъ духу времени и справедливымъ желаніямъ народовъ; въ ея пользу приводили то, что она охраняетъ достоинство верховной власти, обезпечиваетъ народу надлежащую мѣру правъ, именно разрѣшеніе податныхъ сборовъ, участіе въ надзорѣ за употребленіемъ государственной казны, а также и въ законодательствѣ, и свободою печати доставляетъ народу и правительству всегдашній случай къ дальнѣйшему развитію и выработкѣ государственной жизни и къ устраненію злоупотребленій, несправедливостей и противныхъ современнымъ требованіямъ учреждений. Вотъ почему господствующимъ въ западной Европѣ установленіемъ сдѣлалась представительная система, связывающая власть правительства предварительнымъ согласіемъ выборныхъ народа; система эта нашла себѣ временный доступъ даже и тамъ, гдѣ старообычіе, народный характеръ или недостаточное образованіе препятствовали еще успѣшному ея дѣйствію, какъ напримѣръ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Италіи. 13 ою статьею союзнаго акта представительныя учрежденія обѣщаны были и германскимъ державамъ, а въ Польшѣ введена императоромъ Александромъ либеральная конституція. Франція и Нидерланды получили новую представительную систему, Венгрія же и Швеція остались при прежнемъ сословномъ представительствѣ. Одна Австрія тщательно оградила свои области отъ политическихъ нововведеній и нисколько не допускала народный элементъ къ участію въ управленіи государственнымъ организмомъ; областнымъ чинамъ, которые существовали или были вновь учреждены въ нѣкоторыхъ частяхъ монархій съ господствующимъ представительствомъ изъ знатныхъ землевладѣльцевъ, предоставлено только право одобрять податные сборы, требуемые правительствомъ, и потомъ распределять ихъ. — Едва замолкъ шумъ оружія и военной тревоги, какъ народы устремили свой пытливый взоръ на дѣла внутренней политики и стали помышлять о томъ, что для каждаго изъ нихъ пред-

ставлялось полезнѣйшимъ. Тогда-то образовались двѣ могущественныя партіи, изъ которыхъ одна (называемая то аристократическою, то консервативною или охранительною, то сервильною или холопскою) желала уступить народу какъ можно менѣе правъ, тогда какъ другая (называемая демократическою, либеральною или, когда она доходила до крайнихъ мнѣній, радикальною) стремилась надѣлать его возможно бѣльшими преимуществами; первая всѣми силами старалась мѣшать водворенію конституцій, а тамъ, гдѣ онѣ были введены, — устранять изъ нихъ, по мѣрѣ силъ, демократическіе элементы; напротивъ, послѣдняя такъ же ревностно стремилась къ тому, чтобы упрочить и развивать основы конституціонной жизни, чтобы распространять болѣе ясныя политическія понятія и постоянно приращать гражданскія права народа. Въ составъ правительства обыкновенно входили люди изъ круговъ консервативной партіи, поэтому либералы являлись оппозиціей. Эти два главные стана раздробились на множество мелкихъ партій съ различными оттѣнками, такъ что раздѣленіе на партіи сдѣлалось душою новой политической жизни. Начиная съ 1830 года, люди такъ-называемой точной середины (*juste-milieu*) напрасно старались примирить противоположныя стремленія; они только приумножили число главныхъ партій третьею, которая, подвергаясь враждѣ двухъ другихъ, служила желаннымъ прибѣжищемъ для всѣхъ умѣренныхъ, нерѣшительныхъ и, пожалуй, для всѣхъ трусливыхъ.

§ 782. Нѣмецкій либерализмъ. Великій расколъ въ политическихъ взглядахъ и въ положеніи партій между людьми застоя или попятнаго движенія и людьми прогресса или движенія впередъ, простирался на всю Европу; однакожъ главнымъ гнѣздомъ либеральной оппозиціи противъ всего отжившаго и старообычнаго въ церкви и государствѣ была все-таки Германія. Причины этому лежали отчасти въ самомъ ходѣ общественныхъ событій, отчасти въ натурѣ германскаго народа. Вскорѣ послѣ мира политика въ Германіи приняла такое противонародное направленіе, что всѣ патріоты начали отчаяваться въ осуществленіи данныхъ передъ тѣмъ обѣщаній; нѣкоторые изъ нихъ въ неудовольствіи отступились отъ общественныхъ дѣлъ, другіе прибѣгли къ слову и печати, какъ единственному оружію противъ лживой политики правительства. Германскій народъ, обнадеженный обѣтами своихъ государей, возсталъ на него чужевластителя, чтобы стряхнуть позорныя оковы рабства; но какъ скоро побѣжденъ былъ вѣнскій врагъ, Германцамъ

отказали въ обѣщанныхъ льготахъ и преимуществахъ, или по крайней мѣрѣ старались ограничить ихъ возможно меньшею долей. Не диво, что прежнее довѣріе превратилось въ недовѣрчивость и что отсюда возникла сильная оппозиція противъ всѣхъ правительствъ и начальствъ. Эта оппозиція была тѣмъ настойчивѣе въ своихъ требованіяхъ, что она дѣйствительно стояла на почвѣ права, защищала общественное довѣріе и правственность (или просто честность) противъ лживости и дипломатическаго коварства, и въ опору себѣ могла сослаться на взгляды и стремленія благороднѣйшихъ патріотовъ, каковы Штейнъ, Шёнъ, Аридтъ и мног. друг.; слова либераловъ находили тѣмъ болѣе отзвѣвъ въ народѣ, что общественная жизнь страдала сильными недугами, и оттяжка въ предоставленіи надлежащихъ правъ положила глубокую бездну между правительствами и народомъ. Государственные вожди скоро ощутили эту возрастающую оппозицію; но вмѣсто того, чтобы обезоружить ее справедливыми уступками, они противопоставили ей силу прещенія и наказанья и такимъ образомъ придали государственному организму характеръ «чисто полицейскаго учрежденія». Принужденіемъ и скрытностью хотѣли обуздать противоборствующія силы, но тѣмъ только ожесточили свойственное нѣмецкой натурѣ отвращеніе ко всякому стѣсненію личной свободы. Либералы, устранные враждебною подозрительностью правительствъ отъ всякаго участія въ практической государственной жизни, предались врожденной у Нѣмцевъ наклонности къ умозрѣніямъ и системамъ и противопоставляли окружавшей ихъ дѣйствительности идеалы лучшаго общественного порядка. Такимъ-то образомъ нѣмецкій либерализмъ усвоилъ себѣ характеръ непрактичности, и оппозиція его имѣла въ виду не столько устраненіе дѣйствительныхъ золъ и недостатковъ, сколько выставленіе на видъ иныхъ, трудно-осуществимыхъ формъ правленія и учреждений. Покинувъ почву дѣйствительности, они стали вращаться въ какомъ-то мечтательномъ, самодѣльномъ мірѣ; вмѣсто того, чтобы лелѣять возродившуюся любовь къ отечеству, они снова впали въ прежній недугъ космополитства. Въ жару борьбы за всеобщій политическія теоріи и начала, либералы часто теряли изъ виду народную жизнь и низшіе классы, такъ что возникшіе въ послѣдствіи соціальныя вопросы застigli ихъ на столько же врасплохъ, какъ и ихъ правительственныхъ противниковъ. Только этимъ и объясняется возможность того явленія, что нѣмецкій либераль, вмѣсто запаса идей, выработанныхъ надъ изученіемъ Германіи и собственно для нея, обыкновенно

имѣлъ всегда наготовѣ за пазухой какую-нибудь міровую реформу; что, вмѣсто своей таки-довольно обширной родины, онъ всегда стремился обнять цѣлое человѣчество, чтобы излить хотя въ чью-нибудь грудь весь пылъ своихъ пламенныхъ сочувствій; что въ космополитскомъ забытіи онъ могъ громко рукоплескать даже такимъ явленіямъ, которыя прямо противорѣчили національнымъ интересамъ, лишь бы, часто только кажущійся, либеральный принципъ одерживалъ при этомъ побѣду. Конечно, не лзя не признать большимъ зломъ то, что у столь многочисленнаго класса впрочемъ добросовѣстныхъ и благородныхъ людей вошло въ обычай такое пренебреженіе къ ближайшимъ интересамъ отечества. Нельзя не пожалѣть, что изъ оппозиціонной вражды къ правительствамъ, — положимъ хоть и справедливой, — либералы не хотѣли помогать имъ даже въ самыхъ благотворныхъ и необходимыхъ мѣрахъ, чтобы только не выступить изъ рядовъ систематическаго сопротивленія, — не хотѣли заодно съ властями противодействовать дознаннымъ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, чтобы только не принять на себя вида исполнителей полицейскихъ обязанностей.

1. Франція.

783. Людовикъ XVIII. Въ этой глубоко - потрясенной странѣ возстановленіе Бурбоновъ произвело замѣчательный переворотъ въ образѣ мыслей и убѣжденій. Сначала одержали верхъ антиреволюціонныя направленія и при этомъ вышелъ тотъ достопамятный случай, что благомыслящій король только насилу могъ защитить отъ ревности крайней роялистской партіи (ультра, прозванной отъ своихъ противниковъ «бѣлыми якобинцами») начертанный имъ государственный уставъ (хартію), который онъ и поддерживалъ по мѣрѣ возможности, и что самъ императоръ Александръ вынужденъ былъ посовѣтовать королю распустить такъ-называемую завѣтную палату (*chambre introuvable*), въ отпоръ бурнымъ роялистамъ, хотѣвшимъ во что бы то ни стало возстановить прежнюю Францію со всеми ея учрежденіями (сент. 1816). Мѣсто вольномыслія и противощерковнаго настроенія заступило фанатическое изуверство, которое, въ связи съ пылкимъ роялизмомъ, вызвало въ южной Франціи сцены ужаса, превзошедшія самыя кровавыя выходки революціонной эпохи (сент. 1815). Въ Марсели, Тулонѣ, Нимѣ, Авиньонѣ, Тулузѣ и другихъ городахъ

неистовый и распаленный фанатизмомъ толпы черни нападали на обывателей, извѣстныхъ за протестантовъ, наполеонистовъ или республиканцевъ, и безпощадно побивали ихъ цѣлыми сотнями. Въ Авиньонѣ застрѣлили онѣ маршала Брюна въ одной гостинницѣ и бросили его тѣло въ Рону; въ Тулузѣ палъ жертвою народной ярости генераль Рамель въ то время, какъ онъ старался подавить безпорядки роялистовъ. Терроризмъ сдѣлался теперь орудіемъ этой партіи; протестанты принуждены были бѣжать и скрываться; церкви ихъ были заперты; убійство, грабежъ и пожары были въ полномъ ходу; весь этотъ край былъ въ рукахъ разбойничьихъ атамановъ, которые невозбранно отправляли свое ремесло на глазахъ у префектовъ или даже по ихъ наущенію. Духовенство приобрѣло большую власть, особенно подъ защитой графа д'Артуа и герцогини Ангулемской, главъ реакціонной партіи (партіи «павиліона Марсанъ»). «Тронъ и алтарь!» сдѣлались съ тѣхъ поръ лозунгомъ ревностныхъ роялистовъ, утверждавшихъ, что они понимаютъ права и пользы короны лучше самого короля, и принуждавшихъ его насильно идти указаннымъ ими путемъ реакціи. Два случая поощрили реакціонеровъ въ ихъ стремленіи. Выборъ въ палату депутатовъ бывшаго члена конвента и «цареубійцы» Грегуара (13 февр. 1820) и, еще болѣе, смертоубійство герцога Беррійскаго, роднаго племянника королю, составлявшаго, при безлѣтности Людовика XVIII и его старшаго племянника (герцога Ангулемскаго), единственную надежду Бурбоновъ; принца поразилъ кинжаломъ политическій фанатикъ Лувель, полный ненависти къ королевской фамиліи. Король, на котораго отвсюду посыпались упреки за излишнюю снисходительность, былъ вынужденъ уволить умѣренное министерство Деказа, къ которому онъ питалъ особенное довѣріе (марта 1820), и согласиться на ограниченіе личной свободы (министрамъ предоставлена была власть прибѣгать къ чрезвычайнымъ арестамъ), свободы печати и выборныхъ правъ. Въ министерство Виллеля ревность роялистовъ достигла высшей степени (1823). Палата исключила либеральнаго депутата Манюэля за то, что въ рѣчи его противъ испанскаго похода нашла нѣсколько выходокъ, которыя показались ей оправданіемъ цареубійства, и армія подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго перешла за Пиренеи, чтобы возстановить въ Испаніи неограниченную власть короля. Народное раздраженіе обнаружилось тогда заговорами, покушеніями на убійство и вспышками мятежа.

§ 784. Карлъ X. 16 сентября 1824 г. кончилъ Людовикъ XVIII свою бурную, многоиспытанную жизнь. Вытерпѣвъ много самъ, онъ научился кротости и умѣренности; бурная запальчивость прочихъ членовъ королевскаго дома наполняла сердце умирающаго мрачными предчувствіями въ будущемъ. Братъ его, графъ д'Артуа, вступилъ на тронъ подъ именемъ Карла X. Торжественнымъ коронованіемъ и помазаніемъ себя на царство въ Реймсѣ (29 мая 1825) онъ повидимому хотѣлъ намекнуть на то, что намѣренъ управлять въ смыслѣ прежнихъ «всехристіаннѣйшихъ» монарховъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ отдался всей душой дворянству и духовенству. Такъ какъ надо было опасаться, что давно задуманное возвращеніе эмигрантамъ ихъ имуществъ, которое бы совершенно измѣнило существующее положеніе общества, поведетъ къ новому государственному перевороту, то король и реакціонная партія наконецъ отступились отъ этого плана, но настояли въ палатѣ депутатовъ, чтобы роялистамъ, потерпѣвшимъ ущербъ чрезъ эмиграцію, назначено было тысячу милліоновъ франковъ вознагражденія. Уже и этотъ законъ произвелъ недоброе впечатлѣніе въ народѣ; а состоявшіеся за тѣмъ подъ іезуитскимъ вліяніемъ постановленія противъ нарушителей церковной святости (законъ о святотатствѣ) и въ пользу учрежденія женскихъ общинъ, какъ предтечи обновленія монастырскихъ орденовъ, возбудили общее негодованіе въ рядахъ либераловъ. — Въ пользу духовенства располагало (не набожнаго прежде) короля отчасти то религіозное направленіе, которому преданъ онъ самъ подъ вліяніемъ герцогини Ангулемской, отчасти же и убѣжденіе, что церковное возрожденіе Франціи послужитъ твердымъ оплотомъ противъ всѣхъ революціонныхъ стремленій. Это церковное возрожденіе Карлъ X думалъ упрочить тѣмъ, что возвратилъ духовенству его прежнее вліятельное положеніе, основалъ богатія прелатства, поощрялъ водвореніе инокскихъ орденовъ и снова ввелъ церковное ханжество со всѣми атрибутами новоримскаго суевѣрія, которому и романтическая поэзія много содѣйствовала съ своей стороны. Во Францію воротились опять іезуиты, хотя и не официальнымъ образомъ; они учредили общества для благочестивыхъ дѣлъ (конгрегации) и старались забрать въ руки обученіе юношества. Всѣмъ этимъ король значительно усилилъ либеральную оппозицію, потому что все, что имѣло какое-нибудь философское образованіе, всѣ лучшія литературныя силы, съ негодованіемъ отвернулись отъ правительства, ставшаго защитникомъ обскурантизма. Въ то время

какъ ослѣпленный монархъ мечталъ заковать духъ народа въ прежнія узы вовсе несовременными процессіями миссіонеровъ и покаянниковъ или изданіемъ принудительныхъ законовъ и принятіемъ разныхъ запретительныхъ мѣръ, любознательная молодежь жадно внимала либеральнымъ ученіямъ просвѣщенныхъ профессоровъ Парижскаго университета (Гизѳ, Вильмена, Руойѳ-Коляра и др.) или смѣлымъ и вольнымъ рѣчамъ оппозиціонной журналистики (газетъ *Globe*, *National*, *Constitutionnel* и др.) и услаждалась пѣнями свободы Беранжѳ и ѳдкими сатирами остроумнаго эллиниста Поля Луи Курьѳ, а средній классъ прилежно читалъ распространенныя въ дешевыхъ изданіяхъ творенія Вольтера и энциклопедистовъ или многочисленные историческія сочиненія и записки о великой эпохѣ революціи и славномъ владычествѣ Наполеона (Миньѳ, Тьера и друг.)

§ 785. Іюльская революція. Не обращая вниманія на измѣнившіяся убѣжденія народа, Карлъ X шелъ все далѣе по избранному имъ реакціонному пути. Либеральное министерство Мартиньяка (съ 4 янв. 1828) должно было уступить мѣсто ультра-роялистскому, подѣ предѣдательствомъ Полиньяка (8 авг. 1829), и когда палата депутатовъ въ отвѣтномъ адресѣ обнаружила свое недовольство противъ враждебной народному духу политики правительства, она была распущена и послѣдовалъ новый выборъ. Но тщетно! Оппозиціонные члены явились еще въ болѣшемъ числѣ и тѣмъ самымъ подтвердили недовѣріе народа къ новому министерству (16 мая 1830). Карлъ X не образумился и теперь ¹. Напрасно надѣялся онъ на то, что военная слава, которою увѣнчалось въ то время французское оружіе въ Африкѣ (въ отместку за оскорбленія, нанесенныя Алжирскимъ деємъ французскому консулу и французскимъ судамъ, Французы приступомъ взяли его столицу и водрузили свое знамя на стѣнахъ этого стараго гнѣзда морскихъ разбоевъ, 5 іюля), породить болѣе благопріятное настроеніе въ народѣ; — уже одинъ выборъ полководца отнималъ въ глазахъ Французовъ весь блескъ у смѣлаго предпріятія: генераль Бурмонъ, измѣнникъ подѣ Ватерло,

¹ Не смотря на предостереженія, которыя дѣлали ему самые дружественные и консервативные дворы Европы, — Россійскій и даже Австрійскій.

былъ вмѣстѣ и военнымъ министромъ и главнокомандующимъ. Едва появились въ Монитёрѣ три знаменитые указа (26 іюля) о временномъ прекращеніи свободной печати, о распусценіи новой камеры и произвольномъ измѣненіи порядка выборовъ для слѣдующей, какъ немедленно вспыхнулъ іюльскій переворотъ (28 іюля и далѣе), которымъ, послѣ трехдневной героической борьбы, Французы завоевали себѣ освобожденіе отъ власти несправимыхъ Бурбоновъ и духовенства. Находившіеся въ Парижѣ депутаты учредили 29 іюля, среди отважнаго боя на улицахъ, временное правительство, въ которомъ принимали участіе Лафиттъ, Казимиръ Перрьё, Одильонъ Барро и друг., до тѣхъ поръ пока конституціонная партія не одолѣла республиканской, и герцогъ Орлеанскій Людовикъ-Филиппъ не былъ назначенъ правителемъ королевства (*lieutenant-général du royaume*), особенно благодаря помощи богатаго и великодушнаго патріота, банкира Лафитта, и знаменитаго генерала Лафайета, котораго опять избрали въ вожди возобновленной національной гвардіи (народной стражи). Слишкомъ поздно вызвался тогда Карлъ X. взять назадъ свои ненавистные указы и составить любой народу кабинетъ; въ третій разъ суждено ему было переселиться со всѣмъ семействомъ на чужбину, тогда какъ расчетливый родственникъ его Людовикъ Филиппъ, присягнувъ исправленной наскоро хартіи, въ которой сдѣлали нѣсколько либеральныхъ дополненій и урѣзокъ, вступилъ съ титуломъ короля Французовъ на престолъ (9 авг. 1830), подвергшійся потомъ столь многимъ ударамъ. Возстановленіе національныхъ цвѣтовъ (трехцвѣтнаго знамени, флага и кокарды) ознаменовало собой начало новой, созданной народомъ, гражданско-королевской власти (*royauté citoyenne*).

Жившіе въ ссылкѣ за гравицей Сульть, Сиёсъ, Марё (Бассано) и другіе воротились на родину; зато Мармонъ (герцогъ Рагузскій), начальствовавшій парижскимъ гарнизономъ въ іюльскіе дни, долженъ былъ удалиться изъ Франціи. Въ 1836 г. Карлъ X скончался въ Гёрцѣ (или Горицѣ, въ Иллиріи).

2. Борьбы за конституцию на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Италіи.

§ 786. Абсолютизмъ и камарилья въ Испаніи. Въ этихъ романскихъ земляхъ, проводившихъ цѣлые вѣка подѣ стѣснительной опекой духовенства, еще не проникли въ народъ идеи новаго государственнаго устройства, пущенныя въ свѣтъ революціей; онѣ жили только въ умахъ образованныхъ людей, и такъ какъ явное признаніе ихъ было всегда опасно, то онѣ распространялись не иначе какъ въ тайныхъ обществахъ. Участники такихъ политическихъ союзовъ въ Испаніи и Португаліи назывались франмасонами, а въ Италіи карбонарами (угольщиками¹); устраненіе власти духовенства, введеніе свободныхъ конституціонныхъ формъ, просвѣщеніе народа, оживленіе любви къ отечеству и національнаго чувства, — вотъ что было главною ихъ цѣлю. Вліяніе ихъ прежде всего обнаружилось въ Испаніи. Фердинандъ VII, человекъ живой, подозрительный и мастеръ на притворство, котораго изворотамъ онъ наторѣлъ во время своего невольнаго пребыванія во Франціи, поспѣшилъ, воротясь на тронъ, избавиться удачнымъ насиліемъ отъ ненавистной ему конституціи кортесовъ (10 мая 1814) и, выѣсть съ неограниченною властью, опять водворилъ въ Испаніи все прежнее зло. Духовенство и знать, опутавшія короля въ свои сѣти, достигли своихъ древнихъ преимуществъ и свободы отъ податей; монастыри были возстановлены, іезуитамъ разрѣшено возвратиться, опять явилась инквизиція съ ея пытками и со всеѣми ужасами мрачной старины. Страшное гоненіе постигло не только всѣхъ сторонниковъ Франціи (*afrancesados*, то есть «офранцузенныхъ»), всѣхъ, кто занималъ какое-нибудь мѣсто при королѣ Іосифѣ или чѣмъ-либо услужилъ ему такъ или иначе, оно распространилось на вождей и приверженцевъ кортесовъ, на начальниковъ гериллы, проливавшихъ кровь за короля и отечество и теперь, въ награду за то, искавшихъ себѣ участія въ государственныхъ дѣлахъ и прелюществъ гражданской свободы. Многіе изъ отважнѣйшихъ бойцовъ за независимость погибли отъ руки палача, другіе ссыльными или бѣглецами удалились на чужбину; оставшіеся безмолвно зам-

¹ Имя угольщиковъ первоначально дано въ средневѣковой Италіи гвельфскимъ заговорщикамъ, которые, избѣгая бдительности гибеллиновъ, собирались на сходки у угольщиковъ, въ глубинѣ лѣсовъ.

кнули въ глубинѣ души и свои убѣжденія и свое справедливое негодованье. Дворская челядь (камарилья), изъ привилегированныхъ себялюбцевъ, изувѣрныхъ поповъ, лстивыхъ царедворцевъ и коварныхъ сплетницъ и пройдохъ, пріобрѣла довѣріе Фердинанда и побуждала его къ самымъ ужаснымъ гоненіямъ на всѣхъ либераловъ. Мятежи, которые это владычество произвола и мести вызвало въ провинціяхъ, только усиливали ярость гонителей и умножали число жертвъ. Администрація и правосудіе находились въ самомъ жалкомъ состояніи, государственная казна была истощена въ-конецъ, не смотря на обременительныя подати; южно-американскія колоніи подняли знамя борьбы за свободу; торговля и промышленность совсѣмъ остановились, уныніе и недовольство господствовали вездѣ.

§ 787. Владычество кортесовъ. Тогда-то, въ самый день новаго 1820 года, вспыхнулъ военный заговоръ между полками, собранными въ Кадиксъ для отправки въ южную Америку. Поднялся мятежъ и провозглашена конституція кортесовъ. Полковникъ Ріэго былъ душою предпріятія; руководство имъ принялъ на себя освобожденный изъ заключенія Кирога. Возстаніе вскорѣ разлилось по всей Испаніи, въ различныхъ областяхъ и городахъ водворена кортесская конституція и объявлена война неограниченной королевской власти; но мятежъ все-таки сохранялъ характеръ заговора; удачею обязаны были только безсилію правительства, у котораго слишкомъ нечистая совѣсть отнимала всякую рѣшимость къ энергическому сопротивленію. Народъ собственно не понималъ въ чемъ дѣло и принималъ слабое участіе въ борьбѣ. Король напрасно пытался подавить волненіе силою оружія и затушить грозное требованіе конституціи 1812 г. неопредѣленными посулами въ будущемъ; безпорядки возрастали съ каждымъ днемъ, и оробѣвшему королю не оставалось ничего болѣе, какъ согласиться на желаніе инсургентовъ, созвать кортесы и присягнуть конституціи, которая изъ абсолютнаго короля превращала его въ исполнители воли на роднаго представительства (7 марта 1820). Три года просуществовало новое государственное устройство среди постоянныхъ бурь и сильной борьбы. Король ненавидѣлъ навязанную ему конституцію; депутаты, къ которымъ примкнули многіе демократическіе клубы съ республиканскими стремленіями, навлекли себѣ глубокую ненависть камарильи, духовенства и всѣхъ приверженцевъ старины ударами, какіе нанесли они монастырямъ, привилегированнымъ классамъ, стародавнимъ учрежденіямъ и разнымъ народнымъ обычаямъ и порядкамъ; кортесы,

особенно партія «восторженныхъ» (*exaltados*), и въ рѣчахъ и въ дѣйствіяхъ явно имѣли передъ глазами французское національное собраніе 1789 г. Чтобы добыть денегъ, они продали на мпліардъ имуществъ, принадлежавшихъ богоугоднымъ учрежденіямъ. Вскорѣ поднялись съ разныхъ сторонъ сильныя бури противъ мадридскихъ либераловъ, злоупотреблявшихъ своей побѣдою. Прежде всего сторонники безусловной королевской власти учредили собственное регентство и свою такъ называемую армію вѣры, для освобожденія короля отъ узъ приверженцевъ конституціи (1821 г.); возбужденный пошамъ и монахами народъ снова взялся за оружіе: кровавая борьба изъ-за мнѣній страшно терзала несчастную страну. Мстительность и ярость партій заглушали всѣ чувства человѣческія, разрывали всѣ связи единоземства и открыто попирали права и законъ.

§ 788. Народныя движенія въ Португаліи, Неаполѣ, Сардиніи. Побѣды испанскихъ демократовъ подстрекнули единомышленниковъ ихъ въ Португаліи и Италіи послѣдовать ихъ примѣру. Въ Лиссабонѣ и Оporto возникли народныя волненія, которыя повели къ удаленію лорда Бересфорда, управлявшаго именемъ отсутствующаго короля совершенно въ англійскомъ интересѣ, къ образованію правительственныхъ хунтъ и къ созванію земскихъ выборныхъ (кортесовъ). Введена была конституція (26 янв. 1821), составленная по примѣру испанской, — съ свободою печати, устраненіемъ инквизиціи, феодальныхъ повинностей и проч.; король присягнулъ на вѣрность этому уставу за Португалію и Бразилію. — Въ Неаполѣ примѣръ испанскихъ картесовъ вызвалъ къ подражанію тамошнихъ карбонаровъ, стремившихся къ сліянію Италіи въ одну державу. Военный заговоръ въ Неаполѣ пошелъ такъ успѣшно, что король Фердинандъ былъ вынужденъ согласиться на введеніе испанской конституціи (13 июля 1820). Главы заговора, Гульельмо Пепе и Караскоза, вступили въ чело мятѣжныхъ войскъ и примкнувшихъ къ нимъ карбонаровъ въ самый Неаполь. Даже Сицилія послѣ кровавой борьбы принуждена была принять иноземную конституцію. — То же самое произошло въ Піэмонтѣ. Здѣсь король Викторъ Эмануилъ старался истребить память о господствѣ Французовъ возвратомъ къ старымъ порядкамъ и обычаямъ. Воспитаніе юношества отдано было въ руки іезуитамъ, духовенство и дворяне снова получили свои древнія права; гражданскую свободу и народное образованіе старались задержать и ограничить на сколько было можно. Все это возбуждало

неудовольствіе и вело къ заговорамъ и тайнымъ обществамъ. Возстаніе, на которое отважились военные и студенты, и въ которомъ приняли участіе многія значительныя лица, въ томъ числѣ самъ предполагаемый наслѣдникъ престола, Карлъ Альбертъ Кариньянскій (марта 1821), имѣло столь быстрый успѣхъ, что король отрекся отъ короны въ пользу своего брата и, до прибытія его, поручилъ регенство принцу Кариньянскому, а этотъ предоставилъ инсургентамъ требуемую ими испанскую конституцію, въ то время какъ они овладѣли столицей и цитаделью. Находившійся въ Моденѣ король Карлъ Феликсъ отвергъ эту конституцію, и, прежде нежели она успѣла вступить въ силу, дѣла приняли уже совсѣмъ другой оборотъ.

§ 789. Вмѣшательство священнаго союза. Главы священнаго союза, встревожась новымъ революціоннымъ духомъ, который обуялъ повидимому и молодежь Германіи, по представленіямъ Меттерниха положили между собой подавить эти демократическія движенія. На Лайбахскомъ конгрессѣ (авг. 1821), куда явился по приглашенію монарховъ и Неаполитанскій король Фердинандъ, рѣшено было силою низпровергнуть конституціонный порядокъ въ Неаполѣ. Фердинандъ одобрилъ это рѣшеніе, по которому онъ долженъ былъ снова достигнуть безусловной власти. На помощь ему двинулось австрійское войско; тщетно Пепе и Караскоза противустали съ значительными силами наступавшему непріятелю: робкіе солдаты Пепе разбѣжались послѣ первой ничтожной схватки, а другіе принудили генерала Караскозу къ постыдной капитуляціи. Безъ труда заняли Австрійцы Неаполь (24 марта) и возвратили неограниченную власть королю, который объявлялъ незаконнымъ все совершившееся со времени переворота. Легкомысленный и невѣжественный народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ низложеніе конституціоннаго порядка, котораго значенія онъ не понималъ. Съ тѣхъ поръ могущество духовенства и опиравшееся на наемныхъ солдатъ и полицію королевское полновластіе тѣсно соединились между собою для подавленія всякаго вольнаго движенія страхомъ и стѣсненіемъ мысли. Безпощадная месть постигла всѣхъ участниковъ заговора и всѣхъ приверженцевъ конституціи. — Это событіе рѣшило также участь конституціоннаго устройства въ Піэмонтѣ. Хотя одушевленные Санта-Розою либералы не безъ славы боролись съ противникомъ подъ Новарою, однакожъ вскорѣ должны были уступить. Туринъ и Алессандрія были заняты Австрійцами (апрѣль), и абсолютизмъ возстановленъ въ крайнихъ своихъ формахъ со всѣми ужа-

сами реакціи.—Немногимъ лучше кончили и испанскіе кортесы. Ободренные быстрымъ подавленіемъ конституціонныхъ движеній въ Италиі, союзные монархи отправили съ Веронскаго конгресса (окт. 1822) требованіе къ кортесамъ въ Мадридъ измѣнить конституцію и предоставить королю болѣе власти; демократическіе чины отвѣчали на это строптивымъ отказомъ. Тогда французская армія, предводимая герцогомъ Ангулемскимъ, двинулась за Пиренеи (весной 1823). Тщетно кортесы призывали народъ къ оружію; конституціонная свобода была непонятнымъ словомъ для массъ, руководимыхъ попами и монахами, новый порядокъ былъ противенъ ихъ обычаямъ, ихъ душевнымъ чувствамъ; не состоялась народная война, нѣкогда столь славная герилья, на которую сначала рассчитывали кортесы; чернь и камарилья привѣтствовали Французовъ какъ избавителей отъ ненавистнаго «правленія франмасоновъ»; напрасны были подвиги мужества въ которыхъ вождей, которые, какъ Мина въ Барселонѣ, Кирога въ Леонѣ и друг. мѣстахъ, упорно сопротивлялись чужеземнымъ войскамъ; солдаты неохотно шли въ сраженіе и старались заблаговременно обезпечить себя капитуляціями. Французы вступили побѣдителями въ Мадридъ и назначили регентство, такъ какъ кортесы бѣжали съ королемъ на югъ. Укрѣпленный Кадиксъ сталъ послѣднимъ пріютомъ друзей конституціи; Французы подступили теперь и къ этому городу. Тутъ кортесы потеряли всякую отвагу; вмѣсто того, чтобъ погребстись подъ развалинами этой родины ихъ конституціи, какъ хвастливо возвѣщали они прежде, малодушные заключили теперь съ осаждающими договоръ, въ которомъ согласились освободить короля и подвергнуться распущенію (15 авг.). Благодаря иноземному штыку Фердинандъ былъ возстановленъ въ своемъ полномъ властѣ; конституція, со всѣми сопровождавшими ее учрежденіями, утратила свою силу и такъ-называемая апостолическая партія¹, избравшая своимъ лозунгомъ безусловность королевской власти, обрушилась теперь со всей яростію мщенія на своихъ противниковъ. Ріэго умеръ отъ руки палача (7 ноября); единомышленники его подверглись отчасти той же участи, многіе избавились отъ ярости народа только бѣгствомъ и, тысячами, скитались безъ хлѣба и крова по чужбинѣ; оставшіеся, томясь въ гнилыхъ тюрьмахъ, заплатили за

¹ Едва ли нужно замѣчать, что это прозвище находится въ связи съ древнимъ титуломъ короля Испанскаго, котораго папа наименовалъ апостолическимъ за ревность къ католицизму.

свое стремление отнять у грубой массы тѣ учрежденія и порядки быта, къ которымъ приучилъ ее трехсотлѣтній деспотизмъ. Въ Испаніи таѣ же неистово боролись за сохраненіе старины, какъ незадолго передъ тѣмъ во Франціи, — за то чтобъ искоренить всю ветшь. И въ томъ и въ другомъ краѣ простолюдинъ служилъ орудіемъ партіямъ, — во Франціи, увлекаемый словами «свобода и равенство», въ Испаніи, воспламеняемый на защиту вѣры, королевской власти и дѣдовскихъ преданій.

§ 790: Борьба за конституцію въ Португаліи. Жалкій исходъ конституціи испанскихъ кортесовъ побудилъ королеву португальскую (сестру Фердинанда VII) и втораго сына ея донъ-Мигеля также избавить однимъ насильственнымъ ударомъ отъ конституціи, ненавистной знати, духовенству и двору. Ободренный возстаніемъ арміи и черни, которое поднялъ въ пользу королевскаго полновлѣстія донъ-Мигель, слабый и робкій король Іоаннъ VI отмѣнилъ кортесскую конституцію и допустилъ гоненіе на ея приверженцевъ и франмасовъ (май и іюнь 1823 г.). Когда же онъ задумалъ примирить съ собой народъ дарованіемъ государственнаго устава, основаннаго на признаніи обоюдныхъ правъ властителя и подданныхъ, тогда инфантъ донъ-Мигель возбудилъ мятежъ противъ своего собственнаго отца (30 апр. 1824); но преступный этотъ замыселъ не доставилъ ему желаннаго регентства, а привелъ только къ высылкѣ его изъ Португаліи. Два года спустя умеръ Іоаннъ VI (10 марта 1826). Старшій сынъ его донъ-Педро, провозглашенный въ 1822 г. императоромъ бразильскаго народа, не могъ, въ силу португальской конституціи, быть въ то же время и Португальскимъ королемъ; поэтому онъ передалъ управленіе этою страной своей малолѣтней дочери, донь-Маріи да Глоріи и даровалъ Португальцамъ хартію, основанную на либеральныхъ началахъ. Къ несчастію довѣрилъ онъ вызванному изъ ссылки брату своему, донъ-Мигелю, регентство до совершеннолѣтія королевы. Лишь только донъ-Мигель успѣлъ стать во главѣ правительства, какъ съ помощію своей матери и апостольской партіи застоя низвергъ конституцію, на вѣрность которой присягнулъ, объявилъ себя неограниченнымъ монархомъ (23 іюня 1828 г.) и началъ, ссылкой, заключеніемъ и казнями, преслѣдовать всѣхъ друзей и сторонниковъ конституціоннаго порядка. Однакожъ владычество вѣроломнаго деспота было коротко. Донъ-Педро, вынужденный въ Бразиліи передать безсильную императорскую корону мало-

лѣтнему сыну своему, донъ-Педру II (1813), высадился при помощи Англіи и Франціи на португальскій берегъ съ войскомъ, набраннымъ преимущественно за границею, и въ теченіе двухлѣтней войны (1832—1834) успѣлъ до того стѣснить своего самовластнаго брата, что тотъ былъ вынужденъ отречься отъ престола и покинуть Португалію (7 іюня 1834). Затѣмъ донъ-Педро возстановилъ опять конституцію кортесовъ. Его ранняя смерть (24 сент. 1834), передавшая верховную власть въ слабыя руки его дочери, была бѣдственна для страны, раздраемой партіями и удрученной недостаткомъ въ деньгахъ.

§ 791. Исторія южно-американскихъ республикъ. Незамѣримыя пространства южной Америки и Мексики несли въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ тяжкое иго испанской метрополіи, сколько ни притѣнительна была эта зависимость, сколько ни вопіюще были сопряжены съ ней злоупотребленія. Ибо одни рожденные въ Европѣ Испанцы, а не креолы, занимали всѣ государственныя и церковныя должности, пользуясь ими для собственнаго обогащенія и ни мало не заботясь о томъ, чтобы сколько-нибудь поднять и образовать народонаселеніе края. Торговля была связана по рукамъ и по ногамъ, такъ какъ произведенія колоній дозволялось сбывать однимъ Испанцамъ и привозить туда можно было только испанскіе товары (сначала изъ Севильи, потомъ изъ Кадикса), а всѣ торговые обороты съ иностранцами были строго запрещены. Воздѣлка табаку считалась королевскою монополіей и находилась преимущественно въ рукахъ Испанцевъ; произведенія метрополіи, каковы вино, масло и проч., не дозволялось воздѣлывать въ колоніяхъ; разведеніе сахарнаго тростника, шелковыхъ червей и обработка желѣзныхъ рудъ были также запрещены; товары, привозимые даже на испанскихъ корабляхъ, облагались высокою пошлиною. Губернатору области, природному Испанцу, принадлежало право такъ-называемыхъ репартиментовъ или распределеній товара, то-есть онъ, по собственному усмотрѣнію, посылалъ въ каждое селеніе извѣстную часть товаровъ, назначалъ имъ произвольную цѣну и собиралъ ее потомъ со всѣхъ жителей общины посредствомъ строгихъ и насильственныхъ мѣръ. Распредѣляя такимъ образомъ товаръ, не обращали никакого вниманія на дѣйствительныя потребности. При рѣдкости населенія обширныхъ пространствъ края, при полномъ невѣжествѣ туземцевъ, которымъ вполне отказывали въ школьномъ обученіи, и при строгой бдительности инквизиціи, Испанцамъ было нетрудно устранять всякое безпокойное движеніе даже и съ малымъ числомъ

войскъ, такъ что даже борьбы за испанское наслѣдство и за сѣверо-американскую независимость не произвели никакой перемѣны въ быту южной Америки, хотя непрерывно возрастающее креольское население, живо чувствуя невыгоды такого положенія, стало заявлять болѣе широкія притязанія, а сношенія съ Франціей во время первой войны давно открыли Американцамъ глаза на тѣ громадныя прибыли, которыя Испанцы выручали до сихъ поръ посредствомъ монополюющей системы съ своихъ колоній. Въ девяностыхъ годахъ, ловкій креоль Миранда изъ Каракаса (род. въ 1754 г.), знакомый съ европейскимъ просвѣщеніемъ и взглядами, пытался съ помощію Англичанъ и Французовъ произвести возстаніе въ южно-американскихъ областяхъ, но его успія сокрушились о незрѣлость народа, о несогласіе и взаимную ревность сословій и племенъ и о разнообразіе провинціальныхъ интересовъ. Еще въ началѣ текущаго вѣка, испанскія владѣнія въ Америкѣ, хотя и потрясенныя въ своей преданности къ метрополіи укорененіемъ контрабанды и чуждыхъ вліяній съ одной стороны, и возрастающими злоупотребленіями—съ другой, состояли однакожъ изъ четырехъ вице-королевствъ (Новой Гранады, Новой Испаніи, т. е. Мексики, Ріо-де-ла-Платы или Буэносъ-Айреса, и Перу) и изъ пяти генераль-капитанствъ (Чиле, Венесуэлы, Гватемалы, Гаванны и Порторико); но съ устраненіемъ Бурбоновъ отъ испанскаго престола расторглась и связь, соединявшая колоніи съ метрополіей: тогда стремленія патріотовъ къ независимости начали осуществляться.

Борьбы партій въ самой Испаніи скоро проложили себѣ дорогу и въ южно-американскія ея области. Въ полномъ движеніи, всемірно-торговомъ городѣ Буэносъ-Айресѣ выступилъ на сцену Маріано Морено; предприимчивый и ревностный къ просвѣщенію человѣкъ, онъ старался воспользоваться разногласіемъ, господствовавшимъ между правительственными властями, для образованія патріотической партіи и привлеченія народа къ идеямъ свободы и независимости. Но для столичныхъ жителей («Портеньюсовъ») скорѣе возникъ ужасный противникъ въ лицѣ «Гаучей», или дикихъ степняковъ. Въ пустынныхъ луговыхъ степяхъ, или такъ-называемыхъ пампахъ, простиравшихся отъ жаркаго пояса пальмъ до ледяныхъ полей Патагоніи, скиталось на полудикихъ лошадяхъ бѣдное пастушеское племя Гаучей, котораго суровую первобытную жизнь не обуздывали ни какія нравственныя узы, которое подъ именемъ свободы понимало только ненависть и вражду ко всякому общественному порядку и смотрѣло съ презрѣніемъ на избалованныхъ го-

рожанъ. — Попытки къ отпаденію произведены были также нѣсколькими недовольными креолами въ Мексикѣ; любимецъ Годои, вице-король Итурригаран, разсоровившись съ Новоиспанцами, былъ плѣнникомъ отосланъ съ Европу, и въ то же время принято за основное начало, что «по низверженіи испанскаго правительства народъ остается источникомъ державной власти и обязанъ учредить новое правительство самъ отъ себя». — Въ Чиле дѣйствовалъ въ пользу революціи, противъ намѣстника Карраско, Мартинъ съ де-ла-Роза, значительный человекъ изъ Мендосы и глава патріотической партіи; подобныя же явленія обнаружались въ Венесуэлѣ, гдѣ къ независимости отъ Испаніи стремилась полная жизни и знакомая съ европейскимъ образованіемъ партія, подъ вліяніемъ Симона Боливара.

Требованіе Наполеона, чтобъ южные Американцы признали новаго короля Іосифа и установленные имъ порядки, нашли себѣ въ колоніяхъ такой же пріемъ какъ и въ метрополіи; іосифовскіе намѣстники были изгнаны (1810), и въ большей части городовъ образовались хунты, дѣйствовавшія именемъ Фердинанда VII, но преимущественно стоявшія за независимость и свободу. Въ большей части мѣстностей отпаденіе совершилось безъ кровопролитія и жестокихъ мѣръ; только въ Кито 28 патріотовъ были изрублены испанскимъ гарнизономъ и дома ихъ подверглись грабежу, да въ Новой Испаніи (Мексикѣ) туземцы, подъ начальствомъ священника Гидальго, возстали противъ Испанцевъ и креоловъ, разнося убійство и пожары вплоть до окрестностей столицы, пока при одномъ внезапномъ отступленіи самъ предводитель не былъ убитъ и мятежъ подавленъ жестокими мѣрами. Этимъ послѣднимъ событіемъ данъ былъ сигналъ къ кровавой, истребительной междоусобной войнѣ, сколько ни старались слѣдующіе начальники Районъ и Морелосъ повернуть революцію отъ одичалости къ человѣчеству. Когда кадикескіе кортесы начертали для Испаніи новую конституцію, основанную на либеральныхъ началахъ, — депутаты отъ Америки, явившіеся по вызову кортесовъ на совѣтъ, потребовали для колоній уравнинія въ правахъ съ метрополіей, одинаковаго представительства въ кортесахъ и полной свободы торговли. Эти требованія, которыхъ выполненіе отдало бы перевѣсъ въ руки Американцевъ и нанесло бы смертельный ударъ прибыльной торговлѣ самого Кадикса, разумѣется, не были приняты въ уваженіе. Не довольствуясь тѣми уступками, что всѣ племена будутъ равноправны и всѣ прежнія стѣсныя земледѣлія и промышленности будутъ отмѣнены, большая часть

южно-американскихъ областей отреклись повиноваться кортесамъ и учредили свои самобытные правительства, которыя хотя и не вездѣ были побѣдоносны, однакожъ долго съ честію удерживали за собой поле битвы противъ испанскихъ намѣстниковъ и войскъ, и имѣли бы еще болѣе успѣха, еслибъ не препятствовали тому взаимная ревность городовъ и непримиримая вражда мѣстностей. Испанцы смѣло могли рассчитывать на то, что изъ одной зависти любой изъ соперничающихъ городовъ навѣрно объявится за корону, если другой водрузилъ у себя деревья свободы. — По возстановленіи Фердинанда испанскія колоніи также возвратились бы къ повиновенію, еслибъ безразсудный король не отказалъ имъ въ исполненіи справедливыхъ и своевременныхъ желаній и не потребовалъ отъ нихъ безусловной покорности и упованія на одну его королевскую милость, — онъ, который только-что заявилъ свою ненависть ко всякой новизнѣ ужаснѣйшимъ гоненіемъ на вѣсѣхъ друзей кортесовъ и конституціи. Въмѣсто того, чтобъ исполнить волю короля, повторили они свое требованіе равноправности съ метрополіей, и когда оно было отвергнуто, единодушно взялись за мечи, для завоеванія себѣ независимости отъ Испаніи. Началась война на жизнь и смерть, въ которой южные Американцы обнаружили такія силы и доблести, какихъ никто отъ нихъ не ожидалъ. Въ цѣлой исторіи найдется не много примѣровъ подобной стойкости въ несчастіяхъ, такого самоотверженія, такой переносливости къ лишеніямъ, такой выдержки въ непомерныхъ тягостяхъ и трудахъ, такой готовности жертвовать покоемъ, собственностью, здоровьемъ и самою жизнью для спасенія отчихъ пенатовъ, къ которымъ оказались способны даже сердца ожесточенныхъ въ грабежѣ и убійствѣ Гаучей и Гуассовъ, Льянеровъ и Ранчеровъ. Какъ головы гидры возрождались опять послѣ каждаго пораженія полчища инсургентовъ. То, собравшись въ массу, пытались они нанести рѣшительный ударъ, то, послѣ неудачи, разсыпались вдругъ небольшими кучками; состоя изъ мелкихъ землевладѣльцевъ и рабочихъ при имѣніяхъ, сахарныхъ мельницахъ и рудникахъ, — людей, привыкшихъ жить верхомъ на лошади, подъ открытымъ небомъ, и переходить отъ избытка къ лишеніямъ, эти войска имѣли за собой ту выгоду, что не нуждались ни въ постоянныхъ квартирахъ, ни въ военномъ планѣ, ни въ стратегическихъ соображеніяхъ, ни въ правильномъ хозяйствѣ и продовольствіи: терпя нынче страшную нужду, они завтра же вознаграждали себя какимъ нибудь удачнымъ разграбленіемъ; и эта разбойническая жизнь была для нихъ отрадой: она давала имъ случай удовлетворить то

чувству личной мести, то другой мгновенной потребности, которая являлась у нихъ какъ прихоть. — Фердинандъ отправилъ въ южную Америку жестокаго генерала Морилью, который дѣйствовалъ въ духъ Альбы, и съ нимъ инквизитора Торреса, снабдивъ ихъ обширнымъ полномочіемъ; но уже въ 1819 г. вице-королевство Ріо де-ла-Плата твердо упрочило свою независимость и республиканское устройство, и ободрило своимъ успѣхомъ прочія области, гдѣ борьба велась упорнѣе. Изъ бывшаго испанскаго вице-королевства развились мало-по-малу три республики: Ла-Плата, Боливія и Уругвай (Банда-Ориенталь съ Монтевидео) и сверхъ-того основанный іезуитами Парагвай, который долго находился подъ диктаторскою властью хитраго адвоката, доктора Франсея, и строго охранялся отъ всякаго общенія съ иностранствомъ.

Борьба за свободу въ Новой Гранадѣ и въ Перу связана съ именемъ карракасскаго креола Боливара. Этотъ человѣкъ, коротко знакомый съ европейскимъ образованіемъ, отличный полководецъ и политикъ, избравъ себѣ въ образецъ Вашингтона, посвятилъ всю свою дѣятельность и все достояніе освобожденію своихъ земляковъ, и самая неблагодарность нѣкоторыхъ изъ нихъ не смогла уклонить его отъ великой цѣли. Венесуэла провозгласила свою независимость уже въ 1811 г.; страшное землетрясеніе, почти совѣтъ разорившее главный городъ Карракасъ (26 марта 1812) и погубившее 20,000 человѣкъ въ Валенсіи, было истолковано духовенствомъ въ видъ кары небесной за отпаденіе и употреблено имъ въ пользу для возвращенія страны подъ испанское господство. Безпощадная жестокость и кровожадность, съ какими мстительные Испанцы гнали сторонниковъ республики, снова воспламенили потухшій было огонь. Боливаръ провелъ 600 человѣкъ черезъ Анды; тысячи недовольныхъ устремились подъ его знамена, чтобъ отмстить за смерть казенныхъ патріотовъ; новогранадскій союзный сеймъ, видя въ немъ своего «спасителя», провозгласилъ его диктаторомъ; тогда Боливаръ организовалъ войну, которая, не ограничиваясь оружіемъ, велась и простыми ножами: начало ей положили онъ подписаніемъ страшнаго декрета въ Трухилью (2 янв. 1814), изрекавшаго смерть каждому Испанцу съ роялистскими убѣжденіями. Ужасная, измѣнчивая, обильная трудностями, лишеніями и упорными борьбами война возникла теперь между Боливаромъ, которому помогали свѣдущій въ военномъ дѣлѣ мулатъ Пазъ съ одной стороны, и Морилью съ другой (1814—25 ноябр. 1820); гдѣ одолѣвалъ пос-

лѣдній, тамъ кровь республиканцевъ лилась рѣкою; въ отмщеніе Боливаръ велѣлъ казнить 800 плѣнныхъ Испанцевъ, какъ будто ради того, чтобъ въ хмѣлю кровавыхъ злодѣйствъ почерпнуть новое мужество для защиты свободы. Испанцы нашли себѣ страшную вспомогательную силу въ Льянерахъ, которые, подобно Гаучамъ южныхъ пампъ, вели, въ качествѣ пастуховъ и мясниковъ, кочевую жизнь въ луговыхъ степяхъ Тіэрры Фирмы и, привыкнувъ на своихъ знойныхъ паствахъ къ терпѣнію и умѣренности, наносили республиканцамъ много вреда и кровавыя пораженія, являясь въ видѣ конныхъ дружинъ съ пиками и арканами въ рукѣ и распространяя вокругъ степные пожары. Боливаръ былъ вынужденъ сложить съ себя главное начальство и искать спасенія бѣгствомъ въ Санъ-Доминго; реакція безусловной королевской власти наступила путемъ убійствъ, конфискацій и вымогательствъ. Но Боливаръ воротился назадъ; его появленіе снова подняло духъ обезотваженныхъ республиканцевъ; удачныя военныя дѣла возвысили его значеніе. Венесуэла и Новая Гранада заключили между собой союзъ, избрали Боливара въ генераль-капитаны и объявили на Ангостурскомъ конгрессѣ (17 дек. 1818), что обѣ области соединились въ одну республику Коломбію, состоящую изъ трехъ частей. — Въ Кадиксѣ собиралось новое войско для отправки въ Америку. Это было то самое, которое, поднявъ знамя бунта, водворило власть кортесовъ въ Испаніи. Однакожъ и кортесское правительство не захотѣло признать самостоятельности колоній; война запылала снова, но уже къ явному ущербу разъединенныхъ между собой Испанцевъ. Республика Коломбія завоевала себѣ независимость и выбрала Боливара въ президенты (1824). Вскорѣ торговый договоръ соединилъ юную державу съ Сѣверной Америкой¹. Изъ Коломбіи Боливаръ явился избавителемъ и освободителемъ Перу. И этотъ край, при помощи хитраго и предприимчиваго освободителя Чиле, Санъ-Мартина, и Англичанина Кокрена, далъ себѣ республиканское устройство и назначилъ Санъ-Мартина своимъ протекторомъ. Разногласія ослабили однакожъ силу республиканцевъ. Санъ-Мартинъ сложилъ съ себя свое званіе и воротился въ Чиле; Испанцы снова взяли верхъ въ Перу, республика повидимому готовилась къ паденію. Тогда пришелъ ей на помощь Боливаръ. Несогласные между собой Испанцы были разбиты и принуждены къ выступленію, а освобо-

¹ Которая ничего такъ не желала, какъ освобожденія Нового Свѣта отъ европейской зависимости.

дитель провозглашенъ на конгрессъ въ Лимъ пожизненнымъ протекторомъ (1825).

Сосредоточеніе власти въ лицѣ Боливара возбудило зависть и опасенія со стороны республиканцевъ. Заговорщики много разъ покушались на его жизнь; его упрекали въ томъ, что онъ хочетъ играть роль Бонапарта. Оскорбленный неблагодарностью и непризнаніемъ чистоты его характера и озабоченный внутреннимъ разладомъ республикъ, распавшихся подъ конецъ на шесть независимыхъ державъ, онъ сложилъ съ себя свое званіе (27 апр 1829). Смерть вскорѣ потомъ освободила его отъ всѣхъ заботъ (10 дек. 1830), но не возстановила единства областей, находившихся подъ его рукою: онъ и понынѣ волнуются борьбой изъ-за политическаго устройства и разномыслія. Верхній Перу, ставъ независимою республикой, принявъ имя освободителя и называется Боливіей (6 авг. 1825).—Въ Новой Испаніи (Мексикѣ) первые бойцы за равенство правъ ея съ метрополіей поплатились за свое предпріятіе позорною и жестокою смертію. Гидальго, Морелось и Мина пали мучениками свободы, но ихъ убѣжденія не умерли въ народѣ. Введеніе кортесскаго правительства въ Испанію содѣйствовало независимости Мексиканцевъ. Повелѣніе кортесовъ ввести конституцію двѣнадцатаго года (1812) и въ Новой Испаніи, не было выполнено вице-королемъ, получившимъ вмѣстѣ тайные наказы камариллы; мало этого, — креолу Итурбиду, которому дано было главное военачальство, предписали дѣйствовать противъ сторонниковъ конституціи. Такое двуязычіе правительства показалось Итурбиду достаточнымъ поводомъ нарушить должную ему вѣрность. Онъ овладѣлъ большою суммою денегъ, предназначенною для Испаніи, и воззваніемъ изъ Игуалы подалъ знакъ къ общему мятежу. Въ короткое время большая часть провинцій были въ его власти (авг. 1821). Новый вице король поневолѣ долженъ былъ заключить договоръ, которымъ была признана независимость Мексики и престолъ этой конституціонной имперіи предоставленъ королю Фердинанду или, въ случаѣ его отказа, одному изъ инфантовъ. Когда испанское правительство не согласилось на утвержденіе такого договора, конгрессъ постановилъ отдѣлить Мексику отъ Испаніи и провозгласилъ императоромъ Итурбиду (18 мая 1822). Это рѣшеніе столько же оскорбило республиканцевъ, какъ и роялистовъ; противъ новаго императора (Августина) составилаь могущественная партія. Тогда, въ надеждѣ на преданную ему армію, онъ насильно распустилъ конгрессъ и учредилъ правитель-

ственную хунту. Этимъ онъ еще умножилъ число своихъ враговъ; нѣкоторые военные корпуса отказали ему въ вѣрности, и когда генераль его, Санта-Ана, провозгласилъ въ Вера-Крусъ республику (8 апрѣля 1823), противъ Итурбиды поднялась такая буря, что онъ былъ вынужденъ отречься отъ престола и удалиться въ Италію (4 окт.). Мексика превратилась въ республику и приняла конституцію, составленную по образцу сѣверо-американской. Продолжавшіяся смуты и раздоры партій наполнили Итурбиду надеждой снова пріобрѣсти утраченную власть. Не смотря на произнесенную ему конгрессомъ опалу, безразсудный высадился на берегъ своего отечества, но былъ захваченъ и разстрѣлянъ (19 іюля 1824). Мексика удержала за собою республиканское устройство, съ президентомъ во главѣ. Попытка старо-испанской партіи ниспровергнуть новый порядокъ контръ-революціей, подала врагамъ ея, креоламъ, удобный предлогъ воссламенить противъ нее ненависть народа. Рѣшеніемъ конгресса (1829), всѣ природные Испанцы, кромѣ сражавшихся за республику, лишены были всѣхъ своихъ должностей и высланы изъ ея предѣловъ; двадцать двѣ тысячи этихъ людей должны были немедленно переселиться. Но миръ и согласіе до сихъ поръ не водворились въ соединенныхъ штатахъ Мексики. Двѣ партіи, одна болѣе демократическая, другая болѣе аристократическая, постоянно боролась тамъ за власть, — первая подъ знаменемъ Санта-Аны, послѣдняя подъ начальствомъ Бустамента. Уничтоженіе рабства въ Мексикѣ повело къ отпаденію Техаса. — Гватемала также пріобрѣла себѣ самостоятельность и учредила союзную республику центральной Америки (1 іюля 1823). Кто опредѣляетъ цѣну историческаго развитія плодами цивилизаціи, тому, конечно, нѣтъ никакого повода восторгаться отпаденіемъ испанскихъ колоній. Вездѣ попадаются тамъ величавые памятники вице-королевской эпохи, и на каждомъ шагѣ поражаетъ упадокъ и запущеніе позднѣйшаго времени. Кажется, какъ будто бы, мѣстами, потомки Европейцевъ даже утратили свое превосходство надъ краснокожими; Команчи и еще болѣе конники-Апачи превратили обширныя пространства сѣверной Мексики, особенно Сонору и Чигуагуу, въ нагія степи, обезлюдилъ цвѣтущіе прежде города и изъ тщательно разработанныхъ нивъ сдѣлали опять пустыню. Главною виною этого упадка непригодныя для того края политическія формы, частая смѣна правительственныхъ властей, рознь между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, междоусобная война и безчинства вольныхъ ополченцевъ.

3. ГЕРМАНИЯ.

§ 762. Противоборство мѣній въ Германіи. Созданіе Вѣнскаго конгресса породило у болѣеи части Нѣмцевъ недовольство и дурное настроеніе. Друзья отечества съ горечью отвернулись отъ новаго сооружеія, въ которомъ была забыта цѣль внутренней свободы, хотя ея именемъ сзывали и успѣшно поднимали германскій народъ, — сооружеія, въ которомъ не было ровно ничего для удовлетворенія патріотическаго честолюбія, для того, чтобы дать пищу естественнымъ политическимъ стремленьямъ. Многіе надѣялись и желали обновленія имперіи, преобразованной согласно потребностямъ эпохи, съ участіемъ народа въ законодательствѣ и хозяйственномъ управленіи, и потому съ неудовольствіемъ смотрѣли на раздробленную по мелочи Германію, изъ которой, вмѣсто ожидавшаго государственнаго единства съ рѣшительнымъ голосомъ во вѣнѣ, образовался союзъ множества отдѣльныхъ независимыхъ державъ съ слабымъ представительствомъ отъ имени государей на союзномъ сеймѣ и безъ всякаго представительства съ народной стороны. Другіе, стремившіеся къ конституціонному устройству въ родѣ англійскаго, были недовольны неопредѣленнымъ смысломъ 13-й статьи союзнаго акта, въ которой обѣщано введеніе представительныхъ формъ вообще, безъ указанія началъ, на которыхъ онѣ должны быть основаны, безъ опредѣленія срока и образа ихъ осуществленія. Тогда какъ послѣдніе враждовали противъ новаго порядка съ демократической точки зрѣнія, находя слишкомъ ничтожнымъ предоставленное народу участіе въ политической жизни края, прежніе имперскіе чины негодовали за утрату своего полновластія, а дворянство — за введеніе начала равноправности и за стремленіе уменьшить и отстранить вполнѣ всѣ сословныя различія между благородными и простыми гражданами. Поэтому, не смотря на всеобщую вялость, въ какую впала Европа по низверженіи Наполеона, нѣмецкимъ государямъ было вовсе не легко снова ввести въ предѣлы покорности умы подданныхъ, только что вырвавшихся на волю. Явное нерасположеніе Австріи и Пруссіи къ новому представительному порядку, за которымъ слѣдовали политическія борьбы и государственная жизнь, полная движенія, усилило духъ общаго недовольства, а разнообразіе конституцій, состоявшихся послѣ многихъ колебаній и отступленій въ нѣкоторыхъ странахъ, пробудило вездѣ желаніе установить на любыхъ народу основаніяхъ такую государственную форму, которая обнимала бы собой цѣлую націю, Что

пользы было въ томъ, что большая часть державъ средней и южной Германіи ввели у себя представительное устройство на болѣе или менѣ либеральныхъ началахъ, когда могущественнѣйшее государство, Пруссія, не предоставляло политической жизни другаго поприща, кромѣ областныхъ чиновъ съ совѣщательнымъ только голосомъ, безъ публичности и общаго всеѣмъ интереса? Та самая Пруссія, которая въ эпоху чужевластья обогнала всю остальную Германію въ либеральныхъ и популярнѣхъ учрежденіяхъ, которая въ Калишскомъ воззваніи сулила возстановленіе единой свободной имперіи «въ коренномъ, исконномъ духѣ германскаго народа», которая еще на Вѣнскомъ конгрессѣ слѣдовала путемъ прогрессивной политики, — та самая Пруссія поддалась мало-по-малу планамъ Меттерниха и шла теперь прямо навстрѣчу реакціи¹. Боязливый, нерѣшительный, всегда чужимъ совѣтомъ руководимый король, далъ настроить себя противъ патріотическихъ людей, хотѣвшихъ возвеличить Пруссію вмѣстѣ съ Германіей, и самъ осудилъ теперь тѣ порывы, которымъ былъ обязанъ возстановленіемъ своей монархіи. Прежнихъ членовъ союза доблести (Tugendbund) и одушевленныхъ любовью къ свободѣ и величію Германіи передовыхъ людей войнъ за свободу, устранили какъ подозрительныхъ и неблагонадежныхъ, тогда какъ клеветавшіе на нихъ противники, какой-нибудь тайный совѣтникъ Шмальцъ, были обвѣшены орденами и осыпаны почестями; дѣло конституціи было отложено, и когда черезъ нѣсколько времени возвратился къ нему снова, — плодомъ долготѣннихъ совѣщаній явились тѣ областные (провинціальныя) чины, которые по своей ограниченности не удовлетворили даже и самыхъ умеренныхъ требованій и ожиданій. Панагиристы реакціи старались выставить систему всеобщей опеки и самовластия правительствъ за единственную, которой истина основана на историческихъ и философскихъ началахъ. Германскій народъ, который незадолго передъ тѣмъ усердно и довѣрчиво собрался вокругъ своихъ государей, когда дѣло шло о сверженіи ига чуждаго властителя, почувствовалъ, что онъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, и утратилъ довѣріе къ отеческимъ намѣреніямъ

¹ При этомъ не должно забывать, что Пруссія не нашла первоначальнымъ порывамъ своимъ къ возстановленію единой, свободной Германіи на столько поддержки со стороны «германскаго народа», чтобъ избѣжать необходимости союза и всяческихъ слѣлокъ съ меттерниховскими планами. Общенародное движеніе вездѣ уступило вліянію мѣстныхъ правительствъ (Landesherren), поддерживаемому разъединяющей политикой Австріи.

правительствъ. Вскорѣ и вся нація распалась на двѣ выше упомянутыя партіи, — аристократическую, примкнувшую къ государямъ и правительствамъ и старавшуюся внушить имъ свои консервативныя или реакціонныя начала, и либеральную (свободномыслящую), которая стремилась къ дальнѣйшему развитію государственнаго быта въ демократическомъ направленіи. Тогда какъ въ послѣдней изъ этихъ партій люди зрѣлыхъ лѣтъ, руководимые опытностью, обращали взоры на Англію и Францію и старались водворить въ Германіи политическія формы новой эпохи со всеми пріобрѣтеніями революціи и постепенно преобразовать существующій порядокъ, молодежь, подъ вліяніемъ романтической поэзіи (§ 800 б. Г. Германія) съ тоскою и жаждою смотрѣла на созданія среднихъ вѣковъ и стремилась ввести въ жизнь новую идею народовластія, облекая ее въ формы и названія сѣдой германской старины. Убаюкивая себя въ идеальныхъ грезахъ, не имѣя никакой ясноопредѣленной цѣли и никакого понятія о преградахъ, поставляемыхъ дѣйствительностью, они только и думали, что объ утопическомъ пересозданіи міра и государства; подобная мечта конечно разсѣялась бы сама собою какъ пустой призракъ, еслибъ правительства, встревоженные Вартбургскимъ празднествомъ и кровавымъ дѣломъ Занда въ Мангеймѣ, не придали такъ-называемымъ «демагогическимъ проискамъ» незаслуженной важности, открывъ противъ нихъ судебныя преслѣдованія и поднявъ гоненіе на участниковъ.

Вартбургскій праздникъ и К. Л. Зандъ. Въ голодный 1817 годъ, столь роковой для бѣднаго, нуждающагося человѣка, протестантская Германія усердно торжествовала трехсотлѣтній юбилей реформации. Воспоминаніе объ этомъ громадномъ событіи воодушевило всѣхъ и навело общее вниманіе на недостатки настоящей эпохи. Въ видѣ подготовки къ этому торжеству, нѣсколько студентовъ и младшихъ профессоровъ Іенскаго университета (Окенъ, Фрпзъ, Кизеръ) устроили 18 октября (1817 г.), въ память битвы подъ Лейпцигомъ, праздникъ въ Вартбургѣ, близъ Эйзенаха, причемъ произносились пламенные рѣчи, пѣлись восторженные пѣсни, а по окончаніи праздника нѣкоторые изъ студентовъ, въ подражаніе Лютеру, сожгли на горѣ Вартѣ заглавія извѣстныхъ сочиненій Коцебу, Кампца, Галлера и друг., въ которыхъ защищался абсолютизмъ и заподозривались всѣ воззванія къ свободѣ и конституціонному устройству; сожжены были также, въ юношескомъ разгулѣ, и нѣкоторыя эмблемы раболовной старины, коса, шнуровка, капральская трость и тому подобное. — Одинъ изъ участниковъ Варт-

бургскаго пира, Карль Лудвигъ Зандъ, родомъ изъ Вунзпделя, добродушный, полный патріотизма, но крайне мечтательный и тщеславный юноша, затѣялъ преступный замысль избавить германскій народъ отъ «пагубныхъ совѣтовъ», состоявшаго тогда въ русской службѣ, нѣмецкаго писателя Августа фонъ-Коцебу, который навлекъ себѣ негодованіе строго-нравственной, но политически заблуждавшейся университетской молодежи своими неблагопріятными донесеніями русскому двору о духѣ, господствующемъ въ Германіи, своими легкомысленными сочиненіями и особенно своимъ журналомъ, въ которомъ, служа поддерживающимъ властямъ и аристократическимъ привилегіямъ, онъ осыпалъ самую ядовитую насмѣшкой юношескіе порывы мечтателей перестроить посвоему весь свѣтъ. Допущенный къ Коцебу подъ предлогомъ вручить ему письмо отъ знакомыхъ, онъ вдругъ поразилъ его нѣсколькими ударами книжала во время чтенія (23 марта 1819). Попытка его наложить руку и на себя осталась безуспѣшна. Излечась отъ ранъ, преступникъ Зандъ кончилъ жизнь на кровавой плахѣ въ Мангеймѣ.

Тогда-то состоялись Карльсбадскія постановленія (сент. 1819), которыя ограничили свободу печати предварительною цензурой, учредили слѣдственный судъ (центральную комиссію) въ Майнцѣ для подавленія «демагогическихъ происковъ», воспретили такъ-называемое «всеобщее товарищество» (*allgemeine Burschenschaft*), основанное въ нѣмецкихъ университетахъ вскорѣ послѣ вартбургскаго торжества, воспретили и соединенныя съ нимъ гимнастическія учрежденія (*Turnanstalten*), поставили университеты подъ особенный надзоръ правительственныхъ лицъ и наконецъ сдѣлали постановленія союзнаго сейма безусловно обязательными для всѣхъ правительствъ. Въ то же время такъ-называемымъ Вѣнскимъ заключительнымъ актомъ (15 мая 1820) опредѣленъ ближе смыслъ 13-й статьи союзнаго акта и постановлено различіе между учрежденіемъ земскихъ сеймовъ (*landständische Verfassung*), или мало не ограничивающимъ полномочія правительства, и основанною на началѣ народной власти представительною системою, чѣмъ хотѣли положить преграду рыаному демократизму южно-германскихъ чинновъ. Пруссія, на которую такъ долго надѣялись и уповали всѣ нѣмецкіе патріоты, выступила теперь первая съ реакціонными и враждебными народу мѣрами и дозволила вѣнской политикѣ распоряжаться ею какъ орудіемъ для самыхъ ненавистныхъ полицейскихъ услугъ. Такіе люди, какъ Аридтъ, Янгъ и друг., которыхъ слово и примѣръ имѣли въ

дни общей крайности неимоверную силу, были теперь вытребованы къ суду, какъ поощрители демагогическихъ происковъ, лишены своихъ должностей и отданы подъ надзоръ полиціи; благороднѣйшіе государственные люди и полководцы, — Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бейме, Бойенъ и друг., удалились въ негодование отъ официальной жизни, предоставивъ управленіе людямъ застою, какому-нибудь Кампцу съ товарищи, которые заставляли теперь въ королевскомъ совѣтѣ и находили себѣ опору въ нѣкоторыхъ ученыхъ политикахъ, передавшихся католицизму и романтико-абсолютистскимъ началамъ, — въ Галлеръ, Ярке, Филиппъ, да еще въ сотрудниковъ и друзей Берлинскаго «Политическаго еженедѣльника»¹. Такому настроенію той эпохи содѣйствовала знаменитая книга бернскаго уроженца К. М. фонъ-Галлера († 1854): «Возстановленіе государственныхъ наукъ». — Съ тѣхъ поръ либеральная и аристократическая партія противустали другъ другу рѣзче и враждебнѣе. Торопливость и безразсудство, жадной къ новизнѣ, молодежи доставили реакціи побѣду надъ людьми постепеннаго, но надежнаго движенія впередъ. Единство Германіи прослыло мечтою; кто объявлялся въ его пользу, тотъ навлекалъ себѣ подозрѣніе въ демагогическихъ замыслахъ. Каждая изъ отдѣльныхъ державъ союза почти талась за самостоятельное цѣлое и управлялась безъ всякаго соображенія съ общими интересами страны, и хотя въ то время не мало состоялось хорошихъ мѣръ по части администраціи, судоустройства, церковнаго и училищнаго вѣдомствъ, но не сдѣлано почти ровно ничего для поддержанія національнаго чувства и любви къ отечеству. Таможенные сборы затрудняли торговые обороты смежныхъ государствъ, частные интересы отвлекали правительства отъ стремленія къ одной общей цѣли. Тогда разнеслась вдругъ вѣсть объ іюльскомъ переворотѣ во Франціи и сильно возбудила умы во всемъ Германскомъ союзѣ. Государя, опасаясь, чтобъ извѣстное желаніе Французовъ имѣть Рейнъ границею не привело опять къ войнѣ, съ безпокойствомъ сознали разладъ между народомъ и властями и поспѣшили справедливыми уступками отстранить общее недовольство, обнаружившееся возстаніями въ Саксоніи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Кургессенѣ и другихъ мѣстахъ. (Подробнѣе въ § 833 и слѣдующ.)

§ 793. Конституціонное устройство въ Германіи. Первый нѣмецкій государь, даровавшій своему краю конституцію, былъ

¹ Berliner Politisches Wochenblatt.

великій герцогъ Карлъ Августъ Саксенъ-Веймарскій (5 мая 1816), тотъ самый высокопросвѣщенный правитель, который нѣкогда собиралъ вокругъ себя лучшія красы нѣмецкой литературы и поэзіи. Одна палата или собраніе, состоящее изъ владѣльцевъ дворянскихъ помѣстій, средняго сословія и крестьянъ, представляетъ собою всѣхъ гражданъ государства, пользуясь участіемъ въ законодательствѣ, съ правомъ инициативы или по чинѣ и съ правомъ отказавъ податяхъ, съ свободою печати и разными другими конституціонными преимуществами. Два года спустя (1818), Нассау выступилъ уже съ менѣ либеральною конституціей. Въ Вюртембергѣ новый представительный порядокъ водворился только послѣ долгой борьбы съ упорствомъ старовюртембергскихъ подданныхъ, которые непремѣнно хотѣли возстановленія своихъ прежнихъ чиновъ, обладавшихъ значительными правами. Только уже при наследникѣ Фридриха, Вильгельмѣ, новое государственное уложеніе состоялось послѣ того, какъ страхъ передъ карльсбадскими совѣщаніями принудилъ Старо-вюртембергцевъ отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія (сент. 1819).—Въ 1818 году введены сеймовыя конституціи также въ Баваріи королемъ Максимилианомъ Іосифомъ, и въ Баденѣ—великимъ герцогомъ Карломъ. Въ этихъ трехъ южногерманскихъ державахъ земское представительство состоитъ изъ двухъ палатъ,—первой (называемой въ Баваріи палатою государственныхъ совѣтниковъ), въ которой закупаютъ члены высшаго дворянства, представители обѣихъ національныхъ церквей и проч., и второй, составленной не прямымъ, а двухстепеннымъ выборомъ депутатовъ отъ народа. Весьма либеральная баденская конституція была последнею важною мѣрой великаго герцога Карла, умершаго еще въ томъ же году и оставившаго тронъ своему дядѣ Лудвигу. По кончинѣ этого малолюбимаго государя, съ благомыслящимъ и расположеннымъ къ народу Леопольдомъ I на престолъ вступилъ домъ Хохберговъ (отъ втораго брака Карла Фридриха). Притязанія Баваріи на Рейнскій Палатинатъ и на графство Шпонгеймъ были отвергнуты Ахенскимъ конгрессомъ.—Въ 1821 г. великое герцогство Гессенъ-Дармштадтское также получило конституцію подобно сосѣднимъ державамъ, только съ менѣ демократическою системою выборовъ.—Въ сѣверной Германіи введеніе представительнаго порядка было задержано или затруднено аристократіей до тѣхъ поръ, пока наступившія потомъ народныя волненія не вынудили правительства уступить требованіямъ эпохи.—Въ Ганноверѣ, на основаніи древнихъ уставовъ,

учрежденъ былъ общій земскій соборъ (*allgemeine Landesversammlung*), съ преобладающимъ вліяніемъ дворянства и чиновниковъ. При такомъ пословномъ представительствѣ, данное ему участіе въ совѣщаніи о податяхъ и законодательныхъ мѣрахъ не много имѣло значенія. Такъ какъ положенныя депутатамъ подъемныя деньги (такъ-называемыя діэты) падали на общины, то въ избѣжаніе издержекъ болѣею частію выбирали чиновниковъ, постоянно живущихъ въ столицѣ. Такая палата, дѣйствуя совершенно въ смыслѣ правительства, возбудила неудовольствіе въ угнетаемомъ налогами народѣ, такъ что въ Гёттингенѣ и другихъ мѣстахъ произошло нѣсколько возстаній; тогда, съ согласія Англійскаго короля, намістникъ его (герцогъ Кембриджскій) далъ наконецъ новую конституцію, съ расширенными политическими правами (1833). Но когда по смерти Англійскаго короля Вильгельма IV Ганноверъ достался его брату Эрнсту Августу (герцогу Кумберландскому), то новый правитель опять отмѣнилъ конституцію и возстановилъ прежнее земское устройство, съ тѣмъ же вліяніемъ аристократіи и чиновничества (§ 835). — Въ Брауншвейгѣ, въ малолѣтство родственнаго королевско-англійскому дому герцога Карла (сыну наваго подъ Ватерлоо), введенъ былъ регентствомъ такъ-называемый «пересмотрѣнный земскій уставъ». Уложеніе это не понравилось герцогу; достигнувъ совершеннолѣтія, онъ дозволилъ себѣ разныя нарушенія земскаго устава, въ которомъ видѣлъ ограниченіе своихъ неотъемлемыхъ державныхъ правъ, и оказывалъ большое жестокосердіе къ краю и народу. Наконецъ притѣсенія его дошли до того, что жители столицы возмутились (1830), разорили дворецъ и вынудили герцога къ бѣгству. Правленіе принялъ братъ его Вильгельмъ и примирилъ смятенные умы исправленіемъ земскаго устава. Попытка изгнаннаго герцога возвратитъ себѣ утраченную власть силою, сокрушилась о стойкость возставшихъ гражданъ. Съ тѣхъ поръ герцогъ проживалъ въ Лондонѣ и поневолѣ ограничивался однѣми тщетными протестаціями ¹. — Въ Мекленбургѣ, гдѣ крестьяне были еще крѣпостные, а средній классъ не имѣлъ никакого значенія, земское представительство также оставалось аристократическимъ и безъ законодательной власти. — Въ Саксонскомъ королевствѣ правилъ до 1847 г. кротко и правосудно многоиспытанный Фридрихъ-Августъ, съ содѣйствіемъ старинныхъ земскихъ чиновъ. Его преста-

¹ У него достало терпѣнія возобновлять ихъ ежегодно въ теченіе тридцати лѣтъ.

рѣлый братъ и преемникъ; Антонъ, былъ прямодушный, благомыслящій правитель; но его преданность католицизму приводила въ неудовольствіе лютеранскій народъ, а неосторожныя выходки полиціи и излишняя опека надъ народомъ со стороны правительства усилили раздраженіе и вызвали въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ и другихъ городахъ мятежи, которые успокоились только въ то время, когда король назначилъ своимъ соправителемъ и преемникомъ любимаго народомъ племянника своего Фридриха Августа и когда этотъ далъ королевству новый земскій уставъ (Landgrundgesetz), начертанный имъ при содѣйствіи чиновъ края (сент. 1831). Король Антонъ умеръ въ 1836 г. — Въ Кургессенѣ курфюрстъ по прежнему надѣлилъ солдатъ косами, а страну земскимъ устройствомъ, сохранившимъ отъ среднихъ вѣковъ; всё производства, состоявшіяся по гражданскому и военному вѣдомствамъ съ 1807 г., объявлены были недействительными, и всё покупщики проданныхъ при французскомъ управленіи казенныхъ имуществъ, къ которымъ причтены и бывшія владѣнія Тевтонскаго ордена въ Марбургѣ и друг. мѣстахъ; принуждены возвратить приобрѣтенную ими собственность безъ всякаго вознагражденія; возстановлены старыи общинный порядокъ, феодальное устройство, древнія права и титулы; и все, отъ главнаго до мелочи, переименовано на прежній ладъ; семь лѣтъ, протекшихъ отъ дней Іены и Ауэрштедта, хотѣли совершенно исключить изъ счета. За Вильгельмомъ I, богатымъ слугою маммону, слѣдовалъ сынъ его Вильгельмъ II (1821); при немъ произвольныя мѣры правительства, гнетъ полиціи и устраненіе всѣми любимой курфюрстины графиней фонъ-Рейхенбахъ (Лессоницъ) до того раздражили тѣсимый налогами народъ, что наконецъ въ Касселѣ вспыхнуло возстаніе, и курфюрстъ былъ вынужденъ дать своему краю либеральную конституцію. Ненависть, обнаруженная вскорѣ потомъ народомъ къ графинѣ Лессоницъ, такъ глубоко оскорбила курфюрста, что онъ назначилъ соправителемъ сына своего, курпринца; а самъ съ графиней и своими сокровищами удалился изъ Гессена (1831). Съ тѣхъ поръ онъ жилъ то въ Баденѣ, то во Франкфуртѣ, гдѣ и умеръ 20 ноября 1847 г. — Саксонскія герцогства и большая часть мелкихъ державъ Германіи получили представительныя формы или чрезъ обновленіе прежнихъ земскихъ чиновъ или чрезъ водвореніе новыхъ конституцій.

4. Великобританія.

§ 794. Англійскія дѣла. Англія вышла изъ двадцати-лѣтней борьбы могущественною и побѣдоносною. Она во многихъ славныхъ морскихъ бояхъ уничтожила флоты Испанцевъ, Французовъ, Голландцевъ и другихъ союзныхъ съ Франціей народовъ; а свои силы на морѣ довела до того, что никто не могъ оспорить у ней господства на этой стихіи; она расширила свои владѣнія въ Востъ Индіи, двинула впередъ Канаду, основала факторіи на западѣ и югѣ Африки, и въ Остъ-Индіи создала такое царство, которое объемомъ и населеніемъ далеко превосходитъ метрополию; благодаря смѣлымъ мореплавателямъ, каковы Кукъ и многіе другіе, она открыла изумленному міру далекіе острова и подчинила ихъ своему моредержавному скипетру. Славу и величіе могучаго острова приумножила даже полная превратностей сухопутная и морская война, которую во время русскаго похода и борьбы за освобожденіе отъ Наполеонова владычества, Британцы вели съ Сѣвероамериканскимъ союзомъ (1812—14), когда послѣдній, негодуя на стѣсненіе ими колоніальной торговли, на злоупотребленія, какія позволяли они себѣ противъ Американцевъ, пользуясь своимъ превосходствомъ на морѣ, и на старанія ихъ изъ Канады возбудить Индійцевъ къ враждебнымъ нападеніямъ на союзныя области, объявили наконецъ Англіи войну, чтобы избавиться отъ притѣсненій ихъ крейсеровъ, которые насильно захватывали матросовъ съ американскихъ купеческихъ судовъ. Тщетно надѣялись Американцы распространить и на Канаду власть союза, котораго предѣлы незадолго передъ тѣмъ расширили они Флоридою; если на морѣ они боролись и не безъ славы, зато ихъ сухопутныя войска далеко уступали британскимъ въ военномъ искусствѣ и опытности. Послѣ того какъ англійскій генераль Россъ взялъ союзный городъ Вашингтонъ и разорилъ тамъ все общественныя зданія, состоялся при посредничествѣ Россіи Гентскій миръ (24 дек. 1814), по которому все осталось какъ было до войны (*status quo ante bellum*), и Американцы обѣщали свое содѣйствіе къ устранинью торгоу неграми. — Обладаніе Гибралтаромъ и Мальтою, покровительство надъ Іонійскими островами, свободный доступъ въ Дарданеллы — обезпечили Британіи послѣ Парижскаго мира господство на Средиземномъ морѣ и торговлю съ Левантомъ. Выгодные

торговые трактаты съ большею частію европейскихъ и американскихъ державъ доставили обширный рынокъ британской промышленности, достигшей подъ охраною свободныхъ государственныхъ установленій никогда невиданнаго успѣха. Своею прочно утвержденною конституціею, при свободѣ печати и слова, при точномъ разграниченіи правъ народа и короля, и своимъ укоренившимся въ жизни уваженіемъ передъ всякимъ признаннымъ закономъ, Англія возбуждала зависть другихъ націй. Но при высокомъ могуществѣ и процвѣтаніи во внѣ, государство было одержимо неспѣлимыми язвами:

4. Между тѣмъ какъ малая часть народа накопляла несмѣтные богатства, огромное большинство впало въ самую страшную нищету. Дорогія сухопутныя и морскія войны, вмѣстѣ съ денежными вспоможеніями (субсидіями), которыя выдавались правительствамъ матерій Европы, довели національный долгъ почти до 900 милліоновъ фунт. стерл., такъ что ежегодные проценты составляли около 34 милліоновъ. Это тяжкое бремя долга, въ связи съ расточительнымъ содержаніемъ двора, подняли государственные расходы до такой степени, что ихъ можно было покрывать только постоянно возрастающими налогами на статьи торговли, жизненные потребности, доходы, дома и другую недвижимость. Отъ этого обѣднѣли мелкіе землевладѣльцы и некапитальные ремесленники: земли перешли въ руки богатыхъ дворянъ, умѣвшихъ приумножить свои доходы возвышеніемъ арендной платы и такъ-называемыми хлѣбными законами, которые не допускали ввоза иностранныхъ хлѣбовъ; промышленность досталась въ удѣлъ богачамъ-фабрикантамъ, которые задавили всѣхъ менѣе богатыхъ громаднымъ расширеніемъ своихъ дѣлъ; такимъ образомъ исчезъ мало-по-малу классъ ремесленниковъ; ядро каждаго образованнаго народа, среднее сословіе, значительно сократилось въ объемѣ, тогда какъ число живущихъ день за день фабричныхъ работниковъ чрезвычайно возрасло. Тяжкіе налоги въ пользу бѣдныхъ, падавшіе на общины, и временныя пособія отъ правительства, были безсильны пособить страшной нищетѣ, тѣмъ болѣе что материкъ, научась во время континентальной системы пользоваться своими собственными силами, создалъ промышленность у себя дома и не представлялъ уже для англійскихъ товаровъ такого прибыльнаго рынка, какъ въ прежнія времена. Гнетомые голодомъ и нуждой, пролетаріи пытались много разъ возстаніями завоевать себѣ лучшую долю, но ихъ

противозаконныя предпріятія всегда оканчивались къ ихъ же собственному вреду. Безоружная толпа легко уступала военной силѣ; однакожь кровавая расправа съ манчестерскими инсургентами (1849) навлекла правительству сильный укоръ. Для подавленія угрожающихъ возстаній часто прибѣгали къ временной отлѣнѣ акта о личной свободѣ (Habeas Corpus, § 622), что, какъ мы видѣли, дѣлалъ уже много разъ и Питтъ.

2. Ирландія составляетъ и до сихъ поръ болѣзную язву англійскаго государственнаго тѣла. Жестокости минувшихъ поколѣній положили между Англіею и Ирландіею такую бездну, которая постоянно дѣлала невозможнымъ полное единеніе двухъ племенъ, столь различныхъ по природѣ, вѣрѣ и учрежденіямъ. Недовольство Ирландцевъ, питаемое тайными сношеніями съ Франціей, не разъ грозило перейти въ открытый мятежь; это принудило Англичанъ быть насторожѣ, и какъ они не хотѣли выполнить требованій Ирландіи, а ихъ уступки ея не удовлетворяли, то имъ оставалось только одно — подавлять броженіе умовъ строгостію. Двѣ вещи, порожденныя старою неправотою, особенно возбуждали ненависть ирландскаго народа, — жестокое обращеніе помѣщиковъ съ бѣднымъ сельскимъ людомъ, — помѣщиковъ, нѣкогда переселившихся изъ Англіи въ завоеванный сосѣдній островъ и надѣленныхъ конфискованными имуществами, и неестественный церковный порядокъ, вслѣдствіе котораго праздное англо-протестантское духовенство владѣетъ всѣмъ церковнымъ достояніемъ въ Ирландіи, между тѣмъ какъ католическій, живущій въ нищетѣ, народъ долженъ изъ послѣдняго содержать своихъ священниковъ, не имѣющихъ ни какого оклада. Противъ перваго изъ этихъ золъ мало было принято мѣръ во время аристократическаго управленія торіевъ, не заботившихся о страданіяхъ народа, а для поправленія церковнаго устройства въ Ирландіи, сколько ни старался о томъ Питтъ, не льзя было сдѣлать ничего важнаго при узкой религіозности короля Георга III. Только въ слѣдующее царствованіе совершенъ былъ великій шагъ къ примиренію — изданіемъ такъ-называемаго эманципаціоннаго акта (1829), допустившаго наконецъ ирландскихъ католиковъ въ англійскій парламентъ.

3. Дворъ и правительство. Послѣ тяжкой борьбы съ Наполеономъ для Англіи насталъ періодъ застоя; казалось, Англичане добровольно хотятъ отступить отъ трудно-пріобрѣтеннаго первенства.

Погрязшій въ наслажденіе и поблажку своимъ прихотямъ король Георгъ IV, который въ молодости держался оппозиціи, теперь отдалъ свое довѣріе холоднымъ, постѣдѣвшимъ въ Питтовой политикѣ торіамъ и отвернулся отъ своего народа и тѣломъ и душой. Народъ платилъ ему за то отвращеніемъ и ненавистью, особенно, когда первый же годъ своего самостоятельнаго правленія онъ ознаменовалъ тѣмъ, что началъ передъ палатою лордовъ неблаговидный процессъ о разводѣ съ своею женою Каролиною Брауншвейгскою, которая давно уже поневолѣ жила съ нимъ врозь. Королева умерла въ слѣдующемъ году (1821), и хотя ея нравъ и образъ жизни не внушали къ ней уваженія, однакожъ общее участіе и соболѣзнованіе народа сопровождали ее во гробъ. Долголѣтній товарищъ Георга и представитель ложной и вѣроломной политики, лордъ Кастльрѣ, самъ наложилъ на себя руку въ припадкѣ сплина (12 авг. 1822). Это крайне потрясло короля, котораго душу бременилъ не одинъ грѣхъ молодости; съ тѣхъ поръ онъ очевидно сталъ чуждаться людей. Въ мрачномъ уединеніи проводилъ онъ послѣдніе годы своей жизни, въ теченіе которыхъ великій государственный мужъ, Каннингъ, сблизившійся съ началами давно удаленныхъ отъ государственнаго кормила виговъ, снова возвратилъ Британскимъ островамъ пріобрѣтенное ими первенство. Такъ какъ единственная дочь Георга IV, умная и любезная принцесса Шарлотта, въ супружествѣ за Леопольдомъ Кобургскимъ (нынѣ Бельгійскимъ королемъ), умерла въ молодости бездѣтною, то по смерти короля на тронъ вступилъ братъ его, Вильгельмъ IV (26 іюня 1830), простой и прямодушный человекъ. При немъ состоялось наконецъ освобожденіе невольниковъ, котораго добивались столько лѣтъ Вильберфорсъ, Бёкстонъ и другіе филантропы. Англія освободила невольниковъ въ своихъ колоніяхъ, опредѣливъ значительное вознагражденіе за убытки плантаторамъ и старалась съ того времени изо всѣхъ силъ побудить къ подобнымъ же мѣрамъ другія державы и совершенно подавить торговлю неграми. По кончинѣ Вильгельма IV англійская корона досталась племянницѣ его Викторіи (20 іюня 1837), которая 10 февраля 1840 г. вступила въ супружество съ принцемъ Альбертомъ Кобургскимъ.

§ 705. Основаніе англійскаго господства въ Остѣ-Индіи. Въ Остѣ-Индіи торговая знать остѣ-индской компаніи пошла путемъ завоеваній и, постепенно расширяя свои факторіи, пріобрѣла

себѣ державу, которая и объемомъ и многочисленностью далеко превзошла метрополию. Здѣсь эта новая аристократія явилась въ двойномъ качествѣ владыкъ и купцовъ. Ведя упорную борьбу противъ Французовъ за обладаніе прибрежьями верхне-индійскаго полуострова и его богатыми торговыми городами, они въ то же время устремили взоры на пригангскіе края, особенно на богатый Бенгалъ, гдѣ уже со второй половины 17 вѣка компанія имѣла свои факторіи и свою вооруженную силу. Въ 1698 г. Калькутта возведена была въ президентство, укрѣплена заложениемъ форта Вильяма и расширена завоеваніями въ Деканѣ. Когда въ 18 вѣкѣ началось паденіе царства Великаго Моголя кровавою борьбой съ Ма'раттами и нашествіемъ дикаго Надиръ-шаха персидскаго, который въ 1737 году разорилъ Дельхи, то многіе намѣстники (субы и набобы) сдѣлались независимыми и покоренныя Монголами племена начали расторгать свои оковы. Это пришлось очень кетати для англійской компаніи, которая сѣяла раздоръ между намѣстниками, возбуждала ихъ къ войнамъ другъ противъ друга, и тѣхъ изъ нихъ, которые всего лучше могли служить британскимъ интересамъ, привязывала къ себѣ договорами. Хотя въ 1756 г. Бенгалскій набобъ, безчеловѣчный Сераджа-Дауля, взялъ приступомъ фортъ Вильямъ, и захваченныхъ въ немъ плѣнныхъ уморилъ голодомъ и задушилъ въ такъ-называемой Черной пещерѣ; однакожь это возмутительное злодѣйство, стоившее въ одну ночь самой мучительной смерти 146-ти человѣкамъ, отчасти помѣшавшимся отъ страха и отчаянья, только ускорило паденіе туземныхъ владѣльцевъ. Предпримчивый губернаторъ остъ-индской компаніи, Клейвъ, поспѣшилъ изъ Мадраса на помощь соотечественникамъ, отразилъ набоба и снова занялъ Калькутту. Послѣ девятилѣтней упорной борьбы между британскою компаніей и индійскими князьями первая заключила съ Великимъ Моголемъ договоръ (1765), по которому за ежегодную пенсію въ милліонъ фунтъ стерл. приобрѣла отъ него верховныя права надъ Бенгаломъ и съ тѣхъ поръ вполне обладала этою обширною и богатою страной. Однакожь, при аличности къ наживѣ самой компаніи, ея губернаторовъ и агентовъ, управленіе англійскихъ купцовъ стало притѣснительно и пагубно для края. Народъ обѣднѣлъ отъ тяжкихъ вымогательствъ этихъ жестокосердыхъ владыкъ, которые для умноженія своихъ барышей превратили наслѣдственную аренду земель въ погодную, обезпечили себѣ право исключительной продажи соли, опиума и другихъ необхо-

димыхъ потребностей и ежегодно выжимали такимъ образомъ изъ несчастной страны несмѣтныя суммы денегъ. Такое притѣснительное господство могло поддерживаться и расширяться только силою оружія; но какъ не было возможности добыть изъ Европы достаточное число войскъ, то приступили къ несовѣтмъ благонадежному средству составлять арміи изъ туземцевъ, что однакожь сверхъ всякаго чаянія долго имѣло необыкновенный успѣхъ. Принудивъ короля Аудскаго къ уступкѣ области Бенареса и улучшивъ (1773) администрацію страны, управляемой четырьмя губернаторами подъ верховнымъ вѣдѣніемъ директоровъ компаніи (— улучшивъ именно тѣмъ, что бенгальскій губернаторъ возведенъ былъ въ генералъ-губернаторы всѣхъ британскихъ владѣній, съ предоставленіемъ ему высшей гражданской и военной власти, которою завѣдывалъ онъ при содѣйствіи мѣстнаго верховнаго совѣта—), компанія начала войну съ храбрымъ и умнымъ Гайдеромъ-Али, султаномъ Майсурскимъ, которая однакожь вскорѣ окончилась миромъ, постановившимъ возвращеніе сдѣланныхъ завоеваній и свободу торговыхъ связей между сопротивными сторонами. Въ то время, какъ Англія затянулась въ сѣвероамериканскую войну и жестокосердый, но крайне энергическій Варренъ-Гастингсъ, въ качествѣ генералъ-губернатора, безпощадно высасывалъ индійскія владѣнія систематическимъ гнетомъ (какъ нѣкогда Верресъ Сицилію), остъ-индская компанія затѣяла неправую завоевательную борьбу съ междоусобствующими государствами Ма'раттовъ. Гайдеръ-али, подстрекаемый совѣтами и помощью Франгузовъ, примкнулъ къ Ма'раттамъ и совершилъ страшное вторженіе въ Карнатикъ. Вскорѣ поднялась вся Индія, потому что компанія только ужаснѣйшими вымогательствами успѣвала собирать огромныя суммы, необходимыя для покрытія военныхъ издержекъ и расходовъ по управленію. Тогда британское владычество въ Индіи сильно пошатнулось. Но хитрой расчетливости Англичанъ удалось раздѣлить союзниковъ и привести Ма'раттовъ къ миру и торговому договору въ то самое время какъ Гайдеръ-Али умеръ, а царствомъ и войною наслѣдовалъ сынъ его, Типпо-Сагибъ, равный по способностямъ отцу и раздѣлявшій его образъ мыслей (1782). Такъ какъ Франгузы покинули его со времени Версальскаго мира, то и онъ принужденъ былъ наконецъ мирнымъ трактатомъ Манганлорскимъ (1784) предоставить Англичанамъ свободу торговли и обезопасить владычество дер-

жавныхъ купцовъ возвращеніемъ имъ всѣхъ своихъ завоеваній. Не смотря на всѣ притѣсненія Варренъ Гастингса (который, по возвращеніи своемъ въ Англію, долженъ былъ выдержать за это съ 1787 по 1795 г. передъ палатою лордовъ знаменитый процессъ, и оправданный отъ взведенныхъ на него обвиненій, былъ однакожъ приговоренъ къ уплатѣ огромныхъ судебныхъ издержекъ), эта война не только поглотила всю прибыль компаніи, но и повергла ее въ такіе долги, что она не въ состояніи была исполнить своихъ обязательствъ передъ правительствомъ и должна была вступить къ нему въ зависимое отношеніе. На основаніи оствъ-индскаго билля, внесеннаго Питтомъ (1784), дирекція общества подчинена была контролю особой правительственной коммисіи во всемъ, что касается территоріальнаго управленія по политическимъ, военнымъ и финансовымъ дѣламъ; правительству предоставлялось право замѣщать важнѣйшія административныя должности по своему усмотрѣнію, и страна, раздѣленная на три единообразно устроенныя президентства, подчинялась одному общему генераль-губернатору; но торговыми дѣлами завѣдывала исключительно сама компанія. — Въ 1790 г. у Типпо-Сагиба съ Англичанами вспыхнула новая война, которая, благодаря искусству и храбрости Кориваллеса и Аберкромби, шла такъ выгодно для Англичанъ, что индійскій государь принужденъ былъ уступить имъ половину своего царства и заплатить огромное вознагражденіе (1792). Могущество Французовъ во время революціи наполнило Типпо-Сагиба надеждой воротить свои потери съ французской помощью. Онъ вступилъ въ союзъ съ Персіей и взялся за мечъ въ то самое время, какъ Бонапартъ высадился въ Египтъ. Никогда британское господство не подвергалось такой опасности. Но энергія и быстрота Англичанъ обратила опасность въ торжество и рѣшительную побѣду. Несчастный Типпо-Сагибъ утратилъ въ кровопролитной войнѣ и престолъ и жизнь. При взятіи столицы его, Серингапатама, подъ развалинами которой онъ погибъ (1799), Англичанамъ достались въ добычу цѣлыя сокровища; большую часть завоеванной державы присоединили они теперь къ своимъ владѣніямъ, а надъ остальными ея землями поставили данника-раджу. — Во время войны съ Наполеономъ Британцы расширили свое царство въ Индіи завоеваніемъ французскихъ и голландскихъ колоній и совершеннымъ покореніемъ набобовъ, которыхъ до тѣхъ поръ щадили какъ союзниковъ; такъ что наконецъ одни Ма' ратт-

скіе князья остались могучими соперниками Англичанамъ. Съ Ма-
раттами, которые владѣли еще остатками нѣкогда разрушеннаго ими
Монгольскаго царства, велись, начиная съ 1803 г., кровавыя войны,
при чемъ одно владѣніе за другимъ становилось добычею Британцевъ.
Имъ въ руки достался Дельги, и самъ Великій Моголь сталъ въ полную
отъ нихъ зависимость. Предположенный союзъ всѣхъ ма'раттскихъ владѣ-
ній, на погибель могущественной компаніи, былъ разстроены быстрою рѣ-
шительностью Англичанъ и привелъ къ совершенному покоренію
Ма'раттовъ (1817), такъ что съ тѣхъ поръ британское господство
въ Остѣ-Индіи простерлось отъ Гималаи до Цейлона, и отъ Инда до
Иравадди, обнимая собою пространство въ 140,000 квадратн. миль съ
болѣе чѣмъ 120-ю милліонами подданныхъ, платящихъ налоги, и 50-ю
милліонами такихъ, которые платятъ дань. Въ дальнѣйшихъ своихъ за-
воеваніяхъ Англичане встрѣтили себѣ храбрыхъ противниковъ въ воль-
нолюбивомъ горскомъ народѣ Сейкахъ, которыхъ имъ удалось подчинить
своему господству только послѣ продолжительныхъ войнъ (§ 832).
Индоевропейская торговля была съ тѣхъ поръ открыта правитель-
ствомъ для всѣхъ вообще Британцевъ, но китайская оставалась монопо-
ліей остъ-индской компаніи до совершенной отмѣны ея привилегій
(1858). — Въ управленіи, судоустройствѣ и взываніи податей пред-
принимались благовременно реформы, смягчавшія суровость преж-
няго порядка администраціи. Правительство назначало прямо отъ себя
только генераль-губернатора и главнокомандующаго войскомъ; остальные
чиновники опредѣлялись директоріей остъ-индской компаніи съ утвержде-
нія генераль-губернатора. Компанія пользовалась правомъ собственнаго
управленія, подлежа только въ важныхъ дѣлахъ контролю королевскихъ
коммисаровъ. Введеніемъ христіанства съ помощію миссій старались сбли-
зить туземцевъ съ европейскимъ образованіемъ и вмѣстѣ съ древ-
нею религіею вытѣснять мало по малу господствующее тамъ духовное
рабство и разные безчеловѣчные и безнравственные обычаи.

5. БОРЬБА Греціи за свободу.

§ 796. Священная дружина Ипсиланти. На Лайбах-
скомъ конгрессѣ (январь 1821) монархи и министры получили первую
вѣсть о возстаніи Грековъ. Обстоятельство это подало князю Мет-

тернику поводъ приравнять греческое движеніе къ современнымъ пропшествованіямъ въ Испаніи, Неаполѣ и Сициліи, и тѣмъ самымъ удержать императора Александра отъ всякаго пособія возставшимъ.

Уже нѣсколько лѣтъ существовалъ въ Греціи далеко развѣтвленный союзъ, гетерія, котораго тайною цѣлью было отдѣленіе отъ Турціи. Основателемъ его былъ Каподистрія, Грекъ, родомъ изъ Корфу, состоявшій въ русской арміи; храбростію заслужилъ онъ чинъ полковника, и, находясь при особѣ императора Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ, ходатайствовалъ тамъ объ освобожденіи Греціи. Надежда на русскую помощь, которой счелъ онъ себя въ правѣ положительно ожидать, и очевидная слабость Порты (которая не могла принудить къ повиновенію ни отложившагося отъ нея Али-пашу янинскаго, ни пашу египетскаго, дѣйствовавшаго самостоятельно и полновластно) ускорили взрывъ возстанія. Служившій подобно Каподистріи въ русской арміи, молдавскій дворянинъ Ипсиланти, сынъ казненнаго Турками въ 1805 г. Валахскаго господаря, выступилъ въ своемъ отечествѣ освободителемъ и возстановителемъ греческаго народа и призывалъ его къ сверженію турецкаго ига, обнадеживая помощью со стороны Россіи. Въ короткое время вооружились Морея (Пелопоннесъ), Ливадія (Эллада), Фессалія и греческіе острова (мартъ 1821 г.). Турки выходили изъ себя отъ бѣшенства и платили возставшимъ кровавою местию. Глава греческой церкви, константинопольскій патріархъ, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія былъ исторгнутъ изъ алтаря неистовыми могаммедами и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ епископовъ повѣшенъ у главныхъ воротъ храма; большая часть греческихъ семействъ въ столицѣ (Фанаріоты) погибли насильственной смертью или удалились въ изгнаніе съ нищенскою сумой. Священная дружина Грековъ, подъ начальствомъ Ипсиланти, была побѣждена превосходными турецкими силами въ Валахіи и совершенно уничтожена въ отчаянномъ бою при Драгашанѣ (19-го июня 1821 г.), гдѣ каждый изъ нихъ сражался геройски, какъ Леонидъ. Ипсиланти убѣжалъ въ Австрію, но долженъ былъ томиться цѣлые годы въ одной изъ венгерскихъ крѣпостей. Паденіе веледушныхъ бойцовъ доказало ясно, что ими владѣлъ совсѣмъ не тотъ шаткій духъ, какимъ отличались подвижники свободы въ Испаніи и въ Италіи, хотя вождь священной дружины, Ипсиланти, по суетности и слабости характера, и оказался неспособнымъ играть великую роль освободителя роднаго края.

§ 797. Борьба Греціи до паденія Миссолонгі. Истребленіе греческаго населенія стало теперь лозунгомъ жаждущихъ мести Османовъ. Неслыханные ужасы изобрѣтались ими и приводились въ исполненіе. — Въ Моретъ, подъ предводительствомъ Мавромихали и Колотрони, возстали дикіе, воинственные Майноты Таигетскаго хребта, сыны древней Спарты; остальные жители вскорѣ послѣдовали ихъ примѣру и побѣдоносно гнали передъ собою Турковъ, руководимые братомъ Александра Ипсиланти, Димитріемъ, который настаивалъ на веденіи правильной войны (окт. 1821); Наварино и Триполица достались имъ въ руки. Въ то же время со славою и успѣхомъ бились Греки въ Ливадіи и на островахъ; мужество ихъ напоминало доблестныя дѣла ихъ предковъ, какъ бы ни скудно текла эллинская кровь въ жилахъ новогреческаго народа. Съ участіемъ и изумленіемъ смотрѣли Европейцы на гигантскую борьбу и спѣшили посредствомъ филеллиническихъ обществъ собирать денежные пособія и военныя силы для поддержанія мужества бойцовъ, которые въ началѣ 1822 г., подъ руководствомъ Ипсиланти и Маврокордато, соединились въ правильно устроенную республику. Да и можно ли было оставаться равнодушнымъ, когда дѣло шло о томъ, чтобъ отстоять образованность и христіанство противъ грубаго варварства? Западныя народы на дѣлѣ показали, что ученія любви и христіанской человѣчности пустили въ нихъ глубокіе корни и сдѣлали сердца ихъ доступными даже страданіямъ чужихъ племенъ. Въ то время какъ державы, заключившія священный союзъ, представляли христіанскій народъ на жертву ватагамъ невѣрныхъ душегубцевъ, въ то время какъ даже великодушнѣйшій изъ монарховъ скрѣпя сердце отказывалъ притѣсеннымъ въ своей помощи, дружинники иноземныхъ филеллиновъ шли въ древнюю отчизну европейской образованности (1822) подъ начальствомъ вюртембергскаго генерала Норманна (который палъ жертвою климата въ слѣдующемъ же году); славный англійскій поэтъ, лордъ Байронъ, посвятилъ дѣлу Греціи свой талантъ, свое состояніе и свою энергію, но климатъ и напряженная дѣятельность скоро прекратили его жизнь (19 апр. 1824); богатый Женевецъ Эйнаръ споспѣшествовалъ борьбѣ Эллиновъ за независимость большими денежными средствами. — Не смотря на разногласіе и себялюбіе вождей, до 1825 года побѣда была большею частію на сторонѣ Грековъ, и казалось, что на упитанныхъ кровью и опустошенныхъ стогнахъ ихъ родины возникнетъ свободная и независимая христіанская держава съ благоустро-

еннымъ правленіемъ. Какъ вдругъ Османы пріобрѣли себѣ могучую опору въ Мегеметѣ Али, который учредилъ въ Египтѣ на развалинахъ мамелюкскаго владычества начатки государственнаго порядка и военную силу по европейскому образцу и теперь, по желанію султана, отправилъ въ Пелопоннесъ сына своего Ибрагима съ значительною, хотя и очень смѣсною, арміею. Малыя, неладившія между собою дружины Грековъ никакъ не могли устоять передъ благоустроенною арміею привыкшаго къ побѣдѣ египетскаго полководца; городъ за городомъ переходилъ въ его руки; черезъ потоки крови, трупы и пожарища шагали Ибрагимъ и его безчеловѣчные полки. Начиная отъ крѣпкой Триполицы, которую они избрали себѣ опорнымъ пунктомъ, весь Пелопоннесъ и берега Ливадіи два года сряду подвергались страшному разгрому. Города и деревни были превращены въ пепелъ, тѣла и оторванные члены убитыхъ валялись кругомъ безъ погребенія, на добычу собакамъ и хищнымъ звѣрямъ; церкви разрушались до основанія, священниковъ предавали мучительнѣйшей смерти. Тогда-то паденіе Миссолонги (22 апр. 1826 г.) пробудило наконецъ отъ бездѣятельности европейскіе кабинеты, ограничивавшіеся до тѣхъ поръ одними дипломатическими представленіями, на которыя мало обращалось вниманія. Дѣло въ томъ, что когда оказалось невозможнымъ долѣе оборонять Миссолонги, то осажденные герои отважились на одну общую вылазку противъ напирющаго непріятеля, всѣ поголовно съ женами и дѣтьми; третья часть ихъ была перебита, городъ сожженъ до тла, а всѣ оставшіеся на мѣстѣ—погибли подъ его развалинами.

§ 798. Исходъ греческаго возстанія. Не задолго до этого быстро и неожиданно скончался въ Таганрогѣ императоръ Александръ (1 дек. нов. или 19 ноября стар. ст.), и такъ какъ старшій по немъ братъ, цесаревичъ Константинъ, заранѣе отказался отъ престола, то скипетръ перешелъ ко второму брату Николаю I, по подавленіи имъ военнаго заговора. Въ Англіи кормило правленія находилось въ искусныхъ рукахъ благороднаго Каннинга, который и въ зрѣлой порѣ не забылъ заветныхъ грезъ своей юности и одушевленія къ свободѣ Грековъ; во Франціи правительство также сочло необходимымъ сдѣлать нѣкоторую уступку громкимъ воплямъ филеллинской оппозиціи, тѣмъ болѣе, что въ то самое время образованная Европа приведена была въ ужасъ безчеловѣчіемъ Турковъ, узнавъ о кровавомъ истребленіи строптивыхъ янычаръ,

при чемъ 15,000 мусульманъ погубило за одинъ разъ насильственною смертію. По предложенію Каннинга, Англія, Франція и Россія заключили между собою договоръ, въ которомъ обязались общими мѣрами побудить Порту къ освобожденію Грековъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Соединенный флотъ явился въ морейскихъ водахъ и потребовалъ отъ Ибрагима очищенія полуострова; отказъ въ этомъ требованіи повлекъ за собой морскую битву подъ Навариномъ (20 окт. 1827 г.), въ которой турецко-египетскій флотъ былъ совершенно уничтоженъ европейскимъ. Рѣшеніе состоялось такъ быстро, что союзныя правительства сами смутились «неожиданнымъ событіемъ». Поэтому-то Наваринское сраженіе и осталось безъ послѣдствій; общественный голосъ въ Англіи, всегда больше озабоченной своею торговлей, такъ сильно возставалъ противъ всякой войны съ Портою, что по смерти Каннинга англійскій кабинетъ сталъ опять склониться къ турецкимъ интересамъ и удержался отъ дальнѣйшихъ непріязненностей. Ободренный этимъ, упорный и раздражительный султанъ Магмудъ настаивалъ въ своемъ намѣреніи не освобождать Грецію и такъ строптиво относился по этому поводу къ Россіи, что послѣдняя была вынуждена объявить ему войну. Это значительно подняло надежды Грековъ. Между тѣмъ какъ силы Османовъ должны были двинуться изъ Ливадіи въ Дунайскія земли, высадка французскихъ войскъ принудила наконецъ Ибрагима очистить Морею, вслѣдствіе чего Каподистрія былъ избранъ президентомъ Греческой республики. Смѣлые подвиги Русскихъ, перешедшихъ подъ начальствомъ Дибича (Забалканскаго) Балканы 10—22 іюля нов. ст. 1829) и побѣдоносно проникшихъ до Адрианополя,¹ вынудили наконецъ Порту принять посредничество другихъ державъ и по Адрианопольскому миру (2—14 сент. 1829 г.) во-первыхъ предоставить русскимъ право судоходства по Дунаю и въ Дарданеллахъ и право покровительства надъ Сербіею, Молдавіею и Валахіею, а во вторыхъ признать независимость Греціи. Но долго не могли согласиться насчетъ границъ этой державы, и уже готова была вспыхнуть новая война (причемъ адмиралъ Міаули взорвалъ на воздухъ греческій флотъ, чтобъ только не отдать его въ чужія руки, 13 авг. 1831). Это побудило Лондонскую конференцію расширить перво-

¹ Несмотря на огромныя потери, понесенныя отъ чумы, непривычныхъ климатическихъ условій и скуднаго продовольствія.

начальныя границы и изъ объявленныхъ независимыми областей (Мореи, Ливадіи, части Фессаліи, Эвбеи и Цикладовъ) составить конституціонное королевство, надъ которымъ королемъ поставленъ былъ Оттонъ I, изъ Баварскаго дома (7 мая 1832 г.), такъ какъ подозрѣяемаго въ своекорыстныхъ видахъ Каподистрію умертвили между тѣмъ братья Мавромихали. Западные народы, которые, въ своемъ восторгѣ къ обновленію Греціи, ожидали совершеннаго вытѣсенія изъ Европы враждебныхъ христіанству Османовъ, сильно разочаровались этимъ неудовлетворительнымъ исходомъ столь долгой и кровавой борьбы ¹. Даже островъ Самосъ достался опять Туркамъ (1834 г.).

6. Бельгійская революція и возстаніе Польши.

§ 799. Нидерланды. Священный союзъ съ трудомъ успѣвалъ поддерживать въ теченіе пятнадцати лѣтъ порядокъ дѣлъ, установленный на Вѣнскомъ конгрессѣ. Какъ вдругъ извѣстіе объ іюльской революціи въ Парижѣ возбудило въ сердцахъ всѣхъ недовольныхъ желаніе и надежду скорой переменъ. Примѣръ Французовъ прежде всего нашелъ себѣ подражаніе въ сосѣдней, родственной по языку Бельгіи, которая, не смотря на разность своихъ естественныхъ свойствъ, религіи, языка и интересовъ, соединена была съ голландскими провинціями въ одно королевство Нидерландовъ.

Голландцы считали себя господствующимъ племенемъ и не только принудили Бельгійцевъ участвовать въ своемъ огромномъ государственномъ долгѣ и происходящемъ отъ того бремени податей, но и старались навязать имъ свой языкъ и свои законы, даже обученіе католическаго народа поставили подъ надзоръ протестантскихъ вѣдомствъ; поэтому естественно, что въ брабантскихъ и фландрскихъ областяхъ образовались партіи недовольныхъ и самые журналы приняли противъ Голландіи враждебный тонъ. Твердый, даже до упорства, король Вильгельмъ I, надѣялся обуздать духъ оппозиціи строгостью противъ печати, наказывая редакторовъ денежными пенями, тюрьмою и изгнаніемъ; но этимъ онъ только умножилъ число своихъ противниковъ. Француз-

¹ Такой исходъ объясняется во-первыхъ сильнымъ недовѣріемъ Англіи и Австріи къ усиленію русскаго могущества на Востокѣ, а во-вторыхъ тѣми новыми опасеніями, которыя возбудила въ консервативной политикѣ гроза іюльской революціи и цѣлаго ряда связанныхъ съ нею событій.

ско-либеральная партія, требовавшая отмѣны журнальных стѣсненій и голландскаго бюрократизма, введенія въ суды присяжныхъ и водворенія свободной политической жизни, и состоявшая въ связи съ главами парижской оппозиціи, вступила въ неестественный союзъ съ католико-ультрамонтанскою партіей (желавшей освободить учебную часть отъ государственнаго надзора и совершенно передать народное образованіе въ руки духовенства) только для того, чтобы составить общую національную оппозицію правительству; недовольство гнетомъ податей и стѣсненіемъ торговли давало сильную опору этому недоброму союзу, котораго дѣйствія король въ одной тронной рѣчи заклеилъ названіемъ «безсовѣстныхъ» (infames).

Разладъ и взаимное негодование достигли уже высшей степени, когда въ Брюссель пришла вѣсть объ іюльскихъ событіяхъ и охватила огнемъ цѣлый край. Вечеромъ 25 августа, послѣ представленія оперы «Нѣмая въ Портичи», народныя толпы разорили типографію одной газеты, издаваемой въ голландскомъ духѣ, дворецъ ненавистнаго министра юстиціи и домъ директора полиціи; въ слѣдующій день они простерли свою ярость на нѣкоторые фабричныя заведенія. Для удержанія черни отъ дальнѣйшихъ опустошеній составила гражданская гвардія или стража: комитетъ мѣстныхъ гражданъ принялъ на себя правительственную власть; черезъ нѣсколько дней въ цѣлой Бельгій развѣвалось уже брабантское знамя. Но эти мѣры, принятыя лучшею частію народа, отнюдь не удовлетворяли коноводовъ демократикореспубликанской и ультрамонтанской партій; съ помощію черни захватили они въ свои руки верховную власть и передали главное управленіе смѣнному комитету изъ радикаловъ и папистовъ. Тогда Голландцы, въ надеждѣ на помощь значительнѣйшихъ гражданъ, произвели нападеніе на Брюссель вооруженною силою, но послѣ упорнаго боя, сопровождавшагося кровопролитіемъ и разореньемъ, были принуждены отступить къ Антверпену. Тщетно принцъ Оранскій склонялъ Бельгійцевъ положить оружіе, обѣщая имъ независимое управленіе подъ своимъ регентствомъ; раздраженіе противъ Голландіи и самонадѣянность упоенной побѣдою столицы были таковы, что не допускали никакого примиренія. Совершенное отдѣленіе отъ Голландіи было главною цѣлью Бельгійцевъ, которые двинулись теперь къ Антверпену, чтобы отнять у ненавистнаго сосѣда и этотъ городъ. Тогда рѣшительный голландскій генералъ Шассе заперся въ крѣпкую цитадель и изъ 300 пушекъ семь часовъ сряду бомбардировалъ несчастный городъ, потерявшій при этомъ

многіе миллионы въ товарахъ, истребленныхъ огнемъ. Это событіе устранило всякую возможность къ полюбовной сдѣлкѣ, и естественнымъ слѣдствіемъ общаго раздраженія было то, что составленный подъ руководствомъ Поттера національный конгрессъ рѣшительно постановилъ независимость Бельгіи и исключеніе Оранскаго дома отъ бельгійскаго престола (ноябрь 1830). Но какъ большинство желало конституціонной монархіи, то Поттеръ, стремившійся къ республиканской формѣ, сложилъ съ себя все званія и удалился въ Парижъ. Тогда пять великихъ державъ сошлись между собой на конференцію (совѣщаніе) въ Лондонѣ, гдѣ послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ, въ которыхъ, какъ представитель интересовъ юльскаго правительства, участвовалъ и старецъ Таллейранъ, признана была независимость Бельгіи и опредѣлены границы этого края съ Голландіей. Король Вильгельмъ нажилъ себѣ между европейскими государями многихъ враговъ терпкостью своего тона и своимъ софистическимъ толкованіемъ того постановленія Вѣнской конференціи, по которому Рейнъ былъ объявленъ свободнымъ вплоть до моря (*jusqu' à la mer*): король Нидерландскій утверждалъ, будто это постановленіе ни сколько не противорѣчитъ собиранію пошлинъ при самомъ устьѣ рѣки (то есть въ морѣ). Тѣмъ менѣе Лондонская конференція расположена была замедлить признаніемъ независимости Бельгіи и чрезъ то еще болѣе усилить волненіе, господствовавшее во всей западной Европѣ. Поэтому было рѣшено (11 іюня 1831), чтобъ бельгійскую корону возложилъ на себя родственникъ королевско-англійскому дому принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, вскорѣ потомъ вступившій во второй бракъ съ одною изъ французскихъ принцессъ, и примирилъ съ собою либераловъ дарованіемъ свободной представительной конституціи, а католическое духовенство—полною независимостью церкви отъ государства. Тщетно повторили теперь Голландцы свою попытку силою принудить отложившихся къ покорности. Не смотря на храбрость сухопутныхъ войскъ и на мужество флота (ванъ-Спайкъ), они должны были отступить, когда англійскія морскія силы стали угрожать берегамъ Голландіи, а французская армія подъ начальствомъ генерала Жерара пришла на помощь Бельгійцамъ и вырвала Антверпенскую цитадель изъ рукъ мужественнаго Шассе (24 дек. 1832 г.). Но еще долго длился споръ за границы, пока наконецъ сошлись и въ этомъ отношеніи.

§ 800. Польша (Сравни § 775). Благополучный исходъ французской и бельгійской революцій ободрилъ къ возстанію Поляковъ. Память

о прежнемъ союзѣ съ Франціей, о подъятыхъ вмѣстѣ подвигахъ и страданіяхъ подъ знаменами Наполеона не угасла тамъ точно такъ же, какъ и воспоминаніе о быломъ величіи Посполитой рѣчи; и если послѣднимъ поддерживалось національное чувство и желаніе возстановить независимость отечества, то первая давала надежду на помощь со стороны сочувствующихъ Французовъ. Несомнѣнно, что подъ русскимъ владычествомъ Польша стала цвѣтуще, нежели при старой анархіи, особенно подъ кроткою державой великодушнаго императора Александра, котораго либеральныя начала выразились въ польской конституціи, данной имъ по личному побужденію, къ явной досадѣ австрійскаго и прусскаго дворовъ. Политическій порядокъ новаго царства, обставленный сеймами, предусмотрительною администраціей, безпристрастнымъ судомъ, правильнымъ хозяйствомъ и національнымъ вооруженіемъ, доставлялъ народу благоустроенную свободу; промышленность сильно двинулась впередъ, поднялась литература, хорошія дороги облегчили сообщенія, торговля и фабрики распространили общее благосостояніе, науки и искусства нашли себѣ ревностную воздѣлку; въ городахъ образовался почтенный и зажиточный средний классъ, между помѣщикомъ и крестьяниномъ установились лучшія, на личной свободѣ основанныя отношенія. И не смотря на все это русское владычество встрѣчало себѣ многихъ противниковъ въ высшемъ кругу, между служащими по гражданской и военной части; составила мало-по-малу сильная оппозиція, сначала проявившаяся въ журналахъ и на сеймѣ (съ 1819), а потомъ, когда правительство ввело наконецъ цензуру и воспретило гласность сеймовыхъ совѣщаній (1825), оппозиція перешла въ тайныя общества, подобныя существовавшимъ тогда во всей южной Европѣ (въ Испаніи, Италіи, Греціи и другихъ странахъ); ими она поддерживалась и распространялась. Далеко развѣтвленный тайный союзъ старался возбуждать вездѣ національное чувство, подстрекать умы къ возстановленію Польши въ прежнемъ ея объемѣ, съ прежнею свободой и независимостью (какъ-будто свобода и независимость дѣйствительно существовали въ старой Польшѣ!). Члены союза обязывались присягою «употреблять всѣ силы для возрожденія несчастной, но любимой матери, и не щадить на это ни достоянія, ни жизни». Напрасно благодушный императоръ, въ своихъ рѣчахъ при открытіи и закрытіи сейма, предостерегалъ его отъ революціонныхъ козней и запретилъ всякія тайныя общества, въ томъ числѣ и масонскій орденъ; возростающая во Франціи оппозиція противъ реставрированныхъ Бурбоновъ наполняла революціонную партію въ Польшѣ преувеличенными надеждами, утверждала ее въ за-

вѣтнихъ мысляхъ и стремленіяхъ, приращала ея численность и усиливала вліяніе. Тайныя общества недовольныхъ размножались съ каждымъ днемъ; воображеніе молодежи въ школахъ и университетахъ наполнялось грезами о древнемъ величіи и блескѣ польской державы; писатели и поэты, какъ Лелевель, Нѣмцевичъ и друг., затрогивали и возбуждали чувство національности; молодые офицеры, недовольные строгой дисциплиной военнаго губернатора Варшавы, великаго князя Константина Павловича и подстрекаемые внушеніями восторженныхъ коноводовъ, Уминскаго, Кржыжановскаго и друг., составляли также тайныя братства, простершія свои отрасли отчасти даже въ русскую армію. Обнаруженіе такого враждебнаго настроенія быть-можетъ ускорило кончину императора Александра. Онъ угасъ, сокрушаясь сердцемъ, далеко, на восточной окраинѣ Европы (1 дек. н. ст. 1825). Судебное изслѣдованіе, которое послѣ подавленнаго въ Петербургѣ военнаго мятежа (§ 798) было распространено и на членовъ тайныхъ польскихъ обществъ, кончилось тѣмъ, что обвиненныхъ оправдалъ польскій сенатъ (1826), дѣйствовавшій подъ вліяніемъ революціоннаго настроенія въ народѣ. Такой исходъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на императора Николая и естественно внушилъ ему глубокое недовѣріе къ тамошнему порядку дѣлъ. Мѣры для обузданія стремленій къ независимости, принимаемыя великимъ княземъ Константиномъ, уже въ качествѣ намѣстника, при господствовавшемъ тогда настроеніи только еще болѣе раздражали народъ, постоянно возбуждаемый тайными обществами и заговорами. Недовольные магнаты въ свою очередь поддерживали національныя стремленія: таковъ былъ богатый князь Адамъ Чарторыскій, который, происходя отъ Ягеллоновъ, унаслѣдовалъ отъ своего дома антирусское направленіе, и бывъ нѣкогда довѣреннымъ лицомъ при императорѣ Александрѣ, самъ надѣялся намѣстничествовать въ Польшѣ; таковъ былъ вліятельный и дѣятельный въ Литвѣ графъ Платеръ и друг. Но при разрозненности интересовъ и цѣлей отдѣльныхъ коноводовъ движенія и при затруднительномъ положеніи царства среди трехъ могущественныхъ самодержавныхъ государствъ, Поляки едва ли бы сошлись между собою и отважились на общее предпріятіе, еслибъ вѣсть объ іюльской революціи не бросила искру въ накопившійся горячій матеріалъ и не побудила впечатлительное племя къ быстрому, внезапному возстанію, отнявшему всякую возможность осмотрѣться, одуматься и обсудить затѣваемое дѣло. Распространенная молва, будто изъ Петербурга велѣно арестовать нѣсколько польскихъ студентовъ и военной молодежи, какъ главъ

или членовъ тайныхъ обществъ, — эта молва ускорила взрывъ революціи: виновные, опасаясь неизбежной кары, рѣшились предупредить грозящую бѣду. — 29 ноября (1830), въ шесть часовъ вечера, двадцать вооруженныхъ кадетъ, всѣ участники обширнаго военнаго заговора, проникли подъ начальствомъ поручика Высоцкаго и друг. въ Бельведеръ, дворецъ намѣстника, тогда какъ другіе заговорщики призывали народъ къ оружію, а третьи овладѣли арсеналомъ. Съ трудомъ избѣжалъ великій князь Константинъ готовившейся ему смерти, но многія изъ окружавшихъ его лицъ, въ томъ числѣ нѣкоторые уважаемые генералы, пали жертвами народной ярости въ эту страшную ночь. Два дня спустя, великій князь успѣлъ благополучно удалиться съ своимъ русскимъ военнымъ отрядомъ и съ чиновниками. Чтобы власть не досталась въ руки крайней революціонной партіи, заведываніе общественными дѣлами приняло на себя временное правительство, составившееся изъ членовъ правительственнаго совѣта и нѣкоторыхъ популярныхъ лицъ, Любецкаго, Чарторыскаго, Нѣмцевича и генерала Хлопицкаго. Но какъ вмѣсто того, чтобы приступить къ рѣшительнымъ и быстрымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, они избрали медленный путь переговоровъ, то все возстаніе приняло съ самаго начала неудачный оборотъ. Рознь партій парализовала всякую предприимчивость; умѣренные и разсудительные желали только извѣстныхъ перемѣнъ, съ сохраненіемъ прежней конституціи и соединенія съ Россіей, тогда какъ крайняя народная партія имѣла въ виду возстановленіе древней Польши, съ демократическими формами и національною независимостью. Неудивительно, что большая часть членовъ временнаго правительства скоро была заподозрѣна въ измѣнѣ и какъ бы поставлена подъ надзоръ приданныхъ къ нему новыхъ лицъ изъ демократовъ, именно — профессора Лелевеля, главы такъ-называемаго «патріотическаго клуба». Старый генералъ Хлопицкій, — дѣлавшій походы съ Косцюшкой и отличившійся во французской службѣ, а потомъ оставившій ее, чувствуя себя несправедливо обойденнымъ, — удержалъ за собою главное начальство надъ военною частью и былъ назначенъ въ диктаторы стараніями аристократической или конституціонной партіи, которая въ бурныхъ порывахъ воинственной молодежи и республиканскихъ клубовъ видѣла одну неминуемую бѣду. Съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, можно ли было надѣяться какихъ-нибудь милостей или уступокъ отъ негодующаго императора? а между тѣмъ Хлопицкій и его совѣтники-магнаты вступили въ переговоры, отклонили предложеніе

такъ-называемыхъ патріотовъ вызвать на мятежъ области прежней польской республики, находившіяся теперь подъ скипетромъ Австріи, Пруссіи и Россіи, и вмѣсто того чтобъ организовать народную и національную войну, полагались на лицемѣрные посулы Франціи и на дипломатическіе переговоры, посредствомъ которыхъ надѣялись придать польской революціи видъ законности въ глазахъ европейскихъ правительствъ, а при этомъ и не затворять себѣ путей къ милосердію императора Николая. Разладъ и недовѣріе мѣшали успѣху всѣхъ предпріятій, между тѣмъ какъ императоръ и царь распорядился уже двинуть въ предѣлы Польши подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича 120,000 войскъ съ 400 орудій. Наскорѣ собранный сеймъ утвердилъ диктатуру Хлопицкаго (20 дек. 1830), но придалъ ему со стороны бюстительную комиссію изъ сенаторовъ и депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованъ былъ манифестъ, исчислявшій всѣ возможные поводы къ разрыву и сивившійся оправдать возстаніе. Убѣжденный, что польская армія, въ тогдашнемъ своемъ составѣ, не можетъ сопротивляться русскимъ войскамъ, Хлопицкій все еще совѣтовалъ продолжать переговоры, въ то время даже когда Россія обнаружила свои рѣшительныя намѣренія, и стоялъ только за оборонительную войну. Поэтому разошлся съ бюстительнымъ комитетомъ и подвергшись жестокому нападкамъ демократовъ въ журналахъ и рѣчахъ, диктаторъ сложилъ съ себя свое званіе, не отказываясь впрочемъ служить отечеству, если это будетъ необходимо. Преемникомъ его въ званіи главнокомандующаго сталъ богатый, преданный революціонному дѣлу князь Радзивилъ; но такъ какъ онъ былъ несвѣдущъ въ военномъ искусствѣ, то Хлопицкій добровольно служилъ ему совѣтникомъ. Управленіемъ завѣдывала коллегія изъ пяти членовъ, въ числѣ которыхъ наибольшимъ вѣсомъ пользовался князь Адамъ Чарторыскій, а представителемъ народной партіи былъ Лелевель. Нѣсколько дней спустя, сеймъ, по предложенію Солтыка и Островскаго, отважился постановить отрѣшеніе императора Николая и дома Романовыхъ отъ польскаго престола (25 янв. 1831). По достиженіи совершеннаго освобожденія, предполагено учредить конституціонную монархію на нныхъ началахъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, отрѣзали себѣ всякую возможность къ примиренію, съ другой, — не успѣли возбудить противъ русскихъ народной войны, потому что сеймъ отвергъ сдѣланное въ немъ предложеніе надѣлать крестьянъ землею и всѣ барщинскія повинности обратитъ въ выкупной оброкъ (апр. 1831). Надежды, что Франція всту-

пится за стараго союзника, оказались тщетны. Людовикъ Филиппъ заботился болѣе объ укрѣпленіи своей новорожденной короны, нежели о славѣ военныхъ подвиговъ. Напрасна была также блистательная храбрость Поляковъ. Хлопицкій и Скржинецкій близились съ геройскимъ мужествомъ, а князь Радзивилъ хотя и не выказалъ въ свое главное начальствованіе военного таланта, хотя онъ и самъ признавалъ свою неспособность въ этомъ отношеніи, однакожь и у друзей и у недруговъ заслужилъ репутацію лично-храбраго человека. Съ 17 по 19 февраля бой слѣдовалъ за боемъ. Въ тотъ самый день какъ Скржинецкій, кліентъ Чарторыхскихъ, мужественно сдерживалъ сильнѣйшаго врага при Добре, Дверницкій съ успѣхомъ напалъ врасплохъ на русскій отрядъ генерала Гейсмара подъ Сточекомъ, а при Ваврѣ Шембекъ и Зымирскій съ честію сопротивлялись Розену и Палену. Фельдмаршалъ Дибичъ проникъ въ самое сосѣдство Варшавы, но кровопролитное сраженіе подъ Гроховомъ (19 и 20 февр.), въ которомъ обѣ стороны оказали чудеса храбрости и искусства, все-таки вынудило отсрочить предположенный штурмъ столицы, а черезъ нѣсколько времени побудило его и къ отступленію. Такъ какъ Радзивилъ добровольно сложилъ съ себя главное начальство, а Хлопицкій былъ раненъ, то главнокомандующимъ выступилъ теперь Скржинецкій, герой сраженій подъ Добре и Гроховомъ. Но сколь ни храбръ былъ онъ въ полѣ, его нерѣшимость, медлительность и склонность къ переговорамъ, все въ надеждѣ на посредничество пноземныхъ державъ и на успокоительные посулы дипломатовъ, много повредили дѣлу Поляковъ, въ то самое время какъ Россія дѣйствовала энергически. Предположенное возстаніе въ Литвѣ ограничилось, за недостаткомъ силъ, нѣсколькими безполезными вышывками, а попытка храбраго Дверницкаго поднять Волынь не нашла себѣ тамъ никакой поддержки, и Дверницкій, тѣснимый превосходнымъ числомъ русскихъ войскъ, спасся только благодаря смѣлому маршу, принадлежащему къ самымъ блистательнымъ подвигамъ въ новѣйшей военной исторіи, и ушелъ въ австрійскіе предѣлы, но тамъ былъ задержанъ военнопленнымъ съ корпусомъ изъ 6,000 человекъ (апрѣль). Наконецъ и Скржинецкій очнулся отъ своей бездѣятельности; въ маѣ перешелъ онъ за Бугъ, но Дибичъ настигъ его быстрымъ и смѣлымъ маршемъ, и какъ ни храбро бились Поляки въ сраженіи подъ Остроленкой (26 мая), они были рѣшительно побѣждены. Эта битва сдѣлалась поворотной точкой въ цѣломъ ходѣ польской революціи. Разладъ, вражда партій, предательство и вѣроломные напѣвы французскихъ переметчиковъ

быстро привели возстаніе къ концу. Дибичъ внезапно умеръ отъ холеры (9 іюня). На мѣсто его былъ назначенъ предпримчивый Паскевичъ (прозванный Эриванскимъ за покореніе въ 1828 г. персидской области Эривани). Пользуясь содѣйствіемъ Пруссіи, которая въ случаѣ успѣха польской революціи опасалась отпаденія своихъ восточныхъ провинцій, новый главнокомандующій перешелъ черезъ прусскую часть Вислы и приблизился къ стѣнамъ Варшавы, гдѣ никто не зналъ, что дѣлать и что начать. Тогда то поднялась городская демократія для совершенія страшной расправы. Въ убѣжденіи, что безуспѣшность революціи происходитъ отъ одной измѣны, народная толпа, ведомая солдатами, проникла въ замокъ (16 авг. 1831), умертвила тамъ многихъ генераловъ, отданныхъ подъ особый надзоръ и, увлекаясь отъ злодѣйства къ злодѣйству, совершила кровавую месть и надъ другими ненавистными ей лицами, которыхъ подозрѣвали въ аристократизмъ, переметчествѣ и друженіи Россіи. Внѣ себя отъ ужаса, бѣжалъ Чарторыйскій, переодѣтымъ, въ лагерь, гдѣ теперь начальствовалъ Дембинскій въ духѣ Скржинецкаго; удаленіе его изъ наполненнаго ужасомъ города скоро привело къ тому, что правительственная власть перешла въ руки такого лица, какъ Крюковецкій;—генералъ наполеоновскаго времени, демократъ и врагъ Скржинецкаго, онъ былъ выбранъ сеймомъ въ президенты правительства, съ полною диктаторскою властью. Когда Паскевичъ подошелъ къ столицѣ съ многочисленною арміею, новый правитель самыми противорѣчивыми мѣрами и самыми превратными распоряженіями показалъ ясно и недостатокъ мужества, и свою полную безнадежность на успѣхъ. Польское войско храбро сопротивлялось наступающему врагу при Волѣ, мѣстѣ избранія прежнихъ королей, гдѣ особенно отличился четвертый полкъ, стоявшій на тамошнемъ погостѣ; у Русскихъ при двухдневномъ штурмѣ (6 и 7 сент.) вышло изъ строя болѣе 11,000 человекъ (самъ Паскевичъ былъ раненъ); тогда Крюковецкій сдалъ Варшаву и Прагу русскому главнокомандующему на капитуляцію и потомъ явился къ нему военноплѣннымъ, бывъ отвергнутъ отступающимъ польскимъ войскомъ, какъ предатель. Правительство и сеймъ отправились въ Модлинъ вмѣстѣ съ арміею. Разладивъ между собою и страшась съ часу на часъ нападенія русскихъ войскъ, они прибѣгли къ послѣднему средству спасенія и ушли за прусскую границу. Тамъ, храбрые эти воины, въ числѣ 24,000 человекъ, были обезоружены и получали содержаніе до тѣхъ поръ, пока, послѣ совершеннаго покоренія Польши,

императоръ Николай, изданною имъ амнистіею (1 ноября), не дозволилъ большей части ихъ воротиться по домамъ. Такой же участи подвергся и генералъ Раморино, который еще прежде ушелъ съ своимъ корпусомъ въ Галицію. Не довѣряя милосердію прогнѣваннаго ими государя, цѣлыя тысячи польскихъ революціонеровъ отказались воротиться на родину и ушли во Францію, Англію, Швейцарію и другія земли. Такимъ образомъ они лишились своего имущества, общественнаго положенія и гражданскихъ правъ. Виновныхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Волыни постигли строгія наказанія. Въ силу органическаго статута (отъ 14 или 26 февр. 1832 г.) Польша, какъ вновь завоеванная страна, утратила свою конституцію, свой сеймъ и государственный совѣтъ и, удержавъ только особое управление и судоустройство, введена въ разрядъ прочихъ областей, составляющихъ громадную Русскую державу. Университеты въ Варшавѣ и Вильнѣ были упразднены, художественныя и ученыя сокровища отчасти увезены въ Россію, національная армія распущена. Съ тѣхъ поръ фельдмаршалъ Паскевичъ, въ качествѣ намѣстника, управлялъ Польшею до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1856 г. Мятежъ 1830 года доказалъ еще разъ, что Польша не исцѣлилась отъ прежнихъ грѣховъ своей аристократіи, — раздоровъ, предательства и своекорыстныхъ стремленій, которыя загубили ее встарь.

7. Новая и новѣйшая литература западно-европейскихъ народовъ.

§ 800 6. А. Италія (сравни § 553, 554). Творческая сила Итальянцевъ въ теченіе 17 и 18 вѣковъ мало по малу замерла. Духовный гнетъ, исходившій отъ Церкви и отъ многихъ мелкихъ правительствъ, оковалъ прежнюю дѣятельность въ области свободнаго искусства и литературы, поощряя одно чувственное наслажденіе и изнѣженную вялость. Пробавлялись только великимъ прошлымъ и подражали созданіямъ предшественниковъ. Въ лирику дѣржались сладкозвучныхъ, но скудныхъ мыслей сонеттовъ и канцонъ Петрарки, или слѣдовали по стопамъ греческихъ и римскихъ пѣвцовъ одъ, а въ героическомъ родѣ неисчислимымъ образцомъ для всей позднѣйшей эпохи оставался Людовико Аріосто, творецъ юмористическаго эпоса. Изъ подражателей его всѣхъ болѣе прославились Габр. Кіабрера (1652—1737), изъ Савоны, авторъ пяти эпическихъ поэмъ («Освобожденная Италія», «Фло-

ренція», «Роджеро» и друг.) и въ то же время плодovitый слагатель пѣсней и одъ по образцу древнихъ (Пиндару), а потомъ Ник. Фортигверра (1674—1735)—своимъ обширнымъ романтико-юмористическимъ эпосомъ «Рикардоттъ», въ 30 пѣсняхъ, принадлежащимъ къ циклу каролингскихъ сказаній. Последняя изъ этихъ поэмъ, которую, не смотря на многія разности въ историческихъ данныхъ, можно назвать продолженіемъ «Непестоваго Орланда», богата геніальностью, остроуміемъ и фантазіей, хотя Фортигверра накладываетъ комическія и сатирическія краски гораздо грубѣе чѣмъ Аріостъ. Къ Аріосту же примыкалъ и настоящій комическій эпосъ, единственный изъ всѣхъ эпическихъ родовъ, который удачно воздѣлывался въ 17 столѣтіи, — кто бы впрочемъ ни былъ истиннымъ его основателемъ, — Алессандро Тассони (1515 — 1635) изъ Модены, съ своимъ «Похищеннымъ ведромъ», или современникъ его, Франческо Браччіолини (1566 — 1645), съ своимъ «Осмѣяніемъ небожителей». Замѣтимъ только, что споръ объ этомъ первенствѣ нѣкогда пылалъ во всей Италіи съ необыкновеннымъ жаромъ. Переходъ отъ свѣтлой Аріостовой прони къ комической шуткѣ и насмѣшкѣ Тассони и Браччіолини — былъ въ сущности небольшой, едва замѣтный шагъ.

Матеріаломъ для «Похищеннаго ведра» Тассони служить одинъ истинный рассказъ изъ эпохи междоусобія средневѣковыхъ партій, и ведро, которое Моденцы отбили въ XIII вѣкѣ у Болонцевъ, до сихъ поръ еще виситъ въ Моденѣ на цѣпи. Всѣ 12 пѣсень полны мѣстныхъ сатиръ и намековъ, и цѣлая поэма направлена къ осмѣянію множества мелкихъ войнъ, которыя изъ-за бездѣлицъ велись между итальянскими городами, въ явный ущербъ краю. Ясность мыслей и образовъ, точность выраженія, легкость и изящество языка доставили этой поэмѣ у итальянцевъ классическое значеніе. — «Осмѣяніе небожителей» (*Scherzo degli Dei*) Браччіолини лишено глубокой сатирической основы; это низко-комическая насмѣшка надъ міромъ греческихъ мифовъ, которой главнымъ содержаніемъ служить мщеніе, задуманное Марсомъ и Венерой противъ Вулкана за то, что онъ поймалъ ихъ въ хитро устроенномъ ложѣ и потомъ предалъ посмѣянію Олимпійскихъ боговъ.

Комическій эпосъ долго оставался любимымъ родомъ поэзіи у итальянцевъ, но нынѣ большая часть этихъ произведеній совершенно забыта; въ томъ числѣ «Жизнь Мецената», сочиненіе Капорали, и «Обратное завоеваніе Мальмантиле» (т. е. скатертной брѣшности), комическая эпопея живописца Лоренцо Липпи. —

Однакожь не совѣтъ была покинута и лирика. Энергическою и своеобразною является она у графа Фульвіо Тести (1593 — 1646), изъ Феррары, жившаго въ великой чести при дворѣ герцога Моденскаго, а потомъ кончившаго дни въ государственной тюрьмѣ, вѣроятно вельдствіе какой нибудь интриги. Въ своихъ одахъ бралъ онъ за образецъ Горация, не достигая однакожь ни генія, ни силы римскаго поэта. Древнимъ же подражали и два другіе стихотворца, которымъ благосклонствовала и помогала Шведская королева Христина (§ 586) въ бытность свою въ Римѣ: именно Алесс. Гвиди (1650 — 1712), изъ Павіи, слѣдовавшій Пиндару, и Бенед. Менцини (†1708), изъ Флоренціи, которому образцомъ служилъ Гораций. Съ болѣе возвышеннымъ и благороднымъ характеромъ выступила итальянская поэзія у Винченцо да Филикайи (1642 — 1707), изъ Флоренціи, который былъ равно далекъ отъ безмысленнаго и бездушнаго фразёрства Петраркистовъ, какъ и отъ холодной подражательности древнимъ образцамъ. Проникнутый болѣе смѣлымъ духомъ, нежели вся почти масса его современниковъ, онъ отвѣдился высказывать въ политическихъ піесахъ взгляды и ощущенія, вызываемыя у него событіями текущаго дня («Ода на осаду Вѣны»), и въ неподобномъ сонетѣ «Italia! Italia!» первый облекъ въ потрясающіе звуки скорбное чувство итальянскихъ патриотовъ надъ безотраднымъ положеніемъ прекраснаго отечества.

Сильнѣе и художественнѣе явились Итальянцы въ сценическомъ творествѣ, особенно въ сродной ихъ музыкальной натурѣ и поощряемой изнѣженностью той эпохи оперѣ, а также и въ мелодрамѣ. Музыка уже и прежде играла значительную роль въ драмѣ Итальянцевъ, особенно въ такъ-называемыхъ пастушескихъ (идиллическихъ) піесахъ, а въ 17 и 18 столѣтіяхъ сценическія произведенія Апостола Зено (1669—1750), Метастазіо и др. (§ 554. в.) поставили ее на первый планъ, такъ что мало по-малу собственно поэтическая сторона вездѣ должна была уступить музыкальной. Преемникъ Метастазіо въ званіи придворнаго поэта вѣнскаго двора, Джамбатиста Касти (1721—1803), сначала также посвятилъ свой поэтический талантъ музыкальной драмѣ, съ тою только разницей, что онъ выбралъ не серьезную героическую оперу своего предметника, а комическую (опера буффа). Однакожь онъ болѣе прославился своими писанными въ октавахъ «Любовными новеллами», въ Боккачьевомъ вкусѣ, полными древнеиталійскаго легкомыслія и своевольства, особенно же своимъ сатирическимъ звѣро-эпосомъ: «Говорящія животныя», съ

рѣзкими намеками на придворную и государственную жизнь, на политическія и социальныя идеи и вообще на бытъ того времени. Настоящая драма, то есть какъ веселая комедія, которую преимущественно выработали Гольдони и Гоцци (§ 554. в.), такъ и трагедія, которую подняли опять Сципионъ Маффеи (1675—1755) своею знаменитою «Меропей» и Альфіери (§ 554. в.) своими полными силы историческими драмами, приняла въ 18 вѣкѣ, подъ вліяніемъ французской драматической поэзіи, новое направление, стремившееся къ большей художественности въ формѣ и планѣ и къ болѣе строгому подчиненію правиламъ искусства, — направление, которому оставался вѣренъ еще самъ Альфіери, не смотря на свое высокое патристическое одушевленіе, и отъ котораго дерзнулъ первый отступить только трагикъ Джованни Пиндемонте (1751—1812), проложившій болѣе свободный путь фантазіи. Его младшій братъ, Ипполитъ Пиндемонте (1753—1828) писалъ, среди многотревожной эпохи, мягкія, меланхолическія картины природы, полныя идиллической граціи, и лирическія піесы и посланія, въ которыхъ, рядомъ съ классическимъ образованіемъ, высказывается глубокая задумчивость чувства и религиозный взглядъ. Оба брата пріобрѣли сверхъ того извѣстность удачными переводами древнихъ стихотворцевъ (особенно Гомера); но драматическія произведенія Ипполита, съ хорами и вставными лирическими пѣснями, теперь болѣею частію забыты. Даровитѣйшій подражатель Альфіери въ сферѣ трагедіи, но безъ чувства свободы и безъ энергіи своего учителя, былъ Винченцо Монти изъ феррарской области (1754 — 1828). Угодникъ великихъ міра, Монти (сдѣлавъ себѣ почетное имя трагедіями «Галеотто Манфреди» и «Аристодемъ»), написалъ, по случаю умерщвленія французскаго посланника Басвиля въ Римѣ, благопріятное для папы и обильное блестящими мѣстами стихотвореніе «Басвилліана»: оно направлено противъ идей французской революціи, за что миланскіе демократы предали его огню. Въ послѣдствіи пожалованный Наполеономъ въ придворные поэты и историографы Италійскаго королевства, превозносилъ онъ побѣдителя Италіи въ хвалебныхъ произведеніяхъ, а наконецъ «кантатою» въ честь императора Франца и другими піесами, писанными по заказу двора, пріобрѣлъ себѣ благосклонность Австрійскаго монарха и сохранилъ свою пожизненную пенсію до самаго конца. Въ эпоху французскаго владычества Монти былъ нѣкоторое время профессоромъ итальянской литературы въ Павіи. Это мѣсто занялъ потомъ Ник. Уго Фосколо (1777 — 1827), родомъ

изъ венеціанской области, страстный, пламенный пѣвецъ свободы, у котораго мысль о политическомъ возрожденіи Италіи впервые нашла себѣ восторженное выраженіе. Его трагедіи («Tieste», «Ajace», «Ricciarda»), въ которыхъ онъ развилъ свои идеи о свободѣ, отличаются не столько художественными красотою, сколько патріотическими помыслами. Нападки и гоненія, которыя онъ себѣ навлекъ, не помѣшали ему, въ качествѣ члена консульты въ Ліонѣ (§ 740), произнести смѣлую, потому и обнародованную имъ «Рѣчь къ Бонапарту» *). Но слишкомъ скоро убѣдился онъ въ бесплодности своихъ стараній и въ обманчивости своихъ надеждъ, и чувство скорби о паденіи своего отечества слилось у него съ воплями несчастной любви въ романѣ «Письма двухъ любовниковъ», или, какъ онъ озаглавилъ его въ позднѣйшей передѣлкѣ, «Послѣднія письма Джакомо Ортиса» (1802),—книга, которую можно назвать «италіанскимъ Вертеромъ», потому что герой соединяетъ въ себѣ нѣмецкую сентиментальность съ италіанскимъ патріотизмомъ и погибаетъ жертвою обоихъ чувствъ. Потерявъ отечество, теряетъ онъ еще недостижимую для него возлюбленную, и тогда самъ налагаетъ на себя руку. Общественная страсти, любовь къ родинѣ и любовь къ милой, изображены съ удивительной задушевностью и со всей силою естественной простоты; книга, написанная кровью поэта, произвела глубоко-потрясающее дѣйствіе. Поэтому, не смотря на многіе свои грѣхи, Фосколо остался любимцемъ италіанской молодежи. Не менѣе вліянія на общее настроеніе Италіянцевъ имѣла дидактическая піеса Фосколо: «Могилы», которая въ мрачныхъ, жалобныхъ звукахъ высказываетъ грозныя истины и безнадежную, безвыходную скорбь. Миланское правительство, смотрѣвшее подозрительно на Фосколо, стало угрожать ему преслѣдованіемъ; онъ бѣжалъ въ Лондонъ и умеръ тамъ 11 сент. 1827 г. Беспорядочный въ жизни, съ презрѣніемъ попиравъ всѣ обычаи, принятыя въ обществѣ, и оттого безпрестанно колебался въ своихъ взглядахъ. За всѣмъ тѣмъ это былъ значительнѣйшій и вліятельнѣйшій поэтъ политическаго и національнаго направленія, которое началось бѣднымъ Джузеппе Парини (1729—99), изъ миланской области, единственнымъ человекомъ въ Италіи, прожившимъ безъ упрёка и безъ зависти, и нашло себѣ достойныхъ представителей въ Леопарди, Никколини, Беркетти и

*) Въ этой высокопарной и надутой рѣчи Фосколо ставитъ Наполеона выше Тезея, Ромула и Брута, и приравниваетъ его къ Тиберию, Марку Аврелію, Льву X и наконецъ къ Юпитеру. Смѣлость уже слишкомъ прикрыта въ ней крайнею восторженностью похвалъ.

Сильвіо Пеллико. Эта патріотическая поэзія все съ возрастающимъ увлеченіемъ опиралась на Данта, котораго любовь къ родинѣ и духовная энергія среди невзгодъ и изгнанія сдѣлалась путеводною звѣздой для слѣдовавшихъ за нимъ поколѣній. Въ этомъ восторженномъ увлеченіи сошлись они съ возродившеюся теперь романтикой, которая поэтому вскорѣ пріобрѣла сильное вліяніе на итальянскую литературу, но при няла здѣсь особенный, національный колоритъ.

Въ своей сатирической піесѣ «День» Парини бичевалъ во-первыхъ нравы и обычаи знатныхъ, такъ-называемаго «лучшаго общества», находя въ его изнѣженности, сластолюбіи и индифферентизмѣ (сердечномъ и умственномъ равнодушіи) ко всему высокому и идеаль-ному источникъ нравственнаго упадка и всѣхъ золъ общественной жизни въ Италіи. Слова его не остались совсѣмъ безплодны: въ благороднѣйшихъ душахъ пробудилась жажда національнаго возрожденія, вслѣд-ствие чего и французскіе республиканцы сначала приняты были съ восторгомъ, пока Итальянцы не убѣдились на опытѣ, что и счастье, о которомъ они мечтали, и свобода, цѣль ихъ стремленій, не даются одной сплюю чужеземнаго штыка. Но чѣмъ болѣе состояніе Италіи подѣ французскимъ господствомъ колебалось между притѣсненіемъ и свободой, чѣмъ болѣе чувства этой страны невольно дѣлились между гордостью и униженіемъ при новой славѣ итальянскаго оружія, подъятаго за чужое дѣло, тѣмъ болѣе у напряженныхъ умовъ оставалось времени сравнивать гнетущую дѣйствительность съ блескомъ своихъ идеаловъ и томиться въ постоянной тревогѣ при переходѣ отъ одной сильной страсти къ другой. Но французское владычество осталось не безъ благотворныхъ послѣдствій: оно содѣйствовало пробужденію національнаго порыва, который продолжался еще и тогда, когда положенъ былъ конецъ самовластию Наполеона, и когда созданныя Вѣнскимъ конгрессомъ учрежденія подавили всякое умственное и національное движеніе. Въ пробужденіи этомъ не малое участіе принимала и литература. Новая романтика, указывая на великую эпоху средневѣковой Италіи, оживила національное чувство и патріотизмъ. Классически-образованный графъ Джакомо Леопарди (1798—1837), родомъ изъ анконской марші, другъ и единомышленникъ Платена (см. Германія), выразилъ эти чувства въ своей «Пѣсни къ Италіи» (Canto) и въ своихъ мысляхъ о сооруженіи памятника Данту, почему стихи его и были приняты съ величайшимъ восторгомъ. Еще энергичнѣе и сильнѣе была его «Пѣснь къ Анджели Май, по случаю отысканія имъ книгъ

Цицерона о республикѣ», — стихотвореніе, принадлежащее къ благороднѣйшимъ произведеніямъ итальянской лиры; въ немъ поэтъ изливаетъ ощущенія своего стѣсненнаго сердца надъ скорбнымъ жребіемъ отечества и въ то же время старается возбудить мужество, гордость и самоувѣренность указаніемъ на славу минувшихъ дней. Его духъ, пропитанный эллинской мудростью и римскимъ республиканизмомъ хотя и потерялъ отъ гнета вѣнскихъ отношеній, однакожь не былъ ими сокрушенъ. Джованни Баттиста Никколини (1785—1855), изъ окрестностей Пизы, бывшій профессоромъ и бібліотекаремъ во Флоренціи, существенно содѣйствовалъ возрожденію чувства свободы и національнаго духа своими трагедіями, почерпнутыми изъ отечественной исторіи. Въ первыхъ піесахъ, заимствованныхъ изъ древней исторіи и міоологіи (Поликсена, Медея, Эдипъ и друг.), шелъ онъ по стопамъ Альфіери, но славы и сочувствія достигъ только тогда, когда обратился къ романтикѣ и взялся съ либеральнымъ духомъ и патріотизмомъ за отечественные сюжеты въ піесахъ «Антоніо Фоскарини», «Джованни да Прочиди», «Людовико Моро», «Филиппо Строцци» и особенно въ своемъ знаменитомъ «Арнольдѣ Брешианскомъ». Сильвіо Пеллико (1789—1854), изъ Салуццо, мягкая, элегическая натура, прославился сначала какъ поэтъ своими трагедіями, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимаетъ почерпнутая изъ Данта «Франческа да Римини». Возбужденный стихотвореніями Фосколо, посвятилъ онъ потомъ свои силы патріотическимъ стремленіямъ и для этого основалъ въ Миланѣ журналъ, но за свой національный и вольный образъ мыслей долженъ былъ заплатить долготѣннымъ страданіемъ подъ свинцовыми крышами венеціанскихъ тюремъ и въ казематахъ Шпильберга. Той же участи подвергся и поэтъ Марончелли. Скорби своего десятигодоваго страшнаго заточенія Сильвіо Пеллико изобразилъ трогательно и увлекательно въ своей вѣтми читанной книгѣ «Мое узничество» (*Le mie prigioni*). Истомленный тѣломъ и душой, получилъ онъ наконецъ свободу, но изданія имъ потрясающія описанія только еще усилили въ его соотечественникахъ жажду освобожденія отъ невыносимо-тяжкаго австрійскаго гнета. Джованни Беркетъ († 31 дек. 1851), родившійся въ Миланѣ къ концу осьмидесятыхъ годовъ, принадлежалъ, вмѣстѣ съ Сильвіо Пеллико, Томазо Гросси (авторомъ поэмы «Ломбарды въ первомъ Крестовомъ походѣ», замѣчательной по вѣрности характеровъ) и другими, къ такъ называемой «юной Италіи», которой воззрѣнія распространялись въ журналѣ «Примиритель» (*Conciliatore*). Послѣ не-

удавшейся революціи 1820—21 года, постигло его долготѣнее изгнаніе, проведенное имъ попеременно во Франціи, Бельгіи и Англіи. Нѣкоторое время жилъ онъ также въ Боннѣ и Берлинѣ, находясь въ дружеской связи съ изгнаннымъ по той же причинѣ маркизомъ Арконати Висконти; съ нимъ и возвратился онъ въ Италію, когда къ концу тридцатыхъ годовъ австрійское правительство нѣсколько смягчилось въ своихъ взглядахъ. Его политическія стихотворенія, дышущія карбонаризмомъ, въ послѣдствіи, при измѣнившихся обстоятельствахъ, мало обращали на себя вниманія; но повѣствовательная поэма «Паргекіе бѣглецы», изображающая съ глубокимъ чувствомъ, въ формѣ романа, героическую гибель этой христіанской республики на Албанскомъ берегу, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ произведеніямъ новопатальянской литературы.

Вдалекѣ отъ опасныхъ политическихъ стремленій, хотя впрочемъ не безъ либеральнаго и патріотическаго чувства, проложилъ свой литературный путь величайшій изъ современныхъ поэтовъ Италіи, Миланецъ Алессандро Манцони (род. 1784). Въ своихъ «Духовныхъ гимнахъ» (*Inni sacri*) онъ явился вѣрующимъ католикомъ и христіанскимъ пѣвцомъ въ смыслѣ новой романтики. Это были пѣсы въ духѣ древнихъ пѣсней, зародившіяся въ истинно-благочестивой душѣ кроткаго, созерцательнаго человека, который, какъ сказываютъ, былъ сильно потрясенъ нравственными опустошеніями революціи и котораго одинъ французскій проповѣдникъ, въ минуту внезапнаго возбужденія, исторгъ изъ скептицизма и возвратилъ въ лоно церкви. Въ своихъ трагедіяхъ («Графъ Карманіюльскій» и «Адельджинъ») восхищаетъ онъ классическимъ достоинствомъ и истинною чувствомъ, равно какъ и лирическимъ эффектомъ удачно введеннаго имъ хора, и указываетъ страданію утѣшительную опору въ терпѣніи и надеждѣ, потому что «счастіе не можетъ же быть въ вѣчномъ союзѣ съ притѣнителемъ, точно также какъ и съ притѣсленнымъ». Его скорбная ода на смерть Наполеона («Пятое мая») была встрѣчена такимъ общимъ одобреніемъ, что даже Гёте перевелъ ее на нѣмецкій языкъ. Но всего болѣе извѣстенъ и распространенъ его романъ «Обрученные» (*I promessi sposi*), въ родѣ историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, живое, хотя отчасти слишкомъ подробное и ученое изображеніе церковнаго, политическаго и общественнаго быта Италіи подъ испанскимъ господствомъ; мораль всей повѣсти—отреченіе отъ всякой самовольной мести, какимъ бы человекъ ни подвергался нападкамъ и страданіямъ. Произведеніе это вызвало цѣлую бездну

подражаній, такъ что историческій романъ занимаетъ въ новѣйшей итальянской литературѣ первое мѣсто. «Монцская монахиня» Розини служить какъ бы продолженіемъ «Обрученнымъ». Манцони, подобно Фосколо, старался отдѣлаться отъ холодной риторской напыщенности и возратить поэзіи непосредственную истину и простоту природы. Гвераци, изъ Ливорно, былъ первымъ, который для своей «Осады Флоренціи» взялъ сюжетъ изъ новѣйшей эпохи и изъ политическихъ стремленій «юной Италіи».

Исторіографія нашла себѣ въ 18 и 19 столѣтіяхъ нѣсколько достойныхъ тружениковъ, не смотря на то, что отношенія Италіи вовсе не благоприятствовали этому дѣлу, и что поприще правдолюбиваго и патриотическаго историка было окружено большими опасностями. Лодовико Антоніо Муратори (1672—1750) своимъ тщательнымъ и добро-совѣстнымъ собраніемъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ и историковъ положилъ начало подробной всеобщей исторіи отечества, а потомъ въ своихъ «Лѣтописяхъ Италіи» пошелъ по стопамъ Гвиччардини (§ 553). Современникъ его, ученый Неаполитанецъ Джанпоне (1676—1748), своею «Исторіей Неаполитанскаго королевства», въ которой онъ живыми чертами изобразилъ свѣтобоязненные ковы духовенства и исходящій изъ Рима тяжкій умственный гнетъ, до того навлекъ себѣ ненависть и гоненія іерархіи, что могъ спастись только бѣгствомъ за границу, и когда по прошествіи многихъ лѣтъ онъ отважился опять ступить на родную почву, то попалъ въ руки бдительной инквизиціи, которая уморила его въ туринской тюрьмѣ. Джироламо Тирабоски, изъ Бергамо, въ своей основательной «Исторіи итальянской литературы» представилъ умственную жизнь своихъ соотчичей, отъ начала научнаго образованія до 1700 года, съ обширною ученостію и замѣчательнымъ правдолюбіемъ. Эпоха революціи и Наполеонова господства въ Италіи нашла себѣ многосвѣдущаго и либеральнаго бытописателя въ Піэмонтиѣ Карло Ботти (1766—1837)¹, который по самому положенію своему, какъ піэмонтекій государственный человѣкъ и какъ членъ законодательнаго корпуса въ Парижѣ, могъ глубже всмотрѣться въ судьбы государствъ и въ ходъ общественнаго быта, а потому и былъ особенно призванъ къ тому, чтобы явиться продолжателемъ Гвиччардини и написать исторію Италіи съ конца XV вѣка до своего времени. Современникомъ и единомышленникомъ Ботти былъ Неаполитанецъ П. Коллетта (1775—

¹ Storia d'Italia dal 1789—1814.

1831), принимавшій много личнаго участія въ судьбахъ своего отечества при владычествѣ Французовъ и потомъ при королѣ Фердинандѣ I; это былъ человекъ съ большими свѣдѣніями по военной и особенно артиллерійской части. Послѣ многолѣтней жизни, Коллетта, вслѣдствіе революціи 1820 г., былъ взятъ за конституціонныя убѣжденія, не смотря на свои прямодушные поступки въ качествѣ королевскаго главнокомандующаго въ Сициліи, и отправленъ государственнымъ узникомъ въ австрійскую крѣпость Брюннъ; желѣзное здоровье его стало приходить въ упадокъ, и ему наконецъ разрѣшили провести остатокъ дней въ Флоренціи. Здѣсь онъ написалъ превосходную «Исторію Неаполитанскаго королевства съ 1734 по 1825 г.», которая однакожь вышла уже послѣ его смерти. Исторія «Сицилійской вечерни» Микель Амари, которою авторъ старался пробудить чувство свободы и національности въ злополучномъ народѣ и краснорѣчиво поборотъ деспотизмъ, показалась такъ опасна неаполитанскому правительству, что Амари счелъ необходимымъ избавиться бѣгствомъ отъ грозившихъ ему преслѣдованій (1842). Съ тѣхъ поръ жилъ онъ «нераскаяннымъ революціонеромъ» въ Парижѣ, занимаясь учеными работами, которыхъ плодомъ явилась въ 1854 г. написанная по источникамъ, «Исторія Сарацынъ въ Сициліи».

Б. Англія (сравни § 557 и 670). Во второй половинѣ 18 вѣка англійская литература постепенно освободилась изъ-подъ вліянія образцовъ и правилъ литературы французской, и возвратилась опять къ своей національной особенности, къ отечественнымъ сюжетамъ и образцамъ. На этотъ поворотъ вкуса сильно подѣйствовала новая романтика, отъ которой не смогли устраниваться и Англичане; но ихъ здравый, далекій отъ всякаго преувеличенія смыслъ предохранилъ литературу того края отъ болѣзненнаго искаженія, въ какое впали французская и нѣмецкая романтика. Возвратъ къ прошлому имѣлъ въ Англіи ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ во-первыхъ то, что литераторы старались сблизить молодое поколѣніе съ средневѣковымъ бытомъ и поэтическими его богатствами: для этого собирали старыя баллады и народныя стихи (Макферсоновъ Оссіанъ, народныя баллады Т. Перси и мног. друг.) или воспроизводили въ романахъ и историческихъ картинахъ бытъ прошлаго; во-вторыхъ стали опять воздавать должное уваженіе созданіямъ Шекспира, пренебреженнымъ въ періодъ господства французскаго вкуса: поворотъ особенно обнаружился съ тѣхъ поръ, какъ этого поэта такъ высоко превозносили въ Германіи и какъ великій

англійскій актеръ Давидъ Гарриксъ (1716—1779) своею безподобною игрою раскрылъ передъ націей всю глубину и все неисчерпаемое богатство Шекспировыхъ драматическихъ созданій.

Всего прежде отступились отъ французскаго вкуса въ Шотландіи, той удаленной отъ политическаго водоворота странѣ, гдѣ вообще условная поэзія никогда не могла совѣсть вытѣснить своенародную лиру, гдѣ изъ рода въ родъ сохранилось множество народныхъ былинъ, сказаній, пѣсенъ и балладъ, гдѣ по украинамъ и нагорнымъ мѣстамъ жило привольною жизнію музыкальное, дорожащее родиною племя, еще весьма далекое отъ однообразной, вѣчной страды англійскаго фабричнаго, — племя, которое крѣпко держалось древняго преданія и въ народныхъ пѣсняхъ, и въ суевѣріяхъ, и въ политической особенности. Цѣлый рядъ шотландскихъ стихотворцевъ, принадлежащихъ отчасти къ низшимъ сословіямъ, противопоставилъ англо-французской искусственной поэзіи простое, душевное творчество естественнаго чувства; богатая дарами природа и полная думы народная жизнь, столько же въ дѣйствительности, сколько и въ старыхъ національныхъ пѣсняхъ, была неиссякающимъ родникомъ ихъ литературной и поэтической дѣятельности. Являясь сперва геніями и риомачами своей маленькой родины, какого-нибудь села или городка, они расширяли понемногу сферу своей извѣстности, или обходя ближайшее сосѣдство или, при помощи досужныхъ переписчиковъ, пуская свои безыскусственные пѣсни въ ходъ даже на цѣлые округа. Первымъ, вступившимъ на эту дорогу, былъ Олленъ Рамсей (1686—1758), сначала парикмахеръ, потомъ книгопродавецъ въ Единбургѣ; онъ сочинилъ на шотландскомъ нарѣчій пастушескую піэсу («The gentle shepherd», т. е. «Милый пастухъ»), полную вѣрныхъ, живыхъ изображеній природы, и собралъ множество старшотландскихъ пѣсенъ. Примѣру его послѣдовалъ несчастный Роб. Фергуссонъ (1751—74), умершій молодымъ человекомъ въ домѣ съумасшедшихъ, вслѣдствіе сильнаго сотрясенія въ мозгу; въ его шотландскихъ пѣсняхъ видно много душевной поэзіи; тѣмъ же путемъ шла Леди Анна Барнардъ, урожденная Лейндсей (1750—1825), въ своей прекрасной балладѣ «Старикъ Робинъ Грей». Но истинно-національнымъ пѣвцомъ и общимъ любимцемъ шотландскаго народа явился Роб. Бёрнсъ (1759—1796), бѣдный поселянинъ изъ графства Эйръ. Гнетущія обстоятельства, отъ которыхъ ему пришлось проработать всю жизнь, не смогли подавить въ немъ природнаго поэтическаго таланта, однакожь стѣснили его размахистый по-

летъ и наполнили его удалую, пѣвучую душу тяжкимъ раздумьемъ и печалью ¹. Стихотворенія его, распространенныя въ безчисленномъ множествѣ изданій и переводовъ, — настоящіе звуки природы, полные теплоты, свѣжести, ясности и такого разнообразія чувствъ, ощущеній и настроеній, которое могло возникнуть и воспроизвестись только въ самой богатой фантазіи, въ самомъ воспримчивомъ сердцѣ, въ душѣ, коротко знакомой со всей внутренней жизнью своего народа. Благодаря нераздѣльному одобренію, которымъ вездѣ были встрѣчены Бёрнсовы стихи, этотъ родъ поэзіи нашелъ себѣ слишкомъ многихъ дѣлателей, и число такъ-называемыхъ «естественныхъ поэтовъ» въ Шотландіи расплодилось чрезъ мѣру. Между безконечнымъ множествомъ именъ нельзя не выставить особенно слѣдующихъ: Іоанна Белли (1765—1851), пріятельница Вальтеръ Скотта, столько же прославившаяся своими шотландскими пѣснями, какъ и своими нравственными «Драмами страстей», возбуждавшими нѣкогда всеобщее удивленіе; каменщикъ Олленъ Кёнингамъ (1784—1842), и такъ-называемый Эттрикскій пастухъ, Джемсъ Гоггъ (1772—1835), который, подъ вліяніемъ старинныхъ сагъ и народныхъ пѣсенъ, бывши еще безграмотнымъ пастушонкомъ, началъ сочинять складные стихи. Изъ многочисленныхъ его произведеній всѣхъ извѣстнѣе «Королевиный Праздникъ» (the Queen's wake), собраніе сказокъ и балладъ. Многія изъ этихъ безыскусственныхъ простонародныхъ созданій были также сатирическаго и эниграмматическаго содержанія. Въ этомъ родѣ сталъ особенно извѣстенъ и даже страшенъ Томасъ Гоггартъ (дядя знаменитаго живописца Гогарта), изъ долины Траутбекъ въ Вестморлендѣ. Гоггартъ, умершій въ началѣ прошлаго вѣка, писалъ также драматическія піэсы, сочинилъ между прочимъ піэсу въ стихахъ «Разореніе Трои», которую играли на скатѣ одного холма подъ открытымъ небомъ; представленіе длилось трои сутки, и въ немъ участвовалъ чуть не весь мѣстный приходъ; поселяне же стеклись зрителями со всѣхъ сторонъ, изъ сосѣдства и издалѣка ². — Величайшее вліяніе на новую литературу не только Англіи, но и матерой Европы, имѣлъ многосторонній, одаренный плодовитымъ

¹ Они сдержали въ немъ порывъ удалой веселости, но зато, безъ сомнѣнія, и глубже опредѣлили его поэтическую сферу, подсказавъ ему много такихъ звуковъ, до какихъ бы никогда не дойдти Бёрнсу среди самой благопріятной обстановки.

² Подобныя представленія, только — библейскаго содержанія (Passionsspiel), бывають и до сихъ поръ въ селѣ Оберъ-Аммергау, въ нагорной Баваріи.

творчествомъ шотландскій поэтъ Вальтеръ-Скоттъ (1771—1832), родомъ изъ Эдинбурга; онъ отчасти собиралъ народныя баллады своей родины, отчасти въ эпическихъ разсказахъ и романахъ создавалъ изъ историческаго матеріала живые образы, привлекательные картиннымъ воспроизведеніемъ нравовъ, обычаевъ, учреждений, видовъ мѣстной природы и превосходными характеристиками отдельныхъ личностей. Онъ началъ (въ своемъ Ваверлеѣ) съ того, что оживляя грезы своего дѣтства, воспользовался нагляднымъ знакомствомъ съ мелочными подробностями жизни своихъ земляковъ, къ которымъ присмотрѣлся на своемъ первоначально-юридическомъ поприщѣ, знаніемъ природы края и его жителей, пріобрѣтеннымъ въ странствіяхъ по украинамъ Шотландіи, нагорнымъ захолустьямъ и островамъ, изученіемъ бездны забытыхъ монографій и народныхъ пѣсень, что и дало ему возможность живо и вѣрно воспроизводить прошлое своего народа въ различные его періоды. Эти мѣстныя и народныя картины шотландскаго быта составляютъ безспорно самую удачную часть его произведеній.

Въ Эдинбургскомъ университетѣ, рядомъ съ классическими занятіями, Вальтеръ-Скоттъ прилежно изучалъ новѣйшіе языки и началъ свое поэтическое поприще нѣсколькими переводами съ нѣмецкаго (Бюргеровыхъ «Леоноры» и «Дикаго охотника», Гётевыхъ «Гёца фонъ-Берлихингенъ» и «Царя ольхъ»), а потомъ, подъ вліяніемъ сборника балладъ Перси и стихотвореній Бёрнса, избралъ предметомъ литературной дѣятельности свой поэтическій родимый край. Съ живѣйшимъ одобреніемъ приняты были его народныя баллады шотландской украинны (Minstrelsy of the Scottish border), взятая бѣльшее частію изъ устнаго преданія и объясненныя историческимъ комментариемъ; а также и первая болѣе обширная поэма «Пѣснь послѣдняго минстреля». Это ободрило его къ новымъ созданіямъ въ родственной сферѣ національно-романтическаго эпоса. Въ 1808 г. явилась рыцарская поэма «Марміонъ, повѣсть о Флодденскомъ побоищѣ» (Флодденское поле знаменито пораженіемъ Шотландцевъ въ 1513 г.); а два года спустя — его знаменитое произведеніе «Дѣва озера» (The lady of the lake) съ великодушными картинами горно-шотландской природы. Тутъ Вальтеръ-Скоттъ достигъ высшей точки въ романтико-эпическомъ родѣ; слѣдовавшія затѣмъ повѣствовательныя его поэмы (The vision of Don Roderick, Rokeby, the Lord of the Isles, Harold the dauntless и мног. друг.), уступаютъ прежнимъ и въ замыслѣ и въ исполненіи. — Но еще болѣе чѣмъ балладами и эпическими поэмами прославился Вальтеръ Скоттъ пѣлымъ

рядомъ своихъ Историческихъ романовъ; въ этомъ родѣ онъ создалъ новую эпоху и сталъ любимымъ писателемъ всехъ народовъ. Человѣкъ съ спокойною натурой, надѣленный доброю долей здороваго чисто-англійскаго юмора, хорошій собесѣдникъ и рассказчикъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, писалъ онъ свои повѣсти безъ всякой высшей цѣли, для одного безвреднаго занятія пражной толпы. Онъ работалъ не подчиняясь ни какому заранѣе установленному плану, да и вообще планъ служилъ ему только нитью для напизыванія на нее «хорошихъ вещей»; то, что онъ писалъ, старался онъ только сдѣлать занимательнымъ, а во всемъ прочемъ шелъ рѣшительно на удачу. Начало положено было въ 1814 г., явившимся безъ имени автора, романомъ «Ваверлей», который до того всѣмъ понравился, что названіе его сдѣлалось родовымъ для цѣлаго ряда подобныхъ романовъ, которые послѣдовали у Скотта одинъ за другимъ въ короткое время. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: «Гей Маннерингъ», «Антикварій», «Робъ-Рой», «Сердце Мидъ-Лотьяна или Единбургская темница», «Изувѣры» (Old Mortality), «Ламмермурская невеста», «Легенды Монтроза», «Айвенго», «Кенильвортъ», «Квентинъ Дёрвардъ», «Вудстокъ» и друг. Удачнѣйшими были его раннія произведенія, и особенно тѣ, которыхъ дѣйствіе происходить на родной автору шотландской и англійской почвѣ, потому что они опираются на глубокое знаніе мѣстной природы и народнаго характера и вслѣдствіе того отличаются особенною свѣжестью и жизнію; напротивъ позднѣйшіе романы, какъ напр. «Анна Гейерштейнъ», «Робертъ Парижскій» и друг., далеко отстаютъ отъ прежнихъ и служатъ доказательствомъ, что даже и самый энергическій талантъ, отъ чрезмѣрной плодовитости, наконецъ ослабѣваетъ въ силахъ. Многія изъ позднѣйшихъ произведеній Вальтеръ-Скотта написаны имъ для поправленія своего состоянія, разстроеннаго большими расходами на постройки и разведеніе сада въ Абботсфордѣ, особенно же банкротствомъ книгопродавцевъ Боллентейна и Констебля, у которыхъ онъ былъ въ долъ. Вальтеръ-Скоттъ явился не безъ достоинствъ и въ качествѣ историка; однакожъ истинно интересны только тѣ историческія его сочиненія, которыя, какъ напр. «Разказы моего дѣдушки», принадлежатъ еще къ области романа и сказанія, тогда какъ его «Исторія Шотландіи» не имѣетъ особенной цѣны, и всего менѣе удалась ему пристрастная (въ торійскомъ духѣ) и крайне поверхностная «Жизнь Наполеона». Напротивъ очень полезны и поучительны многіе изъ его литературно-историческихъ трудовъ, на-

примѣръ Жизнеописанія старыхъ романистовъ (Ричардсона, Фильдинга, Смоллета и друг.), также біографіи Драйдена и Свифта.

Въ то же самое время какъ на сцену выступили оригинальные Шотландцы, дѣлались и въ Англіи удачныя попытки вытѣснить французскій вкусъ и условно-искусственное стихотворство наивною естественною поэзіей, балладами и пѣнями простаго народа. За Томпсономъ и Юнгомъ (§ 560), которые впервые стали изображать вѣшнюю природу и внутреннюю жизнь человѣка съ чувствомъ и задумчивостію, слѣдовалъ Вильямъ Коуперъ (1731—1800), — поэтъ полный религіозной мечтательности и болѣзненной грусти; въ своей дидактической поэмѣ «Урокъ» (the task) обнаружилъ онъ теплое чувство къ праву, свободѣ и отечеству, а въ юмористической балладѣ «Джонъ Гильпинъ» возобновилъ старо-англійскую народную поэзію. Еще болѣе прославилась баллада «Привидѣніе адмирала Гозьера» Рич. Гловера (1712—85), купца и парламентскаго члена, извѣстнаго своими эпическими и драматическими піесами; а элегическое изображеніе природы Томпсона нашло себѣ превосходнаго подражателя въ Томасѣ Греѣ (1716—72): его «Элегія на сельское кладбище» принадлежитъ до сихъ поръ къ любимымъ у Англичанъ созданіямъ поэзіи. Многосторонній литераторъ Оливеръ Гольдсмитъ (§ 560, 1729—74), прославившійся какъ историкъ, критикъ и чувствительный романистъ, въ своихъ балладахъ, пѣняхъ и элегической картинѣ «Покинутая деревня» также обращался къ тону народной поэзіи и къ трогательному изображенію природы. — Даровитый и полный фантазіи поэтъ былъ несчастный Томасъ Чаттертонъ (1752—70), изъ Бристоля, который въ припадкѣ хандры, отъ чувства оскорбленной гордости и отъ недостатка средствъ къ жизни, умеръ еще восемнадцатилѣтнимъ юношей, принявъ ядъ. Его баллады, писанныя стариннымъ языкомъ и изданныя подъ именемъ произведеній стараго англійскаго поэта Роулея, возбуждали общее удивленіе даже и тогда, когда открылось ихъ новѣйшее происхожденіе, а его прочія лирическія піесы особенно были оцѣнены въ послѣдующую эпоху, когда въ нихъ признали первообразъ той позднѣйшей поэзіи, которой пищею служила «міровая скорбь» и внутреннее распаденіе человѣка. — Яснымъ, живымъ и вѣрнымъ изображеніемъ природы, но безъ «солнечной улыбки» Гольдсмита, отличался поэтъ дѣйствительности, Джоржъ Краббъ (1754—1832), бывшій сперва хирургомъ, потомъ насторономъ. Подобно нидерландскимъ живописцамъ рисуетъ онъ въ своихъ описательныхъ

поэмахъ («Деревня», «Мѣстечко», «Приходская записъ», «Разсказы» и друг.) природу и бытъ низшихъ классовъ съ точностью и правдой, но уже безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякаго идеальнаго колорита, и вскрываетъ человѣческое сердце во всѣхъ его движеніяхъ, съ знаніемъ дѣла и мѣткостью опытнаго врача.

Облагороженіе и выше является поэзія природы у Вильяма Вордсворта и такъ-называемой «озерной школы», то-есть у извѣстнаго кружка поэтовъ, которые съ особенной любовью рисовали очаровательныя озера Вестморленда и до того погружались въ заманчивыя красоты природы, что въ обаяніи ея достигали полнаго олицетворенія различныхъ ея явленій. Важнѣйшими представителями этого направленія, были, кромѣ Вордсворта, поэты Кольриджъ, Соути, и Вильсонъ.

Получивъ научное образованіе и довершивъ его путешествіями, Вордсвортъ (1770—1850) находился въ самомъ благопріятномъ положеніи для того, чтобъ посвятить весь досугъ своей поэзіи и размышленію о ея сущности: онъ имѣлъ хорошій доходъ и сверхъ-того помѣстье на Райдальскомъ озерѣ, въ Вестморлендѣ. Холодный пріемъ, которымъ были встрѣчены его «Лирическія баллады», перешелъ мало по малу въ общее одобреніе, когда за болѣе обширную философскую поэмой «The excursion», послѣдовалъ цѣлый рядъ чисто-поэтическихъ произведеній (The white doe of Rylstone, Peter Bell, The Waggoner и мног. друг.), неопровержимо доказавшихъ, что Вордсвортъ, если и не гений, то все-таки поэтъ, полный глубокихъ думъ и воспримчивый къ величавой простотѣ природы. Степенный и чинный во всемъ своемъ быту, религіозный и нравственный въ мысли и поступкахъ, Вордсвортъ сталъ достоинъ въ глазахъ Англичанъ занять при дворѣ почетное мѣсто «вѣнчаннаго поэта». Всего милѣе высказывается его напвая поэзія въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, наподобіе балладъ (наприм. въ пѣснѣ «Насъ семеро»). — Другомъ Вордсворту, но совсѣмъ различнаго съ нимъ характера и притомъ далеко не такъ плодovitъ, былъ Самуилъ Тейлоръ Кольриджъ (1772—1834), изъ Девоншира. Въ юности пламенный республиканецъ и поклонникъ французской революціи, велъ онъ безпокойную, нуждами тревожимую жизнь, которая недостаточно наполнялась журнальными и другими литературными трудами, пока наконецъ одинъ милостивецъ не помогъ ему предпринять продолжительное путешествіе въ Германію. Здѣсь сблизился онъ съ романтическою литературой, и хотя въ то же время до того полюбилъ поэзію

Шиллера, что перевелъ по-англійски всего «Валленштейна», однакожъ, склонность къ романтикѣ все-таки одержала въ немъ перевѣсъ и имѣла неоспоримое вліяніе на всю его политическую и литературную будущность. Онъ сдѣлался консерваторомъ и издавалъ въ этомъ смыслѣ нѣсколько журналовъ одинъ за другимъ, пока правительство не обезпечило его необходимѣйшихъ нуждъ маленькимъ пенсіономъ. Онъ умеръ въ деревнѣ у одного пріятеля, не далеко отъ столицы. Кольриджъ былъ оригинальный поэтъ съ пылкою фантазіей и глубокимъ чувствомъ; но такъ какъ онъ былъ не очень плодovitъ и творческое воображеніе его терялось иногда въ мистикѣ и грезахъ, то сочиненія его проникли въ народъ гораздо менѣе сочиненій всѣхъ прочихъ «озерныхъ поэтовъ»¹. Восхищеніе природою доходитъ у него до какой-то мистической символики ея силъ, которая особенно видна въ его главныхъ произведеніяхъ: «Крейстабелъ», — ужасно-прекрасной, но неоконченной поэмѣ, отзывающейся звуками чудеснаго изъ міра сказаній, и въ превосходномъ циклѣ романсовъ «Старый морякъ», также какъ въ нѣкоторыхъ изъ его балладъ и мелкихъ лирическихъ стихотвореній. — Третій представитель озерной школы, Робертъ Соути (1774 — 1843), искусный и плодovitый поэтъ, съ живою фантазіей и картиннымъ языкомъ, раздѣлялъ съ другимъ своимъ Кольриджемъ юношеское поклоненіе республиканскимъ идеямъ и, еще болѣе нежели онъ, отдался потомъ консерватизму. Стремленіе къ свободѣ было сначала такъ сильно у обоихъ, что вмѣстѣ съ третьимъ единомышленникомъ, Робертомъ Ловеллемъ, задумали они переселиться въ сѣверную Америку, но въ послѣдствіи отказались отъ этого плана. Къ этой-то порѣ бурнаго увлеченія принадлежитъ революціонная драма Соути «Вать Тайлеръ». Но поэтический талантъ его выбралъ для себя не драму, а героическій эпосъ и лирику. Издавъ свою эпическую повѣсть «Іоанну д' Аркъ», отличающуюся болѣе красотой языка и цвѣтистостью воображенія, нежели художественностью мысли, поэтъ совершилъ обширное путешествіе по Испаніи и Португаліи, обогатившее его умъ и придавшее болѣе разборчивости его вкусу, что доказываетъ ближайшая его героическая поэма «Табала разрушитель», чудесная арабская повѣсть, написанная неправильнымъ размѣромъ стиха; еще болѣе понравилось «Проклятіе Кегамы», — основанный на индійскихъ сагахъ фантастическій рассказъ, полный вѣрныхъ и прекрасныхъ изображеній природы того

¹ Или «ленистовъ», отъ англійскаго lake, озеро.

края, образа-мыслей и нравовъ его жителей; другая поэтическая повѣсть «Мадокъ» основана на валлискомъ сказаніи, по которому еще въ XII вѣкѣ валлискіе удалыцы занесены были въ Америку; когда появился «Родерихъ, послѣдній изъ Готовъ», плодъ путешествія его по Испаніи; Соути былъ уже пожалованъ въ придворные поэты (1813). Эта повидимому благопріятная перемѣна обстоятельствъ произошла однакожь не въ пользу его поэтической дѣятельности; съ тѣхъ поръ хотя и удавались ему иногда мелкія эпическія, лирическія и сатирическія піэсы, но вообще въ послѣдующихъ его произведеніяхъ уже замѣтно было истощеніе таланта, соединенное съ политическою и церковною односторонностію. Слабая піеса его «Видѣніе суда» была строго раскритикована лордомъ Байрономъ; а по выходѣ послѣдней, довольно обширной поэмы: «Парагвайская повѣсть», его поэтическія силы очевидно склонились къ упадку, и онъ сталъ болѣе заниматься исторіографическими и другими трудами въ прозѣ. Къ числу удачнѣйшихъ его прозаическихъ сочиненій принадлежатъ «Исторія Бразиліи» и «Жизнь Нельсона»; до какой степени онъ подчинился національнымъ предрасудкамъ и предубѣжденіямъ господствующей англиканской церкви, показываютъ его «Исторія пиренейской войны» и «*Vindiciae ecclesiae anglicanae*»¹. — Къ озерной же школѣ причисляютъ и шотландскаго поэта Джона Вильсона (1789—1854), который послѣ гениально проведенной молодости поселился и жилъ въ Кумберландѣ до тѣхъ поръ, пока не вызвали его профессоромъ въ Единбургъ. Название «озернаго» заслужилъ онъ особенно своею поэтическою повѣстью «Пальмовый островъ», гдѣ нѣжно и мило разсказана исторія двухъ любовниковъ, выкинутыхъ кораблекрушеніемъ на уединенный островъ и прожившихъ тамъ семь лѣтъ. Поразительно эффектна мрачная картина его «Чумнаго города». Изъ другихъ его произведеній всѣхъ болѣе нравится собраніе разсказовъ изъ шотландскаго быта, подъ заглавіемъ «Свѣтъ и тѣнь». Теплая любовь къ человечеству, роскошное созерцаніе природы, богатство мысли и рѣдкая грація въ представленіи, — вотъ качества, ставящія его очень высоко въ ряду новыхъ англійскихъ поэтовъ.

Не столько изобрѣтательностію и живостію фантазіи, сколько граціей и утонченнымъ вкусомъ, отличается Самуэль Роджерсъ (1762—1855), родомъ изъ Лондона, — дидактическій поэтъ, у котораго кроткій, элегическій колоритъ разлитъ по нѣжнымъ и привлекательнымъ

¹ То-есть: оборона англиканской церкви.

картинамъ. Начало своей славы положилъ онъ въ 1792 году описательною дидактическою поэмою «Отрада памяти», которую приняли въ Англіи съ величайшимъ одобреніемъ и которая распространилась въ переводахъ даже за границей; за тѣмъ послѣдовало «Путешествіе Колумба», поэтическій рассказъ «Жакелина» и важнѣйшее изъ его произведеній — поэтическое путешествіе по Италіи, богатое превосходными картинами итальянскихъ нравовъ и итальянской природы. — Въ духѣ Роджерса, но съ болѣею энергіей и теплотой, написалъ стихотворецъ Томасъ Кембелль (Campbell 1777 — 1844), изъ Глазгова, свою дидактическую поэму «Отрада надежды», съ однимъ очень патетическимъ мѣстомъ о раздѣлѣ Польши, которое растрогало Косцюшку до слезъ. Проживъ долго въ Германіи, гдѣ онъ написалъ прекрасные стихи: «*We mariners of England*», «Битва при Гогенлинденѣ», которой онъ былъ свидѣтелемъ, и мног. друг., онъ поселился въ Сейденгамъ близъ Лондона и занялся здѣсь поэтическими рассказами, которые особенно по душѣ Англичанамъ (таковы «*O'Connor's child*», «*Gertrude of Wyoming*» — сюжетъ изъ первобытныхъ лѣсовъ Америки, «*Theodoric*»), посвящая остальное время историческимъ и журнальнымъ трудамъ. Стихотворенія Кембелля болѣе отличаются красотою формы и благородствомъ языка, нежели пареніемъ и глубиною, однакожъ они вовсе не чужды душевной и истинной теплоты. Джемсъ Монтгомери (1771 — 1860) изъ Эршира, въ Шотландіи, сынъ проповѣдника общины Моравскихъ братьевъ, пользовался поэзіей преимущественно для воспроизведенія религіозныхъ помысловъ и чувствъ, несмотря на то, что протѣялъ духовный санъ на званіе журналиста. Его переложеніе псалмовъ (*Songs of Zion*) — одна изъ самыхъ любимыхъ назидательныхъ книгъ въ Англіи. Религіозность и нравственный образъ мыслей составляютъ зерно прекрасныхъ поэтическихъ рассказовъ: «Странникъ въ Швейцаріи», «Міръ до потопа», «Гренландія» и «Островъ пеликановъ». — Близка къ Монтгомери по религіозности и благочестію, но при этомъ одарена гораздо высшимъ романтическимъ полетомъ была Фелпція Гименсъ (1794 — 1835), родомъ изъ Ливерпуля; въ ряду множества англійскихъ стихотворицъ она всѣхъ болѣе отличается глубиною чувства и совершенствомъ поэтическихъ формъ. Возбужденная нѣмецкою поэзіей, Гердеромъ и романтиками, написала она превосходныя «Пѣсни о Слѣдѣ» и «Пѣсни разныхъ странъ»; въ «Святинѣхъ лѣсовъ» изображаетъ она благородными звуками юношескія приключенія и душевныя борьбы

одного Испанца, бѣжавшаго изъ роднаго края въ первобытные лѣса Америки; въ ея гимнахъ, пѣсняхъ, балладахъ и другихъ лирическихъ піесахъ вездѣ видна глубоко-поэтическая душа. — Послѣ нея первое мѣсто занимаетъ несчастная Летиція Элиза Ландонъ (1804—1838), сочинительница многихъ романовъ и лирико-эпическихъ стихотвореній съ сильнымъ оттѣнкомъ романтизма (*The Improvisatrice, the Troubadour, the Golden Violet* и мног. друг.). Вышедши замужъ за англійскаго губернатора на южно-африканскомъ берегу, она была отравлена служанкою. Лебединою пѣснью вылилось у ней прекрасное стихотвореніе «Полярная звѣзда».

Величайшій поэтъ новой Англіи — это, безспорно, лордъ Байронъ: ему и друзьямъ его Томасу Муру, П. Б. Шелли и друг. новая англійская поэзія обязана своими геніальнѣйшими созданіями. Человѣкъ, съ высокимъ творческимъ талантомъ и роскошною фантазіей, но раздражительный и неспособный совладать съ бурей внутреннего чувства, лордъ Байронъ велъ безцѣльную кочевую жизнь, пока не нашелъ смерти подъ Миссолонги (§ 797). Свои впечатлѣнія и наблюденія, свои опыты и наглядныя замѣтки на пути черезъ Португалію и Испанію, черезъ Германію, Швейцарію и Италію въ Грецію и на Востокъ, воспроизвелъ онъ увлекательнѣйшимъ образомъ въ двухъ обширныхъ эпическихъ поэмахъ «Странствія Чайльдъ Гарольда» и (неоконченномъ) «Донъ Жуанъ». Рядомъ съ ними особенно славятся его поэтическіе рассказы: «Гяуръ», «Абидосская невеста», «Корсаръ», «Лара», «Мазеппа» и друг., драматическія произведенія: «Манфредъ» (подражаніе Гётеву Фаусту), «Маріно Фаліеро», «Оба Фоскари» и друг., а изъ лирическихъ — его баллады и Еврейскія мелодіи. Онъ обладалъ все одолѣвающею поэтическою силой и такою всеобщностью генія, которой доступны были все движенія человѣческой души, все изгибы сердца, все страсти и настроенія; этотъ геній проникалъ вездѣ и все умѣлъ выразить въ изящной формѣ слова. Скитальцу безъ цѣли и плана, скоро опостылѣла ему жизнь, и это мрачное настроеніе легло въ основу бѣльшей части его произведеній; непризнанный, пренебреженный окружавшею его средой, ненавидѣлъ и презиралъ онъ высшее общество и обдавалъ его насмѣшкою и сатирою, глумленіемъ и проніей при каждомъ удобномъ случаѣ; пресытись чувственными наслажденіями, печально вспоминаетъ онъ о своемъ невозвратномъ счастьи и въ меланхолическихъ жалобахъ изливаетъ глубокую горечь души, которая слѣдалась съ тѣхъ поръ

камертономъ новой поэзіи, — поэзіи «міровой скорби» и душевнаго распаденія; въ разладѣ съ настоящимъ и съ окружающимъ его обществомъ, онъ искалъ отрады большому сердцу среди народа, болѣе удаленнаго отъ цивилизаціи, гдѣ природа и страсти дѣйствовали еще вольнѣе и энергичнѣе. Но сколько ни преобладаютъ у Байрона чувства внутренней непримиримой борьбы, его фантазія до того богата и до того одарена творческою силой, что ему легко схватывать и поэтически воспроизводить все высокое, благородное и идеальное. Чуждый религіозности, онъ умѣлъ однакожъ превосходно изображать самыя нѣжныя чувства благочестиваго, преданнаго Богу сердца и невозмутимое спокойствіе вѣрующей, глубоко набожной души; будучи несчастливъ въ супружествѣ и чрезмѣрно отдаваясь наслажденіямъ мимолетной прихоти чувства, онъ умѣлъ однакожъ очаровательно рисовать благородныя женскіе характеры и выставить въ полномъ величіи и красѣ блаженство чистой любви и непоколебимой вѣрности. Восторженный поклонникъ свободы, Байронъ воспользовался борьбою Грековъ за независимость, чтобы въ прекрасныхъ пѣсняхъ и картинахъ высказать всю ненависть свою къ тиранамъ и любовь къ свободѣ, — свою главную страсть; а что слова текли у него прямо изъ души, онъ доказалъ это своимъ личнымъ участіемъ въ опасной брани. Въ томъ-то и заключается необыкновенная мощь Байроновеской поэзіи, что вездѣ ощущаешь у него непосредственное впечатлѣніе его собственныхъ настроеній, что все созданія его — прямое выраженіе его собственныхъ идей, чувствъ и взглядовъ, что въ нихъ высказывается глубочайшее, задуманное его существо; онъ былъ до такой степени самороднымъ, субъективнымъ поэтомъ, что даже высокая артистичность является у него какъ чисто прирожденный даръ ¹.

Джоржъ Байронъ-Гордонъ родился въ Лондонѣ 22 янв. 1788 г. Отецъ, промотавши свое имѣніе, умеръ черезъ три года по рожденіи сына, вслѣдствіе чего мать переселилась въ Банфъ, въ Шотландію. Здѣсь среди здороваго воздуха горныхъ высотъ окрѣпло тѣло мальчика, родившагося колченожкой, такъ что онъ скоро отличился во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ плаваньи, верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ и фехтованіи. Когда ему исполнилось десять лѣтъ, смерть одного дѣда

¹ Но сравненіе лучшихъ произведеній Байрона съ первыми неудачными его опытами показываетъ ясно, что и этотъ прирожденный даръ необходимо требовалъ развитія, изученія и подготовки.

доставила ему богатое наследство съ саномъ лорда и пара; тогда мать возвратилась въ Англію, чтобы дать сыну научное образованіе. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Гарроускомъ училищѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ уже нѣсколько поэтическихъ опытовъ и въ меланхолическомъ стихотвореніи «Сонъ» изобразилъ свою первую несчастную любовь, отправился онъ въ Кембриджскій университетъ и предался всѣмъ излишествамъ студенческой жизни. Первое собраніе его стиховъ, появившееся въ 1807 г. подъ заглавіемъ «Часы досуга» (*Hours of idleness*), было очень строго разобрано въ журналѣ *Edinburgh Review*; гениальный поэтъ отплатилъ за эту непріятность жестокою сатирой «*English bards and Scotch reviewers*». Съ 1809 по 1811 годъ совершилъ онъ съ другомъ своимъ Гобгаузомъ довольно обширное путешествіе по Греціи, Албаніи и Турціи, и при этомъ случаѣ вплавь пересѣкъ весь Геллеспонтъ отъ Сестоса до Абидоса. Въ 1812 г., вскорѣ послѣ того какъ онъ произнесъ свою дѣвственную (т. е. первую) рѣчь въ палатѣ лордовъ, вышли двѣ первыя пѣсни его «Чайльдъ Гарольда», принятія съ неимовѣрнымъ одобреніемъ, а въ слѣдующемъ году онъ издалъ «Гяура», турецкую повѣсть любви и мести, плодъ своего путешествія на Востокъ. Такъ же прекрасны какъ и «Гяуръ» были дальнѣйшія его поэтическія рассказы: «Абидосская невѣста», и продолженіе Корсара, мрачный, многотомный «Лара». Въ томъ же 1814 г. явился «Еврейскія мелодіи», которыя, примѣняясь къ древнѣйшимъ пѣснопѣніямъ Евреевъ, элегически воспроизводятъ нѣкоторыя черты изъ событій іудейской исторіи или въ невыразимо глубокихъ звукахъ изливаютъ скорбь несчастнаго народа, оплакивающаго свое прошлое и настоящее. Въ 1815 г., томъ самомъ, когда онъ вступилъ въ несчастный бракъ съ Анною Изабеллою Мильбанкъ-Нозль, вышли въ свѣтъ «Осада Коринна» и «Паризина». Покинутый своею женою, которая подарила его дочерью, и наконецъ разведенный съ нею, продалъ онъ въ слѣдующемъ году наслѣдованное имѣніе и разстался съ Англіею, съ тѣмъ чтобъ никогда не возвращаться. На пути по Рейну началъ онъ третью пѣснь Чайльдъ Гарольда, а на живописныхъ берегахъ Женевского озера, гдѣ проводилъ лѣто вмѣстѣ съ Шелли, возникли у него поэтическій рассказъ «Шильонскій узникъ»; нѣкоторыя другія пѣсы и отчасти мрачная драма «Манфредъ», шевелящая самыя глубокія задачи человѣческаго существованія. Осенью отправился онъ въ Италію и довольно долго прожилъ въ Венеціи, гдѣ предавался самымъ сладострастнымъ удовольствіямъ, которыя однакожъ не ослабили его творческой силы. Онъ dokon-

чиль четвертую пѣснь Чайльдъ Гарольда, написалъ юмористическую повѣсть «Беппо» и увлекательную эпическую картину «Мазеппа», сочинилъ пламенную духомъ свободы «Оду къ Венеціи» и началъ гениальнѣйшее изъ своихъ созданій, неоконченную эпическую поэму «Донъ Жуанъ», въ 16 пѣсняхъ, писанныхъ осьмистишіями. Въ этомъ дивно-прекрасномъ произведеніи Байронъ прихотливо играетъ своимъ талантомъ; пестрой чередой и самыми причудливыми скачками изображаетъ онъ всѣ страсти, взгляды, чувства и настроенія, благороднѣйшія и возвышеннѣйшія рядомъ съ самыми низкими и безбожными; при этомъ онъ расточаетъ такое богатство фантазій, такое обиліе ума, насмѣшки и сатиры, такое мастерство языка и стихосложенія, что все вмѣстѣ возбуждаетъ въ читателѣ невольное удивленіе. Поэма эта отличается какою-то универсальностью (всесторонностію мысли и чувства), которая усваиваетъ себѣ всѣ возможные жизненные тоны, которая равно у себя дома и въ глубокихъ безднахъ и на свѣтлыхъ высотахъ. Байронъ изобразилъ здѣсь живыми чертами и выпернѣйшій полетъ и крайнее истощеніе своего духа; онъ показалъ, что ему дано было узнать все великое и высокое въ этомъ мірѣ, и что во всеоружіи познаній онъ самовольно ринулся въ пропасть ничтожества. Иронія всесвѣтной скорби, отчаянія, пресыщенія жизнью, просвѣчивающая даже въ очаровательнѣйшихъ картинахъ и въ возвышеннѣйшихъ мѣстахъ, рядомъ съ наслажденіемъ возбуждаетъ и ужасъ. Въ 1820 г. поселился онъ въ Равеннѣ, гдѣ провелъ пѣлый счастливый годъ въблизи очаровательной графини Терезы Гвичіоли, разставшейся съ своимъ мужемъ, и въ числѣ другихъ произведеній написалъ трагедію «Маринно Фаліэро»; изданная въ слѣдующемъ году трагедія «Сарданапалъ», съ превосходною женскою фигурой любящей Іонійки Мирры, посвящена была «славному Гёте». Вслѣдъ за нею появилась взятая изъ венеціанской исторіи трагедія «Оба Фоскари» и глубокомысленная мистерія «Каинъ»; придворному поэту Соути, который сильно нападалъ на него и его друзей въ своемъ «Видѣніи суда», Байронъ отмстилъ жестокою сатирой подъ такимъ же заглавіемъ. Посвященный въ планы и замыслы карбонаровъ, онъ, при подавленіи итальянской революціи, считалъ небезопаснымъ для себя долѣе оставаться въ Равеннѣ; поэтому онъ отправился съ своей милой въ Пизу, гдѣ потерялъ друга своего Шелли, а затѣмъ въ Генуу. Изъ написанныхъ имъ въ это время стихотвореній особеннаго упоминанія заслуживаетъ поэтический разсказъ «Островъ». Лѣтомъ 1823 пустился онъ въ Грецію, чтобы кровью и добромъ помочь завоеванію той свободы,

которую онъ воспѣвалъ въ такихъ пламенныхъ стихахъ. Онъ принялъ начальство надъ устроенною имъ бригадою Суліотовъ, но прежде чѣмъ успѣлъ приступить къ предполагаемому нападенію на Лепанто, онъ умеръ 19 апрѣля 1824 г., на тридцати шестомъ году отъ роду, жертвою болѣзни, порожденной лихорадочнымъ раздраженіемъ и вреднымъ вліяніемъ климата. Прахъ его похороненъ въ одной сельской церкви, въ Англіи, потому что англиканское духовенство не допустило его гроба въ Вестминстеръ¹.

Въ дружбѣ и продолжительномъ общеніи съ лордомъ Байрономъ находился Ирландецъ Томасъ Муръ (1780—1852). Начавъ съ Анакреона, котораго веселыя, легкомысленныя пѣсни онъ переводилъ, Муръ подражалъ ему потомъ въ своихъ мелкихъ стихотвореніяхъ (Tom little poems) поэтически и остроумно, и наконецъ стяжалъ пальму лирической поэзіи своими очаровательными «Ирландскими мелодіями», которыя въ видѣ текста къ народно-ирландскимъ напѣвамъ, собраннымъ Стивенсономъ, являются прекраснымъ памятникомъ патріотизма и теплой привязанности къ бѣдному «зеленому острову» со стороны даровитыхъ его дѣтей. Взявъ въ руки давно умолкшую арфу своей родины, поэтъ извлекаетъ изъ нея превосходныя пѣсни, въ которыхъ веселье и горе, торжество и печаль звучатъ попеременно въ формахъ самой трогательной мелодіи, то ликуя и плача, то негодуя и скорбя. Всѣ чувства, начиная отъ восторженныхъ къ свободѣ гимновъ барда, до замирающей, элегически заунывной пѣсни о погибшей краѣ Ирландіи, находятъ себѣ выраженіе въ этихъ прелестныхъ стихахъ, гдѣ и чары природы, и народные страданія представлены живо и увлекательно. Рядомъ съ Ирландскими мелодіями достойное мѣсто занимаютъ «Духовныя гимны» (Sacred songs) и «Народныя пѣсни» (National airs). Раздраженный жестокосердіемъ англійскихъ торіевъ къ его несчастному отечеству, Муръ далъ волю своему негодованію въ цѣломъ рядѣ сатиръ, изъ которыхъ всѣхъ замѣчательнѣе «The two-penny postbag» и «Letters of the Fudge family in Paris», а потомъ напечаталъ главное свое произведеніе, восточную поэму «Лалла Рукъ» (Тюльпанная щека), состоящую изъ четырехъ рассказовъ: Хорасанскій пророкъ подъ покрываломъ, Рай и Пери, Огнепоклонники, Свѣтъ гарема; все это вставлено въ прелестную рамку краткой любовной повѣсти, напечатанной въ прозѣ. Парой къ Лалла Руку, только въ болѣе лирическомъ тонѣ, могутъ служить прекрасныя картины съ чи-

¹ Гдѣ, какъ извѣстно, погрѣбаетъ Англія своихъ знаменитыхъ заслугами людей.

сто восточнымъ колоритомъ, названныя «Loves of the angels». Надѣливъ область поэзіи еще сентиментальнымъ дидактическимъ романомъ «Эпикуреецъ», Муръ преимущественно обратился къ прозѣ и въ «Запискахъ о жизни капитана Рока» далъ интересное, хотя и нѣсколько пристрастное изображеніе ирландской дѣйствительности, а въ «Запискахъ Лорда Эдуарда Фицджеральда» хорошій матеріалъ для исторіи того края. Зато оборона римскаго католицизма, явившаяся подъ заглавіемъ: «Странствія благовоспитаннаго Ирландца въ поискахъ за религіей», не болѣе какъ причуда, полная блестящей софистики. Муръ былъ человѣкъ съ большимъ образованіемъ и великимъ житейскимъ опытомъ. — человѣкъ, сохранявшій веселую бодрость среди всѣхъ возможныхъ затрудненій и даже въ самыхъ стѣсненныхъ положеніяхъ не измѣнявшій ни честности характера, ни свободѣ духа. Изъ числа остальныхъ его произведеній можно упомянуть только о жизнеописаніи поэта и парламентскаго оратора Шеридана (1752—1816), которое Муръ предпослалъ своему изданію сочиненій этого писателя. Изъ любимыхъ въ Англіи драматическихъ пьесъ Шеридана, всѣхъ лучше остроумная комедія «Школа сплетней». — Очень даровитый, но презрѣвшій вѣру и распавшійся духомъ поэтъ былъ Перси Биши Шелли (1792—1822), у котораго скептицизмъ друга его Байрона дошелъ до пантеизма и безбожія. Удаленный за безвѣріе изъ Оксфордскаго университета, отвергнутый своимъ отцомъ за несчастный бракъ, въ который онъ вступилъ безъ родительской воли, лишенный по судебному приговору права воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей, Шелли велъ очень тревожную жизнь, возмущаемую душевною борьбой и тѣлесными болѣзнями и погибъ въ молодыхъ лѣтахъ на Средиземномъ морѣ, когда отправясь однажды въ открытой лодкѣ изъ Ливорно въ Леричи, былъ застигнутъ внезапною бурей. Трупъ его, прибитый волнами къ берегу, Байронъ велѣлъ сжечь и похоронить пепель у Цестіевой пирамиды въ Римѣ. Внутренняя тревога, ознаменовавшая жизнь несчастнаго Шелли, выразилась и въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Въ главной своей поэмѣ «Царица Мабъ», написанной имъ съ дикой геніальностью, когда ему было всего семнадцать лѣтъ, прилагаетъ онъ мѣрило философскаго умозрѣнія къ дѣйствительности политическаго, религіознаго и общественнаго быта, съ тѣмъ чтобъ преобразовать ее въ смыслѣ безграничной индивидуальной свободы, и изображаетъ въ пламенныхъ стихахъ противоположность идеала съ дѣйствительностью, при чемъ пантеизмъ вѣчнаго духа заступаетъ у него мѣсто христіанскаго ученія. Тверже въ формѣ и жизненнѣе въ содер-

жанѣ, чѣмъ теряющаяся въ философствованіи «Царица Мабъ», вышла его элегически грустная поэма «Alastor or the spirit of solitude», изображающая мечтательную, полную фантазіи жизнь чистаго, но неугомоннаго духомъ юноши, котораго крайнее стремленіе къ недостижимому идеалу преждевременно сводитъ въ гробъ. — Юноши, который, оторвавшись отъ всего и одинокій, не можетъ найти связи, соединяющей его со вселенною и указывающей ему въ ряду созданій необходимое и вмѣстѣ желанное для него мѣсто. Драматическія піесы «Раскованный Промеѣей» (Prometheus unbound) и «Эллада» служатъ ему для прославленія свободы и борьбы Грековъ за независимость; въ «Ченчи» переработалъ онъ въ трагедію одинъ ужасный сюжетъ изъ итальянской исторіи¹; обширнѣйшая изъ поэмъ Шелли «Возстаніе Ислама»; въ 12 пѣсняхъ, рисуетъ въ цѣломъ рядъ картинъ могучіе порывы души, восторженной къ свободѣ и благополучію челоѣка, а въ трогательной элегіи «Адонисъ» скорбитъ онъ о ранней кончинѣ умершаго въ Римѣ молодаго поэта Джона Китса (1796—1820); автора мрачныхъ стихотвореній «Эндиміонъ», «Гиперіонъ» и друг. Вторая супруга Шелли, съ которою жизнь его потекла счастливѣе, также явилась въ качествѣ писательницы, именно съ романомъ «Франкенштейнъ, или новый Промеѣей». — Къ этимъ поэтамъ, которые все болѣе или менѣе долго прожили въ Италіи, должно еще присоединить Лея Гѣнта (Leigh Hunt); въ прекрасномъ стихотворномъ разсказѣ «The story of Rimini», переработалъ онъ Дантовскій сюжетъ въ превосходную картину и сверхъ того издалъ сборникъ воспомнаній и эпизодовъ изъ жизни Байрона. За рѣзкую статью противъ принца регента (потомъ короля Георга IV), въ газетѣ Examiner 1812 г., онъ былъ присужденъ къ денежной пенѣ и двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ.

Благодаря Бёрнеу и Вальтеръ Скотту, Байрону и Муру, благодаря также «Озерной школѣ», англійская поэзія нашего вѣка достигла той степени высоты, за которую не перешла и донинѣ; и сколь ни велико было число современныхъ и позднѣйшихъ поэтовъ, никто изъ нихъ, кромѣ однихъ романистовъ, не смогъ придать ей пнаго направленія, возвести ее на новую ступень. Хотя лирическая поэзія

¹ Ченчи — древняя римская фамилія, знаменитая въ средніе вѣка своей строптивкою борьбою противъ папъ, приобрѣла въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка самую постыдную славу ужасами неслыханнаго кровосмѣшенія и убійства, которые обнаружались въ ея средѣ. Страшная эта драма кончилась казнью всехъ остальныхъ членовъ семьи, какъ отцеубійца, въ 1603 г., въ царствованіе папы Климента VIII.

обогатилась многими удачными произведеніями, нѣжными, полными чувства вещами, трогательными балладами и заманчивыми народными сказаніями, однакожь она не проторила новыхъ путей и служила только къ большому распространенію поэтической литературы въ народѣ. Вальтеръ Севеджъ Лендоръ (род. 1775), котораго навели на поэзію («Imaginary conversations», «Count Julian» и друг.) путешествія его въ Испанію и Италію; Эбенезеръ Эллиотъ (1781—1849), авторъ пламенныхъ стиховъ на хлѣбные законы (Cornlaw rhymes), рисующихъ поразительными красками бѣдствія низшихъ классовъ; Томасъ Гудъ и друг. примыкаютъ болѣе или менѣе къ Байрону и Муру; Роб. Поллокъ (1798—1827), рано умершій авторъ религіозно дидактической поэмы «Токъ времени»; Вильямъ Теннантъ (род. 1785), хромой школьный учитель въ Анструтерѣ, авторъ комическаго эпоса «Анстерскій базаръ», въ осьми-строчныхъ станцахъ (ottave rime), и другихъ произведеній; Вильямъ Модервелъ (Motherwell, 1797—1835), родомъ изъ Песли, полный чувства элегикъ и издатель «Сборника древнихъ и новыхъ романсовъ и балладъ» (Minstrelsy ancient and modern) и друг., слѣдовали по пути, указанному Бёрнсомъ, Вальтеръ-Скоттомъ и поэтами природы, тогда какъ духовный поборникъ епископальной церкви, Вильямъ Боульзъ (1762—1850), держался болѣе Соути и Озерной школы. — Къ поэтамъ метрополии въ новѣйшее время достойно присоединились нѣкоторые сѣверо-американскіе стихотворцы; однакожь, хотя нѣкоторые изъ нихъ числа, какъ наприм. пѣвецъ затишья въ природѣ и въ обществѣ («The ages»), Брайантъ (род. 1794), или Рич. Генри Дана (род. 1787), романтически взглянувшій на бытовыя особенности своего края («The buccaneer» «The dying raven»), или, еще болѣе, Генри Лонгфелло (род. 1807), богатый фантазіею поэтъ, образовавшійся долгими путешествіями по Европѣ, — хотя эти замѣчательные таланты встрѣтили себя и въ Старомъ свѣтѣ благосклонный, ласковый приѣмъ, однакожь для самихъ Англо-Американцевъ главную духовную пищу составляетъ до сихъ поръ все-таки англійская литература. Одно изъ новѣйшихъ произведеній Лонгфелло, извѣстное и въ нѣмецкомъ переводѣ, — это поэтическій разсказъ «Евангелина», писанный гекзаметромъ и въ формѣ Гётева «Германа и Доротея». Фонъ картины составляютъ шумъ первобытныхъ сосновыхъ лѣсовъ и сливающийся съ нимъ отдаленный плескъ моря, а содержаніе ея — скорбная участь французскихъ колонистовъ въ Акадіи или Новошотландіи, безжалостно оторванныхъ Англичанами отъ первобытной почвы и разсѣянныхъ въ одиночку по

другимъ колоніямъ¹. — Драматическая поэзія воздѣлывалась въ Англіи, далеко не такъ успѣшно, какъ лирическая, сколько ни старались многіе отличные актеры актрисы (Кемблѣ, Кинъ, Макриди, Сиддонсъ и друг.) художественнымъ воспроизведеніемъ шекспировскихъ піесъ пробудить смыслъ и интересъ къ чисто-національной драмѣ. Къ извѣстѣйшимъ сценическимъ писателямъ принадлежатъ: парламентскій ораторъ, Ирландецъ Лелоръ Шиль, актеръ Джемъ Шериданъ Ноользъ (Knowles, род. 1787), который принялъ за образецъ Шекспира и въ историческихъ своихъ трагедіяхъ (*the Gipsy, Virginius, Cajsus Gracchus, W. Tell, Alfred the great*), и въ комедіяхъ (*the Beggar, the love-chase, Old maids*); Г. Г. Мильманъ (род. 1791), сначала избравшій библейскіе сюжеты (*Belshazzar, Fall of Jerusalem*), приобрѣтшій себѣ большую славу трагедіей *Fazio*, но потомъ обратившійся къ другимъ отросямъ литературы; правовѣдъ Томасъ Тальфурдъ (1795—1854), который, будучи извѣстенъ и въ качествѣ парламентскаго оратора, старался своими простыми трагедіями *Ion, the Athenian captive*, снова воскресить греческую драму. — Любимое чтеніе образованныхъ классовъ въ Англіи составляютъ романы, почему замѣчательнѣйшіе писатели обратили свои таланты преимущественно на этотъ родъ и старались придать ему поучительность и заманчивость разнообразіемъ сюжетовъ, увлекательностью изложенія и распространеніемъ его на самыя много-различныя сферы жизни и науки. Въ историческомъ романѣ недостижимымъ образцомъ остался Вальтеръ-Скоттъ; изъ преемниковъ его только Американецъ Джемъ Фениморъ Куперъ (1789—1851) сумѣлъ пробудить новый интересъ живописью американскихъ нравовъ и картинъ природы, вѣрнымъ представленіемъ быта Индѣйскихъ племенъ и поселенцевъ и вообще удачною обработкой отечественныхъ сюжетовъ. Жизнь въ лѣсахъ Сѣверной Америки со всѣми ея красотами и ужасами, съ ея опасностями и кровавою борьбой, со всей ея дикою поэзіей, и бурное, обильное грозными случайностями море, составляютъ заманчивую основу его многочисленныхъ романовъ, изъ которыхъ всѣхъ извѣстнѣе «Шпіонъ», картина изъ войнъ за независимость, «Русалка» (*Water-witch*) и «Браво». Нѣтъ ничего удивительнаго, что морскіе сюжеты

¹ Еще оригинальнѣе по сюжету и исполненію «Пѣснь Гіаваты» — мненческая легенда американскихъ Индѣйцевъ, обратившая на себя общее вниманіе читающей публики въ 1855 году.

сдѣлались любимымъ предметомъ владыкъ моря, Англичанъ и Американцевъ, и что поэтому цѣлый рядъ писателей принялся именно за эту отрасль романа. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ капитанъ Марьятъ, Базиль Голль и Ч. Вильсонъ (Tom Cringle's log). Леди Морганъ приобрѣла себѣ литературную извѣстность картинами ирландскихъ нравовъ и удачными описаніями путешествій; богатая и разнообразная семейная и народная жлзнь во всѣхъ ея постепенностяхъ, начиная съ двора и высшаго общества до разбойничьяго и нищенскаго быта, составляетъ неистощимый матеріалъ тѣхъ безчисленныхъ романовъ, съ которыми выступили передъ читающимъ міромъ Теод. Гукъ, Сам. Варренъ, Бендж. д'Израэли, В. Г. Энсвортъ, В. М. Текерей и бездна другихъ. Первое мѣсто между романистами Англіи со времени Вальтеръ-Скотта занимаютъ Бульверъ и Дикенсъ, первый—по многостороннему образованію, приобретенному изученіемъ и путешествіями; по ясности своего здраваго ума и философской вѣрности своихъ сужденій, второй—по удивительному юмору и остроумію, соединеннымъ съ трогательнымъ пафосомъ, и по глубокому знанію человѣческой души.

Эдуардъ Литтонъ Бульверъ (род. 1803) испытывалъ свои силы въ лирической и драматической поэзіи, но ничѣмъ такъ не прославился, какъ романами, въ числѣ которыхъ можно особенно указать на слѣдующіе: Pelham, Eugen Aram, Ernst Maltravers, Night and Morning, ¹также какъ на извѣстную картину древности «The last days of Pompeji» и на историческіе романы: Cola Rienzi, the last of the barons, the Caxtons и Harold. Изящный, гармоническій языкъ, проницательный умъ и знаніе человѣческаго сердца, тонкая наблюдательность и художественное умѣнье владѣть и распорядиться предметомъ, — вотъ что видно у него вездѣ; за то онъ уступаетъ многимъ въ силѣ и богатствѣ изобрѣтательности, въ разнообразіи характеристикъ и въ раскрытіи энергическихъ страстей. Это болѣе размышляющій, чѣмъ творческій умъ, это не столько поэтъ, сколько художникъ; онъ самъ всегда остается въ предѣлахъ трезваго здравомыслія и оставляетъ въ нихъ своего читателя. Своею интересною книгой «Англія и Англичане» Бульверъ положилъ основаніе новому виду этнографической литературы. — Чарльзъ Дикенсъ (прозванный: Бозъ) утвердилъ за собою славу остроумнаго и вѣстѣ полного души

¹ Сюда должно присоединить еще послѣднія и чуть ли не лучшія произведенія Бульвера: What will he do with it? и My Novel.

народнаго писателя уже своими первыми юмористическими произведеніями: «Sketches of London» (Очерки Лондона), для чего матеріаломъ послужила ему богатая народная жизнь всесвѣтной англійской столицы, и «Pickwick papers» (Пиквиковы Записки). Необыкновенная зоркость, веселое настроеніе, мѣткая сатира и увлекательный комизмъ, соединенные съ потрясающимъ пафосомъ — вотъ качества безхитростно, просто переданной исторіи чудныхъ приключеній г-на Пиквика и трехъ его друзей, въ которой житье-бытье англійскаго народа, особенно низшихъ и среднихъ классовъ, представлено въ самомъ уморительномъ видѣ. Слѣдующія его произведенія: «Оливеръ Твистъ», «Николай Никельби», «Часы мастера Гёмфри» и друг., можетъ быть и выработанные въ художественномъ отношеніи, но въ силѣ и наивности уступаютъ Пиквиковымъ запискамъ. Народный правоописательный романъ Дикенса, полный яркихъ образовъ изъ дѣйствительной жизни, не только интересуетъ и поучаетъ, онъ сверхъ того стремится облегчить жребій бѣдныхъ и угнетаемыхъ и пролить на ихъ раны смягчительный бальзамъ.

Рядомъ съ Бульверомъ и Дикенсомъ должно назвать еще первыхъ Чарлза Лема (Lamb, 1775—1834), какъ полнаго души лирика, драматиста и особенно какъ автора очерковъ и разсказовъ («Разсказы изъ Шекспира»), а потомъ Американца Вашингтона Ирвинга (1783—1860), изъ Нью-Йорка. Послѣдній, близко ознакомясь долгими путешествіями по всемъ почти европейскимъ странамъ съ правами и особенностями большей части народовъ, далъ въ своей весьма извѣстной книгѣ «Очерковъ» интересное изображеніе англійской и американской жизни, а въ «Альямбрѣ» — восторженную картину романтической эпохи Испаніи, подъ владычествомъ Мавровъ. Въ граціозномъ сочиненіи «Bracebridge-Hall» и въ «Tales of a traveller» (Разсказахъ путешественника) онъ показалъ свое умѣнье живописать природу, а потомъ занялся исторіографіей, мѣстами отзывающейся юморомъ и романтическимъ оттѣнкомъ («Нью-Йоркъ», «Коломбъ», «Могамедъ»), но здѣсь онъ далеко уступаетъ въ глубинѣ взгляда и основательности обобщеній своимъ соотечественникамъ — Прескотту (1796—1857, автору «Завоеванія Мексики и Перу», «Исторіи Фердинанда и Изабеллы», «Филиппа II» и друг.) и Банкрофту (автору «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки»). — И въ Англій исторіографія обогатилась въ послѣднее время отличными сочиненіями, особенно по части отечественной исторіи. Шаронъ Тёрнеръ (1768—1847) и Джонъ Лингардъ (1769—1851) изложили въ многотомныхъ

сочиненіяхъ старую исторію Англіи, первый—съ англиканской точки зрѣнія, болѣе учено и основательно, нежели изящно, другой—съ явнымъ пристрастіемъ строгаго католика, но очень умно, искусно и съ тщательнымъ изученіемъ источниковъ. Безпристрастнѣе и съ болѣе яснымъ взглядомъ на предметъ обработалъ Галламъ исторію англійской конституціи и тѣхъ государственныхъ перемѣнъ, которыя были произведены реформаціей и революціей; онъ также написалъ исторію европейскихъ государствъ въ средніе вѣка и истор. литературы въ 15, 16 и 17 столѣтіяхъ. Непиръ сочинилъ хорошую и основательную книгу О войнѣ на Пиренейскомъ полуостровѣ, Титлеръ подробную Исторію Шотландіи, Элизонъ посвятилъ свое перо исторіи Европы со временъ французской революціи, которой важнѣйшія событія остроумный критикъ Томасъ Карлейль (род. 1795) живо воспроизвелъ въ формѣ потрясающихъ видѣній. Тотъ же Карлейль—величайшій между Англичанами знатокъ нѣмецкой литературы — старался сблизить съ нею своихъ соотечественниковъ искусными переводами (Вильгельма Мейстера и друг.) и біографіями («Жизнь Шиллера»). Новѣйшее произведеніе его, «Исторія Фридриха II, прозваннаго Великимъ», также свидѣтельствуешь о его живомъ сочувствіи къ литературной и исторической жизни Германіи. Сочиненія Дж. Дѣнлопа объ исторіи литературы, біографіи славныхъ государственныхъ мужей лорда Брума и великое множество трудовъ по разнымъ отдѣльнымъ частямъ отечественной исторіи (Пальгрева, д' Израэли, Годвина), равно какъ и многочисленные сборники актовъ и памятниковъ прежняго времени, показываютъ и великую дѣятельность англійскихъ литераторовъ въ сферѣ исторіи, и живой интересъ народа къ его великому прошлому. Въ ряду всѣхъ Англичанъ, доселѣ посвящавшихъ свой досугъ изслѣдованію и изображенію историческихъ событій и исторической жизни націи, первое мѣсто занялъ Томасъ Бебингтонъ Маколей (1800—1860), извѣстный какъ государственный человѣкъ и ораторъ, какъ гениальный критикъ и поэтъ; его знаменитая, но, къ сожалѣнію, неконченная «Исторія Англіи» заключаетъ въ себѣ, какъ введеніе, взглядъ на развитіе англійской конституціи, а затѣмъ, съ воцареніемъ Іакова II, переходитъ уже къ подробному историческому разсказу. Съ основательнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ обстоятельствъ и съ глубокимъ вниканіемъ въ натуру и свойства дѣйствующихъ лицъ Маколей соединяетъ безпристрастное чувство справедливости и исторической истины, развитое философіей и классическою наукой, полную свободу въ сужденіяхъ,

ясное, свѣтлое изложеніе и благородный, мужественно-сильный языкъ. Въ его мелкихъ историческихъ сочиненіяхъ есть также много превосходнаго.¹

В. Франція (сравни § 627—631. § 671). Ни въ одной странѣ литература не связана такъ тѣсно съ общественнымъ бытомъ и нигдѣ она не имѣетъ такого вліянія на нравы и образъ мыслей, какъ во Франціи. Она, можно сказать, властвуетъ здѣсь надъ обществомъ, втѣсняется въ политику и опредѣляетъ религіозныя и церковныя воззрѣнія образованныхъ классовъ. Поэтому литература въ этомъ краѣ и не имѣетъ того независимаго положенія, той безпредубѣжденной и безвредной самостоятельности, какою отличается она въ другихъ странахъ. Она то владычица, то слуга политики и религіи, и всегда въ самомъ близкомъ связѣ съ состояніемъ общества въ данную минуту. Не довольствуясь творчествомъ въ одной области ума, она старается осуществить, приложить къ дѣйствительной жизни свои идеи, воззрѣнія и начала. Въ послѣднія времена старой королевской власти раздѣляла она характеръ общаго разложенія, отрицанія, нравственнаго упадка; въ дни республики отдалась она беззавѣтному воодушевленію къ свободѣ и служила конвенту орудіемъ, какъ опора его мироколеблющихъ мѣръ и началъ; въ эпоху имперіи она схватилась за трубу славы и угождала новому властителю пышными рѣчами и льстивыми отзывами; послѣ реставраціи вошла въ силу новая романтика съ ея религіозною сентиментальностью, поддерживая и поощряя систему церковнаго вѣрованія и легитимизма. Обокъ со всѣми этими направленіями шла однако въ то же время и сильная оппозиція, которая то болѣе, то менѣе искусно и успѣшно противорѣчила господствующему направленію и такимъ образомъ мѣшала водворенію опасной односторонности. Оппозиція эта возникла прежде въ станѣ романтиковъ противъ отжилыхъ и выродившихся формъ древняго классицизма; когдаже романтики въ свою очередь достигли власти и захотѣли придать своимъ началамъ исключительное значеніе, на нихъ сильно вооружились либерализмъ и эллинизмъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока социалистическое направленіе проложило себѣ широкій путь и въ литературѣ.

Нравственный упадокъ и религіозная распущенность, предшествовавшіе революціи, прежде всего обнаружались въ литературѣ. Мало того, что разлагающая критика и ѣдкая сатира Вольтера поколебала существующія отношенія и завѣщанныя преданіемъ убѣжденія

¹ Но много и поверхностныхъ, спѣшныхъ взглядовъ.

и начала; мало того, что скептическая и матеріалистическая философія энциклопедистовъ (§ 671) нападала на церковное вѣрованіе и на основныя истины религіи: даже понятія о добродѣтели, совѣсти и чести извращались и перепутывались легкомысленною литературою тогдашнихъ романовъ, нравственность была отравлена въ самомъ ея зародышѣ, въ самомъ зернѣ. Последнее зло было тѣмъ дѣйствительнѣе и богаче плодами, что романтическая литература распространялась все болѣе и болѣе и проникала во все классы народа. Соблазнительные, развратные, манящіе къ грѣху и сладострастію романы младшаго Кребильона († 1777), умершаго въ домѣ сумасшедшихъ († 1814) маркиза де-Сада, и товарища порочнаго герцога Орлеанскаго (Эгалитѣ), Шодерло де ла Кло († 1803), а также знаменитый романъ жирондиста и члена конвента Лувѣ де Куврѣ († 1797): «*Les amours du chevalier de Faublas*», гдѣ выставленъ идеалъ любезнаго разврата, уже подкапывали нравственную почву общества, когда революція, какъ бичъ кары Господней, ниспровергла его въ конецъ для того, чтобы оно возстановилось послѣ на новыхъ началахъ. Таковы же были по своей дѣли и дѣйствию отлично задуманныя и выполненныя комедіи сценическаго поэта П. А. Карона де-Бомаршѣ (1732—1799, «Севильскій цирюльникъ», «Женитьба Фигаро»), въ которыхъ со всею очарованіемъ искусства, съ увлекательною живостью, съ неподражаемымъ остроуміемъ и шуткой выставлена вся нравственная пустота, вся легкомысленная прихотливость высшихъ классовъ; и можно положительно утверждать, что эти драмы столько же содѣйствовали паденію дворянства и уничтоженію безпутныхъ, извращенныхъ общественныхъ отношеній, сколько и картины естественнаго быта, рисуемыя фантазіей Руссо.

Такому безнравственному состоянію Жанъ-Жакъ Руссо противопоставлялъ счастье и добродѣтель идеально-природнаго быта, съ свободою и равенствомъ для всехъ (§ 671), и видѣлъ спасеніе міру только въ возвратѣ къ простой естественности первоначальныхъ отношеній. Эту жизнь однимъ чувствомъ, это идиллическое благополучіе, на которыя указывалъ Руссо, многотрудный поэтъ Бернардень-де-Сенъ Пьеръ (1737—1814) воспроизвелъ въ очень милыхъ, трогательныхъ разсказахъ «Павелъ и Виргинія» и «Индійская хижина», облитыхъ лучезарнымъ блескомъ свѣтлаго южнаго неба. «Павелъ и Виргинія», говоритъ А. Гумбольдтъ, едва ли имѣетъ себѣ что-нибудь подобное въ какой-либо другой литературѣ. Это простая картина природы: островъ среди моря, гдѣ, то подъ кроткимъ щитомъ неба, то подъ

грозою бушующихъ стихій, въ дикой роскоши лѣсной чащи, двѣ дивно-граціозныя фигуры живописно отдѣляются передъ вами какъ бы отъ цвѣтистаго ковра. Здѣсь и въ «Индійской хижинѣ», даже въ *Etudes de la nature* (того же автора), которыя, къ сожалѣнію, испорчены гадательными теоріями и разными физическими промахами, видъ моря, группировка облаковъ, шелестъ вѣтерка въ бамбуковой рощѣ, волненіе высокихъ пальмовыхъ вершинъ, — все это представлено съ неподражаемою истиной.»

Одна изъ благороднѣйшихъ натуръ революціонной эпохи, мечтавшая водворить идеализмъ Руссо и его идиллическое чувство природы среди міра, полного себялюбія и страстей, была г-жа Роланъ (Roland), (1754—1793), урожденная Флипонъ; во время господства жирондистовъ она была душою этой политической партіи, которая думала создать свой республиканскій міръ на развалинахъ королевской власти. Фанатикъ разума, Руссо, внушилъ ей восторженную любовь къ свободѣ и правамъ человѣка; но это чувство соединилось у г-жи Роланъ съ пламеннымъ удивленіемъ къ республиканской и патріотической доблести древняго міра, которую она узнала изъ Плутарховыхъ идеальныхъ характеристикъ, и все это вмѣстѣ побудило ее посвятить свои авторскіе таланты и всю дѣятельность своей души водворенію въ государствѣ и въ жизни того порядка, который, по ея мнѣнію, одинъ можетъ осчастливить человѣчество. Ея политическія статьи, равно какъ и извѣстное письмо къ королю (§ 718), написанное ею по порученію мужа, суть непосредственные изліянія души, пламенѣющей къ свободѣ, отечеству и возрожденію человѣка; какъ благородна и чиста была эта душа, какъ далека отъ всякой суетности и всего выказнаго, обнаружилось только изъ напечатанной въ новѣйшее время переписки ея съ одною подругой ея молодости. И когда она проснулась отъ своихъ грезъ и, во имя той же свободы, которую считала драгоцннѣйшимъ благомъ, отведена была въ тюрьму съ тѣмъ, чтобъ вскорѣ потомъ промѣнять ее на эшафотъ, тогда-то показала она до какой степени въ женской, идеально-настроенной душѣ могутъ царить спокойствіе, величіе и сила: въ виду смерти написала она свои интересныя Записки, свою «апелляцію къ потомству», и опасаясь, чтобъ не пропала первая ея рукопись, она передъ самымъ концомъ написала всю книгу вторично. Политическія мнѣнія и участь г-жи Роланъ и ея партіи, но вовсе не авторскія ея качества, раздѣлялъ маркизъ де-Кондорсе (1743—1794), членъ Французской академіи и плодовитый писатель по части философій, политики и изящной литературы.

Увлеченный своимъ убѣжденіемъ и теплымъ чувствомъ къ благу и достоинству человѣка въ водоворотъ революціи и республиканства, онъ постоянно сохранялъ въ своихъ сочиненіяхъ типъ своего ранняго классическаго образованія и писалъ въ духѣ всегда разсчитаннаго энтузіазма энциклопедической школы. Кондорсё опирался въ своихъ трудахъ на цѣлый рядъ научныхъ умозрѣній, чтобъ доказать, что человечество способно къ безконечному усовершенствованію. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, подъ грозою ужасовъ и жестокостей тогдашнихъ дѣмогоговъ, все еще мечтали о постоянномъ преуспѣяніи мудрости, справедливости и счастья человѣческаго рода. Но принявъ такимъ образомъ за верховное начало постоянный прогрессъ, то есть непрерывное измѣненіе, хотя и къ лучшему, онъ неизбежно долженъ былъ дойти до отрицанія всего положительнаго и существующаго. Увлеченный въ паденіе Жиронды (§ 723), онъ нашелъ себѣ убѣжище у одной великодушной пріятельницы и написалъ тамъ превосходное сочиненіе: *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain* («Очеркъ исторической картины успѣховъ человѣческаго разума»). Когда же всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлится укрывать опальныхъ, стала угрожать смертная казнь, Кондорсё покинулъ свое убѣжище въ нищенскомъ одѣяніи и нѣсколько времени скитался въ этомъ видѣ, пока не былъ узнанъ и взятъ подъ стражу. Въ тюрьмѣ принялъ онъ адъ, который всегда носилъ съ собою. Его образъ мыслей и воззрѣнія раздѣлялъ Дюпюи (1742—1809); въ своей знаменитой книгѣ: *Origine de tous les cultes, ou religion universelle* («Происхожденіе всѣхъ богослуженій, или всемірная религія») онъ старался объяснить древніе міры изъ астрономіи и всю область вѣрованій пропитать вольномысленною философіей революціонной эпохи, тогда какъ другой сторонникъ того же взгляда, врачъ и физикъ Кабанисъ (1757—1808); сводилъ всю умственную и душевную жизнь человѣка на одну нервную систему. Подобно Дюпюи и Кондорсё, графъ Константинъ Вольней (1757—1820) также держался матеріалистической системы энциклопедистовъ и отвергалъ всякое религіозное преданіе. Обогащенный многосторонними свѣдѣніями и опытами, благодаря своимъ ученымъ занятіямъ, и продолжительному пребыванію въ Сиріи и Египтѣ, а также политической дѣятельности во время революціи и наконецъ путешествію въ Америку, онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій политическаго, историческаго и философскаго содержанія, изъ которыхъ всего болѣе славилась его историческая картина «Развалины» (*Les ruines, ou méditations sur les révolutions des empires*), отличающаяся риторскимъ блескомъ и полнымъ фантазіи изложеніемъ.

Жирондисты, принадлежавшіе еще старому образованію и употреблявшіе изящный слогъ и обороты Французской академіи, были наконецъ совершенно оттерты якобинцами, которые такъ же рѣшительно разстались съ прошлымъ въ литературѣ, какъ въ государствѣ, религіи и общественномъ быту. Сочиненія и журналы партіи Горы отличались дикимъ, необузданнымъ духомъ, столь же дерзко поправившимъ законы и формы языка и литературнаго изложенія, какъ поциралъ онъ утвержденныя преданіемъ начала государства, церкви и общежитія. Этотъ духъ свободы и республиканской восторженности перешелъ и на поэтовъ революціонной эпохи, между которыми, незначительный впрочемъ стихотворецъ, Жозефъ Руже де л'Иль (1760—1835), потому только занялъ видное мѣсто, что сочиненная имъ и положенная на музыку въ Страсбургѣ знаменитая боевая пѣснь Рейнской арміи — *Marseillaise* дала общему воодушевленію къ свободѣ соответственное выраженіе: имя Марсельезъ получила она по марсельскимъ федератамъ, такъ какъ они первые принесли ее въ Парижъ. Второе по немъ мѣсто занимаетъ Понсъ Денисъ Экушаръ Лебрёнъ (1729—1807), который по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ классической эпохѣ, но такъ беззавѣтно отдался революціонному увлеченію, что конвентъ привѣтствовалъ его титуломъ французскаго Пиндара и, какъ достойнѣйшему пѣвцу республики, отвелъ ему особое помѣщеніе въ Луврѣ. Принадлежавъ прежде къ Вольтерову кружку, онъ сначала пріобрѣлъ извѣстность одою на землетрясеніе въ Лиссабонѣ и многими остроумными и ѣдкими эпиграммами; а потомъ сталъ въ первые ряды поэтовъ терроризма, особенно благодаря своей одѣ къ мстителю (*au vengeur*). Значительнѣе по своимъ литературнымъ и поэтическимъ произведеніямъ были Марі Жозефъ Шеньё (1764—1811) и злополучный братъ его Андрей Шеньё (1762—94). Первый, еще до революціи, пользовался драмой для того, чтобы соответственно духу времени, проповѣдывать на сценѣ идеи, воззрѣнія и склонности, господствовавшія въ обществѣ или по крайней мѣрѣ въ классѣ образованныхъ людей. Предавшійся въ революціонную эпоху политической дѣятельности, онъ держался якобинцевъ и террористовъ и служилъ конвенту въ качествѣ творца одъ и поэта при торжественныхъ случаяхъ; онъ сочинилъ извѣстную пѣснь «*Chant du départ*», которая, благодаря композиціи Мегюля, стала національною, и которой дѣйствию приписали между прочимъ побѣду подъ Флёрюсомъ; ему же принадлежатъ разные гимны на достопамятныя событія той эпохи (*Hymne à la raison*,

Chant des victoires). Настоящій поэтъ революціи, рожденію которой онъ содѣйствовалъ какъ трагикъ, которую поощрялъ какъ пѣснопѣвецъ и которой силу прославлялъ восторженными гимнами, М. Ж. Шенье былъ вовсе несозданъ для того, чтобы списать благосклонность Наполеона, хотя драма его «Киръ» была написана съ лестными намеками на перваго консула и на принятіе имъ императорской короны; онъ получилъ опять нѣкоторое значеніе только тогда, когда навлекъ себѣ негодованіе императора своимъ смѣлымъ «Посланиемъ къ Вольтеру». Не столь гибкаго характера былъ старшій братъ его, Андрей Шенье, который своими идилліями («Нищій», «Свобода», «Слѣпецъ») впервые внесъ опять греческій духъ и эллискія формы во французскую поэзію. Сторонникъ конституціоннаго порядка, онъ вскорѣ подпалъ подозрѣнію у республиканскихъ властей, когда въ Элегіи на смерть Шарлотты Кордѣ высказалъ такія мысли и чувства, которыя казались опасны для господствующей тогда крайней демократіи. Онъ былъ взятъ подъ стражу и, за свою оппозицію республиканскому вандализму, взведенъ на эшафотъ, отъ котораго тщетно старался избавить его братъ, въ качествѣ члена національнаго конвента. Незадолго до смерти написалъ онъ превосходную элегію въ честь юной и прекрасной союзицы своей, дѣвицы де-Куаньи, — элегію, которую Ламартинъ называетъ «самымъ мелодическимъ вздохомъ, когда-либо вылетавшимъ изъ за стѣнъ тюрьмы». Особенно глубокое впечатлѣніе производятъ тѣ строки, въ которыхъ молодой поэтъ, точно такъ же ожидающій гильотины, какъ и воспѣваемая имъ дѣвушка, трогательно высказываетъ невольную тревогу собственной души. Какъ Ружѣ де л'Иль былъ представителемъ воинственной стороны революціи, такъ Андрей Шенье представлялъ ея скорбную, элегическую сторону. — Оба брата были сыновья французскаго генеральнаго консула въ Константинополѣ, извѣстнаго и своими литературными трудами; мать ихъ была Гречанка. Вступивъ сначала на военное поприще, оба потомъ отказались отъ него, чтобы совершенно посвятить себя литературѣ и ученымъ занятіямъ. Первою замѣчательною пьесой М. Ж. Шенье была драма «Карлъ IX», въ которой изображеніе Варолюмеевской ночи дало новую пищу живой въ народѣ ненависти къ тиранамъ. Не она — какъ обыкновенно говорятъ — возбудила революціонныя движенія, вражду къ духовенству и Бурбонамъ; Шенье только высказалъ на сценѣ въ высокопарныхъ стихахъ тѣ думы и чувства, которыя народъ давно питалъ молча и выжидая. Онъ вовсе не былъ создателемъ новаго рода драмы, а только примѣнилъ

старые приемы Вольтера къ демагогическимъ потребностямъ. Дерзнувъ въ лицѣ Карла IX выставить государя, который даетъ увлечь себя фанатизму и собственноручно стрѣляетъ въ свой народъ, М. Ж. Шеньё совмѣстилъ въ одну піэсу всю сумму ненависти и надеждъ, проявившихся у поэтовъ послѣдняго пятидесятилѣтія. Подобнымъ же образомъ льстилъ онъ страстямъ и господствующему настроенію народа въ своихъ слѣдующихъ драмахъ: «Генрихъ VIII», «Смерть Каласа». Демагогическая піэса «Кайи Грахъ» послужила яacobинцамъ и кордельерамъ орудіемъ противъ Жиронды, обвиняемой въ крайней умѣренности. Политическія его мнѣнія во время конвента высказались въ драмахъ «Фенелонъ» и «Тимолеонъ»; однакожь его «Тиберій» обнаруживаетъ ясно, что терроризмъ и на его глаза перешелъ уже мѣру возможнаго. Для праздника въ честь Верховному Существу (§ 731) написалъ онъ торжественный гимнъ, а своей драмою «Киръ» хотѣлъ такъ же подѣйствовать въ пользу Бонапартова императорства, какъ подѣйствовалъ въ пользу революціи своимъ «Карломъ IX». Піэса его не понравилась Парижанамъ лестію возводимому въ боги первому консулу, а Бонапарту и его клеветамъ не угодила многимъ добрыми совѣтами, которыми уснастилъ ее Шеньё. «Посланиемъ къ Вольтеру» хотѣлъ онъ вымѣстить неудачу этого замысла и на столько же воротилъ къ себѣ благосклонность публики, на сколько возбудилъ негодованія въ самовластномъ государѣ. Въ послѣдніе свои годы онъ преимущественно обратился къ серьёзнымъ историческимъ и литературнымъ трудамъ.

Мы видѣли, что г-жа Роланъ была важнѣйшею представительницею демократическаго идеализма и поклоненія разуму, проповѣдуемыхъ Руссо; такъ точно геніальная современница ея, г-жа Некеръ-Сталь (1766 — 1817), явилась главною поборницею конституціонализма и правомѣрнаго государства, которые особенно превозносилъ Монтескьё. Анна Луиза Жерменъ де-Сталь, дочь протестанта-банкира и министра Некера, принадлежала къ числу тѣхъ французскихъ дамъ, которыя, своимъ умомъ, образованіемъ и свѣтскими талантами, умѣли пріобрѣсти себѣ видное положеніе въ высшихъ сферахъ всемірной столицы и, посредствомъ собиравшихся въ ихъ салонахъ замѣчательныхъ кружковъ, дѣйствовали на духъ и направленіе литературы и общественнаго мнѣнія. Принадлежа по воспитанію и образованію минувшей эпохѣ, ея умъ былъ однакожь довольно гибокъ для того, чтобы не только найдтись въ отношеніяхъ и идеяхъ, измѣненныхъ революціей, но и успѣшно взяться за ихъ переработку; вотъ почему въ эпоху директоріи и даже

во время консульства г-жа Сталь могла занять вліятельное положеніе въ обществѣ до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ, врагъ всякой независимости, не терпѣвшій ни явной, ни тайной оппозиціи своему самовластью, изгналъ ее изъ Парижа и тѣмъ окружилъ имя ея блескомъ мученичества. Умѣвъ совмѣстить республиканскій либерализмъ и гражданское образованіе революціонной эпохи съ аристократическою тонкостью и внѣшнимъ изяществомъ стараго порядка, и наконецъ усвоивъ себѣ даже глубину чувства и сентиментальность новоромантической школы, она, благодаря этой многосторонности ума, слѣдалась оракуломъ литературнаго и высшаго общества. Сочиненія ея распадаются на три разряда: на политическія, эстетико-соціальныя и поэтическія, но эти роды часто переходятъ у нея одинъ въ другой. Съ того времени, какъ, въ весьма распространенномъ тогда письмѣ, она восхваляла финансовое управленіе своего отца, и почти до самой своей смерти, когда изданы ею «Размышленія о французской революціи», она, въ различные періоды своей жизни, писала разныя политическія сочиненія то объ извѣстныхъ частныхъ событіяхъ («Размышленія о процессѣ королевы» и друг.), то по вопросамъ болѣе общимъ («Размышленія о мирѣ», полуполитическое и полуфилософское разсужденіе «О вліяніи страстей на счастье отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ» и мног. друг.). Въ разрядѣ эстетико-соціальныхъ произведеній первое мѣсто занимаютъ остроумная книга «О литературѣ въ отношеніи къ общественнымъ учрежденіямъ» и извѣстное сочиненіе «О Германіи», плодъ довольно долгаго пребыванія ея въ Веймарѣ и Берлинѣ и сближенія съ А. В. Шлегелемъ и другими романтиками. Похвалы, расточаемыя въ послѣдней изъ этихъ книгъ характеру, поэтической и философской натурѣ Нѣмцевъ, до того раздражили Наполеона, что онъ велѣлъ своему министру полиціи Саваріи запретить эту книгу во Франціи и конфисковать все первое изданіе. Г-жа Сталь превозносила въ ней богатство идей, проявляющееся въ нѣмецкой поэзіи и наукѣ, религіозное чувство народа, сохранившееся при всемъ вольномысліи отдѣльныхъ личностей, идеалистическую философію, которая противустала матеріалистическому направленію Французовъ; въ противоположность законодательному авторитету Французской академіи и ея тираніи надъ языкомъ, выставяла она самоувѣренность и самообладаніе нѣмецкаго духа, который самъ себѣ даетъ законы и правила и, допуская полную свободу творчества въ поэзіи, приходитъ однакожь не къ анархіи вкуса, но къ

идеальному пониманію искусства и къ обильнѣйшему разнообразію худож-
ническихъ произведеній». По изгнаніи ея изъ Парижа, г-жа Сталь объ-
ехала большую часть европейскихъ государствъ, а по временамъ жила въ
Коппѣ, очаровательномъ сельскомъ замкѣ отца своего, близъ Женевска-
го озера. Свои путевыя впечатлѣнія изложила она въ разныхъ произве-
деніяхъ. Въ числѣ ихъ самое восторженное удивленіе возбудили оба
романа «Дельфина» и «Коринна», въ которыхъ на сцену выведена
борьба двухъ женскихъ характеровъ противъ преградъ, поставляемыхъ
обычаемъ, преданіемъ и строгостью приличій. Этими романами, особенно
«Коринной», гдѣ съ пламенною фантазіей начертанъ идеалъ женщины,
стремящейся завоевать себѣ правомѣрное положеніе въ общественномъ
быту, и гдѣ въ то же время рисуется очаровательная картина Италіи,
г-жа Сталь предвозвѣстила соціальныя романы Жоржа Санда. Смѣ-
лая и явная защита чувственной любви, беззакрѣтно проповѣдуе-
мая Сандомъ, въ Кориннѣ и Дельфинѣ прикрываются еще софиз-
момъ зависимости женщины отъ правилъ приличія и отъ мужской
свободы. Кромѣ своего геніальнаго легкомыслія, Коринна похожа на
Гётева Вильгельма Мейстера еще и тѣмъ, что все въ ней вертится
около декламаторской поэзіи, какъ у Гёте — около искусства; а съ
лучшими произведеніями аристократическаго поэта Германіи, которыя
особенно читаются въ высшихъ кругахъ, этотъ романъ имѣетъ то
сходство, что Италія представляется въ немъ земнымъ раемъ, какъ
рисовали ее Гёте и Гейнзе. Когда нѣмецкая домашняя жизнь была
выставлена въ видѣ филистерства (пошлой патріархальности), нѣмецкая
природа въ видѣ сѣверной прозы, религіозность нѣмецкаго сердца и
ума въ видѣ недостатка художественнаго смысла и впечатлительности;
тогда всѣ нѣжныя души въ Берлинѣ и въ Дрезденѣ начали вздыхать по
панизмъ, по Италіи, гдѣ «померанецъ рдѣетъ и золотой цвѣтетъ лимонъ»,
гдѣ такъ сладко поютъ кастраты и гдѣ набожное искусство заставляетъ
терпѣливо сносить недостатокъ нравственности. Коринна произвела
такое же дѣйствіе въ парижскихъ салонахъ, и сочинительница увѣнчала
сама себя, увѣнчавъ въ дидрамбической прозѣ свою героиню подъ
сводомъ Капитолія. — По низверженіи Наполеона, г-жа Сталь воз-
вратилась въ Парижъ и до самой смерти своей продолжала дѣйствовать
на литературу и на общественную жизнь Франціи въ духѣ либераль-
наго конституціонализма. Изъ ея круга вышли люди, которые, какъ
зять ея, герцогъ де Брольи, ея другъ Бенжаменъ Констанъ
(1767 — 1830), историкъ и государственный дѣятель Гизо и друг.,

ревностно содѣйствовали прогрессу и просвѣщенію, стоя во время реставраціи въ члѣ оппозиціонной фаланги.

Философскій матеріализмъ XVIII вѣка достигъ въ безбожіи и кощунствѣ революціонеровъ высшей точки своего практическаго приложенія. Поэтому вполне естественно было то, что по укрощеніи революціонныхъ бурь начали стараться о возрожденіи религіозности въ народѣ и объ исцѣленіи христіанствомъ всѣхъ язвъ, нанесенныхъ противощерковною философіей. Уже г-жа Сталь указывала на необходимость такого религіознаго обновленія и, во время консульства ¹, находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ основателемъ христіанской романтики, вѣнкомъ де-Шатобріаномъ (1768 — 1848). Самъ Бонапартъ, его братья и сестры, благосклонствовали этому направленію литературы, которое содѣйствовало возстановленію общественнаго и государственнаго порядка во Франціи.

Когда Шатобріанъ, выѣхавшій при началѣ революціи, подобно многимъ бретанскимъ дворянамъ, въ Америку, послѣ 18 брюмера воротился во Францію вмѣстѣ съ Фонтаномъ (1757 — 1821), риторомъ-стихотворцемъ (авторомъ *Le cri de mon coeur, Le Verger*) и ловкимъ говоруномъ въ конвентѣ («Похвальное слово Вашингтону»), принялъ участіе въ весьма распространенномъ тогда журналѣ *Mercure de France*, и возбудилъ потомъ общее вниманіе своими христіанскими разсказами въ духѣ Бернардень-де-Сенъ-Пьера—«Аталою» и «Ренѣ» и своимъ поэтическимъ произведеніемъ «Духъ христіанства», то его осыпали почестями и всякими знаками благоволенія. Вскорѣ сдѣлался онъ душою остроумныхъ кружковъ, которые, какъ въ старое монархическое время, собирались теперь у Фонтана, покровительствуемаго панегириста наполеоновской власти въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ, у критика и эстетика Жубера (*Recueil de pensées*) и у нѣкоторыхъ парижскихъ дамъ (г-жи Рекамье). Шатобріанъ родился въ Бретани, среди племени, полнаго вѣры и суевѣрія въ прадѣдовскую старину, выросъ въ дворянской семьѣ, съ очень бѣдною обстановкой, гдѣ гордый своей породой отецъ загналъ сына суровымъ воспитаніемъ, тогда какъ набожная мать и сентиментальная сестра потихоньку избаловали своего любимца; поэтому онъ рано отдался замкнутой въ себѣ фантазіи, раздражавшей его и физически и духовно, рано ощутилъ склонность къ одиночеству, грусти, нелюдимству и впалъ въ нѣмую, невысказывае-

¹ То-есть еще до путешествія своего въ Германію.

мую мечтательность, грезя о призракахъ воображаемой любви и болѣзненно раздумываясь о самоубійствѣ. Ужасы революціи возмутили мягкое его сердце и заставили его бѣжать за Атлантическій океанъ. Среди французскихъ колонистовъ въ Америкѣ, сохранившихъ еще первобытные нравы, старыя народныя пѣсни и формы языка, сохранившихъ даже религіозное настроеніе шестнадцатаго вѣка, и между дикарей въ лѣсахъ и пустыняхъ, Шатобріанъ сбросилъ тяжкое иго условности и создалъ себѣ идею религіозно-естественнаго быта, которая такъ очаровала въ первыхъ его произведеніяхъ. Истина и вмѣстѣ новостъ картинъ и ощущеній придали его романамъ «Ренѣ» и «Атала» особенную цѣну и привлекательность въ глазахъ французскаго народа и людей всѣхъ исповѣданій, которые жаждали христіанскаго чувства и религіозной теплоты. Среди литературной пустыни той эпохи эти маленькія произведенія, со всею ихъ невиданной странностью, съ ихъ смѣсью христіанства, глубокихъ чувствъ, природы и дикости, явились какъ спасительные оазисы. Романъ «Атала», который самъ Шатобріанъ издалъ въ видѣ отрывка изъ обширнѣйшаго сочиненія «Натчесы», изображающаго нравы и бытъ одного сѣвероамериканскаго племени, которое онъ наблюдалъ въ теченіе двухъ лѣтъ, — этотъ романъ вскорѣ удивительно распространился, еще прежде нежели авторъ успѣлъ присоединить его, какъ эпизодъ, къ большому труду своему, «Духъ христіанства»; сюда же отнесъ онъ и болѣе простой, болѣе наивный разсказъ «Ренѣ». «Духъ христіанства» совершенно переноситъ христіанскую религію въ область красоты и дѣлаетъ ее предметомъ эстетическаго наслажденія; въ немъ Шатобріанъ изложилъ свою поэтическую вѣру и свою католическую философію въ разсказахъ, картинахъ и благочестивыхъ мечтаніяхъ. Эта книга сдѣлалась Библіей для тѣхъ салонныхъ господъ и дамъ, которые находили настоящее библейское христіанство слишкомъ сухимъ и обнаженнымъ. Это — поэтическое оправданіе христіанскихъ преданій, сагъ и легендъ, обращенное къ чувству изящнаго и къ воображенію. Блестящій слогъ, картинный, поэтическій языкъ и превосходное изложеніе предмета вызвали столь же восторженные похвалы, какъ и само христіанское содержаніе, какъ весь религіозный тонъ этой книги. Особенно предрасположило въ ея пользу господствующее настроеніе того времени, когда всѣ благочестивыя души считали себя спасенными заключеніемъ конкордата, когда люди, даже и болѣе трезваго образа мыслей, возвратились не безъ радостнаго умиленія къ незабытымъ еще чувствамъ и обрядамъ стародавней религіи. Дочь степей, Атала, рядомъ съ нею

Шактаъ ¹ и патеръ Обри, какъ главные лица романа или драмы, были тогда неслыханнымъ явленіемъ и совпали съ тою самою эпохой, когда конкордатъ установилъ во Франціи папско-бонапартовскую церковь на мѣсто прежней галликанской бурбонской. Новое явилось въ романѣ, какъ и въ тогдашней дѣйствительности, подъ покровомъ старыхъ, привычныхъ формъ. — Въ «Ренѣ» повѣсть чрезвычайно проста и развивается безъ всякихъ необыкновенныхъ приключеній; это краткій, почти перечневой рассказъ, вовсе не впадающій въ то словообиліе и въ тѣ звучные и щегольскіе обороты рѣчи, которыми въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Шатобрианъ какъ бы тѣшилъ читателей за то, что дастъ имъ иногда пустой звонъ вмѣсто чего-нибудь существеннаго. «Ренѣ» конечно всего лучше могъ служить къ тому, чтобы безъ всякой доктрины дать осязательно понять Французамъ, что христіанство имѣетъ высокую цѣну само въ себѣ, или — какъ самъ Шатобрианъ объясняетъ цѣль своего «Духа христіанской религіи», — чтобы опять пробудить во французскомъ народѣ тѣ помыслы, которые совершенно изгибли въ теченіе 18-го вѣка. — Въ томъ же духѣ написанъ и маленькій романъ «Приключенія послѣдняго Абенсераджа», — элегія на погибшее рыцарство, художественно-гармоническая вещь, говорящая столько же фантазіи, сколько и сердцу, и много способствовавшая возрожденію романтики.

Послѣ насильственной смерти герцога Ангіанскаго (§ 744) Шатобрианъ отвернулся отъ Наполеоновой династіи. Пробывъ довольно долго въ Италіи и Швейцаріи, предпринялъ онъ обширное путешествіе въ Грецію, Египетъ и Іерусалимъ, котораго плодомъ былъ не только его «Дорожникъ» (*Itinéraire*), но и эпическая поэма «Мученики», гдѣ, блистательными, высокими чертами, но съ большимъ преувеличеніемъ и пристрастіемъ, старается онъ выказать превосходство христіанской вѣры передъ греческимъ идолопоклонствомъ. «Паломничество въ Іерусалимъ» вѣрно и увлекательно передаетъ впечатлѣнія и религіозныя чувства странника-поэта, ощущенія его при видѣ святыхъ мѣстъ, и могучее вліяніе природы Востока, на которую легла неизгладимая печать исторіи. Во всѣхъ сочиненіяхъ Шатобриана есть много удачно избранныхъ картинъ, образовъ и выраженій, есть свѣжесть, оригинальность и поэтическая жизнь; но не ждите, чтобъ излагаемая имъ пенія выдержали спокойную критику разсудка, ни же, чтобъ они согласовались одно съ другимъ, и тѣмъ еще менѣе, — составляли

¹ Североамериканское племя, разсѣянное по штатамъ Алабама и Миссисипи.

гармоническое цѣлое. Какъ только онъ выходитъ изъ предѣловъ живописи и тщательнаго развитія извѣстныхъ положеній въ подробностяхъ, какъ только предметъ его становится обширнѣе, то и нельзя уже полагаться на его доводы. Тщетно вы будете искать у него сужденій спокойно изслѣдующаго мыслителя; вмѣсто этого вы вездѣ найдете колоритъ ловкаго, изобрѣтательнаго живописца. Стилъ его иногда истинно возвышенъ, но мѣстами падаетъ очень низко, что особенно замѣтно тамъ, гдѣ, чрезмѣру подражая древнимъ, Шатобріанъ невольно становится холоденъ. Однакожь, при всей угодливости вкусу высшаго общества, у него сохранились черты независимости изъ впечатлѣній первобытной американской природы, которыми упивался онъ бывши еще свѣжимъ юношей. Неожиданные обороты, своеобразный колоритъ придавали ему какую-то искусственную грацію, которая въ наше время, послѣ двухвѣковаго писанія все на одинъ и тотъ же ладъ, кажется прелестнѣе, увлекательнѣе самой естественной граціи, которую мы находимъ пошлою и старомодною потому, что въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго, останавливающаго на себѣ вниманье.

Когда вмѣстѣ съ реставраціей, религіозные и политическіе взгляды Шатобріана одержали рѣшительную побѣду, для поэта начался золотой вѣкъ. Еще въ переходные дни общаго шатанья и нерѣшимости, его знаменитый памфлетъ «О Бонапартѣ и Бурбонахъ», полный ругательства, лжи и преувеличеній противъ Наполеона, такъ сильно подействовалъ на общественное мнѣніе во Франціи, что Людовикъ XVIII ставилъ его наравнѣ съ цѣлымъ войскомъ. Скоро авторъ сдѣлался министромъ, посланникомъ при разныхъ дворахъ, соучастникомъ въ Веронскомъ конгрессѣ, защитникомъ прирожденной королевской власти въ разныхъ политическихъ сочиненіяхъ; но измѣнчивая, упругая натура бросала его иногда и въ оппозицію. Какъ приверженецъ и поборникъ легитимизма онъ вышелъ послѣ іюльской революціи изъ палаты пэровъ и отстаивалъ права старшей линіи Бурбоновъ въ различныхъ памфлетахъ, пока жалкій исходъ дѣятельности герцогини Беррійской въ Вандеѣ (§ 821) не охладилъ внезапно его романтическій роялизмъ. Записки Шатобріана, издавныя, согласно желанію покойнаго, послѣ его смерти (*Mémoires d'outre-tombe*, т. е. Замогильныя записки), въ своемъ болтливомъ хвастовствѣ носятъ явные признаки старчества. О Шатобріанѣ можно сказать, что онъ вѣкъ свой двигался между двумя разными жизнями, поэтически-мечтательною и настоящей, у которыхъ общаго между собой не было ничего. —

Другомъ и единомышленникомъ его былъ виконтъ де-Бональдъ (1760—1840), который, будучи еще эмигрантомъ въ Гейдельбергъ, во время революціи, возславилъ въ одномъ очень темномъ метафизическомъ сочиненіи, прирожденную власть короля, а послѣ реставраціи сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ поборниковъ безусловной монархіи и церковнаго ультрамонтанизма, и ненавидя народную власть, непремѣнно хотѣлъ вытѣснить ее «властительствомъ Божиимъ», то-есть новою еократіей, на іерархическихъ опорахъ, пока іюльская революція не положила всему этому конца. Уже и Бональдъ былъ приверженцемъ иезуитскаго ордена и поборникомъ непогрѣшимости папскаго престола; но еще усерднѣе и притомъ искуснѣе отстаивалъ и то и другое графъ Жозефъ де-Местръ (1754—1821), родомъ изъ Шамбери въ Савойѣ, бывшій съ 1803 г. довольно долго сардинскимъ посланникомъ при Петербургскомъ дворѣ. Въ сочиненіяхъ «Папа», «О галликанской церкви» и въ своихъ «Петербургскихъ вечерахъ», единственное спасеніе для растлѣннаго первороднымъ грѣхомъ человечества видить онъ только въ еократическомъ единодержавіи и въ совершенномъ владычествѣ церкви надъ всею духовною и умственною областью человека. Онъ не только отъявленный врагъ всей философіи 18 столѣтія и всѣхъ реформаторовъ съ ихъ грѣховными дѣлами, но его приводитъ въ ужасъ даже и распространеніе въ народѣ Св. Писанія: одной Церкви, говоритъ онъ, принадлежитъ живое распространеніе слова по ея усмотрѣнію; Св. Писаніе, «реформаціонная хартія» — все это, для него, нѣмое, мертвое слово, не истинный, а ложный Богъ. По его мнѣнію, папы — единственные строители, блюстители и спасители, настоящіе политическіе гении Европы. Самая религія служить ему только оплотомъ для защиты общественнаго строя, а вовсе не высшимъ освященіемъ души. — Чуждъ этой религіозной мистики, но такъ же преданъ Бурбонамъ, а потому и гонимъ Наполеономъ былъ многосторонній ученый, критикъ и поэтъ Шарль Нодьё (1780—1844), родомъ изъ Безансона; восторгаясь нѣмецкою поэзіей, особенно «Страданіями молодого Вертера», онъ сталъ переносить нѣмецкія идеи на родную почву и былъ однимъ изъ первыхъ основателей романтической школы во Франціи. Изъ его романтически настроенныхъ новеллъ, извѣстнѣе другихъ «Стелла», «Зальцбургскій живописецъ», «Жанъ Сбогаръ», «Тереза Оберъ» и его Повѣсти и Баллады. — Христіанскую поэзію Шатобріана продолжалъ въ лирическомъ родѣ Альфонсъ де-Ламартинъ, изъ Макона (род. 1792).

Противникъ холоднаго разсудочнаго направленія минувшей эпохи, Ламартинъ въ своихъ первыхъ стихотвореніяхъ: «Поэтическихъ думъ», «Новыхъ поэтическихъ думъ» и «Религіозныхъ и поэтическихъ гармоніяхъ» взялъ именно тотъ акордъ, который вскорѣ сдѣлалъ его любимымъ поэтомъ цѣлаго народа, особенно молодежи и женщинъ. Восторженно-элегическій тонъ его религіозной лирики, святая жажда вѣры въ Бога и безсмертіе души, сладостная грусть трогательныхъ картинъ природы, самое его риторское пареніе, сильно дѣйствовали на молодые воспріимчивые умы. Какимъ-то эвфемнымъ вѣяніемъ облиты его стихотворенія, и тоны ихъ колорита переливаются одинъ въ другой съ очаровательною мягкостью и съ такою граціей, какъ легкія облака при свѣтломъ закатѣ солнца. Сторонникъ Бурбоновъ, при которыхъ онъ нѣкоторое время занималъ дипломатическій постъ въ Италіи, Ламартинъ воспѣлъ вѣнчаніе на царство Карла X, а потомъ, разстроенный іюльскимъ переворотомъ, онъ, въ сопровожденіи своей жены (Англичанки) и дочери, предпринялъ путешествіе въ Сирію и Палестину, которое, по возвращеніи, описалъ съ поэтическимъ одушевленіемъ и съ живою воспріимчивостью къ величавой природѣ и ко всей обстановкѣ Востока. Объ обширѣйшія его поэмы, эпико-лирическая идиллія «Жоселенъ», въ которой практическое христіанство, добродѣтель и самоотверженіе чистой, благородной человѣчности изображены съ идеальнымъ преувеличеніемъ, и «Паденіе Ангела», гдѣ необузданная фантазія залетаетъ въ допотопный міръ титановъ и гигантовъ, хотя въ цѣломъ и страдаютъ фантастическою неправильностью, однакожь богаты увлекательными картинами и отдѣльными красотою. Избранный въ тридцатыхъ годахъ депутатомъ второй палаты, Ламартинъ отказался мало-по-малу отъ своихъ легитимистскихъ убѣжденій и сталъ поборникомъ гуманитарнаго идеализма и демократическаго космополитизма. Какъ пламенный ораторъ и сторонникъ всѣхъ либеральныхъ идей и предположеній, явился онъ вскорѣ вліятельнымъ вождемъ оппозиціи, который, стоя выше всякаго династическаго или республиканскаго пристрастія, искалъ цѣли новой политики въ органическомъ развитіи общественнаго порядка. Тотъ, въ комъ такъ сильно преобладало идеалистическое и гуманитарное направленіе, какъ у Ламартина, не могъ не ощущать особеннаго влеченія къ великимъ и благороднымъ, даже въ самомъ заблужденіи, личностямъ жирондистовъ; оттого въ своей Исторіи этихъ идеалистовъ-республиканцевъ и набросалъ онъ риторски-и поэти-

чески-изукрашенную картину самого оживленного и интересного периода революционной борьбы и этимъ до того снискалъ себѣ расположеніе народа, что въ бурные дни 1848 г. казался способнѣйшимъ изъ всѣхъ сдерживать кипучія волны революціи. Позднѣйшій досугъ свой послѣ новаго политическаго переворота, посвятилъ онъ «Исторіи реставраціи» и сочиненію своей «Исповѣди», въ которой, къ сожалѣнію, отразилось все его самолюбіе и самодовольство. — Политическую дѣятельность и многократную перемену убѣжденій раздѣлялъ съ Шатобріаномъ и Ламартиномъ. третій глава романтической школы, Викторъ Гюгъ (род 1802). Сынъ военнаго бонапартиста и бурбонистки матери, родомъ изъ Вандеи, онъ уже въ самой ранней молодости, проведенной поочередно въ Италіи, Испаніи и Франціи, получилъ самыя разнообразныя политическія впечатлѣнія. Однакожъ сначала восторжествовало въ немъ материнское вліяніе; въ своихъ первыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ (Одахъ и Балладахъ) выступилъ онъ ревностнымъ роялистомъ и приобрѣлъ себѣ этимъ благосклонность Людовика XVIII, назначившаго ему даже пенсію. Впослѣдствіи сдѣлался онъ восторженнымъ читателемъ Наполеона и прославилъ его въ одной изъ прекраснѣйшихъ своихъ одъ; при Людовикѣ Филиппѣ онъ возведенъ былъ въ пэры и члены академіи, а подъ республиканскимъ правленіемъ вступилъ депутатомъ въ національное собраніе; только имперія вынудила его покинуть родину и удалиться на Нормандскіе острова. Викторъ Гюгъ сдѣлалъ себѣ имя какъ лирикъ, драматикъ и романистъ, но, конечно, онъ всего выше въ первомъ родѣ. Послѣ того какъ въ своихъ «Одахъ» онъ обнаружилъ первый риторскій пылъ еще юношескаго одушевленія, въ «Балладахъ» воспроизвелъ отголоски средневѣковой романтики, а въ «Восточныхъ стихотвореніяхъ» (Les Orientales) набросалъ блестящія картины чуждыхъ странъ, людей и событій, поэтъ въ своихъ «Осеннихъ листьяхъ», «Сумеречныхъ пѣсняхъ», «Внутреннихъ голосахъ», «Лучахъ и тѣняхъ» возвратился болѣе къ самому себѣ и соединялъ то глубоко-задушевные, нѣжные, трогательные звуки, то великолѣпные акорды страстнаго одушевленія въ такую полную гармонію, которая уподоблялась благозвучію роскошнаго гула отдаленныхъ колоколовъ. Виктору Гюгъ, какъ лирику, нельзя отказать въ вѣрномъ взглядѣ на психическую жизнь человѣка и въ теплой восприимчивости ко всѣмъ чувствамъ и настроеніямъ души; за то, какъ драматургъ, онъ неестественъ, преувеличенъ и натянутъ до противности. Въ стремленіи расторгнуть узы классической школы и, на мѣсто вы-

лощенной, формальной и условной поэзіи прежней эпохи, поставить другъ, полнѣйшую содержаніемъ, дѣйствующую болѣе своими идеями и матеріаломъ нежели обаяніемъ однѣхъ внѣшнихъ формъ, онъ нерѣдко нарушалъ вѣчные законы искусства, красоты и вкуса и впадалъ въ грубость, преувеличеніе и чудовищность. Устранивъ такъ-называемыя три единства и другія произвольныя правила худо-понятой поэтики, онъ ударился въ противоположную крайность, въ полную безрядицу, гдѣ господствуютъ ужасы, смертоубійства, всякія противуестественности, и гдѣ, вмѣсто правильнаго художественнаго плана и развитія, для развязки вдругъ является изъ-за кулисъ готовый двигатель, падающій какъ будто съ неба (*Deus ex machina*). Въ его драмахъ мы вездѣ почти находимъ олицетворенное начало зла, бездушное, саркастическое, дѣйствующее во мракѣ, которымъ главные лица вводятся въ пагубу, и это обыкновенно устроивается самымъ ребяческимъ манеромъ, посредствомъ какой-нибудь механики, потаенныхъ лѣстницъ, опускаемыхъ дверей и т. п., тогда какъ настоящая идея судьбы, всеоключающая нравственная неизбѣжность, совершенно теряется при этомъ изъ виду. Недостатокъ глубокаго внутренняго міра старается онъ возмѣстить живописью внѣшности, особенно пуская въ ходъ контрасты, и поэтому часто впадаетъ въ противное и отталкивающее. Богатый талантъ его виденъ только тамъ, гдѣ онъ отдается своему лиризму. Извѣстнѣйшія изъ его драмъ суть «Кромвель», «Эрнани», «Король тѣшится», «Лукреція Борджія», «Маша Делормъ» и друг.; послѣдняя его піеса «Бургграфы» — самая неудачная, чтобъ не сказать нелѣпая, изъ всѣхъ. — Та же гонка за натянутымъ, необычайнымъ и эффектнымъ видна и въ романахъ Виктора Гюгò. За исключеніемъ пресловутой «Парижской Богоматери» (*Notre-Dame de Paris*), гдѣ средневѣковое искусство и народный бытъ представлены увлекательно и съ большимъ талантомъ, всѣ остальные его романы — настоящіе каррикатуры, полныя самыхъ изысканныхъ душевныхъ пытокъ и страданій, какъ въ «Послѣднемъ днѣ осужденнаго на смерть». Во время февральской революціи, бывъ избранъ въ національное собраніе, какъ ревностный поборникъ республиканскихъ идей, онъ отличился пламенными рѣчами за религіозную и политическую свободу; но послѣ насильственной перемѣны 2 декабря 1851 года, онъ, влѣдствіе своей смѣлой оппозиціи властительскимъ замысламъ президента Людовика Наполеона, былъ вынужденъ бѣжать изъ Франціи. Въ отщепеніе, онъ, изъ своей ссылки, разразился на императора самымъ рѣзкимъ пасквилемъ, подъ заглавіемъ *Napoléon le Petit*.

Благодаря названнымъ поэтамъ, возбужденная нѣмецкою литературой романтическая поэзія, особенно обращавшаяся къ средневѣковому христіанству, искусству и католичеству, и отличавшаяся совѣтъ новымъ метрическимъ разнообразіемъ, утвердилась на французской почвѣ и преодолѣла классическую школу, у которой осталось лишь немного вѣрныхъ ратоборцевъ. Но тутъ же достигла она и высшей своей ступени; на вершинѣ которой сталъ именно Викторъ Гюго, и которая переходила уже съ нимъ въ болѣзненную вычурность, вслѣдствіе чего Альфредъ де Виньи (род. 1798), также одинъ изъ главныхъ представителей романтизма и даровитѣйшій переводчикъ Шекспировыхъ драмъ, началъ въ своихъ эпико-лирическихъ стихотвореніяхъ («Долорида», «Элоа», «Моисей», «Снѣгъ»), равно какъ и въ романахъ (*Cinq-Mars*, *Servitude et grandeur militaire*, *Stello ou les diables bleus* и друг.), возвращаться опять къ большей естественности и большей обдуманности въ работѣ. Викторъ Гюго служитъ первообразомъ для многихъ лирико-романтическихъ стихотворцевъ, въ числѣ которыхъ значительнѣйшими были Эмиль Дешанъ (*Deschamps*), критикъ и поэтъ Сентъ-Бѣвъ (род. 1803) и кипучій, мастерски владѣвшій формою Альфредъ де-Мюссѣ (1810—1857); напротивъ даровитый нѣмскій булочникъ Жанъ Ребуль (род. 1796) болѣе подражалъ мягкой, сентиментальной поэзіи Ламартина. По стопамъ того или другаго слѣдовали также многія стихотворицы, какъ наприм. Элиза Меркёръ (1809 — 35), изливавшая свою внутреннюю скорбь въ элегическихъ стихотвореніяхъ, Марселина Дебордъ-Вальморъ (род. 1787), меланхолическая пѣвица сѣтующей любви, Амабль Тастю (род. 1798 въ Мецѣ) и друг. Совѣтъ особенное мѣсто занимаетъ во французской литературѣ Эдгаръ Кинне, (род. 1803), который своею драматизированной поэмой «Агасверъ», подъ названіемъ мистериі, старался водворить во Франціи нѣмецкую романтику, хотя и очень сбивчивымъ путемъ, въ «Промееѣ» предпринялъ онъ сліяніе эллинизма съ христіанствомъ, а въ «Наполеонѣ» освѣтилъ героя своего вѣка бралліантовымъ огнемъ романтики. Фантастическаго преувеличенія и неестественности романтической школы держались также многіе сочинители романовъ, какъ наприм. виконтъ д'Арленкуръ, (род. 1789), Фред. Сульѣ (род. 1800) и разные друг.; напротивъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ рассказчиковъ, графъ Гзавье де-Местръ (1764 — 1852), возвратился опять къ простотѣ Бернардень-де-Сенъ-Пьера. Его «Путешествіе вокругъ моей комнаты» обли-

чаетъ свѣтлый, добродушный взглядъ на жизнь; «Прокаженный въ Аостъ» живо изображаетъ тихое отчаянье несчастнаго, который ужаснѣйшею изъ болѣзней осужденъ на одиночество; «Молодая Сибирячка» — простая и трогательная повѣсть дѣтской преданности и любви. Чувство простоты, естественности и правды обнаруживается также у живописца и писателя, Женевца Руд. Тѣпфера (1799 — 1846), въ его юмористическихъ разсказахъ и живописныхъ путешествіяхъ.

Романтическая школа была одностороння до такой степени, что не могла не вызвать многихъ противниковъ, которые слѣдовали инымъ путемъ съ болѣе или менѣе успѣхомъ. Классическое направление, хотя устарѣвшее и повидимому побѣжденное, вело упорную борьбу противъ новоромантической поэзіи, — борьбу, кончившуюся неблагопріятно для классиковъ только потому, что силы передовыхъ бойцовъ были слишкомъ неравномѣрны. Классическая поэзія, съ ея выложенными александрийскими стихами ¹, съ ея обточеннымъ языкомъ, съ ея риторскимъ пафосомъ, до того срослась съ исторіею Франціи, съ ея великимъ прошедшимъ, и до того соответствуетъ народному характеру, что совершенно устроить ее нельзя было никогда. Конечно, державшимся за классическую форму посредственнымъ талантамъ, каковы наприм. безхарактерный стихотворецъ, критикъ и литературный историкъ Лагарпъ (1739 — 1803), драматурги Арно (1766 — 1834), Жуи («Веллсарій»), Габр. Легувѣ, Ренуаръ («Тамплиеры»), ученый изслѣдователь провансальскаго языка и стихотворства (1761 — 1836), — конечно этимъ людямъ было не подъ силу преодолѣть отвѣчавшую современнымъ идеямъ и вызванную къ жизни даровитѣйшими людьми новоромантическую поэзію; съ такими талантами, какъ г-жа Сталь или Шатобріанъ, не могли совмѣстничать ни близкая къ Орлеанскому дому г-жа Жанлисъ (1796 — 1830), плодовитый и сухой авторъ множества романовъ, повѣстей и сочиненій о воспитаніи въ старинномъ вкусѣ, ни замѣчательный въ своемъ родѣ идиллистъ и переводчикъ Виргилія, Жакъ Делиль (1738 — 1813), съ своими дидактико-описательными поэмами и изображеніями природы. Но когда, во-первыхъ, Непом. Лемерсье (1773 — 1840) сталъ въ своихъ многочисленныхъ историческихъ трагедіяхъ («Агамемнонъ»,

¹ Шестистопные стихи, получившіе свое названіе отъ нормандскаго поэта Александра Парижскаго, который написалъ имъ, между прочимъ, главное свое произведение, поэму объ Александрѣ Великомъ.

«Хлодвигъ», «Пинто» и друг.) и комедіяхъ (*Dame Censure*) вольнѣе обращаться съ классическими формами и, отнюдь не устраниая ихъ вполне, позволяя себѣ только нѣкоторыя отступленія отъ ихъ строгихъ правилъ; когда ясный и популярный (за свои *Messéniennes*, *Le retour de l'Empereur*), хотя и менѣе глубокій поэтъ, Казимиръ Делавинъ (1794 — 1846), сѣмѣлъ въ своихъ историческихъ драмахъ (*Les vêpres siciliennes*, *Les enfants d'Edouard*, *Don Juan d'Autriche* и друг.) и комедіяхъ (*L'école des vieillards*) искусно соединить романтическія идеи съ классическими формами, — стремленіе, которое раздѣлялъ съ нимъ и драматикъ Алекс. Сумѣ (род. 1788); когда гениальная актриса Рашель своею художественною игрою снова подняла униженные романтиками трагедіи Корнеля и Расина, тогда; по крайней мѣрѣ въ сценическихъ произведеніяхъ, классическая поэзія стала опять на болѣе твердой основѣ, тѣмъ болѣе, что важнѣйшіе представители романтическаго направленія, Викторъ Гюго и Александръ Дюма (род. 1803), пріобрѣтшіи извѣстность какъ поэтъ, путеописатель и романистъ, въ своихъ историческихъ драмахъ (*Henri III*, *Monaldeschi*, *La tour de Nesle*, *Caligula* и друг.) по прежнему не покидали односторонности крайняго преувеличенія. Даровитаго драматурга пріобрѣло себѣ классическое направленіе въ лицѣ молодаго поэта Понсара, котораго «Лукрецію» привѣтствовали какъ начало новой эпохи, но въ его драмѣ «Улиссъ» гомеровская простота является уже слишкомъ пересоленною. Историческія драмы Л. Витѣ и безчисленные театральныя піесы плодовитаго и ловкаго въ сценическомъ отношеніи комика Авг. Евг. Скриба (1791 — 1860), котораго можно назвать французскимъ Коцебу, — все это, не смотря на нѣкоторыя частныя красоты у перваго и на искусную техническую сноровку у втораго, отнюдь не имѣетъ высшей поэтической цѣны.

Романтическая поэзія составляла только одну сторону революціонныхъ стремленій — уничтожить въ области литературы все старое и завѣщанное отъ предковъ, точно такъ же какъ это было сдѣлано въ государствѣ и общественномъ быту французскимъ національнымъ собраніемъ; другою стороною было оживленіе эллинской художественности, новопробужденный интересъ къ древнегреческой литературѣ, вкусу и образованію. У обоихъ этихъ направленій была сначала одна и та же цѣль — уничтоженіе перенятой у Римлянъ однообразной классичности, чего хотѣли достигнуть расширеніемъ содержанія, облагороженіемъ и уразноображеніемъ формъ. По этому, точно такъ же какъ ново-

романтики возвращались къ среднимъ вѣкамъ, новый эллинизмъ воротился къ первобытной эпохѣ южной Франціи, къ тому времени, когда господство греческаго образованія распространялось изъ Марсели по Провансу и Лангедоку; и какъ первые возобновляли христіанскія народныя баллады, такъ точно возрожденный греческій вкусъ привелъ къ болѣе глубокому изученію и къ филологическимъ изслѣдованіямъ разныхъ французскихъ нарѣчій. Этотъ эллинизмъ былъ впервые возбужденъ поэтомъ Андреемъ Шенье, далѣе — извѣстнымъ «Путешествіемъ молодого Анахарсиса» Жанъ-Жака Бартеlemi (1716—1795), гениальнымъ эллинистомъ и переводчикомъ Геродота и другихъ греческихъ произведеній, Полемъ Луи Курье, особенно же господствовавшимъ во время революціи восторженнымъ одушевленіемъ къ простотѣ и естественности Грековъ, къ древне-республиканскому быту вообще, къ античной доблести и любви къ свободѣ, — одушевленіемъ, выражавшимся въ то же время и въ картинахъ поклонника революціи, живописца Давида. Вскорѣ однакожь два эти направленія разошлись въ своихъ путяхъ: между тѣмъ какъ лелѣемая реставраціей романтика сбилась на стезю церковной и политической реакціи и служила опорой превратно понимаемому началу «тронъ и алтарь», на почвѣ республиканскаго эллинизма возникла противъ этихъ реакціонныхъ стремленій сильная оппозиція. Тотъ же Поль Луи Курье (1773—1825), образовавшийся среди стана и ратной тревоги, вступилъ теперь, отрекшись отъ военной службы и посветивъ себя сельской жизни въблизи Тура, на поприще политической сатиры. Своими памфлетами, отъ которыхъ вездѣ вѣетъ на васъ духомъ мужества и глубокаго нравственнаго убѣжденія, соединеннымъ съ блистательнымъ остроуміемъ, свѣтлою проницательностью и самымъ выработаннымъ языкомъ, дѣйствовалъ онъ на свое время въ смыслѣ прогресса, свободы и просвѣщенія. Бѣдкій сатирикъ отъ природы, и вполне усвоивъ себѣ саркастику греческихъ писателей, могъ ли онъ не сдѣлать изъ своихъ политическихъ брошюръ настоящихъ клижаловъ? Недоступный тщеславію, не ослѣпленный ни блескомъ императорства, ни обаяніемъ «прирожденной» королевской власти, онъ былъ опаснымъ противникомъ реакціи до тѣхъ поръ, пока внезапное убіеніе Курье въблизи его дома не положило конца его блестящей дѣятельности.

Еще обширнѣйшимъ вліяніемъ пользовался вольномыслящій пѣвецъ Пьеръ Жанъ Беранже (1780—1857). Знакомый съ чувствами и настроеніями народа, изъ котораго онъ вышелъ самъ, кото-

рому оставался непоколебимо вѣренъ, котораго онъ былъ «независимымъ витіемъ и утѣшителемъ», Беранжѣ умѣлъ въ своихъ стихахъ попасть на тотъ простой, естественный тонъ, который идетъ прямо къ сердцу, потому что онъ изъ сердца же и выходитъ. Безъ честолюбія, безъ большихъ потребностей и затѣй, онъ не давалъ увлечь себя съ пути ни приманкою почетныхъ мѣстъ, ни страхомъ судебныхъ преслѣдованій и наказаній. Беранжѣ — полнѣйшее выраженіе національнаго характера Французовъ, въ благородномъ его проявленіи: веселый, довольный жизнью и легкомысленный, притомъ любезный, обходительный и одушевленный любовью къ свободѣ и родинѣ¹. Последнее это чувство волновалось въ немъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ былъ недоволенъ попятными шагами Бурбоновъ и оно-то исторгало у него тѣ выраженія гнѣва и негодованія, тѣ насмѣшки и сатиры, тѣ жалобы и порицанія, которыя сдѣлали изъ его пѣсень такое страшное оружіе противъ реставраціи. Храбрый боецъ въ іюльскіе дни, онъ и при Людовикѣ Филиппѣ отказался отъ предлагаемой должности, чтобы вести независимую, хотя и бѣдную жизнь вольнаго поэта. Но муза его стала съ тѣхъ поръ молчаливѣе (находя менѣе предметовъ, вызывавшихъ ее на борьбу), и только необыкновенное участіе, выказавшееся при его похоронахъ, засвидѣтельствовало, что народная любовь не измѣнила ему до послѣдней минуты.

Національная лира Беранжѣ очень многострунна: эпикурейская философія 18 вѣка (*le Dieu des bonnes gens* и др.), одушевленіе къ революціонной свободѣ (*la déesse, le vieux sergent* и др.), воинственный энтузіазмъ къ Наполеону (*les deux grenadiers, les souvenirs du peuple*), либеральная насмѣшка надъ попытками возрожденія старины (*le marquis de Carabas, les missionnaires, Nabuchodonosor*, и др.), теплое участіе къ свободѣ и благоденствію народовъ (*la sainte alliance des peuples, hâtons nous!* и друг.), веселая бесѣда и застольная шутка (*ma république* и друг.), радость и скорбь любви («*Qu'elle est jolie!*» *la vertu de Lisette* и др.), юмористическое самодовольство и самобаюканье (*le roi d' Yvetot, Roger Bontemps*), насмѣшка вольнаго здравомыслія (*mon curé, le sénateur*), гримаса немощнаго сластолюбца (*le vieux célibataire*), наконецъ весь ужасъ крайней нужды, вся горечь неисходнаго рабства, тяго-

¹ Авторъ позабылъ еще одну замѣчательную черту Беранжѣ, — его рѣдкую готовность помочь ближнему, хотя бы съ рискомъ не только для своего кредита у другихъ, но и для своихъ собственныхъ, всегда очень скромныхъ средствъ существованія.

тѣющихъ надъ бѣднымъ и притѣсненнымъ (*Jeanne la Rousse, le vieux vagabond, la pauvre femme*)—все это говорить, ликуеть, подемѣиваетъ, хохочетъ, тужить и плачетъ въ пѣсняхъ Беранжѣ — съ такою задумчивостью и истиной, съ такою граціей и силой, которая ясно даетъ чувствовать, что въ этой поэзіи бьется самое сердце народа ¹.

Въ двадцатыхъ годахъ ненавистный правительству либерализмъ нашелъ себѣ двухъ плодovitыхъ поборниковъ въ Огюстѣ Бартелемѣ (род. 1796 въ Марсели) и его школьномъ товарищѣ Меріи (род. 1794), нападавшихъ на господствующую систему во множествѣ сатирическихъ памфлетовъ и стихотвореній (*la Villéiade, la Corbiéréide, la Censure* и мног. друг.). За эти, и нѣкоторыя другія піэсы, прославлявшія Наполеона (*Napoléon en Egypte, le fils de l'homme*), подверглись они гоненію и заключенію въ тюрьму; потомъ, дождавшись кратковременнаго торжества въ іюльскую революцію, они въ слѣдующемъ же году выразили, въ піэсѣ *La Dupinade ou la révolution durée*, свое негодованіе по поводу несбывшихся надеждъ. — Одинъ изъ самыхъ ѣдкихъ сатириковъ новой Франціи безспорно Огюстъ Барбьё (род. 1808 въ Парижѣ); съ беспощадной строгостью бичуетъ онъ всѣ враждебныя народу и свободѣ поступки и стремленія знатныхъ и съ демократическимъ негодованіемъ изображаетъ бѣдствія и страды народовъ. Въ «Охотничьемъ правѣ» (*la cugée*) онъ караетъ низкихъ проныръ, которые хотятъ извлечь себѣ выгоду изъ совершившейся помимо ихъ іюльской революціи и отнять у народа непосредственные плоды этой перемѣны; піэса «Кумиръ» есть строгое порицаніе боготворимому императору Наполеону; въ «*Populagité*» изливаетъ онъ свой гнѣвъ на позорную развращенность высшихъ сословій. Изобразивъ въ этой и другихъ энергическихъ сатирахъ, изданныхъ имъ подъ древне-греческимъ заглавіемъ «Ямбовъ» (Архилоха), черты общественнаго быта своей родины, онъ сѣтуетъ въ своихъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ *Il Pianto* и *Lazare* о положеніи народа въ злополучной тогда Италіи и въ Англіи, но сѣтуетъ уже не съ прежнею силой.

Литературный либерализмъ, въ томъ видѣ, какъ онъ проявился въ сатирахъ Поля Луи Курьё и въ популярныхъ пѣсняхъ Беранжѣ раздѣлялъ съ политическимъ либерализмомъ его малопродуктивность; болѣе прекословія и отрицая, нежели производя, не могъ онъ надолго удовлетворить ду-

¹ Къ Беранжѣ вполне примѣнимо то, что самъ онъ сказалъ о Манюэлѣ: «у него и рука, и сердце, и голова — все народъ».

ховнымъ потребностямъ народа; онъ былъ только новою закваской, брошенной въ коснѣющую массу романтизма, но закваской, которая не составляла здоровой и крѣпительной пищи сама по себѣ. Изъ сліянія обонхъ направленій искусства, но съ цѣлями по преимуществу отрицательными, преобразовательными и разлагающими, возникъ соціально-бытовой и тендеціозный романъ, имѣющій своей почвой великое разнообразіе семейной жизни и общественнаго быта во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ, и затрогивающій коренные вопросы, основныя условія человѣческаго общежитія. Первый писатель, изслѣдовавшій семейную и общественную жизнь современности, заглянувшій во всѣ изгибы и тайники человѣческаго сердца, и изобразившій ихъ во множествѣ романовъ, однакожъ безъ всякихъ стороннихъ замысловъ и цѣлей, равно какъ и безъ глубокаго познанія души, былъ Оноре Бальзакъ (1790—1850), родомъ изъ Тура; его картины провинціальной жизни обнаруживаютъ въ немъ большую наблюдательность и бывалость. Но настоящимъ, гениальнымъ творцомъ соціально-тендеціознаго романа явилась маркиза Дюдеванъ (род. 1804 г. въ Берри), извѣстная подъ именемъ Жоржъ-Санда; мистицизмъ, чувствительность и задумчивость первыхъ романтиковъ слились у ней съ идеями свободы и демократизмомъ либеральной литературы и съ своевольнымъ стремленіемъ новаго соціализма, избавиться отъ всѣхъ нравственныхъ узъ и искать удовлетворенія однихъ природныхъ побужденій; все это соединила она въ новый родъ романа, очень художественный, но вредный для чистоты нравовъ, который, поддерживаясь благороднымъ и сильнымъ языкомъ, ясностью представленія, вѣрностью и глубиной наблюдательности и живостью красокъ, нашелъ себѣ при фривольномъ направленіи того времени величайшее сочувствіе и затмилъ всѣ подобныя произведенія. Послѣ перваго значительнаго романа ея «Индіана», вскорѣ явились одинъ за другимъ «Валентина», «Симонъ», «Андрѣ» «Леоне-Леони», «Жакъ», «Лелія», которые всѣ клонились къ тому, чтобы представить все разнообразіе общественныхъ учрежденій неестественнымъ, отжившимъ и несправедливымъ, — особенно защитить женщину отъ законовъ брака, приличія и условной чистоты, выдвигая вездѣ на первый планъ силу любви, дающую на все безграничное право. Всѣ задачи любви и брака были не только затронуты г-жею Дюдеванъ, но и развиты въ самомъ рѣзкомъ, часто парадоксальномъ видѣ; самыя яркія картины страстной чувственности облекала она въ какое то эопрное вѣяніе идеальной жизни, которая неутолимо

каждою реформъ и полнымъ чаяніемъ внутреннимъ волненіемъ потрясала всю безконечную канитель современности. Изображеніе человѣческихъ страданій, имѣющихъ свой неизсякаемый родникъ въ превратныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, тѣмъ неодолимѣе дѣйствовало на невольное, жаждущее новизны, сластолюбивое и чувственное племя, что дѣйствительныя язвы общества, въ которыхъ сомнѣваться было невозможно, повидимому доказывали истину выставляемыхъ картинъ, тогда какъ все дѣло было въ томъ, что посредствомъ очень лестной для себя любія уловки главная причина золь переносилась на общественныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы искать ее въ грѣшной природѣ самого человѣка. Ученіе, что всѣ позывы и страсти человѣческаго сердца имѣютъ право на удовлетвореніе, — ученіе, развитое въ этихъ романахъ со всеми чарами художественности, столько же содѣйствовало къ потрясенію государственныхъ, церковныхъ и общественныхъ установленій, основанныхъ на законѣ, преданіи и исконномъ соглашеніи между людьми, какъ и софистическія грезы новѣйшаго социализма. — Возбужденная религіознымъ демократизмомъ Ламеннѣ (§ 813). Жоржъ Сандъ въ своихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ обращалась болѣе къ политическимъ и религіознымъ идеямъ, наприм. въ «Спиридїонѣ», «Орасѣ», «Консуэло» и «Графинѣ Рудольштадтѣ». Въ *Comptoir du tour de France* (Странствующемъ ремесленникѣ), въ «Жаннѣ» и въ «Мельникѣ изъ Анжибѣ» она старалась потомъ развить свои социалистическіе взгляды въ сферѣ народной жизни. Позднѣйшіе романы Жоржъ-Санда (*La mare au diable*, *François le champi*, *La petite Fadette*) увлечательно изображаютъ народный бытъ въ Беррійской провинціи безъ всякихъ противунравственныхъ тенденцій. — Аврора Дюпенъ, дочь побочнаго сына извѣстнаго маршала де-Сакса, воспиталась въ монастырѣ и на 18-мъ году была выдана безъ всякой склонности за маркиза Дюдевана, отъ котораго имѣла двоихъ дѣтей. Свою тревожную судьбу, свои молодые годы, всю ихъ обстановку и ходъ своего образованія сама она повѣдала міру въ очень заманчивомъ разсказѣ. Соскучась этимъ брачнымъ союзомъ безъ симпатій, покинула она своего мужа и, бѣдная, безпомощная явилась въ Парижъ (1831), гдѣ въ сообществѣ съ своимъ другомъ, Жюлемъ Сандо, стала заниматься литературными трудами. Первое сочиненіе ея *Rose et Blanche* произвело мало впечатлѣнія, зато тѣмъ болѣе понравилась въ слѣдующемъ году (1832) «Индіана», писанная подъ гнетомъ самыхъ горькихъ заботъ; всѣ страсти и розни, всѣ скорби и столкновенія, всѣ стремленія и бѣды, все, чѣмъ волнуется

и движется новѣйшее общество, соединены здѣсь въ такую картину, которая достигаетъ чрезвычайно сильнаго эффекта помощью самыхъ простыхъ средствъ, которая страшно потрясаетъ своей правдивостью и при этомъ безукоризненна въ своей формѣ. Начатое ею потомъ дѣло о формальномъ разводѣ съ мужемъ, рѣшилось въ ея пользу: она получила обратно своихъ дѣтей и значительную часть своего имущества. Съ тѣхъ поръ проводила она время попеременно то въ Парижѣ, то въ деревнѣ, то въ путешествіяхъ. «Лѣто на югѣ Европы» — это воспоминанія и впечатлѣнія бытности ея на островѣ Миноркѣ; «Письма путешественника» даютъ заглянуть во внутреннюю жизнь автора, подобно исповѣди Руссо; въ «Семи струнахъ лиры» онъ вдается въ романтическую мистику и символику. Въ «Спиридонѣ» видимъ мы потрясающую картину того, какъ высокій умъ и благородное сердце, путемъ всѣхъ возможныхъ страданій, путемъ самыхъ тяжелыхъ мукъ, неразлучныхъ съ жаждой знанія, съ сомнѣніемъ, невѣріемъ, отчаяніемъ и равнодушіемъ, достигаетъ наконецъ чистѣйшаго убѣжденія, радостной увѣренности, вмѣстѣ разумнаго и христіански-нравственнаго міросозерцанья.

Одобреніе, съ какимъ приняты были тенденціозные романы Жоржъ-Санда, вскорѣ навело на тотъ же путь и другихъ. Всѣхъ ближе къ ней славою, но не глубиною и богатствомъ мысли, стоитъ Евг. Сю (1804—1857), отрасль зажиточной, извѣстной во врачебномъ мірѣ провансальской фамиліи. Познакомясь, въ званіи военнаго врача, съ Испаніей, объѣхавъ потомъ Америку и Грецію, онъ посвятилъ себя роману и первый водворилъ во Франціи особый родъ его — морской романъ. Но ни этимъ, ни романомъ историческимъ, который занялъ его послѣ, не приобрѣлъ онъ такой извѣстности, какъ примѣненными къ ходячимъ идеямъ и проникнутыми социалистическою тенденціей право-описательными картинами ужасовъ бѣдности и порока. Въ числѣ такихъ картинъ «Парижскія тайны», «Семь смертныхъ грѣховъ», «Вѣчный Жидъ» и «Мартынъ найденный» распространились неслыханнымъ образомъ и не мало содѣйствовали къ социалистической революціи 1848 г. — Послѣ насильственнаго поворота въ 1852 году, бѣжалъ онъ изъ Парижа и умеръ 13 авг. 1857 въ Аннеси, тоскуя по разгульн. жизни въ столицѣ Франціи, къ которому онъ издавна пристрастился. — Эмплъ Сувестръ (род. 1800), изображавшій въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ противоположности нищеты и богатства на социалистико-

романтический ладъ, избралъ для новѣйшихъ своихъ «семейныхъ романовъ» матеріалъ менѣе горячаго свойства ¹.

Та же бойкая подвижность, какую мы видимъ въ поэтической литературѣ Французовъ, обнаруживается и въ другихъ литературныхъ родахъ, особенно въ сильно-развитой журнальной дѣятельности. Бездна повременныхъ изданій, которымъ придано еще болѣе заманчивости летучими прибавленіями (фѣльетономъ), занимаютъ собою значительнѣйшія авторскія силы и часто служатъ складомъ для помѣщенія новѣйшихъ романовъ, путеописаній (Мармьё), эстетической и критической беллетристики (Жюль Жаненъ, Тальяндъ и др.). Особенно почетнаго упоминанія въ числѣ журналовъ заслуживаютъ *Revue des deux mondes* и *Magasin pittoresque*. — Въ исторіографіи, Французы шли отчасти путемъ философскаго прагматизма, который проложили Вольтеръ и Монтескьё, при чемъ одни, какъ наприм. Фр. П. Гизо («Исторія цивилизаціи въ Европѣ», «Исторія цивилизаціи въ средневѣковой Франціи», «Исторія англійской революціи» и друг., род. 1787) пользовались исторически-собраннымъ матеріаломъ преимущественно для того, чтобы извлекать изъ него философскіе выводы и идеи, другіе — болѣе заботились объ искусномъ распорядкѣ и живописномъ представленіи, какъ наприм. Барантъ (род. 1782), авторъ «Исторіи герцоговъ Бургундскихъ» и остроумной «Исторіи французской литературы 18 вѣка», и братья Тьерри (Августинъ, впоследствии ослѣпшій, сначала былъ Сенъ-Симонистъ (§ 809), написалъ «Исторію завоеванія Англіи Норманнами», «Письма объ исторіи Франціи», «Разказы изъ эпохи Меровинговъ» и проч., и Амедей, авторъ «Исторіи Галловъ» и друг. сочиненій), которыхъ генетическія или описательныя произведенія, основанныя на глубокомъ изслѣдованіи характера и особенностей различныхъ племенъ, водворили совѣтъ новыя воззрѣнія въ исторической наукѣ. Повѣствовательная, такъ-сказать лѣтописная исторіографія нашла себѣ

¹ Подъ вліяніемъ неизбежныхъ политическихъ и социальныхъ стѣсненій, французскій романъ пережилъ съ тѣхъ поръ еще одинъ новый фазисъ развитія, который довелъ его до крайнихъ предѣловъ дагерротипности, терпимой въ сферѣ искусства. Съ избыткомъ, да и менѣе доступной теперь, почвы такъ-называемой «физиологіи общества», онъ перешелъ на почву «физиологіи и патологіи отдѣльнаго лица», — почву, можетъ-быть, менѣе опасную въ социальномъ отношеніи, но гибельную для художественнаго творчества. Плодомъ этого направленія явились романы въ родѣ «Г-жи де-Бовари», которые даже и при неоспоримомъ талантѣ авторовъ производятъ вовсе не отрадное впечатлѣніе: вмѣсто ожидаемой художественной сцены, васъ обступаетъ анатомическій театръ, и чѣмъ удачнѣе онъ представленъ во всѣхъ подробностяхъ, тѣмъ тяжелѣе поражаемое имъ чувство.

скорѣе прилежныхъ, чѣмъ даровитыхъ дѣятелей въ лицѣ Анкетилля († 1808), Галлѣ и Женевца Симондѣ (1773—1850); послѣдній, кромѣ «Исторіи Франціи», написалъ еще «Исторію средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ» и «Исторію литературы юга.» Мишелѣ (род. 1798), авторъ весьма распространенной «Исторіи Франціи», — ставшій въ новѣйшее время ревностнымъ демократомъ и врагомъ іезуитовъ, тогда какъ прежде, въ сочиненіи о Лютерѣ, онъ строго осуждалъ реформацию, — старается соединить философскій прагматизмъ прежней школы съ новымъ, болѣе художественнымъ (описательнымъ) направленіемъ ¹. Графъ Сентъ-Олеръ (1779—1858) написалъ очень дѣльную книгу о войнѣ фронды; а литературная исторія обогатилась основательными изслѣдованіями и цѣнными трудами Ренуара, Форіэля, Ампера, Сентъ-Бѣва и особенно Женгенѣ († 1816 «Литературная исторія Италіи» ²). Всего охотнѣе обращалась французская исторіографія ко времени революціи и императорства. Въ сжатомъ изображеніи этой великой исторической эпохи, Ф. А. А. Миньѣ, руководясь логикой и фаталистическимъ взглядомъ, показалъ, какъ одно явленіе неизбежно наступало въ ней за другимъ, вытекаая прямымъ слѣдствіемъ изъ предшествовавшей причины; а Ад. Тьеръ (род. 1797) своей подробною «Исторіей революціи» проложилъ себѣ дорогу къ тому высокому положенію, какое онъ занялъ во Франціи съ 1830 года. Его позднѣйшая «Исторія консульства и имперіи», подобно Биньіоновой дипломатической исторіи той эпохи, не болѣе какъ обширный (и часто ловкій) риторскій памфлетъ, полный французскаго самохвальства. Изъ безчисленныхъ «Записокъ» знаменитыхъ женщинъ и мужчинъ, которыя составляютъ любимое чтеніе Французовъ и потому являются у нихъ въ удивительномъ изобиліи, только немногія имѣютъ истинно литературную цѣнность, сколько впрочемъ ни богаты нѣкоторыя изъ нихъ самыми интересными подробностями и яркими изображеніями событій. Обильный славою періодъ Наполеонова влстительства представляетъ и по этой отрасли неисчерпаемый родникъ.

Г. Германія ³. Если французская литература отличается своею

¹ Послѣдніе томы его «Исторіи Франціи» слишкомъ явно отзываются желаніемъ автора избѣгать всѣхъ прежде проложенныхъ путей и озадачивать новостью нескромныхъ закулисныхъ наблюденій.

² Которая, впрочемъ, многимъ обязана ученому и безпристрастному Тирабоски.

³ Авторъ, опуская въ своемъ курсѣ краткій обзоръ нѣмецкой литературы, излагаетъ ея исторію гораздо подробнѣе въ особомъ «Приложеніи.» До сихъ поръ мы вос-

непосредственною, тѣсною связью со всеми переливами жизни французскаго общества, то напротивъ развитіе литературы въ Германіи представляетъ гораздо болѣе отрѣшенности отъ интересовъ текущаго дня и измѣняется въ своемъ послѣдовательномъ ходѣ гораздо медленнѣе, осмотрительнѣе и постепеннѣе. Это различіе обусловлено отчасти племеннымъ характеромъ, отчасти тою историческою особенностью, что разъединенный въ своихъ политическихъ и общественныхъ интересахъ германскій народъ живетъ между тѣмъ одною общою литературой.

Послѣ того какъ Лейбницъ и популярный ученикъ его, Вольфъ, а съ другой стороны Томазіусъ и Шпенеръ (сравни примѣчаніе къ § 635), начали снимать съ нѣмецкаго образованія тяжелую броню схоластики, которая, опираясь на варварскую латынь, мѣшала его развитію и дѣлала его недоступнымъ для массы германскаго народа, первыми отрадными явленіями возникавшей тогда ново-нѣмецкой литературы были, конечно, Альбрехтъ фонъ-Галлеръ (1708—77) и Гагедорнъ (1708—54). Первый, родомъ изъ Берна, профессоръ медицины въ Гёттингенѣ, а потомъ директоръ соляныхъ копей въ Бекѣ, будучи однимъ изъ величайшихъ ученыхъ всѣхъ временъ, прославился вмѣстѣ съ тѣмъ какъ дидактическій стихотворецъ (поэма Альпы), какъ романистъ и знатокъ исторіи. Въ своей поэтической дѣятельности онъ слѣдовалъ по стопамъ Англичанъ, точно такъ же, какъ болѣе легкій и граціозный Гагедорнъ (изъ Гамбурга) подражалъ въ своихъ Басняхъ, поэтическихъ Разказахъ и веселыхъ Пѣсняхъ Французамъ, а въ Посланіяхъ — Горацию. — Въ сѣверной Германіи господствовалъ въ это время Готшедъ (1700—66, род. изъ Пруссіи) съ своею многочисленною школою. Глава учрежденнаго въ 1728 г. Нѣмецкаго общества, основатель издававшагося подъ разными названіями нѣмецкаго критическаго журнала, онъ ввелъ математическій методъ Вольфа въ свои учебники и въ свою книгу о критической поэзіи; бездарно переводилъ, вмѣстѣ съ женою, уважаемыхъ въ высшемъ обществѣ французскихъ стихотворцевъ, еще бездарнѣе подражалъ имъ (въ своей трагедіи «Умирающій Катонъ»), но умѣлъ такъ принаровляться ко вкусу тогдашней публики, что піеса его прослыла образцовымъ произведеніемъ и пережила въ короткое время десять изданій.

познали эти пропуски небольшими выносками къ переводу текста, но всемірно-историческое значеніе нѣмецкой литературы новѣйшаго времени побуждаетъ насъ представить перечень ея главныхъ явленій въ самомъ текстѣ. Само собою разумѣется, что руководствомъ для этого перечня служить намъ вышеупомянутое «Приложеніе» г. Вебера.

Отъявленный врагъ Гансвуршта (нѣмецкаго арлекина) и прежнихъ народно-сценическихъ представлений, онъ положилъ этою жалкою трагедіей основаніе новому нѣмецкому театру. — Въ противоположность Готшеду и его школѣ, ловкій, остроумный, воспріимчивый ко всему высшему писатель, Іоан. Як. Бодмеръ (1698—1783) въ Цюрихѣ; соединилъ вокругъ себя нѣсколько талантливыхъ людей, которые, какъ ревностные поклонники англійской литературы, вскорѣ пришли въ столкновеніе съ готшедіанцами, и по поводу переведеннаго Бодмеромъ Мильтонова «Потеряннаго рая» между двумя лагерями запылала страшная война. Къ Швейцарцамъ примкнулъ воспитанный на классикахъ и Англичанахъ, энергическій Хр. Л. Лисковъ (1704—60), изъ Шверина, и его крѣпкая, язвительная насмѣшка сильно поколебала авторитетъ Готшедова ученія. Наперекоръ Готшеду, отвергавшему всякій романтизмъ въ поэзіи, Бодмеръ издавалъ средневѣковыя поэмы и стихотворенія; но жесточайшій ударъ нанесъ себѣ самъ Готшедъ тѣмъ, что возсталъ противъ восторженно-встрѣченной Мессіады Клопштока. Всѣ наконецъ отвернулись отъ прославленнаго учителя и готовы были забыть при этомъ даже и тѣ услуги, какія дѣйствительно оказалъ онъ языку. Изъ круга прежнихъ его поклонниковъ и учениковъ даровитѣйшими вышли сатирикъ Рабенеръ (1714—74), баснописецъ Геллертъ (1715—69) и математикъ-эпиграматистъ Кестнеръ (1719—1800). Сатиры перваго, по крайней мѣрѣ тогдашнихъ общественныхъ отношеній, должны были вращаться въ заколдованномъ кружкѣ мелкой вседневности, а басни втораго были очень разжиженнымъ подражаніемъ Лафонтену. Подъ старость Геллертъ считалъ баснеписаніе за грѣхъ и посвятилъ себя преимущественно духовному гимну. Кестнеровы «*Sinngedichte*» исполнены остроумія и составляютъ одно изъ самыхъ значительныхъ явленій той скудной эпохи.

Во второй половинѣ 18 столѣтія литература, поэзія, искусство и вся духовная жизнь Германцевъ сильно двинулись впередъ. Даровитые люди разнообразнѣйшаго направленія пошли совершенно новыми путями и, отчасти рѣшительною борьбой съ укоренившимися заблужденіями, предразсудками и ложными взглядами, отчасти гениальными созданіями въ области поэзіи или науки, положили основаніе такой высокой образованности, которая едва ли имѣетъ себѣ что-нибудь подобное въ новѣйшей исторіи. — Особенно возвысились поэзія и художественный вкусъ, такъ что поэтическая сторона образованія опере-

дила всѣ другія; философія и религія невольно подчинились ея вліянію; фантазія и душевное чувство — эта истинная почва поэзіи — переходили даже въ область строгой науки. Къ поэзіи обратились величайшіе умы націи съ своими разнообразными дарованіями. Клопштокъ (1724—1803) пробудилъ въ Нѣмцахъ воспримчивость и одушевленіе, переливъ достойнымъ, возвышеннымъ языкомъ свое христіанское вѣрованіе, свое теплое чувство и свой либеральный патріотизмъ въ сердца любознательной, полной стремленій молодежи; Лессингъ (1729—81) бичевалъ своею мѣткою критикой французскую драматическую литературу, своими собственными пѣсами указалъ тотъ путь, по которому можно достигнуть истиннаго драматизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ Лаокоономъ открылъ всѣмъ мыслящимъ глаза насчетъ сущности поэзіи и образовательнаго искусства, котораго уразумѣніе, инымъ, археологическимъ или наглядно-историческимъ путемъ, выяснено было въ тоже время Винкельманомъ. На плечахъ Лессинга стоитъ полный фантазій, геніальный Гердеръ (1744 — 1803), который старался прослѣдить источникъ всякаго языка и всякой поэзіи, съ тонкимъ смысломъ раскрылъ красоты первобытной поэзіи Востока и глубокое содержаніе безыскусственной народной пѣсни разныхъ племенъ, а своими Идеями о философіи исторіи человѣческаго рода сильно побудилъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ на томъ же поприщѣ. — Веселый практическій философъ Виландъ (1733 — 1813), въ своихъ романахъ, представляющихъ по большей части древнегреческую жизнь съ очевидно новѣйшимъ колоритомъ, отстаивалъ взгляды и образъ мыслей высшаго общества, воспитаннаго на французскій ладъ и, легкомысленнымъ, нескромнымъ языкомъ, проповѣдывалъ мудрое наслажденіе благами жизни; это очень нравилось аристократическимъ классамъ Германіи и отворило нѣмецкой литературѣ двери даже въ тѣ высшіе круги, гдѣ дотолѣ читали только по-французски. Три эти человѣка совершенно преобразили прозаическую рѣчь: Лессингъ придалъ ей силу, остроту и ясность, Гердеръ — паосъ и богатство образовъ, Виландъ — легкость и грацію. На подготовленной ими почвѣ, величайшій геній своего вѣка, Гёте (1749—1832), воздвигалъ уже свои творенія, въ которыхъ отразился ходъ его собственнаго образованія и вмѣстѣ духовная жизнь цѣлаго народа. Въ эпоху бурной геніальности семидесятыхъ годовъ, когда кипучая литературная молодежь стала пренебрегать всѣ правила искусства и приличій, давала цѣну однимъ только созданіямъ генія, хотя бы и неизящнымъ по формѣ, славилъ глубину первобытной поэзіи и естест-

веннаго вдохновенія, тѣшилась беззатѣйливою народною пѣсней и съ восторженнымъ удивленіемъ смотрѣла на Оссеана и Шекспира, — тогда появленіе романа Страданія Вертера и драмы Гёцъ фонъ-Берлихингенъ, для которыхъ эти поэты служатъ первообразомъ, подняли цѣлую бурю одушевленія; лишь только Лессингъ и Винкельманъ пробудили интересъ къ античному искусству у Нѣмцевъ, какъ Гёте явился въ урочный часъ съ классическими драмами Тассо и Ифигенія, проникнутыми духомъ древности, облеченными въ ея свѣтлую, гармоническую форму и оживленными струею личныхъ впечатлѣній, которыя поэтъ вынесъ изъ Италіи. Его идиллическій эпосъ Германъ и Доротея соприкасался великимъ политическимъ событіямъ той эпохи и страданіямъ бѣдныхъ выходцевъ; конецъ романа Вильгельмъ Мейстеръ и другой романъ Душевное сродство обличаютъ уже вліяніе на Гёте романтической поэзіи съ ея любовью къ чудесному, таинственному и сказочному; въ «Фантазія и пѣснь» онъ изображаетъ ходъ своей собственной жизни и обстоятельства, содѣйствовавшія его развитію, а въ величавой драматической поэмѣ Фаустъ, надъ которою онъ трудился весь свой вѣкъ до самой смерти, оставилъ онъ потомству картину разнообразныхъ настроеній своей души въ моменты самыхъ глубокихъ ея переворотовъ. — Міръ политическій разросся между тѣмъ въ гигантскіе образы, и взоры народовъ невольно обратились на исторію и на характеръ государственнаго быта: — тутъ Шиллеръ (1759 — 1805), съ своими историческими драмами, которыя воспроизводили передъ германскимъ народомъ подобныя же бурныя эпохи отечественной и чужеземной исторіи, и съ своимъ пылкимъ одушевленіемъ къ свободѣ, родинѣ и благу человечества, попалъ именно на ту струну, которая всего сильнѣе отозвалась въ народной массѣ. Чистотою своихъ чувствъ и правдивостью стремленія Шиллеръ приобрѣлъ себѣ дружбу Гёте, не смотря на всю разность ихъ натуръ, и дружная, совокупная ихъ дѣятельность ознаменовала собою высшую ступень нѣмецкой поэзіи: въ ихъ союзѣ мирно сочетавались вѣчныя противоположности идеализма съ реализмомъ и субъективнаго взгляда съ объективнымъ.

Въ области религіозной литературы люди умѣреннаго образа мыслей, какъ Землеръ, Михаэлисъ, Эрнести, Мосгеймъ и Планкъ, старались сблизить богословіе съ изслѣдованіями философіи, критики и экзегезы (искусства толкованія текстовъ) безъ ущерба догмату откровенія, тогда какъ болѣе смѣлые берлинскіе богословы философы, съ журналистомъ Николаи во главѣ, слѣдуя по стопамъ англій-

скихъ деиствовъ (§ 670), существеннымъ въ религiи считали одну практическую нравственность, которую и старались распространять въ обширнѣйшемъ кругу читателей прiятнымъ и общедоступнымъ языкомъ, избѣгая въ своемъ трезвомъ изложенiи всякаго взыва къ чувству и фантазiи. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей ихъ круга былъ Шпальдингъ. Рядомъ съ этими людьми, все еще стоявшими на почвѣ церкви и христіанской религіозности, являлись однакожъ и такіе, которые, какъ Бардтъ († 1792), Диппель († 1734) и Эдельманъ, становились въ совершенную противоположность съ откровенiемъ. Крайности вольномыслія вызвали противъ себя оппозицію строгихъ ригористовъ—какъ Мельхiоръ Гёце, мистиковъ—какъ Гаманъ, Фр. Г. Якоби и графъ Фр. Леоп. Штольбергъ, и наконецъ такихъ замѣчательныхъ супранатуралистовъ, какъ Лафатеръ (1741—1801) и Юнгъ Штиллингъ (1740—1817). Первый, своими назидательными сочиненiями, проповѣдями, духовными стихотворенiями и своею знаменитою фізіономіею, пріобрѣлъ себѣ величайшую славу и прослылъ въ извѣстныхъ кругахъ чуть не за пророка и святаго, а второй, раздѣляя супранатурализмъ Лафатера, являлся въ своихъ сочиненiяхъ гораздо болѣе естественнымъ и задушевымъ. Лафатеръ нашелъ себѣ бойкаго и неутомимаго противника въ остроумномъ гёттингенскомъ математикѣ и физикѣ Лихтенбергѣ (1752—99), тогда какъ, съ другой стороны, черствое воззрѣніе на вѣру рационалиста Шпальдинга вызвало противодѣйствіе даже со стороны такого свободномыслящаго чловека какъ Гердеръ, который старался возратить христіанству его священное значеніе, а сану пастырей его древнюю высоту; но какъ христіанство переходило у него въ нѣчто чисто-человѣчное (гуманное), въ первобытную религіозную поэзію, далекую отъ всякаго догматизма, то, разумѣется, такой защитникъ христіанской религiи въ свою очередь не угодилъ строгимъ ригористамъ.

Это волненіе религіозныхъ мнѣній, ограничивавшееся кругомъ высшего общества, имѣло впрочемъ гораздо менѣе вліянiя на жизнь, чѣмъ происшедшій въ то же время переворотъ въ школьномъ и домашнемъ воспитанiи. Подъ вліянiемъ «Эмиля» Руссо и при пособіи чловеколюбиваго Дессаускаго князя, вовсе не готовый къ дѣлу воспитанiя, но ловкій І. Б. Базедовъ (1723—1790), учредилъ въ Дессау образцовую школу и учительскую семинарію (Филантропинъ), которая, имѣя цѣлю облегченіе преподавательныхъ способовъ и распространеніе образованiя въ низшихъ классахъ, нашла себѣ подражаніе со всѣхъ

сторонъ. Благодаря разнообразнымъ усиліямъ такихъ людей, какъ восторженный къ просвѣщенію народа Швейцарецъ І. Г. Песталоцци (1746—1827) и ревностные ученики Безедова — Кампе и Зальцманъ, дѣло новаго гуманитарнаго воспитанія одержало рѣшительную побѣду.

При такомъ общемъ движеніи идей не могла долѣе оставаться въ силѣ и оцѣпенѣвшая система Лейбницъ-Вольфовской философіи. Способнѣйшіе люди того времени (Мозесъ Мендельсонъ, Гарве, Федеръ) начали съ того, что старались облекать свои философскія мысли въ болѣе человѣческую, привлекательную форму; но заботливость о выработкѣ внѣшняго изложенія скоро перешла въ поверхностный эклектицизмъ ¹, который не могъ устоять противъ зоркаго взгляда здоровой критики и основательной провѣрки. Эта критика явилась въ лицѣ геніальнаго Канта (1724—1804) въ Кёнигсбергѣ, который сталъ творцомъ новой философской системы, то-есть открытелемъ такихъ соотношеній между мыслию и бытіемъ, въ силу которыхъ идеализмъ и реализмъ получили совсѣмъ новыя опредѣленія. Въ своихъ сочиненіяхъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ его: Критика чистаго разума, Критика практическаго разума, и Критика судительной способности, опредѣлилъ онъ точно свойства и необходимыя границы познавательности человѣческой, поставилъ безусловную потребность морали существеннымъ основаніемъ всякой разумной религіи и далъ простыя, надежныя основы правовѣдѣнію и эстетикѣ. Философія Канта, встрѣтивъ сначала холодный, недоувѣрчивый пріемъ, проникла потомъ во всѣ отрасли науки и литературы, въ поэзію и въ практическую жизнь; она проложила путь свободному богословскому направленію, которое съ тѣхъ поръ называли раціонализмомъ (мыслительнымъ вѣрованіемъ), и запальчивость, съ какою способные и неспособные поборники и противники новой мудрости вступали за нее въ бой, свидѣтельствовала о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ глубокими ея началами на всѣхъ образованныхъ. Одинъ изъ геніальнѣйшихъ учениковъ Канта, Фихте (1762—1814), увлекся соблазнительною мыслию, что предѣлы познанія, обнаруженныя критикой его наставника, суть не болѣе какъ порожденія самодѣй же познавательной способности, и что въ сущности наше собственное я есть та безконечная и безусловная самодѣятельность, которая

¹ Выборъ мыслей и ученій различныхъ системъ безъ глубокаго изслѣдованія той почвы, которая произвела ихъ, и тѣхъ цѣлей, какими онѣ обуславливались.

сама противопоставляетъ себѣ свое *не я*, или міръ внѣшнихъ предметовъ, какъ природу. Богъ, по его системѣ, является въ человѣческомъ разумѣ-нїи только какъ вѣчный порядокъ вселенной. Обвиненный въ безбожіи, Фихте лишился профессуры философіи въ Іенскомъ университетѣ. Порабо-щеніе Германіи Наполеономъ вызвало у его энергической души вдохнове-ния «Рѣчи къ нѣмецкой націи», въ которыхъ онъ старался пробудить къ жизни самый народъ, настаивая на его нравственномъ перевоспитаніи. Благодаря Фихте, философія попала опять на обаятельный, но скользкій путь безусловнаго догматизма, по которому вели ее потомъ необычайно даровитые мыслители, Шеллингъ (1775—1854) и Гегель (1770—1830). Шеллингъ хотѣлъ сначала соединить идеализмъ (философію духа) и реализмъ (философію природы) ученіемъ о безусловномъ тождествѣ того и другаго въ сферѣ высшаго уметвеннаго созерцанія, потомъ увлекся въ мистику новоплатониковъ и теософію Беме; а наконецъ заключилъ свое поприще чтеніями о положительной философіи ми-ологіи и откровенія, въ которыхъ отразились и частыя колебанія этого великаго ума, и многія блистательныя его стороны. Философія Шел-линга не представляетъ готовой, замкнутой системы; это—рядъ пережи-тыхъ самимъ философомъ ступеней уметвеннаго развитія и духовныхъ пере-ходовъ. Гораздо рѣшительнѣе поставилъ и систематичнѣе провелъ первоначальное ученіе Шеллинга прежній товарищъ его Гегель, у котораго Шеллингово безусловное созерцаніе превратилось уже въ безу-словное понятіе, которое своимъ собственнымъ діалектическимъ развитіемъ предпоставляетъ себѣ всѣ ступени бытія и мысли и возвращаетъ ихъ въ свои нѣдра процессомъ самосознанія, то-есть узна-етъ въ нихъ само себя, свои же собственные опредѣленія. При такъ-называемомъ собственномъ развитіи безусловнаго понятія не обошлось конечно безъ произвольныхъ предположеній, натяжекъ и случайныхъ недосмотровъ со стороны философа, и внѣшній видъ строгой послѣдова-тельности, сначала сильно увлекшій къ его системѣ даже многіе зрѣлые и тонкіе умы, не надолго закрылъ недостатки идеалистическаго догма-тизма Гегеля; однакожъ примѣненіемъ его діалектическаго метода и отчасти добытыхъ или уясненныхъ имъ соображеній, система оказала могущественное вліяніе на всѣ отрасли науки и литературы ¹.

¹ Главныя черты развитія новѣйшей богословской и философской литературы вве-дены авторомъ въ исторію внутренняго быта Германіи (см. § 817).

Общее движеніе второй половины 18 вѣка сильно отразилось и на историографіи. Юстъ Мёзеръ (1720—94) въ своей Оснабрюкской исторіи показалъ, какъ можно написать настоящую исторію народа и страны, при тщательномъ изслѣдованіи и добросовѣстной оцѣнкѣ бытовыхъ условій, правовъ и учрежденій края; Гердеровы идеи философской исторіи человѣчества положили начало къ болѣе свободному и широкому взгляду на всемірную исторію, поставивъ изслѣдователя на ту философскую высоту, съ которой взглядъ его озираетъ цѣлыя массы народовъ въ ихъ тысячелѣтнемъ шествіи, и хотя еще Шлёцеръ (1735—1809) возставалъ противъ такого поэтически-философскаго воззрѣнія, унижалъ классическихъ писателей и, какъ истый практикъ, занимался только существующими отношеніями и только объ ихъ улучшеніи заботился, однакожь высшая философская обработка исторіи все таки удержала за собой свое неотъемлемое мѣсто. А. Т. фонъ-Шпитлеръ (1752—1810) первый отчетливо выдѣлилъ духъ и сущность исторіи изъ груды матеріаловъ церковнаго и государственнаго бытописанія, обратилъ вниманіе читателей на врожденную человѣку потребность свободы и на священные права народовъ и придавъ историческому изложенію ясность, достоинство и благородство языка. Швейцарецъ Іоаннъ фонъ-Мюллеръ (1752—1809) стремился къ славы германскаго Фукидида, рассматривая величественныя событія всемірной исторіи въ объективной дали и облакая ихъ въ формы художественно-риторской рѣчи; восторженный провозвѣстникъ борьбы за свободу и республиканской доблести своихъ земляковъ въ Исторіи швейцарскаго союза, онъ лишенъ былъ мужества и твердости въ дѣйствительной жизни и кончилъ тѣмъ, что, въ качествѣ министра, служилъ орудіемъ Наполеонова военнаго деспотизма въ Касселѣ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенною противоположностью своего Майнцаго товарища, Георга Форстера (1754—94), который, увлекшись природною энергіей, восторженной любовью къ свободѣ и космополитствомъ, поглюбъ въ сумятицѣ французской революціи. —Фридрихъ фонъ-Раумеръ (род. 1781) написалъ свою Исторію Гогенштауфеновъ и ихъ времени съ пристрастіемъ романтика къ отжившему блеску среднихъ вѣковъ; Леопольдъ Ранке (род. 1795) старался разъяснить тревожную жизнь Реформаціонной эпохи новыми изысканіями и наглядно воспроизвести ее передъ глазами читателя. Бартольдъ Георгъ Нибуръ (1776—1831) озарилъ свѣточемъ исторической критики исторію древняго Рима, и съ неутомимымъ прилежаніемъ, съ удивительною начитанностью собралъ

въ твореніяхъ древности разсѣянные намеки и замѣтки для своего безсмертнаго труда, ознаменовавшаго новую эру въ обработкѣ древней исторіи. Не довольствуясь указаніемъ противорѣчій въ основанной на преданіяхъ исторіи, Нибуръ старался въ то же время распознать и выяснить истину, скрытую подъ оболочкой поэтической саги, возстановить древнѣйшія черты быта въ ихъ исторической дѣйствительности и соорудить новое зданіе изъ всѣхъ годныхъ къ дѣлу обломковъ. Поклонникъ древнереспубликанскаго духа и энергій римскихъ плебеевъ, онъ видѣлъ однакожъ величайшую бѣду для новаго государственнаго строя во французской революціи и прямомъ потомкѣ ея, іюльскомъ переворотѣ. Фридр. Христофоръ Шлоссеръ (род. 1776) въ своей Всемирной исторіи обнимаетъ глубокимъ взглядомъ жизнедѣятельность народовъ древняго и новаго времени, указывая тѣсную связь литературы, нравовъ и образа мыслей съ явленіями политическаго быта, а въ Исторіи 18 и 19 вѣка изображаетъ событія и характеры, дѣла и мнѣнія недавно отжившихъ поколѣній съ глубиною мысли, отчетливостью, замѣчательною свободою взгляда и строгою провѣркою каждаго явленія мѣриломъ нравственности и права. Карлъ фонъ-Роттекъ (1775—1840), родомъ изъ Фрейбурга въ Брейсгау; поборникъ либеральныхъ началъ въ парламентскихъ рѣчахъ и въ печати, выбралъ Всемирную исторію орудіемъ для распространенія политическихъ идей и демократическихъ ученій въ народѣ, тогда какъ даровитый протестантскій историкъ, Генрихъ Лео въ Галле (род. 1789), ратовалъ въ то же время противъ внесеннаго реформаціею и революціею просвѣщенія со всею ревностью изувѣрнаго доминиканца. — А. Г. Л. Гееренъ (1760—1842) въ Гёттингенѣ высказалъ въ своихъ «Идеяхъ о политикѣ, связяхъ и торговлѣ древняго міра», равно какъ и въ другихъ историческихъ сочиненіяхъ, много новыхъ соображеній о разносторонней жизнедѣятельности древнихъ народовъ; Э. В. Вагсмутъ (род. 1784) въ Лейпцигѣ обработалъ съ глубокой ученостію и основательною критикою Эллинскую древность, Эпоху французской революціи и Исторію образованія различныхъ народовъ во все времена; Фр. Христофоръ Дальманъ (1785—1859), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ теоретиковъ въ политикѣ, явился остроумнымъ и ученымъ бытописателемъ въ своей Исторіи Даніи и друг. сочин., а въ Исторіи англійской и французской революціи онъ соединилъ политику съ исторіею для того, чтобы изъ прошлаго извлечь нѣсколько вѣщихъ намековъ и предостереженій для правительствъ въ будущемъ. Другъ и

единомышленникъ Дальмана, Гервинусъ (род. 1805), создалъ въ своей Исторіи нѣмецкой поэзіи такой трудъ, который по глубинѣ изслѣдованія, свободной широтѣ взгляда и патріотическому стремленію, всегда останется красною нѣмецкой литературы; въ своемъ остроумномъ сочиненіи о Шекспирѣ онъ старался прояснить помутившійся взглядъ своего народа указаніемъ на гармоническое творчество этого великаго, свѣтлаго генія, а во Введеніи къ исторіи девятнадцатаго вѣка предпринималъ, слѣдуя аристотелевскимъ законамъ и опираясь на завершенные періоды древней и средневѣковой исторіи, опредѣлить ходъ политическаго развитія въ новѣйшее время и даже характеръ исторической будущности.

Въ началѣ достопамятныхъ семидесятихъ годовъ нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей въ Гёттингенѣ заключили между собой союзъ дружбы, поэзіи и благородныхъ стремленій. Средоточіемъ этого «Гёттингенскаго союза» былъ мекленбургскій уроженецъ Юг. Генр. Фоссъ (1751—1826), а замѣчательнѣйшими изъ его членовъ — Гельти и два графа Штольберга; внѣ союза, но въ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ, находились еще два даровитые народные поэта — Бюргеръ и Клаудіусъ. Всѣ они восторженно мечтали о вѣчной дружбѣ, о религіи, о любви къ отечеству, обо всемъ благородномъ и высокомъ, поклонялись Клопштоку, какъ царю поэтовъ, и порицали легкомысленныя, вредныя для нравовъ произведенія Виланда. Клопштокъ принялъ почетное званіе члена этого союза и возлагалъ большія надежды на даровитыхъ, благородныхъ юношей, у которыхъ уже ясно обнаруживались три главныя направленія: своенародное, античное и христіанское. Представителями перваго сдѣлались преимущественно лирики Бюргеръ (1748—94) и Клаудіусъ (1740—1815) въ своихъ балладахъ, романахъ и пѣсняхъ. Особенною простотою, задумчивостію и доступностью народу отличался послѣдній, который по жительству своему въ Вандебекѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ Вандебекскаго вѣстника. Оба Штольберга сначала успѣшно выступили на поприще лирики и драмы и занимались притомъ переводами греческихъ поэтовъ, но у младшаго (Фридриха Леопольда) религіозное направленіе одержало наконецъ такой перевѣсъ, что онъ принялъ католическую вѣру и, подъ вліяніемъ мистическаго кружка княгини Голицыной, началъ писать вещи, проникнутыя ограниченнымъ фанатизмомъ и явными признаками умопомраченія. Ниже его талантомъ, но гораздо выше твердостію убѣжденій былъ вѣрный почитатель древно-

сти и замѣчательный переводчикъ классиковъ І. Г. Фоссъ. Его переводъ Гомера, уснащенный новыми, иногда весьма удачными выраженіями, а также и устарѣлыми словами, заимствованными изъ Лютерової библіи и у другихъ, навсегда будетъ памятникомъ нѣмецкаго, усидчиваго прилежанія; но важнѣе всего то, что появленіе этого перевода пробудило смыслъ и пониманіе древности гораздо болѣе, нежели всѣ прежніе труды филологовъ, а это сильно подѣйствовало на дальнѣйшій ходъ всего нѣмецкаго образованія. Изъ его собственныхъ стихотвореній особенно выдвигается впередъ только идиллія. Перенятая у Грековъ настоящая наивность, истина и здравая естественность сдѣлали его Луизу любимымъ чтеніемъ германскаго народа. Чѣмъ для сѣверной Германіи были идилліи Фоссы, тѣмъ стали для южной Аллеманскія стихотворенія Шварцвальдца Петра Хебеля (1760—1828). Занимая церковную должность въ Карльсруэ, этотъ простодушный человекъ чувствовалъ невольное влеченіе къ сельской тишинѣ родины, и прекрасные стихи его, писанные на аллеманскомъ нарѣчій, носятъ отпечатокъ грусти, проглядывающей даже изъ-за свѣтлыхъ картинъ.

Во второй половинѣ осьмнадцатаго вѣка новая жизнь проникла и въ романъ, къ которому лучшіе таланты обращались иногда какъ къ общедоступнѣйшему способу для передачи своихъ правилъ и воззрѣній, своихъ чувствъ, наблюденій и опытовъ. Но общедоступность эта привлекала къ нему также и великое множество бездарностей. Можно различить три главные вида романа: историческій, тенденціозный или учительный, и юмористическій. Первый родъ, особенно разившійся у Англичанъ, всего богаче ничтожными произведеніями у Нѣмцевъ; второй, выросшій на германской почвѣ, возникъ именно въ ту эпоху, когда рвавшаяся впередъ молодежь противопоставила прозѣ дѣйствительной жизни, съ которою упорно боролась, идеальный міръ поэзіи для того, чтобы послѣднимъ дѣйствовать на первую. Къ этому роду чисто-идеальныхъ романовъ принадлежитъ Вертеръ и цѣлая масса вызванныхъ имъ повѣстей сентиментальной любви, мрачные романы негодующаго Клингера, сладострастные — эпикурейца Гейнзе и философскіе — Фр. Г. Якоби. Въ противоположность «міровой скорби», рождающейся изъ этого сопоставленія отвлеченныхъ и часто произвольныхъ идеаловъ съ безпощадною дѣйствительностью, не замедлилъ явиться юморъ, или «міровая шутка»; юмористы вовсе не имѣли въ виду полного преобразованія дѣйствительности, а обращались только къ частнымъ ея недостаткамъ, указывали наприм. на то, какъ самыя высокія стремленія

нерѣдко зависятъ отъ самыхъ ничтожныхъ побужденій и обусловливаются самыми случайными средствами, находили много милаго въ слабыхъ сторонахъ челоѣка, выставляли трогательною его мелочность, и трагическое воззрѣніе идеальныхъ геніевъ замѣняли въ своихъ романахъ веселымъ, свѣтлымъ, скромнымъ, часто даже ограниченнымъ взглядомъ на жизнь. Юмористическіе романисты примыкали отчасти къ произведеніямъ Стерна, Смоллета, Фильдинга и Гольдсмита (§ 560), отчасти къ *Донъ Кихоту* и *Жильблазу* (§ 555. 629) и всего охотнѣе изображали оригиналовъ и чудаковъ, у которыхъ сильно преобладаетъ какая-нибудь страсть, прихоть или слабость. Многочисленные переводы распространили вкусъ къ иностраннымъ юмористамъ въ Германіи, а вслѣдъ за тѣмъ Нѣмцы принялись подражать имъ на свой ладъ; отчасти тѣснота общественной жизни, отчасти свойственная Германцамъ внутренняя созерцательность навели ихъ и здѣсь на обсужденіе житейскихъ правилъ и мѣтній, на вопросы учености и науки, особливо на религію и богословіе. Рядъ почти забытыхъ нынѣ именъ: Гермеса (1738—1821), Гиппеля (1741—96), Музеуса (1735—87), Мюллера (1744—1828), Авг. Лафонтена (1759—1831), Вецеля (1747—1819), фонъ-Тюмеля (1738—1817), обозначаютъ собою это направленіе въ разнообразныхъ его видахъ, но первое мѣсто между юмористическими романистами безспорно принадлежитъ геніальному Жанъ Полю Фридриху Рихтеру (1763—1825); этому самоучкѣ, выросшему въ сельскомъ уединеніи, среди бѣдной обстановки, безъ правильного образованія и безъ сообщества образованныхъ людей. Онъ читалъ много по собственному выбору, не имѣя ни руководителя, ни системы, съ раннихъ поръ привыкъ дѣлать бездну выписокъ и потомъ пользовался ими кстати и некстати въ своихъ сочиненіяхъ, представляющихъ удивительную смѣсь высокихъ, но отвлеченныхъ идеалистическихъ стремленій съ мѣткими выходками неподражаемаго юмора, мастерскихъ идилическихъ изображеній миниатюрной жизни какого-нибудь сельского прихода и вмѣстѣ—причудъ необузданной фантазіи, пересыпающей все это совершенно сторонними замѣтками и свѣдѣніями, темными сравненіями и намеками, которые вмѣсто того, чтобъ уяснять взглядъ автора, невольно заставляютъ васъ жалѣть о томъ, что его геніальная натура чуждалась великихъ образцовъ Греціи и такъ часто терялась въ лабиринтѣ безформности и прихотливаго произвола. Всего болѣе удавались ему картины природы, и онъ является истиннымъ художникомъ, какъ пейзажистъ; напротивъ, изображенія любви нерѣдко выпадаютъ у него

въ чистую сентиментальность. Его сочиненія объ эстетикѣ (*Vorschule der Aesthetik*) и воспитаніи (*Levana*) не имѣютъ высокой научной цѣны, потому что онъ самъ былъ чуждъ научнаго образованія, но они богаты отрывочными замѣтками, обнаруживающими его природную геніальность.

Со времени Жанъ-Поля юмористическій романъ привлекалъ къ себѣ уже гораздо менѣе дѣятелей и читателей; особенное вниманіе возбуждалъ только даровитый Гофманъ, котораго юмористическіе рассказы вращаются впрочемъ въ области ужаснаго и чудеснаго и который поэтому столько же принадлежитъ къ романтикамъ, какъ и къ юмористамъ. Зато страшно разросся романъ историческій, особенно когда романтики (см. ниже) прославили средніе вѣка золотымъ вѣкомъ человѣчества, когда Ла Моттъ Фуке и друг. облекли рыцарство и служеніе дамъ сердца въ самыя обольстительныя формы. Въ то время какъ учащаяся молодежь, восторгаясь идеей Нѣмецкаго императорства, тѣшилась переодѣваньемъ въ древнегерманское платье и отращиваньемъ длинныхъ волосъ, рыцарскій романъ сдѣлался любимымъ чтеніемъ народа и набилъ головы самыми странными фантазіями и взглядами. Рыцарскіе романы Шписса и ему подобныхъ, и въ добавокъ къ нимъ разбойничьи романы, которымъ начало положилъ шуринъ Гёте, Вульпіусъ (1762 — 1827), своимъ пресловутымъ Ринальдо Ринальдини, породили въ среднихъ классахъ такое же болѣзненное направленіе, какое въ высшемъ, преутонченномъ кругу распространила романтическая поэзія съ ея энтузіазмомъ къ художественности, изувѣрнымъ католицизмомъ и грезами о возстановленіи феодальнаго порядка. Вкусъ къ рыцарскимъ и разбойничьимъ романамъ, въ ряду которыхъ только «Сказанія старины» (*Sagen der Vorzeit*) Л. Вехтера (Фейтъ-Вебера, 1762 — 1837) представляютъ почетное исключеніе, разумѣется скоро прошелъ, и отрезвившееся чувство народа потребовало отъ историческаго романа болѣе вѣрнаго изображенія дѣйствительности, болѣе правды. Въ Германіи, какъ видимъ, повторилось то же, что было и въ Англіи. На этомъ поприщѣ особеннаго вниманія удостоились Ванъ-деръ-Фельде, Гауфъ, Стеффенсъ, Цшокке и друг. Романъ представляетъ каждому писателю такую удобную форму для проведенія своихъ идей по всѣмъ возможнымъ ступенямъ быта, по всему разнообразію общественныхъ и частныхъ отношеній, что рѣдкій изъ беллетристовъ новѣйшей Германіи не испыталъ себя въ этомъ родѣ, не говоря уже о болѣе даровитыхъ людяхъ, каковы наприм. Иммерманъ, Гуцковъ,

Штернбергъ, Вилдѣбальдъ Алексисъ (Херингъ) и мног. друг. Довольно долгое время любимцемъ нѣмецкой публики былъ необыкновенно плодовитый Шпиндлеръ (1795 — 1855), послѣ того какъ отвернулись отъ сладко-сентиментальныхъ картинъ, доставившихъ нѣкогда обширную извѣстность плаксивому и пятаутому Августу Лафонтену (1759 — 1831).

Въ концѣ осемнадцатаго вѣка, благодаря Гёте, Шиллеру и собравшемуся около нихъ кругу писателей, Веймаръ и Іена были средоточіемъ такого образованія и такой литературной дѣятельности, какія никогда еще не соединялись на столь маломъ пространствѣ. Но когда смерть стала отзывать членовъ этого круга, одного за другимъ, когда черезъ годъ по кончинѣ Шиллера, Іенская битва и страшныя военныя передраги нанесли потрясающій ударъ литературнымъ сборищамъ того времени, этотъ уютный уголокъ Германіи пересталъ быть фокусомъ высшаго образованья, Веймаръ пересталъ быть столицею поэзій; различныя области и города заблестали съ тѣхъ поръ своимъ собственнымъ блескомъ, и съ изумленіемъ увидѣлъ тогда міръ, какіе гигантскіе шаги совершило образованіе въ цѣломъ краѣ и во всѣхъ классахъ германскаго общества. Взоры другихъ странъ невольно обратились на Германію, и тотъ самый народъ, который такъ часто удовлетворялъ свою духовную потребность по дачкою со стола другихъ, послужилъ теперь образцомъ для своихъ прежнихъ учителей, Французовъ, Англичанъ и Итальянцевъ. Хотя Наполеонъ не одобрялъ раждающейся наклонности своихъ подданныхъ къ нѣмецкому образованію и даже выслалъ изъ предѣловъ Франціи г-жу Сталь (§ 800 б. В.) зато, что въ своей книгѣ О Германіи она дозволила себѣ хвалить Нѣмцевъ, однакожъ влияніе ихъ литературы все-таки одержало верхъ; классическая спѣсь и выложенность стараго времени уступили въ Парижѣ новоромантической школѣ, ринувшейся на литературное поприще съ юношескимъ пыломъ и поддерживаемой сочувствіемъ огромнаго большинства. Англія также не устояла передъ напоромъ нѣмецкаго образованія, сколько строгіе блюстители англиканской церковности ни ратовали противъ вольнодумства и рационализма Германцевъ. Даровитѣйшій изъ англійскихъ поэтовъ, лордъ Байронъ, соединилъ въ себѣ энергическій порывъ къ свободѣ, которымъ отличались герои такъ-называемаго «бурнаго періода», и философское пренебреженіе къ мелочнымъ церковнымъ разностямъ, свойственное великимъ поэтамъ Германіи, съ болѣзненнымъ раздраженіемъ духа и чувственности романтиковъ; но всѣ эти свойства доходили у него до крайнихъ пре-

дѣловъ, и оттого онъ явился творцомъ той, перешедшей скоро и въ Германію, поэзіи разочарованія и «міровой скорби», къ которой почувствовалъ особенное влеченіе высшій классъ, встрѣчая въ ней свое собственное настроеніе ¹. Нѣмецкая литература проложила себѣ путь также въ Скандинавію, Польшу, Венгрію и Россію. Великая народная война противъ Наполеона, ополчившая, какъ нѣкогда крестовые походы, всю Европу, много способствовала взаимному обмѣну понятій между народами; съ тѣхъ поръ возникла какъ-бы всемірная литература, въ которой давалъ тонъ и властвовалъ уже не одинъ какой-нибудь извѣстный вкусъ, какъ наприм. нѣкогда французскій, а напротивъ принималось и цѣнилось все, что ни возникало великаго и прекраснаго у какого бы то ни было народа. — Средоточіемъ этой новой всемірной литературы явилась Германія: ея географическое положеніе, образованность и воспріимчивый характеръ народа какъ-будто предназначали ее стать наконецъ хранителемъ и вождемъ умственныхъ стремленій. И кто же былъ способенъ пріобрѣсти для нея этотъ почетный постъ, какъ не главы романтическихъ стихотворцевъ съ ихъ отличными талантами, съ ихъ живою, возбуждающею дѣятельностью, съ ихъ воспріимчивостью къ красотамъ иноземныхъ литературъ, еслибъ только они продолжали идти впередъ путями Гёте и Шиллера, вмѣсто того, чтобъ стремиться къ новымъ правиламъ художественности и вкуса, и еслибъ двусмысленную честь быть основателями новой школы или секты они не предпочли болѣе-надежной и прочной славѣ остаться блюстителями и подвижниками пріобрѣтеннаго образованія, опиравшася на гуманность и свободу. Конечно, Гёте былъ такъ многостороненъ и великъ, что романтики не могли не попытаться утвердить свою школу на этой твердой основѣ; они-было и подошли къ нему съ безпредѣльнымъ удивленіемъ, намѣреваясь сдѣлать его «кумиромъ своего служенія»; но когда онъ пренебрегъ воздаваемой ему почестью и не захотѣлъ отдаться имъ безусловно, они мало-по-малу охладѣли въ своихъ похвалахъ. Напротивъ того Шиллеръ былъ съ самаго начала безцеремонно отстраненъ романтиками, которымъ не нравились въ немъ ни смѣлая правдивость, ни широкій христіанскій взглядъ, ни его поэтическіе приемы, хотя впрочемъ ихъ собственные эстетическіе законы и воззрѣнія основывались на его же выводахъ: въ пись-

¹ У людей высшаго класса это была весьма понятная, хотя часто и бессознательная тоска, въ виду ничѣмъ не отвратимаго наступленія демократическихъ идей и порядковъ.

махъ объ эстетическомъ воспитаніи и въ сочиненіи о наивной и сентиментальной поэзіи совмѣстилъ онъ все существенное по вопросамъ объ изящномъ, художественности и эстетикѣ, и первый выяснилъ сознаніе о разности классицизма съ романтизмомъ, указавъ новой поэзіи мѣсто на ряду съ античною. Отвернувшись отъ «вольномысленнаго просвѣщенія» (Aufklärung, или Abklärung, какъ называли его въ насмѣшку) и отъ основанныхъ на немъ революціонныхъ идей, романтики ударились въ средневѣковую эпоху, въ религіозную мистику, въ мифологию, и, совершенно не понимая духа времени и народныхъ стремленій, въ суевѣріи скудоумной эпохи и въ бездѣйственной восточной созерцательности думали найти лѣкарство отъ безвѣрія вольнодумцевъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ наприм. Фридрихъ Шлегель, Адамъ Мюллеръ, Захарія Вернеръ и мног. друг., дошли наконецъ до того, что въ лонѣ римско-католической церкви искали убѣжища отъ смѣлой пытливости человѣческаго разума, или, какъ Генцъ, Ярке и друг., служили реакціонной политикѣ Меттерниха въ Австріи. Въмѣсто того, чтобъ, подобно Шплеру, искать матеріала для своихъ созданій въ бытѣ новаго времени, въ исторіи, идеализируя дѣйствительность, воспроизводя ее съ поэтическимъ одушевленіемъ, романтики сдѣлали поэзію средоточіемъ всей жизни, всѣхъ стремленій, въ которомъ сходятся будто бы всѣ разнообразныя стороны духовнаго бытія, всѣ моменты человѣческаго разумія и міросозерцанья, и выдвигали впередъ только тѣ періоды чело-вѣчества, гдѣ поэтический колоритъ какъ бы непосредственно лежитъ на самой дѣйствительности, именно — рыцарство и католическое христіанство, средніе вѣка и Востокъ. Вездѣ отличительнымъ признакомъ романтики было стремленіе въ надземныя и подземныя области, убѣганіе въ царство грезъ и духовъ, въ глубокую даль временъ и народовъ, обновленіе поэтическихъ созданій этихъ отдаленныхъ эпохъ, отреченіе отъ всего современнаго, отъ прозы дѣйствительной жизни. Оттого ревнители романтизма старались прежде всего воротить забытыя произведенія романтической литературы, собирая и обрабатывая, по примѣру Гердера, легенды, саги и народныя пѣсни германской старины; потомъ обратили особенное вниманіе на тѣ литературы, которыя, какъ испанская и итальянская, всѣхъ вѣрнѣе отражали и всѣхъ долѣе сберегли въ себѣ рыцарскую и христіанскую романтику; сверхъ-того они вовлекли въ кругъ своей дѣятельности мифологию и основанную на ней поэзію Востока и скандинавскаго сѣвера. Между тѣмъ, какъ

братья Шлегели, не имѣвшіе ни геніальности, ни плодovitаго творчества, но обладавшіе острымъ, воспріимчивымъ умомъ, обильными свѣдѣніями и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, содѣйствовали опознанію и распространенію этихъ сокровищъ литературы своими переводами и трактатами, критиками и характеристиками, эстетическими статьями и лекціями. Новались и Тикъ старался развить пониманіе ихъ, свободно пересоздавая старину и облекая ее въ оригинальную форму. Этимъ отверзли они германскому народу необозримый міръ поэзіи и обогатили его умъ и сердце новыми идеями, новымъ неизвѣданнымъ рядомъ чувствъ. И сколько новая романтика ни достойна порицанія въ цѣломъ, какъ не естественное и болѣзненное явленіе, — эта пересадка чуждыхъ художественныхъ произведеній на туземную почву и пробужденная тѣмъ охота къ изслѣдованію и подражанію были безспорно великою заслугой. Подъ вліяніемъ романтиковъ, глубокомысленный, пророчесвенный Дантъ усвоился Германіи множествомъ переводовъ и толкованій; вскорѣ потомъ принялись за Петрарку, Аріоста, Тассо и мног. друг., весьма удачно переложенныхъ въ нѣмецкіе стихи даровитымъ І. Д. Грисомъ изъ Веймара. Сервантесовъ Донъ-Кихотъ, котораго тонкая иронія особенно правилась романтикамъ, былъ переданъ Тикомъ съ необыкновеннымъ тактомъ и знаніемъ дѣла, а удивленіе къ Кальдерону и испанскимъ романсамъ, питаемое А. В. Шлегелемъ, обратило взоры друзей литературы на Пиренейскій полуостровъ и поощрило къ переводамъ поэтическихъ произведеній Испаніи. Предметомъ ихъ обожанія сталъ въ особенности Шекспиръ, этотъ образецъ «всеобъемлющей міровой поэзіи», соединявшій въ фокусъ своего генія всѣ стороны жизни, исторіи, различныхъ эпохъ, различныхъ племенъ и самой природы; поэтому они ревностно старались усвоить его Германіи и успѣли въ этомъ, такъ что усилія ихъ подѣйствовали даже на самой Англію. Пробужденный Гердеромъ интересъ къ восточной поэзіи былъ поддержанъ обоими Шлегелями, которые распространили его притомъ на индійскій языкъ и литературу. Возбужденный ими, оріенталистъ фонъ-Гаммеръ-Пургсталь (1774—1857) предпринималъ обработку «Исторіи Османовъ», переводъ арабскихъ и персидскихъ стихотворцевъ и громадный ученый сборникъ «Восточные пріиски»; начатое имъ дѣло съ блистательнымъ успѣхомъ продолжалъ Фридр. Рюкертъ, извѣстный какъ поэтъ и превосходный переводчикъ. Съ другой стороны, переведены были также Эдда и другія скандинавскія поэмы, чѣмъ для нѣмецкой литературы и

лингвистики (языкознанія) открылись советѣмъ новые родники. Братья Гриммы (Яковъ род. 1785, Вильгельмъ 1786 — 1860), величайшіе знатоки древнѣнмецкаго языка и литературы, романтиками же настроены были къ своимъ плодотворнымъ изслѣдованіямъ и къ собиранію остатковъ древняго мнѣческаго міра, настоящихъ народныхъ и домашнихъ сказокъ: именно въ сказкѣ видѣлась романтизму послѣдняя, крайняя цѣль безконечныхъ стремленій всякой поэзіи! Даже греческая древность выставлена была Нѣмцамъ съ новой стороны романтикомъ Зольгеромъ, глубокосвѣдущимъ и эстетическимъ переводчикомъ Софокла, а въ лицѣ Фридр. Крѣйцера символика и мифологія древняго міра нашли себѣ полного фантазіи и ученаго истолкователя. — Романтики обогатили такимъ образомъ литературное достояніе націй сокровищами другихъ народовъ и новыми завоеваніями; не менѣе того расширили и усовершенствовали они и формальную сторону поэзіи введеніемъ новыхъ формъ искусства, заимствованныхъ у Востока и романтическаго юга, облагородили слогъ и языкъ и обратили заботливое вниманіе на стихосложеніе, благозвучіе и вышнюю изящность. Съ особенною любовью и искусствомъ употребляли они иронию и юморъ въ своихъ созданіяхъ; въ ироніи видѣлось имъ «откровеніе свободы», достойное выраженіе вольно-движущагося личнаго духа, исполненнаго чувства своей силы и самоопредѣленности. При этомъ подняли они поэзію и вообще всю литературу на высшій уровень, придали имъ болѣе достоинства и благородства, пробудили сочувствіе и смыслъ къ изящнымъ искусствамъ и установили болѣе живую связь между литературою и жизнью ¹, и сколь ни мало вожди этой

¹ Этотъ отзывъ о вліяніи романтиковъ, съ перваго взгляда, можетъ показаться противорѣчащимъ тому, что высказано было прежде объ ихъ отчужденіи отъ прозаической дѣйствительности, которое они въ самомъ дѣлѣ доводили до крайнихъ предѣловъ; но мы не найдемъ здѣсь противорѣчія, если сообразимъ, что, погружаясь въ мутный потокъ вседневной жизни, поэтическая литература невольно увлекается имъ сама и по необходимости становится мутною и прозаическою, а потому и теряетъ то живое, свободное и освѣжительное вліяніе на нравы народа, которое свойственно всякому доступному для него искусству, если только искусство не забудетъ своего призванія и не сдѣлается совершенно лишнимъ и ни къ чему не ведущимъ двойникомъ пошлой прозаической обстановки быта. Исторія поэтической литературы свидѣтельствуетъ не двусмысленнымъ образомъ, что усилія воплію слить эту литературу въ одно русло съ потокомъ вседневной жизни всегда приводили къ ослабленію ея благотворныхъ вліяній на самую жизнь. Первобытное и безразличное сочетаніе цѣлаго народнаго быта съ поэзіей принадлежитъ доисторической эпохѣ, на которую только намекаютъ намъ разбросанные остатки ея въ языкахъ, мнѣческихъ преданіяхъ и древнѣйшихъ памятникахъ искусства; въ предѣлахъ

школы цѣнили и поощряли политическую свободу, ихъ слово и стремленія много содѣйствовали къ пробужденію національнаго духа и любви къ отечеству. Тонкою, остроумною критикой и ироніей отстраивали они литературную плоскость и дурной, испорченный вкусъ, а Фридр. Шлегель положилъ притомъ первое начало и художественной обработкѣ исторіи литературы, которая съ тѣхъ поръ воздѣлывалась съ величайшимъ успѣхомъ. Напротивъ, относительно общественной нравственности и степеннаго образа жизни, многіе изъ нихъ грѣшили и вредными примѣрами и лжеученіемъ. Необузданная, распущенная, непосѣдная жизнь, проводимая этими людьми въ шатавіи и перетѣздахъ, поощряла чувственныя наклонности и порочное сладострастіе. Смѣсь заоблачныхъ порываній и стремленій съ самыми земными поблажками грубымъ страстямъ составляетъ отличительную черту романтиковъ.

Романтическая поэзія, за исключеніемъ главныхъ вождей школы, вообще дѣйствовала болѣе пріимчиво и подражательно, нежели самобытно, она опиравалась преимущественно на стародавніе образцы и главное вниманіе обращала на совершенство формы, языка и стихосложенія. Въ лирикѣ господствовалъ мрачный, меланхолическій тонъ, мягкое, чувствительное настроеніе, неутолимое влеченіе куда-то въ безвѣстную даль: таковы Тидге, Баггесенъ, Маттисонъ и Шамиссо; въ драмѣ, ужасныя, проникнутыя религіозной мистикой піесы восторженнаго и не владѣющаго собою Зах. Вернера (1768—1823) нашли себѣ гораздо болѣе подражанія чѣмъ живыя сцены даровитаго, рано кончившаго самоубійствомъ Генр. фонъ-Клейста (1776—1811), сколько талантливый, остроумный Платенъ ни старался противодѣйствовать уродливому Вернеровскому направленію. Но величайшую испорченность находимъ мы въ самой свободной изъ литературныхъ отраслей, въ романѣ, который отъ мечтательной восторженности Ар-

исторіи явленіе это не повторимо никогда и нигдѣ. Необходимая, естественная рознь между прозою вседневности и поэтическою литературой, полагаемая неизбѣжными условіями искусства, разумѣется, далека отъ того, чтобъ отрѣзать эту литературу отъ духа современности, если только сама современность не въ вопіющемъ разладѣ съ поэзіей, какъ это было на примѣръ въ Германіи 18 вѣка; но иное дѣло поэтизировать современный пдеп, характеры, типическія отношенія, и совсѣмъ иное—представлять болѣе или менѣе вѣрные снимки разныхъ случайностей, мелочей, капризовъ и дразговъ вседневной жизни. Приведеніе поэтическаго идеала къ такому низкому уровню дѣйствительности почти совпадаетъ съ совершеннымъ отсутствіемъ идеальныхъ стремленій и обыкновенно наступаетъ лишь въ тѣ эпохи, когда общество, даже въ лицѣ лучшихъ своихъ умовъ, само не вѣдаетъ, что начать и къ чему именно стремиться.

нима и Клеменса Брентано дошелъ наконецъ до крайней вычурности де ла Моттъ-Фуке (1777—1843) и до фантастическихъ созданий Амед. Гофмана (1776—1822). При такомъ общемъ направленіи тщетны были усилія немногихъ голосовъ, раздававшихся въ пользу болѣе свободнаго взгляда на искусство. Либеральный патріотъ Зейме (1763—1811) не находилъ отзыва на свои суровые, полные горечи, звуки; Генр. Цшюкке, съ своей правдивостью и своимъ трезвымъ рационализмомъ, принужденъ былъ удалиться въ Швейцарію, а другъ его, драматикъ фонъ-Клейстъ, съ отчаянія, самъ наложилъ на себя руку. Безуспѣшны же остались противъ романтизма и усилія очень популярнаго одно время писателя, чрезвычайно плодovitаго драматурга Августа фонъ-Коцебу (§ 792), который въ своемъ «Гиперборейскомъ Ослѣ» вывелъ на сцену злую, хоть и безсовѣстную сатиру на романтиковъ вообще и на Фридр. Шлегеля въ особенности.

Борьба за независимость Германіи лишь на короткое время озарила эту сумрачную, туманную поэзію проблескомъ живыхъ попытокъ энергической лиры Теодора Кёрнера, Людвига Уланда, извѣстнаго патріота Э. Морица Арндта и Фридр. Рюкертъ. По окончаніи войны вялая тишь, воцарившаяся на время во всей Европѣ, гораздо болѣе благопріятствовала романтической поэзіи, нежели воспламеняющимъ пѣснямъ свободы. Самъ Гёте, въ преклонныхъ лѣтахъ, не устоялъ передъ всеобъемлющимъ вліяніемъ романтики и, съ своей стороны заплатилъ ей дань въ превосходномъ по плану и исполненію романѣ «Душевное Сродство», въ собраніи мелкихъ разсказовъ, изданныхъ подъ названіемъ Wilhelm Meister's Wanderjahre, гдѣ имѣлась въ виду гармоническая организація общества, и въ своемъ Westöstlicher Divan (Сборникъ западно-восточныхъ стихотвореній). Гёте дожилъ еще и до водворенной Байрономъ «поэзіи отчаянія»; въ его старческихъ эпиграммахъ, Zahme Xenien, находимъ мы много вѣрныхъ замѣтокъ объ этомъ, также какъ и о другихъ заблужденіяхъ нѣмецкой литературы. Незадолго передъ тѣмъ, что сойдти осмидесятилѣтнимъ старцемъ въ могилу, онъ издалъ еще вторую часть Фауста — аллегорическій взглядъ на всю пройденную имъ жизнь съ тѣхъ самыхъ поръ какъ онъ выступилъ изъ мрачной энергіи первобытно-естественнаго періода, который отразился у него такъ ярко въ первой части.

Литература и, въ особенности, поэзія не могутъ избѣжать вліянія идей, проникающихъ и направляющихъ данное время, и тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ онѣ на современниковъ, чѣмъ рѣшительнѣе и явнѣ примы-

каютъ къ господствующимъ идеямъ. Всякая литература, а лирическая поэзія по преимуществу, носить на себѣ печать своей эпохи и можетъ быть понята вполне только съ выясненіемъ ея историческаго положенія. Такъ средневѣковая поэзія имѣла предметомъ рыцарство и служеніе дамъ сердца; такъ въ реформаціонный вѣкъ и ближайшій затѣмъ періодъ литература и поэзія находились подъ религіозными и церковными вліяніями, и если классическая пора нѣмецкой литературы не можетъ указать подобнаго средоточія, то главному тому причиной было отсутствіе великихъ, міровыхъ событій и идей, — отсутствіе, которое пробудившійся къ самостоятельности духъ Германцевъ стремился восполнить величавыми и разнообразными созданіями въ области фантазіи, мышленія и науки. — Положеніе измѣнилось, когда французская революція и военный деспотизмъ Наполеона наступили смѣлыми и кровавыми путями, беспощадно попирая старину съ ея пріютнымъ на взглядъ затишьемъ и съ ея арсеналомъ отжилыхъ, прогнившихъ формъ. Европейское человѣчество, и въ особенности германскій народъ были тревожно пробуждены отъ своего спокойствія и привычнаго образа жизни, — пробуждены для того, чтобы волей или неволей принять участіе въ ходѣ всемірно-историческихъ событій. Свобода и политика выдвинулись тогда на первый планъ, и борьба, ведомая сначала съ вѣнскимъ непріателемъ, обратилась послѣ побѣды въ борьбу мнѣній съ противникомъ внутри края. Эпоха священнаго союза, которая, вмѣстѣ съ миромъ, хотѣла возвратитъ европейскому человѣчеству и прежніе порядки въ церкви, въ государствѣ, въ цѣломъ быту, не водворила и въ нѣмецкой литературѣ желаннаго примиренія; и здѣсь, какъ въ сферѣ политики и общественнаго быта, умы разошлись по самымъ разнообразнымъ направленіямъ, и невиданное прежде распаденіе на партіи обнаружилось повсюду, и въ поэзіи, и въ литературѣ вообще. Здѣсь также выступили на свѣтъ аристократически-консервативное и либерально-преобразовательное убѣжденія. Романтики, сначала увлекшись стариной, какъ поэтическимъ противодѣйствіемъ пошлой прозѣ дѣйствительности, заключили теперь союзъ съ аристократами и властями, смотрѣли на литературу какъ на удѣлъ знати и тонко-образованнаго класса и, обновленіемъ средневѣковой религіозности, поэзіи, искусства и міросозерцанія, старались побороть демократическій духъ, порожденный революціей. Поэзія въ ихъ рукахъ получила исключительный, аристократическій отпечатокъ, и если съ одной стороны это спасло ее отъ возрастающаго опошленія,

то съ другой и оттолкнуло отъ нея большинство народа, обратившееся преимущественно къ тѣмъ стихотворцамъ, которые опирались на дѣйствительную и дѣятельную жизнь и сочувствовали стремленіямъ и потребностямъ массы. Конечно, матеріальное положеніе послѣднихъ было незавидное: романтики пользовались благосклонностью властей и знали, глотали полную чашей всѣ жизненные наслажденія и, восхищаясь средневѣковымъ бытомъ и Италіей, волшебною странкою всякой худо жественности, совершенно забывали о родной Германіи съ ея борьбами и страданіями; между-тѣмъ какъ пѣвцы свободы, стоявшіе за народъ и за исполненіе обѣтовъ, данныхъ ему въ часы опасности, испытывали обидное пренебреженіе и терпѣли даже голенья. Не удивительно, что многіе изъ нихъ, бывъ сначала поборниками свободы и преобразованій, потомъ спохватились и, подобно Гёрресу и друг., перешли къ той сторонѣ, которая сулила болѣе обильную награду. Рѣдкій устоялъ противъ соблазна и нарушалъ иногда либеральными диссонансами или какимъ-нибудь мужественнымъ призывомъ стройный хоръ похвалъ и славословій консервативной партіи. Въ числѣ этихъ рѣдкихъ раздавались чистые голоса Лудвига Уланда и Морица Арндта; послѣдній сохранилъ вѣру въ будущее единство Германіи, даже лишась мѣста и подвергнувшись суду. Сторонникомъ политическаго либерализма явился также графъ фонъ-Платенъ-Галлермюнде (1796 — 1825), очень искусный лирикъ (авторъ газелей, пѣсенъ, одъ и сонетовъ) и сатирический комикъ, котораго «міровая скорбь» и внутреннее распаденіе выгнали изъ отечества. Они-то, вмѣстѣ съ Шиллеромъ и Кёрнеромъ, составляли любимое чтеніе германскаго народа, и безуспѣшны оставались всѣ усилія оттѣнить этихъ пѣвцовъ свободы, сколько ни старались о томъ романтики и ихъ послѣдователи, въ числѣ которыхъ поэтическаго лавра искали даже многія царственныя особы, король Лудвигъ Баварскій и Саксонскій принцъ (потомъ король) Іоаннъ, не говоря уже о значительныхъ государственныхъ лицахъ, какъ наприм. баварскій министръ фонъ-Шенкъ (лирикъ и драматикъ) и австрійскій баронъ фонъ-Мюнхъ-Беллинггаузенъ (Фридр. Гальмъ, особенно извѣстный драмами: Гризельда, Сынъ пустыни, и трагедіей Равеннскій гладіаторъ) и друг. Чѣмъ болѣе, въ своей аристократической чопорности, романтики унижали достоинство и заслуги Шиллера, тѣмъ болѣе льнули къ нему и близкимъ ему по духу германскій народъ; идеи свободы, патріотизма и человѣческаго достоинства, высказанныя съ такимъ горячимъ оду-

шевленіемъ въ Шиллеровыхъ созданіяхъ, возвышали и укрѣпляли духъ народа, тогда какъ онъ безучастно смотрѣлъ на романтическое прославленіе отжившихъ эпохъ, исчезнущаго рыцарства и невозвратимой художественной религіи; передъ либеральною, задушевною поэзіей Шиллера для него отступало на второй планъ даже художническое совершенство великаго Гёте.

Июльская революція нанесла чувствительный ударъ аристократизму и въ государствѣ и въ литературѣ, и хотя политикѣ удалось еще сохранить или возстановить прежнія формы общественности, въ литературѣ вполне восторжествовало либеральное направленіе, проявляясь все смѣлѣе и рѣзче съ каждымъ днемъ. Романтика стала вскорѣ только историческимъ воспоминаніемъ, а либерализмъ встрѣтилъ себѣ такое живое сочувствіе въ массахъ, что вскорѣ, увлеченный состязаніемъ своихъ ревнителей, онъ вдался въ радикализмъ, и не довольствуясь политической оппозиціей, мало-по-малу сталъ ратовать противъ всего существующаго въ церкви и въ государствѣ и грозилъ разложеніемъ всему обществу. Передовыми бойцами этой разлагающей литературы явилось нѣсколько даровитыхъ людей, еврейскаго происхожденія, которые, помня обиды и гоненія, такъ долго претерпѣваемые Евреями въ Германіи, старались теперь отомстить за нихъ тѣмъ, что подрывали весь существующій порядокъ насмѣшкою, сатирой и дерзкими нападками. Чуждые своей родинѣ столько же по собственной винѣ, какъ и по винѣ другихъ, они были совершенно лишены чувства любви къ отечеству; къ религіи и церкви не могли они питать ни уваженія, ни пріязни, а тѣмъ еще менѣе къ общественнымъ учрежденіямъ и правамъ, которыя никогда не признавали ихъ равноправности. Въ сердцахъ ихъ, гдѣ холодный философскій депзмъ смѣнилъ религіозное суевѣріе, не говорило въ пользу существующаго ни одно изъ юношескихъ воспоминаній. Поэтому было очень естественно, что писатели Евреи, руководимые сроднымъ ихъ племени инстинктомъ выгоды и соображаясь только съ большимъ спросомъ на товаръ, вскорѣ заняли первое мѣсто въ этомъ зловредномъ родѣ литературы. Лудвигъ Бёрне (1784—1837) является и въ своихъ журналахъ и въ своихъ Письмахъ изъ Парижа поборникомъ либерализма, болѣе отличающимся ловкостью рѣчи, стилистикой и критическимъ талантомъ, нежели глубиной; онъ былъ чистымъ воплощеніемъ общественнаго прогресса и политическое убѣжденіе стало у него религіей. Генрихъ Гейне (1799—1856), своей фривольностью и беспощадною сатирой, послѣ

июльской революціи растратилъ ту славу и общее одобреніе, какія снискалъ себѣ передъ этимъ своими Путевыми очерками, Книгою пѣсенъ и другими сочиненіями, полными поэзіи и души. Самоувѣренно и нагло отзывается онъ съ язвительною насмѣшкой обо всемъ на свѣтѣ, глумится надъ всякою религіей, не ставитъ ни во что дружбу и вѣрность (какъ доказываетъ книга его о Бёрне) и бичуетъ своимъ неразборчивымъ, нахальнымъ остроуміемъ святое и высокое наряду съ самымъ низкимъ и самымъ пошлымъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій позднѣйшаго его періода извѣстнѣе всѣхъ «Салонъ», «Черты французскаго быта» и его «Новыя стихотворенія». Въ остроумной поэмѣ «Германія, зимняя сказка» видимъ мы рядъ сатирическихъ картинъ нѣмецкой современности, связанный съ путешествіемъ изъ Парижа въ Гамбургъ. Сокрушенный тѣлесными страданіями, Гейне подъ конецъ обратился опять къ религіи и, въ послѣсловіи къ своему Романсеро, изобразилъ возвращеніе «блуднаго сына, пасшаго свиней у гегеліанцевъ» и свой собственный возвратъ къ вѣрѣ въ личнаго Бога, «у котораго есть руки для помощи». Но въ устахъ Гейне самая молитва превращается въ кощунство. Онъ можетъ служить доказательствомъ того, что безъ нравственной глубины и безъ чистоты сердца не лзя создать никакого обширнаго поэтическаго произведенія, которое отличалось бы совершенствомъ въ полномъ смыслѣ слова, — что величіе художника, если онъ хочетъ достигнуть чего-нибудь высшаго, необходимо должно опираться на величіе человека.

Къ Гейне примыкаетъ такъ-называемая юная Германія (§ 815). Подъ этимъ именемъ разумѣютъ рядъ ловкихъ писателей, избравшихъ себѣ ремесломъ вольную авторскую жизнь и основавшихъ все свое существованіе на одномъ доходѣ отъ многостороннихъ литературныхъ произведеній; эти люди ставили легкій художественный талантъ гораздо выше всякой учености и глубокомыслія и потому все вниманіе свое обратили на гладкую стилистику, живое, задорное или затрогивающее изложеніе, и на заманчивость внѣшнихъ формъ. Хозяева или сотрудники политическихъ и литературныхъ журналовъ, которыхъ власть надъ общественнымъ мнѣніемъ и надъ скороспѣлымъ сужденіемъ поверхностныхъ читателей возрастала со дня на день, умѣли они постоянно обращать вниманіе публики на себя и на свои труды и пріучить вкусъ ея къ тому, чтобы ей нравились эти легкія, съ плеча набросанныя издѣлія, въ которыхъ весьма часто посредственность и плоскость мысли прикрывается остроуміемъ и бойкостью пера. Громадное расширеніе книжной

торговли и возрастающее число читателей облегчали имъ начатое дѣло. Главою этой юно-германской школы можно считать Карла Гуцкова, человека съ живымъ умомъ и большимъ даромъ усвоенія, зоркою наблюдательностью и многостороннимъ талантомъ; жаль только, что созданіямъ плодотворной юношеской фантазіи онъ не всегда давалъ время вызрѣвать. Снискавъ нѣкоторую извѣстность въ качествѣ журнальнаго сотрудника критическими, сатирическими и литературными статьями, онъ подвергся кратковременному аресту за неважную въ художественномъ отношеніи повѣсть «Валли», въ которой нападалъ на религію, на христіанскіе нравы и на бракъ. Это, разумѣется, надѣлало много шума и еще болѣе сосредоточило на Гуцковѣ общее вниманіе. Такъ какъ судебный приговоръ навлекли ему главнымъ образомъ предательскія выходки бывшаго пріятеля его Вольфганга Менцеля, долготѣняго редактора Штутгартскаго художественнаго и литературнаго листка, то изъ этого возникла между прежними друзьями страшная, непримиримая вражда. Утвердивъ за собой славу одного изъ передовыхъ писателей Германіи нѣсколькими романами и разными другими литературными трудами, Гуцковъ обратился съ успѣхомъ къ драматическому поприщу, сколько ни вредятъ ему иногда здѣсь явныя натяжки ради эффектовъ. Сценическія произведенія, потомъ «Письма изъ Парижа», большіе современные романы «Рыцари духа» и «Римскій колдунъ», наконецъ его еженедѣльный журналъ «Бесѣды у домашняго очага»,— все это свидѣтельствуетъ о необыкновенной живости, неутомимой дѣятельности, талантѣ и умѣнїи Гуцкова, хотя обличаетъ въ немъ и большую долю самонадѣянности. Служа вездѣ поверхностному духу времени, онъ создавалъ только героевъ текущаго дня, безъ силы характера, безъ естественности и всякаго нравственнаго величія: всѣ они явно страдаютъ блѣдностью мысли. Рядомъ съ Гуцковымъ извѣстнѣйшіе члены этого союза—Теодоръ Мундтъ, Густ. Кюне, Генр. Лаубе, Лудольфъ Винбаргъ и друг. Стремленія къ политическимъ и социальнымъ реформамъ безъ всякой опредѣленной цѣли, въ угоду распространившемуся духу недовольства, разнузданіе плоти и удовлетвореніе всѣхъ пожеланій, въ угоду сладострастному и чувственному поколѣнію, борьба противъ христіанства и христіанской нравственности съ помощью неясныхъ философскихъ представленій и какой-то вялой, убаюкивающей гуманности, въ угоду нетерпѣливой молодежи,—вотъ тѣ общіе признаки, та «красная нить», которые проходятъ по литературнымъ произведеніямъ этихъ болѣе или менѣе даровитыхъ писателей.

Литераторы, причисляемые обыкновенно къ «юной Германіи», не смотря на свой выказной либерализмъ и свое стремленіе къ реформамъ, все таки имѣли преимущественно въ виду одни высшіе классы общества, его «цвѣтъ», почему и обращали такое вниманіе на художественную обдѣлку своихъ сочиненій; но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ появилось нѣсколько молодыхъ поэтовъ, которые не ограничивались борьбою противъ однихъ властей, но поблажая страстямъ и вожделѣніямъ простаго народа, старались уронить въ глазахъ его все, что носило на себѣ какой-нибудь оттѣнокъ аристократизма. Имѣя въ виду не эстетическое услажденіе, а достиженіе политическихъ и социальныхъ цѣлей, они не столько заботились о художественности формъ и благородствѣ выраженій, сколько о зазорномъ содержаніи, энергическомъ представленіи и страстномъ, раздраженномъ тонѣ. Ихъ большею частію лирическія стихотворенія пропитаны такимъ пыломъ демократизма, что они ударяютъ неопытному читателю прямо въ голову и неотразимо увлекаютъ его за собой. Въ ихъ картинахъ бѣдствій пролетарія, въ ихъ насмѣшкѣ надъ раздольной жизнію знати и богачей, въ ихъ гнѣвныхъ жалобахъ на превратность всѣхъ общественныхъ отношеній, было столько страсти, столько дикой, разрушительной силы, столько безпощаднаго глумленія, что они производили страшное впечатлѣніе и должны были казаться предвѣстниками громаднаго переворота во всемъ общественномъ быту. Такими качествами отличаются болѣе или менѣе рѣзко произведенія Георга Гервега («Стихотворенія живаго»), обновителя настоящей народной пѣсни у Нѣмцевъ — Гофмана фонъ-Фаллерслебена, Р. Э. Прутца, Франца Дингельштедта, Фердинанда Фрейлиграта и друг. Обвиненія, процессы, потери мѣстъ придали этимъ даровитымъ людямъ еще болѣе значенія и много содѣйствовали распространенію ихъ сочиненій. Дингельштедтъ вскорѣ предпочелъ благосклонность двора расположенію народа, и сначала пріютился въ Штутгартѣ, а потомъ сталъ директоромъ придворныхъ театровъ въ Мюнхенѣ и Веймарѣ; Гервегъ въ 1848 г. доказалъ, что между пѣвцомъ и героемъ свободы — безконечное разстояніе: его походъ съ нѣмецкими рабочими изъ Парижа на помощь баденскому возстанію кончился очень жалкимъ образомъ; а поприще Фрейлиграта, то спускавшася въ купеческую контору, то восходившаго на Геликонъ, снова засвидѣтельствовало міру, что недостатокъ въ классическомъ образованіи и знакомствѣ съ исторіей ведетъ литератора къ удивительнымъ заблужденіямъ. — Даровитый Еврей Бертольдъ Ауэрбахъ, пере-

водчикъ Спинозы и превосходный живописецъ однообразнаго затишья, въ какомъ живетъ иногда простой народъ («Шварцвальдскіе сѣльскіе рассказы»); въ своемъ народномъ календарѣ («Куманёкъ») обнаружилъ тоже демократическое и антицерковное направленіе. Напротивъ талантливый лирикъ, эпикъ и изслѣдователь исторіи христіанскаго искусства, Готфридъ Кинкель, увлекся демократическимъ водоворотомъ только въ 1848 г., и заплативъ за это тюремнымъ заключеніемъ, бѣжалъ наконецъ въ Англію, гдѣ и остался. — Одинъ изъ лучшихъ драматическихъ писателей нашего времени, Фридр. Хеббель изъ Дитмарсена (род. 1813), хотя и консерваторъ въ политическомъ отношеніи, строилъ однакожъ свои драмы («Юдино», «Геновева», «Марія Магдалина», «Юлія», «Иродъ и Маріамъ», «Трагедія въ Сициліи» и друг.) также на болѣзненныхъ направленіяхъ эпохи и на ея превратномъ міросозерцаніи. Не идеальная сторона человѣка, не благородныя побужденія и не величавые характеры въ борьбѣ съ суровою судьбой составляютъ основу его произведеній, а напротивъ — дикая сила болѣзненно-раздраженныхъ страстей, демоническая мощь зла, безвыходно заключившагося въ себѣ самомъ, и колобродства натуръ поврежденныхъ или извращенныхъ. Міръ его «покинутъ Богомъ», лишень всякой радости, вѣры и любви. — Всѣ эти поэты, равно какъ и менѣе извѣстные ихъ подражатели и единомышленники, какъ наприм. провозвѣстникъ женской эманципаціи, Рудольфъ Готшаль, стоятъ на одной почвѣ и стремятся къ одной цѣли съ тѣми все отрицающими философами, (§ 847), которые органомъ своей рѣзкой полемики сдѣлали одно время «Галльскія лѣтописи», критическій журналъ, основанный Арнольдомъ Руге. — Противоположное направленіе, отстаивавшее любовь въ отечеству, согласіе народовъ съ властями и необходимость твердой церковной почвы, выставило гораздо менѣе защитниковъ, и притомъ далеко не столь даровитыхъ. Въ числѣ ихъ можно указать на лирика Эмануэла Гейбеля, отличающагося глубокимъ чувствомъ; замѣчательнымъ совершенствомъ формы и благозвучіемъ, да еще на Оскара фонъ-Редвица, котораго католико-романтическій эпосъ «Амарантъ» удостоился очень лестнаго приѣма и доставилъ благочестивому автору и деньги и отличіе. — Средину между этими двумя направленіями занимаютъ даровитые австрійскіе поэты Цедлицъ, авторъ «Вънцовъ умершимъ» и «Ночнаго смотра», Анастасій Грюнъ (графъ фонъ-Ауэршпергъ), который въ своихъ «Прогулкахъ вѣнскаго поэта» и въ «Щебнѣ» (Schutt) даетъ намъ глубоко заглянуть въ безотрадную эпоху

Меттернихова управленія, однакожь не теряетъ вѣры въ лучшую будущность, и Николай Ленау (Нимбшъ фонъ-Штреленау), котораго полный фантазіи умъ подъ-конецъ омрачился помѣшательствомъ. У нихъ нѣтъ той разрушительной демократической страсти, которая на развалинахъ настоящаго мечтаетъ построить какой-то будущій рай, но зато здѣсь вѣетъ тихая грусть подавленныхъ порывовъ, здѣсь есть достойная борьба противъ притѣснительной политической системы и благородное стремленіе избавить человѣчество отъ мертвящаго застоя и пробудить въ немъ живое участіе къ высшимъ интересамъ.

Образованіе, которое, благодаря продолжительному миру, распространилось даже на низшіе классы народа, и важность, какую приобрѣли литературныя явленія за отсутствіемъ великихъ дѣлъ и событій, втянули въ сферу науки, искусства, литературы и авторства бездну такихъ лицъ, которыя въ другихъ странахъ и при другихъ, болѣе естественныхъ, обстоятельствахъ скорѣе обратились бы къ какой нибудь практической дѣятельности. Женщины не отстали въ этомъ отъ другихъ. Въ письмахъ, стихотвореніяхъ, романахъ, путеописаніяхъ, переводахъ и проч. выступили онѣ на поприще гласности и отстранили почтенный давностью обычай, налагавшій на нихъ молчаніе среди церковныхъ соборщъ и на міру. При этомъ немногія, подобно лирической стихотворицѣ, Анеттѣ фонъ-Дросте-Гюльсгофъ (1798—1850), сохранили свойственную женской натурѣ задушевную поэтичность, нѣжность чувства и стыдливость; онѣ болѣею частію забывали существенное назначеніе женщины, хватались со всей живостью и пыломъ вышедшей изъ себя натуры обыкновенно за самыя крайнія мнѣнія и не мало содѣйствовали къ водворенію тѣхъ болѣзненныхъ, извращенныхъ взглядовъ на многія соціальныя и политическія несообразности, которые составляютъ главный недугъ падкой на реформы молодежи. Еврейка родомъ, принявшая потомъ христіанство и вышедшая замужъ за извѣстнаго біографиста и автора мемуаровъ Фарнгагена фонъ-Энсе, даровитая и оригинальная Рахель (1774—1833), возбудила изданными по смерти ея Письмами много шуму въ великосвѣтскихъ кругахъ, гдѣ пикантныя, иногда геніальныя замѣтки, сужденія и изреченія цѣнятся гораздо болѣе, чѣмъ дѣльные взгляды на жизнь, основанные на глубокомъ размышленіи и опытѣ, и гдѣ нападки на самыя естественныя отношенія нерѣдко считаются признакомъ высшей, необыкновенной натуры. Рахель была средоточіемъ одного изъ блистательнѣйшихъ берлинскихъ кружковъ и нерѣдко пользовалась своимъ

положеніемъ въ видахъ истинной благотворительности. Беттина фонъ-Арнимъ (1785—1859), эксцентрическая сестра фантаста Кл. Брентано и жена романтика Ахима фонъ-Арнима, мало-по-малу перешла отъ безпредѣльнаго обожанія Гёте, которое изображено ею въ замѣчательной «Перепискѣ одного ребенка», къ крайнему демократизму, совѣмъ противоположному съ Гётевскимъ воззрѣніемъ. Ея чрезмѣрная наивность, оригинальничанье и необузданная рѣзвость, которыми она старалась сохранить характеръ дѣтства даже и позднѣйшимъ своимъ произведеніямъ, доказываютъ нездоровое направленіе и слишкомъ напряженную фантазію ¹, которыя необходимо должны вести къ заблужденіямъ. Но надо отдать ей справедливость: теплое чувство къ страждущему человечеству сохранила она до конца. Крещеная Еврейка, Фанни Левальдъ, вышедшая потомъ за извѣстнаго писателя Адольфа Штара, въ молодости отличалась тою же воспримчивостью и даровитостью, какъ и соплеменники ея Рахель, Бёрне и Гейне, но раздѣляла съ ними въ своихъ романахъ и тотъ тревожный скептицизмъ, который во всѣхъ опредѣленіяхъ церкви, государства и общества видитъ только ненужныя помѣхи для личной свободы, тяжкіе узы для ума. Не говоримъ о многихъ другихъ романисткахъ, менѣе замѣчательныхъ по таланту и направленію.

Выше мы упомянули о блистательныхъ литературныхъ кружкахъ Берлина. Въ самомъ дѣлѣ, особенно первая четверть текущаго столѣтія была въ этомъ отношеніи настоящимъ золотымъ вѣкомъ для Берлина и подняла его на степень метрополіи германскаго просвѣщенія. Недавно еще скатилась съ горизонта одна изъ первыхъ звѣздъ той эпохи — неутомимый изслѣдователь земли и вселенной Александръ Гумбольдтъ. Возбужденный имъ Карлъ Риттеръ, своей географіею Азіи совершенно пересоздалъ науку о землѣ. Подобно тому какъ Риттеръ развиваетъ исторію человечества изъ естественныхъ условій земной жизни, возводитъ ее такъ-сказать изъ первобытныхъ основъ землестроенія, такъ точно «Космосъ» Гумбольдта впервые утвердилъ въ обширнѣйшемъ кругу убѣжденіе о тѣсной взаимной связи

¹ О болѣзненномъ и напряженномъ состояніи образованныхъ классовъ въ Германіи тридцатыхъ годовъ даетъ понятіе добровольная смерть даровитой Шарлотты Софіи Штиглица († 1834), жены поэта Генриха Штиглица, которая наложилла на себя руку для того, чтобы какимъ-нибудь глубокимъ потрясеніемъ расшевелить ослабѣвшій талантъ мужа къ болѣе энергической дѣятельности. Разумѣется, это героическое дѣяніе нисколько не обновило бѣднаго Штиглица.

всѣхъ естественныхъ и историческихъ явленій съ жизнью вселенной. Старшій изъ Гумбольдтовъ, Вильгельмъ, замѣчательный политикъ, эстетикъ, и языковѣдъ, скончался еще 1835 г. Изъ множества славныхъ именъ, украшающихъ или украшавшихъ столицу Пруссіи въ последнее время, особенно должно назвать братьевъ Гриммовъ, историковъ Раумера, Ранке, Перца и благочестиваго церковнаго бытописателя Неандера. Одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ филологовъ и германистовъ Лахманнъ († 1851) нашелъ себѣ по смерти достойнаго преемника въ лицѣ Морица Гаупта. По училищной части благотворно дѣйствовалъ, въ духѣ Песталоцци, почтенный Дистервегъ, которому такъ много обязаны всѣ преподаватели въ Германіи.

Е. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ СО ВРЕМЕНИ ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

І. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

1. Политическое состояніе.

§. 801. Конституціонный западъ. Іюльская революція раздѣлила европейскія державы на двѣ группы, — на конституціонный западъ подѣ влияніемъ Франціи и Англіи, и на абсолютно-монархическій востокъ, гдѣ господствовали Австрія, Россія и Пруссія. Во второстепенныхъ государствахъ средней полосы, въ Скандинавіи, Германіи, Италіи, большинство народа желало конституціонныхъ реформъ и сочувствовало Англіи и Франціи, но правительства, а вмѣстѣ съ ними родовая и служебная аристократія, стояли за монархическое полновластіе и опирались преимущественно на Австрію и Россію; много-много, если требованіямъ народовъ уступали на столько, что допускали учрежденіе ограниченныхъ земскихъ чиновъ, при чемъ на первый планъ обыкновенно выдвигались сословные интересы. Общія стремленія, политическое соперничество и Таллейранова дипломатическая ловкость закрѣпили союзъ между іюльскимъ правительствомъ и кабинетомъ виговъ въ Англіи; и хотя доброе согласіе нарушалось по временамъ разными столкновеніями, которыя при гласности палатскихъ засѣданій и свободѣ печати не оставались тайною для публики, однакожь обоюдный интересъ и сверхъ-того пристрастіе Гизо и друг. французскихъ политиковъ къ Англіи, и наоборотъ пристрастіе лорда Брума и друг. Англичанъ къ Франціи, никогда не допускали до совершеннаго разрыва. Когда въ своей ревности къ подав-

ленію невольничьяго торго Англичане присвоили себѣ право осматривать всѣ подозрительныя суда, и потомъ, когда для прекращенія затрудненій и безрядицы на Востокъ они вступили въ четверной союзъ съ абсолютными монархіями, это возбудило ненависть и недовѣріе французскаго народа; когда французское правительство вздумало посредствомъ католическихъ миссіонеровъ вытѣснить съ острова Отаити англійскій протестантизмъ и утвердить тамъ свое протекторство, когда Испанія была прикрѣплена къ орлеанской Франціи двойнымъ бракомъ, — это оскорбило и церковную ревность и вмѣстѣ гордость Великобританіи. Однакожь, не смотря на эти неприятели, союзъ двухъ конституціонныхъ державъ не потерпѣлъ продолжительнаго потрясенія и по-прежнему находилъ себѣ опору и выраженіе въ «сердечномъ согласіи» (*entente cordiale*) самихъ монарховъ, сблизившихся между собой при взаимныхъ посѣщеніяхъ.

§ 802. Абсолютно-монархическій востокъ. Одинаковый интересъ естественно соединялъ и три абсолютныя монархіи къ охраненію Богомъ данной власти противъ революціоннаго начала народнаго самодержавія, къ подавленію неугомоннаго демократизма и къ одолженію тѣхъ заговоровъ и смуть, которыя затѣвались со стороны польскихъ выходцевъ. Добродушный австрійскій народъ, заботясь болѣе о веселой жизни, чѣмъ о свободѣ, терпѣливо переносилъ патриархальное управленіе, устроенное княземъ Меттернихомъ подъ державою гуманной династіи. Изъятая изъ общегерманской жизни и образованности и отдѣленная системою строгаго затворничества отъ всѣхъ остальныхъ Нѣмцевъ, съ которыми цѣлое тысячелѣтіе дѣлила она и радость и горе, Австрія теперь болѣе и болѣе чуждалась быта и интересовъ общаго отечества, и, сплотясь въ неестественное цѣлое съ другими національностями, даже и не подозрѣвала, что вся ея государственность постепенно превращается въ тотъ «Щебень», который такъ превосходно изобразилъ ея поэтъ¹. Пруссія повидимому готова была забыть, что ея истинная сила состоитъ въ популярности, что Фридрихъ II былъ обязанъ своими побѣдами столько же сочувствію народовъ, сколько и храбрости своихъ войскъ. Обладая высшимъ умственнымъ развитіемъ, превосходѣйшимъ воеустройствомъ, цвѣтущею промышленностью, и находясь подъ скипетромъ

¹ Анастасій Грюнъ.

достославнаго царственнаго дома, Пруссія заняла бы повелительное положеніе въ ряду европейскихъ государствъ, еслибъ тѣсно и отъ души примкнула къ остальной Германіи, еслибъ правительство охотно удовлетворило потребностямъ народной свободы введеніемъ конституціонныхъ формъ, еслибъ король искалъ себѣ опоры скорѣе въ либеральномъ и образованномъ среднемъ сословіи, нежели въ тѣсномъ кругу аристократовъ, религіозныхъ ригористовъ, чиновниковъ и ученыхъ. Слившись въ одно цѣлое съ Германіей и взявъ подъ свою защиту меньшія государства средней Европы, конституціонная Пруссія, при свободѣ преподаванія и вѣры, была бы посредницею и рѣшительницею споровъ между востокомъ и западомъ, тогда какъ, примкнувъ къ абсолютизму и вмѣстѣ желая играть роль самостоятельной великой державы, она заняла только второстепенное мѣсто въ европейской политикѣ. — Россія сдѣлалась въ это время пугаломъ для демократовъ и надежнымъ оплотомъ для всѣхъ тѣхъ, кто держался противоположнаго направленія; опираясь на силу самодержавія внутри, императоръ Николай руководился мыслию цивилизовать свою страну ея собственными, домашними средствами, и подчинить вліянію этой цивилизаціи всѣ подвластные Россіи народы. Съ тѣхъ поръ какъ Польша пала передъ русскимъ оружіемъ, всѣ надежды выходцевъ обратились на Краковъ; поставленный въ качествѣ республики подъ защиту трехъ соедѣнныхъ державъ, украшенный гробницами старо-польскихъ государей и національными воспоминаніями, онъ одинъ блистательно возвышался надъ развалинами общей національности и дѣйствовалъ обаятельно на эмигрантовъ. Поэтому со стороны польской пропаганды предпринималось нѣсколько попытокъ овладѣть городомъ посредствомъ заговора и сдѣлать его центромъ революціи для возстановленія древней Польши. Первая попытка такого рода въ 1836 г. имѣла слѣдствіемъ временное занятіе республики со стороны покровительныхъ державъ; но когда, спустя десять лѣтъ (1846), она возобновилась снова, и въ захваченномъ инсургентами городѣ было устроено революціонное правительство, тогда, по низложеніи безразсуднаго мятежа, республика присоединена была къ Австрійской монархіи. Слабая протестація Англіи и Франціи противъ нарушенія Вѣнскихъ договоровъ осталась безуспѣшна. Затѣянный польскою пропагандой планъ поднять въ то же время Галицію противъ Австріи, не удался, благодаря ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ. Вмѣсто того, чтобъ идти по призыву своихъ господъ къ возстанію про-

тивъ правительства, крѣпостной народъ бросился съ цѣпами и косами на своихъ притѣснителей и побивалъ ихъ безпощадно. Обширный заговоръ въ Познани (1847) былъ выданъ прусскому правительству измѣною и подавленъ бдительностью и энергіей властей въ самомъ зародышѣ. Громадный процессъ въ Берлинѣ обнаружилъ всѣ происки польскихъ эмигрантовъ, ихъ готовый на жертвы патріотизмъ, но вмѣстѣ и безпредѣльное самообольщеніе, іезуитскія и макіавелевскія правила ихъ коноводовъ. Необузданное и необдуманное стремленіе къ свободѣ, преувеличенную самонадѣянность и вѣчные нелады между собой юныя поколѣнія эмиграціи вынесли, въ наслѣдіе отъ старой Польши, и на чужбину.

§ 803. Второстепенныя державы. Второстепенныя державы оказывали гораздо менѣе вліянія на внѣшній ходъ исторіи европейскихъ народовъ. Германія, безъ совокупной государственной жизни, безъ внѣшнихъ войнъ и безъ внѣшней политики, должна была ограничить свою умственную дѣятельность сферою церкви и литературы, гдѣ и разыгралась страшная борьба. — Испанія и Португалія, раздираемыя междоусобіями и войнами за конституцію, находились подъ вліяніемъ Франціи и Англіи; также и Бельгія, которая, ревностно отстаивая свою демократическую свободу противъ власти духовенства, подъ скипетромъ чуждаго ей конституціоннаго монарха, день ото дня преуспѣвала въ искусствахъ и промышленности, тогда-какъ Голландія (Нидерланды), сильно тѣнимая финансовымъ кризисомъ, должна была спокойно смотрѣть на то, какъ прирожденный король ея (Вильгельмъ I, изъ Оранскаго дома), отрекшійся отъ престола, перевезъ за границу свои дома нажитыя сокровища. Скандинавскіе дворы въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, дружныя съ Россіей, но стѣняемые въ своей власти и стародавними правами народовъ и шаткостью престолонаслѣдія, не оказывали большаго вліянія на европейскую политику. Въ Италіи, «которую природа убрала какъ жертву на закланіе», надежды патріотовъ, пробужденныя польскою революціей, скоро замерли и исчезли. Возстанія въ Болоньѣ, Моденѣ и Пармѣ были какъ-разъ подавлены австрійскими войсками, и правители, изгнанные изъ двухъ послѣднихъ мѣстъ, снова возстановлены на своихъ непопулярныхъ тронахъ. Но когда не были приняты даже и совѣты великихъ европейскихъ державъ, чтобы папа Григорій XVI успокоилъ свой народъ необходимыми преобразованіями, тогда жители Легацій, доведенные духовной властью до отчаянья,

поднялись опять съ оружіемъ въ рукахъ. Посланныя противъ нихъ папскія войска, состоявшія изъ бандитовъ и преступниковъ, до того неистовствовали противъ мирныхъ мѣстечекъ и самой святыни, что австрійскіе отряды вынуждены были защитить папское правительство и его землю отъ его же собственныхъ наемниковъ. Чтобы не дать одной Австріи распорядиться итальянскими дѣлами, отправлена была французская экспедиція, которая въ ночь на 23 февр. 1832 г. внезапно овладѣла Анкономъ. Римскій дворъ протестовалъ противъ нарушенія международного права и наложилъ на Анкону интердиктъ, но наконецъ долженъ былъ помириться съ необходимостью. Франція, опираясь на старыя воспоминанія, Англія, ища богатаго рынка для своихъ товаровъ, не теряли изъ виду Италію и поддерживали надежды тамошнихъ либераловъ; но близость и могущество Австріи, оружіе швейцарскихъ наемниковъ въ Неаполѣ и Римѣ и пристрастіе туземныхъ государей къ военному деспотизму подавляли ихъ вліяніе, такъ что всѣ попытки этой партіи и къ преобразованіямъ и къ мятежамъ постоянно оказывались безуспѣшны. Печальный исходъ имѣло вторженіе въ Савойю, предпринятое (1833) изъ Швейцаріи толпою выходцевъ разныхъ націй, преимущественно Поляковъ и Нѣмцевъ, подъ начальствомъ польскаго генерала Раморино, съ тѣмъ, чтобы низпровергнувъ сардинскій тронъ и соединясь съ «юною Италіей», революціонировать весь полуостровъ. Раморино (род. въ Генуѣ 1793), отвергнутый своею собственною партіей какъ измѣнникъ, велъ потомъ скитальческую жизнь и, пятнадцать лѣтъ спустя, трагически погибъ въ Италіи (§ 854).—Королевство Греція, неудачный плодъ европейской дипломатіи, не могло подняться до уровня цивилизованной державы, которой формы оно приняло, и въ то же время противилось возврату къ своему прежнему варварству и къ той полуразбойнической жизни, какую оно тогда вело. Аѳины, полныя воспоминаній и развалинъ достославной эпохи, избраны были столицею новаго королевства, и нѣмецкое образованіе призвано туда для того, чтобы изъ молодого разсадника снова перенести культуру и гуманность въ первобытные ихъ пріюты. Но народъ, ревнуя къ чужеземцамъ, наполнившимъ дворъ, гражданское вѣдомство и армію, поднялъ революцію (1843) во имя національной свободы, отбросилъ опоры нѣмецкой образованности и прогналъ ея подвижниковъ, а между тѣмъ слабое государство, подвергаясь попеременно вліяніямъ Англіи, Франціи, Россіи и Порты, было не въ силахъ достигнуть самостоятельнаго положенія, не смотря на свое конституціонное

устройство, религиозную свободу и всё другія блага независимости. — Османская имперія, болѣе ослабленная, нежели цивилизованная введеніемъ европейскихъ учрежденій, видимо близилась къ конечному упадку, отъ котораго предохраняла ее только взаимная ревность великихъ державъ.

§ 804. Республики. Старая союзная республика Швейцарія, при слабой связи отдѣльныхъ кантоновъ между собою, послѣ іюльской революціи потерпѣла сильныя потрясенія внутри, ибо въ болѣе части кантоновъ аристократическія правительства и конституціи уступили мѣсто демократическимъ, а сверхъ того она подверглась разнымъ нападениямъ извнѣ, такъ какъ пребываніе въ ней многихъ политическихъ выходцевъ и странствующихъ работниковъ и подмастерьевъ навлекло союзу бездну дипломатическихъ нотъ, угрозъ и прещеній со стороны сосѣд. ныхъ правительствъ по тому поводу, что союзный сеймъ не препятствуетъ политическимъ кознямъ своихъ подзащитныхъ и спокойно смотритъ на то, какъ, злоупотребляя право убѣжища, они дѣлаютъ цѣлый край настоящимъ «вертепомъ пропаганды». — Свободная Сѣверная Америка, надежда и притонъ гонимыхъ демократовъ и либераловъ, обширный пріютъ для всѣхъ удручаемыхъ нуждою и притѣсненіемъ, благодаря своей политической и религиозной свободѣ страшно двинулась впередъ на пути матеріальнаго развитія. Правительственная власть, сосредоточенная въ рукахъ президента, избираемаго всѣмъ народомъ каждое четырехлѣтіе, и власть законодательная, раздѣленная между сенатомъ¹ и палатой представителей, обращаютъ главное свое вниманіе на внѣшнее процвѣтаніе республики, на торговлю, промышленность, устройство сообщеній посредствомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, на расширеніе государства завоеваніями или мирными приобрѣтеніями, на военную силу, состоящую изъ вербованныхъ солдатъ и милиціи, наконецъ — на судъ и расправу; попеченіе же о внутреннихъ благахъ, религіи, образованіи и объ ихъ разсадникахъ — школахъ и церквяхъ, предоставляютъ онѣ собственному благоусмотрѣнію и доброй волѣ самихъ общинъ. Всѣ религіи, секты и вѣроученія,

¹ Сенатъ участвуетъ впрочемъ и въ исполнительной власти, потому что многія правительственныя мѣры президентъ можетъ принять только съ его согласія. Сверхъ-того, одинъ сенатъ имѣетъ право суда надъ лицами, занимающими общественныя должности союза.

начиная отъ самаго закоснѣлаго ригоризма до самой широкой, преуточенной вѣры разума, находятъ себѣ здѣсь свое выраженіе, своихъ приверженцевъ, свое устройство въ видѣ независимыхъ церковныхъ общинъ¹. Но сколь ни чистосердечно благочестіе этого народа, за исключеніемъ конечно нѣкоторыхъ «карикатурныхъ явленій», однакожь христіанское образованіе не смогло еще распространеніемъ истинной человѣчности преодолѣть здѣсь гнетъ бездушнаго денежнаго аристократизма, не смогло искоренить во многихъ штатахъ и другой страшной язвы — невольничества. Народное обученіе, хотя еще молодое и во многихъ мѣстностяхъ только что начинающееся, преуспѣваетъ однакожь болѣе и болѣе подъ щитомъ гуманной заботливости, а въ торговлѣ и мореплаваніи Америка и теперь уже соперничаетъ съ Англіей, откуда вышло ядро ея первоначальнаго заселенія и къ которой она все еще питаетъ старую національную ревность; чувство это пробудилось опять съ новой силою (1845), по случаю ссоры за обладаніе Орегонскимъ краемъ по рѣкѣ Колумбіи (гдѣ еще въ 1811 г. Американцы завели факторію прибыльной мѣховой торговли — Асторію). — Когда конгрессъ заключилъ союзъ съ Техасомъ (1845), принадлежавшимъ прежде къ Мексикѣ, а потомъ отъ нея отпавшимъ, и когда, вѣдѣствіе того, этотъ рабовладѣльческій край былъ присоединенъ къ Сѣверо-американскимъ штатамъ, тогда послѣдніе вступили въ кровопролитную войну съ Мексиканскою республикой (1847), раздираемою крамолами и междоусобіемъ и, взявъ приступомъ столицу, кончили дѣло огромнымъ расширеніемъ своей территоріи къ западу. Прежде бывшіе испанскіе штаты сѣверной Америки, которые отличаются такою же вялостью, разногласіемъ и безпорядкомъ, какъ и метрополія, и гдѣ господствовали то анархія, то диктаторская власть (Санта Аны), повидимому предназначены стать постепенно добычею англо-американской республики. Флорида, Техасъ и обильная золотомъ Калифорнія уже присоединены къ ней; Юкатанъ, съ его лѣсами краснаго и кампешскаго дерева (сандала), уже давно возставшій про-

¹ Само собою разумѣется, что въ практическомъ приѣненіи этого широкаго начала свободы необходимы исключенія: такъ распространеніе евократической секты мормоновъ, ставящей первымъ догматомъ многоженство, вызвало противъ себя страшныя гоненія, которыя правительственная власть была не въ силахъ устранить и которыя вынуждаютъ эту секту скитаться и искать убѣжища въ необитаемыхъ пустыняхъ.

тивъ Мексики и безпрестанно посѣщаемый шайками прѣшлой вольницы (флибустьеровъ), едва ли сможетъ отстоять свою ненадежную зависимость, а господствующіе въ южно-американскихъ республикахъ безначаліе, духъ крамоль и мятежа, непрерывными междоусобіями препятствуютъ водворенію законной свободы и обезпеченнаго порядка, и служатъ явнымъ свидѣтельствомъ неспособности испанскаго отродья къ демократическому самоуправленію.

2. Борьба народностей.

§ 805. Западъ. Прѣжняя политика обращала вниманіе на однѣ территоріи и государственные союзы и, при заключеніи мирныхъ и другихъ договоровъ, заботилась только о географическомъ положеніи и удобствѣ границъ, а не о происхожденіи, языкѣ и національной разности жителей; въ новѣйшее же время возникло у народовъ желаніе обособляться по племеннымъ различіямъ, усвоивать каждой національности самобытное существованіе подъ отдѣльною собственною управой, воздѣлывать и вводить въ силу свой природный языкъ. Дѣло въ томъ, что все явнѣе обнаруживалось стремленіе правительствъ слить инородцевъ завоеванныхъ ими областей съ господствующимъ племенемъ и, постепеннымъ стѣсненіемъ языка, нравовъ, учреждений и національных особенностей побѣжденнаго, со временемъ образовать одно государственное цѣлое, состоящее изъ вполне безразличныхъ частей; это слишкомъ безпощадное стремленіе увлекло стѣсняемыхъ въ противоположную крайность, въ чрезмѣрное пристрастіе къ языку, правамъ и учреждениямъ отцовъ, породило въ нихъ желаніе не только сохранить національныя особенности, но и настаивать на ихъ всеобщемъ признаніи и самобытномъ политическомъ значеніи. Такимъ образомъ система объединенія со стороны властей вызвала потребность обособленія (партикуляризмъ) со стороны подвластныхъ, пробудила національныя симпатіи и антипатіи и повела къ тѣмъ упорнымъ борьбамъ, которыя подъ вліяніемъ страстей и племенной ненависти доходили до такого же ожесточенія, какъ въ старину религіозныя войны. Одна Франція мало терпѣла отъ подобныхъ отношеній, частію потому, что кровавая безпощадность великой революціи совершенно пригнела въ ней всякій партикуляризмъ, не поддержи-

ваемый съ тѣхъ поръ ни патріотическимъ духомъ, ни политическимъ тактомъ цѣлаго народа, который уже вполне сознаетъ, что величіе государствъ поκειται на крѣпкомъ единствѣ и централизаціи; съ другой стороны способствовало этому и то, что нѣмецкое населеніе восточныхъ областей Лотарингіи и Эльзаса, проникшись духомъ терпимости и чужелюбія, не поставляло до сихъ поръ никакихъ преградъ объединительнымъ стремленіямъ парижскаго правительства ¹. Тѣмъ рѣзче проявился національный духъ въ Бельгіи, гдѣ онъ не только содѣйствовалъ къ расторгенію навязаннаго союза съ Голландіей, но гдѣ онъ и теперь еще упорно отстаиваетъ фламандскую литературу и фламандскій языкъ противъ возрастающаго преобладанія французскихъ. — Въ Великобританіи, гдѣ различныя племена уже совокупились въ одно великое цѣлое, только еще въ Ирландіи шевелится мягкій католическій кельтизмъ противъ строго-протестантскаго германства «Саксовъ»; тогда какъ въ Вельсѣ и Шотландскихъ горахъ первобытный гельскій языкъ сталъ уже предметомъ чисто-научной любознательности и если онъ еще живетъ до сихъ поръ, то развѣ только въ сбереженныхъ преданіяхъ народныхъ пѣсняхъ или въ видѣ совершенно замкнутаго діалекта какихъ-нибудь отдаленныхъ мѣстностей. — Даже въ Испаніи, обособленной и въ пространственномъ и въ племенномъ смыслѣ отъ сосѣдей, энергическіе горцы Баски отстаивали свои исконныя вольности и права противъ одолюющаго ихъ юга, а въ Арагоніи и Каталоніи пробудились опять чувства національной ревности и междусосѣдской вражды въ отношеніи къ надменнымъ своей породой Кастиліянкамъ.

§ 806. Средняя Европа. Борьба народностей гораздо сильнѣе обнаружилась въ средней Европѣ, именно въ Германіи и въ Италіи. Нѣмецкій элементъ противился въ Лимбургѣ нидерландскому; а въ Шлезвигѣ рѣшительно возсталъ противъ насилій датскаго. Несчастный Шлезвигъ уже давно велъ многотрудную борьбу съ одолюющимъ вліяніемъ обладателей своихъ, Датчанъ, и дождался лишь того, что «патентъ» короля Христіана VIII (8 іюля 1846 г.) отнялъ у него лучшую его надежду; по ожидаемомъ пресѣченіи королевско-дат-

¹ «Духъ терпимости и чужелюбія» поддерживался и поддерживается у французскихъ Нѣмцевъ тѣми гражданскими и политическими преимуществами, какія неоспоримо пріобрѣли они отъ сліянія съ могущественнымъ и просвѣщеннымъ сосѣдомъ.

скаго дома; вступить, на основаніи стародавнихъ правъ, въ Германскій союзъ, вмѣстѣ съ Голштиніей, и быть подъ державою особаго общаго имъ государя (принца Аугустенбургскаго). За возвышенное въ этомъ патентѣ увѣковѣченіе датскаго союза плохимъ вознагражденіемъ было то, что преемникъ Христіана, Фридрихъ VII, надѣлилъ Шлезвигъ вмѣстѣ съ Даніей одною, общею имъ конституціей (23 янв. 1848).—Въ Италіи идея единства, распространенная еще при французскомъ владычествѣ союзомъ карбонаровъ, пріобрѣтала все болѣе приверженцевъ и все болѣе укоренялась, особенно съ появленія такъ-называемой «Юной Италіи», дѣйствовавшей подъ вліяніемъ ловкаго и смѣлаго Маццини. Единство Италіи, подъ монархическою ли формою съ туземнымъ государемъ во главѣ, или въ видѣ союзнаго государства съ республиканскимъ или монархическимъ устройствомъ отдѣльныхъ союзниковъ — стало лозунгомъ настоящаго, а ненависть къ «Нѣмцамъ» (Австрійцамъ)—обычнымъ содержаніемъ всѣхъ рѣчей, цѣлью всѣхъ возможныхъ демонстрацій. — Въ скандинавскихъ державахъ, Швеціи, Норвегіи, Даніи, не было чуждыхъ элементовъ, вызывавшихъ на борьбу (кромя шлезвигскихъ Нѣмцевъ); зато тамъ шевелилась скандинавская партія, которая, состоя изъ студентовъ и живой, пылкой молодежи вообще, стремилась къ соединенію этихъ державъ въ одно цѣлое.

§ 807. Европейскій востокъ. Сильнѣйшія національныя борьбы происходили на востокѣ, гдѣ стародавняя несправедливость и многовѣковой гнетъ крайне раздражили страсти, гдѣ сила цивилизаціи не обуздывала и не смягчала взрывовъ дебелой натуры, гдѣ со временъ великаго переселенія народовъ живетъ вмѣстѣ и въ-разбросъ пестрая смѣсь племенъ болѣе склонная къ войнѣ, нежели къ миру. Здѣсь боролись три племени народныя,—Нѣмцы, Славяне и Мадьяры, частію изъ-за господства, частію изъ-за того, чтобъ не дать себя погубить сосѣду. Первые, будучи въ нѣкоторыхъ краяхъ прежней Польши господствующимъ племенемъ, съ трудомъ удерживаютъ за собою пріобрѣтенное ими преобладаніе противъ неподатливыхъ, безпокойныхъ Поляковъ, и вынуждены, наперекоръ своей германской природѣ, чаще хвататься за мечъ для обороны отъ побѣжденныхъ, нежели мирно дѣйствовать на ихъ гражданскій бытъ своимъ высшимъ образованіемъ. Въ Венгріи и Трансильваніи Нѣмцы должны отстаивать свои нравы, учрежденія и языкъ противъ враждебныхъ притязаній господствующихъ

Мадьяровъ. Славянское племя самое распространенное въ восточномъ краѣ, но господствуетъ оно только въ Россіи. Старая Польша погибла жертвою внутренней анархіи и вѣшнихъ вліяній, и все попытки неугомонныхъ выходцевъ оживить разбитый трупъ посредствомъ пропаганды и заговоровъ оставались и останутся безуспѣшны. Остальные Славяне живутъ подъ разными названіями, разсыянные по Австрійской имперіи; пользуясь свободой лишь въ немногихъ мѣстахъ, оказывали они до сихъ поръ мало воспримчивости къ благамъ цивилизованнаго быта¹. Не имѣя довольно силъ для сверженія съ себя чужеземнаго ига и вмѣстѣ не поддаваясь разлагающему вліянію чуждыхъ (и ископн враждебныхъ) имъ племенъ, Славяне вездѣ противостоятъ другимъ народностямъ съ ненавистью или неприязнью. Попытка Чеховъ устранить отъ себя кровавою революціей нѣмецкое вліяніе и захватить власть въ собственныя руки кончилась для нихъ пораженіемъ. Далеко распространенный союзъ панславистовъ старается поддерживать въ различныхъ отрасляхъ Славянъ всехъ земель живое чувство общаго происхожденія и общихъ интересовъ и воодушевлять ихъ къ великой цѣли національнаго единенія.—Энергическій Мадьяръ господствуетъ въ Венгріи, особенно въ плодородныхъ низинахъ на востокъ отъ Тиссы (по-нѣмецки Тейсъ). Отважные конники, Мадьяры сохранили, и подъ вліяніемъ болѣе мягкихъ нравовъ, свою воинственность, неукротимую любовь къ свободѣ и свойственный рыцарскимъ народамъ феодальный духъ. Какъ завоеватели плодотворной Панноніи, они присвоили себѣ господство надъ прочими обитателями края—Нѣмцами и Славянами, и относились къ покореннымъ ими нѣкогда племенамъ южныхъ украинъ, Словенцамъ, Хорватамъ или Кроатамъ, Райцамъ, Рутенамъ и другимъ, не какъ къ равноправнымъ, но какъ къ подданнымъ. Гордись своимъ происхожденіемъ и народностью, Мадьяры ревностно блюли свои племенные особенности, свой языкъ, нравы и учрежденія; чтобы ни въ чемъ не зависѣть отъ чужихъ странъ и поднять туземную промышленность, они завели общества, обязавшіяся употреблять для пищи, одежды и домашнихъ надобностей одни только венгерскія произведенія. Мужественно и твердо отстаивали они свои исконныя права и вольности, но, менѣе справед-

¹ Этого нельзя по крайней мѣрѣ сказать о Чехахъ, которые, особенно въ послѣднее подолѣтіе, сильно двинулись впередъ; благодаря истинно-народной дѣятельности своей литературы.

ливые, тѣмъ властолюбивые и храбрые, они отказывали зависящимъ отъ нихъ племенамъ въ тѣхъ самыхъ благахъ, которыхъ такъ настойчиво требовали для себя. Не принимая въ расчетъ племень, говорящихъ каждое своимъ особымъ нарѣчіемъ, они вытѣснили изъ своего сейма (состоящаго изъ дворянскаго и земскаго столовъ) давно употребительный латинскій языкъ и замѣнили его мадьярскимъ; они настаивали на томъ, чтобъ одни Венгры (Мадьяры) могли занимать высшія военныя и гражданскія должности, и, стараясь ослабить связь, соединявшую ихъ съ Австріей, они въ то же время хотѣли болѣе и болѣе упрочить мадьярское господство. Но, чтобы не подвергнуться жребію польской знати, ихъ дворянство въ-время научилось умѣренности и благоразумію. Чины согласились на введеніе такъ-называемаго урбаріальнаго закона (земледѣльческаго устава), предоставившаго селянину выкупъ феодальныхъ повинностей и право вольной собственности; сверхъ-того они отмѣнили стародавнее преимущество своего сословія — свободу отъ податей. Черезъ это мадьяризмъ очень много выигралъ и въ единствѣ и въ силѣ.

3. Науперизмъ и социальныя преобразованія.

§ 808. Пролетаріатъ. Великая французская революція, стремясь къ практическому осуществленію начала свободы и равенства, расторгла узы неволи, наложенныя прежними поколѣніями на всѣхъ хитродовныхъ, бѣдныхъ и малыхъ, и тѣмъ самымъ признала полноправность низшихъ классовъ, обреченныхъ жить трудомъ собственныхъ рукъ. Драги чловѣческаго общества, люди, необходимые для тяжелой тѣлесной работы и для всѣхъ низшихъ отраслей дѣятельности, — люди, которые въ республикахъ древности были безправными рабами, въ средневѣковую эпоху — отчасти крѣпостными и, отчасти подмастерьями и работниками безъ гражданскихъ правъ, безъ собственности, безъ владѣнія и личной свободы, — эти люди вступили теперь полными гражданами въ общественную жизнь, съ притязаніями на право существовать своей собственной работою, основывать свою собственную семью посредствомъ брака, тогда какъ въ прежнее время это право подлежало для нихъ существеннымъ ограниченіямъ. Когда миновали бури революціи, когда земледѣліе, ремесла и промышленность снова расцвѣли, когда вслѣдъ за мирными занятіями водворились благосостояніе, наслажденіе жизнью и рос-

кошь, тогда вскорѣ обнаружилия послѣдствія расторженія прежнихъ путей и связей обществѣнности. Неограниченная дѣлимость недвижимыхъ участковъ и равное право наслѣдованія всѣхъ законныхъ дѣтей размножили сословіе землевладѣльцевъ до безконечности и создали свободный классъ поселянъ, хозяевъ мелкихъ участковъ. Отрадное сначала явленіе сдѣлалось потомъ источникомъ великихъ золъ. Раздѣлы умножались съ каждымъ поколѣніемъ и участки раздробились наконецъ до того, что лишь не многія семьи могли существовать доходомъ съ своей недвижимости; свободные крестьяне постепенно превращались въ поденщиковъ, и положеніе ихъ становилось гораздо хуже, чѣмъ положеніе бывшихъ крѣпостныхъ, которымъ, въ силу феодальныхъ законовъ и установившихся патріархальныхъ обычаевъ и отношеній, помѣщикъ оказывалъ пособіе въ случаяхъ нужды, въ болѣзняхъ или непредвидимыхъ несчастіяхъ, тогда какъ независимый теперь поденщикъ или батракъ по необходимости опирался на однѣ собственныя силы, и притомъ за свой крошечный участокъ и свою мазанку еще долженъ былъ платить подати въ казну и отправлять земскія повинности по общинѣ, не говоря уже о десятинахъ и феодальныхъ (барщинскихъ) сборахъ, которые присоединялись ко всему этому во многихъ краяхъ. Нужда заставляла входить въ долги, и случись крестьянину попасть въ руки ростовщикамъ и Евреямъ, тогда въ нѣсколько лѣтъ онъ лишался всего своего состоянія; а если и удавалось ему проволочить свою многотрудную и многозаботную жизнь до умѣренной старости, то и въ этомъ сравнительно-счастливомъ случаѣ онъ оставлялъ по себѣ семью въ крайней нуждѣ. Еще хуже шло дѣло въ городахъ. Отмѣна всѣхъ, ограничивающихъ ремесленность, цеховыхъ отношеній, размножила сословіе ремесленниковъ до того, что породила между ними чрезмѣрное совмѣстничество, которое, рядомъ съ удешевленіемъ фабричныхъ издѣлій,¹ вредило сбыту ремесленническихъ работъ или слишкомъ понижало заработную плату и такимъ образомъ вело къ тому, что ремесломъ не возможно было содержать семейство. Поэтому мелкіе ремесленники и множество вольныхъ подмастерьевъ и работниковъ поступили на жалованье къ богатымъ фабрикантамъ, которыхъ число размножалось съ каждымъ днемъ, потому что во-первыхъ возрастающая сила денежнаго

¹ Бездна такихъ вещей, которыя дѣлались прежде ремесленниками отъ руки, съ помощью простыхъ домашнихъ орудій, стали теперь предметомъ огромнаго машиннаго производства на фабрикахъ, которыя могли поставять ихъ и въ лучшемъ видѣ, и дешевле.

капитала, а съ другой стороны умаленіе сословныхъ и помѣщичьихъ правъ, естественно вели вышіе слои къ тому, что они преимущественно обращали свой достатокъ на прибыльные фабричныя предпріятія. Фабричный работникъ, который изъ своей поденной платы долженъ былъ содержать не только себя, но часто еще и цѣлую семью, сталъ настоящимъ рабомъ хозяина фабрики, хотя политически былъ ему равноправенъ; никакой законъ не охранялъ его отъ увольненія по первой прихоти фабриканта; съ ослабленіемъ его физическихъ силъ уменьшался, разумѣется, и заработокъ. Капиталъ пріобрѣлъ такое господство, такую деспотическую власть, какими не пользовалось никогда ни одно привилегированное сословіе. Къ этому присоединилось еще то, что благодаря чрезмѣрному развитію кредита, дошедшему до явныхъ злоупотребленій и несообразностей, значительно уменьшилась денежная цѣнность, такъ что плата поденщику и рабочему уже вовсе не соответствовала прибылямъ оптовыхъ торговцевъ и фабрикантовъ, а цѣна жизненнымъ припасамъ и возрастающая роскошь день ото дня болѣе раскрывали ту бездну, которая легла между богатымъ и бѣднякомъ, между тѣми надѣленными судьбой сословіями, которыя обладали капиталомъ, образованіемъ, талантами, и между многочисленнымъ рабочимъ классомъ, опиравшимся на одну физическую мочь. Эти общественныя (соціальныя) несообразности значительно возрасли во время долготѣяго мира, чрезвычайно расширившаго кругъ промышленности, силу образованія и населенность разныхъ странъ; жалобы на возрастающее обѣднѣніе (пауперизмъ) раздавались громче и громче. Свобода и равенство, изъ-за которыхъ пролило столько потоковъ крови, повидимому еще дальше отодвинулись отъ человѣчества. Спрашивали: что жъ выигралъ свѣтъ отъ того, что третье, среднее сословіе стало равноправнымъ дворянству и духовенству, когда этотъ же самый средній классъ, соединясь теперь съ дворянствомъ, держитъ четвертое сословіе, то-есть ниимущій рабочій людъ (пролетаріевъ) въ такомъ ужасномъ рабствѣ, какого никогда не бывало? Кто назначилъ праву равенства неисходные предѣлы? Развѣ революція отняла многовѣковую собственность—владѣнія у церкви, десятину у духовенства, барщинскіе доходы у дворянъ, только для того, чтобы приумножить ими достатокъ средняго сословія, а классъ рабочихъ повергнуть еще въ большую зависимость и неволю? Такихъ вопросовъ и жалобъ слышалось мало до тѣхъ поръ, пока великія военныя дѣла и громадныя историческія событія революціонной и Наполеоновской эпохи приковывали

къ себѣ вниманіе народовъ и обращали взоры ихъ на то, что происходило на всемірномъ поприщѣ. Коммунистическая система восторженнаго республиканца Бабёфа (§ 734), хотѣвшая равнаго раздѣла земель и вообще какъ матеріальнаго, такъ и умственнаго уравниенія (нивеллировки) всего человѣчества, считалась одною изъ многихъ незрѣлыхъ идей, порожденныхъ революціонной передрагой. Но когда продолжительный миръ и водворившаяся за нимъ лихорадочная дѣятельность въ промышленной сферѣ стали болѣе и болѣе обнаруживать язвы гражданскаго общества и раскрыли наконецъ широкую бездну между нищимъ классомъ, который могъ опереться только на работу чужихъ рукъ, и между классомъ вѣдѣющихъ собственниковъ, тогда мало-по-малу стали слышаться голоса, выставившіе преобразование соціальныя (общественно-экономическія) отношеній дѣломъ справедливымъ и неизбѣжнымъ, искавшіе основаній къ этому то въ христіанской религіи и заповѣданныхъ ею братскомъ равенствѣ и любви, то въ философскомъ міросозерцаніи и историческомъ ходѣ быта, и старавшіеся доказать удобоисполнимость своихъ плановъ политико-экономическими вычисленіями. Та же Франція, которая ввела въ жизнь начала свободы и равенства, породила и системы соціальныхъ преобразованій. Смотра по разности предлагаемыхъ ими средствъ, системы эти, всѣ основанныя на общемъ равенствѣ людей между собою и имѣющія въ виду осуществленіе этого равенства (*principe égalitaire*), расходятся на два направленія,—соціалистическое, которое, безъ ущерба собственности, однимъ только совокупленіемъ разрозненныхъ физическихъ и духовныхъ силъ, думаетъ породить такую высокую степень благоденствія, что на свѣтѣ исчезнетъ всякая нищета, и самобѣднѣйшій человѣкъ достигнетъ извѣстной мѣры счастья и наслажденія жизнью,—и коммунистическое, которое старается осуществить начало равенства упраздненіемъ всякой частной собственности, причемъ всѣ имущества должны управляться сообща и произведенія дѣлиться поровну. Эти системы основаны не на благородномъ влеченіи поддерживать себя собственною энергіей, побуждающемъ дѣятельность къ достиженію свободно-избираемыхъ цѣлей, но на мелочномъ чувствѣ себялюбія и зависти, которое ищетъ возможно легкаго сонаслажденія чужимъ добромъ; не сознавая коренной задачи государства и страшно стѣсняя свободу отдѣльнаго лица, онъ стремится къ такой цѣли, которая водворила бы совершенное невольничество и въ общественной и въ частной жизни, такъ что въ сравненіи съ нимъ

жесточайшій деспотизмъ и китайская полиція явились бы истинно-желательнымъ устройствомъ. Если начало себялюбія и грубаго наслажденія во что бы то ни стало лежитъ въ основѣ коммунистическихъ теорій, которыя считаютъ чувственный разгулъ конечной цѣлью человеческого назначенія и отнюдь не хотятъ видѣть, что постепенность различныхъ существъ есть общій законъ природы и что неравенство между людьми установлено самимъ Провидѣніемъ, то социализмъ подлежитъ другому упреку, именно тому, что онъ смотритъ на человеческую природу съ слишкомъ идеальной точки зрѣнія и не принимаетъ въ расчетъ ни нравственной слабости или испорченности, ни страстей и пожеланій, а потому и вдается въ напрасную филантропію, ошибочную по цѣли и по средствамъ, потому что она мечтаетъ устранить всякое постигающее человѣка зло, не понимая и не цѣня значенія его въ нравственномъ воспитаніи человеческого рода.

§ 809. Сентъ-Симонизмъ. Первую социальную реформу замыслилъ графъ Сентъ-Симонъ (1760—1825), который, какъ природный пэръ Франціи и испанскій грандъ, принадлежалъ къ самымъ высшимъ кругамъ большаго свѣта, который, будучи щедро надѣленъ богатствомъ и талантами, вступилъ въ жизнь достойнымъ зависти баловнемъ судьбы, а потомъ, лишась черезъ революцію всего состоянія, изучилъ собственнымъ опытомъ въ своей коловратной долѣ всѣ отношенія и ступени человеческого общества и наконецъ умеръ среди своихъ учениковъ (1825), вслѣдствіе попытки на самоубійство. Онъ первый выдвинулъ впередъ противоположность рабочаго, немущаго класса, который назвалъ народомъ (*peuple, plebs, простонародіе*), въ сравненіи съ зажиточнымъ среднимъ сословіемъ, такъ-называемой буржуазіей, и указалъ задачу «новаго христіанства» въ примиреніи этой противоположности заповѣдью любви и въ попыткѣ «улучшить жребій рабочаго поднятіемъ промышленности на высшую ступень общественнаго правосознанья». Идеи, разсѣяныя въ его затрогивающихъ умъ и сердце сочиненіяхъ, вѣрно сохранялись въ эпоху реставраціи любимымъ его ученикомъ Олендъ Родригомъ, и въ тревожные дни, послѣдовавшіе за польской революціей, нашли себѣ плодотворную почву и бездну приверженцевъ. Краснорѣчивый, талантливый Базаръ, восторженный поклонникъ свободы и ревнитель народнаго благоденствія, бывшій прежде главою союза французскихъ карбонаровъ, развилъ передъ воспріимчивыми слушателями новое политико-соціальное ученіе, существенно заключавшееся въ томъ, что «высасываніе человѣка человѣкомъ» должно прекратиться, что

случайность, которая направляетъ теперь жребій каждаго лица, должна быть окончательно устранена болѣе справедливымъ уравниемъ собственности, и что для этого слѣдуетъ отмѣнить право кровнаго наслѣдованія, отдавать все оставляемое по смерти имущество въ распоряженіе государства и съ помощью обширной банковской системы распредѣлять общій доходъ на основаніи правила: «каждому по его способности, и каждой способности по ея труду», такъ чтобы положеніе каждаго лица зависѣло уже не отъ случая, а отъ его собственной заслуги. Въ то же время явился ограниченный и сластолюбивый мечтатель Анфантенъ, съ проповѣдью о гармоніи плоти и духа, и противопоставилъ христіанскому догмату о подчиненіи плоти духу верховное право всѣхъ человѣческихъ пожеланій на полное удовлетвореніе. Надъ человѣческой семьей, раздѣленной по занятіямъ на многіе классы, дажнѣ, по его мысли, стоять священство, съ первосвященникомъ или отцомъ, какъ живымъ закономъ, во главѣ, и управлять въ мирѣ и любви, подобно общественному провидѣнію. Благодаря проповѣди, миссіямъ и памфлетамъ, эта оеократико-промышленная государственная система сильно распространилась и нашла себѣ восторженныхъ приверженцевъ. Въ Парижѣ, въ видѣ образца всемірнаго устройства, возникла сенъ-симонистская семья съ множествомъ мастерскихъ для ея содержанія. Но когда отецъ Анфантенъ обратилъ свою заботливость преимущественно на женщинъ и не только требовалъ для нихъ равныхъ правъ съ мужчинами, но и захотѣлъ ввести въ сенъ-симонистской семьѣ начало общеженства, сводя такимъ образомъ первоначальную систему учителя на свою личную прихоть, тогда благородный, чистосердечный Базаръ покинулъ семью съ негодованіемъ. Скорбь о несбыточности его надеждъ осчастливить челоѣчество сокрушила ему сердце. Примѣру его послѣдовали нѣкоторые другіе ученики, и какъ Анфантенъ шелъ все далѣе по скользкой дорогѣ, непремѣнно хотѣлъ отыскать себѣ свободную жену, которая въ качествѣ вѣщей первосвященницы должна была вмѣстѣ съ нимъ руководить семьей, и прибѣгалъ для этого къ разнымъ безразсуднымъ, возмутительнымъ средствамъ, то всѣ здравомыслящіе и степенные люди отдѣлились отъ этой школы, заведшей свою промышленную задачу въ такую вовсе неприглядную даль. Ея денежныя средства истощились роскошью и расточительностью коноводовъ, и когда наконецъ правительство закрыло залу ихъ собраній и вызвало ихъ къ суду за распространеніе безнравственныхъ началъ, тогда отступился отъ нея и Родригъ, сѣтуя на совершенное расторженіе семейныхъ связей. Анфантенъ удался

послѣ того съ нѣсколькими вѣрными въ монастырское уединеніе, гдѣ своимъ образомъ жизни, своею странною одеждой и особеннымъ мистическимъ языкомъ они навлекали себѣ презрѣніе и насмѣшки всего свѣта, пока постигшій ихъ судебный приговоръ не прикрылъ этихъ проходивцевъ вѣнцомъ незаслуженнаго мученичества.

§ 810. Соціализмъ. а) Фурьё (1772—1837). Точнѣйшую систему соціальнаго преобразованія провелъ до малѣйшихъ подробностей Шарль Фурьё, родомъ изъ Безансона, — чудный человекъ, у котораго съ прекраснѣйшимъ, глубоко сострадательнымъ сердцемъ соединялся ограниченный умъ, полный самыхъ странныхъ затѣй и самыхъ призрачныхъ мечтаній. Выросши купцомъ и лишась по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ своего наслѣдія, онъ принужденъ былъ содержать себя, занимаясь въ качествѣ писца мелочными дѣлами въ чужомъ торговомъ домѣ, при чемъ все свободное время употреблялъ онъ на обработку своей соціальной системы, изложенной темнымъ языкомъ и уснащенной терминами его собственнаго изобрѣтенія. Система эта, не смотря на ея безразсудства, странности и фантазмы, сильно возбудила общее вниманіе. По его мнѣнію — единственное спасеніе міру заключается въ совокупленіи (ассосіаціи) разрозненныхъ силъ и личностей для достиженія общихъ цѣлей, или въ такъ-называемой соціальной гармоніи, которой установленіе должно быть задачею человѣчества. Такой гармоніи можно достигнуть только истиннымъ познаніемъ человѣческихъ побужденій и страстей и надлежащимъ распределеніемъ дѣятельности и занятій, соотвѣтственно этимъ душевнымъ побужденіямъ и наклонностямъ. Счастіе человѣческое, конечная цѣль всѣхъ земныхъ стремленій, существенно основывается на удовлетвореніи природныхъ склонностей какъ въ трудѣ, такъ и въ наслажденіи; но это удовлетвореніе достижимо не иначе, какъ соединеніемъ многихъ личностей, разныхъ по натурѣ, полу и возрасту, для одного общаго домохозяйства. Отдѣльныя посемейныя домохозяйства и безсвязный общинный бытъ слѣдуетъ, по его мысли, замѣнить совокупнымъ домохозяйствомъ цѣлой фаланги въ большомъ зданіи (фаланстерѣ), вмѣщающемъ отъ 1200 до 1800 семействъ, съ соотвѣтственнымъ ему участкомъ земли, около квадратной мили въ пространствѣ. Издержки покрываются акціями, обеспечивающими наслѣдственное право собственности на землю. Работы распадутся по ихъ роду на разные разряды со многими подраздѣленіями, каковы хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ, земледѣліе, фабрикація, воспитаніе, наука, искусство и т. д., которыми члены

фаланги занимаются, смотря по своимъ наклонностямъ и дарованьямъ. Личныя наклонности должны точно также приниматься въ расчетъ въ дѣлѣ потребленія, какъ и въ дѣлѣ производства, но лишь соразмѣрно долѣ каждаго въ общемъ доходѣ, а эта доля опредѣляется тѣмъ, на сколько простиралось участіе лица въ общемъ производствѣ первоначальнымъ вкладнымъ капиталомъ, работою и талантомъ. — Благодаря такому порядку, думаетъ Фурье, исчезли бы со свѣта всѣ дурныя страсти и злодѣйства, пружинами людскихъ поступковъ сдѣлались бы не себялюбіе и самохраненіе, но природныя побужденія и братская любовь, а совокупленіемъ разрозненныхъ силъ и наклонностей всякій трудъ достигъ бы такого совершенства, что нужда и бѣдность были бы вполне устранены. Въ главѣ всего этого устройства поставляется выборный совѣтъ старшинъ. Фурье былъ убѣжденъ, что довольно одного примѣра для проложенія этой системѣ пути къ повсемѣстному осуществленію. Поэтому онъ обратился къ друзьямъ человѣчества съ публичнымъ вызовомъ, помочь ему всего однимъ милліономъ франковъ, и двѣнадцать лѣтъ сряду ежедневно ходить въ урочный часъ къ назначенному мѣсту, чтобы взглянуть, не явился ли другъ человѣчества съ потребнымъ милліономъ. Позднѣйшія попытки учредить фаланстеръ не состоялись по недостаточности способовъ. Даровитѣйшимъ ученикомъ Фурье былъ В. Консидеранъ, очистившій систему своего наставника отъ многихъ уродливыхъ наростовъ и защищавшій ее противъ множества нападокъ и укоризнъ.

б) Оуэнъ (1772—1858). Подобно Фурье, и англійскій фабрикантъ Роб. Оуэнъ старался преобразованіемъ соціальныхъ отношеній устранить бѣдствія человѣчества и доставить рабочимъ классамъ участіе въ наслажденіи общественнымъ добромъ. Этотъ почтенный человѣкъ началъ съ того, что своей заботливостью и человѣколюбіемъ водворилъ нравственность и благоденствіе въ кругу своихъ собственныхъ рабочихъ. Пока учрежденіемъ и улучшеніемъ разныхъ школъ (для бѣдныхъ, для малолѣтнихъ, а также и воскресныхъ училищъ) онъ старался поднять и образовать умъ и сердце низшихъ классовъ, и, вмѣсто отвергаемыхъ имъ наказаній и наградъ, дѣйствовать на нихъ пробужденіемъ чувства чести, добродѣтели, долга и права, до тѣхъ поръ англійскій народъ оказывалъ ему и участіе и помощь; когда же онъ перешагнулъ въ область религій, объявилъ землю цѣлью всѣхъ человѣческихъ стремленій, а мысль о небѣ заблужденіемъ, когда святыню брака онъ вздумалъ замѣнить вольнымъ выборомъ по сочувствію и на мѣсто семьи поставить

общину, когда христiанскій догматъ прирожденной грѣхovitности онъ замѣтилъ ученiемъ о первобытной цѣлости и чистотѣ человѣческой природы, еще не поврежденной соблазнами нищеты и невѣжества со стороны, и, посредствомъ публичныхъ чтенiй, трактатцевъ и миссiонеровъ, старался положить начало возрожденiю человѣческаго общества путемъ ассоціацiи для общихъ цѣлей, тогда здравый смыслъ его согражданъ отвернулся отъ нововводителя, и почти не нужно было вполнѣ неудачной попытки Оуэна основать коммунистскую колонiю въ одномъ изъ Соединенныхъ штатовъ, Индiанѣ, чтобы лишиться его теорiи всякаго вѣса въ глазахъ практически-дѣльныхъ Англичанъ.

§ 811. Коммунизмъ. Разнообразiе и ближе къ дѣлу выработались коммунистическiя идеи въ большей части тайныхъ обществъ, которымъ положили онѣ основанiе. «Исторiя заговора Бабѣфа», изданная товарищемъ его Бонаротти, подала поводъ къ учрежденiю коммунистическихъ союзовъ по началамъ Бабѣфа, съ тою только разницей, что послѣднiе не обращали подобно ему своего исключительнаго вниманiя на сельское хозяйство, а напротивъ болѣе занимались промышленностью. Подъ разными и притомъ переменными названiями (Друзей народа, Общества человѣческихъ правъ, Временъ года, и наконецъ подъ именемъ Общества равно-рабочихъ, *Egalitaires*) проповѣдывали они въ рѣчахъ и журналахъ грубый коммунизмъ, поставившiй высшимъ естественнымъ закономъ одну вещественность, требовавшiй отмены собственности, семейства и брачнаго союза, какъ главныхъ преградъ безусловному равенству и братству, хотѣвшiй предать гибели цивилизацiю и опоры ея—города, и видѣвшiй благо человѣческаго общества только въ совершенномъ общенiи трудовъ, имуществъ и наслажденiй его членовъ. Это ученiе, поспѣвавшееся всякой морали и человечности, — ученiе, для примѣненiя котораго къ дѣлу члены тайныхъ обществъ одобряли и поощряли между прочимъ самые кровавые, самые насильственные способы, устратило наконецъ всѣхъ лучшихъ и умѣренныхъ и породило много разногласiй, особенно послѣ попытки возстанiя въ 1839 г. Образовалась умѣренно-коммунистическая партiя, подъ названiемъ Реформистовъ, поставившая себѣ цѣлью политическое равенство и справедливое распределенiе произведенiй, приобретаемыхъ общимъ трудомъ, тогда какъ Бабѣвисты имѣли въ виду революцiю, чтобы подъ щитомъ республиканскихъ формъ произвести преобразование гражданскаго общества на своихъ собственныхъ началахъ. — На неопредѣленныхъ взглядахъ реформи-

стовъ основалъ Кабё своимъ утопическимъ «Путешествіемъ въ Икарію» и разными памфлетами такъ-называемый икарійскій коммунизмъ, который также требуетъ полного политическаго равенства въ монархической или республиканской формѣ и общенія имуществъ посредствомъ предустановленнаго дѣлажа произведеній почвы и промышленности, но признаетъ существованіе брака и семьи, противопоставляетъ грязному матеріализму грубыхъ коммунистовъ вѣру въ высшее Провидѣніе, и хочетъ, чтобъ его начала осуществились не путемъ насилія, а съ помощью однихъ мирныхъ убѣжденій. Демократическую форму правленія считаетъ онъ началомъ преобразовательнаго дѣла, а въ переходномъ государственномъ правѣ, при постепенномъ умаленіи неравенства имуществъ и образованія черезъ отмену наслѣдственныхъ правъ и введеніе общей, свободной воспитательной системы, видитъ тотъ посредствующій путь, который поведетъ къ заповѣданному Христомъ братскому равенству. — Совѣтъ особую точку зрѣнія представляетъ критическій коммунизмъ остраго діалектика Прудона, который, ратуя противъ собственности, какъ высасыванія слабаго сильнымъ (въ книгѣ: «Собственность то же воровство»), но не допуская однако и общенія имуществъ, какъ высасыванія сильнаго слабымъ, требуетъ, съ упраздненіемъ наслѣдственнаго права, одной личной собственности, соразмѣрной съ трудомъ и дѣятельными способностями cadaquo.

4. Вънутренняя жизнь европейскихъ народовъ въ области религіи и церкви.

1. Католицизмъ.

§ 812. Южная Европа. При господствовавшемъ ограниченіи политической свободы, безпокойные умы естественно ринулись въ сферу церкви. Въ католицизмѣ непоколебимый никакими нападками староцерковный авторитетъ и духъ исконной неподвижности служили оплотомъ противъ всякихъ смѣлыхъ нововводительствъ; однакожь сопротивление его всѣмъ своевременнымъ реформамъ, его благосклонство и уступчивость къ средневѣковымъ суевѣріямъ и враждебная оппозиція всѣмъ пріобрѣтеніямъ революціонной эпохи, духу свободныхъ изысканій и стремленіямъ либерализма, оттолкнули отъ него образованнѣйшихъ людей въ народѣ и вызвали либеральное направленіе даже у нѣкоторой

части духовнаго сословія, тогда какъ безусловные приверженцы этой церкви, прозванные папистами и ультрамонтанами, тѣмъ настойчивѣе защищали средневѣковую церковность съ ея чувственною обстановкой, съ ея изувѣрствомъ и непримиримой ненавистью ко всѣмъ новизнамъ, видя единственное спасеніе и благо въ безпрекословномъ подчиненіи приговорамъ римской курии.

Всего безвреднѣе обнаруживался этотъ ультрамонтанскій католицизмъ въ самой Италіи, гдѣ чувственная обстановка въ поклоненіи святымъ составляетъ потребность для народа, гдѣ иллюминаціи и ракеты входятъ въ кругъ богослужебныхъ обрядовъ, а ежегодно возобновляемые чудеса существенно принадлежать къ тому или другому церковному празднику, гдѣ духовенство въ своемъ сладкомъ и будто-бы дѣятельномъ досужествѣ составляетъ вершину самой народной жизни и, вполнѣ обеспеченное въ своемъ достояніи, вообще дружелюбнѣе настроено къ мірянамъ. Здѣсь долго оставались малоуспѣшными старанія либеральныхъ патріотовъ и «юной Италіи» пробудить народъ отъ усыпляющаго суевѣрія, освободить его отъ клерикальных узъ и воодушевить къ національной независимости и самобытному устройству. Только въ послѣднее время антикатолическое направленіе стало замѣтно болѣе распространяться въ Италіи¹.

Въ Испаніи и Португаліи римскій католицизмъ былъ также народною религіею низшихъ классовъ; только среди раздора политическихъ партій и среди «инквизиціонныхъ торжествъ» онъ принялъ характеръ болѣе мрачный и страстный. Такъ какъ апостолическій тронъ Фердинанда VII въ Испаніи и безусловное самовластіе Донъ-Мигеля въ Португаліи опирались преимущественно на духовенство, инквизицію и іезуитовъ, то низпроверженіе абсолютныхъ формъ правленія либеральною конституціею кортесовъ сильно отозвалось тамъ и на церковь. Въ то время какъ въ Испаніи робкій, суевѣрный Донъ-Карлосъ боролся за престолъ, въ союзѣ съ монахами и духовенствомъ, а противники его Христина и дочь ея Изабелла обратились къ либеральной сторонѣ и старались созваніемъ кортесовъ найти себѣ опору въ свѣтскомъ обществѣ, народъ отомстил за свое долгое духовное порабощеніе разореніемъ многихъ монастырей и побіеніемъ монаховъ и священниковъ, которыхъ, влѣдствіе распространившихся слу-

¹ И то лишь благодаря слѣпому упорству высшаго духовенства, которое непремѣнно хотѣло удержать за собою неустойчивую политическую власть.

ховъ объ отравленіи, онъ почиталъ виновниками страшной тогда холеры. Раздраженные сопротивленіемъ клириковъ демократическому преобразованію государственнаго устройства (1835—1837), кортесы приступили наконецъ къ такимъ же мѣрамъ, какъ нѣкогда парижское національное собраніе девяностыхъ годовъ. Они отобрали всѣ монастыри и продали священную утварь, чтобы пособить государственной казнѣ и покрыть военныя издержки; они отмѣнили десятину и объявили церковное имущество національною собственностью; инквизиціи и іезуитамъ былъ положенъ рѣшительный конецъ. Тщетно папа провозглашалъ незаконность святотатственныхъ постановленій: Эспартеро, признанный регентомъ въ награду за одолѣніе Донъ-Карлоса (1840), велѣлъ выпроводить нунція за границу, грозилъ совершенно отмѣнить подсудность папѣ въ Испаніи и высылалъ всѣхъ священниковъ, которые слушались папы, а не государства. Однакожь такая строгость противъ притѣсненной церкви, за которую папа велѣлъ совершать молебствія, содѣйствовала потомъ къ низверженію регента. Молодая королева Изабелла II и ея, преданная римскому престолу, мать успѣли наконецъ въ своихъ примирительныхъ стараніяхъ. Изгнанные священники были возвращены и продажа остальныхъ церковныхъ имуществъ приостановлена. Святой отецъ примирился также и съ Португальскою королевою Доньей-Маріей; но богатства церкви и преобладаніе духовенства на Пиренейскомъ полуостровѣ все-таки умалились и ослабѣли съ той поры.

§ 813. Западная Европа. За июльской революціей, направленной столько же противъ возрастающей силы легитимистскаго духовенства, опиравшагося на набожность королевской фамиліи, сколько и противъ реакціонной политики самовластительнаго монарха, во Франціи воспослѣдовалъ переворотъ и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи. Мѣсто помазанника свыше вдругъ заступилъ «король-гражданинъ». Іезуиты и трапписты обратились въ бѣгство, домъ архіепископа и нѣкоторыя церкви въ Парижѣ, служившія орудіями политическихъ цѣлей, взяты были приступомъ; съ нихъ въ одно время сняли и лиліи и кресты; положенные прелатамъ оклады подверглись сокращенію, католицизмъ утратилъ свою привилегію господствующей вѣры. Но Людовикъ Филиппъ старался уступками примирить іерархію съ июльскимъ трономъ и расположить ее въ пользу своей династіи, и, не долго спустя, іезуиты, подъ прикрытіемъ разныхъ наименованій, опять пробрались во Францію и учредили свои воспитательныя заведенія, а лѣтъ черезъ десять духовенство почувствовало себя

на столько обезпеченнымъ въ своей власти, что энергически настаивало на полной свободѣ преподаванія и на независимости училищъ отъ главнаго надзора Парижскаго университета, въ надеждѣ совершенно прибрать къ рукамъ образованіе юншества. Но клирики быть можетъ не оцѣнили всей силы антицерковнаго направленія. Вѣрнымъ признакомъ, что большая часть народа уже не имѣла внутрѣнной связи съ римскою церковью, служить между прочимъ судьба Ламеннѣ († 27 февр. 1854). Бывъ нѣкогда ревностнымъ поборникомъ «безусловной необходимости непогрѣшительной церкви въ противоположность пустымъ мечтаніямъ единоличнаго разума», а потомъ претерпѣвъ неудачу въ борьбѣ за невозможное соединеніе свободы духа съ папскою непогрѣшительностью, онъ подъ конецъ, въ «Словахъ вѣрующаго», проводилъ одну демократическую сторону Евангелія, чтобы, передъ великимъ переворотомъ, который предчувствовалъ, возвѣститъ въ пророческихъ и апокалиптическихъ образахъ паденіе королевской власти и всеобщее равенство чадъ господнихъ; — этотъ смѣлый Ламеннѣ, набожная, героическая и, въ самомъ заблужденіи, высокая натура, осталась громадною силою во Франціи даже и послѣ того, какъ былъ отринутъ самимъ папой, подвергся гоненію королевскаго правительства и подпалъ обвинительному приговору свѣтскаго суда. Сознаніе этого важнаго факта внушило аббату Шателю мысль учредить французско-католическую церковь въ смыслѣ крайняго либерализма, которая, дѣйствуя независимо отъ Рима, сначала успѣла собрать нѣсколько общинъ вѣрующихъ, но потомъ едва продолжала свое существованіе, связанное съ суетнымъ, политическимъ и отрицательнымъ началомъ новѣйшаго времени, пока наконецъ полиція не затворила эту новозобрѣтенную церковь (1842). Впослѣдствіи, чѣмъ болѣе іюльское правительство благосклонствовало церкви и духовенству, допустивъ даже учрежденіе іезуитскихъ обителей, тѣмъ болѣе враждовала противъ церкви оппозиціонная партія, равно и либеральная и республиканская ея сторона. Въ то время какъ извѣстные ученые и даровитые писатели, наприм. историкъ Мишелѣ и философъ-поэтъ Кинѣ, ополчались противъ церковности и іезуитизма и, поддерживаемые либеральнымъ политикомъ Теромъ, настояли по крайней мѣрѣ на гласномъ запрещеніи іезуитскихъ заведеній, республиканская литература приняла вполне разлагающій характеръ и, на мѣсто великихъ нравственныхъ союзовъ — государства и церкви, старалась поставить искусственныя товарищества съ соціально-мірскими цѣлями, и небесную религію замѣнить ученіемъ о безусловномъ самоудовлетвореніи земнымъ благомъ (эвдемонизмъ).

Въ Бельгiи ультрамонтанское духовенство, ставъ заодно съ либералами противъ голландскаго правительства, изгнавшаго іезуитовъ и противодѣйствовавшаго фанатизму либеральнымъ воспитаніемъ, привело къ распаденію самое государство. Но либералы вскорѣ увдали, съ какимъ опаснымъ союзникомъ имѣютъ они дѣло, когда бельгійское духовенство воспользовалось свободою преподаванія для того, чтобъ устроить воспитаніе молодежи по своему, заранѣе распорядясь умственной дѣятельностью грядущихъ поколѣній въ своихъ видахъ, и когда епископы стали злоупотреблять своею властью, удаляя отъ церковныхъ должностей всѣхъ свободно-мыслящихъ клириковъ и не давая разрѣшенія въ грѣхахъ просвѣщеннымъ либераламъ, слывшимъ за франмасоновъ. — Въ противодѣйствіе Лувенской коллегіи, исключительно служившей папизму, либералы учредили на свой собственный счетъ свободный университетъ въ Брюсселѣ. Однакожъ, не смотря на протестантство короля и на свободныя учрежденія края, перевѣсъ остается по большей части и теперь на сторонѣ клерикальной партіи ¹.

Въ Ирландіи отчаянный народъ грозно требовалъ избавленія отъ ствовой горькой доли, указывая на необходимость церковныхъ и политическихъ реформъ. Въ самомъ дѣлѣ, жестокосердіемъ старой Англіи и собственной влостью и лѣнью къ работѣ онъ наконецъ доведенъ былъ до того, что на своей родной землѣ жилъ только пзъ милости въ наймахъ у чуждыхъ іерарховъ и вельможъ, рискуя каждую зиму умереть съ голоду. Въ союзѣ съ духовенствомъ, «великій агитаторъ» О'Коннель держалъ католическій народъ въ постоянномъ волненіи и чтобы придать его требованіямъ болѣе силы угрожалъ отмѣною акта соединенія съ Англіею (— отмѣна эта называется по-англійски гереал, рипиль, а сторонники ея — рипилерами —), тогда какъ доминиканскій монахъ, патеръ Метью, образованіемъ общества воздержности (teetotallers), старался породить въ толпахъ нравственность, основанную на трезвости и самоуваженіи. Но сколько виги англійскаго министерства ни настаивали на реформѣ церковнаго порядка въ Ирландіи, они успѣли только въ томъ, что церковная десятина обращена была въ умѣренную поземельную подать; ни одна дальнѣйшая мѣра преобразованія не была допущена узкосердой ревностью англиканъ. Чтобы сколь-

¹ Протестантизмъ короля часто связывалъ ему руки соображеніями весьма понятной деликатности, а свобода учреждений является въ Бельгiи обоюдоострымъ мечемъ, который сильное духовенство часто успѣваетъ направлять въ свою пользу.

ко-нибудь задобрить Ирландію, министерство Пия предложило такъ называемый билль объ отказахъ (1845), разрѣшающій католической церкви, за исключеніемъ однакожъ монашескихъ орденовъ, приобрѣтать собственность на ея имя, и сверхъ-того настояло на томъ, чтобъ парламентъ назначилъ денежное пособіе Мейнгутской коллегіи, учрежденной для образованія католическаго духовенства, послѣ того какъ при помощи правительства открыты были народныя школы, ставшіяся обойти вопросъ о разности исповѣданій.

§ 814. Германія. Сильнѣйшія религіозныя боръбы запылали въ Германіи, отчасти по расположенію народа къ философской вдумчивости, отчасти по отсутствію широкой и свободной политической жизни. Строгоцерковная (ультрамонтанская) партія, которой главное сѣдалище было въ Баваріи, а надежнѣйшая опора въ Австріи и Прирейнскихъ областяхъ, чувствуя, какъ убійственъ для нея духъ времени, вступила въ борьбу со всякою духовною свободой и навлекла себѣ непримиримую ненависть съ этой стороны. Въ противодѣйствіе просвѣтительнымъ усиліямъ либераловъ, ультрамонтаны систематически поощряли въ народѣ обскурантизмъ, суевѣріе и увлеченіе призраками чудеснаго; дерзкой и разлагающей философіи младшихъ поколѣній противопоставляли они религіозность среднихъ вѣковъ, возвышенную поэтическою и художественною обстановкой, и для того, чтобъ рѣзче и нагляднѣе отдѣлать католическое единство отъ протестантской разрозненности, отвергали всякую реформу, всякое нововведеніе, всякое отступленіе отъ уставовъ Тридентинскаго собора. Отсталыя и іезуитскія стремленія этой партіи, которой глава и ратоборецъ, энергическій и полный фантазіи профессоръ Гёрре съ въ Мюнхенѣ (1776—1848), перешелъ отъ либеральной оппозиціи къ папистскому абсолютизму, нашли себѣ противниковъ въ средѣ самой римской церкви. Множество католическихъ духовныхъ, научась терпимости въ постоянномъ обращеніи съ протестантами и исцѣлясь отъ разныхъ предразсудковъ свободнымъ образованіемъ въ смѣсныхъ (протестантско-католическихъ) университетахъ, наставляли на созывѣ земскихъ соборовъ (Landessynoden) для введенія благовременныхъ реформъ, ратовали противъ заповѣди насильственнаго безбрачія и требовали близкаго къ протестантизму церковнаго устройства, которое допускало бы при богослуженіи туземный языкъ, позволяло свободное употребленіе св. Писанія, устраняло пустое ханжество дѣльнымъ обученіемъ народа, и т. д.

Въ баденскомъ Оберландѣ ¹ последнее направленіе нашло себѣ многихъ сторонниковъ, и такъ какъ явленіе это приписывалось дѣятельности благочестиваго барона фонъ-Вессенберга (род. 1774), то его и удалили отъ управленія Констанцскимъ епископствомъ, какъ бы въ явное доказательство тому, что свободный и истинно-германскій образъ мыслей не прощается въ Римѣ ни за какія заслуги передъ церковью. — Въ противоположность римскимъ притязаніямъ на безусловный авторитетъ, «который однакожъ не устраняетъ же всякой возможности сомнѣнія», Гермесъ († 1831) въ Боннѣ старался придать католицизму новую опору, выясняя согласіе его съ разумомъ. Воззрѣнія его одержали верхъ въ прирейнскихъ училищахъ. Но противники Гермесіанцевъ исходатайствовали въ Римѣ указъ (1835), осудившій сочиненія покойнаго Гермеса. Напрасно ученики его старались убѣдить святѣйшаго отца въ правотѣ ихъ наставника и доказать, что сочиненія его разсмотрѣны первоначально безъ знанія нѣмецкаго языка и безъ научныхъ понятій; приговоръ остался въ полной силѣ и архіепископъ Кёльнскій велѣлъ запрещать на исповѣди слушаніе лекцій у Гермесіанцевъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, два дѣятельнѣйшихъ члена этой партіи лишились въ Боннѣ своихъ университетскихъ кафедръ (1844). — Въ то же самое время было осуждено и противоположное воззрѣніе Француза Ботена, утверждавшаго, что истину католической церкви не лѣзя, да притомъ и не нужно, доказывать разумными доводами. — Въ Регенсбургѣ, Ингольштадтѣ и друг. мѣст. Баваріи большое вліяніе имѣлъ въ прежніе годы благочестивый Зайлеръ († 1832), вліяніе, не исчезнувшее и теперь. Около него собирался нѣкогда кругъ учениковъ, которые въ христіанствѣ видѣли одно только искупленіе и которыхъ религія заключалась въ теплотѣ задушевнаго чувства. Отсюда — неуваженіе ко всякой внѣшней обрядности, обращеніе къ Фенелону и Лафатеру, сближеніе съ вюртембергскимъ піэтизмомъ. Гонимые приверженцами Рима, осмѣиваемые либералами, нѣкоторые члены этого круга подъ конецъ совсѣмъ разошлись съ церковью.

§ 815. Споръ за смѣсные браки. Этотъ споръ былъ настоящимъ яблокомъ раздора, которое лукавый врагъ бросилъ въ раздѣленную Германію, какъ бы нарочно для того, чтобъ поставить новую преграду стремленіямъ къ единству. Католическая церковь въ Прус-

¹ Оберландами, т. е. нагорьями, называются въ Германіи разныя части этого края, возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ смежныхъ долинъ.

сія, недовольная тѣмъ, что подчинена протестантскому государству, отплатила неблагодарностью набожному королю Фридриху-Вильгельму III, который чествовалъ ее, на сколько могъ, обогащая ея духовенство, основывая церкви и училища, возстановляя маіоратныя и другія господскія права въ пользу рейнско-вестфальскаго дворянства. Со времени Вестфальскаго мира исчезла преграда, не позволявшая никакого соединенія между двумя христіанскими исповѣданіями, и нѣмецкій народный обычай, хотя безъ формальнаго согласія церкви, но и безъ прекословія съ ея стороны, постоянно допускалъ смѣсные браки, при чемъ обычаемъ установилось право, что въ случаяхъ, гдѣ брачные договоры не опредѣляли иныхъ условій, дѣти, смотря по ихъ полу, слѣдовали исповѣданію того или другаго изъ родителей. Это обычное право, соответствуя началу равноправности, вошло и въ законодательство различныхъ странъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. Въ 1825 г. прусскій законъ, по которому дѣти отъ смѣсныхъ браковъ должны воспитываться въ вѣрѣ отца, если единогласная воля родителей не положить иначе, былъ распространенъ на Вестфалію и на Рейнскую область. Такъ какъ здѣсь чаще выходили случаи, что протестанты старыхъ провинцій женились на туземныхъ католичкахъ, нежели наоборотъ, то духовенство встревожилось заботой, чтобъ католическая церковь не потерпѣла ущерба отъ этого нововведенія. Рейнскіе епископы испросили повелѣній въ Римѣ. Папскій указъ (25 марта 1830) объявилъ смѣсные браки недозволенными, однакожъ имѣющими законную силу, и разрѣшилъ давать церковное благословеніе только тогда, когда женихъ и невѣста обязуются напередъ воспитывать всѣхъ дѣтей въ католической вѣрѣ; въ противномъ же случаѣ, бракосочетаніе можетъ совершаться въ присутствіи священника, но безъ всякаго церковнаго торжества. Вслѣдствіе переговоровъ съ рейнскими епископами прусское правительство склонило ихъ къ безмолвному смягченію новаго указа и настояло на томъ, чтобъ большая часть смѣсныхъ браковъ благословлялась церковью и безъ соблюденія помянутаго условія. Даже и викарный епископъ Климентъ Дросте-Фишерингъ, человѣкъ строго-церковный и руководимый ультрамонтанскимъ вліяніемъ, общалъ, при возведеніи его на архіепископскій престолъ въ Кёльнѣ (1836), поступать согласно уговору. Но едва вступивъ въ свой высокій санъ, онъ уже приказалъ своему духовенству въ точности держаться папскаго указа и совершать бракосочетаніе только тогда, когда предварительно дано будетъ обязательство воспитывать дѣтей въ ка-

толической вѣрѣ. Женщинамъ на исповѣди впушали необходимость церковнаго благословенія для законности брака и для спасенія души, чѣмъ, разумѣется, многія смущены были въ своей совѣсти. Въ то же время архіепископъ, по наговорамъ окружавшихъ его ультрамонтанцевъ, рѣшился на строгія мѣры противъ сторонниковъ Гермесова ученія. Тщетно прусское правительство напоминало ему о давнихъ обѣщаніяхъ и грозило лишить его сана; архіепископъ настаивалъ на своемъ. Тогда онъ былъ внезапно арестованъ (20 ноября 1837) и отвезенъ въ крѣпость Минденъ за то, что «дозволилъ себѣ нарушить честное слово, презиралъ законы королевства и, подъ вліяніемъ революціонныхъ партій, волновалъ умы». Это подало поводъ къ сильной ссорѣ, какъ между прусскимъ правительствомъ и римскимъ дворомъ, не хотѣвшимъ вступать ни въ какіе переговоры до возстановленія «мученика» въ его санъ, такъ и между горячими на споръ учеными обоихъ исповѣданій. Общественное мнѣніе раздѣлилось. Католики видѣли въ мѣрахъ правительства притѣсненіе церкви бюрократіей и подняли кличъ о независимости церкви отъ государства, а протестанты смотрѣли на споръ какъ на борьбу нѣмецкой свободы съ римскимъ самовластіемъ. Церковныя смуты усилились еще больше, когда Гнезенскій и Познаньскій архіепископъ Дунинъ также запретилъ вѣнчать смѣсные браки безъ предварительнаго обѣта воспитывать дѣтей въ правилахъ католичества, и, вызванный въ Берлинъ, бѣжалъ изъ-подъ объявленнаго ему ареста, а потомъ былъ отправленъ въ крѣпость Кольбергъ. При такихъ обстоятельствахъ воцарился въ Пруссіи Фридрихъ Вильгельмъ IV (7 іюня 1840) и посвятилъ всю свою заботливость успокоенію церкви. Удовлетворяясь очень двумысленнымъ обѣщаніемъ со стороны архіепископа Дунина, онъ освободилъ его и дозволилъ епископамъ непосредственныя сношенія съ Римомъ; онъ выпустилъ изъ заключенія архіепископа Дросте и въ почетномъ письменномъ отзывѣ къ нему снялъ съ него всякую вину въ революціонныхъ пропскахъ, согласившись напередъ съ нимъ и съ римскимъ дворомъ насчетъ того, что Дросте за болѣзнію не возвратится болѣе въ Кельнъ и приметъ себѣ въ коадьюторы и преемники епископа Шпейерскаго Іоанна Гейселя. Свои мысли «о мирѣ между церковью и государствомъ» старый архіепископъ, еще не задолго до своей смерти, изложилъ «честно и безхитростно» и представилъ на общій судъ (1843). Благопріятный исходъ этого дѣла и обнаруживаемая при всякомъ случаѣ уступчивость протестантскихъ правительствъ передъ требованіями

и угрозами духовенства, наполнили католическую церковь чувствомъ ея собственнаго достоинства, тогда какъ съ каждымъ днемъ болѣе обнаруживалась слабость разрозненнаго протестантизма. Въ Вюртембергѣ ультрамонтаны также опять зажгли потухавшій уже пламеникъ религіозныхъ несогласій. Громкій кличъ объ отдѣленіи школы отъ государства и подчиненіи ея церкви доказываетъ, что католическое духовенство въ Германіи предается такой же самонадѣянности, какъ во Франціи и Бельгіи. Средневѣковыя идеи, которыми охотно занимались многія вѣнчанныя главы, особенно короли Пруссій и Баварскій, также какъ значительная часть дворянства и аристократіи, способствовали усиленію католической церкви. Вопреки многимъ доказательствамъ противнаго, эта церковь слыла опорою консерватизма, а потому ультрамонтаны и новообращенники всегда благосклонно принимались въ высшихъ кругахъ. Въ Баваріи сооружаемые вездѣ монастыри и церкви обнаруживали возрастающее число монаховъ и духовенства, а разныя стѣсненія и ограниченія, испытываемыя протестантами и евангеликами, обличали владычество ультрамонтанской партіи и руководимаго ею министерства; на Рейнѣ, гдѣ многіе, возстановленные въ готическомъ стилѣ, замки свидѣтельствуютъ о воротившемся пристрастіи къ романтикѣ и рыцарству, отстройку Кёльнскаго собора старались сдѣлать не символомъ единства и силы Германіи, а символомъ торжества и прославленія католической церкви. Но явное поощреніе процессій, богомольныхъ странствій и всей внѣшней обстановки, рассчитанной на поддержку одной наружной религіозности, слишкомъ противорѣчило современному взгляду, такъ что искусныя затѣи духовенства все-таки не удалось исполнить.

§ 816. Нѣмецкій католицизмъ. Когда рейнское духовенство, какъ бы въ память своей побѣды по поводу церковнаго разлада съ прусскимъ правительствомъ, устроило торжественное поклоненіе Нерукошвенной святой ризѣ, хранящейся будто бы въ Трирскомъ соборѣ (съ 18 августа по 6 окт. 1844) и тѣмъ подвергло религіозность тамошняго народа самому щекотливому испытанію, тогда многіе просвѣщенные католики отпали отъ общенія съ своей церковью. Ликованіе по случаю великаго религіознаго торжества (на которомъ перебивало болѣе милліона богомольцевъ) было нарушено посланіемъ изъ Лаурахютте ¹⁾, написаннымъ «противъ языческаго праздника въ

¹ Желѣзный заводъ въ Опфельскомъ округѣ, въ Силезіи

Триръ» и обращенномъ къ тамошнему епископу, «новому Тецелю XIX вѣка». Это открытое посланіе шло отъ молодого священника Іоанна Ронге, отрѣшеннаго за ослушаніе церковнымъ начальствомъ въ Силезіи, то-есть именно въ томъ краѣ, гдѣ уже и прежде одна либеральная партія, съ ученымъ Тейнеромъ во главѣ, боролась противъ римскаго духовнаго деспотизма. За посланіемъ слѣдовали памфлеты, призывавшіе къ учрежденію католической національной церкви; среди общаго волненія умовъ они произвели довольно сильное впечатлѣніе. Вскорѣ вокругъ Ронге въ Бреславлѣ собралось нѣсколько свободномыслящихъ католиковъ, которые составили церковную общину, независимую отъ Рима и вѣдомства епископовъ, по примѣру «христіанской апостолико-католической» общины, учредившейся въ прусско-польскомъ городкѣ Шнейдемюль, гдѣ молодой викарій Іоаннъ Черскій отступилъ отъ римской церкви и отъ многихъ ея уставовъ вслѣдствіе того, что захотѣлъ жениться на одной польской дѣвушкѣ, не покидая своего духовнаго сана; и онъ нашелъ себѣ нѣсколькихъ единомышленниковъ въ дѣлѣ вѣры. По образцу Бреславля въ короткое время составились въ разныхъ городахъ сѣверной, а потомъ и южной, Германіи нѣмецко-католическія общины, которыя, вступивъ въ сношеніе съ Ронге посредствомъ одобрительныхъ адресовъ, всѣ сходились между собою въ чрезвычайно простомъ и сдержанномъ исповѣданіи вѣры, въ требованіи свободнаго употребленія св. Писанія и въ присвоеніи церковной власти самой общинѣ. Рационалистическое направленіе бреславскаго учителя соответствовало современному демократизму и нашло себѣ у отпавшихъ отъ своей церкви католиковъ болѣе сочувствія нежели исповѣданіе христіанско-католической общины Черскаго, которая держалась не только основаній древнецерковнаго догмата, но и нѣкоторыхъ положеній римской церкви. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ между отщепенцами возникъ уже расколъ, не устраненный и созваннымъ въ Лейпцигъ (къ пасхѣ 1845) соборомъ, на который явились депутаты отъ пятнадцати разныхъ общинъ. Составленное здѣсь исповѣданіе вѣры, кромѣ безусловнаго ихъ отреченія отъ папской іерархіи и усвоенія имъ права свободно и разумно изъяснять св. Писаніе, заключало въ себѣ только урѣзанный апостольскій символъ и сверхъ-того выдвигало особенно впередъ необходимость одѣйствовывать чувство вѣры подвигами истинной любви. Черскій, съ своей стороны, настаивалъ на сохраненіи полнаго апостольскаго символа съ опредѣлительно высказанною вѣрою въ божественность Іисуса Христа;

за то нѣмецкій католицизмъ Ронге усилился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣмъ, что къ нему приступали даже и «свѣтолюбцы» ¹ изъ протестантовъ, разладившіе съ государственною церковью. — Правительства смотрѣли на новокатоликовъ враждебно. Въ Баваріи и Австріи католическихъ «диссидентовъ» тѣснили запретительными мѣрами и высылали за границу; въ другихъ краяхъ у нихъ отнимали право богослуженія въ церквахъ и препятствовали размноженію отступниковъ, лишая ихъ гражданской равноправности; въ Кургессенѣ отказывали имъ въ приличномъ погребеніи. Вездѣ вступались за нихъ вторыя палаты земскихъ чиновъ; только въ Баденѣ предложеніе допустить полную свободу вѣры повело къ распущенію сейма. Протестантское населеніе почти единодушно предоставляло новой церкви употребленіе своихъ храмовъ, помогало ей и деньгами и журнальнымъ вліяніемъ, безъ всякой впрочемъ охоты примкнуть въ ней самому; но вначалѣ съ большими національными надеждами. Послѣ кратковременнаго признанія или по крайней мѣрѣ непреслѣдованія ихъ въ 1848 и 1849 годахъ, отдохнувшія потомъ правительства начали опять противодѣйствовать падающимъ и безъ того общинамъ новокатоликовъ и свѣтолюбцевъ, и въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ лишились своего религіознаго характера и были подчинены законамъ о политическихъ и общественныхъ союзахъ. — Если зачинщики и коноводы этого церковнаго движенія и не имѣли надлежащихъ силъ и качествъ для того, чтобы придать своему дѣлу жизненность и прочность и какъ слѣдуетъ исполнить свое «призваніе», то все же явленіе ихъ не лишено великой значительности: оно расторгло ту завѣсу единства, которою католицизмъ прикрывалъ свои язвы до тѣхъ поръ. Тогда стало явно, что въ католической церкви господствуютъ такіе же разладъ и рознь, какъ и въ протестантской; что къ ней причисляются тысячи, и даже милліоны, людей весьма далекихъ отъ нея по убѣжденіямъ; что и здѣсь есть приверженцы всѣхъ возможныхъ направленій, начиная отъ вѣры въ видѣнія свыше и чудесныя цѣленія какого-нибудь князя Гогенлоэ или пастуха изъ окрестностей Кёльна, до совершеннаго атеизма и безвѣрія.

¹ См. § 848.

2. ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

§ 847. Религіозныя направленія. Протестантская церковь, имѣя основаніе и корень въ свободѣ духа, представляетъ еще болѣе разнообразія въ явленіяхъ, еще болѣе разъединенія въ мысляхъ. Германія, родина протестантизма, основательница и подвижница его богословскихъ и философскихъ ученій, оставалась и въ новѣйшее время производительною почвой религіозныхъ системъ и церковныхъ организмовъ, которые согласно индивидуализирующей и обособляющей натурѣ народа, принимали самыя разнообразныя направленія и слагались въ самыхъ многоразличныхъ видахъ.

Старый раздоръ между раціонализмомъ, видящимъ высшій законъ въ разумѣ, какъ естественномъ откровеніи, и супранатурализмомъ, признающимъ его въ священномъ преданіи, какъ откровеніи сверхъестественномъ, продолжался и въ новѣйшее время, но при ослабѣвающемъ съ обѣихъ сторонъ увлеченіи, хотя еще долго поборникъ «мыслящаго вѣрованія» Паулусъ (1761—1851) стоялъ среди младшихъ поколѣній одинокимъ памятникомъ минувшей эпохи. Попытки примирить оба направленія и положить начало новой богословской наукѣ предпринялъ де-Ветте (1780—1849); нѣкогда вынужденный бѣжать въ Базель, за то что дерзнулъ написать утѣшительное письмо къ матери Занда, онъ занялся тамъ изслѣдованіемъ св. Писанія въ духѣ свободы, отстаивалъ права и значеніе разсудка въ сферѣ церковныхъ вѣрованій и морали въ сферѣ христіанской жизни, отыскивая въ тоже время священную поэзію, которая питаетъ собою общее внутреннее чувство церкви. На то же поприще вступилъ Шлейермахеръ (1768—1834), отличный богословъ, равно блиставшій въ качествѣ проповѣдника, мыслителя и университетскаго профессора. Принадлежа по рожденію и воспитанію къ сферѣ герингутерскаго благочестія, ознакомясь путемъ изученія со всѣмъ, что высказала противъ христіанства литература вольномысленнаго просвѣщенія и философія скептиковъ, и достигнувъ высшаго міросозерцанія чрезъ глубокое изслѣдованіе твореній Платона и Спинозы, онъ старался представить согласіе христіанской вѣры съ требованіями свободного разума и доказывалъ, что жизнь безъ христіански-церковнаго общенія, безъ вѣры въ Бога и безсмертіе души, совершенно пуста и ничтожна.

Въ Берлинѣ онъ сильно содѣйствовалъ къ пробужденію новой религіозной жизни своими «Рѣчами о религіи къ образованнѣйшимъ изъ ея противниковъ». Въ этихъ замѣчательныхъ рѣчахъ Шлейермахеръ сначала развертываетъ общую, идеальную картину религіи, устраняя отъ нея все, что государство, наука, духовенство, нетерпимость, страсть къ спорамъ и чувственный способъ представленія толпы придали ей ложнаго, ограниченнаго, несущественнаго; онъ изображаетъ сущность благочестія и преданности Богу, чувство духовнаго общенія съ безконечнымъ, и показываетъ какъ естественны и неизбежны эти чувства для души человѣческой въ ихъ первобытной чистотѣ. Потомъ у него является совершенно непастырское свободомысліе, съ какимъ онъ смотритъ на незрѣлыя, чувственные понятія о божествѣ и безсмертіи, о чудесахъ, откровеніи и т. д., отвергаетъ слѣпую вѣру, какъ раболовное поклоненіе, но чувствуетъ религію во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ. — Въ подобномъ же духѣ дѣйствовали Даубъ (1765—1836), Маргейнеке (1780—1846) и Неандеръ (1789—1850); два первые обрабатывали богословіе подъ вліяніемъ философскаго развитія той эпохи, именно на основаніи системъ Шеллинга и Гегеля, а Неандеръ отличился своими церковно-историческими трудами, исполненными духомъ отрадно-кроткаго христіанскаго благочестія. Первымъ пріютомъ этого новаго богословія сдѣлался поднятый великимъ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ Гейдельбергскій университетъ, гдѣ учили и дѣйствовали въ одно время Даубъ, де-Ветте, Маргейнеке и рядомъ съ ними христіанскій педагогъ Шварцъ (1766 — 1837), пока трое младшихъ (де-Ветте, Маргейнеке, Неандеръ) не были приглашены въ 1811 г. въ Берлинъ; здѣсь, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ, основали они знаменитѣйшій богословскій факультетъ новаго времени.

Подобно тому какъ, предвѣстники великой французской революціи. Вольтеръ и энциклопедисты (§ 671), враждебно устремились на христіанство и церковныя уставы, такъ точно и дерзкіе мыслители тридцатыхъ годовъ, — предтечи переворота 1848 года, — обратили свое разрушительное оружіе противъ христіанской религіи, противъ вѣры въ Бога и безсмертіе души. Извѣстное число поэтовъ и литераторовъ, прозванныхъ «Юною Германіей» (§ 8006. Г.), еще не дождавшись въ своемъ развитіи поры, когда у человѣка созрѣваютъ и выясняются мысли, принялись вытѣснять древнюю вѣру духа, которая въ теченіе 18 вѣковъ утѣшала человѣчество въ скорбяхъ и горестяхъ, и хотѣли замѣнить ее новымъ

благовѣстіемъ «о возстановленіи плоти»; небесное блаженство, надежду всѣхъ бѣдныхъ и страждущихъ, старались они выставить обманомъ и суетвѣріемъ и ограничивали весь кругъ человѣческихъ потребностей, желаній и страстей предѣлами земнаго міра и чувственными наслажденіями. И хотя эта мальчишески-вѣтрная поэзія скоро потеряла вѣсъ въ глазахъ здраваго нравственнаго чутія народа, однакожь все-таки успѣла поколебать во многихъ сердцахъ твердыя опоры религіи, вѣры въ Бога и вѣчность.

Не менѣе враждебно отнеслась къ религіи и христіанству философская школа «юныхъ гегеліанцевъ». Гегель (1770—1831), бывшій послѣднее время своей жизни профессоромъ въ Берлинѣ, явился основателемъ государственной философій, которая, благодаря преобладавшему въ ней абсолютистскому направленію, довольно долго пользовалась тамъ покровительствомъ свѣще. Онъ училъ, что божество, духъ, переходитъ въ міръ, въ видимую природу, и что обѣ эти сферы или потенціи вселенной могутъ быть постигнуты въ ихъ истинности, въ ихъ идеѣ, только мышленіемъ, на основаніи логическихъ и діалектическихъ законовъ. Его философія, хотя и указывала въ христіанствѣ совершеннѣйшую форму развитія божественнаго самосознанія, однакожь оказалась въ послѣдствіи не чуждою зачатковъ пантеизма, сколько ни оспаривали этого ея приверженцы. По смерти учителя ученики распались на два толка, — правый и лѣвый (послѣдній противники, разумѣется, назвали кривымъ). Ратоборцы лѣвой стороны, юные, разрушительные умы, хотѣли совершенно упразднить вѣчную противоположность Бога со вселенною, утверждали, что единое, истинное божество и есть тотъ самый духъ, который живетъ въ природѣ и въ человѣчествѣ, а въ безсмертіи видѣли только переходъ человѣческой души въ лоно вселенской жизни, — переходъ, совершаемый ею для того, чтобы слиться съ этой жизнію и такимъ образомъ продолжать свое бытіе, по уничтоженіи всякой индивидуальности. Такимъ образомъ вѣчную смерть выдавали они за вѣчную жизнь въ идеѣ, самопоклоніе — за вѣру, достигшую уразумѣнія самой себя, и возвѣщали о какомъ-то новомъ богочеловѣкѣ, никогда не являвшемся лично на землѣ. Давидъ Штраусъ (род. 1808), въ своей «Жизни Іисуса», историческую критику и діалектическій методъ употребилъ орудіемъ противъ достовѣрности евангельскихъ сказаній о земной дѣятельности, ученіяхъ и кончинѣ Христа, такъ что отъ свѣтлаго библейскаго образа остался

у него одинъ только «религіозный геній». Отдѣлившись отъ общехристіанскихъ вѣрованій, Штраусъ, не смотря на то, былъ призванъ на богословскую кафедру Цюрихскаго университета со стороны тамошняго либеральнаго правительства; но низверженіе послѣдняго возставшимъ за свою вѣру народомъ (1839), помѣшало осуществленію такого замысла. Конецъ предводителя этого движенія (Б. Гирцеля) показалъ однакожъ въ послѣдствіи, что оно имѣло далеко не столь чистый источникъ. — Бруно Бауэръ (род. 1809), разсматривая евангельскія сказанія съ литературной точки, видѣлъ въ нихъ не болѣе какъ произведенія, возникшія писательскимъ путемъ на почвѣ выработавшагося въ христіанской общинѣ сознанія о давнемъ прошломъ; этотъ взглядъ, признанный несовмѣстнымъ съ занимаемою авторомъ должностью профессора богословія, былъ поводомъ къ удаленію его изъ Боннскаго университета и вызвалъ у Бруно Бауэра его «Обличеніе богословскихъ безстыдствъ». Въ послѣдствіи онъ явился со-всѣмъ неожиданно защитникомъ восточнаго православія. — Лудвигъ Фейербахъ, стоя вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге въ передовыхъ рядахъ отрицательныхъ умовъ, «задумалъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ призрака всякой религіи» и проповѣдывалъ, будто вѣра есть не болѣе какъ греза духа, въ которой, по пробужденіи, человѣкъ находитъ только самого себя. Правительства, озабоченныя враждебнымъ религіи и церкви настроеніемъ, которое, въ своихъ крайностяхъ, грозило подорвать глубочайшія духовныя основы всего быта, тщетно спѣшили на помощь къ тѣснимой противниками строго-религіозной сторонѣ, тщетно старались обуздать дерзновенную науку, отставляя отъ должностей и преслѣдуя ея подвижниковъ, — нѣмецкій народъ, находившійся тогда въ полной оппозиціи съ «полицейскимъ государствомъ» и ни въ чемъ не доверяя его намѣреніямъ, тѣмъ охотнѣе вкушалъ отъ запрещеннаго плода; тщетно ополчился на эту разлагающую дѣятельность и самъ Шеллингъ (§ 801. б. Г.), призванный изъ Мюнхена въ Берлинъ для исцѣленія ранъ, нанесенныхъ философій юно-гегеліанской школы; его мистико-религіозная система, въ которой онъ возвышалъ «полное единеніе науки съ грядущею церковью въ духѣ Іоанна», не произвела ожидаемаго дѣйствія: — большая часть нѣмецкаго народа видѣла въ обоготворенныхъ ею писателяхъ — провозвѣстниковъ и мучениковъ правды, а на новыя ученія берлинскаго мудреца вооружился даже старый раціонализмъ въ лицѣ Паулуса.

Въ противоположность вѣроважденному духу времени, подъ хранительнымъ щитомъ поддерживаемой государями церковной власти образовалась строго-религіозная партія отличавшаяся нѣкоторымъ оттѣнкомъ піетизма; съ ультрамонтанскимъ направленіемъ католиковъ общаго у ней было то, что она также пользовалась благосклонствомъ высшихъ сословій, которымъ угрожалъ возрастающій духъ отрицанія, и также слыла вѣрнопопуданническою, въ качествѣ защитницы божественнаго права предержавныхъ. Обѣ равно презирали глубокое научное изслѣдованіе и дѣльное свѣтское образованіе, какъ источникъ настоящаго просвѣщенія и трезваго, здороваго взгляда на жизнь, сходясь въ этомъ съ своими антиподами, глашатаями разрушенія и революцій. — Между тѣмъ какъ Евангелическая церковная газета Генгстенберга судила обо всѣхъ и обо всемъ по масштабу узкосердаго, мелочнаго ригоризма, стараясь при томъ поддержать и церкви, какъ достопочтенный институтъ нравственности и христіанскаго общежитія, этотъ обновленный піетизмъ принялъ въ иныхъ мѣстахъ болѣзненное, вредное правамъ направленіе. Въ Кёнигсбергѣ, въ одномъ кружкѣ святошъ (Mucker), посѣщаемомъ знатыми лицами, совершались тайно величайшія безстыдства. Въ Саксоніи пасторъ Стефанъ, человѣкъ низкаго образа мыслей и порочный, но умѣвшій дѣйствовать на простодушную необразованную толпу своимъ популярнымъ краснорѣчіемъ, собралъ вокругъ себя общину старовѣрныхъ лютеранъ, преданную ему до крайняго фанатизма. Когда стало угрожать имъ судебное слѣдствіе, онъ объявилъ вѣрующимъ «Господню волю» выселиться въ Сѣверную Америку, и отправился туда съ 600 общниковъ (1838). Признанный отъ нихъ духовнымъ и свѣтскимъ владыкой, онъ предался здѣсь своимъ порочнымъ наклонностямъ, былъ наконецъ смѣненъ и изгнанъ поздно-спохватившеюся общиной и, въ заключеніе, перешелъ въ католицизмъ (1846). — Подобныя же направленія обнаружались въ религіозномъ Вюртембергѣ, гдѣ нѣкоторыя общины сепаратистовъ (отщепенцевъ) учредились съ разрѣшенія и подъ надзоромъ правительства на особыхъ гражданскихъ и церковныхъ положеніяхъ, другія же выселились въ кишашую сектами Америку и, подъ именемъ гармонитовъ, основали близъ Питтсбурга свою особую республику, съ патріархальными учрежденіями и общеніемъ имущества. Въ Швеціи и нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи также появились признаки болѣзненнаго изуверства: въ первой раздался такъ-называемые «кличи», то-есть выступило на сцену нѣсколько молодыхъ женщинъ и мужчинъ, которые, страстно произнося библейскія изреченія, призывали народъ къ

покаянію; въ нѣмецкой Швейцаріи, особенно въ Цюрихскомъ кантонѣ, обнаружались остатки личнаго вліянія извѣстной г-жи фонъ-Крюденеръ.

Въ то время какъ германскій духъ, не находя себѣ надлежащаго занятія въ государственной жизни, готовъ былъ истощиться въ религиозныхъ крайностяхъ, нельзя сказать, чтобы не было и такихъ явленій, которыя свидѣтельствовали о здоровомъ прогрессѣ въ области религіи. Глубокое чувство лучшихъ піетистовъ, ихъ самоотверженная дѣятельность на поприщѣ практическаго христіанства (призрѣваніе нищихъ и больныхъ, учрежденіе пріютовъ для покинутыхъ дѣтей и т. п., внутреннія и заграничныя миссіи) дѣйствовали благотворно даже на многія изъ тѣхъ лицъ, кому не правилась во всемъ прочемъ односторонность и узкость этого направленія; тѣмъ самымъ интересы церковной жизни выигрывали въ содержаніи и глубинѣ. Эти интересы разрабатывались съ возрастающимъ рвеніемъ и искусствомъ представителями той посредствующей школы богословія, которая пріобрѣтала болѣе и болѣе сторонниковъ, готовила себѣ болѣе и болѣе положительную почву—не враждебностію къ свободнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, а напротивъ своимъ живымъ сближеніемъ съ наукой. Ея ученый и практическій смыслъ снова укрѣпилъ многіе умы, потрясенные прежде сомнѣніемъ, и возстановилъ въ обширныхъ кругахъ довѣріе къ вѣчной истинѣ и неодолимой силѣ евангельскаго христіанства среди неоспоримо грозной борьбы, встрѣчаемой имъ теперь и ожидающей его въ ближайшемъ будущемъ. Въ числѣ главныхъ подвижниковъ этой школы можно назвать Ницше, Люке, Ульмана и друг.

§ 818. Фридрихъ Вильгельмъ IV. Свѣтолюбцы (Lichtfreunde). Общество Густава Адольфа. Когда Фридрихъ Вильгельмъ IV вступилъ на прусскій тронъ, строговѣры и піетисты чаяли себѣ при немъ золотого вѣка; но при всемъ расположеніи его къ строгоцерковному направленію, онъ былъ такъ уменъ и образованъ, что не могъ исключительно отдаться въ руки какой-нибудь небольшой партіи. Одна-кожъ онъ выступилъ ратоборцемъ религиозныхъ вѣрованій и христіанской церковности, въ какомъ бы ни являлись они видѣ, противъ враждебнаго церкви, плоскаго и разлагающаго направленія, котораго главная цѣль была необузданная свобода въ дѣлѣ вѣры. Въ соединеніи съ королевою Англійской учредилъ онъ англиканское епископство въ Іерусалимѣ и былъ воспріемникомъ принца Валлійскаго (Вельсскаго) при крещеніи; онъ умилялся великолѣпіемъ католическаго богослуженія на празднествѣ по случаю предпринятой имъ отстройки Кѣльнскаго собора;

возобновилъ орденъ Лебедя¹ и покровительствовалъ въ Германіи всякой религіозной дѣятельности, коренившейся на почвѣ церкви и теплой вѣры. Благодаря этому направленію, въ прусскомъ государствѣ, при замѣщеніи не только церковныхъ и училищныхъ, но даже и административныхъ или судебныхъ должностей, стали принимать въ соображеніе религіозныя мнѣнія соискателей; министерство просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, составленное изъ лицъ строгоцерковной партіи, руководилось въ выборѣ людей своимъ сердечнымъ сочувствіемъ. Быть-можетъ, короля въ этомъ стремленіи одушевляла мысль, придать протестантской церкви, какъ преобладающему въ Германіи религіозному элементу, такое крѣпкое единство и такую остойчивость, которыя позволили бы ей занять достойное мѣсто между строго-организованнымъ католицизмомъ Франціи и греко-восточною церковью Россіи. Но эта мысль отчасти сокрушилась о религіозную свободу средняго класса въ Германіи, отчасти повредили ей тѣ самыя лица, которыхъ король избралъ себѣ въ совѣтники и въ исполнители своихъ плановъ. — Въ противоположность тому, что прозвали съ тѣхъ поръ придворною и консисторіальною церковью, и въ противоположность ея пізистическому приходу, образовался союзъ протестантскихъ свѣтолюбцевъ для споспѣшествованія разумному практическому христіанству, сообразному съ потребностями времени. Душою этого союза явился саксонскій пасторъ Улихъ, человекъ либеральный, соединявшій настойчивость съ практическимъ умомъ; его знаменемъ былъ «раціонализмъ здраваго человѣческаго смысла», а опорою — средній классъ и могущественная партія прогресса. Встревоженное сочувствіемъ, которое это направленіе нашло себѣ въ упомянутыхъ классахъ, и опасаясь плодовъ безвѣрія, какое могли породить въ умахъ народа крайніе порывы нѣкоторыхъ странныхъ и безразсудныхъ людей этой партіи (какъ на прим. Вислиценуса), церковное начальство приступило къ мѣрамъ строгости, поставило всѣмъ духовнымъ въ священную обязанность безусловно держаться буквы символическихъ книгъ и исповѣданій и преслѣдовало противниковъ выговорами, временными и полными отрѣшеніями отъ

¹ Этотъ орденъ, учрежденный въ 1443 году курфюрстомъ Бранденбургскимъ Фридрихомъ II, имѣлъ главною цѣлью — доказательство на дѣлѣ самаго пламеннаго почитанія къ Пресвятой Дѣвѣ, почему и назывался *Sodalitas beatae Mariae virginis*. При возстановленіи его въ 1843 г. король Фридрихъ Вильгельмъ IV предназначалъ ему благотворительную дѣятельность, но исполненіе плана остановилось въ самомъ началѣ. Вѣроятно, самъ основатель скорѣ почувствовалъ несовременность формъ своего учрежденія и потому не настаивалъ на полномъ осуществленіи задуманнаго имъ дѣла.

должностей. Этотъ жребій постигъ Вислиценуса въ Галле и Руппа въ Кёнигсбергѣ; оба они тотчасъ же отдѣлились отъ государственной церкви и собрали вокругъ себя «вольныя общины». Примѣру ихъ послѣдовали и въ другихъ мѣстахъ. Улихъ, имѣвшій большое вліяніе въ качествѣ проповѣдника и пастыря душъ въ Магдебургѣ, за нѣкоторыя отступленія отъ уставнаго служебника получилъ сначала выговоръ со стороны строгаго церковнаго начальства, потомъ былъ на время удаленъ отъ должности, а напослѣдокъ, когда несмотря на изданіе эдикта о терпимости, обнародованнаго передъ созваніемъ государственнаго сейма (въ мартѣ 1847) и предоставлявшаго гражданскія права сектамъ, признаннымъ отъ государства, онъ не захотѣлъ добровольно оставить своей церкви, его также исключили изъ службы, и это повело къ учрежденію еще новой вольной общины. Никакого вліянія на націю не оказалъ созданный въ Берлинѣ общій соборъ (Generalsynode, 1846), избравшій средній путь между свободой вѣроученія и принудительностью символа; бывъ распущенъ до принятія окончательныхъ заключеній, онъ не успѣлъ доставить общинамъ болѣе дѣятельнаго участія въ церковной жизни введеніемъ синодальнаго и пресвитеріанскаго устройства.

При живомъ сочувствіи германскаго народа къ религіи и церкви, съ большою готовностью принята была мысль, возникшая въ Саксоніи и распространенная воззваніемъ изъ Дармштадта, — основать общество Густава-Адольфа (1843) «для поддержки тѣхъ евангелическихъ общинъ, которыя, въ средѣ католическаго населенія, лишены всякихъ средствъ къ развитію своей церковной жизни». Со времени съѣзда во Франкфуртѣ, гдѣ начертаны были уставы общества и положено учредить главное управленіе (въ Лейпцигѣ) и срочныя общія собранія депутатовъ союза, раздѣленнаго на множество вѣтвей, общество приобрѣло истинно-народную силу, въ знаменательную противоположность съ другимъ, чисто-аристократическимъ, учрежденіемъ, — обществомъ отстройки Кёльнскаго собора (Dombau-Verein). Запрещенный баварскимъ правительствомъ и поддержанный прусскимъ только послѣ нѣкотораго колебанія, союзъ Густава Адольфа получилъ обширное значеніе, благодаря поголовному участію народа, которому правился его либеральный образъ дѣйствій и который призналъ въ немъ священно-нейтральную почву для всѣхъ партій евангелической церкви, впервые явившейся здѣсь опять въ видѣ единой, нераздѣльной силы. Но этотъ взглядъ былъ очень поколебленъ поступкомъ берлинскаго общаго собранія,

когда оно отказало въ доступѣ депутату кёнигсбергскаго отдѣла, Руппу, и постановило правиломъ, что только различныя земскія церкви въ своей совокупности, за исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ сектъ, составляютъ ту общую евангелическую церковь, о которой говорится во франкфуртскомъ положеніи. Громкій кликъ недовольства провёся по всей протестантской Германіи, буря протестацій поднялась на это рѣшеніе, «превращавшее свободный союзъ любви въ судилище надъ совѣстью и вѣрой»; живой обмѣнъ памфлетовъ и журнальныхъ статей привелъ въ волненіе всѣхъ членовъ союза. Гроза распадёнія была однакожь устранена добровольною уступкой со стороны Руппа и примирительными постановленіями ближайшаго сѣзда депутатовъ въ Дармштадтѣ.

§ 819. Англиканская церковь. Кальвинизмъ въ Шотландіи и Ваадтѣ. И въ другихъ протестантскихъ земляхъ также обнаружались церковныя движенія, хотя и съ меншею силой, потому что свободная государственная жизнь доставляла здѣсь безпокойнымъ умамъ иное поприще дѣятельности.

Въ Англіи пестрая смѣсь диссентерскихъ общинъ не подвергалась дальнѣйшимъ расколамъ, за исключеніемъ того, что полный фантазіи и свыкшійся съ ветхозавѣтнымъ языкомъ пророковъ пресвитеріанскій пасторъ Ирвингъ (1792—1843), основалъ новую секту, возстановивъ церковныя должности апостольскаго времени съ примѣсю ветхозавѣтныхъ притязаній и сверхъ-того приписывая себѣ даръ пророчества. Кромѣ этого одиночнаго явленія, въ диссентерскихъ сектахъ обнаруживалась напротивъ очевидная склонность къ добровольному единенію въ болѣе значительныя общины, дабы тѣмъ съ болѣшимъ успѣхомъ противустоять неподвижной государственной церкви. И дѣйствительно, даже среди религіознаго застоя Англіи, общественное мнѣніе оказало свою силу въ томъ смыслѣ, что добилось для диссентеровъ болѣе свободнаго положенія. За отмѣною въ 1836 г. акта предварительнаго испытанія (§ 621), которая отворила имъ двери въ парламентъ, послѣдовало освобожденіе ихъ крещеній и браковъ отъ вмѣшательства епископальнаго духовенства и предоставленіе имъ доступа въ вольный лондонскій университетъ; но на нихъ по прежнему остались подати въ пользу враждебной государственной церкви, и палата лордовъ защитила отъ вторженія диссентеровъ старинныя университеты (оксфордскій и кембриджскій) съ ихъ формами отжилаго строговѣрія.

Скоро и въ самой англиканской церкви обнаружился расколъ между высоко-церковною и евангелическою партіей; первая, выдвигая болѣе впередъ католическій элементъ епископальной церкви, настаиваетъ на поддержкѣ неразрывной связи англо-католичества съ церковью апостольской и видитъ въ реформаціи только актъ самоочищенія церкви ея же собственными законными властями; вторая, представляя особенно протестантскій элементъ, даетъ болѣе значенія согласію церковной вѣры съ Св. Писаніемъ, нежели съ уставами церкви, и считаетъ ея существовою потребностію дальнѣйшее развитіе вѣроученій путемъ благовременныхъ реформъ. Католическій элементъ зашелъ у оксфордскихъ ученыхъ Ньюмена и Пюзе такъ далеко, что они только помощію разныхъ софистическихъ натяжекъ могли согласить свои полныя католицизма мнѣнія съ 39 статьями англиканскаго исповѣданія, что и побудило честнѣйшихъ изъ Пюзе и товъ лучше прямо перейти къ католичеству, чѣмъ постоянно двуязычничать и лицемерить. Эти переходы, вмѣстѣ съ возрастающею явною сходства между пюзеизмомъ и католическимъ вѣроученіемъ, а равно и съ полнымъ надеждъ кличемъ торжества, раздавшимся въ рядахъ папистовъ, изощрили протестанское сознаніе Англіи и повели къ тому, что сами епископы господствующей церкви не признали пюзеизма за истинное выраженіе англо-католичества. Учрежденіемъ новыхъ епископствъ на счетъ экономическихъ суммъ (наприм. манчестерскаго); но безъ приумноженія палаты лордовъ, виги старались снискать себѣ благосклонность высокоцерковной партіи. Когда римскій престолъ, преувеличивая мѣру католическихъ сочувствій Англіи, возвелъ ирландскаго прелата Вайзмена въ кардиналы и епископы Вестминстера (1850), тогда вспыхнула опять религіозная ревность старой Англіи и кличъ: прочь папешество! (*No popery*) раздался съ такою силой, что правительство и парламентъ, не смотря на прекословіе католиковъ и приверженцевъ полной религіозной свободы, сочли нужнымъ противустать подобнымъ выходкамъ со стороны Рима изданіемъ особаго закона «о титулахъ» (жалуемыхъ великобританскимъ подданнымъ иноземными властями). — Въ усердно-вѣрующей Шотландіи воскресло чувство пуританской независимости и породило сильную борьбу противъ введеннаго мірскою властью права патроната, которое уполномочивало патрона (попечителя или ктитора приходской церкви) навязывать общинѣ непріятнаго ей священника (1843). Когда суды отказались признать за общимъ церковнымъ собраніемъ право отвергать

предлагаемое лицо, и даже самъ парламентъ сталъ за патроновъ, тогда поборники церковной свободы (Nonintrusionists) отдѣлились отъ господствующей церкви и учредили изъ добровольныхъ приношеній шотландскаго народа пресвитеріанскую «вольную церковь» (Free-church). Строптивый духъ демократа Нокса ожилъ въ основанной имъ церкви по прежнему. Энергическое, непоколебимое духовенство, руководимое благороднымъ Чомерсомъ (Chalmers), отступилось отъ своихъ доходовъ и церквей, чтобы не стать въ разладъ съ собственною совѣстью, и торжественно протестовало противъ позора, «налагаемаго на вѣнецъ Христовъ отъ рукъ мірской власти». Въ короткое время цѣлые милліоны собраны были твердымъ въ вѣрѣ народомъ на потребности вольной національной церкви въ Шотландіи.—Въ Ваадтѣ и другихъ кантонахъ французской Швейцаріи религіозное равнодушіе туземной церкви вызвало къ жизни строгій методизмъ, появившійся и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ общества. Приверженцы этого «методическаго благочестія», прозванные отъ народа *tommeiers* (лицемѣрами) и ненавидимые за свою духовную гордость, удовлетворяли своей набожности на вечернихъ сборищахъ, руководимыхъ по большей части духовными лицами, раздѣлявшими ихъ образъ мыслей. Послѣ побѣды, одержанной радикалами въ Лозаннѣ (1845), эти сборища, посѣщаемыя низложенною аристократическою партіей, подвергались угрозамъ и помѣхамъ со стороны народа; духовнымъ лицамъ было формально воспрещено принимать въ нихъ участіе, и тѣ изъ нихъ, которые нарушили запретъ, были отставлены. Возмущенные такимъ стѣсненіемъ совѣсти, многіе священники отказались прочесть въ церквахъ присланную имъ отъ правительства прокламацію въ похвалу новому демократическому устройству, говоря, что это прилично только по дѣламъ, касающимся религіозныхъ интересовъ. Вызванные за то къ суду и наказанные годичнымъ удаленіемъ отъ должности, эти люди большею частью совѣмъ отступились отъ своихъ мѣстъ и окладовъ. Но не видя поддержки со стороны иноземныхъ протестантскихъ церквей и своихъ державныхъ покровителей и не находя никакой опоры въ настроеніи народа, они должны были рассчитывать на одну случайную помощь частныхъ доброхотовъ и могли распространять свой независимый духъ только въ благочестивыхъ сборищахъ знати (конвентикулахъ); правительство, съ своей стороны, озаботилось удовлетворить церковнымъ потребностямъ народа помимо враждебныхъ ему священниковъ.

Церковное разнообразіе и сектаторство нигдѣ не доходили до такой степени какъ въ сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ господствуетъ полнѣйшая свобода религіи. Государство, въ силу коренныхъ уставовъ, не заботится ни о какихъ церковныхъ дѣлахъ, заявляетъ свой христіанскій характеръ только закономъ о соблюденіи воскреснаго праздника и предоставляетъ гражданскую полноправность всякому, кто вѣруетъ въ единого Бога. — Каждая община стоитъ отдѣльно отъ другихъ, что не мѣшаетъ однакожь общинамъ одного исповѣданія стремиться къ обширнѣйшимъ по возможности синодальнымъ союзамъ. При неограниченной свободѣ вѣръ, въ Америкѣ существуетъ однако самая усердная и ревностная церковность, соединенная съ пуританскою строгостью и методистскимъ напряженіемъ умовъ, такъ какъ церковный интересъ составляетъ почти единственное проявленіе духовной жизни смѣснаго американскаго народа *).

II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

А. Конституціонныя державы.

1. Франція.

§ 820. Характеръ іюльскаго правительства. Французская революція совершенно уничтожила всѣ средневѣковыя преграды между отдѣльными сословіями, отняла у дворянства и духовенства ихъ исключительныя права и передала господство среднему классу. Бурбоны только нѣхотя признали этотъ результатъ и старались опять возстановить тѣ отношенія, какія существовали до великаго переворота. Король и духовенство заключили между собою тѣсный союзъ; дворяне начали тщеславиться знатностію предковъ и превозносить великіе подвиги и доблесть крестоносцевъ, отъ которыхъ вели свое начало; по ихъ мысли, средній классъ долженъ былъ снова возвратиться къ служебному положенію. Тогда произошла іюльская революція и въ третій разъ изгнала изъ Франціи послѣдніе отпрыски того царственнаго дома, который былъ изстари такъ тѣсно связанъ съ французскою націей. Герцогъ Орле-

*) Замѣчательно, среди разнообразія тамошнихъ сектъ, успѣшное развитіе вполнѣ противоположнаго имъ католицизма.

анскій, Людовикъ Филиппъ, вступилъ на тронъ въ качествѣ «короля Французовъ». Главы либеральной оппозиціи, заодно съ возвратившимися изъ ссылки приверженцами Наполеона, окружили этотъ новый тронъ, поставленный на зыбкой почвѣ народной власти. Это быстрое водвореніе новаго порядка было дѣломъ средняго сословія (буржуазіи, или гражданства въ тѣсномъ смыслѣ), которое, заботясь только о наживѣ и о спокойномъ наслажденіи тѣмъ, что нажито, ищетъ себѣ охраны въ конституціонной монархіи, основанной на свободныхъ учрежденіяхъ и либеральномъ законодательствѣ, и поэтому столько же боится подвижности республиканскаго устройства, волнующаго партіями и страстями, сколько и совершеннаго застоя такой монархіи, которая опирается на сословныя привилегіи и военный деспотизмъ. Недовольные такимъ исходомъ, враждебно противустали новому порядку и отъявленные приверженцы Бурбоновъ (легитимисты, карлисты) и ревностные республиканцы; первые устранились отъ двора и отъ государственныхъ должностей и, въ легитимистскихъ журналахъ, принялись заподозривать и хулить всѣ поступки и намѣренія, всѣ шаги и планы правительства, а вторые старались низвергнуть «гражданина-короля» то тайными заговорами, то попытками возстаній въ Парижѣ, Ліонѣ и другихъ мѣстностяхъ, то прямымъ посягательствомъ на его жизнь. Людовикъ-Филиппъ былъ умный и ловкій государь, котораго тревожащая, многоизмѣнявшая жизнь научила и притворству и дипломатическимъ проискамъ; пока онъ оставался вѣрнѣе началамъ іюльской революціи и опирался на средній классъ ¹, правленіе его было твердо и надежно. Не смотря на пристрастіе Французовъ къ военной славѣ, большинство сочувствовало ему даже и въ томъ, что при господствовавшемъ тогда въ Европѣ волненіи и раздорѣ партій онъ не захотѣлъ поднять общеевропейской войны вооруженнымъ вмѣшательствомъ въ Польшу, въ Италію и т. д., ибо средній, торговый и промышленный, классъ всегда лучше достигаетъ своихъ главныхъ цѣлей при мирномъ развитіи, нежели среди военной бури. Однакожъ Людовикъ-Филиппъ слишкомъ скоро оттолкнулъ отъ себя сердца народа, болѣе и болѣе сближаясь въ своей политикѣ съ началами Бурбоновъ и вѣрныхъ старымъ порядкамъ дворовъ и обнаруживая такія личныя свойства, которыя неизбѣжно должны были лишить его любви и уваженія подданныхъ. Вмѣсто

¹ Когда рѣчь идетъ объ іюльскомъ правительствѣ, подъ среднимъ классомъ должно разумѣть только верхніе его слои.

того, чтобы привлечь умы къ новому порядку свободными установленіями и, раширеніемъ выборнаго права, дать участіе въ гос дарственной жизни не только всему среднему сословію, но и тѣмъ членамъ низшихъ классовъ, которые подыались выше общаго уровня своимъ прилежаніемъ, дѣятельностью и любовью къ порядку, Людовикъ-Филиппъ постарался объ изданіи новаго избирательнаго закона, по которому обусловливающей выборное право податной цензъ пониженъ былъ съ 300 франковъ только на 200, такъ что число всѣхъ избирателей не доходило и до полумилліона. Голосъ имѣла только богатая часть средняго сословія, негоціанты, банкиры, помѣщики и денежная аристократія; ремесленникъ, поселянинъ, некапитальный человекъ вообще были обойдены и поставлены на одну ногу съ чернорабочимъ, поденщикомъ и нищимъ пролетаріемъ; право выбора не было имъ дано, и голосъ ихъ пропадалъ незамѣтно. При этомъ ограниченіи открытъ былъ вольный доступъ подкупности и направленію выборовъ по произволу немногихъ; раздачею должностей, щедростію на посулы и предоставленіемъ разныхъ матеріальныхъ выгодъ, правительство, руководимое «неизмѣнною мыслию» Людовика Филиппа, всегда успѣвало составлять готовую къ услугамъ палату депутатовъ для осуществленія всѣхъ своихъ желаній и замысловъ. О палатѣ перовъ, назначаемой самимъ королемъ, едва была и рѣчь какъ о законодательномъ органѣ; она была безвольнымъ орудіемъ и служила правительству почти только въ качествѣ чрезвычайнаго суда по государственнымъ преступленіямъ. Полагаясь на угодливость народныхъ представителей, Людовикъ Филиппъ водворилъ ту систему эгоизма, своекорыстія, продажности и нравственнаго разврата, которую столь многіе превозносили и восхваляли какъ глубокую политическую мудрость¹. Онъ болѣе и болѣе удалялся отъ первоначальниковъ іюльской революціи, Лафитта и Лафайетта (послѣдній, бывъ вынужденъ сложить съ себя званіе главнокомандующаго національною гвардіей, сошелъ въ могилу, удрученный заботами), и окружилъ себя людьми, которые только исполняли его волю, осуществляли его планы, служили интересамъ его династіи. Владѣя несмѣтнымъ богатствомъ, Людов. Филиппъ пользовался высокимъ своимъ положеніемъ для того, чтобы постоянно приумножать это сокровище. Онъ началъ

¹ Остатки этого ограниченаго взгляда прорываются иногда и до сихъ поръ, разумѣется, принарядясь фразами объ уваженіи къ свободѣ, какъ будто настоящая свобода возможна и осуществима безъ равноправности.

тѣмъ, что обошелъ законъ, по которому частное имущество короля, при воцареніи его, отходить къ государству; потомъ настроилъ большинство палаты назначить ему окладъ, цѣлою третью выше того, какой имѣла въ виду оппозиція; для членовъ своей многочисленной семьи требовалъ онъ по временамъ щедрыхъ денежныхъ надѣловъ (apanages); и вмѣсто суленнаго іюльскою революціей «дешеваго управленія», оказалось, что бюджетъ разростается съ каждымъ годомъ и превосходить въ издержкахъ всѣ прежнія администраціи. При этомъ король нажилъ себѣ худую славу корыстнаго денежнаго спекулятора и дома, и за границей; и гдѣ шло дѣло объ его собственной казнѣ, онъ уже не боялся ни зависти, ни злословія, ни насмѣшки. Когда престарѣлый герцогъ Кондѣ таинственно кончилъ жизнь самоубійствомъ или отъ руки сторонняго злодѣя, король тотчасъ же присвоилъ богатое наслѣдство одному изъ своихъ сыновей, не смотря на то, что завѣщаніе было заподозрѣно въ поддѣлкѣ; а когда министръ финансовъ Гюманъ хотѣлъ произвестъ благотѣльное для края пониженіе процентовъ государственнаго долга, король счумѣлъ настроить палату пэровъ, чтобы она отвергла принятый депутатами проектъ ¹. — Такое же своекорыстіе вскорѣ обнаружилось и у большей части членовъ правительства, тѣмъ болѣе, что самъ король заботился о томъ, чтобы самостоятельные, честные характеры не мѣшали водворенной имъ системѣ. Старинное правило одного изъ государственныхъ людей Англіи, что каждый человѣкъ цѣнится на деньги, нашло себѣ печальное подтвержденіе у тогдашнихъ Французовъ. Торговля должностями, подкупы, продажныя отдачи публичныхъ работъ, плата акціями за предоставляемые уступки, разные подлоги и обманы, словомъ всѣ возможные продѣлки и извороты безсовѣстной аячности, принадлежали къ повседневному явленіямъ въ высшихъ кругахъ общества и, ставъ обычными, постепенно утратили свою позорность; нѣкоторыя изъ первыхъ французскихъ семей не устыдились запятнать себя даже поддѣлкою фальшивой монеты и явнымъ шулерствомъ. Правительственныя мѣста давались въ награду за личныя послуги, а тѣ, кто ихъ получалъ, пользовались ими для удовлетворенія своей ненасытной жадности. Матеріальныя выгоды считались выше чести и добраго имени. Даже первые министры, Сульть, Бюжб, Тьеръ, слыли нечистыми въ этомъ смыслѣ; бывшій военный министръ, генералъ Кюбьеръ, попалъ подъ судъ за взяточничество, а министръ Тестъ,

¹ У короля было много денегъ въ государственныхъ фондахъ.

уличенный въ томъ же преступленіи, заплатился за него тюрьмой. Неудивительно, что народъ недовѣрчиво смотрѣлъ на всѣхъ участниковъ этой власти, черпавшихъ изъ золотого рудника, наполняемаго его же потowymi трудами. — Людовикъ Филиппъ, превосходя всѣхъ умомъ, разсудительностью и знаніемъ людей на дѣлѣ, окружалъ себя государственными лицами, которыя безусловно ему подчинялись и которыхъ онъ поочередно дѣлалъ министрами. Тьеръ, историкъ-панегиристъ революціи и Наполеонова господства, человекъ ловкій, умный и краснорѣчивый, не хотѣлъ совершенно покориться произволу Людовика Филиппа и выставилъ было извѣстное начало, что король долженъ только царствовать, а не управлять; но и онъ, подобно всѣмъ другимъ, не смогъ пропзвести ни какой перемѣны въ политикѣ и управленіи. Въ тѣ дни, когда не благоволилъ къ нему дворъ, онъ, въ своемъ органѣ, журналѣ *Constitutionnel*, крѣпко держался началъ демократически-конституціонной монархіи. Податливѣе Тьера былъ Гизо, отличный ученый и историкъ и достойный уваженія какъ частный человекъ, не запятнавшій своего имени грязью своекорыстія. Но, угодливый слуга своего властителя, онъ не оказалъ довольно самостоятельности и силы характера и измѣнилъ началамъ либерализма, которыя взвели его на высоту. Онъ болѣе и болѣе держался правила священнаго союза: «все для народа, но ни чего черезъ него!» — Людовикъ Филиппъ очень любилъ, когда ходъ французскихъ событій сопоставляли съ тѣмъ, что нѣкогда совершилось въ Англіи, выводя отсюда для Орлеанскаго дома надежды на такую же прочную будущность, какая досталась въ удѣлъ англійской династіи съ 1688 г.; но Вильгельмъ Оранскій не жертвовалъ, какъ Людовикъ Филиппъ, правами и льготами края своему династическому интересу.

§ 821. Внутреннія дѣла Франціи. Июльское правительство полагало, что тѣмъ надежнѣе поведетъ дѣла по своему желанію, если не примкнетъ ни къ одной изъ великихъ партій, на которыя распались тогда европейскіе народы (§ 781), а изберетъ средній путь, на которомъ должны сойтись умѣренные люди обѣихъ сторонъ. По этому первые его министры, и въ челѣ ихъ Казиміръ Перье († 16 марта 1832), выработали систему такъ-называемой настоящей середины (*juste milieu*) и руководились ею въ своихъ дѣйствіяхъ. За это прозваны они доктринерами и навлекли себѣ укоризну въ томъ, что политика ихъ основана не на дѣйствительной жизни и не на практическомъ соображеніи текущихъ обстоятельствъ, а на самодѣльныхъ теоріяхъ, заранѣе готовыхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, на планѣ разсчитанномъ напередъ.

Ихъ господство вскорѣ встрѣтило себѣ прекословіе и смѣлыхъ противниковъ. Прежде всѣхъ зашевелились легитимисты, въ надеждѣ на силу духовенства, стоявшаго съ ними заодно. Но ненависть къ Бурбонамъ была еще слишкомъ свѣжа въ сердцѣ общества. Восруженіе бѣлаго знамени въ церкви св. Роха въ день смерти герцога Беррійскаго (15 февр. 1831) возбудило сильное возстаніе, при чемъ разоренъ архіепископскій дворецъ и вся домашняя утварь выкинута оттуда въ Сену. Тогда легитимисты возложили свое упованіе на вѣрную Вандею. Герцогиня Беррійская сама отправилась въ этотъ край, чтобъ возбудить воинственный духъ набожнаго народа къ рыцарскимъ подвигамъ. Но и здѣсь волненіе не имѣло успѣха, а когда герцогиня была арестована (7 ноября 1832), и ея очевидная беременность обнаружила существованіе тайнаго брака, тогда мгновенно пчезло то романтическое обаяніе, которое еще окружало изгнанную королевскую семью. Легитимисты, и во главѣ ихъ маститый поэтъ Шатобріанъ, отложили съ тѣхъ поръ надежду возвести на престолъ своего избранника, герцога Бордоскаго, котораго они величали Генрихомъ V (Henri-Quint) и, надувъ губы, заперлись въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи или помогали своимъ золотомъ республиканскимъ возстаніямъ, въ тщетной увѣренности, что стоить лишь произвести переворотъ, и звѣзда ихъ непремѣнно взойдетъ опять на горизонтъ. — Опаснѣе для іюльскаго трона были отважныя попытки республиканцевъ. Возмущенные мѣрами правительства, которое пускалось въ дипломатическія козни, дѣйствуя съ старыми кабинетами заодно, которое отдавало нѣмецкихъ и итальянскихъ либераловъ на жертву ихъ противникамъ, которое въ самой Франціи подавляло республиканскіе журналы и запрещало всѣ союзы общества, — республиканцы взяли за оружіе въ Ліонѣ (ноябрь 1831) и, подкрѣпленные толпами рабочихъ съ шелковыхъ фабрикъ, цѣлую недѣлю держали городъ въ своей власти, пока Сультъ не явился съ значительнымъ корпусомъ и силой не принудилъ ихъ къ покорности. Ихъ паденіе не удержало единомышленниковъ ихъ въ Парижѣ отважиться на подобную попытку. Похоронами либеральнаго генерала Ламарка (5 іюня 1832), составлявшаго съ Лафайеттомъ, Лафиттомъ и друг. ядро оппозиціи, воспользовались для мятежа, который однакожъ остался безъ успѣха и навлекъ участникамъ тяжкое наказаніе. Подобный же исходъ имѣло и второе возстаніе въ Ліонѣ, продолжавшееся четыре дня (апр. 1834). Съ тѣхъ поръ и республиканцы не предпринимали болѣе попытокъ насильственнаго переворота; они покорились неодолимой силѣ, но ста-

рались распространять свои взгляды въ журналахъ и тайныхъ обществахъ. Чѣмъ больше ихъ тѣснили и преслѣдовали, тѣмъ болѣе росло ихъ негодованье. Газета National, издаваемая сначала благороднымъ Арманъ Каррелемъ, а послѣ того какъ онъ палъ на поединкѣ, — Маррастомъ, была многогонимымъ и частокараемымъ органомъ ихъ партіи. Но вскорѣ сами республиканцы раздѣлились на нѣсколько вѣтвей, съ весьма различными направленіями. Въ то время, какъ настоящіе приверженцы республиканскихъ формъ нападали только на существующее государственное устройство, другіе, какъ наприм. Прудонъ, утверждали, что и самая собственность не что иное какъ кража, и грозили войною всѣмъ имущимъ, или, какъ Луи Бланъ, льстили эгоизму и самолюбію рабочихъ классовъ, преувеличивая цѣну ихъ заслугъ и ихъ значеніе, проповѣдывали уравниеніе труда и капитала (относительно приобретаемыхъ отъ нихъ выгодъ) и требовали лучшаго вознагражденія и обезпеченія работы путемъ экономической организаціи со стороны государства. Последніе видѣли все благо въ преобразованіи социальныхъ (общественно-экономическихъ) отношеній и усвоивали себѣ системы коммунизма и социализма (§ 810), придуманныя мечтателями или сбившимися съ толку головами. Не постигая громаднаго механизма общежитія, они прилагали ко всему человѣческому обществу узкій масштаб мастерской или клуба. Быстро разливались коммунистскія и социальныя идеи; прикрытыя пеленой запретнаго и тайнаго, представлялись онѣ ограниченнымъ умамъ рабочихъ глубокою мудростью и якоремъ спасенія; и какъ образованные классы или не обращали на нихъ вниманія или смѣялись надъ ними, какъ надъ химерами, то, оставаясь неопровергнутыми, онѣ подобно плываламъ были разеяны по всѣмъ странамъ западной Европы, благодаря старанію злонамѣренныхъ смутчиковъ (а иногда и заблуждавшихся добряковъ). Порожденное долгимъ миромъ процвѣтаніе торговли и промышленности подняло благосостояніе имущихъ классовъ, а расширеніе кредитной системы, основанной на довѣріи къ бумажнымъ деньгамъ и документамъ, какъ представителямъ цѣнностей, увеличило богатство многихъ отдѣльных лицъ въ неслыханной степени. Все это, у достаточнѣйшихъ классовъ, повело къ неразлучнымъ съ высокою цивилизаціей блеску и роскоши, которые ослѣпили скудную средствами толпу и породили въ ней мечту о несмѣтныхъ сокровищахъ, которыя будто бы хранятся у богатыхъ, мечту о невѣроятныхъ барышахъ, будто бы выручаемыхъ негоціантами и хозяевами фабрикъ изъ дѣятельности и потоваго труда нуждающихся во всемъ рабочихъ. Этими

обстоятельствами воспользовались очень ловко для того, чтобы необразованные, ограниченные, часто совершенно простые умы низших классов народа, тѣснимыхъ матеріальною нуждою и обижающихся своей незавидною долею, осѣлить лжеумственнымъ истолкованіемъ началъ равенства и братства. Ученія эти, равно сподручныя себѣлюбію и вѣдлости, какъ и дѣйствительной нуждѣ, нашли себѣ плодотворную почву въ возрастающемъ пролетаріатѣ. Ниспроверженіе всего существующаго, уравниваніе имуществъ и потребностей, война противъ высшихъ сословій, — вотъ что было цѣлю возникшихъ теперь тайныхъ обществъ; тогда какъ своимъ явнымъ лозунгомъ выставляли они избирательную реформу, измѣненіе конституціи. Возбуждающіе ненависть къ зажиточному классу стихи и трогательныя изображенія бѣдствій общественнаго быта еще усиливали народное негодованье: любимымъ предметомъ литераторовъ и романистовъ стали неестественныя положенія, обуславливаемые гнетомъ господствующихъ вездѣ превратныхъ отношеній. Вѣра въ безсмертіе души и въ небесную награду выставлялась пустою химерою, которую хотятъ только задобрить бѣдняка, лишеннаго своей доли счастья, и отвести ему глаза отъ справедливыхъ притязаній на земное благополучіе; правительство и начальство изображались въ видѣ силою навязаннаго порядка, къ которому нѣтъ собственно никакихъ обязанностей и который держится только до тѣхъ поръ, пока «народъ» не сознаетъ своей силы или не дастъ ей практическаго приложенія: — этими ученіями, коренившимися во Франціи и распространенными оттуда во всѣ края, постепенно подкопана была почва государственнаго зданія. Элементы броженія, годъ отъ года усиливавшіеся въ объемѣ, въ связяхъ и въ организаціи грозили ниспроверженіемъ и бѣдой всему существующему порядку. Руководясь мыслию, что государственный организмъ Франціи держится только благодаря ловкому и расчетливому уму его главы, члены этихъ тайныхъ обществъ направили свои покушенія на жизнь Людовика Филиппа, чтобы въ минуту общаго смятенія установить республиканскія политическія формы, а потомъ быстро перейти къ социальнымъ преобразованіямъ. Восемь такихъ посягательствъ предпринято было противъ короля одно за другимъ, и всѣ избѣжали опъ съ удивительнымъ счастіемъ. Ужаснѣйшимъ изъ нихъ былъ замысль Корсиканца Фіэски, приведенный въ исполненіе въ день торжества іюльскихъ дней 1835 года: адекою машиною, подставленною на бульварахъ, убило тогда 21 человѣка изъ свиты короля, въ томъ числѣ

и старого маршала Тревизскаго (Мортё). Фіэски и оба его соумышленника погибли на гильотинѣ, но смерть ихъ не удержала отъ подобныхъ же покушеній другихъ. Алибѣ, Дармесъ и проч. попались за свои попытки кто на плахѣ, кто ссылкой въ дальнія колоніи, и не смотря на то большой, но неудачный мятежъ 1839 г. обнаружилъ и послѣ часть тѣхъ разлагающихъ стихій, которыя бурлили въ глубинахъ общественнаго быта. Высшія сословія равнодушно смотрѣли на затѣи тайныхъ обществъ рабочаго люда; недовольныя мѣрами правительства, они даже пособляли оппозиціи, исходившей изъ этихъ сферъ. вмѣсто того, чтобъ, руководясь вѣрнымъ взглядомъ на обстоятельства, задобрить средніе классы и привязать ихъ къ существующему порядку благовременными реформами въ либеральномъ духѣ, расширеніемъ правъ и популярными законами, іюльское правительство пользовалось каждымъ покушеніемъ на убійство, каждымъ демократическимъ движеніемъ, только для того, чтобъ ограничивать права, обезпеченныя конституціей и усиливать строгія запретительныя мѣры. Изданные въслѣдствіе покушенія Фіэски сентябрьскіе законы (1835), сковавшіе журналистику взносомъ большихъ денежныхъ обезпеченій и усилившіе тяжесть судебныхъ приговоровъ введеніемъ въ суды присяжныхъ тайной подачи голосовъ и расширеніемъ наказаній противъ отсутствующихъ (*in contumaciam*), ежеминутно угрожали какъ мечъ Дамокла и свободѣ печати, и личной безопасности. — Напрасно, предводимая Одильономъ Барро и другими, лѣвая сторона палаты депутатовъ, поддерживаемая на этотъ разъ полномѣстнымъ голосомъ стараго роялистскаго политика и философа Руойѣ Коллѣра, сопротивлялась этимъ ретрограднымъ мѣрамъ; министерское большинство, увлекаясь химерическимъ убѣжденіемъ, что стремящійся впередъ демократизмъ можно обуздать только страхомъ, и что либеральная журналистика одна виною тому броженію и недовольству, которыя господствуютъ въ низшихъ классахъ, одобряло всѣ мѣры законодательнаго прещенія. Въ полной надеждѣ на большинство голосовъ, приобретаемое при каждомъ обновленіи палаты произвольнымъ вмѣшательствомъ въ выборы, подкупомъ и тому подобными продѣлками, правительство шло все далѣе по избранной имъ дорогѣ и такимъ образомъ болѣе и болѣе разобщалось съ народомъ; своимъ вліяніемъ на присяжныхъ оно ослабило даже довѣріе къ популярному учрежденію присяжныхъ судовъ. Въ одномъ только случаѣ правительство проиграло свое дѣло передъ этими судами. Въ 1836 г., молодой принцъ Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, съ по-

мощью нѣсколькихъ приверженцевъ своего дяди, произвелъ въ Страсбургѣ (30 окт.) попытку низвергнуть іюльскую династію военнымъ возстаніемъ и снова водрузить Бонапартовскіе орлы. Легко совладали съ безразсуднымъ юношей, и, не призывая его къ суду, прямо отправили въ Америку. Это произвольное помилованіе произвело такое впечатлѣніе въ народѣ, что на ближайшихъ ассизахъ всѣ соумышленники принца были оправданы присяжными, и когда для лучшаго обезпеченія себя на будущее время, правительство представило палатамъ такъ-называемый разобщительный законъ, съ тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ заговоровъ и возстаній, въ которыхъ участвовали лица гражданского и военного вѣдомствъ, только первыя подвергались суду присяжныхъ, а послѣдніе судились бы военнымъ порядкомъ, мѣра эта не получила утвержденія. Спустя нѣсколько лѣтъ Людовикъ Наполеонъ повторилъ свою попытку, высадившись изъ Англіи въ Булонь (6 авг. 1840). На этотъ разъ онъ заплатился за свой поступокъ многолѣтнимъ заточеніемъ въ крѣпости, отъ котораго наконецъ освободился удачнымъ бѣгствомъ. Правительство чувствовало себя однакожь столь сохраннымъ отъ нападеній бонапартитеской партіи, что отважилось привезти прахъ Наполеона съ острова св. Елены и схоронить его подъ куполомъ дома инвалидовъ (15 дек. 1840). Гораздо болѣе опасался Людовикъ-Филиппъ возрастающей оппозиціи республиканцевъ и клубовъ коммунистскаго и соціальнаго оттѣнка, особенно съ тѣхъ поръ, какъ старшій сынъ его, популярный герцогъ Орлеанскій, погибъ вслѣдствіе несчастнаго паденія съ экипажа (13 іюля 1842), и тѣмъ потрясаясь благонадежность престолонаслѣдія. Такъ какъ внукъ короля, ставшій теперь наслѣдникомъ вмѣсто отца, былъ еще въ младенчествѣ, то, на случай кончины Людовика-Филиппа до совершеннолѣтія молодаго принца, закономъ установлено было регентство и возложено не на благородную мать наслѣдника, герцогиню Елену, урожденную принцессу Мекленбургскую, но на его старшаго дядю, герцога Немурскаго, который былъ далеко не любимъ. А для огражденія себя и своей династіи отъ всякаго неожиданнаго взрыва, король, съ помощію Тьера, настоялъ наконецъ и на исполненіи завѣтнаго своего плана опоясать укрѣпленіями весь Парижъ, будто бы въ защиту отъ внѣшнихъ непріятелей, а въ самомъ дѣлѣ—для подавленія демократическихъ и республиканскихъ движеній. Ибо при строгой централизаціи, вслѣдствіе которой вся политическая дѣятельность сосредоточена въ Парижѣ, тотъ, кто владѣетъ столицей, есть вмѣстѣ и

неоспоримый обладатель всей страны. Громадныя издержки, которыхъ достало бы на покрытіе Франціи обширной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, потребовались на исполненіе этого дѣла, а между тѣмъ нѣсколькихъ дней въ февралѣ 1848 г. довольно было для того, чтобъ доказать, какъ суетна всякая надежда на укрѣпленія и военную силу, если опорою престолу не служитъ народная любовь. Нѣсколько ватагъ рабочихъ и нѣсколько уличныхъ заваловъ (баррикадъ) были бы конечно безсильны вполне ниспровергнуть существующій порядокъ, еслибъ правительство не удалялось болѣе и болѣе отъ либеральныхъ началъ іюльскаго переворота, не побижало іезуитамъ и денежной аристократіи, и не оттолкнуло отъ себя большинство средняго сословія,—это ядро всякаго образованнаго народа. Равнодушно смотрѣли на срочное обновленіе палаты, ибо могло ли въ ней измѣниться что-нибудь существенно, когда не цѣлая нація, а только малая частица богатыхъ людей избирала депутатовъ; безучастно узнавали о перемѣнѣ министерствъ: Гизо ли, или Моле стоитъ у кормила правленія, развѣ государственную машину вести не все одна и та же неизмѣнная мысль Людовика Филиппа! Похвалы и заступничество, расточаемыя правительству въ *Journal des Débats*, ослѣпляли только тѣхъ немногихъ, которые пользовались этимъ управленіемъ для своей выгоды; всѣ прочіе читали оппозиціонные журналы и замѣчали съ злорадствомъ, какъ лица, окружавшія іюльскій тронъ, теряютъ мало по малу народное уваженіе и по необходимости отстраняются, какъ «истертыя»; одни радовались громовымъ памфлетамъ, которыми Ламеннѣ, Кормененъ и друг. побивали систему правительства, другіе безподозрительно всасывали тотъ ядъ, который Жоржъ Сандъ (г-жа Дюдеванъ), Евгеній Сю и проч. подносили народу въ видѣ обычной умственной пищи въ своихъ соблазнительныхъ и возбуждающихъ романахъ.

§ 822. Внѣшнія отношенія Франціи. 1) Политическій характеръ. Для большей части государствъ европейскаго материка іюльская революція была электрическимъ ударомъ, который вмѣстѣ съ холерой, проходившей Европу въ противоположномъ направленіи, навелъ страхъ и тревогу на государственныхъ вождей, а высшіе классы внезапно пробудилъ отъ пріятныхъ грезъ, которымъ они предавались среди житейскихъ наслажденій. Въ Нидерландахъ, Польшѣ, Германіи, Италіи зашевелилась недовольная настоящимъ партія либераловъ, и, въ надеждѣ на помощь Франціи, старалась добиться болѣе свободной политической жизни и своевременныхъ реформъ. Опасеніе европейскихъ

державъ зятянуты въ войну, которая, при тогдашней возбужденности и раздраженіи партій и при политической зрѣлости народовъ, легко могла перейти въ борьбу мѣній и въ междоусобіе, побудило правительства ко многимъ уступкамъ и повело бы къ еще болѣшимъ, еслибъ, съ одной стороны, необузданныя требованія и стремленія либераловъ, соединенныя съ угрозами, заговорами и безразсудными мятежами, не ободрили и не вынудили власти къ дружному сопротивленію, и еслибъ, вскорѣ потомъ, опасенія государей не разсѣялись передъ миролюбивымъ настроеніемъ «гражданина-короля», который старался достигъ признанія своихъ правъ на престолъ и на равенство съ другими вѣнчанными главами, не мечемъ, какъ нѣкогда императоръ Наполеонъ, а оружіемъ политики и дипломатіи, какъ «Наполеонъ мира» (Napoléon de la paix). Независимость Бельгійскаго королевства (§ 799) была единственнымъ удачнымъ событіемъ, которое послѣ многолѣтнихъ переговоровъ между министрами на лондонской конференціи, состоялось вслѣдствіе іюльскаго переворота. Польша не нашла сочувствія въ правительствахъ западной Европы, и всѣ заговоры, всѣ попытки къ возстанію, которые предпринимались потомъ разсѣянными повсемѣстно выходцами, которые, посредствомъ тайной пропаганды, хотѣли добиться возстановленія своей народности, — все оканчивалось къ ихъ собственному вреду и только наполняло тюрьмы и мѣста ссылки новыми жертвами. Германскіе государи, подозрѣвая Французовъ въ желаніи присвоить себѣ рейнскую границу, наперерывъ искали благосклонности могущественной своимъ самодержавіемъ Россіи и сами поддавались ея преобладающему вліянію. — Въ Италіи іюльское правительство по крайней мѣрѣ на столько уступило требованіямъ либераловъ, что, занявъ Анкону (1832), оградилъ этотъ край отъ австрійскаго полновластія и старалось уберечь здѣсь партію прогресса отъ совершенной гибели, которая ей угрожала (§ 803). Шесть лѣтъ оставалась Анкона подъ щитомъ французскихъ войскъ, пока среди прочно водворившагося спокойствія, занятіе это оказалось излишнимъ и было наконецъ прекращено. — Хотя, при миролюбіи короля Французовъ, іюльская революція не имѣла для европейской политики и общественнаго быта тѣхъ потрясающихъ послѣдствій, какихъ опасались отъ нея вначалѣ нѣкоторые заботливые и мрачно смотрѣвшіе на свѣтъ умы (наприм. историкъ Нибуръ); однакожъ воинственный духъ французскаго народа все же требовалъ себѣ какого-нибудь поприща, и Людовикъ Филиппъ нашелъ ему это поприще въ дали отъ Европы. Для этого всего лучше могъ служить Алжиръ, занятый передъ самою

юльской революціей, и потому немедленно сдѣланы были распоряженія для дальнѣйшаго покоренія и колонизаціи этого края.

§ 823. 2) Алжиръ. Сколь ни дорого обошлось французской націи обладаніе Алжиромъ, который можно было держать въ покорности только посредствомъ значительныхъ военныхъ силъ, какіе ужасы и кровопролитія ни обрушивались на эту злополучную землю, — для Франціи и для Людовика-Филиппа отдаленная война представляла въ то время величайшія выгоды. Упорная борьба съ храбрыми, распаленными изувтревомъ племенами Кабилловъ и Бедуиновъ (т. е. горцевъ и степняковъ) поддерживала въ народѣ мужество и духъ воинственности и доставляла войскамъ удобный случай упражняться въ ратномъ дѣлѣ и устранять отъ себя порождаемые продолжительнымъ миромъ вялость и боязнь военныхъ тревогъ, лишеній и опасностей. Африка представляла французскому правительству сподручное поприще, для удаленія изъ метрополіи множества недовольныхъ и неугомонныхъ людей, которымъ находилось занятіе на чужбинѣ, служившее часто къ ихъ собственному исправленію и всегда къ очевидной пользѣ роднаго края. Мало этого: многіе революціонеры другихъ странъ, послѣ неудачныхъ попытокъ у себя дома, укрывшіеся отъ преслѣдованія во Францію, волей и неволей переплывали Средиземное море и, вступая въ иностранный легіонъ, проливали кровь за чужое завоеваніе. Покореніе Алжира было вовсе не легко, а на водвореніе цивилизующихъ поселеній Французы вообще не очень способны. Совершены были великіе военные подвиги и отважные походы, но управляемый военнымъ генералъ-губернаторомъ край, куда заманчивыми обѣщаніями вызвали колонистовъ разныхъ странъ и націй (особенно Нѣмцевъ), не достигъ цвѣтущаго состоянія. Да и какъ было преуспѣвать тамъ гражданственности въ то время, когда французскія войска не могли оградить воздѣлываемыхъ поселенцами полей пшеницы и кукурузы отъ разорительныхъ набѣговъ хищныхъ бедуинскихъ ордъ? когда съ трудомъ построенная хижина и едва взрощенное плодовое деревцо при первомъ случаѣ становились жертвою пожара? Провинція Африка, которая во времена Римской имперіи была одною изъ самыхъ богатыхъ, цвѣтущихъ и обработанныхъ странъ міра, съ великолѣпными городами, знаменитыми училищами, съ зажиточнымъ торговымъ и промышленнымъ населеніемъ, эта страна и подъ владичествомъ Французовъ не вышла изъ того варварскаго состоянія, въ какое повергли ее хищныя могоммедаискія племена. Новые завоева-

тели не могли ни на минуту отложить оружіе, потому что въ лицѣ эмира Абдъ эль-Кадера они нашли себѣ такого же противника, какого Римляне имѣли нѣкогда въ лицѣ Югурты (§ 184). Хитрый и предприимчивый, неистощимый на планы и средства, сильный безпредѣльнымъ уваженіемъ къ нему туземцевъ, въ качествѣ предводителя и духовнаго лица (марабута), и превосходя иноплеменниковъ знаніемъ края и характера жителей, Абдъ-эль-Кадеръ счастливо и успѣшно сопротивлялся Французамъ многіе годы, и если въ текущемъ году могущество его представлялось вполне сокрушеннымъ и близкимъ къ паденію, то въ слѣдующемъ онъ снова выступалъ въ полѣ съ удвоенною силой. Послѣ многихъ битвъ, веденныхъ съ переменнымъ счастіемъ въ губернаторство Клозеля (1834—1837), при чемъ Французы дважды потерпѣли пораженіе (при Мактѣ и при Тафнѣ), но за то выжгли столицу эмира, городъ Маскару, удалось наконецъ генералу Бюжѣ, заслужившему своими подвигами въ Африкѣ маршальскій жезлъ и титулъ герцога (Ислійскаго—за побѣду при Исли), вынудить у предприимчиваго вождя, въ силу мира при Тафнѣ (30 мая 1837), признаніе верховной власти Французовъ надъ алжирскою областью. Но когда велѣдъ за тѣмъ Французы направили свои силы на востокъ, въ провинцію Константину и, взявъ главный городъ приступомъ (13 окт. 1837, тутъ погибъ геройскою смертію храбрый генераль Дамремонъ), постепенно заняли этотъ край подъ начальствомъ маршала Валё,—Абдъ-эль-Кадеръ воспользовался этимъ временемъ для покоренія себѣ всѣхъ арабскихъ племенъ, жившихъ къ югу отъ его области до самой пустыни, и тѣмъ чрезвычайно возвысилъ свою власть. Летучій набѣгъ, предпринятый маршаломъ Валё къ ущелью «Желѣзные ворота», эмиръ почелъ за оскорбленіе его территоріи и снова поднялъ «священную войну» противъ христіанскихъ вторженцевъ. Колонія Европейцевъ на открытыхъ мѣстахъ подверглись нападенію и разоренію; въ долину Метиджи отаборились 40,000 Арабовъ и простирали свои набѣги до самыхъ воротъ Алжира; плоды всѣхъ битвъ и успѣй были, повидимому, совсѣмъ потеряны, — какъ вдругъ главное начальство въ Африкѣ передано было Бюжѣ и тамошняя армія приумножена новыми корпусами. Съ помощью храбраго генерала Ламорпсьера и другихъ прозорливыхъ вождей, удалось ему сломить могущество Абдъ эль-Кадера тѣмъ, что непрерывными набѣгами (рапціями) и весьма дѣйствительными у Арабовъ покупками онъ утомлялъ отдѣльные арабскія племена и побуждалъ ихъ

отложиться, а между тѣмъ болѣе значительными экспедиціями старался истреблять силы эмира, подрывалъ общее къ нему уваженіе разореніемъ его крѣпостей и опорныхъ пунктовъ (Сайда) внутри края и лишалъ его всѣхъ вспомогательныхъ средствъ (1842). По вторичномъ взятіи Маскары большая часть кабилскихъ племенъ отпала отъ Абдъ-эль-Кадера и покорилась Французамъ, и самъ эмиръ былъ наконецъ вынужденъ спастись бѣгствомъ въ марокканскіе предѣлы. Но, неистощимый въ пріисканіи способовъ и неутомимо дѣятельный, успѣлъ онъ составить новые военные планы, основанные на религіозной враждѣ могаммеданъ и на шаткости невѣрныхъ Кабиловъ. Опять явился онъ на окраинѣ пустыни, опять побудилъ Арабовъ къ возстанію и возобновленію войны, и когда, послѣ многократныхъ пораженій, былъ вторично принужденъ искать спасенія на марокканской почвѣ, то, какъ нѣкогда Югурта у царя Бокха въ Мавританіи, употреблялъ всѣ хитрости, чтобы подвигнуть владыку Марокка на войну съ Французами, и старался поднять противъ нихъ разомъ всѣхъ могаммеданъ, разжигая въ нихъ и религіозную ненависть, и племенную, кровную вражду. Французы, съ своей стороны, раздраженные вѣроломствомъ туземцевъ, повели теперь войну безпощадно и жестоко, мечемъ и огнемъ завоевывая себѣ почву для колонизаціи. Общій голосъ негодованія раздался въ цѣлой Европѣ противъ страшной системы, которая нашла себѣ защитника только въ военномъ министрѣ, старомъ маршалѣ Султѣ, который всю жизнь свою никогда не оказывалъ пощады и человеколюбія. Однакожъ система ужаса дѣйствительно принесла тотъ плодъ, что, всѣми покинутый и всюду опасаясь за свою жизнь и свободу, Абдъ-эль-Кадеръ покорился наконецъ Французамъ, выговоривъ себѣ свободный пропускъ въ Египетъ (декабрь 1847). Правительство «образованнѣйшей изъ всѣхъ націй» не утвердило договора заключеннаго самимъ сыномъ короля, но велѣло привезти Абдъ-эль-Кадера съ его семействомъ и свитою во Францію, гдѣ его нѣсколько лѣтъ держали подъ строгимъ надзоромъ, пока Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ, достигнувъ императорской власти, не отпустилъ его, съ блистательными проводами, въ малоазійскій городъ Бурсу.

§ 824. 3) Востокъ. Обладаніе Алжиріей особенно важно для Французовъ потому, что имъ обусловливается участіе ихъ въ господствѣ надъ Средиземнымъ моремъ ¹ и вліяніе на восточныя дѣла. Фран-

¹ Благодаря Алжиріи, политическое значеніе Гибралтара, въ рукахъ Англичанъ, утратило прежнюю свою цѣну. Обладаніе этой неприступной крѣпостью важно теперь только, какъ главная точка опоры для обширной англійской контрабанды въ Испаніи.

ція изстари держалась той политики, щобъ состоять въ ладахъ съ могоммедавскими державами Востока и сохранять свое вліяніе на ходъ тамошнихъ дѣлъ; особенно не теряла она изъ виду Египта, съ тѣхъ поръ какъ ее сблизило съ нимъ достопамятное предпріятіе Наполеона (§ 737). Въ случаѣ паденія дряхлой Оттоманской порты, Франція естественно разсчитываетъ на свою долю въ дѣлѣ, и тогда что можетъ быть для нея сподручнѣе плодороднаго Принильскаго края, который, въ связи съ Алжиріей и другими дальнѣйшими пріобрѣтеніями, составитъ державу, способную поспорить въ значеніи съ англійскою Индіей? Этотъ темный, отдаленный планъ, быть-можетъ и побудилъ Людовика Филиппа и его министровъ вступить въ такую дружескую связь съ жестокимъ, тираническимъ Мегемедомъ Али и его воинственнымъ сыномъ, Ибрагимъ-пашею. Мегемедъ-Али, Македонецъ низкаго происхожденія, послѣ самой тревожной юности достигъ сана пашы въ Египтѣ. Здѣсь началъ онъ съ того, что хитростью, убійствомъ и насиліемъ уничтожилъ господство Мамелюковъ, погубивъ ихъ вождей, потомъ, съ помощью европейскихъ, особенно французскихъ совѣтниковъ, устроилъ систему правительства, въ которой европейская цивилизація страшно сочеталась съ деспотизмомъ Востока. Неслыханнымъ гнетомъ податей и распоряженіемъ предоставлять ему всѣ произведенія почвы за опредѣленную цѣну онъ довелъ собственниковъ-крестьянъ (феллаховъ) до отчаяннаго положенія, такъ что они предпочли уступить ему свою податную недвижимость и обрабатывать ее въ качествѣ его поденщиковъ и рабовъ, что превратило почти весь Египетъ въ одну огромную маетность властелина. Тогда ввелъ онъ тамъ европейскую промышленность, которая обогащала его болѣе и болѣе въ явный ущербъ народу, велѣлъ усадить всю землю хлопчатникомъ, а сбытъ хлопка предоставилъ одному себѣ; изъ европейскихъ же учрежденій водворялъ у себя именно тѣ, которыя, какъ наприм. полицейское устройство и конскрипція, опутывали народъ все стѣснительнѣйшими узами, или еще тѣ, которыя придавали государству отбѣнокъ цивилизаціи и которыми можно было блеснуть передъ заѣзжимъ чужестранцемъ: таковы сочиненіе новаго уложенія по французскому образцу, учрежденіе высшаго училища, заведеніе типографіи, газеты и т. под. Въ надеждѣ на свою значительную сухопутную и морскую силу, также устроенную на французскій ладъ, онъ отказалъ Турецкому султану въ положенной дани и началъ расширять свою область во всѣ стороны. Онъ покорилъ Нубію

и Кордофанъ, гдѣ началъ безсовѣстѣйшимъ образомъ торговать неграми, и помогать своему сыну, Ибрагиму, въ завоеваніи Сиріи и Палестины. Не смотря на объявленную Мегемеду-Али опалу со стороны Порты, Ибрагимъ побѣдоноснымъ походомъ покорилъ себѣ Сирію и согласился потомъ на миръ, улаженный европейскими державами и предоставившій ему управленіе завоеваннымъ краемъ подъ верховной властію султана. Не довольный этимъ, Мегемедъ-Али, стремился къ учрежденію независимой отъ Порты наслѣдственной монархіи, которая обнимала бы собою Египетъ, Сирію, остр. Критъ и другія завоеванныя земли; съ этой цѣлю отрекся онъ отъ всякой дани султану. Тогда снова запылала война (1839—1841). Уже турецкая армія была наголову разбита Ибрагимъ-пашею при Низибиѣ, и вѣроломный капитанъ-паша передался со всеѣмъ турецкимъ флотомъ непріятелю; поддерживаемый Франціей, Мегемедъ предъявлялъ самыя дерзкія требованія Портѣ, какъ вдругъ четыре великія державы, соединясь помимо Франціи въ такъ называемый четверной союзъ, заступились за султана. Сколько ни протестовалъ противъ всякаго вмѣшательства французскій кабинетъ, руководимый тогда воинственнымъ Тьеромъ, сколько ни пугалъ онъ союзниковъ общеевропейскою войною, — когда Англичане подвергли бомбардировкѣ Бейрутъ и стали угрожать обложеніемъ Александріи, Мегемедъ-Али согласился на условія мира, предложенныя европейскими державами и обезпечившія ему и его потомкамъ наслѣдственное управленіе Египтомъ и Нубіей, съ обязательствомъ платить дань султану, которому онъ долженъ былъ возвратитъ притомъ Сирію, Критъ и его флотъ. Миротлюбиве Людовика-Филиппа не допустило осуществиться угрозамъ его министра, которыя только вызвали на время воинственное одушевленіе въ Германіи и внушили поэту Бекеру его извѣстную Рейнскую пѣснь.

§ 825. Отаити. Мелочной, руководимой завистью къ Англичанамъ, политики держалась Франція на Отаити, одномъ изъ Товарищескихъ острововъ. Этотъ островъ, на которомъ жилъ безвредный, простодушно-дикій народецъ, благодаря вольному общенію съ Европейцами¹, скоро пришелъ въ нравственный и физическій упадокъ; болѣзни, пороки и ужасное идолослуженіе тяготѣли надъ жителями, пока англійскіе миссіонеры, введеніемъ христіанства, не насадили

¹ То-есть, съ матросами пристававшихъ туда кораблей и разную, случайно заброшенную сволочью.

тамъ сѣмени нравственнаго обновленія, и пока учрежденіе общественнаго порядка, основаннаго на европейскихъ понятіяхъ, не стало замѣнять псчезнувшій первоначальный бытъ благами гражданственности. Въ двадцатыхъ годахъ Отаити былъ уже христіански-цивилизованною землею; и если духовное его состояніе, порожденное методистскимъ ханжествомъ и пуританскою строгостью англійскихъ миссіонеровъ, не представляло на безпредубѣжденный взглядъ ничего утѣшительнаго, то все же оно было лучше предшествовавшаго быта, въ которомъ всѣ пороки цивилизаціи сливались съ грубой чувственностью дикарей. Вдругъ явились туда католическіе миссіонеры подѣ защитой французскаго консула (1835), принялись вытѣснять протестантизмъ папешествомъ и посягли сѣмена раздора и религіозной вражды. Тщетно королева Помарѣ, преданная Англичанамъ и ихъ вѣрѣ, прогнала католическихъ миссіонеровъ съ своего острова (1836); два года спустя, нѣсколько французскихъ кораблей привезли назадъ этихъ проповѣдниковъ и вынудили себѣ разрѣшеніе на постройку католическихъ церквей, а чтобы придать своему дѣлу больше прочности, они старались заодно съ французскимъ консуломъ поставить островъ подѣ покровительство своей державы (1842). Людовикъ-Филиппъ (конечно въ угоду доховенству) малодушно согласился на просьбу, выманенную у нѣсколькихъ старшинъ, и не смотря на прекословіе королевы (которая, по совѣту англійскаго консула Причарда, повелѣла снять французскій флагъ, но за то была отрѣшена французскимъ адмираломъ Дюпѣти-Туаромъ отъ верховной власти) и на протестацію Англіи, указалъ принять островъ подѣ французскій протекторатъ. Съ тѣхъ поръ господствовали тамъ вражда и смуты. Королева удалилась на другой островъ, а Отаитяне, подстрекаемые англійскими миссіонерами, продолжали противиться покровительству Французовъ ¹.

2. ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВЪ.

§ 826. Борьба мѣтій въ Испаніи. Испанія и Португалія, остались и послѣ іюльской революціи поприщемъ жаркой вражды партій. Хотя огромное большинство народа имѣло еще мало смысла къ предста-

¹ Такъ какъ, по настоянію Англіи, французское правительство не признало полного занятія острова адмираломъ Дюпѣти-Туаромъ, и ограничилось однимъ протекторствомъ, то этотъ въ сущности ничтожный случай поднялъ во Франціи цѣлую бурю негодованія противъ слабости іюльскаго правительства и протѣвъ колебаній министерства Гизо.

вительнымъ учрежденіямъ, къ общинному и муниципальному устройству и къ гражданскому порядку вообще; хотя, благодаря своей чувственной натурѣ и своимъ романтико-рыцарскимъ наклонностямъ и привычкамъ, оно скорѣе увлекалось какою-нибудь храброю военною личностью, смѣлымъ полководцемъ или атаманомъ разбойниковъ, нежели конституціонными формами и парламентскими преніями; хотя могущественное вліяніе бѣлаго духовенства и монаховъ на невѣжественный и суевѣрный народъ вовсе не благопріятствовало свободному политическому развитію; однакожь, не смотря на то, всѣ формы новѣйшей государственной жизни, начиная съ демократической республики до «апостолческаго» абсолютизма, находили себѣ приверженцевъ и поборниковъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Низшіе классы народа, особенно поселяне и горцы, слѣдовавшіе безъ всякаго разбора и политическаго пониманія внушеніямъ духовенства, крѣпко держались старыхъ іерархическихъ и монархическихъ учрежденій и служили аристократіи и клиру орудіемъ для сохраненія и обороны старины противъ преобразовательныхъ стремленій либераловъ; тогда какъ просвѣщенное городское сословіе, классъ ученыхъ и образованныхъ, а равно и многіе изъ армейскихъ офицеровъ, стояли за принятія отъ Франціи убѣжденія, желая, чтобъ королевская власть была и ограничена и вмѣстѣ подкрѣплена участіемъ народныхъ представителей въ жизни государства и отвѣтственностью министровъ передъ палатами. Пока жилъ на свѣтѣ Фердинандъ VII, конституціонная партія постоянно была въ загоцѣ и притѣсненіи, потому что король никогда не забывалъ своего гнѣва на кортесовъ и либераловъ. Даже и іюльская революція, сильно поднявшая надежды гонимыхъ, не произвела никакой существенной перемѣны въ ихъ положеніи. Правда, собралось нѣсколько сотъ выходцевъ около Мины, поспѣшившаго изъ Англіи, и отважилось на вооруженное вторженіе въ испанскіе предѣлы, но, покинутые Франціей и стѣсненные со всѣхъ сторонъ королевскими войсками, они не успѣли въ своемъ замыслѣ и только еще болѣе усилили прежнее гоненіе и гнѣтъ. Печальнѣйшій исходъ имѣло предпріятіе генерала Торрихоса, который съ небольшою дружиною вѣрныхъ высадился въ южной Испаніи и поднялъ было знамя кортесской конституціи (мартъ 1831), а равно и возникшій тогда съ тою же цѣлью заговоръ между нѣкоторыми изъ старыхъ моряковъ въ Кадиксѣ. Побѣжденный высланною противъ него превосходною силой, Торрихосъ вмѣстѣ съ 54 своими товарищами попался за смѣлость позорной смертью. Лучшее время для консти-

туціоналистовъ наступило лишь тогда, когда лицемѣрный король сошелъ въ могилу.

§ 827. Борьба Христиносовъ съ Карлистами. За нѣсколько мѣсяцевъ до іюльскихъ дней, четвертая супруга Фердинанда, Марія-Христина неаполитанская, успѣла склонить мужа, чтобы, сплотивъ своей королевской власти, онъ издалъ фамилное постановленіе («прагматическую санкцію» 29 марта 1836), которымъ отмѣнялся существовавшій во всѣхъ бургонскихъ державахъ саллическій законъ, исключавшій женщинъ отъ престолонаслѣдія, и тѣмъ самымъ обезпечивалось вступленіе на тронъ родившейся въ томъ же году (10 окт.) дочери ихъ Изабеллы (что впрочемъ допускалось и по древнекастильскому законодательству). Перемѣна эта не понравилась апостолической партіи, которая всѣ надежды свои возложила на меньшаго Фердинандова брата, Донъ-Карлоса, ожидавъ отъ чаемаго воцаренія его золотыхъ дней для приверженцевъ абсолютизма. Она побудила Донъ-Карлоса протестовать противъ всякаго акта, который могъ бы лишить принца подобающаго ему въ извѣстномъ случаѣ наслѣдованія престолу, и воспользовалась минутою, когда король впалъ въ физическое и умственное изнеможеніе, предвѣщавшее близкую смерть, чтобы черезъ покушное посредство одной придворной дамы выманить у него отмѣну прагматической санкціи. Но Фердинандъ оправился снова и, возмущенный вѣроломною продѣлкой, какую сыграли съ нимъ его приближенные, изгналъ своего брата, созвалъ стародавніе кортесы и получилъ отъ нихъ утвержденіе своего фамилнаго устава. Но едва смежилъ онъ глаза (29 сент. 1833), какъ сильная связями апостолическая партія подняла знамя междоусобной войны и провозгласила королемъ Донъ-Карлоса подъ именемъ Карла V (отсюда карлисты). Она нашла себѣ поддержку въ сѣверныхъ областяхъ, именно у суровыхъ, энергическихъ горцевъ Баскскихъ провинцій, которые возставали противъ конституціи кортесовъ за то, что ею нарушались ихъ старинныя права и льготы (фуэросы). Возбуждаемые попами и монахами и подъ начальствомъ смѣлыхъ и предприимчивыхъ вождей (Сумалакарегун и Кабреры), храбрые Баски поднимали мечъ за абсолютнаго короля, который поспѣшилъ къ нимъ изъ своего изгнанія (3 окт. 1833). Для успѣшнаго противодѣйствія возставшимъ, королева Марія-Христина, призванная къ регентству до совершеннолѣтія дочери своей Изабеллы, старалась привязать къ своему дѣлу партію либераловъ и конституціоналистовъ; она утвердила

свой тронъ на конституціи кортесовъ, разрѣшила бѣглымъ и ссыльнымъ возвратъ на родину, даровавъ имъ амнистію (всепрощеніе), и призвала въ министерство и во главу арміи свободномыслящихъ людей (въ томъ числѣ давно гонимаго Мартинеса де ла-Розу—извѣстнаго поэта и писателя, Торено, прославившагося своей исторіей войны за независимость † 1843, и генерала Минну). Такимъ образомъ споръ за престолъ превратился въ междоусобіе и въ борьбу мнѣній. Карлисты стояли за древнеиспанскія учрежденія, за прежній союзъ трона и алтаря противъ свободы, за прирожденную законность и господство іерархіи. На ихъ сторонѣ были все абсолютныя державы, итальянскіе дворы, Донъ-Мигель и его приверженцы въ Португаліи, высшая аристократія всей Европы и горсть романтическихъ поклонниковъ средневѣковаго быта и дарованнаго свыше королевскаго полновластія. Христиносы боролись за конституціонный порядокъ, гражданскую свободу и равноправность, за блага, пріобрѣтенныя революціей, за уничтоженіе поповской власти и правительства камариллы. Они нашли защитниковъ въ лицѣ Франціи и Англіи, въ Маріи-да-Глоріи португальской, въ просвѣщенномъ среднемъ сословіи, въ конституціоналистахъ и либералахъ всей Европы. Такъ возгорѣлась кровавая, семилѣтняя война, ознаменовавшаяся убійствомъ, грабежемъ, разореніемъ и всеми ужасами, къ какимъ только могутъ увлечь политическій и религіозный фанатизмъ, кипучая южная страсть и ненасытная у Испанцевъ жажда мести. Войска королевы были многочисленнѣе противниковъ, за то послѣдніе тѣмъ обильнѣе снабжались деньгами изъ-за границы, а спѣшившіе къ нимъ изъ разныхъ странъ охотники (волонтеры) внесли въ ряды карлистовъ порядокъ и военную дисциплину. Притомъ энергія героя Сумалакаррегуи рѣзко выдавалась передъ неспособностью и неумѣньемъ большей части христиносскихъ начальниковъ; въ числѣ ихъ не былъ исключеніемъ и самъ престарѣлый Минна, который еще не задолго до своей смерти (24 дек. 1836) запятналъ свою прежнюю славу безчеловѣчной жестокостью. А когда Сумалакаррегуи былъ смертельно раненъ подъ Бильбао (17 іюня 1835), то во главѣ мятежниковъ сталъ, бѣжавшій изъ университета, даровитый юноша Кабрера, и умѣлъ держаться противъ королевскихъ войскъ и ихъ малоусердныхъ союзниковъ. Только къ концу тридцатыхъ годовъ наступила перемѣна. Христиносы пріобрѣли способнаго полководца въ лицѣ Эспартеро, тогда какъ въ станѣ ихъ противниковъ произошелъ разладъ. Баскскіе инсургенты, недовольные бездарностью, слабоу-

міемъ и фанатическою жестокостію претендента Донъ-Карлоса, отделили свое дѣло отъ его и стремились только къ обезпеченію своихъ фуэросовъ. Предпріимчиваго и хитраго вождя нашли они въ Марото, который, умѣвъ поддержать довѣріе къ себѣ въ мрачномъ, подозрительномъ инфантѣ, вступилъ между тѣмъ въ сношенія съ Эспартеро, и заключилъ съ нимъ наконецъ Бергарскій договоръ (31 авг. 1839), постановившій, что инсургенты сложатъ оружіе, а Эспартеро издастъ имъ амнистію и подтвержденіе баскскихъ и наварскихъ фуэросовъ. Напрасно Донъ-Карлосъ издалъ воззваніе, въ которомъ объявилъ Марото измѣнникомъ; значеніе его исчезло, и надежды его приближенныхъ упали до того, что большая часть его офицеровъ и до 300 священниковъ укрылись во Францію, вслѣдствіе чего и онъ съ своимъ семействомъ прибѣгнулъ подъ защиту французскаго правительства. Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Буржѣ (до 1845) подъ полицейскимъ надзоромъ, уступивъ все притязанія свои старшему сыну (графу Монтеоллину), получилъ онъ разрѣшеніе отправиться въ Италію, гдѣ и провелъ свою остальную жизнь; 10 марта 1855 г. онъ умеръ въ Триестѣ. — Въ Каталоніи карлисты продолжали борьбу еще одинъ годъ, пока, побѣжденные генераломъ Эспартеро, не были также вынуждены искать убѣжища во Франціи. До 30,000 человѣкъ перешли подъ начальствомъ Кабреры за Пиренеи и, терпя крайнюю нужду во всемъ, обратились къ помощи сосѣдняго народа.

§ 828. Борьбы партій и придворныя козни. Вскорѣ потомъ Эспартеро, пожалованный въ герцоги Витторія, явился спасителемъ правъ испанскаго народа отъ коварныхъ козней двора и дипломатическихъ уловокъ партіи застоя. Дѣло въ томъ, что королева-мать Христина, женщина чувственная, страстная и себялюбивая, была далека отъ того, чтобъ удовлетворить потребность народной свободы благовременными преобразованіями. Она воспользовалась картесами только для того, чтобъ отстранить инфанта Донъ-Карлоса со всемъ его потомствомъ отъ престолонаслѣдія и отобрать все имущество его въ казну; впрочемъ же, вѣрная наставленіямъ и примѣру друга своего, Людовика-Филиппа, она управляла по старому и оскорбила чувство чести народной беззакрытой связью съ прекраснымъ собою камергеромъ Муньосомъ (герцогомъ Ріансаресъ), котораго наконецъ и избрала себѣ въ мужья. Во многихъ городахъ произошли волненія; монастыри были разорены, монаховъ преслѣдовали и убивали, совершались всякаго рода ужасы (1835); весь край громко требовалъ консти-

туціи двѣнадцатаго года (§ 757). Регентша старалась укротить бурю смѣною министровъ и разными уступками, но оппозиція кортесовъ была такъ сильна, что правительство должно было многократно прибѣгать къ распущенію палаты; вся нація раздѣлялась теперь уже не на либераловъ и раболѣпцевъ, а на восторженныхъ (экзальтадосовъ, прогрессистовъ) и умѣренныхъ (модерадосовъ). Первые неотступно требовали конституціи 1812 г. (съ одной палатой), и когда Христина объявила за это Мадридъ въ осадномъ положеніи и распустила національную гвардію, тогда отрядъ этого гражданскаго ополченія двинулся въ Ла-Гранху (Сантъ-Ильдефонсо, августъ 1836), мѣсто пребыванія королевы, и принудилъ ее снять осадное положеніе, возстановить національныхъ гвардейцевъ и ввести требуемую конституцію до тѣхъ поръ, пока вновь созванное учредительное собраніе не дастъ инаго государственнаго устава. Послѣдній состоялся въ слѣдующемъ году, при чемъ однокамерная система замѣнена была двухкамерною и допущены нѣкоторыя другія отступленія отъ конституціи 1812 г.; но вскорѣ обнаружилось очень ясно, что королева, не смотря ни на какія обѣщанія, вовсе не желаетъ управлять конституціоннымъ порядкомъ. Съ помощью многократныхъ распущеній палаты и всякихъ козней при выборахъ ввела она партію умѣренныхъ въ кортесы и въ правительство (1839) и издала непопулярный законъ объ общинномъ управленіи. Въ Мадридѣ и въ разныхъ другихъ городахъ произошли тогда возстанія и образовались хунты, что вынудило регентшу назначить первымъ министромъ главу восторженныхъ, Эспартеро, и поручить ему составленіе кабинета. 16 сент. 1840 г. герцогъ Витторія имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу и тотчасъ потребовалъ отъ королевы отмѣны общиннаго устава, удаленія камариллы и распущенія кортесовъ. Оскорбленная въ своей властительской гордости и будучи не въ силахъ отвергнуть эти требованія, регентша сложила съ себя свой санъ и отправилась во Францію (окт.), послѣ чего новоизбранные кортесы назначили регентомъ самого Эспартеро (8 мая 1841). Управленіе регента, благопріятное для промышленности и торговли, было кратковременно. Козни королевы Христины, поддерживаемой со стороны Франціи и обладающей огромными денежными средствами, зависть противниковъ, умножавшихся болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, и ненависть, какую навлекъ себѣ англолюбивый герцогъ и его приверженцы (прозванные англо-аякучосъ) кровавымъ

подавленіемъ всѣхъ возстаній въ Барселонѣ, Мадридѣ и другихъ мѣстахъ, затрудняли ему управленіе, и когда, ко всему этому, онъ еще рассорился съ папою и съ духовенствомъ, то край пришелъ въ такое сильное броженіе, что Эспартеро не могъ долѣе держаться. Когда преданный Христинѣ и обильно снабженный деньгами генералъ Нарваэсъ высадился въ Валенсію и пошелъ съ многочисленнымъ войскомъ на столицу, Эспартеро отступилъ съ своими силами въ Сіэrrу Морену, а потомъ, узнавъ тамъ о сдачѣ Мадрида, поспѣшилъ въ Кадиксъ; откуда отправился въ Англію (30 іюля 1843). Паденіе регента и преслѣдованіе аякучосовъ было торжествомъ французской политики надъ англійскою. Вскорѣ потомъ молодая королева Изабелла была объявлена совершеннолѣтнею; Нарваэсъ, строго подавившій нѣсколько возстаній, возведенъ въ герцоги Валенсію и въ первые министры, а Марія-Христина снова призвана въ Испанію. Съ тѣхъ поръ господствовала въ Мадридѣ французская система, и хитрый умъ Людовика-Филиппа опуталъ Испанію, такъ же какъ и Францію, сѣтями своей противународной и враждебной свободѣ политики. По французскому внушенію Марія Христина и достигшая опять силы партія умѣренныхъ измѣнили конституцію въ пользу королевской власти, самодержавіе народа было устранено, свобода печати ограничена, и съ папскимъ дворомъ начаты переговоры о конкордатѣ. Но вънцомъ политики Людовика-Филиппа былъ улаженный имъ подъ рукой двойной испанскій бракъ. Европейская дипломатія цѣлые годы хлопотала о томъ, чтобъ пріискать молодой Испанской королевѣ подходящаго супруга, который не поперечилъ бы интересамъ ни одной изъ великихъ державъ, и для этого предлагала то неаполитанскаго принца (графа Трапани), то графа Монтемолина, то иныхъ туземныхъ и иностранныхъ соискателей; а Людовикъ-Филиппъ, заодно съ Маріей-Христиной, устроилъ между тѣмъ такъ, что избалованная королева выдана была замужъ за своего двоюроднаго брата, Франсиска д'Ассисъ (сына старшаго брата Донъ-Карлоса), и въ то же время младшая ея сестра отдала руку, а вмѣстѣ и ближайшія притязанія на испанскій престолъ, меньшому сыну Людовика Филиппа, герцогу Монпансье. Этотъ бракъ, улаженный ради корыстныхъ цѣлей кознями французскаго короля и королевы матери, вскорѣ оказался пагубнымъ, не говоря уже о томъ, что онъ посѣялъ замѣтную непріязнь между англійскимъ и французскимъ кабинетомъ. Молодая королева скоро соскучилась своимъ мужемъ. Она отдалилась отъ него совер-

шенно и отдала свое расположение одному изъ восторженныхъ, генералу Серрано. Придворныя суеты и наущничество еще усилили разладъ и взаимное отвращеніе супруговъ, и хотя Марія Христина сочла за лучшее уклониться отъ народной ненависти и отправилась съ своимъ мужемъ во Францію, однакожь раздоръ у молодой королевской четы длился еще долго.

§ 829. Португалія. Такое же направленіе какъ въ Испаніи, приняли и португальскія дѣла съ тѣхъ поръ, какъ Донъ-Мигель покинулъ этотъ край и управлять имъ стала конституціонная королева Марія-да-Глорія, съ помощью кортесовъ; разница была только та, что въ Португаліи преобладало не французское, а англійское вліяніе. Португальцы также распались на многія партіи съ самыми разнообразными политическими убѣжденіями; республиканцы и абсолютисты составляли меньшинство, но и сами приверженцы конституціоннаго порядка разогласили между собою въ томъ отношеніи, что одни держались болѣе либеральныхъ мнѣній, другіе болѣе умѣренныхъ; при этомъ, точно также какъ и въ Испаніи, господствовалъ сильный недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ, и королева, подобно Маріи-Христинѣ, обнаруживала наклонность къ неограниченной власти и явное нерасположеніе къ правамъ народнаго представительства, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ ранней кончины любимаго народомъ перваго супруга королевы, Августа Лейхтенбергскаго (1836), второй супругъ ея, Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій, сталъ благопріятствовать аристократическимъ началамъ. Состоящая изъ дамъ и царедворцевъ камарилья также не преминула оказать здѣсь зловреднаго вліянія. Многократное распушеніе палатъ (особенно за отказъ предоставить царственному супругу главное военачальство) уже привело народъ въ волненіе, когда вѣсть о томъ, что произошло въ Ла-Гранхѣ, вызвала подобныя же сцены въ Португаліи. 9 сентября 1836 г. раздался со всѣхъ сторонъ роковой кличъ: «да здравствуетъ конституція 1820 года!» Вскорѣ Марія-да-Глорія была вынуждена уступить бурѣ, увидѣвъ, что большая часть войскъ примкнула къ народной партіи. Она признала демократическую конституцію и назначила новое министерство изъ «сентябристовъ». Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, подъ вліяніемъ дипломатическихъ и аристократическихъ внушеній, она обнародовала прокламацію изъ Белема, которою взяла всѣ уступки свои назадъ и объявила, что будетъ держаться (не столь либеральной) хартіи Донъ-

Педро, тогда національные гвардейцы подняли оружіе и вынудили созывъ учредительныхъ кортесовъ, которые и утвердили конституцію 1820 г., смягченную однако введеніемъ двухкамерной системы и предоставленіемъ королю безусловнаго veto (т. е. права отвергать одобренный палатами законъ). Напрасно дворъ и аристократія, съ помощію Англіи, старались ниспровергнуть новоучрежденный порядокъ (1837); возбужденныя въ пользу хартіи Донъ-Педро народныя движенія были подавлены, и конституція, которой умѣренная форма не правилась впрочемъ и крайней партіи (экзальтадосамъ), была окончательно принята и утверждена присягой. Однакожь Португальцы все еще не добились прочнаго спокойствія. Умѣренные и крайніе съ возрастающей яростью спорили между собою за власть и за господство своихъ убѣждений. Въ 1842 г. восторжествовала первая партія и назначила министерство, которое, съ герцогомъ Терсейрой во главѣ, управляло по конституціи Донъ-Педро; гнетъ правительства и постоянно возрастающее безденежье¹ вызвали вскорѣ новые мятежи и частыя смѣны министерства, но на народное благо при этомъ мало обращалось вниманія. Наконецъ враждебная свободѣ администрація Терсейры и Косты Кабраля возбудила въ цѣломъ краѣ такое волненіе, что трою королевы былъ въ опасности, и Донья Марія рѣшилась наконецъ вручить кормило правленія любимому и уважаемому народомъ, герцогу Пальмелъ (авг. 1846). Но такъ ненавистна была двору демократически-конституціонная система, что на слѣдующій же годъ Пальмелъ былъ свергнутъ дворцовой революціей и посаженъ подъ стражу, а правительственный порядокъ измѣненъ. Такъ, увлекаясь страстями и предразсудками и руководясь внушеніями аристократической партіи, королева дерзостно играла спокойствіемъ цѣлой страны, народнымъ благостояніемъ и безопасностью престола. Когда она скончалась въ 1854 г., ей наследовалъ сынъ ея, Педро V (род. 1837).

3. Великобританія.

§ 830. Государственная жизнь Англіи. Июльская революція, наступившая почти одновременно съ воцареніемъ либеральнаго короля Вильгельма IV (26 іюня 1830), не осталась безъ существеннаго

¹ Всѣ деньги уходили въ Англію за мануфактурные товары, тогда какъ въ Португаліи фабричная и заводская промышленность не подвигалась ни на шагъ.

вліяння и на Англію. Въ силу стараго закона о выборахъ мѣста парламентскихъ членовъ были почти исключительно въ рукахъ аристократіи. Все земство (т. е. графства, или внѣгородская часть края) находилось въ рукахъ дворянъ, какъ единственныхъ землевладельцевъ и хозяевъ всѣхъ почетныхъ должностей въ управленіи; ихъ вліяніе и власть одни распоряжали выборами, такъ что въ парламентъ поступали только младшіе сыновья знатныхъ домовъ, или приверженцы и поборники ихъ же мнѣній. Что касается представительства городовъ или бурговъ¹, то здѣсь царствовали другаго рода злоупотребленія. Мѣстности, въ теченіе времени упавшія до того, что ихъ прозвали «гнилыми мѣстечками», и находившіяся также въ рукахъ аристократовъ, пользовались стариннымъ правомъ высылать въ парламентъ одного или нѣсколькихъ представителей, тогда какъ другія мѣстности, и въ томъ числѣ знатнѣйшіе города въ цѣломъ краѣ, или вовсе не имѣли права посылать депутатовъ, потому что еще не существовали въ то время, когда были даны эти привилегіи, или имѣли его въ такомъ ограниченномъ размѣрѣ, что число ихъ парламентскихъ представителей нисколько не соотвѣтствовало наличному ихъ населенію. Поэтому министерство виговъ, съ графомъ Греємъ во главѣ, благопріятствовало предложенной въ нижней палатѣ парламентской реформѣ (1 марта 1831), которая отнимала у «гнилыхъ мѣстечекъ» ихъ старинную привилегію, распредѣляла парламентскіе выборы соотвѣтственно измѣнившимся обстоятельствамъ и понижала мѣру дохода (цензъ), обусловливающую право быть избирателемъ. Билль о реформѣ встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе со стороны аристократіи, которая видѣла въ немъ ослабленіе своей власти; предложеніе было отринуто нѣсколько разъ, парламентъ распущенъ, смѣнено министерство; но грозное положеніе, въ какое сталъ народъ, рѣзкая полемика благопріятныхъ реформъ журналовъ, рѣшительныя дѣйствія политическихъ обществъ, размножавшихся съ каждымъ днемъ, народныя собранія (митинги) и адресы вынудили аристократію послѣ двухъ годовой борьбы допустить парламентскую реформу. Новый законъ (7 іюня 1832), равно какъ и введенное три года спустя (іюнь 1835) новое городское положеніе (такъ называемая муниципальная реформа), установившее свободный выборъ

¹ Подъ именемъ мѣстечка или «бурга» разумѣли иногда нѣсколько развалившихся, необитаемыхъ лачугъ.

представителей городских общин,¹ были торжеством выговъ надъ торіями и богатаго средняго сословія надъ аристократіей. Но побѣдителямъ противустанала вскорѣ новая оппозиція въ лицѣ низшихъ классовъ, гнетомыхъ страшною нуждой; она хотѣла кореннаго (радикальнаго) преобразованія и полной демократизаціи парламента, требуя избирательнаго права для всѣхъ гражданъ (безъ всякаго ценза), ежегодно смѣняющихся парламентовъ, тайной подачи голосовъ и еще многого въ этомъ родѣ. Радикалы, имѣвшіе до 1835 г. даровитаго вождя въ лицѣ гениальнаго журналиста Вильяма Коббета, присоединили впослѣдствіи къ политическимъ реформамъ еще социальныя и изложили свои начала въ такъ-называемой народной хартіи, которая имѣла въ виду доставить рабочимъ классамъ столько вліянія на законодательство, чтобы они могли улучшить основы своего хозяйственнаго быта; отъ этого получили они прозваніе хартистовъ (по англійскому произношенію—чартистовъ); вліятельнѣйшимъ изъ ихъ вождей былъ адвокатъ Фиргесъ О'Конноръ, впавшій потомъ въ помѣшательство.—Быть-можетъ, долго еще до того, пока хартистскія начала восторжествуютъ въ аристократической, плутократической и старовѣрной Англіи, и преобразуютъ общественное устройство, на которомъ покоятся ея прежнее величіе и слава; но вліяніе ихъ на ходъ парламентской дѣятельности и теперь уже становится болѣе и болѣе замѣтнымъ. Важное преобразованіе такъ-называемыхъ хлѣбныхъ законовъ въ сущности принадлежитъ радикаламъ. Преній строгій уставъ, сильно затруднявшій ввозъ иностраннаго хлѣба въ Англію, то возвышая, по понижая пошлину, смотря по спросу на эту важную статью и по измѣненіямъ ея рыночной цѣнности (такъ-называемая подвижная такса, *sliding scale*), — этотъ пагубный для низшихъ классовъ законъ землевладѣтельской аристократіи, влѣдствіе энергическихъ народныхъ волненій (*anticornlaw agitations*)², былъ сперва смягченъ (1842), потомъ совершенно уничтоженъ (1846), и торговля хлѣбомъ сдѣлалась свободною. Аристократія долго всѣми силами

¹ До этого и все городское управленіе зависѣло отъ особыхъ привилегій, дарованныхъ въ старину извѣстнымъ лицамъ, зданіямъ, должностямъ, гильдіямъ и цехамъ.

² Самую характеристическую черту народныхъ волненій новой Англіи составляетъ то, что они весьма рѣдко переходятъ въ явное насиліе. Обыкновенно одно тревожное движеніе громаднаго большинства принимаетъ въ глазахъ олигархической аристократіи такую грозный характеръ, что заставляетъ ее соглашаться на важныя уступки, какъ бы ни противилась она имъ на первыхъ порахъ.

противилась нововведенію, чтобы удержать производимый ею туземный хлѣбъ въ возможно высокой цѣнѣ; а какъ при этомъ громадный національный долгъ необходимо требовалъ самыхъ тяжкихъ пошлинъ на привозныя статьи продовольствія, то потребности вседневной жизни вздорожали до того, что становились совершенно недоступны бѣдному классу. — Для покрытія недочета въ государственной казнѣ, причиненнаго пониженіемъ (и потомъ отминой) хлѣбныхъ пошлинъ, министерствомъ сэръ-Роберта Пеля введенъ трехпроцентный налогъ съ доходовъ (1842), падавшій преимущественно на зажиточныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ старались дать новую жизнь торговлѣ, этому нерву англійскаго народа, измѣненіемъ прежней системы таможенныхъ пошлинъ и устраненіемъ стараго навигаціоннаго акта (монополизировавшаго право морскаго перевоза для англійскихъ судовъ) и сдѣлали высокую идею торговой свободы лозунгомъ настоящаго времени. Народъ практическій, степенный и осторожный, Англичане не любятъ насильственнаго ниспроверженія ни въ чемъ; но благовременныя реформы всегда достигаются настойчивостью націи ¹. Предложеніе допустить въ парламентъ Евреевъ, не требуя отъ нихъ христіанской присяги (1847), долго отвергалось палатою лордовъ, вѣрною строгоцерковнымъ преданіямъ, но, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ, и это предложеніе прошло, хотя, въ нѣсколько умягченной формѣ, такъ что двери нижней палаты открылись наконецъ и для Евреевъ (давно принявшихъ въ Англіи ея національный складъ). — Великою потерей для отечества была внезапная смерть знаменитаго государственнаго мужа, сэръ-Роберта Пеля, постигшая его вѣлѣдствіе паденія съ лошади (1850). — Англійскій народъ съ каждымъ годомъ, но всегда бережно, улучшаетъ свое величавое государственное устройство, болѣе и болѣе принаровляя его къ требованіямъ времени и, осмотрительнымъ путемъ реформы, достигаетъ всей свободы, возможной въ такомъ благоустроенномъ обществѣ, котораго весь бытъ обусловленъ постепеннымъ историческимъ развитіемъ коренныхъ его основаній. Охраняемый закономъ въ своей личной независимости, въ своей собственности и другихъ правахъ, и глубоко убѣжденный въ томъ, что его представители блю-

¹ Нельзя однакожь утверждать, чтобы отмена хлѣбныхъ законовъ была неблагоприятна и гораздо прежде той эпохи, когда она состоялась: народъ страдалъ отъ нихъ уже давно, но не успѣлъ выяснитъ себѣ причины страданія и нашелъ сочувствіе своему горю только тогда, когда оно сильно затронуло и средній классъ, въ качествѣ производителя мануфактурныхъ пздѣлій.

дуть и обезпечиваютъ по мѣрѣ силъ благосостояніе края, онъ посвящаетъ всю дѣятельность свою земледѣлію, промышленности, торговлѣ и мореплаванію; вѣчно трудящаяся нація богатѣетъ внутри и растетъ во вѣншемъ значеніи и силѣ; связанныя съ метрополіей дальнія колоніи, представляютъ избытку лодности удобное поприще для переселеній и наживы. Достаточный и образованный средній классъ составляетъ теперь центръ тяжести всей государственной и общественной жизни края.

§ 831. Ирландскія дѣла. Съ тѣхъ поръ какъ эманципація католиковъ дозволила ирландскому народу посылать за себя адвокатовъ, его же крови и вѣры, въ англійскій парламентъ, жалобы Ирландцевъ не раздавались болѣе такъ напрасно какъ прежде, особенно когда въ палату вступилъ великій земскій челоѣкъ, ораторъ и демагогъ Даниилъ О'Коннель, влача за собой «хвостъ» изъ сорока или болѣе единомышленниковъ, и, угрозою отмѣнить союзъ съ Англіей (такъ называемымъ рипилемъ, Repeal of the Union), избавить Ирландію отъ законодательства и суда «Саксовъ», придавъ этимъ жалобамъ особенную настойчивость. Возрастающее обѣднѣніе народа, породившее при скудномъ сборѣ единственной пищи Ирландцевъ, картофеля, сильную смертность отъ голода, нестѣнно требовало исправленія и церковныхъ и политическихъ злоупотребленій. При раздражительной и подвижной натурѣ ирландскаго народа, такому даровитому и искусному въ демагогическихъ хитростяхъ челоѣку, какъ О'Коннель, было очень не трудно постоянно держать весь край въ волненіи и лозунгомъ рипиля направлять всю силу народа къ одной цѣли. Повсемѣстно образовались общества рипилеровъ съ кассами для споспѣшествованія О'Коннелевымъ замысламъ; католическое духовенство, имѣющее безусловную власть надъ невѣжественнымъ народомъ, находилось въ полномъ распоряженіи О'Коннеля; слово его было для Ирландіи закономъ, но, осторожный и ловкій, онъ никогда не злоупотреблялъ свою власть для противозаконныхъ мѣръ, которыя могли бы навлечь ему пагубу; возбуждая къ себѣ страхъ и ненависть Англичанъ, какъ «великій агитаторъ» (волнователь) Ирландіи, онъ постоянно сдерживалъ взволнованный народъ въ предѣлахъ закона, хотя на созываемыхъ имъ чудовищныя сборища (monster-meetings) стекалось иногда до ста тысячъ челоѣкъ. — Первымъ требованіемъ ирландскаго народа, вслѣдъ за биллемъ о реформѣ, была отмѣна десятины, платимой англиканскому духовенству въ Ирландіи. Когда просьбы и жа-

лобы Ирландцевъ не были уважены въ англійскомъ парламентѣ, тогда кортомщики отказали во взносѣ десятины и не допускали ея взысканія; когда же Англичане вздумали употреблять силу, имъ противопоставили насильственный отпоръ. Вооруженныя ватаги, называвшіяся бѣлоножками по носимому ими значку, ходили повсему краю и обозначали свой путь кровью и пожарами. Убіиства, поджоги, буйныя свалки происходили чуть не каждый день и настоятельно указывали необходимость обратить самое заботливое вниманіе «на революціонную, оголодавшую Ирландію, эту всегдашнюю юдоль страстей и бѣдствій». Двѣ законодательныя мѣры — ирландскій церковный билль и ирландскій смирительный билль (1833) казались англійскому министерству лучшими средствами къ возстановленію спокойствія и порядка въ глубоко взволнованномъ краѣ; первымъ отмѣнялись церковные налоги и уменьшалось число епископовъ и пребендъ (доходныхъ священническихъ мѣстъ); десятина, ограниченная въ размѣрѣ, переводилась съ кортомщика на землевладѣльца и (въ силу такъ-называемой пріурочивающей статьи) пріобрѣтаемая такимъ образомъ экономія предназначалась, въ видѣ государственнаго дохода, на поддержаніе церквей, а затѣмъ и на другія, не церковныя потребности, именно на улучшеніе народнаго образованія и на учрежденіе школъ какъ для католиковъ, такъ и для протестантовъ; второй же билль предоставлялъ лорду-намѣстнику полную власть подавлять всѣ сборища и союзы, которые онъ признаетъ опасными для общественнаго спокойствія и предавать военному суду каждый непокорный округъ. Обѣ эти мѣры встрѣтили себѣ сильное сопротивленіе, — первая — со стороны строгоцерковной партіи, которая въ употребленіи церковнаго достоянія для иныхъ цѣлей видѣла просто святотатство и такъ грозно возстала противъ пріурочивающей статьи, что рѣшено было отдѣлить это дополненіе отъ церковнаго билля; вторая — со стороны О'Коннелля и его приверженцевъ, называвшихъ ее «посѣвомъ драконовыхъ зубовъ», отъ котораго взойдетъ вооруженная сила. Не смотря на то смирительный билль былъ принятъ и введенъ сначала на два года, а потомъ отъ времени до времени возобновляемъ. Пока государствомъ управляли виги, ирландскія дѣла оставались главнымъ предметомъ парламентской дѣятельности. Во-первыхъ проведенъ былъ билль о бѣдныхъ, по которому помощь со стороны приходовъ предоставлялась только неспособнымъ къ работѣ бѣднякамъ, а способнымъ открывались пути для труда въ рабочихъ домахъ, устроенныхъ отъ правитель-

ства; не смотря на свои благодѣтельные цѣли, этотъ законъ возстановилъ народъ противъ виговъ тѣмъ, что не только предписывалъ отдѣлять семьи, пользующіяся пособіемъ, но позволялъ и разлучать ихъ членовъ между собою. Ирландцы съ прежнимъ упорствомъ сопротивлялись взносу ненавистной десятины, такъ что при взиманіи ея правительство должно было помогать англиканскому духовенству вооруженною силою, отъ чего издержки на ея сборъ превышали сумму дохода; поэтому предложено было замѣнить этотъ налогъ пятилѣтнимъ поземельнымъ сборомъ въ казну, которая сама уже должна распределять его по принадлежности, съ тѣмъ, чтобы Ирландія считалась за симъ свободною отъ десятины. Но и это предложеніе сокрушилось объ упорство палаты лордовъ, и какъ въ то же самое время правительство пробудило религиозную ревность строгоцерковной партіи, благопріятствуя биллю о допущеніи англійскихъ диссентеровъ (разновѣрцевъ) до ученыхъ степеней въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, и тѣмъ навлекло себѣ обвиненіе въ непріязни къ господствующей церкви, то на виговъ поднялась страшная буря со всѣхъ сторонъ. Англиканское духовенство и огромная партія слѣпыхъ поклонниковъ «старой Англіи», съ своимъ заветнымъ девизомъ «Король и церковь!» громко потребовали смѣны министерства (ноябрь 1834) и, обычнымъ народнымъ крикомъ «прочь папешество!»—сильно подѣйствовали въ пользу торіевъ, за которыхъ стоялъ сверхъ-того и дворъ, особенно же, полная нѣмецко-аристократическихъ предубѣждений, королева. Король Вильгельмъ уступилъ представленіямъ, наущившему и сплетнямъ и, по совѣту стараго герцога Веллингтона, призвалъ во главу правительства даровитаго сэръ-Роберта Пиля (10 дек. 1834), сына богатаго шерстопрядильнаго фабриканта въ Тамвортѣ. Но сколько этотъ благоразумный министръ ни старался примирить обѣ партіи на основаніи того начала, что «сохранять можно только допуская постепенныя улучшенія», — его новый билль о десятинахъ въ Ирландіи, отстранявшій употребленіе церковнаго дохода на мірскія надобности, палъ передъ предложеніемъ лорда Джона Росселя: «употребить излишки церковнаго дохода Ирландіи на улучшеніе образовательныхъ способовъ этого края», то-есть утвердить десятинный билль не иначе, какъ вмѣстѣ съ отнятою отъ него приурочивающею статьею. Вслѣдствіе этого торіи подали въ отставку, и снова возстановленъ былъ вигскій кабинетъ, подъ предѣдательствомъ лорда Мельбурна (18 апр. 1835). Но чѣмъ ревностиѣ нижняя палата и правительство виговъ настаивали на пре-

образованіи церковныхъ злоупотребленій, на смягченіи горькой доли ирландскаго народа и на необходимости поднять его нравственно, тѣмъ упорнѣе и рѣшительнѣе сопротивлялись этому палата лордовъ и торіи. Между тѣмъ какъ виги старались умѣрить племенную и церковную вражду, раздѣлявшую Ирландцевъ съ Англичанами, торіи и ревнители англиканской церкви учреждали такъ-называемыя оранжистскія ложи¹, постоянно питавшія и распалявшія эту церковную вражду, старавшіяся не только поддержать, но и усилить преобладаніе протестантизма въ Ирландіи. Эти общества, поставленные теперь подъ вѣдѣніе герцога Кумберлендскаго, умножались съ каждымъ годомъ и имѣли сочленовъ во всѣхъ сословіяхъ, особенно же въ арміи: наконецъ они достигли силы, столь опасной для порядка, спокойствія и всякаго довѣрія въ обществѣ, что парламентъ принужденъ былъ принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры (1836). Всѣ попытки англійскихъ либераловъ, именно извѣстнаго поборника народной свободы, гуманнаго лорда-намѣстника Мольгрева (маркиза Норманби), освободить Ирландію отъ ига, наложеннаго на нее религіозной нетерпимостью жестокой, притѣснительной эпохи, съ тѣмъ чтобъ учрежденіемъ хорошихъ воспитательныхъ заведеній поднять образованіе и нравственность народа, пробудить въ немъ склонность къ порядку и труду, благовременными реформами общиннаго и муниципальнаго устройства и расширеніемъ избирательныхъ правъ привлечь католическій народъ къ участию въ общественной и политической жизни и тѣмъ возвысить его достоинство какъ гражданина,—всѣ эти благія усилія сокрушились отчасти о распушенность, лѣнь и отупѣніе самихъ Ирландцевъ, отчасти о церковную и аристократическую узкость торіевъ и о предубѣжденія и страхи консервативныхъ лордовъ. Билль о десятинахъ прошелъ только съ отрицательною пріурочивающей статьей (1838), предложенный вигами либеральный общинный уставъ (билль о муниципальной реформѣ), которымъ начала введеннаго въ Англіи городского положенія 1835 г. распространялись съ нужными отмѣнами и на Ирландію, былъ возвращенъ палатою лордовъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что правительство сочло за лучшее совершенно устранить весь проектъ, который, будь онъ принятъ, далъ бы и небогатымъ католическимъ гражданамъ доступъ къ го-

¹ Оранжистами прозваны были отъ ирландскихъ католиковъ, вѣрныхъ королю Іакову II, англійскіе протестанты того края, признавшіе Вильгельма III. Семейный цвѣтъ Оранскаго дома былъ оранжевый; его приняла и партія Вильгельма.

родскимъ выборамъ и должностямъ. Когда, въ началѣ сороковыхъ годовъ, вигское министерство, пользовавшееся полнымъ довѣріемъ, воспитанной въ либеральныхъ началахъ, королевы Викторіи, вынуждено было уступить свое мѣсто торіямъ, тогда упали и надежды Ирландцевъ избавиться отъ своего тяжкаго положенія путемъ реформъ. Поэтому О'Коннель возобновилъ рипилерское движеніе; на исполнскихъ народныхъ сходахъ, разжигалъ онъ племенную ненависть Кельтовъ противъ «Саксовъ», притѣсненныхъ католиковъ противъ жестокосердыхъ англичанъ, загнанныхъ кортомщиковъ противъ гордыхъ, безпощадныхъ землевладѣльцевъ, и представлялъ расторгеніе союза единственнымъ средствомъ спасенія для злополучной, задавленной страны. Грозное волненіе овладѣло народомъ; кортомщики отказывали въ уплатѣ арендныхъ повинностей и податей и покушались даже на жизнь безжалостныхъ помѣщиковъ; опять вооруженныя толпы забродили по «зеленому острову» и начали разносить убійство и пожары по имѣніямъ и замкамъ богачей, которые доходы свои проживали большею частью за границей. Всѣ средства, употребляемыя торіями, — возобновленіе смирительнаго билля, запрещеніе народныхъ сходовъ, отдача «агитатора» подъ судъ и кратковременное его заключеніе ¹, — все это оказалось безсильнымъ водворить прочную тишину; при всеобщемъ убожествѣ народа и при отвращеніи его отъ скудно-вознаграждаемаго труда, даже учрежденные для бѣдныхъ рабочіе дома и богадѣльни, оказывали болѣе вреда, нежели пользы, тогда какъ лучшіе изъ Ирландцевъ желали вовсе не состраданія и милостыни, а только справедливости и свободныхъ учреждений. Ни къ чему не повело и то, что, по случаю страшнаго голода, наступившаго за неурожаемъ 1846 года, Англія принесла величайшія жертвы путемъ общественной и частной благотворительности; Ирландцы, видя въ Англичанахъ первоначальниковъ своей нищеты и всѣхъ невыносимыхъ своихъ бѣдствій, смотрѣли на эти благодѣянія, какъ на малую уплату въ счетъ огромнаго долга и по прежнему взялись за свои рипилерскія волненія. Смерть великаго агитатора (1847), конечно, отняла у нихъ главную опору и повела къ разладу между рипилерами, но февральскій переворотъ во Франціи бросилъ новую искру въ этотъ горючій матеріалъ и произвелъ такую анархію, безрядицу и самоуправство, что

¹ Палата лордовъ такъ испугалась неизбежныхъ послѣдствій этой крутой мѣры, что по аппелляціи О'Коннеля, рѣшила освободить его изъ тюрьмы, не находя достаточнаго повода къ дальнѣйшему его заключенію.

дѣло наконецъ дошло до открытаго мятежа. Конечно, англійскимъ войскамъ было не трудно одолѣть беспорядочныя, плохо вооруженныя и безспільныя толпы ирландскихъ рабочихъ, поселянъ и кортомщиковъ, которыми начальствовали притомъ неспособные коноводы (О'Брійнъ и друг.); движеніе было подавлено: но прочный миръ и порядокъ водворятся только тогда, когда церковныя, политическія и общественныя язвы края будутъ исцѣлены коренными преобразованиями ¹.

§ 832. Внѣшняя политика. Во внѣшнихъ своихъ дѣлахъ Англія держалась удачной и величавой политики. Обладая огромною морскою силой и строго-выправленною сухопутною арміею, набираемою по-старому вербовкой, а не конскрипціею, англійская нація имѣла полную возможность сообщать энергію и настойчивость политикѣ своихъ государственныхъ людей, осторожныхъ, расчетливыхъ и вѣрно соображающихъ ходъ современныхъ обстоятельствъ. Когда возникали замѣшательства или затрудненія въ государственныхъ отношеніяхъ Европы, посредничество Англіи или вызывалось или невольно принималось другими державами, и нельзя было ни начать, ни совершить ничего важнаго безъ ея содѣйствія или соучастія. Заботясь наиболѣе о расширеніи своей торговли, промышленности и мирнаго общенія между народами, чтобы сбытъ англійскихъ товаровъ нигдѣ не встрѣчалъ препятствій, англійское правительство всячески старалось поддержать въ Европѣ миръ и приобрѣсть себѣ довѣріе правительствъ и сочувствіе народовъ; внѣ европейскихъ предѣловъ оно обращало все вниманіе на расширеніе, усиленіе и процвѣтаніе своихъ колоній и на утвержденіе британскаго владычества вездѣ.

1) Въ Канадѣ, особенно въ Нижней, принадлежавшей пѣкогда Франціи и преимущественно населенной Французами, съ теченіемъ времени поднялись разнообразныя жалобы на правительственный гнетъ, на ущербъ, наносимый національнымъ учрежденіямъ, правамъ, языку и религіи, на предпочтеніе, оказываемое англійскимъ поселенцамъ и ихъ интересамъ передъ французскими старожилыми; эти жалобы стали порождать сильное волненіе особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ главѣ оппозиціонной партіи явился даровитый и расторопный Папинѣ. Нстроенные Сѣвероамериканцами, которымъ хотѣлось присовокупить эти

¹ Къ этому отчасти уже и приступлено въ послѣдніе годы, такъ что въ настоящее время положеніе Ирландіи можно считать гораздо болѣе удовлетворительнымъ, нежели оно было нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

сѣверныя области къ своему союзу, Канадцы заявили три требованія, которыя должны были обезпечить ихъ національную самобытность и проложить имъ путь къ демократическому самоуправленію: это были— право избирать законодательный совѣтъ (верхнюю палату), который назначался до тѣхъ поръ англійскимъ губернаторомъ изъ чиновниковъ и судей; расширеніе права опредѣлять податные сборы, принадлежащаго палатѣ общинъ (такъ-называемому собранію), и отвѣтственность передъ законодательною властью состоящаго при губернаторѣ административнаго совѣта. Когда эти требованія были отринуты, со стороны ниже-канадскаго сейма послѣдовалъ отказъ въ податяхъ. Особенное значеніе сообщали этому примѣръ и сосѣдство республиканскихъ Соединенныхъ Штатовъ; которые, постоянно ревнуя къ могуществу моредержавной Англіи, пожалуй рѣшились бы оказать Канадцамъ свою помощь. Уже въ разныхъ мѣстахъ начались возстанія; американскіе волонтеры придали еще больше мужества «дѣтямъ свободы» (индепендентамъ); владычество Англіи надъ Канадой казалось поколебленнымъ. Но умомъ и энергіей британское правительство подавило грозное движеніе. Оно раздражило племенную ревность англійскаго населенія противъ французскаго и тѣмъ самымъ породило раздоръ и распаденіе между самими Канадцами; въ отношеніи къ Американцамъ приняло оно угрожающее положеніе и отправило главу радикальныхъ виговъ, энергическаго лорда Дѣргама, губернаторомъ въ Канаду, давъ ему диктаторскую власть. Силою и кротостью возстановилъ онъ нарушенный порядокъ, и хотя образъ его дѣйствій навлекъ ему неудовольствіе министерства, такъ что онъ вскорѣ сложилъ съ себя свой санъ (въ ноябрѣ 1838) и возвратился въ Англію (гдѣ вскорѣ и умеръ, 28 іюля 1840), однакоже спокойствіе потомъ долго не нарушалось.

2) Въ Остѣ-Индіи владычество Британцевъ возросло, и оружіе ихъ покрылось новымъ блескомъ. Хитрымъ вышательствомъ въ споры за престолъ, возникавшіе между могоммеданскими владѣльцами, Англичанамъ удалось раздвинуть свои предѣлы за правый берегъ Инда и ввести свои гарнизоны въ важные для торговли города Пейшаверь, Кабуль, Газни, Кандагаръ и друг. Это движеніе къ средней Азіи вызвало противодѣйствіе со стороны дѣятельныхъ тамъ русскихъ агентовъ, и воинственный, храбрый горскій народъ Афганы вдругъ возстали противъ Англичанъ. Британскіе гарнизоны были изгнаны изъ Кабула, Газни и друг. мѣстъ, весь край вплоть до Инда наполнился военною тревогой; только въ Джеллабадѣ удержался храбрый генералъ Сель, благодаря истинно-геройской

оборонѣ; въ Кандагарѣ знаменитый путешественникъ Александръ Бернсъ палъ жертвою своей любознательности. Афганистана нельзя было удержать въ рукахъ, но оскорбленная честь англійской націи требовала отмщенія¹. Поэтому храбрый генералъ-губернаторъ Элленборо предпринялъ новый походъ, для возстановленія военной славы Британцевъ и для наказанія ихъ враговъ (1842). Исталифъ и Кабулъ были истреблены пожаромъ и весь Афганскій край, отъ самаго Инда до исполинскихъ хребтовъ Гиндуку, подвергся страшному разоренію. Тогда британскія войска покинули Афганистанъ, чтобы обратить свой мечъ на ближайшихъ непріятелей. Обширный край по берегу южнаго Инда, Синдъ, котораго эмиръ былъ въ союзѣ съ Афганами, подвергся нападению Англичанъ подъ начальствомъ генерала Непира; столица его, Гайдерабадъ, была взята и весь край присоединенъ къ британскимъ владѣніямъ. Лордъ Элленборо, котораго воинственный духъ вовсе не соответствовалъ торговымъ видамъ Остъ-Индской компаніи, стараніями ея былъ отозванъ съ своего поста и замѣненъ сэръ-Вильямомъ Гардингомъ. Но при всемъ миролюбіи данныхъ ему наказовъ, и онъ не успѣлъ уклониться отъ упорной, кровопролитной войны съ храбрыми Сейками, — войны, которая послѣ многихъ убійственныхъ сраженій, кончилась торжествомъ британскаго оружія (1846). Сейки, сокрушенные въ своемъ военномъ могуществѣ, принуждены были заключить Лагорскій миръ, уничтожившій ихъ самостоятельность. Два державца управляютъ Лагоромъ и очаровательною долиною Кашмира подъ верховной властью Остъ-Индской компаніи, которая, кромѣ исключительной торговли, предоставила себѣ и другія важныя права. Британское господство распространилось и на нѣкоторую часть Загангской Индіи, благодаря начатой въ 1826 и возобновленной въ 1852 г. войнѣ съ Бирманами, которыхъ край отдѣляетъ Индію отъ китайскаго «Поднебесья». — Такъ же достопамятно кончилась и война съ Китаемъ. Между Китайцами и Остъ-Индскою компаніею существовали давнія торговыя связи, которыя поддерживались въ Кантонѣ и Макао при посредничествѣ китайскихъ сводчиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Хонъ² (Hong). Пока Остъ-Индская компанія господствовала въ восточныхъ моряхъ безусловно, только изрѣдка, и то лишь на короткое время, воз-

¹ На Востокъ всякая уступка въ такомъ случаѣ считается вѣрнымъ признакомъ слабости и малодушія.

² Или гонгъ, какъ неправильно передали у насъ это названіе.

никали иногда перерывы въ торговыхъ дѣлахъ, потому что разсчитливые британскіе негоціанты никогда не дѣйствовали наперекоръ ребяческой надменности и народному самомиѣнію Китайцевъ¹, смотрѣвшихъ съ глубокимъ презрѣніемъ на «рыжешетинныхъ варваровъ», пришедшихъ откуда-то изъ дальнихъ странъ. Но когда англійское правительство приняло остъ-индскую торговлю въ свое вѣдѣніе и тѣмъ самымъ стало въ совѣтъ новыя международныя отношенія къ владыкѣ «Поднебесья», тогда торговля столкновенія привели обѣ державы къ весьма замѣчательной войнѣ, которая должна была имѣть слѣдствіемъ новое расширеніе англійскаго могущества и открытіе громаднаго Китайскаго царства для торговой предпримчивости Европейцевъ. Въ 1836 г. китайское правительство, справедливо опасаясь зловредныхъ дѣйствій возрастающаго потребленія опиума, къ которому болѣе и болѣе привлекалъ разслабленный народъ, издало строгое запрещеніе употреблять и продавать опиумъ, чѣмъ нанесло тяжкій ударъ англійской торговлѣ, наживавшей отъ ввоза этой статьи огромные барыши. Въ силу этого запрещенія, китайскій губернаторъ Лианъ потребовалъ выдачи всехъ складовъ опиума, находившихся въ Кантонѣ (1839), и какъ англійскіе купцы были не въ силахъ воспротивиться его требованію, то онъ велѣлъ уничтожить 20,000 ящиковъ опиума, цѣною на четыре милліона фунт. стерл. Это было началомъ цѣлаго ряда враждебныхъ дѣйствій, которыя наконецъ привели къ войнѣ между Китаемъ и Англійей. Британскій флотъ разгуливалъ по китайскимъ водамъ, подкрѣпляя настоянія своихъ негоціантовъ о вознагражденіи. Но какъ, во вниманіи къ чайной торговлѣ, которая могла отъ того сильно пострадать, Англичане вели сначала войну очень робко и бережно, то Пекинское правительство старалось еще болѣе задержать и ослабить непріятельскую силу ложною и вѣроломною политикой, приказавъ постоянно вести переговоры о мирѣ, но отнюдь его не заключать. Наконецъ-то Англичане замѣтили свое заблужденіе и прибѣгли къ энергическимъ мѣрамъ. Они заняли островъ Чусанъ, овладѣли значительнымъ торговымъ городомъ близъ Янъ-цзе-Кіана и Богдыханскаго канала и потомъ стали угрожать важному городу Нанкину. Этимъ они сломили сопротивленіе Китайцевъ, которые въ теченіе всей войны обнаружили, если не храбрость, то по крайней мѣрѣ страдательное мужество, преданность оте-

¹ Не надо при этомъ забывать, что гордость Китайцевъ опиралась на стародавнее, неоспоримое господство ихъ цивилизаціи во всей восточной половинѣ азійскаго материка.

честву и народнымъ интересамъ, вѣрность государю и государству. 29 августа 1842 года состоялся миръ, по которому Англичанамъ открыто было пять портовъ въ Китаѣ, назначено 21 миллионъ піастровъ вознагражденія и предоставленъ во владѣніе островъ Хонъ-Конъ.

Б. Германія.

§ 833. Либеральныя движенія. Германскій народъ не легко рѣшается самъ собою на политическую дѣятельность: толчекъ къ тому идетъ обыкновенно со стороны, изъ сосѣдней Франціи. Когда вѣсть объ іюльской революціи разнеслась по Рейну, умы пришли въ чрезвычайное волненіе. Повидимому настала часъ, когда исцѣлятся больныя стороны государственной жизни, когда германская нація возвратится къ единству, свободѣ и величію. Но вмѣстѣ съ общимъ чувствомъ недуга не пришло еще сознаніе, чѣмъ и какъ его лѣчить. Какимъ образомъ народъ, раздѣленный цѣлыми вѣками политической и церковной розни, народъ съ сильнымъ чувствомъ племенныхъ особенностей и разности матеріальныхъ интересовъ, и притомъ безъ общаго союзнаго представительства и крѣпкой государственной связи, — какимъ образомъ такой народъ могъ внезапно сойтись въ мысляхъ насчетъ своихъ общихъ пользъ, насчетъ учрежденія общихъ формъ государственнаго и административнаго устройства, насчетъ способовъ къ быстрому соглашенію между собою и къ немедленной затѣмъ дружной дѣятельности? Поэтому каждая держава и каждый край старались прежде всего избавиться отъ своихъ собственныхъ золъ и страданій, не заботясь о сосѣдѣ, а правительства поспѣшили, отчасти надлежащими уступками, отчасти признаніемъ успѣшно произведенныхъ частныхъ реформъ, поддержать живое чувство разности интересовъ и помѣшать соглашенію въ общемъ дѣлѣ Германіи. Такъ и вышло, что въ разныхъ германскихъ государствахъ, въ Брауншвейгѣ, Саксоніи, Гессенѣ, Ганноверѣ и друг., совершились какъ въ конституціи, такъ и въ управленіи разныя существенныя измѣненія и реформы. Но когда іюльское правительство обнаружило свой вполне мирный характеръ, а стремленія нѣмецкихъ либераловъ къ сильному, государственному единству высказывались въ то же время все смѣлѣе и опредѣленнѣе, тогда правительства условились между собою насчетъ совокупныхъ мѣръ и общими силами круто противустали нововодителямъ. Союзнымъ постановленіемъ въ октябрѣ 1830 г. было положено, что каждое изъ германскихъ правительствъ обязывается давать

сосѣду по его требованію военную помощь для поддержанія спокойствія и порядка, и при этомъ указано на прежнія постановленія объ ограниченіи печати. — Паденіе Варшавы (сент. 1831) и эмиграція польскихъ патріотовъ усилили волненіе въ Германіи, и дали новую пищу стремленіямъ къ свободѣ и политическимъ реформамъ. Требованія либерализма всего громче раздавались на Рейнѣ, въ Баденѣ, Гессенѣ и особенно въ Рейнской Баваріи, гдѣ снова ожили старыя воспоминанія революціонной эпохи, принесшей вмѣстѣ съ нѣкоторымъ случайнымъ вредомъ и много добра. Здѣсь дѣйствовалъ докторъ Виртъ, изъ Гофъ, пылкій, настойчивый, хотя и увлекавшійся странными идеями человекъ, рядомъ со многими единомышленными ему адвокатами, чиновниками, литераторами и гражданами, распространяя въ журналахъ, памфлетахъ, рѣчахъ и клубахъ мысли о конституціонномъ устройствѣ, о народной свободѣ, о «возрожденіи Германіи». Сохранившіяся отъ французской эпохи свободнѣйшія учрежденія того края, допускали болѣе широкую дѣятельность и болѣе безпрепятственное развитіе дружныхъ силъ. Плодомъ этого было волненіе, поддерживаемое туземными и пришлыми демагогами и журналистами; высшей степени достигло оно на конституціонномъ праздникѣ, который 27 мая 1832 г. происходилъ на развалинахъ замка Гамбахъ, близъ Нейштадта, на рѣкѣ Гардѣ. Здѣсь, среди толпы, стекшейся со всѣхъ концовъ юго-западной Германіи, при соучастіи многихъ Французовъ и Поляковъ, были произнесены пламенные рѣчи въ честь свободы, а «тиранство» властей, «раболовство» и «деспотизмъ» чиновниковъ, грубость военной силы, аристократизмъ знати и т. д. подверглись страшнымъ нападкамъ, были побѣждены и уничтожены, разумѣется, только на словахъ; участники пира держали себя такъ, какъ-будто бы и въ самомъ дѣлѣ низложили непріятеля, какъ-будто бы достаточно было, перенятыхъ отъ французскихъ революціонеровъ, вдохновенныхъ рѣчей, огненныхъ фразъ и укорицъ, для испроверженія всѣхъ троновъ и для одолѣнія сотенъ тысячъ войскъ. Много было преувеличенія, безразсудства, суетности и вздора въ шумѣ и тревогѣ, въ словахъ и поступкахъ этихъ ратоборцевъ вольности, но многія изъ ихъ жалобъ были справедливы, и правительственная система, на которую они такъ нападали, дѣйствительно заключала въ себѣ много грѣховъ. Сильная власть, принимающая къ сердцу интересы народа и общее его благоденствіе, могла бы удовлетворить справедливымъ желаніямъ и требованіямъ подлежащими реформами, и при этомъ энергически отстранить всякія преувеличенія и крайности. Но вмѣсто того,

чтобъ избрать этотъ средній, примирительный путь, правительства соединились между собой подъ эгидой Пруссіи и Австріи и противопоставили всѣмъ требованіямъ систему рѣшительнаго, безусловнаго отказа во всякой перемѣнѣ, забывая о томъ, что зло, на которое не раздается жалобъ, тѣмъ не менѣе существуетъ и дѣйствуетъ, и что именно подъ гнетомъ самовластия недовольство и разростается какъ сорная трава. Правда, что въ теченіе того же и слѣдующаго годовъ присоединились къ тому еще многія другія обстоятельства, которыя должны были раздражить правительства, опиравшіяся на три великія державы восточной Европы и вполне обезпеченныя со стороны Франціи: то была, во-первыхъ, талантливая, искусная и энергическая оппозиція, которая обнаружилась отчасти въ южно-германскихъ палатахъ, отчасти во множествѣ журналовъ и памфлетовъ, которые не смотря на всѣ стѣсненія печати, появлялись въ удивительномъ изобиліи; потомъ—тайныя общества, которыя, держа въ постоянной связи между собою посредствомъ самой широкой пропаганды, своими заговорами и безразсудными возстаніями часто нарушали сладкій покой «полицейскаго государства»; наконецъ, болѣе всего другаго, возобновленіе товариществъ и демагогическихъ продѣлокъ въ университетахъ, что повело къ безумному и преступному Франкфуртскому покушенію 3 апрѣля 1833 г. Исходя отъ мысли, что мирнымъ путемъ взаимныхъ объясненій и одной умственной, литературной борьбы никакъ не дойти до коренной реформы въ государствѣ, нѣсколько пылкихъ молодыхъ головъ, студентовъ, литераторовъ, политическихъ выходцевъ и вдохновенныхъ друзей свободы, рѣшились на попытку насильственнаго неспроверженія и вздумали начать съ Франкфурта, сѣдалища союзнаго сейма. Въ надеждѣ на нѣсколькихъ соучастниковъ въ самомъ городѣ и обманутые ложными посулами безсовѣстныхъ зажигъ, обѣщавшихъ имъ сильную подмогу издалека и вѣрную помощь со стороны окрестныхъ поселянъ, ослѣпленные бросились съ оружіемъ на гауптвахту Констаблей, убили нѣсколькихъ солдатъ и стали призывать народъ къ возстанію за свободу. Но франкфуртскіе граждане не одушевились ихъ кликами, а ожидавшая подмога не пришла; вмѣсто того выступила противъ нихъ военная сила, и, послѣ упорной схватки, они, разумѣется, были побѣждены и взяты всѣ, кромѣ тѣхъ, кому удалось спастись бѣгствомъ.

§ 834. Реакція. Безразсудная эта затѣя и жалкій ея исходъ нанесли глубокую рану либерализму и навлекли тяжкое гоненіе его сторонникамъ. Послѣдовало безчисленное множество арестацій, судамъ и

розыскамъ не было конца; имъ подпали и виновные и подозрительные; тюрьмы и крѣпости наполнились «политическими преступниками» (въ число ихъ попали Виртъ, Беръ, Эйзенманъ, Зейденштикеръ, и друг.); для открытія «опасныхъ людей» не только допускалась, но даже поощрялась безчестная система шпионства и доносовъ, вытравливающая у человѣка всякое чувство довѣрія и вѣрности; злоупотребленія военной силы оставались безъ взысканія; либеральные слуги государства перемѣщались, увольнялись, подвергались непріятностямъ. Гессенскіе кавалеристы напали на дружину поселянъ, которая вышла въ поле только для того, чтобъ поддержать порядокъ и защитить собственность отъ мятежной толпы народа; въ годовщину Гамбахскаго праздника (1833) лица, пришедшія туда погулять, и нѣсколько жителей Нейштадта, которые въ тишинѣ заявляли свое сочувствіе къ либеральнымъ идеямъ, подверглись нападенію солдатъ и при этомъ старики, женщины и дѣти понесли раны и оскорбленія; въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, этомъ пріютѣ либерализма, гдѣ нѣкоторое время господствовала свободная печать, возстановлена была, по вышему распоряженію, цензура; профессоры Роттекъ и Велькеръ, издатели журнала «Вольномыслящій» и «Государственнаго Словаря», лишились своихъ кафедръ, и Фрейбургскій университетъ былъ на время закрытъ (авг. 1832); въ Баваріи медленности законнаго судопроизводства помогали и полицейскимъ и келейно-кабинетнымъ судомъ, политическихъ арестантовъ подводили каяться и просить прощенія къ портрету короля и учредили родъ государственной инквизиціи, отъ которой трудно было увернуться, потому что доношниковъ награждали мѣстами и орденами. Въ Дармштадтскихъ владѣніяхъ умеръ послѣ долгихъ мукъ въ тюрьмѣ пасторъ Вейдигъ (1837), взятый за демагогическія стремленія; утверждали, что онъ самъ наложилъ на себя руку, доведенный до отчаянья истязаніями, какимъ подвергалъ его враждебный ему слѣдственный судья, и что притомъ ему нарочно не подано было медицинской помощи. Въ Гессенскомъ курфюршествѣ марбургскій профессоръ Иорданъ былъ арестованъ, отданъ подъ слѣдствіе и послѣ продолжительныхъ страданій въ тюрьмѣ, которыя разстроили его здоровье, осужденъ по однѣмъ правдоподобностямъ (Indicien), какъ «соучастникъ въ покушеніи на государственную измѣну, ибо, уклоняясь отъ доноса, онъ не воспрепятствовалъ вѣроломнымъ посягательствамъ злоумышленниковъ»; этотъ приговоръ вызвалъ вопль негодованія со всѣхъ концовъ германской земли. Такія и подобныя имъ

событія утрашили и встревожили либераловъ до того, что всѣ соучастники такъ-называемыхъ «злумышленныхъ покушеній», всѣ, стоявшіе въ передовыхъ рядахъ и имѣвшіе поводъ опасаться судебного преслѣдованія, бѣжали за границу и искали пріюта въ Швейцаріи и Франціи; цѣлыя толпы выходцевъ перенесли свое имуществъ, прилежаніе и свой доховный капиталъ за море, чтобы начать новую жизнь въ «странѣ свободы» (Сѣверной Америкѣ). Умѣренные же и боязливые или покинули знамя либерализма, или замкнули задушевныя убѣжденія въ своей безмолвной груди. Такимъ-то образомъ побѣда осталась на сторонѣ правительства. Но они воспользовались ею такъ, что оскорбили чувство справедливости въ народѣ и попрали ногами общественное мнѣніе, которое при всеобщемъ участіи къ политической жизни, при возростающей зрѣлости умовъ и при лучшемъ знакомствѣ съ условіями государственнаго быта, развитомъ журналистикой, стало между тѣмъ значительною силой. Обходя и часто преслѣдуя либераловъ, а съ другой стороны благосклонствуя къ «безусловно преданнымъ», правительства навлекли себѣ справедливый упрекъ въ пристрастіи и дали всей своей системѣ ненавистный видъ мщенія и злоупотребленія власти, ради личныхъ цѣлей. Союзный сеймъ, руководимый Австріей и Пруссіей, все рѣзче и рѣзче противодействовалъ демократическому духу, котораго главнымъ органомъ были представительныя палаты. Запретивъ присылку адресовъ (окт. 1834), сеймъ (по особенному настоянію Пруссіи, которую князь Меттернихъ умѣлъ при этомъ ловко выдвинуть впередъ, чтобы на нее одну пала общая несправедливость) издалъ пресловутыя постановленія 28 іюня и 5 іюля 1832 г. «для поддержанія законнаго порядка и спокойствія». Въ нихъ положительно говорится, что вся совокупность государственной власти сосредоточена въ одномъ лицѣ державца¹; что отказъ земскихъ чиновъ во взносѣ податей равняется открытому возстанію; что законодательство отдѣльныхъ державъ не должно противорѣчить цѣли союза или союзнымъ обязанностямъ, и что вслѣдствіе того частные законы той или другой страны могутъ быть отмѣняемы союзомъ; что особая союзная коммиссія должна постоянно наблюдать за совѣщаніями земскихъ чиновъ; что толкованіе союзныхъ законовъ принадлежитъ одному только сейму; что иностранныя журналы и книги, объ-

¹ Въ ущербъ твердой власти закона, составляющей самую надежную опору всякаго правительства.

ею меньше 20 листовъ; должны выдаваться публикѣ только съ разрѣшенія правительствъ; что политическія общества, равно какъ всякіе значки, цвѣта и знамена, воспрещаются, народныя сборища и праздники допускаются только съ высочайшаго соизволенія, университеты должны по прежнему подлежать строгому надзору, и всѣ союзныя правительства обязываются немедленно оказывать другъ другу вооруженную помощь, въ случаѣ какихъ-либо неурядицъ или безпокойствъ.—Эти реакціонныя постановленія два года спустя завершились еще тайною конференціей министровъ въ Вѣнѣ (12 іюня 1834), въ которой снова подтверждены были положенія союза о томъ, что вся государственная власть сосредоточивается исключительно въ особѣ державца и что правительствамъ отнюдь не слѣдуетъ стѣсняться въ своихъ мѣрахъ возраженіями земскихъ чиновъ, которые не должны имѣть никакого права на обсужденіе справедливости союзныхъ постановленій. Право чиновъ на одобреніе податной смѣты истолковано было въ такомъ смыслѣ, что оно превратилось въ совершенный призракъ; запрещено было брать съ военныхъ присягу на вѣрность конституціи, и правительствамъ поставлено на видъ то правило, что служащія лица для поступленія въ палаты должны имѣть особое разрѣшеніе отъ своихъ начальствъ¹. При этомъ опредѣлены были мѣры, какимъ образомъ всего вѣрнѣе и однакожь безъ крайней неблаговидности ограничить свободу слова, преподаванія и печати, а университеты, въ лицѣ профессоровъ и студентовъ, поставить подъ самый бдительный надзоръ; наконецъ, для порѣшенія споровъ между правительствами и чинами учрежденъ былъ союзнымъ сеймомъ весьма односторонній третейскій судъ, который, состоя изъ уполномоченныхъ однихъ правительствъ, вовсе не соответствовалъ своему имени, а потому и не имѣлъ никакого примѣненія на дѣлѣ.

Этими распоряженіями конституціонное устройство Германіи было испорчено въ концѣ и унижено до крайности. Министры спокойно оставались на своемъ мѣстѣ, хотя большинство въ палатахъ было противъ нихъ; если возникало какое-нибудь нелюбое правительству предложеніе, имѣвшее надежду на успѣхъ, палаты тотчасъ распускались и, посредствомъ утрашенія, подкупа, отказовъ въ разрѣшеніи начальства, — составлялись другія, уже болѣе покорныя. Въ Баваріи званіе служа-

¹ Эта любопытная черта показываетъ ясно, что правительства, чувствуя невозможность обойтись на службѣ безъ способныхъ, либерально-образованныхъ лицъ, остерегались однакожь допускать ихъ мимо особаго контроля въ представительныя собранія.

щихъ распространено было на адвокатовъ, медиковъ и состоящихъ при магистратахъ, такъ что все эти лица могли быть представителями не иначе какъ съ разрѣшенія высшаго начальства; въ Кургессенѣ оспаривали у чиновъ право выбора въ извѣстныхъ разрядахъ населенія, и не давали, какъ отчасти случалось и въ Баваріи, необходимыхъ указаній по отчетности въ государственныхъ расходахъ; доходило даже до открытыхъ объявленій въ такомъ смыслѣ, что право утверждать подати не заключаетъ въ себѣ права въ нихъ отказывать, а министерство Шеффера дозволяло себѣ съ представительною палатой такіе поступки, отъ которыхъ «волновалась кровь» даже у австрійскаго посланника. Въ Нассау герцогъ прямо объявилъ все государственныя имущества, каковаго бы ни были они происхождения, за частную свою собственность, и при совѣщаніяхъ объ этомъ въ обѣихъ палатахъ сумѣлъ устроить въ свою пользу искусственное большинство, незаконно расширивъ составъ первой палаты членами своей фамиліи, соединивъ голоса ея съ благопріятнымъ ему меньшинствомъ во второй палатѣ и исключивъ потомъ всехъ членовъ противной стороны, причемъ семидесятилѣтняго президента Хербера, за одну непріятную статью въ газетахъ, велѣлъ онъ присудить къ заключенію въ крѣпости, но отъ этой несправедливой казни избавила старика скорая смерть. О правѣ личности нигдѣ не было и поминъ: любого обвиненія, любого подозрѣнія достаточно было для того, чтобы лишить человека свободы; если нельзя было добиться приговора по суду, то обвиненнаго держали цѣлые годы подъ слѣдственнымъ арестомъ или отдавали подъ надзоръ полиціи; угодливые судьи, вмѣсто вполнѣ оправдательнаго приговора, постановляли, что подсудимый оправдался только въ той мѣрѣ или съ той стороны своей вины, на сколько она подлежитъ ихъ опредѣленному вѣдомству, и такимъ образомъ лишали его политической полноправности (по крайней мѣрѣ навремя). Къ такимъ средствамъ прибѣгали въ Баваріи, Кургессенѣ, Ганноверѣ, чтобъ отстранять отъ представительной палаты лица, неугодыя властямъ. — Тяжелъ былъ гнетъ, лежавшій на книгопечаташи. Ни одно сочиненіе менѣе 20 листовъ въ объемѣ, не могло быть издано безъ разрѣшенія, ни одной газеты нельзя было разослать безъ предварительнаго просмотра особаго цензора; иностранныя газеты также подвергались надзору; во многихъ странахъ о ходѣ внутреннихъ дѣлъ нельзя было говорить ни слова; оппозиціонныя газеты преслѣдовались цензурными строгостями, придирами и судебными процессами до тѣхъ поръ, пока не прекращались совершенно; другимъ отка-

зывали въ разсылкѣ съ казенной почтою, наконецъ были и такія, которыя просто запрещались полицейскимъ порядкомъ.

§ 835. Ганноверъ. Въ 1837 году, когда исполнилось ровно столѣтіе основанію знаменитаго Гёттингенскаго университета, скончался король Англіійскій и Ганноверскій, Вильгельмъ IV, и воцарилась племянница его, Викторія. Такъ какъ публичное право германскихъ государей не допускаетъ женщинъ къ престолонаслѣдію, то корона Ганновера перешла къ дядѣ королевы, Эрнсту Августу, герцогу Кумберландскому (20 іюня 1837). Весь край ликовалъ, радуясь своей самостоятельности, но скоро радость превратилась въ горе, когда новый король ознаменовалъ свое воцареніе отмѣною конституціи 1833 г. (5 іюля 1837), «потому что на нее не изпрошено согласія родственниковъ даваго ее государя и такъ какъ она заключаетъ въ себѣ существенное нарушеніе правительственныхъ правъ»; на мѣсто ея возстановленъ прежній земскій уставъ 1819 г. Велѣдъ за тѣмъ потребовали отъ всѣхъ чиновниковъ («королевскихъ слугъ») новой присяги на вѣрность. Быть-можетъ многіе изъ служащихъ пришли отъ этого въ разладъ съ своею совѣстью, однакожъ исполнили требуемое. Только семеро профессоровъ Гёттингенскаго университета, въ томъ числѣ красы нѣмецкой науки, отказались присягнуть новой конституціи. Они были уволены отъ своихъ мѣстъ (18 ноября), и трое изъ нихъ, Дальманъ, Яковъ Гриммъ и Гервинусъ, высланы за границу, потому что они обнародовали свой протестъ. Благодарность, какою вся Германія привѣтствовала ихъ поступокъ, и участіе, обнаружившееся въ предложенной имъ щедрой помощи, доказали въ первый разъ какъ усилилось общественное мнѣніе и какъ выросъ незамѣтно въ тиши образъ мыслей народа. Но ни союзный сеймъ, ни ганноверское правительство ни сколько этимъ не смутились. Не обращая вниманія на протестаціи, поступавшія и отъ цѣлыхъ городовъ и отъ отдѣльныхъ лицъ, король велѣлъ произвести выборы по закону 1819 г., и когда земскіе чины, по нѣкоторомъ колебаніи, объявили себя не въ правѣ признать отмѣну государственныхъ учрежденій 1833 г., засѣданія ихъ были закрыты. Напрасно многіе изъ членовъ и избирательныхъ корпорацій обращались къ союзному сейму съ жалобами на нарушеніе своихъ правъ: сеймъ призналъ это внутреннимъ дѣломъ края и уклонился отъ всякаго вмѣшательства; напрасно, опираясь на мнѣнія юридическихъ факультетовъ Іены, Гейдельберга и Тюбингена, нѣкоторыя мѣстности отказывали въ податяхъ: правительство достигло своей цѣли, обложивъ мнѣнія секвестромъ. Когда въ слѣдующемъ году

многіе депутаты отrekliсь вступить въ незаконно-составленную камеру и такимъ образомъ оказалось, что за неявкой надлежащаго числа членовъ не могло состояться ни одного законнаго постановленія (1839), тогда празднаы мѣста были замѣнены посредствомъ новыхъ выборовъ отъ одного меньшинства, да и тутъ прибѣгали ко всякаго рода стѣсненіямъ, — пока не набралось необходимое число депутатовъ для разрѣшенія податнаго сбора. Точно такъ же поступило правительство въ 1840 г., чтобъ добиться признанія своей новой конституціи, составленной въ аристократическомъ, старосословномъ духѣ. На протестаціи не обращалось при этомъ ни малѣйшаго вниманія.

§ 836. *Послѣдствія.* Такая политика была очевидно несправедлива и близорука; доставляя правительствамъ мгновенный успѣхъ и удовлетвореніе ихъ желаній, она колебала въ сердцахъ народа чувствавѣры и вѣрности, извращала и мучила понятія о правѣ и тѣмъ подрывала самыя основы государственнаго зданія. Въ то самое время, какъ, опираясь на исходившія изъ Берлина ученія объ историческомъ правѣ¹, старались охранять все отжилая привилегіи, льготы и тягости и такимъ образомъ давали высшимъ классамъ непомѣрный перевѣсъ надъ пригнетаемыми низшими, — съ другой стороны всегда готовы были затоптать въ грязь самыя неоспоримые договоры, утвержденные и давностью и присягой, обходили натянутымъ толкованіемъ народныя права и подтверждали старую нѣмецкую поговорку, что «сила пуще права». Могла ли при этомъ не родиться у народа мысль, что право, которое представляли ему вѣчнымъ и священнымъ, служить на пользу одной силѣ и знатности, что его можно повернуть какъ хочешь въ угоду имъ, и что вѣрность, къ которой обыкновенно взываютъ, когда это нужно, требуется только со стороны слабого и бѣднаго. — Такая политика естественно проложила цѣлую бездну между народомъ и правительствомъ; между подданными и властями, между націей и «полицейскимъ государствомъ»; она была причиною того, что все законы, распоряжки, учрежденія и предлагаемыя мѣры, по скольку они исходили отъ правительствъ, обыкновенно принимались съ недовѣріемъ. Конечно, легко было держать въ уздѣ книгопечатанье посредствомъ полицейскихъ стѣсненій, но стѣсненія эти были для правительствъ зловреднѣе чѣмъ всякая свободная печать: что превозноси-

¹ Эти ученія придавали основамъ историческаго права слишкомъ безусловное значеніе, тогда какъ очевидно, что каковы бы ни были достоинства и цѣнность его въ данную эпоху, оно всегда предполагаетъ не только возможность, но и необходимость дальнѣйшаго развитія, обусловливаемого успѣхами ума и нарожденіемъ новыхъ жизненныхъ отношеній.

лось въ изданіяхъ, подчиненныхъ строгому предварительному надзору, тому, разумѣется, не довѣрялъ никто, а что въ нихъ порицалось, то считали гораздо худшимъ нежели оно было въ самомъ дѣлѣ; благодаря произволу надзорщиковъ, всѣ благомыслящіе и имѣвшіе право на литературный голосъ мало по малу отступились отъ журналистики и оттого она попала въ такія руки, которыя рѣдко умѣли или хотѣли соблюсти мѣру должнаго. Обычай, всякое проявленіе общественной дѣятельности подчинять регламентаціи свѣше и ставить его подъ особый надзоръ полиціи, породилъ величайшее отвращеніе къ господству канцелярскаго порядка, къ такъ-называемой «бюрократіи» и «деспотизму чиновниковъ». Вся нація распалась на двѣ огромныя партіи: съ одной стороны стояли правительства, опирающіяся на военную силу и полицію, съ толпою состоящихъ на жалованьи слугъ, съ другой — весь остальной народъ различныхъ сословій. Вотъ отчего какія бы то ни было нападки на существующую систему, какое бы то ни было сопротивленіе властямъ, дворянъ и чиновникамъ — все безъ разбора принималось съ радостью, и издаваемые въ этомъ духѣ книги, стихотворенія и журналы находили себѣ обширный кругъ читателей. Что жъ мудренаго, если, при свойственномъ Нѣмцамъ многописанію, воздѣлывалась по преимуществу именно эта литературная сторона? Какъ въ прежнее время бывали придворные поэты, воспѣвавшіе придворныя веселья и торжества, такъ теперь явились поэты, избравшіе предметомъ своей раздражающей лиры лохмотья убогихъ и бѣдствія пролетаріевъ. Однѣ только оппозиціонныя газеты могли разсчитывать на прочную долговѣчность и большее число подписчиковъ; консервативныя — скоро заподозривались въ подкупности и не могли долѣе существовать. Даже въ наукѣ и литературѣ, единственномъ поприщѣ, открытомъ для свободнаго движенія ума, оппозиція противъ существующаго занимала болѣе и болѣе мѣста и сообщала созданіямъ разума и фантазіи тотъ разлагающій характеръ, который находилъ себѣ такое сильное сочувствіе и такой сильный отголосокъ въ общественномъ мнѣніи. Изъ отвращенія къ поддерживаемому правительствами мертвому застою въ церкви и государствѣ, само среднее сословіе, консервативное по своему существу, поощряло съ какимъ-то злорадствомъ всѣ разрушительныя направленія и порывы, даже и тѣ, которые подготовляли страшную бѣду для священнѣйшихъ и дражайшихъ его интересовъ. — Только одно стремленіе постоянно просвѣчивало во всѣхъ борьбахъ и разногласіяхъ Германіи и было той «красной нитью», которая сквозила во всей общественной дѣятельности

народа, — стремленіе къ національному и политическому единству, къ преобразованію государственнаго строя въ одно цѣлое, къ достиженію внѣшняго почета и совокупнаго представительства въ отношеніи другихъ державъ; въ этомъ смыслѣ радостно привѣтствовали учрежденный прусскимъ правительствомъ общій Таможенный союзъ, какъ краеугольный камень германскаго единенія черезъ свободную связь различныхъ племенъ и владѣній. Имѣя ближайшею цѣлью поднять одни вещественные интересы, онъ скоро укрѣпилъ чувство національности и общаго отечества и породилъ самоувѣренность, общемыслие и любовь къ родному краю.

IV. Абсолютныя государства.

1. Австрія.

§ 837. Въ Австріи, какъ при императорѣ Францѣ I, такъ и по смерти его (2 марта 1835), при слабомъ, безхарактерномъ Фердинандѣ I, настоящимъ вождемъ государства и душою всей политики оставался князь Меттернихъ. Врагъ всѣхъ демократическихъ формъ государства, и республиканскихъ и конституціонныхъ, ревностный поборникъ безусловной монархіи съ аристократическою обстановкой, какъ оплота противъ угрожающаго разлива революціонныхъ идей, князь Меттернихъ былъ средоточіемъ консервативной и реакціонной политики. Подъ его управленіемъ Австрійская имперія была не что иное какъ таможенная линія, охраняемая досмотрщиками и толпами стражи и запертая отъ чужеземцевъ строгою паспортною системою; всѣ умственные связи прерывались и затруднялись самыми стѣснительными ограниченіями книжной торговли и строгимъ надзоромъ не только за привозными книгами и газетами, но даже и за частною перепиской. Этимъ пограничнымъ кордономъ надѣялись отстранить отъ вѣрныхъ и простодушныхъ Австрійцевъ «заразу просвѣщенія» другихъ странъ, непоколебимо сохранить власть духовенства надъ умами и навѣки приковать народъ къ завѣщанному преданіемъ старому порядку, но содворили только систему лжи, подкупа, безправственности, умѣняя все дѣлать на показъ и вездѣ обходить сущность дѣла. Отстраняя всѣми силами отъ Австріи умственную жизнь, религіозныя и политическія борьбы другихъ народовъ, Меттернихъ старался точно такъ же слѣдить и подавлять тайною государственной полиціей каждое живое движеніе внутри.

— Полицейскіе агенты, шпионы и доносчики наблюдали на улицах и общественныя мѣста, подслушивали разговоры, вывѣдывали самыя задушевныя мысли, религіозныя и политическія мнѣнія туземцевъ и пріѣзжихъ. Такой гнусной системы предательства, какая господствовала тогда въ Австріи, подрывая всякое довѣріе въ общественной и частной жизни, едва ли видано гдѣ-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось существованіе венеціанской тайной полиціи и инквизицій испанской и итальянской. Всякаго, кто по неосторожности попадался въ лишнее словѣ, въ жалобѣ или какомъ-нибудь порицаніи, кто позволялъ себѣ непрошеную критику въ печати, или, тѣмъ паче, навлекалъ на себя подозрѣніе въ принадлежности къ какому-нибудь тайному обществу противъ политической системы, — ожидали государственныя тюрьмы, обнимавшія его какъ могильный склепъ и такъ наглядно изображенныя перомъ много-страдальца Сильвіо Пеллико. Противуядіемъ революціонному духу и силѣ просвѣщенія служили поборники умственной тупоты, — иноческіе ордена, монастыри и іезуиты, ревностно поддерживаемые въ своей дѣятельности (придворною камарильей¹). Послѣдніе водворились, гдѣ подъ чужимъ именемъ, гдѣ открыто и явно, въ Грецѣ, Инсбрукѣ и друг. мѣстахъ и, въ качествѣ воспитателей, старались предохранить будущія поколѣнія отъ тревожнаго духа времени, слишкомъ падкаго на новизну. Науки и искусства не оставались впрочемъ безъ поощренія, высшія учебныя заведенія и академіи художествъ могли указать на нѣсколько именъ, украшенныхъ литературною и художническою славой; но это научное и художественное образованіе было слишкомъ неровно распределено. При строгомъ надзорѣ за преподаваніемъ, только практическія и опытные науки, естествовѣдѣніе и медицина, математика и технологія, да развѣ еще филологія и древности, находились на соотвѣтственной германскимъ взглядамъ высотѣ; напротивъ того, исторія или должна была примѣняться къ кругу понятій и воззрѣній господствующей церковной и государственной системы, или ограничиваться учеными изслѣдованіями давно минувшихъ эпохъ и исчезнувшихъ поколѣній; философія была стѣснена въ свободѣ умствованія и сводилась на однѣ схоластическія формы; богословію также предоставлялось лишь

¹ Правдивая исторія должна снять съ печальной памяти князя Меттерниха обвиненіе по крайней мѣрѣ въ томъ, что будто онъ поддерживалъ и ретроградныя проски духовенства. Это вполнѣ противорѣчило его личнымъ убѣжденіямъ и было дѣломъ спальной придворъ клерикальной партіи, во главѣ которой съ 1824 г. стала хитрая эрцгерцогиня Софія.

весьма узкое поприще, замкнутое со всех сторон строгим католицизмомъ. Мало заботясь объ образованіи народа, для котораго считали достаточною самую скудную долю знаній, австрійскія власти обращали главное свое вниманіе на высшіе и средніе классы и поощряли особенно такія учебныя заведенія, которыя, какъ дворянскіе и военныя институты, служили на пользу могущественной аристократіи, или, какъ реальныя и ремесленныя школы, способствовали только развитію промышленности и одного техническаго образованія. Собственно же народныя училища оставались въ небреженіи и вѣтрялись руководству малообразованнаго и притомъ лѣниваго духовенства, тогда какъ изъ высшихъ заведеній старались устранить всё свободныя предметы человѣческаго знанія, облагораживающіе духъ и развивающіе мыслительность. Утрата свободы должна была вознаграждаться обиліемъ вещественныхъ благъ и житейскихъ наслажденій; но отсутствіе идеальныхъ стремленій и недостатокъ умственныхъ и нравственныхъ пружинъ не наверстывается никакимъ другимъ благомъ въ мірѣ. — Между тѣмъ какъ на западѣ все настойчивѣе требовали обширѣйшаго участія народа въ государственной жизни и все болѣе старались осуществить начало народнаго самодержавія, которому правительство служило бы только высшимъ органомъ, — въ Австріи держались крайне-податливаго правила: «все для народа, и ничего черезъ народъ», болѣе и болѣе стѣсняли право земскаго представительства тамъ, гдѣ оно еще существовало, и довели его подъ-конецъ до совершенной ничтожности: такъ было въ эрцгерцогствѣ Австріи, въ Богеміи, въ Штиріи и друг. м. Въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ народное представительство было устранено почти совѣтмъ, а въ кроатскихъ и иллирійскихъ провинціяхъ голосъ туземцевъ только тогда принимался въ уваженіе, когда грозный видъ воинственнаго народа придавалъ ему по временамъ особый вѣсъ. Одна Венгрія отставала свое народное представительство. Въ то время какъ въ другія державы, отмѣною феодальныхъ повинностей, старались умѣрить возрастающее наравенство собственности и заранѣе принять мѣры противъ пауперизма, который какъ грозное привидѣніе вперялъ отчаянные взоры въ богатый высшій классъ, — въ Австріи по прежнему существовали барщины и сохранялись въ самой притѣснительной формѣ всё отношенія рабскаго труда; этимъ, разумѣется, поддерживалась взаимная ненависть между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ, которая привела къ извѣстнымъ ужасамъ въ Галиціи и нарушала всякой порядокъ и мирное общежитіе различныхъ сословій между собою. Государ-

ственное хозяйство и вся финансовая часть неоднократно подвергались совершенной разладицѣ, такъ что государственные кредиторы потерпѣли много потерь, государственный долгъ и бумажныя деньги возрасли въ громадномъ размѣрѣ, а подати, таможенныя пошлины и налоги достигли обременительной высоты. Уже въ 1811 г., патентомъ министра Валлиса, находившіяся въ оборотѣ банковыя ассигнаціи были понижены въ пятую часть своей цѣны, а проценты государственныхъ облигацій на половину. — Правда, что Австрія обладала хорошо вооруженною, сильною арміею, что Триестскія торговыя суда служили посредниками восточной торговли; что шоссе и желѣзныя дороги содержались въ исправности, что многія отрасли промышленности (благодаря техническому образованію и охранительной системѣ) развились и процвѣли, что фабрики и мануфактуры всякаго рода занимали бездну рукъ и вызвали многія мѣстности къ новой жизни; но при этомъ не должно упускать изъ виду и зловредныхъ дѣйствій абсолютизма: прѣжнее великолѣпіе и красота Венеціи исчезли безъ слѣда; исчезли богатство, энергія, чувство свободы и живая гражданская дѣятельность Ломбардцевъ, которые нѣкогда такъ славно противустали геройской силѣ Гогенштауфеновъ; австрійское правительство плохо исполнило свое призваніе быть поборникомъ германской культуры на Востокѣ; оно не обезпечило участи придунайскихъ странъ; ни въ Греціи, ни въ Турціи, ни на Востокѣ вообще оно не сумѣло дать имперіи того вѣса, какой пріобрѣли тамъ Англія, Россія и Франція. Оно, повидимому, совсѣмъ забыло свой старый лозунгъ: «Австрія впередъ!» Заботясь только о задержаніи прогресса и о подавленіи духа свободы во всѣхъ сферахъ и проявленіяхъ, правительство спокойно смотрѣло на то, какъ другія державы опережали великую Австрійскую монархію, и какъ всякая гражданская доблесть постепенно замирала въ клещахъ полицейскаго управленія. Самъ изукрашенный всѣми возможными орденами, титулами и почестями, обладая огромнымъ богатствомъ и сверхъ того получая большіе пенсіоны, князь Меттернихъ поддерживалъ страсть къ чинамъ и титуламъ въ австрійскомъ обществѣ, подавлялъ въ немъ всякое вольное движеніе, всякое чувство истинной чести, возбуждая суетность и мелочное честолюбіе, и направлялъ всѣ силы и способности народа къ пріобрѣтенію однихъ вещественныхъ благъ, къ исканію однихъ чувственныхъ отрадъ и наслажденій. Какъ нѣкогда Римскіе императоры, такъ теперь и австрійское правительство внимало только одному народному требованію, — требованію «хлѣба и зрѣлищъ»; поощряя всякія общественныя потѣхи и театральныя фарсы низшаго раз-

бора, оно питало свойственную народному характеру лѣнь и беззаботность, чтобы подданные не только терпѣливо выносили, но еще и благословляли руководящую ихъ власть. Не должно однакожь забывать того, что въ сколько нибудь прочныя, устойчивыя черты народнаго и государственнаго быта являются скорѣе источникомъ, нежели плодомъ правительственныхъ системъ; и тѣ и другія всегда почти обусловлены совокупнымъ дѣйствіемъ племеннаго характера и преобладающихъ въ извѣстную эпоху всемірно-историческихъ обстоятельствъ. — Князь Меттернихъ былъ первоначальникомъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя обездоливали государственную жизнь Германіи и подавляли лучшія ея стремленія и силы, тогда какъ, благодаря его же вліянію, въ Испаніи, Португаліи и Швейцаріи клерикальная партія находила себѣ поддержку противъ людей прогресса, да и вездѣ готова была рука помощи обскурантизму и реакціи противъ просвѣщенія и свободы.

2. Пруссія.

§ 838. Въ Пруссіи, до кончины многоиспытаннаго короля Фридриха Вильгельма III (7 іюня 1840), прежнее положеніе поддерживалось по-возможности неизмѣнно; только съ лѣтами все возрастало недовѣріе этого государя къ современнымъ либеральнымъ стремленіямъ, внушенное ему такими совѣтниками, какъ Кампцъ и друг., а вследствие того обнаруживалось у него и болѣе строгости къ поборникамъ либерализма. Постановленія союзнаго сейма, ограничившія свободу политической жизни въ конституціонныхъ государствахъ, подавившія свободу печати, введенную было въ Баденѣ, усилившія цензуру и подвергшія строгому надзору журналистику и книжную торговлю, — все это большею частію исходило отъ Пруссіи или поддерживалось ею. Чтò преслѣдовалось королемъ въ чужихъ владѣніяхъ, то, разумѣется, еще менѣе терпѣлось въ его собственныхъ. Далекій отъ того, чтобы учрежденіемъ государственныхъ чиновъ исполнить свое королевское слово въ точности и къ совершенному удовольствію подвластныхъ, онъ, напротивъ, болѣе и болѣе урѣзывалъ права областныхъ сеймовъ и такимъ образомъ лишилъ ихъ всякаго значенія; надменная чиновническая іерархія, хотя и состояла изъ способныхъ людей, которые искусно управляли государственною машиною, но прикрывала свои дѣйствія и намѣренія завѣсою тайны и часто оскорбляла рѣзкимъ, бюрократическимъ тономъ своего повелительнаго канцелярскаго языка (такъ въ одномъ официальномъ актѣ употреблено было въ отношеніи къ прусскому народу пресловутое

выраженіе «ограниченный умъ подвластныхъ»); финансовое управленіе, при всей его добросовѣстности, также закутывалось въ тайственный мракъ, и въ податной системѣ по прежнему господствовало тяжкое для маленькаго человѣка разнообразіе, то есть различное распределеніе налоговъ смотря по областямъ, сословіямъ и стародавнимъ преимуществамъ и льготамъ. Судопроизводство оставалось при своей устарѣлой письменности и тайнѣ и вовсе не имѣло въ виду внушить народу болѣе довѣрія уступками духу времени, настойчиво требовавшему гласности, устной участиі присяжныхъ; мало этого, — къ укорененнымъ въ Рейнской провинціи учрежденіямъ такого рода ¹ постоянно обнаруживали какое то непріязненное расположеніе и подвергали ихъ разныхъ передѣлкамъ. Такъ-называемая «исключительная подсудность» и право «вотчиннаго суда», оставленныя за привилегированнымъ классомъ, противорѣчили общему требованію равноправности для всехъ подданныхъ. Правда, что отъ несчастной, но столь великой для Пруссіи поры чужевластія она сохранила пріобрѣтенныя тогда учрежденія, которыя возвышали ее надъ множествомъ другихъ державъ: — ея почва была болѣею честію освобождена отъ тяготѣвшихъ на ней повинностей, ея ремесленный классъ избавился отъ цеховыхъ стѣсненій, у ней было народное воеустройство, у ней былъ либеральный общинный уставъ; но вразсужденіи строгаго наблюденія за церковью, учебнымъ вѣдомствомъ и печатью, она мало уступала австрійской системѣ управленія. Университеты состояли подъ усиленнымъ надзоромъ государственныхъ властей; свобода преподаванія много стѣснялась запрещеніемъ посѣщать иные университеты, а равно и прекращеніемъ такихъ курсовъ, которые не нравились правительству; учительство подлежало самому строгому контролю. Периодическая литература крайне стѣснялась не только предварительною и возвратною цензурой, но сверхъ-того еще и тѣмъ, что внутреннія дѣла вообще не дозволялось подвергать критическому разбору; книги, казавшіяся опасными, вовсе не допускались въ продажу. Крайне подозрительному наблюденію подлежали церковь и вѣроученіе, что особенно зависѣло отъ религіозности самого короля. Въ протестантской церкви не терпѣлъ онъ никакого уклоненія отъ изданнаго имъ единительнаго акта, и ослушниковъ наказывалъ лишеніемъ политической равноправности, да и относительно католицизма заявилъ свое самовластительство тѣмъ, что приказалъ

¹ Со времени владычества тамъ Франгузовъ.

взять подъ стражу Кёльнскаго архіепископа (§ 815).—Преемникъ его, Фридрихъ Вильгельмъ IV, сынъ высокообразованной эпохи, питомецъ круга умныхъ, отчасти даже геніальныхъ людей, былъ человекъ, въ чьей воспримчивой душѣ сходились, какъ въ фокусѣ, лучи всѣхъ отраслей науки, тщательно воздѣływаемыхъ въ Берлинѣ, этой «метрополіи германскаго ума»; онъ по временамъ и какъ бы скачками покидалъ обычный путь своего отца, но, постоянно колеблясь духомъ, вскорѣ потомъ возвращался и шелъ опять тою же дорогою. Въ надеждѣ на свою умственную силу, онъ сначала ослабилъ путы, которыми его предшественникъ связалъ свободу книгопечатанія, слова и даже помысла; онъ думалъ, что всегда совладѣетъ съ умами, которымъ отпустить поводъ; но когда онъ замѣтилъ, какъ сильно и полусвободженная печать волнуется жаждущее простора время, тогда онъ дозволилъ своему правительству снова крѣпче натянуть бразды власти, особенно послѣ злодѣянія отставнаго бургомистра Тшеха, который изъ одной личной мести совершилъ опасное покушеніе на жизнь короля.—Надѣленный живымъ умомъ, даромъ слова и скороподвижнымъ характеромъ, Фридрихъ Вильгельмъ IV не находилъ никакого удовольствія въ спокойномъ, обычномъ ходѣ государственнаго и церковнаго порядка; онъ хотѣлъ дѣйствовать и творить, но всегда по собственному усмотрѣнію; онъ хотѣлъ преобразований, но лишь на столько, на сколько это представлялось нужнымъ его властительскому уму; отсюда то колебаніе между застоємъ и движеніемъ, та система «заторможеннаго прогресса», которая такъ часто возбуждала проницескій смѣхъ. Въ душѣ его зарождалось много великихъ мыслей и плановъ, но осуществленіе ихъ задерживалось то его гордостью, которая не хотѣла дѣлать никакихъ уступокъ духу времени, то его средневѣковыми и аристократическими предубѣжденіями, которыя крѣпко держались за историческія права и ненавидѣли въ преобразовательномъ либерализмѣ дѣтище революціи, то, наконецъ, его строговѣріемъ, которое рѣшалось допускать свободу религіозной жизни и церковный прогрессъ въ той только степени, въ какой это было согласно съ основаніями и правилами, установленными въ символическихъ книгахъ. Великая цѣль всякой національной политики, — единство германской земли, находила въ патріотическомъ духѣ короля и многихъ его совѣтниковъ истинное сочувствіе; но сколько ни поблажало этому стремленію правительство, поощряя и расширяя таможенный союзъ, явная антипатія къ южно-германскому либерализму, обнаружившаяся въ малодушной высылкѣ изъ Пруссіи двухъ баденскихъ депу-

татовъ, снова разрушила народное довѣріе къ чистотѣ его намѣреній. Эта же антипатія къ либерализму и его порывамъ преимущественно удерживала короля дать государству «конституцію», какъ требовало того общественное мнѣніе, и внушила ему мысль, послѣ долголѣтнихъ изысканій въ области конституціонныхъ мнѣній, возстановить опять средневѣковыя земскіе чины патентомъ отъ 3 февраля 1847 г. — Во всѣхъ мѣрахъ и учрежденіяхъ Фридриха Вильгельма IV замѣтны борьба и постоянное колебаніе между высокою, свободною идеей и закоренѣлымъ предразсудкомъ, между величавою, благородною политикой и пренебрежительнымъ неуваженіемъ къ общественному мнѣнію, между ревностнымъ исканіемъ народной любви и популярности и самодовольнымъ сознаніемъ своего высокаго сана.

3. Россія.

§ 839. Въ эпоху трехлѣтней борьбы за освобожденіе Европы отъ Наполеона, либеральныя идеи запада естественно привились и ко многимъ изъ образованныхъ Русскихъ, игравшихъ въ этой достопамятной войнѣ столь важную и столь почетную роль. По возвращеніи русскихъ войскъ въ предѣлы отечества, идеи эти стали распространяться и на нѣкоторые другіе кружки и даже замѣтно высказываться въ литературѣ. Императоръ Александръ, вначалѣ снисходительно смотрѣвшій на эти заявленія, призналъ необходимымъ противодѣйствовать имъ съ тѣхъ поръ, какъ движенія либеральной партіи въ западной Европѣ нарушили тамъ вновь-введенный порядокъ и сильно встревожили только-что успокоившіяся правительства. Мы уже видѣли, что глубоко-огорченный Государь узналъ передъ кончиною о существующемъ въ арміи военномъ заговорѣ и оставилъ своему преемнику печальный долгъ принять мѣры противъ готовившагося возстанія. Преодолѣвъ вѣспыхнувшій въ Петербургѣ и на югѣ военный мятежъ, и наказавъ главныхъ виновниковъ смертью, а остальныхъ ссылкой или заключеніемъ, императоръ Николай (§ 798) вступилъ въ спокойное обладаніе могущественнѣйшимъ престоломъ. Съ тою же рѣшительностью и энергіей, какія обнаружилъ онъ при подавленіи многолѣтняго заговора, новый Государь держалъ съ тѣхъ поръ въ своей твердой рукѣ бразды верховной власти, лично направляя весь ходъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ громадной имперіи. Преобладающимъ стремленіемъ его было оградить свой народъ отъ соблазнительнаго духа партій западной Европы, дать ему особое, наці-

опальное развитіе и по мѣрѣ возможности распространить на подвластныя Россіи чуждыя племена господствующіе въ ней религіозные и государственные элементы. Съ этою цѣлью состоялся цѣлый рядъ мѣръ къ устраненію всѣхъ тѣхъ вліяній западнаго образованія, которыя могли противодѣйствовать полному успѣху «національной системы»: предпринято воссоединеніе уніатовъ съ православною церковью, изданы разныя постановленія, ограничивавшія мѣсто жительства и самый бытъ Евреевъ, и предписано распространеніе русскаго языка, отчасти и грековосточнаго исповѣданія, въ западныхъ областяхъ имперіи. Единобразный порядокъ всѣхъ отраслей внутренняго управленія старались утвердить на началахъ военнаго устройства. При этомъ заботы Государя были постоянно обращены на содержаніе многочисленнѣйшей арміи въ возможно блистательномъ видѣ и во всегдашней готовности на случай войны.

§ 840. Внѣшняя политика. Главною задачею внѣшней политики Россіи было расшпреніе ея вліяній на Востокъ и на Западъ. Вызванная нападеніемъ Персіи война съ этою державою кончилась въ 1828 г. присоединеніемъ Армянской и Эриванской областей и по возстановленіи мира надолго подчинила шаха вліянію русской дипломатіи, сильно безпокоившему Англичанъ относительно ихъ остъ-индскихъ владѣній. Чтобы противодѣйствовать успѣхамъ Россіи съ этой стороны, смѣтливые островитяне принялись снабжать оружіемъ и военными припасами племена храбрыхъ кавказскихъ горцевъ, защищавшихъ съ удивительною стойкостью свою дикую независимость противъ грознаго напора русскихъ силъ. Дѣятельность англійскихъ и польскихъ агентовъ на Кавказѣ ни для кого не была тайною, но разрыва съ Англіей не послѣдовало даже и тогда, когда охранявшая восточный берегъ Чернаго моря русская эскадра захватила англійскій бригъ Виксенъ, весь нагруженный оружіемъ (1838). Англія, съ другой стороны не настаивала въ своихъ притязаніяхъ за то, что при занятіи Персіанами пограничнаго съ Индіей важнаго торговаго города Герата (1839), обнаружилось участіе агентовъ русской дипломатіи; она вполне удовольствовалась отозваніемъ русскаго посланника въ Персію, графа Симонича, который, какъ увѣряли, превысилъ въ этомъ случаѣ данныя ему наказы. — Вліяніе Россіи на Турцію особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Николай оказалъ ей необыкновенно быструю помощь присылкою вспомогательнаго корпуса (въ началѣ 1833), котораго присутствіе передъ Константинополемъ побудило побѣдоноснаго Ибрагима-

Пашу согласиться на миръ и отступить въ Сирію. Заключенный въ слѣдъ за тѣмъ трактатъ въ Ункяръ Скеlesi обезпечилъ Портѣ на десятилѣтній срокъ вооруженное пособіе со стороны Россіи, въ случаѣ какихъ либо дальнѣйшихъ столкновеній, а Порта, подтвердивъ всѣ прежніе договоры съ Россіею, въ томъ числѣ и право послѣдней покровительствовать единовѣрныхъ ей турецкихъ христіанъ, обязалась, на случай разрыва между руссійскимъ дворомъ и другими державами, не допускать флотовъ этихъ державъ въ Дарданеллы. Судьба Дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, которыя были оставлены въ рукахъ русскихъ войскъ впредь до уплаты контрибуціи наложенной на Порту Адрианопольскимъ миромъ (1829), устроилась подъ покровительствомъ Россіи и при дѣятельномъ участіи русскаго военачальника (въ послѣдствіи графа) Киселева на лучшихъ основаніяхъ, и въ 1834 г. Русскіе окончательно выступили изъ того края. По смерти султана Магмуда II (1839) и по воцареніи юнаго и слабаго Абдуль-Меджида, вражда Турціи съ непокорнымъ Египтомъ вызвала совокупное вмѣшательство со стороны великихъ державъ, въ которомъ дѣятельное участіе приняла и Россія. Ея очевидный перевѣсъ въ Турціи и занятіе ею Сулинскаго гирла Дуная (лучшаго судоходнаго устья этой рѣки) возбудили вскорѣ потомъ подозрительную ревность союзниковъ, въ особенности Англичанъ, озабоченныхъ, какъ и всегда, обезпеченіемъ своихъ торговыхъ интересовъ. Въ западной Европѣ стали болѣе и болѣе распространяться слухи о честолюбивыхъ видахъ русскою политикой, сильно поддерживаемые враждебною ей либеральною литературой; тѣсныя связи Россіи съ Австріей и Пруссіей, а также и съ нѣкоторыми другими изъ германскихъ державъ, давали, при подобномъ настроеніи, обильную пищу многимъ преувеличеннымъ толкамъ о значеніи этихъ связей, о грозномъ «сѣверномъ колоссѣ» и его возрастающемъ величіи; однакожь, не смотря на то дружественныя отношенія русскаго двора къ либеральнымъ державамъ запада, хотя иногда и охладѣвали, но въ сущности нисколько не нарушались до тѣхъ поръ, пока не наступилъ періодъ новыхъ революціонныхъ движеній.

Ж. НОВѢЙШІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫЯ БУРИ.

I. Предвѣстія.

1. Италія.

§ 841. Италія. Въ іюнѣ 1846 г. умеръ папа Григорій XVI, человекъ простыхъ, строгихъ нравовъ, но врагъ новаго политическаго и религіознаго образованія и далекій отъ всякихъ заботъ о благѣ государства и о счастіи своихъ подданныхъ. Преемникомъ ему, еще въ полной силѣ зрѣлаго мужества, былъ избранъ Мастан Ферретти, воцарившійся подъ именемъ Пія IX (род. 1792); сторонникъ прогресса, онъ, подъ влияніемъ энтузіазма римскаго народа съ одной стороны, и поднявшейся противъ него оппозиціи—съ другой, возвысился до чувства призванія свыше—призванія стать преобразователемъ и спасителемъ Церковной Области. Его кротость и привѣтливое радушіе приобрѣли ему сердца народа, его быстрыя реформы пробудили вдругъ надежды самыя смѣлыя. Онъ началъ съ разныхъ экономій въ своемъ дворцовомъ хозяйствѣ, дозволилъ болѣе свободы книгопечатанью, усилилъ прежде открытыя комиссіи для составленія уложеній и преобразованія судопроизводства, введеніемъ въ нихъ лицъ, облеченныхъ общимъ довѣріемъ, утвердилъ постройку желѣзныхъ дорогъ, открылъ мірянамъ путь къ высшимъ служебнымъ обязанностямъ, рѣшился обложить монастыри Церковной Области податями, призвалъ изъ провинцій вменитыхъ выборныхъ въ свой государственный совѣтъ, далъ городу Риму свободное муниципальное устройство и принялъ мѣры къ подготовленію союза итальянскихъ государствъ. Для подавленія явной и тайной оппозиціи, возставшей противъ этого «подтачивающаго начала, этого главы Юной Италіи», и поддерживаемой самими государями италійскаго полуострова, онъ устроилъ новую гражданскую стражу. Такимъ образомъ Пій IX сталъ въ челѣ національнаго движенія и снова сдѣлалъ папство «политическимъ средоточіемъ Италіи». Сильное волненіе обнаружилось вскорѣ въ цѣломъ краѣ, столь благословенномъ природою, столь угнетенномъ и обездоленнымъ военнымъ деспотизмомъ и владычествомъ поповъ. Ріо попо! (Пій IX!) восторженно гремѣло со всѣхъ сторонъ, сдѣлалось

лозунгомъ либераловъ, надеждой патриотовъ; *evviva* (да здравствуетъ!) папѣ считалось въ Неаполѣ, въ Моденѣ, въ Ломбардіи революціоннымъ кликомъ. Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, гдѣ наемныя чужестранныя войска, изнѣженный дворъ и богатая чиновническая аристократія жили потомъ и кровью злополучной націи, гдѣ многочисленное бѣлое духовенство и лѣнныя, необразованные монахи владѣли громадными землями и несмѣтнымъ богатствомъ и держали народъ въ невѣжествѣ и суевѣріи, гдѣ полиція и блестящее для парадовъ войско не въ силахъ были защищать области отъ шаекъ мошенниковъ и бандитовъ¹;—тамъ требованіе реформъ и болѣе свободнаго государственнаго устройства раздавалось громче и грознѣе съ каждымъ днемъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ отпалъ угнетенный, обнищавшій островъ Сицилія, гдѣ смѣшанный изъ самыхъ разнообразныхъ племенъ пылкій народъ не переставалъ вдыхать навѣвы свободы изъ-подъ развалинъ древняго величія; онъ разорвалъ наконецъ цѣпь, которою былъ прикованъ къ Неаполю и, въ надеждѣ на англійскую помощь, водрузилъ знамя независимости. Съ мужествомъ, презрѣніемъ смерти и непоколебимымъ упорствомъ, которыхъ никто не ожидалъ отъ давно поработеннаго народа, освободилась Сицилія отъ своихъ тирановъ и лучше захотѣла предать бомбодировкѣ съ неприступной цитадели свой богатѣйшій торговый городъ Мессину (январь 1848), нежели согласиться на предложенный Неаполемъ договоръ, которымъ взаимная связь ихъ, хотя и въ слабѣйшей степени, должна была все-таки поддерживаться. Увлеченные такой отвагой Сицилійцевъ, жители Неаполя также подняли мятежъ, вслѣдствіе котораго король обѣщалъ грознымъ толпамъ народа дать государству представительную конституцію. Примѣру этому, волей или неволей, послѣдовали Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій, пользовавшійся любовью и уваженіемъ народа, не смотря на свое австрійское происхожденіе и родство, и сдѣлавшій свой благословенный край самымъ счастливымъ въ Италіи, и Карлъ Альбертъ, король Піемонта и Сардиніи, который вначалѣ свои прежнія связи съ либералами старался загладить передъ другими дворами строгимъ управленіемъ въ старинномъ смыслѣ, участіемъ во французскомъ походѣ на непокорныхъ Испанцевъ и благосклонствомъ къ іезуитизму и реакціи, а теперь, вторично измѣнивъ образъ мыслей

¹ Не разъ доходило до того, что правительство прибѣгало къ сдѣлкамъ съ этими шайками, возлагая на сильнѣйшую изъ нихъ исполненіе полицейскихъ обязанностей! Въ самомъ Неаполѣ цѣлыя артели мошенниковъ (коморристы) служили подручными полиціи, какъ обнаружилось въ послѣднее время.

въ духѣ времени, началъ добиваться расположенія и любви италійскихъ народовъ. Честолюбивый и полный увѣренности въ свое военное искусство, онъ надѣялся сдѣлаться владыкою единой и независимой Италіи. Герцогъ Моденскій, ревностный поборникъ богодарованной власти и прирожденной законности, спасся бѣгствомъ отъ революціоннаго духа своихъ подданныхъ; смерть мало любимой и мало уважаемой Маріи Луизы Пармской (18 дек. 1847), не понявшей своей великой судьбы и повидимому забывшей въ своемъ второмъ неравномъ бракѣ императора Наполеона и роковой его жребій, — смерть эта еще болѣе подняла надежды Итальянцевъ на близость національнаго единства подъ державою природныхъ государей и на болѣе свободное политическое устройство. Только двѣ власти, одна духовная, другая свѣтская, повидимому мѣшали достиженію этой цѣли, — іезуиты и Австрійцы. Противъ этихъ-то двухъ властей и устремилась пламенная ненависть Итальянцевъ. Кляки: «да здравствуетъ Джоберти!» врагъ іезуитовъ, и «смерть Нѣмцамъ!» (Tedeschi), разумѣется Австрійцамъ, мѣшались съ возгласами въ честь Пія IX, особенно когда послѣдній энергично протестовалъ противъ занятія Феррары австрійскимъ гарнизономъ. Столкновенія и ссоры между Итальянцами и Австрійцами въ Падуѣ, Миланѣ и во всей верхней Италіи, насмѣшки, поддразниванья, вызывающія пѣсни и угрозы противъ «Нѣмцевъ», союзы воздержанія отъ табаку и дотерей, въ ущербъ австрійскимъ доходамъ, враждебныя демонстраціи и оскорбительныя стачки, довели непріязнь и озлобленіе обѣихъ націй до того, что австрійскіе солдаты жили въ ломбардовенеціанскихъ городахъ какъ въ непріятельскомъ краѣ, и что наконецъ австрійское правительство объявило Ломбардію въ осадномъ положеніи (22 февр. 1848), рѣшась подавить волненіе строгостью.

2. ГЕРМАНІЯ И ШВЕЙЦАРІЯ.

§ 842. Пруссія. Движеніе и борьба 1847 г. были предвѣстниками страшныхъ потрясеній и переворотовъ въ 1848. Когда король Пруссій Фридрихъ Вильгельмъ IV рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію и, допустивъ гласность и устность судовъ и узаконивъ эдиктомъ о терпимости ограниченную свободу вѣры, патентомъ отъ 3 февраля созвалъ въ Берлинъ такъ называемый «соединенный сеймъ», тогда общій голосъ прозвалъ

этотъ сеймъ собраніемъ именитыхъ гражданъ ¹, вовсе не подозрѣвая, что это прозвище скоро подтвердится на самомъ дѣлѣ. Много голосовъ слышалось противъ принятія такой конституціи, которая столь мало соответствовала прежнимъ общаніямъ и потребностямъ настоящаго, которая давала не сеймъ, составленный свободнымъ выборомъ народа, а только соединеніе областныхъ чиновъ, раздѣленныхъ сословно и возникшихъ изъ слишкомъ тѣсной формы избирательства; которая, не опредѣляя сроковъ этого сейма, предоставляла на волю власти назначеніе времени и мѣста собраній его каждый разъ; которая множествомъ постановляемыхъ изъятій обращала въ чистый призракъ право законодательства и утвержденія налоговъ; которая ограничивала право жалобъ и политическихъ прошеній и, учрежденіемъ сеймоваго комитета, давала поводъ сомнѣваться даже въ будущемъ созывѣ соединеннаго сейма. Но не смотря на всѣ стѣснительныя формы, въ этомъ собраніи, раздѣленномъ на курію господъ и курію чиновъ, обнаружилась столь сильная оппозиція изъ значительнѣйшихъ лицъ всѣхъ сословій, въ немъ такъ настойчиво указывали на прежнія общанія, такъ сильно отстаивали право образованныхъ людей на свободу печати и на другія блага свободной государственности, что представители правительства, за исключеніемъ одного министра фонъ-Бодельшвинга, могли оказать только слабый отпоръ, и для каждаго безпристрастнаго наблюдателя вполнѣ выяснилась несостоятельность старой системы, не смотря на замѣчательную тронную рѣчь, въ которой король высказалъ свое рѣшеніе, что ни какая власть въ мірѣ не заставитъ его дать «бумажной конституціи». Воля короля преодолѣла оппозицію, и соединенный сеймъ не одержалъ ни какого существеннаго успѣха; но тѣмъ сильнѣе было нравственное вліяніе рѣчей и преній на націю, съ гордостью слѣдившую за ходомъ собранія, гдѣ выказались столь блистательные ораторскіе таланты, столько дѣльнаго знанія и ума. — Между тѣмъ какъ образованный и зажиточный классъ смотрѣлъ съ напряженнымъ участіемъ на внутреннюю борьбу въ сферѣ государства и церкви и съ тревожнымъ опасеніемъ — на глубокія потрясенія въ мірѣ коммерческомъ, гдѣ, вслѣдствіе непомернаго расширенія кредита, наступилъ цѣлый рядъ банкротствъ, разорившій въ конецъ тысячи, — въ то самое время хижины оглашались воплями голодныхъ, которые при возрастающей дороговизнѣ припасовъ послѣ

¹ Какъ называлось собраніе, предшествовавшее первой Французской революціи.

двухъ неурожайныхъ годовъ не находили средствъ къ полному удовлетворенію своихъ жизненныхъ потребностей. Вѣсти о страшной нуждѣ, породившей голодную смерть въ Верхней Силезіи и чисто-прландскія сцены во многихъ фабричныхъ и промысловыхъ мѣстностяхъ, — эти вѣсти, соединенныя съ раздражающими картинами пролетаріата въ литературѣ и вездѣ господствующею бѣдностью, породили сильное волненіе, которое наконецъ, въ Берлинѣ, Штутгартѣ, Мюнхенѣ и другихъ городахъ, перешло въ открытые мятежи. Последніе хотя и были подавлены военною силой и полиціей, хотя благотворительность богатыхъ и обильная жатва вскорѣ успѣли положить конецъ мгновенной нуждѣ; однакожь возрастающая бѣдность рабочихъ классовъ и страшное неравенство собственности и жизненнаго довольства впервые обнаружили во всей страшной наготѣ; увидѣли ясно ту бездну горя и бѣдствія, въ которой находился пролетаріатъ и изъ которой неизбежная пагуба угрожала всему обществу, — и все сильнѣе ощущалась необходимость поспѣть этому злу путемъ политическихъ и социальныхъ преобразованій. Чтѣ пользы было въ томъ, что ежегодно цѣлыя тысячи уходили въ Америку? Совокупной благотворительности правительствъ, общинъ и частныхъ лицъ предстояло дать ниимущимъ средства къ переселенію, да сверхъ-того заградить еще самый источникъ бѣдствія и нравственнаго упадка! Вездѣ проявлялось гнетущее, тревожное чувство недовольства; настоящее положеніе казалось крайне ненадежнымъ, тѣмъ болѣе, что, по винѣ самихъ правительствъ, чуть не всѣ возможныя бѣды приписывали одинымъ политическимъ несообразностямъ. И сколько ни старались сдерживать подобные взгляды цензурой и строгимъ надзоромъ за печатью вообще, они все-таки проникали въ народъ и дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что подкрѣплялись соблазнительною приправой тайны.

§ 843. Баварія. Тутъ, какъ нарочно, взволновалъ еще всю Германію слухъ о томъ, что престарѣлый король Лудвигъ Баварскій, попавъ въ сѣти испанской танцовщицы, Лолы Монте съ, не только увлекается ею въ самое безразсудное мотовство, но притомъ грозитъ лишеніемъ мѣстъ и немилостью всѣмъ тѣмъ, кто отказывается новой Дюбарри въ рабочемъ поклоненіи. Ультрамонтанская партія, безусловно управлявшая королемъ и краемъ въ послѣдніе годы, неизвѣстно изъ-за какихъ причинъ рассорилась съ королевскою метрессой и подвергла власть свою величайшей опасности. Министерство Абеля и главы ультрамонтановъ въ университетѣ вдругъ лишились своихъ мѣстъ и, такимъ образомъ, послѣ зловредной дѣятельности, дожили до незаслуженно-почетнаго

паденія. Даже терпѣливый баварскій народъ пришелъ въ волненіе, когда строговѣрное духовенство обнаружило безнравственную жизнь короля и выставило прекословіе ей со стороны піэтистовъ единственною причиною ихъ удаленія; когда любимая танцовщица, пожалованная въ графини Ландсфельдъ, начала съ безстыдною наглостью выказывать свое вліяніе и свой позоръ; когда безпредѣльная слабость ослѣпленнаго короля отняла у короны весь блескъ царскаго величія. Даже поданныя имъ надежды на осуществленіе давно ожидаемыхъ реформъ и на болѣе современную систему правленія при новомъ министерствѣ, не могли разсѣять народнаго неудовольствія; да и либеральная партія, которую онъ думалъ привлечь къ себѣ, не изъяснила никакой охоты запятнать свое дѣло позоромъ связи, оскорбляющей и нравы и приличіе, и дать противникамъ своимъ поводъ къ справедливымъ нареканіямъ. Мрачное недовольство господствовало такимъ образомъ во всѣхъ слояхъ, за исключеніемъ немногихъ раболѣпныхъ царедворцевъ и чиновниковъ; но передъ февральскою революціей во Франціи оно перешло въ открытый мятежъ, когда король велѣлъ временно закрыть университетъ и разослать по домамъ студентовъ въ наказаніе за то, что отчасти изъ-за оскорбленнаго нравственнаго чувства, отчасти изъ приверженности къ павшимъ ультрамонтанамъ, они не захотѣли имѣть сношеній съ одною студентскою корпораціей, къ которой особенно благосклонствовала метресса. Послѣ кратковременнаго боя на улицѣ, который граждане, студенты и простой народъ выдержали противъ полицейскихъ и слабо-дѣйствовавшей военной силы, король самъ призналъ за лучшее отмѣнить свое повелѣніе насчетъ университета и удалить графиню отъ себя.

§ 844. Вольныя дружины и отдѣльный союзъ (Зондербундъ) въ Швейцаріи. Одновременно съ этими явленіями происшествія въ Швейцаріи подождли въ свою очередь и безъ того взволнованные умы. Болѣе тысячи лѣтъ католическая Швейцарія была связана съ епископствомъ констанцскимъ. При переустройствѣ общаго порядка дѣлъ по низложеніи Наполеона, швейцарскіе католики поставлены были подъ вѣдѣніе назначеннаго отъ папы генераль-викарія, который жилъ попеременно то въ Люцернѣ, то въ Швицѣ; въ слѣдъ за нимъ водворились во Фрейбургѣ и Валлизѣ іезуиты и учредили воспитательныя заведенія, въ которыя поступало много молодыхъ людей. Іюльская революція сильно повредила торжествующимъ ультрамонтанамъ; измѣненія конституцій въ демократическомъ смыслѣ совершились не въ пользу іерархіи, и на Ба-

дѣнскомъ совѣщаніи (1834) партія движенія постановила правиломъ, что церковь должна быть подъ надзоромъ государства, что народному воспитанію слѣдуетъ предоставить полную свободу, а дѣятельность монастырей направить къ общепользнымъ дѣламъ благочестія. Не смотря на протесты римской партіи, многіе смѣсные (т. е. католическо-протестантскіе) кантоны, особенно радикальное ааргауское правительство, взяли управленіе монастырскимъ имуществомъ въ свои руки, и когда католическая партія въ Ааргау подняла за это мятежъ противъ новой конституціи, измѣненной въ смыслъ баденскихъ постановленій, то правительство воспользовалось этимъ случаемъ для того, чтобъ, по опредѣленію Большаго совѣта (20 янв. 1841), отобрать въ казну для благотворительныхъ и учебныхъ цѣлей восемь монастырей, въ томъ числѣ и основанный Габсбургами, богатый Мури, какъ «главный притонъ волненія и мятежа». Не обращая вниманія на протестаціи католическихъ кантоновъ и Австріи противъ этого захвата церковной собственности, ааргауское правительство удержало монастырское имущество въ своихъ рукахъ и, предложивъ въ видѣ уступки возстановить изъ числа отобранныхъ три женскіе монастыря, получило на всѣ свои мѣры утвержденіе союзнаго сейма (1843). Съ тѣхъ поръ Швейцарія распалась на два лагеря, радикальный и консервативный. Ядромъ послѣдняго были семь католическихъ кантоновъ: три первобытныя (Waldstädte) — Швицъ, Ури, Унтервальденъ, потомъ Люцернъ (гдѣ ультрамонтаны, при помощи поселянъ, восторжествовали надъ господствовавшими прежде либералами, съ тѣхъ поръ какъ въ 1841 г. пересмотръ мѣстной конституціи совершился въ консервативномъ смыслѣ подъ вліяніемъ насильственнаго закрытія ааргаускихъ монастырей); Цугъ, Фрейбургъ и Валлизъ (въ послѣднемъ радикальная партія нижней Ронской долины была побѣждена клерикальною въ кровопролитной схваткѣ и затѣмъ правительство устроилось въ духъ побѣдителей). При возрастающемъ разномысліи и ярости партій, Люцернцы думали обезпечить успѣхъ своего дѣла навсегда, если призовутъ въ кантонъ іезуитовъ завѣдывать воспитаніемъ и обученіемъ юношества. Послѣ упорной борьбы предложеніе объ этомъ состоялось, благодаря перевѣсу крестьянскихъ голосовъ. Тогда либеральная партія въ Люцернѣ обратилась къ помощи своихъ единомышленниковъ въ другихъ кантонахъ, съ тѣмъ, чтобы силою вырвать власть изъ рукъ іезуитовъ и ихъ сторонниковъ. Но дурно устроенное ополченіе вольныхъ дружинъ было разсѣяно (мартъ 1845) столько же по милости неспособныхъ началь-

никовъ, сколько и благодаря хоругви первобытныхъ кантоновъ; а затѣмъ мстительное люцернское правительство прибѣгло къ мѣрамъ утрашенія и подавило всякую оппозицію строгостью судовъ. Тогда этотъ частный споръ перешелъ въ ярую борьбу между іезуитствомъ и радикализмомъ во всей Швейцаріи. Семь католическихъ кантоновъ требовали наказанія вольныхъ дружинъ, законнаго огражденія отъ подобныхъ посягательствъ на будущее время и полнаго возстановленія ааргаускихъ монастырей, а когда желаніе ихъ не встрѣтило себѣ у сейма надлежащаго сочувствія, они заключили между собою отдѣльный союзъ (Sonderbund) для взаимнаго отстраненія какъ вѣшнихъ нападеній, такъ и внутренней безрадицы. Въ противоположность этой мѣрѣ радикалы старались внезапнымъ насліемъ ниспровергнуть правительства всѣхъ остальныхъ консервативныхъ кантоновъ, чтобы на слѣдующемъ сеймѣ обезпечить себѣ большинство. Въ Женевѣ и Ваадтѣ имъ удалось выполнить свой замыселъ. Достопочтенный «градъ Кальвина», получившій на Вѣнскомъ конгрессѣ роковой даръ въ видѣ присоединенныхъ къ нему католическихъ мѣстностей, попалъ, при содѣйствіи послѣднихъ, въ руки радикальной партіи (окт. 1846), тогда какъ въ Ваадтскомъ кантонѣ, благодаря усиліямъ государственнаго совѣтника Дрюэя, радикализмъ еще прежде (1845) восторжествовалъ надъ умѣренно-аристократическимъ правительствомъ и союзниками его, методистами (§ 814). Этотъ ударъ и воздѣйствіе его на прочіе кантоны обезпечили перевѣсъ радикаловъ, съ могущественнымъ Берномъ во главѣ, но навлекли имъ нерасположеніе Гизз, очень пристрастнаго къ старой Женевѣ, гдѣ онъ провелъ часть своей молодости. Радикальная партія потребовала теперь общаго удаленія всѣхъ іезуитовъ (іюль 1847), какъ необходимаго условія мира и тишины въ союзѣ, и настояла на сеймѣ, чтобы «отдѣльный союзъ» объявленъ былъ несовмѣстнымъ съ союзнымъ договоромъ, а высылка іезуитовъ предписана всѣмъ вообще кантонамъ республики. Пій IX увѣщевалъ не нарушать миръ, но не рѣшился формальнымъ отозваніемъ ордена предоставить противникамъ его полную побѣду, а такъ какъ и члены «отдѣльнаго союза», руководимые вліяніемъ горсти люцернскихъ фанатиковъ (какъ наприм. Зигвартъ Мюллеръ), не захотѣли исполнить опредѣленій сейма, то оставалось рѣшить дѣло мечемъ. Сверхъ всякаго ожиданія и въ противность всѣмъ бывшимъ примѣрамъ междоусобныхъ и религіозныхъ войнъ, борьба кончилась очень скоро (4 ноября — 1 декабря 1847). Союзная армія, подъ начальствомъ опытнаго генерала Дюфура, изъ Женевы,

почти безъ сопротивленія овладѣла Фрейбургомъ и Люцерномъ, послѣ чего другіе кантоны добровольно покорились сеймовымъ постановленіямъ. Важнѣйшими условіями мира были — принатіе на себя военныхъ издержекъ ослушными кантонами, смѣна ихъ правительствъ, расторгненіе отдѣльнаго союза и высылка іезуитовъ. Этотъ быстрый исходъ не мало озадачилъ три великія державы, Австрію, Францію и Пруссію, которыя, враждуя радикаламъ, только-что успѣли согласиться насчетъ совокупнаго посредничества и вмѣшательства и отчасти втайнѣ снабжали отдѣльный союзъ и деньгами и оружіемъ. Курьеръ Гиздъ, привезшій депеши этому союзу, засталъ его уже расторгнутымъ и коноводовъ бѣгущими въ Италію. Онъ пустился догонять ихъ за Альпы и тѣмъ доставилъ обильную пищу насмѣшкамъ и остротамъ противной стороны. Эта политика Гиздъ, который при занятіи Кракова объявлялъ, что считаетъ Вѣнскіе договоры уничтоженными, а теперь опять взялся поддерживать эти договоры въ пользу іезуитизма противъ либераловъ и радикаловъ, стала могилою для іюльскаго правительства ¹. Только протестантская Англія держалась въ Швейцаріи, какъ и въ Италіи, иной политики ². Вслѣдъ за побѣдою швейцарскій сеймъ приступилъ къ пересмотру государственныхъ установленій республики, и на мѣсто прежняго представительства со стороны кантонныхъ властей на сеймѣ, введена была новая союзная конституція, значительно усилившая государственную власть. Рядомъ съ союзнымъ совѣтомъ (Bundesrath), который постоянно засѣдаетъ въ Бернѣ и, именемъ всего союза, держитъ въ рукахъ верховную правительственную власть, поставлены совѣтъ земскихъ чиновъ (Ständerath), какъ представитель отдѣльных кантонныхъ правительствъ, и національный совѣтъ (Nationalrath), свободно избираемый кантонами соразмѣрно населенію cadaго изъ нихъ. Въ тоже время приняты были мѣры для утвержденія бѣльшей централизаціи и національнаго единства въ союзѣ.

II. Февральская революція въ Парижѣ.

§ 845. Банкеты въ честь реформы. Большимъ несчастіемъ для іюльской династіи былъ тотъ случай, что вскорѣ по обновленіи

¹ Страшныя бури выдержалъ Гиздъ по поводу этихъ событій въ палатѣ депутатовъ, и въ цѣлой Франціи распространилось такое волненіе, которое предѣщало неминуемый взрывъ.

² Особенно со времени краковскихъ событій.

палаты, которой большинство рѣшительно стояло за Гизо, репутація продажности и грязной корысти, тяготѣвшая на правительствѣ, нашла себѣ торжественное подтвержденіе въ процессѣ за взятки, которому подверглись генераль Кюбьеръ и министр Тестъ; что даровитый, но безхарактерный редакторъ газеты *La Presse*, Эмиль Жирарденъ, ненавистный республиканцамъ за то, что убилъ на поединкѣ Арманъ Карреля, оказался въ то же время министерскимъ наемникомъ; что между ближайшими къ двору людьми обнаружались явные плутни; что наконецъ вся безнравственность, весь развратъ окружавшихъ іюльскій тронъ высшихъ сословій открылись въ самомъ страшномъ свѣтѣ гнуснымъ убійствомъ благородной дочери маршала Себастьяни, герцогини де-Праленъ (*Praslin*), погибшей отъ руки мужа, ночью, въ своей собственной спальнѣ. И когда самоубійство герцога въ тюрьмѣ отняло у раздраженнаго народа отраду судебного слѣдствія и торжество смертной казни грозившихъ вельможѣ, недовѣрчивая и взволнованная толпа была увѣрена, что послѣднему преступленію нарочно содѣйствовали для того, чтобъ не подвергнуть герцога началу равенства передъ закономъ и стыду всенароднаго обезглавленія. Что правительственная система, держащаяся на такихъ гнилыхъ опорахъ, не прочна — это чувство быстро проникло всю націю, охватило все политическія партіи. Только обновленіемъ народнаго представительства чрезъ разширеніе выборнаго права можно было достигнуть желанной перемѣны и улучшенія; палата могла считаться выраженіемъ національной мысли, истинною представительницей народа только тогда, когда бы вся нація, или по крайней мѣрѣ весь средній классъ участвовали въ выборѣ депутатовъ и такимъ образомъ устраняли всякую возможность подкупа и избирателей и избираемыхъ. Поэтому кличъ о необходимости избирательной реформы раздавался громче съ каждымъ днемъ; все классы и все мнѣнія сходились въ этомъ между собою; избирательная реформа стала лозунгомъ для всехъ, знаменемъ легитимистовъ, конституціоналистовъ и республиканцевъ. Чтобы придать этому требованію болѣе гласности и настойчивости и вмѣстѣ вполне обнаружить тотъ несомнѣнный фактъ, что наличное палатское большинство не есть выраженіе народа, люди прогресса устроили во многихъ городахъ Франціи реформные банкеты, на которыхъ часто являлось по нѣскольку депутатовъ лѣвой стороны (оппозиціи), и гдѣ въ смѣлыхъ рѣчахъ и тостахъ беспощадно обличались грѣхи господствующей правительственной системы. Событія въ Ита-

ліи и Швейцаріи, по поводу которыхъ сочувствія Французскаго народа стояли въ рѣзкой противоположности съ политикой правительства, усиливали волненіе и вызывали все новые банкеты, все болѣе и болѣе смѣлыя демонстраціи. Среди такого настроенія послѣдовало открытіе палаты, и оппозиція тотчасъ же положила устроить реформный банкетъ въ Парижѣ и придать ему особенное значеніе, какъ выраженію мысли цѣлаго народа. Правительство старалось помѣшать исполненію этого замысла. Въ тронной рѣчи говорилось о «движеніи, разжигаемомъ враждебными или слѣпыми страстями» и забытый законъ 1790 года открытъ былъ для того, чтобы на будущее время положить конецъ всѣмъ реформнымъ банкетамъ. Это нарушеніе права мирныхъ сборищъ, уважаемаго даже реставраціей, и возвращеніе къ закону, утратившему свою силу со введенія Наполеонова кодекса, возбудили сильное негодованіе и породили мысль, что неотъемлемыя конституціонныя права хотятъ подкопать юридическими крючками. Поэтому пренія объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь были крайне оживлены и бурны. Гизо обвиняли въ продажѣ должностей, порицали пристрастіе судовъ противъ оппозиціонной журналистики, а Тьеръ подвергнулъ рѣзкому разбору политику министерства относительно Швейцаріи, взявшую подъ свою защиту иезуитовъ, заключившую союзъ съ Австріей, оттолкнувшую и предавшую гельветскій народъ, цѣлые вѣка дружественный Французамъ. Тѣмъ не менѣе министерская партія не могла отказать себѣ въ торжествѣ внести въ отвѣтный адресъ порицаніе «противъ козней, вызывающихъ враждебныя страсти или слѣпыя увлеченія», и не смотря на самое яростное сопротивленіе лѣвой стороны, она настояла на своемъ. Такую же побѣду одержало бы правительство и въ банкетномъ вопросѣ, еслибъ ему пришлось имѣть дѣло съ одною палатскою оппозиціей. Хотя вожди лѣвой стороны, Одильонъ Баррѣ, Гарнье Пажесъ, Араго и друг., всѣми силами отстаивали право сборищъ, хотя, наперекоръ запрещенію, они распорядились устройствомъ банкета и разослали приглашенія національной гвардіи; однакожь, когда по обнародованіи программы торжественнаго шествія и праздника, составленной редакторомъ газеты National Маррастомъ, правительство стало принимать военныя мѣры и воспретило сборище и банкетъ полицейскимъ приказомъ, то оппозиція поколебалась, большинство отступилось отъ предположеннаго праздника и вмѣсто того рѣшило, въ ближайшемъ засѣданіи палаты обвинить министерство въ нарушеніи конституціи и требовать преданія его суду.

§ 846. Паденіе іюльской династіи. Но народъ былъ уже до того взволнованъ, что робкій образъ дѣйствій депутатовъ и распорядителей праздника не могъ удержать его отъ задуманныхъ демонстрацій. Толпы рабочихъ и блузниковъ, студенты, питомцы политехнической школы, бойкая уличная молодежь оживленной столицы потянулись съ кликами: «Реформа! Прочь Гизо!» по площадямъ и улицамъ, окружили палату депутатовъ и требовали суда надъ министрами. Число ихъ возрастало съ часу на часъ; линейныя войска дѣйствовали очень бережно, національная гвардія сочувствовала народу, полицейская стража (муниципальная гвардія) была противъ него слишкомъ слаба; во многихъ улицахъ устроены были завалы (баррикады), и народъ отстоялъ ихъ. Два дня (22 и 23 февр.) бой продолжался съ возрастающимъ ожесточеніемъ. Тогда король призвалъ въ Тюильери бывшаго министра Молё, уволилъ министерство Гизо и объявилъ реформу. Къ вечеру эта вѣсть бѣглымъ огнемъ распространилась по городу и возбудила настоящий восторгъ въ массахъ взволновавшаго народа. Съ пѣснями и кликами радости валила толпа по улицамъ; баррикады исчезли; дома освѣтились огнями; всѣ обнимали другъ друга въ полномъ чувствѣ торжества. Тутъ-то около 10 часовъ вечера, масса народу, съ знаменами и факелами, съ пѣснями и шумомъ, вышла на бульвары. Остановясь передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, она потребовала, чтобъ и это зданіе освѣтилось потѣшными огнями. Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и расположенный въ министерствѣ военный отрядъ былъ увѣренъ, что на него начинается рѣшительное нападеніе. Онъ пустилъ залпъ въ густую толпу, и 52 человека упали раненные или убитые. Народъ пришелъ въ невыразимую ярость. Сложили трупы на носилки и, при свѣтѣ факеловъ, съ кликами: «Къ оружію! насъ бьютъ!» пошли по улицамъ столицы. Въ полночь загудѣлъ набатный колоколъ Парижской-Богоматери, а къ утру 24 февраля весь Парижъ былъ запертъ баррикадами. Напрасно король прибѣгнулъ теперь къ лѣвой сторонѣ, призвалъ въ министерство Тьера, Одиль она Баррѣ и проч. Было уже поздно! Ихъ воззваній къ порядку не слушали, ихъ общаніямъ не вѣрилъ ни кто. Побѣда болѣе и болѣе склонялась на сторону народа, линейныя войска отчасти перешли къ нему, отчасти были одолѣны силою; національная гвардія, поставленная подъ главное начальство генерала Ламорисьера, дѣйствовала только оборонительно, но не хотѣла биться съ народомъ. Тогда увидѣлъ свое заблужденіе и свою опасность Людовикъ-Филиппъ. Онъ отрекся отъ престола въ пользу

своего внука, графа Парижскаго, и назначилъ герцогиню Орлеанскую правительницею, а когда и эта мѣра не произвела никакого дѣйствія и мятежныя толпы все грознѣе тѣснились къ замку, тогда въ часъ по полудни, онъ убѣжалъ задними воротами вмѣстѣ съ своей женой и поспѣшилъ къ морю. Нѣсколько дней королевская чета блуждала по берегамъ прежде чѣмъ успѣла благополучно переправиться въ Англію, куда, испытавъ много опасностей, прибыли разными путями и остальные члены семейства. Герцогиня Орлеанская, въ сопровожденіи герцога Немурскаго и вмѣстѣ съ обоими своими дѣтьми, пыталась искать защиты въ палатѣ депутатовъ; однакожь напоръ вооруженныхъ массъ и клики: да здравствуетъ республика! вынудили ее къ бѣгству. Переходомъ къ республиканской формѣ служило учрежденіе временнаго правительства подъ предѣдательствомъ старца Дюпонъ де-Лѣра (Dupont de l'Eure, 1767 — 1855). Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Араго, Гарнье-Пажесъ, Кремьё и Луи-Бланъ (Louis Blanc) были извѣстнѣйшіе члены этого правительства, заѣздавшаго въ городской думѣ. Между тѣмъ взяты были Тюльери, мебели и украшенія его были преданы огню, трофей перенесенъ на Бастильскую площадь и разбитъ въ дребезги подъ Іюльскою колонной, по великолѣпнымъ заламъ дворца расхаживали толпы оборванныхъ пролетаріевъ. Ни грабежа, ни грубыхъ посягательствъ на жизнь и собственность не было однакожь ни гдѣ, а сокровища искусства оберегали студенты и политехники. Довольно было нѣсколькихъ часовъ для ниспроверженія могущественнѣйшей монархіи, для превращенія богатѣйшаго державца въ безпомощнаго бѣглеца; министерскіе депутаты все бѣжали или попрятались; легитимисты, духовенство, областные чиновники, войско, все поспѣшили признать новую форму правительства; у Орлеанскаго дома не оказалось ни приверженцевъ, ни партіи; владычество его основывалось на своекорыстіи, — оттого и его паденіе не возбудило ни участія, ни состраданья.

§ 847. Республика. Но обаяніе республиканскаго восторга съ его праздниками и освященіемъ знаменъ, воодушевленіе новымъ лозунгомъ: «свобода, равенство и братство!» были мимолетнымъ дѣломъ; а проза дѣйствительности, практическая жизнь скоро вызвали разные затрудненія и недоумѣнья. Конституцію будущей демократической республики предоставлялось учредить національному собранію, основанному на самомъ свободномъ выборѣ народа, а пока оно соберется въ маѣ мѣсяцѣ, государственными дѣлами должно было завѣдывать

временное правительство. Въ груди побѣдоноснаго народа воспрянуло чувство человѣческаго достоинства, и первыми его движеніями благородно воспользовался Ламартинъ, чтобы устранить кроваво-красное знамя и настоять на принятіи техъ цвѣтнаго, которое нѣкогда побѣдно обошло всю Европу, и на отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія. Но какъ революція была дѣломъ рабочихъ классовъ, то разумѣется главною задачей новой власти должно было сдѣлаться улучшение ихъ быта и судьбы. Къ составу временнаго правительства присоединили одного изъ рабочихъ, Альбера, и предоставили Луи Блану устроить по его мыслямъ организацію труда и вмѣстѣ благополучіе бѣдныхъ сословій! Но тутъ-то и оказалась вся несостоятельность социальныхъ системъ того времени. Обеспеченіе занятій рабочимъ со стороны государства неизбѣжно привело къ содержанію цѣлаго легіона нищихъ, облѣнившихся или праздношатающихся людей, и къ открытію для нихъ національных мастерскихъ (*ateliers nationaux*), которыя поглотили милліоны, а путнаго ничего не сдѣлали ¹. Раздача по два франка на день въ пособіе остающимся безъ работы, усиливала государственный расходъ до непомерности и съ каждымъ днемъ размножала число убогихъ. Что учрежденіе такого рода должно въ короткое время истощить казну, разорить достаточные классы и загубить всякую гражданственность, было для каждого очевидно; а потому одною изъ первыхъ мѣръ національнаго собранія (послѣ того какъ оно приняло въ руки верховную власть, одолѣвъ грозу социалистскаго возстанія 15 мая) было закрытіе мастерскихъ и прекращеніе выдачи рабочимъ пособія изъ государственнаго казначейства. Тогда рабочіе попытались произвести новый переворотъ, чтобы доставить господство такъ-называемому четвертому сословію; легитимисты и бонапартисты втайнѣ были съ ними заодно и помогали имъ деньгами. Это привело къ ужаснымъ сценамъ іюньскихъ дней (22—26 іюня 1848 г.), когда приверженцы «красной республики» запятнали себя дѣлами варварства и звѣрства. Они умертвили храбраго генерала Брейя и парижскаго архіепископа, благочестиваго Аффра, въ то самое время, какъ онъ вышелъ къ нимъ съ словами примиренія; они наполнили баррикады трупами своихъ противниковъ и носили нѣсколько знаменъ, съ надписью: «Жить работою, или умереть

¹ Справедливосъ требуетъ сказать, что Луи Бланъ вполне оправдался отъ участія въ заведеніи этихъ мастерскихъ, учрежденныхъ скорѣе для того, чтобъ какъ-нибудь прокормить недовольную массу парижскихъ рабочихъ, нежели для того, чтобъ употребить ихъ въ дѣло какъ слѣдуетъ. — Довольно всякому своихъ собственныхъ грѣховъ.

въ бою!» Въ ужасѣ отъ безчеловѣчія и звѣрства низшихъ классовъ, которыя обнаружились при этомъ мятежѣ, національное собраніе облекло генерала Каваньяка диктаторскою властью. Послѣ кровопролитнаго четверодневнаго боя въ улицахъ Парижа, диктаторъ одолѣлъ мятежниковъ, причемъ погибло отъ 10,000 до 12,000 человѣкъ, и семь генераловъ убиты были на мѣстѣ или вскорѣ умерли отъ ранъ, велѣлъ переловить коноводовъ и зачинщиковъ и сослалъ ихъ въ ссылку, а Парижъ объявилъ въ осадномъ положеніи. Огражденное такими мѣрами, собраніе продолжало потомъ свои совѣщанія о новомъ республиканскомъ устройствѣ. При выборѣ президента республики (10 дек.), оно охотно бы отдало предпочтеніе Каваньяку, но народъ, увлеченный блескомъ императорскаго имени, выбралъ Людовика Наполеона Бонапарта большинствомъ шести миллионныхъ голосовъ (на $7\frac{1}{2}$ миллионныхъ избирателей). Столь же послушный закону и народной волѣ, какъ храбрый и преданный отечеству, Каваньякъ безпрекословно вручилъ свою высокую власть болѣе счастливому соискателю (20 дек.). Среди всѣхъ этихъ потрясеній обнаружились три прекрасныя качества французскаго народа—храбрость, любовь къ отечеству и политическій тактъ; цѣлю всѣхъ партій было одно—величіе Франціи.

III. Разливъ революціи по Европѣ.

§ 848. Германія. Если въ свое время іюльская революція могла взволновать всю Европу, то при господствовавшемъ теперь броженіи и при возростшей оппозиціи февральскій переворотъ долженъ былъ подѣйствовать еще сильнѣе. Въ Италіи, Германіи, Польшѣ, Ирландіи, Швейцаріи, вездѣ было распадѣніе на партіи, возбужденная борьба мнѣній, страстная игра національнаго чувства! Мудрено ли, что восторженные натуры, мечтатели, незнакомые съ политикой, фанатики демократизма, друзья свободы безъ границъ, попали на мысль о всеобщей европейской республикѣ, съ устраненіемъ всѣхъ національныхъ и религіозныхъ различій и съ лозунгомъ: свобода, равенство и братство! вмѣсто знамени. Мятежи, послѣдовавшіе съ быстротою молніи въ большей части странъ, утвердили ихъ въ такихъ надеждахъ, и пропаганда, имѣвшая сѣдалищемъ и средоточіемъ столицу Франціи, разжигала революціонный огонь и распространяла республиканскія идеи, съ оттѣнкомъ социализма и коммунизма для приманки низ-

шимъ классамъ. Мысль, что революція обойдетъ всю Европу зашла во многихъ головахъ и побуждала ихъ содѣйствовать ея успѣху. Первые проявленія обнаружилась въ Германіи, и именно на границѣ, въ Баденѣ. Живая политическая дѣятельность, какою великое герцогство отличалось съ давнихъ поръ передъ остальными державами союза, повидимому давала ему полное право поднять прежде всѣхъ знамя прогресса и обновленія. Съ шумомъ и гамомъ представлены были собравшимся тогда палатамъ настоятельныя прошенія о свободѣ печати, судъ присяжныхъ, о національной гвардіи подъ начальствомъ свободно избираемыхъ вождей, и о германскомъ парламентѣ, котораго учрежденіе незадолго передъ тѣмъ предложено было въ баденской палатѣ депутатомъ Бассе рманомъ и который долженъ былъ стать наряду съ органомъ правительства, союзнымъ сеймомъ, какъ представитель германскаго народа. Правительство Бадена не только уступило все это, но сколько отъ него зависѣло, но вмѣстѣ съ палатами издало еще законъ объ отмѣнѣ всѣхъ феодальныхъ повинностей, съ вознагражденіемъ впредь изъ государственной казны всѣхъ тѣхъ, кто потерпѣлъ отъ этой перемѣны, и сверхъ-того, удалило отъ должностей многихъ нелюбыхъ народу чиновниковъ и придворныхъ; непопулярные депутаты сами сложили съ себя свое знаніе и были замѣщены другими. Примѣръ Бадена подѣйствовалъ на прочія германскія державы. Мало по малу тѣ же требованія предъявлены и удовлетворены вездѣ, съ присоединеніемъ къ тому еще разныхъ другихъ, смотря по особеннымъ желаніямъ каждаго края въ частности. Въ Вюртембергѣ, Саксоніи и иныхъ странахъ вожди либеральной оппозиціи были призваны въ министерства и бразды правленія вручены имъ; злоупотребленія въ сферѣ земскихъ чиновъ были устранены, ограниченные избирательные законы преобразованы, союзный сеймъ переустроенъ въ либеральномъ смыслѣ и изъ среды свободно-мыслящихъ людей присоединены къ нему повѣренныя отъ народа (Vertrauensmänner) для совѣщаній о новой союзной конституціи. Но конечно только перевороты въ Вѣнѣ и Берлинѣ завершили торжество либераловъ и придали ему характеръ благонадежности.

§ 849. Австрія. Подобно Людовику-Филиппу, и князь Меттернихъ, посѣдѣвшій въ дипломатическихъ уловкахъ хитросплетенной политики, почитался величайшимъ государственнымъ мужемъ и народо-правителемъ; его слову и совѣту германскія правительства внимали и слѣдовали какъ пророчаніямъ оракула. Но пробилъ и его часъ. Онъ не

хотѣлъ признать силу современности и считалъ гнилыя опоры полицейскаго государства довольно сильными для того, чтобъ выдержать бурный напоръ молодой свободы. Предавшись житейскимъ наслажденіямъ, онъ и не замѣчалъ того, что оппозиціонная литература вкралась соблазнителемъ даже и въ австрійскія земли и безпощадно обличила тлю и гниль ихъ государственности. Князь Меттернихъ, какъ и другъ его Генцъ, держались въ жизни извѣстнаго правила: стало бы только съ наше, а тамъ пропадай себѣ хоть все! Но дѣло въ томъ, что «не стало и съ наше»; парижскія вѣсти произвели лихорадочное волненіе во всей имперіи. Настойчивыя требованія посыпались на императорское правительство со стороны венгерскихъ чиновъ, которые хотѣли самостоятельнаго національнаго управленія подъ рукою эрцгерцога палатина, требовали преобразованія своей конституціи, сбавки податей, освобожденія отъ обязанности нести долю австрійскаго государственнаго долга и сверхъ того предоставленія военнымъ Венграмъ права, не служить внѣ своего отечества; то же произошло и въ Прагѣ, гдѣ еще въ минувшемъ году богемскіе чины были глубоко оскорблены въ своихъ правахъ и достоинствѣ; то же случилось наконецъ и въ самой Вѣнѣ, куда собрались въ мартѣ австрійскіе областныя чины. Незнѣность финансоваго положенія, покрытаго завѣсою тайны, порождала глубокое недоустріе. Мѣстами отказывались принимать ассигнаціонныя деньги; торговля и промышленность остановились; число незанятыхъ и нуждающихся рабочихъ возрасло. Среди такихъ обстоятельствъ изумительный успѣхъ сопровождалъ юношески-оприметчивое начинаніе вѣнскихъ студентовъ. Шумно составляли и подносили они прошенія чинамъ, министрамъ, императору, и толкуя о дѣлахъ на бурныхъ сходахъ, произвели всѣмъ этимъ такое волненіе въ цѣломъ городѣ, что когда кротко и бережно дѣйствовавшая военная сила мѣстами была оттѣснена, а всѣ студенты взялись за оружіе, то князь Меттернихъ сложилъ съ себя свое высокое званіе (13 марта 1848) и искалъ убѣжища въ Англіи, мастинымъ бѣглецомъ. Грабежи, разоренія и разныя буйства черныя возвѣстили конецъ стараго порядка и начало новой безрядицы. Дозволенное теперь общее вооруженіе только усилило опасность. Тогда-то система Меттерниха обнаружилась въ своихъ печальныхъ послѣдствіяхъ. Народъ, который держали въ политическомъ невѣжествѣ, и который поэтому совершенно не созрѣлъ для свободной государственной жизни, вдругъ потребовалъ и пріобрѣлъ такія вольности и права, которыми вовсе не умѣлъ пользоваться. Свобода печати скоро привела

къ поденной революціонной литературѣ, которая, состоя изъ поджигательныхъ листовъ и настѣнныхъ объявленій, поколебала всѣ связи, всѣ отношенія и помѣшала пересозданію государства путемъ реформы и правильнаго развитія; свободою сборищъ воспользовались для шумныхъ народныхъ сходовъ и для составленія отдѣльныхъ демократическихкихъ обществъ, которыя тянули въ разныя стороны и парализовали дѣятельность новаго министерскаго совѣта, состоявшаго изъ очень популярныхъ людей. Студенты и наскоро образовавшаяся гражданская стража (*Bürgerwehr*) управляли въ городѣ; краснорѣчивые коноводы демократовъ, собираясь со всѣхъ концовъ Вѣны и опираясь на многочисленныя толпы праздныхъ рабочихъ, такъ легко поддающихся увлеченію и по своей натурѣ и по невѣжеству, взяли въ руки огромную власть и какъ нарочно поддерживали революціонную лихорадку. При подобныхъ обстоятельствахъ демагогамъ было очень легко довести до новаго мятежа и боя на улицахъ (15 марта) эти толпы, недовольныя министерскимъ проектомъ конституціи, который хотѣли предложить на обсужденіе государственнаго сейма, составленнаго по условіямъ; они вынудили у правительства созывъ учредительнаго сейма, изъ одной палаты, которая должна была состоять изъ депутатовъ, свободно выбранныхъ во всемъ міромъ отъ разныхъ областей и племенъ австрійской державы, и собраться въ Вѣну для начертанія новой государственной конституціи. Императоръ, встревоженный этими событіями и пострадавшій въ своемъ здоровьѣ отъ шумныхъ передрагъ, отправился по совѣту реакціонной партіи со всѣми приближенными въ Иннсбрукъ (19 мая). Этотъ неожиданный шагъ перепугалъ столицу и на короткое время повернулъ общественное настроеніе. Но когда правительство вздумало воспользоваться этою переменой для распушенія студентскаго легіона и окружило университетъ военною силою, тогда послѣдовало третіе возстаніе (26 мая), грознѣе и сильнѣе обоихъ предыдущихъ. День и ночь городъ былъ запертъ баррикадами и освѣщался сторожевыми огнями противниковъ. Наконецъ порѣшили тѣмъ, чтобы войска удалились, а охраненіемъ порядка въ городѣ завѣдывалъ блюстительный комитетъ изъ гражданъ, національныхъ гвардейцевъ и студентовъ, послѣ чего университетъ былъ закрытъ въ величайшей тишинѣ. Вскорѣ потомъ національное собраніе (учредительный сеймъ) открыто было эрцгерцогомъ Іоанномъ отъ имени отсутствующаго императора (22 іюля); но какъ при господствовавшемъ въ столицѣ волненіи не могли добиться ни спокойныхъ совѣщаній, ни

сохраненія законнаго порядка, пока дворъ оставался въ Иннебрукѣ, то императора неоднократно просили возвратиться. Однакожь онъ согласился на эту просьбу, только послѣ вторичной значительной депутаціи со стороны сейма. 12 августа, среди радостныхъ кликовъ народа и торжественно сопровождаемый національною гвардіей, Фердинандъ вступилъ обратно въ Вѣну. — Чехи въ Прагѣ, не довольствуясь большими уступками и преобразованіями, которыя сулило имъ новое императорское правительство, и взволнованные своимъ общеславянскимъ съѣздомъ, хотѣли воспользоваться разстройствомъ имперіи, чтобы внезапно захватить въ руки всю власть (2 іюня 1848), но кровавое, соединенное съ бомбардировкой города пораженіе, которое нанесъ имъ энергическій князь Виндишъ-Грецъ, лишившійся при этомъ своей супруги, послужило для нихъ тяжкимъ урокомъ, что военная сила Австріи еще цѣла. Впослѣдствіи тотъ же урокъ блистательно подтвердился побѣдами Радецкаго въ Ломбардіи и успѣшною борьбой кроатскаго бана Еллачича противъ Мадыаровъ.

§ 850. Мартовскіе дни въ Берлинѣ. Прусское правительство долго сопротивлялось могучему напору новой эпохи, но тѣмъ сильнѣе былъ и постигшій его ударъ. Многіе патріотическіе люди, считавшіе величіе и единство Германіи возможными только въ связи ея съ Пруссіей и охотно бы желали упрочить за королемъ то первенство, на которое онъ имѣлъ право по могуществу своей державы, обратились къ нему вслѣдъ за февральскою революціей съ настоятельными убѣжденіями, да воспользуется онъ быстро и рѣшительно новымъ духомъ времени и да пріобрѣтетъ себѣ опять путемъ уступокъ отчужденныя сердца народа, прежде нежели и его постигнетъ роковое «уже поздно!»—какъ постигло оно французскаго властителя. Но мысль о принужденной уступчивости была для него невыносима; еще распуская по домамъ комитеты соединеннаго сейма, онъ особенно напоминалъ имъ о добровольности своего рѣшенія допустить періодическій срокъ сеймовыхъ собраній, въ которомъ сначала отказывалъ. Та же царственная гордость и надежда на военную силу удержали короля согласиться на поданныя ему прошенія о дарованіи свободы печати и другихъ правъ, уже предоставленныхъ въ большей части государствъ Германскаго союза, даже и тогда, когда постановленіе сейма разрѣшило отдѣльнымъ державамъ отмѣну предварительной цензуры. Необходимость благовременныхъ реформъ признали только тогда, когда вѣсть о вѣнскихъ происшествіяхъ усилила общее волненіе, когда

въ политическихъ клубахъ, которыхъ число размножалось съ каждымъ днемъ, слышались болѣе и болѣе грозныя рѣчи, и когда иностранные подосланцы (эмиссары) начали возбуждать низшія сословія къ мятежу. Но и тутъ еще медлили обнародованіемъ уступокъ, такъ какъ сборища, происходившія нѣсколько вечеровъ сряду на берлинскихъ улицахъ и разгоняемыя подъ-конецъ военною силою, могли возбуждать подозрѣніе, что правительство уступаетъ поневолѣ. Предположенные льготы хотѣли даровать народу только по возстановленіи спокойствія. Эта медлительность съ часу на часъ болѣе возмущала народъ, подстрекаемый Поляками и другими революціонерами. Громче и громче требовали удаленія военной силы, которая, бывъ раздражена многодневнымъ задержаніемъ въ сборѣ по казармамъ, а также ругательствами и оскорбленіями, которыми осыпали ее при появленіи на улицѣ, во многихъ случаяхъ дозволила себѣ самоуправныя мѣры. Наконецъ-то наступилъ повидимому день для обнародованія уступокъ. 17 марта была отмѣнена цензура, книгопечатаніе подъ извѣстными законными условіями было объявлено свободнымъ, и подана надежда на коренное преобразование конституціи и общественныхъ отношеній Германскаго союза въ согласіи съ другими правительствами Германіи. Сколько ни обрадовались этимъ новостямъ, ненависть къ войску и требованія удалить его, а охрану города поручить гражданской стражѣ, продолжались по прежнему. Сборища передъ дворцомъ росли и умножались. Все громче и грознѣе раздавались клики о выступленіи солдатъ; депутація членовъ городской думы и гражданъ не была допущена; окружавшія короля лица повидимому не сходились въ мысляхъ. Вдругъ двинулся изъ дворца отрядъ пѣхоты, чтобы оттѣснить возрастающую народную толпу. Раздались два выстрѣла, умысленно или случайно, со стороны ли войскъ, или со стороны тайныхъ зажигъ, — осталось неизвѣстно. Съ ужасомъ разбѣжалась масса, громко крича: «Измѣна! насъ будутъ! Къ оружію!» Страстная ярость овладѣла народомъ. Съ изумительной быстротою принялись строить баррикады, такъ что черезъ два часа ихъ было уже до двухъ сотъ по всѣмъ улицамъ. Тогда послѣдовалъ кровопролитный уличный бой, продолжавшійся четырнадцать часовъ сряду, такой упорный и жаркій, что ничего этому подобнаго не запомнить новѣйшая исторія Германіи. Мужеству войскъ и силѣ картечи удалось снести или разрушить часть баррикадъ, но сопротивленіе росло вмѣстѣ съ битвой и мѣсто павшихъ заступали все новыя и новыя бойцы. Утромъ 19 марта сраженіе еще не рѣшилось; обнародованное

рано воззваніе къ Берлинцамъ, чтобы они сложили оружіе и очистили баррикады, осталось безуспѣшно. Тогда наконецъ король сдался на настоянія городской депутаціи и приказалъ войскамъ выступить изъ Берлина, уволилъ министерство и разрѣшилъ учрежденіе гражданской стражи для охраненія города и содержанія карауловъ при дворцѣ. По удаленіи солдатъ съ чуть-слышнымъ барабаннымъ боемъ, трупы павшихъ на баррикадахъ были снесены на дворцовый дворъ, и король вынужденъ обнажить голову въ знакъ уваженія передъ ними; сопровождавшая его королева упала при этомъ въ обморокъ. Властительный духъ Фридриха Вильгельма IV былъ сокрушенъ вполне, и въ немъ тотчасъ созрѣло рѣшеніе беззавѣтно отдаться духу времени, войти въ желанія и требованія своего народа. Онъ объявилъ безусловное прощеніе всемъ тѣмъ, кто былъ обвиненъ или осужденъ за политическія и книгопечатныя проступки и преступленія. Эта амнистія, дарованная и въ другихъ германскихъ странахъ, дозволила бѣглымъ либераламъ возвратиться на родину и дѣятельно участвовать въ преобразованіи ея; она отворила тюрьмы и недавно осужденнымъ польскимъ заговорщикамъ (§ 802), которые тотчасъ же поспѣшили въ Познань и призывали своихъ соплеменниковъ къ кровопролитной борьбѣ противъ ихъ нѣмецкихъ согражданъ. — Но король не зналъ, какую бездну 18-е марта положило между нимъ и германскимъ народомъ. Изданная имъ 21 марта прокламація: «Къ германской націи!» въ которой онъ возвѣщалъ, что для спасенія Германіи становитея во главѣ общей отчизны, что онъ, какъ новый, конституціонный король, хочетъ быть вождемъ свободнаго, возрожденнаго германскаго народа, — въ южной Германіи принята была съ неудовольствіемъ, а когда вскорѣ потомъ, украшенный германскими цвѣтами (кокардою и проч.), король, въ сопровожденіи принцевъ и министровъ, торжественно проѣзжалъ по городу и завѣрялъ народъ, что онъ хочетъ «свободы Германіи, единства Германіи», тогда по всемъ южнымъ областямъ края раздался вопль негодованія. Мысль о прусскомъ преобладаніи, хотя бы съ нею соединялось даже полное претвореніе Пруссіи въ общегерманскую страну, была въ высшей степени непопулярна, да неудачно выбрана и минута для ея возвѣщенія. Удаленіе въ Англію принца Прусскаго (потомъ короля Вильгельма I), которому приписывали главную вину во всемъ и котораго дворецъ съ трудомъ спасли отъ разоренія, и торжественное погребеніе павшихъ ратоборцевъ народа въ одной общей громадной могилѣ, вырытой самими героями баррикадъ на самомъ высокомъ мѣстѣ Фридрихо-

вой Роши (22 марта) заключили собой достопамятные мартовскіе дни, которыми неограниченная военная власть престола, это созданіе доблестныхъ каролей, была потрясена до основанія. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ послѣдній разъ собрался на короткое время соединенный сеймъ, чтобы утвердить законъ о выборахъ, давшій велѣдъ за тѣмъ прусское національное собраніе для составленія новой конституціи. Но видъ Берлина измѣнился съ тѣхъ поръ совершенно. Сотни зажиточныхъ семействъ покинули городъ; перерывъ торговыхъ сношеній и остановка промышленности размножили число бѣдныхъ и нуждающихся и приготовили плодородную почву для разрушительной дѣятельности поджигающихъ демагоговъ; министерства смѣнялись чуть не каждый день; народныя сходки, клубы и товарищества рабочихъ рѣшали великіе вопросы текущей политики.

§ 851. Предварительный парламентъ и національное собраніе. Между тѣмъ во всѣхъ германскихъ государствахъ произошелъ огромный переворотъ. Союзный сеймъ получилъ новую жизненную силу, съ тѣхъ поръ какъ въ него вступили «старый витязь свободы» Велькеръ, глубоко-оскорбленная жертва полицейскаго государства и судебной тирании Іорданъ, и другіе либералы, и съ тѣхъ поръ какъ рядомъ съ нимъ стали семнадцать повѣренныхъ для составленія новой союзной конституціи, — въ томъ числѣ такіе люди, которыми гордилась Германія. Въ Баваріи король Лудвигъ уступилъ общественному мнѣнію и передалъ скипетръ въ руки наследника престола (21 марта 1848); въ Гессенъ-Дармштатѣ старый великій герцогъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины предоставилъ верховную власть своему сыну; въ Кургессенѣ членомъ министерства, составленнаго либеральнымъ обер-бюргмейстеромъ города Ганау, Эбергардомъ, вступилъ между прочимъ Випперманъ, только-что избавившійся отъ суда за вольномысліе въ печати; въ Ганноверѣ король призвалъ въ свой совѣтъ гонимаго прежде Штюве, изъ Оснабрюка; въ Нассау удѣльныя герцогскія имѣнія (Domänen) объявлены были государственнымъ имуществомъ и всѣ требованія народа удовлетворены. Либералы одержали вездѣ полнѣйшую побѣду; свобода печати, присяга войска на вѣрность конституціи, измѣненіе, въ демократическомъ смыслѣ, законовъ о выборахъ, народное вооруженіе и право сборищъ, отчасти предоставленное формально, отчасти присвоенное гражданами по собственной волѣ, были важнѣйшими уступками со стороны новыхъ правительствъ. Но вскорѣ обнаружились явленія, показывавшія ясно, что политическія начала либераловъ

были уже безсильны исцѣлить язвы того времени; что соціальныя стремленія Франціи были уже не тайною и для германскаго народа, по крайней мѣрѣ для радикальных его стихій; что свободѣ и равенству стараются дать не одно правомѣрное осуществленіе, но вмѣстѣ и матеріальное, вещественное. Въ прежде бывшемъ Майнъ-Тауберскомъ округѣ ¹, въ Оденвальдѣ и Принекарскихъ долинахъ, этомъ старинномъ поприщѣ крестьянской войны, господскихъ управителей прогнали силой, писцовыя и оброчныя книги были истреблены, замки владѣльцевъ подверглись разоренію, права охоты были нарушены. Въ Саксоніи сожгли замокъ Шёнбургъ, Вальденбургъ (5 апр.). Людямъ крайняго прогресса мало было того, что предварительное собраніе (такъ-называемый предпарламентъ), изъ оппозиціонныхъ членовъ германскихъ представительныхъ палатъ, изъ передовыхъ либераловъ, журналистовъ, литераторовъ и политическихъ выходцевъ, съѣхавшееся для совѣщаній о будущемъ устройствѣ общегерманскаго парламента во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ началѣ апрѣля приняло главною основой, народное самодержавіе и вслѣдствіе того постановило, чтобы въ маѣ устроить національное собраніе изъ выборныхъ, назначенныхъ по крайне-демократической избирательной системѣ помимо всѣхъ условій званія, имуществва (ценза) и вѣроисповѣданія, для полного и окончательнаго рѣшенія вопросовъ о будущей конституціи и юридико-политическомъ устройствѣ Германіи, и чтобы безсѣнный комитетъ изъ пятидесяти лицъ (такъ называемыхъ пятидесятскихъ, *Fünfzigmänner*) наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ этихъ опредѣленій со стороны правительствъ; этотъ преобразовательный путь казался слишкомъ узкимъ для радикальной партіи, во главѣ которой стояли Гекеръ, Струве и друг., и она непременно хотѣла революціи ². Когда предложеніе радикаловъ объявить существующее собраніе постояннымъ и совершенно устранить союзный сеймъ, не получило требуемаго большинства, они отдѣлились отъ своихъ товарищей и, нѣсколько времени спустя, призвали взволнованный шумными сборищами народъ баденскаго нагорья (Оберланда) къ насильственному

¹ Эта часть великаго герцогства Баденскаго состояла сплошь изъ господскихъ помѣстій.

² Такая настойчивость на крайнихъ мѣрахъ объясняется отчасти разномысліемъ, обнаружившимся въ средѣ либеральной партіи, раздѣленной на множество оттѣнковъ, и недовѣріемъ радикаловъ къ тому, чтобы при подобномъ разномысліи, правительства не воспользовались своимъ тайнымъ или явнымъ вліяніемъ для уклоненія всего дѣла отъ предположенныхъ цѣлей.

учрежденію республики. Но республиканское возстаніе не имѣло большаго успѣха. Послѣ нѣсколькихъ частныхъ набѣговъ и послѣ схватокъ при Кандернѣ, гдѣ погибъ храбрый союзный генераль Фридрихъ фонъ-Гагернъ, и при Доссенбахѣ (апр. 1848), вольные отряды, подкрѣпленные толпами иноземныхъ республиканцевъ и нѣмецкихъ рабочихъ изъ Франціи, были разсѣяны войсками союза, и мятежъ подавленъ и прекращенъ. Однакожь мысль о германской республикѣ, подъ которою простолюдину мечталось райское блаженство, осуществленіе началъ «свободы, благоденствія и образованія для всѣхъ», — эта мысль осталась преобладающею въ народѣ, и имя Гекера разнеслось въ удалыхъ пѣсняхъ по всему пространству Германіи. — 18 мая открылось въ Павловской церкви, во Франкфуртѣ, учредительное національное собраніе, вышедшее изъ свободного выбора всѣмъ міромъ. Таланты, званіе и краснорѣчіе, обнаружившіеся въ его средѣ, а равно и достойный образъ дѣйствій его энергическаго и ловкаго перваго президента, Генриха фонъ-Гагерна, явились прекраснымъ выраженіемъ нѣмецкой образованности и настроенія мыслей. Чтобъ довершить свое великое дѣло подъ щитомъ прочнаго порядка, спокойно и благонадежно отъ всякихъ помѣхъ снизу и сверху, національное собраніе постановило учредить новую центральную власть въ Германіи. Союзный сеймъ оставилъ по себѣ слишкомъ дурную память у Нѣмцевъ, а потому нельзя было и думать о сохраненіи его, даже и по совершенномъ преобразованіи. Демократы называли его «трупомъ», который представлялось невозможнымъ оживить. Послѣ горячихъ парламентскихъ преній, которымъ одинъ «смѣлый шагъ,» президента далъ можно-сказать окончательный исходъ, большинство рѣшило на томъ, что собраніе изберетъ безотвѣтственнаго блюстителя имперіи (Reichsverweser), а онъ окружитъ себя потомъ отвѣтственнымъ министерствомъ. Произведенный 29 іюня выборъ палъ съ огромнымъ большинствомъ голосовъ на эрцгерцога Іоанна Австрійскаго, который 11 іюня торжественно вступилъ во Франкфуртъ и изъявилъ готовность принять высокій санъ (§ 855).

§ 852. Шлезвигъ-Голштейнъ и Познань. Между тѣмъ пограничныя нѣмецкія земли стали поприщемъ великихъ потрясеній и кровопролитной борьбы. Вслѣдствіе революціоннаго движенія въ датской столицѣ, которое принудило короля объявить Шлезвигское герцогство нераздѣльною принадлежностію монархіи, въ Шлезвигъ-Голштейнѣ образовалось временное земское правительство,

съ Вильгельмомъ Безелеромъ во главѣ; это было знакомъ къ совершенному разрыву съ Даніей и вмѣстѣ къ кровопролитной войнѣ съ нею. Германія вступилась за тѣснимую Датчанами страну, когда маленькая шлезвигъ-голштинская армія, разбитая подъ Бау (9 апр.), была вынуждена отступить въ крѣпость Рендсбургъ. Составились вольныя дружины изъ студентовъ и полной надеждъ молодежи, которые отваживали жизнь и здоровье въ неравной борьбѣ; прусскія и другія союзногерманскія войска поспѣшили на помощь герцогствамъ, разбили подъ начальствомъ прусскаго генерала Врангеля датскую армію при Шлезвигѣ (23 апр.), побѣдоносно проникли до Ютландіи и совершенно вытѣснили непріятеля съ материка. Но при неимѣніи германскаго военнаго флота (за учрежденіе котораго общественное мнѣніе высказалось частными пожертвованіями, а парламентъ—назначеніемъ 6 милліоновъ гульденовъ) борьба все-таки была неравна, и сѣверная морская торговля потерпѣла много потерь и препятствій. Это обстоятельство и грозное положеніе, принятое Россіей, Швеціей и Англіей въ пользу Датчанъ, произвели то, что прусское правительство, которому центральная власть Германіи поручила устройство шлезвигъ-голштинскаго вопроса, склонилось на дипломатическое посредничество, вслѣдствіе котораго воинская энергія затихла и состоялось вовсе не почетное перемиріе (26 авг. 1848), которое въ сущности не коснулось даже силы «патента» (§ 806), возвѣстившаго о присоединеніи Шлезвига къ датскому королевству. Въ прусской области Познани, польская часть народонаселенія подняла знамя національной независимости. Не довольствуясь возвыщеннымъ и уже предписаннымъ со стороны прусскаго правительства преобразованіемъ, въ силу котораго нѣмецкіе округа края предполагалось отъ него отдѣлить и соединить ихъ съ сосѣдними областями, а польскіе округа поставить подъ своенародное управленіе, Поляки объявляли запоздалое притязаніе на всецѣлость своей державы въ томъ объемѣ какъ существовала она до перваго раздѣла, и подняли рѣзкую противъ своихъ нѣмецкихъ единоземцевъ. После кровопролитной борьбы, въ которой политическій и религіозный фанатизмъ, вмѣстѣ съ племенной ненавистью, доводилъ Поляковъ до ужасныхъ злодѣяній, мятежники принуждены были уступить превосходной силѣ прусскихъ войскъ. — Современный демократизмъ посягнулъ было и на аристократически-національное устройство Англіи. Но произведенное французскими зажигами волненіе и частныя народныя смуты въ фабричныхъ городахъ не имѣли значительныхъ послѣдствій.

Громадное сборище и демонстрація англійскихъ чартистовъ прошли спокойно, а возстаніе въ Ирландіи (§ 831) было легко усмирено. Англія равно какъ и Бельгія (гдѣ ватага французскихъ эмигрантовъ, сулившихъ сосѣду республиканскія блага Франціи, была схвачена тотчасъ по прибытіи ихъ на границу), доказали обѣ, что дѣйствительно сильны только тѣ правительства, которыя коренятся въ самомъ народѣ, и что, напротивъ, раздоръ между властями и подданными всегда ослабляетъ государство и пролагаетъ свободный путь безначалію.

§ 853. Судьбы Италіи (§ 841). Въ Швейцаріи вѣсть о февральской революціи повела къ отпаденію Нѣшательскаго кантона отъ Пруссіи и къ совершенному торжеству радикаловъ, а въ Италіи породила она внутреннія потрясенія и національную войну противъ Австріи.— Сицилія отстаивала свою независимость отъ Неаполя; она не только упорно отвергала всѣ примирительныя предложенія со стороны короля Фердинанда, особенно съ тѣхъ поръ, какъ этотъ мстительный государь съ помощью своей швейцарской гвардіи подавилъ возстаніе неапольскихъ гражданъ, предпринятое ими для возвращенія себѣ прежнихъ правъ (15 мая), и, какъ полѣвка тому назадъ, королева Каролина, предала жителей своихъ обывателей своей столицы хищничеству неистовыхъ шаекъ ладзаронъ. Безсильное, раболѣпное народонаселеніе Неаполя терпѣло жестокое иго военного деспотизма; но Сицилія отложила отъ Бурбоновъ и выбрала королемъ герцога Генуэзскаго, сына, Карла Альберта. Но этимъ еще не исполнилась судьба злополучнаго, прекраснаго острова, кровавая драма еще не разыгралась. Хотя, при французскомъ и англійскомъ посредничествѣ, состоялось перемиріе, во время котораго восточная часть острова, съ Мессиною, опредѣленная демаркаціонною линіей (временною межей), повиновалась Неаполитанцамъ, а западная, съ городами Палермо, Сиракузами и Катаніей, находилась подъ властью временнаго правительства, съ Руджіэро Сеттимо во главѣ; но какъ происходившіе въ теченіе зимы переговоры не привели ровно ни къ какому послѣдствію, то въ апрѣлѣ борьба началась снова. Многочисленный иностранный легіонъ, подъ начальствомъ Поляка Мѣтрославскаго, пришелъ на помощь Сицилійцамъ; однако побѣда осталась за неаполитанскими наемниками, которые были больше знакомы съ военнымъ дѣломъ и лучше вооружены. По пораженіи и бѣгствѣ иноземцевъ неаполитанская армія двинулась черезъ Сиракузы къ столицѣ Палермо. Отчаяваясь въ успѣшномъ сопротивленіи, граждане пошли на переговоры и, послѣ того какъ главы революціи спаслись бѣгствомъ на остр. Маль-

ту, они сдали городъ побѣдителю, обѣщавшему за то амнистію. 14 мая неаполитанскія войска вступили въ столицу Сициліи, и несчастный этотъ край, въ которомъ болѣе года развѣвалось трехцвѣтное знамя, снова былъ прикованъ къ военному деспотизму Бурбоновъ. — Въ Церковной области восторженное одушевленіе къ папѣ ослабло, когда увидѣли, что онъ не спѣшитъ удовлетворить преувеличенныя притязанія народа и рѣшительно отвергаетъ требованіе войны съ Австріей, какъ несообразное съ его положеніемъ и религіознымъ саномъ. Даже изгнаніе іезуитовъ и дарованіе представительной конституціи не могли возратить ему прежней народной любви. Умный Итальянецъ Росси, изъ Каррары, сначала преподававшій право въ Женевѣ, а потомъ занявшій вліятельное положеніе въ Парижѣ при Людовикѣ Филиппѣ и Гизо и исполнявшій важныя дипломатическія порученія, призванъ былъ Піемъ IX, въ качествѣ конституціоннаго министра, снова крѣпче натянуть бразды правленія, повидимому ускользавшія изъ слабыхъ рукъ духовнаго владыки. Но дѣятельными мѣрами, которыя Росси принялъ противъ анархіи, онъ до того навлекъ себѣ ненависть римскихъ демократовъ, что при открытіи палаты (15 ноября 1848) онъ былъ смертельно пораженъ кинжаломъ въ горло на лѣстницѣ собранія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда палъ Юлій Цезарь. Велѣдъ за тѣмъ буйная чернь, предводимая княземъ Канино (Бонапарте), обступила Квириналь и угрозами принудила папу назначить радикальное министерство, подъ предѣтельствомъ Маміани. Съ тѣхъ поръ порядокъ и законность исчезли въ вѣчномъ городѣ. Палата депутатовъ не имѣла никакой силы и была до того ослаблена выбытіемъ многихъ членовъ изъ ея среды, что едва могла постановлять законныя опредѣленія; всѣмъ распоряжался демократическій народный клубъ, съ помощью суровой и здоровенной трастевринской (т. е. затибрской) черни, послѣ того какъ обезоружили и распустили швейцарскую гвардію папы и замѣнили ее неблагонадежною гражданскою стражей; многіе кардиналы удалились; Пія IX стерегли какъ плѣнника. Возмущенный этими поступками и боясь за свою личную безопасность, папа убѣжалъ наконецъ (24 ноября) переодѣтый въ Гаэту, гдѣ составилъ новое министерство и протестовалъ противъ всего совершившагося. Этотъ шагъ сначала доставилъ республиканской партіи полную побѣду. Созвано было новое учредительное собраніе, которое въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій лишило папу свѣтской власти, водворило римскую республику и положило всѣми силами

стремиться къ соединенію Италіи подъ демократико-республиканскою формою. На пропозитое папой отлученіе народный клубъ отвѣчалъ потѣшнымъ торжествомъ. Временное правительство, подъ руководствомъ трехъ лицъ (тріумвировъ), приняло на себя завѣдываніе дѣлами республики, между тѣмъ какъ учредительное собраніе наложило руку на церковное имущество, чтобы подѣлить его мелкими участками для бѣдныхъ, а смѣлый начальникъ вольныхъ дружинъ, Гарибальди, долго скитавшійся въ Америкѣ и другихъ странахъ, какъ политическій выходецъ, и по возвращеніи принявшій самое живое участіе въ борьбѣ Піэмонтецевъ и Ломбардцевъ противъ Австріи, составилъ значительное народное ополченіе изъ вольныхъ дружинъ и демократовъ. Несчастный исходъ вторичной войны въ верхней Италіи, наводнившій Римъ множествомъ бѣглыхъ патріотовъ, и появленіе тамъ Мадзини, который былъ такъ долго дѣятельнымъ главою «юной Италіи» и душою демократической пропаганды, усилили революціонное волненіе въ Римѣ. Рѣшились всѣми силами защищать Церковную Область, какъ послѣднее прибежище свободы и какъ средоточіе для дальнѣйшихъ предпріятій крайней партіи. И регулярныхъ войскъ, и вольныхъ дружинъ было у нихъ очень много, въ оружіи и пушкахъ недостатка также не было, а самый дикій революціонный терроризмъ доставлялъ имъ все другія необходимыя средства. Это соединеніе революціонныхъ силъ вызвало державы, покровительствовавшія Церковную Область и къ чьей помощи папа прибѣгалъ, на совокупное вооруженное вмѣшательство. Между тѣмъ какъ Австрійцы, послѣ жаркихъ схватокъ овладѣли Болоньею и Анкonoй, а Неаполитанцы вошли въ римскіе предѣлы съ юга, французскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Удино высадился въ Чивита-Веккіа и обложилъ страшно взволнованную столицу. Напрасны были объявленія Французовъ, что они пришли какъ друзья для защиты порядка и законной свободы и для воспрепятствованія Австрійцамъ и Неаполитанцамъ занять Римъ, — демократы отодвинули руку, простертую на примиреніе и союзъ, и приготовлялись упорно отразить незваныхъ союзниковъ. Первое нападеніе Французовъ было неудачно. Послѣ самаго отважнаго боя противъ отлично расположенныхъ инсургентовъ, которыхъ артиллерія дѣйствовала какъ нельзя лучше (2 мая 1849), Удино былъ вынужденъ съ большими потерями отступить къ морю и ожидать подкрѣплений. Чтобы раздѣлить своихъ противниковъ, тріумвиры завязали переговоры съ французскимъ главнокомандующимъ и заключили осьмидневное перемиріе, которымъ Гарибальди воспользо-

вался очень ловко для того, чтобы напасть на Неаполитанцевъ подѣ Веллетри и отбросить ихъ за римскую границу (19 мая). Когда переговоры не достигли своей цѣли, Франгузы вторично произвели штурмъ. Но и на этотъ разъ встрѣтило ихъ у воротъ св. Панкратія такое сильное сопротивленіе, что они должны были перейти къ правильной осадѣ, и только послѣ битвъ и приступовъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, овладѣли наконецъ городомъ на уговорѣ (3 іюля). Баррикады тотчасъ же были снесены, временное правительство распущено и учреждена военная власть чужеземцевъ. Гарибальди, Мадзини и друг. спаслись бѣгствомъ. Но папа еще долго оставался въ своемъ добровольномъ изгнаніи, сѣтуя на неблагодарный къ нему городъ. Только въ апрѣлѣ 1850 г. послѣдовалъ его возвратъ. Съ тѣхъ поръ порядокъ поддерживался въ Римѣ французскимъ гарнизономъ; но разбойничьи шайки, рыскавшія по краю подѣ начальствомъ удалыхъ атамановъ, свидѣтельствовали о глубокомъ паденіи общественнаго порядка и о безсиліи правительства.

§ 854. Великій герцогъ Леопольдъ Тосканскій умѣлъ долго сохранить расположеніе своихъ подданныхъ либеральными реформами, высылкою іезуитовъ и, хотя и недобровольнымъ, участіемъ въ войнѣ противъ Австрійцевъ; но наконецъ радикальной пропагандѣ удалось подкопать общественную почву и здѣсь, настоять на созывѣ учредительнаго собранія (8 февр.), принудить великаго герцога къ бѣгству и основать эфемерную республику подѣ руководствомъ Гвераци. Но черезъ нѣсколько недѣль самъ народъ произвелъ контръ-революцію, Леопольдъ былъ призванъ назадъ, и прежній порядокъ возстановленъ (11 апр.). — Самовластительный герцогъ Францъ Моденскій и только-что воцарившійся герцогъ Карлъ Пармскій не устояли противъ сильныхъ мартовскихъ бурь. Они покинули свои державы и примкнули къ Австріи, съ которою дѣлили и первое ея поражение и послѣдовавшее за тѣмъ торжество. Вступленіе Радецкаго въ Миланъ было и для нихъ днемъ возврата. — Достопамятнѣйшій поворотъ совершился въ верхней Италіи. Король Піемонта и Сардиніи, Карлъ Альбертъ, прозванный отъ своихъ поклонниковъ «мечемъ Италіи», былъ человѣкъ нетвердый и ненадежный, который грѣхи либеральной юности искупилъ сперва строгимъ абсолютизмомъ, а потомъ, увлекшись духомъ времени, поднялъ знамя итальянской національности и независимости и думалъ воспользоваться удобною минутой, чтобы объявленіемъ Австріи войны безъ всякой особенной причины снискать себѣ

расположеніе итальянскаго народа и пріобрѣсть вмѣстѣ Ломбардо-венеціанское королевство и верховное преобладаніе въ Италіи. Заодно съ Ломбардцами, которые по нѣкоторомъ колебаніи возстали на Австрійцевъ, учредили временное правительство и послѣ многодневнаго упорнаго боя въ Миланѣ (начиная съ 18 марта 1848) принудили стараго фельдмаршала Радецкаго (1766 — 1858) выступить оттуда съ своимъ войскомъ, ослабленнымъ измѣною и побѣгами, Венеціанцы также освободили свою столицу капитуляціей съ австрійскимъ комендантомъ крѣпости, графомъ Зичъи, и примкнули къ общенародному возстанію; съ ними и съ многочисленными вольными дружинами (сгосіаіі, крестоносцами) средней Италіи, Карлъ Альбертъ двинулся на Минчіо, въ первыя минуты одушевленія и внезапности оттѣснилъ австрійскія войска превосходствомъ своихъ силъ къ сѣвернымъ границамъ Италіи и, послѣ побѣдоноснаго боя при Гоиито, овладѣлъ крѣпкою Пескідзрой. Италіянскіе волонтеры проникли даже въ южный Тироль, чтобы отнять у Австріи и эту пограничную землю. Вездѣ развѣвалось трехцвѣтное знамя; большая часть городовъ, за исключеніемъ крѣпостей Мантуи и Вероны, примкнули къ возставшимъ; Флоренція, Римъ, Неаполь объявили Австріи войну и усилили собой піэмонтескую армію, которою храбрый и войнолюбивый король предводительствовалъ лично. Борьба приняла характеръ крестоваго похода; духовенство, начиная съ новопоставленнаго архіепископа Миланскаго до послѣдняго монаха, дѣйствовало въ пользу національнаго дѣла и независимости Италіи и сообщало возстанію церковное освященіе. Вольныя дружины украшали себя краснымъ крестомъ, выходя въ поле. Въ то время, какъ Италія торжествовала свою побѣду праздниками, пирами и триумфальными шествіями, въ то время какъ она ликовала, радуясь освобожденію отъ ненавистнаго ига варваровъ, старый левъ оттачивалъ свои когти въ веронскомъ логовищѣ и скоро вышелъ оттуда, потрясая гривой. Уже 6 мая слишкомъ осмидесятилѣтній фельдмаршалъ Радецкій выдержалъ при Санта-Лучіи, неподалеку отъ Вероны, кровопролитный бой, въ которомъ храбрая австрійская армія удержала за собой поле битвы противъ превосходнаго непріятеля, а между тѣмъ фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Вельденъ освободилъ южный Тироль. Къ концу мѣсяца (29 мая 1848) Радецкій прорвалъ храбро защищаемую линію Куртатоне и проложилъ себѣ дорогу къ Мантуѣ въ то самое время, когда войско Карла-Альберта совершало блистательныя дѣла подъ Гоиито и Пескідзрою. Въ іюнѣ, послѣ кровопролитнаго боя, фельдмаршалъ овла-

дѣлъ Виченцой, а Карлъ-Альбертъ занялъ знаменитое въ военной исторіи мѣсто Риволи ¹. Жаркія схватки происходили потомъ съ перемѣннымъ счастьемъ въ близи обѣихъ крѣпостей, и берега Мпичіо обогрились кровью множества храбрыхъ. Итальянцы дрались за свободу и національность, Австрійцы за господство и военную честь; но первымъ недоставало той опытности и строгой дисциплины, которыя помогали привычнымъ войскамъ послѣднихъ, и въ то время какъ все безъ исключенія Австрійцы повиновались одному энергическому вождю, у ихъ противниковъ, состоявшихъ также изъ разнородныхъ элементовъ, часто господствовали разладъ и разномысліе. Вотъ почему колебавшееся сначала военное счастье наконецъ склонилось на сторону Австрійцевъ. 25 іюля, въ лѣтній, страшно знойный день, Радецкій одержалъ при Кустоцѣ такую побѣду, которая блистательно возстановила честь австрійскаго оружія. Маситый фельдмаршалъ, разбивъ еще непріятеля при Гойто и Вольтѣ и гоня его передъ собой, быстро двинулся опять въ Ломбардію и въ началѣ августа стоялъ уже передъ Миланомъ. Послѣ жестокаго боя, въ которомъ самъ король подвергся опасности, городъ сдался на уговоръ, и 6 августа Радецкій снова вступилъ въ Миланъ. Карлъ-Альбертъ, преслѣдуемый угрозами и бранью народной массы, какъ измѣнникъ, покинулъ городъ въ глухую ночь, едва вымолвивъ у Австрійцевъ перемиріе. Радецкій, столь же кроткій и человѣколюбивый, сколько храбрый и пастойчивый, не опозорилъ своей побѣды ни одной жестокостью. Бѣжавшіе Миланцы, мало по малу возвращались домой смирно и униженно, сдерживая въ глубинѣ души ненависть свою къ Нѣмцамъ, которую прежде высказывали такъ громко въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Гарибальди, одинъ изъ самыхъ отважныхъ вождей вольныхъ дружинъ, скитался еще нѣсколько времени съ своей полудичаюю ватагой, пока угрожаемый непріателемъ не укрылся сначала въ южной Швейцаріи, а потомъ нашелъ для своей воинской дѣятельности удобную почву въ взволнованномъ Римѣ. Но этимъ еще не кончилась австрійско-сардинская война. Карлъ-Альбертъ, популярный народомъ, увлекаемый радикалами, которые отъѣснили умѣреннно-либеральное министерство Джоберти и одержали верхъ въ палатѣ и въ правительствѣ, боясь республиканской пропаганды за свою власть, и томимый оскорбленной гордостью вѣнцесца, съ от-

¹ Здѣсь Бонапартъ одержалъ славную побѣду надъ Австрійцами 14 янв. 1797 г. Отличившійся при этомъ Массена получилъ потомъ титулъ герцога Риволийскаго.

чаянія рѣшился вторично попытать военной удачѣ. Поводомъ къ возобновленію войны выставили неточное выполненіе условій перемирія. Въ мартѣ 1849 г. большая сардинская армія, при которой находилось много польскихъ генераловъ (Раморино, Хржановскій и др.), двинулась за ломбардскую границу, чтобы снова попытаться выгнать Австрійцевъ изъ Италіи. Но четырехдневный походъ старика Радецкаго (20 — 24 марта) въ долину Тессина, столь знаменитой битвами и военно-историческими событіями, и кровавыми побѣдами подъ Мортарою и Новарой, одержанныя Австрійцами надъ растянутыми корпусами непріятельской арміи, скоро положили конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ замысламъ и сокрушили надежды итальянскихъ патріотовъ. Раморино (родомъ изъ Генуи), который со времени паденія Польши велъ непосѣдную жизнь скитальца, подвергся теперь подозрѣнію въ предательствѣ, за то что по непростительной небрежности оставилъ незанятымъ одинъ важный постъ; военный судъ приговорилъ его къ смерти, и онъ былъ разстрѣлянъ. Карлъ-Альбертъ, отчаявшись въ удачѣ, передалъ престолъ сыну своему, Виктору Эмануэлу, бѣжалъ скрытыми путями изъ своей родины и въ отдаленной Португаліи искалъ пріюта для послѣдняго конца своихъ дней. Немного мѣсяцевъ спустя смерть избавила его отъ всѣхъ страданій и горестей земной жизни. Юный король Викторъ-Эмануэль поспѣшно заключилъ съ побѣдоноснымъ фельдмаршаломъ перемиріе (26 марта), но оно возбудило въ цѣломъ краѣ такое недовольство, что палата депутатовъ отказалась утвердить его, и въ Генуѣ вспыхнулъ мятежъ. Только когда палата была распущена, а мятежъ подавленъ силой, народъ покорился горькой необходимости. Новая палата утвердила въ послѣдствіи миръ съ Австріей, возложившій на бѣдную страну тяжелое бремя долга за военныя издержки. Съ тѣхъ поръ сардинское правительство шло безпрепятственно впередъ по пути либеральныхъ реформъ и внутренняго развитія¹. Возстаніе, вспыхнувшее въ тылу австрійскаго войска, въ Брешии (1—4 апр.), было подавлено безпощаднымъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ Гайнау съ кровавою жестокостью, послѣ того какъ онъ взялъ приступомъ мятежный городъ. — Одна Венеція, гдѣ по выходѣ австрійскаго гарнизона, дѣлами завѣдывало сперва временное правитель-

¹ Этотъ оно приобрѣло себѣ сочувствія не только Итальянцевъ, но и всей либеральной Европы до такой степени, что могло потомъ снова стать во главѣ народно-итальянскаго движенія уже съ гораздо большею надеждой на успѣхъ.

ство именемъ Сардинскаго короля, а потомъ, когда Итальянская армія потерпѣла пораженіе, учредилось республиканское устройство подъ вліяніемъ Маняна, — одна Венеція, благодаря неодолимости своего положенія, могла еще цѣлые мѣсяцы сопротивляться австрійскому осадному корпусу и всѣмъ попыткамъ овладѣть ею, даже и послѣ того, какъ Австрійцы успѣли захватить ведущую къ ней крѣпость Мальгеру (27 мая) и стать твердою ногою въ предѣлахъ самыхъ лагунъ. Только уже тогда, когда повсемѣстное пораженіе инсургентовъ отняло всякую надежду на успѣшный исходъ борьбы съ Австріей и когда городъ доведенъ былъ до крайности внутреннимъ разладомъ и усиліями внѣшняго врага, — только тогда сдалась и Венеція на уговоръ Австрійцамъ (25 авг. 1849). 30 августа фельдмаршалъ торжественно вступилъ въ гордую столицу лагунъ. Съ тѣхъ поръ двуглавый орелъ снова распростеръ свои крылья надъ Ломбардо-венеціанскимъ королевствомъ; въ средней и нижней Италіи по прежнему развѣвались знамена законныхъ государей, а полная надежда трехцвѣтная хоругвь Итальянцевъ только въ Сардиніи находила себѣ убѣжище и пріютъ. Цій IX всенародными церковными эпитиміями заявлялъ глубокое раскаяніе въ грѣхахъ своего либерализма, а въ злополучномъ Неаполѣ господствовала мрачная реакціонная система, руководимая жестокостью и местью, и посягавшаяся всѣмъ законамъ челоѣческаго чувства и образованія. Сколько безразсудствъ и необдуманной страстности ни обнаружилось при возстаніи Итальянцевъ, нельзя отказать имъ въ томъ, что честь націи со славою выдержала испытаніе. Бывъ цѣлые вѣка предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія у другихъ народовъ, Итальянцы доказали въ эту войну, что они еще умѣютъ владѣть оружіемъ, и если и на этотъ разъ они были побѣждены, благодаря столько же своей собственной безрадицѣ, какъ и военному превосходству своихъ противниковъ, то все же нѣтъ сомнѣнія, что и для нихъ настанетъ день, когда національное единство и законная свобода водворятъ болѣе счастья и достоинства въ жизни этого даровитаго народа.

IV. Борьбы за конституцію въ Германіи и паденіе Венгерцевъ.

§ 855. 1. Учредительное народное собраніе въ Павловской церкви, во Франкфуртѣ. — Центральная власть. Германское движеніе, хотя демократическое въ своемъ источникѣ и бур-

ное въ своемъ проявленіи, тѣмъ не менѣе благоговѣнно остановилось передъ тронами: — доказательство, что, говоря вообще, стремленіе народа клонилось не къ республиканскимъ формамъ, а лишь къ достиженію свободной государственной жизни съ національнымъ единствомъ, при которомъ отдѣльныя державы могли по-прежнему существовать въ своихъ привычныхъ разнообразныхъ формахъ. Великою, трудною задачею національнаго собранія во Франкфуртѣ было—создать такую форму единства, съ помощію которой германскій народъ достигъ бы благоустроенной свободы внутри, силы и вѣса въ отношеніи къ другимъ державамъ, и которая положила бы новыя основанія величію и благу общаго отечества. Большинство признавало эту цѣль и избѣгало тѣхъ ложныхъ путей, на которые суеуслѣнное меньшинство хотѣло увлечь парламентъ, предлагая совершенно чуждые предметы на его обсужденіе: такъ наприм. старались навязать ему рѣшеніе ссоры между гражданами Майнца и прусскими войсками; но выслушавъ дѣло, собраніе постановило: «перейти къ очереднымъ занятіямъ, въ увѣренности, что подлежащія власти сдѣлаютъ, что слѣдуетъ по закону». Однакожъ главное дѣло собранія подвигалось медленно, при сильномъ противорѣчьи, которымъ встрѣченъ былъ большею частію взволнованнаго народа проектъ конституціи, изготовленный повѣренными, и при тѣхъ бурныхъ событіяхъ, отъ которыхъ не могло вполне уклониться собраніе, призываемое въ посредники или судьи со всѣхъ сторонъ. Если вначалѣ совѣщанія затруднялись незнакомствомъ членовъ между собою и смутностію цѣли, къ которой должно было идти, то въ послѣдствіи, когда выяснилось положеніе партій, единодушію препятствовали разнообразіе цѣлей и духъ оппозиціи. Партіи впервые рѣзко обозначились при обсужденіи вопроса о центральной власти. Лѣвая сторона, имѣя въ виду республиканское устройство и начало народнаго самодержавія, требовала, чтобъ исполнительная власть, исходя изъ нѣдръ самаго національнаго собранія и отвѣтствовала только передъ нимъ, помимо всякаго содѣйствія правительствъ; правая сторона и часть середины, желая соглашенія правительствъ съ представителями народа, сошлись между собою въ томъ, что при учрежденіи центральной власти правительства и національное собраніе должны идти рука въ руку. Для этого, по ихъ мысли, слѣдовало назначить директорію изъ трехъ лицъ, представляющихъ двѣ великія державы, Австрію и Пруссію, и совокупность среднихъ и мелкихъ державъ Германіи. Правительства должны были согласиться между собою насчетъ этихъ лицъ и потомъ предста-

вить ихъ собранію до окончательнаго утвержденія, «такъ чтобы одобрительный отзывъ собранія палъ именно между предложеніемъ и назначеніемъ этихъ трехъ лицъ». Послѣ долгихъ и жаркихъ преній мысль эта была оставлена по двумъ слѣдующимъ соображеніямъ: опасались, что правительствамъ понадобится слишкомъ долгій срокъ для соглашенія насчетъ выбора, и знали навѣрно, что (каковъ бы ни былъ выборъ) предложенные директоры подвергнутся такой безпощадной критикѣ со стороны противниковъ, что отъ этого непременно потерпѣтъ ихъ вѣсъ. Поэтому въ теченіе преній пришли къ убѣжденію, что вмѣсто трюичной директоріи («тріады») лучше облечь верховною властью одного безотвѣтственнаго главу («монаду»), который будетъ предложенъ и назначенъ отъ правительства, а собраніемъ принять безъ обсужденій. Съ этой стези соглашенія національное собраніе было неожиданно сведено полновѣснымъ словомъ своего президента и увлечено къ «смѣлому шагу» (*kühner Griff*) выбрать этого безотвѣтственнаго главу прямо отъ себя. Послѣ продолжительныхъ и шумныхъ споровъ пришли наконецъ къ слѣдующему рѣшенію: «Временная центральная власть поручается царствующему члену одной изъ нѣмецкихъ династій, въ качествѣ блюстителя имперіи. Национальное собраніе изберетъ его, въ надеждѣ на согласіе правительствъ». Президентъ Гагернъ думалъ этимъ оборотомъ дѣла избавить правительства отъ великаго затрудненія, придать блюстителю имперіи въ глазахъ народа больше популярности и въ то же время самую личностію избраннаго представить важное обезпеченіе правительствамъ. Съ другой стороны онъ надѣялся примирить этимъ все партіи и увлечь ихъ къ единодушному рѣшенію. Давно не подлежало никакому сомнѣнію, что избранныкомъ будетъ любой народу, граждански-мыслящій эрцгерцогъ Іоаннъ австрійскій. При постановкѣ всѣхъ предложеній явнымъ образомъ его имѣли въ виду. Не смотря однакожь на первоначальный восторгъ, произведенный этимъ событіемъ, многіе находили, что «смѣлый шагъ» — шагъ ошибочный, которымъ національное собраніе разомъ стало на точку революціи и дало правительствамъ полную возможность, впослѣдствіи уклониться отъ центральной власти. Оттого верховно-имперское правительство по всѣмъ общегерманскимъ дѣламъ, равно какъ и прежде состоявшееся постановленіе, что конституціи отдѣльныхъ государствъ не должны ни въ чемъ противорѣчить дѣлу общегерманской конституціи, признавались и имѣли значеніе только до тѣхъ поръ, пока отдѣльные правительства ошеломленный партикуляризмъ не имѣли достаточно воли или силъ отдѣлаться отъ этихъ нововве-

дений. — После того, какъ бюститель имперіи принялъ отъ президента союзнаго сейма всю власть, бывшую прежде въ рукахъ послѣдняго (12 іюля 1848), онъ окружилъ себя отвѣтственнымъ министерствомъ, въ которомъ, подл кратковременнымъ предсѣдательствомъ князя Лейнингена, различными отраслями дѣла заведывали Шмерлингъ, Пейкеръ, Робертъ фонъ-Моль, Гекшеръ, Дуквицъ и Бекератъ, и назначилъ извѣстное число помощниковъ статей секретарей изъ среды собранія.

§ 856. Положеніе партій. Со времени учрежденія центральной власти распределеніе членовъ собранія по партіямъ утвердилось на болѣе твердой почвѣ и приняло болѣе благонадежный видъ ¹. Правая сторона, желавшая, чтобъ дѣло германской конституціи состоялось чрезъ соглашеніе парламента съ государями и правительствами, руководилась умственнымъ превосходствомъ и ораторскимъ дарованіемъ двухъ энергическихъ людей, фонъ-Радовица и фонъ-Финке; паряду съ ними величайшее вліяніе имѣлъ еще ловкій, остроумный и мастерски пользовавшійся минутою, князь Лихновскій. Такъ называемый «Каменный домъ» былъ мѣстомъ сборища консервативныхъ людей, державшихся этой партіи. Имъ противостояла лѣвая сторона, состоявшая изъ тѣхъ парламентскихъ членовъ, которые, исходя отъ начала неключительнаго народовластія, хотѣли соорудить новую конституцію, въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми существующими отношеніями, на самой широкой демократической основѣ, и увѣичать ее безпредѣльнѣйшею личною свободою. Имѣя въ виду республиканское союзное государство, они для достиженія этой цѣли постоянно указывали революціонный путь, и во всѣхъ вопросахъ отставвали именно ту сторону, которая явно или тайно вела къ этому идеалу. Слабые числомъ, приобрѣли они силу и значеніе благодаря столько же своей собственной подвижности и единодушію, сколько и сочувствіямъ низшаго класса, который они умѣли привлечь на свою сторону звучными фразами и мѣткими, всегда возбуждающими толпу поговорками. Разнясь по природѣ и стремленіямъ, они при своей малочисленности были вынуждены крѣпко держаться другъ за друга и во всѣхъ важныхъ вопросахъ давать голосъ заодно; но уже рано выказалась между ними крайняя сторона, «демократически-радикальная партія», къ которой принадлежали люди чис-

¹ То-есть исчезла прежняя шаткость и переходчивость, мѣшавшая положительно разсчитывать на вѣроятность принятія той или другой мѣры извѣстными оттенками партій.

таго отрицанія, поблажники революціонной анархіи или теоретическіе поклонники демократической свободы, каковы наприм. Фогтъ, Цицъ, Руге и друг., тогда какъ настоящая лѣвая сторона собиралась около лейпцигскаго народнаго вѣтѣ, Роберта Блума. Собирались для этой партіи служи́лъ домъ, извѣстный подъ именемъ «Доннерсберга» (громовой горы). — Обширную средину между этими крайними направленіями занимали умѣренно-либеральные люди, которые до мартовскихъ дней болѣею частію причислялись къ «либераламъ», а теперь преимущественно стремились къ національному единству, неразрывному съ гражданскою свободою, и стояли за конституціонную монархію. Они менѣе членовъ лѣвой стороны опирались на предустановленные начала и болѣе ихъ соображались съ существующими отношеніями; однакожь, слишкомъ замыкаясь въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ, какъ сущіе идеалисты, они болѣею частію навлекли себѣ упрекъ въ «доктринѣрствѣ» (т. е. безвыходномъ вращеніи въ извѣстномъ теоретическомъ кругу). Многочисленность членовъ этой партіи и неизбѣжное различіе во взглядахъ на подробности, вѣкорѣ привели ее къ распаденію на лѣвый и правый центръ. Первые, вмѣстѣ съ лѣвою стороною, видѣли въ самодержавіи народа единственную основу будущей союзной конституціи и требовали безусловнаго подчиненія отдѣльныхъ державъ идеѣ единства; но какъ они при этомъ не отказывались принять въ соображеніе взгляды правительствъ и неустраимыя потребности каждаго края порознь, то тѣмъ самымъ давали просторъ весьма разнообразнымъ воззрѣніямъ и стремленіямъ. Сборнымъ мѣстомъ для этой партіи, состоявшей преимущественно изъ швабскихъ и баварскихъ депутатовъ (Рёмера, Фальмерайера, Эйзенмана и друг.), служило «Вюртембергское подворье»; къ нимъ же присоединился фонъ-Виденбургъ изъ Веймара. Впослѣдствіи между ними произошло новое раздѣленіе, и тогда стоявшіе ближе къ лѣвой сторонѣ (Равъ изъ Кёльна) собирались въ «Вестендгаллѣ», а другіе — на «Аугсбургскомъ подворьѣ». Правый центръ, называвшійся также «партіею Гагерна», признавалъ мысль о самодержавіи національнаго собранія основанною на коренныхъ началахъ права, но не исключаящую и совмѣстное правомочіе правительствъ; цѣлю этой партіи было чистосердечное установленіе конституціонно-монархическаго порядка и перенесеніе всего дѣла о государственномъ преобразованіи отечества съ революціонной почвы на почву права. Къ этой огромной партіи, которая при подачѣ голосовъ обыкновенно рѣшала дѣло, принадлежали многіе патріоты, пламенно желавшіе величія,

единства и свободы Германіи, каковы Дальманъ, Гervинусъ, Аридтъ, Безелеръ, Бассерманъ, Яковъ Гриммъ и мног. друг. Съ ними же заодно стоялъ большею частію и Велькеръ. — Послѣ 18 марта раздѣлилась она на двѣ половины, изъ которыхъ одна, болѣе наклонная къ лѣвой сторонѣ, собиралась въ «Ландсбергѣ», а другая въ «Казино»; впрочемъ по вѣсѣмъ важнымъ вопросамъ между ними обнаруживалось прежнее единодушіе.

§ 857. Коренныя права (die Grundrechte) и вѣйшняя политика. 4 іюля началось «совѣщаніе о коренныхъ правахъ германскаго народа», — совѣщаніе, которому заранѣе предназначалось быть двукратнымъ, которое заняло очень много времени и нарушалось разными неблагопріятными событіями. Народъ, обладавшій между тѣмъ фактически уже самыми широкими правами свободы, соскучился глядя на теоретическія усилія своихъ представителей занести эти права въ протоколъ со всею канцелярскою точностью. Эта «скука и нетерпѣніе» народа, непрерывно волнуемаго подрывающею партіей, побудила нѣкоторыхъ членовъ предложить собранію болѣе краткій и быстрый путь, но этому воспротивилась нѣмецкая основательность и степенность. Никто не хотѣлъ отказаться отъ случая поговорить, а между тѣмъ проходило время, удобное для водворенія новыхъ отношеній, и все дѣло затягивалось въ долгій ящикъ, такъ что, когда наконецъ порѣшили вопросъ о коренныхъ правахъ и, какъ драгоценное пріобрѣтеніе, сообщили ихъ народу въ несмѣтномъ числѣ экземпляровъ, правительства, пришедшія между тѣмъ въ силу, могли уже замедлить или и совсѣмъ воспретить ихъ введеніе. Эти коренныя права, хотя бы въ нихъ и нашлось что-нибудь, носящее печать той взволнованной эпохи и не во всемъ согласное съ строгой справедливостію и съ утвердившимся обычаемъ, безспорно устранили или по крайней мѣрѣ ослабили многія ограниченія и пути, препятствовавшія дотолѣ развитію личной свободы и независимости; они положили основаніе равноправности всѣхъ Германцевъ, упразднивъ сословныя привилегіи, оградили народъ отъ всякихъ судебныхъ и полицейскихъ правонарушеній, поставили внѣ всякаго вопроса право сборищъ и товариществъ, избавили печать отъ всякаго сверхзаконнаго надзора и предоставили свободу вѣры и обученія; вполнѣ обезпечивъ права собственности, они въ то же время распорядились отмѣною или постепеннымъ устраненіемъ сословныхъ преимуществъ и устарѣлыхъ повинностей, обременявшихъ пользованіе землей; суды присяжныхъ съ гласнымъ и устнымъ дѣлопроизводствомъ и съ независимостію судейскаго

сословія должны были положить основу такой юстиціи, которая бы вполне соответствовала духу времени и успѣхамъ образованія; наконецъ, отмѣною смертной казни они принесли быть-можетъ слишкомъ большую жертву началу гуманности. Такимъ образомъ коренныя права давали во всѣхъ отношеніяхъ широкую мѣру свободы и, осуществивъ они вполне, конечно поставили бы германскій народъ въ ряду цивилизованныхъ націй на ту степень, которая подобаешь ему по его природѣ и развитію. — Совѣщаніе о коренныхъ правахъ насильственно прерывалось множествомъ вопросовъ и предложеній, которые такъ и ломились въ собраніе. Оно постоянно было средоточіемъ и фокусомъ для всѣхъ патріотическихъ надеждъ, желаній и интересовъ, шевелившихся въ обширныхъ сферахъ отечественной жизни, но лишь недавно сплю прорвавшихся на Божій свѣтъ. Вопросы внѣшней политики особенно подавали поводъ къ самымъ жаркимъ преніямъ въ парламентѣ. Партія движенія, хотѣвшая водворить «новый порядокъ» во всей Европѣ, настаивала на заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Франціей и терпѣливо желала «схватить братскую руку зарейнскаго народа». Но большинство собранія, руководясь началомъ мира и невмѣшательства въ чужія дѣла, отвергнуло предлагаемый союзъ, хотя, разумѣется, было ни противъ признанія французской республики, ни противъ отправленія въ Парижъ имперскаго посла. Для этого избранъ былъ историкъ Гогенштауфеновъ, Фридрихъ фонъ-Раумеръ. — При совѣщаніяхъ объ австро-итальянской войнѣ, лѣвая сторона защищала космополитское начало національной независимости, даже въ ущербъ собственнымъ выгодамъ Германіи, и требовала прекратить войну, между тѣмъ какъ большинство, увлеченное неодолимымъ краснорѣчіемъ Радовица, предоставило (12 авг. 1848) рѣшеніе вопроса центральной власти, въ надеждѣ, что она соблюдетъ интересы Германіи. Радовицъ настаивалъ на удержаніи за имперіей Венеціанской области и всего края по Минчіо, считая это необходимымъ для военной безопасности Германіи, именно въ тѣхъ видахъ, чтобъ верхняя Италія не подпала преобладанію Франціи, а нижняя — Англіи. Въ рядахъ космополитскихъ ораторовъ нашло себѣ ревностную защиту даже послѣдовавшее позже требованіе объ уступкѣ итальянскаго Тироля, что по мѣткому выраженію Радовица совершенно равнялось тому, какъ еслибъ потребовали отъ кого-нибудь уступить дверь его собственнаго дома¹. — Только по одному вопросу были согласны между собою всѣ

¹ Впослѣдствіи, при болѣе хладнокровномъ разсмотрѣніи вопроса, сами военные авторитеты Германіи отчасти признали, что Радовицъ заходилъ слишкомъ далеко, утвер-

партіи въ парламентѣ. именно насчетъ того, что существовавшее до-
тогѣ соединеніе германскаго союзнаго герцогства Лимбурга подъ
одною конституціей и административною системою съ королевствомъ
Нидерландскимъ несовѣстно съ конституціей Германскаго союза, по-
чему центральной власти было настоятельно поручено вступить за
герцогство по поводу возложенной на его жителей обязанности участво-
вать въ голландскомъ государственномъ долгѣ. Напротивъ, тѣмъ силь-
нѣе запыхала борьба по славянскому вопросу, не столько изъ за
того, обязывать ли Чеховъ присылкою депутатовъ въ національное
собраніе, что рѣшено было сдѣлать чрезъ австрійское правительство,
какъ изъ-за спора о признаніи и допущеніи депутатовъ, избранныхъ въ
той части Познани, которая была присоединена къ Германскому
союзу. Лѣвая сторона полагала, что не льзя ни чѣмъ лучше отблагадо-
рить представителей демократизма, Поляковъ, этихъ усердѣйшихъ
и отважѣйшихъ подвижниковъ политическихъ смутъ и заговоровъ,
какъ потребовавъ отъ собранія, чтобы оно признало свободу и
независимость каждой народности и, въ силу этого «новаго между-
народнаго права», положило содѣйствовать возстановленію Польши.
Общее сочувствіе къ этому народу придало на этотъ разъ словамъ
Арнольда Руге, выдвинутого радикалами впередъ, гораздо
болѣе вѣса, нежели обыкновенно имѣли въ глазахъ большинства не-
зрѣлая мысль и безразсудныя изреченія философовъ-космополитовъ.
Только мнута была неудачно выбрана. Запальчивость и жесто-
кость Поляковъ, обнаружившіяся незадолго до этого въ вѣроломной
войнѣ, предпринятой ими противъ своихъ нѣмецкихъ одноземцевъ,
и явное намѣреніе ихъ идти заодно съ парламентскими радикалами
революціонною дорогою, ослабили сочувствіе къ такому дѣлу, въ кото-
ромъ до тѣхъ поръ вѣдали «высокую поэтичность мученичества». Со-
браніе, занятое именно тогда практическимъ возрожденіемъ германской
націи и готовое отвергнуть абстрактно-философскій идеализмъ предшест-
вовавшей эпохи, выслушало среди бурныхъ взрывовъ негодованія вовсе
непатріотическую исповѣдь Руге насчетъ его «міросозерцація». То самое,
что краснорѣчивый князь Лихновскій, говоря въ смыслѣ большинства,
рѣшительно ставилъ въ укоръ Полякамъ, — ихъ всегдашнее появ-

ждала будто нѣмцамъ мало владѣть одними Альпами, но что для пущей безопасности
имъ нуженъ еще и весь приальпійскій край.

леніе первыми на баррикадахъ, — именно это и прославляли въ нихъ радикалы собранія. Теплыя слова нѣмецкихъ депутатовъ изъ Познани, молившихъ не отталкивать полмилліона угрожаемыхъ земляковъ, не выгонять ихъ безъ защиты на улицу, нашли доступъ къ сердцамъ и побѣдили страстное краснорѣчіе польскаго оратора, который возбуждалъ состраданіе парламента къ «невыразимымъ бѣдствіямъ» его отчизны, и обращался вмѣстѣ съ тѣмъ къ «доблестной справедливости» своихъ сочленовъ. А когда за познаньскихъ Нѣмцевъ возвысился голосъ и Гюрданъ изъ Берлина, который до тѣхъ поръ постоянно держался лѣвой стороны, когда онъ краснорѣчиво представилъ позоръ и несправедливость жертвовать нѣмецкими братьями чуждому народу, который видитъ въ нихъ смертельныхъ недруговъ, когда онъ живо выставилъ распавшуюся и гнилую государственность и національность Польши неизбѣжною причиною ея раздѣленія, изобразилъ завоеванія Нѣмцевъ по Вислѣ и Вартѣ — завоеваніями не меча, а обрабатывающаго плуга, и мысль противниковъ, что Польшу слѣдуетъ возстановить какъ оплотъ Германіи противъ Россіи, отстранилъ указаніемъ на собственную силу первой и на большую вѣроятность русско-польскаго союза противъ Нѣмцевъ, — тогда исходъ совѣщанія сталъ уже несомнѣннымъ. Рѣшено, допустить въ собраніе 12 депутатовъ изъ присоединенной къ Германіи, части Познани, и до-времени утвердить пограничную черту генерала Пфуля, которая раздѣлила область на двѣ половины, нѣмецкую и польскую. Добавочное предложеніе лѣвой стороны, «объявить раздѣлъ Польши постыдною несправедливостью», было отстранено на томъ основаніи, что это — историческій фактъ, неподлежащій суду собранія.

§ 858. Пруссія и національное собраніе. Съ тѣхъ поръ какъ однимъ смѣлымъ шагомъ собраніе въ Павловской церкви установило сообственною волею центральную власть, нельзя было не замѣтить въ отношеніи къ нему нѣкоторой раздражительности со стороны Пруссіи. Приказъ военнаго министра Пейкера, чтобы всѣ германскія войска присягнули блюстителю имперіи, въ Пруссіи исполненъ не былъ; на все, что ни дѣлалось во Франкфуртѣ, Берлинъ смотрѣлъ недоувѣрчиво и ревниво; опасались, чтобы «слияніе въ одну Германію» не кончилось исчезновеніемъ Прусской державы, противъ чего ново-ожившее «пруссачество» ратовало упорно изо всѣхъ силъ. Раздражительность эта возрасла еще болѣе отъ ненавистливаго тона, съ какимъ нападали на Пруссію въ южной Германіи и на словахъ и печатно, и часто казалось, что вмѣсто чаемаго еди-

неіи Германіи плодомъ достопамятной эпохи будетъ только еще горшій разладъ и обособленіе въ сугубой степени. Особенно обнаружилось это, когда 7 августа лѣвая сторона сдѣлала предложеніе даровать амнистію (участникамъ баденскаго возстанія и друг.) и допустить въ національное собраніе Фридриха Гекера, избраннаго въ Тингенъ. Большинство было того мнѣнія, что человекъ, «хотѣвшій на мѣсто вѣчнаго порядка права водрузить знамя насилія», не можетъ засѣдать въ собраніи, которому германскій народъ довѣрилъ утвержденіе единства и упроченіе свободы «путами совѣта, умѣренности, благоразумія и терпѣнія». Но, отнюдь не раздѣляя этого воззрѣнія, лѣвая сторона поддержала оскорбительныя слова депутата Брентано, который поставилъ принца Прусскаго ¹ на одну доску съ вождемъ баденскихъ вольныхъ дружинъ. Страшная буря послѣдовала за этимъ отзывомъ; среди крика и шума одна сторона парламента требовала напominiнeнiя о порядкѣ, другая препятствовала этому; засѣданіе пришлось наконецъ закрыть. И когда на другой день президентъ высказалъ вчерашнему оратору замѣчаніе о соблюденіи порядка, крикъ и волненіе возобновились въ такой степени, что надо было на нѣсколько времени отсрочить засѣданіе и велѣть очистить шумную галерею (гдѣ помѣщалась публика). Эта сцена оставила занозу въ сердцѣ Пруссаконъ, хотя собраніе и обнаружило при выходкѣ Брентано свое рѣшительное неодобреніе. Только когда десять дней спустя блюститель имперіи и около половины національнаго собранія отправились въ Кѣльнъ на празднество по случаю отстройки знаменитаго собора и сошлись тамъ съ королемъ Прусскимъ, то одушевленіе къ будущему величію Германіи вытѣснило на-время изъ всѣхъ сердецъ чувство узкаго партикуляризма. Плаваніе по Рейну, пріѣтствуемое ликующими толпами народа, и слѣдовавшее за тѣмъ празднество, были прекраснѣйшимъ, самымъ полнымъ надеждъ моментомъ.

§ 859. Перемиріе въ Мальмѣ и сентябрьскіе ужасы во Франкфуртѣ. Разладъ между Франкфуртомъ и Берлиномъ дошелъ до высшей степени, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Пруссія не исполнила надеждъ парламента, высказанныхъ при предоставленіи ей развязки шлезвигъ-голлштинскаго спора съ Даніей, — надеждъ, «что при заключеніи мира будутъ соблюдены права герцогствъ и съ тѣмъ вмѣстѣ честь Германіи»; что, напротивъ, состоявшееся 26 августа переми-

¹ Принцъ Прусскій (впослѣдствіи король Вильгельмъ I) начальствовалъ союзными войсками, подавившими баденское возстаніе.

ріе въ Мальмё содержитъ въ себѣ унижительныя условія, такъ какъ имъ отмѣнены все законы и распоряженія, послѣдовавшіе въ Шлезвигъ-Голштейнѣ съ 17 марта (дня возстанія края), временная администрація замѣнена правительствомъ изъ четырехъ лицъ, назначеннымъ по общему соглашенію Пруссіи съ Даніей, и шлезвигскія войска совѣмъ отдѣлены отъ голштинскихъ. Но негодованіе еще усилилось, когда пришла вѣсть, что во главѣ временнаго правительства и соединенныхъ герцогствъ долженъ стать графъ Карлъ Мольтке, ревностнѣйшій поборникъ единства датской державы ¹, и когда притомъ оказалось, что въ договорѣ не было и поминъ о Франкфуртскомъ парламентѣ и что Пруссія дѣйствовала только именемъ «Германскаго союза». Когда объ этомъ перемиріи зашла рѣчь въ національномъ собраніи (4 сент. 1848), утвержденію его воспротивилась не только одна лѣвая сторона, но первое прекословіе раздалось изъ праваго центра, изъ устъ Дальмана, который, посвятивъ шлезвигскому дѣлу лучшія силы юности и оставшіеся ему вѣрнымъ во всю жизнь, напомнилъ теперь скорбными словами о правахъ Шлезвига и о чести Германіи и предложилъ отвергнуть перемиріе и остановить выступленіе германскихъ войскъ. Собраніе раздѣлилось въ мысляхъ, и предложеніе Дальмана было принято незначительнымъ большинствомъ (5 сент.). Но исполненіе его встрѣтило неодолимыя преграды. Все имперское министерство, объявившееся въ пользу перемирія, вышло въ отставку, и какъ ни Дальманъ, ни кто другой изъ противниковъ договора, не смогъ составить новаго министерства, то между тѣмъ прошло нѣсколько драгоцѣнныхъ дней, въ теченіе которыхъ прусскія войска начали свое выступленіе и такимъ образомъ на дѣлѣ исполнили условія трактата. А какъ въ то же время изъ Пруссіи были поданы надежды, что графъ Мольтке не займетъ предназначавшейся ему должности, и что вообще Данію можно будетъ склонить на нѣкоторыя уступки, то мало по малу положеніе партій въ парламентѣ много измѣнилось. Утренніе противники постепенно перешли на другую сторону, сообразивъ потери, неизбежныя для прибалтійскихъ жителей въ случаѣ возобновленія войны, и особенно убоясь дѣйствовать заодно съ подвижниками революціи, съ врагами всякаго государственнаго порядка. Послѣ новой трехдневной борьбы въ парла-

¹ Подъ именемъ единства Датской державы разумѣется подчиненіе всехъ принадлежащихъ къ ней областей одинаковому государственному устройству и общимъ основнымъ законамъ.

ментъ (14—17 сент.), при чемъ сами шлезвигскіе депутаты говорили въ пользу перемирія, лѣвая сторона, въ лицѣ легкочычѣйшаго изъ своихъ членовъ, Карла Фогта, оттолкнула всѣхъ колеблющихся указаніемъ на предстоящій Германіи «конвентъ», а правая, въ лицѣ Финке и Лихновскаго, выставила необходимость неразрывной связи съ Пруссіей и примиренія партій и въ парламентѣ и въ краѣ, — послѣ всего этого прежнее отрицательное рѣшеніе было отмѣнено и исполненіе перемирія одобрено, но при этомъ на временную центральную власть возложена обязанность достигнуть необходимыхъ измѣненій и скорѣе начать переговоры объ окончательномъ трактатѣ съ Даніей. — Примирительныя слова Лихновскаго были лебединою его пѣнью. Непопулярное рѣшеніе о перемиріи послужило радикальной партіи желаннымъ предлогомъ для возобновленія мартовскихъ революціонныхъ дней. Не то, чтобы «красные республиканцы» принимали слишкомъ къ сердцу шлезвигъ-голштинское дѣло: напротивъ, ихъ же собственные журналы постоянно подтрунивали надъ «крававою комедіей», которая тамъ разыгрывалась; но они воспользовались удобнымъ случаемъ нанести національному собранію рѣшительный ударъ; они могли прикрыть свои ужасные замыслы личиною патріотизма и національной чести. На народной сходкѣ, близъ Франкфурта, на такъ-называемомъ Троицкомъ луку (Pflingstheide), гдѣ одинъ изъ членовъ лѣвой стороны выставилъ необходимость поговорить съ кѣмъ слѣдуетъ «ломанымъ шрифтомъ» (in Fracturschrift zu reden), устроили мятежъ противъ національнаго собранія и страшно взволновали массы. Приступомъ къ главному удару должно было служить поднесеніе грознаго адреса, въ которомъ большинство членовъ объявлялось измѣнниками отечеству и требовалось ихъ удаленія. Удержанные отъ своего замысла призванными изъ Майнца войсками, республиканцы, подкрѣпясь толпами пролетаріевъ, перешли прямо къ мятежу и къ бою на баррикадахъ (18 сент.), что, правда, вскорѣ было прекращено военною силой, однакожь имѣло послѣдствіемъ ужасное злодѣйство: пока въ самыхъ воротахъ завязался ухищренный и малодушный бой, передъ воротами совершалось чистое убійство. Лихновскій и генераль Ауэрсвальдъ выѣхали за городъ верхомъ. Узнанные и преслѣдуемые толпами черни, укрылись они въ жилищѣ одного садовника на Борнгеймскомъ полѣ, но были отысканы, вытащены на улицу и убиты среди страшныхъ истязаній. Ауэрсвальдъ былъ храбрый воинъ, знаменитаго рода, честный и прямодушный человекъ; князь Лихновскій — рыцарь въ душѣ, не безъ при-

мѣся романтической удали, юноша рѣдкихъ дарованій и увлекательнаго краснорѣчія. Гекшеръ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, едва избѣгнулъ подобной же участи въ Гёхстѣ. Внутреннія пружины возстанія бросили, къ прискорбію, темную тѣнь въ самую среду парламента.

§ 860. Разладъ усиливается. Сентябрьскіе дни составили особую эпоху въ жизни національнаго собранія. Съ ними прошла прекрасная пора одушевленія и высокихъ надеждъ. Суровыя укоризны и потомъ увѣщанія къ миру и согласію, которыми президентъ открылъ ближайшее засѣданіе, не припесли никакихъ прочныхъ плодовъ: партіи стали съ тѣхъ поръ другъ къ другу еще въ болѣе рѣзкое и рѣшительное отношеніе. Военное положеніе, объявленное во Франкфуртѣ министерствомъ Шмерлинга, законъ объ охранѣ національнаго собранія отъ подобныхъ же случаевъ впередъ, благодарность, которую положено изъяснить войску, требованіе франкфуртскаго суда, чтобы ему дозволено было допросить трехъ членовъ парламента касательно возбужденія къ бунту, и разрѣшеніе на это, данное собраніемъ въ очень бурномъ засѣданіи, вопреки предложенію лѣвой стороны, которое Гагернъ назвалъ просто «наглостью»,—все эти мѣры раздражили демократовъ и расширили бездну между лѣвою и правою стороною. Предложеніе обратиться съ увѣщаніемъ къ народу осталось безъ исполненія, потому что лѣвая сторона грозилъ издать адресъ въ противоположномъ смыслѣ. Этотъ возрастающій разладъ отнималъ все силы у парламента и мѣшалъ постановленію такихъ рѣшеній, которыя, при единогласности или полновѣснымъ большинствѣ, могли бы произвести дѣйствительное впечатлѣніе. Лѣвая сторона, сначала такъ дорожившая исключительнымъ самодержавіемъ національнаго собранія, а теперь разгнѣванная тѣмъ, что не смогла увлечь его за собою, стала болѣе и болѣе сближаться съ партикуляризмомъ, старавшимся сокрушить все стремленія парламента къ германскому единству. Среди этой непрерывной борьбы окрѣпла опять реакція, которую разсудительные и умѣренные привѣтствовали сначала радостно, какъ избавительницу отъ необузданныхъ порывовъ демократизма, но которая скоро подняла голову надъ всеми учредительными собраніями и могла подвергнуть опасности все состоявшееся и чаемые пріобрѣтенія этой бурной эпохи. Сильнѣйшимъ поводомъ къ внутреннему распаденію стали для франкфуртскаго собранія происшествія въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

§ 861. Учредительное національное собраніе въ Берлинѣ. Национальное собраніе во Франкфуртѣ притянуло къ себѣ важ-

нѣйшія политическія силы Германіи, такъ что остальные учредительныя сеймы, возникшіе въ то же самое время въ разныхъ краяхъ, обличали умственное истощеніе націи. Особенно неспособнымъ выполнить свое высокое призваніе оказалось большинство берлинскаго «собранія для соглашенія на счетъ прусскаго государственнаго устава», которое было создано слишкомъ поспѣшно подъ раздражительнымъ вліяніемъ недавнихъ мартовскихъ происшествій, по системѣ неограниченныхъ двухстепенныхъ выборовъ. Существенно-демократическое само по себѣ, находилось оно еще подъ вліяніемъ берлинскаго «народа», который по выходѣ войскъ властвовалъ въ прусской столицѣ съ безпредѣльной необузданностью; въ своемъ крайнемъ стремленіи къ радикально-демократическимъ учрежденіямъ и среди безцѣльныхъ споровъ, запросовъ и словопрениій, оно совершенно потеряло изъ виду свою главную задачу. Въ-есто того, чтобъ подвергнуть немедленному обсужденію представленный правительствомъ проектъ конституціи (9 іюня 1848), который заключалъ въ себѣ всѣ коренныя условія свободной политической жизни, начали съ того, что разожгли страсти предложеніемъ: «да благоволитъ высокое собраніе, въ признательность къ совершившейся революціи, объявить, что бойцы 18 и 19 марта оказали отечеству истинную заслугу». Такъ какъ предложеніе это не было принято вполнѣ, то ограниченіе его до того раздражило ярость черни, руководимой мѣстными и пришлыми демагогами, что министръ Генрихъ Арнимъ и пасторъ Сидовъ при выходѣ изъ собранія подверглись угрозамъ и обидамъ. Потомъ назначили комиссію для составленія новаго проекта конституціи, вслѣдствіе чего смѣнилось министерство, и потратили драгоценное время на бесполезные споры о правахъ и отношеніи фронкфуртскаго національнаго собранія къ частнымъ правительствамъ и сеймамъ и о вопросѣ, нужно ли подносить королю адресъ, или нѣтъ. Между тѣмъ какъ дерзкіе поступки необузданной черни въ Берлинѣ возбуждали общее негодованіе, между тѣмъ какъ постыдное разграбленіе цейгхауза (въ іюнь) и злоупотребленіе свободой для всякихъ безчинствъ и буйствъ обнаруживали совершенную одичалость низшихъ классовъ, національное собраніе противилось всякому ограниченію демократической свободы и одобрило мятежъ, освободивъ изъ-подъ стражи и допустивъ въ свои засѣданія одного баррикадиста, избраннаго въ депутаты, что сначала заставило усомниться въ законности самаго выбора. Уставы о правѣ сборищъ и о личной безопасности давали полную волю разыгравшимся страстямъ; при обсужденіи закона о гражданскомъ

ополченіи старались подорвать основы прусскаго воеустройства; введеніе полицейскихъ дозорщиковъ (констаблей, Schutzmannschaft) казалось поборникамъ демократизма уже чрезмѣрнымъ ограниченіемъ проявленія личной воли, въ то время, когда ватаги черни («Bummler») безстыдно самоуправничали на улицахъ. При подобныхъ обстоятельствахъ отмѣна смертной казни явилась болѣе чѣмъ сомнительнымъ нарушеніемъ исконныхъ порядковъ божеской и человѣческой справедливости. Ссора между гражданскимъ ополченіемъ и войскомъ въ Швейдницѣ, кончившаяся кровавою схваткой, подала поводъ собранію (1 авг.), не только высказаться въ горькихъ отзывахъ противъ антигражданскаго настроенія офицеровъ, но и заключить жаркія пренія приговоромъ, чтобъ военный министръ обратился къ офицерамъ съ увѣщаніемъ насчетъ ихъ реакціонныхъ наклонностей, точно такъ же, какъ подобныя увѣщанія дѣланы были прежде гражданскимъ чиновникамъ: собраніе прямо вмѣшивалось такимъ образомъ въ сферу исполнительной власти. Это рѣшеніе (10 сент. 1848), пріѣтствованное демократами съ восторгомъ, служило явнымъ доказательствомъ того, что большинство ни мало не задумывалось колебать твердыя еще опоры потрясеннаго государственнаго зданія. Когда рѣчь зашла о томъ, чтобъ закономъ оградить собраніе отъ вліянія массы, лѣвая сторона настояла, что слѣдуетъ «отдаться подъ защиту народа» и этимъ привела къ тому, что въ благодарность за подобную уступку народъ грубѣйшимъ образомъ оскорблялъ членовъ парламента. По поводу каждаго важнаго вопроса, собраніе обступали вооруженныя толпы подъ начальствомъ клубскихъ коноводовъ, съ тѣмъ чтобъ насильственно вліять на рѣшеніе. При обсужденіи закона «объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и крестьянами» и о «правѣ охоты» не обратили никакого вниманія на существующія обстоятельства и оперлись на одни радикально-демократическія начала; и когда, послѣ множества запросовъ, возраженій и уклоненій, перешли наконецъ къ обсужденію статей проекта, то при самомъ началѣ запылала такая ожесточенная парламентская борьба, что послѣ этого едва ли можно было ожидать какого бы то ни было исхода. Лѣвая сторона возстала противъ титула «король прусскій» и противъ формулы «Божіею милостію» и выщупывала съ какимъ-то наглымъ любопытствомъ всѣ глубокія основы государственнаго зданія. Относительно познаньскаго вопроса, большинствомъ одного только голоса отвергнута была въ бурномъ засѣданіи проведенная правительствомъ демаркаціонная линія для раздѣла того края, и такимъ образомъ отмѣнено рѣшеніе франк-

фуртскаго національнаго собранія, противъ котораго вообще обнаруживалась нѣкоторая ревность; дворянство, титулы и ордены положено совершенно отмѣнить. Когда въ Берлинъ пришла вѣсть о вѣнскихъ событіяхъ (§ 864), глава лѣвой стороны, Вальдекъ, сдѣлалъ предложеніе (октября 31), «побудить имперское министерство къ употребленію на защиту нарушенной въ Вѣнѣ народной свободы всѣхъ средствъ и силъ, состоящихъ въ распоряженіи имперіи». При обсужденіи этого вопроса вооруженныя толпы шумно окружали залу собранія, угрожали нелюбимымъ депутатамъ ножами и веревками и сопротивлялись даже гражданской стражѣ, выставленной для охраны собранія. Тогда у короля и его приближенныхъ созрѣло рѣшеніе положить конецъ всей этой кутерьмѣ. Торжество реакціи въ Вѣнѣ ободрило и Берлинъ къ подобнымъ же распоряженіямъ. Министерство Пфуля побудили выйти въ отставку, и родственнику королевскаго дома, графу Бранденбургу, поручено было образовать новое министерство (5 ноября). 9 ноября составилось это министерство «спасенія», душою его былъ министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Мантѣйфель, и первымъ его шагомъ было королевское посланіе, которымъ національное собраніе, «для огражденія его совѣщаній отъ всякой тѣни острастокъ извнѣ» переводилось въ Бранденбургъ и отсрочивалось до 27 ноября. Напрасно, при первой вѣсти о назначеніи такого нелюбаго народу министерства, собраніе старалось особымъ адресомъ побудить короля къ отмѣнѣ его рѣшенія; неприличныя слова кѣнигсбергскаго депутата Якоби при поднесеніи адреса, «что въ томъ-то собственно и несчастье государей, что они никогда не хотятъ слушать правды», могли только еще болѣе утвердить короля въ его намѣреніи. Напрасно собраніе протестовало противъ перевода своихъ засѣданій изъ Берлина, оспаривало право короны на такой шагъ и объявляло, что отвѣтственные сновники, присовѣтывавшіе это посланіе, нарушили обязанность свою къ королю, къ цѣлому краю и къ собранію, и что они неспособны управлять государствомъ:—первый министръ запретилъ всякое дальнѣйшее совѣщаніе, и когда собраніе, полагаясь на преданную ему гражданскую стражу, не прекратило своихъ засѣданій, тогда генералъ Врангель, уже съ 15 сент. назначенный главнокомандующимъ въ маркіяхъ, получилъ повелѣніе вступить съ значительнымъ корпусомъ въ Берлинъ (10 ноября). Зала собраній занята была военнымъ карауломъ, гражданское ополченіе распушено, а когда протестовавшіе члены собранія стали подъ предсѣдательствомъ президента фонъ-Унру продолжать свои сборы

ща въ другихъ мѣстахъ, тогда Берлинъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи (12 ноября), предписано всеобщее обезоруженіе, всѣ клубы были закрыты и учрежденъ строгій полицейскій надзоръ. Депутаты, числомъ около 230, давшіе слово уступить только вооруженной силѣ, держались его съ замѣчательною твердостью; выгнанные изъ одного мѣста, собирались они въ другомъ, но наконецъ, будучи не въ состояніи противиться правительству, и убѣдясь спокойствіемъ обезоруженнаго народа въ бесполезности своихъ протестовъ и страдательнаго сопротивленія, они, передъ тѣмъ что разойтись, отважились на опасный шагъ, — именно объявили, «что министерство Бранденбурга не въ правѣ ни взымать, ни расходовать податей до тѣхъ поръ, пока собраніе не будетъ по прежнему безопасно отправлять въ Берлинѣ свои обязанности». Это рѣшеніе депутатовъ основывалось на совершенномъ непониманіи мѣры ихъ силъ, и какъ бы ни превозносили ихъ мужество и стойкость, но подражаніе французскому національному собранію 1789 г., которое вездѣ болѣе или менѣе служило образцомъ для лѣвой стороны, пробудило къ себѣ мало сочувствія; берлинскій народъ, который въ виду этихъ происшествій обнаруживалъ замѣчательное спокойствіе, и всѣ прусскіе граждане, которые, за весьма немногими изъятіями, не отступили отъ взноса податей, конечно доказали этимъ болѣе вѣрный тактъ и лучшее пониманіе обстоятельствъ, нежели ихъ рьяные представители.

§ 862. Франкфуртское національное собраніе и министерство Бранденбурга-Мантѣйфеля. — Берлинскія событія возбудили новую бурю во франкфуртскомъ собраніи. Лѣвая сторона, имѣя въ челѣ Лудв. Симона трирскаго и Генр. Симона бреславскаго, требовала склонить прусскую корону на увольненіе министерства Бранденбурга-Мантѣйфеля, внушающаго недоувѣріе народу, и на отміну распоряженія о переводѣ берлинскаго національнаго собранія, какъ мѣры противозаконной; предложеніе это поддерживалъ тонкій діалектикъ Виденбругкъ, принадлежавшій къ лѣвому центру; правая же сторона, руководимая краснорѣчивымъ Финке, всегда предпочитавшимъ «почву положительнаго права», защищала мѣры прусской короны, какъ вполне законныя, оспаривала право франкфуртскаго собранія настаивать на отміну перевода сейма изъ Берлина и на увольненіи непопулярныхъ сановниковъ, и предлагала перейти къ очереднымъ занятіямъ. Среднее предложеніе, сдѣланное большинствомъ разсматривавшей дѣло комиссіи, и всего жарче и убѣдительнѣе отстаиваемое Бекератомъ,

стремилось удовлетворить желанію націи, не оскорбляя и правъ короны: оно имѣло въ виду ходатайствовать у прусскаго правительства, чтобы переводъ національнаго собранія въ Бранденбургъ былъ отмѣненъ, когда приняты будутъ такія мѣры, которыя окажутся вполне достаточными для обезпеченія достоинства и свободы его совѣщаній въ Берлинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявить желаніе, чтобы прусская корона немедленно окружила себя министерствомъ, пользующимся довѣріемъ страны и способнымъ удалить опасность реакціонныхъ стремленій и ущерба народнымъ вольностямъ. Предложеніе это было принято 14 ноября, стало-быть за день до отказа въ податяхъ, состоявшагося въ Берлинѣ. Но прежде чѣмъ успѣли его выполнить, возвратился во Франкфуртъ статсъ-секретарь Бассерманъ, который уже нѣсколько времени состоялъ имперскимъ комиссаромъ въ Берлинѣ съ тою цѣлю, чтобы выяснитъ отношеніе Пруссіи къ центральной власти, и которому сверхъ-того было поручено стать посредникомъ въ разладѣ прусскаго правительства съ его собраніемъ. Своимъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла онъ произвелъ совершенный поворотъ въ мнѣніи парламентскаго большинства. По его словамъ, берлинское національное собраніе предъявляло такія преувеличенныя и заносчивыя требованія, что посредничество оказалось невозможнымъ: предложеніе обратиться къ центральной власти было будто-бы отринуто съ презрѣніемъ, а напротивъ того король удостоверилъ самымъ положительнымъ образомъ, что онъ и не помышляетъ объ ограниченіи вольностей, дарованныхъ народу въ мартѣ. Послѣ этого правый центръ сталъ рѣшительно на сторону короны. Но желаніе склонить партію лѣваго центра къ новому, еще умѣреннѣйшему предложенію, и нѣкоторая уступчивость общественному мнѣнію, которое сильно возставало противъ именъ Бранденбурга и Мантѣйфеля, все-таки побудили наконецъ парламентъ сойти съ пути благоразумія и «простыхъ началъ права», отстаиваемыхъ депутатомъ Финке, и увлечься, вслѣдъ за Рисеромъ, «политикою сердечныхъ чувствъ», говорившею (не за положительные, а) за прирожденные права человѣка. Плодомъ этого былъ новый средній терминъ (20 ноября), приглашавшій центральную власть дѣйствовать въ Берлинѣ въ пользу назначенія такого министерства, которое обладало бы довѣріемъ страны, но за то уничтожавшій противозаконное и опасное для государственнаго строя рѣшеніе о прекращеніи взноса податей, и обѣщавшій при этомъ полную защиту отъ всякаго покушенія нанести ущербъ правамъ и вольностямъ, дарованнымъ или обѣщаннымъ прусскому народу. Это рѣшеніе свидѣтельствовало, правда,

о духѣ законности, господствовавшемъ въ Павловской церкви; но, какъ примирительное слово, брошенное между раздорными партіями, оно приобрѣло себѣ и мало благодарности и мало уваженія. Демократы видѣли въ немъ измѣну народному дѣлу, а прусское правительство оскорбилось недовѣріемъ къ своимъ первымъ совѣтникамъ и прокламаціей бюстителя имперіи, сопровождавшей парламентское постановленіе. Министерство осталось на своемъ мѣстѣ; демократическія вспышки и угрожающія манифестаціи въ провинціяхъ Саксонской, Силезской, Вестфальской и Рейнской не повели ни къ чему; разогнанный сеймъ, въ назначенный день, былъ снова открытъ въ бранденбургской соборной церкви. Но какъ число членовъ, послѣдовавшихъ призыву правительства, было недостаточно для постановленія законныхъ опредѣленій, и на лицо явилась только нѣкоторая часть оппозиціи, да и то лишь для того, чтобъ еще разъ протестовать противъ принятой мѣры, то собраніе было распушено (5 декабря) и въ то же время самимъ правительствомъ дарована (erstgültig) конституція, которая должна была подвергнуться просмотру и утвержденію новаго законодательнаго собранія, состоящаго изъ двухъ камеръ. Эта дарованная или «пожалованная» конституція, равно какъ и избирательный законъ для образованія предположенныхъ палатъ, опирались на демократическія начала и сохраняли во всѣхъ отношеніяхъ возможно-свободную точку зрѣнія; разсудительные, консервативные люди находили даже, что по нѣкоторымъ вопросамъ настойчивымъ требованіямъ духа времени сдѣланы были слишкомъ большія уступки. При начертаніи этой конституціи держались очень близко проекта конституціонной комисіи національнаго собранія и внесли въ нее отчасти важнѣйшія заключенія распушеннаго сейма, отчасти постановленія франкфуртскаго собранія о коренныхъ правахъ, оставляя притомъ открытую дорогу для всякаго дальнѣйшаго соглашенія. Обѣ палаты должны были образоваться посредствомъ народнаго выбора чрезъ назначаемыхъ имъ избирателей (такъ-называемымъ косвеннымъ, непрямымъ порядкомъ), съ тою только разницей, что выборъ въ первую палату обуславливался извѣстною суммою податей (цензъ) и болѣе зрѣлымъ возрастомъ, тогда какъ выборъ во вторую не ограничивался никакими особенными условіями. Поэтому-то общественное мнѣніе и примирилось такъ скоро съ пожалованною хартіей; даже демократы покорились обстоятельствамъ, которыя приняли для нихъ неожиданно-благопріятный оборотъ, и изготовились къ новой борьбѣ на выборахъ. Прусская корона показала свою силу; побѣда была на ея сторонѣ, но

она великодушно даровала народу желанную свободу полной мѣрою и притомъ какъ добровольный даръ. Такъ закончился роковой 1848 годъ среди радостныхъ надеждъ для Пруссіи.

§ 863. Австрійскій сеймъ и событія въ Вѣнѣ. Въ маѣ 1848 г., когда императоръ Фердинандъ оставался еще въ Инсбрукѣ (§ 849), начались выборы всѣмъ міромъ въ австрійскій учредительный сеймъ, и въ іюлѣ уже можно было открыть засѣданія. Собраніе представляло замѣчательную картину. Депутаты, принадлежащіе къ самымъ различнымъ племенамъ и сословіямъ, въ томъ числѣ 32 галицкихъ мужика, въ посконныхъ или сермяжныхъ балахонахъ, живо напоминавшихъ степь, — люди, не умѣвшіе ни читать, ни писать и ни слова не понимавшіе по нѣмецки, — соединились для изготавленія общей имперской конституціи, о свойствѣ которой только немногіе имѣли ясное понятіе. Какъ могло собраніе, въ которомъ не только разность мнѣній, но и національные интересы, и закоренѣлая племенная ненависть, порождали глубокую рознь, согласиться между собой насчетъ государственнаго устава, который годился бы для всѣхъ частей австрійской монархіи, столь различныхъ по происхожденію жителей, по учрежденіямъ и потребностямъ? Что подобный замыселъ долженъ былъ не удасться, это лежало въ его сущности, даже будь положеніе столицы и имперіи далеко не такъ затруднительно и смутно, какъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Въ Италіи открытая война, въ Богеміи и Венгріи возстаніе, страшное волненіе на Военной границѣ, Вѣна, кишашая анархистами; путаница въ государственномъ хозяйствѣ и такая финансовая нужда, что пришлось на нѣсколько мѣсяцевъ запретить всякій вывозъ звонкой монеты и выпускать бумажныя деньги по самой низкой цѣнѣ. Могло ли при подобныхъ обстоятельствахъ удасться дѣло, требующее спокойствія, порядка и обдуманности? Вотъ почему собраніе собственно и не приступало съ своей задачею; напоръ внѣшнихъ обстоятельствъ былъ до того силенъ, что оно не могло уклониться отъ ихъ вліянія, и потомъ постоянно вынуждено было прерывать ходъ совѣщаній рѣшеніемъ текущихъ дѣлъ и запросами министерству. Когда мѣсто Пиллерсдорфова кабинета заступилъ новый, подъ предѣлательствомъ Вессенберга, гдѣ значительнѣйшими членами были Добльгофъ (повнутреннимъ дѣламъ), Латуръ (по военнымъ), Шварценбергъ (по общественнымъ сооруженіямъ), Горнбостель (по торговлѣ), сеймъ 22 іюля былъ торжественно открытъ. Совѣщанія вскорѣ приняли очень бурный характеръ, который не смягчился и послѣ полувынужденнаго возвращенія импера-

тора (12 августа), и былъ въ полномъ соотвѣтствіи съ тревожнымъ волненіемъ сильно возбужденнаго низшаго класса столицы. Предложеніе депутата Кудлиха объ отмѣнѣ барщинъ и подвластности помѣщикамъ возбудило упорную борьбу и повело къ самымъ шумнымъ сценамъ. Предложеніе это имѣло такое же значеніе, какъ нѣкогда постановленія французскаго учредительнаго собранія 4 августа (§ 713), потому что клонилось къ устраненію всѣхъ феодальныхъ повинностей, къ уничтоженію всѣхъ помѣщичьихъ правъ и къ расторгненію всѣхъ узъ зависимости и т. д., безъ вознагражденія. Первоначальное предложеніе, разросшееся отъ безчисленныхъ поправокъ въ настоящее «парламентское чудовище», послѣ четырехнедѣльныхъ преній хотя и умѣрено было тѣмъ, что за отмѣну нѣкоторыхъ повинностей положено вознагражденіе, за другія—никакого; однакожь это постановленіе, возведенное императорскою подписью въ законъ (9 сент.), было все-таки громаднымъ нарушеніемъ правъ и имущественныхъ отношеній въ глазахъ всѣхъ помѣщиковъ и феодальныхъ владѣльцевъ. — При великомъ разнообразіи этихъ повинностей, поборовъ и податей, и при затрудненіяхъ, препятствовавшихъ ихъ отмѣнѣ, законъ конечно не могъ быть тотчасъ же приведенъ въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что отнесеніе вознагражденій на счетъ казны угрожало, при жалкомъ финансовомъ положеніи имперіи, новыми нескончаемыми затрудненіями. Между тѣмъ осуществленіе этого закона конечно имѣло бы послѣдствіемъ совершенное преобразование и въ крестьянскомъ и въ среднесословномъ быту, въ вотчинныхъ правахъ и въ общинныхъ отношеніяхъ, и доставило бы маленькому человѣку, столь долго беззащитному подъ гнетомъ привилегированнаго сословія, высокія блага личной свободы, политическихъ правъ и вольной собственности. — При пересмотрѣ «устава о наборѣ войскъ» сеймъ также остался вѣренъ началу равенства передъ закономъ, отмѣнивъ освобожденіе дворянъ отъ рекрутской повинности, сокративъ срокъ службы съ 8 на 5 лѣтъ, и потребовавъ отъ правительства, чтобъ оно отступилось отъ прежняго своего обычая беречь офицерскія мѣста для одного дворянства. — Не мѣнѣ бурны были пренія при обсужденіи вопроса о государственной экономіи и объ утвержденіи смѣты податей и предположенныхъ займовъ, и прежде чѣмъ успѣли порѣшить съ обсужденіемъ «коренныхъ правъ», въ ходѣ дѣла послѣдовала такая перемѣна, которая имѣла рѣшительное вліяніе на сеймъ и самое его существованіе.

Въ теченіе всѣхъ этихъ совѣщаній столица находилась въ непрерывномъ волненіи. Низшій классъ народа, всегда очень многочисленный въ большихъ городахъ и зависящій въ своемъ содержаніи отъ поденной выручки, пришелъ вслѣдствіе революціи въ отчаянное положеніе, такъ какъ всѣ дѣла, всякая торговля, всѣ предпріятія остановились, и многія богатые семейства выѣхали изъ Вѣны. Положеніе это, совершенная противоположность тому счастью, какого бѣдные надѣялись отъ переворота, доставило радикальнымъ народнымъ витіямъ и литераторамъ, избравшимъ столицу плодотворнымъ полемъ своей дѣятельности, удобный случай держать въ постоянномъ броженіи низшій классъ, который при возрастающемъ обѣднѣніи размножался съ каждымъ днемъ болѣе и, благодаря невѣжеству, въ какомъ оставляло его прежнее управленіе, не способенъ былъ отличать истину отъ лжи. Для разжиганія его страстей употреблялись всѣ обычные средства, — новыя товарищества рабочихъ, возбуждательныя рѣчи, необузданныя газетныя статьи, настоянныя воззванія и памфлеты. Ни «комитетъ безопасности» съ своей стражею, ни «студенческій легіонъ», ни вѣнская «національная гвардія» не дали довольно энергическаго отпора безпокойному волненію праздныхъ ватагъ черни; всѣ эти корпораціи состояли большею частію изъ демократовъ, которые или въ самомъ дѣлѣ «сочувствовали» рабочимъ, или по крайней мѣрѣ боялись рискнуть популярностію, чтобъ не лишиться вліянія на будущее время. Эти соображенія и чувство внутренняго разномыслія парализовали въ Вѣнѣ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, силу тѣхъ созданныхъ революціею учреждений, которыя имѣли въ виду обуздывать ея крайности. Оттого-то народныя толпы оказывали болѣе и болѣе вліянія на ходъ государственной жизни; онѣ препятствовали добровольному набору въ италійскую армію, чтобы не ослабѣть отъ того самимъ; онѣ силою вымогали у правительства занятіе по общественнымъ работамъ, сами опредѣляли поденную плату и угрозами воздерживали отъ всякой попытки понизить ея уровень. Вмѣстѣ съ успѣхомъ росли ихъ наглость и дерзость. Когда занятіе голодной толпы при общественныхъ сооруженіяхъ грозило обременить государственную и общинную казну тягостями не по силамъ, и министръ Шварцеръ рѣшился понизить плату на 5 крейцеровъ (4½ коп. сер.), то мѣра эта повела къ кровавымъ столкновеніямъ 23 августа. Въ Пратеръ¹ стеклись огром-

¹ Гульбище, родъ парка, на островѣ рукава рѣки Дунай, гдѣ между прочимъ въ понедѣльникъ на Святой собирается болѣе 200,000 народа.

ныя массы народа и, торжественно похоронивъ тамъ съ разными знаменательными обрядами глиняную куклу, представлявшую министра Шварцера, при чемъ отъ нихъ досталось двумъ стражамъ общественной безопасности, вознамѣрились съ знаменами и громкимъ шумомъ и крикомъ двинуться къ городу; но здѣсь были встрѣчены отрядомъ національныхъ гвардейцевъ; сперва посыпались бранныя слова, потомъ камни, и изъ-за этого вышла схватка, въ которой шестеро рабочихъ было убито и многіе ранены. Ближайшими послѣдствіями этого боя, который, ради сохраненія порядка, выдержали одни граждане безъ всякой помощи со стороны войскъ, были прекращеніе общественныхъ работъ и добровольное закрытіе комитетовъ безопасности (11 и 12 сентября). — Нѣсколько недѣль спустя, произошла новая смута по тому случаю, что одно произвольно образовавшееся ремесленное товарищество выпустило множество акцій, которыя, за отсутствіемъ всякаго обезпеченія, вскорѣ совершенно утратили кредитъ, и оттого владельцы акцій, все мелкіе ремесленники, лишились послѣдней трудовой копейки. Не смотря на успокоительное объявленіе министра Добльгофа, въ которомъ онъ обѣщалъ изслѣдовать и уладить дѣло, волненіе перешло въ опасный мятежъ, которымъ демократы и студенческій легіонъ хотѣли воспользоваться для того, чтобъ возстановить комитетъ общественной безопасности и смѣнить министерство. Однакожъ исполненію этого намѣренія помѣшало грозное настроеніе военной силы, призванной на защиту правительствомъ. Возстаніе, въ теченіе котораго сеймъ засѣдалъ не расходясь, осталось безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, а министерству открытъ былъ кредитъ въ два милліона гульденовъ для воспособленія ремесленному классу.

§ 864. Октябрскіе дни въ Вѣнѣ. Пронесенія въ Венгрію повергли столицу Австрійской имперіи въ страшное броженіе. Уже давно кроатскій банъ Еллачичъ, съ тайною помощью правительства и двора, воевалъ Мадьяровъ. Общій сеймъ, на которомъ Чехи и другіе Славяне враждовали съ Венграми, отрицнулъ мадыарскую депутацію, просившую его посредничества; изъ перехваченной переписки обнаружилось сношенія военнаго министра Латура съ баномъ; графъ Ламбергъ, посланный императорскимъ комиссаромъ и главнокомандующимъ въ Венгрію; былъ убитъ изступленною чернью на Буда-Пестскомъ мосту (28 сент.). Тогда императоръ издалъ манифестъ о войнѣ съ Венгріей (3 окт.), и часть вѣнскихъ войскъ получила приказаніе выступить въ походъ. Это подало поводъ къ такому возстанію, которое и объемомъ и

яростью далеко превзошло все прежнія сцены. Вѣнское населеніе, съ студенческимъ легиономъ, воспитанниками политехнической школы и многими національными гвардейцами во главѣ, старалось насильно воспрепятствовать выходу войскъ изъ столицы; разрушили часть желѣзной дороги, отбили нѣсколько пушекъ и завязали кровопролитный бой, въ которомъ погибъ одинъ генераль и нѣсколько солдатъ и офицеровъ. Демократическіе клубы обнаружили страшную дѣятельность; рабочіе и вся масса простонародія, вооружась пиками, шестами и крючьями, неистовствовали по улицамъ и площадямъ. Весь городъ былъ въ возстаніи; вездѣ строились баррикады; военная сила, соблазняемая подговорами и нерасположенная къ венгерской войнѣ, отчасти перешла къ народу, да и остальная оказывала вялое сопротивленіе. Въ храмѣ св. Стефана и во дворѣ военнаго министерства бой былъ всего жесточе; тамъ земля была усыяна трупами. Наконецъ министерство было взято приступомъ, и туда ворвалась безчисленная масса народу отыскивать министра Латура. Неистовая толпа обшарила все пространства громаднаго четырехъ-этажнаго зданія. Въ четвертомъ этажѣ нашли несчастнаго, забившагося въ какой-то чуланъ. Немедленно потащили его въ низъ, на улицу, и тщетны были все мольбы Латура для спасенія себя жизни; ударъ тяжелаго молотка разбилъ ему черепъ, и на площади, у фонтана, испустилъ онъ послѣдній вздохъ подъ саблями и пиками яростной толпы; не довольствуясь этимъ, она развирѣла и ожесточилась до такой степени, что сорвала съ него платье и вздернула на фонарный столбъ его тѣло, обернутое въ простыню. Среди ударовъ въ набатъ и дикихъ криковъ, мятежъ распространялся далѣе и далѣе. Арсеналъ былъ ближайшею цѣлю бунтующихъ ватагъ; его богатымъ запасомъ всякихъ военныхъ доспѣховъ хотѣли снабдить плоховооруженную толпу черни. Но двѣ роты польскихъ войскъ оказали нападающимъ упорное сопротивленіе. Въ теченіе цѣлой ночи тщетно обстрѣливали зданіе пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ и осыпали брандскугелями. Подъ утро утомленные солдаты наконецъ отступили, и только тогда чернь ворвалась въ зданіе и расхищала богатые запасы оружія до тѣхъ поръ, пока не положилъ этому конца гарнизонъ, составившійся изъ студентовъ и національных гвардейцевъ. — Страшныя эти событія произвели потрясающее впечатлѣніе на императора, жившаго тогда въ Шёнбрунѣ, и снова побудили его къ бѣгству. Оставивъ манифестъ, въ которомъ онъ жаловался, что доказательства любви и доброты, истекаемыя имъ до сихъ поръ самымъ радушнымъ образомъ, не встрѣтили себя ни какой призна-

тельности, и потомъ извѣщалъ, что покидаетъ окрестность столицы, гдѣ анархія дошла до крайностей, чтобы прискаты средства пособить поработенному народу, императоръ рано утромъ (7 окт. 1848) выѣхалъ съ своей свитою подъ военнымъ прикрытіемъ и достигъ безъ всякой важной помѣхи моравскаго города Ольмюца, который избранъ былъ дворомъ для резиденціи. Удаленіе императора было началомъ такого выселенія изъ взволнованной столицы, которое подобилось настоящему бѣгству. Знатные и зажиточные жители тысячами покидали злосчастный городъ, вертепъ ужаса; за то со всѣхъ сторонъ стекались въ него люди движенія, новые проповѣдники безначалія и своевольства. Министерства со времени трагической смерти Латура какъ не бывало: два члена его бѣжали; третьяго, Горибостеля, императоръ вызвалъ въ Ольмюцъ; одинъ только министр Крауцъ оставался на своемъ опасномъ постѣ. Самый сеймъ лишился своего президента Штробаха и большой части своихъ членовъ, которые также бѣжали; остальные застѣдали не расходясь подъ предѣдательствомъ вице-президента Смолки, и назначеніемъ коммиссіи безопасности, въ которой дѣятельнѣйшимъ членомъ былъ австрійскій писатель Шузелъка, перешедшій въ нѣмецко-католическую церковь, старались хоть для вида поддержать законный порядокъ и положить какіе-нибудь предѣлы дикому буйству демократическихъ обществъ и студенческаго легіона (послѣдніе огрубѣли до того, что въ одномъ публичномъ сборищѣ выслушали безъ негодованія и ужаса разсказъ одного изъ убійцъ Латура о своемъ гнусномъ злодѣйствѣ). Обратились съ адресомъ къ императору, приглашая его возвратиться, и съ воззваніемъ къ австрійскимъ народамъ, вмѣняя имъ въ священный долгъ непоколебимость въ уваженіи къ закону, конституціонной монархіи и свободѣ. Командующій въ Вѣнѣ генералъ фонъ-Ауэрсбергъ занялъ съ своими войсками крѣпкое угрожающее положеніе въ императорскомъ Бельведерѣ и въ Шварценберговомъ саду; въ то же самое время воинственный банъ Еллачичъ съ большою силою суровыхъ Кроатовъ и Граничаръ приближался къ окрестностямъ столицы, а въ Богеміи предпринималъ военныя движенія новый «градоосадникъ», страшный князь Виндишъ-Грецъ. Эти признаки враждебнаго нападенія соединенныхъ силъ привели населеніе столицы въ лихорадочное волненіе. Отказъ императора подчинить бана австрійскому министерству, демократы приняли за явный намекъ на учрежденіе военной диктатуры; адреса сейма съ просьбами о возвращеніи императора оставались безъ послѣдствій; депутаціи городского совѣта,

обновленнаго въ радикальномъ смыслѣ, не были допускаемы; такимъ образомъ управленіе всѣми дѣлами перешло въ руки революціонной партіи, которая по мѣрѣ того, какъ возрастала опасность, являлась болѣе и болѣе дѣятельною. Студенческій клубъ въ зданіи университета (Aula) былъ средоточіемъ революціоннаго движенія; рядомъ съ нимъ дѣйствовали разные демократическіе комитеты; военная сила подчинена была національной гвардіи, поставленной подъ начальство радикальныхъ вождей; предполагалось созвать поголовное земское ополченіе (Landsturm). Чѣмъ болѣе исходъ этого революціоннаго мятежа становился въ зависимость отъ рѣшенія оружіемъ, тѣмъ болѣе главное вліяніе на всѣ дѣла переходило отъ сейма и городского совѣта къ разнымъ комитетамъ и вождямъ мятежниковъ. Бывшій поручикъ Мессенгаузеръ былъ избранъ главнокомандующимъ національной гвардіи; польскій генералъ Бемъ, впослѣдствіи обнаружившій въ Венгріи блестящіе военные таланты, стоя во главѣ артиллеристовъ, руководилъ всѣми оборонительными приготовленіями; вольныя дружины, стекавшіяся въ столицу со всѣхъ сторонъ, находились подъ начальствомъ своихъ собственныхъ предводителей, которые большею частію составили себѣ имя ораторствомъ въ клубахъ или авторствомъ. На удобныхъ мѣстахъ построены были крѣпкіе завалы, мостовая на улицахъ взрыта, по провіантской и госпитальной части приняты мѣры со стороны городскихъ властей. Но мужество и надежды вѣнскихъ инсургентовъ всего болѣе оживляла чаемая и обѣщанная помощь со стороны Мадыаръ, которыхъ войска уже воображали себѣ видѣть въ дали, съ высоты Стефановской башни.—Въ то время какъ дѣлались эти приготовленія, банъ занялъ южную окраину города, у Вѣнской горы, съ 50,000 императорскихъ войскъ, самыхъ разнообразныхъ по племенамъ, вооруженію и одеждѣ. То была пестрая смѣсь народовъ, напоминавшая Валленштейновъ станъ: Кроаты и Граничары, въ мундирахъ и безъ мундировъ, страшные «красноплащники» или Серешаны стояли здѣсь рядомъ съ итальянскими и польскими войсками и съ гусарами въ великолѣпной формѣ.—Эта разнокалиберщина, сплоченная въ одно твердое тѣло единообразною командой и военною дисциплиной, противостояла подвижной массѣ инсургентовъ, волнуемой неопредѣленными понятіями о свободѣ, не привычной ни къ строгому порядку, ни къ подчиненности. Графъ Ауэрсбергъ, не слишкомъ довѣряя настроенію своихъ солдатъ, покинулъ свои прежнія стоянки, которыя тотчасъ же были заняты студентскимъ легіономъ, и присоединился къ Еллаичу (12 окт. 1848). Вскоръ подошелъ къ Вѣнѣ съ

большою силою и князь Виндишъ-Грецъ (20 окт.), котораго императоръ назначилъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ, за исключеніемъ италійскихъ, и далъ ему неограниченное полномочіе наказать мятежную столицу. Предшествовавшая ему императорская прокламація старалась успокоить взволнованные умы народа и отклонить его отъ участія въ мятежѣ, удостовѣряя, что дарованныя ему права и льготы останутся неприкосновенными, обѣщанная конституція будетъ непременно приведена къ концу и законъ объ отиѣнѣ барщинъ и десятинъ осуществится на самомъ дѣлѣ; военныя же мѣры должны быть примѣнены только въ той степени, въ какой это окажется необходимымъ для возстановленія спокойствія и безопасности, для охраны всѣхъ вѣрныхъ гражданъ, равно какъ и для поддержки достоинства конституціоннаго престола. Разсудительная часть вѣнскаго населенія охотно покорила бы заблаговременно, особенно видя колебаніе венгерской арміи, которая то медлила нерѣшительно на одномъ мѣстѣ; то дѣлала понятныя движенія, что отнюдь не обѣщало энергической помощи; но революціонный духъ уже слишкомъ овладѣлъ умами, направленіе всего хода дѣлъ уже слишкомъ зависѣло отъ крайней партіи, такъ что уступки и переговоры стали невозможны. Бѣгство казалось еще единственнымъ средствомъ спасенія, и многіе обыватели, въ томъ числѣ и члены сейма, поспѣшили имъ воспользоваться, пока терроризмъ внутри города или военное обложеніе извнѣ не преградили и этой дороги.

§ 865. Паденіе Вѣны. Пожалованный въ фельдмаршалы князь Виндишъ-Грецъ принималъ уже всѣ мѣры для полного обложенія столицы. Прокламація къ «жителямъ Вѣны», объявлявшая въ осадномъ положеніи весь городъ, предмѣстья и окрестности, подчинявшая всѣ гражданскія начальства военнымъ властямъ и грозившая военнымъ судомъ всѣмъ нарушителямъ этихъ постановленій, доказывала самую энергичностью своихъ словъ страшную серьезность замысловъ этого желѣзнаго человѣка. «Городъ вашъ—говорилось въ ней—запятнанъ злодѣйствами, которыя ужасають сердце каждаго честнаго человѣка. Онъ и теперь еще въ рукахъ малочисленной, но дерзкой крамолы, не отступающей ни передъ какимъ гнуснымъ дѣломъ. Ваша жизнь, ваша ответственность отдана на произволъ горсти злодѣевъ. Образумьтесь, послушайте призыву долга и разсудка!» Это воззваніе, которое не смотря на самую бдительную предосторожность, прибито было на многихъ уличныхъ углахъ, снова пробудило ярость мятежниковъ, особенно молодыхъ университетскихъ воиновъ, которые не задолго передъ тѣмъ приведены

были въ крайнее волненіе и распалены непримиримой местию открытіемъ трупъ одного студента, варварски избитаго и страшно изувѣченнаго. Переговоры послѣ этого не могли имѣть никакого успѣха; и сколько ни старались уладить дѣло городской совѣтъ, остававшіеся на лицо члены сейма и комиссары франкфуртскаго національнаго собранія, условія, поставленныя 23 октября строгимъ полководцемъ, были такъ грозны и тяжелы, что въ городѣ ихъ рѣшительно отвергли. Въ нихъ требовалась между прочимъ выдача многихъ лицъ, которыхъ предоставляли себѣ ближе обозначить впослѣдствіи, а допустить это требованіе было все равно, что повѣсить мечъ Дамокла надъ головами всѣхъ демократовъ. Рѣшеніе вопроса зависѣло теперь отъ оружія; мечъ возстанія расходился такъ сильно, что пришлось наконецъ совѣтъ отбросить и забыть ножны. По этому военныя силы были съ обѣихъ сторонъ напряжены до крайности. Бемъ, Мессенгаузеръ и Феннебергъ управляли мѣрами обороны; главный демократическій комитетъ составилъ двѣ вольныя дружины, подвижную гвардію и отборный отрядъ, которые бились на самомъ передовомъ постѣ и въ которыхъ несли службу многіе литераторы, между прочимъ и члены франкфуртскаго парламента Робертъ Блумъ и Юлій Фрѣбель; террористическія мѣры, предписанныя противъ демократовъ извнѣ, внутри города приняты были противъ умѣренныхъ и реакціонеровъ. Нападенія и вылазки, повторявшіяся каждый день, своимъ кровавымъ исходомъ усиливали съ обѣихъ сторонъ ярость и жажду мести. Пожары, всякій вечеръ облагривъ ночное небо своимъ зловѣщимъ заревомъ, представляли страшное зрѣлище толпамъ, боязливо слѣдившимъ за ними изъ-дали. Болѣе недѣли длился кровопролитный бой день и ночь съ величайшимъ ожесточеніемъ. Университетскій легіонъ, рабочіе, національная гвардія, вольныя дружины оспаривали каждую пядень земли; стѣны и завалы вознаграждали для нихъ недостатокъ военного искусства. Раздраженіе солдатъ росло вмѣстѣ съ сопротивленіемъ; полкъ Латура, покрывшій флеромъ свои знамена, особенно желалъ отмстить за смерть генерала. Всего жарче завязался бой 28 и 29 октября; наружныя укрѣпленія и предметъ были уже взяты, у инсургентовъ оказался недостатокъ въ продовольствіи и военныхъ припасахъ; городъ нельзя было долѣе отстаивать, дальнѣйшее сопротивленіе угрожало только горшею бѣдой. Городской совѣтъ, остававшійся теперь единственною законною властью, такъ какъ сеймъ по приказанію императора былъ закрытъ и созванъ къ 15 ноября въ моравскій городокъ

Кремзиръ;—совѣтъ рѣшился наконецъ сдать городъ на волю побѣдителя. Вечеромъ начали уже свозить оружіе, а 30 октября войска подступили со всехъ сторонъ къ гласису. Тогда, около 2 часовъ, сторожъ на Стефановской башнѣ вдругъ замѣтилъ пороховой дымъ со стороны венгерской границы. Бѣглымъ огнемъ разлилась по улицамъ радостная вѣсть: «Идутъ Венгры!» и снова пробудила мужество. Договоръ былъ нарушенъ; сложенные ружья опять расхватили изъ цейгхаузовъ; на валахъ разставили пушки и начали опять дѣлать вылазки. Городъ былъ совершенно въ рукахъ пролетаріевъ и отчаянныхъ ватагъ вольныхъ дружинъ. Однакожь инсургенты обманулись въ своей надеждѣ. Венгры дѣйствительно приближались къ городу, но ихъ войско, состоявшее большею частью изъ наско-ро собранныхъ молодыхъ ополченцевъ, было отбито съ большимъ урономъ на Швехатъ Кроатами и австрійскою силой и принуждено быстро отступить къ Пресбургу. Съ сугубой яростью ринулись теперь на столицу солдаты, раздраженные вѣроломствомъ противниковъ. Отпоръ былъ слабъ и непродолжителенъ. Войска, съ помощію самой національной гвардіи, приведенной въ ужасъ своевољствомъ пролетаріевъ, проникли на Стефановскую площадь и во дворъ военнаго министерства; фонарный столбъ, на которомъ висѣлъ трупъ Латура, былъ опрокинутъ съ воплемъ негодованія и разбитъ въ куски. Университетъ опустѣлъ; ка лабрезокъ¹ какъ не бывало. Вѣна представляла картину ужаса и скорби. Въ большей части улицъ дома были избиты ядрами, въ предмѣстьяхъ выгорѣли цѣлые ряды домовъ, въ тысячи мѣстахъ валялись трупы и стояли лужи крови; вездѣ женщины и дѣти отыскивали мужей и отцовъ, и тутъ же рыскали Кроаты, о томъ только и думая, какъ бы чѣмъ поживиться при столь удобномъ случаѣ. 2 ноября вступилъ въ городъ Еллачичъ, а Виндишъ-Грецъ изъ своей главной квартиры въ Гендендорфъ уже прежде объявилъ Вѣну въ строжайшемъ военномъ положеніи. Теперь началось желѣзное господство сабли. Городъ былъ тщательно оцѣплѣнъ, жители обезоружены, обысканы все улицы и дома, все тюрьмы наполнились виновными и подозрительными. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль вѣсти о военныхъ судахъ, оканчивавшихся «порохомъ и свинцомъ», волновали сердца германскаго народа. Мессенгаузеръ, который настоятельно увѣщевалъ не возобновлять военныхъ дѣйствій, и многіе другіе нашли кро-

¹ Широкополая шляпа по казабрійскому образцу, носимая тогда демократами.

вавую смерть въ борьбѣ съ побѣдоносною арміею; даровитый музыкантъ Альфредъ Юлій Бехеръ и молодой Германъ Йеллинекъ заплатили жизнью за революціонное направленіе своего журнала «Радикаль»; но ярость и негодованіе демократовъ всего болѣе возбудила казнь разстрѣлиаго Роберта Блума, вождя лѣвой стороны во Франкфуртѣ. Родясь въ низшемъ пролетаріатѣ и выросши среди лишеній и нуждъ, онъ явился поборникомъ религіозной и политической свободы въ крайнемъ ея выраженіи и теперь принесть ей въ недобровольную жертву свою жизнь. Незванный ринулся онъ въ лихорадочную дѣятельность австрійской столицы, показалъ силу своего краснорѣчія въ студенческомъ кругу, отважно дрался въ рядахъ такъ называемаго образцоваго отряда, а когда его зрестовали и потомъ предали суду, онъ горделиво полагался на свое званіе парламентскаго члена. Онъ не подумалъ о мудрой пословицѣ: «Кто ищетъ опасности, тотъ отъ нея не уйдетъ». Смерть его должна была служить острасткою для всѣхъ подобныхъ стремленій; оттого-то «тризна по Блуму» сдѣлалась лозунгомъ для цѣлой партіи, и щедрое пособіе, данное его женѣ и дѣтямъ, показало ясно, какое значеніе имѣлъ этотъ человѣкъ для демократовъ и республиканцевъ и какъ озадачила ихъ его казнь. Не столь значительный товарищъ и единомышленникъ его Юлій Фрѣбель, послѣ томительнаго колебанія между жизнью и смертью, былъ черезъ нѣсколько дней освобожденъ. Бемъ, Феннеръ фонъ-Феннебергъ и демократическій ораторъ, докторъ Шютте, среди многихъ опасностей и приключеній, успѣли спастись бѣгствомъ. Первый отправился въ Венгрію, гдѣ онъ составилъ польскій легіонъ. — Редакторъ радикальной газеты «Конституція», учредитель и начальникъ «образцоваго отряда», Гаукъ, попалъ въ руки Австрійцевъ уже послѣ венгерскаго разгрома, и хотя позже, но все таки былъ разстрѣлянъ, какъ преступникъ.

§ 866. Франкфуртское собраніе по австрійскому вопросу. Первые извѣстія объ октябрьскомъ движеніи въ Вѣнѣ застали франкфуртскій парламентъ за обсужденіемъ имперской конституціи. Сколько умѣренная партія ни настаивала на ускореніи этого главнаго для нея дѣла, прибой текущихъ событій такъ сильно ударялъ во врата Павловской церкви, что вопросъ объ отношеніи германской центральной власти къ повороту дѣла въ Вѣнѣ не могъ не выступить на первый планъ. Хотя собраніе и на этотъ разъ воспротивилось напору лѣвой стороны, которая хотѣла видѣть въ вѣнскомъ возстаніи дѣло всего народа про-

тивъ враждебнаго негерманскаго правительства и требовала отъ имперскихъ властей во Франкфуртѣ, чтобы онѣ помогли движенію и, въ случаѣ нужды, силою принудили Австрію отозвать всѣ негерманскія войска; хотя парламентъ упорно держался пути степеннаго и спокойнаго обсужденія; однакожь общественный голосъ такъ громко требовалъ дѣятельнаго участія національныхъ представителей въ этой грозной борьбѣ, что нельзя было оставить его безъ вниманія. Пришлось отправить двухъ комиссаровъ, Моссли и Велькера, одного въ Ольмюцъ, другаго въ станъ императорскаго полководца, съ самымъ настоятельнымъ порученіемъ «стараться о поддержаніи вѣса центральной власти, о защитѣ германскихъ интересовъ въ Австріи, о мирномъ безкровномъ окончаніи тамошнихъ смутъ и объ охраненіи правъ и вольностей, уступленныхъ австрійскимъ народамъ въ мартѣ и маѣ». Когда же всѣ попытки посредничества въ Ольмюцѣ оскользнулись о гладь этикетовъ императорскаго двора, а такія же попытки въ Вѣнѣ были отринуты фельдмаршаломъ, вполне сознававшимъ свою силу, тогда собраніе почло нужнымъ смягчить негодованіе лѣвой стороны за смерть вождя ея, Блума, по крайней мѣрѣ тою уступкою, что не вполне отвергло предложеніе о совершеніи «тризны» по Робертѣ Блумѣ, хотя и не придадо этому печальному торжеству предполагавшейся для него великолѣпной театральной обстановки, которая должна была увлечь національный парламентъ на путь явной «демонстраціи». Эти происшествія выдвинули на первый планъ парламентскихъ преній вопросъ о будущемъ отношеніи Австріи къ германскому «союзному государству». Чѣмъ сомнительнѣе становилось безусловное подчиненіе австрійскаго правительства опредѣленіямъ національнаго собранія во Франкфуртѣ, тѣмъ болѣе безусловные сторонники государственнаго единства Германіи въ монархико-конституціонной формѣ настаивали на полномъ разъясненіи политическихъ отношеній обѣихъ державъ. Поэтому вскорѣ выяснились при совѣщаніяхъ три слѣдующія возможности: 1) Австрія разложится на свои составныя части по племенамъ; тогда нѣмецко-австрійскія земли отойдутъ къ германской имперіи и подчинятся ея общей конституціи. 2) Австрія сохранитъ свою историческую цѣлость и значеніе; тогда нѣмецкая часть Австріи должна отдѣлиться отъ германскаго союзнаго государства. 3) Германское союзное государство и Австрійская монархія въ цѣломъ ея составѣ сольются прочнымъ союзомъ въ одну великую среднеевропейскую державу. Помимо этихъ трехъ главныхъ направленій, возникали еще разныя посредствующія предложенія, которыя, опираясь на фактическую

точку зрѣнія, имѣли въ виду или оставить взаимныя отношенія на время еще неопредѣленными, или устроить для Австріи исключительное положеніе путемъ нѣкоторыхъ заранее выговоренныхъ условій. Противъ отдѣленія отъ Австріи нѣмецкихъ земель говорило основательное опасеніе, что тогда нѣмецкія ея области станутъ болѣе и болѣе чужды германскому элементу и въ такомъ случаѣ уже совершенно подчинятся вліянію Россіи; противъ соединенія съ Германіей всей вообще австрійской державы возставало понятіе о естественномъ строѣ государства и чувство невозможности здороваго политическаго организма при подобныхъ условіяхъ. Поэтому планъ мирнаго разясненія и установленія взаимныхъ отношеній казался одинъ только удобоисполнимымъ, и этой-то мысли Генрихъ фонъ-Гагернъ сообщилъ болѣе опредѣленный видъ и болѣе мягкое, уклончивое выраженіе.

§ 867. Тѣснѣйшій и обширнѣйшій союзъ. Исходя отъ той мысли, что нѣмецкій элементъ въ Австріи все же самый вліятельный ¹ и что разорвать государственную связь между нѣмецкими и другими областями Австрійской имперіи столько же противно національнымъ интересамъ Германіи, какъ и «юридически невозможно» для самой Австріи, Гагернъ старался привести къ такимъ отношеніямъ, въ силу которыхъ «вся неавстрійская Германія слилась бы крѣпко въ одно союзное государство, съ тѣмъ, чтобы Австрія, которая по своимъ нѣмецкимъ областямъ, не можетъ участвовать въ этомъ тѣснѣйшемъ союзѣ, все-таки состояла бы въ иной, но близкой же связи съ остальною Германіей». Эту связь находилъ онъ въ общности матеріальныхъ интересовъ, и потому предложеніе его составлено было такъ: «Австрія, по уваженію къ ея государственной связи съ нѣмецкими землями, пребываетъ въ вѣчномъ и неразрывномъ союзѣ съ остальною Германіей. Органическія постановленія этого союза, требуемыя измѣнившимися обстоятельствами, войдутъ въ составъ особаго союзнаго акта.» Такимъ образомъ здѣсь предполагалось двоякое союзное отношеніе, — собственно-германское союзное государство и австрійско-германскій союзъ съ общими торговыми интересами и одинакою таможенною системою. Дальнѣйшія пренія объ этомъ жизненномъ вопросѣ германскаго устройства отсрочены по желанію Гагерна до вторичнаго чтенія проекта, чтобы дать централь-

¹ Едва ли нужно говорить, что эта мысль была кореннымъ заблужденіемъ и самой австрійской подпитки. Франкфуртскій парламентъ не смогъ возвыситься на болѣе безпристрастную точку зрѣнія, хотя истины трудно было не видѣть и тогда.

ной власти время спросить Австрію о томъ, какъ думаетъ она держать себя относительно Германіи. Запроса этого однакожь сдѣлано не было, потому что глава франкфуртскаго министерства, Шмерлингъ, которому интересы родной Австріи ближе лежали къ сердцу, чѣмъ благоуспѣшное развитіе союзно-германскаго государства, предпочелъ оставить эти отношенія на нѣкоторое время неопредѣленными. Чтобы оттянуть дѣло, онъ прикрылъ его завѣсою дипломатической бережности и коварной политики, давалъ неопредѣленные отвѣты и старался или не допускать подъ всеми возможными предлогами тѣ предложенія и запросы, которые имѣли въ виду полное разъясненіе дѣла, или ловко отстранять ихъ, когда, не смотря на то, они все-таки появлялись. Шмерлингъ продолжалъ дѣйствовать такимъ образомъ даже и тогда, когда новое австрійское министерство Шварценберга 27 ноября представило Кремзирскому сейму свою программу, принятую съ громкимъ одобреніемъ, и опредѣлило въ ней свою точку зрѣнія на германскій вопросъ, повидимому согласимую съ планомъ Гагерна. Въ этой программѣ рѣшительно отвергается «раздробленіе монархіи» и ясно высказана мысль, что слѣдуетъ обождать естественнаго развитія еще не совершившагося процесса пересозданія обоихъ государствъ и что тогда лишь можно будетъ политически опредѣлить взаимныя ихъ отношенія, когда обновленная Австрія и обновленная Германія достигнутъ новыхъ и прочныхъ формъ государственнаго быта. Не терпя помѣхъ въ отдѣльномъ устроеніи своей собственной монархіи, Австрійское правительство не хотѣло повидимому мѣшать и переустройству союзно-германской державы. Но дѣло германской конституціи не могло завершиться до тѣхъ поръ, пока не пришли въ порядокъ дѣла Австріи, потому что вопросъ о верховномъ главѣ имперіи зависѣлъ отъ того, останется ли эта великая держава въ германскомъ союзѣ или выйдетъ изъ его состава. Въ первомъ случаѣ, неудобно было поставить надъ Германіей одного главу, а слѣдовало предпочесть директорію изъ трехъ государей; въ последнемъ же, казалось естественнымъ, чтобъ владыка сильнѣйшей изъ чисто-германскихъ державъ сталъ и во главѣ союзнаго государства. Такимъ образомъ австрійскій вопросъ явился новымъ источникомъ раздѣленія партій во франкфуртскомъ парламентѣ, и чѣмъ ближе подвигалась къ концу конституція, тѣмъ рѣзче выступала сильная рознь, племенная и религіозная двойственность Австріи и Германіи. Поборники государства съ ясно-конституціонными формами, въ которомъ благоустроенная свобода внутри сочетавалась бы съ сильною исполнительною

властью по дѣламъ внѣшнимъ, старались избавить Германію отъ австрійскаго преобладанія и тѣмъ же связать ее съ Пруссіей, приступавшей къ союзу со всѣми своими владѣніями, — связать притомъ въ такомъ смыслѣ, чтобы Пруссіи не только принадлежала «гегемонія», но чтобы верховнымъ главою Германіи и Пруссіи было непременно одно и то же лицо, и чтобы положеніе и могущество последней обращалось на пользу союзно-германскому государству. Это стремленіе, обнаружившееся во всей своей послѣдовательности и ясности только лишь постепенно, встрѣтило себѣ множество противниковъ. Не только австрійскимъ депутатамъ былъ вовсе не по душѣ такой планъ, который исключалъ ихъ самихъ и 13 милліоновъ Нѣмцевъ изъ будущей имперіи, но сверхъ-того депутаты Баваріи и всѣхъ почти южно-германскихъ государствъ, отчасти изъ религіозныхъ опасеній, отчасти изъ партикуляризма и нерасположенія къ Пруссіи, упорствовали противъ такого предпочтенія сѣверу, а вся лѣвая сторона враждебно стала къ государственной формѣ, столь далекой отъ ея республиканскихъ идеаловъ и притомъ отстаиваемой человѣкомъ, ненавистнымъ ей въ качествѣ главнаго ея врага и измѣнника тому самому дѣлу «свободы», за которое онъ прежде ратовалъ и даже страдалъ. Такимъ образомъ австрійскій вопросъ произвелъ новую перестановку партій; изъ большинства, которое до тѣхъ соединялъ вокругъ себя Гагернъ, выбыли многіе, въ томъ числѣ Велькеръ и авторъ ученой книги о жизни Лютера, Юргенсъ. Они назвались великогерманскою партіей и тѣмъ самымъ навязали своимъ противникамъ несправедливое прозвище малогерманцевъ, съ которымъ соединялся втайнѣ презрительный намекъ. Удаленіе Шмерлинга, котораго политическіе извороты и дипломатическія хитрости не дѣйствовали болѣе на національное собраніе, возбуждѣвъ въ немъ недовѣрчивость, и назначеніе первымъ министромъ Генриха фонъ-Гагерна составили знаменательный періодъ въ жизнедѣятельности Франкфуртскихъ властей. Депутатъ Симсонъ изъ Кёнигсберга сталъ достойнымъ и способнымъ преемникомъ Гагерна въ парламентскомъ президентствѣ. «Великогерманская» партія, состоя изъ самыхъ разнородныхъ стихій и далеко расходясь между собою въ большей части остальныхъ вопросовъ, благодаря ловкости Шмерлинга поддерживалась во вседашней оппозиціи Гагернову плану. Впослѣдствіи она создала себѣ особый органъ во «Франкфуртской газетѣ», носившей въ видѣ эпиграфа заключительный стихъ Арндтовой пѣсни: «Германія вся дѣлкомъ!» Сборнымъ мѣстомъ служило для нея «Парижское подворье».

§ 868. Министерская программа Гагерна. Гагернъ не обладалъ дипломатической ловкостью своего предмѣстника, котораго однажды, въ минуту увлеченія, онъ назвалъ своимъ «другомъ» и который сталъ теперь опаснѣйшимъ его противникомъ. Но гдѣ служило знаменемъ его имя, тамъ всегда собиралось много благородныхъ силъ. Его значительная личность, прямой и открытый нравъ, его неоспоримая любовь къ отечеству, его крѣпкая, нѣмецкая натура и его чистое стремленіе, поддерживаемое истиннымъ одушевленіемъ, привязывали къ нему всѣхъ, кто ни сближался съ этимъ человекомъ. Съ обычной откровенностью выставилъ онъ тотчасъ же въ своей программѣ (18 дек. 1848) австрійскій вопросъ жизненнымъ вопросомъ своей министерской дѣятельности: не допуская Австріи въ составъ предполагаемаго союзно-германскаго государства, онъ хотѣлъ установить между обѣими имперіями только тѣсную связь уніи, къ чему должны были вести дипломатическіе переговоры черезъ пословъ, не простирающіеся однакожь на вопросъ о конституціи союзно-германской державы. Но когда онъ сталъ испрашивать у собранія полномочій на эти переговоры, его встрѣтило сильное сопротивленіе. Одинъ изъ членовъ лѣвой стороны (Венедей) повелъ рѣчь объ «изверженіи» Австріи, о такомъ «раздѣлѣ» германской земли, который ничѣмъ не уступитъ раздѣлу Польши. А чтобы упрекъ въ этомъ раздѣлѣ не палъ на Австрію, Шмерлингъ въ рождественскія вакаціи слеталъ въ Вѣну и въ Ольмюцъ и настоялъ тамъ на принятіи уже совсѣмъ не такихъ взглядовъ, какіе высказаны были министерскою программой въ Кремзирѣ. Назначенный австрійскимъ уполномоченнымъ при центральной власти, бывшій первый министръ Германіи заявилъ передъ своими вѣнскими избирателями въ замѣчательной рѣчи, что «высшимъ и важнѣйшимъ для себя въ жизни считаетъ онъ сохраненіе въ цѣлости австрійскаго государства», а послѣ новаго года возвратился во Франкфуртъ и подалъ ноту своего правительства, въ которой высказывалась мысль, что Гагернъ ложно толкуетъ кремзирскую программу. Не вдаваясь ни въ малѣйшее объясненіе насчетъ будущаго устройства Австріи, ольмюцское правительство рѣшительно оговаривало свое право вступить въ предполагаемый для Германіи государственный союзъ, отказывалось отъ чисто-дипломатическихъ сношеній черезъ посольства и наконецъ «поучало центральную власть, равно какъ и національное собраніе насчетъ того, что къ успѣшному рѣшенію вопроса о германскомъ устройствѣ можно прійти только путемъ соглашенія съ правительствами Германіи, между которыми императорское

занимаетъ конечно первое мѣсто». Впечатлѣніе, произведенное этою нотой и скрытными поступками Шмерлинга въ національномъ собраніи, было благопріятно для Гагернова плана и привлекло многихъ членовъ на его сторону. Указанный ею путь соглашенія оскорбилъ поборниковъ народной власти. Вслѣдъ затѣмъ самъ Гагернъ смягчилъ рѣзкость своей программы нѣкоторыми измѣненіями (5 янв. 1849), выставивъ исключеніе Австріи дѣломъ еще нерѣшеннымъ и давъ своему предложенію 18 декабря слѣдующій видъ: «да будетъ разрѣшено министерству, въ надлежащее время и надлежащимъ путемъ, вступить съ правительствомъ Австріи именемъ центральной власти въ переговоры, на счетъ отношеній австрійскаго государства къ Германіи». Эти, въ сущности неважныя, перемѣны примирили большинство парламента съ мыслию министра. Хотя коммиссія, назначенная рассмотреть новое предложеніе, отозвалась объ немъ большею частію неблагопріятно, и ловкій діалектикъ фонъ-Виденбургъ искусно обнаружилъ недостатки Гагернова плана; однакожь предостерегательныя слова Бекерата, чтобъ поджиданіемъ Австріи не загубить германскаго единства, сильная опора со стороны Финке и, особенно, примиряющая и убѣдительная рѣчь самого Гагерна доставили его предложенію побѣду (13 янв). Между тѣмъ идея національнаго единства, этотъ могучій дѣятель при государственномъ обновленіи Германіи, была въ противорѣчій съ Гагерновымъ планомъ, и какъ ни различны были побужденія его противниковъ, всѣ они опирались въ своей оппозиціи на одну эту патріотическую основу. Съ другой стороны, исторія германскаго народа въ теченіе столь многихъ злосчастныхъ лѣтъ не предостерегала ли самымъ настоятельнымъ образомъ, что здоровая, свободная и сильная государственная жизнь расцвѣтетъ для Германіи не прежде, какъ по избавленіи ея отъ неразрывной связи съ Австріей? И сколько ни старалась партія Гагерна сложить съ себя укоръ въ раздѣлъ Германіи, все же результатомъ ея стремленій былъ бы неизбежно раздѣлъ, еслибъ она успѣла достигнуть своей цѣли. Конечно, она жертвовала однимъ поврежденнымъ членомъ для того, чтобъ возвратитъ здоровье и придать новую жизненность всему остальному тѣлу.

§ 869. Имперская конституція Германіи. Между тѣмъ составленіе имперской конституціи близилося къ концу, и второе чтеніе «коренныхъ правъ» послѣдовало еще до исхода 1848 г. По нѣкоторымъ статьямъ допущено при этомъ болѣе умѣренное изложеніе; но отмѣна смертной казни и неопредѣленное положеніе, что «никто не обязанъ заяв-

лять своихъ религіозныхъ убѣжденій», были все таки уступкою лѣвой сторонѣ, стоявшей на почвѣ гуманизма и безграничной вольности. Не смотря на сопротивленіе сидѣвшей справа партіи полюбивной сдѣлки, которая приводила основательные доводы, остерегая отъ самовольнаго и отрывочнаго оглашенія этой части конституціи со стороны центральной власти, обнародованіе коренныхъ правъ было постановлено и 28 декабря приведено въ дѣйствіе чрезъ бюллетень имперскихъ законовъ (Reichsgesetzblatt). Объ отдѣльномъ оглашеніи особенно старалась лѣвая сторона. Такимъ же образомъ еще 24 ноября обнародованъ, въ видѣ имперскаго закона, «Германскій вексельный уставъ», и правительства приняли его почти безъ всякаго изъятія: развѣ не могло случиться того же и по поводу коренныхъ правъ? Эти права въ безчисленномъ множествѣ оттисковъ предложены были германскому народу, какъ подарокъ къ празднику Рождества; но нельзя было не предвидѣть, что, съ одной стороны, народъ жадно схватится за новыя права, столь обильныя дарами свободы, и вслѣдствіе того быть-можетъ пренебрежетъ потомъ консервативными придатками, которые получить въ общемъ составѣ конституціи, а съ другой стороны — правительства противопоставятъ признанію и введенію этихъ правъ разныя недоумѣнія и затрудненія. Последнее, какъ увидимъ, обнаружилось въ сильнѣйшей степени. — Что касается до конституціи въ собственномъ смыслѣ, то при учрежденіи новой имперской власти старались избѣгнуть какъ «средостремительнаго» направленія, имѣвшаго въ виду полное единство, такъ и «средобѣжнаго» партикуляризма, который снова привелъ бы къ слишкомъ слабому союзному отношенію; отдѣльными государствамъ обезпечивали ихъ самостоятельность и всѣ державныя права и преимущества, но старались въ то же время установить всеобщій государственный организмъ съ могучею имперскою властью, который былъ бы достойнымъ выраженіемъ политической жизнедѣятельности, и удовлетворить стремленію германскаго народа къ силѣ и единству. Непрочное, чисто-механическое сопоставленіе хотѣли замѣнить органически разчлененнымъ союзомъ, и надъ свободною дѣятельностью отдѣльныхъ державъ учредить господство высшаго порядка, какъ цѣль и норму общей дѣятельности. Поэтому имперской власти предоставлялись въ особенности:

- 1) Представительство во вѣшнихъ дѣлахъ черезъ посланниковъ и консуловъ и исключительное право вступать въ государственные договоры.
- 2) Военная власть и военное устройство; глава имперіи рѣшаетъ вопросы о мирѣ и войнѣ и распоряжается какъ сухопутною, такъ и

морскою силой отдѣльных государствъ, а равно и имперскими крѣпостями; почему обязательство въ вѣрности къ главѣ имперіи и къ имперской конституціи должно занимать первое мѣсто въ военной присягѣ. 3) Пріисканіе финансовыхъ средствъ, необходимыхъ для центрального управленія, для чего, кромѣ имперскихъ таможенныхъ доходовъ и опредѣленныхъ взносовъ отъ каждой державы, главѣ имперіи предоставлялось еще право налагать, по своему усмотрѣнію, особыя подати и заключать имперскіе займы. Въ видахъ государственнаго единства, вся германская земля обращалась въ одну таможенную и торговую территорию, и потому открытіе главныхъ путей сообщенія, освобожденіе германскихъ рѣкъ и верховное завѣдываніе желѣзными дорогами, почтами и т. д. предоставлялось имперской власти, равно какъ и забота о введеніи однообразной системы монетъ, вѣсовъ и мѣръ, о сохраненіи имперскаго мира, внутренней безопасности и порядка. — Учрежденіе верховнаго «имперскаго суда», который, стоя выше всѣхъ властей въ имперіи, долженъ былъ рѣшать споры между чинами и правительствами, между однимъ государствомъ и другимъ, между имперскою властью и каждымъ частнымъ правительствомъ, служило всему устройству на вѣчныя времена залогомъ правомѣрнаго порядка. — Среди великихъ парламентскихъ преній состоялись положенія объ «имперскомъ сеймѣ». Предложенія лѣвой стороны въ пользу однокамернаго устройства, этой, любезной всѣмъ радикаламъ теоріи, вскорѣ должны были уступить убѣдительнымъ доводамъ поборниковъ двухкамерной системы. Намѣреніе ввести въ законодательную власть стихію непостоянства и ничѣмъ несдерживаемой подвижности не могло устоять передъ началами здравой политики, имѣющей за себя и разумъ, и исторію, и опытъ ¹. Положили имѣть двойственное представительство: государственную палату (Staatenhaus), основанную на самобытности отдѣльныхъ державъ, которой члены должны назначаться по общему выбору правительствъ и сеймовъ и соответствовать числомъ объему представляемаго ими края, и народную палату (Volkshaus), которая, коренясь на почвѣ народнаго самодержавія, должна была служить представительницею и стражемъ національнаго единства и исходить изъ свободнаго выбора народа по особому избирательному закону;

¹ Здѣсь дѣло идетъ только о конституціи монархической; чтожь касается до чисто-демократическаго образа правленія, то двухкамерная система вовсе не представляется въ немъ необходимою.

для первой опредѣленъ былъ шестилѣтній, для второй — трехлѣтній періодъ обновленія. Законность палатскихъ рѣшеній обуславливалась участіемъ по крайней мѣрѣ половины установленнаго числа членовъ. Но если имперское правительство откажется исполнить постановление обѣихъ палатъ, то предоставить ли въ такомъ случаѣ главѣ имперіи право неограниченнаго или только отсрочивающаго запрета (безусловное или временное *vet o*)? Въ пользу первого выступилъ Дальманъ и, какъ некогда Мирабдо, ратовалъ за достоинство короны, которой блескъ падаетъ на самое государство; но сколько ни доказывали и онъ и его единомышленники, что истинно-конституціонный правитель конечно не станетъ пользоваться на дѣлѣ такимъ преимуществомъ, тогда какъ ограниченіе его въ этомъ отношеніи неизбѣжно умалитъ вѣсь короны, большинство пристало къ предложенію Фаллати допустить лишь отсрочивающее *veto* и выразило свое рѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ: «Когда на сеймѣ въ трехъ сряду періодахъ засѣданій состоится неизмѣнно одно и то же постановленіе, то, еслибъ и не послѣдовало на него согласія со стороны имперской власти, оно, съ исходомъ третьяго сейма, обращается въ положительный законъ».

Пренія о самомъ щекотливомъ вопросѣ германскаго устройства, именно — о главѣ имперіи, начались только въ январѣ 1849 г., послѣ того какъ національное собраніе приняло программу Гагерня относительно Австріи. Этимъ принятіемъ рѣшеніе вопроса двинулось значительно впередъ и самъ Гагернь уже высказалъ свое убѣжденіе, что слѣдуетъ имѣть «единого и наследственнаго правителя.» Если такимъ образомъ удалось отстранить Австрію отъ союзнно-германскаго государства, то не было уже никакого сомнѣнія, что во всей остальной многочисленной Германіи «центръ тяжести долженъ былъ упасть именно туда, гдѣ онъ находится въ самомъ дѣлѣ». Но къ окончательному рѣшенію не лзя было прійти до тѣхъ поръ, пока тянулись еще переговоры съ Австріей. По этому на первыхъ порахъ надо было удовольствоваться только тѣмъ, чтобъ отстранить всѣ воззрѣнія, противорѣчившія идеѣ «наслѣдственно-прусскаго императорства», и такимъ образомъ подготовить почву, на которой, при вторичномъ чтеніи проекта, это новое наслѣдственное императорство могло укорениться и приняться какъ вѣнецъ, замыкающій все зданіе конституціи. Возникали и обсуживались самыя разнообразныя предложенія; начиная отъ преобразованія и обновленія союзнаго сейма, какъ хотѣли староконсервативная партія и реакціонеры, до президенства, доступнаго

каждому совершенно-лѣтнему Германцу, чего добивались приверженцы республики, тянулся пестрый рядъ среднихъ предложеній, которыя, исходя отъ существующаго порядка дѣлъ, имѣли въ виду возложить управленіе имперіей на многихъ или на одного изъ царствующихъ государей, но сильно разногласили относительно формы, въ какой слѣдуетъ осуществить этотъ планъ. Одни настаивали на учрежденіи директоріи («государской думы») изъ бѣльшаго или мѣньшаго числа членовъ подъ посмѣннымъ предсѣдательствомъ Австріи и Пруссіи или возвращались къ прежней идеѣ о тройственномъ главенствѣ («тріадѣ») и при этомъ впадали въ двоякую несправедливость, приравнивая Баварію въ правахъ къ обѣимъ великимъ державамъ и такимъ образомъ противопоставляя двухъ главъ католическаго юга Германіи одному главѣ протестантскаго сѣвера. Такъ какъ въ этомъ коллегіальномъ имперскомъ управленіи преимущественно порицали отсутствіе быстрой, единодушной и энергической дѣятельности и «постоянной политики», то мало по малу утвердилось мнѣніе, что единый глава имѣетъ большія преимущества передъ многочисленнымъ составомъ власти; но какъ въ конституціонномъ комитетѣ, такъ и въ самомъ собраніи, мнѣнія крайне раздѣлились на счетъ того, должна ли верховная власть чередоваться въ кругу могущественнѣйшихъ династій, или верховный правитель будетъ избираться пожизненно или на опредѣленное число лѣтъ, или наконецъ слѣдуетъ учредить наследственное императорство. Не трудно было доказать изъ исторіи преимущество единой и наследственной власти передъ дробною или ослабленною выборомъ или смѣной; но примѣнима ли была эта теоретически-лучшая форма правленія къ многочисленному составу Германіи, на счетъ этого возникали уважительныя недоумѣнія. Но сколько ни возстало голосовъ противъ «романтической идеи» императорства, особенно защищаемой Дальманомъ и Безелеромъ; сколько ультрамонтанскій католицизмъ (въ лицѣ Э. фонъ-Ласд) ни протестовалъ противъ «исторической сентиментальности» подобнаго обновленія; сколько ни ратовали противъ такого исключительнаго предпочтенія одной державѣ партикуляризмъ различныхъ племенъ и странъ, а равно и страсть Баваріи къ «великодержавству»; какъ презрительно ни отзывались объ идеѣ искусственнаго оживленія императорства партіи лѣвой стороны и «велико германская» на «Парижскомъ подворьѣ», однакожь большинство собранія все-таки приняло параграфы конституціи о предоставленіи сана главы имперіи одному изъ царствующихъ германскихъ государей и о томъ,

чтобы онъ носилъ титулъ «императора Германцевъ» (23 янв. 1849); сначала не удалось лишь добиться требуемаго большинства относительно наследственности. — «Имперскій совѣтъ», поставленный проектомъ конституціи обокъ съ министерствомъ, въ качествѣ совѣщательной думы для охраненія интересовъ отдѣльныхъ державъ, признанъ былъ опаснымъ стѣсненіемъ для дѣятельности центральной власти и въ послѣдствіи совершенно устраненъ.

§ 870. Отношеніе Пруссіи и Австріи къ Франкфуртскому національному собранію и къ избирательному закону. 3 февраля 1849 г.: окончено первое чтеніе германской имперской конституціи, и теперь предстояло отозваться объ ней правительствамъ. Среднія и малыя державы изъявили свою готовность признать дѣло національнаго собранія, но королевства пока еще молчали. Между тѣмъ, въ рукахъ центральной власти была уже окружная нота прусскаго кабинета ко всѣмъ германскимъ правительствамъ, которая, хотя осторожно и умѣренно, однакожь повидимому одобряла планъ, предначертанный программой Гагерна. Въ ней давали понять, что желательно сохранить существующій германскій союзъ во всѣхъ его отношеніяхъ, но что жаждущему единства народу не слѣдуетъ перечить въ стремленіи, сомкнуться въ предѣлахъ союза въ болѣе тѣсную связь союзной государственности. Присвоенное собраніемъ самодержавное право хотя и не признавалось въ этой нотѣ, однакожь образъ его дѣйствій извинялся положеніемъ вещей. Чтобы предположенная въ первомъ чтеніи конституція могла достигнуть своей цѣли, нота приглашала всѣ германскія правительства препроводить на обсужденіе національнаго собранія свои объяснительные отзывы и такимъ образомъ прійти «путемъ соглашенія» къ одному общему результату. Въ заключеніе нота удостовѣряла, что Пруссія не ищетъ для себя никакого приращенія въ силѣ или достоинствѣ и приметъ предлагаемое положеніе только съ свободнаго согласія союзныхъ правительствъ; что учрежденіе новаго имперскаго сана не представляется необходимымъ Его Величеству королю, и что конечно можно бѣ было приискать другую форму, которая удовлетворила бы стремленіе Германцевъ къ истинному единству. По смыслу этой ноты, существовавшее доселѣ союзное отношеніе Германіи къ Австріи, а также къ Даніи и Нидерландамъ, должно было оставаться ненарушимымъ и служить основой для обширнѣйшаго союза, къ которому, въ видѣ нововведенія, привходитъ только тѣснѣйшій союзный совѣтъ. Замѣчательную противоположность съ этой по-

тою Пруссіи составляла австрійская, писанная 4 февраля. Она прямо протестуетъ противъ союзнаго государства, выставляя его въ видѣ «единительной центральной власти», отвергаетъ двойственное отношеніе тѣснаго и обширнаго союза и, въ неясныхъ выраженіяхъ, рисуешь для Германіи такую будущность, которая обѣщаетъ ей мало добра. «Императорскому правительству, говоритъ она, представляется Германія, твердая и могучая во вѣнскихъ дѣлахъ, а внутри сильная, свободная, органически-разчлененная и въ то же время единоподушная». Рубежи великой имперіи должны раздвинуться очень широко, такъ чтобы «на основаніяхъ, какія предложить императорское правительство, даже всѣ негерманскія его земли нашли въ ней свое мѣсто». Имѣлось стало быть въ виду громадное среднеевропейское государство съ 70 милліонами жителей, чуть не всѣхъ возможныхъ націй и племенъ! А въ заключеніе надо замѣтить, что императорское правительство, не видя возможности согласиться съ Пруссіей, отнынѣ «вознамѣрилось идти путемъ соглашенія съ Франкфуртомъ», тогда какъ въ то же самое время распространились слухи, что Австрія замышляетъ ни больше ни меньше, какъ отстранить совѣтъ и парламентъ, и меньшихъ государей, и согласиться съ одними королями Германіи на счетъ новаго союзнаго устройства! — Тѣмъ не менѣе «великогерманская» партія ревностно старалась о томъ, чтобы ниспровергнуть планъ наследственно-прускаго императорства и Гагерновъ проектъ конституціи. Гекшеръ, Велькеръ, Германъ мюнхенскій и нѣкоторые Австрійцы (Соммаруга, Вюртъ) составляли средоточіе этихъ стремленій. Собраніе, сходившееся подъ руководствомъ Велькера въ Майнлуствъ, гдѣ участвовали и члены лѣвой стороны, имѣло въ виду совокупить всѣхъ противниковъ Гагернова плана въ одну крѣпко-связанную партію и измѣнить проектъ конституціи такимъ образомъ, чтобы онъ сталъ удобопріемлемъ для всѣхъ германскихъ правительствъ. Противъ нихъ въ свою очередь соединились «императорцы» для поддержки параграфовъ конституціи, которымъ грозила опасность, и образовали такъ называемую «Вейденбушскую партію». Последніе требовали вторичнаго прочтенія проекта; но «великогерманцы», которымъ хотѣлось выиграть время, настояли, чтобы напередъ обсужденъ былъ «законъ о выборахъ». Этотъ законъ, какъ обнаружилось изъ перваго же чтенія, явился «ахилловою пятой» національнаго собранія, почему значительное число членовъ (194) тотчасъ и выступило противъ него съ протестаціей. Благодаря неестественному союзу «великогерманцевъ»

съ людьми лѣвой стороны, состоялся такой законъ, который, коренясь на революціонной почвѣ, прямо противорѣчилъ направленію, какого парламентъ держался до тѣхъ поръ. Такъ какъ многіе, впрочемъ консервативные, члены не захотѣли стѣснить тотъ порядокъ выборовъ, который для нихъ самихъ открылъ двери собранія, то право «всеобщаго избирательства», основанное на началѣ свободы и равенства, нашло себѣ многихъ поборниковъ съ самаго начала; а противники этого широкаго права не могли согласиться между собою на счетъ ограниченія его имущественнымъ цензомъ или тѣмъ правиломъ, что оно должно принадлежать только «самостоятельнымъ гражданамъ», и вслѣдствіе того, при отобраніи голосовъ по этому вопросу, не только принято всеобщее избирательное право, для каждаго не лишеннаго чести Нѣмца, достигшаго 25-лѣтняго возраста, но сверхъ-того отринуть употребительный доселѣ косвенный и гласный способъ выбора и замѣнить имъ явными ярлычками безъ подписи (тайною баллотировкой). Этимъ избирательнымъ закономъ, составленнымъ на самомъ широкомъ демократическомъ основаніи, собраніе утратило много вѣса и значенія въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые изъ исторіи и опыта почерпнули глубокое убѣжденіе, что сильное и послѣдовательное въ дѣйствіяхъ правительство невозможно при всеобщей подачѣ голосовъ. Этотъ шагъ далъ противникамъ твердую точку опоры для нападенія на все зданіе конституціи.

§ 871. Завершеніе имперской конституціи. Въ февралѣ и мартѣ 1849 г. національное собраніе раздѣлилось болѣе чѣмъ когда-нибудь, и мало было надежды на удовлетворительное окончаніе предпринятаго имъ дѣла. Австрійско-баварская правая сторона, настаивавшая на включеніи въ Германскій союзъ Австріи и для этого предоставлявшая верховно-союзную власть семичленной директоріи, подъ предсѣдательствомъ «имперскаго намѣстника», требуя вмѣстѣ съ тѣмъ разныхъ измѣненій въ конституціи, — находилась въ рѣшительной оппозиціи съ наслѣдственно-императорскою партіей, собиравшеюся въ Вейденбушѣ. «Лѣвая сторона» воспользовалась этимъ раздоромъ для достиженія своихъ цѣлей, выговаривая себѣ уступки каждый разъ, когда она оказывала помощь той или другой соперничающей партіи, — безпривѣтное отношеніе, которое подрывало моральную силу парламента и давало сильное оружіе его противникамъ. Напрасно кроткія и миролюбивыя натуры старались устранить раздоръ указаніемъ на общее благо отечества; напрасно полный высокихъ чувствъ Риссеръ, изъ Гамбурга, порицалъ въ благородномъ негодованіи весь позоръ «нечис-

тыхъ коалицій», — партіи шли на перерѣзъ одна другой и ни которая не хотѣла думать объ уступкахъ. Безуспѣшна осталась и новая попытка Гекшера, Германа и Соммаруги въ Ольмюцѣ! Тогда-то вѣсть, что Кремзирскій сеймъ распущенъ, и австрійское правительство самовластно даровало конституцію своимъ подданнымъ (§ 872), вдругъ дала новый оборотъ дѣламъ. Не заботясь о Германіи, эта конституція соединяла всѣ области монархіи въ одну неделимую и неразрывную державу; въ ней не говорилось ничего о какомъ бы то ни было исключеніи въ пользу германскихъ частей новаго конституціоннаго государства; ни гдѣ ни слова о какомъ-нибудь подчиненіи или приношеніи къ общей имперской конституціи! И мало этого: особая нота требовала включенія всей совокупной Австріи въ германскій союзъ и предлагала въ видѣ центральной власти семичленную директорію, подъ всегдашнимъ предсѣдательствомъ Австріи; директорія, вмѣстѣ съ государственною палатой, но безъ «народной палаты», которая только будто затруднила бы ходъ дѣлъ, должна была совѣщаться объ общихъ интересахъ и имѣть ихъ въ своемъ полномъ завѣдываніи. Эта рѣшительная мѣра Австріи произвела во Франкфуртѣ сильнѣйшее впечатлѣніе. Ольмюцское правительство очевидно бросило перчатку національному парламенту и, совокупивъ различныя части своей державы въ одну конституціонную имперію, хотѣло помѣшать въ подобномъ же дѣлѣ представителямъ всѣхъ германскихъ владѣній. Впечатлѣніе это прежде всѣхъ словесно выразилъ Велькеръ; 12 марта онъ неожиданно выступилъ въ собраніи съ цѣлымъ рядомъ предложеній, стараясь склонить его къ тому, «чтобы однимъ общимъ постановленіемъ разомъ принять всю имперскую конституцію, въ томъ видѣ, какой данъ ей конституціонною комиссіей послѣ перваго чтенія и по соображеніи первоначальнаго проекта съ желаніями правительствъ; чтобы наследственный императорскій санъ предоставить королю Прусскому, и обратиться къ великодушію и патріотизму всѣхъ германскихъ государей, да согласятся они на это опредѣленіе и да содѣйствуютъ осуществленію его по мѣрѣ силъ». Съ изумленіемъ выслушали рѣчь, свидѣтельствовавшую о столь рѣшительной перемѣнѣ мыслей, и когда онъ заключилъ ее восклицаніемъ: «Отечество въ опасности, его надобно спасти!» — многіе были потрясены и увлечены одушевлявшимъ его чувствомъ. Но время патріотическихъ восторговъ и пылкой преданности, на которые рассчитывалъ ораторъ, давно уже прошло; холодный расчетъ партій и мертвая неподатливость въ началахъ помѣшали успѣху этого втораго «смѣлаго

шага» (напоминавшаго Гагерновъ). Когда, спустя нѣсколько дней, предложенія Велькера, рассмотрѣнные и въ сущности одобренные парламентскою комиссіей, пущены были на голоса, они не были приняты — къ изумленію даже тѣхъ самыхъ лицъ, которыя подали противъ нихъ свой голосъ. Надѣялись, что австрійскіе депутаты выйдутъ изъ собранія или воздержатся отъ баллотировки; но только двое изъ нихъ обнаружили на столько деликатности, а лѣвая сторона предлагала свою помощь на такихъ условіяхъ, которыхъ «императорская» партія не могла съ честію принять. Уныніе и смущеніе этой партіи были велики. При господствующемъ раздраженіи и при крѣпкомъ союзѣ «директоріаловъ» съ лѣвой стороной, рѣшеніе вопроса о главѣ имперіи и окончаніе конституціоннаго дѣла казалось совершенно невозможнымъ. О добровольномъ удаленіи Австрійцевъ нечего было и помышлять; носились даже слухи объ усиленіи ихъ партіи дальнѣйшими выборами. Протестъ противъ дачи ими голосовъ, какъ предлагали это нѣкоторые, не имѣлъ никакихъ правомѣрныхъ основаній и потому остался безъ исполненія. Императорскую партію утѣшило одно: — противники ея были довольно единодушны и сильны для разрушенія чужаго плана, но провести свой собственный они оказались неможны. Предложеніе Гекшера объ устройствѣ директоріальной власти не прошло. Это снова ободрило «императорцевъ»; они жадно схватились за предложеніе одного изъ членовъ лѣвой стороны (Эйзенштука), ускорить вторымъ прочтеніемъ конституціи безъ всякихъ преній, думая, что они исподволь добьются того же самаго, на что посягнули прежде за одинъ разъ. Но не безъ обидъ и тяжкихъ жертвованій достигли они своей цѣли. Они должны были уступить лѣвой сторонѣ введеніе «отсрочивающаго veto»; право безусловнаго возраженія со стороны власти отвергнуто было даже и по вопросу о перемѣнахъ конституціи; этого мало, — они вынуждены были подать голосъ даже за крайне-демократическій «избирательный законъ» въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ перваго чтенія. Но этимъ они исказили все свое сооруженіе. Въ достопамятномъ засѣданіи 27 марта наслѣдственность сана имперскаго главы пріобрѣла большинство четырехъ голосовъ въ свою пользу, при чемъ постановлено, что онъ долженъ носить титулъ «императора Германцевъ», и, разумѣется, прямымъ слѣдствіемъ этой мѣры было состоявшееся на другой же день рѣшеніе о томъ, что императорскій санъ предоставляется королю Прусскому. Но конституція, въ своемъ новомъ видѣ, не представляла уже ничего цѣльнаго; единство центральной власти, за-

воеванное съ такимъ трудомъ, было ослаблено и парализовано уступками лѣвой сторонѣ; и ничтожное большинство, оказавшееся въ его пользу, не дозволяло принять этотъ приговоръ за выраженіе общей національной воли, сколько наследственно-императорская партія ни представляла на видъ то обстоятельство, что слишкомъ сто отрицательныхъ голосовъ было подано при этомъ австрійскими депутатами, хотя участіе ихъ въ дѣлѣ конституціи, которая по ходу текущихъ обстоятельствъ немогла уже нисколько примѣняться къ Австріи, въ сущности не имѣло законныхъ основаній.

§ 872. Ольмюцъ и Кремзиръ. Пока Франкфуртъ страдалъ въ родовыхъ боляхъ, разрѣшаясь конституціей, обѣ великія державы Германіи успѣли прійти въ себя отъ ошеломившаго ихъ удара. Обѣ однакожь сознавали необходимость преобразованія государственной жизни согласно съ требованіемъ общественнаго мнѣнія, обѣ видѣли, что «полицейскому государству» и «владычеству чиновниковъ» не устоять передъ духомъ времени, и что неизбежно дать соответственные формы стремленію къ свободѣ, одушевляющему всякій образованный народъ. Поэтому обѣ заявили свое рѣшеніе водворить у себя конституціонный порядокъ со всѣми требуемыми имъ реформами, учредить свободную общинную жизнь, оградить новыми законами личную свободу въ области религіи, правосудія, политики, промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, и преобразовать въ современномъ духѣ податную систему и взаимныя отношенія между крестьяниномъ и помѣщикомъ. Эти воззрѣнія были изложены въ той замѣчательной программѣ, съ какою новое министерство Стадіона-Шварценберга выступило 22 ноября 1848 г. передъ сеймомъ, открытымъ въ Кремзирѣ. Правительство удостовѣряло въ этомъ актѣ, что оно «хочетъ конституціонной монархіи откровенно и беззавѣтно», что всѣ права и льготы, предоставленныя австрійскимъ народамъ въ національномъ, гражданскомъ и личномъ отношеніи, намѣрено оно сохранить, устроить и обезпечить ихъ соответственными законоположеніями, и что лишь этой «обновленной Австріи» указано будетъ въ послѣдствіи отношеніе ея ко всей германской землѣ. Хотя нѣкоторые члены сейма сохранили еще строптивый духъ вѣнскаго періода и протестовали противъ переноса засѣданій въ Кремзиръ, однакожь большинство собранія приняло эту программу очень благопріятно. Полученное вскорѣ потомъ извѣстіе (2 дек. 1848), что императоръ Фердинандъ сложилъ съ себя корону, что братъ его, эрцгерцогъ Францъ Карлъ, отказался отъ престолонаслѣдія, и что сынъ послѣдняго Францъ-Иосифъ принялъ

австрійскую державу потому, что «совершеніе начатыхъ преобразованій очевидно требуетъ болѣе юной силы», внушило членамъ сейма невольное опасеніе, чтобъ новое правительство не сочло себя свободнымъ отъ обѣщаній предшествовавшаго. Опасеніе это, правда, нѣсколько ослабило манифестъ молодого императора, которымъ возвѣщалось, что «въ основу спасительнаго обновленія монархія будутъ положены равноправность всѣхъ ея народовъ, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ»; однакожь при дальнѣйшемъ ходѣ совѣщаній болѣе и болѣе обнаруживалась несовмѣстность между собраніемъ, возникшимъ изъ среды революціонныхъ бурь, и правительствомъ, старавшимся всего болѣе объ усиленіи и утвержденіи исполнительной власти. Критическое положеніе финансовъ, вынуждавшее требовать у сейма все новыхъ уступокъ и новыхъ жертвъ, усилило оппозицію демократическихъ членовъ, и, при обсужденіи «коренныхъ правъ», вполне выяснилась разность точекъ зрѣнія, на которыхъ стояли учредительное собраніе и министерство. Начало «народнаго самодержавія», на которое Кремзирскій сеймъ опирался точно такъ же, какъ и Франкфуртскій, нашло себѣ рѣшительное противорѣчіе со стороны министерства, отстаивавшаго «прирожденную» власть, и когда сеймъ не только уперся въ своемъ принципѣ, но и заявилъ притязаніе на такія вольности, которыя дѣйствительно были слишкомъ широки для австрійскаго народа, еще столь незрѣлаго въ политическомъ отношеніи и столь привязаннаго къ обычаю во всемъ, касающемся религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, — вольности, которыя при водвореніи ихъ встрѣтили бы множество затрудненій и препятствій, — когда Ригеръ, Шузелка и другіе депутаты стали въ самыхъ сильныхъ рѣчахъ нападать на политику министерства и на смѣло выступившую теперь реакцію, тогда въ Ольмюцѣ состоялось рѣшеніе распустить сеймъ еще до окончанія конституціоннаго дѣла. 7 марта 1849 архіепископскій дворецъ въ Кремзирѣ, гдѣ собирався сеймъ, былъ до разсвѣта занятъ войскомъ, и депутаты принуждены выѣхать изъ города. Къ вечеру городокъ сталъ такъ же пустъ, какъ былъ до ноября 1848 г. Появился цѣлый рядъ министерскихъ распоряженій, въ которыхъ объявлено о «дарованіи» конституціи самимъ правительствомъ, объ изданіи закона касательно коренныхъ правъ, и о порядкѣ вознагражденія за барщинскія повинности. Первое изъ этихъ распоряженій объясняло поводы къ распущенію національнаго собранія и находило ихъ въ томъ, что сеймъ принялъ положеніе, несовмѣстное съ вѣр-

ностию императорскому дому, и что вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ между тѣмъ войсками въ Венгріи и Италіи, обнаружилась необходимость въ такой «общей конституціи», которая переходитъ за предѣлы обязанностей сейма. Хотя дарованныя теперь права не вполне удовлетворяли требованія народныхъ представителей, однакожь, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ вещей, они предоставляли обширную свободу и сулили преобразованія по всемъ отраслямъ церковной, политической и гражданской жизни, возвѣщавшія зарю совѣтъ новой эпохи. — Для каждой изъ отдѣльныхъ областей конституція создавала провинціальныя сеймы, а для совокупной монархіи общала имперскій сеймъ, раздѣленный на сенатъ и палату депутатовъ. Но послѣдній долженъ былъ осуществиться только тогда, когда во всѣхъ частяхъ имперіи введены будутъ земскія конституціи и земскіе сеймы, — такое условіе, которое если и не отнимало всякой надежды на устройство «имперскаго сейма», почти невозможное при разнообразіи соединенныхъ съ Австріей земель, то во всякомъ случаѣ отдалало рѣшеніе этого вопроса на долгое время. — Въ судопроизводство предполагалось ввести гласность и устность, а въ опредѣленныхъ случаяхъ и участіе присяжныхъ; для окончательнаго приговора по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ долженъ былъ учредиться верховный имперскій судъ, съ правомъ рѣшенія и всѣхъ спорныхъ вопросовъ между различными властями. При исполнительной власти положено учредить государственный совѣтъ, назначаемый по выбору самого императора.

§ 873. Второе національное собраніе въ Берлинѣ. Происшествія эти не остались безъ вліянія на Пруссію. Столица находилась еще въ осадномъ положеніи, когда, 26 февраля 1849 года, созваны были новозбранныя палаты, чтобы подвергнуть пересмотру «дарованную» конституцію и окончательно порѣшить этотъ вопросъ соглашеніемъ съ правительственною властью. Сколько чиновники ни старались направлять выборы въ смыслъ этой власти, всеобщее право подачи голосовъ и дѣятельность народныхъ клубовъ оказали свое дѣйствіе: демократическая партія получила многихъ представителей во второй палатѣ, значительнѣйшіе ораторы и вожди учредительнаго собранія вошли въ составъ и этого перваго «законодательнаго» сейма. Большинство было, правда, не на ихъ сторонѣ, однакожь, благодаря своему единодушію и искусству своихъ предводителей, демократы во всѣхъ важныхъ вопросахъ являлись въ видѣ крѣпко сомкнутой оппозиціи. Первая па-

лата, составленная по выбору, ограниченному постояннымъ цензомъ, была въ сущности консервативна, однакожь предана конституціонной монархіи. Крайнія мнѣнія лѣвой стороны не имѣли здѣсь вовсе представителей, да не много насчитывали ихъ и крайнія мнѣнія правой. — Для того, чтобъ противопоставить дружный отпоръ лѣвой сторонѣ второй палаты, фонъ-Финке, коноводъ правой стороны во Франкфуртѣ, соединилъ всѣхъ консервативныхъ членовъ въ одну сильную партію, предложивъ имъ широкую программу, которая обязывала ихъ только признать правомѣрность конституціи 5 декабря и начало конституціонной монархіи подъ наследственную державу Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ вторая палата раздѣлилась на два враждебные лагера, которые готовы были на ежедневный бой безъ всякаго посредничества со стороны центровъ. Вскорѣ стало очевидно для всѣхъ, что собраніе, въ которомъ одна половина постоянно отвергаетъ то, на чемъ порѣшить другая, не способно ни къ какой полезной, плодотворной дѣятельности. При обсужденіи адреса дѣло дошло до самыхъ бурныхъ сценъ; правая сторона одобряла распушеніе учредительнаго сейма и дарованіе конституціи правительствомъ, требуя, чтобъ эти мѣры приняты были съ благодарностію, какъ «спасительныя», тогда какъ лѣвая видѣла въ нихъ только произволъ, несправедливость и пагубу и не признавала за жалованною конституціей ни какихъ законныхъ основаній. Пренія объ осадномъ положеніи столицы сопровождались шумными перекорами, а «Германскій вопросъ» и теперь уже повелъ къ схваткамъ, предвозвѣстившимъ то страшное разномысліе, которое вскорѣ потомъ возбудили постановленія франкфуртскаго парламента и которое кончилось новымъ распушеніемъ второй палаты.

§ 874. Депутація съ предложеніемъ императорства, отправленная въ Берлинъ. 3 апрѣля 1849 г. король Фридрихъ Вильгельмъ IV принялъ въ рыцарской залѣ своего дворца депутацію, которая именемъ національнаго собранія во Франкфуртѣ предложила ему наследственный санъ императора Германцевъ, разумѣется съ тѣмъ, чтобъ онъ рѣшился принять и соблюсти постановленія имперской конституціи, плодъ такой упорной борьбы и такихъ болѣзненныхъ напряженій. То была великая минута въ исторіи, и лица, принешія королю эту вѣсть, еще возвышали значеніе порученнаго имъ дѣла славою своего имени и своимъ нравственнымъ вѣсомъ. Болѣе тридцати членовъ франкфуртскаго національнаго собранія, съ достойнымъ и полнымъ такта президентомъ Симономъ во главѣ, явился передъ короля съ

такимъ даромъ, который повидимому долженъ былъ положить новое основаніе единству, силѣ и величію Германіи. Еще разъ германскій народъ обратилъ полныя надежды и участія взоры на парламентъ, который продолжительностію своихъ совѣщаній самъ лишилъ себя всѣхъ правъ на сочувствіе; путешествіе пословъ было настоящимъ триумфомъ, напоминавшимъ выборъ блюстителя имперіи. Но не сбылись надежды патріотовъ, что имперская конституція заключить собой революціонную эпоху и положить начало новому времени. Выслушавъ рѣчь президента Симона, Фридрихъ Вильгельмъ IV далъ неопредѣленный отвѣтъ, въ которомъ однакожь замѣтно было явное несогласіе, — отвѣтъ, изумившій и поразившій всѣхъ тѣмъ больше, что, судя по одной рѣчи министра Бранденбурга въ первой палатѣ, ожидали совсѣмъ противнаго. И дѣйствительно, увѣряютъ, что до послѣдней минуты король былъ непрочъ отъ того, чтобъ изъ преданности къ германскому единству принять предложеніе парламента, оговоривъ только предварительное согласіе всѣхъ другихъ правительствъ; но не смотря на сильную поддержку, которую этотъ патріотическій порывъ находилъ въ ближайшихъ къ королю особахъ, Фридрихъ Вильгельмъ въ рѣшительную минуту измѣнилъ свой взглядъ и отринулъ корону, а вынесенную водоворотомъ революціонныхъ смуть. Этотъ, сначала нерѣшительный, отказъ вскорѣ сдѣлался несомнѣннымъ, и сами прусскіе министры постепенно согласились съ измѣнившеюся мыслию короля. Депутація франкфуртскаго національнаго собранія, огорченная крушеніемъ своихъ надеждъ, обиженная недружелюбнымъ отзывомъ и глубоко оскорбленная холодною встрѣтившаго ее вездѣ пріема (только у принца Прусскаго обошлись съ нею радушно и привѣтливо); возвратилась черезъ нѣсколько дней во Франкфуртъ, заявивъ министру фовъ-Бранденбургу еще офиціальнымъ письменнымъ сообщеніемъ, что принатіе императорскаго сана неразрывно съ признаніемъ имперской конституціи. Депутаты поѣхали въ Берлинъ триумфаторами, а воротились оттуда чуть не бѣглецами. Такая горькая судьба постигла имперскую конституцію; это многотрудное дѣло, стоившее великихъ напряженій и жаркихъ схватокъ, и всѣ надежды націи достигнуть желаннаго единства пришлось снова отложить на неопредѣленный срокъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV отвергнулъ высокое призваніе окружить свой царственный домъ, безъ брани и завоеваній, новымъ блескомъ и усвоить ему завидное предназначеніе стать учредителемъ, владыкой и блюстителемъ обновленной Германіи. Принатіе имъ имперской кон-

ституціи конечно повело бы къ признанію ея и со стороны другихъ правительствъ, тогда какъ его отказъ разомъ положилъ конецъ всему предпріятію. — Сторонники отказа выставляли на видъ недостатки и разнохарактерность этой конституціи, состоявшейся только малымъ большинствомъ голосовъ, благодаря полюбовной сдѣлкѣ между стремленіями совершенно противоположныхъ партій, и особенно порицали демократическій законъ о выборахъ, находя его несомѣстнымъ съ сильнымъ монархическимъ правительствомъ. Приверженцы имперской конституціи возражали на это, что избирательный законъ вовсе не считался существенною ея частію, что отъ радостнаго одушевленія народа по случаю достигнутаго наконецъ единства вполне можно было ожидать такихъ выборовъ, въ которыхъ отразилась бы эта радость о преуспѣяній отечества и которые дали бы сейму составъ, самый благопріятный для очищенія первоначальнаго труда отъ неизбежныхъ его недостатковъ и излишествъ. Въ эпохи общаго движенія, говорили они, надобно же сколько-нибудь принимать въ расчетъ и энтузіазмъ возбужденнаго народа; нельзя же все взвѣшивать и пытаться на вѣсахъ разсудка и дипломатическихъ соображеній. — Говорятъ, будто въ прежнюю бытность свою въ Берлинѣ президентъ имперскаго министерства имѣлъ уже случай удостовѣриться, что Пруссія не приметъ предлагаемаго сана, и поэтому ставить ему въ упрекъ, что онъ, не смотря на то, по прежнему держался съ своей партіей системы «доктринерства». Но развѣ не могъ онъ надѣяться, что сила обстоятельствъ, громкій зовъ родины, заманчивость дѣйствительно состоявшагося предложенія, что наконецъ разныя непредвидимыя обстоятельства и вліянія произведутъ перемѣну мыслей въ такомъ государѣ; котораго чуткая натура была такъ доступна силѣ внѣшнихъ впечатлѣній и котораго сердце было такъ воспріимчиво ко всемъ патріотическимъ порывамъ, ко всему, что касалось величія Германіи, особенно когда предполагаемое добровольное согласіе всѣхъ прочихъ государей избавляло его чувство справедливости даже и отъ малѣйшей тѣни насильственнаго вліянія?

§ 875. Франкфуртское національное собраніе по отринутіи императорской короны. Прусское правительство еще не вполне высказало свои намѣренія; оно еще не окончательно отвергло имперскую конституцію и соединенную съ ней императорскую корону. Поэтому наследственно-императорская партія въ Франкфуртѣ старалась оттягивать дѣло до тѣхъ поръ, пока оставалась какая-нибудь надежда на благопріятную перемѣну обстоятельствъ. Твердо рѣшась со-

хранить неизмѣнно конституцію и водрузить ее знаменемъ германскаго народа, она отстраняла всё слишкомъ торопливыя предложенія, которыя могли бы измѣнить ее въ отношеніи къ вопросу о верховномъ главѣ. Небольшое число приверженцевъ соглашенія, составлявшихъ часть правой стороны, предложили отсрочку засѣданій съ тою цѣлю, чтобъ дать правительствамъ время для совѣщаній и переговоровъ между собою; но это предложеніе не нашло себѣ значительной поддержки, такъ какъ нельзя было надѣяться уладить дѣло путемъ переговоровъ съ такимъ множествомъ державъ. Не были также приняты и измѣнительныя предложенія директоріальной партіи ¹, и какъ вскорѣ потомъ большая часть австрійскихъ депутатовъ выбыла изъ національнаго собранія вслѣдствіе отзывной грамоты изъ Ольмюца (18 апрѣля 1849), то самая эта партія лишилась своей главной опоры и значенія. Тѣмъ болѣе усилилась и получила вѣса лѣвая сторона. Поэтому наследственно-императорская партія должна была отложить свою прежнюю враждебность къ демократамъ и протянуть имъ руку на миръ и совокупную дѣятельность, чтобы хоть заодно съ ними отстоять имперскую конституцію. Лѣвая сторона, для которой имперская конституція была не цѣлю, а только переходомъ къ республикѣ, удерживалась этимъ союзомъ съ «людьми спокойствія и порядка» отъ излишней поспѣшности, а послѣдніе своимъ сближеніемъ съ «людьми прогресса» пріобрѣли опять народную любовь, которую совсѣмъ было утратили. Вотъ почему взоры германской націи опять съ надеждою обратились на Франкфуртъ, и со всѣхъ сторонъ поступали въ парламентъ одобрительныя адреса и отъ земскихъ чиновъ и отъ частныхъ обществъ. Но спокойное это положеніе не могло упрочиться на долго при нетерпѣннѣй народѣ и рьяности лѣвой стороны, настаивавшей на болѣе рѣшительныхъ мѣрахъ, тѣмъ болѣе, что прусское правительство все еще не высказывало явно своей мысли. Предложеніе Людвига Симона, чтобъ собраніе пригласило всѣхъ государей признать имперскую конституцію и потомъ избрало верховнымъ главою сильнѣйшаго изъ числа признавшихъ, хотя и не было принято въ этой редакціи, чѣмъ устраненъ первый рѣшительный шагъ къ полному разрыву съ Пруссіей; однакожь парламентъ обнаружилъ свое твердое рѣшеніе употребить всё законныя средства для осуществленія конституціи, одобливъ предложенное депутатомъ Мати дополненіе:

¹ Той партіи, которая, вмѣсто одного главы, хотѣла имѣть директорію изъ нѣсколькихъ государей.

«слѣдуетъ настоять на томъ, чтобъ правительства воздержались отъ всякихъ распоряженій, которыя, въ настоящую рѣшительную минуту могли бы исполнѣть или отчасти лишитъ народъ конституціонныхъ и правомѣрныхъ средствъ заявлять свою волю, и особенно, чтобъ они не пользовались своимъ правомъ отсрочивать и распускать собранія чиновъ, а напротивъ вызывали или по крайней мѣрѣ отнюдь не прекращали ихъ дѣятельность до тѣхъ поръ, пока имперская конституція будетъ признана всѣми». Къ 14 апрѣля двадцать восемь правительствъ—и баденское—первое—заявили во Франкфуртѣ свое признаніе; но королевства Баварія, Ганноверъ, Саксонія и Вюртембергъ медлили своимъ согласіемъ, отчасти изъ-за религіозныхъ и сепаратистскихъ интересовъ, отчасти уступая австрійскимъ вліяніямъ; а для того, чтобы земскіе чины не настаивали на признаніи имперской конституціи, они избавились отъ нихъ отсрочками ихъ засѣданій. Къ подобнымъ же мѣрамъ приступило теперь и прусское правительство, чѣмъ еще усилило разрывъ между Франкфуртомъ и Берлиномъ. Дѣло въ томъ, что вторая палата, особенно влѣдствіе ясной и убѣдительной рѣчи фонъ-Финке, положила обратиться къ королю съ адресомъ, въ которомъ заявлялось желаніе націи, чтобъ онъ принялъ имперскую конституцію и императорскую корону; это рѣшеніе, состоявшееся послѣ бурныхъ совѣщаній, равно какъ и жаркіе споры по поводу предложенія Вальдека о снятіи тяготѣвшаго надъ Берлиномъ военнаго положенія, побудили министерство, 27 апрѣля, распустить вторую палату и отсрочить засѣданія первой. При томъ общемъ движеніи, какое началось во всѣхъ германскихъ земляхъ съ цѣлію осуществить имперскую конституцію, прусское министерство хотѣло развязать себѣ руки, чтобы не встрѣчать помѣхъ со стороны сильной оппозиціи въ камерахъ. Дѣйствуя такимъ образомъ у себя дома и стараясь въ то же время склонить германскія правительства къ передачѣ временной центральной власти прусской коронѣ, то-есть—другими словами—забрать въ руки верховное управленіе Германіи, минуя національный парламентъ и обходя безусловное признаніе имперской конституціи, министерство разорвало послѣднюю связь между Берлиномъ и Франкфуртомъ. Уже 21 апрѣля графъ Бранденбургъ рѣшительно отрицалъ имперскую конституцію, сказавъ, что Пруссія не приметъ ея «никогда! никогда! никогда!» такъ какъ при второмъ чтеніи конституціоннаго акта, замѣчанія, предложенныя правительствомъ Его Величества короля вмѣстѣ съ другими германскими правительствами, были большею

частью оставлены безъ всякаго вниманія. Къ этому онъ добавилъ: «Признать—конечно, во власти общественнаго мнѣнія; но кто отдастъ на его волю, не удержавъ кормила въ твердой рукѣ, тотъ никогда не доведетъ своего корабля въ спасительную пристань!» А что именно подъ этимъ разумѣлось, то положительно объяснила нота отъ 28 апрѣля, переданная центральной власти прусскимъ уполномоченнымъ — Кампенгаузенемъ. Радовицъ былъ призванъ въ Берлинъ. Благодаря своему необыкновенному таланту и своей ловкой, податливой натурѣ, умѣвшей легко ладить со всякими личностями и со всеми возможными обстоятельствами, этотъ человекъ мало по малу одолѣлъ все предубѣжденія, встрѣтившія его при вступленіи въ Павловскую церковь, какъ подвижника и представителя старой, до-мартовской политики; но онъ никогда не успѣлъ приобрести довѣрія къ честности своихъ стремленій. Недовѣріе къ нему еще усилилось отъ его двусмысленнаго образа дѣйствій по вопросу о верховномъ главѣ; и если вызовъ его въ Берлинъ возбудилъ опять нѣкоторую надежду въ собраніи, то полученная теперь нота повидимому доказала ясно, что въ отношеніи къ наследственной императорской партіи онъ поступалъ такъ же непрямодушно, какъ и Шмерлингъ. Жребій теперь былъ брошенъ! Эта прусская нота и предшествовавшая ей баварская, также отвергавшая имперскую конституцію и требовавшая, чтобы она была измѣнена путемъ взаимнаго соглашенія, доставили еще болѣе перевѣса лѣвой сторонѣ. Ея вліяніемъ состоялся приговоръ, «чтобы президенту дано было право назначать засѣданія всегда и вездѣ, смотря потому, какъ онъ признаетъ необходимымъ; чтобы по требованію ста членовъ, всегда собиралось чрезвычайное засѣданіе и чтобы число 200 членовъ считалось достаточнымъ для постановленія законныхъ опредѣленій»; ея вліяніемъ высказано порицаніе противъ прусскаго и ганноверскаго правительствъ за распушеніе ими палатъ и потребовано отъ нихъ не медленное приступленіе къ новымъ выборамъ. А чтобы удовлетворить лѣнь ото дня болѣе настойчивымъ предложеніямъ объ учрежденіи «имперскаго регентства», собраніе большинствомъ двухъ голосовъ утвердило 4 мая предложеніе Виденбругка, которое, отличаясь блестящею стилистикой и логикой, выступало изъ предѣловъ строгаго права и послужило для разномыслящихъ правительствъ желаннымъ предлогомъ отозвать изъ парламента своихъ членовъ. Тщетно остерегалъ отъ этого преждевременнаго шага Бекератъ и совѣтовалъ отсрочить засѣданія: обстоятельства требовали повидимому новаго энергическаго знака жи-

зни со стороны собранія, и Бекератъ еще до баллотировки сложилъ съ себя санъ депутата. — Вслѣдъ за исчисленіемъ побудительныхъ причинъ, Виденбургъ предлагалъ слѣдующее: 1) Національное собраніе приглашаетъ правительства, законодательныя палаты, общины отдѣльныхъ державъ и весь германскій народъ въ совокупности, доставить признаніе и законную силу конетитуціи германской имперіи отъ 28 марта. 2) 22 августа первый имперскій сеймъ долженъ собраться во Франкфуртѣ на основаніи новаго закона. 3) 1 августа должны совершиться во всей Германской имперіи выборы членовъ «Народной палаты». 4) Если, кромѣ пѣмецкой Австріи, на сеймъ не будетъ представительства и еще какихъ-либо державъ и потому окажется невозможнымъ осуществить ту или другую мѣру конетитуціи, данной для всей германской земли, тогда нужны отмѣны производятся въ ней путемъ, указаннымъ самою конетитуціей, и притомъ на то единственно время, пока конетитуція не будетъ повсемѣстно приведена въ дѣйствіе. 5) Особенно, если Пруссія не вышлетъ представителей во Франкфуртъ и такимъ образомъ ни словомъ ни дѣломъ не признаетъ до тѣхъ поръ конетитуціи, тогда глава населеннѣйшаго изъ государствъ, имѣющаго депутатовъ на сеймъ, вступаетъ въ права и обязанности верховнаго главы имперіи съ титуломъ ея намѣстника (Reichsstatthalter). 6) Но какъ скоро конетитуція будетъ признана Пруссіей, то тѣмъ самымъ санъ верховнаго главы имперіи переходитъ, въ силу конетитуціонныхъ положеній, на Пруссаго короля, который окажется царствующимъ въ то время, когда послѣдуетъ признаніе. 7) Верховный глава присягаетъ на вѣрность конетитуціи передъ національнымъ собраніемъ и за тѣмъ открываетъ сеймъ. Съ открытіемъ сейма національное собраніе считается распушеннымъ. 8) Національное собраніе (въ настоящую минуту) отсрочиваетъ свои засѣданія на неопредѣленное время, оставляя по себѣ свое правленіе (президента, вице-президента и секретарей) и уполномочивая послѣднее созвать членовъ, въ случаѣ нужды, снова.

§ 876. Пруссія и вопросъ о германской конетитуціи. Отринувъ имперскую конетитуцію и предложенную ему императорскую корону, король Прусскій объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для того чтобъ энергически противустать разрушительнымъ и революціоннымъ стремленіямъ, Пруссія приметъ такія мѣры, которыя заблаговременно обезпечатъ союзнымъ правительствамъ желаемую или требуемую ими помощь. Если онъ надѣялся снискать этимъ благодарность другихъ правительствъ и склонить ихъ къ добровольной передачѣ цент-

ральной власти въ руки Пруссіи, то конечно впалъ въ горькое заблужденіе. Пруссіи скоро довелось увидѣть, какъ трудно было побудить къ добровольному соглашенію правительства, которыя уступали стремленіямъ къ единству не изъ патріотическаго одушевленія, а только повинаясь могучему напору народной воли: ида на сдѣлку съ Пруссіей, они не могли не опасаться за свою независимость и самодержавность. Трудно было, при неблагопріятныхъ теперь условіяхъ, снова поймать въ руки тотъ удобный случай, который упустили сначала въ чувствѣ гордаго самомирія. Отдавая должную честь энергіи и послѣдовательности министерства Бранденбурга, не лзя однакожъ снять съ него упрека въ томъ, что оно глубоко потрясло народное довѣріе самовластнымъ образомъ своихъ дѣйствій, и тѣбдствіи и страданья, которымъ подверглись вслѣдъ за тѣмъ многія германскія державы, конечно, имѣли своимъ источникомъ отринутіе конституціи. И центральная власть, и каждое изъ частныхъ правительствъ Германіи воспротивились стремленіямъ Пруссіи къ исключительному преобладанію. Эрцгерцогъ, блюститель имперіи, никогда не забывавшій своего австрійскаго происхожденія, объявилъ національному собранію о своемъ рѣшеніи сложить съ себя свой высокій санъ въ тотъ самый день, какъ избраніе верховнаго главы склонилось въ пользу короля Прусскаго, и по всей вѣроятности онъ сдѣлалъ это, оскорбившись за Австрію. По просьбамъ собранія и по совѣту австрійскихъ депутатовъ исполненіе своего замысла отсрочилъ онъ потомъ до тѣхъ поръ, пока это окажется сколько-нибудь возможнымъ безъ вреда обществу и спокойствію и благу Германіи. Австрійскія вліянія, которымъ блюститель имперіи отдавался съ той поры болѣе и болѣе, побудили его остаться на своемъ постѣ до конца, и съ какой стороны ни исходили стремленія склонить его на уступки, всѣ они сокрушались объ упорную волю молчаливаго старика. Съ его согласія отозвался Гагернъ на послѣднюю ноту Пруссіи, что одной временно-центральной власти принадлежитъ право исполнительныхъ распоряженій по всѣмъ дѣламъ, относящимся до общей безопасности и благоденствія союзно-германскаго государства, и что ни одна отдѣльная держава не можетъ заявлять притязаній на принятіе такихъ всеобщихъ мѣръ. Этого основанія центральное правительство во Франкфуртѣ держалось даже и послѣ того какъ оно было оставлено и Гагерномъ, и національнымъ собраніемъ. Всѣ попытки прусскаго правительства присвоить себѣ временное завѣдываніе германскими дѣлами были безуспѣшны. Не смотря ни на какія насмѣшки и презрительные отзывы, «великогерманское» импер-

ское министерство выдерживало свою роль при эрцгерцогѣ и тѣмъ самымъ не давало порваться нити, связывавшей Австрію съ Германіей. Пруссія была на столько сильна, что могла не обращать вниманія на слабую центральную власть и пренебрегать ею; она позволяла себѣ, помимо франкфуртскаго правительства, дѣятельно вступаться въ дѣла другихъ державъ, тамъ гдѣ требовалась ея помощь, но такимъ образомъ она вступила на тотъ же самый путь своеволія, за который такъ сильно порицала національное собраніе и центральную власть. Еслибъ послѣднее имперское министерство, да и центральная власть вообще не лишились всякой опоры въ народѣ и еслибъ бурныя событія не показали совершенной необходимости въ энергической правительственной силѣ, то Пруссія своими самовластными поступками конечно утратила бы всё сочувствіе въ Германіи ¹. — Стремленіе Пруссіи присвоить себѣ помимо національнаго собранія верховное главенство въ имперіи, встрѣтило себѣ не менѣе сопротивленія со стороны частныхъ германскихъ правительствъ. Прусское министерство умно придумало тотъ путь, какимъ намѣревалось достигнуть этой цѣли: оно хотѣло привлечь на свою сторону отдѣльныхъ государей «низложеніемъ и той революціи, которая бушуетъ въ открытомъ полѣ, и той, которая таится въ иныхъ опасныхъ параграфахъ имперской конституціи», а потомъ удовлетворить стремленію народа къ единству и снискать его расположеніе тѣмъ, что манило его перспективою сильной и единой исполнительной власти, съ національнымъ представительствомъ въ палатахъ — государственной и народной. Но оно обманулось въ своихъ надеждахъ и съ той и съ другой стороны. Правительства мелкихъ германскихъ державъ должны были оставаться вѣрны имперской конституціи и франкфуртской центральной власти уже изъ одного страха передъ грозной силой демократовъ и народной массы, расшатанной крамолами, а короли оказывали мало расположенія подчиниться прусскому главенству. Вскорѣ обнаружилось ясно, что путь переговоровъ не приведетъ къ желанному концу, что германскія правительства конечно уступили бы необходимости признать имперскую конституцію, еслибъ Пруссія послужила имъ примѣромъ, но что добровольно они никогда не откажутся отъ своего самодержавнаго положенія и не захотятъ стать

¹ Самоуправство Пруссіи оправдывалось ничтожествомъ центральной власти и слабостью тѣхъ частныхъ правительствъ, которыя не могли обойтись безъ сторонней помощи, во что бы она ни стала.

подручниками прусской короны. Въ правительственномъ конгрессѣ въ Берлинѣ, гдѣ намѣревались измѣнить германскую конституцію, приняли участіе только Ганноверъ, Саксонія и Баварія, да и изъ нихъ послѣдняя вскорѣ отступилась, такъ что, спустя нѣсколько недѣль, пересмотрѣнная имперская конституція могла явиться только въ видѣ проекта «союза трехъ королей» (прусскаго, ганноверскаго и саксонскаго, «Dreikönigsbund»), котораго слабая связь также скоро выступила наружу *). Безучастіе во всѣхъ послѣдующихъ выборахъ показывало ясно, что масса народа отвернулась съ тѣхъ поръ, недовольная, отъ прусскаго правительства. Къ этому безучастію особенно способствовалъ проектъ новаго избирательнаго закона какъ для Пруссіи, такъ и для германскаго имперскаго сейма, — проектъ, по которому всѣхъ первостепенныхъ избирателей предполагалось раздѣлить на три класса соразмѣрно платимой ими суммѣ податей, такъ чтобы высшій, средній и низшій податной разрядъ выставляли одинакое число второстепенныхъ избирателей, или выборщиковъ. Такъ какъ на основаніи этого закона «мозолистая рука рабочаго» не могла подать ни одного избирательнаго ярлыка, то негодующіе демократы и устранились съ той поры отъ выборовъ. — Не заботясь объ этихъ непріязненныхъ ей стихіяхъ, Пруссія выступила на первый планъ дѣятельной жизни, опираясь не столько на свое право, сколько на свое могущество и на необходимость. Она поборолла мятежъ вездѣ, гдѣ онъ ни показывался, и поставила себѣ задачей водворить порядокъ въ возмущенной и разорванной странѣ и возстановить въ ней значеніе закона и правительственной власти. Въ надеждѣ на новые посулы съ ея стороны, патриоты, озабоченные возрастающимъ своеволіемъ народа, смотрѣли съ одобрительнымъ участіемъ на энергическія дѣйствія прусскаго правительства, водворявшего законный порядокъ силою оружія и обезпечивавшаго жизнь и собственность гражданъ; въ одномъ только краѣ оскорбило оно глубоко національное чувство Германцевъ и оттолкнуло отъ себя сердца дѣлаго благороднаго племени, — именно въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ.

*) «Проектъ конституціи Германской имперіи», который хотѣли положить въ основаніе «Союзу трехъ королей» и представить на пересмотръ и утвержденіе будущему имперскому сейму, держался вообще франкфуртской конституціи, но нѣкоторыми существенными измѣненіями придавалъ ей совершенно иной характеръ. Въ I Отдѣлѣ: «Объ Имперіи» франкфуртская редакція смягчена была въ томъ смыслѣ, что въ германскую имперію (германское союзное государство) полагалось ввести только тѣ державы, которыя признаютъ имперскую конституцію. Во II Отдѣлѣ: «Объ имперской власти», въ статьѣ 1-й, международное представительство Германіи центральною властью разсматривается, какъ слѣдствіе добровольной передачи ей посольскаго права со стороны частныхъ правительствъ, которымъ болѣе мягкое и неопредѣленное изложе-

ніе вопроса какъ бы сохраняетъ тѣнь самостоятельности и во внѣшнихъ дѣлахъ; статьи 2-я и 3-я существенно ограничиваютъ права центральной власти надъ военнымъ устройствомъ: присяга на вѣрность верховному главѣ имперіи устраняется изъ обычной военной присяги и удерживается только для главнокомандующихъ, снаряженіе войскъ предоставляется на волю частныхъ правительствъ и распоряженіе ими передается въ руки центральной власти только на время войны и въ случаяхъ «необходимыхъ мѣръ безопасности». Слѣдующія статьи видоизмѣняютъ въ пользу частныхъ государствъ права главы имперіи относительно мореходныхъ учреждений, портовыхъ и рѣчныхъ сборовъ, желѣзныхъ и большихъ дорогъ, таможеннаго и почтоваго вѣдомства, однакоже въ такой мѣрѣ, что необходимая въ интересахъ единства централизція отъ того не нарушается. Важнѣйшимъ измѣненіемъ подвергся III Отдѣлъ: «О верховномъ главѣ имперіи», гдѣ высочайшая власть предоставляется не императору Германцевъ, а имперскому старшинѣ (Reichsvorstand), стоящему въ члѣхъ шестигласной думы государей (Fürstencollegium). Это старшинство соединяется съ прусскою короною; годовой окладъ императору устраняется вполнѣ; старшина окружаетъ себя ответственными министрами, но въ важныхъ дѣлахъ — зависить отъ согласія думы государей. Въ IV Отдѣлѣ: «Объ имперскомъ сеймѣ», статьи о государственной палатѣ не подверглись существеннымъ измѣненіямъ; напротивъ, въ статьяхъ о народной палатѣ уничтожено отсрочивающее veto, годовой бюджетный періодъ обращенъ въ трехлѣтній и, въ случаѣ спора по какой-нибудь статьѣ смѣты, окончательное рѣшеніе вопроса предоставлено не одной народной палатѣ, а обѣимъ палатамъ въ совокупности; у палаты отнято также право «распоряжаться освобожденіемъ своего сочлена изъ-подъ ареста или остановкою слѣдствія надъ нимъ до конца текущаго періода засѣданій». V Отдѣлъ: «Объ имперскомъ судѣ», мѣсто котораго впредъ до окончательнаго согласія долженъ былъ заступитъ временный третейскій судъ союзныхъ государствъ Германіи, измѣненъ лишь въ одномъ, что обвиненіе министровъ частныхъ державъ только тогда поступаетъ на рѣшеніе имперскаго судьища, когда суды тѣхъ державъ найдутъ дѣло подлежащимъ ихъ разбирательству. Въ IV Отдѣлѣ, гдѣ говорится о коренныхъ правахъ германскаго народа, исключено впервые упраздненіе дворянства, какъ сословія, равно какъ и воспрещеніе всѣхъ титуловъ и орденовъ; смертная казнь восстановлена по прежнему; приняты мѣры большаго обезпеченія противъ злоупотребленій вольной печати; свобода вѣры и совѣсти лишена сопровождавшаго ее дополненія, что никто не обязанъ заявлять своихъ религіозныхъ убѣжденій; религіознымъ обществамъ обезпечено владѣніе и пользованіе тѣми учрежденіями, фундами и капиталами, которыя предназначены для богослужебныхъ, училищныхъ и благотворительныхъ цѣлей; духовенству возвращено право участвовать, наравнѣ съ мірянами, въ надзорѣ за преподаваніемъ и воспитаніемъ, и устранена отѣна школьнаго сбора въ народныхъ училищахъ. Далѣе ограничено право входить съ прошеніями по государственнымъ вопросамъ, умѣрено право вступать въ товарищества и право дробить и отчуждать недвижимость, а выкупъ всѣхъ феодальныхъ повинностей и десятинныхъ сборовъ и вознагражденіе за утрату правъ охоты предоставлены опредѣленію земскихъ законодательствъ. У общинъ отнято завѣдываніе мѣстной полиціей. Въ VII Отдѣлѣ: «О соблюденіи конституціи» устраненъ возбуждавшій прекословіе параграфъ, что каждая отѣна вступаетъ въ силу и безъ согласія верховнаго главы имперіи, если объ ней состоитъ вполнѣ единообразное постановленіе сейма въ три періода его засѣданій. — Что касается до имперскаго избирательнаго закона, то онъ былъ совершенно преобразованъ: введены непрямые и открытые выборы, съ раздѣленіемъ избирателей на три вышепомянутые разряда по суммѣ вносимыхъ податей, при чемъ и возрастъ избираемыхъ повышенъ съ 25 лѣтъ на 30.

§ 877. Шлезвигъ-Голштейнъ. (Сравни § 806. 852). Народно-населеніе соединенныхъ герцогствъ Шлезвига и Голштиніи стремилось до сихъ поръ также упорно, какъ и умѣренно къ достиженію своей цѣли, — самостоятельной конституціи и тѣснаго союза съ единоплеменною Германіей. Здѣшній народъ даже и въ самые бурные дни не терялъ спокойной разсудительности, чуждаясь всѣхъ тѣхъ крайностей демократической толпы, которая въ большей части другихъ странъ Германіи внушала патріоту невольное отвращеніе. Въ вѣрномъ сознаніи, что только съ помощію Нѣмцевъ могутъ они порѣшить свою справедливую борьбу, Шлезвигъ-Голштинцы покорились даже безславному перемирію въ Мальмё (§ 859), вызвавшему во Франкфуртѣ сцены свирѣпой жестокости, о которыхъ мы упоминали. Въ мартѣ 1849 г. этому перемирію истекъ срокъ, и какъ происходившіе между тѣмъ переговоры не привели ни къ какому результату, то Данія извѣстила о возобновленіи войны, едва настало время, когда она могла употребить въ дѣло свой флотъ. Правительство, учрежденное въ герцогствахъ на время перемирія вмѣстѣ съ прусской и съ датской стороны, сложило съ себя свою обязанность, послѣ чего центральная власть во Франкфуртѣ назначила въ оба герцогства наместничество, состоявшее изъ Вильг. Безелера, графа Ревентлова и Преца. Нѣмецко-имперскія войска снова вступили въ Шлезвигъ; однимъ изъ предводителей ихъ былъ герцогъ Кобургъ-Готскій; мужественно и безъ взаимной зависти бились здѣсь Пруссакки и Баварцы, Ганноверцы и Вюртембергцы, сыны сѣверной и южной Германіи, противъ общаго врага, представляя отрадную картину германскаго единства и согласія. Въ тѣ печальные дни, когда шаткость отношеній Пруссіи къ имперской конституціи наполняла всѣ сердца тяжкимъ чувствомъ грусти, патріоты вдругъ были обрадованы неожиданнымъ извѣстіемъ, что германскія войска побѣдоносно бьются съ Датчанами, что въ пристани Экернфёрде (5 апр. 1849) они береговыми батареями потопили датскій линейный корабль «Христіанъ VIII», принудили гордый фрегатъ «Геофюнъ» къ сдачѣ, уничтоживъ у него руль, и водрузили на немъ флагъ Германіи. Эта вѣсть была лучемъ свѣта, блеснувшимъ въ темнотѣ тогдашнихъ дѣлъ. Само небо какъ будто благопріятствовало германскому оружію. Вскорѣ потомъ (13 апр.) въ Зундевиттѣ, наупротивъ острова Альсена, крѣпкіе «Дюппельскіе окопы» взяты были баварскими и саксонскими войсками, а Датчане отброшены назадъ. При этомъ пожалъ новые лавры баварскій подполковникъ фонъ-деръ-Таннъ, отличившійся уже прошлый годъ.

воинскимъ мужествомъ въ званіи начальника вольнаго отряда. Главнокомандующій шлезвигъ-голштинской арміи, генераль фонъ Бонинъ, взявъ приступомъ ютландскій пограничный городъ Кольдингъ (20 апр.), а когда датская армія хотѣла вытѣснить его оттуда, онъ разбилъ ее въ кровопролитномъ сраженіи (23 апр.) и потомъ новою побѣдою при Гудсѣ (7 мая) пробился съ своимъ небольшимъ корпусомъ въ самую Ютландію. Но прусскія и германскія войска подѣ начальствомъ генерала фонъ-Притвица дѣйствовали очень медленно; въ то время какъ Шлезвигъ-Голштинцы, преслѣдуя разбитаго врага, отважно подошли къ самымъ валамъ крѣпости Фридриции и здѣсь въ окрестностяхъ города не разъ вступали въ кровавый бой, Пруссаки оставались на своихъ мирныхъ квартирахъ въ Шлезвигѣ и только изъ-дали смотрѣли на битву. Не мудрено, что снова пробудилось недовѣріе, что стали сомнѣваться на счетъ того, серьезно ли ведется война со стороны Пруссіи, и не основательно ли подозрѣніе демократовъ, осыпавшихъ самими горькими насмѣшками кровавую потѣху въ Шлезвигъ-Голштейнѣ. И когда наконецъ Притвицъ медленнымъ шагомъ двинулся въ Ютландію до Фейле, то Пруссаки дѣйствовали такъ бережно, такъ тщательно избѣгали всѣхъ кровавыхъ столкновеній съ Датчанами, такъ строго держались на оборонительной ногѣ, что въ этомъ явно обнаружилось намѣреніе вести подобіе войны только до тѣхъ поръ, пока дипломатамъ удастся покончить возвѣщенные и уже начатые мирные переговоры. Теперь движеніе въ самой Германіи приняло такой грозный характеръ, что прусское правительство ничего такъ не желало какъ скорѣе освободиться отъ сѣверной войны, тѣмъ болѣе что Англія и Россія благопріятствовали Даніи и не хотѣли допустить отдѣленія соединенныхъ герцогствъ отъ Датскаго королевства, котораго самое существованіе подвергалось черезъ то опасности. Все это повело къ тому, что въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ военныя дѣйствія остановились; солдаты упали духомъ и не охотно выходили въ поле, край высасывался военнымъ занятіемъ, жители обѣднѣли. Датчане, которыхъ ютландскія войска подѣ начальствомъ генерала Рюэ, не подвергались нападенію со стороны вчетверо сильнѣйшей арміи Пруссаковъ, успѣли ободриться и снабдить Фридрицию новыми силами и артиллеріей. Только Шлезвигъ-Голштинцы, державшіе эту крѣпость въ осадѣ, не теряли ни отваги, ни мужества. Многократныя, успѣшно отражаемыя ими вылазки Датчанъ часто давали имъ случай заявить свою племенную ненависть въ горячемъ бою. Смуты въ Германіи и недостатокъ

признанной центральной власти, оказывали свое вредное дѣйствіе и на германскія войска на сѣверѣ. Наконецъ совершился тотъ ударъ, котораго давно всѣ опасались. Генераль Рюэ вдругъ переправился изъ Ютландіи на Фюнень, такъ что Бонинъ ничего объ этомъ и не зналъ, а оттуда былъ перевезенъ въ Фридеріцію. Усилившись такимъ образомъ, Датчане, въ самое то время, когда условія новаго перемирія между Пруссіею и Даніею уже готовы были прійти въ Берлинъ къ совершенному концу, внезапно предприняли изъ осажденной крѣпости такую страшную вылазку, что ослабѣвшія войска Бонина не могли выдержать неожиданнаго напора. Послѣ упорнаго боя, самаго кровопролитнаго изъ всѣхъ, они были вынуждены къ отступленію, послѣ чего Датчане овладѣли всею осадною артиллеріею и окопами нападавшихъ. Такъ вознаградили они себя хотя сколько нибудь за пораженіе при Экернафёрде и хотя на короткое время утолили свою жажду мести. Но и въ несчастіи Шлезвигъ-Голштинцы спасли честь своего оружія. Объ ихъ храбрости и отвагѣ слышался одинъ голосъ со всѣхъ сторонъ.

Всѣмъ объ этомъ пораженіи подѣйствовала такъ сильно, что даже въ разстроенной и разорванной Германіи раздался общій вопль негодованія на постыдный образъ веденія войны. Нападеніе совершилось въ тылу прусской арміи, а Притвицъ по прежнему не двигался съ мѣста. Теперь уже не демократы съ горестью и гнѣвомъ приклинали политику, осуждавшую на бездѣйствіе обнаженный мечъ и тѣмъ самымъ предававшую вѣрныхъ, благородныхъ людей въ жертву коварному не-пріятелю, — демократовъ тогда уже заставили молчать, но сокрушались всѣ друзья отечества, которымъ хотѣлось видѣть честь и славу Пруссіи незапятнанною и которые знали, что для Германіи одно спасеніе въ тѣсномъ союзѣ съ Пруссіею; они глубоко сокрушались при вѣсти, что, несмотря на коварные поступки Датчанъ, въ Берлинѣ все-таки состоялось безславное перемиріе (10 іюля 1849), при чемъ не были призваны къ участию ни уполномоченные отъ имперскаго правительства, ни повѣренные отъ герцогствъ. Въ немъ постановлялось на время отдѣленіе Шлезвига отъ Голштиніи, и тогда какъ послѣдняя по прежнему оставалась подъ вѣдѣніемъ учрежденнаго центральною властью «намѣстничества», Шлезвигъ долженъ былъ управляться отъ имени Датскаго короля трехчленною «земскою администраціею» подъ предѣтельствомъ англійскаго комиссара, съ тѣмъ, чтобы въ южной его части стоялъ прусскій гарнизонъ, въ сѣверной — шведскій, а острова занимали Датчане. — Съ негодованіемъ узнали въ герцогствахъ объ этихъ

условіяхъ, нарушавшихъ основныя начала ихъ государственнаго права *), и какъ намѣстничество, такъ и земскіе депутаты протестовали противъ исполненія ихъ на дѣлѣ. Но когда стали удаляться германскія войска и уступили мѣсто шведско-прусскимъ гарнизонамъ, то и они принуждены были покориться необходимости. Съ той поры настало для бѣдныхъ Шлезвигцевъ время угнетенія и произвола; но непоколебимое народонаселеніе упорно защищало свои права, противопоставляя матеріальной силѣ мужество чистаго сознанія и правотѣрныхъ стремленій.

*) Требованія герцогствъ (которыхъ справедливость признана королемъ Прусскимъ въ письмѣ къ герцогу Аугустенбургскому отъ 24 марта 1848 г.) основывались на слѣдующихъ коренныхъ началахъ шлезвигъ-голландскаго государственнаго права: 1) что герцогства суть самостоятельныя державы; 2) что только мужское колено Ольденбургскаго дома имѣетъ право наслѣдія въ герцогствахъ, и 3) что герцогства стоятъ въ тѣсной государственной связи. (Едва ли нужно замѣчать, что послѣднее изъ этихъ такъ-называемыхъ «началъ» всегда можетъ прійти въ явное противорѣчіе съ первымъ). Въ трактатѣ же о перемиріи постановлено, что Шлезвигъ, относительно своей законодательной власти и внутренняго управленія, долженъ получить особое устройство, отдѣльно отъ Голландіи, безъ ущерба тому политическому соединенію, какимъ герцогство Шлезвигъ связано съ датскою короной.

§ 878. Движеніе для водворенія имперской конституціи въ Германіи. Предложеніе Виденбругка, одобренное 4 мая, разрѣшило связи національнаго собранія. Съ тѣхъ поръ каждый Божій день члены его одинъ за другимъ объявляли о своемъ выходѣ. Сколь ни мало ладили прежде демократы съ франкфуртскимъ парламентомъ, сколько ораторы лѣвой стороны ни возставали до послѣдней минуты противъ конституціи, однакожь отказъ правительствъ признать эту конституцію подалъ демагогамъ желанный предлогъ поднять знамя бунта «для ея водворенія». Видѣ права, на которое они опирались при такомъ замыслѣ, сообщилъ на этотъ разъ мятежу и большее значеніе и обширнѣйшіе размѣры. Шумными сборищами и поджигательными рѣчами привели народъ въ страшное волненіе; демократическіе клубы грозно сзывали на борьбу; во многихъ мѣстахъ привели къ присягѣ на вѣрность имперской конституціи не только гаржданскую гвардію, но даже и войска; городскія власти заявляли съ своей стороны о ея признаніи; адресовъ и прошеній поступало по этому поводу несмѣтное число. Сколь ни разнообразны и иногда нечисты были побужденія и цѣли, поднявшія и поддерживавшія движеніе, однакожь потребность въ національномъ единствѣ и боязнь, чтобъ въ минуту исполненія опять не лишить

ся этого давно желаннаго блага на неопредѣленный срокъ, — вотъ что служило при этомъ общею и достойною уваженія основой, за которую конечно прятались въ свою очередь обманъ, преступленіе и государственная измѣна. Первая статья Виденбургскаго предложенія могла служить законною опорой для всякаго мятежа; за нее-то и ухватились демагоги, чтобы дѣйствовать именемъ національнаго собранія и прикрыть его авторитетомъ свои собственныя революціонныя цѣли! Конечно, движеніе было вызвано еще до 4 мая, и хотя большинство національнаго собранія, заодно съ имперскимъ министерствомъ, объяснило потомъ свое постановленіе въ такомъ смыслѣ, что водвореніе имперской конституціи должно совершиться только мирными и законными средствами, а отнюдь не мѣрами принужденія или вооруженною силой, — но лозунгъ уже былъ данъ; да и какъ было коноводамъ демократовъ упустить благоприятный случай poradъ въ пользу революціи и республики подъ знаменемъ права и закона? Никогда еще не злоупотребляли до такой степени дѣломъ честнымъ и благороднымъ; никогда еще не опутывали смыслъ народа такою позорною сѣтью лжи, никогда такъ не извращали понятій объ истинѣ и правѣ! — Первые движенія обнаружались въ тѣхъ именно краяхъ, гдѣ правительства противились имперской конституціи. Въ Вюртембергѣ земскіе чины, заодно съ либеральнымъ министерствомъ Рёмера, принудили непопулярнаго короля безусловно принять имперскую конституцію (25 апр. 1849), сколь ни тяжело ему было подчиниться «какому-нибудь Гогенцоллерну». Волненіе въ смятенной крамолами странѣ и ненадежное построеніе войска побудили короля къ уступчивости; однакожь съ истинно швабскимъ чистосердечіемъ онъ почелъ долгомъ заявить, что уступаетъ только силѣ и отречется отъ своихъ уступокъ, какъ скоро получитъ къ тому возможность. Въ прусскомъ Прирейнѣ и въ Вестфаліи городскія начальства направляли волненіе за имперскую конституцію въ томъ законномъ смыслѣ, какой легъ въ основу парламентскому рѣшенію; гдѣ же, какъ въ Эльберфельдѣ и Дюссельдорфѣ, дошло до вооруженныхъ мятежей и баррикадныхъ схватокъ, тамъ призошли еще стороннія побудительныя причины!

§ 879. Возстаніе въ Дрезденѣ. Сильнѣйшее возстаніе произошло въ Саксоніи. Здѣсь стѣснительные законы и учрежденія стараго полицейскаго государства рано пали передъ напоромъ мартовскихъ бурь. Въ министерство Браунъ-Оберлендера, въ которомъ иностранными дѣлами завѣдывалъ лейпцигскій профессоръ правъ фонъ-деръ

Фордтенъ, вызванъ былъ къ жизни цѣлый рядъ новыхъ законовъ, которые слишкомъ напоминали бурную эпоху своего возникновенія. Необузданная печать и почти неограниченное право обществъ и соборіи служили демократической партіи для распространенія ея началъ, паходившихъ себѣ плодотворную почву и въ многочисленныхъ промышленныхъ городахъ, и среди обдѣлываемаго крестьянства. Изданъ былъ новый избирательный законъ, основанный на самомъ широкомъ демократическомъ началѣ: онъ допускалъ для первой палаты низкій цензъ, а для второй не допустилъ ценза вовсе, и установилъ притомъ прямые, непосредственные выборы. Когда въ силу этого закона созданы были новые представители, то, благодаря дѣятельности «отечественныхъ клубовъ», составилъ такой земскій сеймъ, который можно было почесть насмѣшкою надъ конституціонною государственною формою и который справедливо называли «представительствомъ самодержавной безсмыслицы». Этотъ сеймъ, который, пока франкфуртская конституція была еще не кончена, оказывалъ къ ней такъ же мало сочувствія, какъ и само правительство Саксонское, теперь, по отверженіи ея Пруссіей, затрубилъ демократическую тревогу и настаивалъ на признаціи имперской конституціи. Правительство отвѣчало на это распущеніемъ палатъ (30 апрѣля); депутаціи отъ городовъ и корпорацій, заявившія то же самое желаніе, имѣли равно мало успѣха; король оправдывалъ свое сопротивленіе отказомъ Пруссіи. Это послужило лозунгомъ къ мятежу (3 мая). Толпа народа бросилась на арсеналъ, чтобы добыть себѣ оружія, но была прогнана батальнымъ огнемъ расположеннаго тамъ войска. Тогда принялись бить въ набатъ; по улицамъ выстроились чрезвычайно крѣпкія баррикады; національные гвардейцы и толпы народа, отчасти вооруженныя косами и пиками, открыли жаркій бой противъ саксонскихъ войскъ. Когда на слѣдующій день возстаніе возросло и число мятежниковъ приумножилось вооруженными ватагами, подосѣвшими изблизи и издалека, то король, въ сопровожденіи своей семьи и всѣхъ министровъ, переехалъ подъ военнымъ прикрытіемъ въ крѣпость Кёнигштейнъ. Такимъ образомъ взволнованная столица совершенно досталась въ руки коноводовъ демократической партіи. Главное распоряженіе дѣлами приняло на себя временное правительство, съ адвокатомъ и депутатомъ сейма Цширнеромъ во главѣ; оно издало прокламацію, что цѣль борьбы — признаніе имперской конституціи, оно извѣстило о своемъ учрежденіи франкфуртское національное собраніе и поставило себя подъ его защиту. Но въкорѣ возстаніе приняло совершенно

иной характеръ; рядомъ съ германскими знаменами появились красныя; кто сначала взялся за оружіе по совѣсти, тѣ сочли теперь нужнымъ сложить его; чтобы не помогать республиканскому и анархическому движенію; грубыя, неистовыя толпы черни, стекавшіеся со всѣхъ сторонъ, болѣе и болѣе придавали матежу видъ борьбы противъ всякаго порядка, противъ владѣнія и собственности. Въ Лейпцигѣ, гдѣ граждане были также въ пользу имперской конституціи и «до исхода столкновеній между короной и народомъ» также поставили себя подъ защиту центральной власти Германіи, храбрая городская стража (Communalgarde) вступила однакожъ съ инсургентами въ побѣдоносный бой, обороняя общественную безопасность. Теперь настало для прусскаго министерства время исполнить свои обѣщанія. Саксонское правительство, будучи не въ состояніи подавить матежь собственными силами, обратилось за помощью въ Берлинъ, и уже 6 мая прусскія войска завязали живую перестрѣлку съ дрезденскими баррикадистами. Но побѣда досталась имъ очень не легко. Три сутки оборонялись матежники изъ-за крѣпкихъ своихъ позицій; старый оперный театръ и звѣринецъ, съ находившимися въ немъ дорогими произведеніями искусства, были истреблены пламенемъ; неистовство и страсть направляли оружіе. Войска должны были завоевывать въ городѣ шагъ за шагомъ; съ кровель и изъ оконъ домовъ стрѣлки матежниковъ поддерживали непрерывный ружейный огонь, а баррикады своей удивительной прочностью представляли надежную защиту. Наконецъ храбрость и превосходная боевая опытность прусскихъ войскъ, восторжествовали надъ беспорядочными и дурно предводимыми ватагами народа; когда войска, пользуясь темнотою ночи, 9 мая взяли приступомъ Почтовую площадь и большую баррикаду при входѣ на Старый рынокъ (Altmarkt); сопротивление стало мало по малу ослабѣвать. Около 4 часовъ утра вольныя дружины обратились въ бѣгство; трижды повторенный троекратный ударъ колокола съ церкви Св. Креста подалъ знакъ къ отступленію. Въ короткое время улицы были расчищены и городъ находился въ рукахъ военной силы. Осадное положеніе съ военными судами и исключительными законами, учрежденное надъ Дрезденомъ и его окрестностью, облегчило правительству возстановленіе спокойствія и подавленіе демократизма. Тюрьмы наполнились арестантами; нѣкоторые изъ самыхъ виновныхъ, въ томъ числѣ Цширнеръ, спаслись бѣгствомъ; другіе, какъ напримъ, Гейбнеръ, попали въ руки строгаго правосудія.

§ 880. Последняя борьба имперскаго сейма во Франкфуртѣ. Первые темные слухи о саксонскихъ происшествіяхъ застали франкфуртское національное собраніе въ бурномъ совѣщаніи о предложеніи лѣвой стороны, чтобы войска державъ, признающихъ имперскую конституцію, были приведены къ присягѣ на вѣрность этому уставу (7 мая 1849). Имперское министерство рѣшительно противилось этому предложенію, которое должно было породить раздоръ въ германскомъ войскѣ и возбудить сомнѣнія и смуты въ умахъ солдатъ. Вѣсти о вступленіи Пруссакъ въ Саксонію усилили волненіе въ парламентѣ и поставили министровъ и другихъ защитниковъ мирнаго и законнаго образа дѣйствій въ невыгодное положеніе передъ лѣвой стороной, настаивавшей на болѣе рѣшительныхъ мѣрахъ. «Вы сами вызвали народъ къ возстанію, говорили демократы, а теперь хотите отнять у него оружіе! — Временное правительство въ Дрезденѣ отдалось подъ защиту національнаго собранія, — такъ защищайте же его!» Событія приперли парламентъ къ такому распутью, откуда дороги расходились въ противоположныя стороны. Чтѣ было ему дѣлать? — Употребить свой нравственный вѣсъ въ пользу революціи или въ пользу «непокорныхъ правительствъ»? бросить пламенный уособицы между родными, братскими племенами? Гагернъ съ ужасомъ отступилъ отъ такой мысли. Онъ именно сказалъ при этомъ: «И даже еслибъ обнажились мечи, я бросился бы между ними въ послѣднюю минуту.» Когда на это засмѣялись съ лѣвой стороны, онъ гнѣвно воскликнулъ: «такимъ вещамъ смѣются одни мальчишки!» — Произошелъ страшный шумъ, и ораторъ получилъ замѣчаніе со стороны президента Симсона. Эта сцена была началомъ цѣлаго ряда бурныхъ засѣданій, полныхъ страстной горячности и прерываемыхъ шумомъ съгалерей. Въ баварскомъ Палатинатѣ также началось движеніе «для водворенія имперской конституціи». Образовался земскій комитетъ; правительству баварскому отказано въ повиновеніи; устроили народное ополченіе и приняли мѣры отложиться отъ Баваріи. Лѣвая сторона требовала, чтобы собраніе энергически защищало и отстаивало возстаніе въ Саксоніи и Палатинатѣ, имѣвшія цѣлю водвореніе имперской конституціи и слѣдовательно возстановленіе имперскаго мира противъ «непокорныхъ, отложившихся правительствъ»; «партія Вейденбуша», разорванная и несогласная между собою, попыталась идти среднимъ путемъ заодно съ центральной властью, объявивъ, что намѣрена допустить только законныя и конституціонныя средства для осуществленія имперскаго преобразованія, но съ другой

стороны готова противустать всякому отдельному государству, которое захочетъ подавить въ чужой области движеніе, возникшее для этой цѣли; эрцгерцогъ Іоаннъ отказался утвердить эту послѣднюю программу Гагерна. Такимъ образомъ умѣренная партія утратила общее свое знамя и свою послѣднюю опору; разладивъ между собою и не зная, что начать, она не могла сойтись ни на одной совокупной мѣрѣ. Вотъ отчего въ засѣданіи 10 мая было принято предложеніе депутата Редена, нанесшее собранію смертельный ударъ. Оно заключалось въ слѣдующемъ: 1) Надо противустать всѣмъ зависящимъ средствами тому тяжкому нарушенію имперскаго мира, которое дозволило себѣ прусское правительство своимъ незаконнымъ вмѣшательствомъ въ Саксонію. 2) При соблюденіи общественнаго спокойствія и безопасности должно оборонять отъ всякаго стѣсненія и гнета всѣ тѣ стремленія народа и его представителей, которыя имѣютъ въ виду водвореніе окончательно утвержденной имперской конституціи. Временную центральную власть слѣдуетъ побудить къ приведенію этихъ рѣшеній въ дѣйствіе. — Національный парламентъ длитъ еще нѣсколько времени свое болѣзненное существованіе. Проектовъ и предложеній появлялась бездна, но всѣ они умирали своей собственной неисполнимостью. Всѣ взоры были обращены на Гагерна, который, при крайнемъ тогда затрудненіи составить новый кабинетъ, все еще временно завыдывалъ своимъ безвластнымъ пѣдстомъ. Многіе прочли его въ диктаторы, съ тѣмъ чтобы онъ принималъ въ свои руки направленіе все разрастающагося движенія и удерживалъ его въ законныхъ предѣлахъ; другіе совѣтовали сблизиться съ Австріей и для этого прежде всего передать до времени блюстителю имперіи санъ верховнаго главы. Но таинственный эрцгерцогъ тутъ именно и заявилъ свое неуваженіе къ парламенту, призвавъ въ министерство — Гревеля, Детмольда, Іохмуса, какъ на подборъ такихъ людей, которыхъ назначеніе парламентъ почелъ «обидою для народнаго представительства». Поэтому съ нимъ не могло уже быть болѣе никакаго общаго дѣла, и тогда-то состоялся планъ устранить эрцгерцога избраніемъ «имперскаго намѣстника» изъ числа государей, вѣрныхъ конституціи. Между тѣмъ рѣшено было отозвать прусскихъ депутатовъ въ національное собраніе, открытое въ Берлинѣ, чѣмъ значительно увеличилось число выбывшихъ членовъ и притомъ безъ заявленія объ ихъ выходѣ. Однакожь вокругъ Гагерна и Дальмана все еще оставалось въ сборѣ крѣпкое ядро «Вейденбушской партіи», раздѣлившееся на фракціи «Нюрнбергскаго подворья»

и «Казино». Эти члены оспаривали у правительствъ право самовластно отнимать у нихъ полномочіе, данное имъ отъ народа. Но они болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что не могутъ удержать прочнаго положенія между двумя враждебными силами, революціей и реакціей, которыя вели теперь кровавую борьбу за господство; поэтому послѣ бурныхъ внутреннихъ столкновений они рѣшились добровольно отступить. Шестидесятъ пять достопочтенныхъ личностей, въ томъ числѣ Гагернъ, Симсонъ (еще прежде отказавшійся отъ президентства), Дальманъ, Морицъ Аридтъ и многіе другіе подписали 20 мая объявленіе о своемъ выходѣ изъ собранія и покинули Павловскую церковь, поприще ихъ славной дѣятельности и патріотическихъ стремленій. Въ письменномъ сообщеніи къ избирателямъ они объяснили побудительныя причины своего поступка.

§ 881. Охвостье парламента (Rumpfparlament). Выходомъ Гагерновой партіи лѣвая сторона приобрѣла еще болѣе простора для своихъ революціонныхъ стремленій. Когда собраніе отвергло предложеніе объ отсрочкѣ засѣданій, изъ него вышли опять двадцать два члена, почти вся партія «Аугсбургскаго подворья». Тогда было постановлено, что для законныхъ опредѣленій достаточно присутствія ста наличныхъ членовъ, вслѣдствіе чего вышло ихъ еще нѣкоторое число. Воззваніе къ германскому народу, написанное въ самомъ благородномъ духѣ швабскимъ поэтомъ Уландомъ, было послѣднимъ прекраснымъ звукомъ собранія, лебединою пѣсню франкфуртскаго сейма. Но поэтическая неопредѣленность этого манифеста допускала всякій перетолкъ; онъ былъ слишкомъ хорошъ для дурнаго дѣла, и слишкомъ слабъ для того, чтобы очистить его отъ зловредной накипи. Отверженіе предложенной Велькеромъ и другими добавочной статьи, которая выставяла имъ перекую конституцію крайнюю, послѣднею цѣлю: всѣхъ усилій и вооружалась противъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства въ германскія дѣла, — отняло послѣднюю тѣнь патріотизма у этого движенія и снова побудило къ выходу значительное число членовъ. Остальные, совершенно подѣ власть крайней лѣвой стороны, постановили перейти въ Штутгартъ, чтобы быть ближе къ центру движенія, и для своихъ революціонныхъ стремленій имѣть опору и вооруженную силу въ демократахъ и анархистахъ юга. Сто съ небольшимъ членовъ, которые 6 іюня снова открыли свои засѣданія въ штутгартской палатѣ депутатовъ, попрежнему назывались еще «учредительнымъ національнымъ собраніемъ Германіи»; но такъ какъ теперь уже и Баварія и другія правитель-

ства отозвали отъ него своихъ членовъ, то этотъ «охвостный парламентъ» превращался болѣе и болѣе въ безсильный и безвластный конвентъ, который нѣсколькими неудачными попытками возмущенія въ конецъ уронилъ остатокъ того достоинства, которое еще связывалось съ именемъ національнаго собранія. Назначается «имперское регентство» изъ пяти членовъ, въ томъ числѣ Равдъ, Фогтъ, Генрихъ Симонъ; возстанія въ Баденѣ и палатинатѣ одобряются и поощряются, а чтобы увлечь въ движеніе сверхъ того еще весь вюртембергскій край и вырвать власть изъ рукъ правительства, принимается законъ «объ устройствѣ народнаго ополченія» и требуется кредитъ въ пять милліоновъ талеровъ. Послѣ этого, тогдашній первый министръ Рёмеръ, человѣкъ крѣпкій на руку и твердый въ мысляхъ, не могъ долѣе терпѣть революціонныхъ выходовъ. Хотя принадлежа къ лѣвому центру во франкфуртскомъ парламентѣ и будучи друженъ съ нѣкоторыми изъ умѣреннѣйшихъ членовъ, которые, подобно Уланду, не покидали своего поста изъ добросовѣстной послѣдовательности, Рёмеръ для спасенія и блага собственной страны долженъ былъ потребовать отъ охвостнаго парламента и отъ учрежденнаго имъ регентства, чтобъ они водворились гдѣ-нибудь въ Вюртемберга. 18 Іюня зала собранія была заперта, и депутаты, которые пошли туда толпою, прогнаны силою. Последнее стенографическое извѣстіе сообщило свѣту, что они уступаютъ только насилію. Съ тѣхъ поръ нѣкоторые члены парламента появлялись только—то участниками открытаго мятежа, то бѣглецами на республиканской почвѣ, то арестантами или обвиненными передъ уголовнымъ судомъ. Таковъ былъ жалкій неходъ перваго германскаго парламента. Предпринятое имъ дѣло объединенія, надежда и цѣль германскаго народа, сокрушилось о трудности, противуставшія ему внутри и извнѣ, о разность началъ и партійныхъ стремленій, которыя мѣшали быстрому ходу обсужденій, не допуская безпристрастія и взаимнаго довѣрія членовъ другъ къ другу, о крайности и буйство безразсудной, распущенной массы и ея страстныхъ коноводовъ, мѣтившихъ на низпроверженіе всего существующаго и на водвореніе республики, о закоренѣлый партикуляризмъ и взаимную ненависть разныхъ племенъ между собою, о нежеланіе государей и реакціонной партіи принести какія-нибудь жертвы для удовлетворенія даже самыхъ справедливыхъ требованій народа.—Дѣло объединенія осталось правда безуспѣшною попыткою; не смотря на то германская нація всегда съ гордостью и удивленіемъ будетъ смотрѣть на собраніе, столь лучезарное блестящими именами, столь богатое разнообразными талан-

тами, которое столь умѣренно пользовалось своею великою силой въ началѣ движенія и которое въ своемъ огромномъ большинствѣ обнаружило столько мужества, патріотизма, преданности благу народа, такую высокую политическую и нравственную доблесть. Слава и память этого собранія не исчезнутъ въ исторіи точно такъ же, какъ не исчезнутъ въ ней его дѣло и стремленія¹.

V. Подисленіе революціи.

§ 882. Движеніе въ Палатинатѣ. Волненіе, обнаружившееся повсемѣстно вслѣдствіе отринутія Пруссіею имперской конституціи, наполнило республиканцевъ надеждой, путемъ новаго огромнаго возстанія достигнуть того, что не удалось имъ въ прошломъ году. На этотъ разъ, въ отказѣ правительствъ принять имперскую конституцію, они имѣли по крайней мѣрѣ законный предлогъ, которымъ могли удобно прикрывать свои цѣли и привлекать на свою сторону даже менѣ рѣшительныхъ демократовъ. Поэтому движеніе возникло прежде всего въ тѣхъ краяхъ, гдѣ правительства отринули конституцію, въ Вюртембергѣ, въ Саксоніи, въ прусскомъ Прирейнѣ, въ Вестфаліи и въ баваро-рейнскомъ Палатинатѣ. Последняя страна, бывшая уже въ 1832 г. центромъ либеральнаго волненія (§ 833), казалась особенно удобною точкою опоры для республиканскаго возстанія по близости своей къ Франціи и по сильному распространенію въ народѣ либеральныхъ и радикальныхъ мыслей. Поэтому, какъ скоро чрезъ повторенныя собранія волненіе было доведено до того, что можно было приступить къ учрежденію временнаго правительства въ Кайзерслаутернѣ и къ созыву «народнаго ополченія», то со всѣхъ сторонъ стеклись охотники, бѣглые баррикадисты, крамольные демагоги, польскіе выходцы, ремесленные ученики, разные бродяги и шелапай, гимнасты (Turner) и молодые вертопрахи. Добровольными жертвами и вынужденными сборами коноводы возстанія скоро добыли въ зажиточномъ краѣ необходимыя денежныя средства. Переходъ многихъ солдатъ изъ крѣпостей Ландау и Гермерсгейма еще болѣе обнадежилъ демократовъ. Всѣ узы дисциплины и подчиненности ослабѣли до такой степени, что два полка пѣхоты, занимавшіе Ландау, почти

¹ Начала, положенныя франкфуртскимъ собраніемъ, ожили опять, послѣ кратковременнаго пригнетія, въ такъ-называемомъ «національномъ обществѣ», въ совершенной перемѣнѣ прусской политики относительно германскаго вопроса и въ общемъ стремленіи къ единству на поприщѣ торговли, промышленности, судопроизводства и т. д.

совершенно разбредись, солдаты бѣжали въ одиночку и цѣлыми партіями, уложивъ въ дорогу свои ранцы, ружья и сабли, и дошло наконецъ до того, что случалось видѣть офицеровъ стоящими подъ ружьемъ на караулѣ. Центральное правительство напрасно пыталось удержать движеніе въ предѣлахъ законности, пославъ на мѣсто имперскимъ комиссаромъ Эйзенштука, одного изъ членовъ лѣвой стороны. Эйзенштукъ дѣйствовалъ такъ рѣшительно въ смыслѣ своей партіи, что франкфуртское министерство вынуждено было отозвать его за нарушение своихъ инструкцій. Онъ, между прочимъ, распорядился удаленіемъ прусскихъ войскъ, вступившихъ изъ Майнца въ Палатинатъ по предписанію имперскаго правительства, и тѣмъ самымъ, при недостаточности баварской военной силы, предалъ все дѣло въ руки временнаго правительства и вольныхъ отрядовъ.

§ 883. Революціонное возстаніе въ Баденѣ. а) Взглядъ на предшествовавшія событія. Въ то время какъ вся Германія смотрѣла съ напряженнымъ ожиданіемъ на исходъ этого движенія, почти не встрѣчавшаго препятствій, а число стекавшихся отовсюду охотниковъ и демократическихъ коноводовъ возрастало съ каждымъ днемъ, въ смежномъ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, глубоко подкопанномъ крамолой, приготовлялось такое возстаніе, которое своими размѣрами и важностью далеко превзошло все подобныя явленія и текущаго и предшествовавшаго годовъ. Демократы не могли на своемъ красномъ знамени выставить здѣсь девизомъ водвореніе имперской конституціи; Баденъ, руководимый либеральнымъ правительствомъ, одинъ изъ первыхъ призналъ франкфуртскій уставъ; онъ первый изъ всехъ странъ съ готовностью подаль руку на объединеніе Германіи, вовсе не противился подчинять себя германской имперской власти и уже принялъ мѣры для введенія конституціи и дачи въ томъ присяги. Но окруженный съ юга и запада двумя демократическими республиками, Баденъ представлялъ такую удобную почву, что подвижники революціи не могли оставить его въ сторонѣ. Поэтому, чтобъ соблюсти тѣнь приличія и не слишкомъ оскорбить сознаніе народа, хотя и сбитаго съ толку въ своихъ понятіяхъ, однакожъ не совсѣмъ лишеннаго чувства права, здѣсь потребовалось развить систему лжи въ самыхъ громаднѣхъ размѣрахъ. Многія обстоятельства способствовали къ тому, чтобъ вызвать такое обширное возстаніе. Благодаря своей свободной конституціи, Баденъ былъ съ давнихъ поръ главнымъ гнѣздомъ либерализма и палатской оппозиціи, а потому въ немъ было много популярныхъ ораторовъ, политическихъ

зажигъ и смѣлыхъ журналистовъ, которые въ своей борьбѣ за прогрессъ и народное просвѣщеніе не всегда соблюдали должную мѣру и свои нападки на весь государственный бытъ Германіи прежде всего обращали къ собственному правительству, которое дѣйствительно, въ прежніе года, часто раздражало противную партію терпкостью своихъ формъ, безусловностію своихъ отказовъ, вліяніемъ на палатскіе выборы и неблаговоленіемъ къ либеральнымъ чиновникамъ.¹ Такимъ образомъ между народомъ и правительствомъ водворился разладъ, на который 1848 г. разбросалъ свое ядовитое сѣмя. Февральская революція Французовъ нашла въ Баденѣ удобную почву для соблазнительныхъ учений своей пропаганды, и многократныя попытки поднять здѣсь знамя мятежа для всей Германіи поддерживали народъ въ постоянномъ волненіи. Во первыхъ сильное броженіе въ низшихъ классахъ породила вѣсть, что «поэтъ» Гервегъ, во главѣ нѣмецкихъ рабочихъ, которые бились на парижскихъ баррикадахъ, переходить Рейнъ для завоеванія республиканской вольности; потомъ Фридрихъ Гекеръ, въ избѣжаніе участи своего друга Фиклера, арестованнаго депутатомъ Мати за умыселъ государственной измѣны (8 апр. 1849), издалъ воззваніе къ храбрымъ крестьянамъ Оберланда, приглашая ихъ вооружиться и выступить на священную брань за свободу (въ половинѣ апрѣля). Популярная личность, въ одеждѣ Ринальдини, Гекеръ вихремъ дикаго одушевленія увлекъ за собой отважную молодежь, и дѣйствовалъ на возбужденную фантазію народа съ непреодолимою романтической силой. Подавленіе этого мятежа (§ 851) и жалкое поведеніе ратоборцевъ свободы передъ союзными войсками нисколько не умалило его славы. Привязанность народа сопровождала его, когда онъ бѣжалъ въ Швейцарію и потомъ путешествовалъ по Америкѣ. Извѣстная «Гекерова пѣсня» (на голось: «Schleswig-Holstein Meerumschlungen») осталась съ тѣхъ поръ марсельезою нѣмецкихъ республиканцевъ. Въ теченіе лѣта волненіе въ Баденѣ нисколько не уменьшалось; на глазахъ правительства, которому конечно хотѣлось положить предѣлъ вольницѣ, но у котораго не было на это силы, почва государственности и права была совершенно взрыта шумными народными сходками, политическими клубами, необузданною, попирающею всѣ законы печатью, и на этой-то разрых-

¹ Баденъ былъ очевидно жертвою несовмѣстности своей либеральной конституціи съ тою мрачно-полицейскою системою, которая держала всю остальную Германію въ клещахъ недоумчиваго гнета и притѣсненія.

ленной почвѣ сѣялись сѣмена новыхъ мятежей. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ Густавъ Штруве, прежде адвокатъ и журналистъ въ Мангеймѣ, отважился вторгнуться въ Баденъ изъ Швейцаріи. Но, чуждый народу по рожденію и воспитанію, онъ нашелъ у него мало сочувствія своему политическому фанатизму въ духѣ Марата, сколько ни старался своими социалистскими ученіями возбудить алчныя страсти пролетаріевъ. Арестованный и выданный самими же поселянами, онъ былъ посаженъ въ Раштаттскіе казематы и просидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока майскій переворотъ возвратилъ ему свободу (20 мая). Его процессъ передъ фрейбургскимъ судомъ присяжныхъ обличилъ страшную путаницу понятій, порожденную въ народѣ лжемудрыми рѣчами и нелѣпыми газетными статьями.

§ 884. 6) Майскіе и іюньскіе дни 1849 г. — Раштаттъ и Оффенбургъ. При такихъ обстоятельствахъ не трудно было въ мѣѣ 1849 г. снова увлечь въ движеніе этотъ край, разшатанный на всемъ его пространствѣ. Демократы дѣйствовали въ пользу своихъ замысловъ чрезъ многочисленные «народные клубы», въ главѣ которыхъ стоялъ адвокатъ Брентано и которымъ слабымъ противовѣсіемъ служили существовавшіе въ нѣкоторыхъ городахъ «патріотическіе клубы» консерваторовъ. Все грозивъе требовали они распущенія палаты и созыва учредительнаго сейма, и получивъ отказъ въ этомъ требованіи, постепенно принудили всѣхъ своихъ единомышленниковъ выйти изъ второй палаты, чтобы отнять у ней возможность законныхъ постановленій, и открыли въ радикальныхъ газетахъ горячую полемику противъ первагоминистра, Баптиста Бекка. Однакожъ убѣдаясь, что не достигнуть своей цѣли, пока войско останется въ послушаніи, они устроили систему самаго безсовѣстнаго соблазна, чтобы увлечь солдатъ къ непокорности противъ офицеровъ. Надо сказать, что при этомъ помогли имъ и обстоятельства. Въ силу постановленія франкфуртскаго парламента пришлось увеличить военную силу отдѣльныхъ государствъ. Поэтому было вновь призвано на службу много молодыхъ людей, которые уже всосали въ себя республиканскія начала, изъ которыхъ немалое число дѣлало походъ съ Гекеромъ въ качествѣ волонтеровъ и которые прониклись заманчивымъ ученіемъ, что въ борьбѣ надобно стоять за «народъ». Уже и безъ того, недовольные призывомъ къ обязательной службѣ, они легко поддались соблазну. Они же видѣли, какому позору подвергались дома отпускные солдаты, которые нѣкогда дрались противъ Гекеровыхъ дружинъ. Не менѣе обилень послѣдстві-

ями былъ законъ о всеобщей воинской повинности и объ устраненіи заступной службы, которое лишило унтеръ-офицеровъ возможности приумножать свой доходъ службой за другихъ. Предположенное повышение окладовъ не было еще приведено въ исполненіе. Всѣ эти причины, въ связи съ жалобами на грубое обхожденіе со стороны многихъ офицеровъ, въ связи съ угощеніемъ даровымъ пивомъ, съ заманчивыми посулами и видами на скорое производство и т. д., поколебали вѣрность баденской арміи и породили у ней духъ противленія, который перешелъ наконецъ въ явный бунтъ. Послѣ нѣсколькихъ тревожныхъ сценъ опаснаго свойства, 11 мая вспыхнуло въ Раштаттѣ страшное солдатское возстаніе. Военный министръ Гофманъ поспѣшилъ въ крѣпость съ отрядомъ вѣрныхъ войскъ для возстановленія порядка, — но напрасно. Окруженный грозными толпами неистовыхъ солдатъ, которые переранили уже многихъ офицеровъ, вечеромъ онъ всѣми неправдами бѣжалъ изъ города съ большою частью офицеровъ и оставилъ крѣпость въ рукахъ бунтовщиковъ. Подобныя сцены произошли въ тотъ же самый день въ Леррахъ. — 13 мая назначена была большая народная сходка въ Оффенбургѣ. Наканунѣ депутаты всѣхъ народныхъ клубовъ собрались для предварительнаго совѣщанія и, въ гордомъ сознаніи побѣды, только что предоставившей союзную крѣпость Раштаттъ въ ихъ полное распоряженіе, выставили цѣлый рядъ требованій и отправили къ министерству депутацію съ просьбой о немедленномъ ихъ удовлетвореніи. Хотѣли распушенія палатъ, созыва учредительнаго земскаго сейма, основаннаго на поголовномъ избирательствѣ, удаленія министерства Бекка и наконецъ всеобщей амнистіи. Правительство дало на это уклончивый отвѣтъ и обратилось во Франкфуртъ съ просьбою скорѣе прислать имперскія войска. Но между тѣмъ, какъ отсюда пришла вѣсть, что у центральной власти нѣтъ въ эту минуту никакихъ войскъ въ распоряженіи, оффенбургская народная сходка, въ которой участвовали и депутаты раштаттскаго гарнизона, приняла такой бурный характеръ, что не только присутствовавшій тутъ комиссаромъ центрального правительства, Раво, отвернулся отъ этихъ неистовыхъ шаекъ съ негодованіемъ, но даже Фиклеръ, только что освобожденный изъ подъ ареста по судебному приговору, и старшина народныхъ клубовъ Брента но держали себя поодаль и только совѣтывали имъ быть умѣреннѣе. Но можно ли было ожидать умѣренности отъ подобной сходки! «Земскій конгрессъ» въ Оффенбургѣ объявилъ «революцію непрерывною», постановилъ «немедленное слитіе постоянного войска съ народнымъ

ополченіємъ подъ самѣизбраннымъ начальствомъ» и учредилъ «земскій комитетъ», который долженъ былъ всѣми зависящими отъ него средствами стараться о водвореніи имперской конституціи, «въ томъ видѣ, какъ состоялась она теперь, по устраненіи событіями всякаго вопроса о верховномъ державцѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлены были мѣры для совершеннаго переустройства всей административной части, податная система была измѣнена и предположены нѣкоторыя социалистскія учрежденія для облегченія ремесленнаго сословія и для вспоможенія «неспособнымъ къ труду гражданамъ» посредствомъ большаго «земско-пенсіоннаго капитала».

§ 885. Карльсруэ. Революціонный вихрь вскорѣ разнесся по всему краю. Въ то же воскресенье вечеромъ двѣ роты солдатъ воротились въ пьяномъ и пенстовомъ видѣ изъ Брухзала въ Карльсруэ и распространили мятежъ въ столичномъ городѣ. Внутренность казармы была совсѣмъ разорена, жилище одного нелюбимаго полковника предано опустошенію, одинъ драгунскій ротмистръ, который хотѣлъ съ своими людьми возстановить порядокъ, былъ убитъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ и рядовымъ. Съ гиканьемъ и стрѣльбой разсыпались буйные солдаты среди ночи по городскимъ улицамъ вмѣстѣ съ подоспѣвшими къ нимъ на помощь толпами волонтеровъ, и пытались взять приступомъ арсеналъ, мужественно обороняемый отрядомъ гражданскаго ополченія. Все пришло въ страшное волненіе отъ ярости и буйства; стрѣльба, крики, шумъ и гвалтъ превратили тихую майскую ночь въ ужаснѣйшую сумятицу, навели на всѣхъ невольный страхъ и наполнили всѣ сердца тревожнымъ ожиданіемъ. Офицеры, покинутые и угрожаемые своими собственными солдатами, искали спасенія въ быстромъ бѣгствѣ; мужественный принцъ Фридрихъ подвергалъ жизнь свою опасности. Среди сценъ неистоваго мятежа великій герцогъ съ семействомъ покинулъ свой замокъ и, пользуясь темнотою ночи, подъ прикрытіемъ отряда драгунъ и нѣсколькихъ артиллеристовъ, удалился сперва въ крѣпость Гермерсгеймъ, а потомъ въ Альзассскій городокъ Лаутербургъ. На другой день (14 мая) послѣдовали за нимъ и государственные министры. Власть находилась теперь въ рукахъ «земскаго комитета», который изъ Оффенбурга перешелъ въ Раштаттъ, и городской совѣтъ Карльсруэ, чтобъ избавить гражданъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій, отправилъ къ нему депутацію съ объявленіемъ, «что городъ Карльсруэ не воспротивится комитету, если онъ изберетъ его своимъ мѣстопробываніемъ, лишь бы только новая власть взяла на себя охранять городъ».

Подъ звуки музыки и въ сопровожденіи военной силы, вечеромъ 14 мая земскій комитетъ вступилъ въ столицу Бадена, и глава временнаго правительства, Брентано, далъ съ балкона ратуши торжественное завѣреніе, что земскій комитетъ ограничитъ свою дѣятельность охраною общественной безопасности и водвореніемъ имперской конституціи. Штрुве, освобожденный изъ-подъ стражи подобно многимъ другимъ такъ называемымъ политическимъ «мученикамъ», также вступилъ въ земскій комитетъ. Утромъ въ воскресенье карльсруйскій гарнизонъ присягнулъ на вѣрность конституціи, а вечеромъ онъ дрался въ рядахъ бунтовщиковъ! Не смотря на то большинство было и теперь того мнѣнія, что дѣло идетъ лишь о водвореніи единства и свободы Германіи, — увѣренность, которую радикальные коноводы не отважились искоренить явнымъ провозглашеніемъ республики. Драгуны подъ начальствомъ полковника Гинкельдея, сопровождавшіе великаго герцога въ Гермерсгеймъ, и при которыхъ находился также военный министръ Гофманъ со многими офицерами, не бывъ допущены въ крѣпость, хотѣли съ своими пушками идти къ Франкфурту, но были удержаны отъ того собравшимися со всѣхъ сторонъ вольными отрядами, гимнастами и гражданскими ополченцами, и, преслѣдуемые по пятамъ, должны были перейти черезъ горы къ Вюртембергской границѣ, гдѣ уже на чужой землѣ враги застигли ихъ врасплохъ, изнеможенныхъ отъ усталости, и частію разогнали, частію захватили въ плѣнъ. Солдаты, покинутые почти всѣмъ своимъ начальствомъ, составили ядро «народнаго ополченія», которое новое правительство организовало теперь общимъ вызовомъ на службу всей годной подъ ружье молодежи отъ 18 до 30 лѣтъ. Многочисленныя вольныя дружины, стекавшіяся со всѣхъ концовъ, увеличили собой число ратниковъ. Оружіе и военные снаряды доставили арсеналы и запасныя магазины велико-герцогской казны. Въ короткое время въ Баденѣ соединились всѣ силы революціи.

§ 886. Переломъ. Побѣда радикаловъ въ Баденѣ могла доставить торжество республиканскому дѣлу только въ томъ случаѣ, еслибъ удалось увлечь въ водоворотъ движенія и сосѣднія государства. Поэтому немедленно заключенъ былъ братскій союзъ съ Палатинатомъ, а Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау и Вюртембергъ приведены въ броженіе посредствомъ демократическихъ зажигъ. Народная сходка въ Лауденбахѣ, по горной дорогѣ, на рубежѣ обоихъ великихъ герцогствъ, должна была положить начало перенесенію революціонной смуты въ Гессенъ; но гнусное убійство одного почтеннаго должностнаго лица,

изъ Дармштадта, которое хотѣло удержать собраніе въ предѣлахъ законности, до того возмутило нравственное и человѣческое чувство присутствующихъ, что жители, и особенно военный народъ, съ негодованіемъ отвернулись отъ дѣла, проводимаго такими средствами; и сколько гимнасты и вольнодружинники ни распинались въ пользу краснаго знамени въ Вормсѣ и Майнцѣ, гдѣ еще старыя воспоминанія девяти-
 стыхъ годовъ служили основой для происковъ какого-нибудь Цица и товарищей, однакожь во всемъ Штаркенбургскомъ округѣ республиканское движеніе не нашло себѣ удобной почвы. Когда баденскія войска подошли къ гессенской границѣ и хотѣли съ музыкой вступить въ сосѣдній край, чтобы и здѣсь заключить союзъ народнаго братства, Гессенцы встрѣтили ихъ картечью, и это озадачило мятежниковъ до того, что они въ безпорядочномъ бѣгствѣ быстро отступили на Гейдельбергъ. То была критическая минута: солдаты, не довѣряя своимъ новымъ, ими же избраннымъ офицерамъ, которые дѣйствительно оказались неспособными, стали призадумываться насчетъ того, полно правду ли говорили имъ соблазнитель. Первое обаяніе прошло, и у многихъ теперь явились раскаяніе и забота. Радикаламъ-начальникамъ удалось подавить это малодушіе солдатъ и задорными рѣчами возбудить ихъ къ мести противъ «ослабленныхъ Гессенцевъ»; но ихъ собственныя блестящія надежды стали исчезать, когда они увидѣли, что революція не смогла переступить границу у Геппенгейма и Гемсбаха. Сколько ни старались они обманывать легковѣрныхъ и несвѣдущихъ ложными слухами о близкихъ и дальнихъ побѣдахъ народа, о мятежахъ и отпаденіяхъ военныхъ силъ, о приближеніи французской помощи, ободряя ихъ такимъ образомъ стоять на своемъ; мятежъ не удалось перенести за гессенскую границу, и прекрасныя нивы по горной дорогѣ отъ Геппенгейма въ Вейнгеймъ напрасно упитывались германской кровью въ бесполезной борьбѣ. — Болѣе удобную почву для революціи представлялъ повидимому Вюртембергъ. Такъ же подкорманный крамолой, какъ и Бадень, этотъ край до того былъ взволнованъ усиліями необузданной печати, демократическими клубами и народными сходками, осуществленіемъ безграничнаго права выборовъ, дѣльными тучами адресовъ и прошеній по государственнымъ дѣламъ, что правительство мало по малу утратило всякую власть и значеніе, радикалы рѣшали все по своему и въ палатѣ и среди народа, а войско становилось очевидно ненадежнымъ. Когда Фиклеръ и другіе поджигатели явились сюда изъ Бадена, чтобы склонить Швабовъ къ братскому союзу, когда наконецъ лѣвая сторона франкфуртскаго собра-

нія переселилась въ Штутгартъ въ видѣ «охвостнаго парламента», чтобы опереться на революціонную силу, когда въ камерѣ предложили союзъ съ Баденомъ и Палатинатомъ, — тогда, повидимому, пришлось и Вюртембергу плыть по теченію, и всѣ взоры обратились на страну, гдѣ должна была рѣшиться грозная борьба консервативной власти съ революціей, гдѣ народное сборище, созванное къ Духову дню въ Рейтлингенъ, грозило разыграть роль Оффенбургской сходки. То были тяжкіе дни, полные заботъ и бдѣзныхъ ожиданій. Въ то же время въ нѣкоторыхъ прусскихъ городахъ обмундированіе «ландвера» встрѣтило рѣшительное сопротивленіе; въ Эльберфельдѣ и Дюссельдорфѣ устроили баррикады; въ Нассау господствовало грозное раздраженіе; повсемѣстно демократы, въ интересъ своего «дѣла», тревожили каждую минуту правительства, полицію и военную силу, не давая имъ вздохнуть. Тогда южную Германію спасъ отъ переворота энергическій Рёмеръ, популярный человѣкъ, дѣйствовавшій съ чистотой швабской безоличностью. «Охвостный парламентъ» былъ выгнанъ изъ Штутгарта, Фиккеръ арестованъ и заключенъ въ Асбергъ¹, проискамъ чужихъ и домашнихъ демагоговъ положенъ рѣшительный конецъ. И сколько радикалы ни кляли и не позорили Рёмера, его имя было для народа достаточной порукой въ томъ, что тутъ не можетъ быть рѣчи о реакціи, подавляющей законную свободу; сильный довѣріемъ народа, протівусталъ онъ энергически бурнымъ волнамъ мятежа. Не исполнились также надежды на юньское возстаніе въ Парижѣ, которое въ Баденѣ выставляли уже полною побѣдою «красной республики» и которымъ пользовались для того, чтобы усилить волненіе и жажду боя. Такимъ образомъ революція на юго-западѣ ограничилась однимъ Прирейнемъ, и пока здѣсь безуспѣшно суетились и хлопотали о томъ, чтобы придать какую нибудь прочную форму общей вольницѣ и распущеннымъ стихіямъ, при чемъ революція извелась своими собственными крайностями, сѣверная Германія быстро пришла въ порядокъ, когда Пруссійскій король въ воззваніи, внушавшемъ довѣріе, обѣщалъ утолить жажду германскаго единства учрежденіемъ союзнаго государства съ народнымъ представительствомъ, и когда оглашенный вскорѣ «союзъ трехъ королей» удовлетворилъ повидимому въ надлежащей мѣрѣ желаніямъ и требованіямъ патріотовъ.

§ 887. Окончательный исходъ. При разобщеніи революціоннаго движенія, ограниченнаго небольшимъ пространствомъ, и не встрѣ-

¹ Старая крѣпость, служащая государственной тюрьмой.

чая въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ ни какого сопротивленія, баденскіе радикалы не могли воспользоваться, какъ слѣдуетъ, своимъ торжествомъ. Они созвали учредительный земскій сеймъ, который, состоя изъ выборныхъ демократическаго меньшинства, былъ только призракомъ временнаго правительства; это сборище радикальныхъ «крикуновъ» представляло жалкій образецъ политическихъ способностей передовой партіи; воплощенная духовная немощь, этотъ учредительный сеймъ въ Карльсруэ явился настоящею сатирой на конституціонный порядокъ; одинаковую неспособность обнаружили «гражданскіе комиссары» въ окружныхъ городахъ и начальники военной силы и «народнаго ополченія». Правда, здѣсь образовалась партія ускореннаго прогресса, признававшая главою социалиста-демократа Штруве; эта партія, съ помощью республиканско-швейцарскаго легіона, намѣревалась провозгласить красную республику и осуществить социалистическія грезы; но Брентано, трезвый человѣкъ, при твердыхъ республиканскихъ началахъ не поддававшійся головокруженію, помѣшалъ исполнить этотъ опасный планъ, который, въ рукахъ иностранныхъ прошлецовъ, нанесъ бы краю неисчислимыя бѣдствія. — Великій герцогъ отправился между тѣмъ въ Эренбрейтштейнъ, а оттуда во Франкфуртъ, и прибѣгъ за помощью къ центральной власти, а когда у ней въ распоряженіи не оказалось достаточнаго числа войскъ, то онъ обратился къ Пруссіи. Последняя согласилась пособить, но съ условіемъ, чтобъ Баденъ приступилъ къ «трехкоролевскому союзу»; для этого великій герцогъ уволилъ прежнее министерство и совершенно примкнулъ къ Пруссіи. А когда и баварскій кабинетъ, въ главѣ котораго сталъ бывший профессоръ и саксонскій министръ фонъ-деръ Фордтенъ, не смотря на свою оппозицію «трехкоролевскому союзу», ходатайствовалъ о вступленіи прусскихъ войскъ въ Палатинатъ, то на революціонированный край положено было произвести совокупное нападеніе. Въ то время какъ гессенскія и мекленбургскія союзныя войска заняли горную дорогу на Вейнгеймъ, а солдаты и народное ополченіе мятежниковъ, подъ начальствомъ неспособныхъ вождей, дѣлали безъ плана и цѣли совѣмъ напрасныя переходы, прусскія силы, состоявшія изъ ландвера и линейныхъ войскъ, подъ руководствомъ опытныхъ генераловъ и офицеровъ и подъ общимъ распоряженіемъ принца Прусскаго, двинулись на югъ. Тогда главы временнаго правительства въ Баденѣ и Палатинатѣ призвали къ себѣ Поляка Мѣрославскаго и поручили ему главное начальство надъ всѣми силами мятежниковъ. Мѣрославскій внесъ болѣе плана и порядка

въ ихъ военныя предпріятія и снова внушилъ солдатамъ довѣріе и мужество, однакожь въ окончательномъ итогѣ былъ такъ же несчастливъ въ Баденѣ, какъ прежде въ Познани и Сициліи. Около половины іюня часть прусскихъ войскъ вступила въ баварскій Палатинатъ, гдѣ инсургенты долго истощались въ успіяхъ завладѣть крѣпостью Ландау, оставленною безъ гарнизона; Пруссакки прошли весь этотъ край, почти совсѣмъ не прибѣгая къ оружію. Мятежники, приводимые Поляками и другими иностранными прошлецами, тотчасъ же направились въ Баденъ, чтобы совокупною силою дать непріятелю самый энергическій отпоръ. Занявъ палатинатъ, Пруссакки перешли Рейнь у Филиппсбурга, между тѣмъ какъ другой корпусъ двигался впередъ по горной дорогѣ, а имперскія войска, перешагнувъ Некаръ потянулись къ вюртембергской границѣ. Тѣснимые такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, инсургенты, послѣ неудачнаго боя подъ Вагхейзелемъ (15 іюня), должны были повернуть на югъ, чтобы защищаться въ Раштаттскихъ укрѣпленіяхъ. Вскорѣ весь край до Боденскаго озера и до швейцарской границы находился въ рукахъ Пруссакковъ и имперскихъ войскъ; разсѣянные солдаты и молодежь перваго призыва разошлись большею частію по домамъ, а вольнодружинники и еще уцѣлѣвшіе линейные отряды бѣжали вмѣстѣ съ начальниками въ Швейцарію. Раштаттъ продержался нѣсколько недѣль среди стычекъ и вылазокъ. Но когда наступилъ недостатокъ въ съѣстныхъ и военныхъ припасахъ, обложенный городъ вынужденъ былъ сдаться на волю побѣдителя. Такъ усмирено было возстаніе въ Баденѣ. Великій герцогъ воротился въ свои владѣнія, старый порядокъ былъ возстановленъ по прежнему, и законамъ доставленъ новый вѣсь строгимъ наказаніемъ виновныхъ. Но въ то время какъ казематы и тюрьмы наполнились множествомъ арестантовъ, а нѣкоторые начальники вольныхъ дружинъ и коноводы демократовъ (въ томъ числѣ членъ парламента фонъ-Трюцшлеръ) были приговорены къ разстрѣлянью военными судами въ Маннгеймѣ и Раштаттѣ, главные зачинщики всѣхъ этихъ бѣдъ успѣли спастись бѣгствомъ въ Швейцарію или въ Америку. Гекеръ, вызванный временнымъ правительствомъ изъ-за океана, прибывъ во Францію узнать, что переворотъ уже подавленъ. Имя его конечно придадо бы возстанію новую силу. Теперь раздраженному демократу не оставалось ничего болѣе, какъ еще разъ бѣжать за океанъ. Поэтъ Готфридъ Кинкель, ревностно содѣйствовавшій республиканскому мятежу и словомъ и дѣломъ, былъ освобожденъ отъ произнесеннаго ему смертнаго при-

говора и отправленъ въ прусское смирительное заведеніе, но спасся оттуда въ слѣдующемъ году и благополучно бѣжалъ въ Англію. — До полного преобразованія туземной арміи Баденское великое герцогство, объявленное на военномъ положеніи, было занято прусскими войсками. Событія эти произвели такое потрясающее впечатлѣніе на преданнаго народу великаго герцога Леопольда, что онъ вскорѣ потомъ занемогъ и, послѣ невыразимыхъ страданій, 24 апрѣля 1852 г. сошелъ въ могилу.

§ 888. Возстаніе и паденіе Венгріи. (Сравни §§ 807, 849). Борьба народностей. Бурный 1848 г. поколебалъ въ Венгріи древне-сословную, феодально-монархическую конституцію минувшихъ вѣковъ. Путемъ быстрыхъ совѣщаній сеймъ пришелъ къ отмѣнѣ всѣхъ крестьянскихъ повинностей и поборовъ безъ вознагражденія, распространилъ податную обязанность на лица всѣхъ безъ различія сословій, установилъ свободу печати, гласность и устность судопроизводства съ участіемъ присяжныхъ, а либеральный избирательный законъ утвердилъ на демократическомъ основаніи. Австрійское правительство, тѣснимое со всѣхъ сторонъ, не только согласилось на всѣ эти нововведенія, но еще и другими важными уступками старалось удержать въ спокойствіи венгерскій народъ, искони неохотно покорявшійся системѣ австрійской администраціи. Однакожъ строго-мадьярская партія, полная національной гордости и самомнѣнія, думала, что насталъ наконецъ удобный часъ возстановить Венгерское королевство въ его величіи и независимости, и поэтому настаивала на ослабленіи связей, соединявшихъ его съ Австрійскою монархіей, и на приобрѣтеніи такихъ правъ и учреждений, которыя преобразили бы Венгрію въ самобытное государство, связанное только «личностію монарха» съ другими составными частями имперіи. Подъ гнетомъ тогдашнихъ обстоятельствъ, вѣнское правительство подалось на нѣкоторыя уступки и въ этомъ смыслѣ, стараясь лишь сохранить прежнія отношенія во всемъ остальномъ. Оно согласилось, чтобъ ближайшее завѣдываніе дѣлами перешло въ руки либеральнаго министерства, въ которомъ председательствовалъ энергическій патріотъ, графъ Людвигъ Батъяни, а вліятельнѣйшимъ членомъ былъ адвокатъ Людвигъ Кошутъ, ратовавшій и словомъ и перомъ за свободу Венгріи; но ни дворъ, ни императорское правительство не хотѣли допустить обособленія Венгріи по финансовымъ и военнымъ дѣламъ. Они требовали по крайней мѣрѣ, чтобъ Мадыяры приняли на себя часть государственнаго долга и обязались соразмѣрнымъ взносомъ на покрытіе

общихъ государственныхъ расходовъ. Австрійцы нашли при этомъ неожиданнаго союзника въ южно-славянскихъ племенахъ, Кроатахъ, Словакахъ и Граничарахъ, которые до сихъ поръ бывъ соединены съ Мадырами въ одно Венгерское королевство и имѣя депутатовъ на венгерскомъ сеймѣ, увлеченные теперь панславистскимъ стремленіемъ (§ 807) и оскорбленные въ своемъ народномъ чувствѣ пристрастіемъ Мадыровъ къ своему собственному языку и племени, требовали отдѣленія отъ Венгріи и самостоятельнаго политическаго устройства подѣлѣніемъ общаго министерства имперіи. Подобныя же требованія заявлены были и отъ прочихъ племенъ въ Трансильваніи и другихъ мѣстностяхъ, такъ что Венгерское королевство вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться самостоятельнымъ, свободнымъ и сильнымъ, подвергалось опасности полнаго распадѣнія, съ утратою всѣхъ присоединенныхъ къ нему не-мадырскихъ стихій. «Равноправность различныхъ народностей» стала теперь лозунгомъ всѣхъ племенъ, отъ Карпатъ до Савы и Дуная. Гордость и заносчивость Мадыровъ, замѣнившихъ употребительный дотолѣ на сеймѣ и въ начальственныхъ распоряженіяхъ латинскій языкъ своимъ народнымъ и старавшіеся повсемѣстно распространить свои національныя учрежденія въ ущербъ стародавнимъ туземнымъ, посѣяли сѣмена племенной вражды, и хотя венгерскій сеймъ наконецъ допустилъ въ пользу Кроатовъ изыятіе изъ того закона, по которому официальнымъ въ Венгерскомъ королевствѣ считался одинъ мадырскій языкъ, однакожь народная ненависть пустила уже такіе корни, что среди общаго раздраженія не могли не разыгратъ національные порывы. Кроатская и венгерская депутаціи въ одно и то же время приступали къ императорскому правительству въ Вѣнѣ съ настойчивыми требованіями (въ мартѣ 1848), ища одна, соединенія трехъ королевствъ, Кроаціи, Славоніи, Далмаціи и Военной границы въ одно особое государство, независимое отъ венгерскаго министерства и сейма, а другая — желая поддержки прежняго союза и цѣлости Венгерскаго королевства. Австрійское правительство старалось воспользоваться этою племенною ненавистью для ослабленія своихъ противниковъ и потому соблюдало нерѣшительное положеніе. Просьбу Кроатовъ удовлетворили въ томъ отношеніи, что баномъ ихъ назначили врага Мадыръ Еллачича, челоѣка, угоднаго двору, а Венгровъ старались ублажать обѣщаніями и уступками. Когда стремленіе славянскихъ стихій къ независимости банъ довелъ до явнаго возстанія противъ Венгровъ, то явился императорскій манифестъ,

не одобравшій такого образа дѣйствій и даже объявившій бану увольненіе; однакожь, удостовѣрся въ его преданности посредствомъ личныхъ переговоровъ, дворъ оставилъ его на этомъ важномъ постѣ. Въ надеждѣ на высокое покровительство, Еллачичъ продолжалъ стараться изъ всѣхъ силъ объ отдѣленіи южно-славянскихъ областей отъ Венгріи. Газетными статьями, рѣчами и прокламаціями разжигали болѣе и болѣе народную вражду противъ Мадьяръ и выставляли непокорность Венграмъ въ видѣ священной борьбы за свободу, религію и національную независимость. Последнее совѣщаніе между Еллачичемъ и Батьяни, происходившее въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Вѣнѣ, не повело къ соглашенію. Вопросъ о томъ, оставаться ли обновленной Венгріи въ прежнемъ ея объемѣ, или превратиться въ маленькое мадьярское королевство, приходилось рѣшить мечемъ.

§ 889. Еллачичъ. Началась кровопролитная народная война въ юго-восточной Венгріи. Древняя Сирмія, съ ея «римскими окопами», эта болотистая страна, перерѣзанная рвами и насыпями и часто игравшая значительную роль въ венгерской военной исторіи, населена суровыми воинственными племенами преимущественно славянскаго корня, — Сербами, Иллирами, Чайкистами, Райцами и т. д., которыя, въ связи съ Банатомъ и нѣкоторыми сопредѣльными мѣстностями, хотѣли составить славянское воеводство, независимое отъ Венгріи. Подстрекаемыя зажитками и духовными фанатиками, отказали они въ повиновеніи венгерскимъ властямъ и предприняли опустошительные набѣги въ сосѣдніе комитаты. Началось, въ понедѣльникъ на Святой, возстаніемъ въ маленькомъ городкѣ Кикиндѣ, которое сопровождалось страшными сценами ужаса, убійства и грабежа. Получивъ подмогу со стороны и не встрѣчая отъ безоружныхъ еще Венгровъ довольно энергическаго сопротивленія, мятежники скоро одержали значительные успѣхи. Привыкшіе къ войнѣ и грабежу дикіе Граничары и Сербы наполнили кровью и опустошеніемъ весь край по теченію Тиссы и Дуная. Города Нейзаць (Уйвидекъ, Новый Садъ), Карловиць, Панчова, Вейскирхенъ (Фейертемпломъ) и другія мѣстности были позорищемъ величайшихъ злодѣяній, буйствъ и грабежей. Цѣлые мѣсяцы шла эта опустошительная племенная борьба безъ всякаго военнаго плана и безъ правильныхъ сраженій; страсти раздражались національною враждой и неутолимой жаждой мщенія; возстаніе Чеховъ въ Прагѣ и броженіе всѣхъ славянскихъ племенъ имперіи еще усиливали ярость суровыхъ Граничаръ. Только въ августѣ (1848) удалось венгерскимъ

войскамъ разбить мятежниковъ въ жаркой битвѣ у окоповъ св. Оомы и въ городѣ Вейсспрхенъ и подавить наконецъ сербское возстаніе. — Тѣмъ временемъ волненіе Кроатовъ и Словаковъ противъ «азіатской орды», которой игу они не хотѣли долѣе подчиняться, дошло уже до такой степени, что война стала неизбежна. Поэтому, въ согласіи съ дворомъ и съ реакціонною партіей, воинственный банъ Еллачичъ поднялъ знамя кроатской независимости и въ сентябрѣ перешелъ съ своими дикими ватагами рѣку Драву. Этому предпослалъ онъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ, «что ему поручено императоромъ отстаивать поправленные интересы глубоко негодующаго народа и поддержать составъ австрійской монархіи, не только нарушенный въ своихъ правахъ строптивымъ упорствомъ господствующей у Венгерцевъ партіи, но и потрясенный ею въ самыхъ своихъ основахъ». «Онъ намѣренъ освободить венгерскую націю изъ рукъ крамолы, которая обманомъ и хитростью лишила корону всякой власти, разрушила согласіе между народами и насильственно ослабила законную связь Венгрии съ другими областями». — Еллачичъ безъ сопротивленія проникнулъ до Платтенскаго озера; венгерскія войска, большею частію подъ командой австрійскихъ начальниковъ, не знали что начать, притомъ были численно слабы и вовсе не расположены къ войнѣ; и какъ ни со стороны Венгровъ, ни со стороны Австріи еще не было произнесено послѣднее слово, то естественно, что въ армію проникъ духъ шаткости, недоумѣнія и нерѣшительности, который связывалъ каждый ея шагъ. Мадыары вступили еще разъ на путь мирныхъ переговоровъ съ Австріей. Они обратились къ имперскому сейму въ Вѣнѣ, но нашли здѣсь ту же самую племенную непріязнь, которая вездѣ облегчала австрійскому правительству побѣду надъ враждебными между собою народами. Вліяніе Славянъ оттолкнуло Венгровъ отъ сейма, а мѣры правительства болѣе и болѣе утверждали ихъ въ томъ мнѣніи, что ни желанія и виды пестскаго сейма не будутъ приняты дворомъ, ни же осуществятся вполнѣ тѣ обѣщанія, которыя были даны имъ въ мартѣ; что напротивъ, австрійское правительство явно и тайно полагаетъ славянскимъ мятежамъ, чтобы, пользуясь международною враждой, восторжествовать надъ всѣми противниками. Мадыары увидѣли теперь, что имъ слѣдуетъ разсчитывать только на собственную силу и начали готовиться къ войнѣ. Появленіе Еллачича съ кроатскими полками въ близи столицы естественно усилило раздраженіе и повело къ тому, что популярное краснорѣчіе Кошута одержало верхъ

надъ предостереженіями разсудительныхъ и сдержанныхъ патріотовъ. Въ Венгріи создано было поголовное земское ополченіе, раздраженіе страстнаго народа дошло до фанатизма; началась народная война самая жестокая и кроволитная. Удаленіе эрцгерцога Стефана отъ должности палатина и добровольное сложеніе съ себя министерскихъ обязанностей такими людьми, какъ Батьянъ и Эйтвѣшъ, совершенно предоставило заправленіе дѣлами въ руки Кошута и пылкой мадьярской партіи. Гнусное убійство назначеннаго главнокомандующимъ венгерскихъ войскъ, графа Ламберга, совершившееся на плывучемъ будапештскомъ мосту (28 сент. 1848), явилось страшнымъ свидѣтельствомъ ярости и раздраженія, господствовавшихъ въ венгерской столицѣ. Ужасное это дѣло вмѣстѣ съ одновременнымъ почти извѣстіемъ о томъ, что императорскій комиссаръ при Еллачичѣ и его арміи, графъ Зичъи, по распоряженію мадьярскаго военачальника Гѣргей, осужденъ военнымъ судомъ и повѣшенъ какъ измѣнникъ, а сокровища, хранившіеся у него въ подвалѣ, увезены, — имѣли слѣдствіемъ распушеніе венгерскаго сейма, объявленіе всего королевства на военномъ положеніи и назначеніе бана Еллачича главнокомандующимъ всѣми императорскими войсками въ Венгріи и принадлежащихъ къ ней земель. Еллачичъ потерпѣлъ уже два значительныя пораженія, когда октябрское возстаніе въ Вѣнѣ вызвало его изъ Венгріи (§ 864). Многіе утверждали, что венгерскія деньги и подстрекательства содѣйствовали этому мятежу; но зачѣмъ венгерскія войска только тогда двинулись на помощь стѣсненному городу, когда его уже взяли Австрійцы, осталось до сихъ поръ необъясненнымъ. Или Мадьярамъ не хотѣлось самимъ начать съ Австріей войну переходомъ за ея границу, или замедленіе произошло отъ того, что оказалось необходимымъ преобразовать армію, при которой состоялъ тогда самъ Кошутъ, и надо было напередъ принять всѣ мѣры для устройства поголовнаго ополченія. Позднее появленіе Мадьяръ и быстрое пораженіе ихъ на Швехатѣ (30 окт.) рѣшило участь мятежной столицы.

§ 890. Видпшъ-Грецъ въ Пестѣ и національная война въ Трансильваніи. Возстановленіе австрійской монархіи въ прежнемъ ея видѣ и возвращеніе центральной власти стараго имперскаго правительства всей ея полноты было со времени паденія Вѣны главной цѣлью той («черножелтой») партіи, которая захватила теперь въ руки всѣ дѣла государства. Уступки, сдѣланныя императоромъ Фердинандомъ Венграмъ, и данныя имъ обѣщанія были уже не совмѣстны

съ этимъ новымъ стремленіемъ, и надо было опасаться, что совѣтливый государь не согласится взять назадъ свои прежнія обязательства. Но тутъ императоръ Фердинандъ отказался отъ престола, и юный племянникъ его, Францъ-Іосифъ, получилъ корону благодаря добровольной уступкѣ со стороны своего отца (2 декабря). Венгерскій сеймъ протестовалъ противъ этой смѣны государя и противъ всѣхъ правительственныхъ мѣръ новаго императора прежде чѣмъ, по стародавнему обычаю, онъ коронуется въ Венгріи и присягнетъ на вѣрность конституціи и узаконеннымъ правамъ. Чтобы энергически встрѣтить грозную войну, къ которой Австрія готовилась огромными вооруженіями, Кошутъ обратился съ пламенными призывами ко всѣмъ способнымъ носить оружіе Венгерцамъ, и въ короткое время выступило въ поле 200,000 человекъ, частью—регулярнаго войска, частью—ополченія (гонведовъ). Обширныя топки равнины Тиссы, гдѣ бродить съ своими табунами венгерскій коногонъ, служили сборнымъ мѣстомъ для мадьярскихъ воиновъ. 15 декабря двинулся на Венгрію князь Виндишъ-Грецъ, назначенный главнокомандующимъ. Послѣ легкихъ стычекъ и безъ большого сопротивленія заняты были города Эденбургъ, Пресбургъ, Раабъ, и потомъ съ осѣмью колоннами рѣшено было напасть на Буду-Пестъ, главный городъ края. Среди зимы австрійскія войска успѣли пройти Баконьскимъ лѣсомъ, котораго трясина закрѣпилъ на ту пору сильный морозъ, и въ первые дни 1849 года они приблизились къ столицѣ. Когда императорскій полководецъ отвергнулъ переговоры, о которыхъ просилъ графъ Батяньи въ члѣнъ значительной депутаціи, Кошутъ, въ ночь съ 4 на 5 января, выступилъ потихоньку изъ Песта съ венгерскою арміею и со всѣми военными припасами и отправился въ Дебрецинъ, взявъ съ собою корону св. Стефана, королевскія регалии и станокъ для печатанія ассигнацій. Комитетъ земской обороны и депутаты сейма сопровождали его. На слѣдующій день фельдмаршалъ вмѣстѣ съ баномъ Еллачичемъ торжественно вступилъ въ Офенъ и Пестъ и препроводилъ къ императору ключи двѣйничнаго города. —Между тѣмъ шла своимъ чередомъ кровопролитная борьба съ Сербами около Панчовы и по римскимъ окопамъ вдоль береговъ Дуная и Тиссы, а въ Трансильваніи загорѣлась такая война, которая своими ужасами превосходила все, что занесено въ лѣтописи войнъ со временъ Гунновъ и Вандаловъ. Національная вражда съ ея страстью къ нововведеніямъ изгнала благоденствіе и миръ даже изъ отдаленныхъ низинъ и высотъ того дикоро-

мантическаго края, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ жили между собой согласно разныя племена германскаго (Саксонцы), дакороманскаго (Валахи или Румыны) и мадьярскаго (Венгры и Секлеры) корня, съ различными правами и учрежденіями, но съ общимъ для всѣхъ трансильванскимъ сеймомъ. Сначала потребовали и добились себѣ одинакихъ правъ съ (господствовавшими прежде) Саксонцами и Мадьярами Румыны и выслали отъ себя депутатовъ на сеймъ въ Клаузенбургъ; потомъ Секлеры и Мадьяры настояли на томъ, чтобъ соединенный трансильванскій сеймъ потребовалъ отъ австрійскаго правительства полного и неразрывнаго соединенія съ Венгріей. И это требованіе удовлетворилъ императоръ Фердинандъ въ тѣ бурные дни, которыми ознаменовалась для Европы весна 1848 г. Но скоро наущенія со стороны и собственное зрѣлое обсужденіе вопроса породило новыя стремленія. Валахи отвергли союзъ съ Венгріей и примкнули къ такъ называемому всеславянскому движенію, хотя и чуждыхъ, но все же болѣе родственныхъ имъ племенъ; а Саксонцы, желая лучше уберечь свои старыя права и льготы, нежели добиваться ненадежныхъ преобразованій въ будущемъ, объявились въ пользу сохраненія существующаго порядка. Оба племени стали подъ знамя австрійской имперіи и тѣмъ навлекли себѣ всю тягость войны со стороны ближайшихъ сосѣдей своихъ, Мадьяровъ. Секлерскіе гусары на своихъ прыткихъ коняхъ и Венгры-ополченцы нападали на открытыя мѣстечки, богатыя деревни и хутора Саксонцевъ, не щадя въ своей ярости ни пола, ни возраста, ни частныхъ, ни церковныхъ имуществъ; Румыны съ своей стороны, составили изъ себя хищническія ватаги, и вторгались въ предѣлы враждебныхъ сосѣдей съ убійствомъ, опустошеніемъ и грабежомъ; не столь воинственные и свирѣпыя отъ природы, Саксонцы только оборонялись отъ чужихъ обидъ и призывали себѣ въ защиту австрійскую армію, подъ начальствомъ генерала Пухнера. Такимъ образомъ всѣ ужасы опустошительной народной войны налегли на прекрасную, но злополучную Трансильванію. Австрійское правительство нашло себѣ самаго сильнаго союзника въ жарко-разгорѣвшейся племенной непріязни. Когда въ январѣ 1849 г. главное начальство надъ венгерскими войсками въ Трансильваніи получилъ польскій генералъ Бемъ, соединявшій мужество и военную опытность съ человѣколюбивымъ сердцемъ, тогда война приняла наконецъ болѣе правльный характеръ. Убѣжденный въ томъ, что Мадьяры и Румыны только дѣйствуя заодно могутъ сокрушить австрійское господство, старался онъ примирить враждую-

щихъ Валаховъ съ Секлерами или по крайней мѣрѣ внушить имъ обоюдную кротость и милосердіе. Тѣмъ безпощаднѣ обрушились теперь всѣ ужасы войны на союзныхъ Австріи Саксонцевъ. Два главные ихъ города, Кронштадтъ и Клаузенбургъ, достались въ руки Мадырамъ, а третій, Германштадтъ, подвергся жестокой канонадѣ Бема съ ближайшихъ горныхъ высотъ и изъ Штольценбурга. Силы Пухнера были слишкомъ недостаточны, и какъ ни храбро бились Саксонцы въ Германштадтѣ, они не могли долго сопротивляться Мадырамъ и Секлерамъ. Тогда приверженцамъ Австріи удалось склонить комитеты саксонско-валахскаго сейма на обильный послѣдствіями шагъ. Они призвали въ помощь себѣ Русскихъ, которые уже два мѣсяца наблюдали валахскую границу. Тѣ охотно пришли на зовъ. Генераль Энгельгардтъ двинулся съ 6000 человекъ и 20 пушками въ Трансильванію (31 янв.) и, послѣ жаркихъ стычекъ, занялъ Кронштадтъ и Германштадтъ (1 и 4 февр.). Такимъ образомъ австрійскимъ войскамъ развязаны были руки къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

§ 891 Лудвигъ Кошутъ и Артуръ Гёргей. Австрійское правительство повидимому было того мнѣнія, что совзятіемъ Офена-Песта и съ объявленіемъ Венгріи въ осадномъ положеніи мятежъ тамъ прекращенъ. Оно назначило бана Еллачича губернаторомъ Далмаціи, съ сохраненіемъ ему прежняго сана, согласилось на отдѣленіе Сербскаго воеводства и предположило расторженіе союза между Венгріей и Трансильваніей. Это снова возбудило духъ мятежа въ воинственныхъ Венграхъ, озабоченныхъ сохранностью своего королевства, и вѣлѣдствіе того возникла борьба, которая по упорству и энергіи далеко оставила за собою всѣ военные подвиги этой многотревожной эпохи. Польскіе эмигранты, въ томъ числѣ извѣстные и искусные военачальники, каковы Дембинскій, Бемъ и друг., примкнули къ венгерскому возстанію, въ надеждѣ добиться такимъ образомъ возстановленія Польши; великія демагогскія способности Кошута дѣйствовали чрезвычайно сильно на суровыхъ, мужественныхъ, патріотическихъ Мадыаръ, а господствующее вездѣ броженіе и жажда битвъ привлекали цѣлыя массы вольныхъ дружинъ и проходивцевъ. Кредитомъ, который сеймъ назначилъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, и который въ октябрѣ былъ подтвержденъ и еще увеличенъ, Кошутъ воспользовался для изготовленія венгерскихъ ассигнацій болѣе чѣмъ на семьдесятъ милліоновъ гульденовъ. — Дембинскій былъ сдѣланъ главнокомандующимъ, что возбудило зависть мадыарскихъ начальниковъ, особенно даровитаго и честолюбиваго Артура

Гёргея; подъ Дембинскимъ командовали Месарошъ, Перцель, Клапка и друг. Повсемѣстно свирѣпствовала страшная междоусобная и международная война. Послѣ двухдневной кровопролитной битвы при Капольнѣ (26 и 27 февр.), гдѣ обѣ стороны дрались необыкновенно храбро и гдѣ однакожь побѣда осталась нерѣшенной (потому что Гёргей, изъ непріязни къ Дембинскому, пришелъ слишкомъ поздно), венгерскія войска отступили опять къ низинамъ Тиссы и предоставили столицу австрійскому полководцу, который строгими мѣрами противъ всѣхъ участниковъ венгерскаго возстанія хотѣлъ удержать отъ всякихъ дальнѣйшихъ пособій инсургентамъ. Зато въ февралѣ мѣсяцѣ вся Трансильванія перешла въ руки Бема. Небольшой русскій отрядъ, уступая превосходной силѣ, долженъ былъ очистить Германштадтъ и Кронштадтъ и удалиться за границу; Пухнеръ, преслѣдуемый Бемомъ до Ротентурмской тѣнины, укрылся со всѣмъ своимъ корпусомъ въ Валахію, остальные были разсѣяны и отброшены въ Буковину и другія мѣста. — Съ наступленіемъ весны Виндишъ-Грецъ, соединивъ всѣ императорскія силы, предпринялъ изъ столицы совокупное нападеніе на Венгровъ въ самомъ сердцѣ ихъ страны; онъ имѣлъ въ виду сначала покорить всѣ ихъ крѣпости, а потомъ задавить войска въ топкихъ низинахъ Тиссы. Но планъ его не удался. Венгры съ чрезвычайнымъ искусствомъ и храбростью совершили переходъ черезъ Тиссу одновременно въ разныхъ мѣстахъ и напали на отдѣльные корпуса Австрійцевъ; генералъ Шликъ былъ разбитъ Дембинскимъ при Гіонгіошѣ, Еллачичъ и другіе австрійскіе военачальники были отбиты при Цегледѣ, Гатванѣ, Гёдёллѣ, Ишасегѣ и друг. мѣстахъ (2—6 апрѣля 1840), а «дѣтвенная» дунайская крѣпость Коморнъ такъ успѣшно сопротивлялась сильнымъ нападеніямъ императорской осадной арміи, что фельдцейгмейстеръ фонъ-Вельденъ наконецъ долженъ былъ прекратить бомбардировку и рѣшился тѣснымъ обложеніемъ лишить крѣпость продовольствія и тѣмъ вынудить ее къ сдачѣ. — Мадыары съ новымъ одушевленіемъ перешли теперь къ наступательной войнѣ, болѣе и болѣе угрожая взволнованной столицѣ; свѣтлая недѣля ознаменовалась ежедневными схватками въ окрестностяхъ города и на Ракошскомъ полѣ, древнемъ мѣстѣ избранія Венгерскихъ королей. Но въ то время какъ Виндишъ-Грецъ и Еллачичъ думали только о томъ, чтобъ защитить отъ нападенія Пестъ-Офенъ, Венгры, подъ начальствомъ Дамьянича и Клапки, успѣли обойти непріятельскую армію и послѣ страшной рѣзни съ австрійскимъ гарнизономъ, при чемъ смертельно раненъ

генераль Гёцъ, взяли приступомъ весьма важный въ стратегическомъ отношеніи городъ Вайценъ. Быстро перешель потомъ Гёргей съ Дамьявичемъ и Клапкою за рѣку Гранъ, разбилъ австрійскаго генерала Вольгемута при Нагъи-Шарло и выручилъ Коморнъ, который осаждавшіе тщетно бомбардировали цѣлыя недѣли и надъ которымъ выставлено было черное знамя въ знакъ отчаянной рѣшимости гарнизона защищаться до смерти. Эти неудачи убѣдили Ольмюцскій дворъ, что Виндишь-Грецъ съ окружавшимъ его знатымъ старѣемъ взялся за дѣло не по силамъ. Императорскій рескриптъ извѣстилъ объ отозваніи князя-фельдмаршала; мѣсто его заступилъ фонъ-Вельденъ, и начальство надъ отдѣльными корпусами передано другимъ генераламъ. Но дѣла приняли уже такой грозный оборотъ, что новый главнокомандующій не могъ удержать за собою столицы. Ночью 23 апрѣля австрійскія войска покинули Пестъ; плывучій мостъ, соединявшій этотъ городъ съ Офеномъ, былъ сожженъ, чтобъ обезпечить оставленный тамъ гарнизонъ отъ внезапныхъ нападений. Тѣмъ же утромъ, среди общихъ ликованій народа, вступили Мадьяры въ воцѣщенный городъ, убранный по праздничному. Два дня спустя (25 апр.) принудили они къ отступленію осадную армію подъ Коморномъ, послѣ того какъ имъ удалось перебросить черезъ Дунай другой мостъ, овладѣть окопами и отбить большую часть пушекъ. Но жесточайшая борьба сосредоточилась теперь у Офена. Когда въ началѣ мая Гёргей съ своимъ храбрымъ, отличнымъ войскомъ появился на окрестныхъ высотахъ, въ намѣреніи очистить отъ непріятеля и правый берегъ Дуная, тогда австрійскій гарнизонъ увидѣлъ ясно, что для него одно спасеніе—мужество. Начальникъ его, генераль Генци, родомъ Швейцарецъ, приказалъ посѣбно запереть все укрѣпленіе, приведенныя въ исправный порядокъ, копать шанцы и рвы, ставить палисады и брустверы: словомъ, онъ принялъ все мѣры для упорной обороны. Но тщетно! Ежедневно возобновляемсю страшною бомбардировкой, подземными минами и частыми нападеніями Гёргей постепенно уничтожилъ все оборонительныя работы, такъ что когда 24 мая городъ загорѣлся отъ града каленыхъ ядеръ, и сильнымъ вѣтромъ разнесло огонь во все концы, то предпринятый среди суматохи крайне усиленный приступъ восторжествовалъ наконецъ и надъ Офеномъ. Храбрость и ожесточеніе были одинаковы съ обѣихъ сторонъ, каждый шагъ отставался и завоевывался съ равнымъ упорствомъ; во дворахъ и въ комнатахъ люди дрались въ одиночку; все покрылось трупами и залилось рѣками крови. Генци, который, тотчасъ по прибытіи Гёргея, разрушилъ канонадой

цѣлые кварталы зарѣчнаго Песта въ наказаніе за обнаруженное тамъ сочувствіе къ своимъ, — несчастный Генци погибъ при штурмѣ. Оставшіеся въ живыхъ всѣ сдались военнопленными. Австрійскія войска отступили въ Пресбургъ и на крайнюю окончность острова Шютта, чтобы выждать подкрѣпленій. — На югъ Мадьяры также одержали верхъ; окопы св. Оомы достались имъ въ руки, побѣдоносное оружіе ихъ прошло до Панчовы. Австрійцы между тѣмъ оставались на чужой почвѣ; Венгры съ трехъ сторонъ вытянулись грозною стѣной по границамъ своего освобожденнаго отечества. — Обнадеженный этими успѣхами Дебрецинскій сеймъ объявилъ уже независимость Венгріи отъ Австріи (14 апр.), учредилъ временное правительство подъ руководствомъ губернатора Кошута и тѣмъ отстранилъ возможность всякаго мирнаго соглашенія. Этотъ рѣшительный шагъ къ основанію Мадьярской республики породилъ первый важный разладъ между Кошутомъ и Гѣргеемъ и водворилъ «духъ раздора» въ ихъ собственныхъ рядахъ. Гѣргей, недовольный объявленіемъ самобытности края и завидуя высокому положенію губернатора, слѣдовалъ съ тѣхъ поръ внушеніямъ своего честолюбія и жажды власти и становился въ болѣе и болѣе независимое отношеніе къ правительству. Ни санъ главнокомандующаго, переданный ему отъ Дембинскаго, ни соединенное съ тѣмъ званіе военнаго министра не смогли примирить честолюбиваго полководца съ Кошутомъ и съ новымъ правительствомъ. Гордый военачальникъ презиралъ распоряженія послѣдняго, отвергнувъ пожалованные ему сеймомъ знакъ военнаго отличія и повышеніе въ чинѣ и, въ сознаніи своего необыкновеннаго таланта, дѣйствовалъ самовольно и ни мало не соображаясь съ данной обстановкою.

§ 892. Гайнау и Паскевичъ. Доведенное до крайности, австрійское правительство прибѣгло къ помощи Россіи. Въ тотъ самый день, когда Гѣргей бралъ приступомъ Офень (21 мая), между императоромъ Россійскимъ и юнымъ Австрійскимъ государемъ рѣшена была судьба Венгріи на личномъ совѣщаніи въ Варшавѣ. Возстаніе распространилось до того, что ослабленная и смятенная имперія не могла уже совладать съ нимъ одною собственною силой; побѣдоносный исходъ венгерскаго мятежа понизилъ бы Австрію на степень второкласнаго государства, ободрилъ бы партію переворота во всей Европѣ и поколебалъ всѣ монархическія державы въ ихъ основаніяхъ. Восторженное участіе Пляковъ въ венгерской войнѣ и громкая радость пограничныхъ польскихъ земель по случаю побѣдъ пнсургентовъ свидѣтельствовали о великомъ

значеніи этой борьбы для народовъ, жаждавшихъ освобожденія. Спокойствію громадной Русской державы также угрожала опасность. Могъ ли императоръ Николай отказать въ помощи, которая отдавала жребій восточныхъ странъ въ его руки? Не только для Австріи и для безопасности собственнаго края, но и ради будущаго величія и могущества Россіи, императоръ положилъ на вѣсы свой грозный мечъ. Къ концу мая вооруженія на столько подвинулись впередъ, что русскія войска, подъ начальствомъ знаменитаго Паскевича, могли отдѣльными отрядами перейти венгерскую границу отъ Кракова на Дуклу, между тѣмъ какъ Австрійцы, усиленные новыми подкрѣпленіями ¹, двинулись къ востоку подъ командой гессенскаго уроженца, генерала Гайнау, а банъ Еллачичъ снова вступилъ въ Венгрію съ южной стороны. Мадьярамъ отовсюду грозили страшныя непріятельскія силы, и имъ оставалось или покориться, или вести борьбу на жизнь и смерть. Кошутъ рѣшился на послѣднее; съ дивною дѣятельностью поднималъ онъ всеобщую народную войну, и возбуждалъ Венгерцевъ къ тѣмъ великимъ жертвамъ и лишеніямъ, которыя одни могли доставить имъ побѣду, свободу и независимость. Пламенные рѣчи, которыми вызывалъ онъ всѣ сословія на беспощадную малую войну, какую нѣкогда Испанцы вели противъ Наполеона, дѣйствительно разожгли въ пылкихъ и воинственныхъ Мадьярахъ чрезвычайное одушевленіе и жажду боя. При всей громадности непріятельскихъ армій, народная война развилась въ томъ самомъ объемѣ, какой предназначалъ для нея Кошутъ, и такъ какъ она велась всѣми способами, какими только можетъ располагать храбрый, до отчаянія доведенный народъ, то благополучный исходъ все еще казался возможнымъ. Страна и климатъ благопріятствовали Венграмъ во всѣхъ отношеніяхъ; отсутствіе большихъ дорогъ затрудняло связь отдѣльных отрядовъ; въ проливные дожди пути становились непроходимыми для войскъ и обозовъ; дневные жары и ночные инеи порождали болѣзни, и биваки на лихорадочныхъ болотахъ Потисся были смертельны для непривычныхъ къ климату русскихъ и австрійскихъ солдатъ. А откуда было достать необходимыхъ жизненныхъ припасовъ на цѣлыя арміи, когда, по распоряженію Кошута, вездѣ, гдѣ показывался непріятель, туземцы тотчасъ истребляли всѣ запасы и полевые плоды? — Къ тому же войска венгерскихъ инсургентовъ состояли не изъ опытныхъ, дурно вооруженныхъ и плохо выпавленныхъ ватагъ,

¹ И русскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генерала Панюткина.

какъ нѣмецкія вольныя дружины, но частію изъ служилыхъ регулярныхъ войскъ, частію изъ привычныхъ къ боевому дѣлу пришлецовъ того или другаго воинственнаго племени, подѣ начальствомъ свѣдущихъ вождей, съ обильнымъ запасомъ оружія и военныхъ снарядовъ. — Начало возобновленной борьбы было очень благопріятно для австрійскихъ войскъ, подкрѣпленныхъ многочисленными русскими корпусами, тѣмъ болѣе, что для оживленія ихъ мужества явился къ нимъ на короткое время самъ молодой императоръ. Послѣ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлъ Гѣргей былъ отброшенъ Вольгемутомъ и Гайнау на Ваагъ и Раабъ (20 и 27 іюня) и принужденъ обороняться за стѣнами и окопами Коморна, послѣ чего Гайнау издалъ 1 іюля строгую прокламацію, въ которой приглашалъ Венгровъ сложить оружіе и грозилъ самымъ жестокимъ наказаніемъ всѣмъ тѣмъ, кто останется заодно съ мятежниками и окажетъ какую-нибудь помощь Дебрецинскому «конвенту». 12 іюля австрійскій главнокомандующій снова овладѣлъ Офеномъ и Пестомъ; тамъ, гдѣ еще недавно съ такой самоувѣренностью распоряжался Кошутъ, водворился теперь генеральный штабъ Австрійцевъ, и козаки, посланные изъ главной квартиры Паскевича въ Гѣдѣллѣ, гарцовали по улицамъ испуганной столицы. Предвѣстіемъ страшной будущности явились тяжкія наказанія, которыя безпощадный Гайнау наложилъ на весь городъ, и особенно на еврейское общество, благопріятствовавшее возстанію Мадьяровъ, а также и грозныя прокламаціи, въ которыхъ объявлялась «смерть» всѣмъ тѣмъ, кто дерзнетъ словомъ, дѣломъ или ношеніемъ какихъ-нибудь революціонныхъ знаковъ помогать мятежникамъ. Держать у себя, выдавать или принимать венгерскія ассигнаціи (Кошуты билеты) запрещалось подѣ смертною казнію, — что нанесло страшныя потери, такъ какъ до того времени венгерскія деньги были въ общемъ ходу и принимались даже казеннымъ вѣдомствомъ. Не менѣе успѣшно было оружіе Еллачича на югѣ. Венгерскій генераль Перцель былъ отброшенъ, Нейзацъ зажженъ канонадой изъ Петервардейна, взяты приступомъ римскіе окопы и укрѣпленія по каналу Франца и наконецъ, по взятіи О'Бече, совершенъ переходъ за Тиссу. Но какихъ страданій стоило это солдатамъ! Венгры, чтобъ отмстить Чайкистамъ за ихъ грабежи, истребили всѣ жатвы, завалили колодези и такимъ образомъ проложили искусственную пустыню. Здѣсь, подѣ знойнымъ іюльскимъ солнцемъ, не имѣя ни тѣни деревъ, ни малѣйшаго навѣса для защиты и ничего, кромѣ гнилой воды дунайскихъ болотъ, для питья, войска должны были провести нѣсколько дней сряду. Скоро открылась между ними холера и

произвела ужасный моръ. Стоянь больныхъ и умирающихъ, нарушавшій грозную тишину ночи, еще усиливаль муки воиновъ. Не долго осталась за ними и побѣда. Извѣстась о движеніи бана, Бемъ предоставилъ Секлерамъ и другимъ туземцамъ борьбу въ Трансильваніи, а самъ повернулъ на западъ. Послѣ трудной осады онъ взялъ на уговоръ крѣпость Арадъ (1 іюля), принудилъ ослабленное и обезотваженное войско Еллачича быстро отступить за Тиссу и Дунай и побѣдоносно проникъ до Нейзаца и Петервардейна. Не удался только его замысль овладѣть сильно стѣсненнымъ Темешваромъ, гдѣ страшно свирѣпствовали болѣзни и голодъ; его мужественно отстоялъ австрійскій комендантъ Рукавина, который вскорѣ потомъ былъ похищенъ холерою. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа Бемъ опять явился въ Трансильваніи, которой болѣшая часть захвачена между тѣмъ русскимъ генераломъ Людерсомъ. Появленіе его только усилило бѣдствіе злополучнаго края, который, переходя изъ рукъ въ руки, всегда болѣе или менѣе терпѣлъ отъ побѣдителя. Пожарища и побоища смѣнялись тамъ непрерывной чередой. Попытка Секлеровъ возмутить жителей Молдавіи осталась безуспѣшна. — Кошутъ съ министрами и членами сейма находился между тѣмъ въ Сегединѣ, который избранъ временнымъ мѣстопробываніемъ правительства послѣ занятія Песта Австрійцами и Русскими. Здѣсь, въ концѣ іюля, происходили послѣднія засѣданія венгерскаго сейма, и правительство хваталось за планы и мѣры, ясно показывавшіе его внутреннее распаденіе. Хотѣли отстранить Гѣргея отъ главнаго начальства, но кто дерзнулъ бы оторвать отъ вполне преданной ему арміи этого мощнаго человека, возбуждавшаго недовѣріе властей? Его только раздражали, а повредить ему въ сущности не могли.

§ 893. Виллагошская катастрофа. Громадная борьба, на которую теперь исключительно устремлены были взоры всей Европы, быстро близилась къ окончанію. Смѣлая вылазка коморнскаго гарнизона подъ начальствомъ храбраго Клацки (3 августа) была послѣднимъ удачнымъ дѣломъ Мадьяръ. Съ богатою добычей и снова запасшись продовольствіемъ и военными снарядами, гарнизонъ, простершій свой набѣгъ до Рааба и Визельбурга, возвратился въ непобѣдимый городъ. Вскорѣ соединенныя силы стянулись на берегахъ Тиссы и Мароша. Русскіе, подъ начальствомъ Паскевича, Остенъ-Сакена, Граббе и друг., уже въ іюлѣ проникли до Токая и Мишкольца, тогда какъ Гѣргей оставался еще въ Коморнѣ. Извѣстась о томъ, онъ выступилъ въ походъ съ тою цѣлю, чтобъ, если можно, помѣшать соедине-

нію Русскихъ съ идущими отъ запада Австрійцами; этотъ планъ не удался, но послѣ успешной битвы подъ Вайценомъ Гѣргей мастерскимъ маршемъ ушелъ черезъ Карпаты отъ окружавшихъ его русскихъ корпусовъ и достигъ благополучно верхней Тиссы. Непріятель далеко превосходилъ его силою; послѣ несчастнаго боя подъ Дебрециномъ (2 августа), онъ вынужденъ былъ отступать все далѣе на востокъ и югъ, медленно преслѣдуемый Русскими, пока 8 августа въ мѣстечкѣ Вилагошѣ, близъ Арада, онъ увидѣлъ себя въ такомъ положеніи, которое показалось ему безвыходнымъ. Въ то самое время генералъ Гайнау съ австрійскими и русскими силами двинулся изъ Песта къ нижней Тиссѣ, перешелъ рѣку у Сегедина и потомъ, гоня передъ собою Венгровъ, направился берегомъ Мароша къ юго-востоку, пока достигъ окрестностей осажденнаго Темешвара, имѣлъ здѣсь удачное дѣло съ Мадырами (9 августа) и тѣмъ высвободилъ этотъ городъ, сильно терпѣвшій отъ голода и холеры. Послѣ Темешварской битвы, въ которой были разбиты войска Дембинскаго и Месароша, венгерскія силы сосредоточились около Арада, гдѣ находился Кошутъ съ временнымъ правительствомъ и куда двинулся также Гѣргей. Последний уже во время перехода получилъ отъ русскихъ переговорщиковъ предложеніе положить оружіе на извѣстныхъ условіяхъ и поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ русскихъ офицеровъ; повидимому, въ настоящую минуту, отчаянный ходъ дѣлъ и недовольство Кошутомъ привели къ рѣшительности быть-можетъ уже давно питаемый имъ замысль покончить бесполезную войну достопамятною катастрофой подъ Вилагошемъ. На последнемъ военномъ совѣтѣ въ Арадѣ большинство склонилось къ тому мнѣнію, чтобъ Кошутъ сложилъ съ себя правительственную власть, и Гѣргей принялъ диктатуру (10 авг.). И то и другое было приведено въ исполненіе. Двѣ прокламаціи отъ 11 августа, — одна, подписанная Лудвигомъ Кошутомъ и всѣми министрами, другая — Артуромъ Гѣргеємъ, возвѣстили венгерскому народу объ этомъ событіи, а утромъ 13 августа новый диктаторъ съ тридцатитысячною арміею и 120-ю пушками положилъ оружіе передъ русскимъ генераломъ Рюдигеромъ въ Вилагошѣ. Съ скрежетомъ негодованія, но подавленная чувствомъ стыда и скорби за собственную участь и за разгромъ отечества, армія покорила необходимости и исполнила волю своего начальника. Не безъ огорченія узнали объ окончательномъ торжествѣ Русскихъ и Австрійцы, въ ту самую минуту, когда они готовились предложить Венграмъ послѣдній бой. Невѣроят-

пость благопріятнаго для Венгріи исхода неравной борьбы, надежда, положивъ оружіе, спасти жизнь значительнаго числа храбрыхъ и сколько-нибудь облегчить жребій отечества, непріязнь къ польскимъ военачальникамъ и наконецъ явный разладъ съ Кошутомъ, съ правительствомъ и сеймомъ, которыхъ республиканскихъ стремленій онъ не одобрялъ и которыхъ попытки лишить его начальства оскорбляли его военную гордость, — вотъ что, кажется, побудило храбраго Гёргея къ неожиданному шагу, который сдѣлалъ его измѣнникомъ собственному дѣлу. Способъ веденія войны въ послѣднія недѣли далъ поводъ къ предположенію, что Гёргей (на это впослѣдствіи намекали и его записки: «Моя жизнь и дѣятельность въ Венгріи») уже нѣсколько времени велъ переговоры съ Паскевичемъ и что въ надеждѣ на нѣкоторыя изустныя обѣщанія онъ безусловно сдался Русскимъ со всею арміей. Однакожь не исполнилась надежда, черезъ русское посредство и предстательство выговорить безнаказанность всемъ солдатамъ и начальникамъ, вошедшимъ въ уговоръ о сдачѣ. Конечно, самъ онъ за свою великую услугу былъ помилованъ и получилъ безопасное убѣжище въ Клагенфуртѣ; но другіе были преданы суду. Послѣ Вилагошской капитуляціи скоро пришла къ концу и вся военная тревога. Крѣпости Арадъ, Петервардейнъ и друг. сдались Австрійцамъ; гонимыя (ополченцы) разошлись по домамъ; Кошутъ, Бемъ, Дембинскій, Месарошъ и друг. бѣжали за границу и укрылись въ Турціи; въ Трансильваніи на Секлеровъ и Мадьяръ напали Валахи и Славяне, грабя и убивая до тѣхъ поръ пока ихъ не уняли Русскіе и Австрійцы. Одинъ Коморнъ, гдѣ командовалъ Клапка, держался еще болѣе мѣсяца. Храбрый военачальникъ сдалъ крѣпость на почетныхъ условіяхъ только тогда (27 сент.), когда вполне убѣдился въ низложеніи венгерскаго возстанія, и велѣдъ за тѣмъ онъ отправился на чужбину. Такъ кончилась венгерская война, величавая въ своихъ явленіяхъ, трагическая съ своимъ исходомъ. Паскевичъ, торжествуя, донесъ императору Николаю: «Побѣжденная Венгрія у ногъ Вашего Величества». Если Гёргей отдалъ почетъ побѣды не войскамъ Гайнау, которыхъ боевые успѣхи привели подъ Темешваръ, а лучше захотѣлъ сдаться Русскимъ, хотя они не выиграли еще ни одного значительнаго сраженія, то въ этомъ проявилась глубокая вражда, господствовавшая между Венгріей и Австріей, а равно и личная ненависть, какую навлекъ себѣ императорскій полководецъ своимъ жестокимъ и страшнымъ веденіемъ войны. — Въ то время какъ австрійская и русская дипломатія старались лишить выходцевъ убѣжища на турецкой почвѣ,

безпощадный Гайнау приступилъ въ Венгріи къ ужасной расправѣ надъ участниками и сторонниками мятежа. Члены благороднѣйшихъ фамилій благопріятствовали возстанію и старались быть полезными отечеству, кто начальствуя въ полѣ, кто служа правительству и сейму дѣломъ или совѣтомъ. Всѣ они подверглись строгому преслѣдованію: виновнѣйшіе были повѣшены или разстрѣляны въ Пестѣ и Арадѣ; въ томъ числѣ графъ Лудвигъ Батьяни, котораго осудили на висѣлицу, но принуждены были разстрѣлять, потому что онъ успѣлъ самъ себѣ нанести рану; министръ Чаньи и старецъ Перенья, президентъ верхней палаты сейма; генералы Карлъ Весей, Нагъи-Сандоръ, Лудвигъ Аулихъ, графъ Карлъ Лейнингенъ, Дешѣфи, Тёрёкъ, Пельтенбергъ, и мног. друг.; также храбрый Дамьяничъ, который, приковылявъ на своей деревяшкѣ послѣдній къ висѣлицѣ, хладнокровно сказалъ: «Странное дѣло! а бывало я вездѣ поспѣю первый!» Другихъ записали рядовыми или фурманами въ австрійскую армію и отправили въ дальніе края. 6 октября, въ день смерти Латура, Венгрія увидѣла цѣлую «гекатомбу очистительныхъ жертвъ». Съ тѣхъ поръ исчезли въ томъ краѣ благосостояніе и общественное довольство. Бездна городовъ, селеній и господскихъ усадебъ лежитъ въ развалинахъ, вездѣ край и народъ поражены почти неизлѣчимыми ранами. Глухая, смертная тишь царитъ надъ обширными степями Тиссы и Дуная, и съ затаенною враждою въ сердцѣ несетъ Мадьяръ свою тяжкую судьбу. Помѣстья упали въ цѣнѣ, вслѣдствіе отмены барщинъ и возвышенія податныхъ повинностей, почва терпитъ недостатокъ въ рабочей силѣ для надлежащей воздѣлки, прибыльное разведеніе табаку сдѣлалось императорскою регаліей; и сколько правительство ни старается возстановить разстроенный край продажей въ розницу по участкамъ большихъ казенныхъ и общинныхъ угодій, а также введеніемъ новыхъ правилъ о выкупѣ барщинъ и о прочихъ земледѣльческихъ отношеніяхъ, язвы Венгріи еще долго будутъ источать кровь и недуги ея долго не излѣчатся.

Союзно-германскія дѣла

§ 894. 1. Трехкоролевскій союзъ. Съ паденіемъ Венгріи пала и революція 1848 и 1849 годовъ въ Европѣ. То были годы, полные событій, богатые надеждами и опытами, разочарованіями и горемъ. Сколько бы ни старались съ различныхъ сторонъ очернить этотъ

«буйный» періодъ, вызвавшій на свѣтъ бездну золь, и совершенно вычеркнуть его изъ памяти, онъ всегда сохранить свое значеніе и свою историческую важность, и если плоды долгой борьбы не таковы, чтобъ оставить по себѣ добрую память, то по крайней мѣрѣ вызванныя ими безчисленныя страданія и слезы не скоро забудутся народомъ въ Германіи. Эти годы нанесли общественному быту страшный ударъ, обильный послѣдствіями и въ высшей степени поучительный; для Германіи это было поворотною точкой относительно прежняго образа мыслей и прежней политики. Волненіе народной жизни съ ея гласностью, съ ея уличными схватками и боями, съ ея громкимъ разгуломъ и одушевленіемъ, придало этой порѣ характеръ юншества въ противоположность многолѣтнему и многогнѣвному старчеству прежней, почти бездѣйственной эпохи; Нѣмцы охотно бы желали позабыть весь хламъ и плъ, намытый при томъ волнами на родную ихъ землю, однакожь всегда будутъ уважать внутреннее ядро, которое лежало въ основѣ этихъ движеній, — свободу, величіе и единство Германіи. Сила оружія скоро уgomонила громкій взрывъ народной жизни; тишина и внѣшнее спокойствіе возвратились опять въ города и села; всѣ снова принялись за обычныя занятія, и правительства успѣли приложить распорядительную руку къ устройству потрясенной тогда государственности. Гдѣ, какъ напримѣръ въ Италіи, было можно возстановить прежнія отношенія, тамъ, повидимому, скоро достигли цѣли; но въ Германіи, гдѣ поколебались и распались всѣ союзныя связи, гдѣ многія правительства, уступая бурѣ, даровали вольности, переходившія всякую мѣру, утвердили такіе законы и конституціи, съ которыми прежнее канцелярское управленіе было несовмѣстно, и гдѣ распушеніе союзнаго сейма было признано и одобрено самими властями, установленію новаго порядка дѣлъ препатствовали величайшія затрудненія. Пруссія, усиливъ революцію въ германскихъ земляхъ, спискала себѣ почетъ и довѣріе, что повидимому и давало ей преимущественное право взять въ свои руки новое устройство союзныхъ отношеній. Поэтому, когда король успокоилъ взволнованный германскій народъ обѣщаніемъ, что потребность въ единомъ союзномъ государствѣ, съ общою представительной палатой отъ народа, будетъ непремѣнно удовлетворена, и когда въ бурные іюньскіе дни 1849 г. основаніемъ для союзнаго государства предложенъ былъ новый проектъ конституціи, условленный 26 мая между правительствами прусскимъ, ганноверскимъ и саксонскимъ, то всѣ любящіе отечество радостно привѣтствовали этотъ даръ, обѣщавшій Германіи за-

конную свободу внутри и силу и вѣсъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. Ядро наслѣдственно-императорской партіи изъ Франкфурта, съ Гагерномъ и Дальманомъ во главѣ, совѣщалось въ концѣ іюня въ Готѣ¹, гдѣ порѣшено содѣйствовать по мѣрѣ силъ принятію и осуществленію проекта съ тѣмъ, чтобы состоялся наконецъ имперскій сеймъ. Дѣло сначала пошло успѣшно. Административный совѣтъ, состоящій изъ уполномоченныхъ трехъ королевствъ и всѣхъ тѣхъ державъ, которыя постепенно приступали къ трехкоролевскому союзу, занимался подъ предсѣдательствомъ бывшаго прусскаго министра фонъ-Бодельшвинга въ Эрфуртѣ дѣлами нововозникающаго союзнаго государства и вмѣстѣ принималъ подготовительныя мѣры къ образованію будущаго сейма; и хотя сначала, ни Баварія, ни Вюртембергъ, ни нѣкоторыя изъ мелкихъ державъ не выслали въ административный совѣтъ своихъ представителей, а также не признали и учрежденный въ то же время «союзный третейскій судъ», однакожь все-таки можно было ожидать, что если Пруссія и ея союзники останутся непоколебимы въ своемъ намѣреніи, то со временемъ возникнетъ германское союзное государство, какое нѣкогда имѣлъ въ виду Гагернъ, хотя и не въ столь тѣсной связи, какъ онъ предполагалъ, то-есть безъ единой исполнительной власти и съ предоставленіемъ бѣльшихъ правъ каждому изъ отдѣльныхъ членовъ союза. Притомъ, вторичнымъ созывомъ палатъ для пересмотра проекта прусской конституціи, Пруссія заявила тогда свое твердое рѣшеніе вступить въ разрядъ конституціонныхъ государствъ. Такъ какъ выборы во вторую палату производились по новому трехразрядному избирательному закону, то демократы не приняли въ нихъ участія, и въ этой палатѣ избранной меньшинствомъ, радикальная партія не имѣла вовсе ни какихъ представителей. Новый прусскій сеймъ не противопоставлялъ правительству ни упорной, ни систематической оппозиціи, а потому въ первыя недѣли 1850 года состоялся коренной конституціонный законъ для прусскаго королевства путемъ соглашенія между правительствомъ и народомъ, и 6 февраля король присягнулъ на вѣрность этому закону въ торжественномъ засѣданіи. Въ то же время Пруссія расширила свои предѣлы пріобрѣтеніемъ родовыхъ Гогенцоллернскихъ владѣній въ Швабін, которыя уступлены ей по договору князьями Зигмарингенскимъ и Гехингенскимъ.

¹ Это собраніе Нѣмцы называютъ обыкновенно Nachparlament.

§ 895. 2. Эрфуртъ. Дарованіемъ конституціи Пруссія приблизилась къ остальнымъ германскимъ державамъ и повидимому тѣмъ болѣе имѣла повода положить прочное основаніе союзному германскому государству. Но чѣмъ скорѣе наступала часъ рѣшенія, тѣмъ болѣе затрудняли его утвердившіяся теперь снова правительства. Австрія, хотя и согласилась съ Пруссіей на счетъ кратковременнаго союзнаго правительства, которое, засѣдая во Франкфуртѣ, должно было принять отъ эрцгерцога блюстителя имперіи всѣ права прежняго союзнаго сейма, однакожь естественно была очень не расположена къ образованію союзнаго государства, въ которомъ не могла дѣятельно участвовать. Вліяніе ея противопоставило выполненію «трехкоролевскаго договора» неодолимые препятствія. Она не только удерживала Баварію и Вюртембергъ во враждебномъ отношеніи къ Пруссіи и предположенному союзному государству, но побудила отступить отъ договора даже Саксонію и Ганноверъ. Когда, по соглашенію союзныхъ правительствъ, настало время выборовъ для эрфуртскаго сейма, на которомъ предполагалось пересмотрѣть и окончательно установить проектъ конституціи, то оба эти королевства не только не прислали депутатовъ въ Эрфуртъ, но Ганноверъ притомъ формально отказался отъ договора 26 мая. А чтобъ довершить произведенную этимъ суматоху и безрядицу, Баварія выступила подъ конецъ съ новымъ проектомъ союзной конституціи, который, получивъ будто бы одобреніе Ганновера, Саксоніи и Вюртемберга, выдавался за «союзъ четырехъ королей», но носилъ на себя явную печать недолговѣчности и, въ свою очередь, былъ формально отвергнутъ Ганноверомъ. Въ надеждѣ на помощь Австріи, которая старалась привлечь къ себѣ южно германскія правительства видами на таможенные договоры и на открытіе торговыхъ дорогъ, король Вюртембергскій распустилъ штутгартскій сеймъ, состоявшій преимущественно изъ демократовъ, на мѣсто Рёмера и Дювернуа призвалъ въ министерскій совѣтъ людей домартовской эпохи, и при открытіи новой палаты (15 марта 1850) до такой степени отступилъ отъ всѣхъ побочных уваженій, что въ своей тропной рѣчи назвалъ политическое единство Германіи «однимъ изъ опаснѣйшихъ мечтаній», а союзъ 26 мая «искусственною попыткою обособленія, разсчитанною на самоубійство всѣхъ», и отнесся при томъ въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ на счетъ Пруссіи, что берлинское правительство почло необходимымъ прервать на нѣкоторое время съ Вюртембергомъ всѣ дипломатическія сношенія. — Въ Кургессенѣ настроеніе двора становилось болѣе и болѣе не-

благопріятнымъ для союзнаго государства; и когда курфюрстъ, давшій прежде торжественное обѣщаніе, «окружить престолъ только людьми, пользующимися всеобщимъ довѣріемъ», внезапно смѣнилъ либеральное министерство Эбергарда-Виппермана (23 февр. 1850), призвавъ на мѣсто его изъ Пруссіи ненавистнаго въ цѣломъ Гессенѣ прежняго министра Гассенфлуга, и распустилъ на безсрочное время палату, которая встрѣтила его отзывомъ недовѣрія и отказала въ назначеніи важнаго денежнаго кредита, то многіе увидѣли въ этомъ поступкѣ первый шагъ къ явному отреченію отъ союза 26 мая. Не смотря на эти неблагопріятныя событія, Пруссія повидимому все еще хотѣла идти избранною ею дорогой, и примѣръ ея такъ сильно дѣйствовалъ на остальныхъ членовъ союза, что 20 марта могли открыться въ Эрфуртѣ засѣданія государственной и народной палаты. Демократы и при этихъ выборахъ устранились отъ всякаго участія, такъ что радикальная партія не имѣла представителей и здѣсь. Состоя преимущественно изъ консервативныхъ и аристократическихъ элементовъ, но богатый знаніемъ, образованностью и талантами, и проникнутый въ сущности германскимъ патріотизмомъ, эрфуртскій парламентъ былъ повидимому способенъ и призванъ къ тому, чтобы уладить опасный раздоръ между народомъ и правительствами и постепенно водворить общее примиреніе на почвѣ правомѣрно-союзнаго государства, на почвѣ германской «Уніи», какъ названъ былъ предполагаемый союзъ въ «дополнительномъ актѣ» договора. Радовицъ, котораго ловкому руководству Пруссія довѣрила завѣдываніе союзныхъ интересовъ, въ мастерской рѣчи, провознесенной при открытіи парламента, выставилъ германскую политику и патріотическія стремленія въ такомъ свѣтѣ, что надежды на единство Германіи оживились снова, хотя позднѣйшіе поступки этого загадочнаго человѣка скоро опять встревожили всѣхъ тѣхъ, кто возложилъ на него довѣріе. Не смотря на старанія нѣкоторыхъ враждебно-настроенныхъ депутатовъ подорвать дѣло единенія, усиліями такъ-называемый «Готской партіи», къ которой примкнули многіе патріоты, въ народной и государственной палатѣ состоялось рѣшеніе принять проектъ конституціи 26 мая въ цѣломъ (en bloc), а при послѣдующихъ обсужденіяхъ частныхъ вопросовъ уважены были и желанія различныхъ правительствъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль новая конституція была приведена къ желанному концу (27 апр.) и оставалось только, чтобы ее привiali союзныя правительства.

§ 896. 3. Унія и союзный сеймъ въ противоборствѣ. Но и дѣлу «германской уніи» не суждено было совершиться. Въ то самое время какъ оканчивался эрфуртскій сеймъ, Австрія разослала циркулярную депешу (26 апр.), созывая чрезвычайное общее собраніе во Франкфуртъ на Майнѣ, для замѣны окончательнымъ союзнымъ органомъ той временно-центральной власти, которую Австрія и Пруссія назначили съ общаго согласія. Нѣкоторые правительства приняли австрійскій вызовъ; Пруссія отвѣчала отрицательно и 1 мая отправила ко всѣмъ членамъ уніи приглашеніе на съѣздъ государей въ Берлинъ для заявленія о принятіи майской конституціи. Но здѣсь, на открытыхъ съ 9 по 16 мая совѣщаніяхъ, высказались разныя недоумѣнія относительно исполнимости этого плана; иные старались замедлить окончательное рѣшеніе неопредѣленными объясненіями или предъявленіемъ неисполнимыхъ условій; все явнѣе и явнѣе обнаруживалось нерасположеніе къ уніи со стороны курфюрста Гессенскаго, котораго сопровождалъ Гессенфлугъ. Добились только одного, что меньшіе члены союза безусловно признали учрежденную на время государственную думу (Fürstencollegium) или такъ-называемое «министерство уніи» на мѣсто прежняго административнаго совѣта. Ободренная столь явнымъ разногласіемъ, Австрія настаивала на своемъ вызовѣ и, по предложенію засѣдающихъ во Франкфуртѣ членовъ общаго собранія, разослала (19 іюля) циркуляръ объ открытіи вновь союзнаго сейма на 1 сентября, находя, что «единственнымъ путемъ къ рѣшенію конституціоннаго вопроса Германіи должно признать возвратъ на ту правомѣрную почву, которую помutilи, но не поколебали предшествовавшія событія». Пруссія однакожъ вторично отеклась (25 авг.) содѣйствовать возстановленію прежней союзной конституціи, оказавшейся неудовлетворительною для потребностей народа и противорѣчащей торжественнымъ обѣщаніямъ столь многихъ правительствъ. Такимъ образомъ, съ 1 сентября, существовали рядомъ два союзныя правительства, не пользовавшіяся ни одно общимъ признаніемъ отдѣльныхъ державъ, — государственная дума, изъ которой тѣмъ временемъ выступили однажъ оба Гессена и еще нѣкоторыя мелкія земли, и союзный сеймъ во Франкфуртѣ, — первая подъ прусскимъ, послѣдній подъ австрійскимъ предсѣдательствомъ. Обѣ великія державы стали одна къ другой въ угрожающее положеніе, и казалось, дѣло должно рѣшиться силою оружія, особенно съ тѣхъ поръ какъ государи Австрійскій, Баварскій и Вюртембергскій при личномъ свиданіи въ Брегенцѣ (11

окт.) условились между собою дѣйствовать заодно. Существовало два горячих вопроса, которые требовали немедленнаго рѣшенія, — споръ за конституцію въ Кургессенѣ и война въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Оба эти дѣла союзное собраніе во Франкфуртѣ успѣло притянуть на свой судъ; допущеніемъ датскаго уполномоченнаго въ ряды пословъ на сеймъ оно явно обнаружило свое намѣреніе снова отдать Шлезвигъ подъ верховную власть Датскаго короля и обнадежило кургессенское правительство вспоможеніемъ со стороны союза, если не достанетъ его собственныхъ силъ для преодоленія оппозиціи противъ нарушеній конституціи, предпринятыхъ министерствомъ Гассенфлуга.

§ 897. 3 а. Борьба за конституцію въ Кургессенѣ. — Гассенфлугъ, который своею прежнею зловредною дѣятельностью навлекъ себѣ всеобщую ненависть гессенскаго народа и котораго судебное преслѣдованіе за подлогъ въ Пруссіи обличало по крайней мѣрѣ въ совершенномъ отсутствіи чувства права, настойчиво проводилъ свой планъ усилить правительственную власть въ Гессенѣ на счетъ конституціи. Когда отстроченный кассельскій сеймъ снова собрался 16 мая, министерство не представивъ ни смѣты, ни финансоваго закона и не давая никакого отчета въ назначеніи издержекъ, потребовало разрѣшенія сдѣлать государственный заемъ въ 760,000 талеровъ подъ выпускъ облигацій и билетовъ казначейства, и когда сеймъ не согласился на это требованіе, онъ внезапно и неожиданно былъ распущенъ (13 іюня); прежде нежели успѣли обезпечить конституціоннымъ способомъ потребности государственной казны. Предписаны были новые выборы, и въ августъ (22 дня) опять собрались чины, большею частію демократическаго оттѣнка. Тутъ Гассенфлугъ повторилъ свою прежнюю попытку: не представляя предварительно ни какой смѣты государственныхъ расходовъ, онъ потребовалъ разрѣшенія по прежнему взимать подати за истекшій уже срокъ. Когда собраніе отвергло это требованіе и постановило, чтобъ до узаконеннаго представленія бюджета вовсе не взималось прямыхъ податей, а непрямые хотя бы и взимались, но отнюдь не расходовались, а до времени хранились въ казначействѣ, то министръ воспользовался этимъ рѣшеніемъ, чтобъ, подъ предлогомъ «отказа въ податяхъ», снова распустить палату. Вслѣдъ за тѣмъ министерство пригласило постоянный сеймовый комитетъ (2 сент.) вступить съ нимъ въ совѣщаніе по вопросу о налогахъ; но комитетъ, провидя въ этой мѣрѣ хитрый замыселъ буквально выполнить опредѣленіе конституціи, требующей въ подобномъ случаѣ соучастіе чиновъ, устранилъ отъ себя этотъ

вызовъ. Правительство признало это за «нарушеніе конституціи» и за первый шагъ къ мятежу и приняло сообразно съ тѣмъ свои мѣры. Указомъ отъ 5 сентября предписало оно дальнѣйшее взиманіе всѣхъ податей, а какъ постоянный сеймовый комитетъ объявилъ это распоряженіе, сдѣланное помимо его, вполнѣ противозаконнымъ и потребовалъ, чтобъ сборщики податей и государственные чиновники, присягавшіе на вѣрность конституціи, оставили его безъ исполненія, то податное и финансовое вѣдомство дѣйствительно прекратили всякій сборъ, и суды перестали употреблять гербовую бумагу. Это единодушное сопротивленіе не измѣнило однакожь твердаго рѣшенія Гассенфлуга поставить на своемъ. Не смотря на глубокое спокойствіе, обнаруживавшееся въ столицѣ и въ цѣломъ краѣ, 7 сентября издано повелѣніе, объявлявшее всѣ кургессенскія земли въ осадномъ положеніи: назначенъ былъ военный главнокомандующій, освобожденный отъ всякой конституціонной отвѣтственности; учрежденъ строгій надзоръ за періодической литературой, и всѣ граждане подчинены военнымъ законамъ и судамъ. Однакожь безъ всякаго дѣйствія осталась и эта мѣра, не вызванная ни какимъ правонарушеніемъ со стороны народа, не оправдываемая ни какимъ возстаніемъ или мятежемъ; присутственныя мѣста держались своего страдательнаго сопротивленія, предписанныхъ закономъ правилъ и конституціи, а жители столицы и всего края по прежнему сохраняли твердое спокойствіе и достоинство. Противозаконныя расправы полиціи въ типографіяхъ прекращались и наказывались судебными и правительственными мѣстами. Тщетно старался Гассенфлугъ убѣждать финансовыя и судебныя вѣдомства въ правомѣрности своихъ распоряженій, употребляя къ тому все свое искусство на тонкіе юридическіе выводы; ни какія наставленія съ его стороны не поколебали ихъ мысли о противозаконности предписаній 5 и 7 сентября 1850 г. Осадное положеніе оказалось безсильнымъ. Главнокомандующій, пораженный единодушнымъ сопротивленіемъ судовъ и начальствъ, самъ почувствовалъ упреки совѣсти; онъ занемогъ и потребовалъ себѣ увольненія; собранные солдаты роптали; негодованіе противъ безотвѣстныхъ мѣръ правительства обнаруживалось все громче и громче; оскорбленное право вѣрнаго народа вызвало во всей униженной и утомленной Германіи общій вопль неудовольствія. Но Гассенфлугъ не отступалъ отъ своего плана. Въ ту самую минуту, какъ всѣ порядочные люди ожидали его увольненія, уговорилъ онъ курфюрста, напугавъ его выдуманными опасностями, въ ночь съ 12 на 13 сентября тайно выѣхать изъ столицы

и поселиться вмѣстѣ съ министерствомъ въ области Ганау, чтобы быть ближе къ возстановленному союзному сейму. Но и это событіе не вывело Гессенцевъ изъ спокойнаго ихъ настроенія; ни граждане, ни начальства не дозволили себѣ ни одного противозаконнаго поступка, сколько Гассенфлугъ ни усилилъ общую ненависть Гессенцевъ своими распоряженіями изъ новой резиденціи, Вильгельмсбада, перемѣщая и отставляя непріятныхъ ему чиновниковъ, назначая преданныхъ и вполнѣ готовыхъ служить его планамъ и даже остановить выдачу жалованья и всѣхъ пенсіоновъ. Последнее распоряженіе потеряло свою силу вслѣдствіе того, что составившійся вскорѣ особый комитетъ принялъ на себя временно всѣ эти выдачи, а суды признали правительство обязаннымъ уплатить за то комитету. Въ числѣ лицъ, отдавшихъ въ распоряженіе Гассенфлуга, самымъ значительнымъ и даровитымъ былъ директоръ гимназіи, извѣстный историкъ литературы Вильмаръ, котораго онъ произвелъ въ консисторіальныя совѣтники. Принадлежа подобно самому министру и клеврету его, оберъ-юстиць-совѣтнику Абѣ, къ строгоцерковной, туго вѣрующей партіи, Вильмаръ до такой степени позабылъ христіанское ученіе о святости присяги, что въ журналѣ «Другъ гессенскаго народа» выступилъ ратоборцемъ реакціи въ крайнемъ ея видѣ и клеймилъ именемъ невѣрныхъ слугъ и подданныхъ всѣхъ тѣхъ, кому совѣсть и законъ казались выше приказовъ враждебнаго народу правительства, кто «правомѣрное» государство ставилъ выше «патріархальнаго», и кому Евангеліе въ его полной чистотѣ было дороже софистическихъ словопреній и новоизмышленнаго государственнаго права, проповѣдуемыхъ въ «Другѣ гессенскаго народа». — Тутъ Гассенфлугъ обратился къ франкфуртскому сейму, который принялъ въ то время названіе «тѣснѣйшаго совѣта», но еще не былъ признанъ большинствомъ германскихъ державъ. Самъ онъ, какъ кургессенскій посолъ, участвовалъ въ засѣданіяхъ, и своимъ изложеніемъ хода дѣлъ предъ собраніемъ сейма успѣлъ добиться отъ него постановленія (21 сент. 1850), что поступки кургессенскихъ чиновъ равняются совершенному отказу въ налогахъ, что слѣдуетъ базпрекословно исполнять всѣ распоряженія правительства, и что, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, на союзномъ сеймѣ лежитъ обязанность оказать курфюрсту надлежащую помощь для возстановленія порядка. Сеймъ тѣмъ охотнѣе мирвоилъ Гессену, что особенно желалъ окончательнаго приступленія этой важной по ея положенію страны къ своему еще далеко не полному составу. Опираясь на это рѣшеніе (которому основой служило одно изъ положеній Вѣнскаго заключитель-

наго акта 1832 г., не смотря на то, что въ 1848 г. были отмѣнены всѣ особенныя положенія), Вильгельмсбадское правительство приступило теперь къ новымъ принудительнымъ мѣрамъ. Исполненію указа о податяхъ, 5 сентября, воспротивились присутственныя мѣста всего края; осуществленіе военнаго положенія, 7 сентября, встрѣтило неодолимую преграду со стороны судовъ, которые объявили изданныя распоряженія незаконными; теперь надобно было рѣшительно сломить сопротивление въ этомъ смыслѣ. Указомъ отъ 28 сентября запрещалось судамъ всякое дѣйствіе, противорѣчащее политикѣ министерства, и вмѣстѣ усиливалось военное положеніе, такъ что весь край прямо подчинялся военной диктатурѣ (2 окт.), которая отдана въ руки престарѣлаго генерала фонъ-Гайнау (брата австрійскому фельдцейгмейстеру). Каждый, кто съ тѣхъ поръ словомъ или дѣломъ сопротивлялся правительству, долженъ былъ подлежать военному суду. Но и это средство сокрушилось о вѣрность гессенскаго народа и войска конституціи. Приказаніе распустить и обезоружить гражданскую стражу въ Касселѣ осталось безъ послѣдствій, а когда военный аудиторіатъ, по жалобѣ постоянного сеймоваго комитета, отдалъ главнокомандующаго Гайнау подъ судъ за насильственные поступки и нарушеніе конституціи, когда ни къ чему не повели повторительныя попытки склонить курфюрета посредствомъ депутацій къ перемѣнѣ политики (4 октября), когда, напротивъ того, генералу Гайнау даны были новыя, обширнѣйшія полномочія, — тогда весь корпусъ гессенскихъ офицеровъ, за немногими исключеніями, разомъ подалъ въ отставку (9 окт.): 241 офицеръ, то-есть 4 генерала, 7 полковниковъ, 20 подполковниковъ, 12 майоровъ, 59 капитановъ и ротмистровъ, 50 поручиковъ и 89 подпоручиковъ, потребовали увольненія, «въ виду неизбежнаго столкновенія обязанностей, налагаемыхъ военной подчиненностью съ одной стороны и присягою на вѣрность конституціи — съ другой». Такимъ образомъ всѣ мѣры принужденія были истощены Гассенфлугомъ: не славивъ ни съ административнымъ, ни съ финансовымъ вѣдомствомъ, ни съ судами, ни съ военною силой, что могъ онъ далѣе предпринять, если не обратиться къ сторонней помощи, чтобы силою подавить сопротивленіе и возстановить «монархическій принципъ» въ томъ особенномъ значеніи, какое придавалъ ему онъ, Гассенфлугъ?

§ 898. 4. Союзная экзекуція въ Гессенѣ. Событія въ Кур-гессенѣ представлялись государямъ и правительствамъ опасными для верховной власти отдѣльныхъ державъ. Поэтому три единомышленные

монарха порѣшили въ Брегенцѣ, вслѣдствіе просьбы кургессенскаго правительства, прибѣгшаго къ помощи союзныхъ законовъ, противустать общими силами явному «мятежу». Союзно-эзекуціонное войско, состоящее изъ Баварцевъ и Австрійцевъ, вступило въ предѣлы курфюршества. Но Пруссія, еще не разставшаяся съ идеей объ уніи и потому не желавшая, чтобы не признанный ею франкфуртскій сеймъ самовольно распоряжался безъ ея согласія и соучастія въ сосѣднемъ и дружественномъ ей краѣ, заняла предоставленныя ей по союзному праву военныя дороги, а равно и столицу Кассель, и привела свои силы въ грозное положеніе, созвавъ ландверъ, поставивъ армію на военную ногу и притянувъ къ себѣ войска, стоявшія въ Баденѣ. Вступленіе въ министерство генерала Радовица, преданнаго уніи, повидимому обнаруживало намѣреніе прусскаго правительства держаться идеи союзнаго государства. Вблизи Фульды, вначалѣ ноября, прусскія войска стояли нѣсколько дней сряду противъ баварско-австрійской союзной арміи; но какъ берлинское министерство, изъ котораго Радовицъ скоро опять вышелъ, долго не могло прійти ни къ какому твердому рѣшенію, то прусскій главнокомандующій графъ фонъ-деръ-Грёбенъ получалъ такіе неопредѣленные и шаткіе наказы, что не могъ отважиться ни на какое предпріятіе; столкновеніе обоюдныхъ форпостовъ при деревнѣ Бронцелль (8 ноября) объяснено было «однимъ недоразумѣніемъ». Полный ожиданія, смотрѣлъ Германскій народъ на Фульду и ея окрестности, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ и о кургессенской конституціи и вмѣстѣ о германскомъ союзѣ. Затрудненія достигли той степени, что повидимому конецъ имъ можно было положить однимъ мечемъ, и сколь ни прискорбно должна была казаться всеѣмъ патріотамъ междоусобная война, честь Пруссіи и право Германіи стояли на картѣ, требуя себѣ обороны и признанія. Но прусское правительство не дозволило войску употребить въ дѣло обнаженный уже мечъ; генераль фонъ-деръ-Грёбенъ, «по стратегическимъ соображеніямъ», отступилъ къ Герсфельду и предоставилъ Фульду союзнымъ войскамъ. Тогда предписано было судьямъ и чиновникамъ исполнить распоряженія правительства относительно сбора податей и употребленія гербовой бумаги. Сопротивлявшихся наказывали значительнымъ военнымъ постоемъ, которому не только надо было давать положенные раціоны, но сверхъ-того и выплачивать извѣстный эзекуціонный сборъ. Каждое промедленіе влекло за собой усиленіе поста. Этимъ способомъ и увольненіями ослушныхъ чиновниковъ въ Ганускомъ и Фульдскомъ округахъ сопротивленіе судовъ и присут-

ственныхъ мѣсть было окончательно усмирено. Стали выдавать гербовую бумагу и взимать причитающіяся подати. Такія мѣры къ унятію шекотливаго гражданскаго чувства оказались столь же дѣйствительными, какъ нѣкогда французскія драгонады противъ гюгенотовъ; поэтому онѣ вскорѣ были распространены на всѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ навлекалъ себѣ неблаговоленіе правительства. Жребій Пруссіи попалъ между тѣмъ въ руки министра фонъ-Мантѣйфеля, потому что графъ Бранденбургъ, послѣ тщетной попытки въ Варшавѣ, войти, при посредничествѣ императора Россійскаго, въ соглашеніе съ Австріей, внезапно умеръ отъ нервной горячки (6 ноября); и какъ Мантѣйфель твердо рѣшился «покончить съ революціей» и всего болѣе желалъ избѣгнуть войны, при которой Пруссія была бы вынуждена опираться на конституціонную и демократическую партію, то онъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ главою австрійскаго министерства, княземъ Шварценбергомъ, и предоставилъ Кургессенъ его собственной судьбѣ, вида «въ гнусныхъ тамошнихъ смутахъ» одно только революціонное посягательство демократовъ на верховное значеніе земской державной власти. Онъ отправился въ Ольмюцъ на совѣщаніе съ княземъ Шварценбергомъ, который не уступая своему великому предметнику въ дипломатическомъ умѣ и предусмотрительности, но превосходя его смѣлостью замысловъ и энергіей исполненія, зорко выслѣдилъ слабыя стороны противника и построилъ на нихъ свои будущіе планы. Они клонились къ тому, чтобы вытѣснить Пруссію изъ всѣхъ ея передовыхъ позицій, разобщить ее отъ другихъ державъ, лишить ее симпатій не только народонаселенія, но и правительствъ союза, разнести по всей Германіи, до самыхъ сѣверныхъ ея границъ, могущество Австрійской имперіи вытѣсть съ ея знаменами и вездѣ уничтожить всякій слѣдъ общенародныхъ и либеральныхъ стремленій 1848 года. Постановленною на Ольмюцскомъ совѣщаніи (29 ноября 1850) пунктаціей (предварительнымъ уговоромъ) определено, что въ Кургессенѣ Пруссія не будетъ препятствовать дѣйствію войскъ, призванныхъ курфюрстомъ, и только въ Касселѣ останется одинъ прусскій баталіонъ, для поддержанія спокойствія и порядка заодно съ союзною силою; въ Шлезвигъ-Голштейнѣ Пруссія обще съ Австріей должны возстановить миръ и потомъ приступить къ частному обезоруженію своихъ армій; для окончательнаго рѣшенія союзныхъ вопросовъ должны происходить въ Дрезденѣ свободныя совѣщанія между всеми правительствами Германіи. Тогда экзекуціонныя войска безпрепятственно проникли въ ос-

тальныя части курфюршества. Военными постами и увольненіями ослушныхъ чиновниковъ судебного и податнаго вѣдомствъ сентябрьскія постановленія въ началѣ декабря были приведены въ исполненіе во всемъ Верхнемъ Гессенѣ, а въ Нижнемъ дѣло пошло еще скорѣе, такъ какъ сверхъ всякаго чаянія здѣсь напослѣдокъ уступилъ и верховный апелляціонный судъ. Вліянію прусскаго комиссара Пейкера удалось побудить этотъ судъ къ признанію законности податныхъ распоряженій впредь до окончательнаго устройства кургессенскихъ дѣлъ на предстоящихъ конференціяхъ въ Дрезденѣ. Поданная Гессенцамъ надежда, что этимъ они избавятся отъ тягости военныхъ постоевъ, оказалась тщетною. Австрійскія и баварскія союзныя войска вступили въ Кассель и помогли союзному комиссару «возстановить порядокъ» водвореніемъ военныхъ командъ у непокорныхъ обывателей и увольненіемъ отъ должностей несговорчивыхъ служащихъ. Гражданская стража была обезоружена, введена вездѣ строгая полиція, и земскіе законы замѣнены военнымъ уставомъ. Такъ кончилась «кургессенская трагедія», или, какъ называлъ ее Мантѣйфель, «революція въ халатѣ и туфляхъ». По возстановленіи «державной власти», курфюрстъ съ своимъ министерствомъ возвратился въ столицу (27 декабря). Члены сеймоваго комитета приговорены были военнымъ судомъ къ долготѣнному заключенію въ крѣпости. Въ числѣ ихъ находился и отважный Шварценбергъ, который нѣкогда участвовалъ въ Дёрнберговомъ заговорѣ и, принадлежа къ брауншвейгской черной дружинѣ (§ 762), славно сражался за свободу Германіи и за Гессенскій владѣтельный домъ.

§ 899. 5. Возстановленіе союзнаго сейма и положеніе дѣлъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ. Національная война въ Шлезвигъ-Голштейнѣ имѣла такой же исходъ, какъ и борьба за конституцію въ Гессенѣ. Если уже въ теченіе вышеупомянутаго перемирія, подъ управленіемъ тогдашней временной администраціи (§ 877), нѣмецкая партія въ Шлезвигѣ терпѣла оскорбленія въ своихъ священнѣйшихъ правахъ, то еще худшаго надо было ожидать, когда Пруссія именемъ германскаго союза заключила такой миръ (2 іюля 1849), по которому королю Датскому предоставлялось на волю, употребить всѣ надлежащія средства для того, чтобы преодолѣть непокорность Шлезвигъ-Голштейна, и обѣщано ему дѣятельное содѣйствіе для установленія такого порядка наслѣдованія, который обнималъ бы собою всѣ составныя части Датскаго королевства. Предчувствуя ожидающія ихъ бѣды, герцогства попытались сперва войти путемъ непосредственныхъ

переговоры въ соглашеніе съ Даніей, и когда попытка эта сокрушилась о строптивость и національную ненависть враговъ, они рѣшились, по выступленіи прусскихъ и шведскихъ войскъ, продолжать войну собственными силами при добровольной помощи Германцевъ. Они чувствовали въ себѣ довольно силъ, чтобъ завоевать у Даніи свое право, и начали борьбу съ новымъ одушевленіемъ. На мѣсто прежняго главнокомандующаго фонъ-Бонина, который вышелъ въ отставку (9 апр.), чтобъ не покинуть своей прусской службы, былъ назначенъ бывшій прусскій генераль-лейтенантъ фонъ-Виллизенъ, человекъ съ большими свѣдѣніями, но болѣе теоретикъ, нежели практикъ. Когда не удалась и послѣдняя попытка рѣшить вопросъ мирнымъ образомъ, то въ іюлѣ шлезвигъ-голштинскія войска вступили подъ его начальствомъ въ Шлезвигъ въ одно время съ Датчанами и сосредоточились между Фленсбургомъ и Шлезвигомъ. Здѣсь подъ Идштедтомъ дошло до двухдневной битвы (24 и 25 іюля 1850), которая выпала не въ пользу Нѣмцевъ; сначала благопріятное для Шлезвигъ-Голштинцевъ, дѣло кончилось тѣмъ, что они отступили къ крѣпости Рендсбургу, а Шлезвигъ былъ занятъ датскими войсками. Не лучше разыгралось и сраженіе при Миссундѣ (12 сентября): послѣ того какъ отважное нападеніе Нѣмцевъ на датскіе окопы было отбито, Виллизенъ снова отступилъ за крѣпостныя линіи Рендсбурга и по прежнему оставался въ бездѣтельности. Въ добавокъ къ пораженіямъ отъ враговъ, Шлезвигъ-Голштинцамъ пришлось еще пострадать и отъ ненастной погоды. Послѣ того какъ въ Рендсбургѣ взорвало лабораторію съ большимъ запасомъ пороха и убило болѣе ста человекъ, не говоря о страшномъ вредѣ, причиненномъ городу, — погода отъ постоянныхъ дождей сдѣлалась дотого неблагопріятна, что вынудила наконецъ прекратить военныя дѣйствія. Напрасно храбрыя войска требовали потомъ новаго дѣла съ непріателемъ; генераль Виллизенъ не считалъ возможнымъ вступать въ бой и оставался при своей пагубной неподвижности. Наконецъ рѣшился онъ съ частію войскъ взять приступомъ сильно укрѣпленный непріателемъ городъ Фридрихштадтъ (4 окт.); но не удалось и это предпріятіе, стоявшее между тѣмъ жизни семистамъ солдатамъ; приступъ былъ отбитъ уже по совершенномъ взятіи города. Намѣстничество, усматривая изъ всѣхъ этихъ происшествій неспособность Виллизена, уволило его отъ начальствованія шлезвигъ-голштинскою арміею и поручило эту должность генералу фонъ-дѣръ Горсту, отличившемуся мужествомъ въ Идштедтскомъ сраженіи.

Но было уже поздно. Обѣ великія державы Германіи успѣли согласиться на Ольмюцкой конференціи объ окончаніи національной войны на сѣверѣ, дабы тѣмъ самымъ подавить революцію въ послѣднихъ ея усиленіяхъ и порывахъ. Въ первые дни января 1851 г. Австрія и Пруссія потребовала именемъ германскаго союза прекращенія враждебныхъ дѣйствій, грозя въ противномъ случаѣ тѣми же принудительными мѣрами, которыми только что успѣли смирить Кургессенъ. По строгому обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла (11 янв. 1850), собраніе земскихъ чиновъ изъявило готовность покориться рѣшеніямъ германскаго союза, чтобы помѣшати вступленію австрійскихъ и прусскихъ экзекуционныхъ войскъ, предвидя совершенную невозможность сопротивляться вмѣстѣ и имъ и Датчанамъ. Шлезвигъ-голштинская армія была распущена, намѣстники сложили съ себя свое званіе и уступили мѣсто правительству, назначенному со стороны Даніи и великихъ германскихъ державъ; и въ то время какъ многіе офицеры и солдаты распущенной арміи перенесли свои задушевные мечты за Океанъ, чтобы искать безопасности и средствъ въ жизни въ Бразиліи, на берега Балтики пришли австрійскія войска и заняли край отъ Гамбурга до Рендсбурга. Обѣщали сохранить права герцогствъ въ цѣлости, но все требованіе Датчанъ были удовлетворены, и Шлезвигъ совершенно выданъ противникамъ, которые ввели тамъ такую систему гнета и преслѣдованій, какой едва ли найдется что-нибудь подобное въ исторіи. Лондонскимъ трактатомъ 1852 г. установлена была нерушимость Датской монархіи, какъ единого и нераздѣльнаго государства, и съ согласія европейскихъ дворовъ наследникомъ престола признанъ принцъ Христіанъ Глюксбургскій. Однимъ почеркомъ пера были такимъ образомъ устранены все стародавніе законы и преимущества, и европейское государственное право признаетъ съ тѣхъ поръ единую Датскую монархію отъ Скагеррака вплоть до Эльбы и отъ Зунда до Нѣмецкаго моря. — Возстановленіе датскаго владычества въ Шлезвигъ-Голштейнѣ было рѣшительнымъ шагомъ возврата къ учрежденіямъ Вѣнскаго конгресса, временно нарушеннымъ бурями 1848 г. По этому не трудно было предвидѣть, что такимъ же точно образомъ поступать и относительно германскихъ союзныхъ дѣлъ. Дрезденскія конференціи, происходившія въ началѣ 1851 г. подъ руководствомъ князя Шварценберга и министра фонъ-Мантѣйфеля, не привели ни къ какому результату въ вопросѣ объ организаціи союза, и послужили только къ тому, чтобъ доказать необходимость возстановленія союзнаго сейма въ прежнемъ

его видѣ. Пруссія не колебалась болѣе положить конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ борьбамъ за конституцію союза, признавъ сеймъ и выславъ туда своего представителя. А чтобъ лишить Австрію всякаго предлога настаивать на вступленіи своемъ въ германскій союзъ со всѣми принадлежащими къ ней землями, Пруссія также устранила свои древнія провинціи отъ союзныхъ отношеній и въ то же время старалась болѣе и болѣе воротиться къ старому порядку дѣлъ возстановленіемъ прежнихъ областныхъ сеймовъ и иными подобными распоряженіями. Правительства другихъ отдѣльныхъ державъ также начали теперь освобождаться отъ тягостныхъ законовъ и учрежденій революціонной эпохи; «коренныя права германскаго народа» были мало по малу опять устранены; конституціи нѣкоторыхъ державъ лишены своихъ демократическихъ элементовъ, журналистика обезврежена строгими упредительными и карательными мѣрами, и всѣ средства, употребляемые старымъ «полицейскимъ государствомъ» къ усиленію правительственныхъ властей и къ развитію безмолвной покорности въ подвластныхъ, возстановлялись теперь еще съ новыми усовершенствованіями противъ прежняго. Торжествуя побѣду и полные надеждъ въ будущемъ, миссіонеры іезуитовъ распространились по всей Германіи, чтобы при наступившей теперь всеобщей реакціи нести знамя застоя впередъ, и партія ультрамонтановъ высоко подняла голову съ тѣхъ поръ, какъ Австрія сначала отрицательно *placitum regium*¹, а потомъ (въ 1855 г.) заключеніемъ непостижимаго конкордата между императорскимъ правительствомъ и папскимъ престоломъ, предоставила католическому духовенству такую независимость, какую не обладало оно никогда. Епископы верхне-рейнской церковной области представили отъ себя съ общаго согласія «Записку», въ которой заявили правительствамъ самыя непопулярныя требованія и, въ чувствѣ собственной силы, смѣло бросили перчатку свѣтской власти. Вторая половина девятнадцатаго столѣтія началась новымъ политическимъ ученіемъ «о солидарности всѣхъ консервативныхъ интересовъ».

§ 900. Взглядъ на Францію. Потрясенія трехъ послѣднихъ годовъ сильно истощили и ослабили всѣ края, охваченныя революціей, и печальныя послѣдствія этихъ событій будутъ отзываться еще долгое время. Вездѣ расплодилось несмѣтное число выходцевъ, осужденныхъ,

¹ То-есть предварительнаго императорскаго утвержденія для законнаго примѣненія въ Австріи всѣхъ духовныхъ мѣръ, исходящихъ изъ Рима.

заключенниковъ; обвиненіямъ и судебнымъ преслѣдованіямъ не было конца; обнаружилась страшная одичалость нравовъ, упадокъ чувствъ чести и долга, забвеніе и извращеніе священнѣйшихъ началъ справедливости. Самую грустную картину такого общественнаго расслабленія представляла повидимому Франція, эта часто обуреваемая страна, которая по своей обширности, своему географическому положенію, по исторической и политической своей жизни, имѣла искони столь могучее вліяніе на судьбы европейскихъ государствъ. Французскій народъ, который такъ долго былъ двигателемъ и зиждителемъ европейскаго образованія, котораго легкоподвижную столицу поклонники ея такъ часто называли метрополіей просвѣщеннаго ума, — этотъ народъ до того расшатался въ своемъ быту благодаря внутреннимъ волненіямъ и потрясеніямъ, что благоразумной и благомыслящей его части пришлось собраться воедино, чтобы отстоять противъ одичалыхъ, безнравственныхъ пролетаріевъ первыя основы гражданственности, семейной жизни, собственности и личной свободы; чтобы защищать такіа блага, которыя поставлены внѣ всякаго спора у всѣхъ народовъ, вышедшихъ изъ состоянія дикости и варварства. Февральская революція во Франціи была не результатомъ общенародной воли, а затѣей соціалистскихъ и республиканскихъ клубовъ, удавшейся врасплохъ¹; но при недостаткѣ личностей, способныхъ направить общественныя стремленія и при отсутствіи всякихъ сдерживающихъ силъ, ядъ соціализма распространился далѣе и далѣе и разлился наконецъ по всему государственному организму. Учредительное національное собраніе, хотя и вышедшее изъ всеобщихъ выборовъ, подъ могучимъ вліяніемъ первыхъ порывовъ республиканской восторженности, насчитывало въ своей средѣ не много соціальныхъ республиканцевъ; энергически и рѣшительно противоборствовало оно всякому новому возстанію въ пользу «красной республики» и вооружило правительство и суды обширными полномочіями для устраненія всѣхъ зачинщиковъ и участниковъ мятежа, всѣхъ вождей и клубныхъ ораторовъ посредствомъ ерестовъ и ссылокъ. Жребій этотъ постигъ многихъ героевъ февральскаго переворота, — Бланкѣ, Альбера, Барбеса и мног.

¹ Трудно помирить этотъ взглядъ съ тою картиной всеобщаго недовольства и раздраженія во Франціи, какую представилъ намъ авторъ, говоря объ управленіи Людовика-Филиппа; достоверно только то, что соціальные демократы, съ помощію которыхъ совершился переворотъ, волей и неволей повели его далѣе надлежащихъ предѣловъ и тѣмъ навлекли себѣ и всему краю неизбѣжную реакцію.

друг.; Луи Бланъ и Коссидьеръ спаслись отъ судебного преслѣдованія бѣгствомъ въ Англію. Объявленіе извѣстныхъ мѣстностей въ осадномъ положеніи, законы для ограниченія журналистики, клубовъ и сборищъ, и для постоянного надзора за ними, усиленіе разныхъ полицейскихъ мѣръ предосторожности и т. п., — вотъ средства, какими національное собраніе заодно съ республиканскимъ правительствомъ старалось поддержать государственный порядокъ. Составленная имъ демократико-республиканская конституція узаконила всеобщую подачу голосовъ, оградила частную свободу въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, установила одну законодательную палату и отвѣтственнаго президента республики, избираемого каждые четыре года (самимъ народомъ¹). Когда, окончивъ конституцію, учредительное національное собраніе въ маѣ 1849 г. разошлось и уступило мѣсто законодательному, изъ значительнаго числа соціально-демократическихъ депутатовъ, которые опять приняли старое прозвище «Гора, можно уже было заключить о томъ, какъ сильно въ одинъ годъ начала «красной республики» успѣли распространиться во французскомъ народѣ. Хотя и на этотъ разъ соціалисты были въ меньшинствѣ, однакожь держась въ тѣсной связи и единодушіи, они составляли великую силу, которой остальные члены могли противустоять, только покинувъ всѣ частныя стремленія партій, отступясь отъ своихъ легитимистскихъ или орлеанистскихъ интересовъ, и дѣйствуя во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ заодно. Раздраженная тѣмъ, что правительство двинуло значительныя силы въ Италію для подавленія Римской республики (§ 835) и такимъ образомъ шло однимъ путемъ съ императоромъ Австрійскимъ и враждебнымъ народу Неаполитанскимъ королемъ, крайняя партія Горы, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда громы войны рокотали въ одно время на Рейнѣ, Дунаѣ и Тибрѣ, возбудила въ Парижѣ и Ліонѣ новыя возстанія (13 іюня), которыя были однакожь скоро подавлены и имѣли слѣдствіемъ бѣгство коноводовъ (Ледрю-Роллена и друг.), осужденіе участниковъ къ тюрьмѣ и ссылкѣ и вообще усиленіе карательныхъ законовъ. Этотъ мятежъ наполнилъ инсургентовъ въ Баденѣ и Палатинатѣ новыми надеждами (§ 886); быстрое подавленіе смуты ускорило разгромъ ея германскихъ единомышленниковъ. Съ тѣхъ поръ наружный порядокъ въ республиканской Франціи болѣе не нарушался; онъ не пострадалъ даже и тогда,

¹ Выборъ президента всѣмъ міромъ конечно ставилъ его опаснымъ соперникомъ законодательному собранію въ такой централизованной странѣ, какъ Франція.

когда въ январѣ 1850 г. парижская полиція распорядилась снятіемъ «деревъ свободы», посаженныхъ во время революціи. Научась изъ опыта, что насильственные возстанія ведутъ только къ пораженію и урону, и вмѣстѣ убѣжденные въ постоянномъ распространеніи своихъ началъ, социалисты отказались на первыхъ порахъ отъ революціонныхъ попытокъ, въ надеждѣ постепенно достигнуть побѣды путемъ закона съ помощію поголовной подачи голосовъ. При каждомъ выборѣ дѣлали они смотръ своимъ силамъ и по большей части находили ихъ возросшими. Когда въ мартѣ 1850 г. понадобился замѣнительный выборъ въ столицѣ, у нихъ нашлось довольно средствъ ввести въ собраніе развратнаго романиста Евгенія Сю. Это побудило національное собраніе новымъ закономъ о преобразованіи выборовъ (31 мая) отменить поголовную подачу голосовъ, ограничить избирательное право трехлѣтнимъ пребываніемъ гражданина въ одной мѣстности и другими условіями, и въ то же время стѣснить журналистику не только возвышеніемъ суммы залоговъ, штемпельнаго сбора, и денежныхъ штрафовъ въ случаѣ провинности, но и постановленіемъ, чтобъ всѣ статьи, заключающія въ себѣ политическія, религіозныя и философскія мысли, непременно являлись за подписью сочинителя. Замѣтивъ, что особенно классъ учителей поддерживаетъ социалистскія стремленія, собраніе еще прежде распорядилось изданіемъ новаго закона о народномъ обученіи, которымъ надзоръ за училищами и преподаваніемъ подѣленъ между правительствомъ и духовенствомъ, а университетъ лишенъ высшаго заведенія просвѣщеніемъ. При бурныхъ обсужденіяхъ этого закона, ратоборецъ либерализма, Тьеръ, дѣйствовалъ заодно съ Монталамберомъ, рьянымъ ораторомъ ультрамонтанской партіи. Тамъ, гдѣ дѣло шло о поддержаніи общественнаго порядка, исчезали второстепенныя разности политическихъ направленій. Терпя недостатокъ въ деньгахъ и обремененный долгами, президентъ былъ вынужденъ просить собраніе о возвышеніи его оклада (іюнь 1850). Дававка была назначена ему только на одинъ годъ, и этимъ еще увеличились то соперничество и та рознь, которыя давно уже существовали между обѣими властями. Очевидное стремленіе президента къ могуществу, несовмѣстному съ республиканскимъ порядкомъ, возбуждало подозрительность собранія и влекло его къ оппозиціи. Но какъ оно все болѣе и болѣе ограничивало народные права и республиканскую свободу и въ то же время распалось на котеріи изъ-за династическихъ стремленій и разныхъ мелочныхъ интригъ, то неизбѣжно утратило довѣріе и уваженіе народа. Нерасположеніе

и равнодушіе націи къ собранію были очень съ руки для президента. Онъ старался всеми силами привязать къ себѣ армию и, по устраненіи самостоятельнаго, преданнаго собранію генерала Шангарнье, передать главное начальство въ вѣрныя руки; префектуры и другія вліятельныя мѣста замѣщалъ онъ людьми, готовыми къ его услугамъ; при частыхъ разъѣздахъ своихъ внутри края онъ умѣлъ снискать расположеніе городскихъ начальствъ, а щедростію и милостями привлечь на свою сторону низшіе классы. При этомъ не упускалъ онъ ни одного случая выставить себя подвижникомъ и блюстителемъ народного блага и народныхъ правъ, слабыя стороны своего управленія относить къ мѣшающей ему оппозиціи собранія и пробуждать дремлющія сочувствія толпы къ императорству Наполеона. Такими средствами проложилъ онъ себѣ путь къ единовластію. Когда несогласное и распавшееся между собою собраніе отказалось предложенной реформой конституціи, открытъ президенту двери ко вторичному выбору его въ 1852 году, то это естественно ускорило исполненіе давно задуманнаго имъ плана. Рѣшась не выпускать изъ рукъ пріобрѣтенную власть, хотя бы пришлось для того нарушить данную конституціи присягу, онъ отважился по примѣру своего дяди повторить 18-е брюмера 1799 г. (§ 738), и 2 декабря (1851), въ день коронаціи Наполеона I и Аустерлицкой битвы, освободился отъ собранія внезапнымъ насиліемъ; съ помощію преданнаго ему войска присвоилъ себѣ верховную власть и совершенно уничтожилъ парламентскую оппозицію. Въ ночь на 2 декабря вліятельнѣйшіе члены собранія, въ томъ числѣ генералы Шангарнье, Ламорисьеръ, Каваньякъ, Бедѣ, храбрый полковникъ Шаррасъ, государственные люди Тьеръ, Дювержье де Гораннъ, поэтъ Викторъ Гюго, республиканцы Лагранжъ, Распайль и друг., внезапно взяты были подъ стражу и послѣ непродолжительнаго заключенія большею частью изгнаны изъ Франціи, одни навсегда, другіе на неопредѣленное время. Этотъ внезапный ударъ противъ представителей народа вызвалъ новыя возстанія и баррикадныя схватки въ Парижѣ, Ліонѣ и многихъ внутреннихъ городахъ: демократы и социалисты взялись за оружіе для защиты республиканской конституціи, не столько изъ сочувствія къ собранію, какъ изъ-за того, что нарушеніе ея отнимало у нихъ надежду достигнуть власти при новыхъ президентскихъ выборахъ. Но въ теченіе немногихъ дней возстаніе было подавлено арміей, расположенною къ новому владыкѣ, послѣ чего зачинщики и вожди были лишены возможности вредить ему, подвергшись аресту, судебнымъ приговорамъ и ссыл-

къ въ колоніи. Предписанная президентомъ всеобщая подача голосовъ утвердила громаднымъ большинствомъ семи милліоновъ проектъ новаго государственнаго устройства, составленный по образцу консульской конституціи Наполеона Бонапарта, въ силу котораго Людовику Наполеону предоставлялся еще на десять лѣтъ президентскій санъ, но со всѣмъ полномочіемъ монарха, а законодательная власть, какъ во время консульства и имперіи, должна была состоять изъ сената и законодательнаго корпуса, съ столь же рѣзкими ограниченіями ихъ правъ и свободы преній, какъ и въ ту эпоху. Учрежденіе это служило только переходомъ къ полному возобновленію императорства (1 дек. 1852), состоявшемуся черезъ годъ, также вѣдствіе общей подачи голосовъ, которая высказалась еще огромнѣйшимъ большинствомъ въ пользу новой перемѣны. Французскій народъ, изнеможенный физически и нравственно непрерывною чередой революціонныхъ потрясеній, охотно склонился подъ верховную власть, которая обѣщала смятенной странѣ болѣе твердый порядокъ и прочное спокойствіе, и которая строгими мѣрами противъ журналистики и тщательнымъ полицейскимъ и военнымъ надзоромъ за всею общественною и умственною жизнью націи достаточно обнаружила свою твердую рѣшимость возобновить желѣзную власть великаго Корсиканца, только съ болѣе уступками католическому духовенству (и требованіямъ времени). Страхъ передъ «красными республиканцами» доставилъ новому императору Наполеону III друзей и приверженцевъ даже въ такихъ сферахъ, которыя истинную основу гражданской свободы видятъ только въ парламентскомъ образѣ правленія; однакожъ неслыханный захватъ частной собственности, къ которому увлекся новый властитель, велѣвъ отобрать въ казну и продать всѣ имущества Орлеанской фамиліи во Франціи (22 янв. 1852), создалъ ему многихъ враговъ, которые считали себя въ правѣ ожидать всего отъ смѣлости, не останавливающейся ни передъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей; хотя съ другой стороны нашлось не мало и такихъ, которые видѣли въ этой конфискаціи примѣненіе коммунистическихъ ученій въ обширномъ размѣрѣ. — Такъ скончалась французская республика; ея ревностнѣйшій и честнѣйшій защитникъ Арманъ Маррасть умеръ около того же времени (30 марта), сокрушаясь о несбыточности своихъ надеждъ и безуспѣшности постоянныхъ стремленій. Въ странѣ, гдѣ давно уже ослабѣли семейныя связи, гдѣ общинная жизнь была подавлена строгою централизацией, гдѣ государственный бытъ утратилъ характеръ есте-

ственного организма ¹, — въ такой странѣ республика была лишена своихъ главныхъ опоръ, а потому и республиканская конституція явилась здѣсь только мертвою формой безъ корней и жизненныхъ соковъ.

¹ Всякое государство, по мѣрѣ своего развитія, теряетъ характеръ естественнаго организма и стремится къ идеалу сознательно-разумной организаціи своихъ насущныхъ интересовъ, потребностей и силъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА

СОДЕРЖАНИЕ VIII-го ВЫПУСКА.

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИИ.

А. Предвѣстія революціи.

	Стр
I. Литература вольномысленнаго просвѣщенія (Aufklärung)	1
1. Англійскіе вольнодумцы (деисты)	—
§ 670. Локкъ. Шафтсбери. Коллинсъ. Толандъ. Тиндаль. Морганъ. Мандевиль. Чоббъ. — Историки: Болинброкъ. Гиббонъ. Юмъ. Робертсонъ.	
2. Противоцерковная литература во Франціи	5
§ 671. Вольтеръ. Монтескьё. Руссо, Гольбаховъ клубъ и энциклопедисты: Гельвецій. Дидро. Д'Аламберъ.	
3. Вліяніе литературы. § 672	12
II. Борьба Сѣверо-американцевъ за независимость	15
§ 673. Введеніе, стр. 15. — § 674. Поводъ къ войнѣ (Юніевы Письма), стр. 16. — § 675. Военныя событія, стр. 18. — § 676. Расширеніе войны, стр. 20. — § 677. Вооруженный нейтралитетъ (Голландія), стр. 22. — § 678. Гибралтаръ. Мирные трактаты, стр. 25.	
III. Преобразовательныя попытки государей и министровъ	28
1. Западъ и югъ	—
§ 679. а) Португалія при Помбаль, стр. 28. — § 680. б) Испанія и Неаполь подъ управленіемъ Карла III и его министровъ, стр. 30.	
2. Сѣверъ Европы	32
§ 681. а) Данія. Штруэнзе, стр. 32. — § 682. б) Швеція подъ державой Густава III, стр. 35. — § 683. Конецъ Густава III, стр. 38.	

3. Германія во время Фридриха Великаго и Иосифа II 40

§ 684. а) Нѣмецкая имперія, стр. 40. — § 685. Планы Иосифа II, стр. 44. — § 686. б) Австрія, стр. 46. — § 687. Преобра-
зованія Иосифа II, стр. 48. — § 688. Ссора Иосифа съ Нидер-
ландцами и Венграми. Императоръ Леопольдъ II и императоръ
Францъ II (I), стр. 49. — § 689. в) Пруссія, стр. 54. —
§ 690. Фридрихъ Вильгельмъ II, стр. 58. § 690. г) Духовныя
владѣнія стр. 63.

4. Россія при Екатеринѣ II (1762—96) и раздѣлъ Польши. . 65

а) Внутреннія дѣла, § 691.

б) Первый раздѣлъ Польши и первая Турецкая война 68
§ 692. Немошь Польши. — § 693. Дѣло диссидентовъ, стр. 70. —
Первая Турецкая война, стр. 71. — § 695. Первый раздѣлъ
Польши (1772), стр. 72. — § 696. Приобрѣтеніе Крыма,
стр. 75.

в) Второй раздѣлъ Польши. 76
§ 697. Вторая Турецкая война, стр. 76. — § 698. Польская кон-
ституція, стр. 77. — § 699. Косцюшко и Тарговицкая конфе-
дерация, стр. 77. — § 700. Новый раздѣлъ (1793), стр. 79. —
§ 701. Конецъ Польши (1794), стр. 80.

Б. Французская революція.

1. Послѣдній періодъ неограниченной монархіи 83

§ 702. Конецъ Людовика XV. а) Придворная жизнь, стр. 83. —
§ 703. б) Податная система, стр. 84. — § 704. в) Ссора съ
парламентомъ, стр. 85. — § 705. Людовикъ XVI. а) Дворъ, стр.
86. — § 706. б) Преобразовательные планы Мальзерба и
Тюрго, стр. 88. — § 707. в) Трудное финансовое положеніе,
стр. 89. — § 708. г) Раздоръ съ парламентомъ, стр. 90. — § 709.
д) Созывъ государственныхъ чиновъ, стр. 91.

II. Учредительное Собраніе (съ 5 мая 1789 по 30 сен-
тября 1791). 93

§ 710. Національное собраніе, стр. 93. — § 711. Королевское
засѣданіе, стр. 94. — § 712. Взятіе Бастиліи, стр. 95. —
§ 713. Дѣйствія національнаго собранія, стр. 98. — § 714.
Перемѣщеніе короля и національнаго собранія въ Парижъ, стр.
99. — § 715. Учрежденіе новаго порядка вещей, стр. 100. —
§ 716. Праздникъ братства. Бѣгство короля, стр. 103.

III. Законодательное собраніе (съ 1 октября 1791 по 20
сентября 1792 г.) 106

§ 717. Распространеніе республиканства, стр. 106. — § 718. Бури
противъ королевской власти, стр. 108. — § 719. Паденіе коро-
левской власти 10 августа, стр. 110. — § 720. Сѣнтябрьскіе
дни, стр. 115.

IV. Республиканская Франція подъ властью національна- го конвента (сент. 1792 — окт. 1795) 117

§ 721. Казнь короля, стр. 117. — § 722. Военныя событія, стр. 121. — § 723. Паденіе жиронды, стр. 127. — § 724. Ужасы на югѣ Франціи, стр. 131. — § 725. Кровавыя сцены въ Вандеѣ, стр. 134. — § 726. Первая коалиціонная война (1793—96) (Англія), стр. 136. — § 727. (Голландія), стр. 137. — § 728. (При-Рейнскія владѣнія), стр. 143. — § 729. Владычество ужаса (терроризмъ), стр. 145. — § 730. Пасеніе Дантонистовъ, стр. 148. — § 731. Паденіе Робеспьера, стр. 161. — § 732. Последнія времена конвента, стр. 152.

V. Франція подъ властью директоріи съ 26 окт. 1795 — 9 ноября (18 брюмера) 1799 г. 154

§ 733. Итальянскіе походы Наполеона до мира въ Кампо-Форміо, стр. 154. — § 734. Правительство французской директоріи внутри, стр. 160. — § 735. Внѣшнія дѣла, стр. 163. — § 736. Новая коалиціонная война (1798 — 1799), стр. 167. — § 737. Бонапартъ въ Египтѣ и Сиріи, стр. 176. — § 738. Осьмнадцатое Брюмера, стр. 178.

В. Властительство Наполеона Бонапарта.

I. Консульство (1800—1804) 179

§ 739. Консульская конституція, стр. 179.

а) Внѣшнія дѣла, стр. 180.

§ 740. Маренго и Гогенлинденъ стр. 180. — § 741. Аміенскій миръ, стр. 188. — § 742. Новый разладъ (Санъ-Доминго), стр. 189.

б) Внутреннія дѣла, стр. 191.

§ 743. Новый дворъ и конкордатъ, стр. 191. § 744. Заговоры, стр. 184.

ВАЖНѢЙШЕ НЕДОСМОТРЫ.

Томъ III, стр. 446, на 3 строкъ снизу, напечатано: Кирилловичъ, вмѣсто
Григорьевичъ.

Томъ IV, стр. 167, вмѣсто § 736 напечатано: § 739.

СОДЕРЖАНИЕ IX-го ВЫПУСКА.

	Стр.
II. Французская имперія (1804—1814)	197
§ 745. Императорство	—
1 Третья коалиціонная война	199
§ 746. Новая коалиція, стр. 199.—§ 747. Аустерлицъ. Пресбург- скій миръ, стр. 203.—§ 748. Рейнскій союзъ, стр. 214.	
2. Прусская война (1806)	217
§ 749. а) Поводы, стр. 216.—§ 750. б) Йена, стр. 219.—§ 751. в) Эйлау. Фридрихсбургъ. Тильзитъ, стр. 224.—§ 752. г) Франція. Россия. Англія, стр. 232.—§ 753. Скандинавскія событія, стр. 233.	
3. Событія на Пиренейскомъ полуостровѣ	236
§ 754. Португалія, стр. 236.—§ 755. Козни въ Байонѣ. стр. 237.—§ 756. Испанская война, стр. 239.—§ 757. Конститу- ція 1812 года, стр. 241.—§ 758. Исходъ войны на Пиреней- скомъ полуостровѣ, стр. 243.—§ 759. Падѣніе паны, стр. 244.	
4. Вторая война Наполеона противъ Австріи	246
§ 760. Аспернъ, Ваграмъ, стр. 246.—§ 761. Народная война въ Тироли, стр. 251.—§ 762. Предвѣстія сѣверно-германской народной войны, стр. 257.	
5. Французская имперія на вершинѣ своей силы	263
§ 763.	
6. Война противъ Россіи (1812)	267
§ 764. Поводы къ войнѣ, стр. 267.—§ 765. Походъ Наполеона на Москву, стр. 267.—§ 766. Отступленіе великой арміи, стр. 270.	

Г. ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ НОВАГО ПОРЯДКА.

1. Свержение Наполеона 273

§ 767. Возстаніе Германіи, стр. 274.—§ 768. Война за свободу Германіи, стр. 276.—§ 769. Последняя борьба Наполеона (1814), стр. 284.
2. Учреждение новаго порядка 288

§ 770. Торжество легитимизма, стр. 288.—§ 771. Отречение Наполеона, стр. 289.—§ 772. Вѣнский конгрессъ, стр. 291.—§ 773. Созданіе Вѣнскаго конгресса, стр. 292.—§ 774. Первая пора Реставраціи, стр. 298.
3. Стодневное владычество Бонапарта 300

§ 775. Возвращеніе Наполеона, стр. 300.—§ 776. Конѣц Мюрата, стр. 302.—§ 777. Ватерло, стр. 303.—§ 778. Конѣц Наполеона, стр. 305.
4. Реставрація 306

§ 709.
- Д. ЕВРОПЕЙСКІЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА, СЪ УЧРЕЖДЕНІЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА ДО ІЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

§ 780. Священный союзъ, стр. 309.—§ 781. Конституціи и партіи, стр. 313.—§ 789. Нѣмецкій либерализмъ, стр. 314.

 1. Франція 316

§ 783. Людовикъ XVIII, стр. 316.—§ 784. Карлъ X, стр. 318.—§ 785. Іюльская революція, стр. 319.
 2. Борьбы за конституцію на Пиренейскомъ полуостровѣ . 321

§ 786. Абсолютизмъ и камарилья въ Испаніи, стр. 321.—§ 787. Владычество кортесовъ, стр. 322.—§ 788. Народныя движенія въ Португаліи, Неаполѣ, Сардиніи, стр. 323.—§ 789. Вѣзшательство священнаго союза, стр. 324.—§ 790. Борьба за конституцію въ Португаліи, стр. 326.—§ 791. Исторія южно-американскихъ республикъ, стр. 327.
 3. Германія. 335

§ 792. Противоборство мѣтній въ Германіи, стр. 335.—§ 793. Конституціонное устройство въ Германіи, стр. 340.
 4. Великобританія. 343

§ 794. Англійскія дѣла, стр. 343.—§ 795. Основаніе Англійскаго господства въ Остѣ-Индіи, стр. 347.
 5. Борьба Греціи за свободу 350

§ 796. Священная дружина Ипсиланти, стр. 350.—§ 797. Борьба Греціи до паденія Миссолонги, стр. 352.—§ 798. Исходъ Греческаго возстанія, стр. 353.

III

6. Бельгійская революція и возстаніе Польши 355
§ 799. Нидерланды. стр. 355.—§ 800. Польша, стр. 357.
7. Новая и повѣйшая литература западно-европейскихъ на-
родовъ 364
§ 800. 6. А. Италія, стр. 364.—Б. Англія, стр. 373.—В. Фран-
ція, стр. 395.—Г. Германія, стр. 422.
-

ВАЖНѢЙШЕ НЕДОСМОТРЫ ВЪ IV ТОМѢ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
32 . . .	13 снизу . . .	Фридрихъ VI . . .	Фридрихъ IV
60 . . .	5 — . . .	Штальбергъ . . .	Штольбергъ
77 . . .	20 — . . .	и одобрялъ . . .	одобряла
80 . . .	3 — . . .	было противники . . .	противники
273 . . .	20 — . . .	Д.	Г.

СОДЕРЖАНИЕ X-го ВЫПУСКА.

Е. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ СО ВРЕМЕНИ ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

I. Общий обзоръ.

	Стр.
1. Политическое состояніе	453
§ 801. Конституціонный западъ, стр. 453.—§ 802. Абсолютно-монархическій востокъ, стр. 454.—§ 803. Второстепенныя державы, стр. 456.—§ 804. Республики, стр. 458.	
2. Борьба народностей	460
§ 805. Западъ, стр. 460.—§ 806. Средняя Европа, стр. 461.—§ 807. Европейскій востокъ, стр. 462.	
3. Пауперизмъ и социальныя преобразованія	464
§ 808. Пролетаріатъ, стр. 464.—§ 809. Сентъ-Симонизмъ, стр. 468.—§ 810. Соціализмъ. а) Фурье, стр. 470; б) Оуэнъ, стр. 474.—§ 811. Коммунизмъ, стр. 472.	
4. Внутренняя жизнь европейскихъ народовъ въ области религіи и церкви.	
1. Католицизмъ	473
§ 812. Южная Европа, стр. 473.—§ 813. Западная Европа, стр. 475.—§ 814. Германія, стр. 478.—§ 815. Споръ за свѣнные браки, стр. 479.—§ 816. Нѣмецкій католицизмъ, стр. 482.	
2. Протестантская церковь	485
§ 817. Религіозныя направленія, стр. 485.—§ 818. Фридрихъ Вильгельмъ IV. Свѣтолюбцы (Lichtfreunde.) Общество Густава Адольфа, стр. 490.—§ 819. Англиканская церковь. Кальвинизмъ въ Шотландіи и Ваадтѣ, стр. 493.	

II. Политическая исторія.

A. Конституціонныя державы.

1. Франція.

§ 820. Характеръ іюльскаго правительства, стр. 496.—§ 821. Внутреннія дѣла Франціи, стр. 500.—§ 822. Внѣшнія отноше-
--

нія Франціи. 1). Политическій характеръ, стр. 506.—§ 823. 2) Алжиръ, стр. 508.—§ 824. 3) Востокъ, стр. 510.—§ 825. Отаити, стр. 512.

2. Пиренейскій полуостровъ.

§ 826. Борьба мѣній въ Испаніи, стр. 513.—§ 827. Борьба Христиановъ съ Карлистами, стр. 515.—§ 828. Борьбы партій и придворныя казни, стр.—517. § 829. Португалія, стр. 520.

3. Великобританія.

§ 830. Государственная жизнь Англіи, стр. 521.—§ 831. Ирландскія дѣла, стр. 525.—§ 832. Внѣшняя политика, стр. 530.

Б. Германія.

§ 833. Либеральныя движенія, стр. 534.—§ 834. Реакція, стр. 536.—§ 835. Ганноверъ, стр. 541.—§ 836. Послѣдствія, стр. 542.

В. Абсолютныя государства.

1. Австрія. § 837, стр. 544.

2. Пруссія. § 838, стр. 548.

3. Россія. § 839, стр. 551.

Ж. Новѣйшія революціонныя бури.

I. Предвѣстія.

1. Италія.

§ 841. Италія, стр. 554.

2. Германія и Швейцарія.

§ 842. Пруссія, стр. 556.—§ 843. Баварія, стр. 558.—§ 844. Вольныя дружины и отдѣльный союзъ (Зондербундъ) въ Швейцаріи, стр. 559.

II. Февральская революція въ Парижѣ.

§ 845. Банкеты въ честь реформы, стр. 562.—§ 846. Паденіе іюльской династіи, стр. 565.—§ 847. Республика, стр. 566.

III. Разливъ революціи по Европѣ.

§ 848. Германія, стр. 568.—§ 849. Австрія, стр. 569.—§ 850. Мартовскіе дни въ Берлинѣ, стр. 572.—§ 851. Предварительный парламентъ и національное собраніе, стр. 575.—§ 852. Шлезвигъ-Гольштейнъ и Познань, стр. 577.—§ 853. Судьбы Италіи, стр. 579.—§ 854. Продолженіе, стр. 582.

IV. Борьбы за конституцію въ Германіи и паденіе Венгровъ.

§ 855. Учредительное народное собраніе въ Павловской церкви, во Франкфуртѣ.—Центральная власть, стр. 586.—§ 856. Положеніе партій, стр. 589.—§ 857. Коренныя права (die Grundrechte) и внѣшняя политика, стр. 591.—§ 858. Пруссія и національное собраніе, стр. 594.—§ 859. Перемиріе въ Мальмѣ и сентябрьскіе ужасы во Франкфуртѣ, стр. 595.—§ 860.

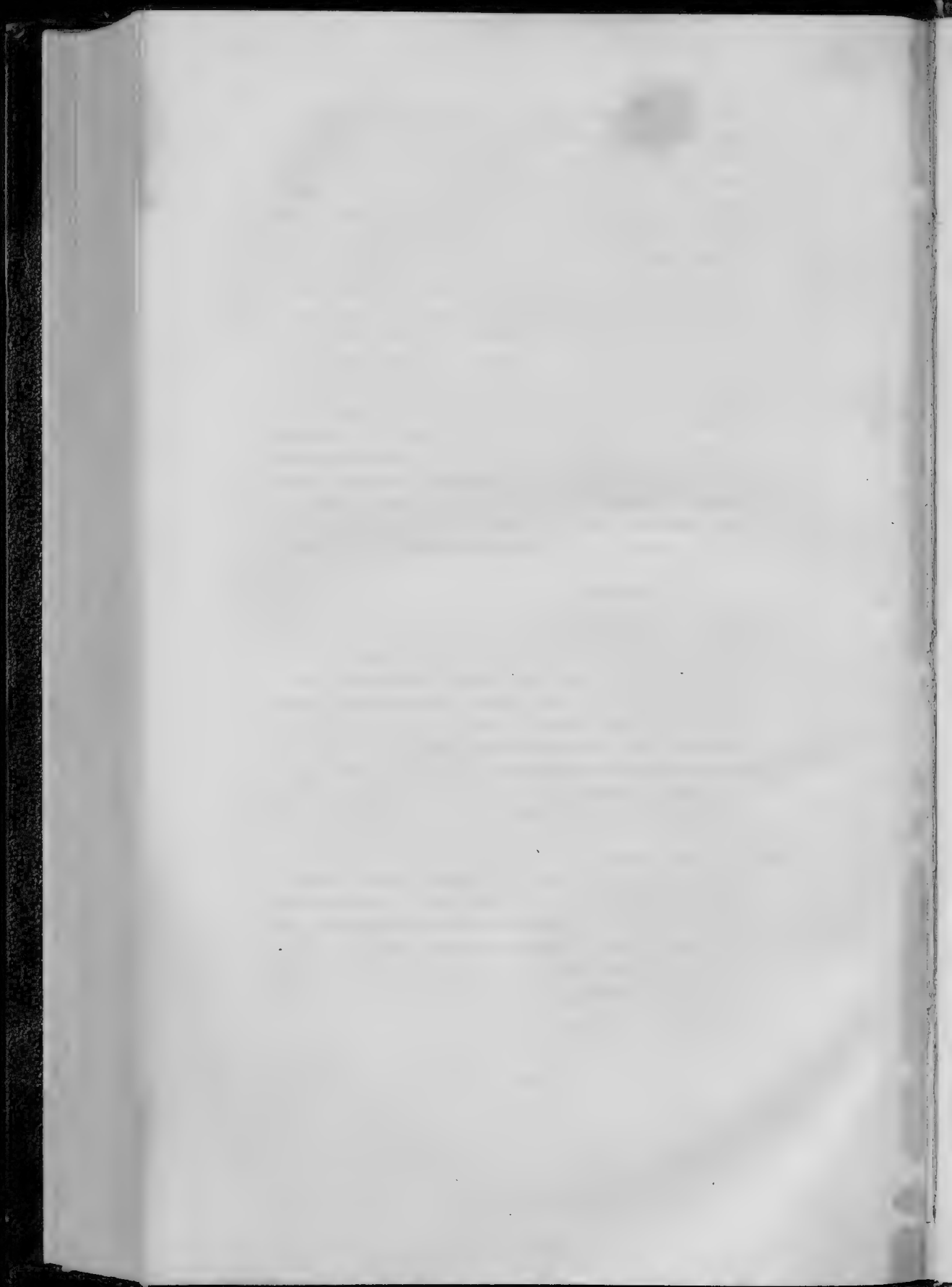
Разладъ усиливается, стр. 598.—§ 861. Учредительное національное собрание въ Берлинѣ, стр. 598.—§ 862. Франкфуртское національное собрание и Министерство Бранденбурга-Мантёйфеля, стр. 602.—§ 863. Австрійскій сеймъ и событія въ Вѣнѣ, стр. 603.—§ 864. Октябрьскіе дни въ Вѣнѣ, стр. 608.—§ 865. Паденіе Вѣны, стр. 612.—§ 868. Франкфуртское собрание по австрійскому вопросу, стр. 615.—§ 867. Тѣснѣйшій и обширнѣйшій союзъ, стр. 617.—§ 868. Министерская программа Гагерна, стр. 620.—§ 869. Имперская конституція Германіи, стр. 621.—§ 870. Отношеніе Пруссіи и Австріи къ франкфуртскому національному собранію и къ избирательному закону, стр. 626.—§ 871. Завершеніе имперской конституціи, стр. 628.—§ 872. Ольмюцъ и Кремзиръ, стр. 631.—§ 873. Второе національное собрание въ Берлинѣ, стр. 633.—§ 874. Депутація съ предложеніемъ императорства, отправленная въ Берлинъ, стр. 634.—§ 875. Франкфуртское національное собрание по отринутіи императорской короны, стр. 636.—§ 876. Пруссія и вопросъ о германской конституціи, стр. 640.—§ 877. Шлезвигъ-Голштейнъ, стр. 645.—§ 878. Движеніе для водворенія имперской конституціи въ Германіи, стр. 648.—§ 879. Возстаніе въ Дрезденѣ, стр. 649.—§ 880. Последняя борьба имперскаго сейма во Франкфуртѣ, стр. 652.—§ 881. Охвостье парламента (Rumpfparlament), стр. 654.

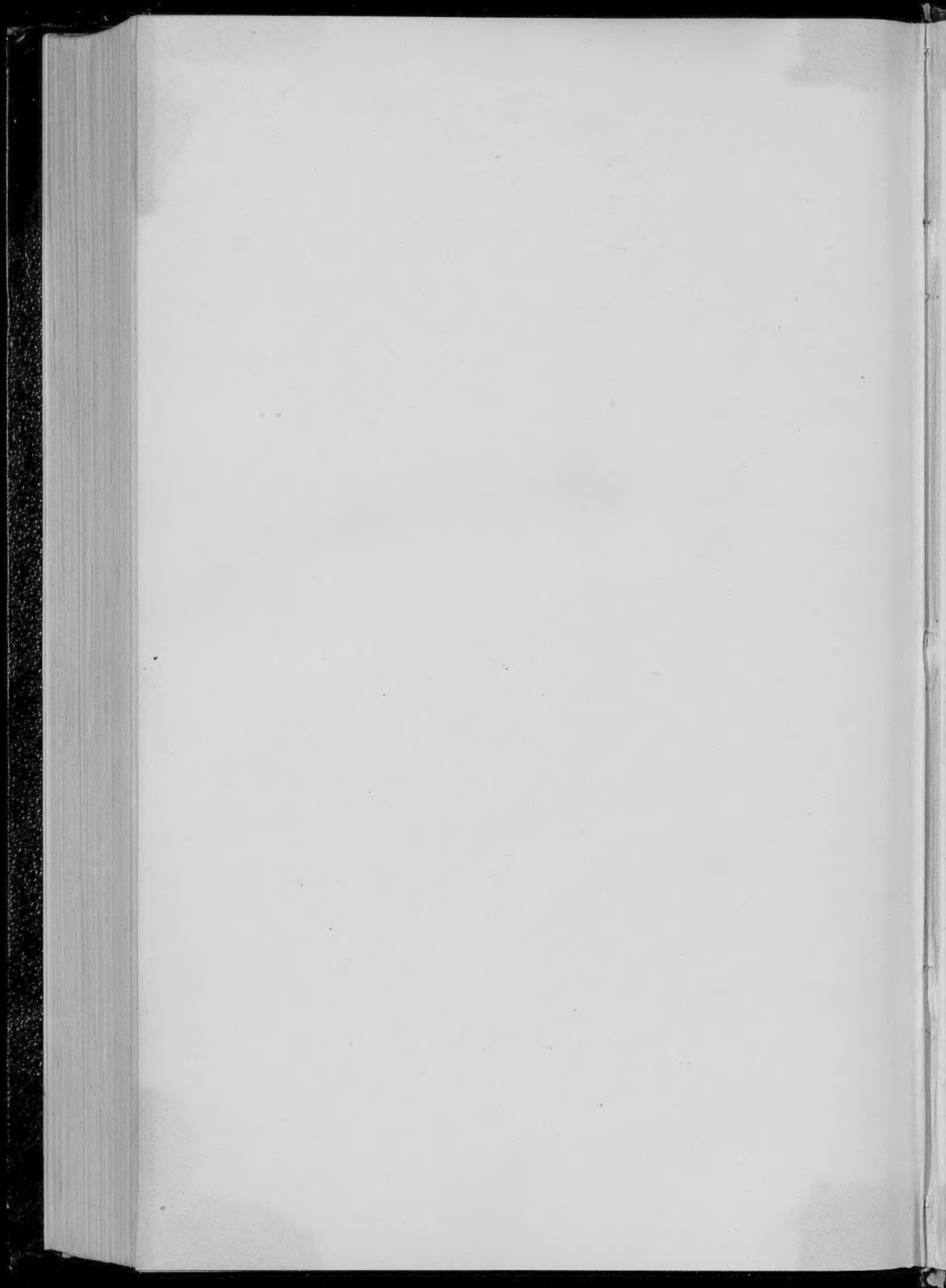
V. Подавленіе революціи.

§ 882. Движеніе въ Палатинатѣ, стр. 656.—§ 883. Революціонное возстаніе въ Баденѣ. а) Взглядъ на предшествовавшія событія, стр. 657.—§ 884. б) Майскіе и іюньскіе дни 1849 г.—Раштаттъ и Оффенбургъ, стр. 659.—§ 885. Карльсруэ, стр. 661.—§ 886. Переломъ, стр. 662.—§ 887. Окончательный исходъ, стр. 664.—§ 888. Возстаніе и паденіе Венгріи. Борьба народностей, стр. 667.—§ 889. Елзачичъ, стр. 669.—§ 890. Виндишъ-Грецъ въ Пестѣ и національная война въ Трансильваніи, стр. 671.—§ 891. Лудвигъ Кошутъ и Артуръ Гёргей, стр. 674.—§ 892. Гайнау и Паскевичъ, стр. 677.—§ 893. Вилагошская катастрофа, стр. 680.

Союзно-германскія дѣла.

§ 894. 1. Трехкоролевскій союзъ, стр. 683.—§ 895. 2. Эрфуртъ, стр. 686.—896. 3. Унія и союзный сеймъ въ противоборствѣ, стр. 688.—§ 897. 3 а. Борьба за конституцію въ Кургессенѣ, стр. 689.—§ 898. 4. Союзная экзекуція въ Гессенѣ, стр. 692.—§ 899. 5. Возстановленіе союзнаго сейма и положеніе дѣлъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ, стр. 695.—§ 900. Взглядъ на Францію, стр. 698.

[30]

